
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

**Позднее средневековье
(середина XV–XVII вв.)**

**ТОМ
VII**

**КАЗАНЬ
2022**

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.443

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Рецензенты

академик РАН, д.и.н. Л.А. Беляев (Институт археологии РАН, Москва)
к.и.н. Л.В. Мыц (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

A87 Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 7. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – 532 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-1115-1

Седьмой том, заключительный, является первым опытом академического исследования периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Он отличается новизной как по структуре статей, так и по заявленной хронологии и охвату описываемой территории. В данной работе впервые представлены материалы по волго-уральскому региону, полученные в результате масштабных исследований памятников XVI–XVII вв. В первую очередь это Казань, Свияжск, Чебоксары, Царевококшайск, Козьмодемьянск и др. В основу структуры текста положены культурные горизонты развития региона в период татарских ханств в Поволжье после распада Улуса Джучи и формирования пространства Российского государства.

The seventh and final volume is the first experience of an academic study of the late Middle Ages and early modern period. It is notable for its novelty both in the structure of the articles and in the stated chronology and coverage of the territory described. This work for the first time presents materials on the Volga-Ural region, received as a result of large-scale studies of sites of the XVI–XVII centuries. First of all, these are Kazan, Sviyazhsk, Cheboksary, Tsaryovokokshaysk, Kozmodemyansk, etc. The structure of the text is based on the cultural horizons of the development of the region during the Tatar khanates period in the Volga river area after the disintegration of the Ulus of Jochi and the formation of the Russian state.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-1115-1

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.7>

*Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено
и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»*

© Институт археологии АН РТ, 2022
© Изд-во АН РТ, 2022

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛ.-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
д.и.н. А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ
чл.-корр. АН РТ, д.и.н. Ф.Ш. ХУЗИН (ответственный редактор)
д.и.н. А.М. ГУБАЙДУЛЛИН,
к.и.н. Р.Р. САТТАРОВ,
к.и.н. Д.К. ТУЛУШ,
к.в.н. Г.Ш. АСЫЛГАРАЕВА

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

Авторы тома VII:

ТОМ I	КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II	ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ III	РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV	ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V	СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI	СРЕДНИЕ ВЕКА (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII	ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

АБДУЛЛИН Х.М.
АХМЕТГАЛИН Ф.А.
БЕЛЯЕВ А.В.
ВАЛИЕВ Р.Р.
ВАСИЛЬЕВ Д.В.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ДАНИЛОВ П.С.
ДРОЗДОВА Г.И.
ДУБМАН Э.Л.
ЕГОРОВ А.В.
ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А.
КРЯЖЕВСКИХ А.Л.
МАЛКОВА Н.М.
МУХАМЕТШИН Д.Г.
НИГАМАЕВ А.З.
НИКИТИНА Т.Б.
ПАТРУШЕВ В.С.
ПИГАРЕВ Е.М.
СИВИЦКИЙ М.В.
СИТДИКОВ А.Г.
СТАРКОВ А.С.
ФЕДУЛОВ М.И.
ХАЗИЕВ А.И.
ХАМЗИН Р.Н.
ХУЗИН Ф.Ш.
ШАКИРОВ З.Г.

ВВЕДЕНИЕ

Завершающий VII том «Археологии Волго-Уралья» хронологически охватывает довольно значительный период, начавшийся после распада Золотой Орды в первой четверти XV в. образованием (в интересующем нас регионе) Касимовского, Казанского и Астраханского ханств. После недолгого существования, в 1552 и 1556 годах, Казанское и Астраханское ханства в результате завоевательных походов Ивана IV оказались в составе Московской Руси. Рассматриваемый в этом томе период охватывает также XVII–XVIII века, характеризующиеся продвижением Московской Руси далее на Восток и утверждением своей военно-административной власти на вновь завоеванных землях путем создания системы городов-крепостей и Засечных черт. В соответствии с историческим содержанием эпохи настоящий том включает в себя разделы, посвященные археологии Казанского ханства и острова-града Свияжска, Астраханского ханства, городов Касимова, Курмышя, а также археологии русских городов-крепостей Чебоксары, Козьмодемьянска и Царевококшайска, возникших на земле древних чувашей и марийцев. Завершает том раздел о Засечных чертах, изучение которых заметно активизировалось в последние десятилетия.

Позднесредневековая археология практически вплоть до перестроечных времен особо не привлекала внимание исследователей. Даже когда раскопки производились на территории древних городов, существующих и поныне (напр., Болгар, Казань, Алабуга), поздние материалы, как правило, не публиковались или даже выбрасывались как недостойные внимания. Несколько другое положение с позднесредневековыми могильниками финно-угорских народов края, которые выявлялись и даже раскапывались в конце XIX – начале XX вв.

Такое положение, в частности, объясняется тем, что интересующий нас период по сравнению с предыдущими неплохо обеспечен письменными источниками. Однако, как выясняется, их явно недостаточно для решения ряда важных проблем истории края, связанных с уровнем развития, эволюции и преемственности материальной и духовной культуры населения, важных для

изучения проблем этногенеза и взаимовлияния культур соседних народов, специфики их хозяйственной жизни. Материалов XVII столетия мало даже в экспозициях краеведческих музеев. Как правильно отмечают В.И. Гордеев и Ю.А. Павленко, авторы монографии «Малый город Поволжья в позднем Средневековье» (Йошкар-Ола, 2004, с. 3), «археологическое изучение (позднесредневековых городов – Ф.Х.) дает возможность наполнить конкретным содержанием сведения письменных источников, позволяет зримо воссоздать историю материальной культуры; огромный интерес представляет также выяснение возможностей археологии в определении социально-экономического облика населенных пунктов указанного типа».

В начале 90-х годов прошлого столетия в связи с начавшимися реставрационно-консервационными работами в Казанском кремле возникла необходимость археологических исследований его территории. Охранно-спасательными раскопками 1994–2005 гг. здесь были открыты ряд архитектурных сооружений XV–XVIII вв. (руины мечети Кул Шарифа, мавзолея казанских ханов, «Большой полаты» и др.), десятки жилых и хозяйственных, производственных построек, некрополей. Открылась возможность более полного изучения материальной культуры русского населения Казани второй половины XVI–XVIII вв., в частности взаимовлияния культур местного населения (татар, поволжских финнов) и русских переселенцев на основе анализа неполивной керамики (Ситдинов, 2006). В настоящем издании представлены преимущественно материалы из III слоя Казани и других городских поселений ханского времени (Арск, Алабуга, Болгар), сведения об эпиграфических памятниках в контексте письменной культуры и антропологическая характеристика населения ханства.

Масштабные исследования Свияжска, основанного в 1551 г. в качестве форпоста при последнем наступлении Ивана Грозного на Казань, стали возможными благодаря осуществлению в 2010–2018 гг. комплексного проекта «Культурное наследие остров-град Свияжск и древний Болгар» и финансовой поддержке Фонда «Возрождение», инициированных первым президентом Респу-

блики Татарстан М.Ш. Шаймиевым. Во влажном культурном слое памятника сохранились деревянные сооружения, остатки материальной культуры (орудия труда, предметы домашнего обихода, остатки кожаной обуви, детские игрушки и пр.) – более 100 тысяч артефактов XVI–XVIII вв., часть которых нашла свое место в экспозициях уникального Музея археологического дерева «Татарская слободка». Материалы раскопок довольно полно опубликованы (наиболее полную литературу см.: Ситдилов, Старков, 2022, с. 437–442). Обобщенный материал по археологии Свияжска представлен во втором разделе настоящего издания.

В последние годы казанскими археологами довольно активно исследовался город Касимов – столица одноименного ханства в современной Рязанской области. К сожалению, раскопки в условиях функционирующего населенного пункта сопряжены с определенными трудностями, связанными в первую очередь с плохой сохранностью древних слоев, разрушенных интенсивной строительной деятельностью населения в более поздние времена. Тем не менее остатки слоя средневекового города с соответствующими находками были выявлены, и эти исследования нашли отражение в главе «Археология Касимова» (третий раздел книги), написанной А.Г. Ситдиловым, Ф.А. Ахметгалиным и их коллегами.

Представляют интерес новые археологические материалы из раскопок Курмышы – последнего убежища хана Улуг-Мухаммада, судя по сведениям русских летописей. Материал из раскопок пока небольшой (см. главу 4 третьего раздела), но он показывает перспективность дальнейшего изуче-

ния этого памятника общими усилиями нижегородских и казанских археологов.

В разделе о позднесредневековых городских поселениях представлены материалы последних лет охранно-спасательных раскопок Чебоксар – города, существовавшего, скорее всего, еще в золотоордынское время, а также Козьмодемьянска, Царевококшайска (совр. Йошкар-Ола) и городов Вятского края, основанных по указам московского правительства в целях усиления русского влияния на колонизованных землях. Заслуживает внимания и поддержка активность исследователей в деле экспонирования новых материалов раскопок на различных музейных площадках.

К сожалению, сведения о погребальных памятниках финно-угорского населения края представлены лишь марийскими (Т.Б. Никитина) и мордовскими могильниками XVI–XVIII вв. (Н.М. Малкова). Полученные материалы ценны для изучения последних этапов этногенеза и этнической истории указанных народов.

Последний раздел тома посвящен Засечным чертам Волго-Уралья XVI – первой половины XVIII вв., которые справедливо рассматриваются авторами (Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдилов, Э.Л. Дубман) как памятники историко-культурного наследия российского пограничья, весьма ценного в целях военно-патриотического воспитания молодежи.

Материалы настоящего тома, как, впрочем, всех предыдущих томов, наглядно показывают современное состояние изученности археологии Волго-Уралья и позволяют определить перспективные направления будущих исследований.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАНИ И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА (1445–1552 ГГ.)

Глава 1

**Средневековая Казань:
история археологического изучения**

Глава 2

**Культурные напластования Казани
ханского времени.**

Историческая топография города

Глава 3

**Жилища и хозяйственные постройки.
Мечеть Кулшарифа в Казанском кремле**

Глава 4

Мавзолей казанских ханов

Глава 5

**Археология исторических поселений
Казанского ханства**

Глава 6

**Хозяйство и материальная культура
населения Казанского ханства**

Глава 7

**Великий Волжский путь
и торговля в Казанском ханстве**

Глава 8

**Эпиграфические памятники
и письменная культура
населения Казанского ханства**

Глава 9

**Население Казанского ханства:
антропологическая характеристика**

ГЛАВА 1

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАЗАНЬ: ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Благодаря многолетним археологическим исследованиям на территории Казанского кремля и в исторической части города, проведенным во второй половине прошлого столетия и начале XXI в., столица Татарстана вошла в список хорошо изученных археологических памятников республики. Однако средневековыми древностями города ученые интересовались и раньше, особенно в связи с проблемами уточнения его возраста.

Первый этап археологического изучения Казани можно начинать, пожалуй, со второй половины XIX в., когда в разных частях ее территории проводились специальные наблюдения за земляными работами и сборы случайных находок, большинство которых хранится в настоящее время в фондах Национального музея Республики Татарстан. Среди этих находок примечательны клады 1861, 1879, 1893 и 1909 гг., состоящие из большого количества джучидских и древнерусских монет XIV – первой половины XVI в.; гипсовые архитектурные орнаменты (герихи) от кирпичного или каменного здания XV–XVI вв. в районе Благовещенского собора; предметы вооружения и конского снаряжения, в том числе наконечники стрел и копий, боевые топоры, каменные ядра, обрывки кольчуги, а также обломки болгаро-татарской керамики. В результате этих сборов в руки исследователей попали материалы, свидетельствующие о возникновении города не позднее XIV в.

Первые известные нам раскопки на территории Кремля производились в 1881 г. П.А. Пономаревым и Н.П. Загоскиным во дворе Юнкерского училища, недалеко от Западной круглой башни. Небольшая траншея, по сообщению Н.П. Загоскина, «прорезав культурный слой с остатками пожара (1552 г.), кусками окалины и обломков штукатурки, пересекла, несомненно, следы основания обгоревшей деревянной (дубовой) крепостной стены, пролежавшей в саженях 15 внутрь от нынешней западной кремлевской стены» (Загоскин, 1895, с. 97). К сожалению, никакой документации от этих раскопок, кроме вышеприведенного слишком общего описания, не сохранилось.

Из других примечательных открытий конца XIX в. заслуживают упоминания найденные на территории Архиерейской загородной дачи (на ме-

сте Кабанского городища) два мусульманских надгробных камня, стоявшие на могиле болгарской принцессы Алтын-Бертек (ум. в 1297 г.) и эмира болгарского Хасан-бека (ум. во II пол. XIV в.) (Юсупов, 1960, табл. 2); четыре каменных надгробия XV–XVI вв. с армянскими надписями, обнаруженные в районе Третьей Горы (ныне ул. Калинина), где, очевидно, располагалась Армянская колония в окрестностях Казани (Калинин, 1952), и, наконец, два древнемарийских погребения с богатым инвентарем X – начала XI в., раскопанные на горе у пос. Борисово недалеко от озера Кабан (Архипов, 1973).

Второй этап археологического изучения древностей Казани охватывает 1925–1954 гг. и связан преимущественно с именем Н.Ф. Калинина, известного советского археолога, крупнейшего знатока средневековой истории нашего города. В 1925 г. он совместно с проф. В.Ф. Смолиным проводил наблюдения на водопроводной траншее, проложенной в Кремле южнее башни Сююмбикэ (рис. 2: 14). Здесь были прослежены и впервые документально зафиксированы культурные напластования, нижний горизонт которых (слой ханской Казани) содержал многочисленную красноглиняную болгаро-татарскую керамику.

В 1928–1929 гг. научными учреждениями Казани была организована экспедиция по изучению болгаро-татарских городов. Наряду с раскопками на Билярском и Джукетауском городищах экспедиция начала археологическое изучение и Казанского кремля. К северу и востоку от Благовещенского собора под руководством проф. И.Н. Бороздина была заложена серия шурфов (рис. 2: 5), один из которых расширили до масштабов раскопа. Эти раскопки, как признавался позднее И.Н. Бороздин, для истории древней Казани «почти ничего не дали». Другого мнения был Н.Ф. Калинин, которого, между прочим, совершенно не удовлетворяла методика исследований («шурфовка и штыки, не увязанные со слоями – много из-за этого потеряно»). Он отмечал, что во всех шурфах прослеживалась довольно четкая стратиграфия культурных отложений с остатками древних сооружений. Нижний слой «немалой толщины», содержащий болгаро-татарскую керамику

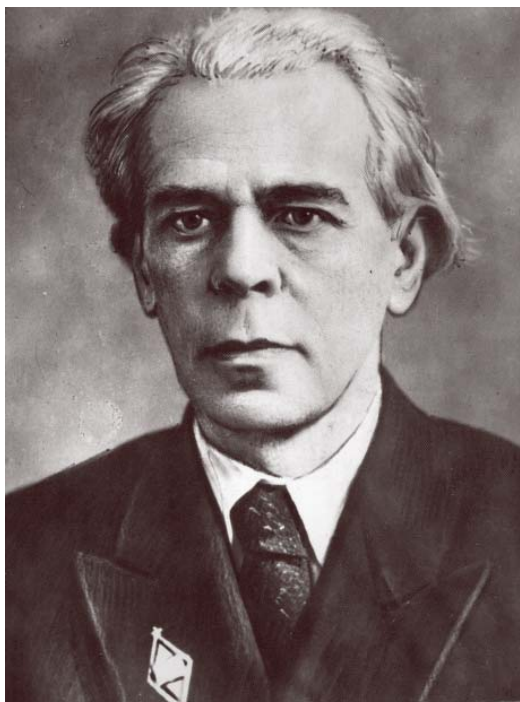

Рис. 1. Николай Филиппович Калинин (1888–1959)

ку, исследователь датировал временем Казанского ханства. Кроме того, в одном из шурфов, заложенном на краю холма за Благовещенским собором, были вскрыты руины белокаменной крепостной стены, время строительства которой было определено предположительно XVII в. Как было установлено позднее, основание ее (т. е. нижняя часть) относится к более раннему времени – концу XII – началу XIII в. (Ситдииков, 2000).

Интересные материалы были получены в шурфах 1929 г. у южной стены башни Сююмбикэ (рис. 2: 7). На глубине 140–150 см от современной поверхности был выявлен слой Казани ханского периода, стратиграфически разделенный на три горизонта. В основании нижнего, древнейшего горизонта наряду с фрагментами немногочисленной болгарской керамики был обнаружен железный топор, широко распространенный в средневековых памятниках XII – первой половины XIII в. (Древняя Казань, 1996, с. 309–310).

Шурфовка северо-западного угла Дворцовой церкви выявила в основном культурные отложения Казани после 1552 г. (рис. 2: 8). Были обнаружены захоронения прицерковного кладбища второй половины XVI – начала XVIII в. Однако здесь же, по словам Н.Ф. Калинина, под русским фундаментом Дворцовой церкви на глубине 110 см удалось зафиксировать второй фундамент из тесаных камней, «резко отличающийся от русского и близкий к болгарским известняковым кладкам» (Калинин, 1955, с. 119). Именно на это открытие Н.Ф. Калинина ссылаются до сих пор все исследователи, говоря о постройке Дворцовой

церкви на месте исторически известной мечети Нурали.

Привлекают внимание материалы, полученные Н.Ф. Калининым в 1935 г. из небольшого раскопа у северной стены Кремля (рис. 2: 10). В культурном слое мощностью 4,5 м было прослежено 11 стратиграфических горизонтов. Относительно двух последних исследователь заметил: «По своему содержанию они резко отличаются от всех верхних слоев. Все вещи, в них найденные, явно характеризуют культуру татарского населения до эпохи московской колонизации. В них нашли отражение гончарное, кузнечное, медеобработывающее, строительное и кожевенное производства». Обнаруженные в древнейшем слое фрагменты глиняной посуды имели яркие аналогии на золотоордынских и болгарских городищах. В числе датирующих находок Н.Ф. Калинин указывал также на железный наконечник стрелы, бытовавший преимущественно в домонгольское время. Однако выделить соответствующие им слои исследователь не рискнул, очевидно, из-за малочисленности и невыразительности находок.

Археологические наблюдения на территории Кремля продолжают и в послевоенные годы. В 1947 г. в юго-восточной части, во дворе Министерства сельского хозяйства, была прорыта траншея для водопровода (рис. 2: 11). Культурные напластования ханской Казани были прослежены здесь на протяжении около 150 м. Н.Ф. Калинин впервые зафиксировал остатки двух мусульманских кладбищ. Одно из них, очевидно более раннее, располагалось в северной части траншеи. Выявленное погребение лежало на спине с легким поворотом на правый бок и было ориентировано головой на юго-запад. Второе кладбище было обнаружено в южной части траншеи недалеко от Спасской башни. Погребение было совершено также по мусульманскому обряду, но могильная яма сверху перекрывалась досками. Н.Ф. Калинин датировал его XV в. Следует отметить еще один интересный и загадочный объект – ров, зафиксированный в профиле траншеи 1947 г. В интерпретации Н.Ф. Калинина, это, может быть, следы оборонительного рва ханской Казани XV – первой половины XVI в. Дальнейшее изучение его путем заложения специальных раскопок провести не удалось, тем не менее до сих пор все исследователи уверенно проводят южную линию крепостных стен ханского периода севернее Спасской башни, опираясь при этом на сугубо предварительное заключение Н.Ф. Калинина.

В 1948–1951 гг. Н.Ф. Калинин проводит разведочное обследование еще двух археологических памятников в пределах города – Зилантовского «городища» и Кабанского городища. По его мне-

Рис. 2. Карта Казанского кремля с обозначением раскопов, шурфов, пунктов наблюдений и случайных находок
 1 – находки архитектурных деталей 60-х годов XIX в.; 2 – клад русских монет 1861 г.; 3 – клад монет 1878 г.; 4 – обломок надгробного камня, найденный в 1935 г.; 5 – шурфы за Благовещенским собором 1928–1929 гг.; 6 – шурфы в саду Совмина 1928 г.; 7 – шурфы у башни Сююмбикэ 1929 г.; 8 – шурф у бывшей Дворцовой церкви 1929 г.; 9 – шурф у церкви Киприана и Устины 1928 г.; 10 – раскоп 1935 г. 1954 г.; 11 – траншея 1947 г.; 12 – траншея 1948 г.; 13 – наблюдения у Спасской башни; 14 – траншея 1925 г.; 15 – траншея 1948 г.; 16 – раскоп № 1 1953 г.; 17 – раскоп № 2 1953 г.; 18 – раскоп № 1 1954 г.; 19 – раскоп 1954 г. Тайницкая башня; 20 – шурф № 1 1970 г.; 21 – шурф № 2 1970 г.; 22 – раскоп № 1 1971 г.; 23 – раскоп № 2 1971 г.; 24 – раскоп № 3 1971 г.; 25 – раскоп № 4 1971 г.; 26 – раскоп № 1 1972 г.; 27 – раскоп № 2 1972 г.; 2 – раскоп № 3 1972 г.; 29 – раскоп № 1 1973 г.; 30 – раскоп № 1 1974 г.; 31 – раскоп № 2 1974 г.; 32 – шурф № 1 1974 г.; 33 – шурф № 2 1974 г.; 34 – шурф № 3 1974 г.; 35 – шурф № 4 1974 г.; 36 – раскоп № 1 1975 г.; 7 – шурф № 1 1975 г.; 38 – шурф № 2 1975 г.; 39 – шурф № 3 1975 г.; 40 – шурф № 4 1975 г.; 41 – раскоп № 1 1976 г.; 42 – раскоп № 2 1976 г.; 43 – шурф № 1 1976 г.; 44 – шурф № 2 1976 г.; 45 – шурф № 3 1976 г.; 46 – шурф № 4 1976 г.; 47 – раскоп № 1 1977 г.; 48 – раскоп № 2 1977 г.; 49 – раскоп № 3 1977 г.; 50 – раскоп № 4 1977 г.; 51 – раскоп № 5 1977 г.; 52 – шурф № 1 1977 г.; 53 – шурф № 2 1977 г.; 54 – раскоп № 1 1978 г.; 55 – раскоп № 2 1978 г.; 56 – раскоп № 3 1978–1979 гг.; 57 – шурф № 1 1978 г.; 58 – шурф № 2 1978 г.; 59 – шурф № 3 1978 г.; 60 – котлован под кафе 1976 г.; 61 – шурф 1, 2 1993 г.; 62 – раскоп № 1 1994–1995 гг.; 63 – раскоп № 2 1994–1997 г.; 64 – раскоп № 3 1995 г.; 65 – раскоп № 4 1995–1996 гг.; 66 – раскоп № 5 1995 г.; 67 – траншея 1996 г.; 68 – раскоп № 6 1996 г.; 69 – раскоп № 7 1996 г.; 70 – раскоп № 8 1995 г.; 71 – раскоп № 9 1997 г.; 72 – раскоп № 10 1997–1998 гг.; 73 – раскоп № 11 1999 г.; 74 – шурф 1995 г. в казармах Юнкерского училища.; 75 – наблюдения котлована столовой.; 76 – раскоп № 12 1997 г.; 77 – раскоп № 13 1997–1998 гг.; 78 – раскоп № 14 1997 г.; 79 – раскоп № 15 1997–1998 гг.; 80 – раскоп № 16 1998 г.; 81 – раскоп № 17А 1998 г.; 82 – раскоп № 17Б 1998 г.; 83 – раскоп № 18 1998 г.; 84 – раскоп № 19 1998 г.; 85 – раскоп № 20 1998 г.; 86 – раскоп № 21 1998 г.; 87 – раскоп № 22 1998 г.; 88 – наблюдения за водопроводной траншеей; 89 – раскоп № 24 1999 г.; 90 – раскоп № 31 1999 г.; 91 – раскоп № 30 1999 г.; 92 – раскоп № 33 2000 г.; 93 – раскоп № 34 2000 г.; 94 – раскоп № 35 2000–2003 гг.; 95 – раскоп № 36 2000–2001 гг.; 96 – раскоп № 40 2001 г.; 97 – раскоп № 41 2001 г.; 98 – раскоп № 42 2001 г.; 99 – раскоп № 43 2001 г.; 100 – раскоп № 43А-В 2001 г.; 101 – раскоп № 45 2001 г.; 102 – раскоп № 46 2001 г.; 103 – раскоп № 47 2001 г.; 104 – раскоп № 48 2001 г.; 105 – раскоп № 49 2001 г.; 106 – раскоп № 50 2001 г.; 107 – раскоп № 51 2001–2002 гг.; 108 – раскоп № 42 2002 г.; 109 – раскоп № 53. 2004 г.; 110 – раскоп № 54 2004 г.; 111 – раскоп № 55 2003 г.; 112 – раскоп № 56. 2003 г.; 113 – раскоп № 57 2003 г.; 114 – раскоп № 58 2003 г.; 115 – раскоп № 59 2003 г.; 116 – раскоп № 63 2004 г.; 117 – раскоп № 63А 2004 г.; 118 – раскоп № 63Б 2004 г.; 119 – раскоп № 63В 2004 г.; 120 – наблюдения у Благовещенского собора, 2004 г.; 121 – раскоп № 63Г 2004 г.; 122 – раскоп № 63Д 2004 г.; 123 – раскоп № 63Е 2004 г.; 124 – раскоп № 64 2004 г.; 125 – раскоп № 64-2, 2004 г.; 126 – наблюдения в манеже, 2004 г.; 127 – наблюдения в Пушечном дворе, 2004 г.; 128 – наблюдения между Манежем и казармой Юнкерского училища, 2004 г.; 129 – раскоп № 65 2004–2005 гг.; 130 – раскоп № 66 2005 г.; 131 – раскоп № 67 2006 г.; 132 – раскоп № 67А 2006 г.; 133 – раскоп № 67Б 2006 г.; 134 – раскоп № 68 2006 г.; 135 – раскоп № 68А 2006 г.; 136 – раскоп № 68Б 2006 г.

нию, основанному на исторических преданиях и некоторых более объективных данных (напр., надгробия XIII–XIV вв. из Архиерейской дачи), эти памятники могут представлять собою места первоначальной Казани, существовавшей там до ее окончательного переноса на Кремлевский холм.

На Зилантовой (Змеиной) горе Н.Ф. Калинин обнаружил всего несколько фрагментов позднеболгарской (?) керамики и обломок белого изразцового кирпича с голубой поливой. Название горы, вслед за исследователями прошлого века, он связывал с татарскими легендами об обитании множества змей и крылатого змея-дракона Зиланта на месте будущей Казани (Калинин, 1952, с. 27, 30).

Археологические разведки подтвердили вероятность существования небольшого городища со слабыми признаками оборонительных укреплений в северной, возвышенной части Архиерейской дачи. Кладбище XIII–XIV вв. с надгробиями на могилах Алтын-Бертек (Алтынбөртек) и Хасан-бека, следы которого так и не удалось обнаружить, могло располагаться на южной, более низкой площадке. Был отмечен слабо насыщенный находками позднеболгарский культурный слой. Н.Ф. Калинин принял это городище за остатки

укрепленного феодального замка XIII–XIV вв., служившего «резиденцией князя, которому принадлежало Кабанское княжество». Особый интерес к этому болгарскому городку, по мнению исследователя, заключается в том, что он «был одним из зародышей будущей Казани» (Калинин, Халиков, 1954, с. 66).

Первые масштабные археологические исследования на территории Кремля проводились Н.Ф. Калининым в 1953–1954 гг. (рис. 2: 16–19). Тремя раскопами, заложенными около Тайницкой башни, он вскрыл тогда довольно большую площадь – 280 кв. м и выявил мощные отложения древней Казани дорусского времени с богатыми находками. В первом раскопе обнаружились чрезвычайно интересные деревянные конструкции относительно хорошей сохранности, которые в интерпретации Н.Ф. Калинина представляли собой «части ограды ханского двора, стоявшего внутри Кремля, и части высокой дозорной башни, стоявшей у северо-западного угла этого двора... Ограда ханского двора рисуется, таким образом, крепостью в крепости, с прочными деревянными стенами и двумя высокими башнями» (Калинин, 1955, с. 130).

В других раскопах были изучены жилые и хо-

зайственные сооружения, ямы, выявлены следы не до конца определенных деревянных конструкций, стратиграфически связанных с нижним слоем культурных отложений. Более древних, чем середина XV в., слоев все же не удалось выделить.

С проблемой археологии древней Казани были тесно связаны широкие исследования Н.Ф. Калинина 1956–1957 гг. на Урматском селище и Камевском городище, расположенных в 45 км к северо-востоку от Казани в Высокогорском районе республики. Указанные памятники, традиционно считавшиеся остатками легендарной «Иски (Старой) Казани», неоднократно обследовались им начиная с 1945 г. Результаты проведенных работ позволили локализовать «Иски Казань» на месте Русско-Урматского селища. Этот город возник, по заключению ученого, не раньше середины XIII в. и просуществовал до XV в., «когда соперницей ему окончательно стала Новая Казань» (Калинин, Халиков, 1954, с. 103).

Плодотворные раскопки Н.Ф. Калинина завершили второй этап археологических исследований древней Казани. Это был преимущественно период наблюдений за земляными работами в Кремле. Целенаправленные, специально поставленные раскопки были редки. Широко применялась не оправдавшая себя на практике методика шурфовки. В результате бесценный культурный слой памятника разрушался, а в руки исследователей поступало мало информации. Несмотря на довольно значительное количество стратиграфических разрезов, не удалось выделить слои, накопленные в болгарское время. А они, как мы теперь знаем, безусловно были. А.Х. Халиков (Древняя Казань, 1996, с. 280–281) и А.Г. Ситдигов (1999, с. 44, 46–47, 49–50, 53, 55) установили, что при раскопках Н.Ф. Калинина были обнаружены даже отдельные находки домонгольского времени, но сам исследователь не смог правильно их датировать или же, скорее всего, не придавал им особого значения, считая пережиточными. Причина, конечно, и в общем уровне развития болгарской археологии того времени, в частности, в недостаточной разработанности хронологии некоторых категорий археологических находок, в первую очередь, наиболее массового материала – керамики. В то же время складывается впечатление, что Н.Ф. Калинин особо и не стремился искать более ранние, чем середина XV столетия, следы обитания болгар на Кремлевском холме, хотя прекрасно знал о неоднократных находках джучидских монет из прежних сборов. Возможно, он оказался в плену собственной гипотезы, которой оставался верен до конца жизни и согласно которой первоначальная Казань отождествлялась с «Иски Казанью». В конце XIV в. она якобы

Рис. 3. Альфред Хасанович Халиков (1929–1994)

была перенесена на Зилантау и только в середине XV столетия приобрела свое постоянное место на современном Кремлевском холме. Ошибочность концепции «кочующей» Казани была доказана позднее.

Третий этап археологических исследований Казани охватывает 1971–1978 гг. Они проводились под общим руководством проф. А.Х. Халикова, внесшего огромный вклад в изучение древностей средневековой Казани. Главной целью возобновившихся исследований было установление местоположения первоначальной Казани и времени ее возникновения.

В начале 1970-х годов преподаватель кафедры истории СССР Казанского университета, большой знаток средневековых русских письменных источников В.Н. Степанов еще раз обратил внимание историков на дату основания города, упомянутую в «Казанской истории» Анонима второй половины XVI в. (Древняя Казань, 1996, с. 269). Эта дата – 1177 год – серьезно заинтересовала А.Х. Халикова, и он решил проверить ее археологически. Ученый обращается сперва к старым коллекциям, собранным еще в прошлом столетии, а также к материалам раскопок В.Ф. Смолина, И.Н. Бороздина и Н.Ф. Калинина. В этих коллекциях, как он выяснил, содержались находки, имеющие явно домонгольский возраст (Древняя Казань, 1996, с. 280–281).

Археологические раскопки начались в 1971 г. с проверки имеющихся гипотез о расположении первоначальной Казани на Зилантовой горе, Кабанском городище и на месте т. н. «Старого горо-

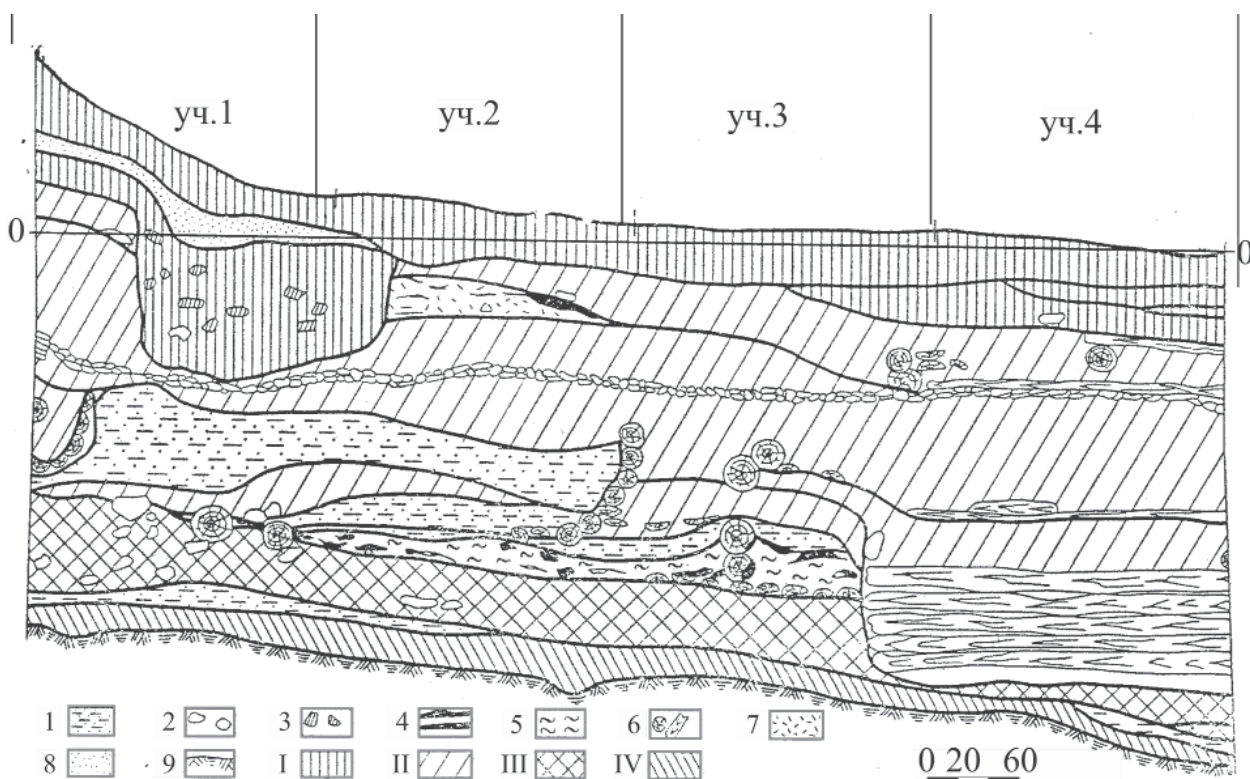

Рис. 4. Казанский кремль. Профиль северо-западной стенки раскопа № 1 1971 г. (по А.Х. Халикову)

Условные обозначения: 1 – серая супесь; 2 – камень; 3 – кирпич; 4 – уголь; 5 – зола; 6 – дерево; 7 – строительный мусор; 8 – речной песок; 9 – серый подзол (материк).

Культурные отложения: слой I – XVIII–XX вв.; слой II – XVI–XVII вв.; слой III – вторая половина XV – первая половина XVI вв.; слой IV – XIV – первая половина XV вв.

дища», упоминавшегося в ряде источников XVI в. на посадской территории. Ни в одном из перечисленных пунктов не было зафиксировано ранних материалов (Шавахин, 1976). Объектом внимания исследователей становится Казанский кремль.

В 1971–1973 гг. с целью обследования и последующей реставрации ныне существующих стен Кремля в его северо-восточной части Л.С. Шавахиным, учеником А.Х. Халикова, было заложено восемь раскопов общей площадью более 300 кв. м (рис. 2: 22–29). Им был выявлен слой мощностью до 4–5 м, в нижних напластованиях которого встречались находки ханского и золотоордынского времени.

Принципиально важными для понимания ранних этапов истории Казани были раскопки 1974 г. в центральной части сквера перед Губернаторским дворцом, где были выявлены остатки культурных напластований города болгаро-татарского периода (рис. 2: 30–35). Они подразделялись на три одновременных слоя. Верхний слой, судя по характерным находкам, отложился в эпоху Казанского ханства; в нем были расчищены несколько хозяйственных сооружений и большое подполье дома ремесленника, занимавшегося обработкой цветных металлов. Нижележащий слой был

датирован золотоордынским временем. Самый нижний, древнейший слой, толщина которого не превышала 10 см, дал небольшой, но очень ценный датирующий материал – глиняную посуду с явными чертами домонгольского гончарства (Шавахин, 1976, с. 37–38). Таким образом, в 1974 г. впервые документально удалось установить наличие в напластованиях Казанского Кремля слоя домонгольского времени (второй половины XII – первой половины XIII в.).

Раскоп I 1975 г., заложенный Л.С. Шавахиным к югу от Благовещенского собора, на территории сквера, опять же вскрыл отложения болгаро-татарской эпохи, в том числе и домонгольского времени (рис. 2: 36–49). Древнейший слой мощностью до 15 см, по наблюдениям исследователя, «представляет собой переработанный почвенный грунт с тонкими прослойками подзолистой супеси и угля, который связан, вероятно, с выжиганием растительности на месте первоначального города» (Шавахин, 1976а, с. 208). Было изучено несколько хозяйственных сооружений. Среди находок, кроме гончарной керамики, был железный наконечник стрелы, характерный для X – начала XIII в.

Крупные археологические исследования в Казанском Кремле проводились А.Х. Халиковым и

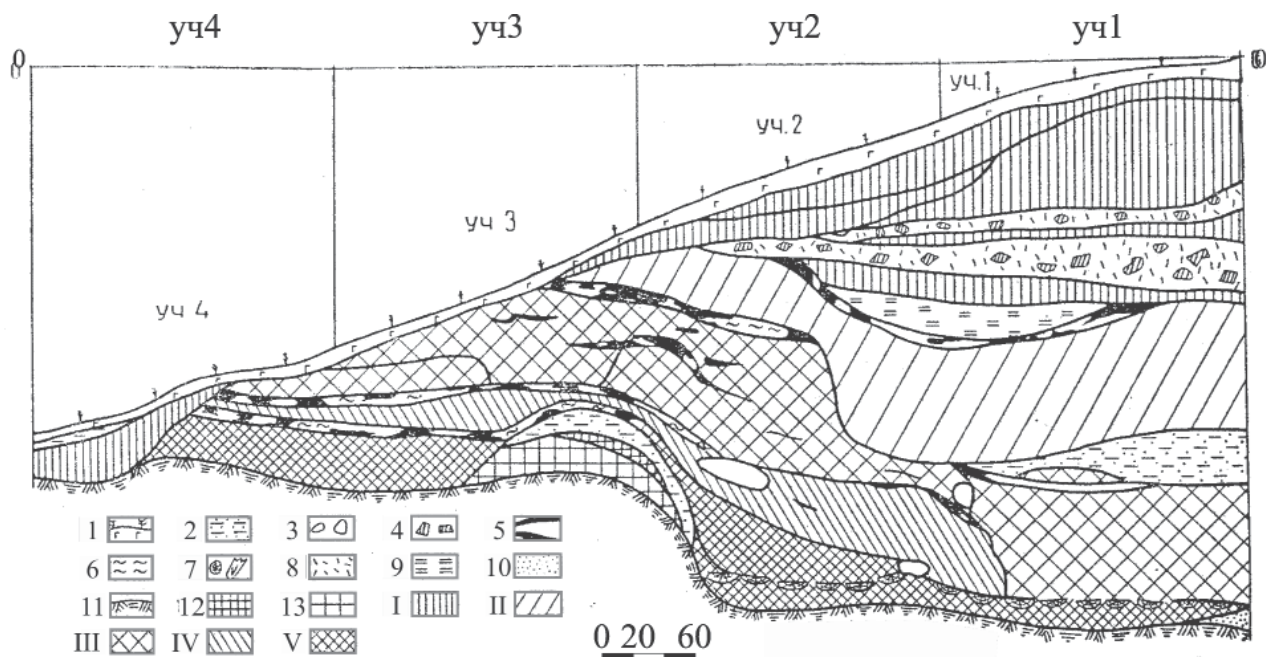

Рис. 5. Казанский кремль. Профиль юго-восточной стенки раскопа № 4 1971 г. (по А.Х. Халикову).

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – желтый суглинок; 3 – камень; 4 – кирпич; 5 – уголь; 6 – зола; 7 – дерево; 8 – строительный мусор; 9 – обожженная глина; 10 – речной песок; 11 – материковый суглинок; 12 – погребенная почва; 13 – серый подзол.

Культурные отложения: слой I – XVIII–XX вв.; слой II – XVI–XVII вв.; слой III – вторая половина XV – первая половина XVI вв.; слой IV – XIV – первая половина XV вв.; слой V (древнейший) – XII – первой половины XIII вв.

его сотрудниками Л.С. Шавохиным, А.Г. Мухамадиевым в 1976–1978 гг. (рис. 2: 41–60). В районе башни Сююмбикэ, несколько южнее, были выявлены следы древнейшей оборонительной стены города, которые сохранились в виде остатков земляной насыпи шириной около 3 м, имеющей еще какие-то дополнительные деревянные конструкции. У Тезицкого оврага, недалеко от Министерства здравоохранения, ранние укрепления представляли собой земляной вал шириной основания около 10–12 м с остатками белокаменной стены толщиной 1,5–1,8 м по верху. Все они были сооружены, по утверждению исследователя, при основании города, что доказывалось стратиграфически и комплексом вещевых находок XII–XIII вв. (Халиков, 1985).

После сезона 1978 г. раскопки в Кремле были прекращены. Небольшие исследования проводились за пределами Кремля: в 1985 г. – на территории бывшего Богородицкого женского монастыря, где было установлено местоположение загадочного «Старого городища» XIII–XVI вв.; в 1988 г. – в районе современного здания Президиума АН Татарстана (по ул. Баумана), где был выявлен интересный комплекс сооружений западного посада средневековой Казани.

Основным достижением археологических исследований 1970-х годов можно считать создание

основ стратиграфии и хронологии культурных отложений Казанского Кремля. Данная стратиграфическая шкала, требующая, по мнению А.Х. Халикова, дальнейших уточнений на основе более массовых материалов, выглядела следующим образом (Халиков, 1985, с. 90, 92; см. рис. 4; 5):

- слой I, современный, датируется XIX–XX вв.;
- слой II («русский») отложен во второй половине XVI–XVIII вв.;
- слой III («ханский») накоплен в период существования Казанского ханства в 1445–1552 гг.;
- слой IV («золотоордынский») отложился в период существования Казани в качестве столицы одноименного княжества во второй половине XIII – первой половине XV в.;
- слой V («домонгольско-болгарский») отражает древнейший период города, время его возникновения и функционирования в качестве военной крепости во второй половине XII – первой половине XIII в.

В 1970-х годах были достигнуты определенные успехи в изучении исторической топографии города, динамики территориального его развития в XII–XVI вв. Ценные наблюдения в этой области можно найти в одном из разделов «Истории Казани», написанном А.Х. Халиковым (История Казани, 1988, с. 21 и сл.).

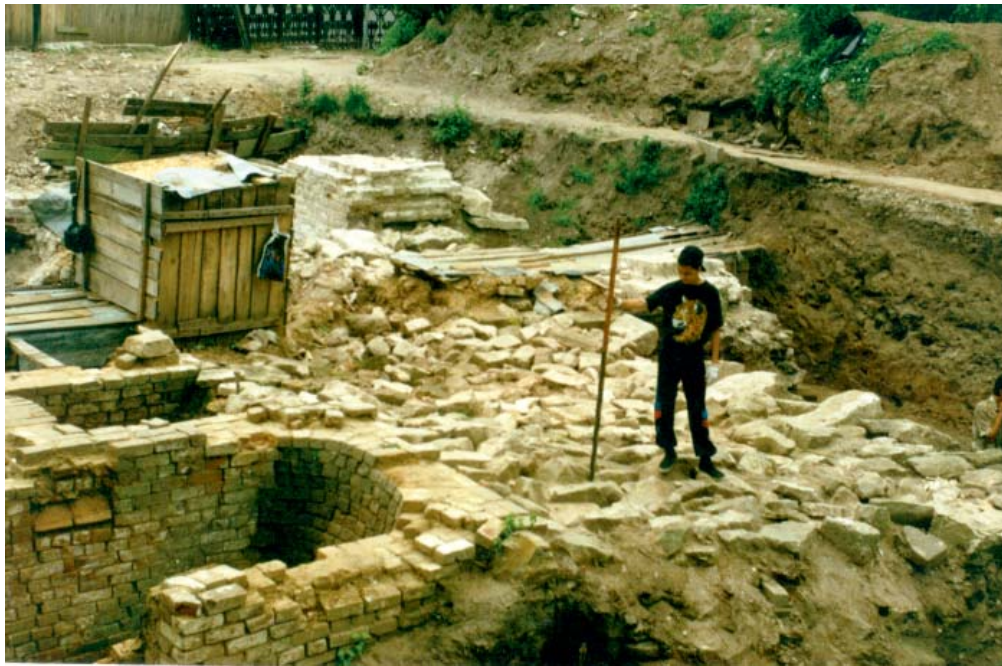

Рис. 6. Казанский кремль. Начало исследований на раскопе II 1995 г.

Четвертый этап в истории археологического изучения г. Казани начинается в 1994 г., когда в целях сохранения, реставрации, изучения и использования бесценных памятников Кремля был создан Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», выступивший инициатором организации крупномасштабных и планомерных раскопок на его территории. Эти раскопки, финансируемые Музеем-заповедником, а в 1998–2000 гг. и Казанским Советом народных депутатов, проводила объединенная археологическая экспедиция Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казанского государственного университета и Музея-заповедника «Казанский Кремль» под руководством Ф.Ш. Хузина.

Новые археологические материалы были получены в период с 1994 по 2005 г. и в ходе раскопок в исторической части территории Казани. В целом же за это время было заложено около 150 раскопов на общей площади более 40 тыс. кв. м и проведено более десятка наблюдений за земляными работами. Большая часть работ была проведена на территории Казанского кремля (около 70 раскопов общей площадью более 30 тыс. кв. м) (см. рис. 1: 62 и сл.).

В результате было выявлено около 80 археологических памятников на территории города, установлены зоны охраны археологического культурного слоя, организована система охранно-спасательных археологических исследований на строительных объектах.

На территории Пушечного двора, где были заложены раскопы I и XVI общей площадью

510 кв. м (рис. 1: 62, 80), довольно четко определилась полная стратиграфическая картина Кремля, показывающая непрерывность накопления слоев начиная с домонгольского времени вплоть до современности. Было изучено значительное количество сооружений XII–XVII вв., в том числе хозяйственные ямы и остатки уличной мостовой домонгольского и более позднего времени, жилища эпохи Казанского ханства и другие объекты. Одним из уникальных, но, к сожалению, плохо сохранившихся объектов оказалось кирпично-каменное сооружение ханского времени – первой половины XVI в. (Хузин, Шарифуллин, Хлебникова, Набиуллин, Ситдииков, 1995).

Территория Кремля южнее Благовещенского собора изучалась в 1994–1997 гг. раскопами II, III общей площадью 797 кв. м (рис. 2: 63, 64), (Хузин, Шарифуллин, Хлебникова, Набиуллин, Ситдииков, 1995; Хузин, Ситдииков, Шарифуллин, Набиуллин, 1997). Эти исследования дополнительно подтвердили правильность выделения домонгольского слоя и дали значительный материал для изучения истории Кремля и раннего города XI–XVI вв. На раскопе II были выявлены остатки древнейших укреплений города в виде земляного вала с дополнительными деревянными сооружениями. На участке раскопа, примыкающем к северному склону Тезицкого рва, расчищены остатки крупного каменного здания ханского времени (Хузин, Ситдииков, 2011). Под его фундаментом обнаружены два клада древнерусских монет второй половины XV – первой половины XVI вв. (Мухаметшин, 2010).

В целях изучения ранних укреплений Кремля в этом же районе, западнее раскопов II–III, в 1998 г. был заложен раскоп XX (рис. 2: 85), выявивший остатки белокаменных конструкций, предположительно связанных с проездными воротами домонгольского и золотоордынского времени (Ситдииков, 1999в; 2000а). Следы каменной стены, примыкавшей к этим воротам, были зафиксированы А.Х. Халиковым еще в 1978 г. (Халиков, 1979).

Исследования по изучению фортификации Кремля проводились в 1995 г. (раскоп V, рис. 2: 66), 1997–2000 гг. (раскопы X, XV, XVIII, XIX, XXXIII, рис. 2: 72, 79, 83, 84, 92), когда по восточному склону холма на площади около 1000 кв. м были вскрыты остатки белокаменной стены, функционировавшей с XII по XVI в. (Мухамадиев, 1995б; Ситдииков, 2000а; АОТ, 2001, с. 12–18).

Интереснейший материал по изучению топографии древнего Кремля был накоплен при исследованиях участка, расположенного к востоку от Благовещенского собора. В раскопе IX (рис. 2: 71), в частности, были зафиксированы следы улицы, возникшей в конце домонгольского времени и упомянутой в Писцовой книге 1565–1568 гг. (Материалы по истории Татарской, 1932). Уникальной находкой из древнейшего слоя раскопа является чешская монета X в. (Хаскова, 1999б; 1999в; 1999г; 2001; Haskova J., 1999; Palkoskova-Bohmova O., 1999; Paukert J., 1999; Slama J., 1999; Trestik D., 1999). Раскопом XI, заложенным у апсид Благовещенского собора (рис. 2: 73), четко выявлен строительный горизонт православного храма, который покоился на слое пожарища 1552 г. (Ситдииков, Хабибуллин, 2002).

За пределами древнейших стен первоначальной Казани в восточной части Кремлевского холма, у подошвы склона, располагались раскопы IV и XIII (рис. 2: 65, 77). Первый из них, примыкавший к Воскресенской башне, не дал материалов ранее золотоордынского времени, но так называемый «ханский слой» был насыщен объектами хозяйственного назначения (Хузин, Ситдииков, Шарифуллин, Набиуллин, 1997, с. 88). Чрезвычайно интересным оказался раскоп XIII, в домонгольском слое которого обнаружен обломок арабского дирхема X в.; здесь же изучены остатки жилища, стратиграфически датированного XI–XII вв. (Хузин, 1997/98; Гамаледдин, Совелам, 1999а; 1999б; 1999в; Мухаметшин, 1999а; 1999б; 1999в; 1999г). Кроме того, на этом раскопе хорошо сохранились деревянные сооружения ханского времени (в том числе мастерская кожевенника), расположенные по обе стороны улицы с деревянной мостовой (Хузин, Ситдииков, Шарифуллин, Набиуллин, 1997; АОТ, 2001, с. 20–23).

При проведении раскопов VI, VII, XVII на месте строительства новой мечети Кул Шариф (рис. 2: 68, 69, 81, 82), а также в раскопе VIII в районе бывшего Спасо-Преображенского собора (рис. 2: 70) не удалось выявить слоев ранее середины XV в., хотя встречались и более ранние находки. Этими наблюдениями, важными для исторической реконструкции Кремля, были установлены примерные границы распространения культурного слоя домонгольского времени.

Исследования с целью изучения ныне существующих каменных стен Кремля проводились с начала 1920-х годов (АОТ, 2002). Общая площадь раскопов, заложенных вдоль его стен, составила только в 2001–2005 г. около 1400 кв. м. На некоторых участках удалось установить этапы возведения стен. Так, строительный горизонт, связанный с возведением северного прясла Кремля (между Тайницкими и Воскресенскими воротами), стратиграфически относится к нижним прослойкам слоя, сформировавшегося во второй половине XVI в. По результатам наблюдений в шурфах 1996 г. у стен западного прясла под фундаментом бывших казарм Юнкерского училища было высказано предположение, что они возведены в первой половине XVI в. Однако наблюдения 2001 г. за ходом прокладки ливневой канализации с пробивкой стены показали, что кладка стен здесь на всю глубину переложена в период строительства казарм. К сожалению, на большинстве участков культурные напластования, прилегающие к каменной стене, почти до основания разрушены поздними перекопами.

В раскопе XXXIV с западной стороны Благовещенского собора прослеживалась определенная планировка (АОТ, 2001, с. 8–11; рис. 2: 93). Постройки расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы со следами деревянного мощения, связанного, предположительно, с остатками небольшого переулка.

Значительные работы по изучению проводились на территории Ханского двора. В 1997–2005 гг. на территории резиденции Президента РТ серией раскопов общей площадью более 3000 кв. м были обнаружены фундаменты двух крупных каменных зданий. Один из них, расположенный у башни Сююмбикэ, оказался остатками плохо сохранившегося кирпично-каменного здания. Другой объект, также ханского времени, представлял собой остатки подвальной части белокаменного здания (18×24 м), окончательно разрушенного на рубеже XVII–XVIII вв. Опираясь на описание Казанской крепости по Писцовой книге 1565–1568 гг., его можно увязать с Большой палатой на Царевом дворе (Набиуллин, 2002, с. 24). По мнению А.Г. Ситдиикова, Большая палата функ-

ционировала, скорее всего, в качестве Ханского дворца (Ситдииков, 2006, с. 116–118).

Исключительный интерес для изучения средневековой фортификации представляют материалы, полученные А.М. Губайдуллиным, П.Н. Старостиным, Н.Г. Набиуллиным и Ф.Ш. Хузиным при раскопках в 2000–2003 гг. Северной, Северо-Восточной, Пятигранной, Тайницкой башен Кремля (АОТ, 2001; 2002). Появились серьезные основания говорить о ханском времени строительства Северной башни Кремля (АОТ, 2001, с. 24–26; Валиев, 2004).

По краю холма, севернее современных стен, вскрыты остатки каменных укреплений XII в. Они являются продолжением каменных стен, обнаруженных на восточном склоне Кремлевского холма. Привлекает внимание материал, полученный П.Н. Старостиным у Северо-Восточной башни, где были выявлены остатки металлургического горна эпохи Казанского ханства (АОТ, 2001, с. 27–29).

Существенный материал по археологии средневековой Казани был получен в ходе исследований за пределами Кремля, где в 1998–2006 г. было изучено раскопами около 3000 кв. м и наблюдениями более 15000 кв. м. Проводились раскопки на Зилантовой горе, Кабанском городище, Старом городище (на территории совр. Богородицкого монастыря). В результате ни на одном из вышеперечисленных памятников не были обнаружены напластования домонгольского слоя. Наиболее ранние материалы датировались на Кабанском городище второй половиной XIII в., а на Зилантовой горе удалось обнаружить слои лишь второй половины XVI в. Находки домонгольского времени неожиданно были найдены А.А. Чижевским на вновь выявленном памятнике – Аэродромном селище на правом берегу р. Казанки (Ситдииков, 2006, с. 107).

На ул. Батурина, примерно в 200 м к востоку от Дмитриевской башни Кремля, открыты следы ремесленного посада, в домонгольском слое которого зафиксированы признаки металлургического производства в виде скопления железных шлаков. Домонгольский материал из слоя фиксировался и в раскопках с западной стороны Кремля, хотя не на всех участках.

Обширные исследования проводились в историческом центре г. Казани в виде наблюдений за строительными работами. Так, при реконструкции геологического факультета Казанского государственного университета обнаружены объекты и напластования ханской Казани. Изученная территория была частью посада средневековой Ка-

зани XV–XVI вв. В этом районе располагалось мусульманское кладбище, следы которого были выявлены еще в ходе наблюдений 1962–1963 и 1983 гг. (Халиков, 1989а; 1983; История Казани, 1988, с. 31–33).

На ул. Баумана, М. Джалиля, Островского на площади более 5,5 тыс. кв. м при глубине срезки грунта до 7 м от современной поверхности выявлены остатки жилых и хозяйственных построек XVI–XVIII вв., остатки христианского некрополя XVII–XVIII вв. В ходе наблюдений по левобережью р. Булак в котловане строящегося культурно-развлекательного центра «Пирамида» в 1998 г. удалось выделить объекты и слои первой половины XVI в., связанные с застройкой Кураишевой слободы. Подобный материал был получен и в ходе исследований южнее этого района, на пересечении ул. Тукая и Межлаука, в районе Центрального рынка.

В 2001 г. серией шурфов на территории мечети Ш. Марджани в Старо-Татарской слободе были выявлены культурные напластования и ряд объектов, связанных с освоением этой территории сразу после событий середины XVI в. (Ситдииков, Хузин, 2001; Бурханов, 2001а).

В 2001–2002 гг. во дворе главного корпуса Казанского университета в ходе исследований было установлено, что самое раннее освоение исследуемой территории относится к эпохе позднего палеолита-раннего мезолита. Обнаружены кости мамонта, кремневые отщепы и орудия, а также остатки очага с углем (Хузин, Ситдииков, 2005, с. 9).

Широкими площадями в 2003–2005 гг. исследовались участки под строительство Казанского метро. Раскопы были заложены в районе строительства станций: Тукаевская, Кремлевская, а также на местах сооружения технических сооружений между станциями. Общая площадь исследований составила более 3000 кв. м. В районе Гостиного двора изучены отдельные погребения мусульманского некрополя периода Казанского ханства. Еще в XIX в. здесь было обнаружено мусульманское надгробие 1535 г.

Таким образом, за весь период археологического изучения средневековой Казани, начиная с раскопок Н.Ф. Калинина в 1920-е годы, на территории Казани было заложено более 200 раскопов общей площадью около 45 тыс. кв. м и проведено более 200 наблюдений за строительными работами. В результате создана значительная база исторических источников для разностороннего и более глубокого изучения прошлого Казани.

ГЛАВА 2

КУЛЬТУРНЫЕ НАПЛАСТОВАНИЯ КАЗАНИ ХАНСКОГО
ВРЕМЕНИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА

Казанское ханство образовалось в 1545 г. и существовало до 1552 г. – чуть более одного века. Оно занимало довольно обширную территорию, в основном земли бывших Волжской Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды: от р. Ик и Белой на востоке и почти до Суры на западе, от Верхнего Прикамья на севере и устья Большого Черемшана на юге. На юго-востоке ханство граничило с землями Ногайской Орды, на юге приближалось к границам Астраханского и Крымского ханств, на западе – к Московскому государству (рис. 1).

Территория ханства была заселена неравномерно. Почти пустовало Закамье, где некогда находились коренные земли Волжской Болгарии. Сюда в летний сезон часто приходили ногайцы-кочевники со своими стадами. Редкие селения встречались в лесистых местах, защищенных от ногайских набегов. Зато густо были заселены районы Предкамья и Заказанья, бассейн Свияги, где известны сотни болгаро-татарских селений XV–XVI вв. (в списке поселений ханского времени, составленном на основе письменных источников известным историком Е.И. Чернышевым, насчитывается более 700 пунктов, см.: Чернышев, 1971, с. 272–292) Большинство крупных населенных пунктов городского типа располагались по берегам рек – Лаеш, Алабуга, Тетюш (Тэтеш), Сембер (совр. Ульяновск), Сарытау (совр. Саратов). Многие города и села занимали те же места, на которых стояли более ранние болгарские поселения. Среди других городских поселений выделялась Казань, которую в начале XV в. называли Новым Болгаром (Болгар ал-Джадид). Выдающийся татарский историк и ученый-богослов XIX столетия Ш. Марджани писал: «Из-за многочисленных смут и бед, обрушившихся на Булгар, его прежнее благополучие пошло на убыль, постепенно все это перешло на Казань, которая и стала наследницей бывшего величия болгар» (Марджани, 1989, б. 50–51).

Этнический состав населения отличался пестротой. Основным населением государства были потомки болгар; их теперь стали называть «казанцами». В северо-западных районах проживало немало черемисов (марийцев), чуваш и вотяков (удмуртов). Кроме того, было заметно

количество кыпчакско-татарских выходцев из южных областей бывшего Улуса Джучи – Астраханского и Крымского ханств, Ногайской Орды. Все они смешивались между собой в процессе совместной жизни и приняли участие в окончательном сложении новой народности – поволжских татар.

* * *

Археология Казанского ханства до сих пор остается плохо изученной. В немалой степени это объясняется запретом на изучение Золотой Орды и Казанского ханства, наложенным известным постановлением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. Эпизодические раскопки производились лишь на территории Казанского кремля (Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков), Камаевского городища и Русско-Урматского селища (Р.Г. Фахрутдинов, Н.А. Кокорина), материалы которых остались практически неопубликованными. Пока недостаточно полно опубликованы и материалы масштабных исследований Казанского кремля в 1994–2005 гг., хотя в этом направлении сделано немало (см.: Набиуллин, 2002–2003, с. 32–46; Хузин, Ситдииков, 2005; Ситдииков, 2006; 2013; и др.).

Средневековая Казань представляет собой многослойный археологический памятник, ранние культурные отложения которого начали формироваться в булгарскую эпоху. Средняя мощность культурного слоя на его территории составляет 2–3 м, но местами, особенно у склонов холма, достигает 6–8 и более метров (рис. 2). Культурные напластования на непотревоженных участках покоятся на погребенной почве, переходящей в серый подзол и желто-красный материковый суглинок.

Основой стратиграфической шкалы любого археологического памятника, в том числе и Казанского кремля, является определение времени накопления выделенных слоев. Кремль представляет собой открытый археологический комплекс непрерывного накопления с сильно разрушенными в результате строительных работ культурными напластованиями. При определении хронологических рамок вещевого комплекса из Казанского кремля применялась в основном традиционная

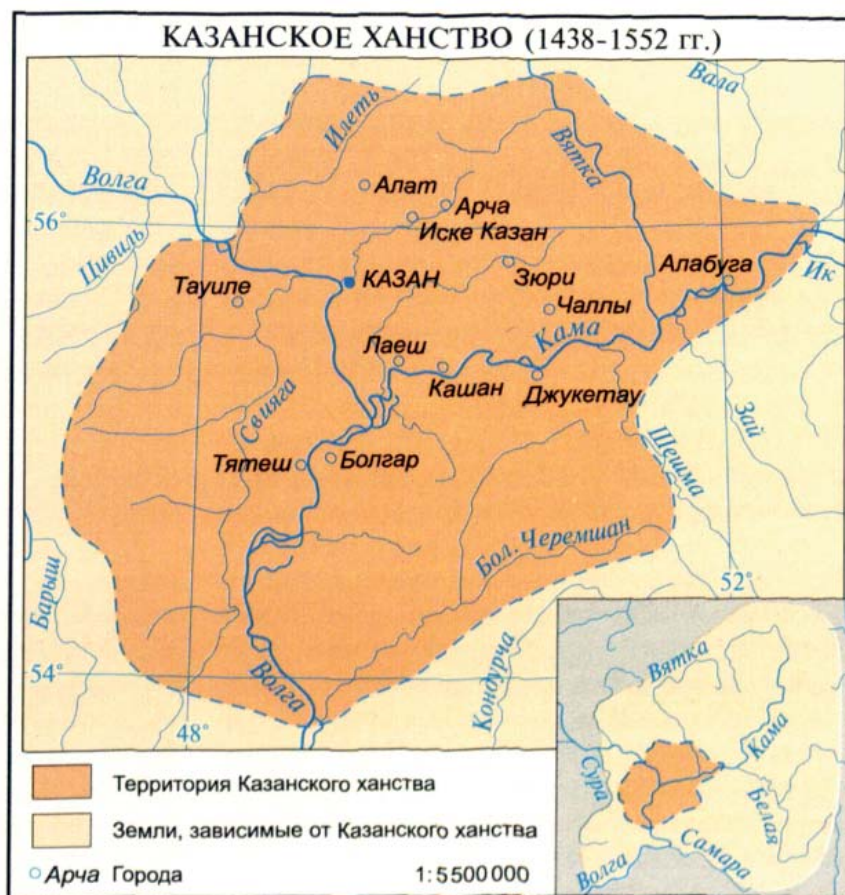

Рис. 1. Территория Казанского ханства

методика привлечения аналогий. При сопоставительном анализе и датировке кремлевских находок использовались хорошо разработанные и взаимодополняющие друг друга хронологические шкалы болгарских и новгородских древностей, а для более поздних периодов (XVI–XVIII вв.) применялась датировка вещевого материала, разработанная на основе московских находок. Подобный подход вполне оправдан, учитывая то, что Волжская Болгария и Киевская Русь, Казанское ханство и Московское государство, имея активные торговые связи между собой, создавали условия для достаточно быстрого распространения предметов производства своих ремесленников на всех указанных территориях.

При определении хронологии предметов вооружения, снаряжения всадника и верхового коня были использованы обобщающие работы по древнерусскому оружию (Кирпичников, 1966; Медведев, 1966), в которых нашли отражение почти все типы и виды оружия, употребляемые в регионе Волго-Камья в болгаро-татарский период. Аналогии, подтверждающие эту близость, можно увидеть в домонгольских материалах Болгара (Город Болгар, 1996), Биляра (Хузин, 1985; 1985а), памятников Волжской Болгарии, Золотой Орды (Бело-

рыбкин, 2001; Измайлов, 1999; Руденко, 2002; Федоров-Давыдов, 1973), а также в финно-угорских древностях (Архипов, 1973; Иванова, 1999).

Датирующее значение имеют также достаточно хорошо представленные в Казанском кремле украшения из стекла и полудрагоценных камней. При этом для них характерно пережиточное использование в более позднее время, что требует определенной корректировки их даты с учетом хронологии бытования сопровождающего вещевого материала. Это, впрочем, относится и к некоторым другим находкам.

С периодом отложения напластований Казанского ханства связан III слой, расположенный на IV слое золотоордынского времени и разграниченный от вышележащего II слоя русского времени углистой прослойкой пожара 1552 г. Средняя мощность слоя составляет 70–80 см, уменьшаясь в южной, менее освоенной части территории Кремля до 20–30 см.

С ханским временем увязывается большое количество строительных горизонтов различных объектов, фиксируемых на всей площади современного Кремля. Подобная активность в его застройке приводила к разрушению более ранних напластований и включению в горизонты слоя

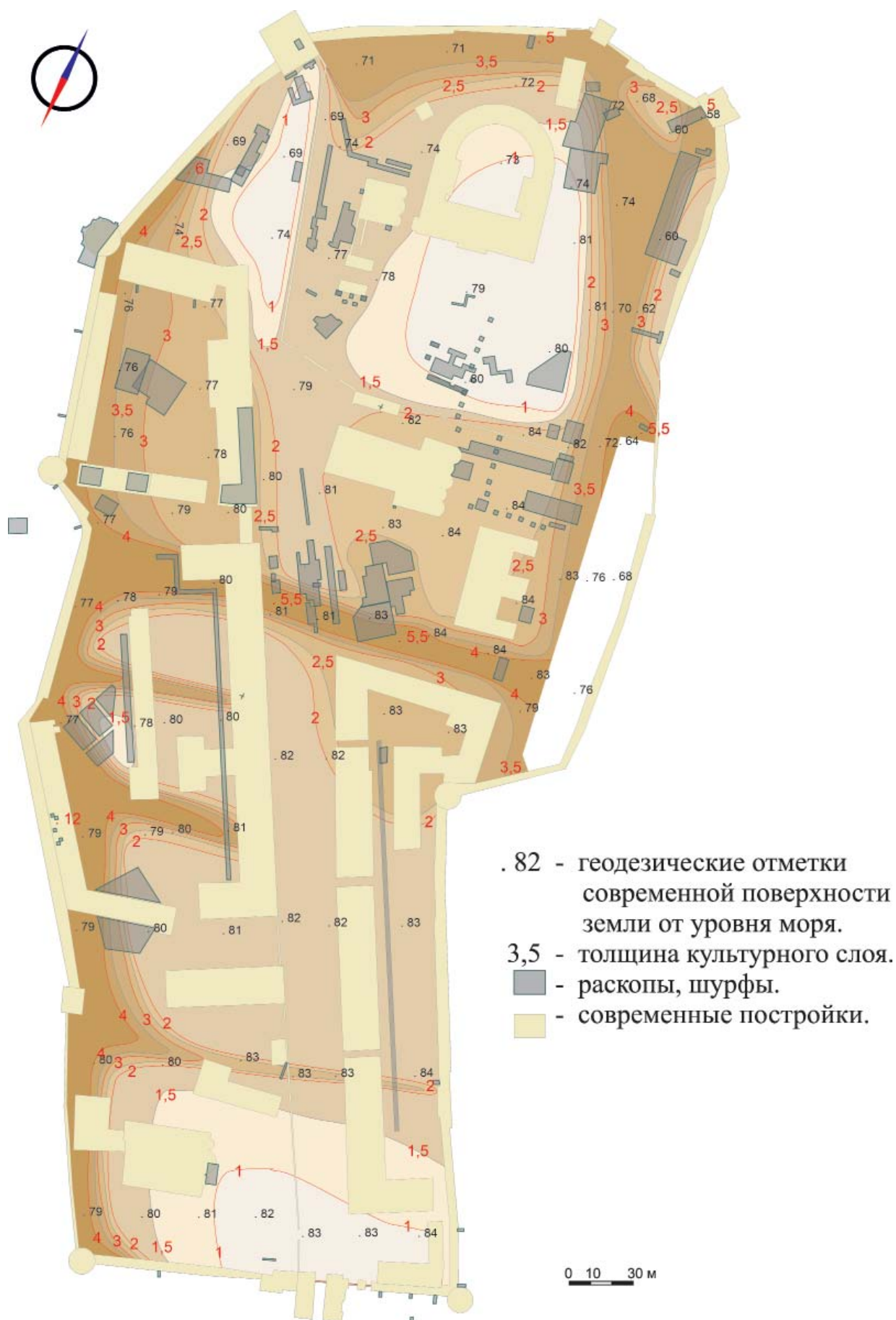

Рис. 2. Карта мощности культурного слоя Казанского кремля

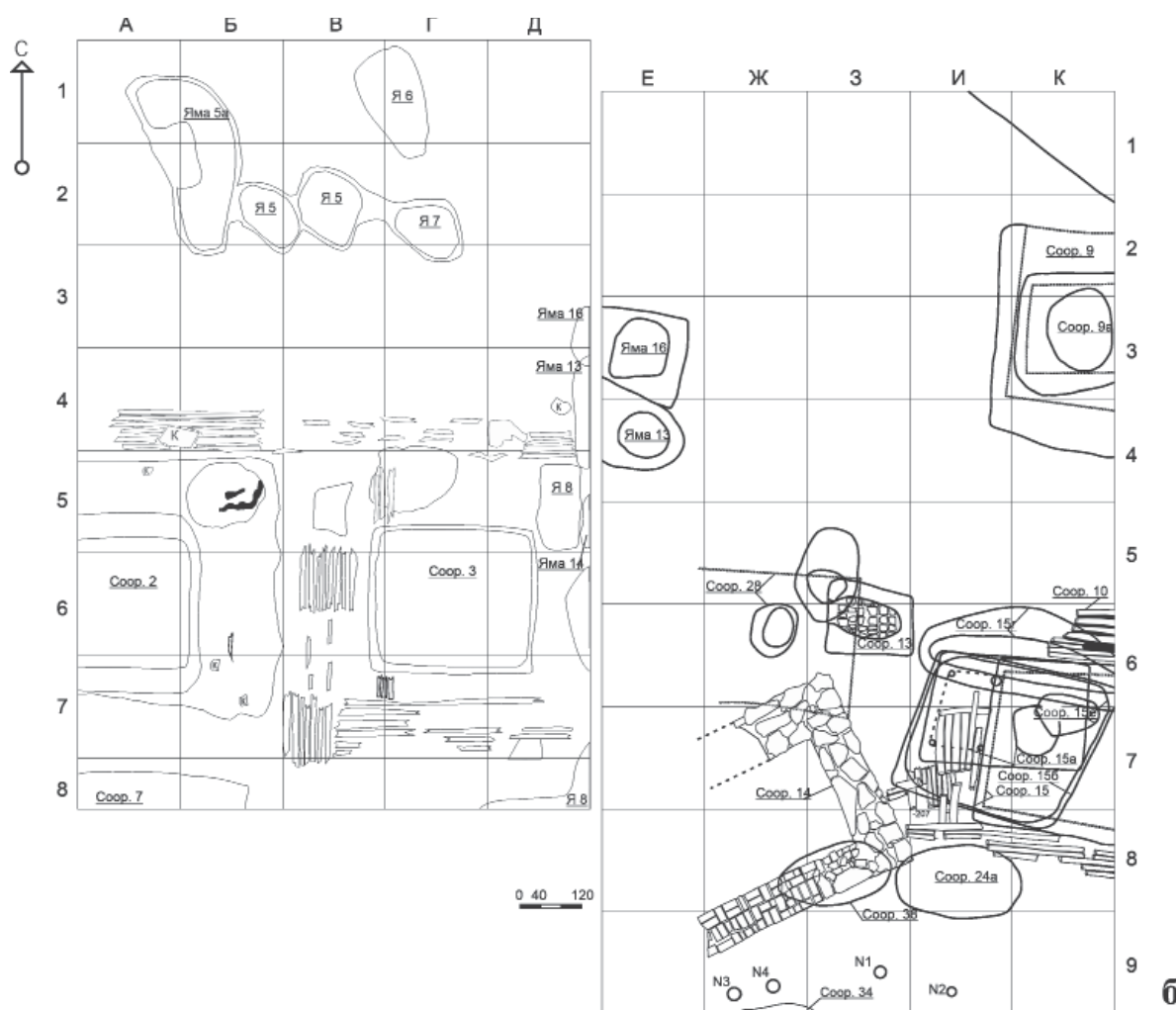
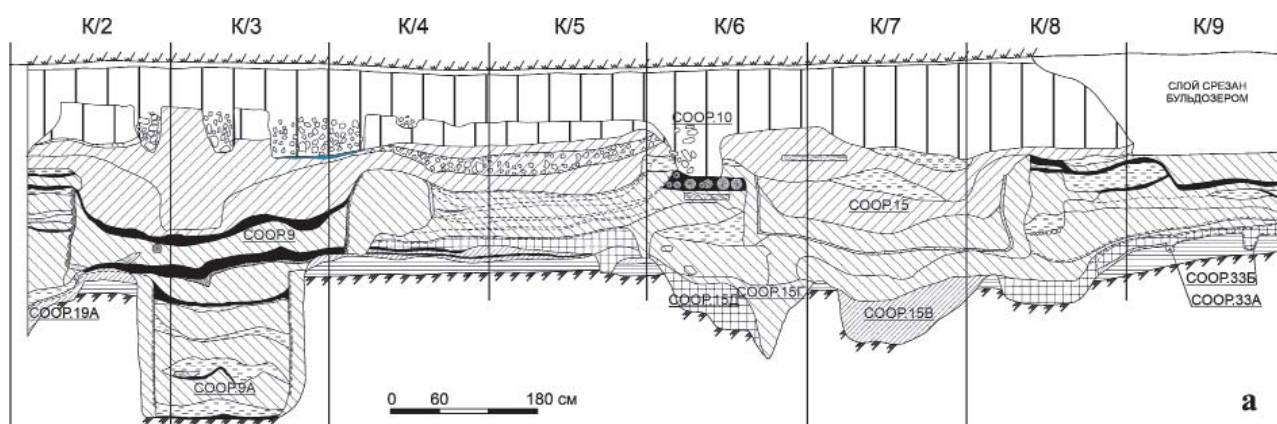

Рис. 3. Казанский кремль.

а – профиль восточной стенки раскопа 1 1994–1995 г.; б – раскоп I 1995 г. Общий план объектов III слоя.

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – желтый суглинок; 3 – камень; 4 – кирпич; 5 – уголь; 6 – зола; 7 – дерево; 8 – обожженная глина; 9 – песок речной; 10 – желтый материковый суглинок; 11 – серый подзол.

I – слой XVIII–XX вв.; II – слой второй половины XVI–XVII вв.; III – слой ханской Казани второй половины XV – первой половины XVI вв.; IV – слой княжеской Казани второй половины XIII – первой половины XV вв.; V – слой древнейшей Казани начала XI – первой половины XIII вв.

значительного объема материкового грунта и находок нижележащих напластований.

Исследования в центральной части Кремля были осуществлены раскопом I 1994–1995 гг. Первые объекты в слое, накопленном в период ханства, начали выявляться на глубине 180–190 см от современной поверхности при общей мощности культурного слоя более 300 см. Вне объектов толщина самого III слоя достигала 80–100 см. Напластования слоя состояли из плотной буро-коричневой пестроцветной супеси с включениями угля, древесного тлена, известняковых камней, обломков кирпичей. Линзы желтого суглинки, имеющиеся в слое, – это выбросы из ямных сооружений и котлованов жилищ, а несколько углистых прослоек в разных горизонтах связаны с пожарами.

Один из интереснейших объектов на раскопе I – следы настила мостовой улицы шириной около 4–5 м – дошли до нас в виде древесной трухи, выявленной на участках А-К/3-5 на глубине -200 см от 0 (рис. 3). Зафиксировано четыре прослойки спрессованного древесного тлена, относящиеся к разным строительным горизонтам III слоя. Пространство между прослойками обильно насыщено костями животных. Каждый из горизонтов состоит из темно-серого плотного супесчаного грунта с чередующимися тонкими прослойками древесного тлена, светло-серой массы мелкого речного песка. Следует заметить, что на некоторых участках такой характер грунта прослежен и в основании II слоя. Особенностью этих участков является полное отсутствие на них построек, хронологически связанных с периодом Казанского ханства, за исключением нескольких ямных сооружений раннего горизонта. Аналогичные наблюдения были сделаны Ф.Ш. Хузиным и Р.Ф. Шарифуллиным в профиле стенки котлована фундамента столовой в 1995 г. Здесь выявлены плохо сохранившиеся следы мощеной деревянным настилом улицы, упомянутой в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» под названием «Переулок против Благовещения», т. е. Благовещенского собора. В ходе раскопок 1995 г. были обнаружены остатки нескольких уличных мостовых периода Казанского ханства в раскопах IX, XIII, XX, XXXIV. В Средневековье улицы с деревянной мостовой были нередким явлением. Они, например, обнаружены при раскопках Болгарского городища (Хлебникова, 1987, с. 70), Чебоксар (Лебедев, 1895, с. 63), Алабуги (Древняя Алабуга, 2001, с. 94–95).

Интересные результаты о характере культурных напластований в южной части Кремля были получены при исследовании в районе строительства мечети Кул Шариф (раскопы VI, VII, XVII, XVII А – общая площадь 1246 кв. м). В раскопе

VI 1996 г. ранних слоев не зафиксировано. Начало формирования культурных напластований связано здесь с периодом Золотой Орды (рис. 4). Мощность слоя ханского времени достигала 85 см в северной части и 15 см в южной.

В ходе раскопок выявились особенности рельефа территории Кремля ханского времени. Так, удалось выявить древнюю ложбину, вытянутую по линии В–3 поперек Кремлевского холма с устьем на запад. Максимальное углубление ее в центре составило 4 м от современной поверхности. Она была практически уже засыпана и, как это установлено стратиграфическими наблюдениями, в период накопления верхних горизонтов III слоя над ней проходила улица. При этом стенки ложбины сохранили следы деятельности человека до ее засыпки, связанные, возможно, с ранним периодом освоения этого холма болгарами. С южной, относительно покатой стороны наблюдались округлые ямы с подбоем под склон, представляющие собой места выборки глины для строительства. С северной стороны фиксировались аналогичные ямы с подбоем под склон, которые частично разрушены вертикальным искусственным срезом высотой 1 м. Дневные уровни этих объектов выходят на материковый подзол и не связаны с культурными слоями. Возможно, они отражают процесс освоения южной части Кремлевского холма до периода Казанского ханства, о чем свидетельствуют единичные находки из частично переработанной погребенной почвы, относящиеся к домонгольскому и золотоордынскому времени.

С III слоем в раскопе VI соотносится около 20 сооружений, в расположении которых прослеживается закономерность, связанная с функционированием улицы. Они фиксируются вдоль участков, относящихся к улице. Характер залегания грунта на улице и его содержание идентично описанию деревянной мостовой в раскопах I, IX, XIII. Выделяется от трех до четырех горизонтов древесного тлена. Среди сооружений, кроме хозяйственных ям, интерес вызывают остатки моста через ложбину, связанного с нижними горизонтами III слоя (рис. 5), а также углубленные в землю срубы из горбылей (сооружения 9, 14), разрушенные при пожаре 1552 г. (рис. 5).

Важные стратиграфические наблюдения получены в раскопах IX, XI 1997 г., расположенных с восточной стороны Благовещенского собора. С отложениями периода Казанского ханства в раскопе IX соотносятся более 20 срубных построек и хозяйственных ям, из которых четыре погибли при пожаре 1552 г. (рис. 7: 8). В их расположении также наблюдается определенная система: они образуют улицу шириной около 3,5 м и увязываются с тремя ремонтными горизонтами деревянной

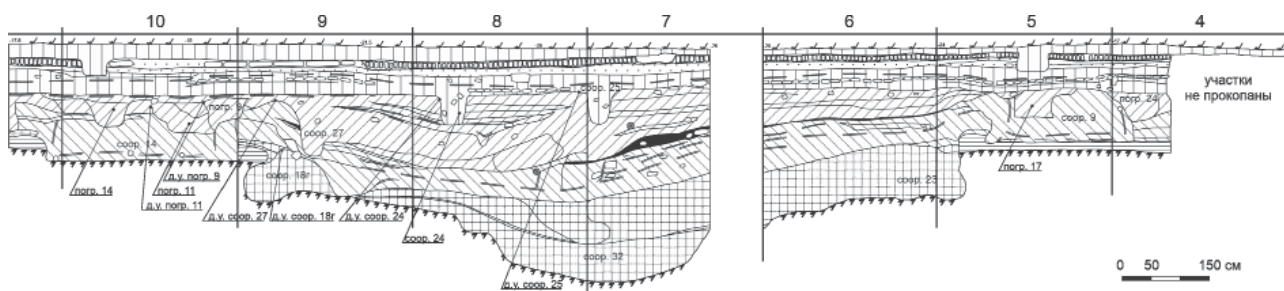

Рис. 4. Казанский кремль. Раскоп VI. Профиль западной стенки (уч. 1–10).
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – камень; 3 – древесный тлен; 4 – углистая прослойка; 5 – дерево; 6 – песок;
 7 – серый подзол; 8 – желтый материковый суглинок

Рис. 5. Казанский кремль. Раскоп VI. Остатки моста через ложбину

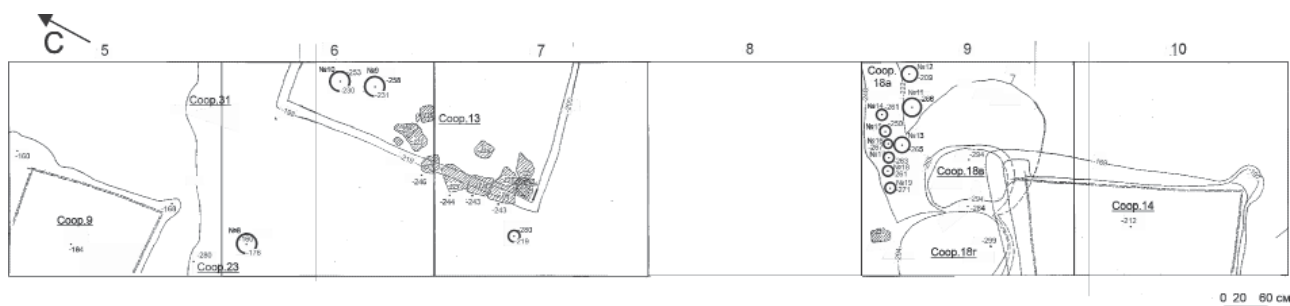

Рис. 6. Казанский кремль. Раскоп VI. План сооружений ханского времени (уч. 5–10)

мостовой. Улица продолжала функционировать в русское время, что нашло отражение в Писцовой книге 1565–1568 гг., в которой она упоминается как «переулок х Благовещенью», идущий от Воскресенской башни к Собору (Материалы по истории, 1932, с. 11).

Раскопы 1928, 1929, 1974, 1976, 1977, 2000–2005 гг. в центральной части двора современной резиденции Президента РТ позволили относительно полно исследовать территорию ханского двора. Общая площадь исследований (раскопы 2000–2005 гг. XXXII, XXXIII, XXXIV, XLI, XLII, XLVIII, XIX, XLIX, LXV и наблюдения в ходе замены коммуникаций) приближается к 3000 кв. м.

В раскопе XXXIV, где отложения ханского времени сохранились фрагментарно (под современным слоем), удалось исследовать более 10 сооружений (АОТ, 2001, с. 8–11). Большинство объектов Казанского ханства представляют собой остатки прямоугольных в плане ям (310–380×310–380 см) с опущенными в них срубами из горбылей, ориентированными по линии Ю–ЮЗ (аз. 205–210°). Заполнение сооружений представляет собой темно-бурую пестроцветную супесь, насыщенную углем и прокалом. В размещении сооружений сектора 3 прослеживается определенный порядок.

Они расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы (аз. 205–210°) шириной 200–250 см со следами деревянного мощения, связанного, предположительно, с остатками небольшого переулка. Важно при этом отметить, что ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку. Подобная планировка объясняется привязкой построек к находящимся вблизи мусульманским культовым постройкам, не попавшим в раскоп. При этом надо учитывать, что, по данным Писцовой книги 1565–1568 гг., напротив северного придела Благовещенского собора находилась мечеть (Материалы по истории, 1932, с. 8–11).

Во всех объектах III слоя XXXIV раскопа встречены характерные для этого времени фрагменты неполивной и поливной керамики, обломки медных котлов, железные ножи и ножницы, кусочки тканей, детали ткацких станков, ожерелье из полудрагоценных камней, китайский фарфор, свинцовые деформированные пищальные пульки, костяные и железные наконечники стрел, ядра и др.

В ходе охранно-спасательных работ 2001 г. в центральной части двора перед резиденцией Президента РТ были выявлены каменные кон-

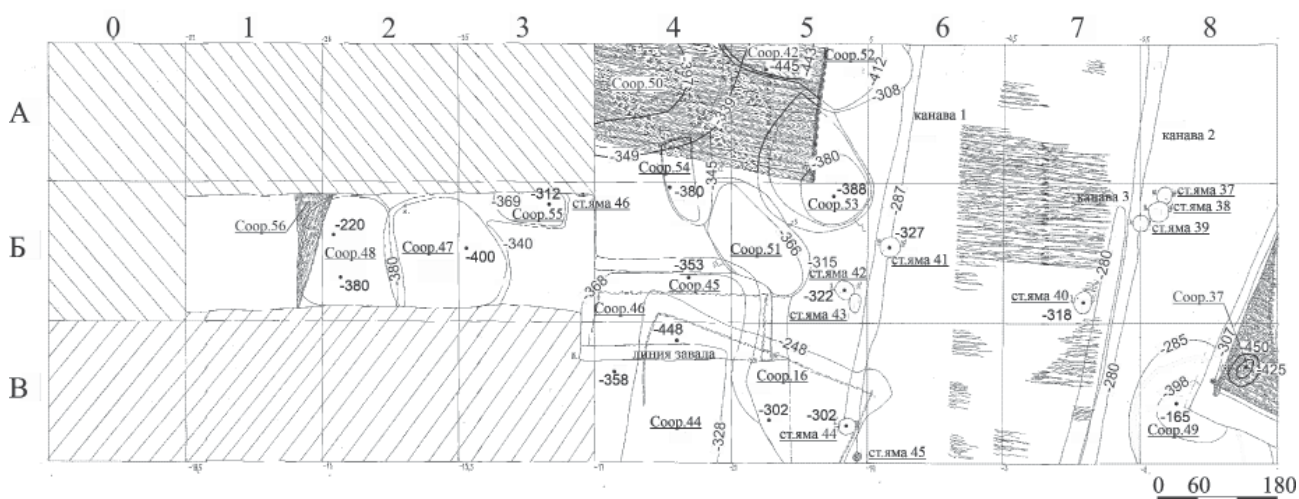

Рис. 7. Казанский кремль. Раскоп IX. План объектов III слоя

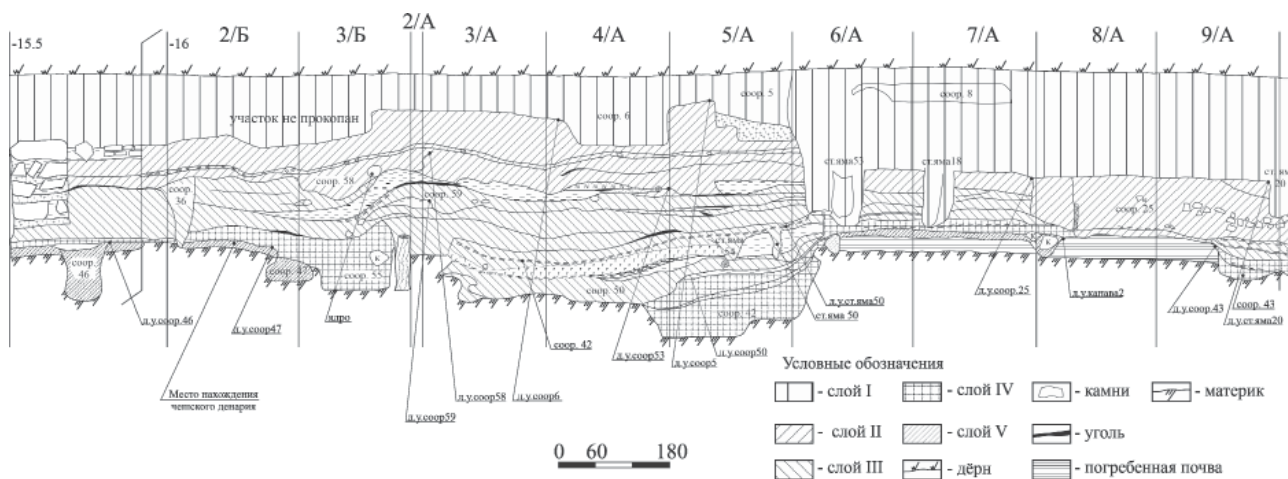

Рис. 8. Казанский кремль. Раскоп IX. Профиль северной стенки

струкции, на месте которых был заложен раскоп XLVIII. Здесь были изучены остатки подвальных помещений каменного здания (18×24 м) эпохи Казанского ханства, а также исследована прилегающая территория к этому объекту (Набиуллин, 2002в; Ситдииков, 2004а).

Кирпично-каменное сооружение ханского времени обнаружено также с северной стороны башни Сююмбикэ (раскоп XLI). Его продолжение зафиксировано нами в ходе наблюдений в траншее для коммуникаций с восточной стороны упомянутого раскопа. Сооружение состояло из двух частей: белокаменной и кирпичной. Белокаменная часть здания стратиграфически связана с нижними горизонтами III слоя. Дневной уровень кирпичной части здания, обнаруженной в шурфе № 1, восходит к верхним горизонтам III слоя. Размеры сооружения составляют около 15×30 м. Важно отметить тот факт, что юго-западная часть его уходит под основание башни Сююмбикэ. Это свидетельствует о более позднем времени строительства последней. Изученное сооружение ориентировано на 3 – ЮЗ (аз. 205–210°), т. е. в сторону Мекки, что дает нам основание видеть в нем плохо сохранившиеся остатки Ханской мечети. Данное сооружение каким-то образом использовалось еще в русское время и прекратило свое существование только в конце XVII, может быть, даже начале XVIII в. На месте разрушенной мечети была построена башня, названная именем Сююмбикэ.

Исследования в Казанском кремле в 2003–2004 году проводились по трассе прокладки проходного канала коммуникаций. Общая площадь исследований на семи раскопах по его линии составила около 2800 кв. м при мощности культурного слоя от 2 до 8 м. В ходе проведенных исследований в раскопе LXIII был найден клад монет – 63 чешуйки первой четверти XVI в. в кожаном кошельке с медными замочками и двумя крестами (из дерева и кости) и двумя халцедоновыми бусинами.

Значительные площади были вскрыты раскопами в южной части Кремля: в районе реконструкции бывшего Манежа и примыкающего к нему комплекса бывшего Спасо-Преображенского монастыря на площади более 3000 кв. м. Мощность культурного слоя в раскопах колебалась от 2 до 5 м. Были обнаружены в раскопах мусульманские некрополи первой половины XV в. на территории Манежа (около 20 погребений) и первой половины XVI в. с надгробными камнями с северной стороны церкви Николая Ратного (около 10 погребений), а также разновременные христианские некрополи второй половины XVI–XVII вв. Раскопами было выявлено углубление рва перед стенами Кремля ханского времени.

Ф.Ш. Хузиным и Н.Г. Набиуллиным был получен уникальный материал в результате исследований в низменной северо-восточной части современного Кремля. В раскопе IV у Воскресенской (Елбугиной) башни были выявлены остатки бревенчатых конструкций, нескольких жилищ и хозяйственных ям (рис. 9–12). В числе находок имеется большое количество обломков поливных кашинных мозаичных вставок, которыми, возможно, были украшены постройки ханского двора, находившиеся на холме. Встречено также много наконечников стрел, что указывает на активные бои в этом районе, упомянутые в источниках при описании штурма города в 1552 г. Именно здесь последние защитники города в отчаянной схватке пытались выйти к р. Казанке. Однако предполагаемые в этом районе остатки Елбугиной башни (проездной) периода ханства найти не удалось. Видимо, они были уничтожены при сооружении на этом месте Воскресенской башни раннерусского времени (рис. 10; 12).

В раскопе XIII, заложенном южнее раскопа IV, в слое ханского времени (рис. 13) выявлено уличное мощение из горбылей (рис. 13; 14). По линии улиц выявлены срубные постройки хорошей со-

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

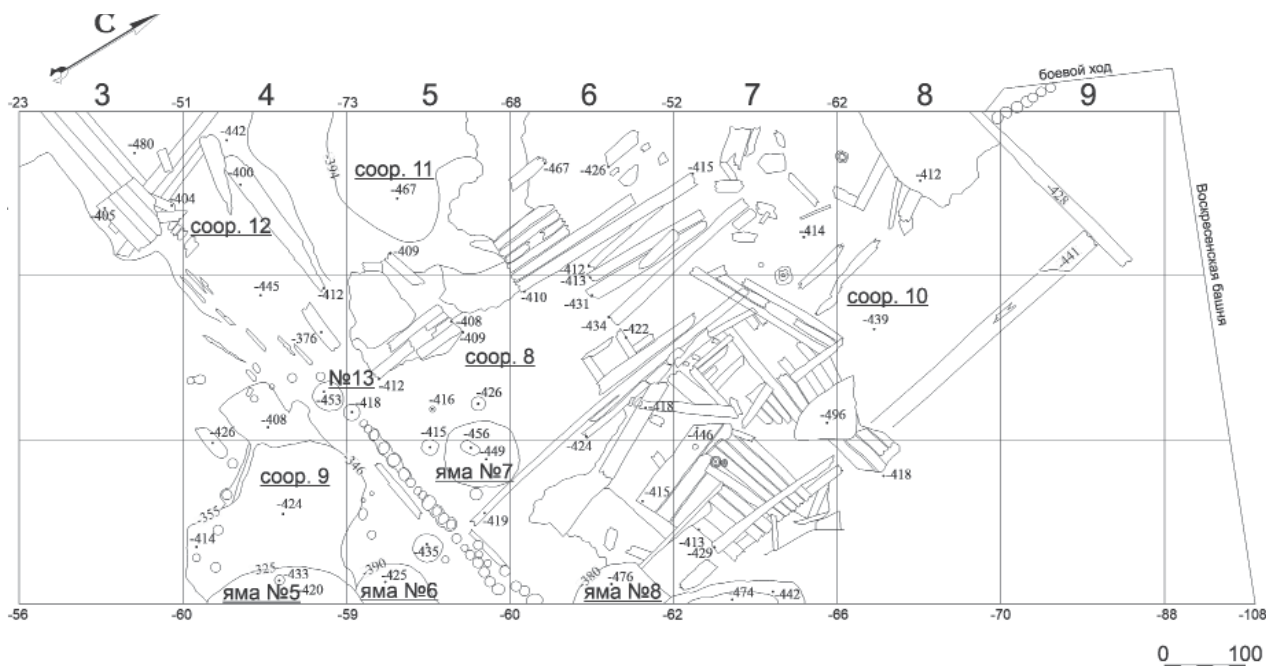

Рис. 9. Казанский кремль. План раскопа IV на уровне III слоя (17–18 шт.)

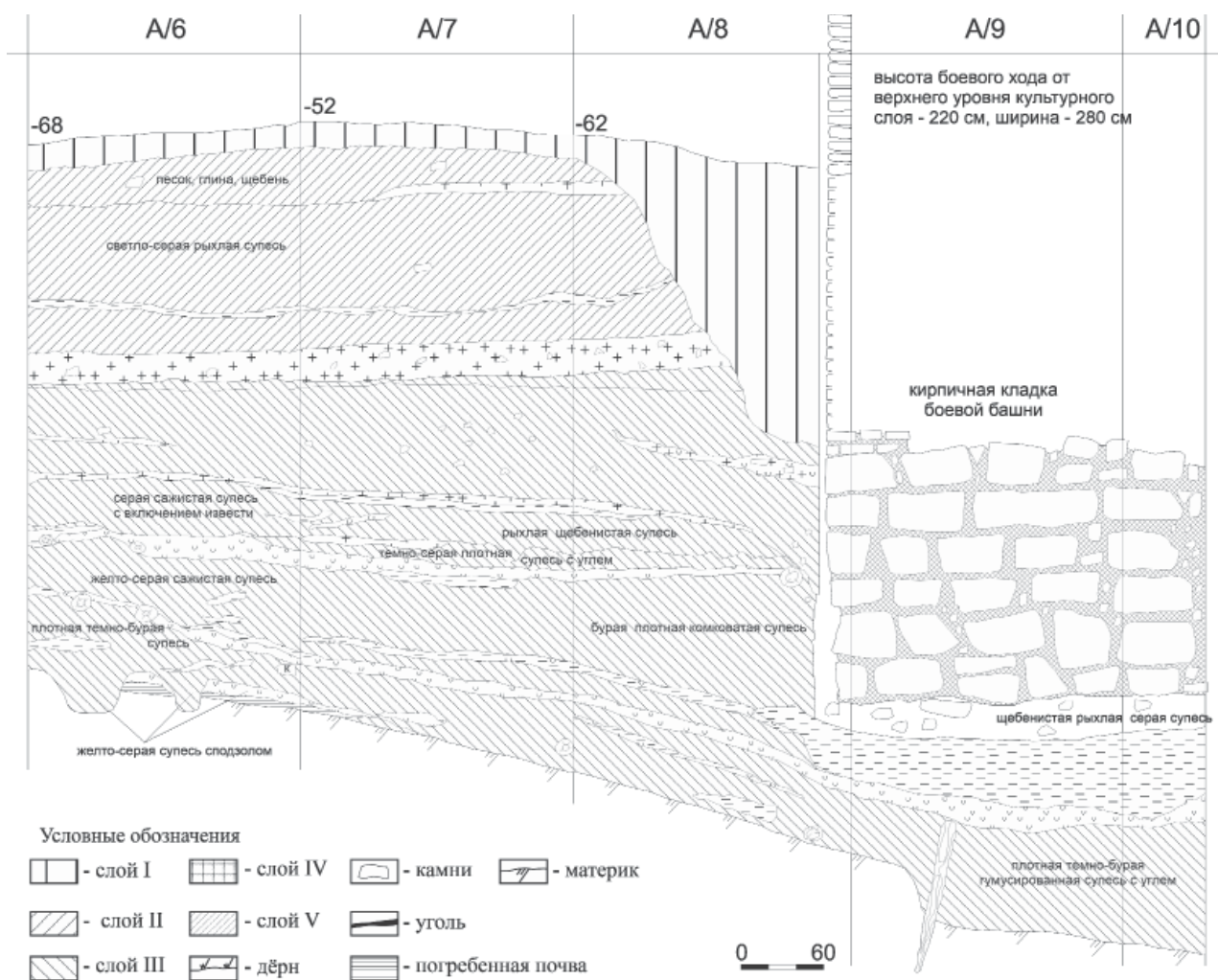

Рис. 10. Казанский кремль. Профиль западной стенки раскопа IV (уч. А/6–10)

Рис. 11. Казанский кремль. Раскоп IV. Сооружение 10 ханского времени в процессе разборки. Вид с севера

хранности (рис. 15) с большим количеством кожаных изделий. В этом районе, несомненно, находились мастерские по изготовлению кожаной обуви.

Представления о характере жилых построек эпохи Казанского ханства были дополнены в ходе наблюдений на разрушаемом при строительстве северо-восточном склоне холма (рис. 16). В обнажении культурного слоя был защищен участок длиной 24 м с мощностью культурного слоя 350 см вне сооружений. Выявленный в разрезе III слой состоял из бурой плотной песчаноцветной супеси с включением прокала, угля. Его толщина достигала местами до 140 см. Интерес вызывает связанное с верхними горизонтами слоя сооружение 5 – остатки сгоревшего дома с подклетом и завалившейся глинобитной печью. Ширина наземной части дома в разрезе 5 м, подклета – 3 м. В разрезе выделяются следы провалившихся в подклет поперечных бревенчатых конструкций пола.

Следы ремесленного производства были выявлены в ходе исследований у Северо-Восточной башни (АОТ, 2001, с. 27–29). Здесь обнаружены остатки металлургического производства эпохи Казанского ханства. По мнению П.Н. Старостина, выявленный комплекс объектов представляет со-

бой остатки медеплавильных мастерских (Старостин, 2002).

Одной из слабо изученных проблем археологии Кремля ханского времени остается вопрос о его укреплениях. Некоторая информация была получена ходе исследований 2001 г. между Преображенской (Тюменской) и Пятигранной башнями с внутренней стороны Кремля – в разрезе траншеи шириной около 2 м, глубиной более 2 м. У северного пилона Преображенских ворот, где глубина траншеи достигала 3 м, фиксировалась ложбина шириной 14 м. Ее склоны уходили ниже уровня прокопанности траншеи. Заполнение углубления состояло из темно-серой плотной супеси с включениями древесного тлена, нижние горизонты которого связаны с напластованиями до-русского времени. Граница ранних отложений в западе ограничивалась прослойкой известкового раствора и известняковых камней мощностью до 50 см. Выше ее выделялись слои, формирование которых связано с жизнедеятельностью русского населения. Не исключено, что в траншее зафиксирован участок рва, известного по описаниям Писцовой книги 1565–1568 гг. как остатки старых укреплений (Материалы по истории, 1932, с. 12) На этой же линии находится и ров, зафиксированный в раскопе 1928 г. (Бороздин, 1929). По мнению

Рис. 12. Казанский кремль. Раскоп IV. Нижняя часть внутреннего фасада Воскресенской башни

Н.Ф. Калинина, данный ров следует рассматривать как остатки фортификационных сооружений Ханской крепости (Калинин. Истории Казани, рукопись, с. 245).

В 2000–2003 гг. А.М. Губайдуллин, Ф.Ш. Хузиным и Р.Р. Валиевым с целью архитектурно-археологического изучения Северной башни Кремля проводились работы на раскопе XXXV. На всех известных планах Кремля начиная с конца XVII в. на этом месте указана круглая башня. Раскопками установлено, что она относится к более позднему времени. Круглая башня была воздвигнута намного раньше. Раскопки выявили хорошо сохранившиеся остатки более древней башни прямоугольной в плане формы размерами 9,5×9 м (рис. 17; 18; 19), время строительства которой, судя по стратиграфическим наблюдениям и находкам в ее котловане керамики периода ханства, можно датировать концом XV или, что наиболее вероятно, второй четвертью XVI в. – временем наибольшего обострения отношений между Казанью и Москвой (Валиев, 2004, с. 39 и сл.).

Обобщая стратиграфические наблюдения за характером залегания III слоя, надо сказать, что отложения времени Казанского ханства распространены по всей территории современного Кремля. Слой представлен в целом желтовато-бурым пестроцветом относительно плотной консистенции. Для него характерно заметное содержание желто-красной глины. Обычны включения извест-

някового щебня, обломков кирпичей, угля и древесного тлена.

В северо-восточной части Кремля слой III состоит в основном из плотной желтовато-серой (местами буро-коричневой) пестроцветной супеси со значительными включениями угля, древесного тлена. Вне объектов мощность слоя колеблется в пределах 80–110 см. В нем встречаются известняковые камни, обломки кирпичей и кости домашних животных. Прослежены линзы желтого суглинка, являющиеся выбросами из ямных сооружений и котлованов жилищ, а также несколько углистых прослоек в разных горизонтах, связанных, по-видимому, с пожарами локального характера. Для этой части Кремля характерно активное строительство (до пяти строительных горизонтов на небольших участках), значительная переработка нижележащих слоев и наличие следов множества пожаров, что в совокупности и отразилось в специфике грунта.

В южной половине Кремлевского холма толщина слоя III вне объектов составляет не более 20–30 см. Он состоит из темно-бурой и бурой плотной супеси с включениями светло-серой супеси, угля и прокала. Верхний горизонт слоя на большинстве раскопов перекрывается тонкой прослойкой угля и золы. В этой части Кремля III слой лежит на материковой светло-серой подзолистой супеси. Нижние горизонты слоя на некоторых участках перекрыты стерильным материковым

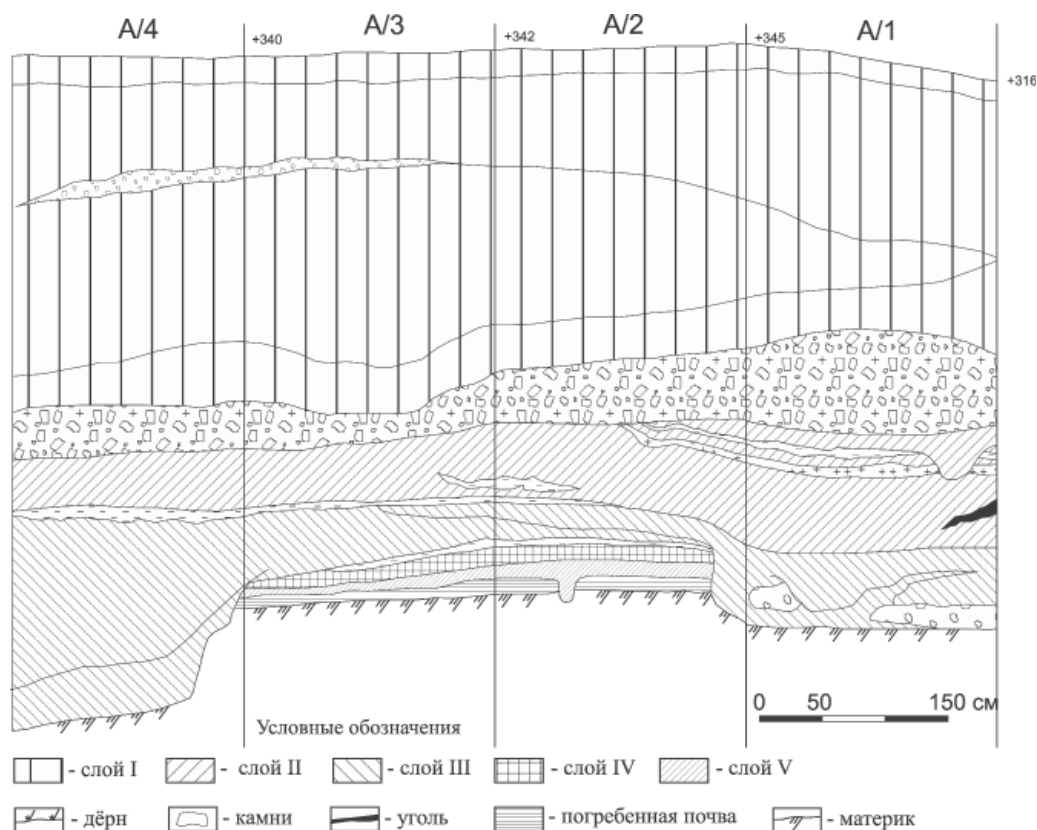

Рис. 13. Казанский кремль. Раскоп XIII. Профиль юго-западной стенки по линии А/1–4

подзолом в направлении западного склона холма, что, возможно, объясняется смывами грунта или геологическими сдвигами земли у склона. В слое отразилась менее активная строительная деятельность (не более двух строительных горизонтов). Во многих местах, особенно в районе деревянных сооружений, между II и III слоями выделяется прослойка пожарища 1552 г.

С прослойкой пожарища 1552 г. увязывается ряд специфичных находок, представленных большим количеством каменных ядер, глиняными зажигательными ядрами, наконечниками стрел, ошлакованной под воздействием высокой температуры керамикой; в сгоревших постройках встречаются обугленные человеческие останки. Эта прослойка четко разграничивает слой Казанского ханства и слои, сформировавшиеся после 1552 г. С нее начинаются кардинальные изменения в содержании материальной культуры, что особенно отчетливо видно в соотношении различных групп керамики и их типов.

Как видим, разграничение верхней границы III слоя, благодаря прослойке пожарища 1552 г., очень четкое. Сложнее определить нижнюю границу, так как не наблюдается резкой смены вещевого, в частности керамического, материала. Основным критерием в ее установлении выступают стратиграфические наблюдения, изменения в общем облике материальной культуры. Важным

показателем для слоя Казанского ханства является увеличение доли русской и татарско-русской керамики.

Историческая топография города. Большой интерес в изучении топографии Казани вызывает ее планировочная структура во времена расцвета города и приобретения столичного статуса одного из могущественных государств XV–XIV вв. – Казанского ханства.

Формирование планировочной структуры Казани изначально было обусловлено рельефом. Градостроительная деятельность сосредоточивалась на верхней ровной площадке холма и его подножии. Привлекательные для возведения укреплений и жилых построек места целенаправленно приспособлялись. По имеющимся данным, границы города, построенного на мысовой северной части Кремлевского холма, в Средние века сначала расширялись в более удобном для проживания южном напольном направлении.

На основании анализа результатов археологических исследований в истории развития Казани можно выделить три основных этапа, знаменовавшие принципиальные изменения его внутренней планировки.

Два первых этапа охватывают XI – первую половину XV в. – домонгольский и золотоордынский периоды в истории Казани. В это время происходит возникновение города, который начинает фор-

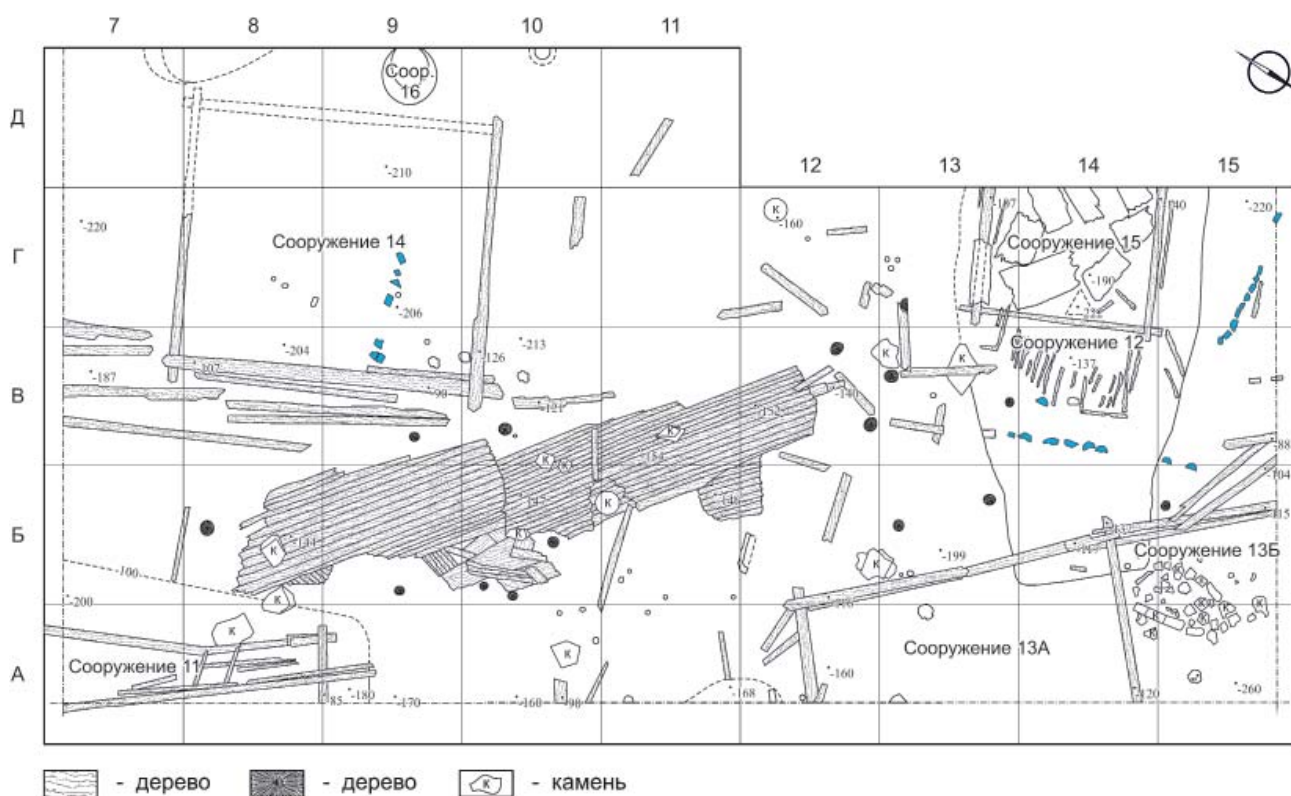

Рис. 14. Казанский кремль. Раскоп XIII. План сооружений III слоя

мироваться в северной оконечности Кремлевского холма, ограниченной с юга Тезицким рвом; создаются укрепления, перестроенные в каменные во второй половине XII в.; возникает внутренняя планировка города; происходит формирование посада за пределами крепости.

В период Казанского ханства город выходит за пределы болгарских укреплений XI–XIV вв., появляется новая топографическая единица города – Кремль с ханским двором, формируется планировка вновь освоенной территории, строятся крупные кирпично-каменные здания.

Природно-географические условия района расположения древней Казани отличались исключительными удобствами для жизни людей, о чем говорит активное освоение этой территории и в

более ранние периоды. Кремлевский холм, вытянутый с северо-запада на юго-восток с большим количеством поперечных оврагов и ложбин, для низменного левобережья Средней Волги является уникальным местом и занимает с военной точки зрения наиболее выгодное положение на всем протяжении этого берега.

Средневековая Казань относится к мысовому типу городищ. Освоение Кремлевского холма булгарами происходило с северной мысовой оконечности. Одновременно шло и заселение низменных районов у подножия холма, находящихся ближе к Казанке, а также Богородицкого холма, расположенного юго-восточнее. На основании этих природных особенностей и шло формирование городской топографии Казани по Кремлев-

Рис. 15. Казанский кремль. Раскоп XIII. Общий вид сооружений ханского времени

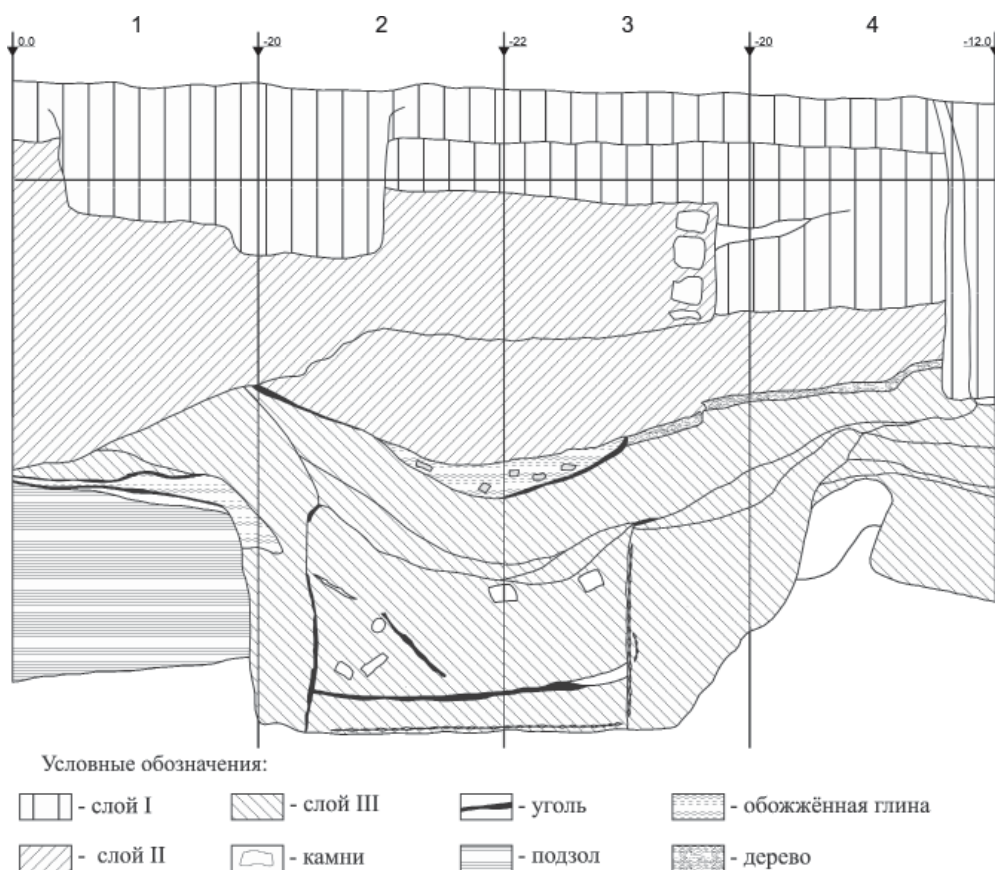

Рис. 16. Казанский кремль. Траншея 5. Северо-восточный склон Кремлевского холма. Профиль южной стенки склону холму и прилегающей к нему низменной территории.

Казань с момента своего основания болгарами на рубеже X – начала XI в. развивалась как укрепленное поселение. При выборе места решающее значение, бесспорно, имела возможность организации эффективной обороны как самой крепости, так и северных рубежей динамично развивающегося Болгарского государства, естественная защищенность труднодоступного Кремлевского холма с крутыми склонами, а также стратегическое расположение на излучине важной торговой артерии того времени – р. Волге. Древнейшие укрепления защищали площадь чуть более 6 га.

В золотоордынский период Казань развивалась как в рамках домонгольского города, так и постепенно расширяясь на юг по гребню Кремлевского холма. К началу XVI в. неукрепленный посад города доходит, как считал А.Х. Халиков, до пересечения современных улиц Кремлевской и Чернышевского (История Казани, 1988, с. 23). Развивался и ремесленный посад в районе Богородицкого монастыря. Это место известно по Писцовым книгам как «Старое городище» (История Казани, 1988, с. 22). Укрепления на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время. В поздnezолотордынский период, в первой полови-

не XV в., они обрушились вследствие естественного разрушения из-за крутизны высокого холма. В период Казанского ханства они были восстановлены.

В этот период возникает планировка поселения, просуществовавшая в основных чертах до конца XVII в. На рубеже XIV–XV вв. возобновляется каменное строительство.

Таким образом, общеисторические процессы данного периода наложили отпечаток на развитие самой Казани. Небольшое болгарское укрепленное поселение постепенно разрастается, превратившись к концу XIV в. в значительный политический и экономический центр региона, что приводит к усилению роли Казани в борьбе против Золотой Орды (История Казани, 1988, с. 20, 24–26). С этим процессом В.Л. Егоров увязывает события, описанные в русских летописях под 1370 и 1376 г. В них говорится о борьбе местного болгарского князя Хасана с Золотой Ордой за самостоятельное управление Болгаром (Егоров, 1975, с. 83–86; 1985, с. 102–105). В результате конфликта с Ордой он был вынужден оставить город Болгар. Вскоре после этого, по мнению В.Л. Егорова, Хасан появляется в районе Казани. Действительно, его могила с надгробием обнаружена на территории Кабанского городища, занятого позднее Архиерейской дачей, на берегу оз. Кабан (Юсупов,

Рис. 17. Казанский кремль. Руины Северной башни

1960, табл. 2). Именно в этот период Казань начинает играть все возрастающую роль среди других болгарских городов. Она становится новым центром на бывшей периферийной территории Волжской Болгарии, о чем свидетельствует чеканка монет на рубеже XIV–XV вв. от имени Гиазетдина с указанием места «Болгар аль-Джадид» (История Казани, 1988, с. 24) или «Болгар» (Мухамадиев, 1999, с. 253).

К началу XV в. Казань уже представляла собой крупный торгово-ремесленный город с международной ярмаркой на Гостином острове и значительную ролью в международной транзитной торговле. Усилившаяся экономически и политически Казань к середине XV в. превратилась в самостоятельный региональный центр. Эти объективные причины во многом и определили выбор первых казанских ханов, сделавших ее своей столицей, а укрепленную крепость на холме – местом своего постоянного пребывания.

Территориальное развитие города второй половины XV – первой половины XVI в. характеризуется расширением не только ханской крепости (Кремля), но и торгово-ремесленного посада, а также дальнейшим развитием за пределами укрепленного города. К середине XVI в. Казань размещалась на площади 60–70 га. В ней проживало население численностью около 8–10 тыс. человек. По меркам того времени она относилась к числу крупных городов Восточной Европы.

Освоение новых территорий происходит по возвышенной части Кремлевского холма и прилегающих низин. Осваиваются районы за Черноозерской протокой и р. Булак. Город делится

на три части: Кремль, укрепленный и неукрепленный посады. Укрепленная часть города охватывает почти всю верхнюю площадку Кремлевского холма до современной ул. Лобачевского.

Судя по письменным источникам, посад Казани был укреплен деревянной стеной, состоящей из городней (Древняя Казань, 1996, с. 100). На основании этого большинство исследователей придерживалось мнения, что и весь город, в том числе и крепость на горе, имели деревянные укрепления (рис. 20). Но в результате археологических работ на некоторых участках были выявлены остатки белокаменных стен ханского двора (см.: Валиев, 2004; Губайдуллин, 2019).

Существование посада подтверждается неоднократными упоминаниями его в письменных источниках. Самое раннее известие о неукрепленном посаде относится к 1469 г., когда описывается захват посада русскими войсками под предводительством воеводы И.Д. Руна (Древняя Казань, 1996, с. 20). Об укрепленном посаде сообщается в связи с событиями 1500 г., когда хан Абдул-Латиф «повеле около града нарядити острог» (Древняя Казань, 1996, с. 23). Им же в начале XV в. проводились работы по благоустройству для торгового судоходства русла Булака. При описании боевых действий 1530 г. сообщается о строительстве укреплений посада Сафа-Гиреem: «около посаду по Арскому полю, от Булака и до Казани реки, округ его рвы копайте по-за острогу» (Древняя Казань, 1996, с. 25, 76–78).

Другой важной составной частью фортификационной системы города был Кремль. Он располагался в северной оконечности Кремлевского

Рис. 18. Казанский кремль. Северная башня после завершения раскопок. Северный фасад

холма и был больше размеров домонгольской крепости. Кремль занимал территорию около 10 гектаров (рис. 21).

Планировка этой части города относительно позднесолотоордынской застройки существенно не изменилась. Продолжали функционировать ранее возникшие улицы. На вновь заселяемых и ранее освоенных территориях выравнивали естественные углубления оврагов. Засыпается ров домонгольской крепости в центре Кремля. В период Казанского ханства начинается интенсивное

строительство каменных зданий в древней части города.

Сосредоточием всей власти государства становится Ханский двор, располагавшийся в северной части кремля. А. Курбский так описывает штурм 1552 г.: «Бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» (Древняя Казань, 1996, с. 131). Большое количество каменных мечетей в этом районе упоминается в Писцовой книге 1565–1568 гг. (Материалы по истории, 1932, с. 2–4).

Рис. 19. Казанский кремль. Северная башня. Внутреннее помещение (вид с южной стороны)

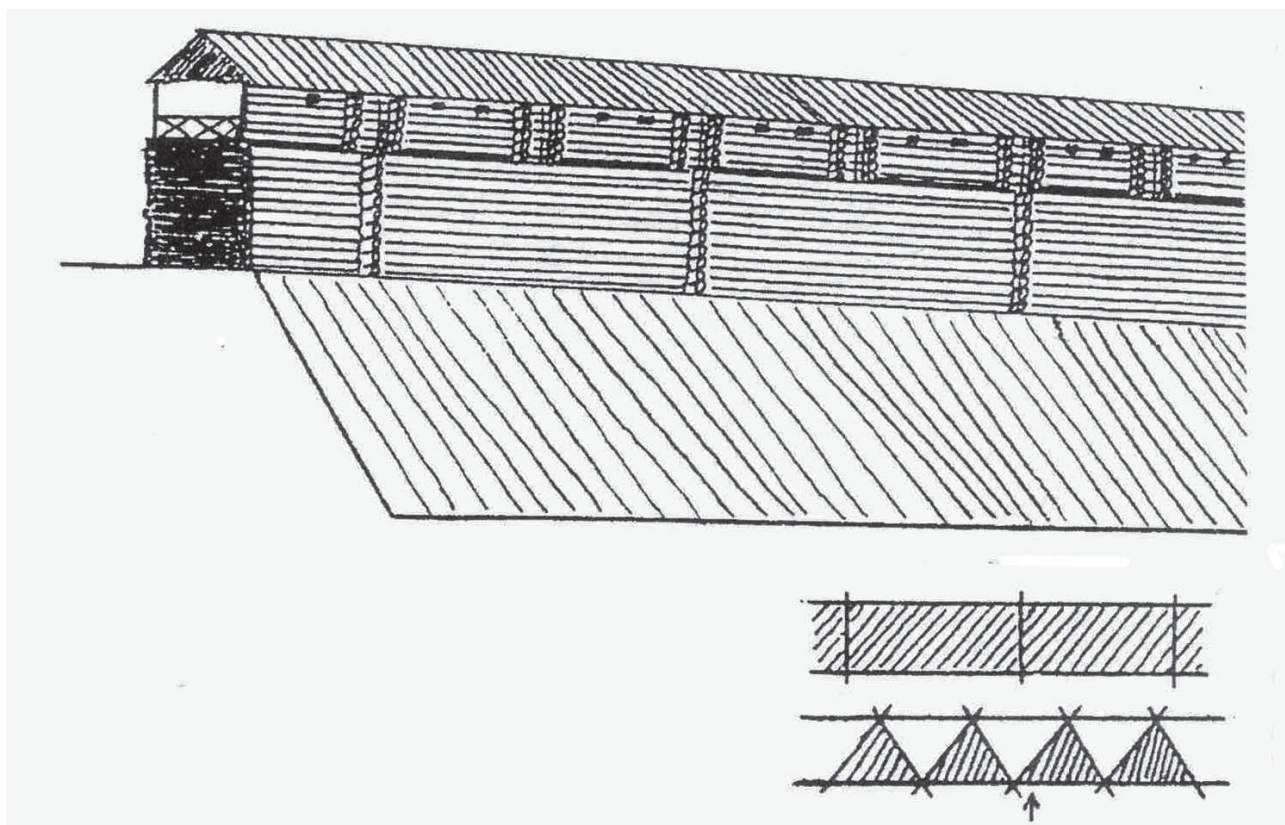

Рис. 20. Казанский кремль. Реконструкция крепостных стен (тарас) (по А.Г. Губайдуллину)

Факты, характеризующие расположение зданий у Ханского двора между укреплениями, совпадают с археологическими материалами. Еще в ходе исследований 1970-х годов были выявлены остатки мавзолеев с погребениями ханов, уходящими под современные здания Дворцовой церкви и башни Сююмбикэ (Халиков, 1977; 1992, с. 60–65; Айдаров, 1978, с. 79). У сквера, южнее Благовещенского собора, были выявлены остатки каменных зданий, расположенных у Тезицкого рва, где, по описанию источников, была ожесточенная битва у стен мечети Кул Шарифа (Хузин, 1997/98, с. 133–137; 1997, с. 84–88). В 2001 г. удалось найти остатки крупной мечети, расположенной под башней Сююмбикэ, и подвальные помещения большого здания Казанского ханства.

Относительно точно удастся определить границы самого двора. Восточная стена проходила вдоль склона Кремлевского холма, где были обнаружены остатки разрушенных каменных стен ханского двора (Ситдииков, 1999а, с. 89–90; 1999б, с. 12–13; 1999в, с. 60–63; Шавахин, 1974, с. 178). Северная линия укреплений была единой с кремлевской стеной. Археологически в этом районе фиксируется каменная кладка в основании современных стен Кремля, датируемая первой половиной XVI в. (Калинин, Отчет о раскопках... в 1935 г.). Небольшой участок каменной стены здесь отмечается и в Писцовой книге

1565–1568 гг. (Материалы по истории, 1932, с. 1), представляющие собой остатки каменной северной стены ханского двора. Западная и южная линии укреплений двора пока не обнаружены. Южная граница в соответствии с источниками определяется между Благовещенским собором и каменными зданиями ханского времени с северной стороны собора. Западная граница, видимо, ограничивалась проездом Шейнкмана, проходя вдоль каменных мавзолеев.

Детальное описание Ханского двора имеется в Писцовой книге 1565–1568 гг. Попытка локализации упоминаемых в ней объектов в свое время была предпринята Н.Ф. Калининым (Калинин. История Казани, рукопись). Новые материалы, полученные в результате археологических исследований, позволяют несколько скорректировать его выводы.

Остатки двух крупных каменных зданий были обнаружены на территории ханской резиденции. Одно из них предположительно является Ханской мечетью. Часть постройки находится под фундаментом башни Сююмбикэ. Другой крупный объект ханского времени, выявленный в центре двора Президентского дворца, сопоставим, предположительно, с Ханским дворцом, называемым по Писцовой книге Большой палатой (рис. 22).

В средневековой Казани известно еще одно легендарное сооружение – комплекс мечети и

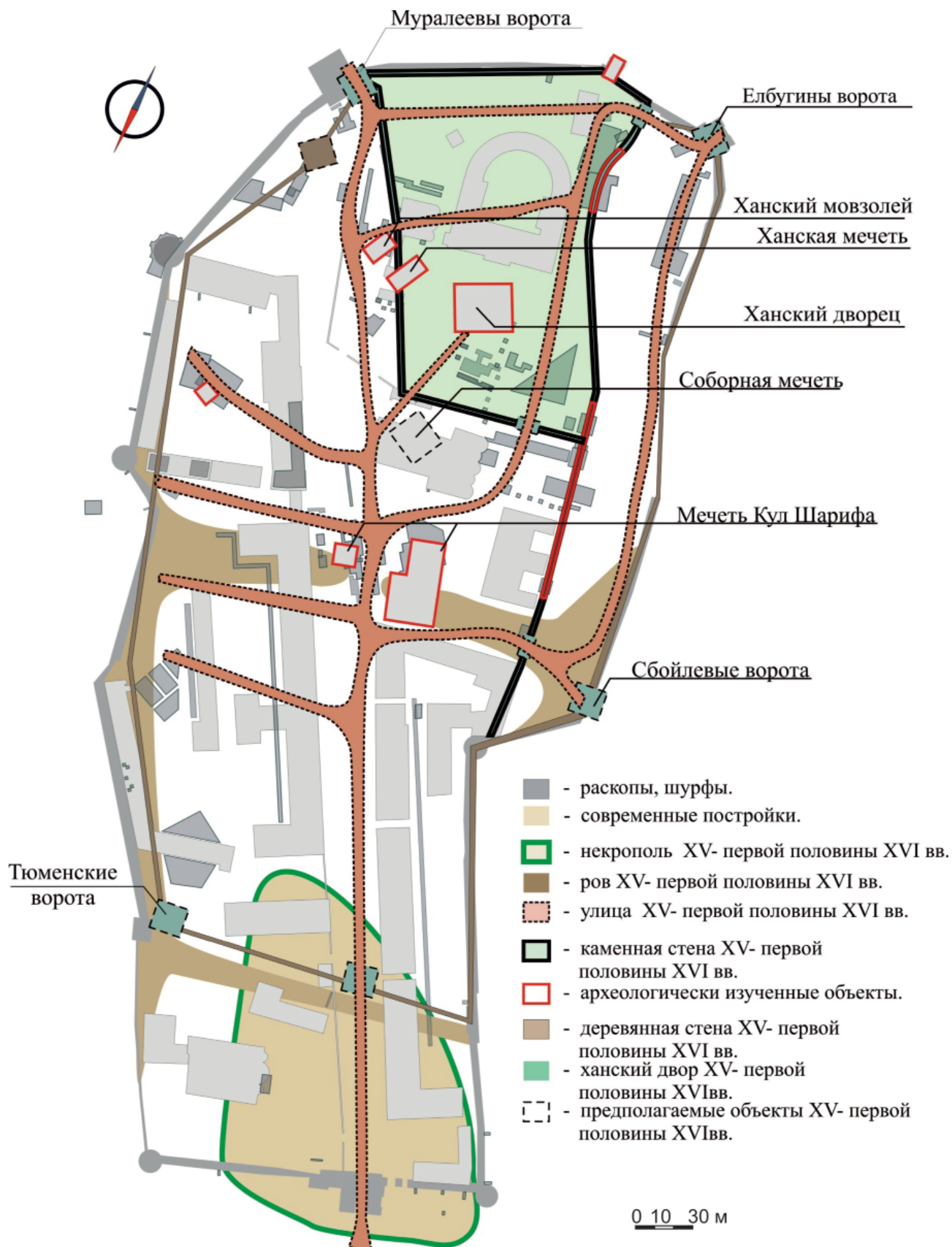

Рис. 21. Карта отложения культурных напластований и объектов ханского времени на территории Казанского кремля

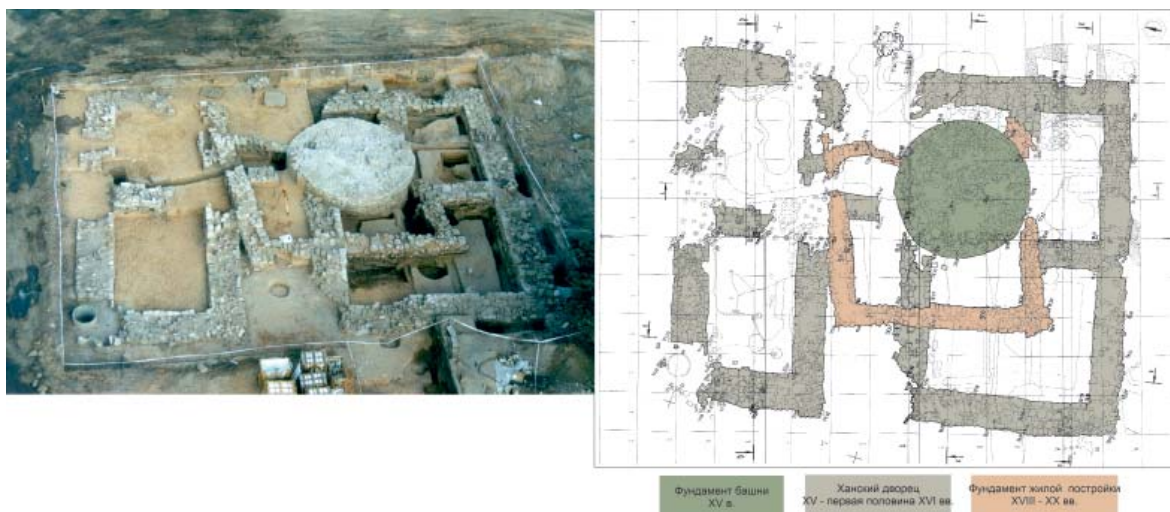

Рис. 22. Казанский кремль. Раскоп XLVIII.
Руины белокаменного сооружения после завершения раскопок и его общий план

медресе Кул Шарифа. В ходе археологических исследований на территории бывшего Архиерейского двора были выявлены руины здания, идентифицируемого по историческим источникам как мечеть Кул Шарифа, располагавшуюся у Тезицко-го рва (Хузин, Ситдииков, 2005).

В ханское время городская планировка Казани была обусловлена направлением улиц, подчиненных рельефу местности. С ханским временем соотносятся восемь улиц. Строительство велось очень активно весь период. Дома в городе размещались очень плотно, что подтверждается письменными и археологическими источниками.

Привлекает внимание размещение жилых деревянных построек с западной и восточной стороны Благовещенского собора. Ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку (аз. 207°). Подобная застройка объясняется привязкой построек к расположенной рядом мечети; она располагалась, как указано в Писцовой книге 1565–1568 гг., напротив северного придела Благовещенского собора.

Интенсивно развивался город и за пределами Кремля. К 1552 г. были освоены новые территории и плотно застроены ранее заселенные. В границы укрепленного посада была включена территория до ул. Астрономической, ограниченная с востока Черноозерской протокой, а с запада – р. Булаком. Увеличилось число слобод за пределами укреплений – Кураишева, Армянская, Старое городище (на месте Богородицкого монастыря), Бишбалта и др. (рис. 23; 24; 25).

Одной из наиболее часто упоминаемых топографических частей Казани является Кураишева слобода с каменной Отучевой мечетью в центре. По описаниям штурма и города в первые десятилетия после взятия слобода локализуется в пределах современных ул. Т. Гиззата и Татарстан, огра-

ничивающих его с севера и юга, и ул. Ш. Камала и Левобулачной – с запада и востока. Местоположение мечети, к сожалению, пока не установлено. Учитывая особенности строительства каменных культовых зданий на территории Казанского кремля, можно предположить, что она находилась в районе бывшей Варлаамской церкви, располагавшейся в районе нынешнего Центрального рынка.

Слобода Бишбалта, упоминаемая в источниках при штурме города, находилась за рекой Казанкой. Ее название и сегодня увязывается с Адмиралтейской слободой, основанной в начале XVIII в. Небольшие поселения, возможно, находились на Зилантовой горе и т. н. Архиерейской даче (Бурханов, 1999) и на осваиваемом тогда пространстве в сторону Арского поля.

Много споров в свое время вызвало определение местоположения Старого городища, известного по источникам. Как уже отмечалось, до проведения целенаправленных археологических исследований с ним соотносили территорию Федоровского бугра (Богдановский, 1899; Борисов, 1898, с. 700–715; Загоскин, 1895; Заринский, 1884; Калинин, 1955 и др.) или Зилантовой горы (Артьемьев, 1844; 1851; Арцыбашев, 1822) и др. места (Хомяков, 1910; Хузин, 2000). Существование района с таким названием на территории Казани давало исследователям повод для предположения о его более древнем заселении. Сегодня Старое городище локализуется на Богородицком холме. Время заселения его территории предварительно определяется XII–XIII вв. Важно отметить, что поселение продолжало существовать и во времена Золотой Орды, и Казанского ханства, являясь одним из населенных пунктов дорусской Казани за пределами укреплений. Учитывая, что следы укреплений городища все еще не найдены, трудно

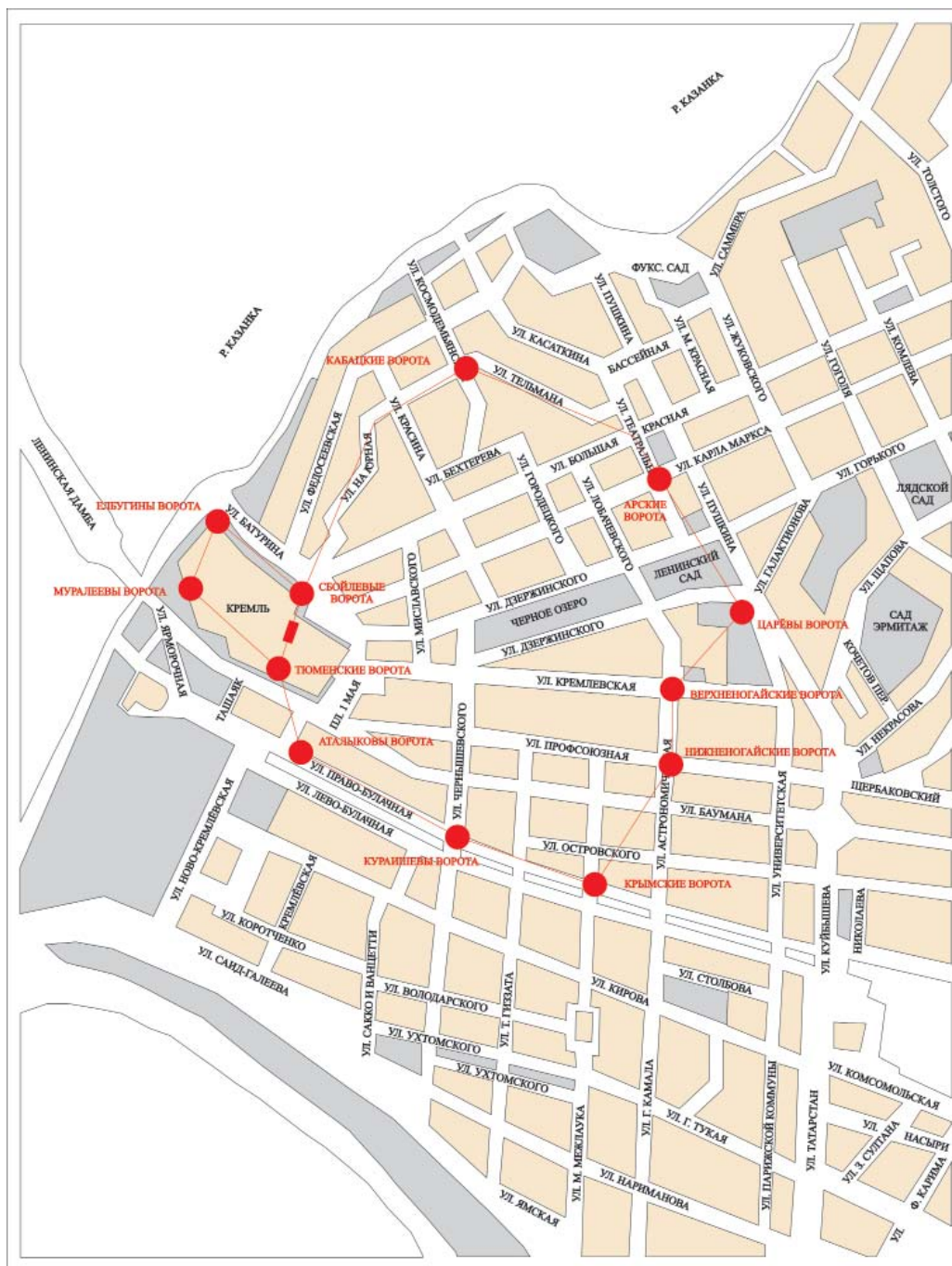

Рис. 23. Укрепления города Казани середины XVI в. (по Н.Ф. Калинину)

объяснить пока причину подобного названия этой местности.

Не менее интересными объектами являются легендарные Даирова баня и Тайник с подземным ходом к источнику (Древняя Казань, 1996, с. 38, 41). Именно с Даировой баней напрямую связана организация взрывов подкопов под Тайницким ключом и стеной между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Оба объекта локализуются в западной стороне Кремля. Даирова баня предположительно находилась в районе ул. Ташаяк, а источник севернее его – ближе к р. Казанке. Однако археологами они пока не выявлены.

Следы могильников ханского времени локализируются по их упоминанию в письменных источниках и археологическим данным. Основываясь на этих источниках, можно локализовать могильники в районе главного здания Казанского университета, у Центрального рынка (Халиков, 1989), на территории Гостиного двора (Халиков, 1985), а также вблизи Армянской слободы в районе современной ул. Калинина (Высоцкий, 1900; Миллер, 1925).

Топография средневековой Казани, восстанавливаемая на основе комплексного рассмотрения исторических источников, характеризуется сложной структурой. Удалось установить, что

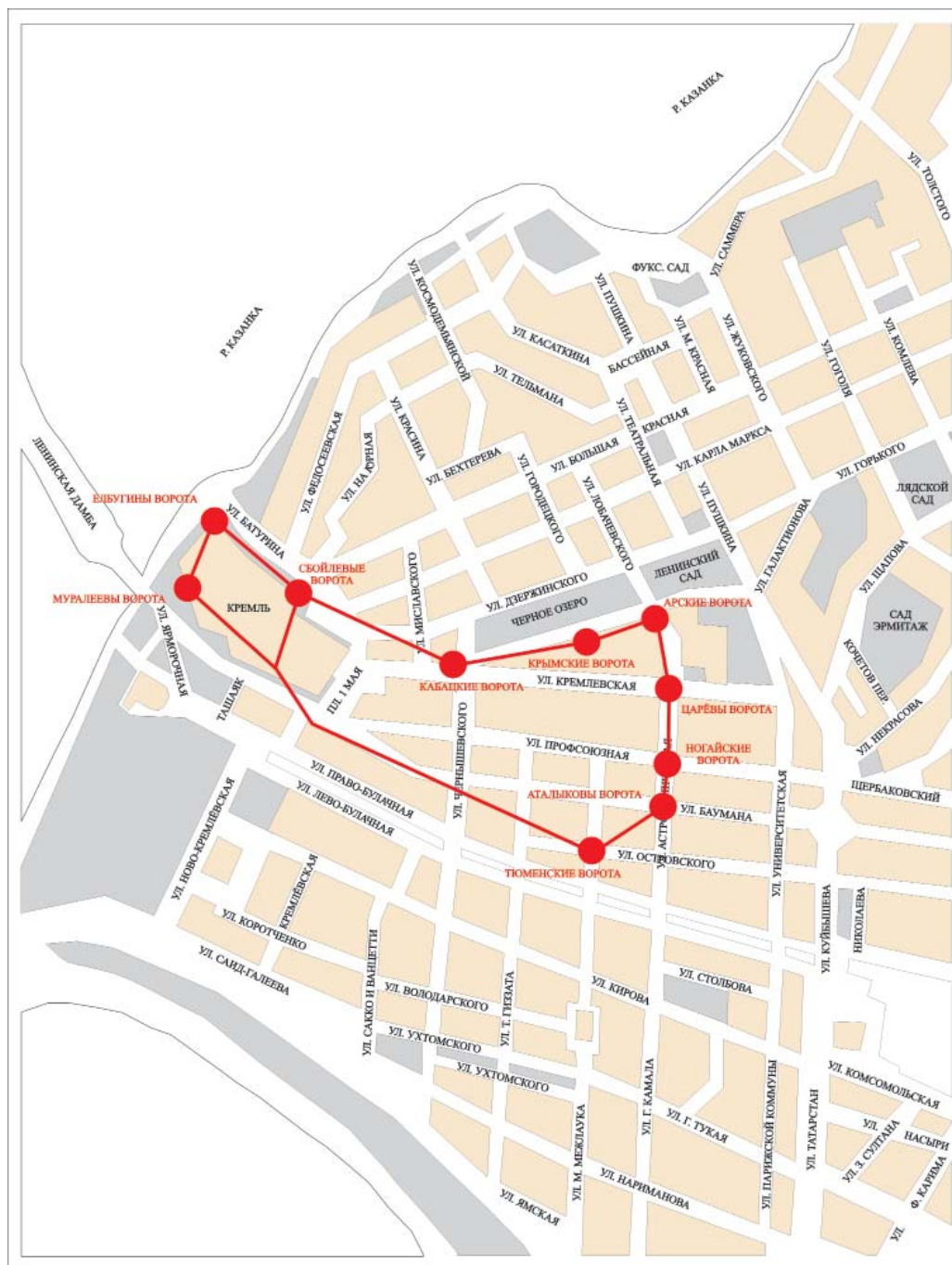

Рис. 24. Укрепления города Казани середины XVI в. (по Л.С. Шавахину)

она сложилась в результате естественного освоения удобных для заселения мест вокруг укреплений на северной оконечности Кремлевского холма. Отдельные городские территории в период Казанского ханства в силу специфики топографии располагались на значительном удалении от посада города (слободы Бишбалта, Армянская, Ягодная, Козья), отделенные от города широкой подтопляемой поймой, болотами и глубокими оврагами.

Исследования средневекового посада. Археологическое изучение территории средневекового посада и ближайшей округи Казани начинается во

второй половине XIX в. Активные работы в этом направлении (наблюдения за земляными работами и сборы находок на 40 объектах) проводил в 1920–1950-х годах Н.Ф. Калинин, а в последующие годы – его ученик А.Х. Халиков.

Новый этап в истории археологического изучения посада средневековой Казани начался в 1999 г. Особое место в этих исследованиях занимали охранно-спасательные раскопки и наблюдения в историческом центре города. В период с 1999 г. и практически до сегодняшнего дня такого рода исследования проводились на более чем 100 объектах площадью около 12 тыс. кв. м. В результате

накоплен огромный фонд археологических источников, изучение которых позволяет воссоздать древний облик средневековой Казани, определить ее статус в разные исторические эпохи, решать многие дискуссионные проблемы, имеющие часто принципиальный характер.

В изучении посада города актуальной является проблема возникновения этой важной составной части структуры средневекового города. Посад разрастался к востоку и юго-востоку от Кремля вдоль двух холмов, где теперь расположены улицы Нагорная, Большая Красная, К. Маркса и Чернышевского. Занимал он также низменные части, разделявшие эти два холма (Черноозерскую впадину) и спускался к западу и юго-западу – к Булаку. Возникла примыкающая к ней периферия в виде слобод (Кулмаметова, Армянская, Бишбалта, Кабанское городище, Старое городище и др.). С посадами связано также формирование отдельных слободских некрополей.

В 1935 г. и 1951 г. Н.Ф. Калининым была предпринята попытка изучения территории Архиерейской дачи на месте Кабанского городища (Калинин, Халиков, 1954, с. 66). Им было установлено, что поселение на этом холме появляется в XIII в. и связано, скорее всего, с первоначальным освоением территории города; в последующем урочище было активно освоено в период Казанского ханства. Современные археологические материалы не подтверждают эти предположения.

Самостоятельным объектом исследований, также увязываемым с ранней историей города, была Зилантова гора. Многочисленные легенды о происхождении Казани намекали на особую роль Зилантовой горы в истории первоначального города. Специальные работы с проведением раскопок в 1948–1950 гг. дали материалы в виде нескольких фрагментов позднеболгарской (?) керамики, указывающие, по мнению Н.Ф. Калинина, на его заселение не позднее золотоордынского времени. Исследователь считал, что поселение предшествовало появлению города на месте современного Кремля (Калинин, 1952, с. 27, 30). Раскопки 1970-х и 1990-х годов не дали материалов, подтверждающих эти предположения.

Как было отмечено выше при характеристике культурных напластований Кремля, посад домонгольского времени располагался вблизи крепости. Его формирование было тесно связано с заселением подошвы холма на берегах Булака и Казанки. Культурные отложения фиксируются с восточной стороны до старой протоки Казанки. Отдельные находки этого времени выявлены и у подножия Богородицкого холма (Хузин, Ситдииков, 2005, с. 84). Обширный посад с сохранившимся культурным слоем зафиксирован и с западной стороны на

террасе у подножия Кремлевского холма в районе ул. Ташаяк между Кремлем и старой засыпанной протокой Булака (Хузин, Ситдииков, 2004, с. 31–32). Следы древнего посада домонгольской Казани были зафиксированы в ходе археологических исследований 2002 г. при прокладке траншеи с западной стороны Кремля по ул. Баумана, в районе строительства развлекательного комплекса «Пирамида». Немаловажно, что поселения в этих районах существовали весь болгаро-татарский период (XI–XVI вв.). В числе интересных находок, найденных здесь, помимо многочисленной общеполгарской гончарной керамики, имеется небольшая медная иконка XIV–XV с изображением Богородицы Оранты. Вероятно, она связана с посещавшими Казань купцами-христианами.

Важными стали результаты исследований на территории комплекса КФУ при проведении охранных работ перед строительством нового корпуса. Здесь были обнаружены, кстати, остатки стоянки первобытных людей эпохи позднего палеолита. Особый интерес представляют материалы, относящиеся к периоду домонгольской Волжской Болгарии. В частности, из культурных отложений происходят многочисленные находки общеполгарской керамики X–XIII вв. Вероятно, здесь располагался один из пригородов древней Казани, что служит еще одним аргументом в определении городского статуса поселения, возникшего на Кремлевском холме в начале XI в. Была также установлена непрерывность заселения этого района во все периоды истории города. В раскопе найдены монета хана Хызра (1361 г.), фрагменты селадоновой посуды (Китай, XIII–XV вв.), кашинная поливная керамика (Средняя Азия, XIII–XV вв.), монета Василия III (1530-е гг.), многочисленная неполиванная красноглиняная болгаро-татарская керамика.

К домонгольскому периоду истории города относится также функционирование нескольких некрополей. Два из них выявлены на территории Кремля: в 1962 г. на месте строительства кафе за зданием Министерства культуры ТАССР и при раскопках в районе Пятигранной башни (Халиков, 1983). Оба некрополя находятся за пределами крепостных укреплений и, вероятно, были связаны с погребениями первого столетия существования города.

Еще один могильник домонгольского времени был найден на спуске с площади 1 Мая (Халиков, 1989а). В нижнем слое были выявлены следы могильных ям. По словам А.Х. Халикова, «стратиграфия залегания и наличие гробовища, что характерно в основном для мусульманско-болгарских погребений домонгольского времени, свидетельствуют о том, что перед нами остатки древнего (XII–XIII вв.) захоронения. Со слоем связано

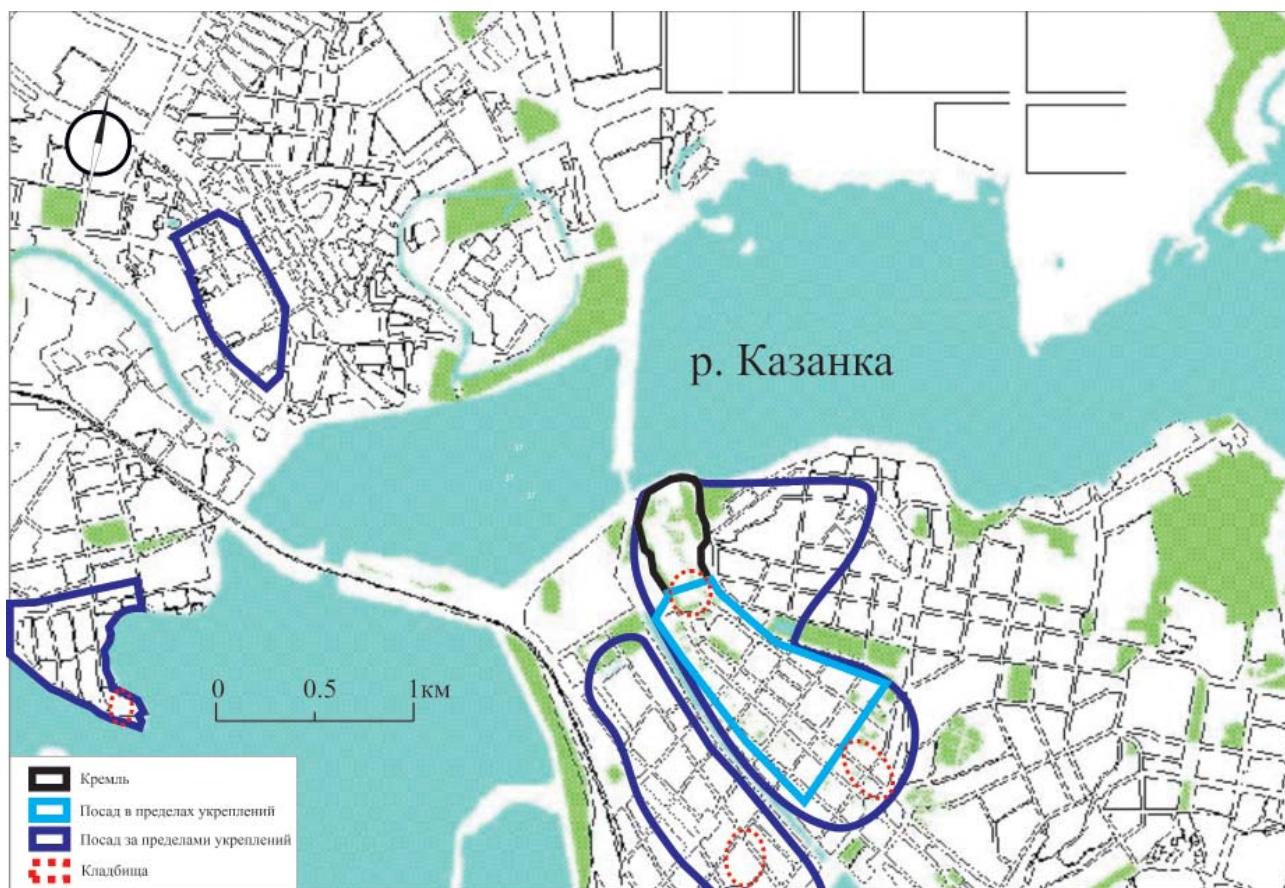

Рис. 25. Территория Казани в середине XVI в. (по А.Г. Ситдикову)

также до 20 фрагментов типично болгарской керамики с широким полосчатым лощением, характерным больше для домонгольского (XII–XIII вв.) времени Волжской Болгарии».

Последующее освоение посада за пределами крепости в золотоордынское время показывает более интенсивное заселение. Преемственность освоения районов и направленность заселения прослеживаются и в эпоху Казанского ханства.

Раскопки 1988 г. в зоне строительства Казанского метро дали стратиграфию культурных отложений, ранние горизонты которых датируются XIII–XIV вв. (Халиков. Отчет о работах 1988 г.). Здесь выявлены остатки деревянных конструкций, интерпретированных А.Х. Халиковым как следы посадской стены XIV–XVI вв., а также кожаные мастерские с большим количеством изделий из кожи и производственных обрезков.

Эти исследования нашли подтверждение и в раскопе 2004 г., располагавшемся севернее, на пересечении ул. Баумана и 1 Мая. Культурный слой достигал мощности от 0,5 до 5 м. Увеличение залегания отложений происходило в понижении склона Кремлевского холма в западной части. Интерес представляют остатки деревянных построек в раскопе 3, имеющих несколько строительных ярусов XV–XVII вв. В нижних отложениях раско-

па из-за насыщенности слоев водой было обнаружено большое количество хорошо сохранившихся изделий из дерева, кожи, а также керамики в общеполгарских традициях.

Отдельными раскопами проводились исследования вдоль здания Гостиного двора. В восточной части отмечалась нивелировка поверхности до материка, поверх которого сформировался современный техногенный слой. Стратиграфически в напластованиях удалось разграничить несколько этапов освоения данной территории. Под современным слоем на не разрушенных поздними срезками участках отмечалась каменная мостовая и остатки фундаментов зданий. Ниже фиксировались напластования и связанные с ними постройки с находками, характерными для XVIII–XIX вв. На уровне материка были выявлены пятна могильных ям мусульманских погребений XVI в. с обломками каменных надгробий. Более ранних отложений выявить в раскопе не удалось, хотя в числе находок попадались многочисленные фрагменты красноглиняной болгаро-татарской керамики в переотложенном состоянии. Вероятно, в период интенсивного освоения торгового более ранние слои были переработаны.

Южнее Гостиного двора на территории бывшего Геологического факультета Казанского

университета охранные работы велись в Лукинском и Учительском дворах. Здесь были обнаружены объекты и напластования ханской Казани. Удалось локализовать местоположение двух кладбищ: одно – эпохи Казанского ханства на пересечении ул. Чернышевского и Кремлевской, другое – второй половины XVII – начала XVIII в., у колокольни Петропавловского собора (Григорьев, Печенкин, Ситдилов, Старков, 2002).

Эти материалы перекликаются с данными наблюдений 1964–1965 гг. в траншее, проложенной по ул. Ленина (ныне Кремлевская). Здесь выявлены культурные напластования и материалы XV–XVI вв. В 1962–1968 гг. на месте слома старого здания цирка на углу ул. Черноозерской и Чернышевского собраны материалы (в основном обломки керамической посуды) XIV–XV в. (Халиков, 1983). Аналогичные результаты, кстати, были получены и при наших наблюдениях 1996 г., проведенных в этом же районе (Хузин, Ситдилов, 2004, с. 31–32). В ходе наблюдений на месте строительства нового здания физкорпуса КГУ А.Х. Халиков зафиксировал следы углублений, интерпретированных им как возможные остатки посадского рва XVI в. (Халиков, 1985).

Параллельно проводились наблюдения за строительными работами на территории Казани (Халиков, 1983; 1985). В 1971 г. у онкологического диспансера под Кремлем были отмечены мощные (до 7 м) культурные отложения в виде засыпи углубления оврага. Интересными оказались наблюдения в районе строительства здания гуманитарных факультетов КГУ, где были выявлены слои XV–XVI вв. Эти сведения уточнили представления о территории ханской Казани.

Частью посада ханского времени было хорошо известное по письменным источникам Старое городище (Халиков, 1988). Оно было локализовано благодаря исследованиям 1985 г. на территории бывшего Казанского Богородицкого монастыря, в 500 м к востоку от Кремля. В культурных напластованиях мощностью до 75–80 см стратиграфически было выделено четыре слоя. Нижний слой, состоящий из светлой коричневой супеси, мощностью в 5–10 см оказался близким к IV (золотоордынскому) слою в отложениях Казанского кремля. Аналогичные материалы были получены в 1972 г. во время наблюдений при строительстве нового здания школы № 33 по ул. Красина на территории этого же монастыря (Халиков, 1983, с. 128). Здесь также были выявлены слои XV–XVI вв. Аналогичные результаты были получены в ходе археологических исследований 1997, 1999, 2000–2001 гг. на Богородицком холме и прилегающих участках. В шурфах, заложенных по всему периметру бывшего монастыря и в центральной ее части, зафик-

сировали материальные остатки в виде керамики, датированные XIV–XV вв. К сожалению, не удалось выявить остатки укреплений, которые могли бы объяснить происхождение названия этого места.

Археологические исследования с восточной стороны бывшего монастыря, проведенные на месте разрушения культурного слоя при строительных работах на пересечении ул. Дзержинского и Япеева на берегу Черного озера, в 200 м юго-восточнее Казанского кремля, позволили зафиксировать культурные отложения мощностью в среднем до 1,5 м в разрезах стенок котлована траншеи и здания. Мощность культурного слоя достигала 150 см вне сооружений. Наиболее ранние отложения датировались XVI в. Находки представлены красноглиняной болгаро-татарской и белоглиняной керамикой. Данные наблюдения еще раз подчеркивают раннее освоение этой территории.

Исследования на Федоровском бугре в районе строительства Ленинского мемориала (совр. Национальная библиотека). Тщательно изучалась стратиграфия слоев в траншеях длиной более 300 м. Результаты наблюдений окончательно убедили А.Х. Халикова в отсутствии здесь каких-либо следов исторически известного и обычно здесь локализуемого Старого городища (Халиков, 1985).

Вероятно, с золотоордынской периферией города было связано поселение, располагавшееся недалеко от городища Казанка I. В 1962–1968 гг. фрагменты болгарской желто-красной керамики с лощением были обнаружены с юго-восточной стороны городища (Халиков, 1983).

Археологические исследования в историческом центре города при проведении строительных работ сопровождали подготовку строительного котлована на месте здания XIX в. на ул. Баумана. Из-за значительных поздних перекопов ранние слои сохранились фрагментарно. Мощность культурных отложений на непо потревоженных участках достигала 6 м. Наиболее ранние слои серой плотной супеси толщиной около 40–50 см датировались XVII в. Судя по письменным источникам, район активно был освоен еще в период Казанского ханства. Вероятно, ранние отложения были переработаны и не выделяются стратиграфически. Среди находок имеются и фрагменты красноглиняной общеполгарской керамики.

Наблюдениями сопровождалась подготовка строительного котлована (330 кв. м) на месте здания XIX в. на ул. Т. Гиззата. Мощность культурных отложений достигала 2 м. Наиболее ранние слои серой плотной супеси толщиной датировались первой половиной XVI в. Находки представлены красноглиняной болгаро-татарской керамикой. Культурные напластования Казанского ханства были также выявлены на ул. Московской,

д. 27, 29. Средняя мощность залегания слоев вне сооружений составляла 330 см. В переотложенном состоянии встречены фрагменты керамики в болгарских традициях, характерные для III слоя Кремля.

Район улиц в Забулачье, ограниченный улицами Тукая и Татарстан, вероятно, был освоен еще в период Казанского ханства. Данный район, возможно, связан с районом Кураиш и локализуемой здесь Отучевой мечетью. С некрополями Казанского ханства связаны захоронения, выявленные в районе Центрального рынка по ул. М. Межлаука, где были обнаружены мусульманские погребения кладбища Кураишевой слободы (Ситдииков, 2006, с. 345–350). Площадь котлована к началу наблюдений составляла 61×24 м при глубине 4 м от современной поверхности. Мощность культурных напластований – от 2 до 3,5 м. В юго-западном и северо-восточном концах котлована фиксируется заметный подъем поверхности коренных отложений. Материковый грунт представлен в юго-западном конце котлована желтым плотным песком, а в северо-восточной части песок отличается более серым оттенком со следами интенсивных аллювиальных смылов.

Слой III – плотная коричневатая-серая супесь с мелкими вкраплениями угля, суглинка и подзола – сохранился фрагментарно в основном в юго-западной половине котлована. Со слоем связаны несколько столбовых ямок под северо-западной и юго-восточной стенками котлована. Крайняя скудность находок не позволяет установить его точные хронологические рамки, но наличие многочисленных фрагментов гончарной неполивной керамики со следами лощения, найденных в восточном углу котлована в переотложенном виде, все же не исключают полностью наличия здесь слоя, сопоставимого с III слоем стратиграфической шкалы Казанского кремля XV–XVI вв.

Наличие погребений в северном углу котлована может говорить о том, что именно со стороны ныне существующих центрального павильона рынка и завода «Эталон» в XIX в. могли функционировать христианское кладбище и храм. Не исключено, что раньше на этом же всхолмлении находился некрополь мусульманского населения. Такая гипотеза высказывалась ранее А.Х. Халиковым, который предполагал наличие здесь и остатков Отучевой мечети (Халиков, 1988, с. 32).

Проведенные наблюдения у Центрального рынка на улице М. Межлаука, а также сведения других исследований свидетельствуют о том, что данный район в древности часто подтапливался, поэтому интенсивно осваиваться стал лишь после завершения «ханского периода» в жизни Казани.

В результате исследований на левом берегу р. Казанки, в районе бывшей мукомольной мельницы напротив Воскресенской башни, удалось выявить остатки свай, гати, а также следы Алатской и Галицкой дорог XVI–XVII вв. (Калинин. История Казани, рукопись, с. 319). В 1947 г., 1951 г. в результате наблюдений на ул. Кирова (совр. ул. Московская), Гаражной была локализована легендарная Кураишева слобода и установлено местоположение ее кладбища. В ходе исследований в 1950 г. удалось выявить мусульманское кладбище XVI в. на площади Лобачевского (Калинин. История Казани, рукопись, с. 319). Наблюдения, проведенные в 1949 г. на ул. Калинина, подтвердили исследования 1900 г., 1919 г. Н.Ф. Высоцкого и Б.В. Миллера о наличии здесь армянского кладбища XV–XVI вв. (Высоцкий, 1889; 1900; Миллер, 1925).

Обращает на себя внимание значительная разрушенность культурного слоя на большей части пригородов-слобод. Это объясняется рядом причин. Одной из них является незначительность культурного слоя болгаро-татарского периода из-за слабой освоенности территории и небольшой интенсивности жизнедеятельности в этот период. Другим фактором является вовлеченность этих напластований в процесс формирования культурного слоя после захвата и заселения города новыми переселенцами. В культурных напластованиях этого периода содержатся многочисленные находки более ранних периодов.

Примером сильной переработанности культурного слоя служат материалы археологических исследований по ул. Чернышевского. В результате проведенных работ на площади более 500 кв. м были выявлены культурные напластования мощностью более 3 м. Зафиксированы остатки сооружений XVI–XX вв. Интенсивное заселение этой территории г. Казани относится к XVII в. и предоставляет косвенные сведения о топографии Казани более ранних периодов. Находки болгаро-татарского времени в основном встречаются в нижнем горизонте слоя, датированного концом XVI – началом XVII вв.

Близкая ситуация наблюдалась и при раскопках на территории бывшей Кулмаметовой слободы. Охранные работы осуществлялись на месте строительства вентиляционной шахты станции метро «Суконная слобода» (Ситдииков, 2004к). Здесь было заложено два раскопа площадью около 300 м. Мощность культурных отложений не превышала 2 м. Фиксировались слои, формировавшиеся на данной территории с XVII в. Более ранних материалов не было выявлено.

Современные археологические исследования на других объектах посада (Бишбалта, Козья,

Ягодная), известных по письменным источникам, не дают материала ранее конца XVI в. Отсутствие культурных напластований и предметного ряда ранней истории этих объектов, хорошо известных и по Писцовой книге 1565–1568 гг., вероятно, следует объяснить слабой освоенностью этих территорий в начальной истории их освоения.

За пределами линии укреплений посадка изучение культурных слоев проводилось по ул. Лобачевского, к востоку от Черного озера, по ул. К. Маркса, Большой Красной, Миславского и на территории Казанского университета. Слои до-русской Казани здесь не были выявлены, что свидетельствует об освоении этой территории уже после 1552 г.

В начале 2000-х годов был исследован посад, известный по письменным источникам как Старо-Татарская слобода. Объектом исследования стал район исторической мечети Марджани (Ситди-ков, Хузин, 2001; Ситди-ков, Хузин, Шакиров, 2002). Было заложено 35 шурфов, общая площадь которых составляет 97 кв. м, при средней глубине культурного слоя 150 см. Шурфы закладывались вдоль фундамента зданий площадью от 2 до 25 кв. м. Мощность культурного слоя имеет тенденцию уменьшения к востоку, ближе к берегу озера Кабан (ул. Ш. Марджани), и к западу в районе ул. Нариманова. В культурных напластованиях выделяются два слоя: I слой – XX–XIX вв., II слой – второй половины XVI–XVIII вв.

Аналогичные результаты были получены при изучении ул. Х. Такташа и Сафьян. Мощность культурного слоя в этом районе города составляет 160 см. Среди находок из нижних напластований имеются в основном фрагменты серой и белоглиняной керамики XVI–XVIII вв.

Не выявлены культурные напластования интересующего нас времени южнее Кремлевского холма по линии ул. Пушкина. В районе памятника М. Вахитову в котловане строящегося тогда здания Пенсионного фонда были обнаружены многочисленные подклети, связанные с Рыбнорядской улицей. Наиболее ранние отложения датируются второй половиной XVI в.

В результате проведенных исследований были выявлены культурные напластования и ряд объектов, связанных освоением этой территории после второй половины XVI в. Отсутствие более ранних напластований свидетельствует о том, что эти районы до середины XVI в. не входили в посад Казани.

* * *

Подытоживая результаты многолетних археологических исследований на территории Казанского кремля и в исторической части города, предлагаем вниманию читателя краткий

очерк исторической топографии средневековой Казани.

Как известно, история города берет начало со времен Болгарского государства, в котором он играл роль приграничной крепости и международного торгового пункта (Хузин, 1999, с. 19; Ситди-ков, 2006, с. 109). По наблюдениям археологов, средневековые города возникают, как правило, не на пустых местах, им предшествуют более древние поселения. Это не случайно: они располагаются на местах, которое выделялись исключительными удобствами для жизни людей. По описанию анонимного автора «Казанской истории» второй половины XVI в., местоположение Казани было «пренарочито и красно вельми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцами земными семяны родимо и овощи преизобильно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много, яко не можно обрести другаго такова места по всей Руской нашей земле, нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим не вем же [не знаю], аще есть будет [есть ли] в чужих землях» (Казанская история, 1954, с. 47).

Первоначально поселение, на котором вырос позднее настоящий город, занимал высокий мыс («Кремлевский холм»), возвышающийся на левом берегу Казансу, левого притока Волги. Обширные поймы, раскинувшиеся к западу от Кремлевского холма и известные позднее как Ханские луга, которые «травою многою зеленыя и цветы красяся», а также окруженные крутыми склонами и оврагами приречные мысы были очень удобны для расселения здесь древнейших рыболовов и охотников. Благоприятные условия для жизни первобытные люди находили в районе великолепных волжских стариц – на берегах Ближнего, Среднего и Дальнего Кабана. Именно на этих местах археологи обнаруживают следы древнейших стоянок и городищ. Только на территории современной Казани их несколько десятков. Среди них выделяется небольшое (площадью всего 5–6 га) укрепленное поселение на Кремлевском холме, из которого и выросла позднее наша Казань.

В первой половине XV в., к моменту образования ханства, Казань была уже достаточно крупным политическим центром данного региона. Став преемственницей города Болгара, она называлась одно время «Болгар ал-Джадид» – Новый Болгар. Основываясь на некоторых источниках, можно предположить, что болгарский князь находился в Казани в конце XIV – начале XV в. Так, в событиях, описанных русскими летописцами под 1370 и 1376 годами, упоминается борьба болгарского князя Хасана с Золотой Ордой за самостоятельное управление своими землями. В результате конфликта с Ордой он был вынужден оставить

город Болгар. Вскоре после этого Хасан-бек появляется в районе Казани. Некоторые историки считали эмира Хасана даже основателем города Казани. Это не так, но описываемые в летописях события действительно отражали реальные стремления Болгарского улуса и его князей (эмиров или беков) к независимости от Золотой Орды. Именно в этот период Казань начинает играть все возрастающую роль среди других болгаро-татарских городов. Она становится новым центром на бывших окраинных землях Волжской Болгарии. Об этом свидетельствует чеканка монет на рубеже XIV–XV вв. от имени Гиазетдина с указанием места чеканки – «Болгар ал-Джадид», т. е. «Новый Болгар» (Мухамадиев, 2005, с. 189).

К началу XV в. Казань уже представляла собой крупный торгово-ремесленный город с международной ярмаркой на Гостином острове. На территории города располагались торговые районы: на площади у южных, Ханских ворот Кремля, на улице Ташаяк и прилегающих к городу слободах (Армянской, Кураишева, Бишбалта).

Усиление роли Казани в качестве торгового центра с международными связями нашло отражение в западноевропейских картах. На некоторых из них севернее слияния Волги и Камы на месте современной Казани указан город *Castrum* – «крепость» в переводе с латинского. В археологических слоях Кремля этого времени много привозной посуды с красивой полихромной росписью из ремесленных центров Нижнего Поволжья, Кавказа и Средней Азии, дорогостоящих селадоновых чаш из Китая, отдельных находок или даже кладов джучидских монет сарайской чеканки.

Казань в период расцвета ханства, т. е. в конце XV – начале XVI вв., занимала территорию, включая торгово-ремесленные посады и пригородные поселки, около 100 гектаров, и в ней проживало около 10–15 тысяч человек.

Город состоял из нескольких частей. На высоком мысу у живописного берега Казансу располагалась центральная, административная часть города – крепость («арк» в ярлыке хана Ибрагима, «град» в русских летописях, «вышгород» у автора «Казанской истории») со сторожевой башней в центре. Современники писали: «От Казани-реки гора так высока, что даже смотреть неудобно. На ней же град стоит и палаты царские и мечети, очень высокие, белокаменные, где умершие цари клались» (Древняя Казань, 1996, с. 122).

Казанская крепость занимала большую часть современного Кремля. Мощные оборонительные стены и башни, построенные из белого камня, а в основном из дубовых бревен (городни), защищали площадь около 10 га. С южной стороны крепости, немного севернее современной Спасской

башни, располагались главные ворота – Ханские или Большие. В юго-западном углу, там, где сейчас Преображенская проезжая башня напротив Центрального стадиона, возвышалась Тюменская башня. Далее по западному склону холма, со стороны Булака и Ярмарочной площади, стояли еще две безымянные башни. Северо-западный угол крепости защищала башня Нур-Али (совр. Тайницкая). Почти в центре северной стены, со стороны Казансу, была построена единственная белокаменная башня в Казанской крепости, которую и сейчас условно называют Северной. Для защиты северо-восточного угла крепости была воздвигнута Елбугина башня с проездыми воротами (Елга буе капкасы). Еще несколько башен было по восточному склону холма, но точные их названия мы не знаем.

Таким образом, в Казанской крепости было не менее 10 башен, построенных в традициях болгарских времен. Конечно, они, будучи деревянными, не сохранились до наших дней. Археологами была раскопана лишь Северная башня, почти квадратная в плане (9,5×9 м), сложенная из крупного известнякового камня. Нижняя, сохранившаяся часть башни недавно была законсервирована для туристического показа. Установлено, что и примыкающая к этой башне часть стен была воздвигнута из камня еще в ханские времена.

Казань была одним из самых укрепленных городов не только в ханстве, но и во всей Восточной Европе. Очевидцы писали: «Град же Казань крепок – подобен каменной горе». Русский царь Иван IV Васильевич, подступив к городу с целью его захвата, был поражен «необычайной красотой стен и крепости града» (Древняя Казань, 1996, с. 99–100). Именно в этой крепости защищалось практически все население города и его округа от нападений врагов, именно она противостояла русским войскам во время последнего штурма города в октябре 1552 года.

В северной части «града» располагался Ханский двор, укрепленный белокаменной стеной, правда не такой мощной, как стены самой крепости. В центре Ханского двора своей красотой и великолепием выделялся двухэтажный белокаменный дворец – резиденция правителя государства. Полагают, что на этом месте позднее был построен Губернаторский дворец (в настоящее время – резиденция Главы РТ).

Перед Ханским дворцом, всего в 50 м от него, стояло еще одно белокаменное здание прямоугольной формы (18×24 м), которое раскопали археологи (Набиуллин, 2006). Это здание, упомянутое под названием «Большая палата» в Писцовой книге 1565–1568 годов, также входило в комплекс

Ханского дворца и предназначалось, вероятно, для размещения охраны и приема иностранных послов, которым предстояла встреча с высшими лицами государства.

Рядом с Ханским дворцом, с юго-западной стороны, в районе современной башни Сююмбике, красовались две мечети – Ханская и Нурали (в Писцовой книге г. Казани 1565–1568 гг. упоминаются пять каменных мечетей). Остатки мечети Нурали пока еще не обнаружены. Ханская мечеть локализована археологами. Как установлено, ее развалины – подвальная часть кирпично-каменного здания размерами 14×23 м, ориентированного на кыблу, – частично уходили под северо-восточный угол башни Сююмбикэ, указывая тем самым на более поздний возраст последней (не ранее конца XVII в.). Можно выделить два периода строительства. С первым периодом связано возведение белокаменной части (14×14 м). Стратиграфически время возведения ее восходит к ранним горизонтам слоя Казанского ханства. Другая часть здания (9×9 м) построена из кирпича и связана с верхними горизонтами слоя. Время разрушения здания и засыпки подвалов относится к рубежу XVII–XVIII вв. В Писцовой книге 1565–1568 гг. это здание соотносится с локализуемой в ханской резиденции «мечетью у Царского двора» (Материалы по истории, 1932, с. 2).

Любопытно, что историческая память татарского народа до сего дня отождествляет в своем сознании Ханскую мечеть с башней Сююмбикэ, где, по преданиям, покоятся тела мусульманских святых или ханов. Как видим, не без основания – более ранняя Ханская мечеть и поздняя башня Сююмбикэ построены практически на одном и том же месте, а с западной стороны мечети действительно располагались усыпальницы казанских ханов¹. Здесь же похоронены близкие родственники ханов и представители высшей феодальной знати.

В Ханском дворе были и другие здания. В них размещались правительственные учреждения, библиотека, баня, конюшня, продовольственные и оружейные склады, а также разные хозяйственные постройки и ремесленные мастерские. Были здесь, конечно, и рядовые жилища, в которых жили простые люди, обслуживающие двор правителей. В одном из домов в слое пожара середины XVI в. был найден клад монет, рассыпанных по деревянному полу (Булыгин, 2001, с. 312–316; Мухаметшин, Ситдииков, 2001, с. 308–311). В других сооружениях, погибших в пожаре 1552 года,

найлены обугленные зерна пшеницы, ржи, проса, а также человеческие кости.

Перед Ханским двором, но уже за его пределами, располагалась большая площадь, где возвышалась Соборная, т. е. главная, мечеть города, названная по имени главы мусульманского духовенства, выдающегося государственного деятеля и поэта Кул Шарифа. По описаниям источников, она была очень красивая и имела, судя по легендам, восемь минаретов с полумесяцами (Халит, 2011, с. 141–148).

В северо-западной части крепости, получившей позднее название «Пушечный двор», размещались военный гарнизон, оружейные мастерские и арсенал боеприпасов.

Остальную территорию Казанской крепости занимали усадьбы правящей знати, богатых феодалов с одно- и двухэтажными домами, которые, как писали современники, «очень красивы и удивления достойны». Вокруг них располагались простые дома охранников крепости, ханской прислуги, а также мастеров-ремесленников, занятых обслуживанием знати и военной дружины.

За высокими стенами крепости начинался торгово-ремесленный посад. К сожалению, эта часть территории города плохо исследована археологически, однако небольшие раскопки на современных казанских улицах проводятся ежегодно, и поэтому у нас есть основания надеяться на интересные открытия.

Судя по немногочисленным письменным источникам, посад Казани также был обнесен укреплениями в виде рвов глубиной до 3 м и земляных валов шириной основания до 20 и высотой до 4 м. Поверх валов стояла дубовая стена в виде городней, т. е. вплотную примыкавших другу к другу срубов, заполненных землей и камнем. Судя по некоторым сведениям, остатки этих укреплений были заметны еще в XVIII в.

Посадская стена начиналась от башни Нурали (Тайницкой) в северо-западном углу крепости и спускалась к Булаку. Отсюда, от Аталыковых ворот, стена шла далее по правому берегу Булака (примерно по современной улице Островской) до Крымских или Кураишевых ворот и поднималась до Арского поля. От Арских ворот (примерно в районе совр. Театра оперы и балета) укрепления тянулись вдоль Черного, Гнилого и Белого озер в северном направлении и соединялись с Елбугиными воротами (совр. Воскресенская башня) Казанской крепости (рис. 22–24).

Посад был застроен довольно плотно, но без определенного плана. Ближе к воде находились ремесленные мастерские (металлургическая и гончарная слободы), мельницы и бани. «Баня каменная, Даирова зовома» указана современниками

¹ По мнению Н.Х. Халитова, под словом «мечеть» подразумевалось обычно «не только здание, но и весь культурный комплекс, включая некрополь с усыпальницей и внутренний двор, защищенный каменной стеной» (Халит, 2011, с. 109).

на берегу Булака недалеко от Нуралиевой башни. Постоянно действующий рынок располагался в западной части посада, между Булаком и крепостной стеной, в районе улицы Ташаяк, исчезнувшей лишь недавно, в конце прошлого столетия. Остальная территория была занята усадьбами рядовых горожан, которые жили в обычных срубных домах. Среди них выделялись кирпичные и деревянные дома богатых жителей города. На некоторых участках очерченной выше территории посада, например, на центральной улице Баумана, раскопки проводились, но не везде обнаружили культурные слои периода ханства. Не исключено, что это объясняется с плохой сохранностью слоя, переработанностью древних отложений в русское время.

За посадскими стенами жизнь текла в пригородных поселках – слободах. Их жители обеспечивали город продуктами питания, дровами и другими материалами, необходимыми для повседневной жизни и работы торгово-ремесленного населения города. Через Булак, напротив Крымских ворот, находилась Кураишева слобода. В центре ее стояла Отучева мечеть. Далее в сторону Волги раскинулись красочные Царевы луга. Здесь устраивались большие праздники, проводились скачки.

Праздничные гуляния проходили также на Арском поле.

В устье Казанки выросла знаменитая слобода плотников и корабельных дел мастеров – Бишбалта. Недалеко, в заливе Волги, называемом Тирен Узэк, находилась стоянка для торговых и военных судов.

Между Арским полем и озером Ближний Кабан, в районе современных улиц Ульяновых, Волкова, Достоевского, Вишневого и Калинина, была Армянская слобода. На ее кладбище, в конце улицы Калинина, до недавнего времени стояли надгробные камни с армянскими надписями XVI в.

Часть названий сел эпохи ханства сохранилась до наших дней: Кулмаметово (Кул-Мухаммад), Кулсеитово, Кадыш, Аметьево (Ахмед, Ахмад) и др.

Уровень городской жизни Казани был довольно высок. Это создавало ей славу богатого и изобильного города. Величавая крепость на горе, Ханский двор с его роскошными зданиями, устремленные в небо высокие минареты мечетей, красивые дома богатых горожан придавали городу облик восточного города. Недаром иностранцы называли Казань «дивным городом», «столицей Востока».

ГЛАВА 3

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ. МЕЧЕТЬ КУЛ ШАРИФА В КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ

Изучение жилищ и хозяйственных построек – один из важнейших разделов материальной культуры любого народа – представляет интерес во многих отношениях. Рядовые дома горожан и связанные с ними хозяйственные сооружения, которые, как правило, образовывали вместе обычную усадьбу, помогают реконструировать планировку и топографию города, особенно в тех случаях, когда вскрытие исследуемых участков проводится широкими площадями, как и положено, впрочем, при раскопках поселений. Особенности планировки усадьбы, детали интерьера и конструкции жилищ, система отопления, если их удастся фиксировать в ходе раскопок, служат важным историческим источником. Кроме того, графические реконструкции рядовых жилищ (естественно, и элитных домов, общественных зданий, если таковые имеются) вкуче с реконструкциями оборонительных сооружений помогают воссоздать внешний архитектурный облик изучаемых поселений.

В древней Казани интересующие нас объекты были открыты впервые А.Х. Халиковым и Л.С. Шавохиным в ходе раскопок 1970-х годов. Подготовленные ими к публикации богатые материалы Казанского кремля так и не дошли до читателя. Уже после смерти А.Х. Халикова нам удалось часть этих материалов ввести в научный оборот, к сожалению, без графических иллюстраций (см.: Халиков, Шавохин, 1996, с. 298–350). Состояние с публикацией источников по данной теме таково, что до сегодняшнего дня нет ни одной работы, посвященной жилищам и хозяйственным сооружениям Казани и Казанского ханства в целом. Мы постараемся в какой-то степени восполнить этот пробел, опираясь при этом на результаты раскопок Казанской экспедиции 1994–2005 гг. и отчеты предшествующих исследователей.

Всего на территории Казанского кремля археологически изучено за 1994–2005 гг. 817 сооружений, в том числе 73 жилища и около 750 хозяйственных построек, выявленных в слоях домонгольского, золотоордынского времени и Казанского ханства. Из них 3 жилища и более 80 хозяйственных сооружений относятся к V домонгольскому слою, около двух десятков жилищ и 165 хозяйственных сооружений – к IV золотоордын-

скому слою и более 50 жилищ и 500 хозяйственных сооружений – к III слою ханского времени. Сохранность большинства сооружений, особенно из нижних слоев, неудовлетворительная, так как они разрушены и перекрыты более поздними объектами, что, впрочем, вполне объяснимо в условиях постоянно развивающегося и меняющего свой облик города с тысячелетней историей.

Часть изученных объектов, определенных нами как хозяйственные ямы, по всей вероятности, связаны с жилищами. Так, в южной половине раскопа I 1994 г. в слое пожарища 1552 г. были зафиксированы конструкции в виде беспорядочно лежащих обугленных бревен, скоплений древесного тлена и угля, которые, скорее всего, являются остатками разрушенных во время штурма города наземных домов. Подполья двух из них обозначены как сооружения 2 и 3, выявленные после снятия слоя пожарища под вышеуказанными конструкциями. Прямоугольное в плане сооружение 2 размерами 360×240 см (западной половиной уходит за пределы раскопа) имело отвесные стенки, укрепленные срубом из толстых горбылей, и деревянный пол из досок, положенных на поперечные брусья с расстоянием 140 см друг от друга. В заполнении обнаружены обломки гончарной посуды, в том числе из кашинного теста с поливой сине-голубого цвета, сильно корродированные предметы из железа и меди. Интересны находки яичной скорлупы на дне постройки. Аналогичное сооружение 3 имело также прямоугольную форму (340×300 см) глубиной 150 см. В яме хорошо прослеживались остатки сруба из горбылей толщиной до 15 см. Как и в предыдущем сооружении 2 пространство между срубом и земляными стенками котлована было утрамбовано стерильной материковой глиной. Среди находок из заполнения имеются три диска каменных жерновов (один из них в обломках), кости животных и рыб.

Сооружения, близкие по устройству к вышеописанным, составляли значительную часть объектов ханского времени (Ситдииков, 2006б, с. 75–88). Подробно не останавливаясь на их описании, отметим лишь некоторые детали, важные для составления общего представления о них. Так, сооружение 9 (420×230 см, гл. 60 см) того же рас-

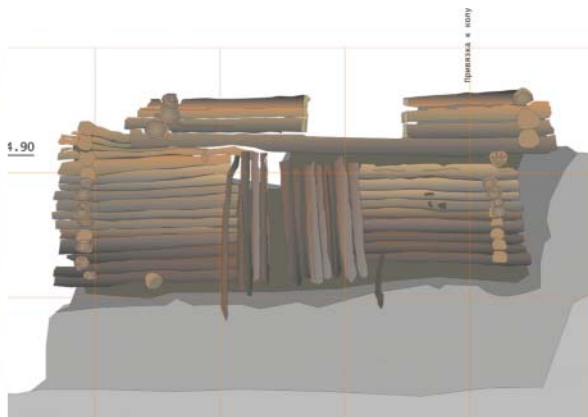

Рис. 1. Деревянное сооружение в раскопе LI 2002 г.

копа интересно тем, что внутри сруба из горбылей обнаружено большое скопление зерен пшеницы (прослойка обугленных зерен толщиной до 10 см на всей площади пола). Найдены также фрагменты шерстяной и льняной ткани, кусочки войлока, железные кольцо, шило, топор, точильный брусок, два камня дисковидной формы диаметром 25, толщиной 14–18 см, весом около 10 кг, со знаком в виде трезубца на поверхности, которые могли использоваться в качестве гирь при взвешивании товаров. В числе находок следует упомянуть также глиняное зажигательное ядро диаметром 9 см со сквозными отверстиями и полое внутри, в результате попадания которого постройка, видимо, и была уничтожена. В функциональном отношении она, возможно, являлась житницей-амбаром, о чем свидетельствует большое количество зерна в заполнении, или же жилищем наземного типа с неглубокой подпольной хозяйственной частью. Правда, смущает отсутствие следов печи в сооружениях такого типа, но они, скорее всего, просто не сохранились¹. В этом отношении представляют интерес остатки печи (соор. 13 раскопа I, которая четко оконтурилась в виде пятна прямоугольной формы (170×146 см). Удалось зафиксировать свод печки и ее под, выложенные из половинных кирпичей. Основание печи покоилось на конструкции из деревянных брусьев и известняковых камней. Рядом обнаружены обломки глиняной посуды, развал чугунного котла из шести обломков, каменный оселок и пр. Прямая связь изученного объекта с какой-либо постройкой жилого характера не установлена. Скорее всего, она находилась в срубном жилище наземного типа, подпольная часть которого была определена в ходе раскопок как хозяйственное сооружение 28.

¹ В ряде сооружений, определяемых как подпольные части наземных домов, встречены обломки кирпичей и глиняных обмазок в виде плиток толщиной около 1 см; не исключено, что они происходят от разрушенных печей.

Иногда назначение изученных объектов удается определять по составу обнаруженных в них находок. В этом отношении показательно сооружение 16 раскопа IX 1997 г., представляющее собой срубную конструкцию размерами 380×270(?) см (объект вошел в раскоп не полностью), углубленную в землю всего на 55 см. Прослойка пожара, которая перекрывает сохранившиеся остатки сооружения, разделяет слои III (ханского времени) и II (раннерусского времени). Под сгоревшими деревянными конструкциями лежали обугленные человеческие кости и комплекс бытовых вещей: обломки керамики, в том числе ошлакованной под воздействием высокой температуры, железный нож, костяная проколка, комки шерсти, мотки шерстяных ниток, обломки обугленной прялки, лапти, кусочки шерстяной ткани и пр. Хозяйка дома, очевидно, занималась прядением или ткачеством и погибла во время штурма города войсками Ивана IV.

Безошибочному определению назначения ямных сооружений прямоугольной формы в качестве подпольной части срубных домов способствовали наши наблюдения на разрушаемом при строительстве дороги северо-восточном склоне Кремлевского холма. В обнажении культурного слоя был зачищен участок, где в отложениях III слоя зафиксировано сооружение 5 – остатки сгоревшего дома с подклетом и завалившейся глинобитной печью. Ширина наземной части дома составляла 5 м, подклета – 3 м. В разрезе четко прослеживались следы провалившихся в подклет поперечных бревенчатых конструкций пола.

В числе хорошо сохранившихся построек нежилого характера (сарай? баня?) следует отметить сооружение, стратиграфически располагавшееся на границе ханского (III) и раннерусского (II) слоев (рис. 1).

Остатки деревянных сооружений хорошей сохранности изучались в низменной северо-восточной части Кремля. В раскопе XIII выявлены

Рис. 2. Общий вид отдельных сооружений (жилых домов и мостовой) на раскопе XIII

неотапливаемые срубные постройки наземного типа, в заполнении которых обнаружено огромное количество (около 10 тыс. фрагментов) кожаных изделий (рис. 2).

О локализации в казанской крепости исторической мечети Кул Шарифа.

Сеид и поэт Кул Шариф, являвшийся главой мусульман в последние годы существования Казанского ханства, в средневековой истории татарского народа занимает особое место. Его активная политическая и духовная деятельность нашла отражение в описаниях ряда ключевых государственных событий середины XVI в. Перу Кул Шарифа принадлежат поэтические произведения, проникнутые идеей гуманизма и патриотизма, глубокой любовью к своему народу и стране (Кол Шәриф, 1997).

Как политический деятель Кул Шариф появился в очень сложный период истории Казанского ханства: русские летописи впервые заговорили о нем в 1551 г. как об одном из участников переговоров с представителями Ивана IV о дальнейшей судьбе государства (ПСРЛ. XIII, с. 167, 168). Последний раз летописи сообщают о его героической смерти 2 октября 1552 г. (ПСРЛ. XIII, с. 168).

С именем Кул Шарифа в истории средневековой Казани связано одно из легендарных архитектурных сооружений – комплекс мечети и медресе.

К сожалению, об этом комплексе мы практически ничего не знаем. В письменных источниках о мечети сохранились лишь крупницы сведений. Многими историками и архитекторами предпринимались попытки воссоздать ее облик, установить место, где она находилась. До последнего времени, скрытая временем и землей, она оставалась недоступной исследователям.

Достоверные известия о мечети Кул Шарифа имеются в русских летописях, описывающих покорение Казани, и в воспоминаниях участников тех событий. В официальной хронике под названием «Царственная книга», составленной сразу после завоевания Казанского ханства, подробно излагаются этапы осады города и его топография. На летописных страницах мечеть упоминается при описании завершения штурма 2 октября 1552 г.: «И приближа христиане к мечети х Кулшерифу х Тезицкому врагу, и тут с Кулшерифом-молною многие неверные совокупиша и зле бьющиеся, убиша Кулшерифа с его полком...» (ПСРЛ, XIII, с. 218).

Андреем Курбским, участником войны 1552 г., описан эпизод сражения, произошедший у стен мечети, расположенной за Тезицким рвом: «И царь казанский з двором своим, уступя аки в половину места, застоновился на Тезицком рве... Егда же погнаша их аже до мечетей, яже близу

Рис. 3. Гравюра с видом Казани. А. Олеарий. 1630-е гг.

царева двора стоят, абие изыдоша во стретение наших обызы их, сеиты, молбы пред великим би-скупом их, по-их великим анарьи, або амиром, именем Кулшериф муллоу, и сразившась с нашим так крепце, аже до единого избиша их. Царь же со всеми остатними затворился в дворе своем, нача бронитися крепце, аки еще на полтары години би-ющиеся» (Курбский, 2001, с. 345). Из приведенных слов можно заключить, что в ожесточенном сражении Кул Шариф погиб вместе со своими соратниками у стен мечети.

В известном историко-публицистическом сочинении того же времени – «Казанском летописце» – неизвестный автор, описывая сражение, отмечает остроту схватки и упоминает об убитом казанском сеиде: «ту же найдоша в трупии и сеита казанскаго убита...» (Казанская история, 1954, с. 159–160). В этом же сочинении упоминаются мечети, находившиеся у Ханского двора (Казанская история, с. 157, 161).

Важную для нас информацию о топографии Казани содержит Писцовая книга г. Казани 1565–1568 гг. (Материалы, 1932, с. 5–11). В ней достаточно точно определяется местоположение Тезицкого рва, являвшегося южной границей Архиерейского двора. Тезицкий ров пересекает Кремлевский холм с запада на восток и выходит к Дмитриевским (Сбойливым) воротам и церкви Дмитрия Солунского (Комплекс, л. 6–66; Английские путешественники, 1938, с. 167–169; Худяков, 1930, с. 45–60; Калинин, 1929, с. 119–130). Таким образом, линия рва определяется между современным сквером южнее Благовещенского собора и зданием бывшей Консистории.

При описании Царева двора в Казанской крепости Писцовая книга упоминает пять или шесть каменных зданий ханского времени, но их доволь-

но сложно локализовать из-за схематизма описания объектов. В данном источнике отсутствует описание каменных зданий в западной части Архиерейского двора, хотя археологически (раскопы II–III 1995–1998 гг.) здесь выявлены достаточно крупные сооружения из камня, функционировавшие в ханские времена. Вероятно, описание этого района относится к утраченной части Писцовой книги, или же оно упущено самими составителями преднамеренно, а может быть и случайно.

Определенное представление о топографии Казанской крепости дают планы, иконография и зарисовки видов города второй половины XVI–XVIII вв. (Комплекс, л. 6–66). Так, на некоторых чертежах XVIII в. фиксируется еще не засыпанное углубление Тезицкого оврага, расположенного с южной стороны Пушечного двора.

Объективную информацию о динамике развития данной территории предоставляют чертежи Архиерейского двора с Благовещенским собором XVIII – начала XIX в. (до уничтожения старого дома архиерея – см.: Комплекс, лл. 6–66). Вероятнее всего, именно в этом районе и располагались мечети.

Ряд исследователей пытается увидеть архитектурные образы ханской Казани в русской иконографии и рисунках летописных сводов второй половины XVI в. (Худяков, 1930; Айдаров, 1990; Халит, 1999, с. 54–55).

Достаточно спорно применение при изучении топографии города середины XVI в. гравюры с видом Казани второй четверти XVII в., опубликованной вместе с другими рисунками в книге Адама Олеария (Олеарий, 2003, с. 319; см. рис. 3). Она создана на основании его многочисленных зарисовок, выполненных во время путешествия в Россию в 1636 г. А. Олеарий изобразил общий вид

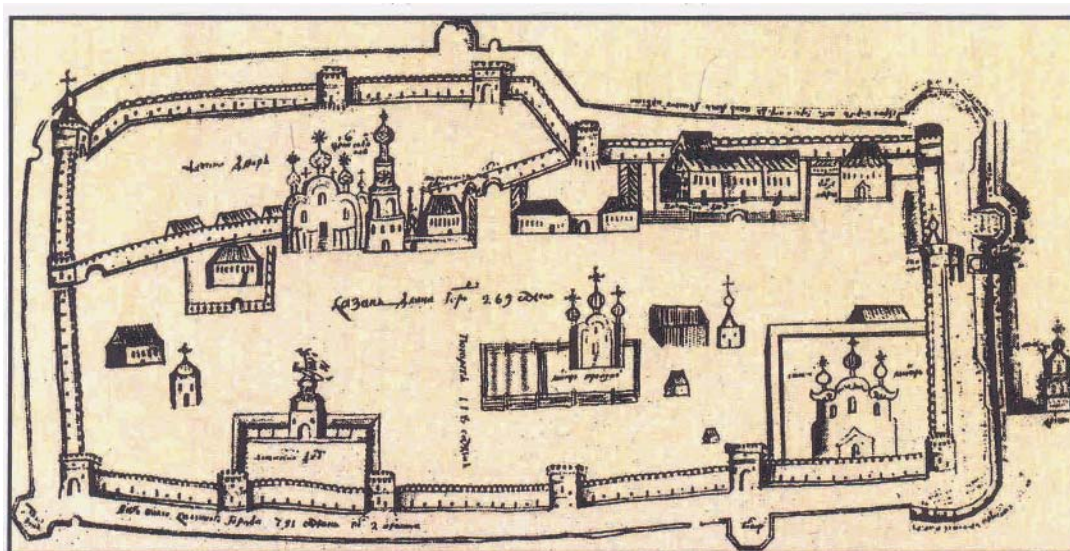

Рис. 4. План Казанского кремля второй половины XVII в. (Алферова, 1981)

Казани с запада. Имеется несколько гравюр из различных изданий его книги с подобным сюжетом, которые отличаются в деталях. На некоторых, к примеру, на переднем плане изображены люди, на других – скачущие всадники. Это, вероятно, объясняется изменениями, которые привносили создатели литографий по рисункам автора.

Некоторые исследователи, в частности, известный историк архитектуры Н.Х. Халитов, пытаются лишить А. Олеария авторства и приписать его гравюру более ранним путешественникам (Халит, 1999, с. 28; 1999б, с. 44–45; см. также: Хафизов, 1999, с. 38–43). Если мы рассмотрим ее как подлинный и достоверный источник, запечатлевший в себе облик ханской Казани, то должны будем признать, что укрепления посада с западной стороны ограничивались стенами, вытянутыми вдоль русла Булака от Тайницких (Нуралиевых) ворот до спуска у Спасских ворот – именно на этом месте, по рисунку, стена посада резко поворачивает вверх к стенам Кремля. При таком подходе окажутся недостоверными сведения всех имеющихся письменных источников середины XVI в. Согласно им, укрепления Казани располагались по всей длине Кремлевского холма, а посадская стена с западной стороны примыкала к Тюменским (Преображенским) воротам, не доходя до Нуралиевых. Изображение Казани на гравюре полностью противоречит ее облику середины XVI в., реконструируемому по многочисленным письменным документам (Материалы, 1932, с. 5–11; ПСРЛ, XIII, с. 167, 168).

При сопоставлении гравюры с более поздней топографией Казани также имеются противоречия, связанные с расположением укреплений и отдельных объектов (Калинин. История Казани; Материалы, 1932, с. 3–15). К сожалению, полно-

ценного источниковедческого анализа этого документа пока не сделано.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что даже если гравюра действительно выполнена в середине XVI в. или позднее, то она не отражает реальной топографии Казани, т. е. использование ее как оригинального и объективного источника для любого периода сомнительно. Представляется также невозможным применение при анализе топографии города середины XVI в. гравюры второй четверти XVII в., нарисованной с большой долей условности (Айдарова-Волкова, 1997, с. 43; см. рис. 4).

В отечественной историографии первые сведения о мечети Кул Шарифа приводятся на страницах известного труда Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». Без ссылки на источник информации он пишет, что в ханской Казани была Соборная восьмиглавая мечеть и мечеть с медресе у Тезицкого рва, во главе которой стоял Кул Шариф, носивший титул «накиб ал-ашраф» (Марджани, 1891, с. 41–50; Мәржани, 1989, б. 199–200). Автор отмечает также, что Кул Шариф погиб во время штурма города 2 октября 1552 г. на крыше медресе, сраженный копьем. Локализация объекта и связанные с ним события аналогичны их описанию в русских летописях.

Обозначенная в сочинении Ш. Марджани мечеть Кул Шарифа, в частности, проблемы ее локализации и архитектурного облика, стала в последующем предметом острых научных споров и гипотез (Худяков, 1923; Калинин, 1955; Айдаров, 1990; Айдарова-Волкова, 1997, с. 25–27; Халитов, 1989; 1996).

Исторический образ Кул Шарифа нашел свое отражение в исследованиях другого татарского историка – Хади Атласи. В его работе «Казанское

ханство» показана роль Кул Шарифа в защите Казани. В традициях русских источников он описывает смерть сеида в ожесточенной схватке у стен мечети (Атласи, 1993, бб. 389–419).

В работах М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» и «Татарская Казань в рисунках XVI столетия» впервые затронуты вопросы, связанные с размещением мечети Кул Шарифа на территории современного Кремля и ее архитектурной реконструкцией (Худяков, 1932). По мнению ученого, напротив Благовещенского собора на месте трапезной размещалась Соборная мечеть (Худяков, 1923, с. 267). Мечеть же Кул Шарифа он расположил на территории ныне разрушенного Спасо-Преображенского монастыря (Худяков, 1923, с. 271). М.Г. Худяков ошибочно полагал, что ханская Казань не имела крепости (кремля), а Тезицкий ров, близ которого источники упоминают мечеть Кул Шарифа, проходил, по его мнению, с южной стороны Спасской башни. Следует заметить, что упомянутую Ш. Марджани «Соборную восьмикупольную мечеть» М.Г. Худяков а priori идентифицировал с мечетью и медресе Кул Шарифа. Это некорректное смешение описаний разных объектов нашло продолжение и у последующих исследователей (Айдаров, 1990; Айдарова-Волкова, 1993, с. 25–27; История Казани, с. 29).

М.Г. Худяков также считал, что вид мечети Кул Шарифа изображен на известной иконе «Церковь Воинствующая». Архитектурным подражанием ее облику, по убеждению ученого, является храм Покрова на Рву (собор Василия Блаженного) на Красной площади Москвы, возведенный в честь взятия Казани псковскими мастерами, строившими каменные стены Казанского кремля и православные храмы (Худяков, 1932).

Проблемы исторической топографии ханской Казани стали предметом детального изучения в трудах Н.Ф. Калинина (Калинин, 1927, с. 81 и сл.; 1929, с. 119 и сл.). В своих работах он, помимо летописных данных, привлек сведения Писцовых книг второй половины XVI в. и материалы археологических исследований. Н.Ф. Калининым была создана первая объемная реконструкция Казанской крепости ханского времени. В последующем аналогичные реконструкции с небольшими корректировками были предложены Ф.Х. Валеевым (Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с. 45; Остроумов, 1978, с. 27). Н.Ф. Калинин размещал в центре Кремля на месте Благовещенского собора перед Ханским двором Соборную восьмикупольную мечеть. Архитектурным аналогом ей он считал евпаторийскую мечеть. Мечеть Кул Шарифа с медресе находилась, по предположению Н.Ф. Калинина, на месте Архиерейского двора между Соборной мечетью и Тезицким рвом, проходившим

севернее здания бывшей Консистории (Калинин. История Казани, лл. 279–281).

Дальнейшие исследования комплекса мечети-медресе Кул Шарифа связаны с именами архитектора С.С. Айдарова и археолога А.Х. Халикова. Подходы обоих авторов строились на сопоставительном изучении письменных, археологических, иконографических и других видов источников.

Профессором А.Х. Халиковым была предложена реконструкция ханской Казани с учетом материалов археологических исследований 1970-х годов. Местоположение мечети Кул Шарифа определялось им в районе церкви Киприана и Устины (История Казани, 1988, с. 29). При этом надо отметить, что в ходе совместных с Л.С. Шавохиным археологических исследований 1975 г. в сквере южнее Благовещенского собора, были зафиксированы следы каменного строительства в слое ханского времени (Шавохин. Отчет, лл. 45–63). Аналогичные наблюдения были сделаны в ходе раскопок 1978 г. с западной стороны сквера (Халиков. Отчет, лл. 29–38). Видимо, поэтому при планировании археологических работ 1994 г. А.Х. Халиков предвидел возможность обнаружения в этом районе остатков мечети Кул Шарифа. К сожалению, ему не удалось завершить начатые исследования.

В работах профессора С.С. Айдарова в основу анализа топографии ханской Казани и реконструкции облика мечети Кул Шарифа положен один из сюжетов иконы «Церковь Воинствующая», введенной в научный оборот М.Г. Худяковым. Ученый предложил свою концепцию ее прочтения (Айдаров, 1990). Он считал, что на иконе показан вид Казани с северной стороны крепости – со стороны въезда в Ханский двор. Южная граница Ханского двора, по мнению, С.С. Айдарова, проходила по краю Тезицкого рва и совпадала со стеной мечети. Заметим в связи с этим, что такая реконструкция не согласуется с данными письменных источников, указывающих, что русские войска лишь после взятия мечети вплотную подошли к укреплениям Ханского двора.

В изображениях разрушенных зданий С.С. Айдаров выделял контуры девятиминаретной двухэтажной мечети Кул Шарифа. Основываясь на материалах археологических исследований 1970-х годов, он локализовал ее на территории сквера южнее Благовещенского собора. По его предположению, мечеть была сооружена между 1487–1519 гг. итальянским мастером Алевизом Новым (Алоизом Ламберти да Монтаньяном), строившим ханский дворец крымских Гиреев в Бахчисарае в начале XVI в., а с 1504 г. возводившим многочисленные здания и церкви в Москве (Айдарова-Волкова, 1997, с. 25–27).

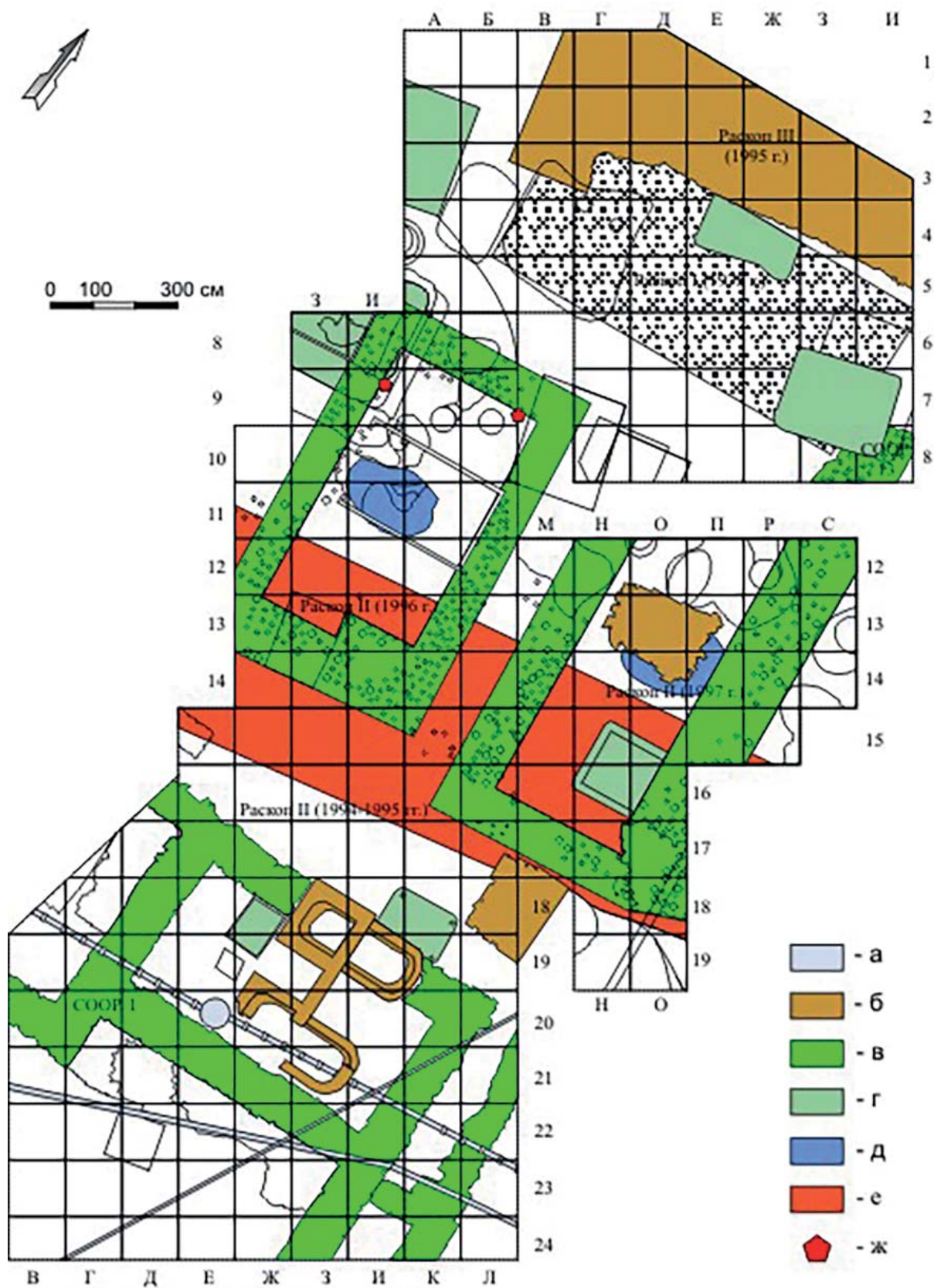

Рис. 5. План мечети Кулшарифа. Раскопы II и III 1995–1997 гг.

Хронологическая картограмма объектов: а – I слой XIX–XX вв.; б – II слой второй половины XVI–XVIII вв.; в – III слой второй половины XV – первой половины XVI вв. (фундамент мечети Кул Шарифа); г – IV слой второй половины XIII – первой половины XV вв.; д – V слой XI – первой половины XIII вв.; е – насыпь земляного вала конца X – начала XI вв.; ж – местонахождение клада

Предложенный С.С. Айдаровым вариант реконструкции мечети Кул Шарифа был подвергнут серьезной критике в работах Н.Х. Халитова, выдвинувшего свою интерпретацию имеющихся источников (Халит, 1994, с. 11–12; 1996, с. 46; 1999, с. 232). В качестве дополнительных источников им использованы сведения «Джагфар тарихы» – источника сомнительного происхождения и вид Казани, известный по изданиям А. Олеария первой половины XVII в. Как было сказано выше, рисунок А. Олеария Н.Х. Халитов считал возможным относить к началу второй половины XVI в. (Халит, 1999, с. 23, 189–191). По его убеждению, автором рисунка является английский путешественник А. Дженкинсон, посетивший Казань в 1558 г. (Английские путешественники, 1938, с. 167–169).

При определении местоположения мечети Н.Х. Халитов исходил из собственной реконструкции штурма Казани 2 октября 1552 г. По его мнению, во время штурма города русские войска оказались у стен мечети Кул Шарифа при их продвижении к Ханскому двору после взятия Сбойливых ворот, расположенных в устье Тезицкого рва (Халит, 1999, с. 155). Опираясь на более поздние источники, он писал, что «в устье оврага стояла мечеть (очевидно, церковь. – А.С., Ф.Х.) Дмитрия Селунского», а на рисунке Дженкинсона (А. Олеария. – А.С., Ф.Х.) в этом месте он различал силуэты минаретов. Таким образом, согласно построениям Н.Х. Халитова, мечеть могла находиться в низине у Дмитриевских (Сбойливых) ворот или чуть выше на месте Архиерейского дворца за пределами Ханского двора (Халит, 1999, с. 155), южного граница которого локализуется у Благовещенского собора.

Архитектурный облик мечети, как показал Н.Х. Халитов, имеет аналогии с османскими традициями строительства культовых сооружений. Создателем мечети, по предположению ученого, является турецкий архитектор Х. Синан, построивший Евпаторийскую мечеть в 1552 г. (Халит, 1999, с. 159). Поставлена под сомнение идентичность восьмиминаретной (Соборной) мечети и мечети Кул Шарифа (Халит, 1999, с. 156). Последняя реконструируется Н.Х. Халитовым в виде четырехминаретной мечети с медресе, образ которой перенесен в образ храма-памятника в честь взятия Казани – собора Василия Блаженного в Москве (Халитов, 1989, с. 59–64).

В числе современных исследователей, затрагивающих в своих работах некоторые аспекты исторической топографии ханской Казани, в том числе локализации мечети Кул Шарифа, можно назвать Г.Н. Айдарову-Волкову. К сожалению, ее реконструкции нельзя признать удачными. Так,

некорректно ссылаясь на мнение Н.Ф. Калинина (Калинин. История Казани, л. 279) о двух мечетях в районе Благовещенского собора – восьмикупольной Соборной мечети на месте этого прославленного храма и мечети Кул Шарифа к югу от него – автор без необходимых доказательств вслед за М.Г. Худяковым и С.С. Айдаровым утверждает, что мечеть Кул Шарифа была восьмиминаретной (Айдарова-Волкова, 1997, с. 25). При этом надо отметить, что оба автора, на которых она ссылается, размещали мечеть вовсе не на месте Благовещенского собора. Г.Н. Айдарова-Волкова правильно указывает на существование в ханской Казани большого количества мечетей, однако их отсутствие в раннерусское время не дает никаких оснований утверждать, что мечети эти были к 1560-м годам перестроены в церкви (Айдарова-Волкова, 1997, с. 25, 133–136).

Благовещенский собор, по мнению Г.Н. Айдаровой-Волковой, и есть перестроенная псковскими мастерами мечеть Кул Шарифа с восемью минаретами (Айдарова-Волкова, 1997, с. 26–27). В подтверждение своей гипотезы она приводит настенную икону церкви Ризположения Московского кремля «Кондак Взбранной воеводе Победительная» 1644 г., где изображен сюжет защиты стен Царьграда Ризой Богоматери. По мнению Г.Н. Айдаровой-Волковой, на иконе изображена реальная ситуация осады Казани середины XVI в., на которой произошла замена исторических сюжетов (Айдарова-Волкова, 1997, с. 132–133). При этом автор не объясняет, почему казанцы-мусульмане защищают стены города Ризой Богоматери. Подобный анализ и вытекающие из него выводы, к сожалению, вызывают множество вопросов. Конечно, применение иконографического материала позволяет реконструировать некоторые элементы прошлого, но это требует скрупулезного анализа при строго критическом подходе к источнику.

В последние годы вышел ряд публикаций (преимущественно информационного характера) по итогам археологических раскопок в сквере перед Благовещенским собором и в самом соборе, не замеченных исследователями (Хузин, 1997/98, с. 133–137; Ситдииков, 2000). В работах изложены материалы археологических работ и факты обнаружения руин здания периода Казанского ханства, соотносимого с мечетью Кул Шарифа. К сожалению, приведенные в этих работах данные оказались в пользовании лишь узкого круга специалистов.

В ходе раскопок 1995–2000 гг., проведенных Казанской археологической экспедицией, между современным Благовещенским собором и зданием Министерства здравоохранения (в настоящее время здание Аппарата Главы РТ), севернее древнего

Рис. 6. Раскоп II 1996 г. Следы свай-коротышей для уплотнения грунта под каменный фундамент

Тезицкого рва удалось выявить несколько каменных построек ханского времени.

Первая информация о каменном строительстве ханского времени была получена Ф.Ш. Хузиным и Р.Ф. Шарифуллиным в раскопах II и III (Хузин, 1997/98, с. 133–134; Хузин и др., 1997, с. 86–87). К слою III, отложенному в период Казанского ханства, восходили дневные уровни около 30 ям и сооружений. Остатки конструкций монументальной постройки первой половины XVI в. занимали площади обоих раскопов (рис. 5).

Остатки исторической мечети Кул Шарифа, включавшей в себя и высшее учебное заведение – медресе, удалось выявить в виде нескольких почти примыкающих друг к другу каменных построек, расположенных в сквере перед Благовещенским собором. Зафиксирована часть кладки нижних рядов, а также архитектурные детали в виде фигурных камней, кирпичей, облицовочных плит, покрытых бирюзовой поливой, и пр. (Хузин, Ситдииков, 2005б).

В раскопе II на глубине 60–70 см от современной поверхности расчищено сооружение 1 (II слой русского времени) в виде остатков кирпичного пола, оконтуренного полосами ям-выборок стен, под которым обнаружены остатки фундамента из известняковых камней (сооружение 2 III слоя). Сама постройка, судя по стратиграфическим наблюдениям, была полностью разобрана в начале XIX в.

В основании ям-выборок на глубине 240 см от современной поверхности удалось также проследить углубления свай-коротышей вбитых в целях уплотнения грунта (рис. 6). В ходе разборки сооружения была обнаружена типичная красноглиняная керамика эпохи Казанского ханства, обугленные человеческие останки и каменное ядро диаметром около 45 см.

Под фундаментом каменного здания периода ханства в 1996 г. были обнаружены два больших клада древнерусских монет (Хузин, 1997/98, с. 133). Время строительства этого довольно крупного здания на основании стратиграфических наблюдений и археологического материала было определено первой половиной XVI в. Подтверждением послужили и два клада монет, спрятанных под его фундаментом не позднее начала 1530-х годов (Мухаметшин, 2010).

Клад № 1 серебряных монет обнаружен под северо-западным углом здания и состоял из 1449 монет-«чешуек». Монеты, по всей вероятности, находились в кожаном кошелье, от которого сохранились лишь мелкие обрывки.

Клад № 2 лежал под северо-восточным углом здания. Непосредственно в районе клада были зафиксированы кусочки берестяного туюска, некоторые с прилипшими монетами. В нем оказалось 556 монет-«чешуек» хорошей сохранности.

Большой клад содержал по одной монете Ярославского и Можайского княжеств, 16 мо-

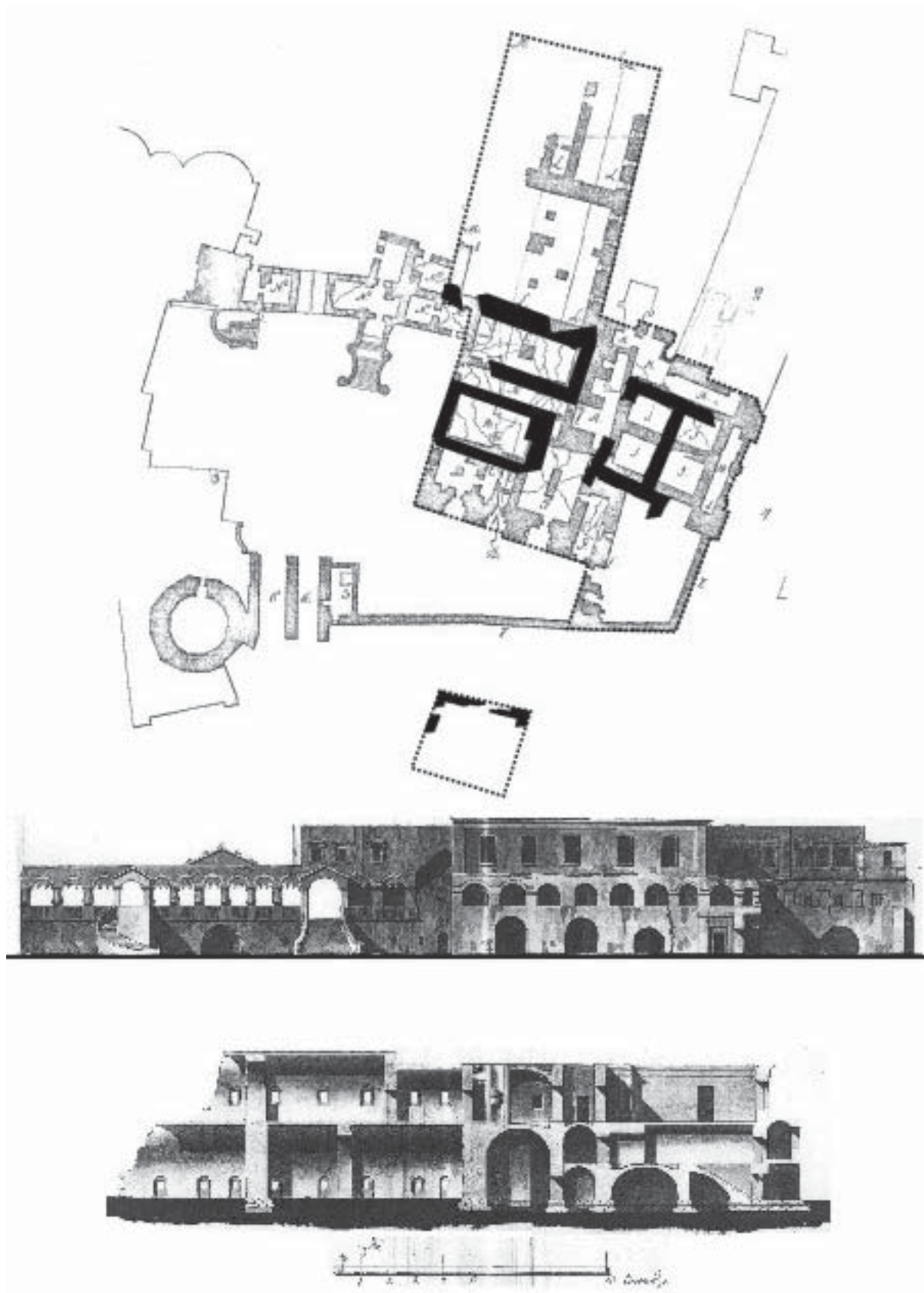

Рис. 7. План Архиерейского двора на уровне первого этажа. Фасад и разрез.
РГИА. Ф. 1488, оп. 1, д. 1237, л. 1–2

нет чеканены в Рязани. Города Тверь и Новгород представлены соответственно 32 и 42 монетами, Псков – 181 монетой. Остальные монеты чеканены в Москве. Самыми ранними, старшими, монетами следует считать, по заключению Д.Г. Мухаметшина, монеты Ивана Дмитриевича, Федора Васильевича и Александра Федоровича (до 1450 г.), а также монеты Новгорода и Пскова периода самостоятельности. Младшими являются монеты великого князя Василия III (1505–1533). Около 90% монет клада чеканены в период правления великого князя Московского Ивана III (1462–1505).

Малый клад по составу монет не сильно отличается от Большого. Это свидетельствует об одновременности их накопления. Однако в Малом нет именных монет Василия III (они считаются более поздними) и больше монет удельных княжеств. Таким образом, Малый клад формировался чуть раньше Большого. Следует подчеркнуть, что в обоих кладах отсутствуют монеты Ивана IV и обрезанные новгородские и псковские монеты, появившиеся в начале 30-х годов XVI в. Оба кремлевских клада относятся к Великокняжескому периоду.

Таким образом, выявленные клады указывают на то, что ко времени их закрытия каменное здание уже функционировало. Полученный в ходе раскопок массовый археологический материал и анализ стратиграфии культурных отложений также подтверждают, что начало функционирования сооружения относится к времени не позднее первой четверти XVI в.

Параллельно с раскопом II, чуть севернее, в раскопе III 1995 г. был выявлен небольшой фрагмент каменного здания, сохранившегося, к сожалению, лишь в виде полосы свай-колышков на глубине 240 см от современной поверхности (сооружение 13 – северо-восточный угол здания). Реальные границы всей постройки удалось определить в результате соединения раскопов II и III в 1996 г. (рис. 5).

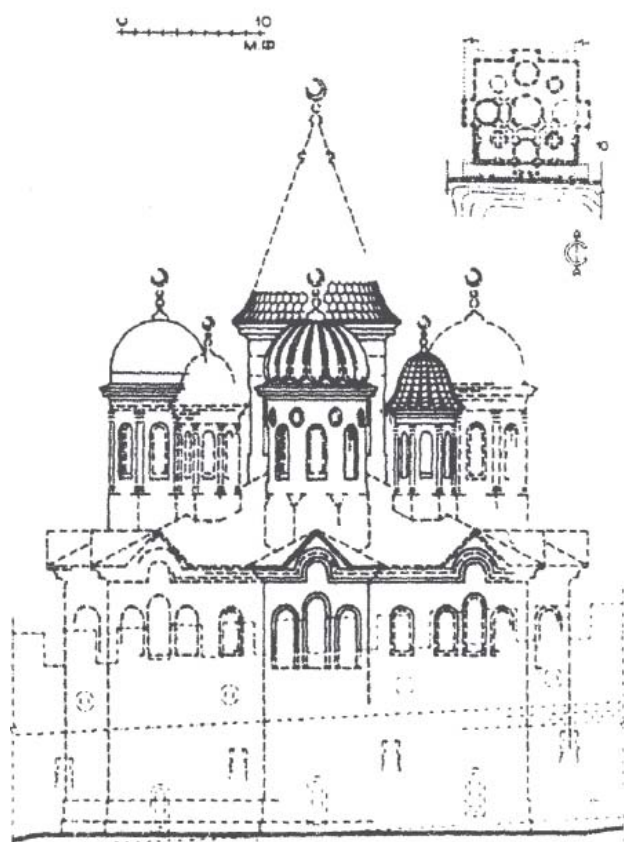
В отличие от вышеописанных зданий, полностью разрушенных к началу XIX столетия, лучше сохранилась каменная постройка, выявленная на газоне у проезда Шейнкмана (раскоп XX). Она была сооружена на месте западного пилона крепостных ворот домонгольского времени и каменной постройки эпохи Золотой Орды (сооружение 12 А). К сожалению, здание не удалось вскрыть полностью. В изученной части оно имело прямоугольную форму (11,5×5 м), вытянутую по линии север – юг (аз. 346°). Сохранившаяся высота от основания – 167 см (7–9 рядов кладки), ширина стенки – 120 см. На уровне материкового подзола по периметру постройки выявлены контуры котлована, имевшего отвесные стенки и ровное дно.

Сооружение имело панцирную кладку из камней, скрепленных известковым раствором. По ее периметру с внешней стороны, регулярной горизонтальной кладкой были выложены крупные камни из отесанного известняка. Внутренняя кладка состояла из беспорядочно наброшенных средних и мелких камней. В слое разрушения второй половины XVI в. фиксировались использованные строительные материалы и архитектурные детали. В их числе многочисленны обломки кирпичей размерами 30(31)×15(16)×7(8) см, а также фрагменты облицовочных вставок из кашина, покрытых поливой бирюзового и ультрамаринового цвета. Продолжение постройки геофизическим методом было прослежено под проездом Шейнкмана. Предполагаемые размеры здания составляют 11,5×12 м.

В южной части раскопа в завершении III слоя было найдено восемь наконечников стрел, в том числе и наконечник стрелы арбалета. У большинства из них погнуты черешки и острие вследствие сильного удара о твердую каменную преграду, которой, бесспорно, являлась стена сооружения 12 В. Это, очевидно, демонстрирует яростный натиск штурмующих и упорное противостояние обороняющихся в ходе событий 2 октября 1552 г.

Существовавший здесь с домонгольского времени ров, по археологическим наблюдениям, к этому времени был на этом участке практически засыпан, сохранялось только углубление с максимальным понижением в центре до 1,5 м. Древнейший крепостной вал за рвом рубежа X–XI вв. также потерял свое значение и был срезан. С восточной стороны здания продолжала использоваться уличная каменная мостовая, функционировавшая с рубежа XII–XIII вв. С периодом Казанского ханства связано два ремонтных горизонта этой мостовой. В прослойках мостовой фиксируются многочисленные конские одношипные подковы, гвозди к ним, мелкие сапожные гвозди. Верхний горизонт мостовой перекрывает прослойка угля и золы. Время разрушения постройки определяется второй половиной XVI в.

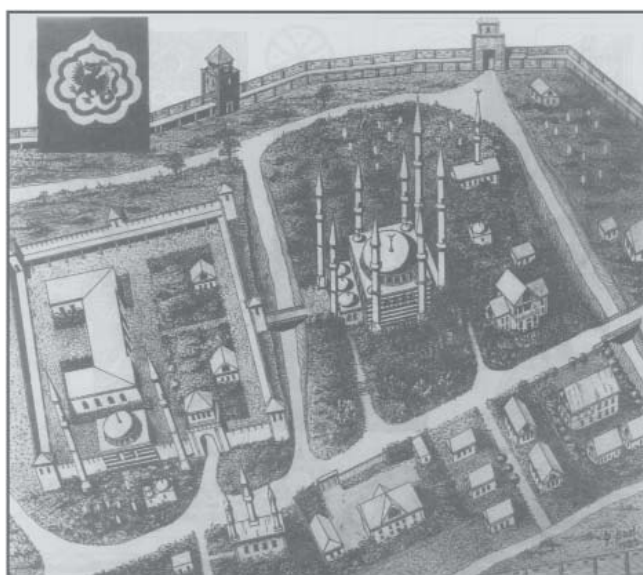
Строительство всего комплекса этих зданий датируется концом XV – началом XVI в. Пока не удалось выявить конструктивных элементов сооружений, указывающих на точное их функциональное назначение. Опираясь на сведения письменных источников, можно предположить, что изученные нами сооружения представляют собой руины тех зданий, возле которых произошло столкновение русских воинов и защитников города, возглавляемых Кул Шарифом. Возможно, это было одним из последних мест отчаянного сопротивления казанцев войскам Ивана IV, что сопоставимо, по топографии, с размещением построек

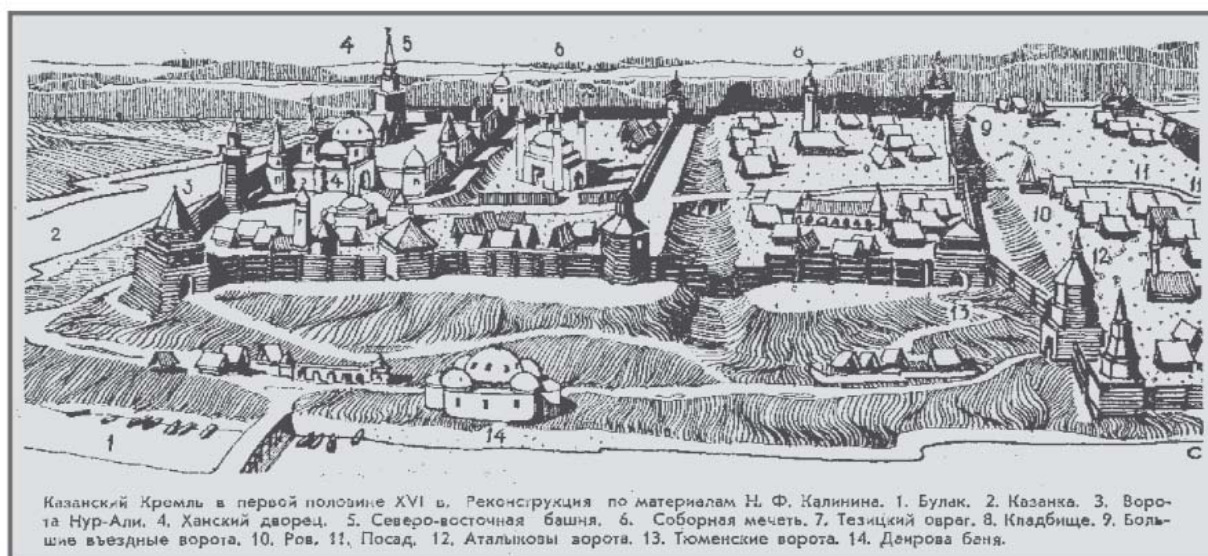
а

б

в

г

Рис. 8. Реконструкция мечети Кул Шарифа.
а – по С.С. Айдарову; б – по Н.Х. Халитову; в – по Ф.Х. Валесву; г – по Н.Ф. Калинину

комплекса мечети Кул Шарифа, располагавшейся как раз у Тезицкого рва.

Как известно, мечеть, связанная с именем Кул Шарифа, включала в себя и медресе (Мәржани, 1989, 199–200). Это позволяет говорить о нескольких зданиях и рассматривать остатки построек, обнаруженных в раскопах II, III и XX в рамках одного комплекса.

При интерпретации материалов, полученных в ходе археологических исследований, большой интерес представляют планы района Архиерейского двора, составленные до начала XIX в. На наиболее раннем рисунке конца XVII в. с южной стороны Благовещенского собора изображен двухэтажный дом Архиерейского двора (Алферова, 1981, с. 25). Позднее на всех чертежах Кремля XVIII в. обозначена посадка архиерейского дома в плане.

В архивных материалах сохранились детальные чертежи архиерейского дома, сделанные архитектором А. Шмидтом в 1827–1828 гг. перед его разборкой (Комплекс, лл. 49–53). После пожара 1815 г. дом сильно пострадал. В чертежах, помимо плана с посадкой здания в Архиерейском дворе, имеются поэтажные планы, фасад и разрезы дома (рис. 7).

Нами были сведены в масштабе архивные планы здания и план постройки, выявленной в раскопе. В результате наложения нарисованное на архивных чертежах здание практически полностью совпало с планом размещения фундамента постройки эпохи Казанского ханства (рис. 7). При этом на планах отсутствовали здания, выявленные с западной стороны у проезда Шейнкмана. Вероятно, они были полностью разрушены раньше, что подтверждается археологически, и потому не вошли в состав позднего Архиерейского двора. С северной стороны на археологическом плане и выявленном чертеже отмечаются остатки теплой галереи, соединявшей в XVII в. архиерейский дом и Благовещенский собор.

Таким образом, разрушенный в начале XIX в. дом архиерея повторяет в плане постройку ханского времени, обнаруженную в раскопе, следовательно, благодаря сохранившимся чертежам мы можем реконструировать частично не только план крупного здания ханского времени на уровне фундамента или цокольной части, но и его второй этаж.

Для определения местоположения мечети остановимся на локализации других объектов ханского времени на территории современного Кремля. Необходимым условием для этого является правильное расположение линий укреплений и основных комплексов (рис. 8).

Андрей Курбский, участвовавший в штурме Казани с северной стороны, замечает, что в струк-

туре города выделяются три части: две из них на возвышенности (на горе), третья – в низине (Курбский, 2001, с. 343). Возвышенный район города почти посередине разделен глубоким Тезицким рвом, который пересекал с востока на запад Кремлевский холм до р. Булак. Штурмующие войска, ворвавшиеся после взрыва с юга, заставили войска хана отступить за Тезицкий ров. Потом, с появлением свежих сил у русских, ханские войска вынуждены были бежать к мечети Кул Шарифа и дальше – к Ханскому двору (Курбский, 2001, с. 345).

Интересное дополнение делает неизвестной автор «Казанской истории», упоминающий «Вышгород», в котором обороняющиеся после взрыва не успели закрыться и были вынуждены отступить к зданиям Ханского двора (Казанская история, 1954, с. 110). Как уже отмечалось, в Писцовой книге 1565–1568 гг. Тезицким назван ров, проходящий перед Архиерейским двором (Материалы, 1932, с. 8).

В исторической литературе высказываются различные мнения о границе южных укреплений Кремля ханского времени. Эта линия большинством современных исследователей определялась на месте чуть южнее бывшей церкви Киприана и Устины, поперек Кремлевского холма (Калинин. История Казани, рукопись, лл. 275–284). Она увязывается с остатками «старых городней», упомянутых в Писцовой книге (Материалы, 1932, с. 6), а также с остатками рва, зафиксированного Н.И. Бороздиным и Н.Ф. Калининским в этом районе в 1928 и 1947 гг. (Бороздин, 1929, с. 37–40; Калинин. Материалы, л. 67). Глубина рва не превышала 1,5–2 м. В его засыпи фиксировалось скопление древесного тлена, а на северном склоне – нагромождение известняковых камней, остатков разрушенных укреплений. В донной части рва были выявлены конструкции каменного и более раннего деревянного желоба дренажа. Этот ров исследователи соотносили с Тезицким. По реконструкции Н.Ф. Калинина, севернее Тезицкого рва и укреплений Кремля проходил другой ров, называвшийся в более ранние периоды также Тезицким. У края последнего как раз и располагалась мечеть Кулшарифа, за которой находился укрепленный Ханский двор.

Южная стена Кремля позднее, во второй половине XVI в., переносится на место современной линии.

Не менее сложной в изучении укреплений северной части Кремлевского холма представляется проблема локализации Ханского двора. А. Курбский, описывая его во время штурма 1552 г., говорит: «Бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» (Курб-

Рис. 9. Казанский кремль. Руины белокаменного здания во дворе Губернаторского дворца

ский, 2001, с. 238). Несколько каменных мечетей в этом районе упоминается в Писцовой книге 1565–1568 гг. (Материалы, 1932, с. 3) и в некоторых других источниках.

Попытка локализации упоминаемых в Ханском дворе объектов была предпринята Н.Ф. Калининым (1927, с. 81–6). Полученные в результате археологических исследований 2001–2004 гг. материалы позволяют существенно скорректировать его выводы. Так, мавзолей казанских ханов археологически выявлен с западной стороны башни Сююмбикэ и Введенской (Дворцовой) церкви (Мавзолеи, 1997, с. 3–11). Были также обнаружены остатки двух крупных каменных зданий. Один из объектов размерами 14×23 м, ориентированный на юг – юго-запад (аз. 207°) и частично уходящий под фундамент башни Сююмбикэ, является остатками подвального помещения кирпично-каменного здания, состоящего из двух частей – белокаменной и кирпичной (Ситдиков, 2002, с. 175). Время разрушения здания и засыпки подвалов относится к рубежу XVII–XVIII вв. По предположению А.Г. Ситдикова, сооружение представляет собой остатки Ханской мечети.

Другой крупный объект был обнаружен нами в ходе охранно-спасательных работ в центральной части двора резиденции Главы РТ и исследован Н.Г. Набиуллиным (Набиуллин, 2002–2003, с. 36–

38). Он представляет собой остатки подвальной части белокаменного здания размерами 18×24 м, ориентированного по сторонам света (рис. 9). Его частично разрушает фундамент здания, построенного в начале XIX в. Вероятнее всего, оно входило в комплекс сооружений Ханского дворца (Ситдиков, 2002, с. 176).

В число выявленных объектов можно отнести и здание, вероятно культовое, располагавшееся с западной стороны Благовещенского собора. Его остатки в виде кирпично-каменного щебня и архитектурных деталей были зафиксированы в ходе строительных работ у крыльца собора в 1861 г. (Халиков, 1983, с. 111). Предположительно с ним связаны клады джучидских и древнерусских монет, найденные в этом районе во второй половине XIX в. Эти остатки можно соотнести с описываемой в Писцовой книге 1565–1568 гг. мечетью напротив Собора (Материалы, 1932, с. 8).

Таким образом, топография северной половины Кремля периода Казанского ханства достаточно подробно реконструируется по имеющимся источникам. Исходя из вышесказанного, местоположение комплекса мечети Кул Шарифа и медресе определяется в современном сквере с южной стороны Благовещенского собора. По археологическим и архивным материалам локализованная в сквере крупная каменная по-

стройка действительно является остатками этого комплекса.

Благодаря сохранившимся чертежам Архидрейского дома начала XIX в., мы имеем возможность представить и архитектурный облик отдельных частей данного комплекса. С исторической точки зрения представляется вполне логичным выбор завоевателями в качестве резиденции казанского архиерея здания, принадлежавшего до этого главе мусульман ханства. Этим шагом закреплялось стремление захватчиков утвердить идеологическое господство над покоренным городом и государством.

Вопрос о времени строительства комплекса мечети археологически определяется первой четвертью XVI в. Заметим, что активное строительство казанских ханов в начале XVI столетия нашло отражение в какой-то степени и в письменных источниках. Сохранилось, в частности, обращение Крымского хана Менгли-Гирея к Василию III (1509 г.) с просьбой вернуть перешедшего к князю каменщика Йакуба, в свое время посланного им в

Казань для строительства каких-то важных государственных зданий. Напомним, что чуть раньше, в 1504 г., после завершения строительства Ханского двора в Бахчисарае в Москву по просьбе Василия III прибыл Аливиз Новый – знаменитый итальянский архитектор Алоиз Ламберти да Монтиньяна (Червонная, 1995, с. 128–129). Оба факта свидетельствуют о тесных контактах между тремя государствами в области архитектуры, гражданского и культового строительства. Представляется наиболее вероятным отнести строительство казанских каменных сооружений, в частности, здания мечети Кул Шарифа именно к первым десятилетиям XVI столетия.

Многолетние исследования мечети Кул Шарифа стали основой в осмыслении новых фактов, полученных в результате сопоставительного анализа археологических и письменных источников. Сделанные выводы затрагивают лишь часть проблем, связанных с мечетью Кул Шарифа. Решение некоторых спорных моментов станет возможным при продолжении начатых исследований.

ГЛАВА 4

МАВЗОЛЕЙ КАЗАНСКИХ ХАНОВ

Летом 1977 г. Казанская археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР под руководством профессора А.Х. Халикова начала раскопки в районе башни Сююмбикэ в Казанском кремле. Раскопки не были запланированы заранее – не согласовав с работающими рядом археологами, строители рыли траншею под канализационные трубы. Случайно увидев выброшенные ковшом экскаватора грунт с каменным щебнем, Альфред Хасанович попросил рабочих на время приостановить работы и начал зачищать участок с развороченными «сомнительными» камнями, поверхность которых сохранила следы искусственной обработки. Начались раскопки. Через несколько дней археологи вышли на следы, как показалось Халикову, двух белокаменных сооружений, связанных со слоем ханского периода. Дошли они до нас в очень плохом состоянии из-за сильной нарушенности культурных напластований в более поздние времена. Тем не менее определение функционального назначения сооружений не составляло большого труда: это были мавзолеи¹ с останками богатых погребений.

В первом мавзолее, датированном А.Х. Халиковым серединой или второй половиной XV в., была вскрыта могила с захоронением мужчины средних лет. По предварительному заключению исследователя, этот мавзолей мог принадлежать основателю Казанского ханства Махмуду (Махмутеку) или даже его отцу Улуг-Мухаммаду. Второй мавзолей, построенный в первой половине XVI в., можно было назвать семейной усыпальницей. В ней было расчищено три костяка – двух взрослых и ребенка. Здесь же были зафиксированы возможные следы еще одной могильной ямы. Погребенного в центральной могиле № 1 А.Х. Халиков склонен был идентифицировать как останки хана Сафа-Гирея (Мухамадиев, Халиков, Шавахин, 1978; Халиков, 1997, с. 26).

Археологически выявленные погребальные сооружения находились, очевидно, в некрополе знати, располагавшемся на территории ханской резиденции,

поблизости Дворцовой (Ханской) мечети, на месте которой позднее была воздвигнута башня Сююмбике. В этом некрополе, конечно, могли быть похоронены не только казанские ханы, но и другие представители высшей светской и духовной знати.

В силу ряда объективных причин – изучение истории Золотой Орды и ее «осколков», одним из которых было Казанское ханство, мягко говоря, не поощрялось официальной наукой – А.Х. Халикову не удалось своевременно опубликовать результаты своего труда.

В 1997 г. под редакцией Р.С. Хакимова вышла книга «Мавзолеи Казанского Кремля: опыт историко-антропологического анализа», где была опубликована часть материалов научного отчета А.Х. Халикова и содержались статьи специалистов (антропологов и архитекторов), посвященные всестороннему анализу останков двух скелетов погребенных и реконструкции мавзолеев. Московский антрополог Т.С. Балужева по известной методике М.М. Герасимова выполнила их реконструкцию по черепу, а Ф.Ш. Хузиным была сделана попытка на основании имеющихся исторических, археологических и антропологических данных идентифицировать их как останки ханов Махмуда (1445 – сер. 1460-х гг.) и Мухаммад-Эмина (1487–1496, 1502–1518 гг.).

В 2004 г. археологической экспедиции «Казанский кремль» удалось вновь вернуться к раскопкам ханского мавзолея, вскрытого в 1977 г. не полностью. Материалы этих раскопок были опубликованы лишь в предварительном порядке (Ситдииков, Хузин, Сивицкий, 2011).

Раскопками 2004 г. была охвачена довольно большая площадь (236 кв. м), часть которой была занята православным кладбищем, возникшим у стен Дворцовой (Введенской) церкви где-то в конце XVI – начале XVII вв.

В процессе научной интерпретации археологических материалов 1997 и 2004 гг. активно привлекались сведения письменных источников, в которых нашла отражение история Казанского ханства и его правителей, поэтому считаем необходимым кратко остановиться на вопросах, тесно связанных с темой о некрополе казанских ханов.

¹ Исследованиями 2004 г. было установлено, что эти «мавзолеи» представляли собой единое, целостное сооружение.

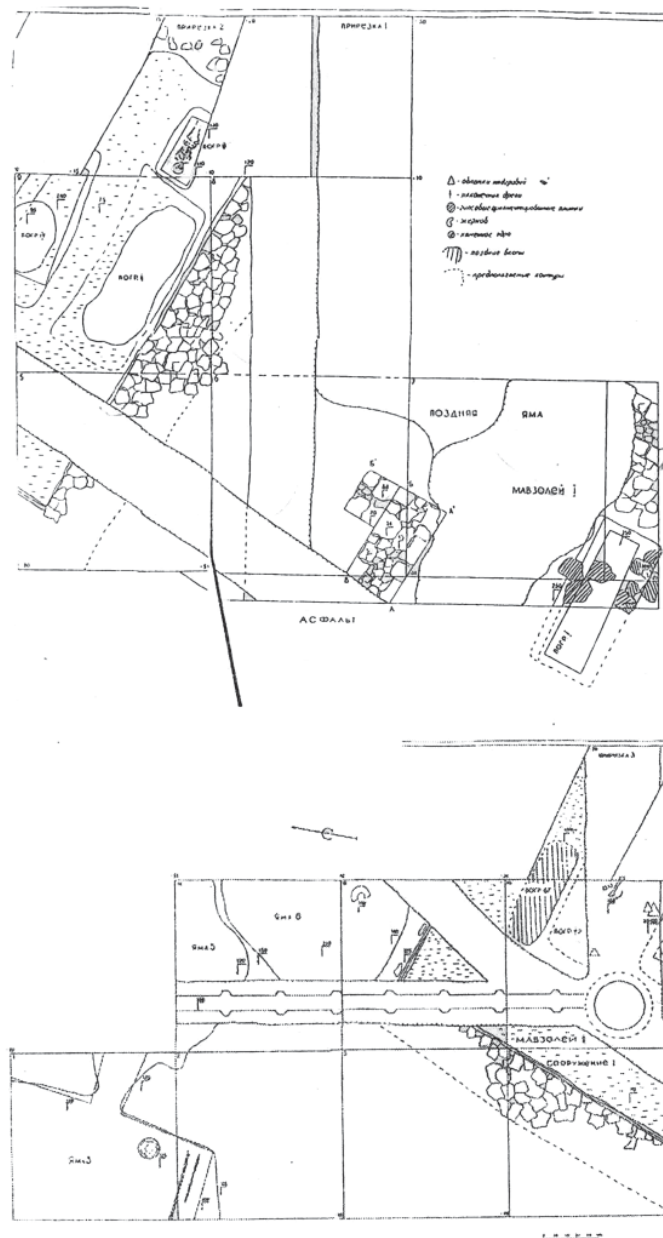

Рис. 1. План раскопа IV 1977 г. на уровне объектов 1977 г.

По мнению ряда историков, Казанское ханство имело ярко выраженную преемственность с Волжской Болгарией и в первую очередь Болгарским улусом, пользовавшимся в период господства монгольских ханов определенной автономией в составе Золотой Орды (Алишев, 1995а, с. 186 и сл.; Хамидуллин, с. 126; Загидуллин, 2015, с. 18). С.Х. Алишев, в частности, считал Казанское ханство прямым продолжением одноименного княжества, образованного на предкамских землях, где до утверждения на престоле представителей ордынских ханов в 1445 г. правили, по его мнению, потомки болгарских эмиров.

Однако в нашей историографии в процессе образования нового независимого государства исключительное значение придавалось приходу в

Среднее Поволжье Улуг-Мухаммада, свергнутого с престола золотоордынского хана. Как известно, Улуг-Мухаммад, вынужденный покинуть пределы Крыма из-за постоянных междоусобиц, в 1437 г. направился на русские земли и занял город Белёв, расположенный на Оке у юго-западных границ Московского государства. Полагают, что после успешного декабрьского сражения под Белёвом у него якобы возникла идея создания на Средней Волге самостоятельного мусульманского государства с центром в Казани. В скором времени проект был успешно реализован и Улуг-Мухаммад стал первым правителем вновь образованного государства. Авторы этой широко распространенной теории, среди которых такие крупные историки, как Ш. Марджани (Мәржани, 1989, бб. 162–

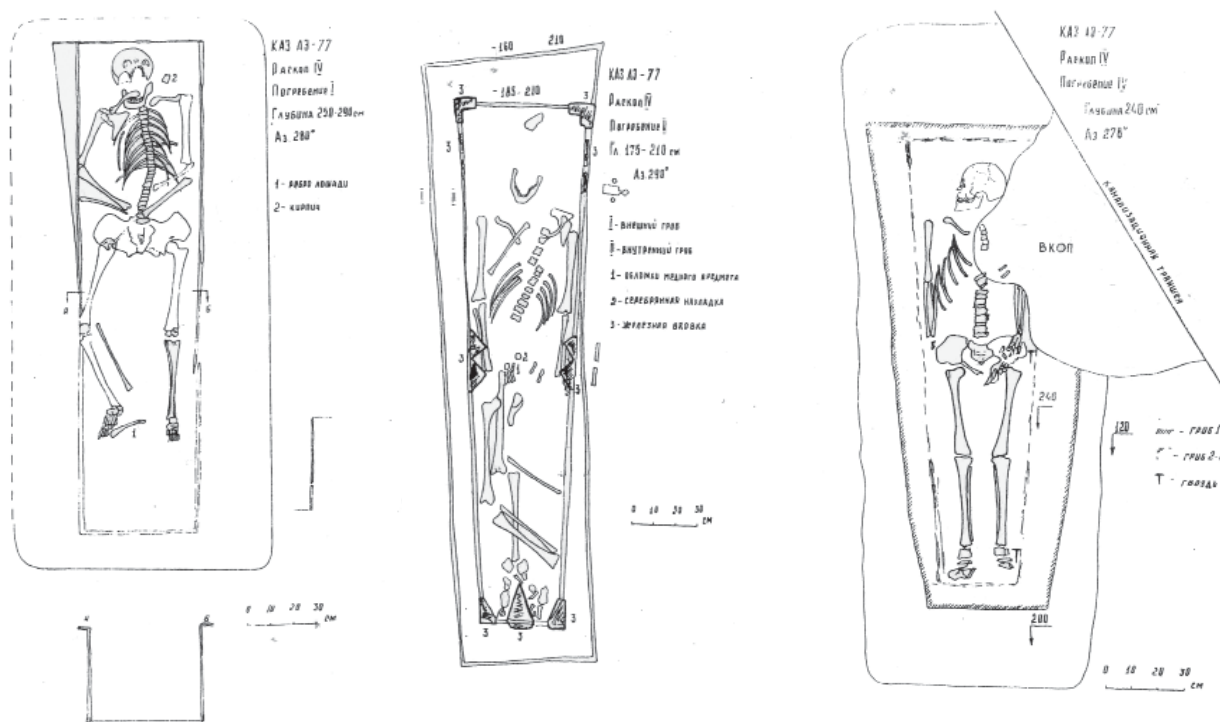

Рис. 2. Раскоп IV 1977 г. Планы погребений I из мавзолея № 1 (а); II (б) и IV(в) из мавзолея № 2

165), Х. Атласи (1993, бб. 212–213), Р. Фахретдин (Фахреддин, 1995а, бб. 56–57, 118–119; 1995б), М.Г. Худяков (1990, с. 24–31), М.Г. Сафаргалиев (1996, с. 495–498), Ш.Ф. Мухамедьяров (2012, с. 215) и др., заявляли, что в 1438 г. Казань была занята войсками Улуг-Мухаммада и стала столицей ханства. Эта точка зрения, вошедшая и в обобщающие работы по истории Татарстана (История Татарской АССР, 1968, с. 69), существует в нашей науке по сей день (Исхаков, Измайлов, 2005, с. 14 и сл.; Хакимов, 2005, с. 185).

Изложенная версия основана на сведениях «Казанской истории» неизвестного автора второй половины XVI в., стремившегося всеми правдами и неправдами доказать, что Казанское ханство является «окаянной дочерью Золотой Орды» (Казанская история, 1983, с. 326–327). Упомянутый источник не пользуется особым доверием среди ученых и рассматривается ими преимущественно как политикопублицистическое сочинение, в котором «множество басен и небылиц». Другие русские летописи каких-либо сведений о Казанском взятии 1438 г. и пребывании Улуг-Мухаммада в этом городе не содержат. Следует признать, что источниковедческая основа концепции историков, желающих видеть в Улуг-Мухаммаде первого казанского хана, весьма слаба. Данная концепция зиждется лишь на догадках, а не на конкретных исторических фактах. Попытку решения столь важной для нашей истории проблемы, каким является вопрос о времени и условиях возникновения

Казанского ханства, опираясь только на предания и сведения сомнительных источников, нельзя считать удачной.

С нашей точки зрения, заслуживают доверия сообщения Воскресенской и Никоновской летописей, где под 1445 г. совершенно недвусмысленно говорится о завоевании города Казани ордынскими войсками, но под руководством не Улуг-Мухаммада, обосновавшегося к тому времени в Нижнем Новгороде и все еще не оставившего надежду вернуть себе сарайский трон (Горский, 2000, с. 143–144; Рахимзянов, 2018, с. 19, 22, 29), а его сына Махмутека (Махмуда): «Той же осени царь Мамотяк, Улу Магметев сын, взял город Казань, вотчича казаньского князя Либея убил, а сам в Казани сел царствовать» (ПСРЛ, т. VIII, с. 114). Данный источник представляет для нас исключительный интерес и потому, что в нем упоминается имя болгарского (казанского) князя Либея – Алимбека или Галимбека, известного также по старинным татарским преданиям (История Татарии, 1937; Катанов, Покровский, 1906; ПСРЛ, т. XII, с. 46, 51). Возникает вопрос: была ли необходимость завоевать Казань в 1445 г., убив к тому же тамошнего болгарского правителя, если уже с 1438 г. в ней сидел Улуг Мухаммад?

Крупнейший историк и источниковед XIX столетия В.В. Вельяминов-Зернов, весьма скептически относившийся к версии автора «Казанской истории» как не соответствующей действительности, убежденно считал, что начало новому

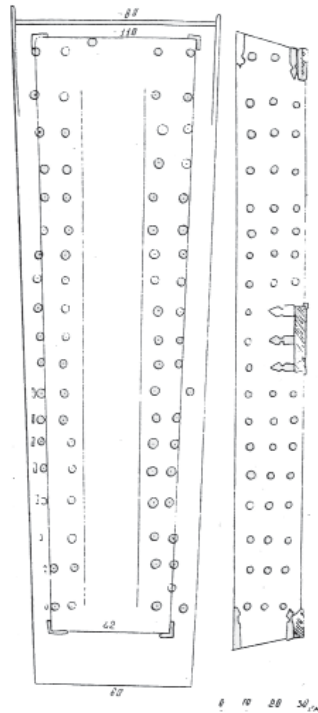

Рис. 3. Раскоп IV 1977 г. Мавзолей № 2.
Реконструкция внутреннего гроба погребения II

ханству и новой династии царей было положено ханом Махмутеком (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 7 и сл.). Много позднее эта точка зрения была поддержана составителями 1 тома «Истории Татарской АССР», изданной в 1955 году (История Татарской АССР, 1955, с. 126). Махмуда сына Улуг-Мухаммада считают первым казанским ханом большинство современных исследователей (Алишев, 1995а, с. 194; Хузин, Газимзянов, 1997, с. 8–9; Хамидуллин, 2002, с. 129; Котляров, 2005, с. 102; Бахтин, 2008, с. 140, 231; Аксанов, 2011, с. 5–12; Загидуллин, 2015, с. 18–23; Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р., 2015, с. 118–119). Данная точка зрения принята авторами академического издания «История татар с древнейших времен в семи томах» (История татар, т. IV, с. 146 и сл.), она нашла отражение и в школьных учебниках по истории Татарстана (История Татарстана, 2001, с. 84; Гилязов, Пискарев, Хузин, 2008, с. 67–68).

Итак, в 1445 г. Болгарское феодальное государство с центром в Казани (Казан иле, Казан йорты) было завоевано золотоордынским ханом, положившим начало новой династии правителей. Это государство, основное население которого составляли болгары и поволжско-приуральские финны – черемисы (предки современных марийцев, удмуртов, частично и чуваш) с заметными включениями кыпчакско-татарских выходцев из разных областей Золотой Орды, в исторической литературе получило условное название – Казанское ханство. Оно просуществовало более ста лет – до 1552 г. За

этот сравнительно короткий промежуток времени в Казани правили 13 ханов: 1) Махмуд, сын Улуг-Мухаммада, 2) Халиль, 3) Ибрагим, 4) Ильгам, 5) Мухамад-Эмин, 6) Мамук, 7) Абдул-Латиф, 8) Шах-Али, 9) Сахиб-Гирей, 10) Сафа-Гирей, 11) Джан-Али, 12) Утямеш-Гирей, 13) Ядыгар.

Имена и годы правления этих ханов не всегда точно устанавливаются из-за неполноценности источников.

Сведения об Улуг-Мухаммаде, внуке Токтамышша, сыне Джалалетдина-хана, как сказано выше, очень противоречивы. Так, еще в 1421 г., будучи взрослым мужчиной, он занял ханский престол в Золотой Орде и имел к тому времени нескольких жен, которые «были убиты или взяты в плен» в одном из сражений 1424 г. (Сафаргалиев, 1996, с. 447–448, 451). У него было несколько сыновей (по некоторым сведениям – семь), которые участвовали с ним в военных походах в 1430-е гг. Намеревавшийся после ряда сражений с русскими вновь вернуть себе золотоордынский престол или в худшем случае обосноваться в Казани, он умер в 1445 г. Обстоятельства его смерти неизвестны. По версии автора «Казанской истории», Улуг Мухаммад «умре в Казани с юнейшим своим сыном Ягупом: оба ножом зарезаны от болшаго сына своего Мамотьяка» (Казанская история, 1983, с. 326–327). Это сообщение справедливо оценивается историками как совершенно невероятное, хотя, как мы знаем, ордынская история – с начала до конца! – полна кровавых эпизодов борьбы за ханский престол. Тем не менее некоторые ученые не исключают Казань из числа городов, где он, не будучи даже ханом, мог быть похоронен. Другие же (см.: Вәлиди, 1992, б. 136; Фәхретдин, 1995б) местом захоронения Улуг-Мухаммада склонны считать город Курмыш – последнее место пребывания его, известное по русским летописям под 1445 г. Подчеркиваем: достоверных сведений о пребывании Улуг-Мухаммада в Казани в источниках не имеется.

Хан Махмуд, сын Улуг Мухаммада, – первый представитель золотоордынской династии казанского феодального государства. Годы его жизни не установлены, однако некоторые сведения письменных источников позволяют приблизительно судить о возрасте этого хана. Известно, что летом 1445 г., ордынские войска Улуг-Мухаммада под командованием его сыновей Махмуда и «юнейшего» Якуба совершили военный поход на русские земли. В сражении у Суздаля, состоявшемся 7 июля, они разбили войска великого князя Василия II, которого захватили в плен и освободили только через два месяца, обязав уплатить крупный выкуп за себя (ПСРЛ, т. XIII, с. 64 и сл.). До этого, в 1437 г., еще совсем юношей, Махмуд впервые участвовал

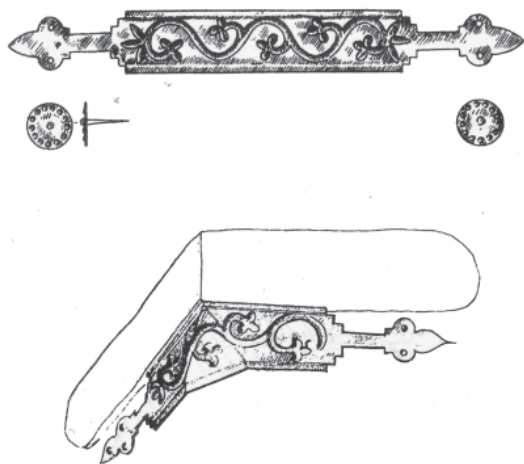

Рис. 4. Раскоп IV 1977 г. Мавзолей № 2.
Серебряные накладки и гвоздь
от обшивки внутреннего гроба погребения II

вместе со своим отцом в боях под Белевом. Из этих скудных данных можно заключить, что он, вероятно, родился не раньше начала – первой половины 1420-х годов. Ханский престол в Казани он захватил, «пришед ис Курмыша», в довольно молодом возрасте, что косвенно подтверждается тем фактом, что русские летописи всегда называют его уменьшительным именем Махмутек. В литературе встречаются разные варианты времени его правления: 1445–1461; 1445–1462; 1445–1464; 1445–1467. К моменту смерти ему было около 40 лет.

Годы правления Махмуда отмечены заметным экономическим подъемом. Казань стала признанным центром международной торговли на Волге. По мнению М.Г. Худякова, «мирные отношения между русскими и казанцами в течение всего царствования хана Махмуда ни разу не нарушались», лишь один раз, в 1447 г., был совершен поход на Муром и Владимир (Худяков, 1990, с. 34). С его именем связано начало новой эпохи в средневековой истории татарского народа, оставившей глубокий след в дальнейших судьбах всех народов Волго-Уралья.

Халиль, сын Махмуда, на ханский престол был посажен где-то в начале 1460-х гг. (1462?, 1464?, 1465–1467?), правил недолго и умер бездетным в 1467 г. О нем почти никаких сведений в источниках не сохранилось. Известно, однако, что Халиль был женат на царевне Нурсултан (Герберштейн, 1988, с. 170). По имеющимся у нас данным, Нурсултан, дочь Тимур-бека из ордынского рода Мангыт, родилась около 1447 г. (Герберштейн, с. 239, см. также: Бережков, 1897, с. 4, 16, 17). Если она была выдана замуж в 15–16 лет, что не было редким явлением в те времена, то ее брак с Халилем мог состояться где-то в начале 1460-х годов, т. е.

практически в то время, когда Халиль стал правителем Казани. Если же предположить, что он женился примерно в 17–18-летнем возрасте, то получим приблизительную дату его рождения – начало 1440-х годов. Можно полагать, что в год смерти Халилю было еще далеко до 30 лет. Напомним, что в своих «Записках» австрийский посол Сигизмунд Герберштейн называет его уменьшительным именем Халилек, намекая, очевидно, на молодой возраст этого хана.

После смерти Халиля Московское правительство намеревалось посадить на ханский престол Касима, сына Улуг-Мухаммада. Однако военный поход Касима на Казань завершился неудачно. Казанцы предпочитали своего ставленника. Им стал Ибрагим – старший сын хана Махмуда.

Ибрагим-хан сидел на троне 11 лет – до 1478 г. По обычаю того времени царевна Нурсултан, жена покойного Халиля, была обручена с его братом Ибрагимом. У Нурсултан было двое сыновей – Мухаммад-Эмин и Абдул-Латиф. От первой жены Ибрагима, Фатимы-султан, родились Ильгам, Худайкул и Мелик-Тагир. Трое из перечисленных выше: Ильгам, Мухаммад Эмин и Абдул-Латиф – в разное время занимали ханский трон.

Ибрагим-хан, судя по дошедшим до нас источникам, правил довольно успешно. Экономика страны развивалась, активизировались торговые связи с Московской Русью, странами Востока и Запада. Однако все более осложнялась международная обстановка: московский великий князь Иван III начинает осуществлять свои агрессивные планы в отношении Казанского ханства. Войны против Казани, спровоцированные Иваном III, продолжаются при Василии III и завершаются при Иване IV присоединением ханства к Русскому государству. Первый крупный поход на Казань, правда, не совсем удачный, был организован в 1469 г. Пригороды города были уничтожены огнем, но сам город остался невредимым. Еще один поход Ивана III состоялся в 1478 г. Но и в этот раз русские не добились успеха. В этом же году (по некоторым сведениям, в 1479 г.) Ибрагим-хан скончался. На престол претендовали Ильгам, сын Фатимы-султан, связанной с «восточной» группировкой правительства, и Мухаммад-Эмин, кандидатуру которого поддерживали сторонники Москвы. В конкурентной борьбе победил первый из них.

Ильгам правил ханством около девяти лет, преимущественно в условиях острого давления со стороны московского великого князя. В 1482 г. Иван III готовил большой поход на Казань, его войска дошли до Нижнего Новгорода. Дальнейшее движение было приостановлено дипломатическими усилиями Ильгама, предложившего великому

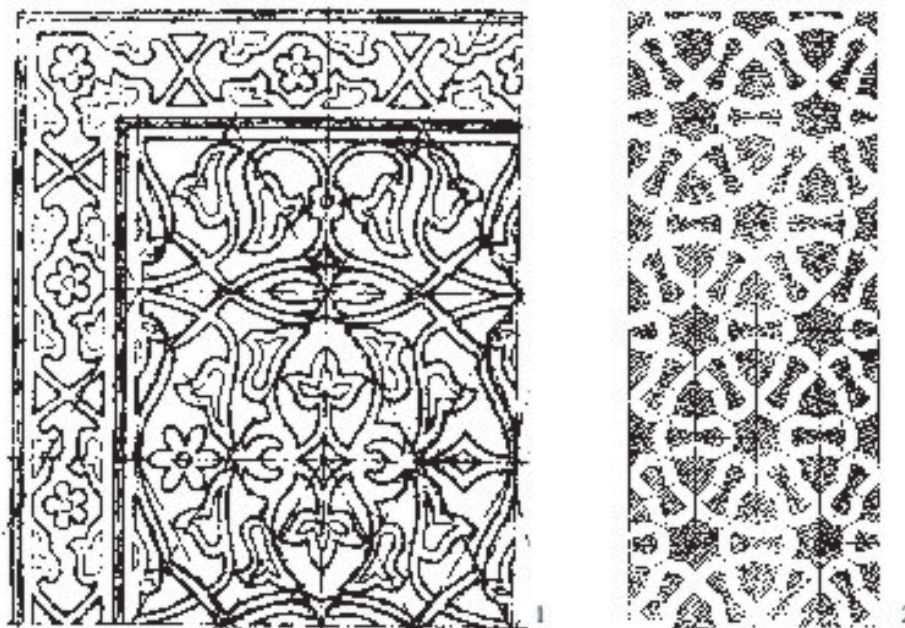

Рис. 5. Орнамент гипсовых герихов ханского времени из раскопа IV 1977 г.

князю мирный договор, условия которого нам неизвестны. В 1485 г. Москва добилась своего: Ильгам вынудили уступить престол Мухаммаду-Эмину. Однако молодой хан, не имевший достаточного опыта управления, не пользовался поддержкой ни со стороны представителей восточной партии, ни со стороны сторонников Москвы. При поддержке войск Нугайской орды и с молчаливого согласия Москвы Ильгам вновь вернул себе ханский престол. Но ненадолго. Он был свергнут с престола после известных событий 9 июля 1487 г., когда Казань была взята войсками великого князя Ивана III. Как сообщают летописи, «царя Алегам изымаша с материю и с его царицею и с двумя братьями и с сестрою и с его князми, и приведоша их на Москву» (ПСРЛ, 1965, т. XII, с. 218–219). «Задержав его на некоторое время [в столице], – писал С. Герберштейн, – государь отослал его потом в Вологду, где Ильгам и провел остаток жизни» (Герберштейн, 1988, с. 170; см. также: Казанская история, 1983, с. 329).

Мухаммад-Эмин известен был не только как выдающийся политический деятель и правитель Казани, но и как замечательный поэт, произведения которого в отрывках сохранились до наших дней (Татар эдэбияты тарихы, 1984, б. 291–292; Мөхәммәт Әмин, 2004).

По сведениям источников, в 1478 г., вскоре после смерти Ибрагима и провозглашения ханом его сына Ильгама, десятилетний Мухаммад-Эмин, разлученный со своей матерью, царицей Нурсултан, был насильно отправлен в Москву, где воспитывался при дворе великого князя Ивана III. На ханский престол был посажен в 1487 г.

в результате крупного военного похода русских, увенчавшегося взятием Казани и установлением военнополитического протектората Московского государства над Казанским ханством. Зарекомендовавший себя, по словам М.Г. Худякова, «истинным другом России» в первый период своего правления (1487–1496 гг.), Мухаммад-Эмин, однако, в дальнейшем решил отказаться от покровительства Москвы и начиная с 1505 г. проводил в основном политику, направленную на приобретение полной самостоятельности. Претворение этой политики в жизнь началось с грандиозного погрома и грабежа русских, проживающих в столице ханства. Об этих событиях многие годы спустя вспомнил автор «Казанской истории», объясняя причины тяжелого недуга Мухаммад-Эмина как справедливое наказание бога за неблагоприятные деяния хана: «И за сие преступление порази его бог язвою неизцелною от главы и до ногу его» (Казанская история, 1983, с. 338–339). Мухаммад-Эмин действительно долго и тяжело болел. Русские летописцы впервые заговорили о его болезни в 1516 г. (ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 25). Хан умер в декабре 1518 г. в возрасте 50 лет и был похоронен, по словам поэта Мухаммедьяра, «в болгарском городе Казани» (Мөхәммәдъяр, 1966, б. 83). В «Казанской истории» содержится довольно подробное, но не лишённое вымыслов и злорадства описание его смерти: «Люте (тяжело) боляше три лета, на одре лежа, весь кипя гноем и червми. Врачеве же и волхвы не возмогаша от язвы тоя исцелити. Но ни кто к нему в ложницу (спальню) не вхождаше посетити его: но ни та царица, прельстившая его, ни болшие его рядцы (советники), смрада ради

Рис. 6. Раскоп IV 1977 г. Реконструированный скульптурный портрет казанских ханов Махмуда и Мухаммад-Эмина. Автор Т.С. Балуева

злаго, исходящего от него» (Казанская история, 1983, с. 338–339).

Мамук, сибирский хан из династии Шейбанидов, правил в Казани всего несколько месяцев после первого свержения Мухаммад-Эмина в ноябре 1496 г. Популярностью среди населения он не пользовался, занимался грабежами, сажал в тюрьмы видных членов правительства. По возвращении из грабительского похода в Арск в город его не пустили. Мамук со своим войском вынужден был уехать обратно в свои кочевья. «...Вскоре поиде от Казани во свояси и на пути умре», – сообщает Никоновская летопись (ПСРЛ, 1965, т. XII, с. 242).

Абдул-Латиф, младший сын Ибрагима и царицы Нурсултан, в юные годы воспитывался в Бахчисаре при дворе крымского хана Менгли-Гирея. По достижении совершеннолетия его отправили в Москву к Ивану III, который в 1496 г. посадил его на ханский трон. Ставленник Ивана III, но приверженец самостоятельной политики, Абдул-Латиф не всегда учитывал интересы Москвы и потому был низложен с престола русскими воеводами в январе 1502 г. Местом его ссылки был определен город Белоозеро (ПСРЛ, т. XII, с. 255). По требованию крымского правительства Менгли-Гирея в январе 1508 г. он был освобожден «от нятства» и получил в удел город Юрьев-Польский. В мае 1512 г. был вторично арестован якобы за поддержку крымцев во время их набегов на русские земли и сослан обратно в Белоозеро. В 1516 г., когда

вследствие тяжелой болезни стареющего Мухаммад-Эмина встал вопрос о престолонаследии, Абдул-Латиф как его родной брат и единственный наследник был вновь освобожден из заточения по настоянию казанского посольства. В этот раз ему пожаловали город Каширу, где он неожиданно умер при неизвестных обстоятельствах. Это случилось, по сообщению Никоновской летописи, 19 ноября 1518 г. (ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 28).

Шах-Али (Ших-Алей, Шигалей, Шеале, Шейхали), сын касимовского царевича Шейх-Аулияра и Шагисолтан, дочери ногайского князя Ибрагима, правил в Казани трижды, но в общей сложности менее трех лет.

В первый раз он был возведен на престол Василием III 1 марта 1519 г., когда ему было чуть больше 13 лет. Через два года вынужден был покинуть Казань, ибо местная оппозиция, недовольная русским засильем в столице, пригласила на престол крымского царевича Сахиб-Гирея. Во второй раз, в 1546 г., Шах-Али успел «управлять» ханством всего один месяц. Не добившись понимания и поддержки со стороны казанцев, совершенно беззащитный и крайне непопулярный среди населения, он вновь покинул столицу, которая беспрепятственно была занята Сафа-Гиреем. В последний раз Шах-Али был провозглашен ханом 16 августа 1551 г. после вынужденной выдачи русским малолетнего Утямеш-Гирея и его регентши-матери Сююмбикэ и подписания рокового договора о разделе государства, согласно которому

Горная сторона, т. е. почти половина его территории, отошла к России. Правил до переворота 9 марта 1552 г., покончившего с проектом мирного присоединения Казанского ханства к Русскому государству. В дальнейшем Шах-Али принимал деятельное участие в организации и проведении военного похода на Казань. После завоевания Казани он возвращается в Касимов, где проводит последние 15 лет своей жизни в качестве хана – правителя удельного княжества. Его мирная жизнь неоднократно прерывалась военными походами: в 1558, 1562, 1564–1565 гг. он участвовал в ряде сражений Ливонской войны. Умер 20 апреля 1567 г. в Касимове.

Сахиб-Гирей, сын крымского хана Менгли-Гирея и бывшей казанской царицы Нурсултан, правил в Казани недолго – всего около четырех лет. В 1524 г. почти добровольно оставил престол, посадив на него своего племянника Сафа-Гирея (Герберштейн, 1988, с. 178; ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 44). С 1532 г. в течение почти двадцати лет Сахиб-Гирей был правителем Крыма. Убит в 1551 г. во время похода на Кавказ царевичем Буляк-Гиреем, старшим сыном Сафа-Гирея (Инальчик, 1995, с. 94). По сведениям М.Г. Худякова, «тело его было перевезено в Крым и погребено в усыпальнице хана Хаджи-Гирея в Салачике, в живописной Бахчасарайской долине, у подножия горы Чуфут-Кала» (Худяков, 1990, с. 89).

Сафа-Гирей, родившийся в Бахчисарае в 1510 г., был возведен на ханский престол при поддержке карачибек в главе с Булат-Ширином. Правил он в Казани трижды: в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 гг. – в общей сложности более двадцати лет, ценой невероятных усилий оберегая независимость Казани от Москвы.

После убийства хана Джангали женой Сафа-Гирея стала его вдова, дочь нугайского мурзы Сююмбикэ, красивая и умная женщина, сыгравшая впоследствии не последнюю роль в управлении государством в качестве регентши при малолетнем сыне Утямеш-Гирее.

Долгое правление Сафа-Гирея проходило в исключительно сложных условиях. В своем стремлении освободиться от давления и территориальных притязаний Москвы Сафа-Гирей зачастую не находил понимания даже у правящих кругов Казани. До предела обострились отношения с Москвой, о чем свидетельствовали частые военные походы с обеих сторон. Усиливалось налоговое бремя над населением. Странник сильной власти, искавший и находивший поддержку у крымских ханов и нугайских мурз, Сафа-Гирей действовал в основном в кругу своих крымских пришельцев, что вызывало недовольство не только среди аристократии, но и простых горожан. Все это привело к трагическо-

му концу его правления. Обстоятельства смерти этого хана, далекие от реальности, нашли отражение в письменных источниках XVI в. Подробные, но далекие от действительности сведения об этом имеются у автора «Казанской истории»: «ныне же, пьян, лице свое и рuce умываше и напрасно занесся (покачнулся) ногама своима, и главою о умывалничный теремец ударися до мозгу, и о землю весь разразися, и все составы тела его разслабшася, и не успевшим его предстоящим скоро подхватити. И от того умре того же дни...» (Казанская история, 1983, с. 382). В Никоновской летописи об этом событии помещена краткая запись: «1549... Того же месяца марта 25 прииде весть царю великому князю, что в Казани царь казанский Сафа-Кирей умер, убилися в своих хоромех» (ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 157).

О причинах скоропостижной смерти Сафа-Гирея, одного из могущественных государей Казанского ханства, яркого противника Москвы, можно поспорить. Вероятнее всего, он был убит противниками прокрымской политики.

Джан-Али, сын касимовского царевича Шейх-Аулияра и младший брат печально известного Шах-Али, родился, судя по сохранившимся документам, в 1516 г. и уже в пятнадцатилетнем возрасте, в 1532 г., стал ханом (Худяков, 1990, с. 96; Казанская история, 1983, с. 356–357). Женился в 17 лет на Сююмбикэ, дочери ногайского мурзы Юсуфа. Ставленник Москвы, в своей внутренней и внешней политике строго следовавший указаниям русских князей, он был убит во время дворцового переворота 25 сентября 1535 г. (ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 100).

Утямеш-Гирей, сын Сафа-Гирея и Сююмбикэ, был провозглашен ханом вскоре после смерти своего отца. Царица Сююмбикэ стала регентшей при малолетнем хане. Роль крымских татар в правительстве еще более возросла. Усилилось противостояние между Москвой и Казанью. Неудача военных походов 1549 и 1550 гг. заставила русского царя Ивана IV искать новые пути ликвидации ханства. Была выработана программа его мирного присоединения. В Казани образовалось временное правительство, состоящее также из сторонников мира с Россией. Оно и вынуждено было согласиться на выдачу русским хану Утямеш-Гирею и царице Сююмбикэ. 11 августа 1551 г. они покинули Казань.

В Москве Сююмбикэ была выдана замуж за Шах-Али и вскоре отправлена в Касимов (Атласи, 1993, б. 165–179; ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 184). По некоторым сведениям (Фэхретдин, 1995б, б. 144), она скончалась в 1557 г. в возрасте 38 лет. 8 января 1553 г. Утямеш-Гирей был крещен в Чудовом монастыре с именем Александр. Он умер 11 июня

1566 г. в возрасте 20 лет и погребен в Архангельском соборе Московского Кремля (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 348; ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 402).

Ядгар (Едигер, Ядыгар), сын астраханского хана Касима, состоявший в 1542–1550 гг. на службе у московского великого князя и даже принимавший участие в походе русских на Казань в 1550 г., был приглашен на ханский престол после свержения Шах-Али весной 1552 г. Выделился как организатор активной обороны Казани. По словам очевидца, 2 октября 1552 года он остался жив благодаря защитникам города, которые отдали его русскому царю, а сами, решив живыми не сдаваться, бросились через Елбугины ворота Кремля на Казанку «испить смертную чашу» (Курбский, 1986, с. 259). Последнего казанского хана отправили в Москву, где он принял крещение с именем Симеон 26 февраля 1553 г. Скончался 26 августа 1565 г. Его гроб с телом покоится в Благовещенской церкви Чудова монастыря (ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 398).

Как видно из вышесказанного, не все ханы нашли вечный покой в столице государства. В силу ряда обстоятельств семь ханов из тринадцати: Ильгам, Мамук, Абдул-Латиф, Сахиб-Гирей, Шах-Али, Утямеш-Гирей, Ядыгар умерли и похоронены в разных городах Московского государства и Крыма, но не в Казани. В списке ханов, которые могут быть погребены в исследованном нами мавзолее, значатся: Махмуд, Халиль, Ибрагим, Мухаммад-Эмин, Джан-Али и Сафа-Гирей.

* * *

В 2004 г. у башни Сююмбикэ, с западной стороны, Музеем-заповедником планировалось проведение работ по замене канализационных труб, проходящих на близком расстоянии от места раскопок А.Х. Халикова. На этом месте и было решено заложить, в продолжение раскопа IV 1977 г., новый раскоп – LXV по общей нумерации раскопов нашей экспедиции (рис. 7). Целью раскопок являлось исследование руинированной каменной конструкции, названной А.Х. Халиковым мавзолеем казанских ханов, а также культурных напластований и связанных с ними объектов, в том числе более позднего православного некрополя, разрушаемых в ходе строительного-реставрационных работ.

Культурные слои на раскопе вскрывались по пластам толщиной 10–20 см. Заполнения ям, сооружений и перекопов вскрывались отдельно по прослойкам (выборкам).

Мощность культурного слоя раскопа колебалась на разных участках от 100 см до 260 см. Современная дневная поверхность значительно понижалась с востока на запад – с отметки -42 см до отметки -200 см от 0 (рис. 7; 8).

Слой I, современный (XX–XIX вв.), который нет необходимости описывать подробно, завершает асфальтовое покрытие мощностью от 6 до 30 см. Общая мощность слоя колеблется на разных участках раскопа от 25 до 190 см. В слое встречаются более ранние находки (чаще всего красноглиняная, т. н. «казанская», керамика III слоя), попавшие сюда из нижележащих напластований в результате переотложений в процессе строительной деятельности.

Слой II, относящийся к русскому времени истории Кремля в хронологических рамках второй половины XVI–XVIII вв., имеет среднюю мощность около 60 см (в пределах 20–100 см). По структуре это довольно рыхлая, по сравнению с верхним слоем, серая гумированная супесь, насыщенная, как и верхний слой, строительными остатками (обломки кирпичей, скопления известнякового щебня). На некоторых участках прослежены прослойки извести толщиной 10–20 см. Все эти прослойки, пятна, а иногда и скопления известняковых камней следует рассматривать как следы разрушений более ранних сооружений, в основном мавзолея казанских ханов. Зафиксированы также прослойки, связанные с православным некрополем XVIII в. Они состояли из красно-коричневого суглинка (выкид из могильных ям) и темно-коричневой плотной супеси с вкраплениями угля. Слой датируется по совокупности вещественных находок – гончарной керамики и поливных изразцов, имеющих полные аналогии в слоях XVI–XVIII вв. из раскопок русских городов, бытовых предметов этого же времени, а также монет, чеканенных в период правления Алексея Михайловича (1645–1676) и Екатерины II (1762–1796).

Слой III, мощностью от 20 до 80 см, как уже говорилось, относится к периоду существования Казанского ханства (вторая половина XV– первая половина XVI вв.). Опишем его более подробно, ибо данный слой накоплен в период функционирования объекта нашего исследования – мавзолея казанских ханов.

На южном профиле сектора 1, уч. А/13–17, Б/17 (рис. 9), выделяются прослойки дощатого и каменного мощения, шедшие вдоль западной стены мавзолея. Они сложены из светло-серой плотной супеси с включением прожилок древесного тлена и песка мощностью до 76 см. Отмечена также прослойка каменного мощения в виде известнякового щебня толщиной 14–16 см. На участке А/14 идет прослойка светло-серой плотной супеси толщиной 10 см, подстилаемая на участке А/15 линзой извести толщиной 7 см. Следующая прослойка на участках А/14, 15 состояла из темно-серой плотной гумированной супеси мощностью 11 см; ниже шла прослойка серой плотной

Рис. 7. Раскоп LXV 2004 г.

супеси толщиной 8 см, подстилаемая прослойкой темно-коричневой плотной супеси мощностью 12 см. Нижний горизонт слоя образован прослойкой суглинка с включениями извести толщиной 20–28 см.

Слой IV, золотоордынский, на профиле не зафиксирован, очевидно, он разрушен в период ханства, о чем свидетельствует фрагмент поливной чаши с голубой и черной росписью XIV в. в вышележащем слое.

Древнейший, V слой, выделяется в виде серой супеси с вкраплениями угля мощностью 10–22 см, отложившейся на погребенной почве в виде подзола – светло-серой плотной супеси. Остальные прослойки увязываются с сооружениями № 14, 15, 20 и погребениями № 21, 94.

В южном профиле сектора 1 (уч. Б/17–20, рис. 10) прослежена прослойка пестроцветного суглинка с включениями кирпично-известнякового щебня толщиной 32 см, связанная либо со строительством ханской мечети, располагавшейся северо-восточнее от места раскопок, либо с нивелированием поверхности после разрушения стены золотоордынского времени, выявленной на участках Г/19–20. Прослойка коричневого плотного

суглинка с включениями известняковых камней и извести мощностью 33 см соотносится, скорее всего, со временем строительства ханского мавзолея. На этих участках выделяются также нижележащие, более ранние слои.

В восточном профиле сектора 1, уч. Б–Г/20, сектора 3, уч. Д, Е/20 и сектора 4, уч. А, Б/20 (рис. 11), слой III представлен (уч. Б/18, 19) прослойкой пестроцветного суглинка толщиной 28 см, связанной, предположительно, со строительством ханской мечети или нивелированием поверхности после разрушения стены золотоордынского времени. Далее на уч. В, Г/20 шла прослойка мощностью 32 см, состоящая из извести и известнякового камня разных размеров. Она, на наш взгляд, относится к времени строительства ханского мавзолея. Далее на уч. В, Г/20 шла прослойка коричневого плотного суглинка с включением известняковых камней и извести мощностью 20 см. Отложена также в период строительства ханского мавзолея. Ниже на уч. В, Г/20 шла прослойка серой рыхлой супеси с включением извести и крупного и мелкого известнякового камня толщиной 13 см. Прослойка соотносится с обрушением стены золотоордынского времени. Остальные прослойки

Рис. 8. Руководитель экспедиции «Казанский кремль» Ф.Ш. Хузин и руководитель раскопа А.Г. Ситдилов в процессе раскопок

увязываются с сооружениями № 18, 21, 22, 23 и столбовой ямой № 6.

В разрезе культурного слоя на участках А–В/15 сектора 1, где зафиксировано сооружение № 11 (мавзолей), наблюдалась интересная картина (рис. 12: а, б): здесь прослежена прослойка известнякового щебня и извести толщиной до 10 см – остатки каменного мощения дороги вдоль западной стены ханского мавзолея. Ниже шла прослойка серой плотной супеси с включением прожилок древесного тлена и песка, мощностью 53 см, которая соотносится с деревянным мощением дороги вдоль западной стены ханского мавзолея. Слои IV и V не сохранились – отложения ханского времени покоятся на погребенной почве.

Восточный профиль сектора 2, уч. Г, Д/18 (рис. 13), показал следующую стратиграфическую картину. Протяженность профиля составляет 1,8 м. Прослойки располагались относительно ровно, с небольшой просадкой в сооружения (в профиле зафиксировано сооружение № 18). Ниже отложений I и II слоев на всех участках сектора шла прослой-

ка суглинка, извести и известнякового камня разных размеров мощностью 28–30 см, отложенная в период строительства ханского мавзолея. Ниже на всех участках зафиксирована прослойка суглинка с включением извести и крупного и мелкого известнякового камня толщиной 35 см, прослойка, предположительно, соотносится с обрушением стены золотоордынского времени. На уч. Г/18 отмечена прослойка песка толщиной 8–15 см.

Нижележащая прослойка коричневого суглинка с включением известнякового щебня и извести толщиной 24 см связана со строительством оборонительной каменной стены золотоордынского времени.

Южный профиль секторов 2 и 3, уч. Е/15–20 (рис. 14) имел протяженность чуть более 10 м. На уч. Е/18–20 к III слою относится прослойка извести и известнякового камня мощностью около 20 см. На участках Е/16–18 отмечена прослойка известняковой и кирпичной крошки, извести, суглинка и древесного угля мощностью 30–45 см. Вышеописанные две прослойки соотносятся со

Рис. 9. Фото профиля участков А/16–17 раскопа LXV 2004 г.

временем строительства ханского мавзолея. Ниже на участках Е/18, 19 зафиксирована прослойка серо-коричневой рыхлой супеси с включением извести, известняковой крошки толщиной до 60 см, связанная с обрушением стены золотоордынского времени. На участке Е/19 отмечена прослойка суглинка толщиной 8 см.

Протяженность южного профиля сектора 2 составляет 6,9 м, уч. Ж/11–14 (рис. 15). К сожалению, целостность культурного слоя на этих участках нарушена коммуникационными траншеями. Непотревоженные прослойки залегают относительно ровно. В профиле были зафиксированы сооружения 14, 19. Со слоем III связаны следующие прослойки. На участках Ж/13, 14 отмечен желтый суглинок толщиной 15 см; ниже зафиксирована прослойка серой плотной супеси с включением извести, бутового щебня мощностью 25 см, далее шла прослойка суглинка, извести и угольков мощностью 20 см. На уч. Ж/12, 13 выявлена прослойка желтой плотной супеси с включением суглинка толщиной 20 см, она перекрывала мощную прослойку бурой плотной супеси с включением известнякового щебня толщиной 40–80 см. Эти прослойки связаны со строительством ханского мавзолея. Ниже на участках Ж/13, 14 зафиксирована прослойка серой плотной супеси с включением извести толщиной 13–15 см – следы обрушения стены и башни золотоордынского времени. На участках Ж/11, 12 отмечена прослойка серой плотной супеси с включением угля мощностью 90 см.

Кратко опишем стратиграфию сектора IV (рис. 16) и сектора I по южному профилю, уч. А/18–20. На участке А/20 в слое III прослежена прослойка серо-коричневой плотной супеси толщиной 7 см; на участке А/19 выявлена прослойка светло-коричневой плотной супеси с включением известняка и извести мощностью около 20 см. Ниже на участках А/19, 20 наблюдалась прослойка извести и известнякового камня толщиной около 30–35 см. Две последние прослойки могут быть связаны со временем строительства ханского мавзолея. На участке А/20 отмечена линза прокаленной глины толщиной 12 см. Прослеживаются также линзы коричневой плотной супеси толщиной 8 см и древесного угля толщиной до 10 см. Ниже на участке А/19 шла прослойка серо-коричневой плотной супеси с вкраплениями угля, включениями известнякового камня и суглинка толщиной 45 см. На уч. А/19, 20 зафиксирована прослойка суглинка, подзола и угольков мощностью 25 см. Две последние прослойки предположительно соотносятся с обрушением стены золотоордынской стены.

Как показывает западный профиль сектора 5, уч. Д–3/9 (рис. 17), современная дневная поверхность понижалась с севера на юг с отметки -110 см до -184 см от 0. Целостность культурного слоя сохранилась только на участке 3/9, на других участках она нарушена раскопом 1977 г. (сооружение 19). Под слоями I–II общей мощностью 140–160 см залегает слой III – рыхлая супесь мощ-

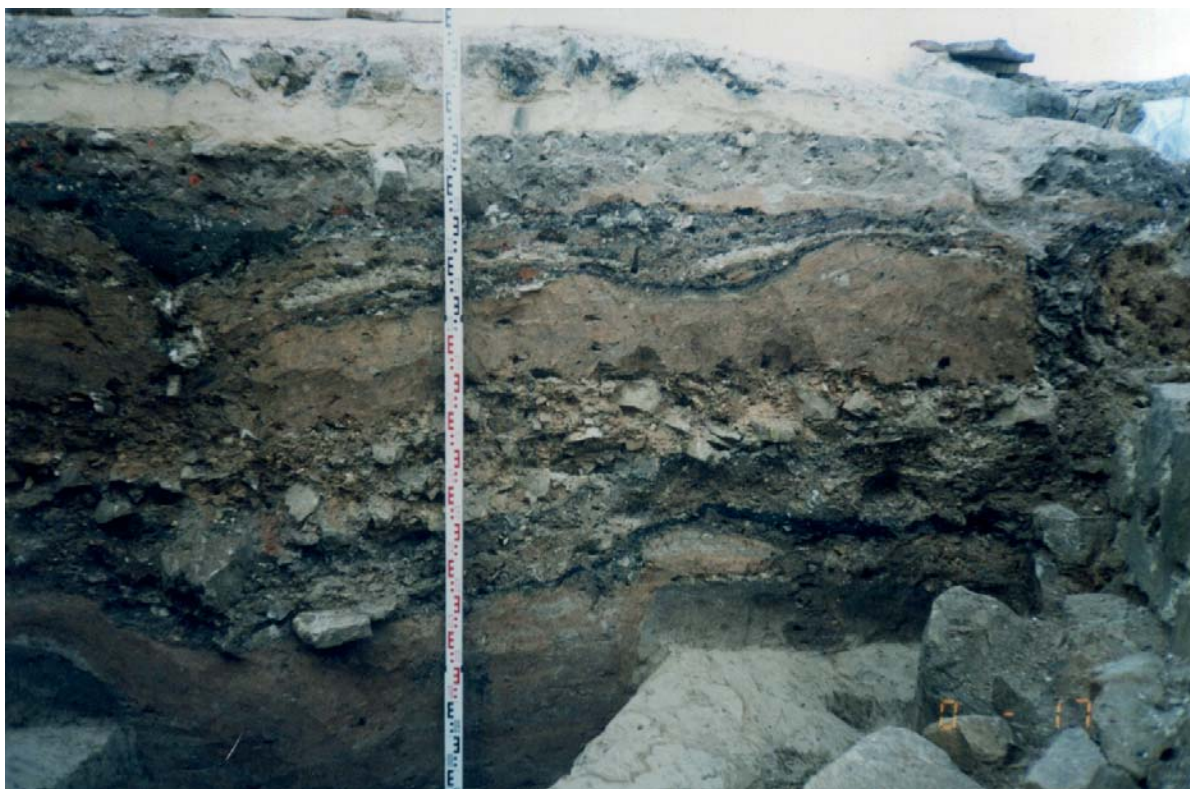

Рис. 10. Фото профиля участков Б/17–19 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 11. Фото профиля участков Б–Е/ 20 раскопа LXV 2004 г.

КАЭ-2004. Казанский кремль.
Раскоп LXV. Профиль участков А-В/15.

0 20 60 см

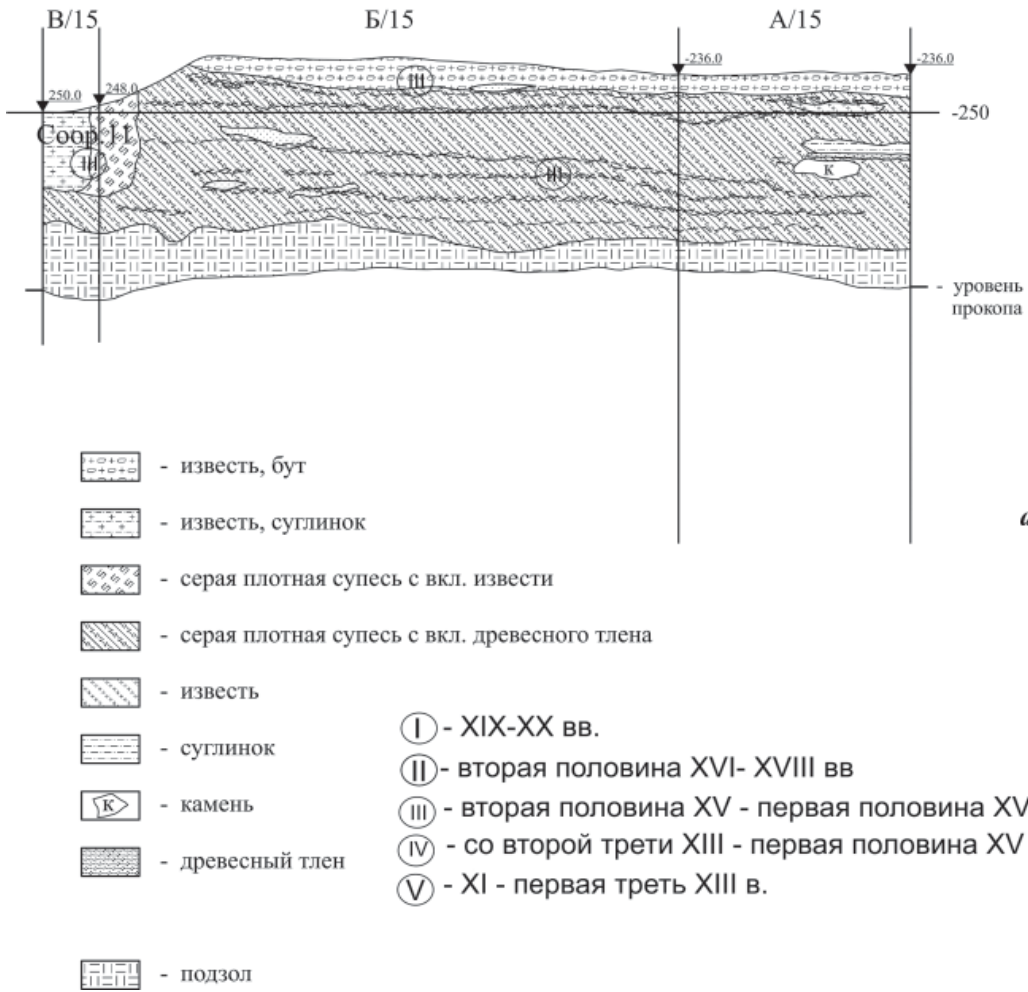

Рис. 12. Профиль (а) и фото профиля (б) участков Б, В/15 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 13. Фото профиля участков Г, Д/18 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 14. Фото профиля участков Е/15–20 раскопа LXV 2004 г.

ностью 36 см, насыщенная строительным мусором: известняковыми камнями и известью. Слой отложен в период строительства ханского мавзолея. Ниже идет заполнение более раннего сооружения № 25.

В северном и восточном профилях сектора 5, уч. 3/10 и 3/11 (рис. 18) также зафиксировано сооружение 25. На всех участках шла прослойка известняковых камней и извести мощностью 50 см времени строительства ханского мавзолея. Ниже выделяется прослойка серой плотной супеси с включением суглинка, угля и извести толщиной 12 см. Далее на всех участках отмечена линза серой плотной супеси с включением извести мощностью 5 см. Культурный слой покоится на погребенной почве, которая залегает на светло-коричневом материковом суглинке.

В южный профиль сектора VI на участках Г/10–12 попали разрезы погребений № 30, 62, 64, 81 православного некрополя XVII–XVIII вв. В слое III на участке Г/11 прослежена прослойка серой плотной супеси с древесным тленом и перемежающимися линзами речного песка и угля мощностью 70 см. Данная прослойка связана с дощатой мостовой, прослеженной на уч. А, Б/15–17. Она подстилалась светло-серой супесью (подзол) – погребенной почвой на светло-коричневом материковом суглинке.

В южном профиле сектора VI на участках А/10–12 (рис. 19) под поздними наслоениями мощностью 80–100 см зафиксированы сооружения № 20 и 26 III слоя, нарушенного погребениями № 68, 90 православного некрополя XVII–XVIII вв.

На участке А/12 под могильной ямой 68 залегал слой IV, состоящий из двух прослоек: коричневого суглинка толщиной 9 см и серой плотной гумусированной супеси толщиной 17 см. Ниже шла светло-серая супесь (подзол) – погребенная почва.

В западном профиле раскопа (сектор VI, уч. А–Г/9) зафиксированы сооружения № 26 слоя III, а также погребение № 64 слоя II. На участках В, Г/9 выявлена засыпь раскопа IV 1977 года.

В фрагментарно сохранившемся слое III на участке Б/9 прослежена прослойка светло-серой плотной супеси с включением угольков толщиной 14 см, на участке В/9 – прослойка желтой плотной супеси толщиной 4 см. Ниже выявлена прослойка серой плотной супеси и суглинка с включениями древесного тлена толщиной 10–18 см.

Слой IV на участке Б/9 зафиксирован в виде серо-коричневой плотной супеси толщиной 20 см, на участке В/9 – в виде серой плотной супеси с включениями древесного тлена толщиной около 25 см. Ниже шла погребенная почва на светло-коричневом материковом суглинке.

Подытоживая вышесказанное, еще раз следует отметить плохую сохранность культурного слоя ханского времени. Тем не менее удалось выявить строительный горизонт интересующего нас сооружения – белокаменного мавзолея казанских правителей. Он расположен в основании культурного слоя, как это четко прослежено на участках: Б/18, 19, В, Г/20, Г, Д/18 (прослойка коричневого плотного суглинка с включениями известняковых камней и извести мощностью 20–30 см); А/19, 20, В, Г/20, Е/18–20, 3/9–11 (прослойка извести и известнякового камня мощностью 20–50 см); Г, Д/18 (прослойка суглинка, извести и известнякового камня мощностью 20–25 см); Е/16–18 (прослойка известняковой и кирпичной крошки, извести, суглинка и угля мощностью 30–45 см); Ж/13, 14 (прослойка суглинка, извести и угольков мощностью 20 см); уч. Ж/12, 13 (прослойка желтой плотной супеси с включением суглинка толщиной 20 см). На участках Ж/12, 13 лежала мощная прослойка бурой плотной супеси с включением известнякового щебня толщиной 40–80 см, также отложенная в период строительства ханского мавзолея.

Горизонт разрушения сооружения связан с нижними напластованиями II слоя.

На участках А, 16, 17, А, Б/15 прослежена прослойка известнякового щебня и извести толщиной 10–15 см, которую мы рассматриваем как остатки каменного мощения дороги, проложенной вдоль западной стены ханского мавзолея. Прослойка мощностью до 70–75 см, состоящая из серой плотной супеси с включениями прожилок древесного тлена и песка на участках А, Б/15–17, Г/11, а также прослойка суглинка, подзола и угольков мощностью 25 см на участках А/19, 20 являются, очевидно, следами деревянного мощения площадки вокруг мавзолея.

Как отмечалось выше, мавзолей располагался поблизости Ханской мечети в районе башни Сююмбикэ. Прослойку пестроцветного суглинка с небольшими включениями кирпично-каменного щебня толщиной около 30 см на участках Б/18, 19 можно принять за строительный горизонт этой мечети.

Следы обрушения оборонительной стены, функционировавшей в золотоордынское время, прослежены на участках Б/18, 19, В, Г/20 в виде прослойки серой рыхлой супеси с включением извести и крупного и мелкого известнякового камня толщиной 10–30 см; на участках Ж/13, 14, 3/10, 11 в виде прослойки серой плотной супеси с включением извести толщиной 5–15 см; на участках Г, Д/18 зафиксирована прослойка суглинка с включением извести и крупного и мелкого известнякового камня толщиной 35 см; на участках

Рис. 15. Фото профиля участков Ж/11–14 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 16. Фото профиля участков А/18–20 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 17. Фото профиля участков Д–Ж/9 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 18. Фото профиля участков З/10–11 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 19. Фото профиля участков А/10–12 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 20. Фото профиля участков А–Г/9 раскопа LXV 2004 г.

Рис. 21. Сводный план раскопов 1974 и 2004 гг.

А, Е/18, 19 слой разрушения достигает мощности 45–60 см.

Слой IV, отложенный в золотоордынский период истории Казани, имел мощность от 8 до 40 см на разных участках раскопа. На участках А/19, 20, Б/18, 19, В, Г/20, Г, Д/18, Е/15–17, Ж/13, 14 выделяется прослойка коричневого суглинка с включением известнякового щебня, извести и угля толщиной 10–27 см, связанная со строительством оборонительной каменной стены. На участках Д/18, 20, Е/17, 20 зафиксирована прослойка прокаленной глины с включением угля и золы толщиной 7–30 см. На уч. Б/18, 19, Д/18, 20, Е/17–20 выделяется прослойка древесного угля толщиной до 5 см, которая, по всей вероятности, связана с пожаром оборонительного частокола.

К золотоордынскому слою относятся сооружения № 16, 18, 22, 23, столбовые ямы № 4, 5 и погребение II.

Древнейший слой V сохранился фрагментарно: на участках А/14, 15, Б/18, 19, В, Г/20 на погребенной почве отложена серая плотная супесь, местами с вкраплениями древесного угля, мощностью до 12–20 см. Находки из слоя представлены фрагментами домонгольской гончарной керамики и раздробленными костями животных.

* * *

Фрагментарно сохранившиеся остатки каменной постройки, первоначально исследованные

А.Х. Халиковым в 1977 г. (рис. 1), были интерпретированы им как мавзолеи № 1 и № 2 (Халиков, 1997). На основании дополнительной информации, полученной в ходе археологических работ 2004 г., можно сделать вывод о том, что найденные в 1977 и 2004 годах руинированные каменные постройки являются единым сооружением – мавзолеем, служившим местом захоронения казанских ханов.

Сооружение было зафиксировано на отметке -117 см от 0 (II слой) в виде прослоек разрушения – выборки каменной конструкции из III слоя. На уч. Б–Д/16–18 эти прослойки представляли собой желтую плотную супесь с включениями извести толщиной до 30 см. На уч. Б, В/17, 18 отмечена прослойка коричневого суглинка с включением извести и известнякового щебня толщиной 45 см. На уч. Б–Д/17–19 зафиксирована прослойка коричневого суглинка с включением светло-серой плотной супеси толщиной 25 см. Судя по стратиграфии раскопа, постройка была разобрана на камень во второй половине XVI – начале XVII в.

Строительный горизонт мавзолея выявлен в основании III слоя. Котлован постройки прослежен в южном профиле раскопа на уч. Б/18 в виде прослойки извести и известнякового щебня мощностью 26 см. Верхний край сохранившейся части котлована зафиксирован на отметке -202 см от 0.

Рис. 22. Рабочее совещание в процессе раскопок

Верхняя часть руин каменной постройки выявлена на отметке -37 см от 0. Основание фундамента зафиксировано на уровне от -223 до -243 см от 0. Нижняя часть фундамента на высоту 20–40 см состояла из необтесанного известняка, скрепленного известняковым раствором с добавлением глины. В северо-восточной части сооружения под фундамент попал небольшой кусок каменной стены домонгольского времени, руинированной в золотоордынскую эпоху. Далее кладка на высоту 30–40 см состояла из тесанных известняковых камней прямоугольной формы размерами 20–30×0–35 см, скрепленных известково-глинистым раствором. Фундамент имел ленточный характер с неглубокой (70–80 см) закладкой не ниже уровня промерзания земли.

После расчистки постройка в исследованной нами части приобрела почти прямоугольную форму, вытянутую по линии С–Ю (рис. 20). Общие размеры расчищенной в 2004 г. постройки составляли 900×600 см. Ширина сохранившейся стены постройки колебалась от 50–55 см до 70 см; прослеженная высота от уровня пола составляет максимально 20–25 см. Раскопом исследованы сохранившиеся части северной, южной и восточной стен мавзолея. Длина сохранившейся части юж-

ной стены составляла 430 см при ширине 50 см. Стена сложена из двух рядов плиточного известняка, скрепленного известковым раствором. Внутренняя часть стены сохранилась плохо. Сохранившиеся камни обтесаны хуже, чем с внешней ее стороны и зачастую имели аморфную, не прямоугольную форму; использованы камни от небольших (12–18×15–20 см) до средних (15–20×20–25 см) и крупных (25–30×30–35 см) размеров.

Длина западной стены 803 см при ширине 66 см (далее, на уч. А/17–18, уходила в южную стенку раскопа). Она сложена из двух рядов (внешнего и внутреннего) плиточного известняка, скрепленного известково-глиняным раствором. Пространство между рядами было заполнено небольшими необтесанными известняковыми камнями и известковым раствором. Внешняя часть южной стены сложена из хорошо обтесанных прямоугольных камней среднего и крупного размера. Внутренняя часть сохранилась на высоту в один камень.

Исследованная нами часть восточной стены имела размеры 354×70 см. Внешняя часть стены сложена из хорошо обтесанных прямоугольных камней среднего и крупного размера. Северная стена сложена так же, как и южная.

Рис. 23. Юго-восточная часть мавзолея в процессе раскопок

Рис. 24. Южная часть мавзолея после завершения раскопок

Рис. 25. Мاستаба № 1

Внешняя часть стены практически полностью разрушена.

Стены сооружения были разобраны на камень в период отложения II слоя. Северная стена была сильно разрушена коммуникационной траншеей (сооружение 15 слоя I). Северо-восточный угол постройки был разрушен двумя погребениями XVIII в.

В ходе расчистки внутреннего пространства постройки были выявлены наземные сооружения над могилами, представляющие собой ступенчатые мастаба² с усеченным верхом. Пол сооружения сохранился вокруг мастабы № 1, он сложен из гладко обтесанных, довольно крупных известняковых камней, плотно подогнанных друг к другу.

Мастаба № 1, уч. Б–Г/17–18 (рис. 25: а, б) имела прямоугольную форму (198×92 см у основания), вытянутую почти по линии З–В (с небольшим отклонением к югу). По периметру она сложена из тесанных известняковых камней в пять ярусов. Пространство в центре мастабы заполнено необработанными мелкими известняковыми камнями и известковым раствором.

Мастаба № 2, уч. В, Г/16–17 (рис. 26: а, б) имела также прямоугольную форму (146×45 см у основания), вытянутую по линии З–В. Сложена из тесанных известняковых камней в пять ярусов. Данная мастаба была построена позже, чем основное здание мавзолея: она прорезала ровный пол, сохранившийся вокруг соседней мастабы № 1. Мастаба сильно просела по центру.

Мастаба № 3 (уч. В–Г/15–17) прямоугольной формы размерами 236×174 см у основания располагалась по линии З–В. Она сложена из обработанных известняковых камней, в южной части зафиксированы следы штукатурки. Мастаба № 3 была частично выбрана раскопом № 4 в 1977 г. и под ним выявлено погребение I.

Постройку прорезают погребения XVIII в. При расчистке позднего погребения № 21 на уч. Г/18 была найдена серебряная монета, попавшая сюда из нижележащего слоя. По предварительному определению известного нумизмата Д.Г. Мухаметшина, она чеканена в период правления хана Махмуда (1445 – середина 1464 гг.) и, возможно, относится к времени строительства мавзолея.

Для сводного описания сооружения была произведена стыковка планов раскопа IV 1977 г. и планов раскопа LXV 2004 г. (рис. 21). Общие размеры сведенной в единый план постройки 1906×708 см. Она вытянута по линии ССЗ – ЮЮВ. Сооружение сильно пострадало в западной, северной и

центральной частях от двух коммуникационных траншей.

Ширина сохранившихся стен постройки доходила максимум до 1 м (в основном 50–70 см с учетом разрушенности); сохранившаяся высота стен от уровня пола – не более 20–25 см.

Общая длина южной стены 700 см, западной стены 1214 см при ширине около 100 см. Камни из кладки западной стены имели прямоугольную форму, более крупные по сравнению с южным размерами, они были обтесаны (рис. 180, 205, 206, 209, 210, 237, 455, 479).

Восточная стена общей сложена практически так же, как и западная. Внешняя часть стены почти полностью разрушена. Сохранившаяся часть северной стены, сложена аналогично другим стенам постройки, имела размеры 217×88 см.

Мавзолей № 1, раскопанный А.Х. Халиковым в 1977 году (Халиков, 1997), мы считаем остатками частично сохранившейся мастабы № 3 с фрагментом пола. На ней зафиксирована штукатурка. В непосредственной близости от этой конструкции в границах раскопа IV 1977 года было расчищено погребение III, совершенное по обряду, идентичному остальным исследованным погребениям в этом мавзолее.

Всего в мавзолее было выявлено шесть погребений: четыре погребения в 1977 г. (из них одно детское) и два погребения в 2004 г. (одно женское?). Два погребения, исследованные в 1977 г., предположительно идентифицировались А.Х. Халиковым как принадлежавшие хану Махмуду и Сафа-Гирею, Ф.Ш. Хузиным – ханам Махмуду и Мухаммад-Эмину (Хузин, Газимзянов, 1997).

Погребение I исследовалось в мавзолее № 1 (по А.Х. Халикову) раскопа IV (см. рис. 2). Под щебенистой прослойкой первоначально выявилось пятно могильной ямы, которое на глубине 100–120 см от поверхности приобрело довольно правильную форму (245×110 см), вытянутую с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Яма была углублена от поверхности на 290 см или на 200 см от верхнего уровня пола мавзолея. Она была заполнена желтым суглинком с примесью известково-каменной крошки. На глубине 250 см от поверхности (160 см от пола) очертились контуры внешнего гроба, имевшего прямоугольную форму (210×50 см) с расширением в западной стороне до 65 см. На глубине 265–270 см очертания изнутри спрямились, а снаружи в западном конце остались расширенными. Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что здесь также было два гроба – внешний и внутренний.

На дне гроба и ямы (280–290 см от поверхности, 180–200 см от пола мавзолея) расчищен хоро-

² Мастаба – надземная часть могилы в виде усеченной пирамиды из камня.

Рис. 26. Мастаба № 2

шо сохранившийся костяк мужчины средних лет, положенный на спине, головой на запад (аз. 280). Лицевая часть черепа сильно откинута назад. Нижняя челюсть на месте и производит впечатление повернутого на правую сторону, так что правая ключица затем въехала в челюсть. Очевидно, лицо погребенного в традиционной мусульманской позе было повернуто на юг – к Мекке. Руки согнуты в локтях и кистями положены на живот. Правая нога слегка откинута вправо и присогнута, левая вытянута. На костях наблюдался коричневатый тлен, возможно, от савана. Вещей нет.

А.Х. Халиков полагал, что, возможно, в этом мавзолее похоронен один из самых первых казанских ханов – Улуг-Мухаммад или, скорее всего, его сын Махмуд (Халиков, 1997, с. 28).

Погребение II раскопа IV 1977 г. находилось, по А.Х. Халикову, в мавзолее № 2 (Халиков, 1997, с. 25–26) (рис. 2). Вначале на поверхности вымостки (гл. 70–75 см от современной поверхности) выявилось пятно неправильной формы (240×70 см), вытянутое с ВЮВ на ЗСЗ и заполненное гумусированным пестроцветом. На глубине 150–160 см от поверхности после выборки наслоений пола на дне материкового подзола и суглинка очертилась могильная яма прямоугольной формы (287×120–130 см), вытянутая с ВЮВ на ЗСЗ (рис. 6). В западной части ямы отмечено скопление камней и кирпича – вероятно, остатки фундамента надгробия. В заполнении ямы в разных местах отмечались обломки человеческих костей, связанных с погребениями.

На глубине 160–170 см (90–100 см от древнего уровня) очертились следы большого деревянного гроба длиной 250 см шириной 60–80 см (см. рис. 3) и высотой не менее 50 см. Внутри него выявились остатки второго гроба, имевшего высоту не менее 25 см и скошенные кверху стенки, о чем свидетельствуют разности верхних и нижних промеров. Так, в основании второй гроб имел длину 210 см, ширину в восточном конце – 35 см, в западном – 59 см; в верхней части – длину 224 см, ширину в восточном конце – 42 см, в западном – 61 см.

Снаружи второй гроб был обложен тонкой хорошо выделанной кожей, скрепленной с деревянными стенками при помощи серебряных гвоздей с длиной стержня до 1,5 см и круглыми шляпками 1,5–1,7 см. Они располагались по три ряда с интервалом в 10 см (см. рис. 4) Нижние углы и средние части гроба были окованы железными пластинами, скрепленными в верхней части серебряными накладками со стреловидными концами (рис. 4). Изнутри гроб, очевидно, также был обложен кожей и тканью.

Во внутреннем гробу на глубине 190–200 см от поверхности (120–125 см от древнего уровня) расчищены остатки разграбленного и плохо сохранившегося костяка (рис. 2), который, судя по некоторым непо потревоженным костям (верхняя половина туловища), лежал на спине вытянуто головой на запад – северо-запад (аз. 290) с лицом, слегка повернутым на юг, т. е. в классическом мусульманском обряде. Костяк принадлежал мужчине средних лет. (?) Очевидно, он был нарушен еще тогда, когда гроб был целый. Крышка гроба была вынута, в гроб затекла земля, а затем продавились ее стенки.

По мнению А.Х. Халикова, погребение принадлежало, по всей вероятности, одному из последних казанских ханов – Сафа-Гирею, умершему в 1549 г. (Халиков, 1997, с. 28). Ф.Ш. Хузин считает более вероятным принадлежность его Мухаммаду-Эмину, скончавшемуся после долгой и мучительной болезни в 1518 г. (Хузин, 1997, с. 18)³.

Погребение III выявлено в том же мавзолее на глубине 130 см от поверхности под прослоями вымостки, имевшей здесь мощность до 40 см (см. рис. 4; 5) Яма детского захоронения, имевшая подпрямоугольную форму (118×40–60 см), была углублена от поверхности на 170 см (40–50 см от древнего уровня). На дне ее зафиксированы остатки гробовища высотой до 20 см (98×45 см). Костяк лежал на спине головой на запад с лицом, повернутым на юг. Судя по стратиграфии, это одно из ранних захоронений в мавзолее.

Погребение IV (см. рис. 2). На участках 9, 10 после снятия вымостки на глубине 120–130 см от поверхности оконтуривались очертания могильной ямы (260×110 см), вытянутой с востока на запад и частично нарушенной в северо-западном углу канализационной траншеей и поздней, очевидно, кладоискательской ямой. Сверху могильная яма на 40–50 см была перекрыта вымосткой. На глубине 200 см от поверхности (80 см от древнего уровня) в яме появились следы гробовища (внешнего гроба) – 190×45–75 (90) см. На глубине 240 см (110–120 см от древнего уровня) расчищен костяк взрослого человека, лежавший вытянуто на спине, головой на запад (аз. 278), лицом на юг. Руки вытянуты. На дне очертились контуры внутреннего гроба (175×33–50 см), сколоченного железными гвоздями. Последние найдены по левой стороне.

В мавзолее, вероятно, было еще несколько захоронений. В частности, в участке 10 прослеживались следы могильной ямы, полностью разрушенной канализационной канавой. В за-

³ Авторами данного очерка подготовлена к печати коллективная монография «Мавзолей казанских ханов», где можно будет найти подробную аргументацию данной гипотезы.

Рис. 27. Раскоп LXV 2004 г. Погребение VI

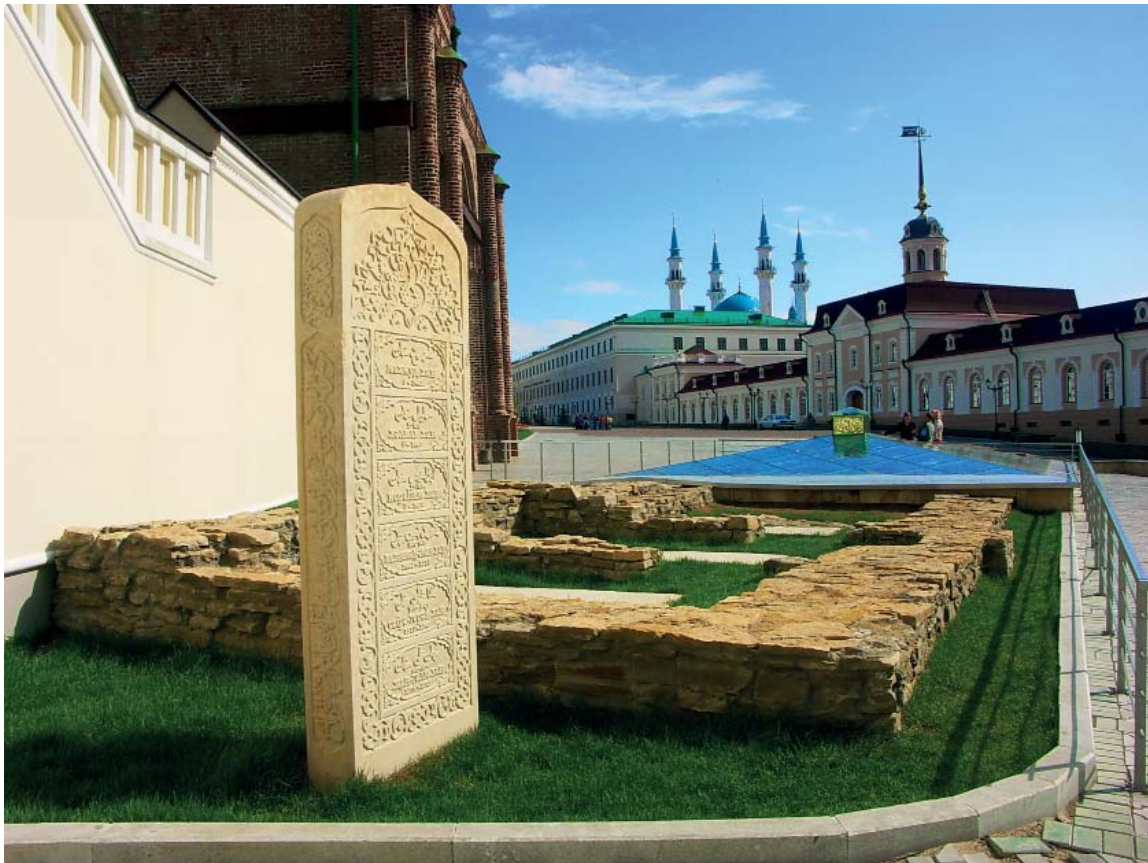

Рис. 28. Мавзолей после консервации и частичной реконструкции.

сыпи канавы отмечены обломки человеческих костей, следы деревянного гроба и, что особенно интересно, обломки каменных надгробий с каллиграфической надписью.

Теперь о погребениях, выявленных нашей экспедицией в 2004 г. При наших работах нам пришлось захватить южную часть раскопа А.Х. Халикова в целях создания общей картины в расположении погребений в мавзолее. Тщательная зачистка на уровне материкового суглинка неожиданно выявила на участках Г, Д/15, 16 слабо заметные следы подпрямоугольной формы пятна, дальнейшая выборка которого показала наличие здесь еще одного погребения, получившего номер V⁴.

Погребение V располагалось в районе мастабы № 3 с погребением I, исследованным А.Х. Халиковым. Могильная яма имела прямоугольную форму (170×96 см), вытянутую по линии запад – восток. Костяк взрослого человека лежал в двойном гробу, следы которых прослежены в виде древесного тлена. Внешний гроб – простой деревянный, внутренний имел множество скрепляющих железных гвоздей. По углам сохранились сильно корродированные железные петли-

уголки. По бокам прослежены почти истлевшие тонкие серебряные накладки. Скелет лежал на спине в вытянутом на юг – юго-запад положении. Череп отсутствовал, отсутствовали также кости голени и стопы. Руки были широко расставлены и покоились в районе грудной клетки. По мнению антрополога И.Р. Газимзянова, погребение могло принадлежать взрослой женщине.

Погребение VI⁵, принадлежавшее молодой женщине в возрасте 18 (19) – 25 лет, выявлено в 2004 г. за пределами мавзолея (рис. 27: а, б). По данным стратиграфии, данное погребение датируется ранним ханским, скорее всего, даже позднезолотоордынским временем – оно перекрывалось строительным горизонтом находящегося рядом белокаменного мавзолея. В этом строительном горизонте были обнаружены монеты-чешуйки 60-х годов XV века. Исходя из этого, в нашей предварительной публикации материалов раскопа LXV это погребение датировалось позднезолотоордынским временем (Ситдииков, Хузин, Сивицкий, 2011, с. 223). Данный факт, по нашему мнению, указывает на то, что прилегающий к будущему мавзолею участок, скорее всего, был уже занят некрополем высшей правящей знати Казани

⁴ В научном отчете за 2004 г. данному погребению был присвоен номер III.

⁵ В научном отчете за 2004 г. данному погребению был присвоен номер II.

(Казанского княжества) еще до строительства каменного мавзолея.

При раскопках 2004 г. других погребений не вскрывалось, хотя было выявлено несколько надгробных сооружений из камня – мастабы, имеющие форму усеченных пирамид со ступеньками и подземной погребальной камерой (могильной ямой). Сколько было в нашем мавзолее погребений под мастабами?

В 2004 г. нами выявлены, как указывалось выше, мастабы № 1 (она не разбиралась, следовательно, погребение под ней не вскрывалось), № 2 (погребение под ней также не вскрывалось), № 3 (изучалась в 1997 и 2004 гг., под ней лежало погребение I).

Далее к северу, судя по всему, должна была находиться еще одна мастаба, четвертая по счету, но она не сохранилась. Именно на этом месте (т. е. на месте старого раскопа 1997 г.) выявилось вышеописанное погребение V, почему-то не замеченное А.Х. Халиковым.

Севернее, в раскопе А.Х. Халикова, выявлен фрагмент еще одной плохо сохранившейся мастабы – пятой по счету. Пространство между этой мастабой и двумя мастабами («каменными вымостками», по А.Х. Халикову), где вскрыты в 1997 году погребения II и IV, разрыто поздними ямами и коммуникационной траншеей, полностью уничтожившей еще одну предполагаемую мастабу с погребением под ней.

Таким образом, получается, что в каменном мавзолее было не менее восьми сооружений типа мастабы, которые возводились над могилами знатных людей ханства. Не исключено, однако, что погребения I и V, а также II и IV находились под одним сооружением. Тогда можно полагать, что в мавзолее было шесть надгробных сооружений типа мастабы, соответствующих количеству похороненных в Казани ханов, но можно допустить, что здесь нашли вечный приют не только ханы, но и в редких случаях ближайшие их родственники.

Консервация и частичная реконструкция объекта осуществлена в 2004–2005 гг. (рис. 28).

ГЛАВА 5

АРХЕОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ГОРОДОВ
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Территория вокруг Казани и даже удаленные от нее земли были довольно плотно заселены. В предкамской зоне известно более 500 селищ, 14 городищ, в числе которых такие известные, как Арск, Иски (Эчки) Казань, Чаллы, Алабуга, а также около 80 кладбищ с эпитафическими памятниками (Свод памятников, 2007; Галлямов, 1997, с. 63 и сл.). Заметим, что когда русские войска в 1552 г. направились на запад и север от столицы вглубь ханских земель, они в течение десяти дней взяли «великих и малых острогов 30» (ПСРЛ, XIX, с. 126). Среди этих городов-крепостей в источниках упоминаются Чаллы, Тетюш (Тэтеш), Лаеш, Алат – центр Алатской даруги, Зюри (Жөри) – центр Зюрейской дороги, Илеть (Иллэт) на Галичской даруге и др. К сожалению, археологически они практически не изучены.

«Иски Казань». Расположенное на высоком мысу левого берега р. Казанки, Камаевское городище впервые было обследовано еще в XVIII в. Н.П. Рычковым (1772) и И.Г. Георги (Georgi, 1775), которые, основываясь на рассказанных им местными жителями легендах и преданиях, высказали мысль о существовании здесь города Иски (Старой) Казани, перенесенного потом, в силу ряда обстоятельств, на место современной, «новой» Казани. По мнению М.С. Рыбушкина (1833, с. 1171) и П. Малова (1853, с. 120), Иски Казань занимала также и правую, луговую сторону рч. Казанки. Точку зрения о локализации легендарной Иски Казани на месте Камаевского городища поддержали многие последующие историки и краеведы – П.Е. Заринский (1880, с. 712), М.Н. Пинегин (1890, с. 21 и сл.), Н.П. Загоскин (1895, с. 10 и сл.), В.Л. Борисов (1901), И.Н. Смирнов (1901), П.А. Пономарев (1904) и др.

Единственный автор, не соглашавшийся с такой постановкой вопроса, М.М. Хомяков, основывал свое мнение отсутствием на Камаевском городище следов древних построек и незначительной мощностью культурного слоя. Он был убежден, что Камаевское городище является всего лишь остатками хорошо укрепленной крепости, скорее всего, резиденцией печально известного по событиям 1552 г. князя Камая (Хомяков, 1911). И.Н. Бороздин солидаризовался с М.М. Хомя-

ковым в части отождествления Камаевского городища с военной крепостью, а саму Иски Казань склонен был локализовать лишь на месте Русско-Урматского селища, где они проводил небольшие археологические исследования (Бороздин, 1929). Эта точка зрения нашла поддержку и со стороны Н.Ф. Калинина (1954, с. 103–104). Не соглашаясь с ними, глава советских болгароведов А.П. Смирнов утверждал, что Камаевское городище – это не только остатки военной крепости, тут располагался целый город, вошедший в историю под названием Иски Казань (Смирнов, 1962).

Следует обратить внимание, что никто из вышеназванных авторов, кроме разве лишь М. Рыбушкина и П. Малова, не рассматривал Камаевское городище и Русско-Урматское селище как единый археологический комплекс, принадлежавший легендарному городу – с Иски Казанью связывали обычно одно из них.

В течение ряда лет, начиная с 1972 г., на интересующих нас памятниках проводил раскопки Р.Г. Фахрутдинов, опубликовавший краткие результаты своих исследований в многочисленных научно-популярных изданиях, а также в монографии «Очерки по истории Волжской Булгарии» (1984, с. 125–166). Согласно его концепции, Камаевское городище, основанное где-то во второй половине XIII в., представляло собою «кремль, политический центр города, где, кроме князя и его дружины, находились административный аппарат и высшее духовенство. Одновременно имелись некоторые производственные комплексы, построенные в целях удовлетворения потребности верхушки и гарнизона в вооружении и средствах первой необходимости» (Фахрутдинов, 1984, с. 146). «Основная часть Иски Казани, занятая ремесленно-торговым людом, располагалась... на месте Русско-Урматского селища», возникшего еще в домонгольское время и занимавшего в период своего расцвета площадь более 120 га. Р.Г. Фахрутдинов утверждал, что в начале XV в. «Иски Казань» называлась «Болгаром ал-Джадид», передавшим впоследствии свою политическую и этноконсолидирующую роль «Новой» Казани, возникшей якобы не раньше конца XIV столетия.

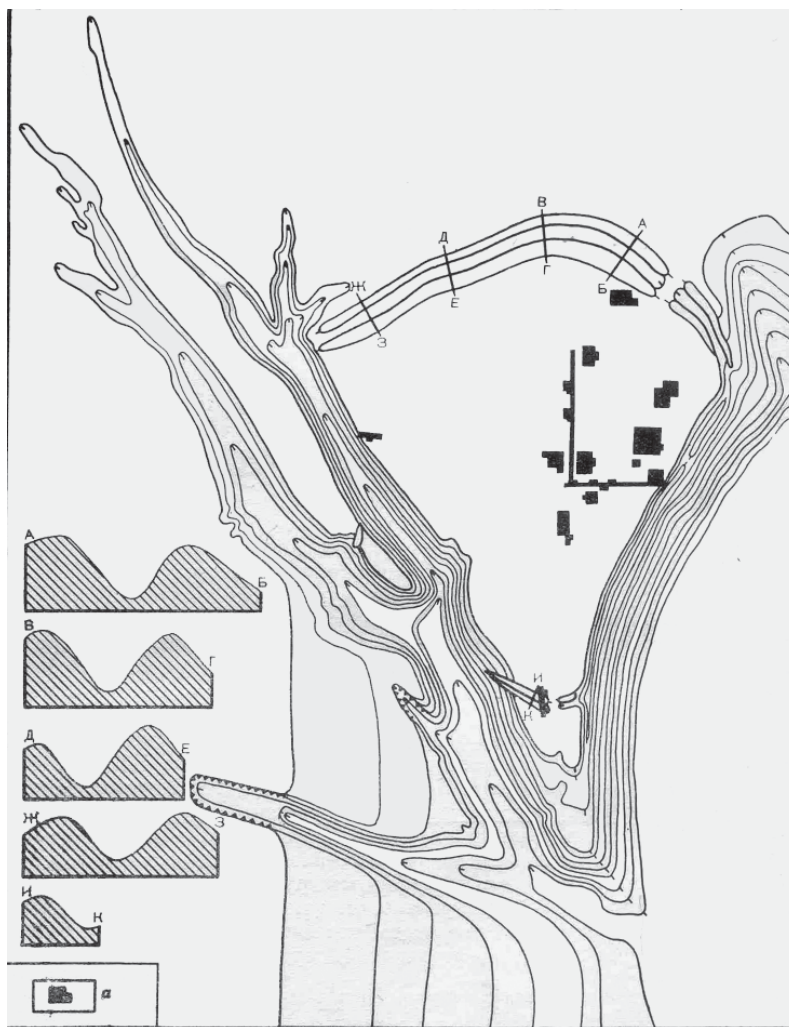

Рис. 1. План Камаевского городища с указанием раскопов 1972, 1979, 1981 гг. (по Р.Г. Фахрутдинову)

В 1990-е годы на обоих памятниках работала археологическая экспедиция под руководством А.А. Бурханова. В своих информационных сообщениях он в целом поддерживал концепцию своего предшественника (Бурханов, 1999; Бурханов, Измайлов, 1999). В отличие от Р.Г. Фахрутдинова он считает Русско-Урматское поселение не селищем, а городищем (правда, данный тезис археологически не аргументирован, а план селища нигде не опубликован). Кроме того, А.А. Бурханов поддержал точку зрения Ф.Ш. Хузина (1995, с. 42–43) о одновременности Камаевского городища и Русско-Урматского селища (Бурханов, Измайлов, 1999, с. 137).

К сожалению, до сих пор богатые материалы раскопок Р.Г. Фахрутдинова и А.А. Бурханова практически не введены в научный оборот. В последнее время, благодаря усилиям Н.А. Кокориной, появились лишь публикации материалов усадьбы гончара на Русско-Урматском селище (Кокорина, Фахрутдинов, 1999; Кокорина, 1999). В целом стратиграфия культурного слоя и хронология памятников все еще не разработана, от-

сутствует классификация и типология вещевого материала, нет научной публикации вскрытых сооружений. Не известно, какую площадь занимало Русско-Урматское поселение в домонгольское время и как оно развивалось территориально в последующие периоды своей жизни.

Письменные источники по истории «Иски Казани» отсутствуют, имеются лишь произведения устного народного творчества – легенды и предания, самые ранние записи которых относятся к XVIII в. Еще С.М. Шпилевский отмечал, что «важнейшим предметом содержания татарских рукописей и преданий представляется поход Аксак-Тимура в Булгарию, разорение им болгарских городов и основание г. Казани. Два события эти становятся в связи одно с другим – [Иски] Казань основана спасенными от Тимура царевичами г. Болгара» (Шпилевский, 1877, с. 68 и сл.). Поскольку сюжет об основании «Иски Казани» как следствие похода Тимура 1391 г. никак не вяжется с историческими и археологическими данными (г. Болгар не был завоеван Тимуром), полагают, что в этих преданиях «могли быть отражены со-

бытия времен Батгья» (Фахрутдинов, 1984, с. 161). Полностью доверяясь народной памяти, ученый убежден в существовании «Новой» Казани 158 лет от ее основания и до падения в 1552 г., а «Иски Казани» – 104 года до построения «Новой». Таким вот простым способом, внося лишь некоторые коррективы при переводе дат из мусульманской хронологии в грегорианскую, он получает точные даты возникновения «Иски» (1298 г.) и «Новой» Казани (1399 г.). А вот увязки с археологией все равно не получилось – Русско-Урматское селище, или ранний посад города, в домонгольское время, по крайней мере, с конца XII в., уже существовало.

Коль речь зашла о хронологии памятников, хочется сказать несколько слов о времени существования селища – «посада» и городища – «кремля» на основании опубликованных данных. Они, эти памятники, несомненно, разновременны и лишь сравнительно короткое время существовали синхронно. Селище датируется XII–XIV вв. (может быть, началом XV в.). Городище является более поздним памятником, в основном XV – первой половины или середины XVI в. Показательно, что из 77 джучидских монет, указанных в монографии Р.Г. Фахрутдинова (1984, с. 142, 144), 69 относятся к XV в., лишь две – к XIV в., четыре – неопределенные. В последние годы сделаны новые нумизматические находки, но хронологическое соотношение их примерно такое же. Среди находок из слоя имеются также две монеты Василия II (начало XV в.), медные кресты XVI в. и пр. Приведенная хронология «кремля» и «посада» противоречит закономерности, характерной для средневековых городов Восточной и Западной Европы – первоначальным ядром города является, как правило, кремль, детинец, а не посад.

Теперь обратим внимание на топографию, взаиморасположение Русско-Урматского селища и Камаевского городища. Расстояние между ними составляет более 2 км! Ни в одном средневековом государстве, насколько нам известно, не было городов, административный центр (кремль) которого находился бы на таком огромном отдалении от ремесленного посада.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод о невозможности объединять эти два памятника в один археологический комплекс и считать его остатками легендарной «Иски Казани», являющейся всего лишь выдумкой краеведов XVIII–XIX вв. Новые археологические открытия на территории Казанского кремля, позволяющие датировать время возникновения города рубежом X–XI вв., лишают в концепции Фахрутдинова главного аргумента в обосновании реальности «Иски Казани» – она оказывается намного моложе, чем «Новая».

Конечно, было бы ошибкой не видеть исторических связей между этими двумя памятниками, существовавшими практически одновременно на достаточно большом хронологическом отрезке времени. Не исключено, что обширное по своим размерам Русско-Урматское поселение, расцвет которого приходится на золотоордынское время, называлось тогда Внутренней («Эчке») Казанью. Как показал в своем интересном исследовании Р.Ф. Галлямов, в Писцовой книге Казанского уезда 1565–1568 гг. «Иски-Казанское городище» и расположенное вблизи него село упоминаются 11 раз под названием «Ички» или «Ычки Казань», т. е. «Внутренняя Казань». В письменных документах второй половины XVI–XVIII вв. (как и более раннего времени) топоним «Иски Казань» ни разу не зафиксирован (Галлямов, 2000, с. 186–189).

Напомним, что в домонгольской Болгарии восточные авторы X в. знают два города под одним и тем же названием «Болгар». Второй из них упоминается с эпитетом «Внешний», значит, был и «Внутренний» Болгар (Халиков, 1973, с. 96). Напрашивается определенная параллель с двумя городами, носившими названия «Казань» и «Эчке» Казань.

Не следует отрицать значение Эчке Казани (Русско-Урматского поселения) как важного ремесленного центра Заказанья не только эпохи джучидов, но и в более поздние времена: здесь изучены гончарные мастерские, выявлены следы металлургического производства XIV–XV вв., продукция которых шла в основном в Казань.

Более объективную историю Камаевского – Русско-Урматского комплекса памятников, включая эпиграфические памятники его округа, можно будет реконструировать после полной научной публикации материалов раскопок 1970–1990-х годов.

Город Арск (там. Арча) занимает особое место в средневековой истории Волго-Камского региона. Его изучение позволяет понять сложные социально-экономические, политические и этногенетические процессы, протекавшие в регионе в эпоху Средневековья.

Арск находится в 60 км от Казани на правом берегу р. Казанки. В центре современного города расположено средневековое городище, с которым и связана история возникновения Арска. Городище, возвышающееся на крутом мысу, имеет размеры 2,4 га (Свод, 2007, с. 149). Оно плохо сохранилось до наших дней. К сожалению, большая часть памятника застроена или находится на территории организаций, расположенных в пределах его прежних укреплений. Остатки валов были срыты в начале 2000-х годов (Руденко, 2002–2003, с. 120). В целом, несмотря на зна-

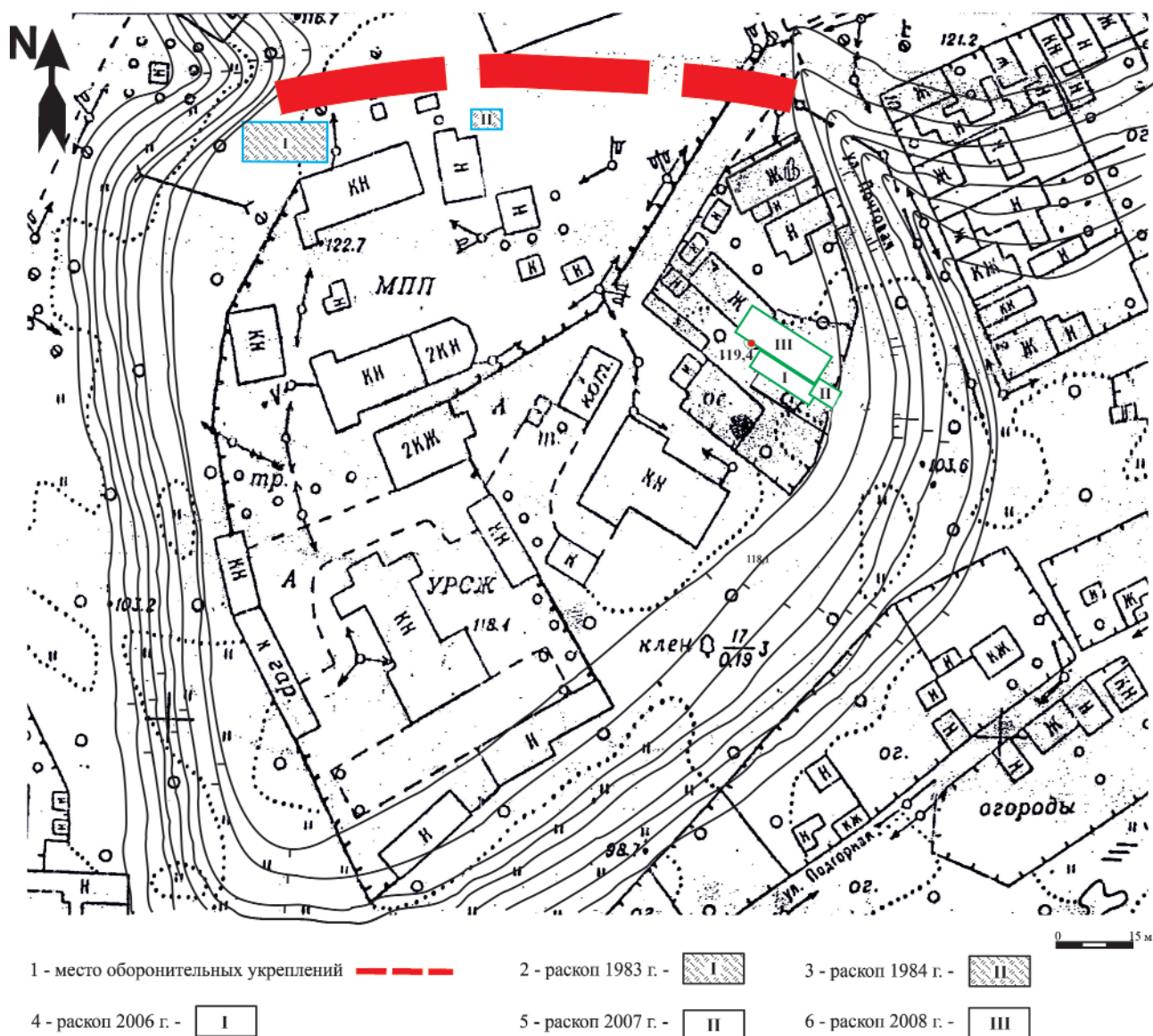

Рис. 2. Ситуационный план Арского городища

чительную освоенность его территории, на отдельных участках сохранился культурный слой, позволяющий стратиграфически проследить процесс его формирования и установить хронологию напластований.

В научной литературе, посвященной проблемам средневековой истории Арска, большое внимание уделялось этнокультурной идентификации поселения, обоснованию времени и места его возникновения, происхождению названия. К сожалению, скудность и ограниченность имеющихся источников обусловили существование различных предположений о средневековой истории города. Основой исторических реконструкций служат фрагментарные и противоречивые письменные источники, активно привлекаются поздние фольклорные данные, результаты лингвистических исследований, а также материалы археологических раскопок.

Полемика вокруг ранней истории Арска наметилась еще в XVII–XIX вв. (Бехтерев, 1880; Худяков, 1991; Никольский, 2004, с. 55; Татищев, 2005, с. 41 и др.). В большинстве работ, посвященных истории региона, Арск рассматривается как один из значимых городов Казанского ханства (Карамзин, 1994, с. 625–626; Иванова, 1995, с. 507 и др.). Современные интерпретации названия Арска больше ориентированы на этнокультурную идентификацию поселения с местным тюркским, славянским, поволжским или прикамским населением (Белых, 1996; Хамидуллин, 2002, с. 221; Гарипова, 1998, с. 32–35; Фахрутдинов, 1975, с. 379–380; Дмитриев, 1958, с. 81–84; 2001; Каховский, 1965; Гришкина, 1988; 1994; Гришкина, Владыкин, 1982, с. 49–52; Сысоева, 1967, с. 8; Петрова, 1925, с. 297–302; Атаманов, 1997; Бурханов, 1997–1998, с. 102–105; Ухов, Харин, Голдина, 1999, с. 311–334; Свечников и др.).

Наиболее распространенной является концепция возведения Арска на берегах р. Казанки предками удмуртов. Основой построений служит наличие в написании названия города этнонима «ар», однозначно трактуемого многими исследователями как указание удмуртского происхождения поселения, существовавшего в качестве самостоятельного удмуртского княжеского центра с XII в. и до периода Казанского ханства (Руденко, 2002–2003; Островский, 1874; Бехтерев, 1880; Худяков, с. 55; Иванова, 1995, с. 52–53; Белых, 1996; Гришкина, 1988, с. 21–24; Гришкина, 1994; с. 49–52; Гришкина, Владыкин, 1982, с. 8; Сысоева, 1967; Петрова, 1925, с. 297–302; и др.).

Имеется обширная литература, рассматривающая Арск как поселение, появившееся в результате чувашского заселения бассейна р. Казанки, Вятки, Чепцы в домонгольское время (Дмитриев, 1958; Каховский, 1965; Дмитриев, 2001; Иванов, Николаев, Дмитриев, 2000). В рамках этой концепции Арск считается чувашским городом XII в., население которого было ассимилировано татарами (Петрова, 1925).

В концепциях, обосновывающих тюрко-татарское происхождение Арска, возникновение города увязывается с болгарским заселением бассейна р. Казанки в XII–XIII вв. (Хамидуллин, 2002, с. 221; Фахрутдинов, 1975, с. 81 и сл.; Бурханов, 1997–1998, с. 113; Степенная книга царского родословия, 1908 и др.). Появление крепости определяется как результат процесса политического и экономического закрепления региона в рамках Волжской Болгарии. Последующее развитие города неразрывно связывается с этногенезом тюрко-татар Волго-Вятского региона.

Наиболее привлекательными историческими материалами, используемыми учеными, являются сведения письменных источников. Раннее летописное упоминание г. Арска имеется в Житии ярославского князя Федора Ростиславовича Черемного, по которому ордынский хан Менгу Тимур в 1278 г. якобы подарил русскому князю в качестве приданого своей дочери 36 городов, в числе которых значился и Арск (Степенная книга царского родословия, 1908; Фахрутдинов, 1975, с. 309). Среди ученых сведения данного источника не вызывают большого доверия (Фахрутдинов, 1975, с. 104; Ключевский, 1988, с. 171). «Степенная книга» была написана значительно позднее времени жизни князя и могла воспроизводить более поздние географические знания самого составителя, жившего во второй половине XVI в.

О существовании области аров мы знаем также по трудам восточных авторов домонгольского времени, описывающих территории, прилегающие к границам Волжской Болгарии (Ключевский, 1988,

с. 668, 781). По их описаниям, район расселения аров локализуется на территориях, находящихся севернее Волжской Болгарии.

Реальной датой, с которой связывают появление Арской земли на страницах русских летописей, считается 1379 г. Под этим годом описывается поход вятчан на Арскую землю, где они разгромили ушкуйников и убили воеводу Рязани (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 45; Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 2001, с. 34; Рогожский летописец. Тверской сборник, 2000, с. 138; Симеоновская летопись, 2007, с. 129; Московский летописный свод конца XV века, с. 201; Типографская летопись, 2000, с. 143). Чуть позднее, под 11 июня 1489 г., Арская земля и арские князья появляются в летописях при описании нового похода русских князей на Вятскую землю с захватом вятских городов и подчинением князей Арской земли (Симеоновская летопись, 2007, с. 272; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 221; Львовская летопись, 2005, с. 358; Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века, 2007, с. 288, 289, 360; Софийская вторая летопись, 2001, с. 326).

Первое упоминание Арска как города связано с описанием попытки захвата казанского престола сибирским ханом Мамуком в ноябре 1496 г. (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 2001, с. 34; Типографская летопись, 2000, с. 243; Львовская летопись, 2005, с. 364; Софийская вторая летопись, 2001, с. 348). Арск дал отпор сибирскому хану, не пустив в город, что привело в последующем к его изгнанию из Казани. Следующее появление города в русских летописях относится уже к периоду активного участия арских князей в московско-казанском противостоянии середины XVI в.

Тема места и роли арских князей в истории Казанья – один из полемичных вопросов в современной историографии (Гришкина, 1988; 1994; 1982; Чураков, 2005 и др.). По летописям к арским князьям причисляются: Япанча (История о Казанском царстве, 2000, с. 418), Богодан (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 176, 476), Явуш (История о Казанском царстве, 2000, с. 418), Камай (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 516). Они были тесно связаны с татарской политической элитой Казанского ханства, и, возможно, часть из них имела болгарское или кыпчакское происхождение (Исхаков, Измайлов, 2007, с. 247). Ряд исследователей рассматривает их как удмуртских региональных правителей (Гришкина, 1968; Худяков, 1991,

с. 55; Иванова, 1995, с. 53; Гришкина, Владыкин, 1982 с. 8; Сысоева, 1967; Петрова, 1925; Чураков, 2005). Арские князья играли важную роль в казанских делах, что характеризуется ситуацией 1496 г., связанной с изгнанием Мамука при попытке воцарения в Казани. Основой политической мощи арских князей, несомненно, была экономическая составляющая с развитым сельским хозяйством и многолюдным населением (Курбский, 2001, с. 337). По своему составу арские князья, вероятно, были полиэтничны и включали в себя как тюркскую, так и поволжско-финскую родовую элиту, вероятно частично мусульманизованную.

Арское княжество, будучи составной частью Казанского ханства, было опорой Казани в борьбе против колониальных притязаний Москвы. В 1552 г. Арск предоставляет Казани военную помощь. Арские князья Япанча и Явуш совершали рейды в тыл русских, осаждавших столицу. Противник был вынужден строить туры на Арском поле, чтобы не дать арчанам возможность атаковать с лесной стороны. Поняв, что без захвата Арской крепости невозможно будет покорить Казань, русские направились на арские земли.

По пути в Арск они совершили набег на несколько укрепленных поселений: «большим полком направо пошедший да пришед к острогу, ... великие крепости у них поделаны и в лесу чашча великая и пошли воючи и села жгучи к Арскому городищу». Первое укрепление на пути в Арск – «засека на Высокой горе, расположенная в 15 верстах от Казани» – место дислокации конного войска Япанчи.

Характеристика Арского края и похода на Арск имеется и в описании участника событий 1552 г., князя Андрея Курбского. По его воспоминаниям, Арская земля имела «...большие поля, чрезвычайно изобильные и щедрые на всякий плод, там прекрасны также и поистине достойны удивления дворы их князей и вельмож. Села часты, а хлеба всякого такое там множество, что поистине невозможно рассказать и поверить – сравнить пожалуй, со множеством небесных звезд! Бесчисленны также множество стад разного скота и ценной добычи прежде всего живущих в той земле разных зверей: ведь обитают там ценная куница и белка и другие звери, годные на одежду и в еду. А чуть подальше – множество соболей и медов, не знаю, где было бы больше под солнцем! Через 10 дней благополучно возвратились они к нам с бесчисленной добычей, захватив в плен множество басурманских женщин и детей. Они освободили от многолетнего рабства множество своих, прежде захваченных басурманами. ...И по такой дешевке шла в нашем войске всякая живность, что корову покупали за 10 московских денег...» (Курбский,

2001, с. 53). Весьма красноречивы слова А. Курбского о богатстве Арской даруги близ Казани: «...дворы княжат и вельмож поражали красотой и были воистину достойны удивления»

При описании Казанского похода особое место занимает сюжет штурма Арска 6 сентября 1552 г. Благодаря летописанию имеется возможность частично реконструировать Арскую крепость и ее осаду русскими войсками. Город на страницах летописи предстает как «...острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд и з башнями, из боиницы, и живет людей много в нем, и берегут велми, и не бе взиман ни от коих же ратеи никакого же, стоить от Казани 60 верстах, в местех зело крепких и в непроходимых, дебрех и в блатах, единым путем к нему притти и отоити» (История о Казанском царстве, 2000, с. 127).

Произошло большое сражение. Русские поняли, что «не взять его просто, поскольку много в нем людей – одних бойцов пятнадцать тысяч и, прикатив к нему пушки и пищали, начали бить по острогу». Крепость защищалась упорно, но силы были неравные. Арск был захвачен. Уничтожение Арской крепости, несомненно, было переломным моментом в осаде Казани, предопределивший ее окончательно захват.

Реконструкция средневековой истории региона дорусского времени позволяют и материалы в ретроспективном анализе, составленные после событий 1552 г. (Галлямов, 2001). С периодом XVII в. связано большое количество актов документов, в которых Арск описан подробно с характеристикой самого поселения так и укрепленный острога.

Важным элементом в источниковедческом анализе истории региона являются данные археологии. Средневековые памятники домонгольско-булгарского времени сконцентрированы в бассейне р. Казанки и р. Меши с их притоками (Свод памятников, 2007). Болгарское заселение бассейна р. Казанки начинается не позднее XI в. (Руденко, 2002–2003). В XI–XII вв. освоение региона шло по долине р. Казанки, удобной в качестве транспортной артерии и привлекательной для сельскохозяйственного освоения. В этом регионе локализуется более 150 памятников булгаро-татарского времени, при этом с домонгольским временем связано более 50 памятников, в их числе Русско-Урматское, Бужинское селища, Арское городище, Казань и др. (Свод памятников, 2007).

В домонгольское время булгарское население Предкамья было сложным по своему этнокультурному составу. Об этом свидетельствует присутствие в материальной культуре изделий, характерных для различных групп тюркского населения Волжской Болгарии. В керамических из-

делях имеются типы, характерные для массовой городской болгарской культуры, а также глиняная традиционная лепная посуда огузов, печенегов и др. (Кокорина, 1995; 1999).

В регионе бассейна рек Меши и Казанки практически единичными являются памятники с поволжско-прикамской финской материальной культурой (Руденко, 2002–2003; Никитина, 1999, с. 168–169, 203–206; Никитина, Михеева, 2006, с. 108; Архипов, 1986; Иванова, 1999, с. 203–213; Шутова, 2001, с. 113, 114). На территории Татарстана в Волго-Вятском регионе выявлено четыре могильника, принадлежащие средневековым удмуртам в Балтасинском районе, один древнемарийский могильник известен в черте современной Казани (Свод памятников, 2007). В целом их присутствие в регионе незначительно и в предшествующий период (15 поселений и 6 могильников азелинской культуры) (Свод памятников 2007). Немногочисленность археологических памятников прикамских и поволжских финнов болгаро-татарского времени, вероятно, объясняется их вытеснением в результате активного проникновения в регион тюрко-болгарского населения с рубежа X–XI вв.

Обращает на себя внимание и вещевой материал, происходящий из средневековых памятников в бассейне р. Казанки. Массовые находки, полученные в результате раскопок, представлены традиционным болгарским керамическим материалом XII–XIII вв. (Кокорина, 1995; 1999). Аналогичные находки происходят и из раскопок на территории Арского городища. Из культурных напластований дорусского времени на территории городища среди находок почти полностью отсутствуют материалы прикамских и поволжско-финских истоков. Имеются только единичные фрагменты. Появление керамики этого круга и гончарной русской керамики отмечается в отложениях, сформировавшихся в середине и после второй половины XVI в. Подобный материал без четкой стратиграфии был получен и в раскопах 1983–1984 гг. Н.И. Шутовой с внутренней стороны городища у западного края вала. Аналогичная ситуация отмечается и на других памятниках. На болгарских поселениях прикамская и поволжско-финская керамика имеет небольшой процент от общего числа находок, как и керамика, имеющая древнерусские истоки (Никитина, 2006, с. 91–112; Шутова, 2001, с. 196–200).

Многочисленные мусульманские некрополи Заказанья (109 могильников) и эпиграфический материал показывают широкое расселение болгаро-татарского населения в период Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства (Свод памятников, 2007; Юсупов, 1960; Арча төбәге тарихы, 1996).

Антропологический облик населения из раскопок могильников иллюстрирует преобладание европеоидного типа, характерного для болгарского населения домонгольского времени и присущего современному татарскому населению края. В целом это свидетельствует о преемственном развитии болгаро-тюркского населения Заказанья с домонгольского времени до позднего Средневековья, с которым связано последующее сложение казанских татар.

В целом археологический материал иллюстрирует достаточно сложные этнокультурные процессы, протекавшие в регионе в XI–XVI вв. Бассейн р. Казанки, оказавшийся в сфере влияния болгаро-тюркского населения, является местом тесных межэтнических контактов. Вероятно, сближение проживавших здесь народов обусловило интенсивность социально-экономических и политических отношений. Появление болгар стало катализатором в развитии сложившихся социальных отношений, активизировав выделение родовой знати, и сложении крупных, вероятно, торгово-административных центров (Казаков, 2007, с. 119).

Арск в системе болгарских населенных пунктов на р. Казанке занимает особое положение, оно является крайним северо-восточным болгарским укрепленным поселением вверх по ее течению, каким и оставался до присоединения края Московским государством. Время его появления определяется процессом заселения региона болгарским населением в XII–XIII вв. Вблизи него в 3 км западнее, вниз по течению, располагается значительное по своим размерам Бужинское селище, вероятно формировавшее округу Арска.

Самостоятельным объектом рассмотрения при изучении истории Арска является вопрос происхождения его названия. Данная проблема имеет около десятка вариаций объяснения наименования Арска (Белых, 2002; Голдина, 1999, с. 330–333). Арск, занимая особое политическое и административное место в развитии региона, стал важной и неотъемлемой частью культуры живущих здесь татар, марийцев и удмуртов, найдя отражение в легендах и преданиях.

Среди многочисленных гипотез о происхождении названия обращает на себя внимание мнение С.К. Белых, объясняющее существование в названии города сочетания «ар» с указанием на своеобразие места его основания как окраинного болгарского поселения исходя из тюркского «ар», обозначающего противоположную сторону. С географической точки зрения такое объяснение достаточно точно соответствует характеристике территории Предкамья, расположенного на другом берегу Камы относительно основной территории Волжской Болгарии в Закамье (Белых, 1996). Ве-

роятно, именно название «ары» отмечали и восточные авторы, описывающие районы, расположенные на севере Волжской Болгарии. При таком подходе вполне объяснимо наименование удмуртов современными татарами – ары, т. е. буквально «люди, живущие на другой стороне».

Объяснение происхождения названия самих «удмуртов», состоящего из сочетания «одо», «удо» – название племени «морт» – человек (человек племени *одо*), по мнению ряда исследователей, созвучно с фиксируемым в русских летописях наименованием местного прикамского населения – остяки, отяки, вотяки (Белых, 1996; История татар, 2006, с. 102–105; Голдина, 1999, с. 330–333; Чураков, 2007; Белых, 2005). Вероятно, болгаро-татарское «ары» и летописное «вотяк» обозначали одно финское население, проживающее в Камско-Вятском регионе, но именуемое у татар и русских по-разному.

Наличие сочетания «ар» в названии Арска, возможно, и является указанием на место расположения поселения на противоположной стороне или на территории проживания народа *ар*. Аналогии существования подобных названий у городов, построенных представителями иной культуры на территории другого народа, но сохраняющих его название, можно увидеть на примере древнерусских городов Рязань, Муром, Ростов. Последние появились в районах проживания окского финского населения. Схожесть проявляется не только в названии, но и особенностях развития поселенческой структуры. В частности, в районе Рязани на сегодня не выявлены археологические памятники, оставленные финским населением (В.П. Даркевич). Подобная ситуация и с Арском – в названии его отразилось название области аров, где булгарами была основана крепость.

Таким образом, средневековая история Арска, возникшего в домонгольское время не позднее начала XIII в., если не раньше, представляет собой процесс развития поселения, основанного булгарами в тесном взаимодействии с народами Предкамья, объединившимися в рамках государственных традиций Волжской Болгарии, Казанского ханства, а позднее и Московской Руси. Историко-культурное наследие Арска и его округа – это наследие всех проживающих здесь народов, созданное усилиями многих поколений их предков и требующего кропотливого изучения и бережного сохранения.

* * *

Культурный слой городища, хранящий многовековую историю края, локализуется на правом берегу р. Казанки на естественном подтреугольном мысу, образованном высокой террасой реки и глубоким оврагом с западной стороны. С на-

польной стороны имелась оборонительная система, которая фиксировалась еще в 80-х годах XX в. Вал и ров Арского острога, вероятно, имели длину около 100 м (рис. 2). Ширина и высота вала 16 м и 4 м, ширина и глубина рва 10 м и 2 м. Площадь мыса, на котором располагалась крепость, составляет около 24 тыс. кв. м (2,4 га). На сегодняшний день поверхность в основном застроена объектами УРСЖ объединения «Арские коммунальные сети» и др. На основании Постановления Совета Министров ТАССР от 30.10.1959 № 591 «О мероприятиях по улучшению состояния, охраны, реставрации и популяризации памятников истории и культуры, находящихся на территории Татарской АССР» Арское городище было поставлено на государственный учет и охрану. Несмотря на это, в советское время и в первой половине 1990-х годов площадка городища подвергалась бесконтрольным землеустроительным работам, что повлекло за собой значительную утрату древнейших культурных напластований.

С XIX в. история Арска, тогда еще заштатного города, привлекала внимание историков и краеведов. Так, о нем в своих работах сообщают С.М. Шпилевский (1877, с. 92–96), И.А. Износков (1885), В.Л. Борисов (1879, с. 32), Н.А. Спасский (1910) и др. В частности, В.Л. Борисов 16 октября 1899 г. присутствовал при осмотре башни Арского острога и дал отчет Обществу археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете о необходимости реставрации деревянной башни в Арске. В мае-сентябре 1900 г. он же провел небольшие археологические раскопки близ этой башни.

Изучение Арского городища на научной основе началось лишь после Великой Отечественной войны, но, к сожалению, оно не носило систематического и планового характера. Экспедициями Казанского филиала АН СССР с 1945 г. при обследовании площадки городища найдены фрагменты керамики и различные бытовые предметы, в основной массе увязываемые с существованием города после присоединения к Московскому государству (АК, 1981).

В 1983–1984 гг. один из отрядов Удмуртской археологической экспедиции под руководством Н.И. Шутовой производил рекогносцировочные раскопки Арского городища (Шутова, 1983, л. 2–25; 1984, л. 2–11). Материалы двух раскопок позволили Н.И. Шутовой предварительно выделить ранние напластования, датированные концом I – началом II тысячелетия н. э.

В 1996 г. под руководством А.А. Бурханова на территории исторического центра Арска проведены археологические исследования, на основании которых он пришел к заключению о начале фор-

мирования поселения не позднее XIII в. В результате этих раскопок были «зафиксированы остатки земляного вала и рва. На территории городища найдены фрагменты керамической посуды периода Золотой Орды и Казанского ханства, изделия из стекла и железа (железные серпы, наконечники стрел и др.), остатки металлургического производства (шлаки), 2 серебряные монеты, чеканенные от имени Улу-Мухаммада, и др. вещи; обнаружены следы пожара 1552 г.» (ТЭ, 1, с. 205). К сожалению, материалы раскопок надлежащим образом не опубликованы, а судя по его данным, определить возникновение поселения предмонгольским временем, т. е. рубежом XII–XIII вв., не было достаточных оснований.

В 2006–2008 гг. в рамках программы «Историко-археологические исследования болгаро-татарского города Арска» Национальным центром археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ на территории Арского района была проведена серия археологических изысканий. Одним из важнейших результатов работ стало изучение раскопами культурного слоя в восточной части Арского городища, к юго-востоку от бывшей Вознесенской церкви.

Раскопы были заложены на участке, менее всего потревоженном поздними постройками. Целью данных работ было уточнение времени освоения рассматриваемой территории, попытка зафиксировать остатки оборонительных сооружений, а также осуществление охранно-спасательных работ для изучения культурного слоя, сооружений и материальных остатков в зоне предстоящего хозяйственного освоения (Хузин, 2006; Хузин, Шакиров, 2009, с. 495–496).

Раскоп I (рис. 3: а, б) 2006 года площадью 64 кв. м (16×4 м) был вытянут по линии юго-восток – северо-запад от края мыса вглубь площадки городища. Поверхность раскопа в сторону края мыса имела понижение до 110 см. До начала археологических работ на месте раскопа располагался огород при жилом доме. Раскоп II, заложенный в 2007 году на площади около 20 кв. м (6×4 м) с юго-востока примыкал к раскопу I (рис. 5). Поверхность раскопа в сторону края мыса понижается на 85 см. Раскоп III 2008 года (рис. 6.) имел площадь 108 кв. м (18×6 м) и располагался к северо-востоку от раскопа I. Поверхность раскопа в сторону края мыса имела понижение до 80 см.

Порядок культурных отложений, прослеженных в профилях раскопов, имеет единую последовательность слоев (рис. 7; 8). Сверху идет слой XIX–XX вв. Суммарная мощность слоя колеблется вне ям и сооружений в пределах 40–60 см. Слой – серая рыхлая супесь с угольками, которая образовалась в результате накопления и

перемещения грунта при использовании рассматриваемого участка под огород. Стратиграфическим наблюдениям не противоречат и находки из слоя, представленные современными металлическими пробками, стеклом, обломками фаянсовой и стеклянной посуды, глазурованной столовой керамики и круговой кухонной посуды относительно позднего облика при наличии на ряде участков более ранних материалов – серой и бурой круговой керамики. Со слоем в раскопах связано двадцать четыре объекта.

С позднейшим освоением исследованного участка связан ряд сооружений. Представляется целесообразным остановиться лишь на характеристике тех сооружений и находок, которые укладываются в хронологические рамки данного тома «Археологии Волго-Уралья».

Слой второй половины XVI–XVIII вв. – преимущественно серая рыхлая супесь с включениями угля, золы, извести и щебня, содержащая находки фрагментов керамики при полном отсутствии современных предметов обихода. Керамика слоя представлена единичными образцами красноглиняной глазурованной и большим количеством сероглиняной, белоглиняной или по образцу белоглиняной и реже коричневой, бурой посудой. Средняя мощность достигает 80 см. С этим слоем связано 17 объектов, выявленных как в стенках раскопа, так и в плане. Описание наиболее интересных сооружений приведено ниже.

Сооружения второй половины XVI–XVIII вв.
раскопа I. Сооружение 12 проявилось на глубине 50 см. Раскопом исследовалась северо-западная полукруглая часть углубления размерами 92×20 см. Она имела покатые стенки и чашевидное дно на глубине 25 см. В заполнении ямы прослежена серая рыхлая супесь с включениями прокала. Находки: керамика татарско-русская, русская белоглиняная. Назначение сооружения, датированного концом XVIII в., определить не удалось.

Сооружение 2 зафиксировано в северо-западной части раскопа на глубине 60 см. В процессе выборки определилось, что в раскоп попала южная часть прямоугольного сооружения, вытянутого по линии СВ – ЮЗ, размерами 190×280 см. Углубление имело отвесные стенки и ровное дно на глубине –70 см от 0. В яму была впущена деревянная конструкция, прослеженная в виде прогнивших досок. В заполнении серая рыхлая супесь с включениями извести, угольков, золы. Находки: керамика татарско-русская, русская белоглиняная. Период функционирования сооружения, вероятно погреба, – первая половина XVIII в.

Сооружение 4 зафиксировано на глубине 105 см. Оно имело квадратную форму (130×

Рис. 3. Арское городище. Раскоп I 2006 г. а – фото профиля северо-восточной стенки;
б – фото профиля юго-западной стенки

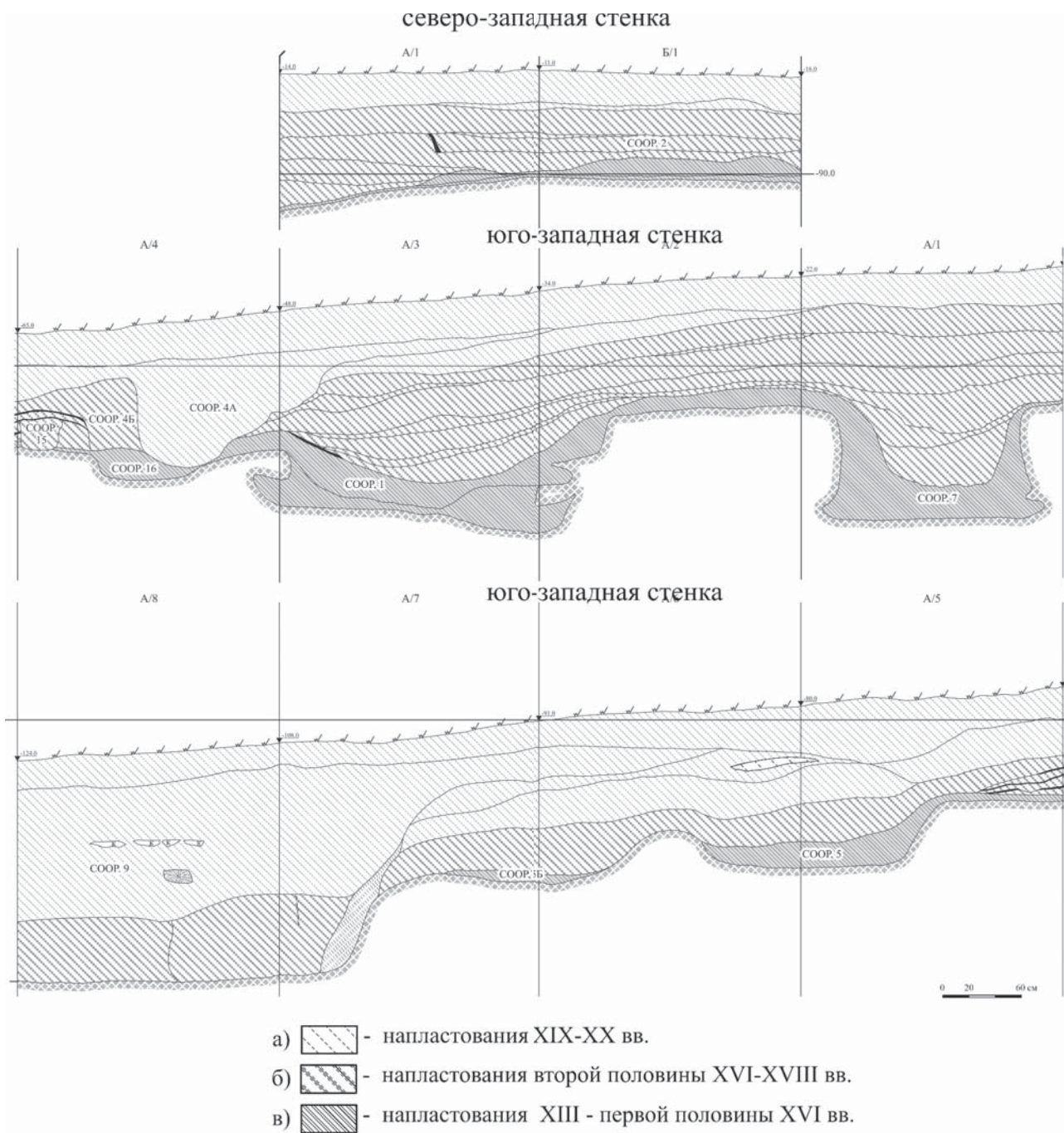

Рис. 4. Арское городище. Раскоп I. Профиля северо-западной и юго-западной стенок

130 см), углами ориентированную по сторонам света. Углубление имело отвесные стенки и ровное дно на глубине 112 см. В яму была впущена деревянная конструкция, прослеженная в виде прогоревших досок. В заполнении серая плотная пестроцветная супесь с включениями золы. Находки: два пряслица (одно дорусского времени). Период функционирования сооружения – первая половина XVII в.

Сооружение 6 на уч. Б/1–2 с дневным уровнем на отметке 85 см от современной поверхности. В процессе выборки определилось, что в раскоп попала северо-западная полукруглая

часть сооружения размерами 220×110 см. Оно имело покатые стенки и чашевидное дно на глубине -127 см от 0. В заполнении ямы прослежены щебень с известью и серая рыхлая супесь с включением золы и угольков. Находок нет. Назначение сооружения, предположительно датируемого XVII в., определить не удалось.

С несущими конструкциями от навеса увязываются столбовые ямы 2, 3 с вертикально установленными бревнами.

Слой XIII – первой половины XVI вв. представлен прослойкой темно-серой рыхлой супеси с включениями угля. Средняя мощность слоя вне

Рис. 5 . Арское городище. Раскоп II 2007 г. Фото профиля северо-восточной стенки

Рис. 6. Арское городище. Раскоп III 2008 г. Фото профиля северо-восточной стенки (уч. 2–4)

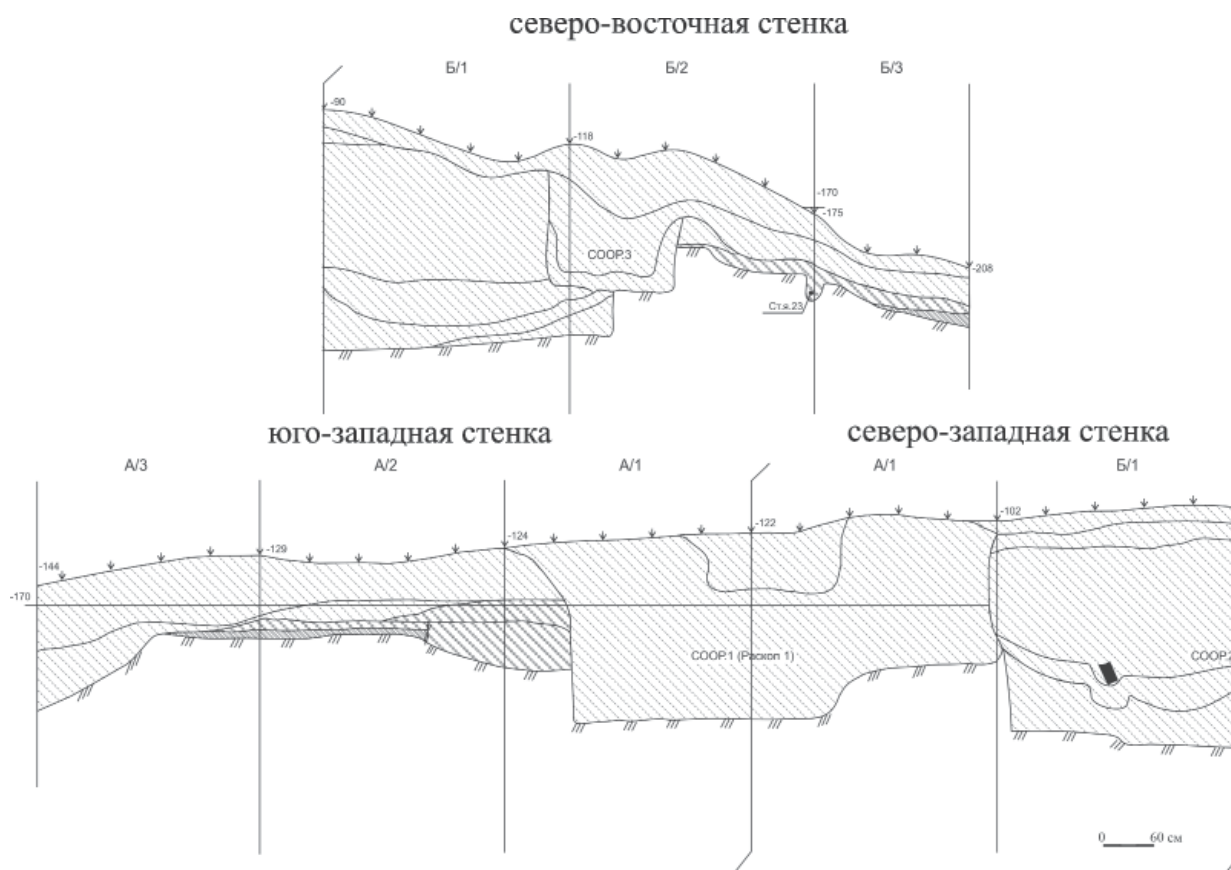

Рис. 7. Арское городище. Раскоп II 2007 г. Профиля стенок.

сооружений варьирует от 5 до 12 см. Со слоем связано девять объектов, предположительно хозяйственного назначения (рис. 11).

Сооружения XIII – первой половины XVI вв. раскопа I. Сооружение 1, выявленное на уч. А–Б /2–4. Его дневной уровень фиксировался в профиле на глубине 110 см от современной поверхности. Яма имеет подпрямоугольную форму с максимальными размерами 360×258 см. Углубление имело скошенные стенки с подбоями и ровное дно на глубине 200 см. В заполнении, кроме горизонтов запада, прослежены прослойки темно-серой рыхлой супеси с кусочками угля толщиной до 30 см и темно-серой рыхлой супеси с углем и щебнем толщиной до 40 см. Находки из сооружения представлены костями животных (четыре лошадиных черепа от особей 3–5 лет (определение д.б.н. А.Г. Петренко), керамикой в болгарских традициях, фрагментами золотоордынской и «казанской» посуды, деталью цилиндрического замка. Возможно, сооружение являлось заглубленной частью жилой постройки, которая прекратила свое функционирование в середине XVI в. в результате захвата Арска московскими войсками.

Сооружение 1А, контуры которого проявились на глубине около 130 см, имело круглую в плане форму диаметром 140 см, расширяющуюся книзу до 160 см. В процессе выборки определено,

что яма имела скошенные стенки и ровное дно на глубине 200 см. В заполнении, кроме горизонтов запада, отмечены прослойки серой рыхлой супеси с включениями угля и золы толщиной до 20 см, а также серая рыхлая супесь с включениями угля, золы и прокала толщиной до 60 см. Находки: каменное пряслице, керамика русская белоглиняная, стенка сосуда ханского времени с зеленой поливой, конские удила. Вероятно, сооружение являлось хозяйственной ямой времен финала Казанского ханства.

Дневной уровень сооружения 5 зафиксирован на глубине около 80 см. В процессе выборки определено, что оно является восточной частью подпрямоугольного углубления (260×280 см) с тамбуром (60×160 см) с северной стороны. Углубление имело чуть скошенные стенки и ровное дно на глубине 130 см. В заполнении серая рыхлая супесь с включениями угля, золы. С описываемым сооружением связаны сооружения № 5А, 5Б, прослеженные на уровне дна углубления. На дне углублений отмечена прослойка темно-серой рыхлой супеси с включениями угля. Период функционирования сооружений увязывается с болгаро-татарским временем – до середины XVI в.

Дневной уровень сооружения 7 в профиле фиксировался на глубине 110 см. В процессе выборки определено, что яма имела овальную в плане

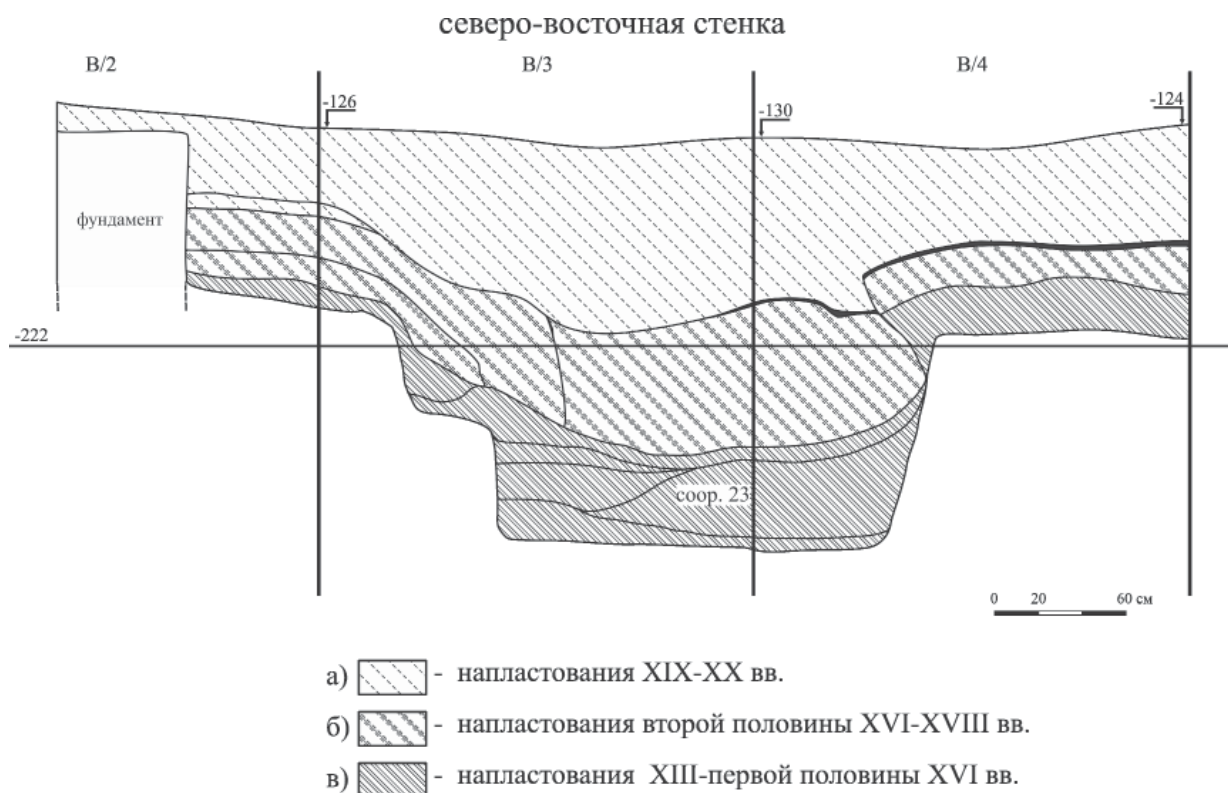

Рис. 8. Арское городище. Раскоп III 2008 г. Профиля стенок

форму с максимальными размерами 160×75 см. Углубление книзу расширяется, в стенках ближе ко дну имеются подбои, ровное дно выявлено на глубине 185 см от современной поверхности. В заполнении, кроме горизонтов запада, прослежены прослойки серой рыхлой супеси с вкраплениями угля и золой толщиной до 40 см, темно-серая рыхлая супесь с углем и щебнем толщиной до 40 см. Находки из заполнения представлены костями животных (три лошадиных черепа от особей 3–5 лет, определение А.Г. Петренко), верхним диском жернова (рис. 13: 13), кольчугой (бармица), керамикой в болгарских традициях, золотоордынской, «казанской», поволжско-финской и железным ножом. Возможно, сооружение являлось хозяйственной ямой, которая прекратила свое функционирование в середине XVI в. в результате захвата Арска московскими войсками.

С этим же временем на уч. Б/3–5 увязывается сооружение 8 с дневным уровнем на глубине 80 см. В раскопе проявилась юго-западная часть углубления округлой формы с максимальным диаметром 270 см. Углубление имело скошенные стенки и ровное дно на глубине 165 см. В заполнении, кроме горизонтов запада, прослежены прослойки угля с золой толщиной до 20 см (время прекращения функционирования) и темно-серая рыхлая супесь с углем, щебнем толщиной до 60 см. В числе находок отметим фрагмент чугунного котла, ошлакованную керамику, же-

лезный нож, фрагменты керамики в болгарских традициях, а также золотоордынской, «казанской», поволжско-финская посуды. Возможно, сооружение являлось хозяйственной ямой.

Столбовые ямы № 8–15 и № 4, 5, 7 имеют единую ось расположения по линии запад – восток, № 20–22 на краю террасы по оси север – юг (рис. 10). Столбовые ямы являются наиболее ранними объектами на раскопе, предположительно датированными XVI в. Они, вероятно, связаны с основанием укреплений ханского времени на краю мыса.

Всего же в раскопах удалось изучить 66 разновременных объектов и проанализировать около 5,5 тысяч находок.

Находки второй половины XVI–XVIII вв. из раскопок Арского городища.

Из напластований второй половины XVI–XVIII в. происходит большое количество предметов, характеризующих материальную городскую культуру. Среди них выделяются пряслица, свистулька, грузила от сетей (рис. 12: 16, 17), «слезница» (рис. 12: 7). В коллекцию взяты выразительные фрагменты посуды (рис. 12: 9–13), а также обломки сосудов в болгарских традициях, казанской круговой и поволжско-финской лепной керамики, попадавших в переотложенном состоянии. Интересными, кроме скобяных изделий, являются ножи, фрагменты чугунных котлов,

Рис. 9. Раскоп II 2006 г. Фото объектов дорусского времени

Рис. 10. Арское городище. Раскоп II 2007 г. Фото столбовых ям на краю склона

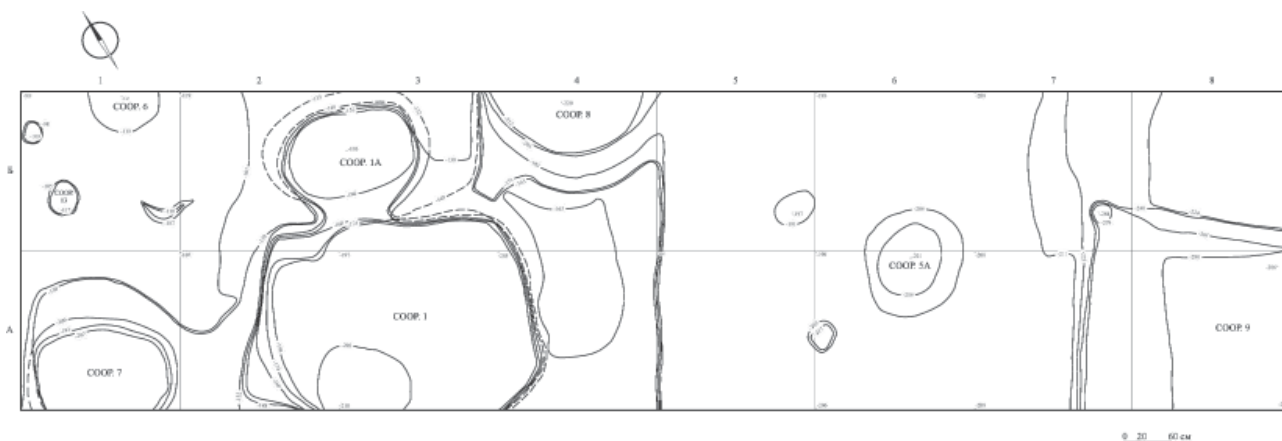

Рис. 11. Арское городище. Раскоп I. План на уровне материка

стеклянные бусы, вставка для перстня, ружейный кремль (рис. 12: 6).

Напластования булгаро-татарского времени характеризуют находки красноглиняных пряслиц (рис. 15: 2–4), большое количество фрагментов посуды в булгарских традициях (рис. 15: 5, 6, 8–10), золотоордынская (рис. 10: 3–12), «казанская» круговая керамика (рис. 11: 1–8), прикамско-приуральская лепная посуда, фрагмент лепного сосуда (рис. 15: 1) (тип «постпетрогром»), датируемого X–XIII вв. Изделия из черного металла состояли из неопределенных железных предметов, ключа от цилиндрического замка (рис. 15: 12), деталей от цилиндрических замков (рис. 10, 2–4), ножей, наконечников стрел (рис. 13: 15–18), кольчуги-бармицы¹. Интересны костяные наконечники стрелы (рис. 13: 12) и копья (рис. 14: 13), бронзовая накладка со следами серебряной фольги (рис. 15: 11–11а) и верхний диск от жернова из хозяйственной ямы (рис. 13: 13).

К сожалению, вследствие сильной разрушенности слоя и незначительности участков, доступных для исследования, остатков оборонительных сооружений, располагавшихся на краю склона, проследить не удалось, что не позволило в полной мере составить картину в понимании процессов функционирования Арского городища как в русское, так и в более раннее время.

В раскопе было обнаружено значительное количество материальных остатков: керамики, изделий из кожи, металла, камня, стекла и кости. Ряд находок позволяет нам говорить о возможном заселении территории Арского городища в домонгольское время. Об этом свидетельствует наличие в слое гончарной красноглиняной керамики с широким лощением, обломка лепной цилиндрической чаши с раковинным тестом, характерной для

¹ Сплетена по принципу 4 в 1 со сварными и клепаными кольцами. Сварные кольца свиты из проволоки d 1,5–1,7 мм, внешний d 8–8,5 мм. Клепанные кольца свиты из проволоки d 1,6–1,7 мм, внешний d 6–6,5 мм.

материальной культуры булгарских поселений преимущественно первой половины домонгольского времени.

Интересной находкой является «чешуйка» первой половины XVI в., что в очередной раз подтверждает использование русских монет в качестве денежной единицы на территории Казанского ханства.

В целом исследования дали достаточно информативный материал по истории Арского края.

Город Чаллы. Некоторые исторические документы XVI в. и старинные татарские предания сохранили нам название одного из городских центров Казанского ханства – Чаллынского городка, располагавшегося на Ногайской дороге недалеко от Камы-реки. К сожалению, достоверные источники об этом памятнике малочисленны и фрагментарны, зачастую содержат противоречивые сведения.

Первые сведения о «челматах», прямо отождествляемых некоторыми, особенно дореволюционными, историками с «чаллыдцами», жителями камского правобережья (Юсупов, 1971, с. 227), находим еще в древнерусских летописях. Здесь они упоминаются в связи с походом владими́ро-суздальских князей на столичный Великий город в 1183 (1184) г., когда челмата, обитающие в предкамской периферии Волжской Болгарии, организовали нападение на вражеские ладьи и тем самым оказали населению столицы большую помощь (ПСРЛ, II, с. 626). Не исключено, что эти прикамские племена, т. е. челмата-чаллынды, еще в домонгольское время имели свой городской центр: в ряде древнерусских летописей говорится о болгарях из города Челмата (ПСРЛ, I, с. 390; IX, с. 10; XV, с. 269). Однако никаких подробных сведений об этом городе в аутентичных источниках XIII–XV вв. не сохранилось.

В татарских преданиях, повествующих о событиях периода Казанского ханства, есть сообщение о том, что город Чаллы был построен

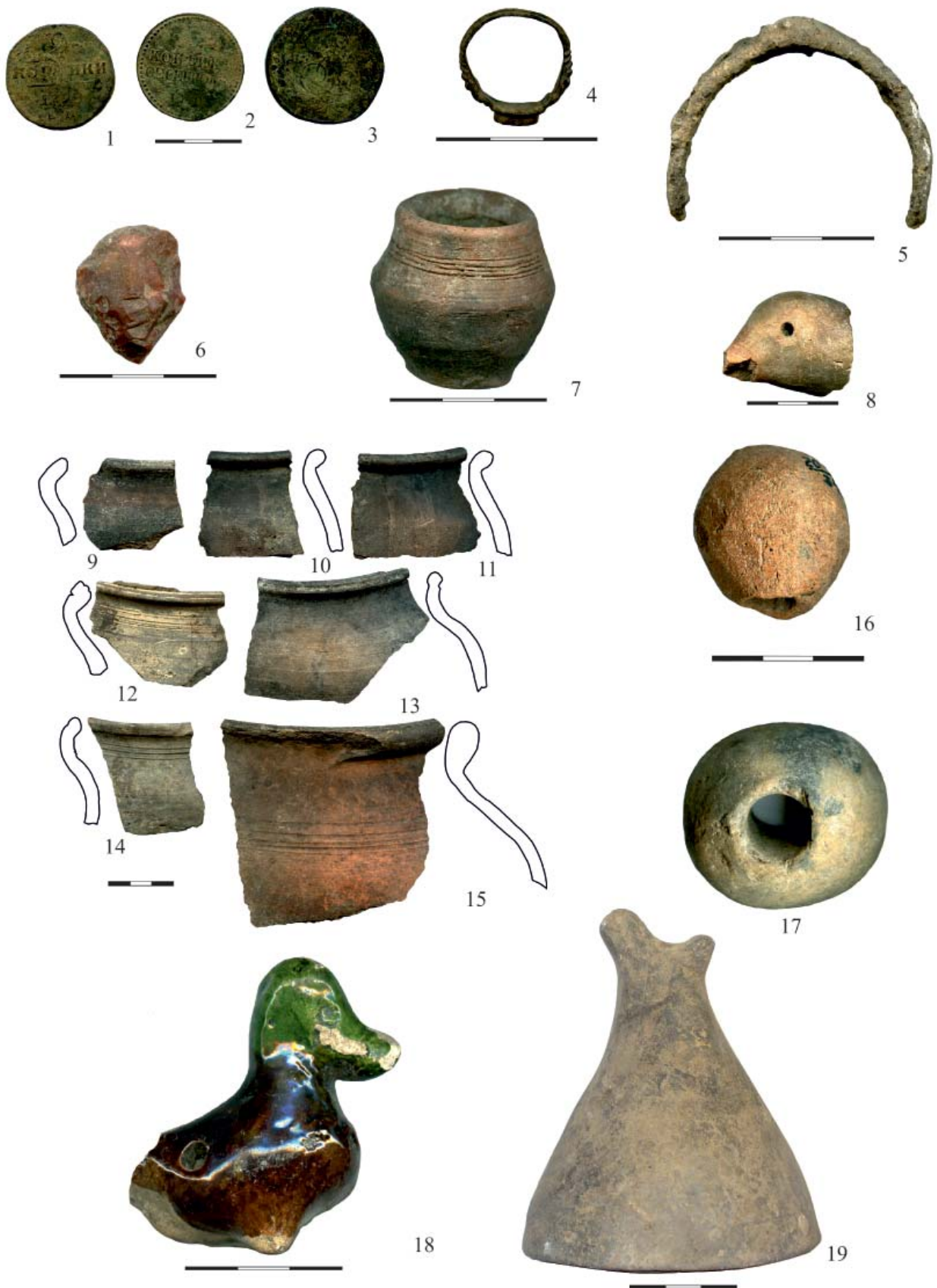

Рис. 12. Находки XVII–XIX вв. из раскопок Арского городища.
 1–3 – медные монеты; 4 – медный перстень; 5 – подкова для обуви; 6 – оружейный кремь; 7 – слезница; 8, 18, 19 – детские игрушки; 9–15 – фрагменты гончарной посуды; 16, 17 – глиняные грузила для рыболовной сети

Рис. 13. Находки XV – первой половины XVI вв. из раскопок Арского городища. 1–8 – фрагменты гончарной посуды; 9–10 – фрагменты поливной посуды; 11 – костяная накладка; 12 – костяной предмет (свистунок наконечникаа стрелы?); 13 – каменный жернов (раскоп 2006 г., соор. 7); 14–18 – железные наконечники стрел

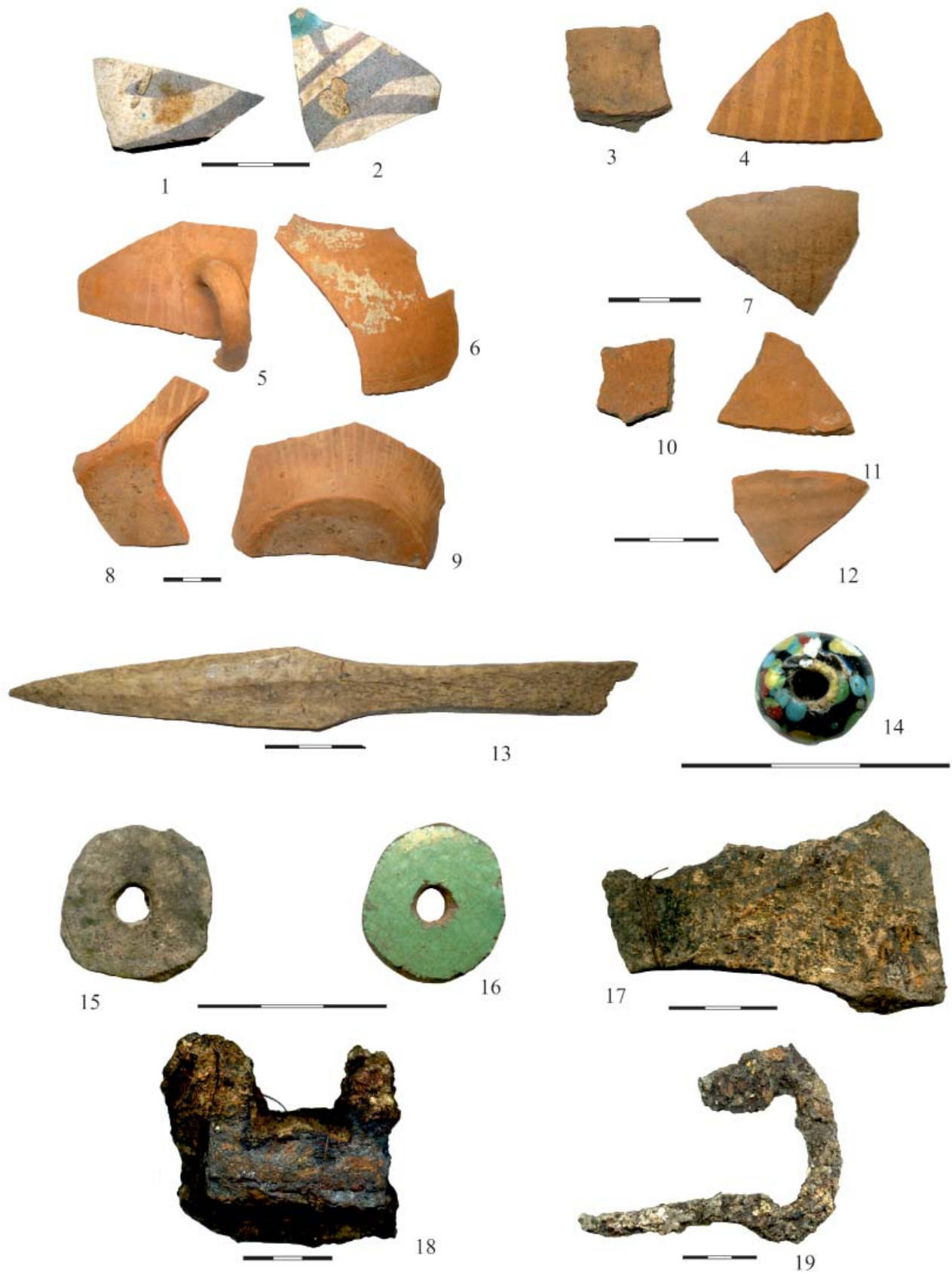

Рис. 14. Находки XIV – первой половины XVI вв. из раскопок Арского городища.
 1, 2 – фрагменты поливной посуды; 3–12 – фрагменты гончарной посуды; 13 – костяной наконечник стрелы;
 14 – стеклянная бусина; 15–16 – пряслица из стенок сосудов; 17 – фрагмент чугунного котла; 18, 19 – детали
 цилиндрических замков

Рис. 15. Находки XII–XIV вв. из раскопок Арского городища.

1, 7 – фрагменты лепной посуды с толченой раковинной в тесте (типа «постпетрогром»); 2–4 – глиняные пряслица; 5, 6, 8–10 – фрагменты гончарной посуды; 11, 11a – медная накладка до и после реставрации; 12 – железный ключ от цилиндрического замка

казанским ханом в самом центре Ногайской дороги. Хан поставил здесь одного человека бием. Через некоторое время Чаллы очень усилился, стал многолюден и богат. Бий его, Хаджи (Гази) Гирей, принял решение отделиться от Казани и объявил себя независимым ханом. При чаллыном хане Хафиз Гирее началась война с Казанью. На второй год войны казанский хан взял город Чаллы и разорил его, а Хафиз Гирей с семейством своим бежал в Бухару (Зайтов, 1884, с. 278, 279). Предание это, по всей вероятности, основано на реальных фактах внутриполитической истории ханства.

Археологические остатки Чаллынского городища, расположенные у с. Тяжбердины Челны (Тәберде Чаллысы) Рыбно-Слободского района РТ, были обнаружены и обследованы еще в прошлом столетии (Невоструев, 1871, с. 571–573; Шпилевский, 1877, с. 416–420; Зайтов, 1884, с. 277–280; Толмачев, 1884, с. 15–17; Износков, 1895, с. 77, 78) (рис. 16).

Первые раскопки городища производились в 1955 г. археологической экспедицией ИЯЛИ

КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. На территории городища была вскрыта площадь 320 кв. м, исследован ряд объектов (зернохранилища, котлован полуземляночного жилища и пр.) и собрана интересная коллекция вещевых находок. Материалы раскопок, подготовленные к печати Ф.Ш. Хузиным на основании отчета, хранящегося в архиве Института археологии РАН, опубликованы в сборнике «Борынгы Чаллы. Древние Чаллы» (Калинин, 2000, с. 40–65). Исследователь определил время существования городища XIV – первой половиной XVI вв. и справедливо считал его одним из значительных памятников времен Казанского ханства – центром феодального Чаллынского княжества (Калинин, 1957, с. 202).

В 1983 г. памятник обследовался экспедицией Государственного музея ТАССР (совр. Национальный музей РТ) под руководством Н.А. Кокориной и С.В. Кузьминых. Раскоп у восточного края городища выявил следы наземного жилища с остатками глинобитной печи и несколько хозяйственных сооружений. Стратиграфический разрез

второй линии вала показал наличие трех строительных периодов, относящихся к XIII–XVI вв. (Кокорина, Кузьминых, 2000, с. 70–72). Основываясь на новых материалах раскопок, исследователи удревели время возникновения городища до конца XII – начала XIII вв. (Кокорина, Кузьминых, 1985, с. 152, 153).

В 1989 г. раскопки Чаллынского городища и одного из его посадков-пригородов (I селища) проводила археологическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством Т.И. Останиной. В юго-восточной части городища на площади 360 кв. м были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы для хранения продуктов и очаги, сложенные из камня. Такого же характера объекты встречались и на пригородном поселении. Памятник относится, по мнению исследовательницы, к эпохам Золотой Орды и Казанского ханства (Останина, 1991, с. 66). Богатые материалы раскопок 1983 и 1989 гг. опубликованы в вышеупомянутом сборнике (Борынги Чаллы, 2000).

Новые исследования памятника начались в 1993 г. археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ (рук. Ф.Ш. Хузин) совместно с экспедицией Елабужского государственного педагогического университета (рук. А.З. Нигаматов). На территории памятника было заложено всего 17 раскопов (в основном рекогносцировочного характера) общей площадью более 600 кв. м.

Еще первые исследователи отмечали выгодное в стратегическом отношении расположение городища на высоком возвышении левого коренного берега р. Шумбут, правого притока Камы. Это возвышение – мыс, имеющий высоту над поймой 24 метра, – образовано крутым обрывом к реке с юго-запада и глубоким, широким оврагом с юго-востока. Площадка городища с двух сторон защищена сложной системой искусственных земляных укреплений из четырех или даже пяти, как считает А.М. Губайдуллин, дугообразных валов и рвов с одним проездом шириной в 10 метров с северо-западной стороны. Форма площадки подквадратная с закругленными углами (рис. 16). Размеры ее 100×115 м (1,2 га). Первый и третий валы сохранились частично, четвертый почти совсем исчез и только второй сохранился в удовлетворительном состоянии (АК, 1981, с. 138, № 691).

Археологические раскопки оборонительной системы городища впервые были проведены С.В. Кузьминых и Н.А. Кокориной в 1983 г. Раскоп в виде траншеи длиной 20 м и шириной 1 м был заложен на разрушенном бульдозерами участке второго внутреннего вала. Исходя из данных относительной стратиграфии, Н.А. Кокорина и С.В. Кузьминых заключили, что I и II периоды

строительства вала относятся к золотоордынскому времени, т. е. к середине и второй половине XIV в., а насыпь третьего периода – к XV–XVI вв. (Кокорина, Кузьминых, 1985)

В 1995–1997 гг. А.М. Губайдуллиным были исследованы четыре оборонительные линии Чаллынского городка. Разрез первого, внутреннего вала осуществлен в его северо-западной оконечности вдоль осыпи края террасы. Насыпь вала, выявленная под слоем дерна и светло-коричневого суглинка, состояла из чередующихся слоев мергеля толщиной 40–60 см. В ее верхней части выявлена ямка шириной около 50 см и глубиной 22 см, являющаяся, по мнению автора раскопок, остатками деревянных конструкций. Под ними залегал «мощный фундамент в виде подушки из рваного камня, на который опирались крепостные стены» (Губайдуллин, 2002, с. 73–74).

Насыпь вала со стороны площадки городища перекрывалась двумя горизонтами культурного слоя, отложенными в позднедомонгольско-золотоордынский и позднезолотоордынский периоды соответственно. На основании этих наблюдений А.М. Губайдуллин отнес строительство первой линии обороны Чаллынского городка к домонгольскому времени. Функционировала она и в золотоордынскую эпоху.

Исследование второго вала показало, что его насыпь сложена из плотного серого суглинка мощностью 30 см. В ней зафиксированы две ямы глубиной 40–45 см, в одной из которых прослежены остатки вертикально стоявшего столба диаметром 20 см – остатки частокола или тына.

Определить время строительства второй линии валов можно лишь условно, ибо в насыпи находки отсутствовали. Поскольку вал насыпан на погребенной почве, то А.М. Губайдуллин не исключал домонгольское время его сооружения.

Третья линия оборонительных сооружений была изучена в северо-восточной части городища на месте разрушений бульдозером. Здесь, как и при предыдущих исследованиях, стратиграфически было установлено три периода строительства вала. Ранний вал был датирован домонгольским периодом, время гибели деревянных конструкций шириной около 2 м («стен типа городней»), остатки которых прослежены по вершине вала, относится, скорее всего, к ханскому времени, когда, по справедливому мнению А.М. Губайдуллина, значение Чаллынского городка в политическом и военно-административном отношении значительно повышается (Губайдуллин, 2000, с. 206).

В северо-западной части городища А.М. Губайдуллиным была впервые выявлена и изучена пятая линия оборонительных укреплений. Его насыпь в настоящее время практически полностью

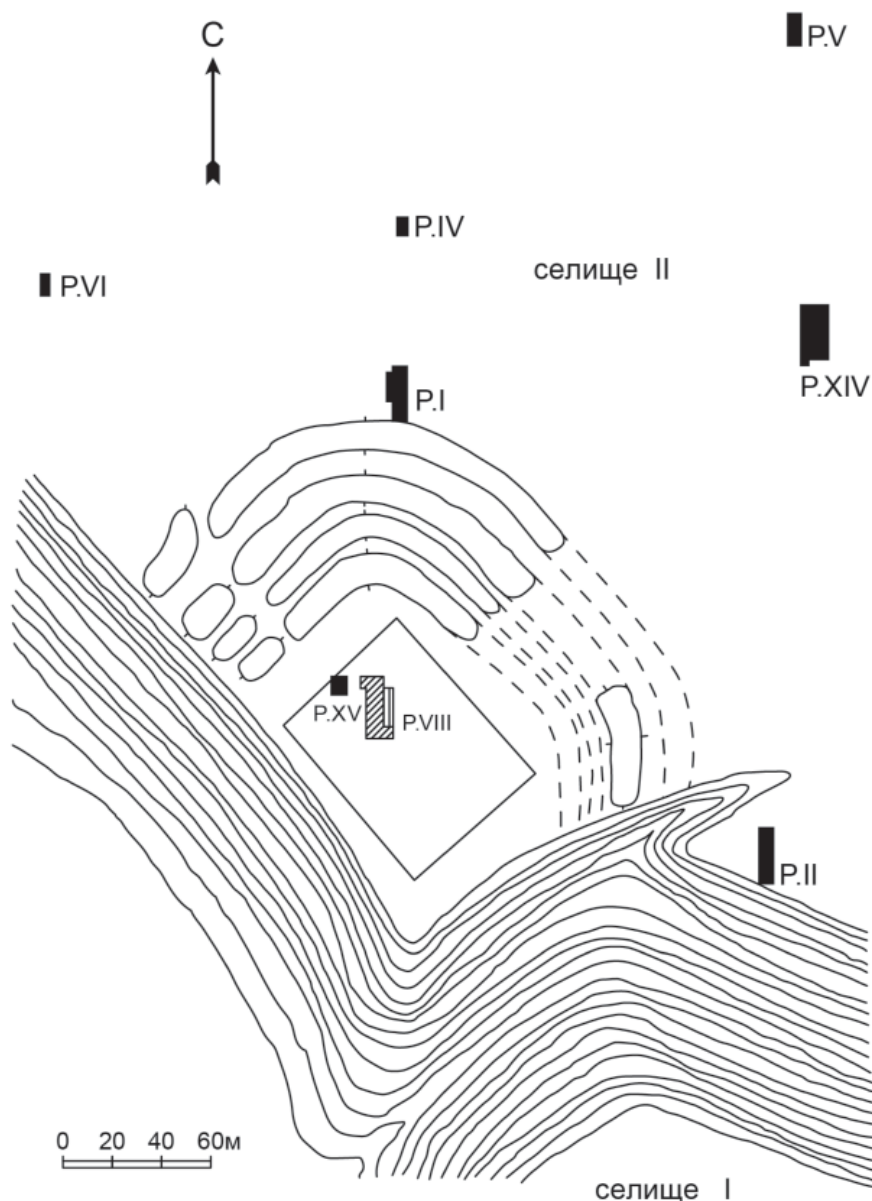

Рис. 16. План Чаллынского городища и части его пригородов с указанием раскопов 1994–1997 гг.

уничтожена, на исследованном участке сохранилась в виде небольшого возвышения высотой 70 см, шириной до 6 м и едва заметна. Насыпь вала состояла из чередующихся слоев темно-коричневой супеси с мергелем, красного суглинка, прослоек мергеля. Внутри вала прослежены следы крепиды склонов вала в виде крупных известняковых камней, а также две столбовые ямки, по-видимому, от укреплений типа тына. Пятую линию валов городища исследователь считает дополнительным крепостным сооружением, возведенным в последний период существования городища.

Вполне можно согласиться с заключением А.М. Губайдуллина о возникновении Чаллынской крепости в домонгольское время и об укреплениях ее, состоящих из трех линий валов с двумя рвами между ними (Губайдуллин, 2002, с. 77). Эти же

укрепления продолжали использоваться, очевидно, с небольшими реконструкциями, и в золотоордынское время. В период Казанского ханства появляются два наружных ряда укреплений, разрушенных в 1556 г.

Археологические исследования селитебной территории городища начал в 1955 г. Н.Ф. Калинин. Было заложено два раскопа и пять шурфов между ними общей площадью 320 кв. м. Зафиксирована следующая стратиграфия культурного слоя: 1) дерн и пахотный суглинистый ореховатый чернозем (местами коричневатая супесь) мощностью около 20 см; 2) коричневая гумусированная супесь с включениями известнякового мелкого камня толщиной около 10 см; 3) суглинистый грунт с розоватым мергелем мощностью не более 10–15 см. Ниже прослежен материк в виде темно-

го суглинка и известнякового камня, образующего целые площадки (Калинин, 2000, с. 41, 42).

На исследованной площади было расчищено 18 хозяйственных сооружений в виде ям. Как правильно заметил Н.Ф. Калинин, по сравнению с другими болгарскими памятниками на Чаллыском городище «ямы не глубокие, что, вероятно, отчасти объясняется каменистостью почвы. Глубину от 10 до 35 см имеют 8 ям, глубины от 50 до 85 см достигают 9 ям. Только про одну из ям – № 10 – можно наверняка сказать, что она использовалась как хранилище, т. к. имела тщательно обмазанные глиной днище и стенки. 16 ям, видимо, служили для кухонных и других отбросов» (Калинин, 2000, с. 48). Одно из сооружений, имеющее наибольшие размеры (длина 250 см, прослеженная ширина 85 см, далее уходило за пределы раскопа) и прямые очертания, было определено исследователем как остатки жилища.

В процессе вскрытия культурного слоя и связанных с ним объектов была собрана коллекция керамики, включающая 1813 фрагментов гончарной и 67 фрагментов лепной посуды (Калинин, 2000, рис. 9–18). Характеризуя общий облик керамики по технике обработки, форме сосудов и орнаментации, Н.Ф. Калинин отмечал, что она относится по преимуществу к болгаро-татарскому времени, ибо очень близка «керамике верхнего слоя Болгарского городища (конец XIII – начало XV вв.), позднеболгарских городищ, а также Русско-Урматского селища и татарского слоя Казанского кремля (XV – первая половина XVI вв.). Только небольшая группа керамического материала Чаллынского городища имеет облик более ранней керамики биллярского и джукетауского типов» (Калинин, 2000, с. 43, 44). Встречены были также фрагменты глиняной посуды с примесью толченой раковины в тесте. Все это дало основание Н.Ф. Калинин говорить о смешанном (но в основном болгаро-татарском) этническом составе населения города Чаллы.

Коллекция находок из культурного слоя городища включает также глиняные пряслица, железные ножи, ключ от замка, миниатюрную стамеску и ложкарь для работы по дереву, а также гвозди, скобы, кольца и пр. (Калинин, 2000, рис. 21; 22; 23).

Подытоживая свои исследования Чаллынского городища, Н.Ф. Калинин заключает, что стоявший здесь в XV–XVI вв. город играл «особую политическую роль, которую в Казанском ханстве после Казани не играл никакой иной город: ни Арск, ни Мамадыш, ни Лаеш, ни Тетюш» (Калинин, 2000, с. 48). Чаллы вместе с прилегающими селищами-посадами занимал третье место по размеру (после Казани и Иски/Ички Казани) среди болгаро-татар-

ских памятников Предкамья. Это дало Н.Ф. Калинин основание «приписать городу Чаллы значение крупного политического центра, столицы особого княжества» в составе Казанского ханства.

В 1983 Н.А. Кокорина заложила в юго-восточной части городища раскоп площадью 40 кв. м. В 1989 г. данный раскоп был расширен Т.И. Останиной, общая исследованная площадь достигла 400 кв. м.

Мощность культурного слоя на городище колеблется в пределах 20–60 см. Прослежена следующая стратиграфия: 1) дерн толщиной 5–6 см; 2) слой ханского времени – гумусированная супесь с включениями кусочков прокаленной глины, древесного угля, большого количества фрагментов керамики и костей животных (мощность от 10 до 40 см); 3) слой золотоордынского времени – гумус с находками толщиной 12–27 см – прослежен на северных и северо-восточных участках раскопа; 4) домонгольский слой – суглинок с вкраплениями гумуса мощностью 6–15 см, с относительно небольшим количеством находок, прослежен на западных и северо-восточных участках; 5) желтый материковый суглинок.

В раскопе было изучено 27 хозяйственных ям, большое количество столбовых ямок, шесть очагов, пятна глины со следами прокала, включениями угля и древесины. К слою ханского времени отнесено 20, золотоордынского времени – семь и домонгольского времени – два объекта. В основном это ямы округлой (овальной) и подпрямоугольной формы в плане глубиной от 50 до 90–120 см.

Ямы для хранения продуктов № 10, 11, очаг VI (возможно, и очаг II с предпечной ямой 27), а также столбовые ямки (13 шт.) объединены исследователями в сооружение I, представляющее собой остатки наземного срубного дома с глинобитным полом и тамбуром из плетня (2,7×1,3 м) с западной стороны постройки. Очаги в виде глинобитной подушки, по замечанию Т.И. Останиной, были характерны для прикамского финно-пермского населения (Кокорина, Останина, 2000, с. 86).

К юго-западу от этого дома находилось многокамерное строение конца XIV – начала XV вв., включающее в себя, по реконструкции исследователей, гончарную мастерскую размерами 5,4×8,2 м (сооружение II) с горновой ямой 9, кузнечную мастерскую (сооружение III) с горном (яма 20), печью (яма 21) и хозяйственной ямой 15, а также амбар с погребком (яма 14). По предположению авторов реконструкции, сооружения II и III были соединены между собой галереей, следы которой прослежены в виде множества столбовых ямок. В число объектов «гончарной мастерской» включены также две вымостки из известняковых

камней размерами 240×420 см и 90×187 см, интерпретированные как «рабочие площадки для изготовления глиняной посуды и размола муки, а также примесей глиняного теста на ручной мельнице» (Кокорина, Останина, 2000, с. 87).

При исследовании культурного слоя и объектов городища в 1983 и 1989 гг. обнаружены железные ножи (5 экз.), шилья (2 экз.), гвозди (3 экз.), обломок иглы, бесщитковая рамчатая пряжка прямоугольной формы, донце цилиндрического замка, обломок котла, зубило и некоторые другие предметы. Представляют интерес предметы из цветного металла: бронзовый пинцет, цилиндрическая чаша с уплощенным дном из двух тонких кованых полос меди, свинцовая бусина – пронизка, подвеска из джучидской монеты XIV в. Обнаружены также глиняные пряслица усеченно-биконической (3 экз.) и цилиндрической формы (1 экз.), а также каменные жернова (3 шт.).

В составе подъемного материала с городища имеются биллоновая подвеска – птица, имеющая аналогии в древностях Новгорода XIV в. (Кокорина, Останина, 2000, рис. 6: 10), стеклянная глазчатая бусина XI в., костяное навершие рукояти плети (там же, рис. 5: 6), а также обломки стеклянной посуды.

В 2003 г. в северо-западной части городища напротив проездных ворот был заложен еще один раскоп XV (36 кв. м), где изучались хозяйственные постройки и собрана интересная коллекция находок, состоящая в основном из керамики. Хозяйственные сооружения представляют собой ямы овальной и подпрямоугольной формы глубиной от 40 до 200 см. Всего собрано 674 фрагмента глиняной посуды. Из них общеболгарская группа составляет 533 фрагмента (80%), большая часть которых (95,5%) имеет коричневый цвет черепка. Традиционная посуда представлена VII (3,5%) и XIII (17,2%) группами.

Первые сведения о посаде Чаллынского городища были получены в ходе сплошного разведочного обследования территории Предкамья в целях создания Археологической карты Татарстана, предпринятого Н.Ф. Калининым в 1955 г. Он писал: «На р. Шумбут рядом с Челнинским городищем открыто селище, тянущееся вдоль реки к югу и к востоку от городища более 1 км. Это самое большое из встреченных нами селищ; оно является, по-видимому, остатком посада, который находился рядом с укреплением (кремлем) города, представлявшего, по преданиям, центр феодального княжества XV–XVI вв., подчиненного казанским ханам» (Калинин, 1957, с. 202). К сожалению, раскопки посада тогда не удалось провести.

В 1983 г. Н.А. Кокориной был заложен раскоп

общей площадью 130,5 кв. м на территории южного посада – Чаллынского I селища. Он располагался в средней части западного края селища между двумя небольшими овражками. Мощность культурного слоя колебалась в пределах 40–110 см (в среднем 40–70 см). Раскоп вскрыл 19 столбовых ям и один очаг. Последний выявлен на глубине 63 см от современной поверхности в виде прокаленной красной глины (96×145 см) мощностью 45 см. В восточной части очага располагалась яма овальной в плане формы (221×180 см) глубиной 60–85 см. Открытые очаги, по мнению Н.А. Кокориной, использовались для приготовления пищи в летнее время (Кокорина, Останина, 2000, с. 100).

При раскопках Чаллынского I селища обнаружено относительно небольшое количество вещей: глиняные пряслица усеченно-биконической формы (3 шт.), височное кольцо из бронзовой проволоки, спиралевитая пронизка из плоской и узкой бронзовой полосы, железные ножи (3 шт.), ключ от цилиндрического замка, наконечник ремня, поясная накладка с кольцом, обломок удила (Кокорина, Останина, 2000, рис. 10). Перечисленные находки обычны на болгарских поселениях.

Раскоп I 1994 г. площадью 88 кв. м был заложен Ф.Ш. Хузиным на территории II селища – северного посада и примыкал к наружной (четвертой) линии укреплений города (рис. 17). Самый многочисленный материал из культурного слоя составляла болгарская гончарная керамика домонгольского облика (1284 фр.). О домонгольском времени накопления основного слоя свидетельствовали и другие находки. Однако в данном случае нас интересуют предметы более позднего времени: фрагменты поливной керамики, имеющие с двух сторон роспись белой, голубой, синей и черной красками, серебряная джучидская монета, чеканенная в Гюлистане от имени хана Кульни (1359–1360 гг.). В коллекции керамической посуды выделялись образцы, имеющие аналогии, судя по технике изготовления и орнаменту, в материалах поселений эпохи Золотой Орды и Казанского ханства. Выяснилось, что болгарское население, основавшее Чаллынский городок, заселило эту местность в домонгольское время, очевидно, не позднее XI–XII вв., продолжало жить здесь в эпоху Улуса Джучи и Казанского ханства до 1556 г., когда Чаллы – городок, по сведениям русских летописей, был сожжен.

Раскоп V площадью 52 кв. м был заложен в 1995 г. в 200 м к северу – северо-востоку от наружной линии земляных укреплений городища на территории II селища (рис. 16; 18). Здесь представляют интерес сооружение I – кладовка, покрытая сверху легким навесом на вертикально стоящих столбах, следы которых выявлены

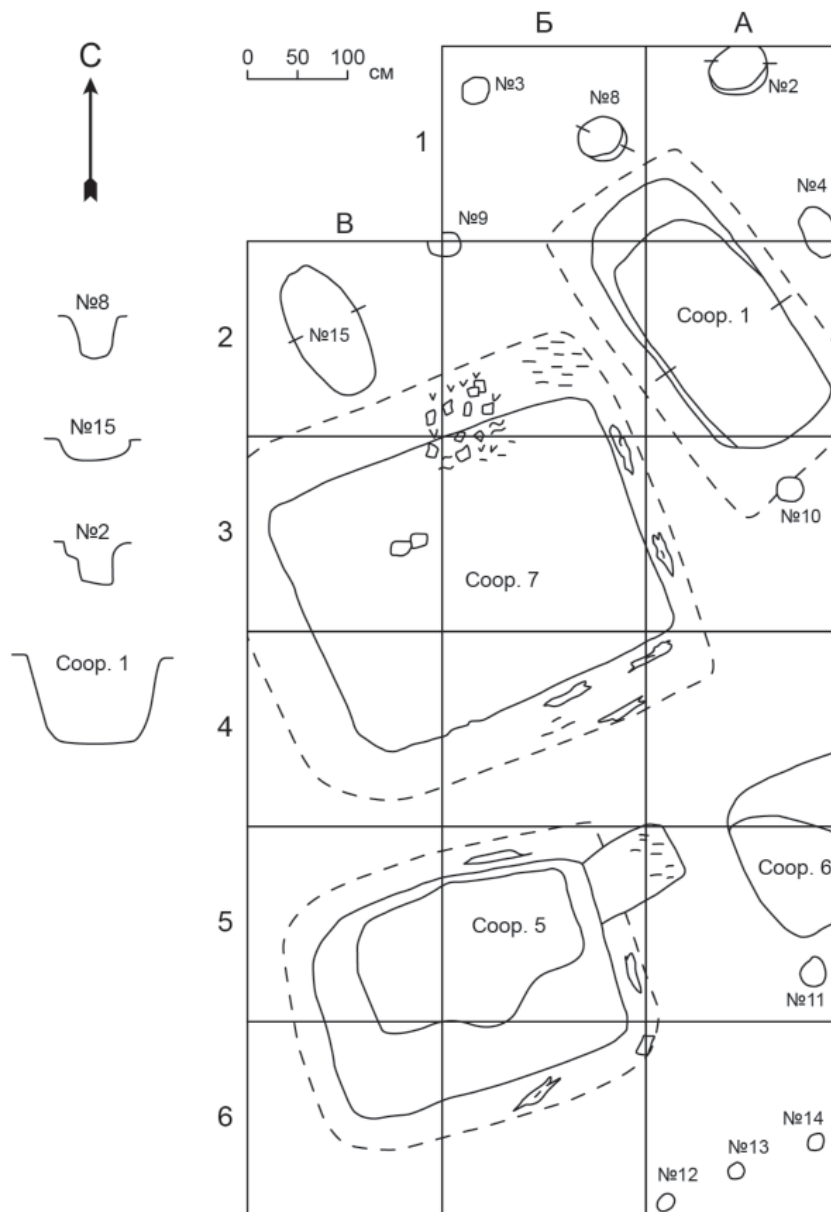

Рис. 17. Чалчынское городище. План северной половины раскопа I 1994–1995 гг.

по всем углам ямы 1 на уровне погребенной почвы. Эти столбики ограничивают подпрямоугольную площадку размерами 500–520×145–270 см. (рис. 18). Среди находок: фрагменты красноглиняной хорошо обожженной посуды, глиняное напрясло, черешковый наконечник стрелы с листовидным пером – предметы с широкой хронологией бытования.

Интересными оказались материалы III раскопа, заложенного в 1994 г. на территории I селища (южного посада), на краю Большого оврага. В период Казанского ханства, очевидно, здесь располагалась металлургическая слобода с кузнечными мастерскими (рис. 19).

Мощность культурного слоя, как и везде в пригородах, небольшая – не более 30–35 см вне объектов. Верхняя часть его разрушена распашкой. В

данном раскопе было изучено четыре сооружения различного функционального назначения.

Сооружение 1 сохранилось в виде подпрямоугольной в плане ямы размерами 175×260 см и глубиной 35–45 см, заполненной рыхлой темно-коричневой супесью с большим количеством угля, обожженной глины и обломков кирпичей. Данное сооружение, по всей вероятности, служило кузницей, о чем свидетельствуют следы горна в виде скопления ошлакованных кирпичей, располагавшегося в северном углу, а также большое количество железного шлака и кусок крицы, разбросанные вокруг этого горна.

К юго-западу от описанной кузницы расчищена часть ямы глубиной около 80–90 см (соор. 2), сплошь заполненная крупными кусками древесного угля. Очевидно, она предназначалась для

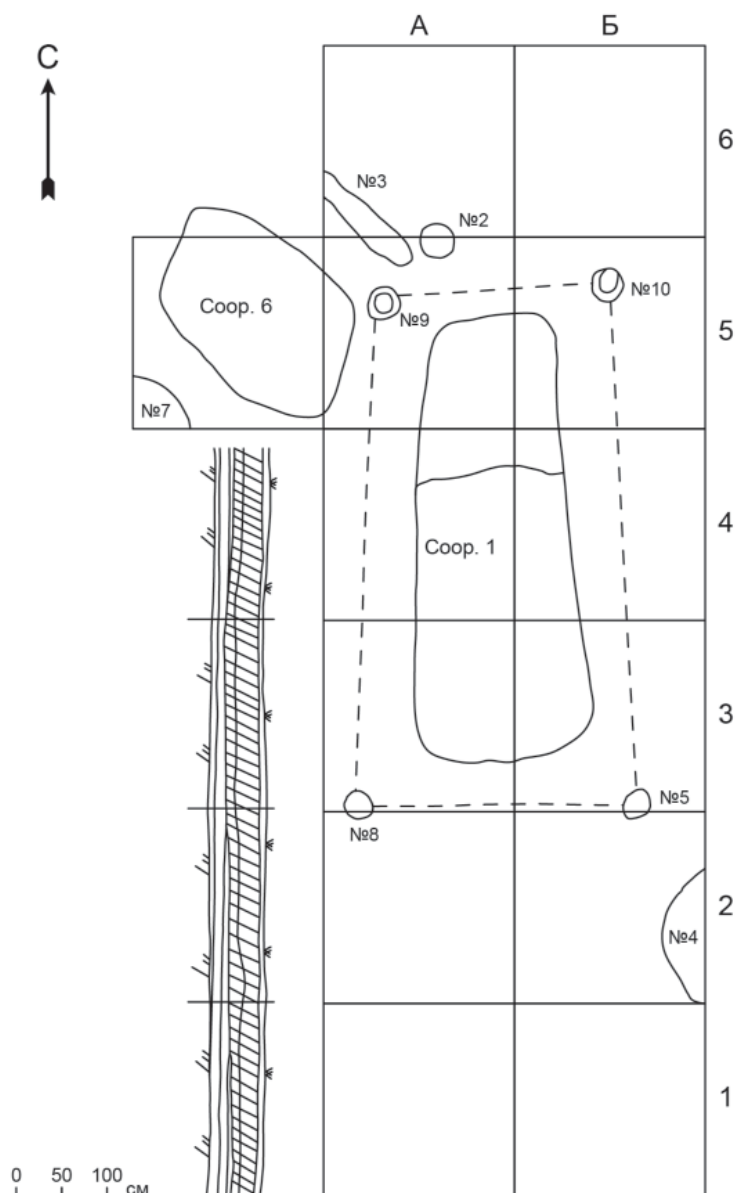

Рис. 18. Чалыньское городище, северный посад. Общий план и профиль стенки раскопа V 1996 г.

хранения угля, необходимого в большом количестве для кузнечного производства.

Чуть дальше находилась еще одна яма (соор. 3), заполненная железным шлаком. К востоку располагалось сооружение 4 размерами 60×160 см и глубиной 30 см, содержащее в своем заполнении всего несколько фрагментов керамики, обломок чугунного котла и кусочек медного шлака.

Всего в раскопе собрано более 200, а в его окрестностях, в поле, – около 150 кусков железного шлака и крицы. Время функционирования этого производственного центра (XV – первая половина XVI вв.) можно определить на основании керамического материала. Из раскопа происходит 119 обломков гончарной керамики, в основном сильно фрагментированных, среди которых имеются образцы, очень близкие находкам из треть-

го («ханского») слоя Казанского кремля – с тонким резным орнаментом и широкой волной.

Остановимся теперь вкратце на результатах исследований Чалыньского I некрополя, проведенных И.Р. Газимзяновым в 1994–1994 гг. (Газимзянов, 2000, с. 216–237).

На территории северного посада (II селища) в настоящее время известно три мусульманских кладбища. Два из них (II и III некрополи) открыты случайно при строительных работах и археологически пока не исследованы. Чалыньский I некрополь расположен на мысовидном выступе между оврагами примерно в 300 м к востоку от городища. Серией раскопов (II, IX–XIII) общей площадью более 260 кв. м были определены примерные границы кладбища. По определению И.Р. Газимзянова, площадь могильника не превы-

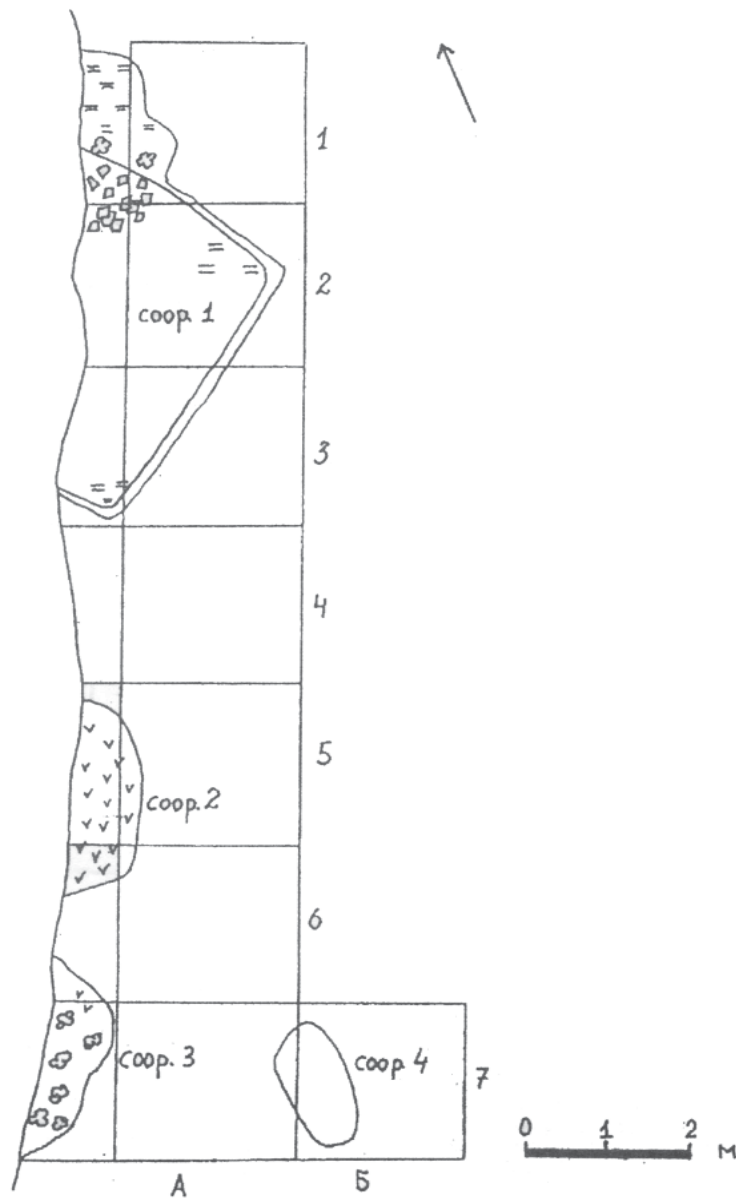

Рис. 19. Общий план раскопа III северного посада

шала 3600 кв. м. Всего было изучено 45 погребений (одно из них парное). Они располагались неровными рядами, вытянутыми по направлению север – юг. В рядах отмечены группы захоронений, скорее всего, членов одной семьи, включающие взрослые и детские погребения.

Могильные ямы по форме простые: в плане подпрямоугольные с закругленными углами (средние размеры 220×70 см), стенки отвесные, дно плоское. Глубина ям, как правило, до 60 см, иногда достигает 100 см. Умершие лежат в деревянных гробах, сколоченных из деревянных досок при помощи железных гвоздей. Погребальный инвентарь отсутствует.

Скелеты умерших залегают вытянуто на спине с небольшим поворотом на правый бок, головой ориентированы в основном на запад (62%), неред-

ко с небольшим отклонением к северу (35%), лицом на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – уложена кистью на таз.

По заключению И.Р. Газимзянова, детали погребального обряда сближают Чаллынский I некрополь с мусульманскими могильниками Волжской Болгарии XIII–XIV вв. (Газимзянов, 2000, с. 219, 221). В то же время исследователем отмечены некоторые отклонения от ортодоксального обряда, например, в виде скопления костей животных в погребении 40. «То, что это остатки мясной погребальной пищи, специально положенной в могилу, не вызывает сомнения» (там же, с. 219). Кроме того, в засыпи могильной ямы № 35 было зафиксировано большое количество угольков и золы. «Создавалось впечатление, что умерший был посыпан остатками сгоревшего по-

гребального костра, так как на всем костяке были видны следы золы и гари... – пишет исследователь. – «Кульг огня» может свидетельствовать о сохранении каких-то реликтовых форм домонотеистических воззрений в погребальной обрядности средневекового чаллынского населения» (Газимзянов, 2000, с. 219).

Не исключено, что прослеженные исследователем элементы языческих традиций и верований указывают на этническую неоднородность жителей Чаллынского городка. Наряду с основным болгаро-татарским населением, принявшим ислам еще в X столетии, в городе проживало значительное число местных поволжско-приуральских финнов, также мусульманизированных, но еще весьма устойчиво сохраняющих свои старые обычаи и обряды. Элементы «культы огня» можно связать, в частности, с древними удмуртами или марийцами, погребальный обряд которых обнаруживает определенные черты близости с вышеописанным (подпрямоугольные с закругленными углами могильные ямы, ровное дно на глубине 60–70 см и отвесные стенки, внутримогильные конструкции в виде колод и гробов, засыпь с включениями угля и золы и т. д.) (Никитина, 2002, с. 64, 65, 87).

К сожалению, нам не известны результаты краниологического анализа черепов из Чаллынского I некрополя и поэтому невозможно подтвердить данное предположение антропологическими данными. Однако весьма показательны результаты изучения керамического материала, содержащего немалую информацию об этнокультурном составе населения Чаллынского городка. Материал этот (более 11 тыс. фрагментов керамики из раскопов 1955, 1983 и 1989 гг.) основательно проанализирован Н.А. Кокориной. XXI группу посуды ее классификации составляют кувшины, горшки, миски и чашки из глины с примесью мелкого песка, иногда с добавками красной дресвы, толченой раковины, известняка (рис. 20). Аналогии некоторым кувшинам этой группы исследовательница нашла среди керамики кыпчаков Нижнего Узбоя XV–XVI вв. (Кокорина, Останина, 2000, с. 111).

В материалах Чаллынского городка выделено около десятка фрагментов от горшковидных сосудов гончарной выделки с примесью в глиняном тесте ракушки, дресвы или шамота. В классификации Т.А. Хлебниковой эта группа керамики получила нумерацию XVI («славяноидная»). Подобная керамика принадлежала древнемарийскому населению (Кокорина, 1994, с. 191–192).

Таким образом, наличие в составе населения Чаллынского городка заметной группы средневековых прикамских финнов не вызывает сомнений.

Алабуга и его округа. Алабуга «ханского» времени включала в себя город на правом берегу

р. Тоймы и знаменитое Елабужское городище с руинированными остатками белокаменной мечети-цитадели и V некрополь (рис. 1).

Алабуга в эпоху позднего Средневековья – следы поселения в исторической части города Елабуги были обнаружены и исследованы А.З. Нигамевым на второй террасе р. Тоймы между речками Шумихой и Грязнухой (рис. 21). На вытянутой с востока на запад площади в пределах 300×100 м в 1997–2003 гг. были проведены раскопки. Поселение XV–XVI вв. располагалось в 2 км от Елабужского городища. В настоящее время средневековые культурные отложения на данной площадке сильно разрушены поздними застройками. «Ханскому» времени соответствует III стратиграфический слой памятника в виде плотной серой супеси с вкраплениями древесного угля и тлена, мощность которого местами доходит до 20 см. Находки представлены единичными металлическими предметами быта и оружием (ножи, кольца от конской упряжи, наконечники стрел и т. п.) и керамикой. Из слоя, в частности, происходит сравнительно небольшое количество красноглиняной гончарной керамики с редким и узким лощением, иногда с волнистым и линейным орнаментом из многорядных тонких линий, имеющей близкие аналогии в материалах из III («ханского») слоя Казанского Кремля. Такая же керамика в незначительном количестве встречается и на территории суворовской школы (район Никольской церкви), где в XVII–XVIII вв. располагался острог воеводы.

Следы поселения «дорусского времени» обнаружены также в 2 км северо-западнее от исторического центра города (ул. Чапаева), где в огородах частных усадеб были собраны фрагменты «казанской» керамики. По преданиям местных жителей, отсюда происходят намогильные камни с текстами на арабской графике. Среди татарского населения данное поселение известно под названием Уразбахты (не путать с с. Уразбахтино (ныне Колосовка), находящееся в 3 км западнее). Из окрестностей Алабуги (с. Танайка) происходит серебряная монета XV в. (рис. 22).

Елабужский V некрополь располагается в 0,5 км к западу от города XV–XVI вв. Во время строительства мемориала Памяти были разрушены несколько погребений. В 1994 г. А.З. Нигамевым на краю террасы р. Тоймы рядом со зданием городской санэпидстанции недалеко от мемориала было изучено мусульманское погребение. Костяк лежал на глубине 60–80 см головой на запад, лицом на кыблу. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой лежит на тазу. Данное погребение несколько отличается от погребений III (золотоордынского) и IV (домонгольского) некрополей Ала-

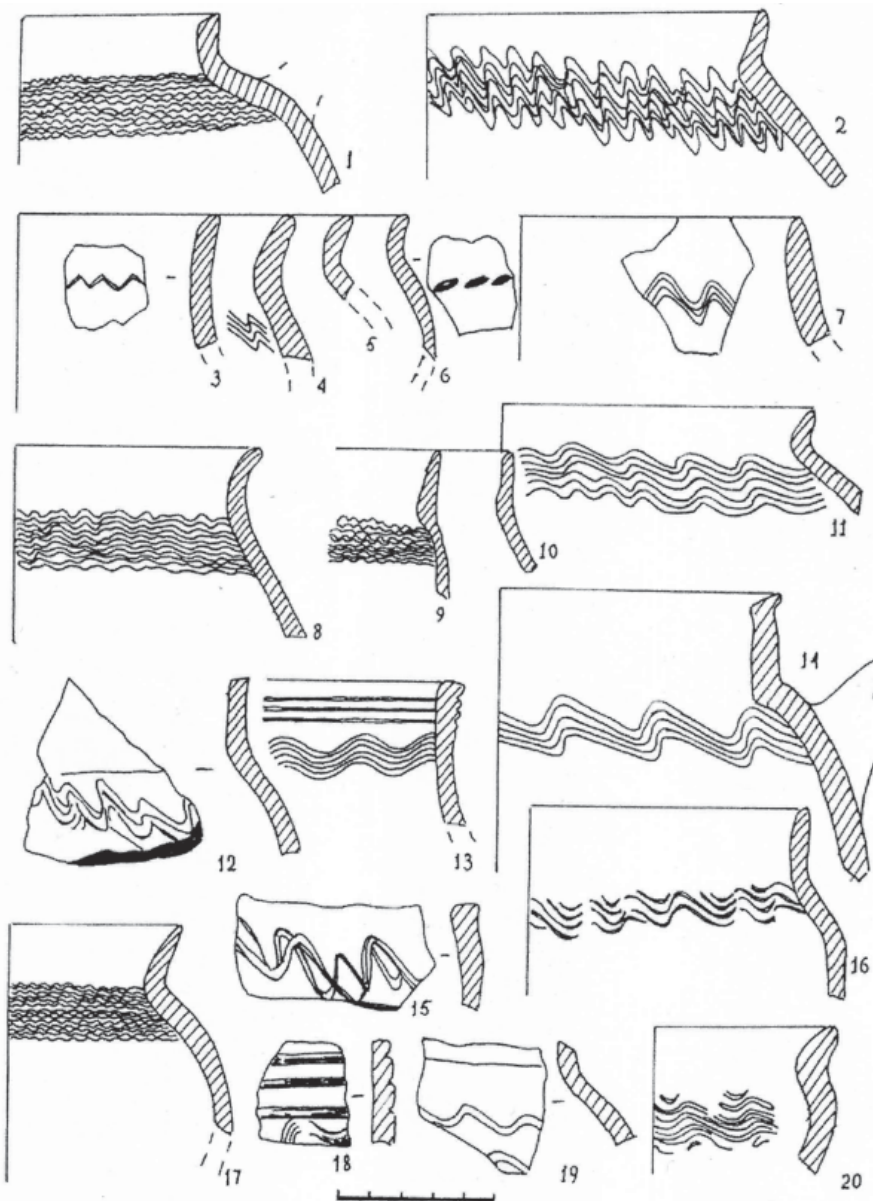

Рис. 20. Традиционная посуда с Чалынского комплекса (по Н.А. Кокориной и Т.И. Останиной)

буги. Отсутствуют сопровождающий инвентарь и остатки древесного тлена. Территория данного могильника отделена от поселения двумя глубокими оврагами, что соответствует сложившимся в позднее Средневековье местным мусульманским традициям.

Елабужское (Чертово) городище занимает северо-восточную половину мыса коренной террасы Камы у устья р. Тоймы, что 2–2,3 км юго-западнее позднесредневековой Алабуги. Площадка городища возвышается над уровнем Камы на 50–64 м (рис. 23). С востока мыс круто обрывается к реке, а с запада ограничивается глубоким (до 40 м) и длинным оврагом. Географические координаты памятника – 55°44'47" с. ш. и 52°01'57" в. д. Высота над уровнем моря 104,8–134,8 м (балтийский уровень). Занятая городищем площадка мыса име-

ет уклон на север. С напольной (юго-западной) стороны городище было укреплено тремя рядами земляных оборонительных конструкции в виде валов и рвов, расположенных друг от друга на расстоянии 90 м. Длина площадки городища 330 м. На уровне внешней линии обороны ее ширина 120 м, которая постепенно сужается до 45–50 м. Общая площадь памятника в настоящее время 3,2 га.

На углу небольшого изгиба восточного склона мыса стоит белокаменное сооружение с частично уцелевшей и отреставрированной в 1867 г. башней (рис. 24). Данная домонгольская конструкция размерами 21×21 м имела четыре башни по углам и четыре полубашни-контрфорса. Построенное как мечеть – караван-сарай, это сооружение в золотоордынский и «ханский» периоды выполняло

Рис. 21. Историческая часть города Алабуги

функции ханаке-рибата, т. е. было обиталищем суфиев (Нигамаев, 2005, с. 26).

Прилегающие к мечети-цитадели территории в XVII в. были заняты христианским кладбищем (Елабужский I некрополь). После закрытия Троицкого монастыря значительная часть площадки городища распаивалась. С 1933 по 1962 гг. здесь велись работы по добыче бутового камня. В связи с этим первая и вторая линии валов, а также центральная часть площадки городища сильно разрушены и сохранились фрагментарно. С 1993 г. на белокаменном сооружении и разрушенных территориях ведутся реставрационно-реконструкционные работы.

Городище и остатки каменного сооружения неоднократно описывались в литературе. В культурном слое городища исследователи выделяли отложения ананьинского (VII–V вв. до н. э.), пьаноборско-мазунинского (III в. до н. э. – V в. н. э.),

именьковского (IV–VII вв.), домонгольско-болгарского (X – начало XIII вв.), болгаро-татарского (XIII–XVI вв.), русского (XVII–XVIII вв.) времени. Стратиграфически выделить слой «ханского» времени на памятнике не удалось. А.Х. Халиков в ходе исследования руинированных остатков мечети-цитадели указывал на присутствие углистой прослойки мощностью 5–10 см, подстилаемой серой плотной супесью с щебенистыми включениями 15–20 см толщиной. На некоторых участках она лежит на кладке из известняковых плит и блоков – остатков пола или стен здания. Серую супесь исследователь определил как болгарско-казанский слой и связывал его со временем строительства и функционирования здания, т. е. XII – серединой XVI вв. Настилающую его углистую прослойку А.Х. Халиков увязывал с событиями середины XVI в. (Халиков, 1994, л. 5). Красноглиняная керамика с многорядными тонкими резными линиями, датируемая «ханским» временем, встречается в небольшом количестве в каждом раскопе и разных частях городища. Это в основном фрагменты кувшинов высоких форм, хотя присутствуют и обломки горшков и мисок.

В татарских произведениях Алабуге XV–XVI вв. придается весьма важное значение. Хотя еще с золотоордынского времени само городище потеряло всякое военно-политическое значение и осталось лишь как религиозно-культурная святыня («Ак мечеть»), весьма почитаемая в округе. Среди местного населения бытовали легенды, связываю-

Рис. 22. Серебряная монета XV в. из окрестностей Алабуги

Рис. 23. Общий вид городища Алабуги. Рисунок И.И. Шишкина. 1855 г.

щие городище с одним из тотемов болгар – змеем или драконом (Барадж, Зилант), который, по поверьям, защищал город и его жителей. Еще задолго до падения Казани русским это место было известно как бесовское (дракон – бес – черт) городище (рис. 23).

Население и военно-политическая администрация проживали в самом городе. В народных преданиях, легендах и некоторых исторических сочинениях сохранились имена правителей Алабуги этого времени: Сугун (первая половина XV в.), Ислам (середина XV в.), Сауган (середина XVI в.). Примечательно, что в этот период местные правители почетно именовались ханами, что показывает их высокую владетельность и определенную самостоятельность.

В эпоху Казанского ханства численность булгаро-татарских селений заметно возрастает. В пределах нынешнего Елабужского района источники упоминают селения Беклек (Танайка), Султани (Мальцево), Сарали (Бехтерево), Морты, Умяк, Мурзалы (Мурзиха), Шурняк, Казыли. Сюда следует также отнести около десятка селений, известных на территории соседних Менделеевского и Агрызского районов. В административно-территориальном отношении Алабужский улус (бейлик) входил в состав в Чувашской даруги, границы которой доходили на востоке до р. Ахтиалки

(Менделеевский р-н). Более восточные казанские земли вплоть до Камы с немногочисленным населением вокруг с. Терси, Каракулино относились к Арской даруге. При этом окрестные земли вокруг Алабуги являлись доменными владениями казанского хана. Вероятнее всего, это было обусловлено стратегической важностью переправы через Каму.

Автор «Казанской истории», рассказывая о событиях, предшествующих завоеванию Казанского ханства, писал: «Бе не в коем улусе казанском мал градец пуст, на березе высоци Камы реки стоя, его же Русь именует бесовское градище... В нем живяше бес, мечты творя от много лет. И то бе еще старых болгар молбище жертвенное. И схожахуся ту людие мнози со всея земля Казанския, варвари и черемиса, и мужи и жены... Бес же аки овех от недуг исцеляше, овех нерадением минующих его, умаряше, не помянувших ему ничто же и плавающих рекою опроверзаше ладья и потопляше в реце ...И посла тогда царь самого сита казанского, вопрошати, аще одолеет Казань московский царь князь великий, ихи казанцы ему одолеют, и до 10 дней павше на землю кляцаху и моляхуся ерея бесовския, не востающе от места и мало ядуше, да не умрут згладу. Минув 10 дней, в полудни отозвося глас от беса в мечети... И по мале часе явися дым черн, велик, извнутри градца, из мечети, на воздех идя смрад зол...» (Казанская

Рис. 24. Белокаменная башня на городище Алабуги

история, 1954, с. 91, 92). В некоторых списках этого произведения делаются уточнения, такие как: «в некоем улусе Казанском градец мал» или «бесовское городище» расположено «на высокой горе близ городка Елабуги» (История о Казанском царстве, 1791, с. 127; ПСРЛ, XIX, 1903, с.67, 317). Неплохо информированный автор данного сочинения связывает гибель мечети (ханакэ-рибата) с событиями 1551 г. Из него можно сделать вывод, что здесь жил весьма почитаемый суфийский прорицатель (аулия), услугами которого пользовались и казанские ханы. Археологические исследования 1993 г. подтверждают гибель белокаменного здания в результате страшного пожара, когда во внутрь конструкции обрушилась западная стена.

Сам город был взят в ходе последующих событий 1554 г., о которых сообщает «Львовская летопись»: «А война их была от Казани и по Каме..., от Казани вверх по Каме пол 300 версту, а от Волги к Вятке поперег 200 верст... Той же весны на Вятку послал государь Данила Федорова сына Адашева, а с ним детей боярских, да велел ему с Вятки с вятчаны и с теми детьми боярскими прийти в Каму и стояти по Каме и по Вятке реке и искати над ызменники... И Данило с вятчане стоял по Каме, и по Вятке, и по Волге и побывал на перевозе во многих местах казанских и нагайских людей, а живых в Казань к воеводам прислал во

все лето 240 человек» (Львовская летопись, с. 269, 270). Так закончилась история Алабуги как одного из центров Казанского ханства.

Лаеш (Лаишево) – в настоящее время районный центр Республики Татарстан, расположенный на правом высоком берегу Камы. Официальное время основания города – 1557 г. Однако по некоторым источникам известно, что он существовал еще в период Казанского ханства (Фахрутдинов, 1975, с. 82; Чернышев, 1971, с. 277), и это частично подтверждается археологическими материалами (Старостин, Казаков, 1992, с. 132).

О том, что вышеприведенную дату – год основания русской крепости в 1557 г. – нельзя принять в качестве даты основания современного города Лаишева, свидетельствуют сведения Никоновской летописи, согласно которой русская крепость была поставлена «на Каме, в Лаишеве» (ПСРЛ, XIII, с. 281), т. е. на месте уже существующего болгаро-татарского поселения.

Остатки крупного болгаро-татарского поселения, на основе которого позднее вырос татарский город Лаеш, следует искать на месте хорошо известного в археологической литературе Лаишевского селища в урочище «Чакма» на окраине современного поселка.

Начиная с 1960-х годов на этом памятнике производились археологические разведки и неболь-

Рис. 25. Остатки белокаменной мечети и башня (минарет) на городище Алабуги

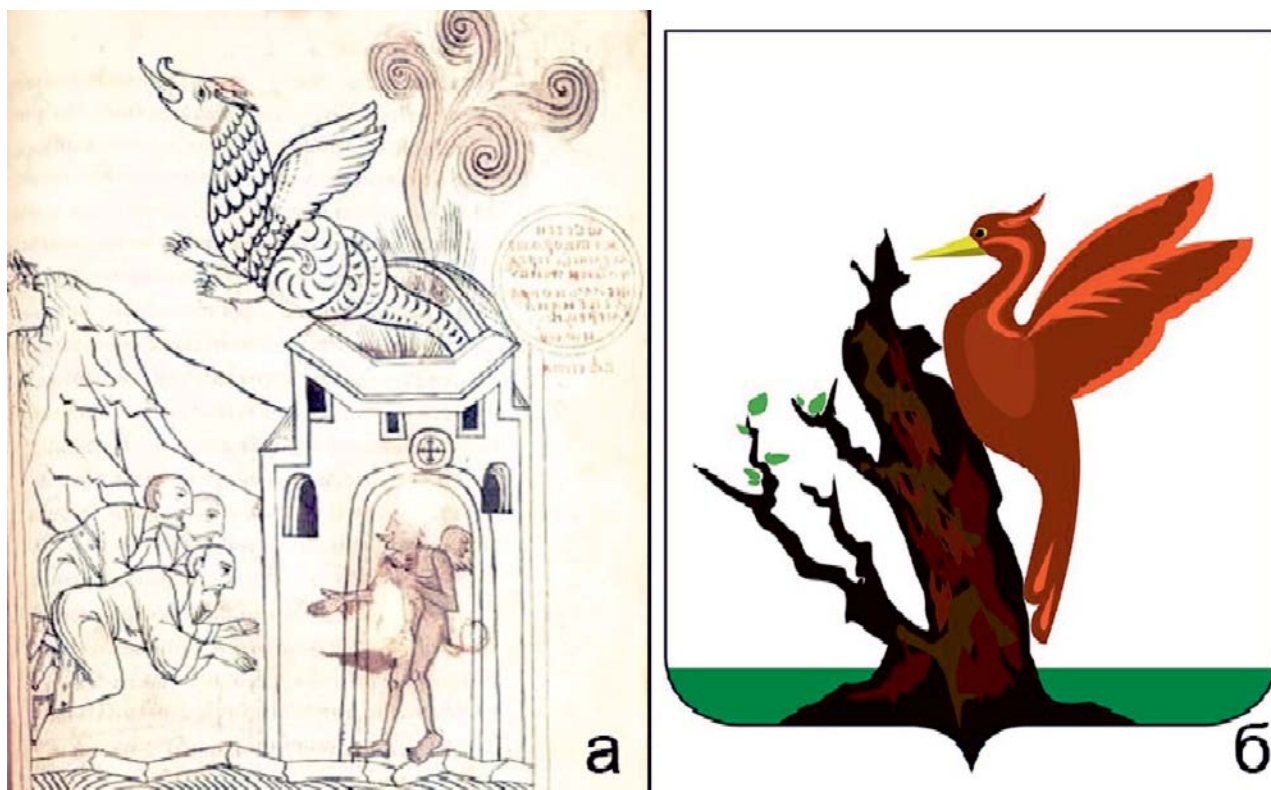

Рис. 26. Иллюстрация из книги “Казанская история” (а) и герб Алабуги (б)

шие раскопки охранно-спасательного характера. Установлено, что Лаишевское «селище» было не просто рядовым поселением, а ремесленным и торговым центром большой округи. Здесь обнаружены остатки металлургии железа и кузнечного производства. Представляют интерес предметы торговли: обломки дирхемов X в., железные гири-разновесы, медные чашечки от весов. Перечисленные вещи наряду с некоторыми другими находками (напр., бронзовой подвеской раннего типа) свидетельствуют об освоении болгарами данной территории по крайней мере с конца IX – начала X в. Лаишевское поселение является звеном в цепи торгово-ремесленных поселений по Великому Волжскому и Камскому торговому пути (Старостин, Казаков, 1992).

Накопленный археологами материал, среди которого десятки серебряных и медных монет, дает основание говорить о расцвете Лаишевского поселения в эпоху Золотой Орды. По мнению исследователя К.А. Руденко, оно существовало до начала XV в. (Руденко, 1999, с. 76). Последнее утверждение не окончательное; имеются факты, свидетельствующие о существовании поселения и в период Казанского ханства. И в этот период Лаеш являлся достаточно крупным поселением, скорее всего укрепленным. Рядом находилась знаменитая Лаишевская переправа через Каму, соединявшая центр ханства с Ногайской Ордой. Есть сведения о проникновении ногайцев в закамские земли. Границы между Казанским ханством и Ногайской ордой были «прозрачными», т. е. точно не определенными, и это способствовало переселению на Лаишевскую сторону тюрко-татар, в том числе и ногайцев, из Закамья. Они основали здесь новые населенные пункты. По сведениям историков, в период ханства на Лаишевской стороне татарских деревень было даже больше, чем в настоящее время.

После завоевания Казанского ханства русские крепости и другие населенные пункты возникали, как правило, на месте прежних татарских городов, сел и деревень. Эта участь постигла и болгаро-татарский город Лаеш. В 1557 г., как уже указывалось выше, на месте разрушенного татарского города была построена военная крепость: «... Того же году [1557] апреля писал из Казани князь Петр Иванович Шуйский: велел Арским и побережным татарам поставить на Каме город в Лаешове и князь Петр в нем устроил новокрещинов да стрельцов, а у них головы детей боярских, для Ногайских людей приходу, а новокрещеным велел тут пашню пахоти, и у города Казани и по пустым селом всем велел пашни пахоти Руским людям и новокрещеном» (ПСРЛ, XIII, с. 281). При строительстве крепости применялся принудительный

труд татарского населения, как об этом сообщают предания, сохранившиеся в памяти народа.

К сожалению, данный памятник, лежащий у истоков современного Лаишева, до сих пор остается недостаточно исследованным археологически.

Болгар был разрушен и разграблен русскими войсками под предводительством Федора Пестрого в 1431 г. После этого он перестал играть роль административно-политического, экономического и культурного центра Болгарского улуса Золотой Орды. Население из его округи постепенно перемещается на север, на предкамские земли, в частности в бассейн Казанки. Несмотря на это, в городе теплилась жизнь и в период Казанского ханства. После того как Казань приобрела все атрибуты столицы ханства, Болгар начинает играть роль религиозного и духовного центра.

В культурных отложениях центральной части Болгара выявлен слой III периода ханства мощностью 10–20–30 см (Смирнов, 1958, с. 310; Хлебникова, 1978, с. 223–228).

Вещевой материал III слоя представлен в основном небольшим количеством керамики и костями животных. По мнению А.П. Смирнова, незначительное количество найденных артефактов в слое свидетельствует о том, что в данный период территория городища была слабо заселена (Смирнов, 1951, с. 178).

Фрагменты обнаруженной гончарной посуды из слоя представлены в основном плотным черепком и хорошо отмученным тестом. По мнению Т.А. Хлебниковой, позднюю посуду обжигали при высоких температурах, поэтому черепки получались более плотные. Цвет черепков тоже разнообразный и варьируется от красного и желто-красного, желтого, бурого, серого и черного. Что касается формы сосудов, то они также разнотипны: это кувшины, кумганы, корчаги и корчажки, блюда, миски, горшки и крышки (Хлебникова, 1978, с. 224–225). Керамика этого слоя характеризуется признаками, присущими посуде золотоордынского времени и более позднего периода, и имеет определенные черты различия. Особенно это заметно в отсутствии лощения. Найденная посуда имеет линейный орнамент (многорядные тонкие резные линии), который сочетается с гребенчатым и мелкозубчатым штампом. Некоторые фрагменты представлены орнаментом в виде округлых ямочных вдавлений. Часть керамики в слое представлена фрагментами кухонных горшков с примесью шамота и песка с неровной (грубой) поверхностью. Цвет посуды имеют в основном красновато-желтый, серый, бурый, желтые оттенки. Такая посуда встречается еще в верхних горизонтах IV слоя, которая увязывается с концом золотоордынской эпохи. По мнению Т.А. Хлеб-

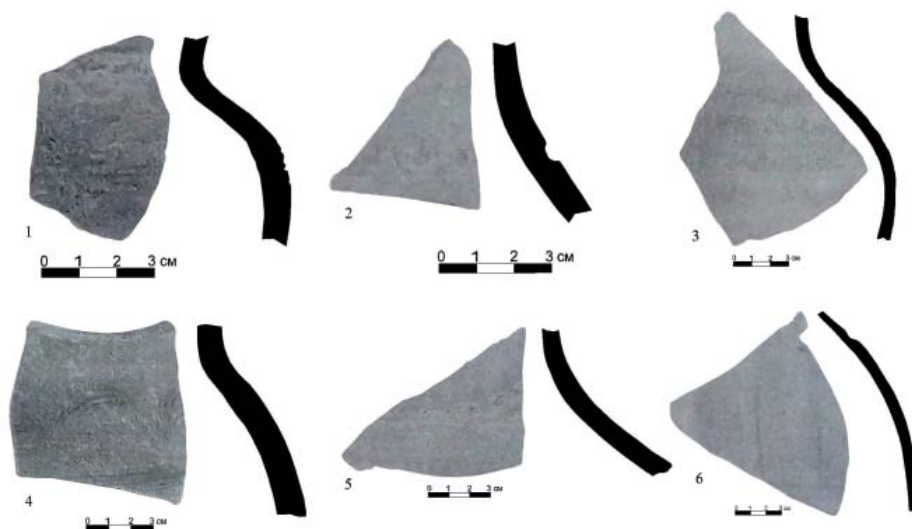

Рис. 27. Фрагменты гончарных сосудов XV–XVI вв. из III слоя Болгарского городища (по материалам Т.А. Хлебниковой)

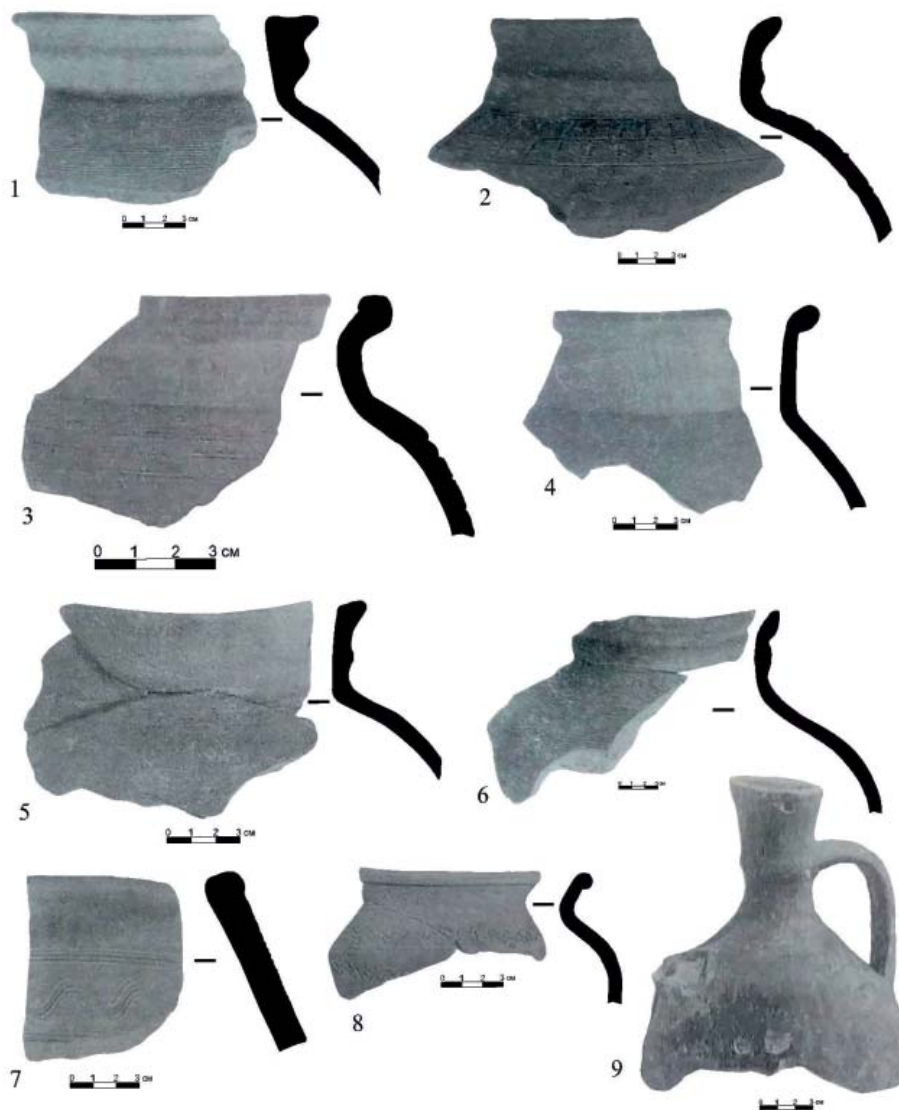

Рис. 28. Фрагменты стенок гончарных сосудов XV–XVI вв. из III слоя Болгарского городища (по материалам Т.А. Хлебниковой)

никовой, типологически данная керамика близка к керамике типа «джукетау» (Хлебникова, 1978, с. 224–225).

Качество продукции гончаров периода Казанского ханства в целом ухудшается по сравнению с золотоордынским периодом. Это отражается как в форме посуды, орнаментации, так и в технологии изготовления. В болгарской керамике III слоя заметно преобладание керамики коричневого и бурого цветов плохого некачественного обжига. Но основная масса керамики составляет желтая и красно-желтая посуда. Хлебникова отмечает еще и присутствие именно в III слое черной задымленной посуды. В целом же керамика III слоя Болгарского городища аналогична посуде ханского слоя Казани XV–XVI вв.

Постоянных жителей в городе было мало. Полуразрушенный город становится в ханское время местом сбора и обитания мусульманских странников, паломников, сторожей могил и пр.

Биляр тоже не исчез бесследно. Он, как помним, был полностью разрушен во время монголо-татарского похода 1236 г. и перенесен на новое место в 3 км к северу от сожженного города. Золотоордынский Биляр на левом берегу Малого Черемшана (Билярское III селище) существовал, судя по самой поздней монете билярской чеканки, до начала XV в. (Сингатулина, 2003).

О проживании населения в XV в. и позднее говорят и другие источники. На горе Балынгуз были установлены надгробные камни на кладбище XIV–XV вв., там же археологами зафиксированы развалины белокаменных мавзолеев, часть которых относится к ханскому времени. Одна из могил, по преданиям, принадлежала мусульманскому святому Магълум-ходже (Маалум-хужа ~ Баалум-гузя ~ Балынгуз), умершему в годы правления казанского хана Сафа-Гирея. В татарской челобитной русскому царю, составленной в 1677 г., говорится, что, когда умер Балын-гузя, Сафа-Гирей велел построить над его могилой на святой билярской земле «полату» (усыпальницу), а сторожить ее оставил людей, выделив им пашенную землю и вотчины поблизости кладбища.

В последние годы археологи Казанского федерального университета под руководством С.И. Валиулиной проводили раскопки на Торецком поселении, расположенном через овраг к западу от Балынгуза. По их данным, основанным на огромном количестве первоклассных находок, в том числе и нумизматических, поселение это существовало в конце XIV – первой половине XV в. и было разрушено, предположительно, кочевыми ногайцами. Однако жизнь здесь продолжалась, похоже, и в период ханства.

ГЛАВА 6

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Ремесло и ремесленная продукция. Немаловажное место в хозяйственной жизни населения ханской Казани и других городских поселений ханства занимало ремесленное производство. В городах жили металлурги, кузнецы, оружейники, гончары, ювелиры, плотники, каменщики, кожевники, сапожники, представители других профессий.

Уровень развития металлургического производства является одним из важных показателей состояния производительных сил различных обществ. Судя по скудным данным, металлургическое производство города Казани было сосредоточено в посаде. Горны для выплавки черного и цветного металла располагались, как правило, ближе к водным источникам. Действительно, примерно в 200 м к востоку от ранних городских укреплений, на левом берегу Казанки выявлено скопление шлака и древесного угля, указывающее, по всей вероятности, на следы производства железа на этом месте. Следы ремесленного производства были выявлены также в ходе исследований у Северо-Восточной башни Кремля. Здесь П.Н. Старостиным обнаружены остатки металлургического производства эпохи Казанского ханства. Были изучены деревянные постройки с кирпичными печами и горн. Последний имеет круглую в плане форму диаметром около 1 м с сужением в верхней части. Стенки толщиной 15 см выложены из кирпича. В кладке кирпич скреплен глиняным раствором, а с внутренней стороны покрыт огнеупором. С южной стороны к нему примыкала предгорновая яма диаметром до 1,2 м. В заполнении найдено большое количество обломков кирпича, кусков медного шлака, слитки металла. По мнению исследователя, выявленный комплекс объектов представляет собой остатки медеплавильных мастерских (Старостин, 2001, с. 29).

Присутствие ремесленного производства, связанного с обработкой металла, хорошо фиксируется и в укрепленной части города. Об этом свидетельствуют найденные в Тезицком рву остатки оплавленных огнеупоров, связанных с высокотемпературным производством. Сооружение 5 раскопа 1 1975 г. было определено как остатки подполья кузницы (Халиков, Шавахин, 1996, с.

338). В северной части Кремля (раскоп 1 1974 г.) был расчищен также развал мастерской медника в виде срубной постройки подквадратной в плане формы (300×305 см), в заполнении которой встречались капли и слитки меди, глиняная льячка для разлива металла (Халиков, Шавахин, 1996, с. 343–344).

Следует заметить, что статус средневековой Казани как военной крепости и торгового центра на Волге наложил отпечаток и на характер ремесленного производства. По мере развития города, сопровождавшегося не только повышением его роли и значения в системе государственного управления, усложнением связей с сельскохозяйственной округой, но и заметным увеличением трудоспособного населения, возникала необходимость расширения ремесленного производства, прежде всего таких его отраслей, которые учитывали бы специфику, функциональное назначение нового поселения на Волге.

Оборонительные функции города требовали налаживания производства оружия. Удалось создать необходимые для него условия в виде металлургии железа и работающих на ее базе кузнечных мастерских. Эти мастерские активно работали на всех этапах истории средневекового города. Не случайно в археологических материалах достаточно полно представлена именно продукция кузнечного производства, в частности предметы вооружения. В 1552 г., когда казанцы оборонялись на стенах города, то они «ис пушек своих и ис пищалей и ис луков стреляху» (ПСРЛ. Т. XIII, 1965а, с. 206). В раскопках встречались детали ручного огнестрельного оружия типа пищали (Халиков, Шавахин, 1996, с. 342). Но основную часть оружия дальнего боя составляют наконечники стрел.

Топография размещения наконечников стрел на территории Казани иллюстрирует их концентрацию в северной оконечности памятника. Насыщенность культурных напластований Кремля объясняется не только большим количеством раскопов на этой территории, но и ее богатой военной историей. Проанализировано 65 железных наконечников стрел. Все они укладываются в промежутки X–XVI вв. Наиболее многочисленны наконечники XIV–XVI вв. Они аналогичны широко

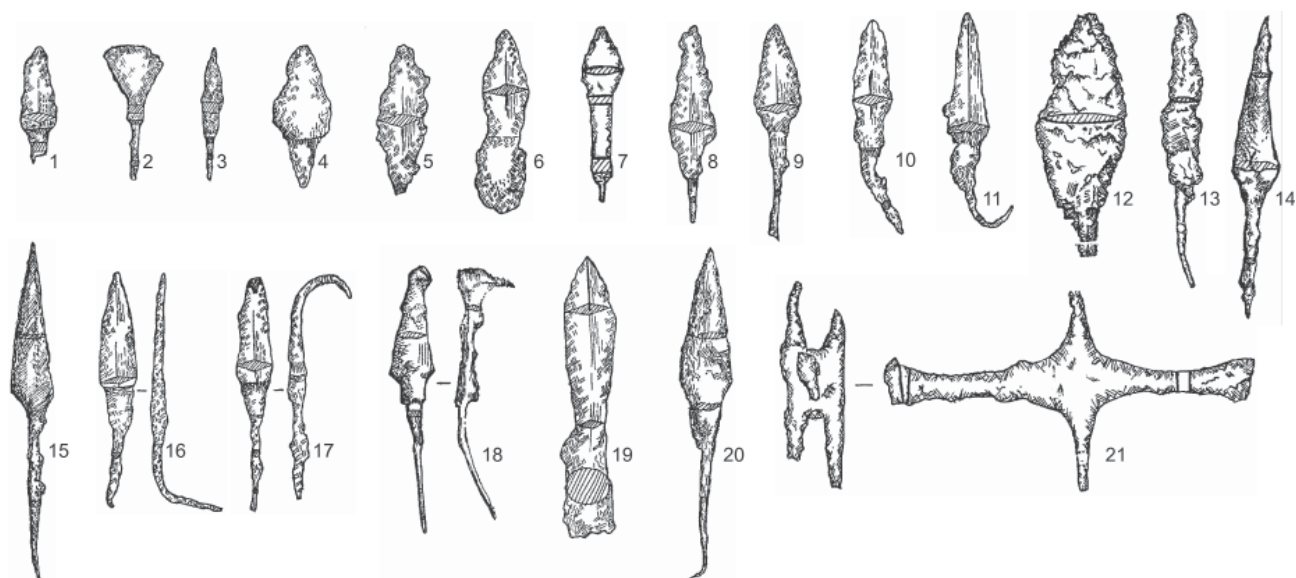

Рис. 1. Железные наконечники стрел (1–18, 20); арбалетный наконечник стрелы (19); перекрестие сабли (21)

распространенным типам наконечников Восточной Европы и Волго-Камья, и более всего Волжской Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды (Руденко, 2003; 2010).

Все они черешковые плоские и граненые (бронбойные). В слое Казанского ханства обнаружено более двух десятков железных наконечников стрел (рис. 1). Особенно их много в прослойке пожара 1552 г. По своим формам они очень близки к типам, распространенным в XII–XIV вв. В числе находок имеются также арбалетный наконечник стрелы, происходящий из слоя пожара 1552 г. (рис. 1: 19).

Из предметов вооружения ближнего боя отметим перекрестие сабли (тип III по Кирпичникову) (Кирпичников, 1966, с.71), которое по аналогиям из древностей Болгара и древнерусских памятников датируется XIII–XV вв. (рис. 1: 21).

Детали конского снаряжения представлены серией железных предметов с широкой датой XI–XVI вв.: одношипные подковы (рис. 2: 4), петли, двукольчатые удила, гвозди от подков, стремяна (рис. 3: 2) и пр., встречающиеся на многих болгарских памятниках.

В средневековом слое Казани встречаются многочисленные бытовые предметы местного ремес-

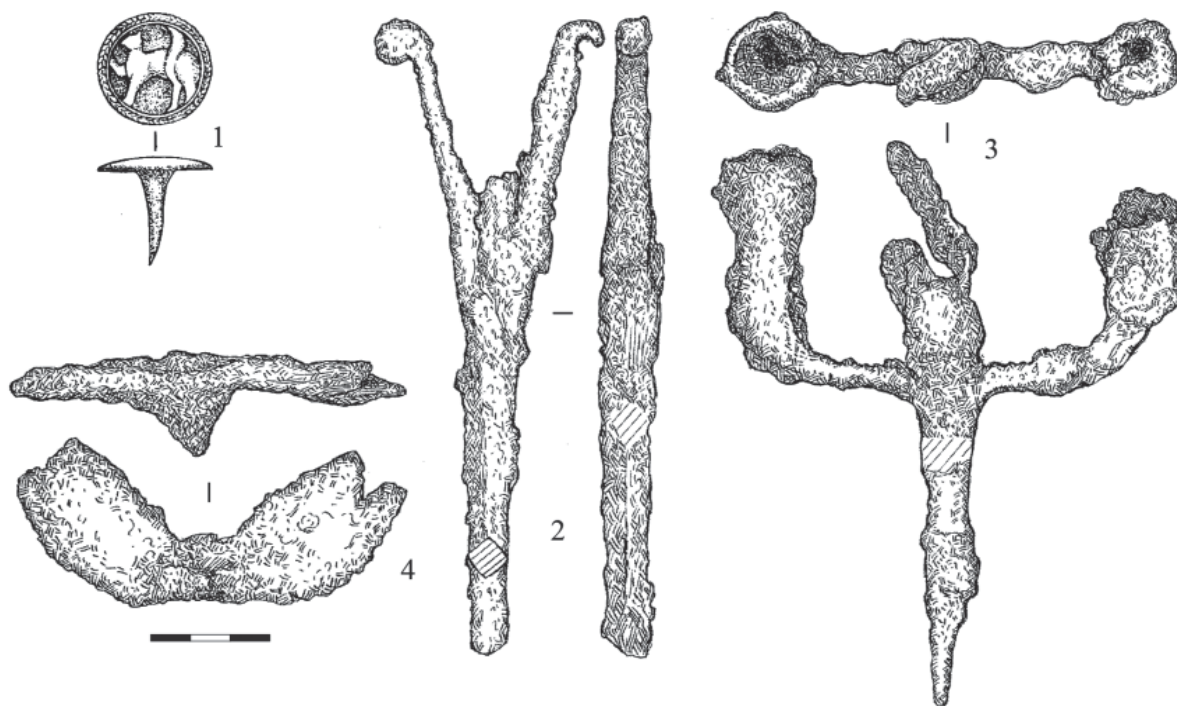

Рис. 2. Гвоздь с изображением крылатого барса на шляпке (1); железные светцы (2, 3); железная подкова (4)

Рис. 3. Казанский кремль. Железные изделия из раскопа IX.

1 – наконечник стрелы; 2 – стреля; 3–5 – подсвечник; 6–8 – гвозди; 9–11 – пробой; 12 – обломок зеркала; 13 – трепалка (?); 14 – рыболовный крючок; 15–18 – ножи; 19 – обломок пилы; 20–21 – топоры

ленного производства. Эти изделия, связанные с повседневной жизнью горожан и хозяйственной жизнью, не имеют узкой хронологической даты. В стандартных формах их изготавливали длительное время.

Многочисленными находками из железа являются скобяные изделия (рис. 3) и орудия по обработке дерева (долота, пилы) (рис. 3: 19). Кроме вышеперечисленной массовой продукции изготавливались специализированные изделия, например, железные рыболовные крючки (Савченко, 1996, с. 19–21) (рис. 4: 21; 5: 14). Они встречаются двух типов. Тип А – одноконечные *крючки* без

петли для крепления лески и тип Б – четырехконечный в виде «якоря». К изделиям, связанным со спецификой деятельности, также принадлежат также сельскохозяйственные орудия (серпы, косы, резаки, трепалки для льна) (рис. 4: 18–20; 5: 16; 6: 2, 3) и предметы быта (ножницы, цепи, шилья, косари) (рис. 4: 12; 5: 7, 15; 8: 14, 15). К железным изделиям универсального назначения относятся семь топоров (рис. 3: 20, 21; 7: 18). Большая часть этих находок имеет широкий диапазон бытования.

В культурных слоях Казанского кремля найдено большое число обломков *чугунных котлов*, которые появляются еще в золотоордынское вре-

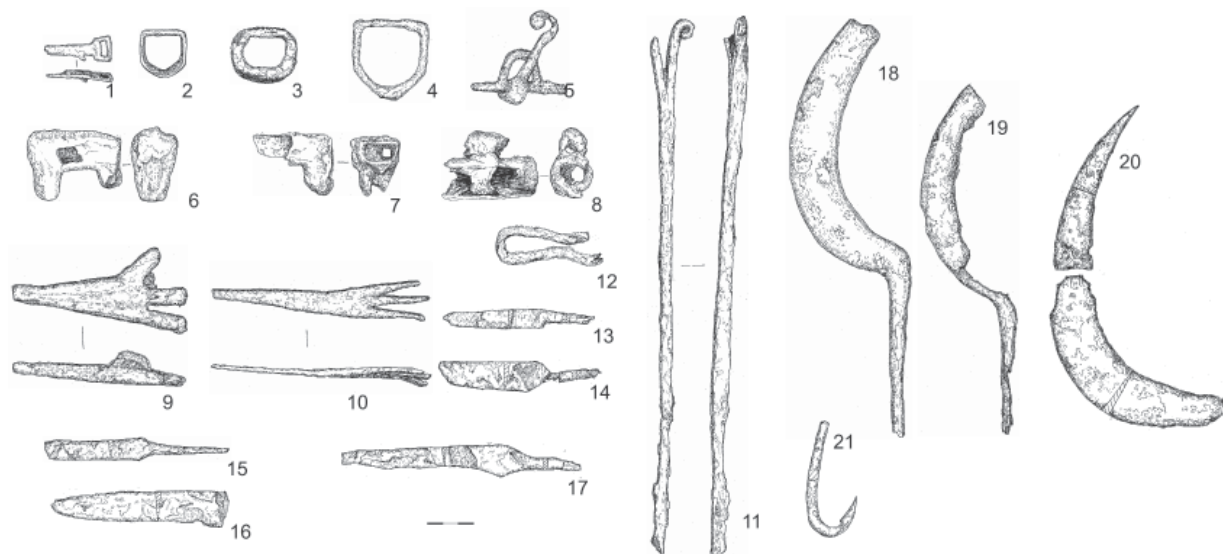

Рис. 4. Казанский кремль. Раскоп XLIX. Изделия из железа. 1 – накладка; 2–4 – пряжки; 5 – ременная петля; 6–8 – обломки замков; 9–11 – светцы; 12 – звено цепи; 13–17 – ножи; 18–20 – серпы; 21 – рыболовный крючок

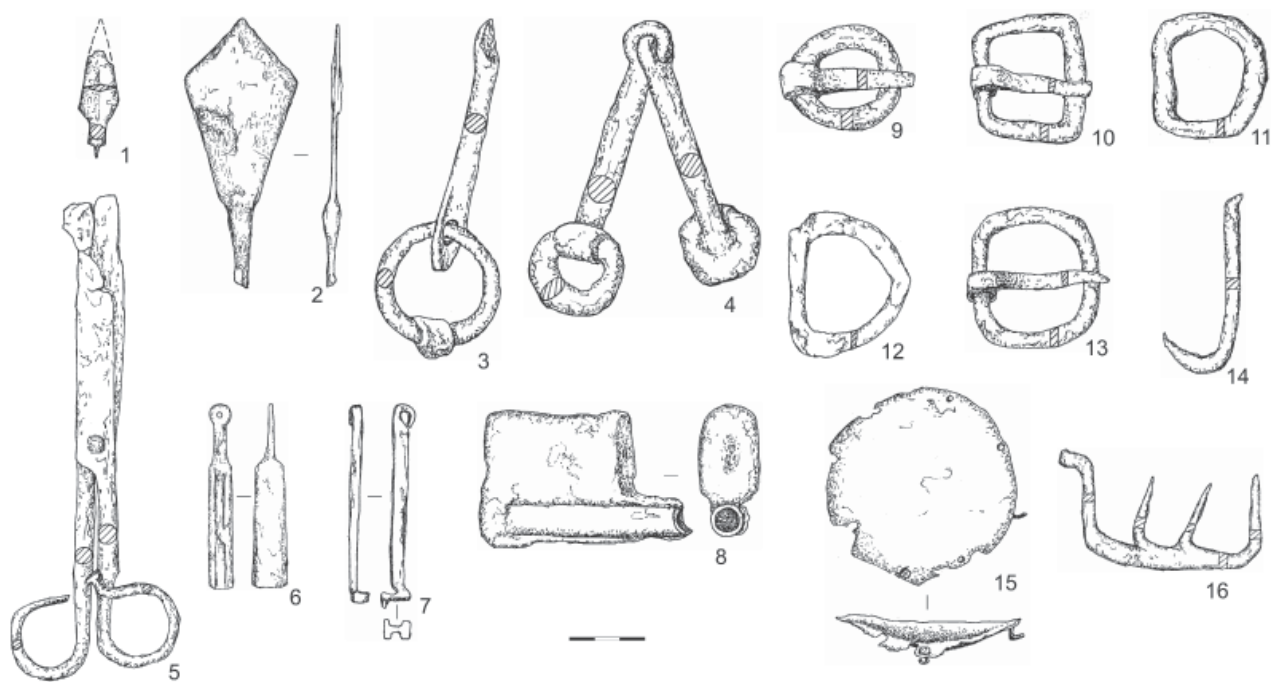

Рис. 5. Казанский кремль. Раскоп XLIX. Изделия из металла.

1, 2 – наконечники стрел; 3, 4 – удила; 5 – ножницы; 6, 7 – ключи; 8 – обломок медного замка; 9–13 – пряжки; 14 – рыболовный крючок; 15 – накладка; 16 – трепалка

мя. Всего в Кремле было зафиксировано около 50 обломков чугунных котлов. Большинство котлов имеет ряд общих параметров: толщина стенок составляет от 4 до 6 мм на всех экземплярах (на которых сохранились ручки), за исключением одного; имеются полчкообразные ручки, однако объем котлов разный. Технология производства чугунных котлов связана, вероятно, с традиционным литьем в двух полуформах – верхней и нижней.

В основу систематизации были положены признаки (форма венчика, форма тулова, форма ручек), разработанные в работах С.В. Рязанова (1997) и К.А. Руденко (2000б, с. 38–40; 2006).

По форме венчика котлы подразделяются на: 1) вертикальный прямой венчик, выдвинутый вперед, с округлым плечиком; наибольшее расширение тулова в средней части (8 экз.). Подобные экземпляры были найдены в Болгарском горо-

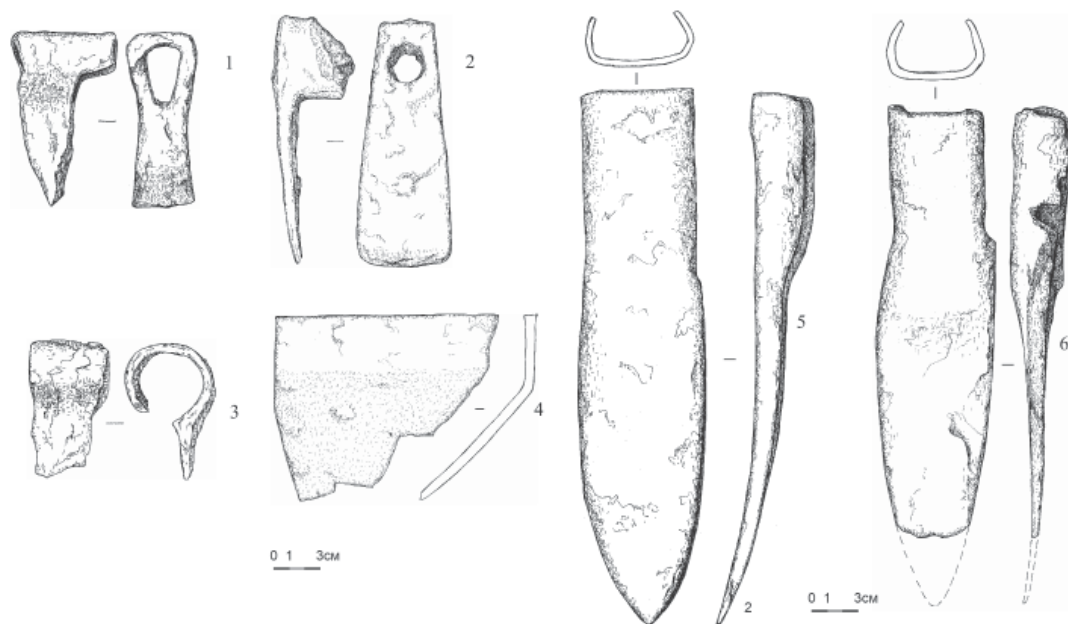

Рис. 6. Казанский кремль. Раскоп XLIX. Изделия из железа.

1, 2 – тесла, 3 – обух топора; 4 – обломок котла; 5–6 – лемехи

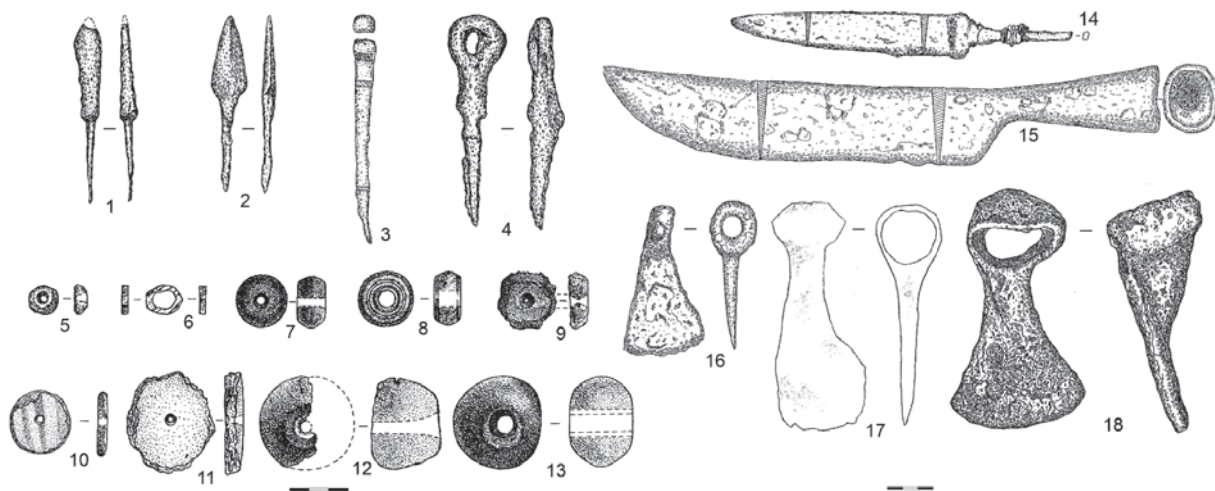

Рис. 7. Казанский кремль. Раскоп VI. Индивидуальные находки.

1, 2 – железный наконечник стрелы; 3 – обломок железной скобы; 4 – железный пробой с петлей; 5 – кашинная бусина с голубой поливой; 6 – костяная вставка рукояти ножа; 7 – костяная шашечка; 8–9 – глиняное пряслице; 10 – глиняное ложило; 11 – заготовка глиняного ложила из стенки гончарного сосуда; 12 – обломок грузила; 13 – грузило; 14 – железный нож; 15 – секач; 16–18 – топоры

дище, Донауровском III селище (Руденко, 2000б, с. 38); 2) S-образный венчик с небольшим скосом внутрь и выступом наружу (7 экз.). Венчики похожей формы встречаются на котлах, найденных в Болгарском городище и на острове Восточном (Руденко, 2000б, с. 38); 3) венчик со скосом вовнутрь, тулово цилиндрическое, составляющее 2/3 от общей высоты (9 экз.) Похожие экземпляры встречаются также на острове Восточном и селище Песчаный остров (Руденко, 2000б, с. 38–40).

По форме тулова выделяют: 1) котлы цилиндрические (9 экз.) без шейки; тулово составляет 1/2 от общей высоты сосуда, фиксируется четкий переход от тулова к донцу сосуда. Такая же форма котлов найдена в селище Дамба, на острове Восточном, Семеновском V селище, Болгарском городище (Руденко, 2000б, с. 38); 2) котлы с полусферическим туловом (15 экз.): венчик прямой,

плечико округлое. Подобная форма котлов встречается в Болгарском городище, Донауровском III селище.

Форма ручек котлов: 1) полочкообразные (8 экз.): ручки находятся у основания венчика, предназначены для использования и фиксации в печном устройстве с помощью специальной формы; встречены на селищах Дамба, Песчаный остров, Разбойничий остров и Болгарском городище (Руденко, 2000б, с. 38); 2) крючкообразные (1 экз.): ручки в виде крючков в нижней части и скобочек от венчика к плечикам. Срез венчика скошен внутрь (Руденко, 2000б, с. 38).

Следует заметить, что все котлы, вернее их фрагменты, найденные в II и III слоях Казанского кремля и датирующиеся второй половиной XV – первой половиной XVI в., являются свидетельством проникновения восточных и юго-вос-

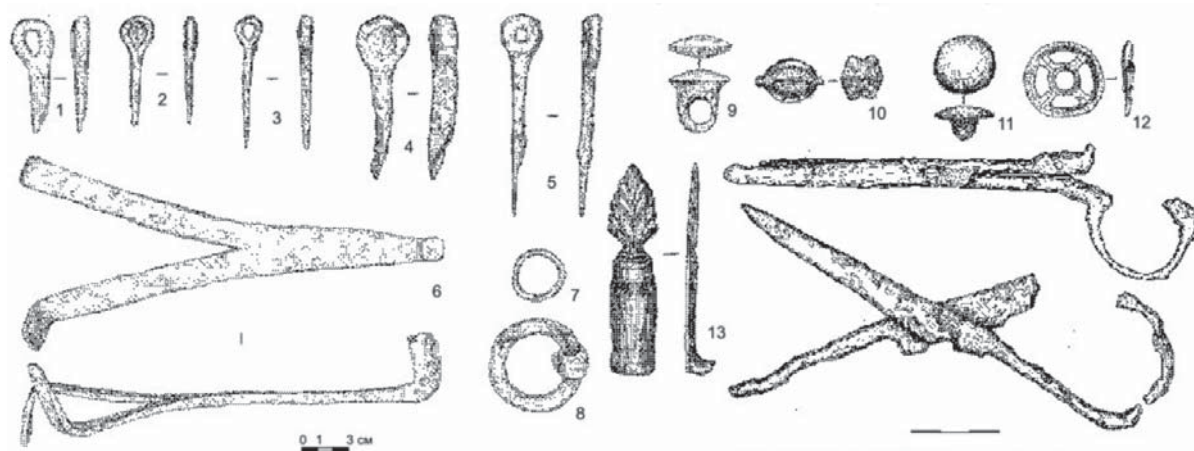

Рис. 8. Казанский кремль. Раскоп XXXIV. Изделия из металла.

1–5 – железные пробои; 6 – железная дверная петля; 7 – железное кольцо; 8 – железное кольцо с пробоем; 9–11 – медная пуговица; 12 – свинцовая подвеска; 13 – медное навершие; 14, 15 – железные ножницы

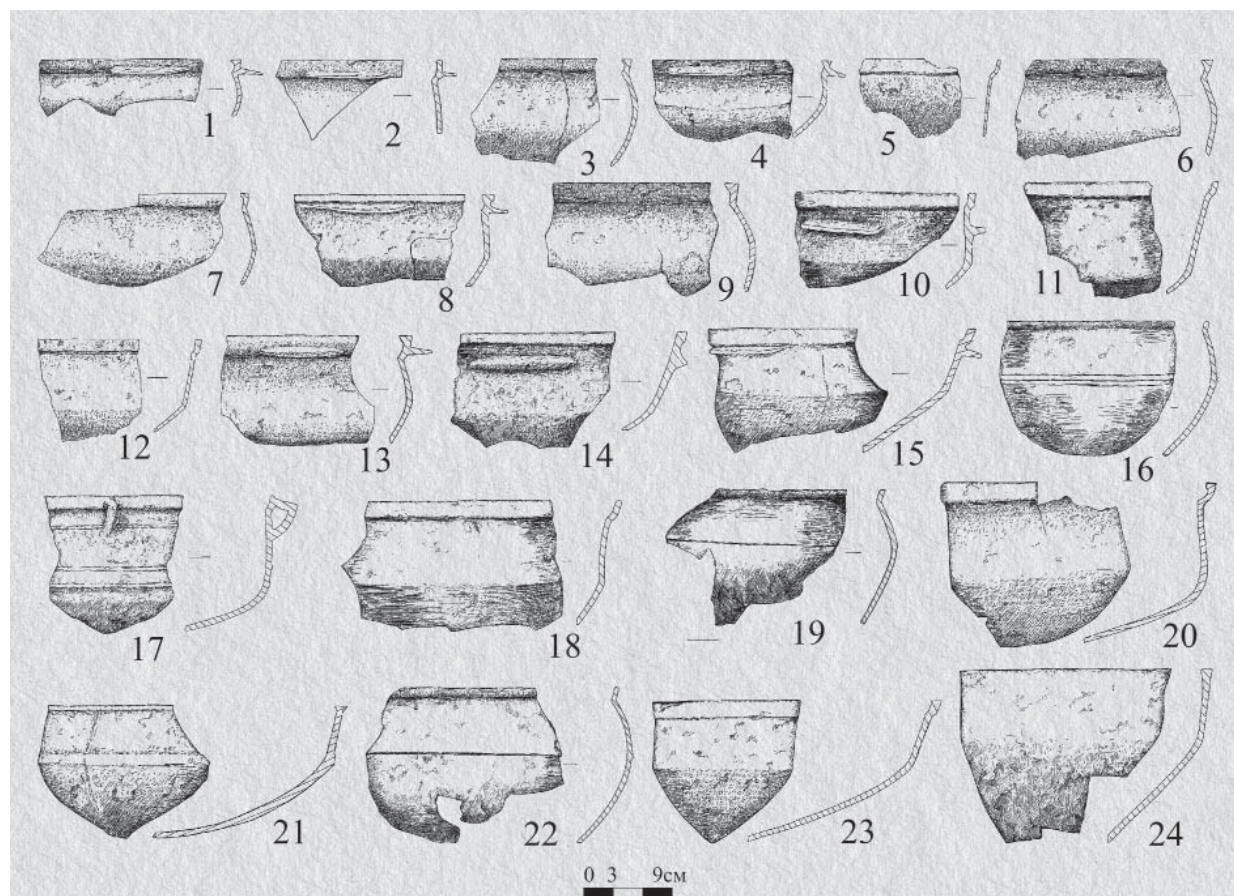

Рис. 9. Обломки чугунных котлов из раскопок Казанского кремля

точных традиций чугунного литья в золотоордынский период и последовательного развития в последующее время.

Большим разнообразием, как по форме, так и назначению, отличаются *ножи* (рис. 3: 15–18; 4: 13–17). Многочисленную группу железных изделий составляют также сапожные подковы и гвозди к ним. Найдены замки, а также ключи от навесных и врезных замков XV–XVI вв. (рис. 4: 6–8; 5: 6–8).

К предметам внутреннего интерьера относятся железные подсвечники и светцы (рис. 3, 3–5). Интересной находкой является подсвечник с тремя трубковидными пазами (рис. 2: 3). Близкие ему аналогии имеются среди предметов, бытовавших в XIII–XVI вв.

Продукция медников и ювелиров относительно редко встречается в культурном слое Казани. Обнаружены обломки медных кружек, чашек, плошек, кумганов-рукомойников, изготовленных местными мастерами, фрагменты которых встречаются и в материалах раскопок. В музейных коллекциях хранится прекрасной сохранности винный кувшин с ручкой и носиком, на боку которого сохранились гравированные арабской вязью поэтические строфы и надпись на ручке: «Медник Эмина-хана Насыйр» (Валева-Сулейманова, 2002, с. 274; см. рис. 11), а также ювелирные украшения (Валева, Валева-Сулейманова, 2002, с. 84–89).

Ювелиры XV – первой половины XVI в., продолжая традиции своих болгарских и золотоордынских предшественников, при изготовлении украшений применяли такие сложнейшие приемы, как гравировка, чернь, скань (филигрань), инкрустация драгоценными камнями. С особым тщанием изготавливали они изделия для ханского двора, который, по словам автора «Казанской истории», заказывал себе «венцы драгия, сосуды и блюда серебряные и золотые, и царский наряд драгий» (ПСРЛ. Т. XIX, 1903, с. 23).

Украшения костюма рядового населения города представлены тремя перстнями (Ситдинов, 2006б, с. 91, рис. 160, 8, 9; рис. 120, 12). Среди находок имеются бронзовые литые подвески-пуговицы шаровидной и грушевидной формы с круглым ушком (Ситдинов, 2006, рис. 115, 1, 2; 117, 5; 160, 4, 5). Свидетельством изготовления медных элементов одежды являются находки литых форм в раскопах на территории Казанского кремля. В раскопах часто встречаются украшения (в основном это бусы) из стекла, горного хрусталя, сердолика, янтаря и других материалов (рис. 10).

Украшения костюма рядового населения города представлены тремя перстнями (Ситдинов, 2006б, с. 91, рис. 160, 8, 9; рис. 120, 12). Среди находок имеются бронзовые литые подвески-пуговицы шаровидной и грушевидной формы с круглым ушком (Ситдинов, 2006, рис. 115, 1, 2; 117, 5; 160, 4, 5). Свидетельством изготовления медных элементов одежды являются находки литых форм в раскопах на территории Казанского кремля. В раскопах часто встречаются украшения (в основном это бусы) из стекла, горного хрусталя, сердолика, янтаря и других материалов (рис. 10).

Рис. 10. Бусы из стекла и полудрагоценных камней из раскопок Казанского кремля

Рис. 11. Винный кувшин с надписью на ручке.
Первая половина XVI в.
Из фондов Национального музея РТ

Рис. 12. Казанская шапка

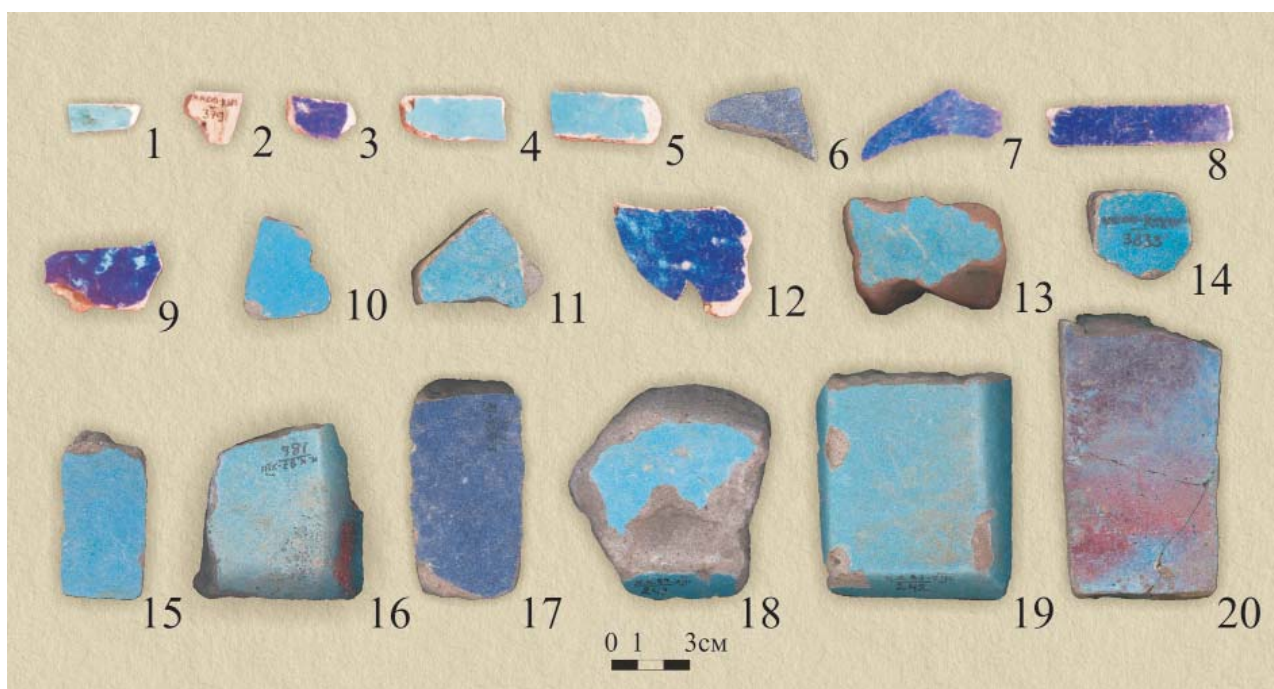

Рис. 13. Поливные изразцы из III слоя Казанского кремля

Из бронзы изготавливались и детали интерьера. Например, из раскопок происходит деталь медного подсвечника, аналоги которых хорошо известны по материалам золотоордынских городов (Ситдииков, 2006б, рис. 160, 20; Руденко, 2006).

Произведением искусства являются изготовленные казанскими мастерами украшения саркофага одного из ханов (см. рис. 4 в главе 4 наст. раздела). Деревянная конструкция гроба была обита кожей с использованием серебряных накладок и гвоздей с рельефным растительным орнаментом.

Изделия из золота в раскопках не найдены. Однако известны образцы высокой художественной ценности изделия, которые, бесспорно, изготавливались в Казани. Например, хорошо известная «Казанская шапка» (Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с. 84–89; см. рис. 12). В раскопках найдены единичные изделия, изготовленные из серебра и сплавов, относящиеся к периоду Казанского ханства.

Среди керамических изделий, связанных с хозяйственной жизнью населения, имеются пряслица и рыболовные грузила; среди других находок следует отметить детские игрушки в виде фигурок животных (в основном лошади) и полые пушечные ядра с отверстиями (Ситдииков, 2006, рис. 158: 26, 27).

О разнообразии видов ремесла в Казани свидетельствуют присутствие в городе и приезжих мастеров, в частности строителей. Их деятельность отразилась в крупных архитектурных сооружениях, изготовлении резных декоративных камней для зданий, надгробий, орнаментах гип-

совых украшений внутреннего убранства зданий с использованием сюжетов вязи арабского письма и плавных линий растительного и геометрического орнамента и в том числе поливных изразцов (рис. 13).

Среди находок много бытовых предметов из камня. Наиболее часты находки пряслиц, оселков – точильных камней. Вероятно, в Казани делали и каменные ядра, которые использовали при стрельбе из пушек (рис. 69) (Хабаров, 2007).

Сохранились также вещи из дерева: обугленные миски, гребни, обломки прялок, ткацких станков. К редким находкам относятся лапти, а также изделия ткачей – кусочки тканей, клубки пряжи, комки свалывшейся шерсти (рис. 14).

Жители Казани занимались изготовлением *изделий из кости*: различных накладок для рукоятей ножей и других бытовых предметов, игрушек и игральные фигур, кочедыков, проколов, наконечников стрел, колец-предохранителей при стрельбе из лука, заготовок для пуговиц и др. (см. рис. 16).

Исследования на территории Казанского кремля 1990-х годов дали разнообразную по своему составу *поливную керамику* местного производства (рис. 16).

Массовая неполированная керамика является одним из основных категорий находок при археологических раскопках средневековых городов.

Изучение керамики эпохи Казанского ханства невозможно без обращения к материалам Казани, Иски/Эчки Казани (Русско-Урматское селище и Камаевское городище), Чаллынского и Арского городищ и ряда других средневековых памятни-

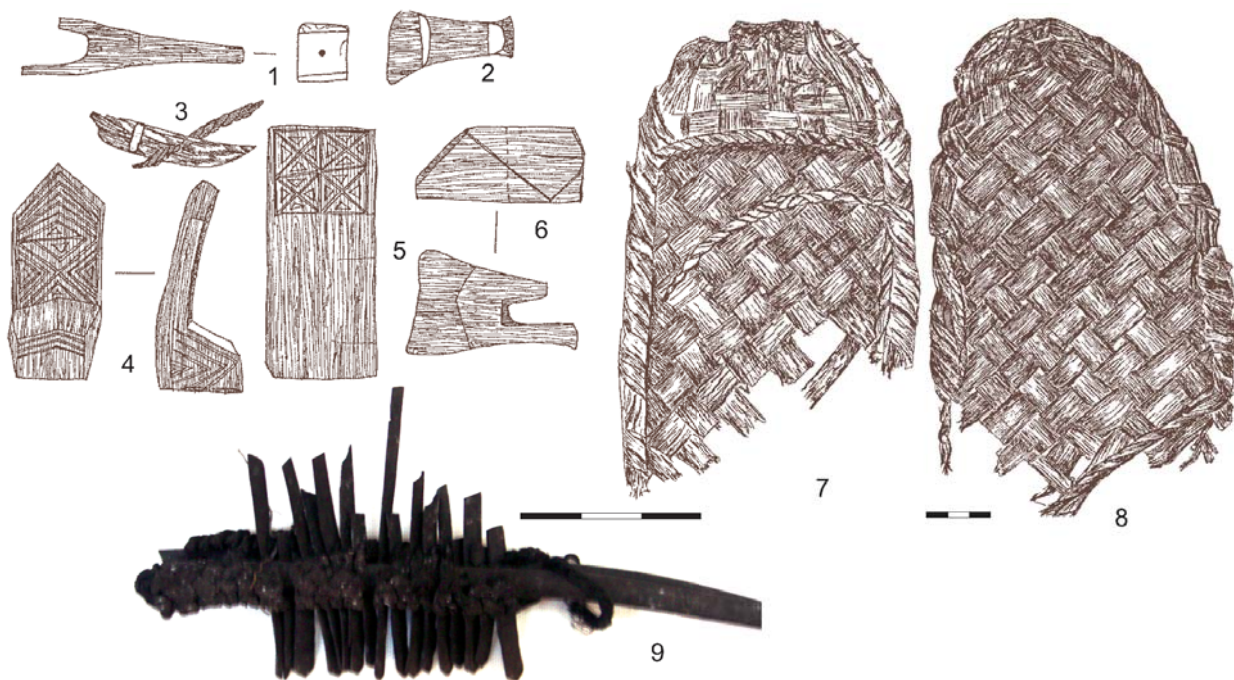

Рис. 14. Раскоп IX. Изделия из дерева (сооружение 16)

ков. Казань является единственным памятником, подвергнутым масштабным археологическим раскопкам.

Первые попытки классификации керамического материала Казани и Казанского Кремля предпринимались еще в работах Н.Ф. Калинина (Калинин, 1955, с. 131–135), А.Х. Халикова и Л.С. Шавохина (Шавохин, 1988; Халиков, Шавохин, 1996).

Широкомасштабными исследованиями на территории Казанского кремля в 1994–2005 гг. был накоплен большой объем археологических на-

ходок, характеризующих городскую культуру. Основную часть массовых находок составляла неполированная керамика, основательно изученная Т.А. Хлебниковой (2000а; 2000б).

По комплексу всех технических признаков керамики с учетом ее формы и орнаментации Т.А. Хлебникова выделила шесть историко-культурных групп керамики: 1) болгарская, 2) в болгарских традициях, 3) казанская, 4) русская, 5) татарско-русская 6) поволжско-финская. Из вышеописанных с периодом Казанского ханства увязываются последние пять групп.

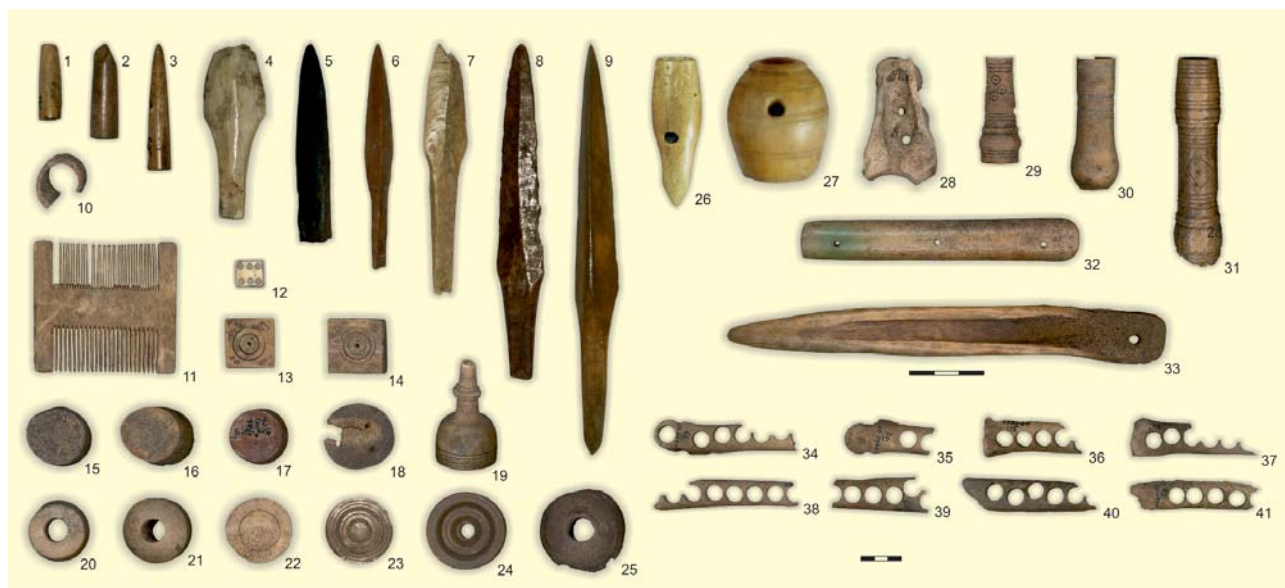

Рис. 15. Костяные изделия из слоя ханского времени

Рис. 16. Поливной кумган

Керамика в болгарских традициях (рис. 17; 18; 19). Эта группа представлена мелкопесочной, окислительного обжига гончарными сосудами с редким лощением узкими полосками, обычно более узким и более редким, чем на обычной болгарской керамике. Данная группа глиняной посуды свидетельствует о сохранении традиций болгарского гончарства в период Казанского ханства и раннерусский период истории Кремля. При сходстве с болгарской керамикой она обнаруживает определенные изменения в технике, форме и орнаментации, что произошло в результате развития и влияния золотоордынского гончарства. Данная группа керамики преобладает в III слое и составляет от 6% до 30% от общего количества керамики слоя.

Формы типологически сопоставимы с болгарскими. Реконструированные формы: кувшины,

кувшинчики, кумганы, кружкообразные сосуды, горшки, корчаги, чашевидные сосуды блюда, туваки, сфероконусы и водопроводные трубы.

Казанская керамика (рис. 20; 21). Большую долю в слое Казанского ханства (более 40% от общего количества) занимает так называемая «казанская» керамика. Выделение этой группы по ее отличию от красноглиняной болгарской и керамики в болгарских традициях наметилось Т.А. Хлебниковой еще по материалам I раскопа 1994 г. Она вся гончарная с большим количеством песка в глине, «сухая» с шероховатой поверхностью, преимущественно окислительного обжига с хорошим прокалом черепка, не дающим прослойки, без лощения, но изредка с очень тонким и редким вертикальным лощением, характерным для этой керамики многозонным тонким резным орнаментом, в основном кувшинообразных форм.

Технологически данный вид керамики сопоставим с позднебулгарской керамикой, и он мог бы быть ее развитием, если бы не оказался ближе, и не только по технике, к керамике золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (Кокорина, 1995, с. 29–32; 1999, с. 80–88).

Данная группа керамики появляется в Кремле в период формирования IV слоя, а в период Казанского ханства составляет больше половины от общего количества керамики, т. е. она характеризует III слой более, чем керамика «в болгарских традициях». Она встречается и в слое II, очевидно, в переотложенном состоянии. Ее формы: кувшины и кружкообразные сосуды, горшки, чашевидные сосуды и плошки, крышечки и водопроводная труба. Преобладающая форма – кувшины. Они довольно разнообразны по размерам и форме. Но большинство – крупные высотой до 45–50 см, широкогорлые с горловиной диаметром 12–15 см, с высоким вытянутым туловом, у которого наибольш-

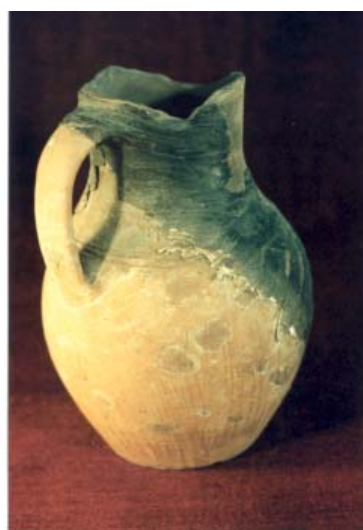

Рис. 17. Кувшины, сформованные в болгарских традициях

Рис. 18. Фрагменты сосудов группы «в болгарских традициях»

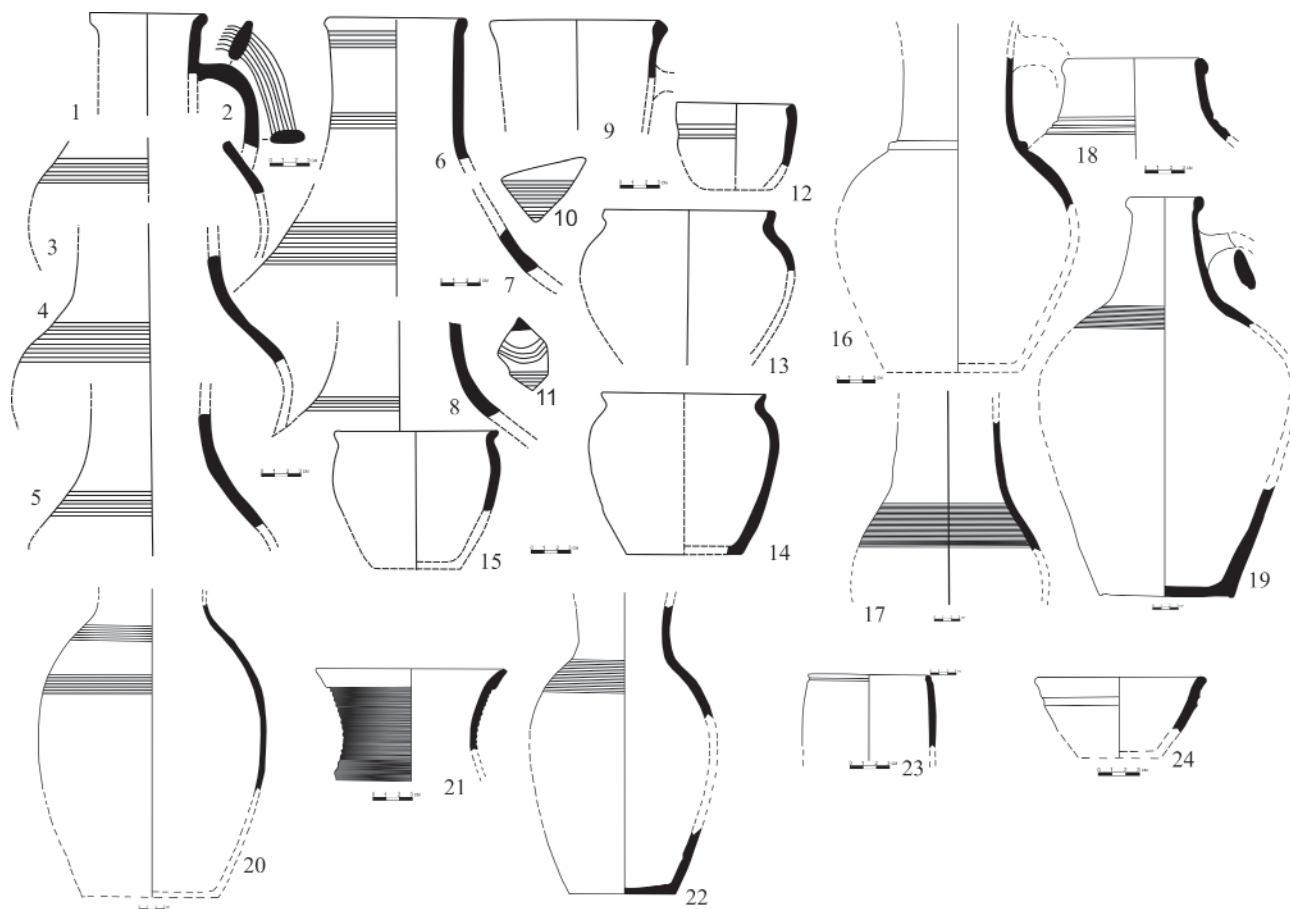

Рис. 19. Реконструкция форм сосудов группы «в болгарских традициях» (по Т.А. Хлебниковой)

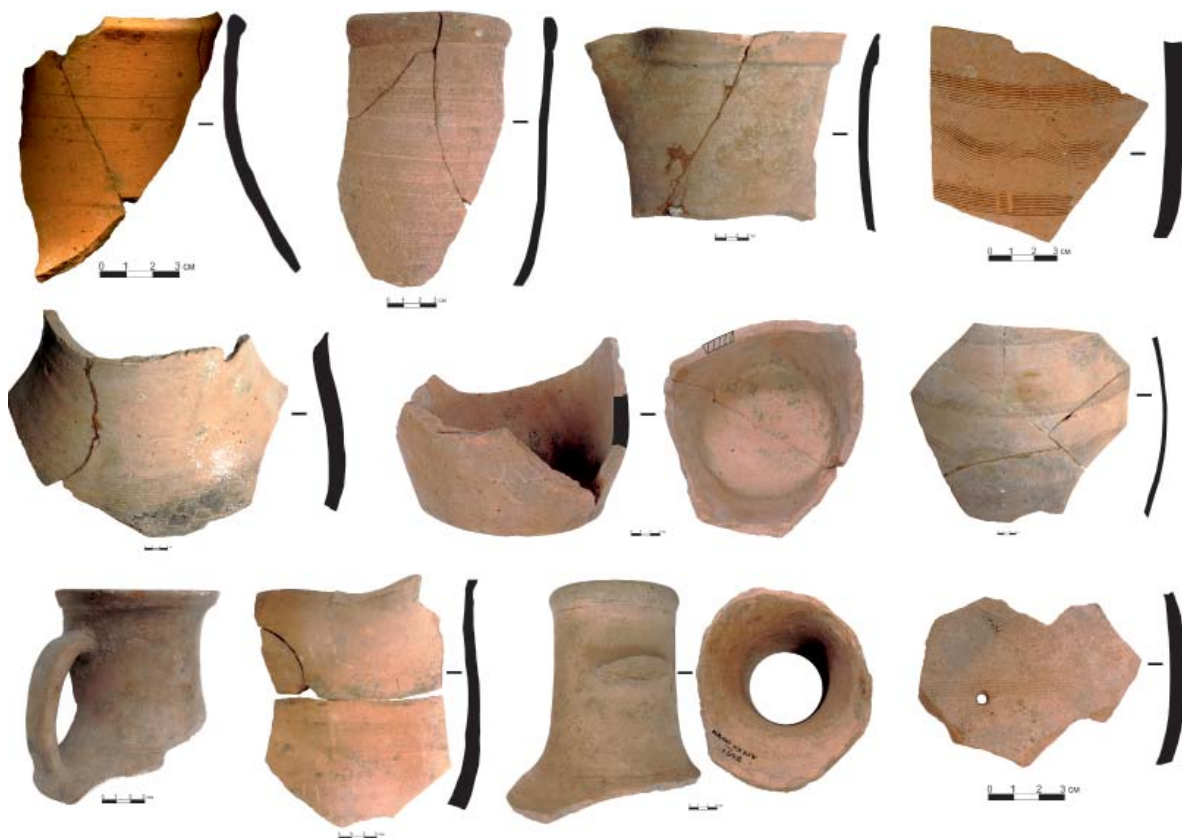

Рис. 20. Фрагменты керамики группы «казанская»

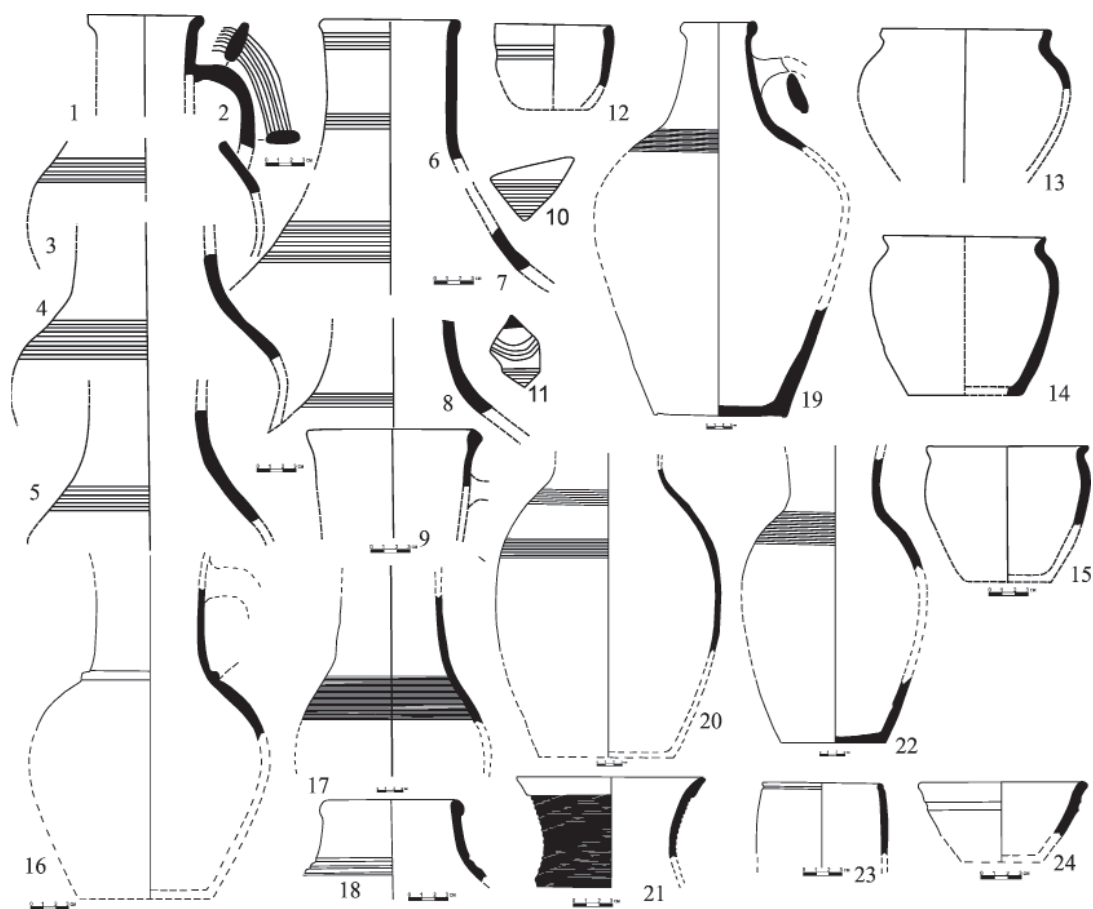

Рис. 21. Реконструкция форм сосудов группы «казанская» (по Т.А. Хлебниковой)

ший диаметр приходится на 2/3 высоты тулова. Есть кувшины более узкогорлые с диаметром горловины 8,5–10 см.

Н.Ф. Калинин, Л.С. Шавохин и А.Х. Халиков также выделяли эту группу керамики, назвав ее кирпично-красной. Н.Ф. Калинин считал, что преобладание кирпично-красной посуды хорошего качества говорит о позднем времени. По его словам, гончарное ремесло казанских мастеров XV–XVI вв. характеризуется именно этим признаком.

Русская керамика (рис. 22–25) представлена в основном гончарной белоглиняной привозной или из привозного сырья, мелкопесочного теста, иногда с добавкой дробленного железистого шлака и гончарного песочно-дресвяного теста. Оба типа имеют характерные формы и орнамент. Из них белоглиняная составляет около 80%, а песочно-дресвяная – в пределах 20%. Основное количество данной керамики приходится, конечно же, на II–III слои. Некоторые кувшинообразные формы белоглиняной керамики имеют заглаженность до лощения. Формы белоглиняной керамики почти исключительно горшки, хотя есть и фрагменты корчаг, кувшины, блюдо и крышка. Песочно-дресвяная керамика также состоит почти исключительно из горшков, но есть и образцы корчаг. Горшки разнообразны по размеру и по форме. Т.А. Хлебникова полагала, что присутствие белоглиняной и песочно-дресвяной керамики в III слое – это свидетельство притока русского населения в период образования III слоя (Хлебникова, 1978). Н.Ф. Калинин считал белоглиняную керамику привозной из центральных областей России и близкой к подмосковной гжельской керамике (Калинин, 1955).

Татарско-русская группа керамики (рис 26; 27) вся гончарная мелкопесочная, изготовленная из местных железистых глин. По степени обжига, обработке поверхности и с учетом форм в ней выделяются несколько подгрупп: 1) керамика восстановительного обжига серого и буро-серого черепка с черной задымленной поверхностью, часто покрытой сплошным лощением, характеризуется разнообразием форм. Лощение может быть сплошным, выполненным горизонтальными, вертикальными или пересекающимися полосами; 2) керамика восстановительного обжига, серая, часто с полосчатым лощением; 3) керамика окислительного обжига, красная, плотно черепка; 4) керамика буро-серая и красная (или коричневая) с белым ангобом или же без ангоба по образцу и в развитие форм белоглиняной и песочно-дресвяной русской керамики (горшок, характерный для керамики «по образцу белоглиняной», не имеет лощения, яйцевидной формы с вертикальным венчиком-шейкой, с широким диаметром горловины

и с небольшим диаметром дна. По венчику подобная посуда украшалась линейным орнаментом.

Эти горшки использовались в основном как кухонные с конца XV в. и до XVIII в. включительно. Для ранних горшков характерен заостренный край венчика (конец XV–XVI вв.), а для XVII–XVIII вв. округлый, завернутый вовнутрь, а высота шейки-венчика уменьшается. С XVII в. часто горшки не орнаментировались или количество витков орнамента уменьшалось; 5) красноглиняная керамика с глазурированным покрытием с одной или двух сторон.

Подгруппы керамики, входящие в группу керамики «татарско-русская», развились на местной болгарской основе и имели широкое бытование как у исконно местного, так и у пришлого населения. В татарско-русской группе керамики, связанной в основном с поздними напластованиями Кремля, налицо традиции местного гончарства, привнесенного русского и развития их в тесном взаимодействии.

Эта группа керамики представлена кувшинами, кружками, кумганами, горшками, корчагами, чашевидными сосудами, блюдами, светильниками, тазообразными сосудами, жаровнями, водолеем, кубышкой и крышками.

Поволжско-финская группа керамики (рис. 28; 29) в основном выделана от руки или с подправкой на круге, грубого теста с добавкой довольно крупного шамота и известняка. Обжиг некачественный, цвет – буро-серый. Преобладающая форма – слабопрофилированный широкодонный горшок.

Культурные истоки этой керамики следует искать среди финского населения Поволжья и Прикамья. Эта керамика преобладает в V–IV слоях, в отложениях ханского времени ее меньше и часть ее выделана на круге, тогда как в нижних слоях она вся лепная. Поволжско-финская керамика представлена горшками малых и средних размеров с диаметром от 9 до 18 см. Их форма довольно разнообразна, ее различие по форме от баночных форм до довольно развитой с хорошо выраженной горловиной и стройным расширяющимся в верхней части туловом, различие в технике формовки может быть объяснено, во-первых, длительностью времени бытования и развитием этой керамики на месте, а во-вторых, разными исходными регионами поволжско-финского мира.

Кожевенно-сапожное дело. Археологические раскопки в Казанском кремле практически не проводились до середины прошлого столетия. Раскопки Н.Ф. Калинина в северо-западной части Кремля, состоявшиеся в 1953–1954 гг., впервые дали значительный материал периода Казанского ханства, среди которого присутствуют наход-

Рис. 22. Фрагменты сосудов группы «русская белоглиняная»

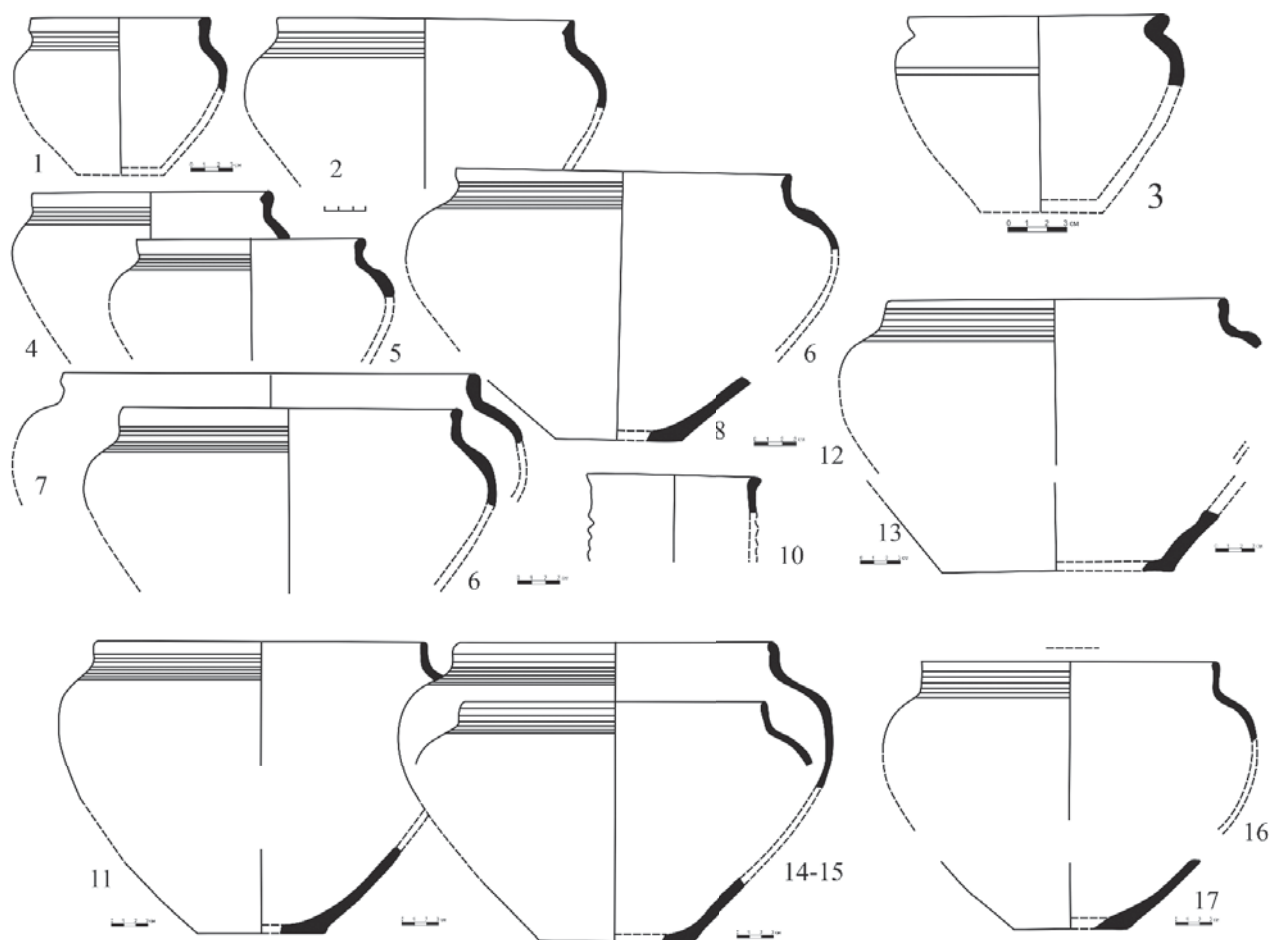

Рис. 23. Реконструкция форм сосудов группы «русская белоглиняная» (по Т.А. Хлебниковой)

Рис. 24. Фрагменты сосудов группы «русская чернолощенная»

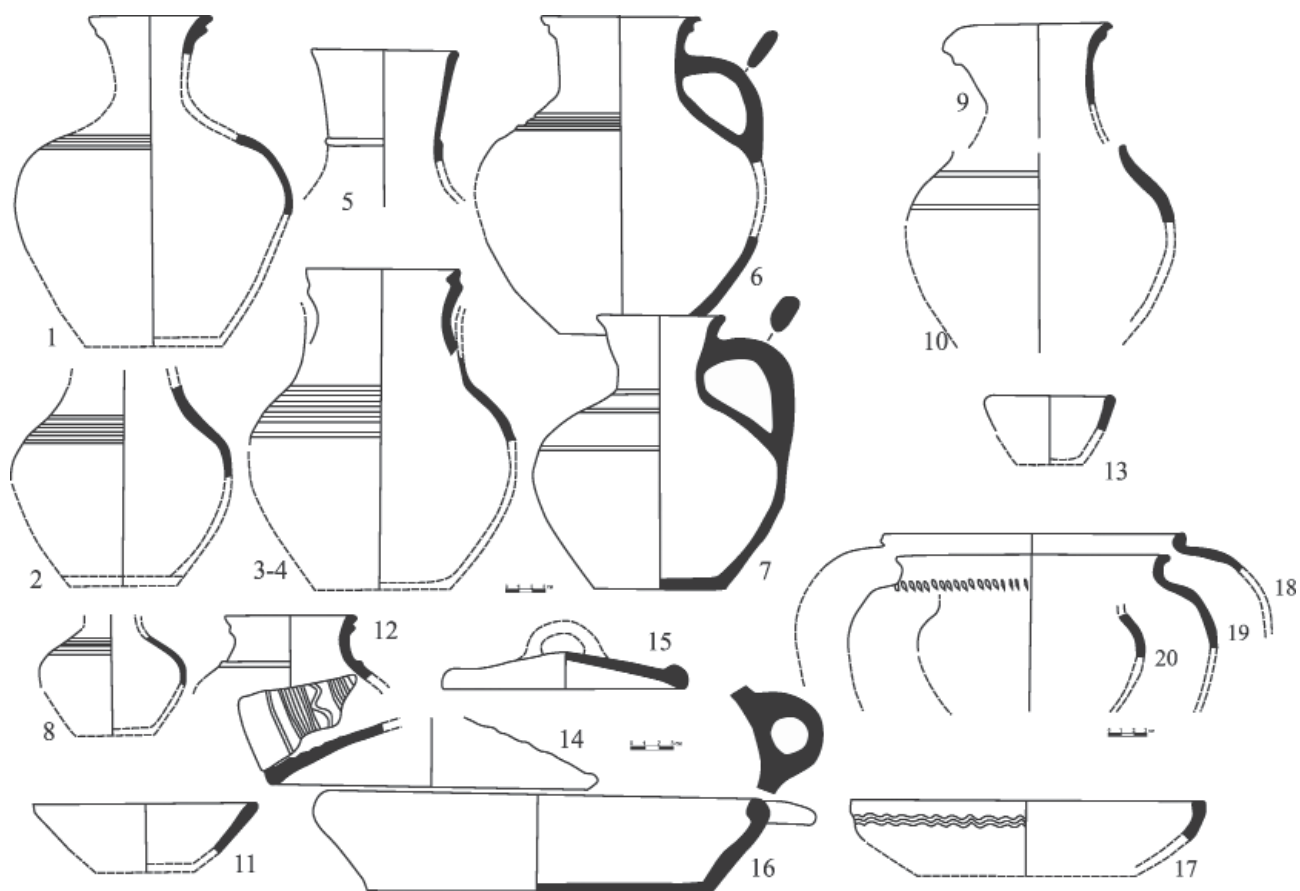

Рис. 25. Реконструкция форм сосудов группы «русская чернолощенная» (по Т.А. Хлебниковой)

Рис. 26. Фрагменты венчиков русской песочно-древяной керамики

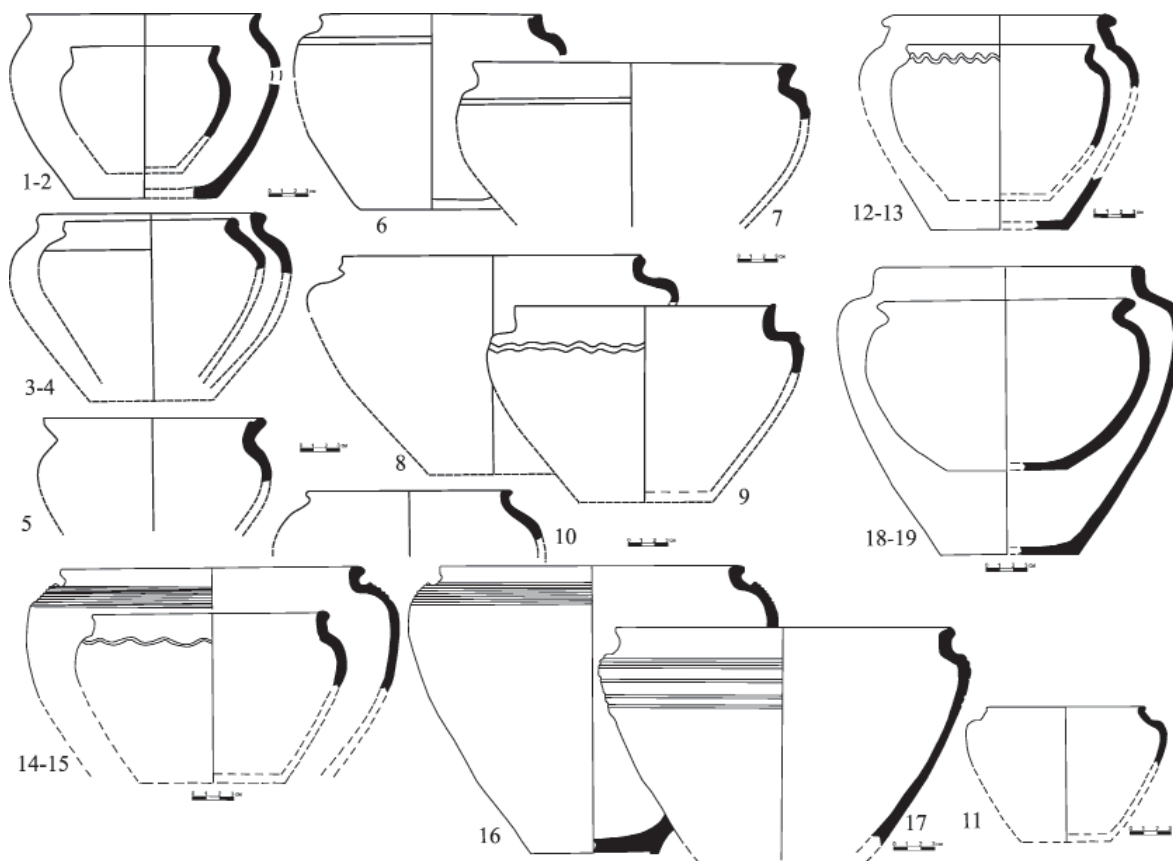

Рис. 27. Реконструкция форм сосудов с песочно-древяной примесью в тесте (по Т.А. Хлебниковой)

Рис. 28. Фрагменты сосудов поволжско-финской группы

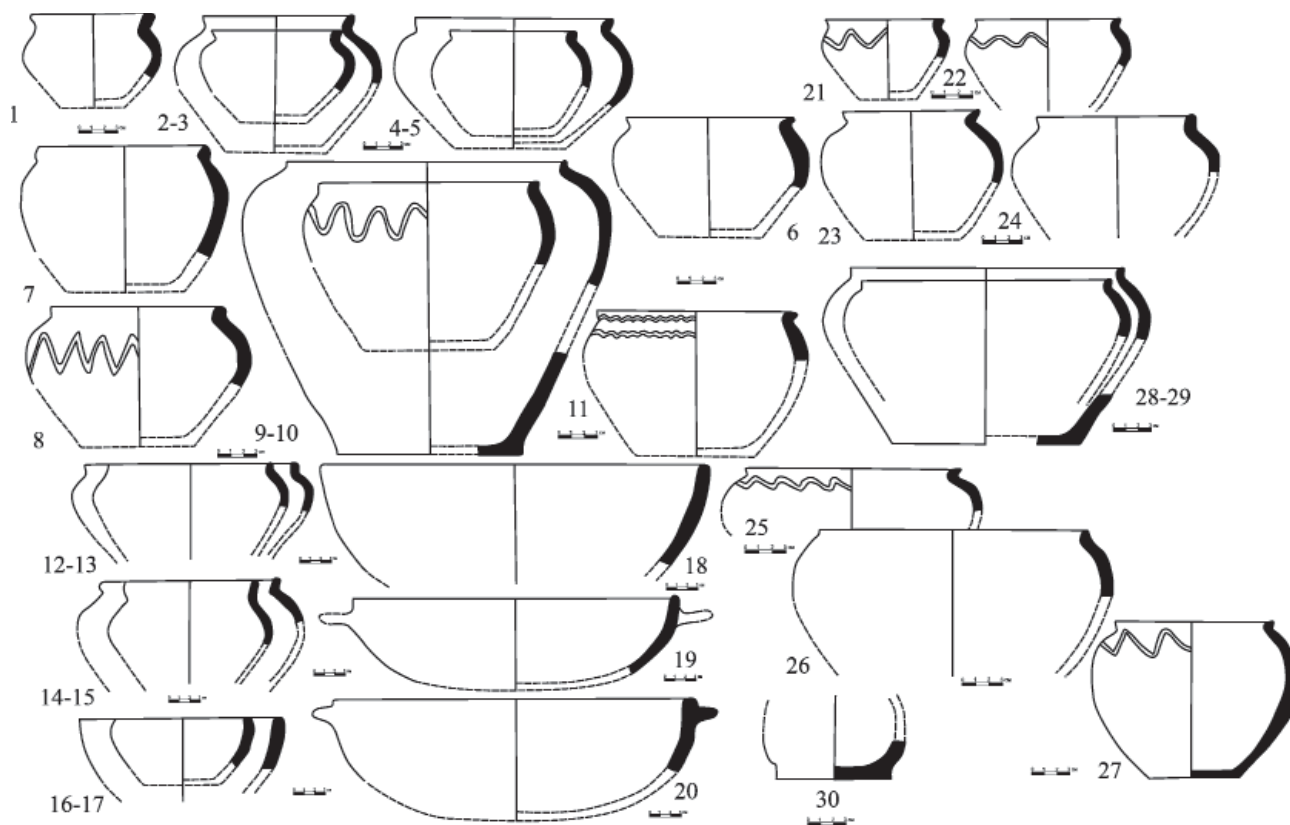

Рис. 29. Реконструкция форм сосудов поволжско-финской группы (по Т.А. Хлебниковой)

ки кожевенно-сапожного дела (Калинин, 1955, с. 135–136). В ходе раскопок 1988 г. на пересечении улиц Баумана и Кремлевский спуск экспедицией А.Х. Халикова были выявлены две постройки с большим количеством фрагментов кожаной обуви, которые интерпретированы как кожевенные мастерские (Халиков, 1988, л. 34).

В результате широкомасштабных раскопок Казанского кремля, проведенных в 1994–2005 гг. археологической экспедицией Института истории АН РТ под руководством Ф.Ш. Хузина, был накоплен огромный материал в виде различных кожаных изделий и орудий кожевенного и сапожного ремесел (ножи, колодки, шилья и т. д.). Наибольшее количество археологической кожи – около 10 тыс. фрагментов (Ситдииков, Хузин, 2009, с. 106, 110) – обнаружено на раскопе XIII общей площадью 500 кв. м, заложенном у подошвы склона в северо-восточной части Кремлевского холма. Кроме того, на раскопе хорошо сохранилась улица с деревянной мостовой, по обе стороны которой располагались деревянные сооружения, определенные исследователями как остатки кожевенных мастерских ханского времени (Набиуллин, 2001, с. 23; 2004, с. 35).

В результате археологических исследований, проведенных за 1953–2004 гг. на территории Казанского кремля и в исторической части города, в «ханском» слое раскопок обнаружено более 15 тысяч предметов из кожи, из них отобрано в коллекцию и сохранилось 3639 единиц археологической кожи (Валиев, 2010, с. 11). Данный материал в соответствии с опытом и разработанной методикой отечественных исследователей (Изюмова, 1959; Оятева, 1973, 1976; Курбатов, 2004б; Осипов, Лихтер, 2004; Осипов, 2006) позволяет изучить особенности производства, связанного с выделкой кожи и изготовлением изделий из кожи в Казани в середине XV – первой половине XVI в.

Кожевенное ремесло в Казани периода ханства было основано на скотоводстве и животноводстве, которое служило хорошей сырьевой базой для него. В развитости животноводства и скотоводства, в многочисленности и разнообразности стад и табунов в Казанском ханстве не приходится сомневаться. После похода в Арский городок – одну из областей Казанского ханства, сообщает активный участник «казанского взятия» А.М. Курбский: «...понеже в земле тои поля великие, и зело преизобильные и гобзующе на всякие плоды; ... тако же и скотов различных стад бесчисленные множество...» (Древняя Казань, 1996, с. 262).

Сырьем для кожевенного производства Казани служили шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Результаты визуального осмотра образцов кожи, в основном различных деталей

обуви, из ханского слоя Казани показали, что среди них преобладают изделия, изготовленные из шкур молодых и взрослых особей крупного рогатого скота, меньше изделий из шкур мелкого рогатого скота и еще меньше – из шкур лошади (Валиев, 2009а, с. 45, табл. 1).

В силу отсутствия письменных источников процесс выделки кожи в средневековой Казани можно представить по кустарному кожевенному производству в России в более позднее время (XIX–XX вв.), а также по материалам археологически хорошо изученных средневековых русских городов, присовокупив к этому результаты физиолого-химических анализов. Хотя некоторые специфические моменты приемов и технологии выделки на современном уровне невозможно выяснить, однако основные приемы выделки кожи представляется возможным экстраполировать на более ранние времена.

Процесс сгонки волоса со шкуры в русских городах Средневековья производился золением и известкованием (Изюмова, 1959, с. 193; Курбатов, 2004б, с. 11; Осипов, 2006, с. 59; Оятева, 1962, с. 78), что подтверждается и результатами рентгенофлуоресцентного анализа образцов «археологической кожи» средневекового Хлынова (Нефедова, 2019). По материалам раскопок Болгарского городища О.С. Хованская, основываясь на заключении реставратора ГИМа А.Д. Чиварзина, писала, что процесс сгонки волоса со шкуры у болгарских ремесленников производился обработкой хлебным тестом (Хованская, 1951, с. 124). Не исключая применение обоих способов и в период Казанского ханства, можно допустить возможность использования казанскими кожевниками в середине XV – первой половине XVI вв. при сгонке волоса извести с перекаленной золой (шадриком). Золка с известью и шадриком в XIX в. была распространена в Казанской, Пермской, Нижегородской, Тверской и, вероятно, в Вятской и Вологодской губерниях. Как справедливо отмечает Г.Г. Поварнин, «в виду вероятности восточного происхождения этого слова и, имея в виду, что район распространения этого способа Поволжье и Покамье, мы допускаем, что шадрик занесен к нам с востока, напр., татарами... Время появления шадрика – между XIV и XVII вв.» (Поварнин, 1912, с. 150).

Результаты химического анализа, проведенного по материалам «археологической кожи» ханского слоя из раскопок Н.Ф. Калинина в 1953 г., показали, что «кожа прекрасно продублена растительным дублением (вероятно, корьем), имеет коэффициент продуба 34,6%» (Калинин, 1955, с. 135). Для дубления кожевниками Казани, вероятно, использовалось дубовое и ивовое корье,

что подтверждается их присутствием в большом количестве в слое периода функционирования кожаной мастерской. К тому же физико-химическими анализами установлено применение в качестве дубителя ивового корья у болгар уже в X–XIII вв. (Хованская, 1951, с. 124). Использование коры дуба и ивы в качестве дубильного материала в выделке кожи в ханской Казани является естественным, так как эти виды деревьев очень распространены в Среднем Поволжье.

Н.И. Костомаров, описывая обувь XVI–XVII вв., заимствованную русскими у татар, отмечает: «Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего красные и желтые – иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета» (Костомаров, 1860, с. 63). Следует заметить, что выделанная кожа уже в процессе дубления приобретает тот или иной окрас, смотря каким материалом производился продуб: ивовая кора придает коже светло-розовый цвет, дубовая – светло-желтый, еловая – желтый, кора лиственницы – красноватый и т. д.

Практически вся коллекция «археологической кожи» из раскопок Казанского кремля имеет темно-коричневый или темно-бурый цвет, как и кожаные изделия Болгара (Хлебникова, 1988, с. 245). Это объясняется тем, что длительное пребывание кожи в грунте приводит к потере «родной» окраски и придает ей темно-коричневый цвет – цвет гумусированного грунта. В ханском слое Казани встречены чехол ложки и несколько обрезков раскроя со следами темно-красного или вишневого цвета, сохранившие первоначальную окраску, вероятно, в силу того, что были сильно спрессованы. Археологическая кожа с раскопок древнерусских городов также имеет черный или темно-коричневый цвет, редко попадаются единичные изделия красного или вишневого цвета (Изюмова, 1959, с. 194; Курбагов, 2004а, с. 218; 2004б, с. 12; Векслер, Осипов, 1999, с. 145; Осипов, 2006, с. 64; 2008, с. 497; Оятева, 1962, с. 88).

Находки из кожи, выявленные в культурном слое ханской Казани в процессе раскопок Кремля и исторической части города, представлены разнообразными предметами. По функциональному назначению их можно скомпоновать по следующим группам: 1) обувь (целые формы и детали), 2) одежда (рукавицы, ремни, фрагменты костюма), 3) бытовые изделия (кошельки, сумки, вместилища, чехлы), 4) сопутствующие предметы вооружения (чехлы ножей, ножны, колчан, саадак), 5) другие изделия (клобучок, завязки, обшивки края, конское снаряжение, неопределенные детали), 6) обрезки раскроя и отходы производства.

Среди кожаных изделий наиболее многочисленными являются детали обуви и фрагменты от

них, к которым относятся головки и поднаряды к ним, голенища и штаферки, подошвы и флики от каблуков, задники с карманами, вставками и нашивками, стельки и т. д. Само наличие голенища определяет принадлежность его к высоким видам обуви (сапоги, ичетыги или чоботы) (рис. 30: 1–3), а также к специализированной (бахилы) (рис. 30: 5). Пропорциональность длины головки к его ширине свидетельствует о принадлежности головки к высокой обуви, тогда как общая длина головки и ее ширина, многократно превышающая длину оси головки, говорит о головках обуви низких форм (рис. 30: 4). Все подошвы с носка до геленочной части (начала пятки) имеют следы потайного шва («в подтай»), а на пятке фиксируются следы сквозного (сандального) шва (рис. 31). На некоторых подошвах в геленочной части прослежены следы потайного шва, располагавшегося перпендикулярно оси стопы, которые остались от соединения фликов внутреннего каблука с подошвой (рис. 31: 16–17). Следовательно, казанские подошвы не могут являться определяющими разновидность обуви. Наличие язычка в конце пятки подошвы, так же как наличие или отсутствие выреза на заднике не являются видообразующими, так как они встречаются у различных видов обуви (рис. 31: 13–14, 16). Следует отметить, что все выделяемые виды обуви ханской Казани имеют дополнительные детали (поднаряды, карманы задника, вставки (прокладки) в задник, стельки, штаферки), конечно, в различном сочетании.

Целые формы сложной составной обуви в ханском слое Казани встречаются, но довольно редко. Всего в отложениях периода ханства из раскопок Казанского кремля и территории посада обнаружено 10 экз. практически целых форм обуви или же с некоторыми недостающими деталями. Они представляют весьма разнообразные типы и формы ассортимента казанской обуви.

При визуальном анализе остатков кожаной обуви по технологическим особенностям, т. е. по раскрою, приемам пошива, конструированию деталей, декорированию и прочим признакам, удалось выявить фасоны, характерные для нескольких видов высокой и низкой обуви Казани XV – первой половины XVI вв. В классификации обуви ханской Казани выделяется пять видов: 1) итек – сапоги «жесткой конструкции» (рис. 30: 1.1–1.2); 2) ичиги, ичетыги (ичтек) – мягкие сапоги (рис. 30: 2.1–2.3); 3) чоботы – полусапожки (рис. 30: 3); 4) башмаки – мягкие и жесткие туфли, сандалии или галоши (рис. 30: 4.1–4.4); 5) бахилы – специальные рабочие сапоги (рис. 30: 5). Возможно, существовали и другие виды обуви, которые пока археологически не зафиксированы или определение которых невозможно или затруд-

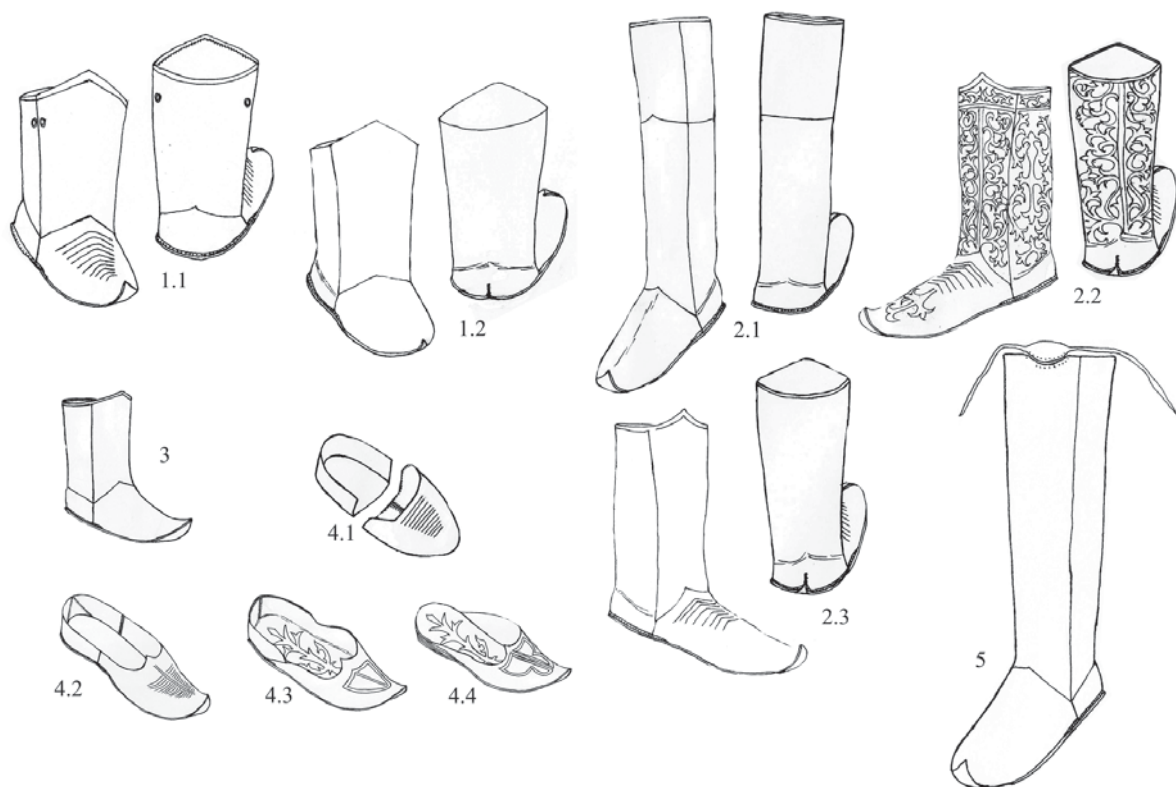

Рис. 30. Формы казанской обуви середины XV–первой половины XVI вв. (реконструкция).
 1 – сапоги «жесткой конструкции» (итек), 2 – мягкие сапоги (ичетыги), 3 – полусапожки (чеботы), 4 – туфли (башмаки), 5 – специализированная обувь (бахилы)

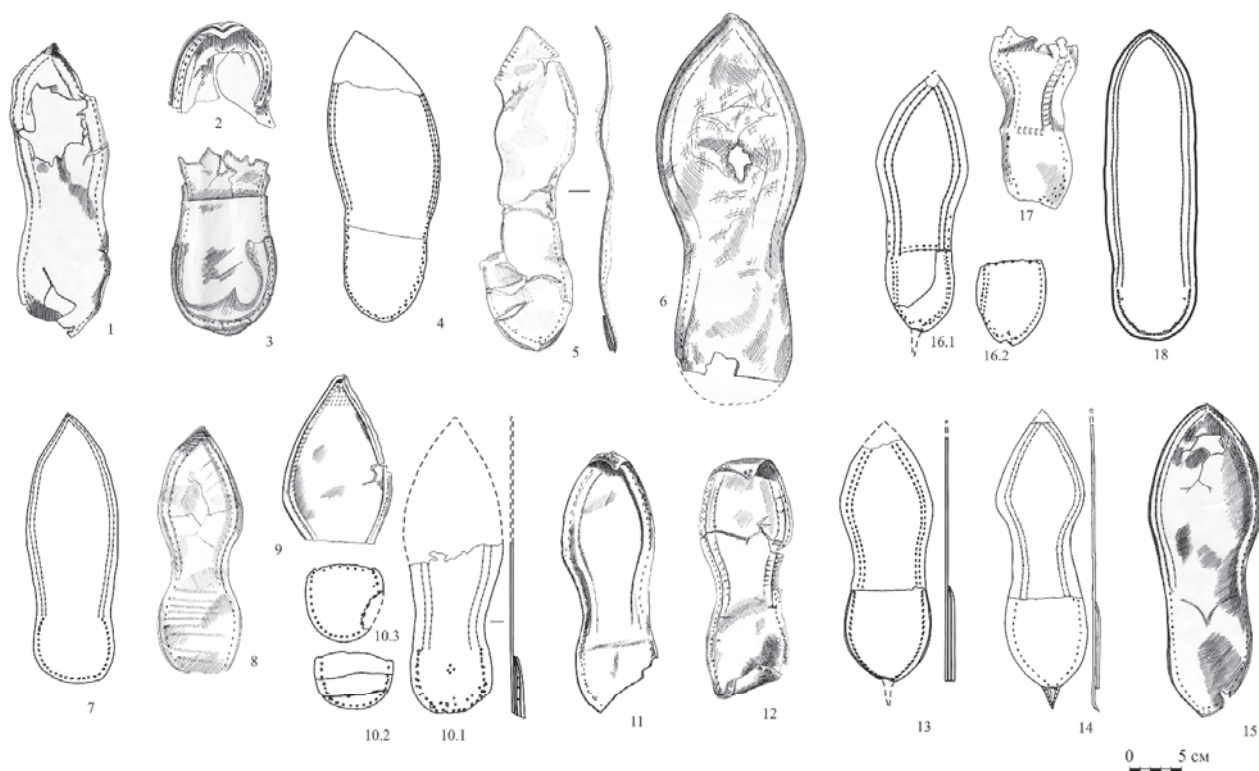

Рис. 31. Подошвы казанской обуви середины XV – первой половины XVI вв.

Рис. 32. Казанские сапоги «жесткой конструкции» (итек) середины XV – первой половины XVI вв. и схема их сборки

нительно. К обычной высокой обуви относятся первые три вида определяемой обуви, к низкой – четвертый вид, к специальной – пятый. Данные виды обуви, а именно сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги, по сообщению Н.И. Костомарова, существовали у русского населения в XVI–XVII вв. (Костомаров, 1860, с. 62–63).

Подавляющее большинство определяемых обувных деталей относится к итек – сапогам «жесткой конструкции». Они представляли собой обувь с высоким голенищем без разрезов, наглухо закрывающим стопу и голень. Сапоги собирались из основных деталей – подошвы, головки, голенища, задника, и дополнительных деталей – внутреннего каблука, стельки, поднаряда, штаферки, нашивок, кармана, вставок в карман (прокладок) (рис. 32). Основные детали сапог изготовлялись в основном из плотных, жестких и толстых сортов кожи, даже детали верха имеют толщину до 2,2–2,5 мм. Несмотря на некоторые отличия в выкройке и оформлении, прослеживается стабильность и стандартизация конструировании различных деталей.

Голенища сапог составлялись из двух частей (половин) – передней и задней, которые соединялись друг с другом тачным или выворотным швом (рис. 32; 4: 1.1–1.2, 2.1–2.2, 3). Задние половинки голенищ сапог могли иметь два вида оформления: голенища с переходом (продолжающиеся) в задник и без перехода, где у первых в нижней части прослеживается потайной шов – следы от

кармана, и низ голенища сквозным (сандальным) швом пришивался к подошве. Нередко передние и задние половинки голенищ собирались из отдельных двух-трех деталей (как правило, к основной пришивались дополнительные), соединявшихся тачным швом, или по краям имели фигурные вырезы – места сшивания отдельных деталей. Высота голенищ варьирует в пределах 22–31 см, в большинстве случаев имеют расширение к верху, иногда встречаются с ровной шириной, как правило, задние половинки. Формы верхнего края задних половинок голенища в основном ровные или кососрезанные к центру. У передних половинок голенищ форма верхнего края – кососрезанные от центра к бокам, иногда ровные. Верх голенищ сапог часто обшит дополнительной деталью – штаферкой, которая имеет как практическое, так и декоративное значение (рис. 32: 1–3; 4: 1.1–1.2, 2.1–2.2). Штаферка и голенище всех видов высокой обуви сшивались множеством вариантов (Валиев, 2009б, с. 42). Верх голенищ часто имеет круглые отверстия или вырезы, куда тачным швом пришивались детали-нашивки, возможно, отличающиеся по цвету от самого голенища (рис. 32: 1, 3; 4: 1.1–1.2, 2.1–2.2). Данные вырезы считались декоративным элементом (Осипов, 2006, с. 65; 2011б, с. 189), в последнее время предложено их утилитарное назначение (Курбатов, 2008, с. 231; 2012, с. 164).

При соединении голенища с головкой и задником применялся тачной или выворотный шов.

Головки сапог выкраивались из цельного куска кожи, хотя иногда встречаются и составные головки из нескольких деталей, соединенных тачным, иногда выворотным швом (рис. 33: 1.3). Данные моменты, скорее всего, являются свидетельством ремонта. Ширина головок превышает длину в среднем на 4–8 см, а толщина составляет 1,8–2,5 мм. По оформлению носков головки делятся на три группы: 1) остроносые (острый сходящийся симметричный) (рис. 34: 1–4); 2) круглоносые (выпуклый сходящийся симметричный) (рис. 34: 5–6); 3) с ярко выраженным треугольным вырезом для крепления подошвы (вогнутый сходящийся симметричный) (рис. 34: 7–9, 10.2, 11–12), которые по классификации Д.О. Осипова и Ю.А. Лихтера относятся к группам 1, 3 и 5 соответственно (Осипов, Лихтер, 2004, с. 17, 62, рис. 5). Последняя группа количественно многократно превышает остальные группы. Надо отметить, что все головки, кроме остроносых, имеют более или менее выраженный вырез носка, куда пришивался носок подошвы. На подъеме стопы головки имеют вогнутый, прямой и редко сложный фигурный обрез края, что обуславливалось раскроем нижнего обреза голенища. Боковины головок имеют скошенные обрезы. Судя по нескольким десяткам деталей, в некоторых случаях головки, как и голенища, при сборке сапога сшивались мереей вовнутрь, в таком случае бахтармяная сторона становилась лицевой (рис. 34: 8). Тиснение и линование на поверхности многих головок, наносимые перпендикулярно оси стопы, предохраняли ее от появления грубых складок на подъеме стопы.

Сапожные головки имели дополнительные детали – поднаряды толщиной кожного листа 1,3–1,8 мм, которые повышали износоустойчивость и влагонепроницаемость. У сапог Казани середины XV – первой половины XVI вв. встречается два типа поднарядов: неполные, обхватывающие только переднюю часть края головки (рис. 34: 9, 13–16) и половинчатые, обхватывающие всю внутреннюю поверхность (рис. 34: 11–12, 17–18). Последний тип поднарядов представляет собой две одинаковые по форме кожаные детали, соединенные друг с другом швом «через край» и одновременно с головкой потайным швом (рис. 34: 11–12).

При сборке сапога поднаряды одновременно вместе с головкой сшивались с подошвой, голенищем и задником, а не скреплялись с основными деталями отдельно. Головка соединялась с задником тачным или выворотным швом. При шивании с подошвой казанские сапожники использовали потайной шов (возможно, это комбинированный шов – совмещение выворотного с потайным). В геленочной части на месте соединения с задником

шов «в подтай» переходил в сквозной, т. е. края детали возле боковин загибались наружу.

Задники сапог выкраивались как единое целое с голенищем, которые часто встречаются как с обрезанным голенищем вследствие вторичного использования (рис. 35: 11–13), так и отдельной деталью (рис. 33: 1.6; 5: 1–10) из листа кожи толщиной 1,5–3 мм. Кроме того, встречаются задники, выкроенные из двух частей или половин (рис. 34: 9–10), которые соединялись только тачным швом. Форма раскроя задника стандартная: как правило, заостренный (рис. 33: 1.6; 34: 1–2, 5–6, 8–10), реже прямой верх (рис. 34: 3), иногда фигурный верх (рис. 34: 4, 7), прямые или наклонные боковины, ровный слегка закругленный (рис. 34: 1–4, 8–10, 12–13) или вогнутым вырезом (рис. 33: 1.6; 34: 5–7, 11) обрез нижнего края. Высота задников достигала до 14 см.

Отличительной чертой сапог «жесткой конструкции» является то, что задники были наборные, общей толщиной до 1–1,3 см (рис. 32: 1–2; 34: 14–15), т. е. на собственно задник изнутри потайным швом пришивался карман, куда вставлялись кожаные, берестяные или из коры липы прокладки (рис. 33: 1.4–1.6; 34: 14–25). Часто данный набор по центру вертикально и по нижнему краю скреплялся сквозным швом с широким захватом.

Карманы задников или прокладки, пришиваемые к заднику, вследствие чего создается «карман», представляли собой кожаные детали подтреугольной формы с острым относительно высоким выступом в центре (рис. 33: 1.4–1.5; 40: 14–24). Они выкраивались из кожи толщиной 1,4–2 мм, как правило, цельными из одного кожевенного листа (рис. 35: 16–19), иногда двухдетальными (рис. 33: 1.4–1.5; 35: 20). Так как карман оставался (прятался) внутри сапога, то в целях экономии материала часто для выкройки употребляли уже использованные предметы из кожи или детали обуви. При сборке сапога весь набор задника сквозным (сандальным) швом крепился на подошве.

Украшением на задник могли служить металлические фигурные накладки или гвоздики, от которых сохранились следы в центре нижней части задников (рис. 33: 1.6; 34: 7). На одном фигурном заднике сапога сохранились следы от металлической накладки в виде трилистника (рис. 34: 7).

Форма раскроя головки и задника обуславливала форму раскроя подошвы, вследствие чего выделяются остроносые, различной заостренности (рис. 31; 34: 10.1) с заостренным вытянутым язычком на пятке (рис. 31: 13–14, 16.1) подошвы, у взрослых моделей длиной от 23 до 38 см. Подошвы сапог толщиной 1,5–2,6 мм, вероятно, были однослойными, т. к. не встречено подошв со сквозным швом в передней части. В коллекци-

Рис. 33. Детали сапог «жесткой конструкции» (итек)

ях археологической кожи из ханского слоя Казани присутствуют подметки (5 единиц), которые, вероятно, пришивались к изношенной подошве в качестве временного ремонта. Они выкроены как под определенную часть подошвы (рис. 35: 29), так и цельными, которые покрывали всю подошву.

Подошвы сапог толщиной 1,5–2,6 мм в большинстве случаев имели невысокий внутренний каблук, собираемый из подкладок (фликов) толщиной 0,5–2,4 мм (рис. 33: 1.7–1.9; 35: 25–28). Часто флики выкраивали из уже использованных деталей обуви (рис. 35: 27–28). Наборный каблук, собранный из фликов толщиной в среднем 1 мм, сшивался с подошвой сквозным швом при соединении с задником.

Ичетыги представляли собой сапоги из мягкой кожи с мягкими подошвами без каблука, в большей части цельные. Для наибольшей прочности в задник пришивался карман, позднее вставляли кусок шагреновой кожи (Татары, 1967, с. 134–135). Рассматривая разновидности русской обуви XVI–XVII вв., Н.И. Костомаров дает описание ичетыг: «это были сафьянные чулки и разделялись на два вида: полные, достигавшие до колен, и полупол-

ные», – и объясняет, что при них носили башмаки (Костомаров, 1860, с. 63). Описывая быт и нравы народов Российской империи XVIII в., И.Г. Георги отмечает, что многие из казанских татар «упражняются в выделке юфти и козлов» (сафьяна – *P.B.*), сапожничают и шьют одни только «козловую обувь» (ичетыги – *P.B.*), которую украшают отчасти и золотыми узорами. Он говорит, что татарской обувью являлись кожаные чулки, туфли и остроносые сапоги (Георги, 1799, с. 10–12).

В XV–XVI вв. отличием казанских ичетыг от сапог «жесткой конструкции» являлось, видимо, лишь то, что мягкие сапоги шились из тонкой эластичной кожи толщиной не более 1,5–1,7 мм, задник не был жестким и многодетальным, хотя и укреплялся карманом. По этой причине разрозненные детали сапог и ичетыг различить крайне сложно.

По сохранившимся практически целым и восстанавливаемым формам, а также по отдельным деталям различаются два типа мягких сапог (ичетыг): полные, достигающие до колен (рис. 35: 2.1; 41: 1.1–1.2) и полуполные (рис. 30: 2.2–2.3). Отличительной чертой первого типа является наличие дополнительной детали, удлиняющей голенище,

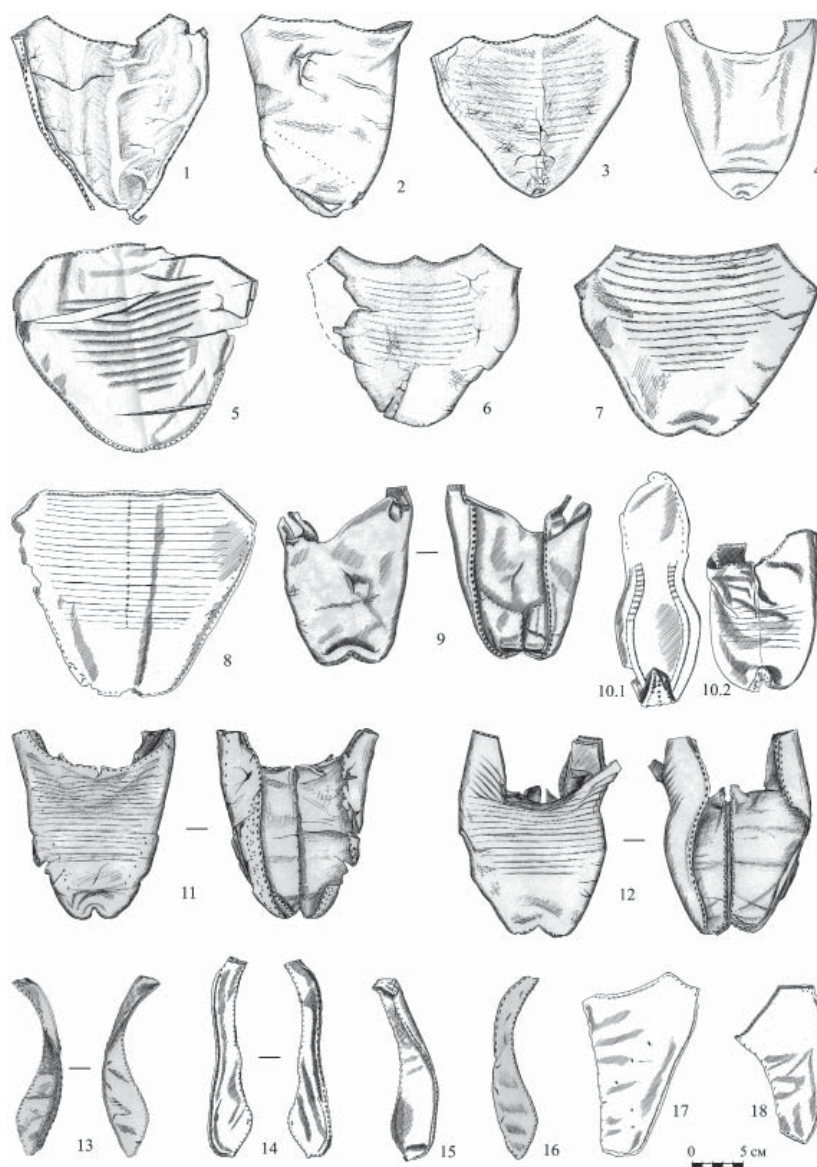

Рис. 34. Детали сапог «жесткой конструкции» (итек)

длинных поднарядов и тонких пятигранных карманов (прокладок) задника.

Первый тип ичетыг характеризуется наличием следующих основных и дополнительных деталей: головки и удлиненного поднаряда, удлиненного голенища и обшивки верхнего края (штаферки), задника, переходящего в заднюю половину голенища и высокого кармана, подошвы (рис. 36). Головки имеют стандартную форму, выкроены из цельного куска мягкой эластичной кожи толщиной 1–1,2 мм, ширина их на 3–3,5 см превышает длину (рис. 36: 2.2, 3.1). Половинчатые поднаряды толщиной 0,6–1,1 мм выкраивались длиннее головок на 1,5–3 см, отчего на подъеме стопы у поднарядов остаются характерные следы (рис. 36: 3.2). Торцы поднаряда со швом «в подтай» пришивались к внутренней поверхности голенищ. Задники ичетыг выкраивались как единое целое с задней половиной голенищ и имели

ровный, слегка закругленный обрез нижнего края (рис. 36: 2.4, 3.2). Голенища составлялись из двух половин – передней и задней, которые соединялись друг с другом тачным или выворотным швом (рис. 36: 2.1, 2.4, 3.3). Толщина кожного листа голенищ составляет 1–1,2 мм. К верхним обрезаем голенищ тачным швом прикреплялась дополнительная деталь подпрямоугольной формы толщиной около 1 мм, которая удлиняла голенище на 15,5–17 см (рис. 36: 2.3). Верх полного (собранного) голенища обшивался штаферкой со швом «через край». Форма подошв толщиной в среднем 1,5 мм имеет стабильный раскрой – острый носок и округлую пятку. Элементов декора на рассматриваемом типе мягких сапог не прослежено, что, скорее всего, объясняется использованием их вместо чулок, в качестве исподней обуви.

Второй тип мягких сапог (ичетыг) состоял из основных (головка, голенище, задник, подошва)

Рис. 35. Детали сапог «жесткой конструкции» (итек).

и дополнительных деталей (поднаряд, штаферка, карман задника со вставками) (рис. 37). Головки выкроены из цельного куска мягкой эластичной кожи толщиной 1–1,5 мм, обрезы боковин скошенные. На подъеме стопы головки имеют три формы обреза края: вогнутый (рис. 37: 3–4), прямой (рис. 37: 2, 5–6) и фигурный (рис. 37: 1), последняя, в свою очередь, определяет фигурный обрез нижнего края голенищ (рис. 37: 10–11). Следы потайного шва посередине внутренней поверхности головки, вероятно, свидетельствуют о наличии половинчатых поднарядов. Головки соединялись с голенищем, как и сапожные, тачным или выворотным швом. Голенища ичетыг второго типа также состояли из двух половин – передней и задней, которые соединялись друг с другом тачным или выворотным швом. Толщина голенищ составляет 1–1,7 мм, форма раскроя – расширяю-

щиеся кверху или прямые, обрез верхнего края ровный (прямой) или кососрезанный, высота варьирует в пределах 22–27 см (рис. 37: 8–13). Задние половинки голенищ выкроены как единое целое с задником. Карман образовывался путем пришивания к заднику прокладки, аналогичной сапожным карманам, куда вставлялись кожаные и берестяные вкладыши.

Ичетыги второго типа декорировались расшивкой узорами с растительным орнаментом в виде двулистников, трилистников, пальметт, извивающихся листьев и растительных побегов (рис. 37: 6–9). На одной головке фиксируются прорези в три ряда, нанесенные по центру головки параллельно оси стопы (рис. 37: 5). Вероятно, сюда пришивалась лента или тесьма из ткани или кожи, которая присутствует в отделке мягких сапог казанского татарина первой половины XVI в., запечатленно-

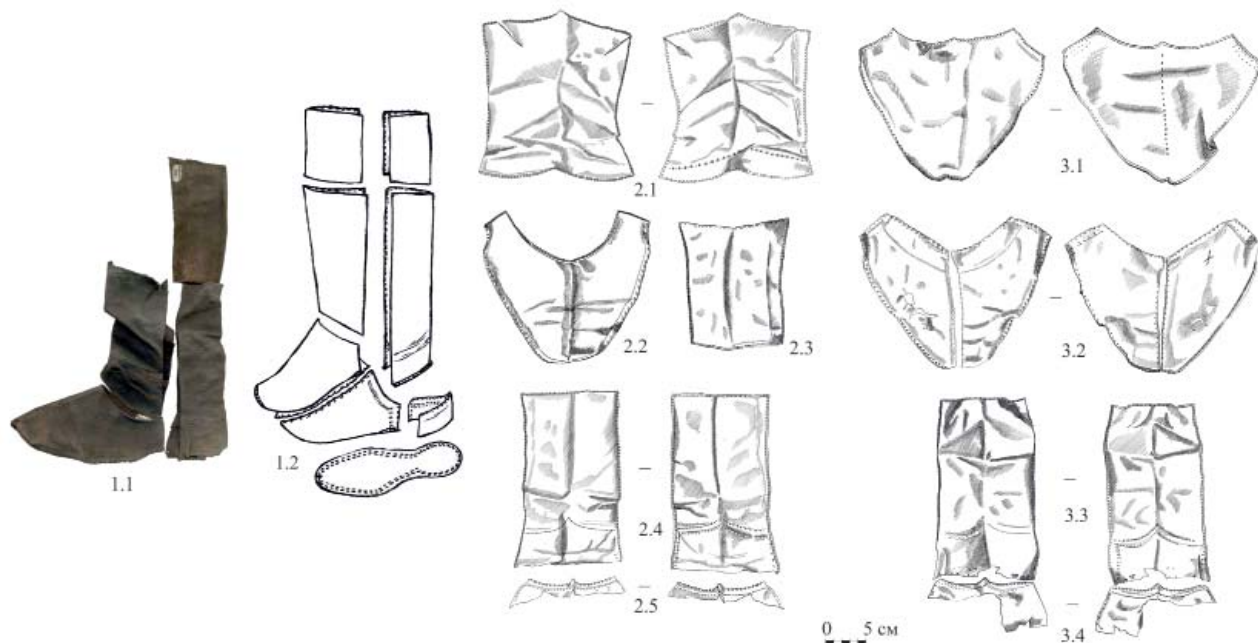

Рис. 36. Детали мягких сапог – «полных» ичетыг (тип I)

го в «Записках» С. Герберштейна (Герберштейн, 1908, с. 171, рис. 21). Орнамент на головках совмещен с мелким линованием.

Подобные головки со следами от растительного узора встречены в слоях XV–XVI вв. при раскопках Москвы (Осипов, 2006, с. 65, рис. 225), Переяславля Рязанского (Фатюнина, 2011, с. 217–218, рис. 3–6), Ивангородской крепости (Курбатов, 2017, с. 96, рис. 7). Растительный орнамент декора

аналогичен узорам на других кожаных предметах ханского периода Казани и является типичным для булгаро-татарского искусства (Валева, 2003, с. 66).

Чоботы, чеботы – полусапожки – являются менее определяемым видом обуви по сохранившимся деталям, так как шились, как и сапоги, из отдельных деталей и представляли собой, вероятно, сапожки с короткими голенищами (рис. 30:

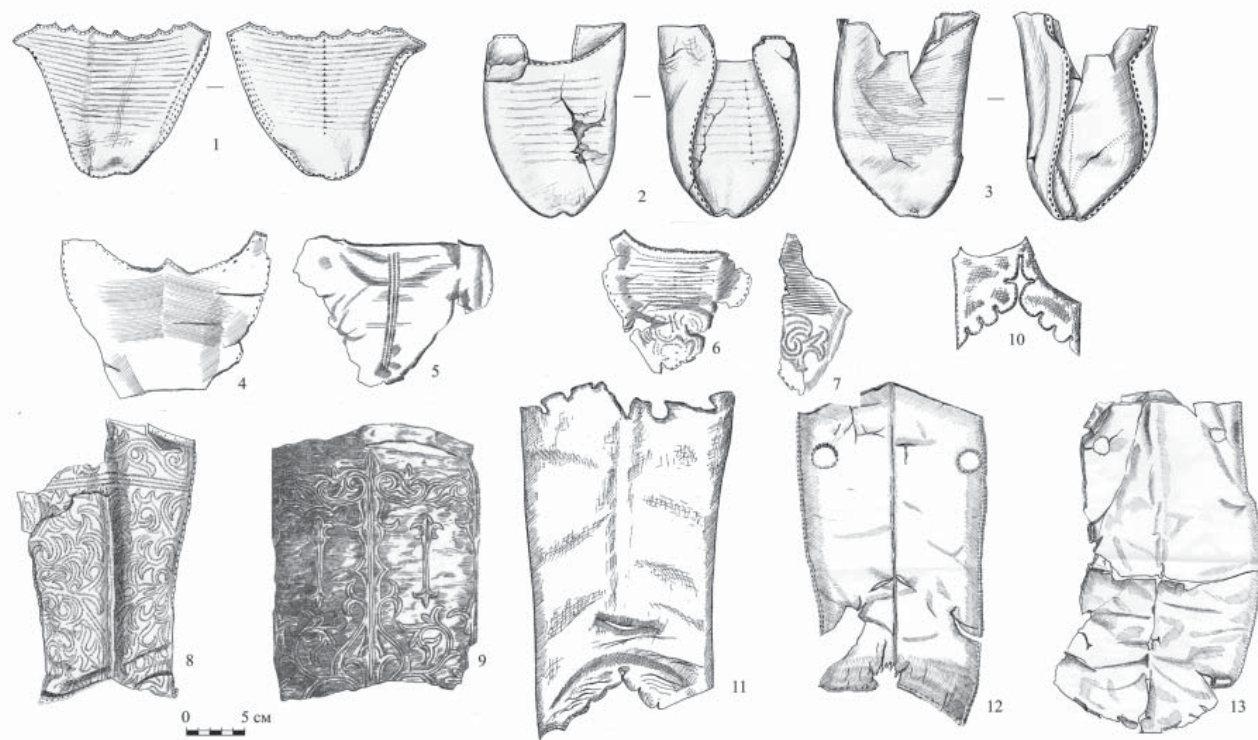

Рис. 37. Детали мягких сапог – «полуполных» ичетыг (тип II)

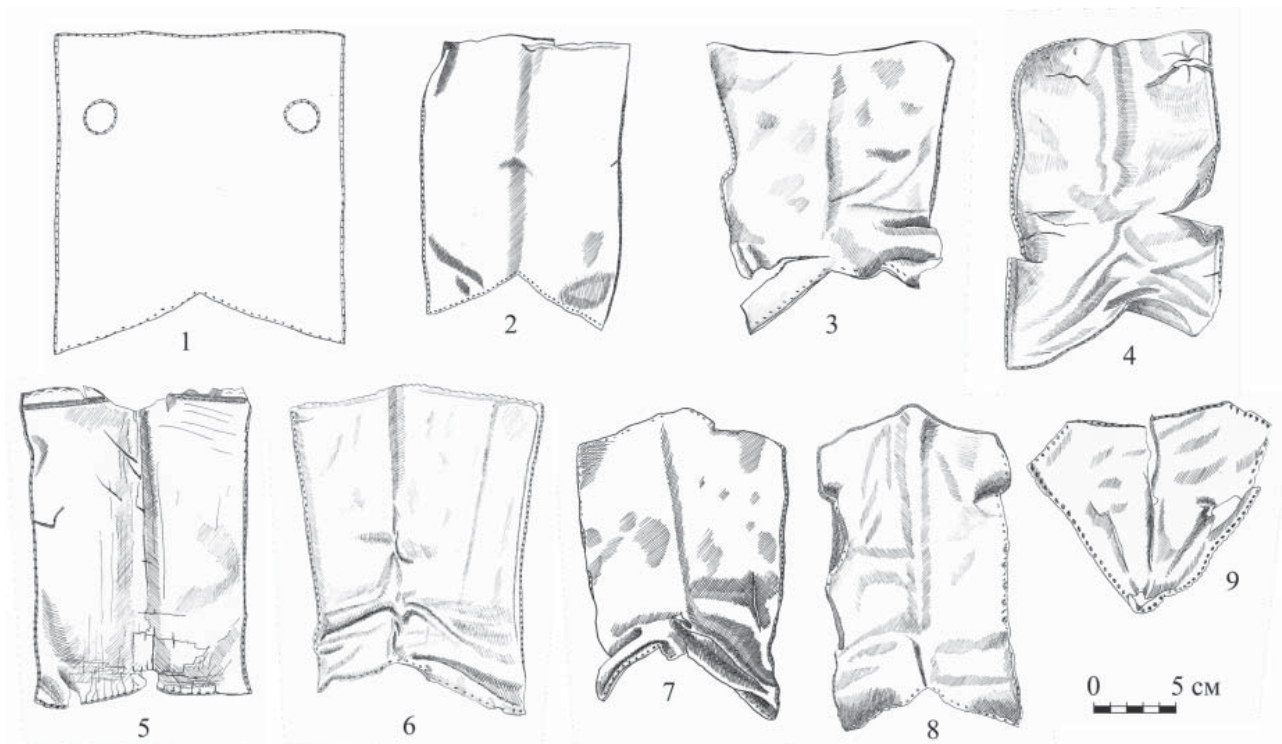

Рис. 38. Детали полусапожек (чобот)

3). По определению Н.И. Костомарова, «чоботы были полусапожки с остроконечными загнутыми кверху носками» (Костомаров, 1860, с. 63). В силу отсутствия целых или собираемых форм данного вида обуви, детали чобот от общего количества обувных деталей выделить затруднительно. К деталям верха чобот, возможно, относятся двухсоставные голенища, ровные или расширяющиеся кверху, высотой 13–17 см, выкроенные из кожи толщиной 1,2–2 мм, а также несколько головок (рис. 38).

Башмаки – обувь, закрывающую стопу выше лодыжки (Краткий словарь, 1940, с. 12), раньше шили исключительно остроносыми, а иногда и с загнутыми вверх носами (Татары, 1967, с. 136). В XVI–XVII вв., по утверждению Н.И. Костомарова, «башмаки были принадлежностью не только женщин, но и мужчин; при них носили ичетыги» (Костомаров, 1860, с. 63). Они отличаются от остальных видов обуви по раскрою деталей, наличию отличных элементов, сборке деталей и оформлению декора (рис. 30: 4.1–4.4; 39).

По форме раскроя носки башмачных головок имеют более или менее выраженный треугольный вырез для крепления подошвы. Встречена одна передняя часть низкой обуви, выкроенная из цельного листа кожи толщиной 1,5 мм, где головка с прямым обрезом края на подъеме стопы, огибая стопу, переходила в подошву и торцы соединялись тачным швом по центру стопы (рис. 39: 1). В практических и декоративных целях головку

линовали. Других деталей, которые могли бы относиться к рассматриваемому типу, не обнаружено. Судя по малой толщине, эластичности и отсутствию твердой подошвы, можно предположить, что этот вариант мягкой низкой обуви является домашней обувью. Подобные детали повседневной обуви, впервые выделенные А.В. Курбатовым как «домашние или рабочие туфли» по раскопкам средневековой Твери и часто встречаемые в других древнерусских городах, справедливо отнесены к исключительно древнерусской форме обуви. Он также допускал их использование в качестве простейшей обуви монахов (Курбатов, 2004б, с. 47–48; 2012, с. 163). Именно версия монашеской обуви для данных туфель доказывается Д.О. Осиповым (Осипов, 2011а). Данный вид обуви не характерен для кожевенно-сапожного производства Казани середины XV – первой половины XVI вв. и, скорее всего, является привозным.

Остальные типы характеризуются наличием коротких головок с длинными боковинами, поднаряда, подошвы и стельки, а также наличием или отсутствием задника. Их головки выкраивались с боковинами, образующими как бы «крылья», которые при сшивании с подошвой образовывали «берцы» башмака высотой 2,5–3,5 см (рис. 39: 2–5, 6.1, 7.1, 8.1, 9.3, 16.1–2). Толщина головок составляет 1,2–2,2 мм. По форме обреза боковин головок можно выделить ещё три типа башмаков: прямой обрез боковин, свидетельствующий о наличии задника, характеризует второй тип башмаков, где

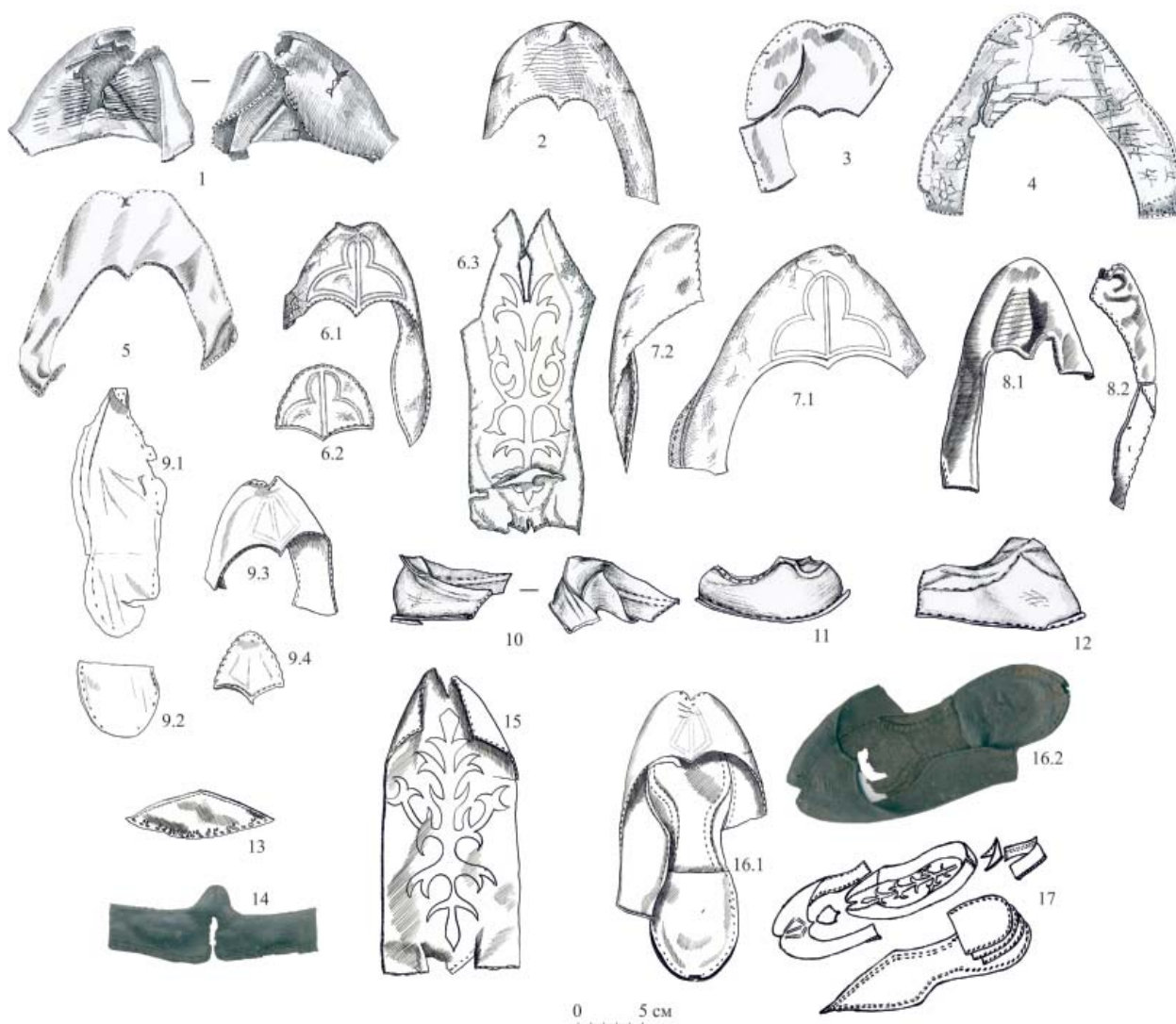

Рис. 39. Детали низкой обуви (башмаков) и схема их сборки

боковины головки сшивались с задником, закрывая всю стопу (рис. 39: 4.2); скошенный обрез боковин может говорить о существовании третьего и четвертого типов башмаков. Третий тип представляется башмаками, где боковины головки, смыкающиеся с подошвой в геленочной части, не сшивались непосредственно с задником, а сходились в середине борта, налагая один фрагмент на другой, образуя специфическую выемку (Суслова, Мухамедова, 2000, с. 85), и пришивались к жесткой подошве (рис. 36, 4.3). Задники второго и третьего типа башмаков в наборе с другими деталями не сохранились, однако в коллекции имеются короткие задники высотой не более 5–7 см и толщиной 1,5–2,2 мм, которые, скорее всего, принадлежат башмакам (рис. 39: 10–12, 14). Они имеют стандартный раскрой – прямые или скошенные боковины и прямые или заостренные в середине обрезы верхнего края. На внутренней поверхности фиксируется следы потайного шва, которые остались от крепления прокладки кармана (рис. 39: 10,

13). Четвертый тип башмаков характеризуется вероятным отсутствием задника (рис. 30: 4.4), вследствие чего головка пришивалась к подошве потайным швом, а скошенные боковины заканчивались в геленочной части подошвы (рис. 39: 6.1).

Головки башмаков имели тиснение, линование и нашивку из кожи или ткани (рис. 39: 1–2, 6.1–6.2, 8.1–8.2, 9.3–9.4, 16.1–16.2). Интересно тиснение в виде трилистника, которое фиксируется и на поверхности поднаряда (рис. 39: 1–2, 6.1–6.2, 7.1). Поднаряды были цельные или двухдетальные (рис. 39: 6.2, 7.2, 8.2, 9.4), которые швом «через край» соединялись со стелькой. Стельки выкраивались подтрапециевидной формы с вырезом в носочной части из кожи толщиной 1,4–1,6 мм. Вследствие того, что у низкой обуви внутренняя часть подошвы была обнажена (открыта), она, как правило, украшалась резным растительным орнаментом виде трилистников и т. д. (рис. 39: 6.3, 15).

Бахилы, или специализированная обувь, определяются только наличием доходящих до колен

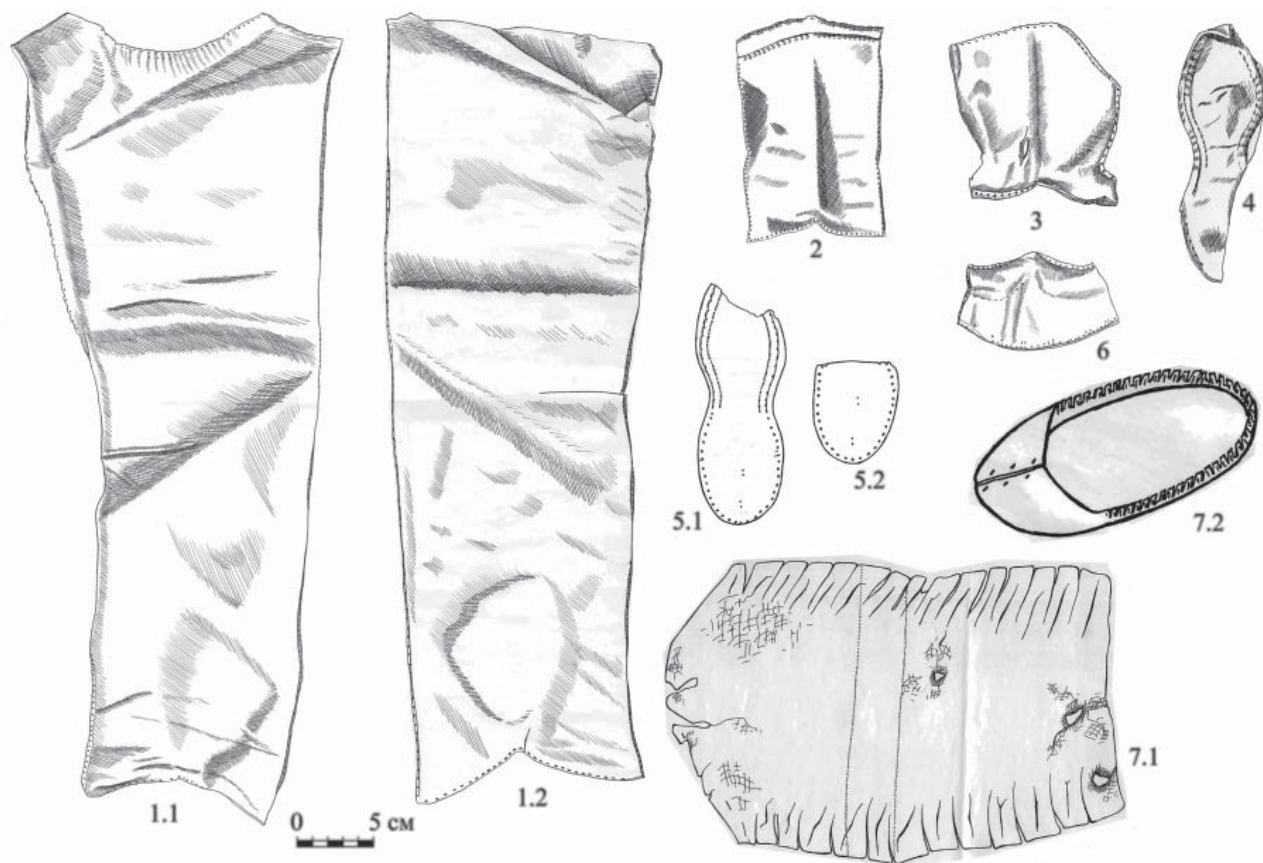

Рис. 40. Детали специальных сапог (бахил), детских сапожек, поршень и схема его сборки

голешиц. Обувь с голенищем высотой 50 см и более относится к бахилам, т. е. специализированной обуви, которая предназначена для предохранения от попадания воды внутрь сапога и во избежание загрязнения штанов (рис. 35: 5). Скорее всего, она использовалась как рабочая обувь в рыбном или ином промысле, так как у языковедов-этимологов бахила в значении обуви с высокими до колен и выше голенищами увязываются со сведениями только рыбного промысла (Вахрос, 1959, с. 63–65).

С «ханского» слоя XIII раскопа Казанского кремля происходит две пары голенищ одного сапога. Они выкроены из мягкого кожного листа толщиной 1,2 мм, расширяются кверху, задняя половина имеет прямой обрез верха, у верха передней половины фиксируется полукруглый вырез с отверстиями от сквозного шва по краю, куда, видимо, пришивались ремешки, которыми голенища крепились на ноге выше колен. Высота передней половины достигает 55,8 см, задней – 55,5 см, они соединялись друг с другом тачным швом (рис. 40: 1.2–1.2). Аналогии рассматриваемому виду обуви встречены в средневековых слоях Новгорода (Изюмова, 195, с. 207).

Кроме деталей взрослых моделей вышерассмотренных видов обуви встречаются и их детские аналоги. В ханском слое Казани найдены голенища, подошвы и задник от детской обуви (рис. 40:

2–6). К сожалению, целых форм детской обуви не обнаружено, однако найденные детали позволяют утверждать, что они, как и взрослые модели, выкраивались многочастными и собирались из нескольких деталей.

Одночастная или цельнокроеная обувь в ханском слое Казани практически отсутствует. Среди находок кожаной обуви середины XV–первой половины XVI вв. в коллекциях Казанского кремля в единственном экземпляре встречен вид низкой обуви – поршень, который выкроен и сшит из части другого (отличного) изделия, о чем свидетельствуют два ряда проколов в центре изделия. Раскрой его трапециевидной формы (ширина 15,3 см и 18,6 см, длина 29,8 см) с расширением в носке и округлением переднего обреза, по краям (бокам) имеет прорезы, куда продевался ремешок, скреплявший его на ноге. В области пятки имеются следы износа (рис. 40: 7.1–7.2). Как правильно замечает А.В. Курбатов, «поршни – это специфичная форма обуви, сохраняющаяся в профессиональном производстве только средневековой Руси» (Курбатов, 2004, с. 48). В Среднем Поволжье они появились только после присоединения Казани к Русскому государству (Valiev at al., 2014, p. 319, рис. 10: 13; Богатова и др., 2016).

Кроме остатков деталей обуви, которые, безусловно, составляют большую часть находок «архе-

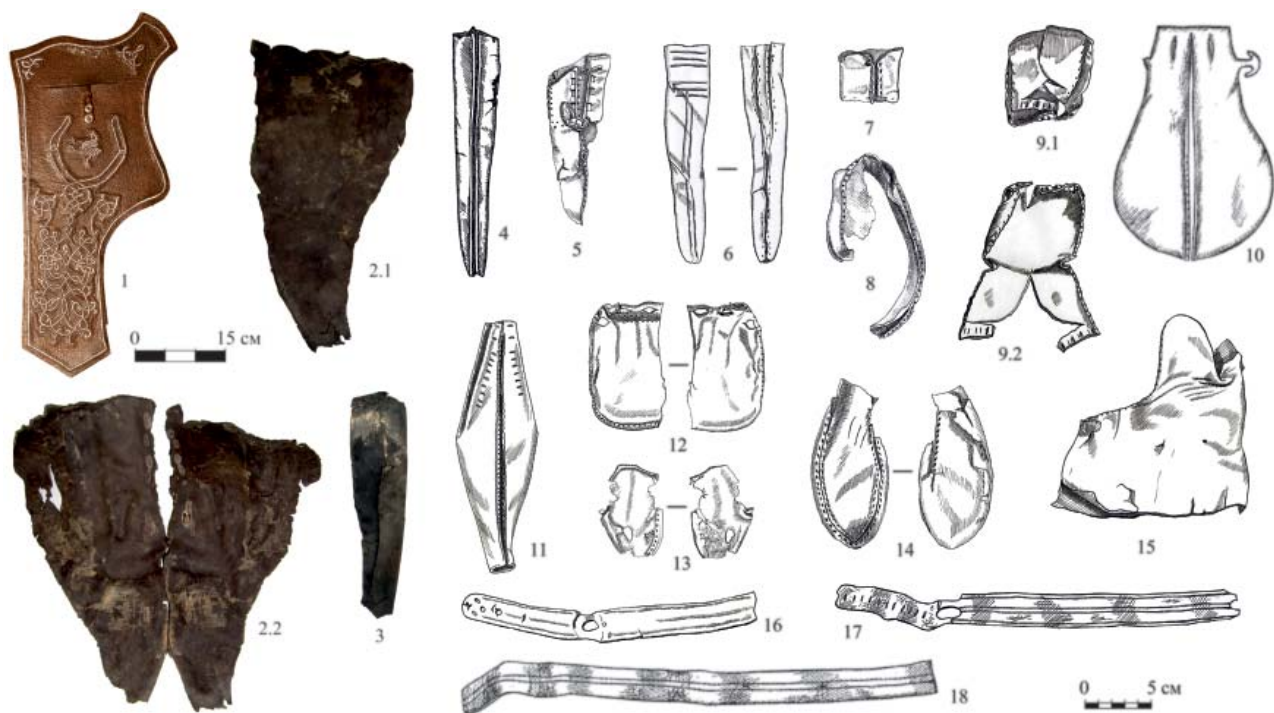

Рис. 41. Изделия из кожи из раскопок Казанского кремля.

1 – колчан (реконструкция), 2–3 – саадак (2.1 – вид изделия, 2.2 – вид раскроя), 4–7 – чехлы для ножей, 8 – ножны, 9 – клубочок (9.1 – вид изделия, 9.2 – вид раскроя), 10 – кошель, 11 – чехол для ложки, 12 – вместилище, 13–14 – детали изделий, 15 – фрагмент рукавицы, 16–18 – ремни

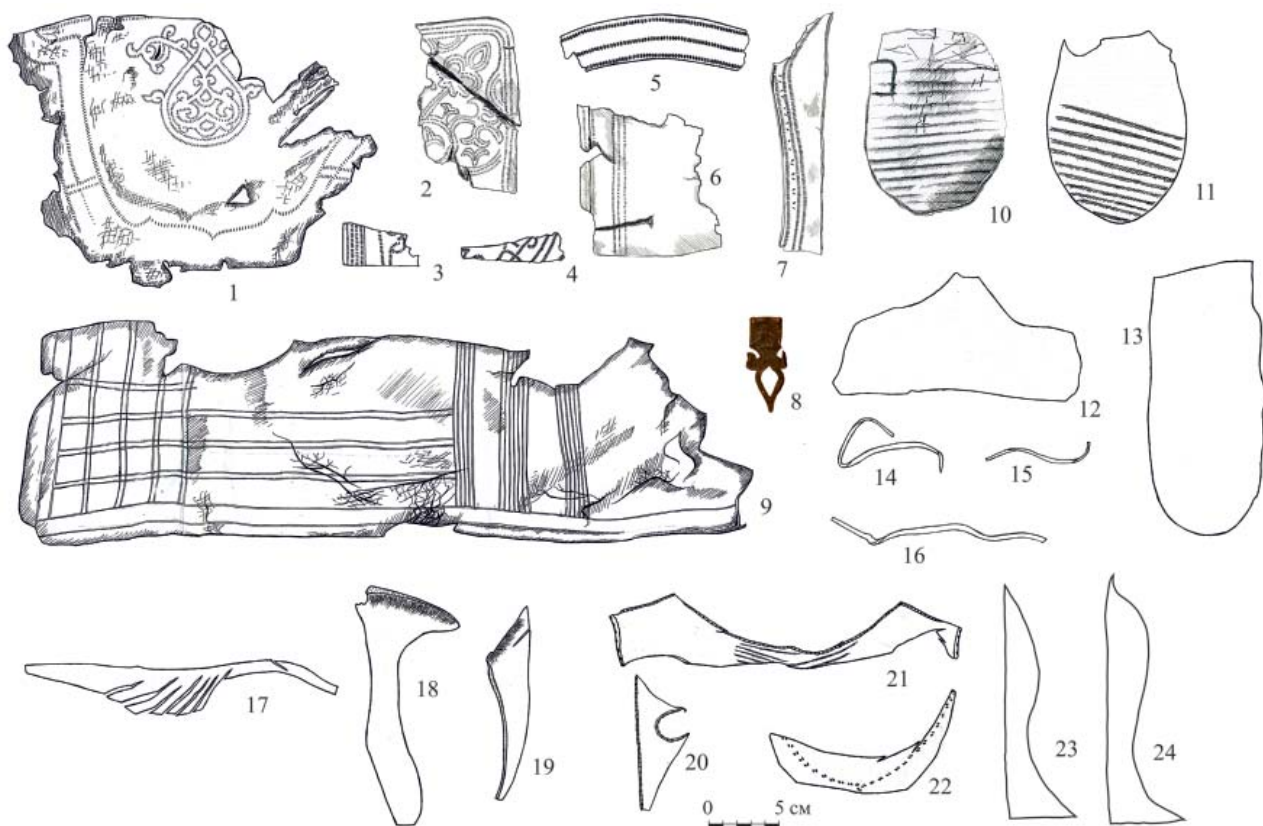

Рис. 42. Изделия из кожи.

1–7, 9 – фрагменты изделий, 8 – аппликация, 10–13 – заготовки, 14–24 – обрезки раскроя

ологической кожи», из ханского слоя происходят колчаны, саадак, ножны, чехлы для ножей, чехол для ложки, клубочок, кошельки, ремни, обрезки раскроя и большое количество изделий, определение которых затруднительно в силу их фрагментарности, плохого состояния или многократного использования.

Колчан происходит из «ханского» слоя раскопа XIII (Набиуллин, 2004, с. 35). Он фигурно выкроен и украшен изящной вышивкой по шнуру в виде сильно стилизованного растительного орнамента и изображением зооморфного существа («Зиланта»). В верхней части имеет надрез длиной 13 см, в центре верхней части и по углам фиксируются следы от металлических заклепок. Длина его составляет 54,5 см, ширина в верхней части 26,2 см, в середине – 23,6 см, в нижней – 13,4 см. Колчан изготовлялся из одинаково выкроенных частей кожи толщиной 2 мм, соединенных комбинированным сквозным швом. На тыльной стороне колчана прослежены следы потайного шва от креплений ремня и дополнительного кармана шириной 13,2 см и высотой 11,5 см (рис. 41: 1).

Среди коллекции «археологической кожи» этого же раскопа обнаружены два фрагмента, вероятно, также являющиеся деталями другого колчана, который сохранился в виде обрезков. Он был выкроен из кожного листа толщиной 1,7–1,8 мм. По краям деталей фиксируются следы от тачного и сквозного швов.

В коллекциях кожаных предметов из III слоя Казани находится один целый и два фрагментированных чехла для лука, которые иначе называются саадак. По сведениям П.И. Савваитова: «Саадак... полный прибор вооружения конных воинов луком и стрелами...» (Савваитов, 1896, с. 120). Археологически целый саадак и фрагмент от второго саадака происходят из «ханского» слоя Казанского кремля (раскопы LXIII-Д и XIII соответственно). Первый выкроен из одного куска кожи толщиной 1,5 см трапециевидной формы, в центре нижней части которого делался треугольный вырез, затем заготовка загибалась по центру, и края сшивались комбинированным способом сквозного шва. Саадак в готовом виде имел треугольную форму длиной более 53 см и шириной вверху 25 см. Края его были украшены зигзагообразным тиснением. В нижней и верхней части имеются следы в виде сквозных нитяных и ремешковых отверстий с широким захватом от нашивок или заплат, куда крепился ремешок (рис. 41: 2.1–2.2). Сохранившаяся длина фрагмента второго саадака составляет 11,5 см, ширина 17 см. На нем фиксируются следы сквозного шва.

Другой фрагментированный саадак происходит с территории посада (раскоп I 1988 г.). Он сло-

жен вдвое из одного цельного листа кожи толщиной 1,8 мм, сохранившаяся ширина составляет 9,6 см, длина – более 38,4 см. На месте изгиба имеет два ряда мелких прорезей – следы колесной басмы, где фиксируются кусочки растительной нити (рис. 41: 3).

Чехлы ножей (4 экз.) относятся к группе с центральным швом, т. е. кожу сгибали и края сшивали тачным или сквозным швом по центру или середине лезвия ножа (рис. 41: 4–7). По типологии Т.С. Матехиной, казанские чехлы для ножей относятся к типу II (симметричные), т. е. имеют симметричный раскрой и готовый вид (Матехина, 2009, с. 19). В одном случае кроме шва по центру в верхней части чехла имеется боковой шов, выполненный «через край». Чехол крепился на пояс кожаным ремешком шириной 3–4 мм, который продевался в прорези с двух сторон центрального шва и завязывался (рис. 41: 5). В другом случае выкроена дополнительная деталь для расширения устья чехла. К добавленному торцу она пришивалась со швом «через край», и торцы полностью соединялись тачным швом (рис. 41: 6). В третьем случае сохранилась только верхняя часть, к которой переметочным швом крепилась нижняя часть (рис. 41: 7). Чехлы для ножей изготовлены из кожи толщиной 1–1,4 мм, ширина у устья составляет 2,5–5 см. Длина их не превышает 19,2 см и, по классификации Т.С. Матехиной, относятся к первым трем группам ножен, которые характеризуют чехлы обычных и универсальных ножей (Матехина, 2009, с. 15). Декоративное оформление имеется лишь на одном, где в качестве узора нанесены несколько рядов продольных, примыкающих к поперечным линиям линования (рис. 41: 6).

Из раскопок Казани известно два фрагмента ножен. Один из них, длиной более 26 см, изготовлен из кожи толщиной 1,2 мм, торцы боковых обрезов сшиты тачным швом, ширина устья составляет 4,5 см (рис. 41: 8). Длина фрагмента второго превышала 17 см, ширина устья 3,6 см (в виде раскроя ширина составляет 8,1 см). Он выкроен из кожи толщиной 1,6–2,6 мм, торцы которой соединены комбинированным тачным швом. Внутри ножен, как и у чехлов для ножей, каких-либо следов от деревянных или берестяных обкладок не зафиксировано.

Клубочок обнаружен в «ханском» слое у одного из объектов (сооружение 26), обозначенного исследователями как жилой дом (Набиуллин, 2001). Он выкроен из цельного листа кожи крупного рогатого скота толщиной 1,7 мм. Длина раскроя 14,4 см, ширина 8,9 см (рис. 41: 9.2). При сборке заготовка сгибалась посередине мереей вовнутрь, и торцы сшивались тачным швом в одну строчку. При таком сшивании краев место их сшивания

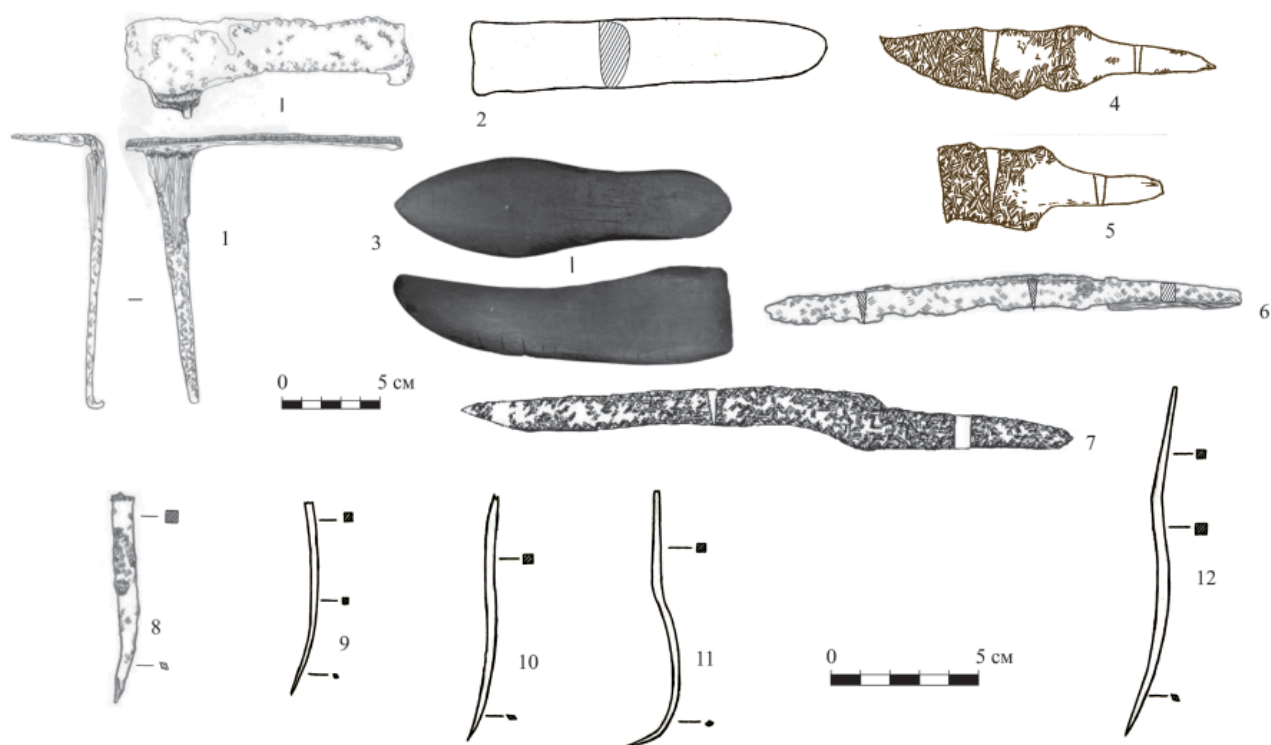

Рис. 43. Инструменты кожевенно-пошивочного производства: 1 – скребок, 2 – гладилка, 3 – колодка, 4–7 – ножи, 8–12 – шилья

не доставляет беспокойства птице. По нижнему краю имеются прорезы, куда продевался ремешок для стягивания. Она сзади внизу имеет вытачку, на другой стороне выкроен треугольный вырез для продевания клюва пернатого. В готовом виде клубочек представлял объемный прямоугольный футляр размерами 6,9×6,7 см (рис. 41: 9.1). Судя по размеру данного клубочка, он использовался при охоте с ловчими птицами среднего размера (Богатова и др., 2018). Подобный клубочек найден в слоях последней четверти XIV – первой трети XV вв. Новгорода (Федоров и др., 209, рис. 3: 5).

Кошелек изготовлены из двух или более деталей толщиной 1–1,5 мм, которые сшивались тачным или выворотным швом. Различные по форме, они имеют выпуклое тулово и округлый низ. Один из кошельков максимальной шириной 12 см и высотой 17,3 см, по центру имеет вертикальный разрез, нижняя часть которого сшита тачным швом. Обрез верхнего края кошелька выкроен с Т-образными ушками или завитками, которыми он крепился на поясе, и у устья имеет прорезы для стягивания ремешком (рис. 41: 10).

С территории ханского посада Казани происходит единственный чехол для ложки, выкроенный из цельного листа кожи толщиной 1,3 мм. Обрез верха конусовидного раскроя – зигзагообразный, длина раскроя 19,4 см. При сборке края низа сгибались вовнутрь и пришивались к внутренней поверхности потайным швом, торцы раскроя

сшивались тачным швом наружу. Верхние зигзагообразные обрезы складывались, и наносились прорезы для продевания ремешка. В готовом виде чехол представлял собой ромбовидный предмет с продольным швом, высотой 18,6 см, шириной вверху 1,8 см, в середине (максимально широкое место) 6,2 см, внизу 2,1 см (рис. 41: 11).

Аналогичный чехол, выкроенный из нескольких деталей, найден в Свияжске в районе Татарской улицы в заполнении сгоревшего жилого дома третьей четверти XVI в. (Шакиров, Валиев, 2009, с. 105, рис. 3: 11). Довольно много чехлов для ложек обнаружено в слоях второй трети XIII – середины XVII вв. древнерусских городов, которые подробно изучены Т.С. Матехиной (Матехина, 2016).

В коллекциях кожаных предметов из ханского слоя Казани имеется подпрямоугольный предмет-футляр высотой 9,5 см и шириной не менее 6 см. Вероятно, он относится к детальнокроеным футлярам для гребней и изготовлялся из двух половинок, скрепляющихся выворотным швом. Верх заготовки загибался вовнутрь и переметочным швом пришивался к несковозному надрезу на стороне бахтармы. В верхней части футляра имеются прорезы для продевания ремешка (рис. 41: 12).

Несколько изделий-вместилищ, выкроенных из листа кожи толщиной 1,5 мм, вероятно, являются вшивными боковинами сумок. Одна из них вытянутой формы, размерами 8×12 см, сшита из двух

слоев кожи. По краям изделия фиксируются следы от потайного шва (рис. 41: 14). Вторая, размерами 11,7×7,3 см, сшивалась с другими деталями выворотным швом, а в верхней части прослеживается тачной шов (рис. 41: 13).

В ханском слое Казани найдено 11 деталей и фрагментов рукавиц, из которых собирается два целых набора. Они выкраивались из двух основных половин, одна из которых закрывала ладонь и кисти руки с тыльной, другая – с фронтальной стороны, при этом на последней имелся подтреугольный вырез для большого пальца. В данный вырез тачным или выворотным швом пришивалась дополнительная деталь, закрывающая большой палец (рис. 41: 15). Толщина кожаного листа под рукавицы составляет 1,2–1,5 мм.

В коллекциях кожаных изделий Казани хранится небольшое количество (5 единиц) ремней, изготовленных из кожи толщиной 1–1,5 мм. Ширина их составляет 2,3–2,5 см. Наибольшая сохранившаяся длина достигает 31–35,5 см (рис. 41: 18). На большинстве ремней прослеживается продольное тиснение. На двух фрагментах посередине сделаны овальные вырезы размером 1,8×0,7 см, где фиксируются следы от металлической детали. На одном из них имеется серия мелких сквозных прорезов на сужающейся до 2 см оконечности, на другом – сквозные отверстия диаметром 3 мм от металлического наконечника ремня и пара прорезей (одна расширена) для фиксации пряжки (рис. 41: 16–17).

В коллекции имеется ряд предметов в единичном экземпляре (завязка, заплатки, обшивка края, плетенка с птичьей костью и т. д.), атрибуция остальных затруднительна. Вероятно, они относятся к деталям одежды, обуви, снаряжению или другим бытовым изделиям. Среди них выделяется ряд изделий, сохранившихся фрагментарно, однако привлекающих внимание содержащимся на них декором. В центре и по краям одного изделия фиксируются прорезы, вероятно оставленные колесной басмой, по которым производилась расшивка растительными нитями. Декор по краям расшивался в виде извивающихся и прямых линий, а в центре содержится растительный орнамент в виде стилизованного лотоса или тюльпана и многолепестковые розетки (рис. 42: 1). В гравюре к книге С. Герберштейна аналогичный орнамент изображен на кожаном покрытии седла, положенного на полку (Герберштейн, 1988, с. 115, рис. 9). Данный мотив и сам узор являются типичным болгаро-татарским орнаментом и встречаются не только в болгарских ювелирных и других изделиях X–XIV вв., но и на предметах казанских татар, вплоть до XVIII–XIX вв. (Валеев, 1969, с. 46–64, рис. 43–47, 60; Валеев, Валеева-Сулейманова,

1987, с. 105–106, 154–155, рис. 47, 55–58). Растительный орнамент, покрывающий всю поверхность предмета, иногда в сочетании с линованием, отмечен и на других фрагментах и обрезках изделий, которые были выкроены из кожи толщиной 1–2,1 мм (рис. 13: 2–4). На других фрагментах и вторичных обрезках прослежены следы колесной басмы в виде нескольких рядов мелких прорезей, куда продевались, видимо, цветные нити (рис. 42: 5–7).

В единственном экземпляре из ханского слоя Казани происходят путы, которые представляют собой плетеный ремешок с голеностопной костью птицы. Длина плетенки 27,6 см.

Среди коллекции археологической кожи с ханского слоя Казани известны аппликации в небольшом количестве. Одна из них выкроена из кожи толщиной 0,8 мм и представляет собой навершие или окончание на изделие в виде цветка лилии. Нижний обрез «стебелька» загнут внутрь и пришит потайным швом. Готовая форма крепилась на изделии сквозным швом (рис. 42: 8).

Среди находок из ханского слоя встречаются довольно крупные обрывки и фрагментированные изделия с различными вариантами швов, иногда декорированные линиями линования (рис. 42: 9). Несколько находок археологической кожи «ханского» слоя представлены заготовками определенных деталей обуви (рис. 42: 10–13).

Наиболее многочисленными, после деталей обуви, находками являются обрезки раскроя, которые служат одним из подтверждений наличия кожевенно-сапожного производства. Они имеют толщину кожаного листа от 0,5 до 3,6 мм и различаются по размерам. Имеются обрезки, оставшиеся от раскроя определенных деталей, и мелкие обрезки-стружки, образовавшиеся в результате доводки изделия нужным размерам (рис. 42: 14–17). Присутствие на обрезке от раскроя утолщения края кожи и местами волосяного покрова является характерной чертой деталей, выкроенных с края кожевенного листа (рис. 42: 18–19). Часты среди находок обрезки со следами швов и характерными признаками деформаций, что свидетельствует о вторичном использовании изношенных изделий (рис. 42: 20–22), хотя преобладают обрезки от новых кож (рис. 42: 23–24).

Обязательным атрибутом кожевенного производства является инструментарий, использовавшийся при обработке шкур и выделке кожи. Для удаления мездры, подкожной клетчатки и сгонки волоса кожевники использовали одно- и двухручные струги, скребки и другие инструменты. Один из таких инструментов, скребок, был найден в Казанском кремле в 1999 г. в раскопе XIII в слое ханского времени. Он представляет собой желез-

ный предмет Г-образной формы. Длина рабочей части (лезвия) составляет 14,5 см, ширина 3 см, несколько заострен. Перпендикулярно рабочей части (с края лезвия) продолжается черешок ручки, конец которой загнут кверху. Длина черешка ручки составляет 13,5 см, ширина от 0,5 до 1,5 см, прямоугольный в сечении. Кроме того, на черешке сохранились следы от деревянной ручки (рис. 43: 1). Еще в середине XX в. подобные скребки использовались деревенскими скорняками при выделке кожи.

Из ханского слоя раскопа XIII 1999 года «интересен костяной предмет, напоминающий нож» (Набиуллин, 2000, л. 52). Он имеет длину 17 см, ширину 3,5 см. Предмет изготовлен из трубчатой кости, распиленной вдоль. С одной стороны фиксируются следы заточки и стертости в процессе использования (рис. 43: 2). Возможно, он является гладилкой и применялся при обработке шкур.

Другая категория инструментов, применявшаяся в сапожном или пошивочном производстве, связанном с кожевенным делом, представлена ножами, шильями, иглами, проколками, колодками и пр.

В ханском слое Казанского кремля обнаружены несколько ножей и их обломков, которые можно отнести к типу сапожных. По Б.А. Колчину, это ножи с массивным, широким и коротким лезвием с плавно закругленным острым концом клинка (Колчин, 1959, с. 56). Два ножа происходят из ханского слоя раскопа XI (Ситдииков, 2006, с. 234, рис. 85: 3–4) (рис. 43: 4–5). В заполнениях сапожных мастерских Казани середины XV – первой половины XVI вв. вместе с многочисленными обрезами раскроя обнаружен и другой тип ножей, которые имеют прямое лезвие с изгибом передней части обушка вниз (Валиев, 2009б, с. 114, рис. 1: 3, 4; 2009а, с. 52, рис. 1: 3, 4; 2009 в; Ситдииков, 2006, с. 229, рис. 77: 17; 125: 13; 131: 6) (рис. 43: 6–7). Подобные ножи в контексте с кожевенно-сапожным производством встречаются в культурных напластованиях Ивангорода (Курбатов, 1991, рис. 2: 15), Пскова (Королева, Харлашов, 1994, рис. 13: 10), Москвы (Розенфельдт, 1971, рис. 3: 9, 17–19). По мнению А.В. Курбатова, данный тип ножей распространяется в кожевенно-сапожном деле с XVI в. (Курбатов, 2004б, с. 67).

Другим видом универсальных инструментов являются шилья, применяемые в сапожном производстве для прокалывания дыр. В Казанском кремле на раскопе XXXIV в заполнении сооружений, датированных ханским временем, наряду с фрагментами кожаных предметов обнаружены четыре шила (два целых и два обломанных). Все они имеют ромбовидное сечение рабочей части, переходящее в квадратный черешок. У одного шила

угол искривления достигает 90° (рис. 43: 9–12). Еще один фрагмент шила происходит с раскопа XIII (рис. 43: 8). Подобные шилья имеют аналогии среди материалов из раскопок Болгара золотоордынского периода (Хованская, 1951, с. 124) и древнерусских городов – Новгорода (Колчин, 1959, с. 63–64, рис. 50), Твери (Курбатов, 2004б, с. 67, рис. 151: 1, 3–5, 10–19), Москвы и Подмосковья (Осипов, 2006, с. 66, рис. 215; 219: 9) и т. д., где обнаружены шилья с ромбовидным, квадратным и круглым сечением.

Другой вид орудия кожевенно-пошивочного производства – иглы – при раскопках Казанского кремля не обнаружены. Однако детали кожаной обуви и другие кожаные предметы на местах соединения или декоративной вышивки сохранили следы использования игл – круглые отверстия от ниточного шва или фрагменты ниток. Судя по их окружности, иглы имели круглое сечение диаметром 0,7–2 мм.

Необходимым орудием при изготовлении обуви были деревянные колодки. В Казанском кремле в культурных отложениях периода функционирования кожевенно-сапожных мастерских (раскоп XIII) выявлена единственная деревянная колодка (рис. 43: 3). Длина ее составляет 17,6 см, ширина в пальцах 5 см, в пятке – 3,9 см, максимальная высота в пятке – 4,8 см. Колодка прямая и имеет заостренный, несколько приподнятый кверху носок, достигающий уровня высоты пятки, и скругленную пятку с прямым обрезом. Судя по размеру и форме, колодка использовалась при сборке подросткового сапога. Как известно, изготовление детской и подростковой обуви считается наиболее сложным в силу малых размеров и требует высокого профессионализма.

Таким образом, в XV – первой половине XVI вв. казанские кожевники применяли и развивали технологию кожевенного и сапожного дела, вероятно сложившуюся в Волжской Болгарии и Золотой Орде. Для казанского сапожного производства XV – первой половины XVI вв. характерно изготовление только сложносоставной обуви, единичные находки таких видов обуви, как поршни и «домашние» туфли, скорее всего, связаны с пребыванием в городе русского населения. Среди обуви выделяется пять видов: сапоги «жесткой конструкции» (итек), мягкие сапоги (ичетыги), полусапожки (чеботы), низкие туфли или галоши (башмаки) и специализированная высокая обувь (бахилы). Наиболее распространенными являлись сапоги «жесткой конструкции». Существовали два типа ичетыг: высокие до колен в качестве исподней обуви и обычные или парадные, которые носили как дома, так и на улицу, часто орнаментированные растительным узором. Кроме обуви

изготавливали и другие виды кожевенной продукции: воинское снаряжение, детали конской упряжи и одежды, бытовые предметы и прочее. Казань в XV – первой половине XVI вв. являлась одним из крупных центров кожевенно-сапожного производства не только в Среднем Поволжье, но и Восточной Европе, что подтверждается письменными и археологическими источниками.

Сельское хозяйство и промыслы. Часть населения Казани, как и жители практически всех средневековых городов Руси, Западной Европы и Востока, занимались земледелием, скотоводством и промыслами. В числе находок, связанных с сельскохозяйственной и промысловой деятельностью населения, можно назвать плужные ножи, серпы, обломок косы-горбуши, каменные жернова, рыболовные крючки, каменные и глиняные грузила для сетей и пр.

Зерновой хлеб и скот для забоя возили в большом количестве из близлежащих деревень и даже более отдаленных областей ханства, так как немалая часть поступающей продукции шла, помимо повседневных нужд города, на внешний рынок.

В слоях эпохи Казанского ханства собрано большое количество образцов для карпологиического анализа. Видовой состав сельскохозяйственных культур в значительной степени состоит из ржи. Показателем преобладания ржи является и слабая засоренность зернового материала, что объясняется ее способностью подавлять сильнее других культур рост сорняков и спецификой его посева после чистого пара. Среди выделенных культур имеется большой процент пшеницы летней, присутствуют зерна ячменя, овса, гороха. В одной из проб зафиксированы зерна южной туранской пшеницы. Одна из проб целиком состояла из зерен малины (Ситдииков, 2006б).

В ходе раскопок во многих постройках обнаруживается большое количество обугленного зерна, обломков каменных ручных жерновов, что свидетельствует о значительном развитии товарного производства зерна на селе и существовании в городе ремесленников, занимающихся обмолотом зерна и выпечкой хлеба.

Массовый материал из археологических раскопок представлен многочисленными костными остатками животных (Асылгараева, 2003; Асылгараева, Петренко, 2003). Osteологические находки (263 костных фрагмента), выбранные из напластований домонгольского времени, свидетельствуют, что проживавшее здесь население употребляло в пищу большое количество говядины и конины (27,8 и 26,6%), хотя в мясном рационе преобладала баранина (44,1%). Среди изученных костей нет костей свиньи и диких животных. В сравнении с крупным и хорошо изученным Билярским городи-

щем данные Казанского кремля свидетельствуют об их схожести при определенной специфике. На обоих поселениях преобладает остеологический материал, представленный крупнорогатым скотом и бараниной при незначительном проценте свинины (из усадьбы русских ремесленников) в Биляре. В отличие от Казанского кремля конина в билярских материалах занимает всего 6,2% от общего количества остеологического материала. Различие, вероятно, объясняется особенностью характера поселений. Город на Кремлевском холме в значительной степени выполнял военные функции, что требовало наличия относительно большего числа лошадей и других видов животных. Подобное соотношение, возможно, и наложило отпечаток на состав костного материала из домонгольского слоя Казанского кремля.

Костные остатки из напластований IV слоя, по мнению исследователей, повторяли по своему составу и процентному соотношению характеристику остеологического материала из отложений домонгольского времени. В числе небольших отличий необходимо отметить наличие костей свиньи, верблюда, а также собаки и кошки. Наличие костей свиньи и верблюда является ярким свидетельством присутствия в городе населения, отличного от мусульманского, и усиления контактов с другими регионами, в частности с южными районами, русскими княжествами. В IV и V слоях наблюдается полное отсутствие костей домашних свиней и доминируют остатки овец (Асылгараева, Петренко, 2003).

В общей сложности из III слоя раскопок Казанского кремля происходит более 130 тыс. костных фрагментов. Рацион питания населения ханской Казани несколько отличается от предшествующего периода. Например, возрастает количество костей свиньи, что, несомненно, связано с ростом числа русских поселенцев на территории Кремля. Много также лошадей. В числе домашних животных палеозологи отмечают кошку и собаку. Об активных торговых контактах Казани свидетельствует наличие костей верблюда. Заметное увеличение в слое доли охотничьей промысловой фауны (лось, косуля, кабан, медведь, заяц), обнаруженной в большинстве своем вблизи ханского двора, говорит об увлечении хана и его окружения охотой. Для слоя III наблюдается значительное уменьшение числа костей лошадей, свиней и увеличение количества костных остатков овец (Асылгараева, Петренко, 2003).

На материалах средневековой Казани прослежено преобладание костей домашних животных по сравнению с дикими животными. Потребление мяса охотничье-промысловых животных, как и сама охота, не имели большого значения. Нали-

чие в остатках находок от осетровых рыб, сомов и лещей указывает на употребление в пищу рыбы. Имеются находки костных остатков кур, гусей и уток – это отражает факт потребления домашней птицы.

Интересен вопрос об округе средневековой Казани. Именно здесь, очевидно, находилась сельскохозяйственная база города. Наиболее освоенной в этом плане была пойма Казанки и Мёши. Поселения здесь возникали еще в XI–XII вв. (Руденко, 2004). В целом все Предкамье было достаточно обжитым районом Болгарского Улуса в золотоордынское время (Фахрутдинов, 1975). Наиболее изученным из памятников этого региона на сегодняшний день является Камаевско-Урматский комплекс (Фахрутдинов, 1984, с. 125 и сл.) и Арский комплекс, включающий Бужинское селище и сам Арский кремль (Ситдииков, Хузин, Шакиров, 2010а; 2010б). Большая часть материалов на последнем относится к XIV–XV вв. Русско-Урматское селище возникло рань-

ше – в конце домонгольского времени (Фахрутдинов, 1994). Однако утверждать, что эти поселения археологически были непосредственно связаны с золотоордынской Казанью, нет оснований. Это самостоятельные поселенческие комплексы.

Объективно обрисовать поселенческую структуру округа Казани мешают и трудности выявления памятников эпохи Казанского ханства, о чем уже не раз говорилось в литературе. Однако, если использовать данные письменных источников, в частности писцовые книги, то, по данным Е.И. Чернышева (1971), Предкамье, особенно западное, было весьма заселенным районом, прежде всего в сельской местности. Что касается территории современного города, то здесь известны археологические местонахождения и следы селищ средневековой эпохи, а учитывая и удобные пространства поймы Казанки и Волги, условия для занятий земледелием, скотоводством и промыслами были более чем благоприятными.

ГЛАВА 7

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И ТОРГОВЛЯ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ

По замечанию одного из западноевропейских купцов и путешественников Иосафато Барбаро, Казань – «это торговый город; отсюда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Персию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из областей Дзагатаев и из Мордовии» (Древняя Казань, 1996, с. 63). О значении торговли в жизни города свидетельствуют не только монеты и многочисленные изделия западноевропейских, китайских, иранских, среднеазиатских и русских мастеров из раскопок Кремля, но и кости верблюда – немого свидетеля пребывания в городе торговых караванов. Казань, продолжая традиции Волжской Болгарии и Золотой Орды, стала крупным центром транзитной торговли по Великому Волжскому пути. К ней тянулись восточные и западные торговцы, приезжавшие на международную ярмарку, которая ежегодно устраивалась на Гостином острове. Они обменивались товарами или продавали их крупными партиями. Всемирно известная Казанская ярмарка на этом острове просуществовала до 1525 года. Позднее, в период резкого осложнения казанско-московских отношений, великий князь Василий III запретил купцам ездить на Гостиный остров. По сообщению русских летописей, «торг князь великий ис Казани вывел, а учинил торг и кебаки (торговые лавки) в Нижнем Новгороде». Данный запрет обернулся огромными потерями для всех купцов, как местных, так и приезжих, приносил немалый ущерб экономике Казанского ханства в целом. Однако Казань окончательно не потеряла своей роли в качестве одного из центров международной торговли. По некоторым сведениям, правда несколько преувеличенным, в 1552 г. в осажденном городе оставалось пять тысяч купцов из разных стран мира.

Новой эпохой в развитии Великого Волжского пути является период с рубежа XIV–XV вв. до середины XVI в. Начало его определяется ослаблением мощи Улуса Джучи и появлением в результате распада некогда мощной империи Джучидов нескольких государственных образований к середине XV в., претендующих на ее наследие. Обостряется борьба за контроль над Волжским путем. Крымское, Казанское и Астраханское ханства, Но-

гайская Орда и русские княжества, объединяемые Москвой, вступают в открытое противостояние за право воссоединения территории Улуса Джучи под своим началом. Борьба между его наследниками затянулась на несколько столетий.

Другой стороной развития Волжского пути в этот период является постепенная утрата ею роли трансконтинентального торгового маршрута. Это было обусловлено рядом серьезных объективных причин. Во-первых, это время великих географических открытий в Европе. Здесь складываются новые торговые пути и рынки. Португалия становится монополистом в морской торговле с Индией, что приводит к упадку южноевропейских городов. Испания начинает получать огромные колониальные доходы из Америки и превращается в один из крупнейших потребительских рынков Европы. В самой Европе динамично развиваются центры по производству массовой мануфактурной продукции – Англия, Голландия. В сложении европейской торговли определяющую роль начинают играть морские пути.

В это же время с распадом Золотой Орды Волжский маршрут утрачивает свою стабильность. Из-за разбоя небезопасным становится передвижение в нижнем течении Волги, что отмечается в дневниковых заметках путешественников. Длительная борьба Казанского ханства и Московского государства, а также военные столкновения Крымского и Астраханского ханств и Ногайской орды тоже оказывают негативное влияние на торговые отношения по Волге.

Ухудшается положение и в Средней Азии, соединявшей сухопутными караванами через Волжский путь европейские страны с Индией и Китаем. Здесь происходят непрерывные конфликты, что также лишает привлекательности торговлю в волжском направлении.

Однако, несмотря на имеющиеся негативные тенденции, Волжский путь с его крупнейшим ответвлением Камой сохранял значение одного из значительных торговых маршрутов Восточной Европы. Важным условием в оценке его роли является понимание масштабов этнокультурных контактов, протекавших в это время. По Волжскому пути происходило взаимопроникновение

традиций различных народов, имеющих иногда разительные отличия. Складывались самобытные культуры народов Поволжья: русских, татар, марийцев, чуваш и мордвы. Образ Волги отразился в их общественном сознании в виде многочисленных легенд и преданий, а также в ярких и выразительных эпитетах, которыми они наделяли ее образ.

В эту эпоху появляется множество записок западноевропейских путешественников, плававших по Волге (А. Контарини, С. Герберштейн, И. Барбаро и др.). В их дневниках содержатся сведения о тех землях, через которые они проезжали. Имеется субъективная оценка иной культуры, иногда непонятной, иногда неправильно истолкованной. Ценность их путевых заметок определяется тем, что в них мы находим факты обыденной жизни жителей волжских берегов, описания поселений и городов, часто остававшиеся за пределами официальной хроники. В них изложены данные и о более отдаленных странах, вовлеченных в волжскую торговлю. Дошедшие до нас материалы их странствий говорят о масштабах торговли, которая шла вдоль всего русла реки и за ее пределами.

Важнейшими источниками для изучения истории волжской торговли являются письменные документы, представленные русскими летописями, а также государственными и международными актами других стран. В них отражен дух эпохи, содержатся точные сведения об экономических и политических контактах стран, связанных с торговлей по Волжскому пути. В письменных источниках находит отражение и один из острых конфликтов за право контролировать волжскую торговлю, начавшихся в середине XV в. В противостоянии за Волжский путь вовлекаются практически все государства, образовавшиеся после распада Улуса Джучи. Особенно бескомпромиссно и жестко шла борьба между Казанским ханством и Московским княжеством, продолжавшаяся в течение ста лет и завершившаяся завоеванием Казанского ханства.

Предтеча борьбы Казани и Москвы за Волжский путь уходит корнями в предшествующие периоды. Начало противостояния относится к эпохе взаимоотношений Волжской Болгарии с Владимиро-Суздальским княжеством. Конфликт возникает с началом колонизации славянскими племенами территорий поволжско-финских народов (муромы, мещеры, мордвы и др.) в Окско-Волжском междуречье и усилением здесь влияния власти владимирских князей. Это приводит к появлению на подчиняемых территориях многочисленных городов – центров военно-политической власти, в том числе и Москвы. Одним из условий их развития в этот период становится установле-

ние контроля над трансконтинентальной торговой артерией – Великим Волжским путем (Лимонов, 1987, с. 111; Хузин, 2011, с. 88–93).

Начиная с рубежа X–XI вв. Волжский путь вверх по течению практически до Белоозерья уже активно осваивался и болгарскими купцами, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки изделий болгарских мастеров на поселениях по верхневолжским берегам (Хузин, 2009, с. 230). К этому времени относится возникновение многих болгарских городов по Волге, среди которых была и Казань.

Волжская Болгария в XI–XIII вв. являлась единственным государством, стоявшим на пути владими́ро-суздальских князей, стремившихся подчинить нижнее и среднее течение Волги и установить полный контроль над важным международным торговым маршрутом. Их агрессивная политика в отношении Болгарии выразилась в разорительных военных походах князей Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо и др. на болгарские города в XII в. (Хузин, 2011, с. 88 и сл.). Затишье наступает после покорения Волжской Болгарии и русских княжеств монголами в начале XIII в. и включения их в единую политическую систему Улуса Джучи.

В этот период Волжский путь впервые оккупается под контролем одного государства. Он сохраняет свое международное значение и становится внутренней артерией Золотой Орды. Возникает своеобразная региональная специализация в рамках единого государства, ставшая основой взаимовыгодного товарообмена. На юге (Северный Кавказ, Крым) активно осваиваются новые земли, развивается производство земледельческой и ремесленной продукции. С севера, из Волжской Болгарии и русских княжеств, поступают изделия ремесленников, продукция промыслов (мед, пушнина, рыбы и др.) и сельского хозяйства (рожь, пшеница, лен и др.). На территории Болгарского улуса выдвигаются динамично растущие и цветущие города – Болгар, Джукетау, Казань и др., ставшие центрами ремесла и торговли. В низовьях Волги появляются крупнейшие города Улуса Джучи, ее столицы. В степях основой жизни остается кочевое скотоводство, продукция которого успешно реализуется как в русских княжествах и Болгарском улусе, так и на юге.

Регионы выступают не только производителями, но и участниками транзитной торговли. Джучиев улус, создавая на своей территории условия стабильности и безопасности при продвижении торговых караванов, становится пересечением основных направлений торговых путей Евразии от Китая и Индии до Франции и Англии, от Египта до арктического севера.

Сложение благоприятных экономических условий определило усиление роли региональных центров, выражением чего стало их стремление к политической самостоятельности. Это явилось впоследствии началом формирования отдельных государств.

Казанское ханство как мощное государство в Восточной Европе появляется на исторической арене в середине XV в. Возвышение его связано с распадом Золотой Орды, сопровождавшимся усилением роли отдельных ее территорий и ослаблением центральной власти в результате изнурительных внешних войн и непрекращающихся династических междоусобиц ханов.

Казанское ханство с центром в Казани представляет государство, которое в XV–XVI вв. было одним из могущественных в Поволжье, являлось структурообразующим элементом для всего Волго-Уралья. С начала XV в. и до вплоть середины XVI в. оно было одним из влиятельных государств, игравшим важную роль в политической и экономической жизни Восточной Европы. В истории Казани это был период расцвета восточного средневекового города, временем, когда она была столицей крупного независимого государства.

Геополитическое положение Казани способствовало решению поставленных перед ней исторических задач. Вокруг нее возрождается былая мощь Биляра, Болгара, Джукетау. К XV в. город имел развитое ремесленное производство. К нему переходит статус центра в международной торговле по Великому Волжскому пути с Казанской ярмаркой на Гостином острове.

Образование «нового» государства многими увязывается отстранением от власти в 1445 г. в Казани болгарского князя Алибея и возведением на престол хана Махмуда (Махмутека), сына золотоордынского хана Улуг-Мухаммада. В эпоху своего расцвета Казанское ханство занимало обширные земли. В русской летописи отмечается, что под властью казанского хана «полна собрался... со всею землею своею, с Камьскою и с Сыплиньскою и с Костяцьскою и з Беловоложскою и Вотятъскою и з Башкирьскою...». Западные и северные границы Казанского ханства ограничивались Сурско-Свияжском междуречьем. Фактом, указывающим на закрепление границ между Москвой и Казанью, является строительство в 1523 г. в устье р. Суры Васильсурска. С этого времени начинается последовательное русское наступление на территории ханства. О восточной границе упоминает автор «Казанской истории», указывая, что территория ханства простиралась от впадения Камы в Волгу и до устья р. Белой: «То бо бе преже земля Болгарец малых за Камою промеж великия

реки Волги и Белья Воложки, до Великия орды Нагайския».

Основными занятиями населения Казанского ханства были высокоразвитое земледелие и стойловое скотоводство, а также бортничество и рыболовство. Сельское население занималось земледелием – возделывало зерновые и технические культуры, а также занималось скотоводством, пчеловодством и мелкими промыслами. Значительное место земледельца в хозяйственной деятельности жителей Казанского ханства связано традициями эпохи Волжской Болгарии. С самого начала своеобразие экономической жизни ханства позволяет видеть в нем наследника этих традиций. С. Герберштейн, описывая татар Казанского ханства, писал: «Они возделывают поля и живут в домах, и занимаются разнообразною торговлею». Высокое развитие земледелия в селах ханства отмечал и А. Курбский: «В земле той поля великие, и зело преизобильные и гобзующе на всякие плоды..., села часты; хлебов же всяких там множество...; также и скотов различных стад безчисленные множества...». О богатстве этих земель писал автор «Казанского летописца». Он указывал, что казанская земля «красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцами семены родимо, и овощами преизобильно, и зверисто и рыбно, и всякого много угодья». Важную роль в хозяйстве играло рыболовство. Продукты рыболовства и промыслов: мед, воск, рыбий клей, икра, соленая рыба, а также пушнина – являлись важными предметами экспорта в русские земли и страны Востока.

Города, особенно такие крупные, как Казань с населением около 15 тыс. человек, были центрами высокоразвитого ремесла (особенно железодельного, кузнечного, оружейного, кожевенного, гончарного, ювелирного и др.). Особую известность получили мастера по изготовлению кожевенных изделий, ювелиры. Важное место занимали строители многочисленных каменных зданий ханского двора и мечетей в Казани. В других городских центрах, центрах даруг, таких как Арск, Алат, Чаллы, Зюри, развивалось местное ремесленное производство.

Изменения политического и экономического положения города в середине XV в. приводят к динамичному росту численности населения. На ее территории складываются торгово-ремесленные районы (близ Тезицкого рва, на улице Ташаяк) и слободы (Кураишева, Бишбалта, Армянская и др.). В них концентрируется ремесленное производство.

Торговля была традиционной отраслью экономики Казанского ханства. В его столице ежегодно проходила крупная ярмарка, куда приезжали

Рис. 1. Клад русских монет из раскопок Казанского кремля

купцы из многих мест и стран. Активно развивалась торговля, как местная с Верхним Прикамьем и Южным Уралом, так и международная с Московским государством, Астраханским, Крымским, Бухарским и Сибирским ханствами, Ногайской Ордой, Персией, Османской Турцией. Основой экспорта из Казанского ханства были меха, кожевенные изделия, скот, хлеб и пленники, а ввоза – предметы роскоши, дорогое оружие, ткани, пряности, скот и др. В Казанское ханство ввозились соль, лен, западноевропейские шерстяные ткани (через посредство Московской Руси), шелковые и хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия, книги, предметы быта (из Бухарского ханства, Персии), фрукты, вина, сталь (из стран Закавказья). Оттуда вывозились меха, бухарские ткани, кожевенные изделия, в т. ч. и сафьян («булгари»), рыба. Существовала и торговля рабами, в основном из числа военнопленных.

О значительности торговли свидетельствуют не только многочисленные изделия и монеты западноевропейских, китайских, русских, среднеазиатских и др. мастеров на территории Казанского кремля, но даже остатки костей верблюда – символа торговых караванов.

В ходе археологических исследований 1996 г. в Казанском кремле на раскопе II (рук. Ф.Ш. Хузин) при исследовании остатков белокаменного здания (мечети Кул Шарифа?) было обнаружено два клада русских серебряных монет XV – начала XVI вв. Первый (малый) клад из 556 монет-«чешуек» довольно хорошей сохранности происходил из слоя, лежащего на глубине 1,6 м от современной поверхности, и находился в кожаном

мешочке; второй клад (большой) из 1449 монет лежал на глубине 2 м и был положен в берестяной туесок. Оба клада состояли в основном из монет Василия II, Ивана III и Василия III с небольшими включениями монет удельных княжеств, что характерно для кладов времени Василия III (Мухаметшин, 2010, с. 75). Большой клад содержал по одной монете Ярославского и Можайского княжеств, 16 монет чеканены в Рязани. Города Тверь и Новгород представлены соответственно 32 и 42 монетами, Псков – 181 монетой. Остальные монеты чеканены в Москве.

В большом кладе старшей монетой является деньга Василия II, в младшей – псковские новгородки Василия III; старшая – единственная в кладе золотоордынская монета Даулет Берди чекана Хаджитархана (Мухаметшин, 2010, с. 76). Следует заметить, что в обоих кладах отсутствуют монеты Ивана IV, а также обрезанные новгородские и псковские монеты, появившиеся в начале 30-х годов XVI в. (Мухаметшин, 2010; Ситдинов, Шакиров, Булыгин, 2010, с. 309 и сл.).

Следующий, третий, клад русских монет был обнаружен на раскопе XXXIV на территории резиденции президента Татарстана, расположенной на месте бывшего Ханского двора (рис. 1). Он содержал монеты, чеканенные после денежной реформы 1535 г. в основном в Москве, небольшая часть – в Твери (деньги, 138 шт.), а также в Новгороде и Пскове (копейки, 22 шт.) (Ситдинов, Шакиров, Булыгин, 2010, с. 310–311) (рис. 2).

Четвертый и пятый клады обнаружены при охранно-спасательных исследованиях 2004 г. во время прокладки коммуникационной траншеи между мечетью Кул Шарифа и казармой бывшего Юнкерского училища на раскопе XLIII и на отрезке между Благовещенским собором и Пушечным двором. Клад № 4 содержал 2 нательных креста, 2 сердоликовой бусины и 68 серебряных монет-«чешуек», младшая из которых чеканена в 1505 г. В кладе имеются две монеты новгородской чеканки 1420–1456 гг., остальные чеканены в Москве в период правления Василия II (1446–1462) и Ивана III (1462–1505). Клад № 5 составлен из монет, собранных в разрушенном культурном слое металлоискателем. Удалось собрать всего 25 монет, чеканенных в Новгороде (2 шт.), Рязани (2 шт.) и Москве (21 шт., младшие монеты – периода Василия III) (Ситдинов, Шакиров, Булыгин, 2010, с. 311 и сл.; Шакиров, 2011, с. 82–84).

Монетные находки ярко свидетельствуют о мирных торгово-экономических связях Казани с русскими княжествами.

Такие же связи Казанское ханство поддерживало со странами Востока, что доказывается опять же археологическими материалами, среди кото-

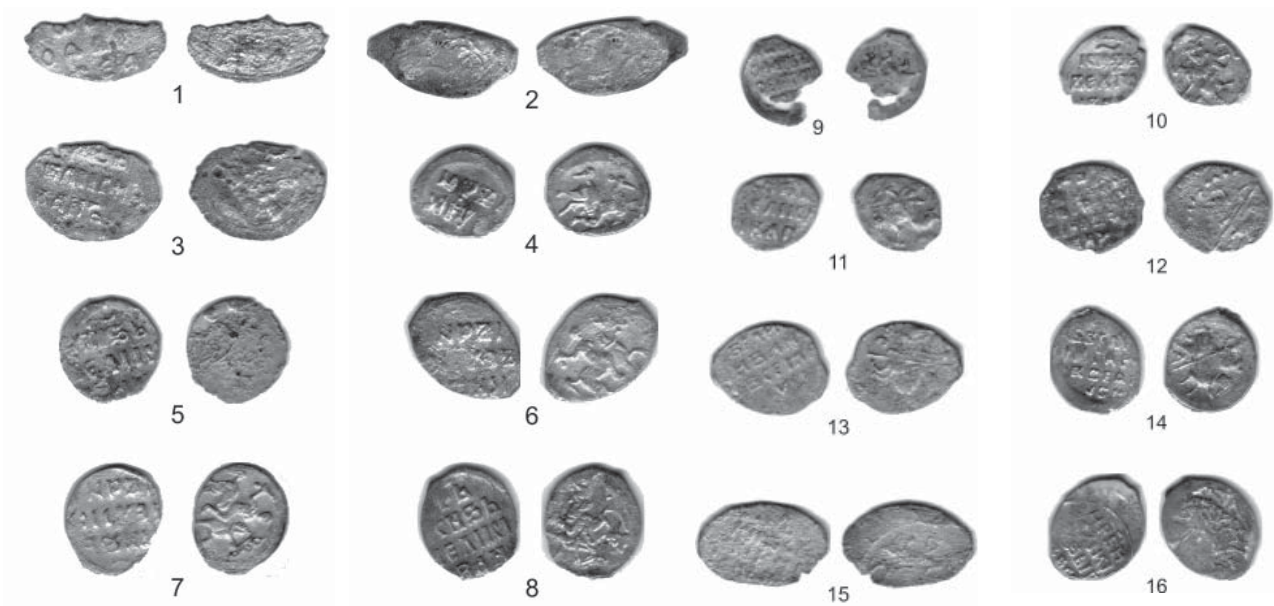

Рис. 2. Русские монеты из клада

рых особое место принадлежит импортной керамической посуде.

Большая ее часть, связанная с восточным импортом, была проанализирована в специальной работе В.Ю. Ковалья (Коваль, 2006). Им было рассмотрено 166 фрагментов керамики, происходящих из слоев, формировавшихся с XI по XVII вв.¹

Из полуфаянсов В.Ю. Ковалем отмечены мелкие фрагменты посуды без рисунка и люстровые полуфаянсы, изготавливавшиеся в Сирии в XII–XV вв. и в Иране в XVII–XVIII вв. Учтено три обломка от различных сосудов (двух кувшинов и одной чаши) этой группы, принадлежавших к одному типу изделий. Внешняя поверхность такой посуды покрывалась окрашенной кобальтом глазурью, поверх которой наносилась роспись темным (от долгого пребывания в земле) люстром зеленоватого оттенка. Все образцы изготовлены из твердого белого кашина.

Более детально В.Ю. Ковалем изучены из раскопок Казанского кремля полуфаянсы с росписью красками (рис. 3). В составе этой группы выделяются несколько отделов керамики: Отдел 1. Полуфаянсы с полихромной росписью под бесцветной глазурью, двух типов: Тип 1. Полуфаянсы с трехцветной росписью, середины – второй половины XIV в. (12 экз.) (Коваль, 2006, рис. 1: 14; 2: 2–4; цв. илл. 2, 1, 3); Тип 2. Полуфаянсы с трехцветной росписью в резерве (2 экз.) (Коваль, 2006, рис. 3: 1, 2). Отдел 2. Полуфаянсы с монохромной росписью, с несколькими типами и вариантами типов в основном «тимуридской» керамики конца XIV–

XVI вв. (более 50 экз.) (Коваль, 2006, рис. 5: 6, 10; цв. илл. 4: 3, 5).

В отдельную категорию (класс) исследователем выделены майолики и полумайолики (Коваль, 2006, рис. 6: 9); фарфор, который включал изделия двух семейств: селадоны и настоящий фарфор с синей монохромной росписью. Интерес, кроме достаточно редких селадонов, представляет синевелый фарфор, производившийся в Китае в середине XIV в. (в эпоху Мин) и доминировавший в китайском импорте в XV–XVIII вв. (рис. 4)². Известна и архитектурная керамика, применявшаяся во внешнем декоре монументальных сооружений (дворцов, мечетей и т. п.). К этой же категории относится и часть мозаичного панно, состоявшего из выпиленных деталей, облицованных бирюзовой непрозрачной (1 шт.) и ультрамариновой прозрачной (3 шт.) глазурью³.

Вне исследования В.Ю. Ковалья осталась группа поливной керамики, происходящая в преобладающей степени из позднезолотоордынских горизонтов и слоя Казанского ханства (Ситдииков, 2009; Khrumchenkova, Sitdikov, 2012). Эта категория глазурованной посуды состоит из 107 фрагментов. Ее можно разделить на две группы: первая группа – красноглиняная керамика с голубой глазурью, вторая группа – белоглиняная и красноглиняная керамика с зеленой и коричневой глазурью. Для выявления оптимального метода изучения особенностей глазури была выбрана серия из трех образцов, отбор которых определялся цветовым

¹ В отчетах А.Х. Халикова, Л.С. Шавахина, Ф.Ш. Хузина, а также в их публикациях имеется информация о более 40 находках подобной керамики.

² При раскопках в Казани были найдены семь обломков от шести различных фарфоровых чаш.

³ Раскоп XIII 2000 г., № 379 (контекст находки не определен).

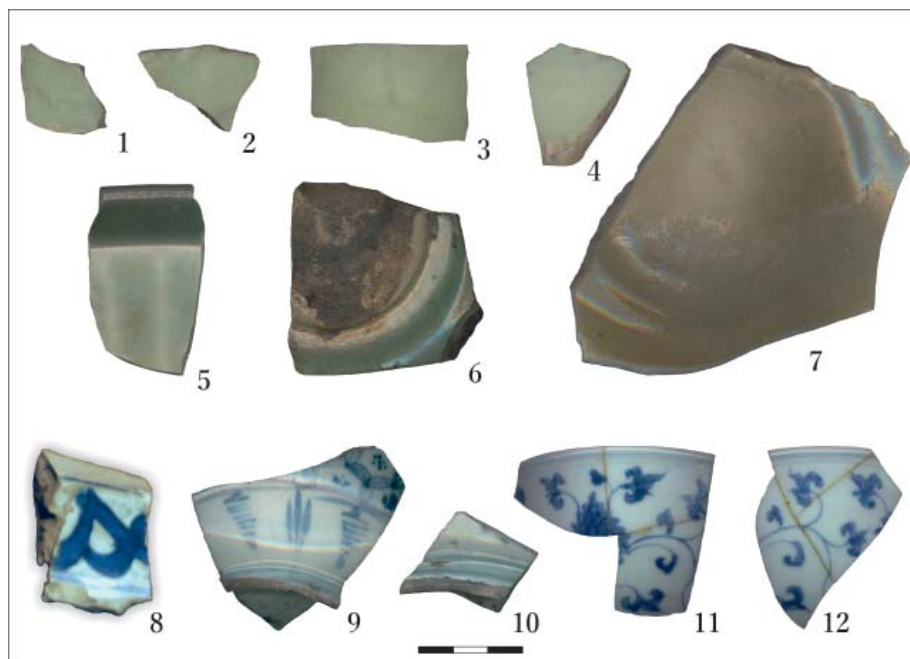

Рис. 3. Импортная керамика ханского времени из раскопок Казанского ханства

своеобразием глазури основных типов изучаемой керамики.

Первая группа поливной керамики включает в себя 14 фрагментов с монохромной голубой глазурью недекорированной красноглиняной керамики с белым подглазурным ангобом. В ряде случаев ангобирована и внутренняя поверхность на уровне венчика со следами потеков. Обломки принадлежат небольшим по размерам кувшинам грушевидной формы с плоским дном, срезанным ножом. Имеются обломки ручек округлой формы в сечении. Посуда изготовлена из красной глины без видимых примесей. При обжиге тесто перекалено и имеет коричневато-серый оттенок. Во внутренней части отмечаются следы вытягивания, внутренняя поверхность имеет рельефные горизонтальные углубления. Реконструируемая высота кувшинов не превышает 20–25 см. Аналоги такой керамике нам не известны. Девять находок стратиграфически привязаны к слоям XV–XVI вв., пять фрагментов – из напластований XIV в. В аналитических таблицах этой группы керамики соответствует образец № 2 (348). Большую часть глазурованной керамики составляет вторая группа, представляющая собой декорированную монохромную полумайолику с зеленой и коричневой поливой с врезным орнаментом на белоглиняной или красноглиняной основе с ангобом, в количестве 93 фрагментов.

Поскольку большая часть образцов поливной посуды обнаружена у Ханского двора, то можно предположить, что именно представители ханской администрации были основными потребителями этой продукции. Аналогичные белоглиняной ке-

рамике с зеленой поливой были обнаружены на Камаевском, Арском городищах и датируются XV в. На Камаевском городище подобная керамика достигает 10,5–11% от общего числа керамики. Аналогичная керамика имеется в синхронных Казанскому кремлю слоях Москвы, Твери.

* * *

Казань в период ханства стала крупным центром транзитной торговли по Великому Волжскому пути. К ней стремились восточные и западные торговцы, приезжавшие на международную ярмарку, устраиваемую ежегодно на Гостином острове.

Насущные, бытовые интересы казанцев находили удовлетворение в товарах многочисленных лавок, где торговали дорогими привозными яствами и доступной по цене едой из местных продуктов. При описании города упоминаются мельницы, а в ходе раскопок во многих постройках обнаруживается большое количество обугленного зерна, что свидетельствует о значительном развитии товарного производства зерна на селе, а также о существовании в городе ремесленников, занимающихся обмолотом зерна и выпечкой хлеба. Многочисленные кости употребленных в пищу домашних животных из южных областей также свидетельствуют об активной и взаимовыгодной торговле ремесленников и сельских жителей.

Казанские ханы поддерживали тесные военно-политические и культурно-экономические контакты со своими тюркоязычными соседями – Ногайской Ордой, Астраханским, Крымским и Сибирским ханствами. Через волжскую торговлю

Рис. 4. Фарфоровая чаша ханского времени

они получали сельскохозяйственную и ремесленную продукцию из Казанского ханства и Московского государства. О значительной роли ногаев в обеспечении Казани продукцией скотоводства свидетельствуют материалы археологических исследований. Среди выявленных костных остатков из слоев Казанского ханства большинство принадлежит видам животных, разводимых в степной зоне Восточной Европы. Значительный объем продаж скота был ориентирован на российский рынок. Десятки тысяч животных ежегодно поступали на продажу в Нижний Новгород, Холмогоры, Москву, где функционировали основные ярмарки, ориентированные на ногайскую продукцию. Как отмечают исследователи и современники, ногайские лошади были основой российской кавалерии и, как писал известный французский историк Ш. Лемерсье-Келькеже, «без кавалерии русские не смогли бы завоевать мусульманские территории». Именно кавалерия стала основой в создании эффективной Российской армии на смену феодального войска. По имеющимся письменным источникам, в Россию в год продавались десятки тысяч лошадей.

Кроме скота предметами экспорта из степи были: кожа и кожаные изделия, войлок, топленое сливочное масло. Ногайцы также перепродавали на запад продукцию восточных стран: шелк, хлопчатобумажные ткани.

Крупными торговыми центрами, где реализовывалась ногайская продукция, являлись, помимо Казани, Бухара, Ургенч, Москва, Кафа, Азов. Некоторые торжища складывались на местах переправ ногайских табунов: Самара, Сэмбер, Сары-

тау, Сарышин (Царицын) и др. Волжские торговые центры становилась местом встречи восточных и европейских купцов.

В ногайские степи, по исследованиям М.В. Фехнер, шла реализация изделий из металла, кожаных изделий, ткани, бумаги, ловчих птиц, а также значительное место занимала хлебная торговля (Фехнер, 1956). При реализации продукции на рынках господствовал меновая торговля. Немаловажное место в обмене товарами занимала торговля рабами. Она осуществлялась за счет захваченных в плен, а также приобретенных у других торговцев.

Ногайская орда на Волжском пути являлась участницей не только меридиальной, но и широтной торговли. Через ногайские степи на Нижней Волге встречались торговые маршруты, идущие из Средней Азии, Сибири, Кавказа, Причерноморья. Несмотря на сильную зависимость ногаев от стабильности торговли, их правители не могли гарантировать безопасность путешественникам, которые подвергались разграблению и убийствам. В письменных источниках того времени часто говорится о нападениях и разграблении купцов в нижнем течении Волги.

В дальнейшем судьба Ногайской орды оказалась всецело связана с Волжским путем. После падения Казанского и Астраханского ханств Орда была полностью привязана к российскому рынку. Развитие торговых связей зависело от волжских переправ, которые по просьбе ногайцев организовывались царским правительством. В значительной степени именно на местах переправ, где существовали более ранние поселения с аналогичными

функциями, возникли такие современные города, как Самара, Саратов, Волгоград и др.

Южным узлом Великого Волжского пути с XIII в. являлась Астрахань, ставшая столицей одноименного ханства. Она возникла как небольшой город недалеко от волжского устья в Каспийское море и сразу заняла важное место в волжской торговле. Территориально новое ханство занимало пространство вдоль русла Волги, предположительно доходило до Саратова. В этих границах оно объединило нижневолжские земли, центральные районы бывшего Улуса Джучи. Подобное расположение позволило Астрахани контролировать не только волжскую торговлю, но и его каспийское направление, а также широтные торговые маршруты от Турции до Ирана, от Индии до Сибири.

Основа экономической жизни ханства была построена на контроле над торговлей по Волжскому пути, а также на рыболовстве и массовой добыче соли. Эта были основные статьи дохода ханов Астрахани.

По запискам путешественников мы знаем, что в астраханской торговле были задействованы сотни волжских кораблей. Они доставляли через Казань в Московию тонны вяленой рыбы, икру, соль, а также предметы восточного ремесла. Важное место в торговле Астрахани занимала последующая перепродажа товаров ремесленной продукции из причерноморских и среднеазиатских городов.

Ассортимент экспорта в Астрахань связан в большей степени с сельскохозяйственной продукцией. Особенно наблюдался недостаток хлеба, который поступал из Казанского ханства и Московии. На рынки Астрахани проникали и предметы западноевропейской продукции.

Основной денежной системой, преобладающей в волжской торговле, со второй половины XV в. становится московская монетная чеканка,

хотя в торговом обороте присутствуют еще деньги, чеканенные в русских удельных княжествах, тюркских государствах. Переломным моментом является денежная реформа московских царей в 1533 г., когда определяются параметры единой российской денежной системы и монетной чеканки. При характеристике изготовления российских монет надо отметить, что серебро в виде сырья поступало из Европы. В основном это были или специальные серебряные слитки, или крупные серебряные монеты.

Развитие Волжского пути стало вехой в становления речного судостроения. Иностранцы, путешествовавшие по Волге, отмечали десятки разновидностей кораблей от небольших судов до многотонных кораблей. Поражает численность самой флотилий. В описаниях волжской торговли говорится о сотнях кораблей, перевозивших товары между городами.

Кораблестроение являлось широко распространенным видом деятельности среди волжских городов. Известно о русской флотилии не только торгового характера, но и военного назначения. Об участии военных кораблей неоднократно говорится в русских летописях при описании походов на Казань и Астрахань. Существовало развитое кораблестроение и в Казанском и Астраханском ханствах. В летописании неоднократно упоминается о речных сражениях флотов казанцев и московского князя. Подтверждением развития кораблестроения в Казанском ханстве являются сообщения о ремесленной слободе близ Казани – Биш Балта, где изготовляли речные суда. В будущем преимущество развития слободы выразилась в образовании рядом с ней в петровское время Адмиралтейской слободы для создания российского морского флота.

ГЛАВА 8

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ПИСЬМЕННАЯ
КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Казанское ханство в период своего расцвета на рубеже XV–XVI вв. и в первой половине XVI столетия занимало значительную территорию. Границы его проходили на западе по рекам Суре, Ветлуге и Мокше, на юге – по рекам Сок, Кинели, на востоке – по Сылве, Белой, на севере – по реке Чепце и нижнему течению Вятки (Исхаков, 2009, с. 36; История татар, т. IV, цветная вкладка, карта). На этой территории проживало болгаро-татарское население, чувашаи, мари, удмурты, часть башкир и мордва. Основное население концентрировалось преимущественно в бассейнах рек Казанки, Меши и нижнего течения Свияги. Небольшая часть болгарско-татарского населения проживала на севере в среднем течении реки Чепцы и на востоке по рекам Ик и Белой. Именно с этой территории происходят эпитафические памятники Казанского ханства. На эпитафии Казанского ханства впервые обратил внимание К.Ф. Фукс (Фукс, 1817, с. 42–43). Надгробный камень с надписью, о котором сообщил Фукс, был обнаружен при строительстве Гостиного двора и сегодня хранится в мечети Ш. Марджани.

Эпитафические памятники периода Казанского ханства исследователями еще в первой половине XIX в. не выделялись из общей массы болгаро-татарских эпитафий. Впервые дифференцированный подход к ним намечается у Н. Ильминского (Ильминский, 1851) и К. Насыри (Насыри, 1975). Так, среди памятников Предволжья К. Насыри выделяет памятники Казанского ханства и более позднего времени (Насыри, 1975, с. 41).

В.К. Магницким были собраны сведения о 17 кладбищах с надгробиями данного региона (Магницкий, 1866, 1874). Часть из них – эпитафии Казанского ханства.

В известной работе С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии» отмечено 44 пункта с эпитафиями: памятники XV–XVI вв. там единичны. Отдельные памятники, отмеченные С.М. Шпилевским у сел Камаево, Карабаян, Чита, М. Меретяки, Нырсы, Кибя-Кози, Казаклар, исследователями

позднее были определены как эпитафии Казанского ханства.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. значительное количество эпитафий Казанского ханства вводит в научный оборот Али-Рахим (Али-Рахим, 1929; 1930; 2008). В Арском кантоне им было исследовано 61 надгробие: из них три – XV в., три – конца XVI – начала XVII вв., остальные относятся ко времени Казанского ханства (Али-Рахим, 2008, с. 232).

Две эпитафии периода Казанского ханства из с. Шигали Чувашской АССР были опубликованы С.Е. Маловым (1947, 1948).

В дальнейшем изучение эпитафических памятников было продолжено известным этнографом и эпитафистом Г.В. Юсуповым. Эпитафиям XV в. он посвятил специальную статью (Юсупов, 1951), еще одна статья была опубликована по вновь выявленным эпитафиям Казанского ханства (Юсупов, 1963). Эпитафиям периода Казанского ханства он уделял большое внимание и в своем фундаментальном труде «Введение в болгаро-татарскую эпитафику». Неопубликованные материалы экспедиции Г.В. Юсупова по Атнинскому району РТ в 1959 г. были изданы М.И. Ахметзяновым (Г.В. Юсупов, 2005); эта работа полностью посвящена эпитафиям XVI в.

Отдельные эпитафии Казанского ханства были опубликованы М.И. Ахметзяновым (1998; 1999; и др.).

В сводной работе Р.Г. Фахрутдинова «Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии...» имеются сведения о 81 кладбище с надгробиями XV – первой половины XVI вв. (Фахрутдинов, 1975, с. 78).

В монографии Д.Г. Мухаметшина отмечено около 250 памятников XV – первой половины XVII вв., выявленных в 94 пунктах (Мухаметшин, 2008, с. 46).

В последние годы изучению эпитафических памятников посвящены работы Н.И. Наккаша, Р.Ф. Марданова, И.Г. Хадиева и др.

Во время археологических раскопок на территории Казанского Кремля было обнаружено несколько фрагментированных эпитафий XV –

Рис. 1. Кладбище с. Большие Атрясы Тетюшского р-она РТ. Акварель Н.Ф. Калинина

первой половины XVI вв. (Гариф, 2010, с. 22–23, № 204–213).

Сведения обо всех известных науке эпиграфических памятниках периода Казанского ханства были воедино собраны Н. Гарифом в его монографии «Казан ханлыгы чоры ташъязмалары». Там отмечено наличие 297 эпитафий на территории Татарстана, Чувашии и Республики Марий Эл (Гариф, 2010, с. 12–28).

Известные науке эпиграфические памятники XV – первой половины XVI вв. компактно расположены на территории Северного Предволжья и восточного Предкамья. За пределами этой территории имеется только несколько пунктов с эпиграфическими памятниками: это пос. Карино в Кировской обл., с. Мантово Тетюшского района, на урочище Балыгуз у с. Билярска Алексеевского района РТ. Памятники XV в. занимают территории, крайние точки которых расположены на севере у с. Средние Аты Арского, на юго-востоке – у с. Большие Яки Мамадышского, на юго-западе – у Тат. Танаево Зеленодольского района РТ.

В первой половине XVI в. территория распространения намогильных камней значительно расширяется. На севере эпитафии обнаружены у с. Нохрат Слободского района Кировской обл., на

юге – в Закамье у с. Билярск Алексеевского района РТ, в Предволжье – у с. Мантово Тетюшского района РТ. Самая восточная находка сделана у с. Берсут-Сукачи Мамадышского района РТ и на западе – у с. Липша Звениговского района Республики Марий Эл и у с. Шигали Урмарского района Чувашской Республики.

В центральной части Казанского ханства, где в основном проживала татарская часть населения, памятники расположены на территории 93 деревень (Высокогорский район, в 21 деревнях 77 памятников; Арский, 16–60; Атинский, 8–52; Зеленодольский, 13–25; Пестречинский, 8–17; Сабинский, 7–10; Рыбно-Слободский, 4–8; Тюлячинский, 4–9; Кайбицкий, 2–6; Балтасинский, 2–3; Верхнеуслонский, 2–3; Тетюшский, 2-2; Лаишевский, 1–1; Мамадышский, 1–1; Апастовский, 1–1). В городе Казани – 12. Таким образом, по подсчетам Н. Гарифа, эпиграфические памятники занимают территорию 16 районов, расположенных вокруг города Казани.

По времени самая ранняя эпитафия (1417 г.) происходит с кладбища у с. Большие Яки Мамадышского района РТ, к 20-м гг. XVI столетия традиция установления эпиграфических камней достигает своего апогея и продолжает развиваться до 50-х гг. XVI столетия.

Рис. 2. Историк Н.Ф. Калинин за работой

Вопрос классификации эпитафий Казанского ханства впервые ставится в работе Али-Рахима. Анализируя большое количество памятников XVI столетия с точки зрения их орнамента, оформления и палеографии, он вводит понятие «стиль». Стиль памятников с конца XV в. по XVII в., отличающийся рельефным шрифтом «сульс» и пышным растительным орнаментом, по его мнению, был заимствован казанцами извне (Али-Рахим, 1930, с. 149).

Г.В. Юсупов чисто хронологически выделяет памятники XV в., памятники первой половины XVI в. и эпитафии второй половины XVI – первой половины XVII вв. (Юсупов, 1960, с. 39, 40). По его классификации, памятники Казанского ханства разделяются на два периода: памятники XV в. и памятники первой половины XVI в. Тогда, по его мнению, устанавливается довольно однородный стиль надписи надгробий со стройным шрифтом «сульс» и с текстом на татарском языке, традиционным орнаментом под аркой (Юсупов, 1960, с. 147). Более детализированная классификация им не была проведена.

Включение Г.В. Юсуповым эпитафий второй половины XVI – первой половины XVII в. в данную классификацию связано с тем, что даже после присоединения Казани к России в несколько видоизмененной форме продолжает существовать тот же стиль. Качественно новый тип памятников появляется только в конце XVII в.

Разработанный Али-Рахимом «стиль» сыграет важную роль в датировке эпитафий, поскольку у большинства памятников, в силу плохой сохранности, дата чтению не поддается, датировка памятника производится именно по его «стилю».

Новая классификация эпитафий Казанского ханства была предложена Д.Г. Мухаметшиным. В основу предложенной им классификации положен хронологическо-территориальный принцип. Эпиграфические памятники XV – первой половины XVI вв. разделяются на два региональных округа: Казанский и Каринский. Каринский округ дает однотипные памятники, а среди эпитафий Казанского округа выделяется несколько типов, которые хорошо укладываются в указанные хронологические рамки (Мухаметшин, 2008, с. 56).

Памятники этого периода по форме верхней части полукруглые без арки и килевидные со стрельчатой аркой. Арки невыразительные, плечики отсутствуют. В заполнении арок более ранних памятников расположена кораническая формула, а с 20-х гг. XVI в. – сложное переплетение растительных мотивов. Эти памятники имеют прекрасно выполненный бордюрный орнамент, состоящий из растительного мотива. Тексты эпитафий обычно состоят из 5–7 разделенных между собой рельефными полосами строк. Как правило, первые 3–4 из них занимает изречение из Корана. Большинство эпитафий 20–50 гг. XVI в. имеют боковую надпись и надпись-штамп на обороте па-

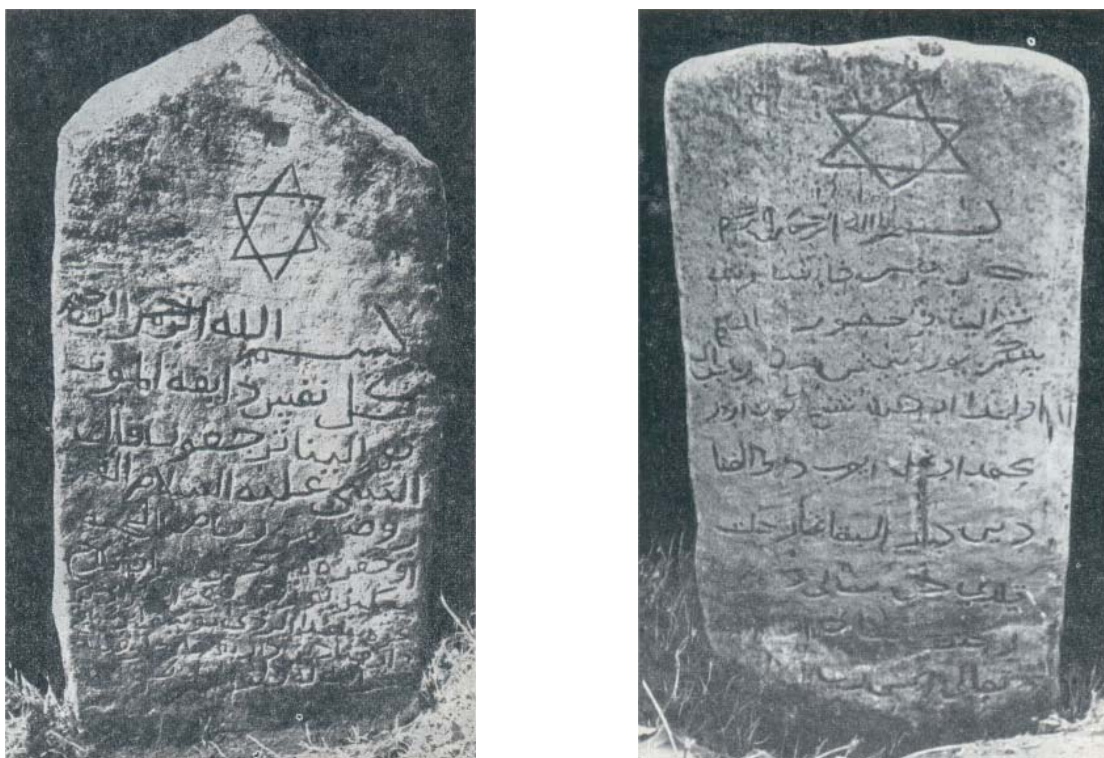

Рис. 3. Памятники из с. Большие Нырсы Тюлячинского района РТ

мятника. Надписи в основном выполнены рельефным шрифтом, почерком «сульс». В конце эпитафии шрифт становится мельче. Но тексты отдельных памятников вырезаны углубленным шрифтом.

На сегодняшний день известно около 300 эпитафий периода Казанского ханства, все они, кроме трех, находящихся в Кировской обл., сконцентрированы вокруг Казани. Даты у более половины памятников утеряны, поэтому датировка эпитафий по типам очень актуальна.

Первый тип – памятники примитивной обработки с остrokонечным или прямоугольным верхом, шестиконечной звездой или формулой в верхней части. Их размеры составляют 19–20×50–60×110 см. Почерк простой с элементами сульса, крупный врезанный шрифт к концу текста становится мельче. Такие памятники обнаружены у сел Большие Нырсы Сабинского и Большие Яки Мамадышского района РТ. Хронологически они относятся к 20–70-м гг. XV в.

Памятники первого типа являются непосредственным развитием эпитафий второй половины XIV в. Здесь тот же мотив шестиконечной звезды, простой врезанный шрифт, но в структуре текста появляются компоненты, характерные для более поздних типов. Корни памятников I типа уходят еще глубже – к эпитафиям первой половины XIV в. Кирменско-Джукетауского округа – Кирмени 50-х гг. XIV в., Ямашурмы 1382 г., которые следует рассматривать как единый переходный

тип от золотоордынских эпитафий к памятникам Казанского ханства.

Второй тип характеризуется бордюром, состоящим из ячеистого орнамента или плетенки. Верхняя часть памятников полукруглая. Основные размеры плит 11–14×47–65×61–70 см. Как видно, памятники этого типа отличаются небольшой толщиной, а памятники с ячеистым орнаментом выделяются еще своей значительной шириной. Почерк памятников – простой врезанный или рельефный. Между строками текста имеются врезанные или рельефные полосы. Данный тип включает памятники у с. Тат. Азелей, Средние Аты, Урывкино, Чирпи, Тат. Ходяшево (Юсупов, 1960, табл. 53) и др. Они очень выразительны своим бордюрным орнаментом. Г.В. Юсуповым описаны три вида бордюрного орнамента, входящих во второй тип: ячеистый, джут и веревочный.

Г.В. Юсупов отмечает наличие аналогов такого орнамента в материалах Средней Азии, Руси, Болгара (Юсупов, 1960, с. 140), а «джут», по мнению Ф.Х. Валеева, относится к узорам четвертого комплекса и употребляется в резьбе по камню и дереву (Валеев, 1969, с. 136).

Третий вид орнамента в виде двойной плетенки по бордюру также имеет аналоги в болгарском искусстве. Таково, например, оформление бордюра ряда болгарских костяных поделок.

Своеобразное оформление имеет памятник из с. Средние Аты. Бордюры его окаймлены рельефно высеченной арабской вязью. Это пока единствен-

Рис. 4. Памятник из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-она РТ. 1518 г.

ный своего рода памятник в эпиграфике. Все памятники второго типа хронологически не выходят за пределы 80–90-х гг. XV вв.

К третьему типу относятся памятники с остроконечным и килевидным верхом со стрельчатой аркой. Почерк этих памятников – простой и крупный, тяжелый сульс.

Принадлежащие к этому типу надгробия из Ямашурмы, Ниж. Берески, Ниж. Серды, Тат. Ходяшева, Ст. Узюма и Епанчина имеют остроконечную и простую арку без плечиков с формулой «Он живой, который не умирает» в тимпане. Размеры памятников составляют 18–22×47–53×120–144 см. Тексты памятников с остроконечным верхом имеют врезанный шрифт, а тексты памятников с полукруглым и килевидным верхом исполнены рельефным шрифтом. Бордюрный орнамент разнообразен: рельефная полоса, виноградная лоза и геометрический орнамент, состоящий из зигзагообразной линии. Своеобразна и техника исполнения текстов некоторых памятников (Тат. Ходяшево), где свободное от букв пространство не выбрано, что значительно облегчало изготовление памятника. Подобной техникой выполнен и текст одного из малоатнинских надгробий.

Своеобразное оформление имеет Н. Сердинская эпитафия. Здесь сочетаются растительный (в верхней части бордюра), геометрический (нижняя часть бордюра) и веревочный (между строками надписи) орнаменты.

Немногочисленные памятники третьего типа хронологически не выходят за пределы двадцатых годов XVI в. Только примитивно оформленный памятник из Н. Берески установлен в 946 г. х. (1539/1540 г.).

Четвертый тип включает в себя памятники с верхом стрельчатой и остроконечной формы и с бордюрным орнаментом в виде виноградной лозы, опущенной по всей длине памятника. Орнамент верхней части составляет «затейливое плетение, состоящее из сочетаний листьев и цветов, розеток, завершаются трилистником-тюльпаном; в центре розетка, по обе стороны ее продолговатые стилизованные листья» (Дульский, 1929, с. 24). По мнению Г.В. Юсупова, подобный орнамент был широко распространен в архитектурной декорировке памятников Казанского ханства (Юсупов, 1960, с. 148).

К четвертому типу относятся памятники из Чувашли, Берсут-Сукачи, Наласы, Верхней Серды, Тат. Танаева, Ст. Тябердина, Ст. Масры, Ямашурмы, Хохлова, Ст. Шигали, Бол. Березы, Н. Уры, Верхних Кибя-Кози, Иски Казани и др. Их размеры такие же, как у памятников третьего типа.

Памятники четвертого типа хронологически относятся к 30–40 гг. XVI в. У них появляются штамп на обратной стороне, растительный пышный мотив, боковая надпись.

Пятый тип включает памятники с бордюрным орнаментом, обрамляющим часть плиты, где расположена надпись. В верхней части таких надгробий врезан орнамент, изображающий плетение растительных форм, но более усложненного типа. На оборотной стороне врезан штамп. Боковая надпись на обеих сторонах начинается со слов «Сказал пророк, да будет мир над ним» и приведено одно из изречений Мухаммада.

На эпитафиях мы наблюдаем четыре вида бордюрного орнамента: виноградная лоза, мотив тюльпана, цветочный мотив и своеобразный мотив побега.

«Стильные» памятники Казанского ханства (пятый и шестой типы) продолжают существовать и во второй половине XVI – первой половине XVII вв.

Оформление боковых частей памятников XV – первой половины XVI вв. простое. У первого и второго типов надписи или орнамент по бокам отсутствуют, лишь некоторые памятники третьего типа имеют надпись на боковых частях. У эпитафий четвертого и пятого типов боковые надписи расположены в одну или в две строки и заключены в прямоугольные или остроконечные рамки. На некоторых памятниках встречается в сочетании с надписью мотив побега с очень крупными изгибами стебля (надгробие из

Рис. 5. Памятник из села Берсут-Сукаче
Мамадышского р-на РТ. 1539/40 г.

Арского р-на). На боковых частях третьего и пятого типов памятников врезана надпись на арабском и тюркском языках: «вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое».

На обороте эпитафий четвертого и пятого типов имеется надпись-штамп лица, установившего данное надгробие, или прекрасно выполненный орнамент геральдического и цветочного характера. Редко подобный штамп имеется и на татарских памятниках XVIII–XIX вв.

Тексты эпиграфических памятников Казанского ханства всех типов композиционно близки друг другу. Несколько отличаясь от текста болгарских памятников, они состоят из пяти компонентов, расположенных в следующей последовательности: кораническая формула; слова, связанные с календарем; имя и титулы погребенного; словосочетание, обозначающее понятие смерти; благожелательная формула.

Для надписей первого типа характерны часто встречающиеся на болгарских эпитафиях коранические формулы: «Каждая душа вкусить смерть» и «Именем Аллаха, милостивого, милосердного», а для надписей второго и третьего типов – «Он живой, который не умирает».

В текстах имеются слова, связанные с календарем. Как правило, приводятся год, месяц, дни месяца, а в некоторых случаях, как пережиток, – дни недели. Появление даты на второй позиции является новым признаком, что характерно и для

памятников более позднего времени. На эпитафиях XIII–XIV вв. датой обычно завершается текст. Только за редким исключением дата приводится в середине эпитафии.

В эпитафиях Казанского ханства часть текста, состоящая из имени и титулов погребенного, очень краткая. Необходимо отметить отсутствие генеалогии, столь характерной для болгарских памятников. Даже на эпитафиях султанов, беков и религиозных деятелей приводится лишь имя отца.

Для памятников XV – первой половины XVI в. характерно словосочетание, выражающее понятие смерти: «из мира бренного в мир вечности переселился». В тексте шестого типа надгробий встречаются слово «умер» или выражение «погиб от рук неверного».

Как правило, словосочетание, выражающее понятие смерти, завершает эпитафию. Редко встречается благожелательная формула.

Структура текста эпитафий XV – первой половины XVI в. всех типов построена по тюркоязычной конструкции. Лишь эпитафия 1543 г. из с. Ст. Менгер отличается наличием слов, связанных с обрядом захоронения, выраженных на арабском языке: «это лучезарная могила». Памятники этого периода отличаются большим количеством коранических изречений. В силу этого отпадают слова, связанные с обрядом захоронения, и благожелательная формула. Для примера приводим текст эпитафии из с. Татарское Танаево Зеленодольского р-на РТ:

Сказал Аллах преславный и всевышний
Все что на ней (на земле) бренно и останется
вечно (лишь)

Лицо господа твоего обладателя величия и почтения

По летоисчислению девятьсот сорок третьем
Месяца джумади ал-ахир Йамгучи
Сын Ирдинчи из мира бренного в мир
Вечности (переселился).

Сокращение структурных компонентов в тексте, в силу этого исторической информации, в какой-то мере компенсируется богатым, пышным орнаментом лицевой стороны и обязательным оформлением боковых частей и оборотной стороны камня. Текст оборотной стороны можно рассматривать как продолжение текста лицевой стороны.

На оборотной стороне большинства камней четвертого и пятого типов имеется трафаретная надпись о том, кем был поставлен этот памятник. Например: «Этот памятник мать (его) Даулат-султан воздвигла» (Мамдель), «Этот памятник родительница (его) Куркли-бика воздвигла» (Ст. Менгер) и др. Следовательно, надпись на обороте в какой-то мере дополняет текст на лицевой

стороне. Правда, имеются и особенности в этих дополнениях. Так, слово лауха – плита, намогильный памятник, соответствующее третьей части текста болгарских эпитафий, здесь выражено в ином контексте. Возможно, отдельные из них связаны с именами резчиков по камню. Такая традиция восходит к болгарским эпитафиям. В XIII–XIV вв. мастера на камнях ставили свои знаки – тамги, которые сохранились на трех памятниках из Болгара. На верхней части обратной стороны отдельных болгарских памятников врезаны трудночитаемые надписи. Надписи-штампы казанских эпитафий можно рассматривать как продолжение этой традиции, но конкретные имена резчиков по камню не сохранились.

Далеко от основной территории распространения эпиграфических памятников Казанского ханства находятся три надгробия из с. Ст. Нохрат (Карино) Слободского р-на Кировской обл., раннее из которых датируется 909 г. х. (1504 г.).

Остальные памятники, относящиеся к 1522 и 1555 гг., идентичны друг другу. Орнаментом в виде побега, близким к разорванному меандру, украшен только бордюр эпитафий. Шрифт обоих памятников простой врезанный. Своеобразен и текст эпитафий, начинающийся с обращения «О Мухаммад, о Али». Далее следуют три коранические формулы, характерные для болгарских эпитафий. На боковых частях памятников надписи или орнамент отсутствуют. На обороте третьего памятника вырезано лирическое обращение к умершему.

По текстам можно установить, что здесь погребены члены одной семьи: жена Али-суфия – Ай-Бикач, его сын Сейтяк и его внук Джиганша. Памятник самого Али-суфия отсутствует.

Эпитафии Карино по своему оформлению, структуре текста стоят ближе к золотоордынским эпитафиям Кирменско-Джукетауского округа XIV в., резко отличаются от стильных эпитафий Казанского ханства, прежде всего заглавной формулой «О Мухаммад, о Али». Это единственный случай во всей татарской эпиграфике XIII – первой трети XX вв., заслуживает особого внимания в плане распространения шиизма в Болгарском улусе XIII–XIV вв. Вероятно, часть болгарского населения, исповедующая шиизм, была выдвинута далеко на север и в последующие годы смогла сохранить свои религиозные традиции.

Подводя итоги, можно констатировать, что среди памятников Казанского округа XV – первой половины XVI в. выделяется пять типов, которые хронологически распределяются таким образом: 1 тип – до 60-х гг. XV в.; 2 тип – 70–80-е гг. XV в.; 3 тип – конец XV – начало XVI в.; 4 тип – 30–40-е гг. XVI в.; 5 тип 30–50-е гг. XVI в.

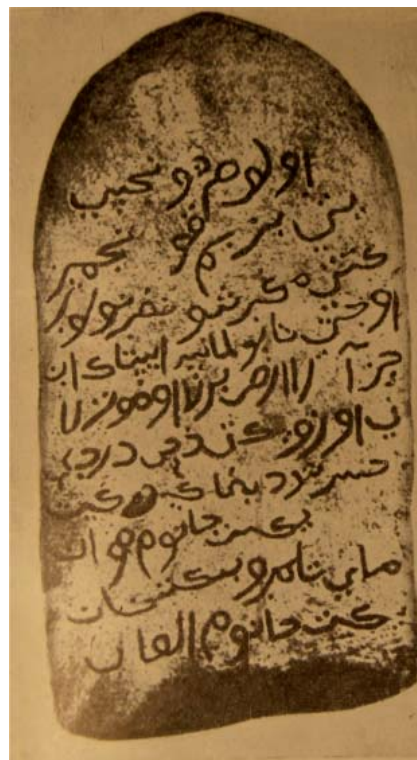

Рис. 6. Надгробие на могиле Джиганши сына Сейдтака на кладбище с. Нохрат Кировской обл.

В связи с небольшим количеством сохранившихся археологических памятников периода Казанского ханства эпитафии можно рассматривать как источники по орнаментике, каллиграфии, искусстве резьбы по камню татар Средневековья. Еще в конце 20-х гг. XX в. П.Е. Корнилов писал: «Изучение надгробных памятников как памятников материальной культуры не имело места до сих пор... Они являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства» (Корнилов, 1929б, с. 2). Первый опыт классификации орнамента эпитафий Казанского ханства сделал П.М. Дульский. Он выделил три вида орнамента: мотив тюльпана, виноградная лоза и пышный мотив переплетения растительных форм (Дульский, 1929, с. 25). Ф.Х. Валеев в своей монографии «Орнамент казанских татар» в татарской орнаментике выделил восемь исторически сложившихся комплексов, состоящих из родственных по происхождению однотипных мотивов и узоров (Валеев, 1969, с. 130–143). Орнаментика татарских надгробий периода Казанского ханства входит в первый, третий, четвертый комплексы. В первый комплекс он включает узоры, образованные из простейших линейных мотивов и фигур: зигзагов, мотивов жгута, треугольников и др. Такие узоры характерны для эпитафий второй группы, относящиеся к XV в. Ф.Х. Валеев орнамент первого комплекса не связывает с конкрет-

ным этапом этнической истории казанских татар (Валеев, 1969, с. 132).

Цветочно-растительные узоры третьего комплекса, образованные из мотивов тюльпана, трилистников, лотоса, пальметты и др., по Ф.Х. Валееву, мы наблюдаем на третьем и четвертом типах эпитафий. По его мнению, третий орнаментальный комплекс связан с кочевым, степным миром и его влиянием на предков казанских татар (Валеев, 1969, с. 136).

В четвертый орнаментальный комплекс входят мотивы, распространенные в болгарском монументальном искусстве: шести-восьмиконечные звезды, розетки, сложные плетенки, пальметки, трилистники, килевидные и стрельчатые арки (Валеев, 1969, с. 136). Они характерны и для четвертого и пятого типов эпитафий Казанского ханства, относящихся к 30–50 гг. XVI в.

Эпиграфические памятники XV–XVI вв. дают значительный материал по социальной терминологии казанского феодального общества: титулы, термины титулатурного характера, тахаллусы, термины родства и др. На это обратили внимание Али-Рахим (2008, с. 278), Г.В. Юсупов (1960, с. 155). Н. Гариф составил список терминов, касающихся государственного строительства и вассальной зависимости, духовного сословия (Гариф, 2010, с. 95–113). Большое внимание уделено и терминам на эпитафиях.

Д.Г. Мухаметшиным собрана воедино вся известная по эпитафиям Казанского ханства социально-историческая терминология (2008, с. 54–56, 106–107). Самым высоким титулом среди них является «султан», зафиксированный на памятниках из сел Чувашли, Ниж. Серда, Служилая Ура, Старый Узюм, Старые Менгеры. В ханствах XV–XVI вв. титул «султан» применялся к царевичам, не занимавшим официально престол. Так называли себя и казанские ханы: Султан ал-гали Ибрагим хан (Великий государь Ибрагим хан), Султан ал-гали Сахиб-Гирей хан (Великий государь Сахиб-Гирей хан) (Усманов, 1979, с. 54, 37). Однако в указанных примерах основным титулом казанских правителей является «хан», а термин «султан ал-гали» – эпитетом (сплавом титула и эпитета), показывающим монаршеское происхождение владельца титула. В такой форме данный термин мы видим на памятниках Казанского ханства из Чувашли, Служилой Уры, Ст. Узюма и Ст. Менгера. На этих эпитафиях термин «ас-султан ал-гали» стоит не после имени погребенного, где, согласно тюркской конструкции текста, как правило, должен стоять титул, и даже не перед именем. Между данным термином и именем погребенного расположена дата эпитафии. К тому же на отмеченных выше эпитафиях из Чувашли, Нижней Серды и

Ст. Узюма погребенные имеют еще и другой титул «ходжа». Поэтому термин ас-султан ал-гали («султан великий») в данном случае является эпитетом погребенного, показывающим его знатное происхождение.

Слово «султан» входит еще и в состав сложного женского имени, выделяя знатность его носителя. Например, Нур-Султан (Верхние Кибя-Кози), Даулат-Султан (Мемдель), Жанай-Султан (Ст. Менгеры) и др.

Титул «бек» зафиксирован на двух памятниках из Казани, где в одном из них отмечен трижды – при имени отца, сына и внука, что говорит о переходе по наследству данного титула. На другом камне читается имя «Султан бек» (Гариф, 2010, с. 22). Титул «бек» упомянут на 11 золотоордынских эпитафиях (Мухаметшин, 2008, с. 105, приложение 3-1). На многих джучидских актах титул «бек» связан с крупными военно-административными единицами – даругами.

На трех памятниках из д. Куркачи, Иски Казани упоминается широко известный по письменным источникам титул «мирза». Нередко титулу «мирза» («мурза») дается такое определение: «сын или ученик эмира, дворянин второго ранга». Титул «мирза» имел хождение и после падения Казанского ханства. Например, он зафиксирован на памятнике 1689/70 г., хранящемся в Национальном музее РТ.

Титул «ходжа» отмечен на памятниках из сел Чувашли, Ниж. Серда, Узюм, Ниж. Метески, Иски Казани. В тексте последней эпитафии он упомянут при именах отца и сына. Этот титул в значении «хозяин, землевладелец» присутствует на золотоордынских эпитафиях (Мухаметшин, 2008, с. 42).

Титул «бай» в значении «богатый, уважаемый человек» зафиксирован в тексте трех памятников: Н. Метески, Наласы, Ст. Узюм. В тексте последнего камня он упомянут при именах отца и сына.

Титулы «челеби» (Бакырчи) и «ага» (Тат. Ходяшево) в татарском обществе XV – первой половины XVI в. не получили широкого распространения. Они (по одному случаю) зафиксированы и в Болгаре на эпитафиях персон центральноазиатского происхождения (Мухаметшин, 2008, с. 41; приложение 3-1).

Духовенство в татарском феодальном обществе XV–XVII вв. играло значительную роль. Среди титулов духовенства первенство принадлежало сеидам и шейхам.

Титул «сеид» (Чемерцы, Малые Меретьяки) известен по Казанскому летописцу. Об очень высоком положении сеида можно судить по запискам С. Герберштейна, который в первой половине XVI в. писал: «Он (сеид) пользуется у них таким

Рис. 7. Памятник из с. Молвино Зеленодольского района РТ

уважением и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя протягивают ему руку, сидящему на лошади, и, наклонив голову, прикасаются к ней; это представлено одним только царям, ибо князьям касаются не руки его, а колен, знатные лица ног, а простой народ прикасается рукою только к платью его или лошади» (История Татарии, 1937, с. 100). Мир-Али сеид из Чемерцы имел еще титул «устан» – высший духовный учитель, наставник.

Титул «шейх» – глава мусульманской общины, миссионер – встречается в тексте памятников из сел Тат. Ходяшево, М. Меретяки, Ст. Узюм, Молвино (рис. 7), В. Серда, Б. Менгеры. Этот титул упомянут также в ярлыке Сахиб-Гирея (История Татарии, 1937, с. 101–102), где он стоит после титула «сеид».

Хаджи – человек, совершивший паломничество в Мекку. Этот титул встречается на памятниках из Акзигитова, Васюкова, Тат. Ходяшева, Молвина, Куркачей и других мест. Имея широкое хождение в татарском обществе, данный титул нередко встречается и среди членов одной семьи. Например, титул «хаджи» на эпитафии из Акзигитова употребляется при именах отца и сына. В единичных случаях встречаются такие титулы служителей культа, как «дервиш» (В. Серда, Карино), «ишан» (Иски Казань), «суфи» (Карино), «мулла» (Иски Казань), «хафиз» (Чувашли). Однако, несмотря на многочисленность низшей ка-

тегории служителей культа, они на эпитафиях не получили широкого отражения.

Женских титулов на эпитафиях выявлено немного. Широко распространены титулы «бика» (бикач) – жена бека, знатная женщина (Т. Ходяшево, Нурлаты (рис. 8), Н. Берески, Чепчуги, Куркачи, Иски Казань, Б. Менгеры, Карино и др.). В большинстве случаев данный термин встречается на обороте мужских эпитафий в надписи-штампе. На Иски-Казанской эпитафии XV в. упомянут титул «хатун», известный из золотоордынских эпитафий Болгара.

Все памятники с титулами социального и религиозного характера, кроме одного случая, обнаружены в сельских населенных пунктах. Это связано, во-первых, с малым числом сохранившихся памятников в самой Казани (12, включая фрагменты). Во-вторых, казанские феодалы были погребены в своих феодальных усадьбах. Н. Гариф составил список из 34 таких населенных пунктов, связанных с феодалами Казанского ханства, по архивным данным (Гариф, 2010, с. 95–98), на некоторых из них сохранились эпитафические памятники. К таковым относятся Кодряково, Бол. Кибякози, Камаево, Кузембетьево.

Термины родства на татарских эпитафиях представлены значительно шире. Термин «углы» (его сын) упоминается почти на всех эпитафических памятниках XV–XVI вв. В основном этот термин встречается на лицевой части эпитафии, то есть памятник является мужским, а на женских эпитафиях термин «сын» встречается в связи с отцом или с лицом, установившим памятник. На двух памятниках XV в. употребляется арабская форма этого термина «бин» (Тат. Ходяшево, Б. Нырсы).

Термин «гияли» – супруг(а) употребляется в значении «муж» и в значении «жена» на эпитафиях Иске Казани, Н. Метески, Чемерцы, Чувашли, Наласы, Тат. Танаево, Тохтамыш.

Термин «бинте» («дочь») зафиксирован на памятниках Тат. Ходяшева, Касимова, Карина, Ниж. Берески, Ст. Менгер, Ниж. Серды, Ибры и Нурлата. Интересно употребление тюркской формы этого термина «кыз» («дочь») на памятнике из Ниж. Берески.

На эпитафиях встречаются термины «валида» – родитель(-ница) (Ст. Менгеры, Ст. Кишит) и более дифференцированные формы этого термина «ана» – мать (Чемерцы, Мемдель), отец (Хохлово, Ниж. Серда, Кодряково).

На одном памятнике (Ст. Узюм) употребляется слово «йучунь» («племянница»), которое зафиксировано и на более поздних памятниках Касимова (Мухаметшин, 2008, приложение 3-3).

Эпитафические памятники XVI века, в том числе эпитафии с титулами должностных лиц,

концентрируются вокруг значимых селений (центры даруг) Казанского ханства: Ст. Узюм, Б. Менгеры по Алатской даруге; Иске Казань, Чепчуги, Куркачи по Арской даруге; Тат. Ходяшево, Казакларово-Челны по Ногайской даруге; Малые Мережки по Зюрийской даруге; Нурлаты, Молвино по Галицкой даруге.

Города Казанского ханства являлись и центрами улусных образований. Некоторые укрепленные поселения играли роль военных укреплений и феодальных замков. Это тенденция прослеживается и по расположению, и по количеству установленных эпиграфических памятников. Судя по сохранившимся надписям, среди них были беки и мирзы, духовные деятели и военные.

Эпитафии конца XV – первой половины XVI в. (третий и пятый типы) распространяются в Предволжье, Закамье (Балынгуз), Вятских землях (Нократ), но основным местом их бытования остается Заказанье.

Установившийся единый стиль эпиграфических памятников со стрельчатой верхней частью, пышной орнаментацией по бордюру и тимпану, трафаретным текстом, скорее всего, произведения казанских мастеров.

Язык эпиграфических памятников Казанского ханства не отличается от языка литературных памятников того времени. «В фонетическом отношении бросается в глаза преобладание глухих «т» вместо «д» (түрт вместо дүрт) «к» вместо «г» (тукуз вместо тугыз)», – пишет Г.В. Юсупов (1960, с. 154).

Али-Рахим и Г. Газиз приводят надпись с архитектурного памятника 1528 г., написанную на татарском языке (Татары, с. 285).

На обороте третьего памятника из Карино Кировской обл. вырезано лирическое обращение к умершему (1552 г.): «Үлем куанычы йитте, безем куанычымыз китте, мэгэр шонкар булыб очты, өмидләрне өзеп китдәчи. Ай киткән йикет, жаным куанмай, тилмереб көткән йикет жаным алгай» («Для смерти радость настала. Наша радость ушла. Как будто коварным соколом улетела. Не найдется желанный наш. Огорчениями оборвал надежды ушедший. Даже в печали своей, утопая, ушел. О юноша, душа моя не радуется. Опечаленный ушедший, о юноша, отними душу мою») (Юсупов 1960, табл. 61).

Наблюдается единство стиля в оформлении оборотной стороны и боковых частей эпитафий.

В резьбе по камню мастера достигли такого совершенства, что события 1552 г., потеря государственности у татарского народа не сразу сказались на развитии татарской эпиграфики. Еще столетие, до середины XVII в., сохраняется этот совершенный стиль эпиграфических памятников, единичные памятники этого типа были поставлены даже в первой половине XVIII в.

Болгарский вилайет, центром которого, по монетному материалу, являлся Болгар ал-Джадид (Новый Болгар/Казан), продолжил духовные и культурные традиции средневекового Болгара. В Казани творили поэты Умми-Камал, Мухаммад-Эмин, Мухаммадьяр, Кулшариф, Аднаш Хафиз и др. В 1549 г. известное произведение «Джум-джума султан» по велению Казанского хана Сахибгеря было переведено с турецкого на татарский язык. Сохранился «Коран тафсире», составленный в Казани в 1507 г. Известны ярлыки казанских ханов Ибрагим-хана и Сахибгарай-хана, написанные на татарском языке.

Монеты типа «деньга московская» и с надписью «Ибан», датированные временем после 1487 г. и 80-х гг. XV столетия, показывают участие в денежном деле Москвы и Новгорода татарских мастеров (Мухаметшин, 2010, с. 77).

Казанские мастера-ювелиры достигли вершин художественного мастерства. Об этом можно судить по сохранившемуся кувшину, сделанному из латуни с использованием техники чеканки и гравировки (Валеева-Сулейманова, 2005, с. 122). На нем выгравированы поэтические строки на татарском языке со значительными вкраплениями арабских и персидских слов. Судя по надписи на ручке сосуда, работа выполнена мастером Насиром, ювелиром хана Мухаммад-Эмина (Татар, 1984, с. 286).

Ханские ярлыки и монеты, чеканенные от имени Ивана III с татарской надписью, свидетельствуют о том, что в XV–XVI вв. татарский язык стал языком межгосударственного общения.

Язык эпиграфических памятников значительно отличается от поэтических произведений и деловой переписки, для которых характерен высокий стиль. В мемориальной эпиграфике, кроме обязательных коранических формул, отражается разговорный язык с отдельными диалектными особенностями.

Пункты распространения татарских эпитафических памятников XV века

№№ п./п.	Кладбища с надгробиями	Место нахождения	Кол-во
1.	Казань	Кремль	1
2	Большеякинское	Мамадышский	1
3	Татходяшевское	Петречинский	4
4	Урывкинское	-//-	2
5	Читинское	-//-	1
6	Старомиченьское	Сабинский	1
7	Иски-Казанское	Высокогорский	1
8	Большенырсинское	Тюлячинский	1
9	Среднеатинское	Арский	1
10	Нижнее-Верескинское	Атнинский	1
11	Чиршинское	-//-	1
12	Татазелевское	Зеленодольский	1
13	Тат.Танаевское	-//-	1
14	Норлаты	-//-	1
15	Нижне Уринское	Атнинский	1

Пункты распространения надгробных камней первой половины XVI в. с указанием количества зафиксированных памятников

На отдельных населенных пунктах Карабаян, Сидорово Пустыш, Руские Алаты, Рысбуга, Кузембетьево и др. в письменных источниках зафиксированы надгробные камни. Памятники эти утеряны или из-за их плохой сохранности установить, что они относятся к периоду Казанского ханства, нет воз-

можности. Поэтому данные памятники не вошли в список. В список вошли все Ст. Менгерские камни. Все они типологически однородные, возможно, отдельные из них относятся ко второй половине XVI в. – первой половине XVII вв. На карте 2 указаны памятники с сохранившимися надписями.

№№ п./п.	Кладбища с надгробиями	Местонахождение	Количество зарегистрированных памятников
1.	Казанское (Кремлевское)	г. Казань	12
2.	Куркачинское	Высокогорский	5
3.	Ямашурминское	-//-	7
4.	Чепчугинское	-//-	2
5.	Хохловское	-//-	3
6.	Русско-Урматское I	-//-	8
6а	Русско-Урматское II	-//-	1
7.	Иске-Казанское	-//-	1
8.	Уньбинское	-//-	4
9.	Тохтамышовское	-//-	2
10.	Русскоайшинское	-//-	3
11.	Татайшинское	-//-	1
12.	Чемерценское	-//-	2
13.	Ташлы-Ковалинское	-//-	1
14.	Чиршинское	-//-	1
15.	Чувашлинское	-//-	5
16.	Альдермышское	-//-	3
17.	Ибрянское	-//-	2
18.	Мендельское	-//-	2
19.	Айбашское	-//-	1
20.	Большесулебашское	-//-	3
21.	Кишметьевское	-//-	1
22.	Саинское	-//-	1
23.	Камаевское	-//-	7
24.	Айбашинское	-//-	1
25.	Янсуварово	-//-	1
26.	Казакларское	-//-	1
27.	Нижневерескинское	Атнинский	7
28.	Малоатнинское	-//-	8
29.	Староашитское	-//-	5

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

30а	СтароузюмскоеII	-//-	2
31	СтароузюмскоеI	-//-	7
32	Малоатнинское	-//-	6
33	Староменгерское	-//-	15
34	Старокишитское	-//-	4
34а	Старокишитское	-//-	1
35	Айшиязское	-//-	3
36	ВерхнесердинскоеI	-//-	2
36а	ВерхнесердинскоеII	-//-	8
37	Комургузинское	-//-	3
38	Нижнеуринское	-//-	1
39	НижнесердинскоеI	-//-	4
39а	НижнесердинскоеII	-//-	2
40	Верхнеатинское	Арский	2
41	Большеберезинское	-//-	3
42	Среднеатинское	-//-	6
43	Наласинское I	-//-	5
43а	НаласинскоеII	-//-	2
44	Нижнеметескинское	-//-	2
45	Кодряковское	-//-	3
46	Станция Арск	Арский	7
47	Ст. Иябаш	-//-	5
48	Казылинское	-//-	2
49	СтаромасринскоеI	-//-	1
49а	СтаромасринскоеII	-//-	5
50	Мендюшское	-//-	1
51	Верхнекорсинское	-//-	1
52	Карадуганское	Балтасинский	1
53	Смаильское	-//-	2
54	Каринское	Глазовский	3
55	Изминское	Сабинский	4
56	Менгерское	-//-	1
57	Большешинарское	-//-	1
58	Старозюринское	Тюлячинский	1
59	Тямти-Метескинское I	-//-	3
59а	Тямти-МетескинскоеII	-//-	1
60	Мало-Шинарское	-//-	1
61	Верхне Кибя-Козинское	-//-	2
62	Шедкинское	-//-	2
63	Тямтинское	-//-	1
64	Берсут-Сукачинское	Мамадышский	1
65	Уразбахтинское	-//-	1
66	Большесалтанское	Рыбно-Слободский	1
67	Мамли-Казяково -Челны	-//-	3
68	Бикчураево	-//-	3
69	Бердибяково	-//-	1
70	Епанчинское	Лаишевский	1
71	Пановское	Пестречинский	2
72	Юнусовское	-//-	1
73	Кибячинское	-//-	1
74	Тат.Ходяшевское	-//-	2
75	Ямбухтино	Тетюшский	1
76	Кутушевское	Зеленодольский	2
77	Айдарово	-//-	1
78	Большекургузинское	-//-	1
79	Васюковское	-//-	1
80	Акзигитовское	-//-	2
81	Бакырчинское	-//-	2
82	Тат. Азлеево	-//-	2
83	Тат. Танаевское	-//-	4
84	Молвинское	-//-	2

ГЛАВА 8. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА...

85	Бол. Ширданы	-//-	1
86	Бол. Кургизи	-//-	4
87	Бол. Яки	-//-	1
88	Шигалинское	Янтиковский	2
89	Тат. Маматкозинское	Верхнеуслонский	2
90	Сеитово	-//-	1
91	Малокайбицкое	Кайбицкий	1
22	Старо-Тябердинское	-//-	4
93	Ямбухтинское	Тетюшский	1
94	Мантовское	-//-	1
95	Балынгузское	Алексеевский	1
96	Липша	Звениговск. Марий Эл	1

ГЛАВА 9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

С распадом Золотой Орды на ее территории к сер. XV в. образуются новые государства: Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства и Ногайская Орда. Эти новые государственные объединения во многом сохраняли этнополитическую структуру предшествующего времени, во главе которой стояли чингизиды – потомки Джучи, старшего сына Чингисхана. Несмотря на то что существование Казанского ханства по историческим меркам было непродолжительным (1445–1552), тем не менее этот период является ключевым в этнической истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. Особенно он был важен в этногенезе казанских татар, одного из главных субэтносов татарского народа. Считается, что в это время происходит окончательное оформление основных его этнокультурных традиций (Исхаков, 2005, с. 39). Судя по историческим источникам и археологическим данным, этнический облик казанских татар складывался на многокомпонентной культурной основе при участии групп различного этногенетического происхождения (Исхаков, 1998; 2005; Исхаков, Измайлов, 2005; Хамидуллин, 2002; 2018; Халиков, 2011; Ситдилов, 2006; 2009; 2014). Среди исследователей по истории Казанского ханства нет единого мнения о роли и вкладе отдельных его компонентов в формирование этнокультурных традиций казанских татар. Одни ученые считают, что в основе формирования казанских татар лежит мощный кыпчакский пласт населения, которое спорадически проникало в виде отдельных групп на территорию Волжской Болгарии еще в домонгольское время, а в золотоордынский и в постордынский периоды происходит его массовый приток (Сафаргалиев, 1960; Усманов, 2000; Фахрутдинов, 2011; и др.). Другие исследователи, не отрицая полностью участия кыпчакских групп в сложении татар Среднего Поволжья, все же склонны считать, что события, связанные с историей Золотой Орды и Казанского ханства, не внесли существенных изменений в этнокультурную картину региона (Худяков, 1991; Трофимова, 1949; Смирнов, 1951; Воробьев, 1953; Алишев, 1995; Халиков, 2011 и др.). В этом контексте особую роль приобретают палеоантропологические материалы, которые в совокупности

с данными других наук становятся историческим источником в этногенетических реконструкциях (Алексеев, 1986). Немаловажное значение имеют антропологические материалы также и как «тонкий индикатор миграций» при отсутствии об этом факте каких-либо прямых свидетельств или при наличии лишь косвенных (Алексеев, 1989). Поэтому использование антропологических данных при решении проблем преемственности древнего и современного населения Среднего Поволжья и Приуралья является актуальной задачей.

Однако следует признать, что ханский период в истории народов Среднего Поволжья и Приуралья относительно слабо обеспечен как археологическими, так и антропологическими материалами, и этому есть несколько причин. Во-первых, археологическое изучение памятников эпохи Казанского ханства до последнего времени не являлось приоритетной темой научных исследований и велось в большинстве случаев «попутно» при раскопках археологических объектов более раннего периода (например, при раскопках болгарских поселений). Исключением являются археологические раскопки средневековой Казани, благодаря которым пробел в характеристике материальной культуры ханского времени в какой-то мере был восполнен (Ситдилов, 2006; 2013; Ситдилов, Хузин, 2008). Во-вторых, во многом это связано с проблемами разработки и обоснования археологических критериев, позволяющих точно и надежно датировать памятники эпохой Казанского ханства, а также вычленять стратиграфические слои и отдельные объекты ханского времени из общего массива средневековых древностей Среднего Поволжья. Поэтому некоторые археологические памятники (в нашем случае – средневековые некрополи), давшие палеоантропологический материал, датируются довольно широким хронологическим диапазоном: XIV–XVI вв., что заставляет нас использовать эти материалы дважды: вначале при описании физического облика средневожского населения ордынского времени, а затем – и ханского, что несколько снижает их ценность как исторического источника при реконструкции этногенетических процессов. И последний, но не менее важный аргумент, что не

позволяет увеличить объем археологических и антропологических данных по истории населения Казанского ханства. Это трудность в проведении археологических раскопок, особенно поздних мусульманских кладбищ, из-за негативного отношения к этому «процессу» местного, в основном татарского населения, которое считает, что здесь похоронены их предки, и они не допустят, чтобы кто-то потревожил их останки. С этой проблемой еще в конце XIX в. столкнулся казанский археолог А.Н. Стоянов при раскопках мусульманского кладбища у с. Тангачи Лаишевского уезда Казанской губернии (Стоянов, 1871). Актуальна эта проблема и сегодня.

Тем не менее, несмотря на «теоретические» и «практические» сложности в изучении археологического наследия Казанского ханства, на сегодняшний день мы имеем несколько небольших по численности краниологических серий, которые в той или иной степени характеризуют антропологический состав как городского, так и сельского населения Среднего Поволжья ханского времени. Их сравнительный анализ с более ранними средневековыми палеоантропологическими материалами с территории Волго-Камья позволяет нам наметить истоки формирования физического облика населения края, в том числе и казанских татар.

При характеристике антропологического состава населения Казанского ханства использовались только краниометрические данные как наиболее информативный источник по реконструкции этногенетических процессов. Основные краниометрические параметры даны только по мужским сериям и сведены в отдельные таблицы (см. табл. 1; 2). Выяснение характера межгрупповой изменчивости и этногенетических связей определялось методом канонического анализа с использованием пакета прикладных программ, разработанных Б.А. Козинцевым.

Антропологический состав населения Казани ханского времени. Антропологический облик городского населения Казанского ханства представляют три небольшие по численности краниологические серии, которые происходят из археологических раскопок на территории Казанского кремля и его исторических окрестностей (Ситдииков, 2006; 2013). Среди всех городских поселений ханского времени Казань играла весьма значительную роль, будучи политическим, экономическим и культурным центром государства. Верховную власть в Казанском ханстве представляли чингизиды. Некоторые из них могли быть похоронены в каменных мавзолеях Казанского кремля, руинированные остатки которых располагаются сегодня в районе современной башни Сююмбике. Археологическими раскопками они

были изучены в 1977 г. и 2004 г. под руководством А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина, А.Г. Ситдикова и датированы ими временем Казанского ханства (Халиков, 1997; Ситдииков, Хузин, 2008). Внутри мавзолеев было изучено несколько мусульманских погребений, которые по месту захоронения (мавзолеи находились внутри ханского двора) и их пышному внешнему оформлению предположительно были соотнесены с местом упокоения казанских ханов и членов их семей (Мавзолеи..., 1997). Комплексному антропологическому исследованию подверглись скелетные останки из двух мужских погребений раскопок 1977 г. (мавзолей № 1, погр. I, и мавзолей № 2, погр. II) и одного женского (мавзолей № ?, погр. II). Результаты этого исследования были сопоставлены с данными археологии и письменных источников, что позволило говорить о возможной принадлежности изученных в 1977 г. мавзолеев казанским ханам Махмуду (Махмутеку) и Мухаммад-Эмину (Хузун, Газимзянов, 1997).

Учитывая уникальность данных захоронений и их большое значение в исторической памяти татарского народа, мы сочли возможным более подробно остановиться на морфологическом описании каждого черепа, исследованного нами (см. табл. 2).

Раскоп 1977 г., мавзолей № 1, погребение I. Череп принадлежал мужчине в возрасте 30–40 лет. Черепная коробка крупная и при этом широкая и высокая, а по черепному указателю – суббрахикранная сфероидной формы. Лицевой скелет широкий и высокий, по пропорциям – средний. По углам вертикальной профилировки он резко ортогнатен, а по горизонтальным углам – сильно уплощен на всех уровнях. Угол выступания носа небольшой, переносье невысокое и слабо профилировано. Череп, несомненно, монголоидного облика (рис. 1).

Раскоп 1977 г., мавзолей № 2, погребение II. Череп мужской, возраст 40–50 лет. Из-за средней сохранности черепа (разрушена носовая и лобная область) была произведена его частичная реставрация. Черепная коробка сфероидной формы также крупных размеров, широкая и относительно высокая, по черепному указателю – брахикранная. Лицевой отдел широкий и очень высокий, по пропорциям относится к категории высоколицых. В вертикальной проекции он ортогнатен, а в горизонтальной плоскости – сильно уплощен на уровне орбит. Визуально переносье профилировано слабо, угол выступания носа средний (?). Череп по комплексу расодиагностических признаков также относится к монголоидному типу (рис. 2).

При сопоставлении двух мужских черепов из раскопок мавзолеев в 1977 г. между собой выяс-

Рис. 1. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из мавзолея Казанского кремля (хан Махмуд?). Автор работы: Т.С. Балуева

нилось, что они близки друг к другу по комплексу монголоидных признаков и относятся к одному антропологическому типу. Небольшие различия, которые наблюдаются между ними по отдельным морфологическим признакам, можно отнести к их индивидуальной изменчивости в рамках единого монголоидного краниотипа.

Раскоп 2004 г., мавзолей?, погребение II. Череп хорошей сохранности принадлежал женщине молодого возраста (18–25 лет). Черепная коробка широкая и низкая, по черепному указателю – брахикранная. Сильно уплощенное по горизонтали лицо при большой скуловой ширине и незначительной высоте имело низкие пропорции. В вертикальной проекции при общей мезогнатности лицевого отдела отмечается его сильная прогнатность в альвеолярной части. Переносье низкое и слабо профилировано, выступание носовых костей небольшое. Череп также характеризуется ярко выраженными монголоидными признаками (рис. 3).

Таким образом, все три черепа независимо от половой принадлежности морфологически описываются как монголоидные, скорее всего, центрально-азиатского генезиса (Газимзянов, 1997, с. 90–92). Если предположить, что захороненные в мавзолеях Кремля имели отношение к правителям Казанского ханства, которые, как известно, являлись потомками Чингисхана, то их монголоидный физический облик этому не противоречит. При этом следует отметить, что монголоидный антропологический тип похороненной в мавзолеях женщины (независимо от того, кем она являлась: супругой или дочерью и т. д.) может свидетель-

ствовать лишь о том, что круг брачных связей высшей аристократии был ограниченным и прежде всего был ориентирован на своих соплеменников, выходцев из кочевой среды. Для последних, судя по антропологическим данным, как раз с конца I тыс. н. э. были присущи именно монголоидные расовые черты, которые после монголо-татарского нашествия и притока новых масс кочевого населения с Востока только усилились (Яблонский, 1987, с. 235). В противном случае трудно представить, как на протяжении нескольких поколений возможно сохранить свои исконные физические черты, связывающие их с предками, коренными обитателями степных пространств Центральной Азии и Южной Сибири.

В этом отношении интересны палеоантропологические материалы, полученные в ходе археологических раскопок в 2004 г. в районе здания «Манежа» бывшего Юнкерского училища. Здесь было изучено более 20 погребений, совершенных по мусульманскому обряду и датируемых второй половиной XV – первой половиной XVI в. Учитывая, что некрополь находился на Кремлевском холме и буквально в 150 метрах к югу от каменных мавзолеев, можно предположить, что он в период ханского времени являлся местом захоронения казанской знати и членов их семей, поэтому в этом отношении серия, пусть и немногочисленная, имеет особое значение.

Серия состояла из 10 мужских и 2 женских черепов разной степени сохранности (Газимзянов, 2010). Мужские черепа в целом имели суббрахикранную черепную коробку со средней высотой свода и хорошо профилированный лицевой

Рис. 2. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из мавзолея Казанского кремля (хан Махуммад-Эмин?). Автор работы: Т.С. Балуева

Рис. 3. Скульптурная реконструкция по женскому черепу из мавзолея Казанского кремля. Автор работы: А.И. Нечвалода

скелет мезоморфного строения (см. табл. 1). Высота переносья и угол выступания носовых костей характеризуется большими значениями, что позволяет в основном отнести мужские черепа к европеоидному антропологическому типу. Женские черепа также демонстрируют хорошо выраженные европеоидные черты (рис. 4; 5).

Таким образом, если мы согласимся с тезисом о том, что мусульманский некрополь в районе «Манежа» использовался представителями привилегированного слоя не только населения Казани, но и всего ханства, то мы должны признать, что их генетические истоки никак не связаны с тюрко-монгольскими кочевыми группами. Выходцы из этих групп, по мнению некоторых исследователей, под именем «татары» численно доминировали в военно-административной структуре Казанского ханства и определяли его внешнюю и внутреннюю политику (Исхаков, Измайлов, 2005, с. 9–10, 19, 51–53 и т. д.). Ранее мы уже отмечали, что в составе кочевого населения Улуса Джучи превалировал монголоидный компонент южно-сибирского и центрально-азиатского генезиса. Среди золотоордынских групп средневожского населения он также был основным в популяциях, оставивших некрополь у «Ханской палаты» в Болгаре и кладбище у с. Мари-Луговое (Газимзянов, 2001; 2015). Позднее, как мы отмечали выше, яркими представителями монголоидного антропологического типа являлись захороненные в мавзолеях Казанского кремля. Исходя из краниологических данных, состав военно-служилого сословия в Казанском ханстве, вероятно, был неоднородным и имел разные этногенетиче-

ские истоки. Подобную ситуацию мы наблюдали, анализируя палеоантропологические материалы с территории Болгарского городища, где люди, погребенные в каменных мавзолеях средневекового города, также имели хорошо выраженный европеоидный облик (Газимзянов, 2016). По своим краниометрическим параметрам черепа из мавзолеев Болгара сопоставимы с краниологической серией из «Манежа» в Казанском кремле (Газимзянов, 2016). Возможно, кроме типологической близости между этими сериями, которые характеризуют морфотип привилегированной части средневековых жителей Болгара и Казани (и не только), имеется генетическая родственная связь.

Хронологически в более позднюю серию вошли черепа из археологических раскопок отдельных мусульманских захоронений как на территории Казанского кремля, так и мусульманских кладбищ, располагавшихся в исторической части города (Газимзянов, 2010). Сборная серия количественно небольшая (четыре мужских и шесть женских черепов) и датируется не только эпохой Казанского ханства, но и временем после присоединения края к Русскому государству, т. е. XV–XVII вв. (Ситдиков, 2009).

Мужские черепа суммарно характеризуются как мезокранные с низкой высотой свода. Лицевой скелет при средней его ширине очень высокий и по пропорциям входит в категорию высоколицых (лептен). В вертикальной плоскости черепа резко ортогнатны, а в горизонтальной – хорошо профилированы на уровне орбит и несколько ослаблено на уровне скул. Угол выступания носа довольно большой. Женские черепа, с учетом по-

Рис. 4. Скульптурная реконструкция по мужскому черепу из некрополя «Манеж». Автор работы: А.И. Нечвалода

Рис. 5. Скульптурная реконструкция по женскому черепу из некрополя «Манеж». Автор работы: А.И. Нечвалода

ового диморфизма, наоборот, обладали более высоким сводом, более уплощенным и менее профилированным по вертикали лицом. В то же время с мужской частью серии их объединяет: мезокранная форма черепа, высокое и среднеширокое лицо со значительным выступанием носовых костей. В том и другом случае отмечается европеоидная основа серии при наличии в ней небольшой доли монголоидных элементов. Вероятно, данная серия, пусть и немногочисленная, отражает результат смешения европеоидных групп, обладающих высоким и среднешироким лицом с сильно выступающим и резко профилированным переносьем, с популяциями, имеющими в своем морфотипе монголоидные черты: низкий свод черепной коробки и менее профилированное лицо.

Таким образом, население ханской Казани в антропологическом отношении было неоднородным. В его составе выделяется монголоидный компонент центральноазиатского типа, европеоидный и европеоидный с нерезко выраженными чертами.

Антропология населения из сельской округи Казанского ханства. Сельское население Казанского ханства в антропологическом отношении представлено пятью небольшими сериями (см. табл. 1). Часть из них происходит из раскопок и случайных сборов второй половины XIX в. (сборная серия «Окрестности Казани», Тангачинское кладбище и могильник в исторической части Симбирска на площади «Старый Венец»), а другая – из раскопок советского и нашего времени (могильник Ташкирмень и Елабужский III некрополь).

С.Г. Ефимовой приведены краниометрические данные по черепам из сборов и раскопок Э.Д. Пельцама в 1878–1879 г. мусульманских (?) кладбищ в окрестностях Казани. Серия не имеет четкой этнокультурной атрибуции и предположительно датируется широким хронологическим периодом в пределах XIV–XVII вв. (Ефимова, 1991). В предыдущем томе «Археологии Волго-Уралья» мы использовали эти материалы при антропологической характеристике населения лесной зоны исследуемого региона в золотоордынское время. Здесь же напомним, что в серии «Окрестности Казани» преобладают мезобрахикранные черепа грацильных форм и по комплексу признаков сближаются с группами местного населения поволжско-приуральского генезиса, «которое сыграло значительную роль в сложении антропологического состава Волжской Болгарии домонгольского и более позднего времени» (Ефимова, 1991, с. 45).

Небольшая краниологическая серия, состоящая в основном из мужских черепов, происходит из некрополя у с. Ташкирмень Лаишевского района РТ, археологические исследования которого проводились А.Н. Стояновым в 1870 г. и Н.Ф. Калинин в 1946–1948 гг. (Археологическая карта, 1981, № 338, с. 84–85). По мнению исследователей, некрополь по погребальному обряду относится к мусульманским и предположительно датируется переходным временем: от позднезолотоордынского к ханскому (Стоянов, 1871; Калинин, Халиков, 1954).

Большая часть черепов краниологической серии из Ташкирменского некрополя (восемь мужских и три женских) была изучена Н.С. Сысаком (Сысак, 1952). Позднее Т.И. Алексева дополнительно опубликовала краниометрические данные еще по трем мужским и одному женскому черепам из этого некрополя (Алексева, 1958). Серия в целом морфологически характеризуется как европеоидная мезоморфного типа, но с неярко выраженными признаками по отдельным элементам, что может указывать на наличие в ней достаточно ощутимой доли монголоидной примеси, которая выражалась в некоторой горизонтальной уплощенности лица, особенно на уровне скул, и в ослабленном выступании носовых костей. В серии также визуально выделяется один мужской череп, который по комплексу признаков (широкое и высокое уплощенное лицо сочеталось с плоским носом) был отнесен к монголоидному центральноазиатского типа (Сысак, 1952, с. 94). Таким образом, серия антропологически неоднородна, но в ней преобладает компонент, который генетически связан, скорее всего, с местными группами поволжско-уральского генезиса.

Там же, в Лаишевском районе, в нескольких километрах к северу от д. Ташкирмень в 1870 г. А.Н. Стояновым были проведены небольшие раскопки позднесредневекового кладбища у с. Тангачи (Археологическая карта, 1981, № 370, с. 90). Всего им было исследовано 12 безы Inventарных могил, в которых скелеты располагались на спине (?) головой на запад, а лицом к югу. В большинстве могил с южной стороны отмечался подбой типа ляхет. По этим признакам погребального обряда данное кладбище было отнесено им к мусульманским, а время его функционирования определялось предположительно в пределах XV–XVI вв., то есть ханским периодом (Стоянов, 1871).

Череп из Тангачинского кладбища были изучены и опубликованы Т.А. Алексеевой (Алексеева, 1958). Она отмечала, что тангачинские черепа по своим морфологическим характеристикам имеют определенное сходство с черепами из некрополя золотоордынского времени у с. Березовка на Самарской Луке. Это сходство выражалось в общем грацильном строении черепов, в их мезокранной форме головы и в сильной профилированности лица в горизонтальной плоскости. Единственное отличие, но довольно существенное, не позволяющее ставить между ними знак равенства, – это угол выступания носа. В серии из Тангачи он в среднем (25,4) на семь градусов меньше, чем в серии из Березовки (Алексеева, 1958, с. 88). По мнению Т.И. Алексеевой, население, оставившее Березовский могильник на Средней Волге, не автохтонно и генетически, вероятно, было связано с северокавказскими этническими группами и прежде всего – с аланами (Алексеева, Козловская, 2002, с. 25–30). Возможно, морфотип более поздней по времени краниологической серии из Тангачи отражает, на наш взгляд, процесс смешения между морфологически близкими к березовцам группами с популяциями, скорее всего, местного поволжско-приуральского генезиса, для которых как раз характерно ослабленное выступание носовых костей.

Небольшая краниологическая серия, состоящая из четырех мужских и пяти женских черепов разной степени сохранности, характеризует морфологический облик группы населения, которая проживала в Восточном Предкамье. Она получена при археологических раскопках мусульманского некрополя в исторической части Елабуги (Елабужский III) и предположительно датируется позднеордынским или раннеханским временем (Нигамаев, 2005, с. 29). В целом мужские черепа описываются как брахикранные со средней высотой свода, узколищые и средневысокие с некоторой уплощенностью лица на уровне орбит, но при этом угол выступания носа относительно

большой, что может указывать на европеоидный характер серии. Этой оценке не противоречит и морфотип женских черепов, который с учетом полового диморфизма практически тождествен мужским. Единственное, что следует отметить, – на отдельных женских черепах европеоидные черты выступают в несколько смягченном виде, указывая на присутствие в женской части серии небольшой монголоидной примеси, скорее всего, местного урало-поволжского генезиса (Газимзянов, 2005).

Еще одна краниологическая серия, которую можно использовать при антропологической характеристике одной из групп населения Казанского ханства, происходит из дореволюционных раскопок С.М. Чугунова в Симбирске на площади Старого Венца. Несмотря на то, что в могилах отсутствовал погребальный инвентарь, а добытые им черепа демонстрировали монголоидные черты, он тем не менее связывал кладбище на Венце с мордовским населением позднего времени, а конкретно – с мордвой-мокшей (Чугунов, 1878; 1879; 1882). В.П. Алексеев, который специально занимался этим вопросом, считал возможным датировать данную серию позднесредневековым периодом и не исключал функционирование кладбища в эпоху Казанского ханства (Алексеев, 1969). В отличие же от С.М. Чугунова, он предполагал, что кладбище оставлено, скорее всего, мусульманской группой населения немордовского происхождения (Алексеев, 1969, с. 43, 120, 124 и др.). К этому выводу он пришел, анализируя морфотип симбирских черепов, который по многим краниометрическим параметрам занимает крайние позиции среди практически всех групп финского населения Восточной и Северной Европы. На их фоне они выделяются резкой брахикранией и низким сводом черепной коробки, а также широким и уплощенным лицом с несильно выступающими носовыми костями, то есть хорошо выраженным монголоидным комплексом признаков. Дополнительное морфологическое своеобразие позднесредневековым черепам из Симбирска придает очень низкая высота лицевого отдела. Отмечая, что данный низколищый монголоидный морфокомплекс не характерен для краниотипа местных финских групп и тем более для мордвы-мокши, вопрос об этнической принадлежности некрополя на площади Старого Венца В.П. Алексеев оставил открытым, ограничившись предположением, что могильник, возможно, оставлен какой-то позднесредневековой кочевой группой (Алексеев, 1969, с. 134, 156).

Таким образом, краткий обзор палеоантропологических материалов, характеризующий в той или иной мере физический облик сельского

населения Казанского ханства, показал, что оно морфологически, как и городское, также было неоднородным. В его составе выявляется как низколицый монголоидный компонент, вероятно уральского генезиса, так и европеоидные популяции с небольшой монголоидной примесью местного происхождения.

Дополнительную этногенетическую информацию о морфологических компонентах, участвовавших в формировании антропологического облика средневожского населения ханского времени, могут дать данные, полученные при изучении близкой к современности краниологической серии по казанским татарам (Алексеев, 1971). Серия носит сборный характер и ее основу составили черепа, полученные при мацерации трупов «безродных татар», которые передавались из местных участков полиции в Казанский университет со второй половины XIX в. в качестве «учебного пособия» при изучении анатомии человека студентами медицинского факультета (Алексеев, 1963, 1971). Эту коллекцию черепов в дореволюционное время изучали и в качестве сравнительного материала по антропологии народов России активно использовали казанские исследователи, члены Общества естествоиспытателей при Казанском университете: Н.М. Малиев, С.М. Чугунов, М.М. Хомяков и др. (подробнее см.: Алексеев, 1963). Впоследствии, уже в советское время, эти черепа были заново измерены и описаны В.П. Алексеевым по более широкой краниометрической программе. К измерениям этой серии им были добавлены измерения по другим черепам татар из случайных сборов, которые хранились в научных учреждениях Москвы и Ленинграда (Алексеев, 1971, с. 234–235). В итоге была получена сборная группа, состоящая из почти пяти десятков черепов, среди которых явно преобладали краниумы мужчин.

По заключению В.П. Алексеева, серия казанских татар в антропологическом плане характеризуется в целом как европеоидная мезоморфного типа с присутствием в ней небольшой монголоидной примеси. Последняя проявлялась в основном в несколько ослабленной профилировке переносья и в пониженных значениях угла выступления носовых костей, что, по мнению автора исследования, не совсем характерно для европеоидных групп (Алексеев, 1971, 242). При этом В.П. Алексеев также отмечал присутствие в группе нескольких черепов явно монголоидного типа, которые сочетали в себе низкое и плоское лицо со слабо выступающими носовыми костями, что позволило ему констатировать факт о местном субуральском компоненте (по Т.А. Трофимовой, сублапоноидном) в антропологическом составе казанских татар (Алексеев, 1971, с. 242). Сравнительный

межгрупповой анализ с использованием палеоантропологических материалов (известных на тот момент) с территории волго-уральского региона показал, что антропологический тип казанских татар, по мнению ученого, «сложился на основе того комплекса антропологических признаков, который был характерен для болгарского населения Суvara и Болгара. Позднее, будучи европеоидным, включило в свой состав местные этнические группы, относящиеся к низколицым вариантам монголоидной расы или смешанной европеоидно-монголоидной ветви. **Примесь** (выделено мной – *И.Г.*) центральноазиатского монголоидного типа **имеет позднее происхождение** (выделено мной – *И.Г.*) и восходит к кочевым племенам первых веков II тыс. н. э.» (Алексеев, 1971, с. 254). Столь широкая цитата из публикации В.П. Алексеева приведена нами только с одной единственной целью – показать, что и через пятьдесят лет выводы о многокомпонентном и сложном антропологическом составе татар Среднего Поволжья и путях сложения его физического облика, к которым пришел известный российский ученый-антрополог, не потеряли актуальности и в наши дни.

Межгрупповой анализ краниологических материалов с территории Среднего Поволжья и Приуралья золотоордынского и ханского времени

Таким образом, обзор палеоантропологических материалов, характеризующих антропологический состав населения Среднего Поволжья в составе Казанского ханства, был морфологически неоднородным и формировался на многокомпонентной основе. В его составе выделяются группы как монголоидного облика, так и группы европеоидного типа с той или иной долей монголоидной примеси. В антропологически смешанных популяциях она, как правило, выражалась в некоторой горизонтальной уплощенности и в альвеолярном прогнатизме лицевого скелета, а также в ослабленном выступании носовых костей. Для выявления возможных генетических истоков населения Казанского ханства и его генетических связей с предшествующим населением Среднего Поволжья золотоордынского времени был проведен межгрупповой сравнительный анализ при помощи канонического статистического метода. В качестве сравнительного материала было привлечено 36 мужских краниологических серий, описывающих антропологический состав населения Среднего Поволжья на протяжении двух его исторических периодов: золотоордынского и ханского. При этом следует уточнить, что мы сознательно, несмотря на небольшую численность отдельных групп, включили в анализ все серии, которые хронологически можно датировать временем существования Казанского ханства. Забегая вперед,

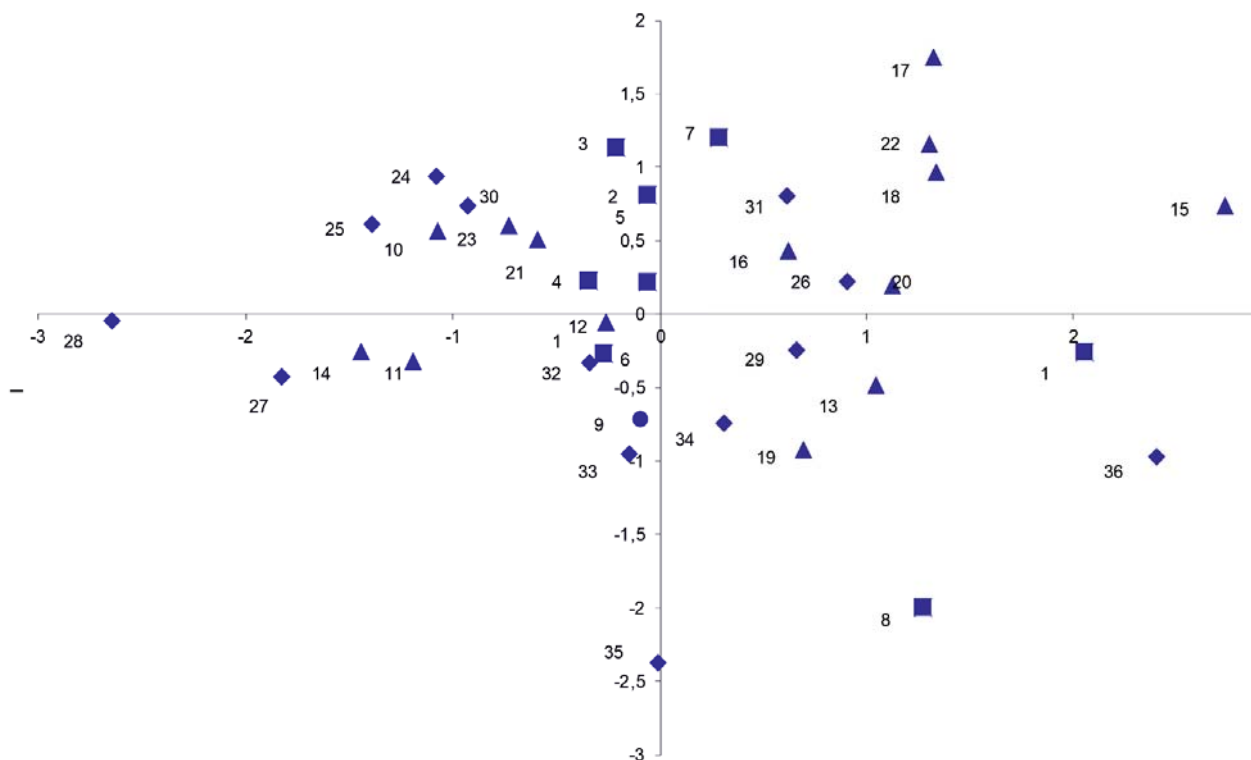

Рис. 6. Расположение мужских краниологических серий золотоордынского и ханского времени с территории Среднего Поволжья и Приуралья в пространстве первых двух канонических векторов.

- – краниологические серии эпохи Казанского ханства: 1 – мавзолеи Казанского кремля, второй половины XV – первой половины XVI в.; 2 – Казанский кремль «Манеж», второй половины XV – первой половины XVI в.; 3 – сборная серия «Средневековая Казань», XV–XVII вв.; 4 – сборная серия «Окрестности Казани», XIV–XVI вв.; 5 – могильник «Ташкирмень», XIV–XVI вв.; 6 – могильник «Тангачи», XV–XVI вв.; 7 – Елабужский III могильник, конца XIV–XV вв.; 8 – могильник «Старый Венец», XV–XVI вв.;
- – 9 – сборная серия по казанским татарам, XVII (?) – XIX вв.;
- ▲ – краниологические серии золотоордынского времени с территории Болгарского городища: 10 – «Бабий бугор» (Болгар, рядовой), XIII–XV вв.; 11 – могильник «Бабий бугор» (Болгар, братская могила), XIII–XV вв.; 12 – Усть-Иерусалимский могильник (Болгар), XIV–XV вв.; 13 – могильник «Четырехугольник» (Болгар), XIII–XIV вв.; 14 – могильник «Черная Палата» (Болгар), XIII–XIV вв.; 15 – могильник «Ханская усыпальница» (Болгар), XIV–XV вв.; 16 – могильник «Малый минарет» (Болгар), XIV–XV вв.; 17 – сборная серия «Мавзолеи Болгара», XIII–XV вв.; 18 – могильник «Греческая палата» (Болгар), XIII–XIV вв.; 19 – сборная серия «Культурный слой» (Болгар), XIII–XV вв.; 20 – могильник «Памятный знак» (Болгар), XIV–XV вв.; 21 – могильник «Раскоп 174» (Болгар), XIV–XV вв.; 22 – могильник «Раскоп 191» (Болгар), XIV–XV вв.; 23 – могильник «Аэродром» (Болгар), XIV–XV вв.;
- ◆ – краниологические серии сельской округи золотоордынского времени с территории Среднего Поволжья: 24 – Березовский могильник, XIII–XIV вв.; 25 – Малорязанский могильник, XIII–XIV вв.; 26 – могильник «Жигули I», XIII–XIV вв.; 27 – Муранский могильник, XIII–XIV вв.; 28 – могильник «Барбашина поляна», XIII–XIV вв.; 29 – Кожаяевский могильник, XIII в.; 30 – Старокуйбышевский, XIII–XIV вв.; 31 – Большеитиганский могильник, XIII–XIV вв.; 32 – Старокиязлинский могильник, X–XV вв.; 33 – Такталачукский могильник, XIII–XV вв.; 34 – Азметьевский могильник, XIII–XV вв.; 35 – Дербешкинский могильник, XIII–XV вв.; 36 – сборная серия «Кочевники Среднего Поволжья», XIII–XV вв.

отметим, что это решение не сильно исказило результаты межгруппового сопоставления.

Судя по максимальным нагрузкам первых трех канонических векторов, основу краниологической изменчивости в данной совокупности составили признаки, характеризующие форму головы и лица, а также степень выступления носа, то есть таксономически важные параметры, разделяющие монголоидные и европеоидные группы. Так, в первом каноническом векторе (более 55% всей изменчивости) основные нагрузки падают на ширину и длину черепной коробки и разделяют в анализируемой выборке два морфологических компонен-

та: долихокранный и брахикранный. Вторым вектором (описывающий более 27% всей межгрупповой дисперсии) выявляет коррелятивную взаимосвязь между углом носа, скуловым диаметром и высотой свода, образуя следующую последовательность: с увеличением угла носа уменьшается ширина лица и возрастает высота черепной коробки. Данный вектор хорошо разграничивает европеоидные и монголоидные группы. Если для первых будет характерен краниокомплекс, сочетающий узкое лицо с большим углом выступления носа и высоким сводом, то для вторых наоборот – ослабленное выступание носовых костей будет сопро-

вождаться широким лицевым скелетом и низкой черепной коробкой. Третий канонический вектор (более 16% в общей доле всей изменчивости) фиксирует в исследуемой нами выборке популяции, скорее всего, смешанного физического облика. Об этом свидетельствует отрицательная взаимосвязь между шириной орбиты и высотой лица, то есть с понижением высоты лица увеличивается ширина орбит. Таким образом, статистический межгрупповой анализ еще раз наглядно показал, что формирование физического облика средневекового населения Среднего Поволжья проходило на многокомпонентной основе при участии как монголоидных, так и европеоидных групп, а также групп смешанного происхождения. Данная ситуация была характерна как для населения золотоордынского времени, так и населения Казанского ханства.

Наглядно этот процесс представлен на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, отражающих в сумме более 83% от всей межгрупповой изменчивости (рис. 6). Как и предполагалось, обособленное место на графике заняли серии ханского времени, которые характеризуются ярко выраженными монголоидными признаками: серия черепов из мавзолеев Казанского кремля и серия из погребений на площади «Старого Венца» Симбирска. При этом если черепа из мавзолеев Казани относятся в целом к центральноазиатскому монголоидному типу (крупное и сильно уплощенное лицо сочетается с небольшим выступанием носа), то серия из Симбирска содержит низколицый монголоидный компонент, что может указывать на разные пути их этногенетического развития. Черепа из Казани типологически, а возможно, и генетически близки к черепам из сборной серии «Средневековые кочевники Среднего Поволжья» и краниологической серии из средневекового некрополя у «Ханской усыпальницы» в Болгарах, который по местоположению и некоторым элементам погребального обряда оставлен представителями привилегированной части населения города (Яблонский, 1987). Судя по антропологическим данным, она состояла и пополнялась в основном за счет выходцев из кочевой среды Улуса Джучи – носителей монголоидного типа, что еще раз наглядно доказывает, что погребенные в мавзолеях Казанского кремля этнически и генетически были связаны со степным населением Евразии (Рудь, 1987; Газимзянов, 2015). К черепам из некрополя на площади «Старого Венца», которые также характеризуются монголоидными чертами, но низколицего, скорее всего, уральского антропологического типа, тяготеет краниологическая серия из Дербешкинского могильника, отличаясь от последней более округ-

лой формой головы. Учитывая, что Дербешкинский могильник оставлен одной из полукочевых угорских групп населения чиаликской археологической культуры, то вполне возможно, что и мусульманское кладбище ханского времени в исторической части Симбирска на площади «Старый Венец» использовался мусульманизированной и, вероятно, тюркизированной группой угорского происхождения (Казаков, 2007).

Остальные серии ханского времени компактной группой расположились в центральной части графика. В основе их антропологического облика лежит европеоидный компонент, варианты которого зависели как от формы головы, так и степени проявления некоторых морфологических элементов, выражавшихся в профилировке лица и переносе. Наиболее ярко европеоидные черты выступают в сериях, которые характеризуют морфотип некоторых городских групп ханской Казани (некрополь «Манеж» и сборная серия «Средневековая Казань»), а также позднесредневековой популяции, оставившей мусульманский некрополь в исторической части современной Елабуги (Елабужский III). В других краниологических сериях, которые происходят из сельской округи и, вероятно, датируются периодом Казанского ханства, некоторые европеоидные признаки выражены в более ослабленной и сглаженной форме. Так, в серии из некрополя у с. Тангачи в среднем отмечаются пониженные значения по углу выступания носа, а в сериях из с. Ташкирмень и «Окрестности Казани» фиксируется некоторая горизонтальная уплощенность лица, особенно в нижней альвеолярной ее части. Как мы уже неоднократно подчеркивали, эти нерезко выраженные европеоидные черты характерны прежде всего для «местного» населения поволжско-приуральского генезиса, носителей в основном субуральского морфотипа. К этим группам ханского времени на графике примыкает краниологическая серия по казанским татарам более позднего периода, которая, несмотря на ее сборный характер, также содержит европеоидный компонент, генетически связанный, по справедливому мнению В.П. Алексеева, с предшествующим средневековым населением Среднего Поволжья (Алексеев, 1971, 254). Данный тезис, высказанный более 50 лет тому назад, убедительно находит подтверждение в палеоантропологических материалах, полученных за последние годы (Рудь, 1987; Ефимова, 1991; Газимзянов, 2000). Судя по этим материалам, антропологическая структура поволжско-камского населения, которая сложилась в домонгольское время в рамках Волжской Болгарии, в основных своих морфологических компонентах не претерпела значительных изменений и в более позднее

время. Показательно это выглядит на графике, где серии ханского времени располагаются в окружении средневожских золотоордынских групп, тем самым наглядно демонстрируя родственно-генетическую связь населения Среднего Поволжья двух хронологических этапов. Этому факту также не противоречат и археологические материалы XV–XVI вв. с территории Волго-Камья, которые свидетельствуют, что материальная культура прежде всего казанских татар продолжает в основных своих чертах традиции волжских болгар, заложенные еще в домонгольский период (Халиков, 2011, с. 235–250; Кокорина, 2002; Хузин, 2011, с. 113); Ситдиков, 2014, с. 49–52; 2014а, с. 378–383). Некоторые письменные источники, главным образом русские, в которых описываются события, связанные с Казанским ханством, также отмечают в основном преемственность поволжских болгар и тюркского населения Казанского ханства, именуя последних либо болгарами, но чаще всего казанцами или мусульманами и только изредка – татарами (см. обзор: Хамидуллин, 2002). Таким образом, межгрупповой статистический анализ еще раз показал не только неоднородный антропологический состав населения Казанского ханства, в котором при наличии монголоидных элементов преобладал европеоидный компонент различного генезиса, но и его генетическую связь с поволжско-приуральскими группами предшествующего времени. При этом отметим, что этот вывод главным образом относится к этногенетической истории формирования казанских татар Среднего Поволжья. Это связано с тем, что материалы, которые мы использовали при характеристике антропологического облика населения Казанского ханства, происходят в основном из мусульманских некрополей, оставленных, вероятно, предками современных казанских татар, являющихся и на сегодняшний день в большинстве своем приверженцами мусульманской веры. Конечно, в процессе формирования этнических основ казанских татар, который протекал на протяжении последнего тысячелетия, кроме волжских болгар принимали участие и другие группы как тюркского происхождения (половцы, кипчаки, предки чуваш и др.), так и этнические компоненты иного генезиса: финно-угорского, восточно-славянского и т. д. Судя по историческим источникам, в том числе и антропологическим, данный процесс активного этногенетического взаимодействия между различными этническими группами фиксируется в золотоордынское время в рамках государственного образования Улуса Джучи. Наиболее активно он проходил в Поволжье (особенно в городских центрах) в период наивысшего политического, экономического и культурного развития Золотой

Орды в первой половине XIV в. В этот период из разнородных в этнокультурном плане групп формируется, возможно, новая некая этническая общность, отличительными ее чертами (скрепами) – наряду с другими – являлись тюркский язык и мусульманская вера. В антропологическом плане это выразилось в широкой биологической метисации и в нивелировании морфологических различий в физическом облике отдельных групп золотоордынского населения. К сожалению, с распадом Золотой Орды, который начался во II пол. XIV в., этногенетические процессы, которые вели к интеграции золотоордынского общества, были прерваны и остались незавершенными. Они продолжились уже в других политических реалиях, на новых территориях и в других условиях исторического развития. Когда центральная часть Золотой Орды становится ареной непрерывной кровопролитной борьбы за верховную власть в Сарае, когда эпидемия чумы и другие природные катаклизмы стали причиной смерти большого количества людей, уцелевшая часть населения (в основном городского и сельского) на рубеже XIV–XV вв. покидает регион и мигрирует в более безопасные места обитания. Вероятно, в общий поток массового исхода были вовлечены представители разных этнокультурных групп населения Золотой Орды: болгары, кипчаки, мордва, русские, армяне и др. Во многом это были уже антропологически смешанные и, вероятно, мусульманизированные и тюркизированные группы. Судя по археологическим и антропологическим данным, часть этого населения переселяется в Среднее Поволжье на территорию Болгарского улуса, где позднее приняла непосредственное участие в формировании этнических и физических основ не только казанских татар, но и, вероятно, других народов края (Фахрутдинов, 1975; с. 69–78; Газимзянов, 2001).

По письменным свидетельствам того времени нам известно, что население Казанского ханства было многонациональным и что болгарско-татарский этнический компонент в его составе был важным, но не единственным. В их число кроме казанских татар также входили: чуваш, марийцы, мордва, удмурты и башкиры и др. (Курбский, 2015; Герберштейн, 1988; Хамидуллин, 2002). К сожалению, мы не имеем антропологических материалов ханского времени по этим этническим группам, которые могли бы не только охарактеризовать их физический облик, но и оценить их вклад в формирование морфотипа казанских татар в этот период. Наиболее ранние антропологические свидетельства по ним датируются не ранее XVII в. (Акимова, 1968; Алексеев, 1969; Юсупов, 1989). Однако и более поздние краниологические материалы, которые характеризуют краниотип

позднесредневекового волжско-уральского населения Среднего Поволжья, указывают на то, что отдельные группы аборигенного населения могли участвовать в этногенезе поволжских татар (Алексеев, 1971). Не противоречат этому выводу и соматологические данные по современному населению края. Так, по данным Т.А. Трофимовой и авторов более поздних исследований, в составе поволжских татар выделяются четыре основных антропологических типа: темный европеоидный (понтский), светлый европеоидный, сублапоноидный/субуральский (волго-камский) и монголоидный (южно-сибирский) (Трофимова, 1949; Аксянова, Газимзянов, 2010; Аксянова, Чижикова, 2015; Аксянова, Газимзянов, 2017). При сопоставлении соматологических данных по поволжским татарам с таковыми по соседним народам выявляется общее типологическое сходство, различающееся по степени выраженности отдельных типов. Так, светлым европеоидным типом татары связываются с мордвой-эрзей, частично марийцами, удмуртами, чувашами и русскими. Сублапоноидный (субуральский) тип объединяет татар с удмуртами, мари и некоторыми группами русских. Темный европеоидный тип понтского облика прослеживается у некоторых групп мордвы-мокши и отчасти у южных чувашей. Монголоидный компонент южно-сибирского типа, наиболее ярко выраженный у татар Арского района Татарстана, наблюдается только у тюркских народов края – чувашей и башкир. Таким образом, формирование антропологического облика поволжско-приуральских татар и соседних народов шло в тесном этногенетическом взаимодействии, которое имело разную направленность и интенсивность в зависимости от конкретной исторической ситуации в данном регионе.

Подводя итоги обзора антропологического состава населения Казанского ханства, еще раз отметим, что оно по своей структуре – европеоидное в целом с небольшой долей монголоидных элементов – складывалось в главных чертах еще в домонгольское время, в рамках Волжской Болгарии. Основным фактором расообразования явилась метисация между пришлым, тюркоязычным, и местным финно-угороязычным населением. Политические, экономические, культурные и особенно языковые изменения, произошедшие на Средней Волге в золотоордынское время и последующие исторические эпохи, в том числе и Казанского ханства, не внесли, судя по антропологическим данным, существенных изменений в расовый облик местных народов. В то же время следует отметить, что соотношение антропологических типов как в составе поволжско-приуральских татар, так и местного финно-угорского не всегда было одинаковым и менялось от конкретной исторической ситуации в данном регионе на протяжении последнего тысячелетия. Несмотря на то, что палеоантропологических материалов, характеризующих физический облик именно населения Казанского ханства не так много, все же они позволяют нам высказаться в пользу преобладания вектора внутренних генетических связей между местными этническими группами как тюркского, так и финно-угорского происхождения. Фиксируемый нами монголоидный компонент центрально-азиатского и южно-сибирского генезиса в составе населения Казанского ханства, который мы можем соотносить в основном с выходцами из кочевой среды Золотой Орды и других постордынских государств, скорее всего, был незначительным и не оказал в последующем значительного влияния на формирование его физических черт.

Таблица 1

Средние параметры по мужским краниологическим сериям с территории Среднего Поволжья эпохи Казанского ханства

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	180.6 (10)	186.7 (3)	178.2 (15)	180.5 (10)	176.9 (9)	176.3 (4)	180.0 (8)	179.0 (38)
8.	145.3 (10)	143.7 (3)	143.5 (15)	142.3 (10)	137.0 (9)	144.0 (4)	147.4 (9)	143.5 (38)
8:1.	80.5 (10)	76.9 (3)	80.7 (15)	78.9 (10)	77.7 (9)	81.9 (4)	83.1 (8)	80.2 (38)
17.	134.8 (8)	129.0 (2)	133.8 (14)	135.7 (7)	127.1 (8)	136.7 (3)	127.9 (9)	131.0 (36)
9.	99.1 (10)	98.1 (4)	95.4 (14)	96.6 (11)	93.7 (9)	102.0 (4)	98.0 (9)	97.0 (38)
45.	134.1 (10)	135.3 (3)	130.1 (13)	132.5 (10)	127.6 (8)	132.8 (4)	138.1 (7)	135.5 (37)
48.	71.3 (10)	77.5 (3)	67.4 (10)	72.2 (9)	71.4 (7)	73.0 (4)	68.7 (7)	69.9 (37)
48:45.	53.2 (10)	57.2 (2)	51.8 (10)	54.2 (9)	56.7 (7)	55.0 (4)	49.6 (7)	52.0 (36)
54.	24.6 (9)	25.3 (2)	23.9 (13)	23.6 (9)	25.6 (7)	25.0 (4)	25.1 (7)	24.3 (37)
55.	52.4 (10)	55.3 (3)	49.6 (13)	53.3 (9)	51.7 (7)	52.6 (4)	51.3 (7)	50.6 (38)
54:55.	46.9 (9)	46.8 (2)	48.2 (13)	44.2 (9)	49.4 (7)	47.4 (4)	49.3 (7)	48.7 (37)
51.	42.4 (9)	42.3 (3)	40.5 (13)	42.4 (10)	41.4 (8)	43.5 (4)	43.5 (7)	41.6 (38)
52.	33.3 (10)	34.0 (4)	32.1 (13)	32.5 (10)	34.5 (8)	33.8 (4)	33.0 (7)	32.0 (38)
52:51.	78.8 (9)	80.7 (3)	79.1 (13)	76.9 (10)	83.3 (8)	77.7 (4)	75.9 (7)	77.5 (38)
77.	136.9 (10)	136.5 (3)	139.5 (13)	142.0 (10)	136.6 (8)	143.3 (4)	142.6 (8)	139.6 (38)
Zm.	126.4 (9)	132.1 (2)	131.4 (9)	134.2 (9)	125.1 (7)	128.5 (4)	126.5 (6)	127.9 (37)
SS:SC.	52.3 (9)	54.4 (2)	43.6 (13)	43.9 (11)	47.8 (7)	51.9 (4)	51.9 (7)	44.5 (38)
DS:DC.	57.7 (6)	59.5 (1)	52.8 (11)	50.8 (8)	60.3 (7)	48.9 (4)	56.9 (7)	55.5 (38)
FC.	4.7 (9)	3.3 (3)	-	-	3.6 (9)	4.8 (4)	4.9 (7)	5.6 (38)
32.	83.9 (10)	77.0 (1)	84.4 (11)	80.1 (10)	81.0 (7)	86.0 (4)	83.3 (7)	83.4 (36)
72.	87.4 (10)	88.0 (1)	84.6 (9)	85.7 (9)	85.8 (7)	87.0 (4)	84.7 (6)	84.6 (35)
74.	78.0 (9)	85.0 (1)	-	-	80.6 (9)	81.3 (4)	80.0 (4)	83.3 (33)
75(1).	31.2 (9)	36.0 (2)	27.3 (11)	26.1 (6)	25.4 (7)	28.8 (4)	24.8 (5)	27.3 (34)

1 – Казанский кремль, некрополь в районе «Манежа», первая половина XV – вторая половина XVI в. (Газимзянов, 2010); 2 – сборная серия из Казанского кремля и его окрестностей «Средневековая Казань», XV–XVII вв. (Газимзянов, 2010); 3 – сборная серия «Окрестности Казани», XIV–XVI вв. (Ефимова, 1991); 4 – некрополь «Ташкирмень», XIV–XVI вв. (Сысак, 1952; Алексеева, 1958); 5 – некрополь «Тангачи», XV–XVI вв. (Алексеева, 1958); 6 – Елабужский III некрополь, конец XIV–XV в. (Газимзянов, 2005); 7 – могильник «Старый Венец», XV–XVI вв. (Алексеев, 1969); 8 – сборная серия по казанским татарам, XVII (?)–XIX вв. (Алексеев, 1971).

Таблица 2

Индивидуальные краниометрические данные по черепам из мавзолеев Казанского кремля

Признак	1	2	3	4
Пол	Мужской	Мужской	Женский	Мужские
Возраст (лет)	30-40	40-50	18-25	-
1.	183.0	188.5	172.0	183.8 (3)
8.	147.0	154.0	144.0	150.1 (3)
8:1.	80.3	81.7	83.7	81.6 (3)
17.	141.0	135.0?	123.0	134.9 (3)
9.	99.0	100.0	98.0	100.0 (3)
45.	142.0	144.0	133.0	142.9 (3)
48.	78.0	81.5	65.5	76.7 (3)
48:45.	54.9	56.6	49.3	53.6 (3)
54.	28.0	26.0	24.0	26.3 (3)
55.	58.0	59.0	49.0	56.3 (3)
54:55.	48.3	44.1	48.9	46.8 (3)
51.	46.5	44.0?	41.0	44.4 (3)
52.	35.5	37.0	34.5	35.7 (3)
52:51.	76.3	84.1	84.2	80.6 (3)
77.	148.5	147.4?	150.6	148.8 (3)
Zm.	139.2	-	141.8	140.5 (2)
SS:SC.	43.9	-	22.5	35.7 (2)
DS:DC.	32.8	-	37.4	36.1 (2)
FC.	1.0	3.2	4.7	3.1 (3)
32.	83.0	81.0	84.0	82.7? (3)
72.	89.0	89.0?	85.0	87.7? (3)
74.	87.0	82.0	70.0	70.0? (3)
75(1).	23.0	26.0?	19.0	24.0 (3)

1 – мавзолей в Казанском кремле (раскоп 1977 г. погр. I); 2 - мавзолей в Казанском кремле (раскоп 1977 г. погр. II); 3 - мавзолей в Казанском кремле (раскоп 2004 г. погр. II); 4 – средние параметры по мужским черепам из мавзолеев Казанского кремля (измерения женского черепа из погр. II, раскоп 2004 г. пересчитаны в мужские при помощи коэффициентов полового диморфизма).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

АРХЕОЛОГИЯ ОСТРОВА-ГРАДА СВИЯЖСКА

Глава 1

Археологические исследования Свияжска и его округи

Глава 2

Свияжск в XVI–XVIII вв.

Глава 3

Стратиграфия и хронология раскопа «Татарская слободка»

Глава 4

Строительная культура Свияжска в XVI–XVIII вв.

Глава 5

Занятия, быт и материальная культура жителей Свияжска
второй половины XVI–XVIII вв.

ГЛАВА 1

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЖСКА И ЕГО ОКРУГИ

Первые сведения об археологических исследованиях в районе Свяжска относятся к 80-м годам XIX в. и связаны с работой казанских ученых А.А. Штукенберга, Н.Ф. Высоцкого, П.И. Короткова, которые обследовали территорию правого берега р. Свяги и р. Сулицы, обнаружили следы поселения эпохи бронзы у д. Медведково (Штукенберг, Высоцкий, 1885). В 1917 г. П.А. Пономаревым было открыто Макарьевское городище, расположенное в устье реки Свяги (Марков, 1987). В 1927–1928 гг. А.М. Тамбовцевым и Н.Ф. Калининым было обследовано устье Свяги. В результате этих работ было выявлено несколько новых памятников. После создания в 1945 г. Казанского филиала Академии наук СССР значительные работы в регионе проведены в 1950-х годах перед созданием Куйбышевского водохранилища (Калинин, 1952). В эти годы пять археологических отрядов Куйбышевской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова произво-

дили разведки на территории Татарстана. Пятым отрядом, который вел археологические разведки р. Свяги, руководил Н.Ф. Калинин. Пятый отряд экспедиции проделал огромную работу, обследовав сотни памятников в ложе будущего водохранилища (рис. 1). В округе, прилегающей к Свяжску, было выявлено семь новых памятников археологии (Ситдииков, Старков, 2022, с. 22).

В результате воздействия водохранилища начался процесс разрушения памятников в абразионной зоне. Это вызвало необходимость ежегодных обследований по береговой линии. В 1967–1969 гг. проводилось обследование археологических объектов в низовьях р. Свяги. В 1990-х гг. В.Н. Марковым были продолжены разведочные работы этой территории и выявлено семь новых поселений (Марков, 1991). Сейчас в районе Свяжска известно о 51 археологическом объекте от эпохи неолита до Средневековья (Свод, 2007) (рис. 2).

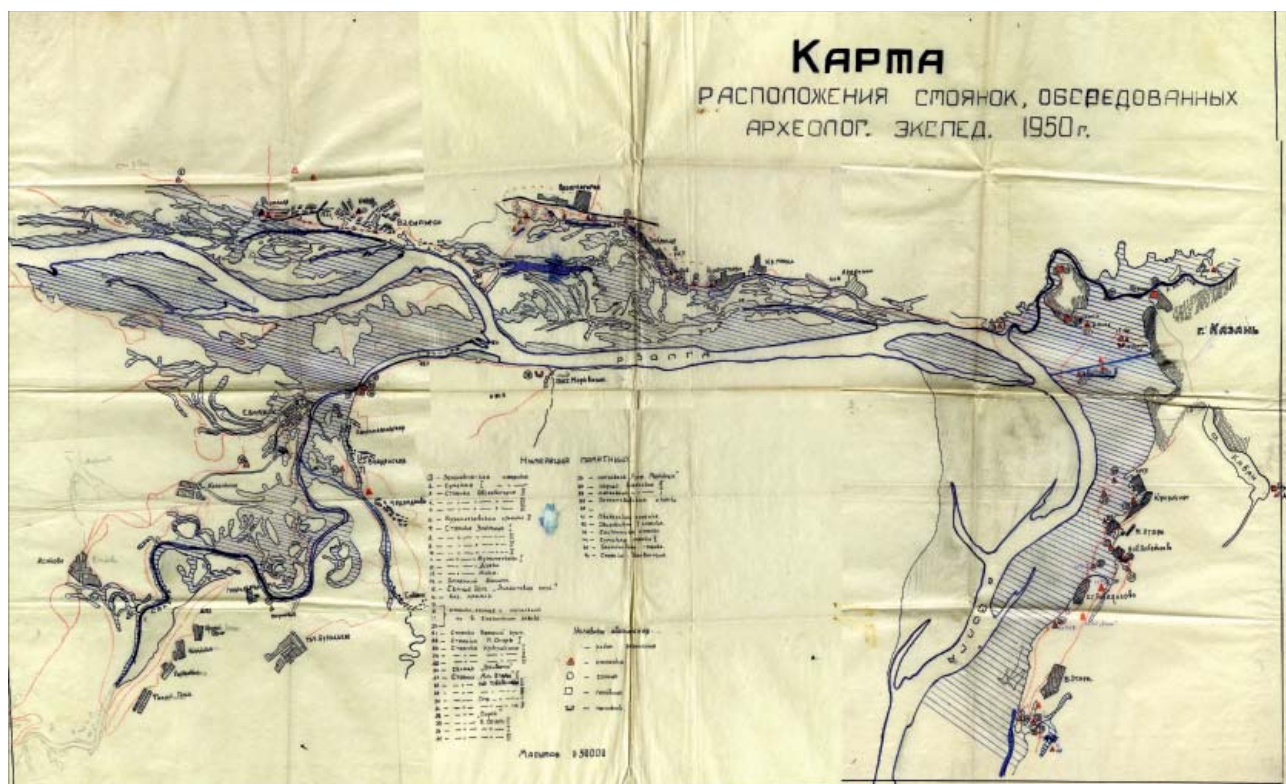

Рис. 1. Археологическая карта устья Свяги. 1950-е гг.

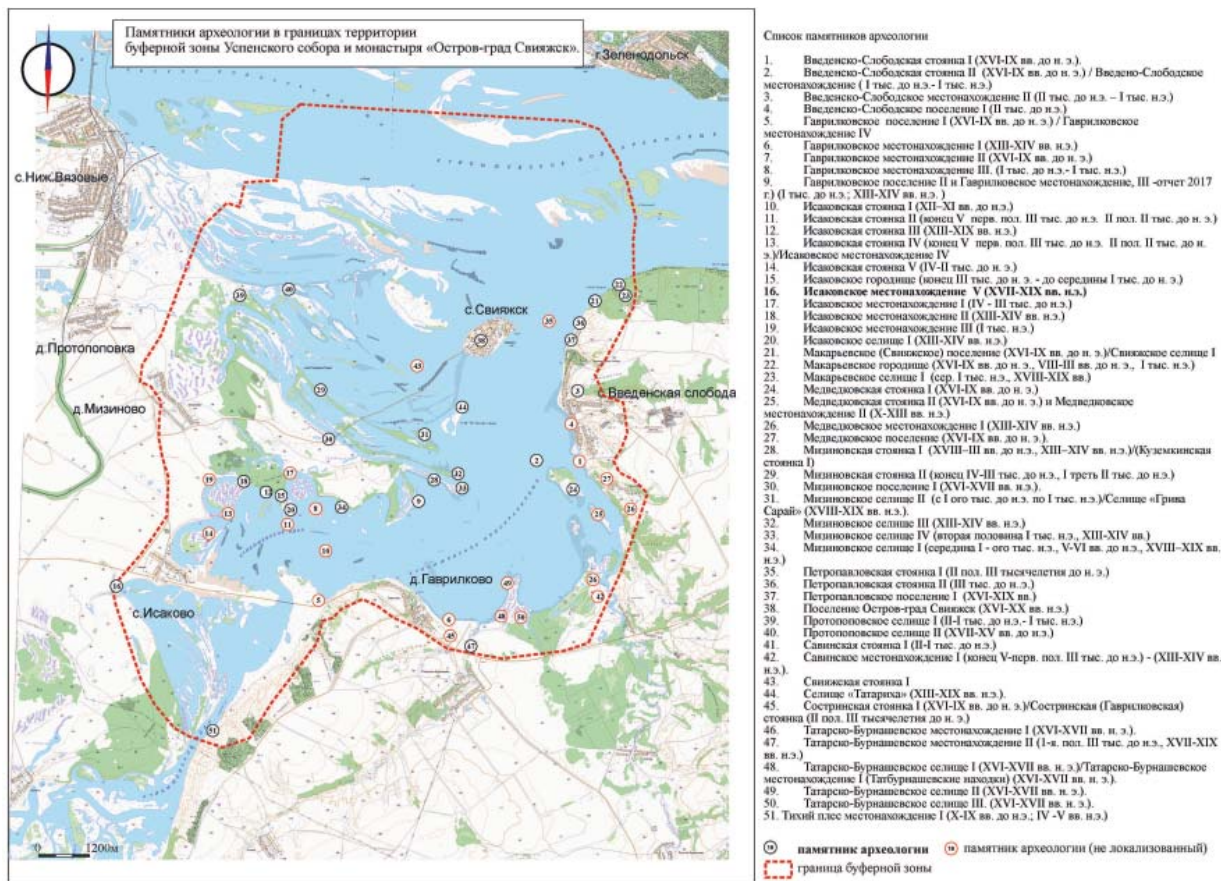

Рис. 2. План археологической изученности низовой реки Свияга

План-схема археологического изучения с.Свияжск

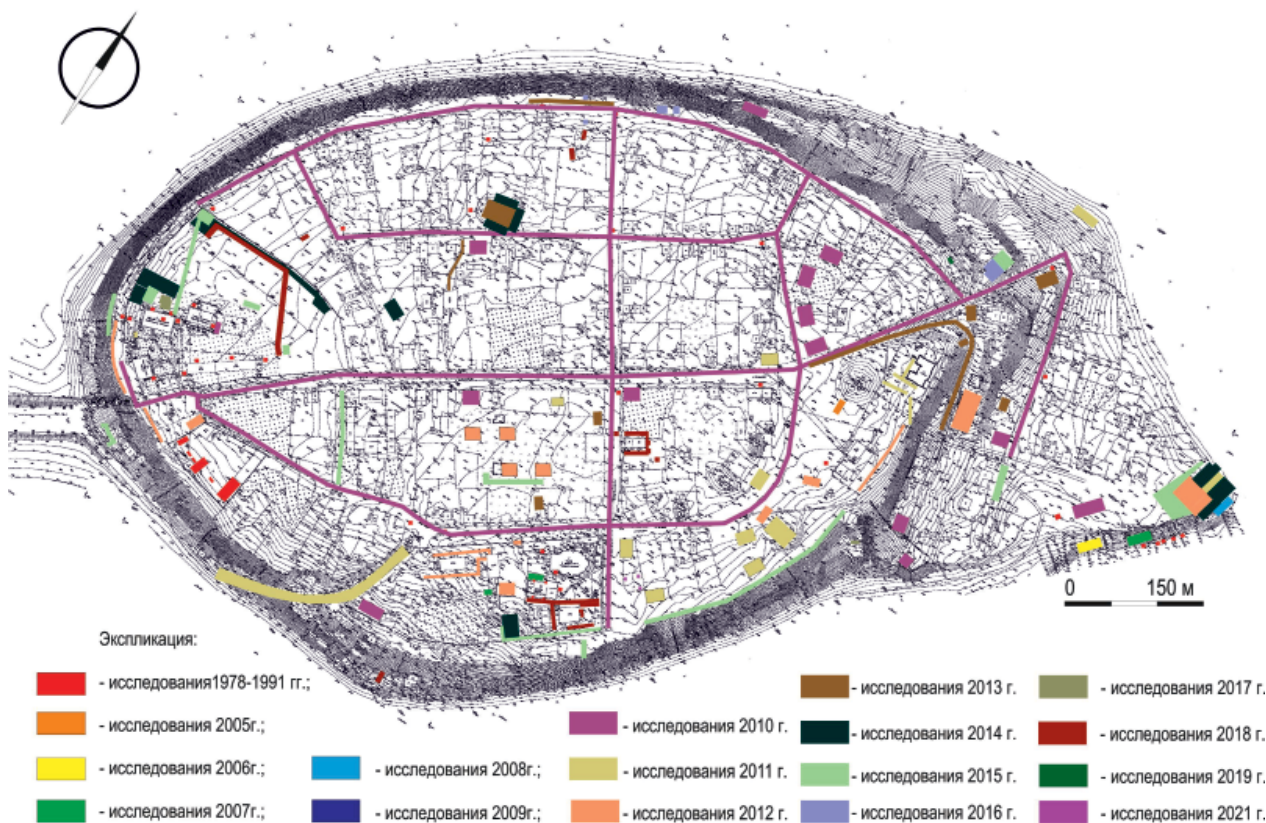

Рис. 3. План археологической изученности поселения «Остров-град Свияжск»

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

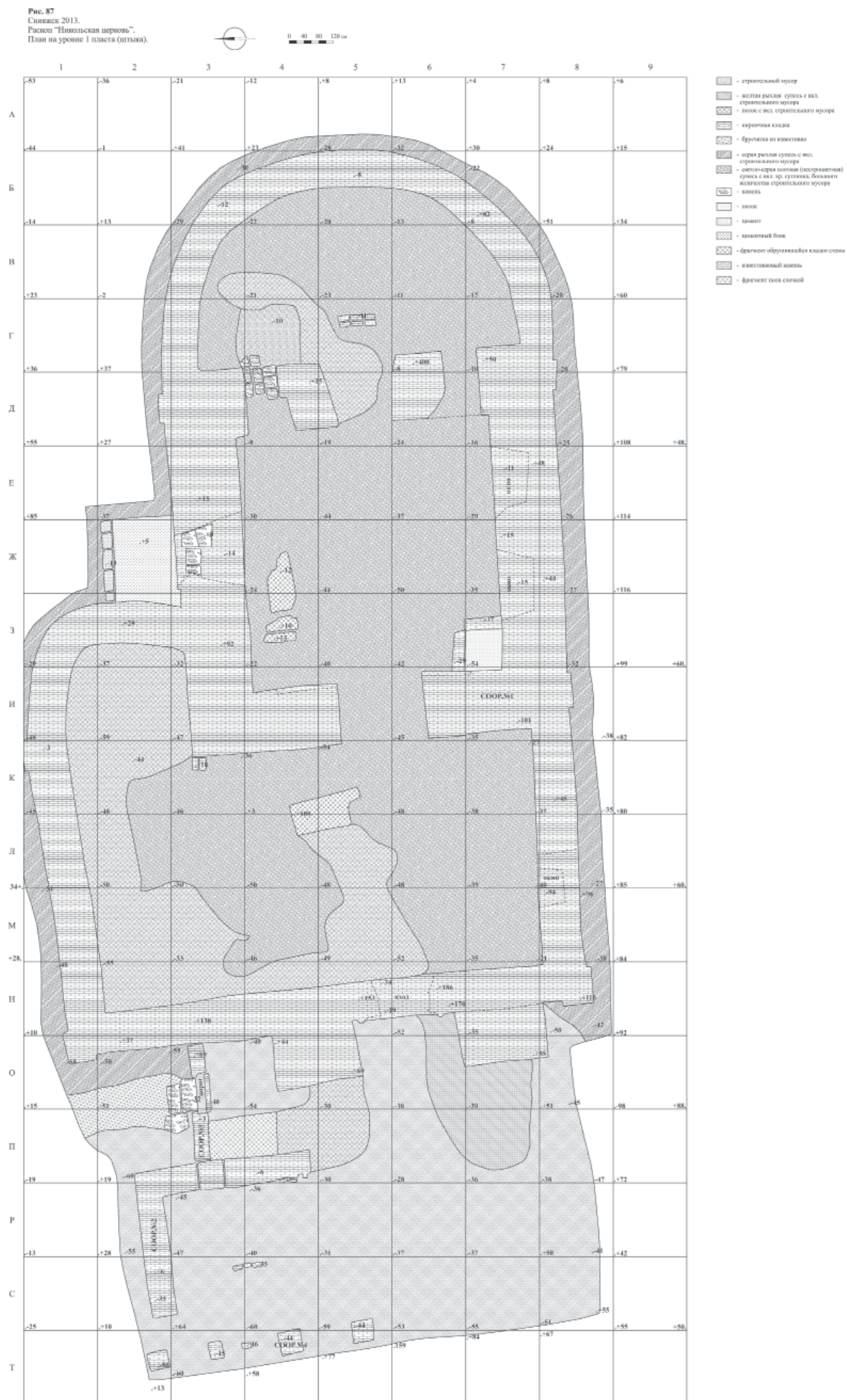

Рис. 4. План раскопа 2013 г. на месте Никольской церкви

Археологические исследования самого Свияжска начались только в 1978–1982 гг. в рамках разработки проекта планировки поселения. Работы проводились Л.А. Беляевым, Л.С. Шавохиным, М.Ф. Фроловым (Беляев, 2021, с. 4). Архитектурным обследованием состояния памятников Свияжска – Успенского собора и Троицкой церкви руководил архитектор С.С. Айдаров. Исследования культурного слоя в 1980-х гг. были направлены на оценку особенностей его залегания на всей территории острова. В эти годы впервые была получена информация об общей мощности культурного слоя на памятнике.

С 2005 г. и по настоящее время на территории Свияжска ведутся регулярные археологические исследования. В археологических работах принимали участие Ф.А. Ахметгалин, Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова, Р.Р. Валиев, С.И. Валиулина, А.М. Губайдуллин, И.И. Елкина, Ю.А. Зеленев, Э.И. Карпов, А.Г. Ситдилов, А.С. Старков, Р.Н. Хамзин, М.И. Федулов, З.Г. Шакиров, М.Б. Шигапов.

С 2010 г. на территории с. Свияжск Республики Татарстан раскопки велись в рамках выполнения проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар». В результате этого были проведены масштабные археологические исследования. За период 2010–2018 гг. в Свияжске, имеющем площадь более 64 га, были проведены археологические раскопки на площади 18130 кв. м, а с учетом наблюдений изученная территория составила около 54970 кв. м, что приближается к 9% от площади острова (Ситдилов, Старков, 2022, с. 40) (рис. 3).

В числе археологических исследований выделяются: раскопки руин церкви Благовещения (1755 г.), Никольской церкви (1734 г.) (рис. 4), работы по изучению некрополя Богородице-Успенского монастыря XVI–XX вв., изучение средневековой деревянной посадской застройки Свияжска XVI–XVIII вв. и многие другие важные объекты.

ГЛАВА 2

СВИЯЖСК XVI–XVIII ВВ.

Письменные источники. Источники по исторической топографии Свияжска представлены комплексом письменных, картографических и археологических источников. Сведения об истории возникновения города содержатся в Никоновской летописи, Истории о Казанском царстве, события изображены на миниатюрах Лицевого летописного свода. Письменные источники освещают внешнюю политику Московского государства середины XVI в., которая характеризуется расширением политического влияния на своих восточных границах и подчинением соседних государств. После неудачных военных походов 1547–1550 гг. по завоеванию Казанского ханства был разработан план по строительству крепости – военного лагеря в непосредственной близости от столицы ханства – г. Казани (Ситдинов, Старков, 2022, с. 70).

«Февраля 25; <...> И пришель царь и великий князь на Свияжское устье и стал; и человеколюбец Бог, видя благоутробие его и веру великую и подвиг православный ради веры, вложил в сердце его свет богоразумия о благодати Божией, да просветится свет в темном месте, да просияет вера православная, да потребится вера бесерменская на месте том, да утвердятся церкви Божия, да просияет благодать Божья спасительная на месте скверном. И призывает благоверный царь к себе царя Шигалея и воевод своих и Казанских князей, которые были с ним у города Казани, и начал царь и великий князь советоваться: в тех бы местах поставить ему город для следующего Казанского похода на Казанской земле. И царь Шигалей и великого князя бояре и Казанские князья государеву мысль похвалили; царь Шигалей и князья Казанские великому князю место указали, и благоверный царь приехал на Круглую гору и Божьим благоволением место полюбил, где быть городу и церквям святым стоять» (Мустафина, 2011, с. 27–28).

«История о Казанском царстве» так описывает место закладки будущего города: «...в 15 верстах от Казани, на реке, называемой Свиягой, устье которой впадает в Волгу, увидел он (Иван Васильевич IV – авт.) между двумя реками высокую гору и место, подходящее для постройки города:

весьма просторное, крепкое и красивое... ведь место то было безлюдно и поросло густым лесом... По берегам обеих этих рек – Свияги и Волги – простираются луга, богатые травами...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, с. 302–303).

В течение зимы 1550–1551 гг. были заготовлены деревянные срубы в Угличе и весной 1551 г. сплавлены до «Круглой горы» в устье р. Свияги. Город-крепость вначале именовался Ивангород, Новоград Свияжский, а позднее за городом закрепляется его современное название – Свияжск.

К письменным источникам, свидетельствующим о социальной топографии Свияжска, можно отнести акты материалы XVII–XVIII вв. из Российского государственного архива древних актов (ф. 237, 615, 1455). В актах фиксируются различные юридические сделки между частными лицами, государством и т. д.: договора купли-продажи, подряды на строительство, наследственные дела и многое другое (Купчая..., 10/VI-1690; Купчая, 5/VII-1690; Книга, 1736; Книга, 1737; Книга, 1738; Книга, 1751) (Ситдинов, Старков, 2022, с. 71).

Описание Свияжска оставил и известный путешественник XVII в. А. Олеарий: «13 августа (1636 г.), после того как мы до полудня прошли мимо двух кабаков и деревни Вязовки, мы прибыли под город Свияжск, расположенный по левую руку на приятном с виду холме; здесь имеется кремль с несколькими каменными церквями и монастырями, но *окружен город деревянными стенами и башнями*» (Олеарий, 2003, с. 317–318).

Большой информационной содержательностью обладают исторические планы Свияжска XVIII–XIX вв., которые включают пространственно-топографические сведения о городской застройке. Сегодня известно 11 карт Свияжска, датируемых XVIII–XIX вв. (Геометрическая, 1796, Геометрический специальный, План...). Представление о Свияжске конца XVIII – начала XIX в. дают также два плана города Свияжска. Они составлены, вероятно, в связи с проведением в Казанской губернии межевания с 1793 по 1804 г. до начала создания регулярного плана застройки города «План города Свияжска» (РГАДА. Ф. 1356, Оп. 1. Д. 1327).

Рис. 1. Панорама Свяжска. Геометрическая карта Казанской губернии, 1796 г. (ОПРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4477)

План города, нанесенный на Геометрическую карту Казанской губернии конца XVIII в., впервые иллюстрирует проект так называемой регулярной квартальной городской застройки (Геометрическая, 1796).

Картографический материал XIX–XX вв. дает очень важную информацию для воссоздания береговой линии до образования Куйбышевского водохранилища. Реконструкция речной системы по данным картам позволяет уточнить и размещение исторических объектов, утраченных в XX в.

Древнейшими изображениями Свяжска являются миниатюры Лицевого летописного свода XVI в., где разработанными «клише» показаны сцены расчистки «Круглой горы» от леса, закладки города и храмов (Лицевой, 2014, кн. 20, с. 437, 442, 444–445). Более информативными и приближенными к реальности становятся изображения Свяжска XVIII в. В 1711 г. в Амстердаме нидерландским художником, путешественником и писателем Корнелием де Брюином опубликовано описание его путешествия 1701–1708 гг. «через Московию в Персию Индию». Путешественник в 1703 г. проплыл по Волге мимо Свяжска, о чем была сделана запись: «...В 3 часа мы проплыли под парусом, с благоприятным ветром, мимо города Свяжска, который лежит на горе и имеет кремль. В нем много каменных церквей и монастырей, но стены и дома деревянные. Река Свяга, идучи с юго-востока, обтекает его кругом, образуя из него как бы остров, и впадает в Волгу» (Путешествие, 1873, с. 168). В «Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales» (Амстердам, 1718) помещена гравюра «Swyatsk».

«Вид г. Свяжска при водополии к полудню» М.И. Махаева середины XVIII столетия

представлен в альбоме «Собрание российских и сибирских городов», исполненном в гравировальной палате Академии наук в 1769–1771 гг. В основу своего рисунка Махаев положил рисунок, сделанный подполковником А.И. Свечиным. В 1764 г. по заданию Сената Свечин обследовал корабельные леса Казанской губернии и исполнил 28 видов городов, среди них и Свяжск (Саначин, 2018). Геометрическую карту Казанской губернии сопровождает рисунок «Вид г. Свяжска» конца XVIII в. (Геометрическая, 1796) (рис. 1).

Историческая топография. Археологические работы последних лет, проведенные в разных частях Свяжска, дали новый материал для изучения планиграфической структуры средневекового Свяжска, функционирования отдельных дворов и своеобразия материальной культуры жителей города в эпоху Средневековья (Ситдииков, Старков, 2022, с. 73).

Важнейшим историческим письменным источником о Свяжске середины XVI в. является «Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и его уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина 1565–1567 г.». Писцовые книги – это поземельные описи, использовавшиеся на Руси с XV в. до середины XVII в., содержавшие сведения о государственном, церковном, личном имуществе в целях податного налогообложения, составлялись писцами и подьячими. Структура описания в них носит последовательный характер. В этом документе-описи содержатся сведения обо всех объектах, расположенных на территории Свяжска к 1567 г., через 15 лет после включения Казанского ханства в состав Московского государства (Список, 1909).

Город XVI в. имел изогнутые по трассировке улицы, переулки и тупики, сложные по конфигурации площади. Планировка города ложилась на рельеф местности, на верхней площадке Круглой горы расположилась построенная крепость. В нижней части Свяжска, примыкая к Круглой горе с северо-востока и юго-запада, возникли посадские двory, окруженные острожной стеной. Свяжск предстает крупным поселением, на территории которого учтено около 1450 земельных участков различного назначения: частные двory, государственное имущество, монастырские владения, торговые пространства, а также некрополи. Только четыре городские постройки были каменными, все они расположились в Богородице-Успенском монастыре: Успенский собор, Никольская церковь с колокольной и трапезной, «палатка» близ собора, кузница.

Следует отметить, что важным элементом городской структуры Средневековья является складывание в посадской части городов слобод. Слобода объединяла людей по роду занятий, повинностям, в некоторых случаях по сословной принадлежности или месторасположению. Как правило, эти особенности отражались в названиях слобод. Для городской структуры Свяжска слободами стали поселения, раскинувшиеся в непосредственной близости города, что связано с природно-географическим расположением города: кремль расположился на Круглой горе, на высоких местах «подола» расположился посад, огороженный посадской стеной. Свяжские слободы, в которых, по данным Писцовой книги, учтены около 84 двory, расположились за р. Свягой: Жилецкая (в настоящее время затоплена), Ямская (впоследствии это территория Инвалидной слободы, а в настоящее время поселок Петропавловская слобода), Архимандричья «слободки» (в настоящее время село Введенская слобода). Таким образом, можно предположить, что в городе проживало свыше 5000 человек (Ситди́ков, Старков, 2022, с. 73).

Крепостные стены на верхней площадке мыса-останца, согласно Писцовой книге, были выполнены из «городней» – бревенчатых срубов, заполненных землей и камнями (археологические следы подобных укреплений до настоящего времени не обнаружены). Общая длина стен составляла около 1100 сажень, прясла были укреплены 12 «глухими» башнями и стрельницами, 8 воротными башнями. В крепости размещалось около 400 двory-домовладений, два монастыря, государев двор, житницы, тюрьма, гостиный двор, торговые лавки и другие объекты недвижимости. Укрепления, вероятно, были разобраны в XVIII в. «Опись низовых городов 1701–1704 гг.» воеводы Ивана

Щепотева фиксировала: «Город (в значении фортификационные сооружения – *авт.*) Свяжск был вал деревянной, дубовой, весь згнил и обвалился. Строен был блаженные памяти при государе царе и великом князе Иоанне Васильевиче и всеа России. И в прошлых годах вместо городские стены во многих местех поставлен был острог. И во многих местех тот острог згнил и об(в)алился» (Опись низовых, 1704). Согласно описи 1736 г., «кремль огорожен острогом, во многих местах весь огнил и повалился...» (Росписной, 1736). Актовый материал середины XVIII в. продолжает использовать объекты фортификации в качестве топографических привязок размещения двory.

В посадской части, по Писцовой книге Свяжска 1565–1567 гг., упоминается не менее чем 1060 строений (дворы, лавки, скамьи, шалаши, полки, церкви и т. п.). Посад города был огорожен острогом с пятью воротами. Территория посада в северо-восточной части города могла достигать площади около 20 га (в настоящее время площадь сохранившейся посадской части около 8 га). Значительную часть внутрисадской территории занимало болото (до 0,5 га) (Ситди́ков, Старков, 2022, с. 74).

Описание объектов имущества в Писцовой книге носит последовательный характер, такое описание объектов помогает восстановить маршрут – путь движения переписчиков Никиты Борисова и Дмитрия Кикина в посадской части города. Для характеристики местоположения объекта переписчики упоминают городские ориентиры (башни, церкви, монастырские владения, государственное имущество и т. п.). Благодаря этому возможно сгруппировать описываемые ими двory и имущество в группы городских кварталов – «месторасположения», объединенные вокруг упоминаемых в тексте городских доминант. Описание маршрута помогает воспринять планиграфическую структуру посада, увидеть новые точки соприкосновения кварталов, проследить этапы составления писцовой книги (Ситди́ков, Старков, 2022, с. 74–75) (рис. 2).

Первоначально («Месторасположение № 1») был описан отдельно стоящий квартал на «противоположной» стороне от посада «от Сергиевских городских ворот к Сергиевским острожным воротам».

Затем переписчики вернулись в «основную» посадскую часть кварталов на северо-востоке Свяжска у «болота» («Месторасположение № 2»): прошли Воскресенской улицей и оказались у Преображенской церкви, от нее прошли к Ямскому двору и прошли по берегу р. Свяги к острожным воротам, обратным путем вернулись к Ямскому двору и вышли к церкви Воскресения. От

Рис. 2. Планировка Свяжжского посада XVI в. (реконструкция А.С. Старкова)

ц. Воскресения двинулись к острогу и оказались у Ямского двора. От Ямского двора Воскресенским переулком прошли до Рождественских острожных ворот, вдоль острога. От ворот (с уточнением «от болота»), по ул. Кузнецкой прошли в сторону Татарского двора, описав дворы с одной стороны улицы, развернулись и, описав дворы по противоположной стороне улицы Кузнецкой, вернулись к болоту. От болота переписчики двинулись по ул. Пирожной до пересечения с Пироярошным переулком, который также располагался от болота. Переулком Пироярошным писцы оказались на перекрестке Дятлярный, за Зарядьем Большого ряда, и описали дворы в Зарядье, часть из которых примыкает к болоту, тем самым оказавшись на другой стороне болота.

«Месторасположение № 3»: от Торговых рядов Большого ряда и Никольских городских ворот, были описаны переулки между городской стеной и болотом в направлении «к горе ц. Константина». Затем описаны участки близ Рождественских городских ворот и Константиновской церкви.

После описания «Месторасположения № 3» переписчики вернулись в «Месторасположение № 2». Прошли Воскресенской улицей от острога к Татарскому двору и вернулись обратно. Вернулись к пересечению ул. Воскресенской и Кузнецкой и описали дворы в переулках. Вышли к Татарской улице и описали дворы и переулки у болота. И по Константиновской улице вернулись к району церкви Константина и Рождественских острожных ворот – «Месторасположению № 3».

Далее переписчики описали дворы напротив Адашевских острожных ворот, Прибытковских острожных ворот – «Месторасположение № 4». При описании встречается «в тупике». Вероятно, эти участки расположены вдоль реки Щуки до озера Щучьего от Рождественских острожных ворот.

После описания дворов писцы описали лавки Большого торгового двора, двигаясь от городских Никольских ворот вглубь посада, упоминая как городские ориентиры местоположение Татарского двора и Воскресенской церкви.

Татарская улица в «Списке с Писцовой и межевой книги города Свияжска 1565–1567 г.» упоминается два раза. По улице перечисляется расположение 18–20 дворов горожан. К улице примыкали два переулочка. В одном располагались три двора, в другом 27 дворов. Кроме того, Писцовая книга указывает на наличие в непосредственной близости от Татарской улицы «Татарского двора», который должен был располагаться на пересечении ул. Кузнецкой с окончанием торговых лавок «Большого ряда». К одной из стен двора примыкают два лавочных места. Сам «Татарский двор» упоминается в описи не менее пяти раз как топографическая привязка для объектов недвижимости.

Состав построек «Татарского двора» описывается следующим образом: «...за острогом у сторожных ворот у речки у Свияги на берегу..., да за рядом двор татарской, на дворе хором две избы, да онбар, да клетка, да ворота, да городьба с двух сторон замет (забор) дощаной, а с другую две стороны лавочные стены задние»; «Да от болота едучи к татарскому двору Кузнецкою улицею...». В тексте присутствуют уточнения к имени владельцев дворов «бусурман», «басурман», «босурман» «новокрещен», всего около 12 упоминаний, четверо из них проживали непосредственно в кварталах, образованных Татарской улицей (Список, 1909). Татарский двор, вероятно, использовался для размещения дипломатических посланников, купцов при проезде через Свияжск. Как, например, это практиковалось в Москве, где располагались «ногайский», «крымский», «ордынский» или «татарский», «немецкий» и многие другие «представительства»: «Некоторые иностранные государи имеют в Москве своих легатов, постоянных консулов или резидентов, живущих в собственных своих дворах. В Москве устроены удобные дома и дворы, в которых помещают приезжающих послов» (Олеарий, 2003, с. 208). Располагался «Татарский двор» и в Казани, по Писцовой книге Казани 1565–1568 гг., он находился «...на Арском

поле за старым острогом против острожных Арских ворот двор татарской отынен, а на дворе хором: изба таможенная 3-х саж. меж угол да избушка 2-х саж. меж угол, против избушки клеткишко 1 1/2 саж., да изба с пристеном дворничья да две конюшни дощаные судовых досок, обе по 4 саж., конюшня...» (Материалы, 193, с. 48).

В ноябре 1556 г. в Свияжске останавливались «ногайские гонцы от Исмаила князя – гонец его Ягуп с товарищи, всех их 12 человек. А послы идут ко царю и великому князю: от Исмаила князя посол его Елболду, а от мирз послы идут их люди. А всех послов и гонцов и гостей 1000 человек, а лошадей с ними 20 тысяч, а овец 4000» (Посольские, 2006, с. 179).

Сочетание сведений, полученных в результате анализа картографических материалов и археологических исследований, позволяет со значительной долей достоверности реконструировать планировку Свияжска в ранний период его существования. В середине XVI в. общая площадь средневекового Свияжска, окруженного острожной стеной, могла достигать 80 га, из которых площадь крепости на высоком мысе-останце около 40 га. Город середины XVI в. имел квартальную систему, состоящую из 70 улиц и переулочков. Проезды и дворы во второй половине XVI в. были вымощены корой деревьев и крупной древесной щепой.

Изученная в раскопе «Татарская слободка» улица имела длину 49 м при ширине до 5 м. Возможно, значительная ширина улицы может указывать, что в раскопе была выявлена одна из главных посадских «магистралей» XVI в. К ней примыкал переулочок длиной 30 м и шириной до 2,6 м. Для мощения улицы использовались тесины и плахи, что зафиксировано в горизонтах культурного слоя в виде уложенных лаг и досок. В XVII в. улица постепенно сужается до 4 м, за счет этого увеличивается площадь примыкавших к ней дворов квартальной застройки (Ситдинов, Старков, 2022, с. 76).

К концу XVIII в. площадь Свияжска сокращается до 60 га, а посад в северо-восточной части города уменьшается с 20 га (XVI в.) до 14 га к концу XVIII в. (План города Свияжска. РГАДА Ф. 1356, Оп. 1. Д. 1327). Особенно заметно сокращение посада с восточной и северо-восточной стороны, на участке береговой линии реки Щуки. Эти сведения подтверждают тезис о постепенном утрачивании ведущей роли Свияжска, что отразилось и на размерах города.

ГЛАВА 3

СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ РАСКОПА «ТАТАРСКАЯ СЛОБОДКА»

Рекогносцировочные работы 1980-х гг. установили, что культурный слой на всей возвышенной части имел мощность около 50–80 см и представлял собой, по большей части, серую супесь, насыщенную фрагментами угля, строительными остатками (рис. 1). В нижней части Свяжска был обнаружен «влажный культурный слой» мощностью до 3,5 м (Беляев, 2021, с. 12). С этим открытием и связано начало изучения феномена в археологии острова. Во влажном культурном слое, локализуемом на площади около 8 га, сохранились деревянные жилые и хозяйственные постройки, улицы, изделия из органических материалов, характеризующие быт горожан и градостроительную историю Руси XVI–XIX вв. в целом (Ситдииков, Старков, 2022, с. 77).

В средневековом культурном слое Свяжска в переотложенном состоянии были выявлены многочисленные артефакты в виде каменных орудий и лепной керамики, связанные эпохой позднего бронзового века (XVIII–IX вв. до н. э.). Эти археологические предметы относятся к срубной культурно-исторической общности (XVIII–XV вв. до н. э.) и луговской археологической культуре (XVII–XV вв. до н. э.) (Лыганов, 2018). Следы могильника, относящегося к маклашеевской археологической культуре, были выявлены на площадке за территорией Иоанно-Предтеченского монастыря. На верхней площадке южной оконечности острова были зафиксированы культурные слои поселения и могильник позднебронзового века (Старков 2016; Ахметгаллин, 2017).

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что археологический культурный слой средневекового города Свяжска представляет собой важнейший исторический источник. Археологически деревянная посадская застройка Свяжска показывает особенности исторической топографии Свяжска второй половины XVI–XVIII вв. (улицы, дворы, жилые и хозяйственные постройки). Выявленные объекты иллюстрируют быт горожан и градостроительные традиции Московского государства и России XVI–XVIII вв. Минимальное влияние урбанизационных процессов в XX–XXI вв. на городскую жизнь привели к консервации градостроитель-

ной истории острова, и тем самым был сохранен археологический культурный слой XVI–XX вв. с минимальным современным антропогенным вмешательством.

«Влажный» археологический культурный слой сформировался в Свяжске за столетия своего существования благодаря особым природно-географическим условиям. В районе небольшой речки Щуки с рекой Свягой, разветвленной системы озер, заливов и болот откладывался культурный слой с высоким содержанием влаги. На некоторых памятниках, таких как Свяжск, Старая Ладога, Великий Новгород, Псков, во «влажном» культурном слое оказались «погребены» целые городские кварталы с улицами и дворами. При таких условиях практически весь комплекс археологических находок из органических материалов сохраняется в культурном слое памятника, в отличие от подавляющего большинства памятников археологии, где подобные археологические находки погибают с течением времени.

Для определения абсолютных дат бытования жилых и хозяйственных деревянных конструкций применялись методы дендрохронологических исследований и радиоуглеродного датирования, что способствовало выделению узких хронологических периодов. Состав культурного слоя характеризует специфику хозяйственной деятельности на территории сваяжского посада. Радиоуглеродное датирование образцов внешних и внутренних колец древесины проводилось в лаборатории физики ионных ускорителей Политехнического университета Цюриха ЕТН (Швейцария) с помощью ускорительного масс-спектрометра УМС. Для калибровки полученных дат применялся метод wiggle-matching в программе OxCal v4.2.3 Bronk Ramsey (2013) (Ситдииков, Старков, 2022, с. 78).

Породная принадлежность выявленных в раскопе «Татарская слободка» деревянных деталей показывает, что основным строительным материалом являются сосновые бревна; дуб, лиственные породы деревьев использованы как строительный материал для обнаруженных деревянных конструкций. Следует оговориться, что максимальная степень сохранности построек достигает пяти

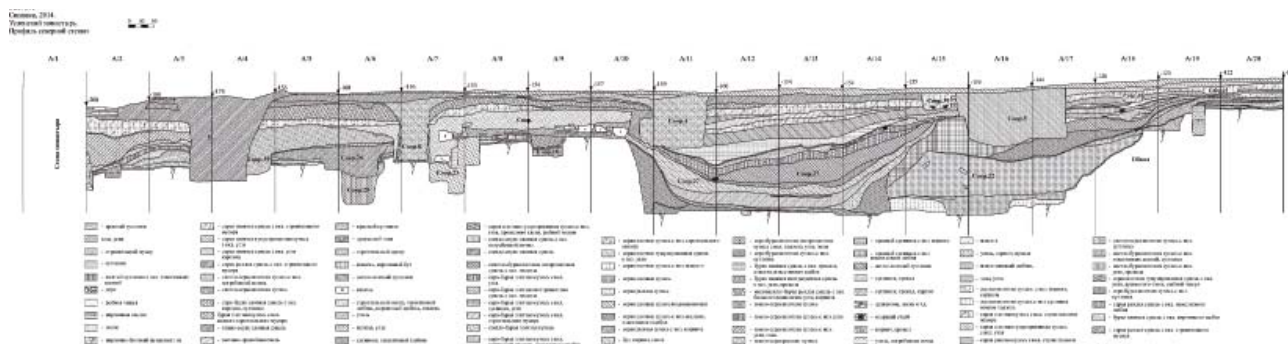

Рис. 1. Профиль северной стенки раскопа 1 2014 г. на территории Успенского Богородицкого монастыря

венцов, большинство построек сохранилось на высоту 1–2 венца.

В нижней части посада прослежена непрерывность накопления культурного слоя. Определены следующие хронологические отрезки их накопления, объединенные в шесть стратиграфических горизонтов, последовательно сменяющих друг друга. Основой для датирования горизонтов послужила хронологическая типология керамики, разработанная Т.А. Хлебниковой. Данная типология разработана в 1995 г. для неполивной керамики Поволжья и Прикамья. Классификация неполивной керамики основывалась на выделении шести историко-культурных групп керамики (учитывались техника изготовления, состав теста, цвет, качество обжига, обработка поверхности): болгарской, керамики «в болгарских традициях», казанской, русской, татарско-русской, поволжско-финской. Массовый керамический материал в Свяжске представлен в основном керамикой трех историко-культурных групп: татарско-русской, русской и т. н. керамикой «в болгарских традициях» (атрибутация коллекции керамики была проведена О.О. Паракиной, А.А. Хамзиной).

Для корректировки дат учитывались данные хронологии бытования артефактов с относительно узкой датой. Из культурного слоя происходит около двух сотен монет чеканки 70-х гг. XV – первой половины XVI в. из меди и серебра, однако в раскопе отсутствуют чеканенные в России монеты начиная с начала второго десятилетия XVII в., что пока не нашло своего объяснения. Распределение монетных находок иллюстрирует сложную экономическую ситуацию XVII в.: так, в пластах второй половины XVI и начала XVII вв. было обнаружено $\frac{3}{4}$ всех монет. Датированными предметами стали счетные жетоны г. Нюрнберга (Германия) XVI–XVII вв., европейские свинцовые текстильные пломбы и иностранные монеты XVI–XVII вв.

Верхний стратиграфический горизонт (I) связан с использованием территории под огороды в XX в. Он представлен прослойками серой плот-

ной супеси с включением кирпичного щебня, серой плотной супеси с включением строительного мусора, древесного тлена, прокала и песка, толщиной до 55 см. На участке раскопа вдоль береговой линии фиксируется прослойка, образовавшаяся в результате размыва берега при создании Куйбышевского водохранилища, состоящая из гальки, кирпичной крошки, строительного мусора и песка (Ситдиков, Старков, 2022, с. 79) (рис. 2).

Второй стратиграфический горизонт, датируемый периодом XVIII–XIX в., состоит из коричневато-бурой рыхлой гумусированной супеси с включением древесного тлена, щепы, толщиной до 90 см.

Находки из этих горизонтов представлены значительным количеством фрагментов татарско-русской керамики XVIII – первой половины XIX вв. (фрагменты серой нелощеной (восстановительного обжига, красноглиняной) керамики и керамики в развитие форм белоглиняной керамики (окислительного и восстановительного обжига, красноглиняной)) (ок. 53%). При этом в переотложенном состоянии в данной группе керамики выявлены фрагменты серой чернолощеной керамики и татарско-русской керамики по образцу белоглиняной (XVI–XVIII вв.) (ок. 26%). Русской белоглиняной керамики XVI–XVIII вв. (около 20%). В переотложенном состоянии выявлены фрагменты керамики в болгарских традициях (вторая половина XV – первая половина XVI вв.) (около 1%). Кроме этого, в пластах выявлено значительное количество монет XVIII–XIX вв., металлических предметов, стекла и т. п.

Нижезалегающие стратиграфические горизонты III–VI представляют собой «влажный» культурный слой. Горизонты III–V представлены прослойками из слежавшихся остатков древесной щепы, отделявшихся друг от друга прожилками угля, линзами песка, золы, дневными уровнями дворового мощения и деревянных построек, общей мощностью до 135 см. Их выделению способствовал анализ строительных периодов деревянных конструкций.

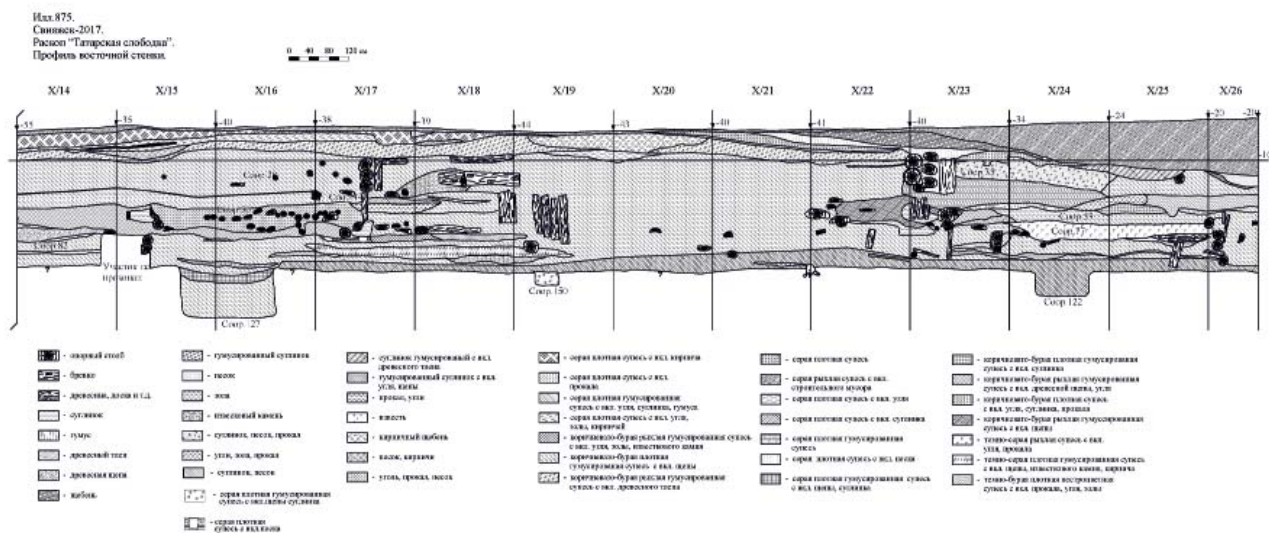

Рис. 2. Профиль восточной стенки раскопа «Татарская слободка» 2013 г.

III–IV стратиграфический горизонт – вторая половина XVII – начало XVIII в. Находки из горизонтов второй половины XVII – начала XVIII вв. представлены: татарско-русской серой нелощеной керамикой, керамикой в развитие белоглиняной и фрагменты красной, коричневой и бурой керамики XVIII в. (39%). Значительную часть находок составляют фрагменты русской белоглиняной керамики XVI–XVIII вв. (31%). В группе татарско-русской керамики выделяется подгруппа керамики, датируемой XVI в., – серой чернолощеной керамики (около 19%), около 9% – фрагменты татарско-русской по образцу белоглиняной и красноглиняной керамики, датируемой XVI–XVII вв. (Ситдииков, Старков, 2022, с. 80).

В переотложенном состоянии в пластах обнаружены фрагменты керамики в болгарских традициях (красная лощеная хорошего обжига), датируемой второй половиной XV – первой половиной XVI вв. (около 1%), и фрагменты буро-серой песочно-древяной керамики XVI в. (около 0,1%).

V стратиграфический горизонт – конец XVI в. – первая половина XVII в. Находки из горизонтов первой половины XVII в. представлены фрагментами русской белоглиняной керамики XVI–XVII вв. (55%). В данных пластах значительно снижается количество татарско-русской серой нелощеной керамики, керамики в развитие белоглиняной и фрагментов красной, коричневой и бурой керамики XVII–XVIII в. (около 13%). При этом сохраняется высокий процент татарско-русской серой чернолощеной керамики, датируемой XVI в. (около 14%). В горизонтах обнаружено несколько чернолощенных рукоянок с носиками в виде голов барана. Около 4% занимают фрагменты татарско-русской по образцу белоглиняной красноглиняной керамики, датируемые

XVI–XVII вв. Среди находок в переотложенном виде обнаружены фрагменты керамики в болгарских традициях (красная лощеная хорошего обжига), датируемой второй половиной XV – первой половиной XVI вв. (ок. 12%), и фрагменты буро-серой песочно-древяной керамики XVI в. (около 0,2%).

В более поздних отложениях, охватывающих период 70-х гг. XV – первой половины XVI в., найдены два счетных жетона г. Нюрнберга (Германия) 1586–1635 гг., текстильная пломба (медальон) (Германия – Англия) с изображением «розы Тюдоров», бытовавшая до 1603 г. (Bodnariuc, Dergaciova, Mordovin, 2019, с. 113), и пломба Голландской общины Колчестера (Англия); обнаружен солид «Вольный город Рига» 1571 г., использовавшийся как монисто (Ситдииков, Старков, 2022, с. 80).

VI стратиграфический горизонт – вторая половина XVI в. – представлял собой прослойку серой плотной гумусированной супеси с включением щепы, угля мощностью до 20 см. Массовые находки из слоев второй половины XVI в. представлены фрагментами русской белоглиняной керамики (около 56%). В данных пластах значительно снижается количество татарско-русской серой нелощеной керамики, керамики в развитие белоглиняной и фрагментов красной, коричневой и бурой керамики (около 20%), в которой группа серой чернолощеной керамики XVI в. составляет около 8%, около 3% – афрагменты татарско-русской по образцу белоглиняной и красноглиняной керамики, датируемой XVI–XVII вв. (Ситдииков, Старков, 2022, с. 81).

В слое обнаружено значительное число фрагментов керамики в болгарских традициях, датируемых второй половиной XV – первой половиной XVI вв. (около 14,5%), и фрагментов буро-серой

песочно-дресвяной керамики XVI в. (ок. 0,5%). Более древние материалы, выявленные в культурном слое, вероятно, связаны с периодом раннего освоения этой территории в период до середины XVI в., стратиграфически этот горизонт не выявлен, связанных с ним объектов не обнаружено.

Монеты чеканки 70-х г. XV – первой половины XVI в. (105 ед.). На территории улицы обнаружена монета 1 эре (Швеция) первой трети XVII в., вероятно вдавленная в культурный слой или оказавшаяся в нижних пластах при ремонте улицы (Ситдииков, Старков, 2022, с. 81), а также текстильная пломба из г. Герлиц (Германия) XVI в. (Mordovin, 2018). К предметам XVI в. относится игрушка-свистулька в виде животного, изготовленная из красной глины с белым ангобом (Комплексные, 2019, с. 310).

В более поздних отложениях был обнаружен монетный материал, датируемый чеканом 70-ых гг. XV – первой половины XVI в. Московского государства. Наиболее ранней серебряной монетой является деньга Василия III 1505–1533 гг., а также медные монеты, представленные мелкоформатными пулами, отчеканенными в Москве и Твери со второй половины 1470-х годов. В переотложенном слое найден золотоордынский дирхем XIV в. и шиферное пряслице XII–XIII в. (Ситдииков, Старков, 2022, с. 81).

В раскопе на береговой линии на площади около 2000 кв. м было обнаружено 79 деревянных построек, которые укладываются в четыре основных строительных периода – перестройки и обновления квартальной застройки, охватывающих период от основания Свяжска до XVIII в.

Кварталы, выделенные в раскопе, разделены между собой улицей и переулком. Внутри планировочной структуры кварталов выделены ведущие к отдельным дворам-домовладениям проходы, заканчивающиеся тупиками. В структуре квартала самостоятельной планиграфической единицей являлся двор (Ожегов, Шведова, 1995, с. 150). Описание квартальной и внутриквартальной застройки строится на основании выделенных в раскопе строительных периодов I–IV, охватывающих временной период второй половины XVI – начала XVIII вв. Постройки внутри дворов разделены на жилые и хозяйственные.

Центральный квартал I площадью около 1300 кв. м занимает большую часть раскопа. С севера он ограничен широкой улицей. К востоку от него за другим уличным проездом находится квартал II («восточный»), 248 кв. м. Квартал III («северный»), 600 кв. м, локализован к северу от кварталов I и II. Участки раскопа, занимаемые кварталами II и III, прилегали к береговой линии, и значительная их часть к началу работ была разру-

шена (Шакиров, 2011, Шакиров, 2013; Шакиров, Валиев, Ситдииков, 2012).

Строительный период I (вторая половина XVI в.) представлен остатками семи дворов, в которых размещалось 10 сооружений: два жилых и восемь хозяйственных построек. Самые древние постройки сохранили следы архаичных традиций обработки дерева XV–XVI вв., вероятно связанных с местными технологиями домостроительства (Ситдииков, Старков, 2022, с. 82). Начало хозяйственной деятельности на исследованном раскопом участке приходится на вторую половину XVI в. Территория будущего Свяжска перед заселением представляла собой слабо освоенный в период Казанского ханства залесенный смешанным лиственным лесом участок нижней пойменной части левобережья реки Свяги на месте ее слияния с рекой Щукой. Остатки леса в раскопе представлены пнями, оставшимися от довольно крупных деревьев с диаметром ствола более метра. Также сохранились пни небольших молодых деревьев 20–30 см в диаметре ствола. Всего на площади раскопа было зафиксировано 24 пня. Часть крупных пней была использована в будущем строительстве как опоры под нижние, окладные венцы построек. В одном случае пень использовался для крепления к нему уличной ограды (рис. 3).

Большинство пней были подрублены до высоты 20–30 см от уровня дневной поверхности, в одном случае крупный пень располагался в центральной части двора. Можно предположить, что некорчевание пней для удобства строительства и проживания указывает на необходимость быстрого строительства.

Деревянные постройки второй половины XVI в. в раскопе сохранились на участке кварталов I и II. В границах III квартала были выявлены заглубленные в материк хозяйственные ямы и следы дворовых деревянных конструкций в виде древесного тлена.

Кварталы I, II отделялись от квартала III улицей шириной около 800 см. Кварталы I и II разделены переулком шириной около 260 см. «Красная линия» северной границы квартала I со стороны улицы представляла собой ломанную прямую, проходящую по границам дворов, в связи с этим близ отдельных дворов ширина улицы могла достигать от 8 до 11 м. Внутри квартала I от улицы к двору 4 вёл проход шириной 4,5 м и протяженностью до 17 м, оканчивающийся тупиком. Уличные и междворовые ограды представляют собой вертикально установленные, плотно подогнанные колотые доски, заостренные косым отрубом снизу. Остатки траншей от установки заборов и сохранившиеся участки оград стали основанием для выделения границ дворов. Следы мощения улиц

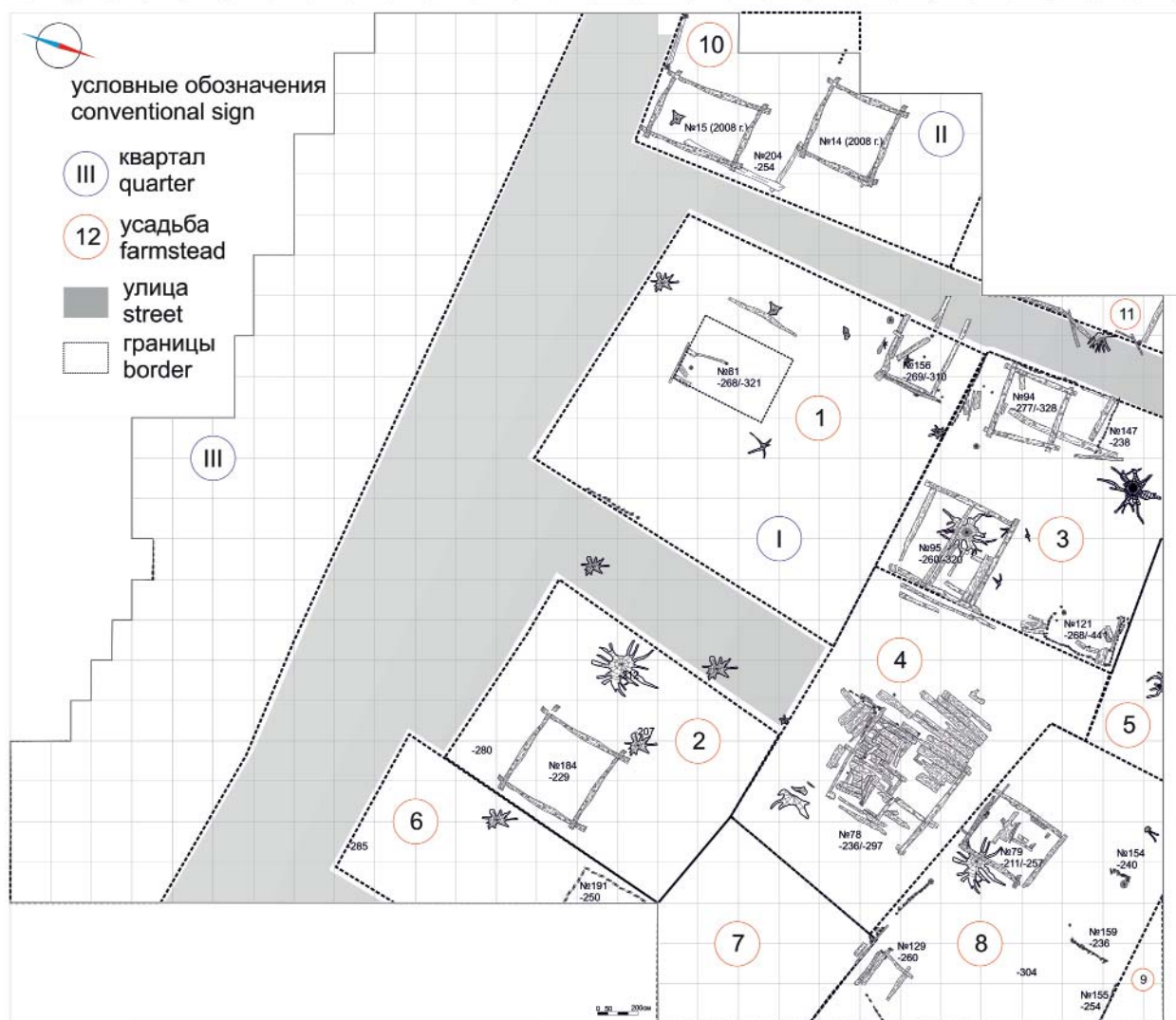

Рис. 3. План раскопа на уровне строительного горизонта второй половины XVI в.

присутствуют в виде остатков коры лиственных деревьев, поперечных лаг и фрагментов настилов, уложенных из досок.

Территория кварталов I и II делилась на 10–11 домовладений. Квартал I (38×40 м, вытянут по линии В–З) состоял из девяти дворов, четыре из которых были вскрыты практически полностью. На площади квартала II (30×7 м) были расположены 1–2 домовладения. Дворы представляли собой участки подпрямоугольной формы различной площади.

Подворовая характеристика квартальной застройки этого периода выглядит следующим образом.

Квартал I. Двор 1 площадью около 270 кв. м вскрыт полностью. Размеры домовладения около 15×18 м. С севера был ограничен улицей, с востока – переулком. С запада границей двора 1 стал тупиковый проход шириной до 430 см, ведущий к двору 4. С юга от участка расположен двор 3.

Фрагмент ограды из колотых досок фиксировался по западной границе участка (сооружение 46 – 2011 г.), протяженностью 375 см. На территории двора, в центральной части, располагался жилой дом из сруба 460×420 см (сооружение 81), внутри постройки (в южной половине) располагался развал известняковых камней от печи-каменки. Вероятно, хозяйственной постройкой являлся сруб 360×300 см (сооружение 156), который располагался в юго-восточном углу двора у границы участка и примыкал стеной к улице. С западного фасада постройки находилась столбовая конструкция, очевидно, от навеса 270×250 см, состоящая из 4 вкопанных столбов из плах. На дворе было зафиксировано до семи довольно крупных хозяйственных ям. Некоторые из них были заполнены сильно унавоженным грунтом, вероятно указывающим на наличие стойлового животноводства.

Двор 2 (площадью около 78 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 14×10,5 м.

Участок двора ограничен с севера улицей, с востока – двором 6, с юга – дворами 4 и 7, с запада – проходом, ведущим к двору 4. Ограждение двора сохранилось в виде траншей от установки забора. На территории двора у западной границы по центру расположена постройка жилого характера из сруба 480×440 см (сооружение 184), в северном углу сооружения располагалось скопление 140×115 см суглинка, вероятно основание печи. С восточной стороны постройки на расстоянии 150 см вдоль венца сохранилось основание конструкции в виде шести регулярных столбов (сени, крыльцо?).

Двор 3 (площадью около 155 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 12×13 м. Вдоль восточной границы он ограничен переулком, с севера от него располагается двор 1, с запада – двор 4, с юга – двор 5. Со стороны переулка сохранился фрагмент линии ограды из колотых досок (сооружение 150) протяженностью около 430 см. На территории двора располагались три строения. У восточной границы, стенкой к улице, была устроена срубная отапливаемая жилая постройка 380×380 см (сооружение 94), внутри постройки фиксировался развал камней от печи. В северо-западном углу двора находилась крупная хозяйственная постройка из сруба 480×500 см (сооружение 95). Не исключено, что она представляла собой летний жилой дом, так как способ рубки сруба определен как «холодный». Центральная лага этой постройки опиралась на пень диаметром до 100 см. В юго-западном углу двора располагалась полужемлянка прямоугольной формы 400×310 см (сооружение 121) глубиной около 140 см, обложенная с трех сторон колотыми досками, не укрепленная деревом стенка обращена во двор.

Двор 4 (площадью около 155 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 16,5×11,5 м. Территория двора ограничена проходом, ведущим во двор от улицы с севера (с севера также располагаются дворы 1 и 2), с востока – двором 7, с юга – дворами 5 и 8. Ограда двора сохранилась в виде фрагментов сегментов из вертикально установленных колотых досок (сооружение 110, 139, 116). На участке в центре располагалась жилая срубная постройка – дом-пятистенок 550×560 см (сооружение 78). Во дворе выявлены фрагменты настила 280×540 см и 140×170 см из плотно уложенных досок длиной до 350 см и шириной до 45 см. Настил уложен на поперечные лаги из бревен диаметром до 15 см. Часть дворового мощения была устроена из фрагментов коры дуба.

Двор 5 (площадью около 33 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части около 11×6 м. С севера он граничит с дворами

3 и 4, с запада – с двором 8. Раскрыт северо-западный угол двора. Ограда сохранилась в виде траншей и столбовых ям. Остальная часть двора продолжается за пределы раскопа. На территории двора, в части, находящейся на территории раскопа, зафиксирована овальная хозяйственная яма 410×115 см, глубиной около 120 см.

Двор 6 (площадью около 64 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части около 9×15 м. Западная и южная часть домовладения продолжается за границы раскопа, с востока располагается двор 2. Ограда двора сохранилась в виде траншей, заполненных следами древесного тлена от вертикально установленных колотых досок. В юго-восточном углу двора расположена полужемлянка 350×240 см (сооружение 191) глубиной около 140 см, стенки укреплены колотыми досками. Сооружение продолжалось за границу работ.

Двор 7 (площадью около 70 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части 10×10 м. С севера он ограничен двором 2, с востока – двором 4, с юга – двором 8. Ограда двора была устроена из вертикально установленных колотых досок (сооружения № 110, 139) протяженностью сохранившихся фрагментов 300 и 520 см. Западная часть двора продолжается за территорию раскопа. Вдоль северной границы располагались хозяйственные ямы: 350×400 см глубиной 119 см (сооружение 90) и 210×175 см глубиной 57 см (сооружение 88).

Двор 8 (площадью около 130 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части 20×10,5 м. С севера домовладение граничит с дворами 4 и 7, с востока – с двором 5, с юга – двором 9. Западная граница двора продолжается за территорию раскопа. Границы образованы вертикально установленными оградами из колотых досок (сооружение 116). На дворе зафиксирована постройка хозяйственного характера из сруба 340×360 см, поставленная у северной границы двора (сооружение 79). Опорой под нижний венец этого сруба стал пень дерева. Во дворе также найден участок дворового настила (сооружение 129).

Двор 9 (площадью около 9 кв. м, вскрыт частично). Размеры в раскрытой части 3×6 м. С севера она граничит с двором 8. Западная, восточная и южная граница двора продолжается за территорией раскопа. Ограда двора устроена из вертикально установленных колотых досок (сооружение 155). На территории двора в изученной части располагались две небольших хозяйственных ямы (сооружение 114, 117).

Квартал II. Двор 10 (площадью около 110 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части около 16×7 м. Его пределы ограни-

чены с запада переулком, с севера – улицей, а с юга – двором 11. С востока двор выходит за границы исследований. Ограда двора сохранилась в виде траншей от установки деревянных конструкций. В глубине участка поставлено жилое строение из сруба 390×390 см (сооружение 15 2008 г.), в северо-западном углу прослежено скопление глины от основания очага. В северо-западном углу расположена срубная конструкция 310×270 см (сооружение 204), вероятно хозяйственного характера, сохранившаяся частично. В северо-западном углу двора, стенками к улице и переулку, располагался сруб 505×360 см (сооружение 14 2008 г.) хозяйственного назначения, очага в постройке не обнаружено.

Двор 11 (площадью около 10 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части около 7×2,5 м. Двор граничит на севере с двором 10, с востока ограничен площадью раскопок и примыкает к береговой линии, с запада ограничен переулком. Ограда двора сохранилась в виде узких траншей и отдельных столбовых ям. На территории двора вдоль западной границы расположены две хозяйственные ямы: 220×155 см глубиной 60 см и 170×125 см глубиной 134 см (сооружения 122 и 123).

Строительный период II (конец XVI – первая половина XVII вв.) представлен остатками 8–9 дворов, в которых размещалось 20 сооружений: 6 жилых и 14 хозяйственных построек (Ситдииков, Старков, 2022, с. 82). Планиграфия домовладений первой половины XVII в. в раскопе сохранилась на участке кварталов I и II. В границах III квартала были выявлены две деревянные постройки, заглубленные в материк, однако выделить самостоятельные дворы на участке квартала не представлялось возможным в связи с утратой стратифицированного культурного слоя в этой части раскопа (Ситдииков, Старков, 2022, с. 101–104) (рис. 4).

Основными изменениями планиграфии первой половины XVII в. стало увеличение квартала I за счет захвата уличного пространства. Изменились границы дворов: двор 1 – второй половины XVI в. – был разделен на два (дворы 1 и 2 первой половины XVII в.). Проход, ведущий во двор 4 – второй половины XVI в., – был застроен, вход во двор был организован из переулка, по территории двора 5 – второй половины XVI в.

В первой половине XVII в. кварталы I, II отделялись от квартала III улицей шириной около 750 см, переулком шириной около 260 см. Из переулка вглубь квартала I, ко двору 4, вел узкий проход, оканчивающийся тупиком, протяженностью около 16 м и шириной около 120 см. Уличные и междворовые ограды представляют собой верти-

кально установленные, плотно подогнанные колотые доски, заостренные косым отрубом снизу, либо плотно подогнанные столбы. Следы мощения улиц присутствуют в виде остатков поперечных лаг и фрагментов настилов из уложенных досок, не зафиксировано использование коры лиственных деревьев.

Застройка первой половины XVII в., в раскопе представлена 13 дворами. Квартал I (раскрытая площадь 41×40 м) состоял из 11 дворов, шесть из которых были выявлены почти полностью. Квартал II – на его площади были расположены два двора (раскрытая площадь 30×7 м). Всего было выделено 13 дворов. Два двора (2 и 7) имели сложную в плане многоугольную конфигурацию.

Поддворовая характеристика квартальной застройки этого периода выглядит следующим образом.

Квартал I. Двор 1 (площадью около 140 кв. м, вскрыт полностью) вытянут с востока на запад. Размеры домовладения 9×15,5 м. Занимает северо-западный угол квартала. С севера ограничен улицей, с востока – переулком. С юга от него расположен двор 2, с запада – двор 6. Ограда двора устроена из вертикально установленных колотых досок (сооружение 190). На территории двора, в северо-восточной части, находился, вероятно, жилой дом срубной конструкции 480×430 см (сооружение 82). Вдоль западной границы участка была устроена мощенная колотыми досками дорожка (сооружение 4а, 4б – 2011 г.).

Двор 2 (площадью около 175 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 21×9,5 м. С востока ограничен переулком, с севера от него располагается двор 1, с запада – дворы 3 и 4, с юга – дворы 6 и 7. Ограда двора устроена из вертикально установленных колотых досок (сооружение 190). На территории двора 2 располагались три сооружения. В глубине двора располагался сруб 420×460 см (сооружение 42). В западном углу постройки фиксировалась деревянная конструкция 205×105 см подпрямоугольной формы из скрепленных по углам столбами в паз бревен диаметром до 10 см, вероятно, являлась основанием печи. У западной границы участка была устроена срубная хозяйственная постройка 360×390 см (сооружение 76). У северной границы располагалась хозяйственная постройка из сруба 385×300 см (сооружение 73). С восточной стороны сруба к нему примыкал фрагмент 510×185 см дворового настила из уложенных на поперечные лаги диаметром до 15 см досок с размерами до 280×25×5 см.

Двор 3 (площадью около 145 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 12×12 м. Участок двора 3 ограничен с востока переулком, с южной стороны – тупиком. С запада он граничит

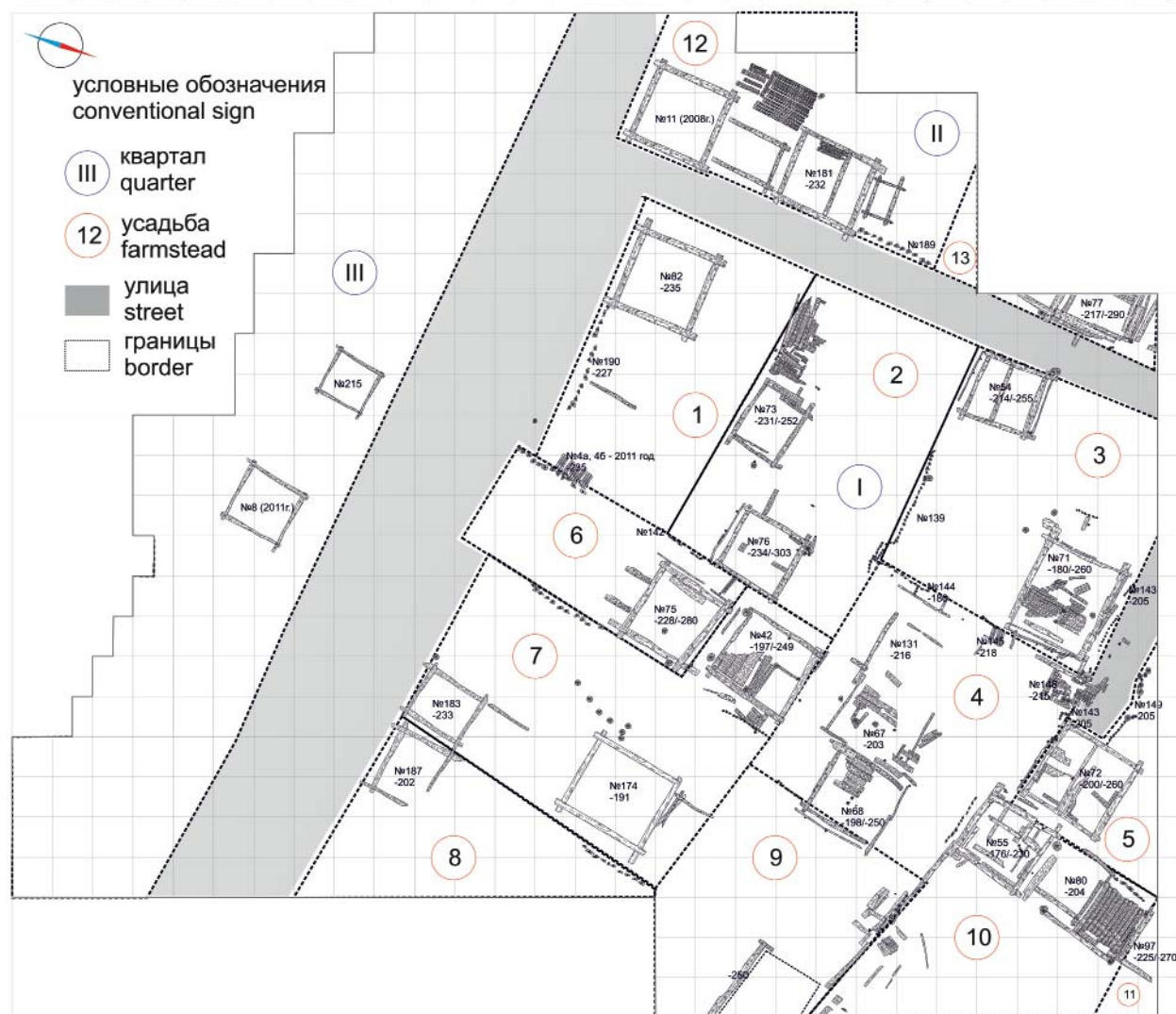

Рис. 4. План раскопа на уровне первой половины XVII в.

с двором 4, с севера – с двором 2. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 143, 144, 139). На территории двора располагались два строения. В северо-восточном углу, на границе с улицей, была размещена жилая (?) срубная постройка 420×375 см (сооружение 54), в юго-восточном углу постройки фиксировалась подквадратная деревянная конструкция 160×160 см из уложенных на короткие подкладки бревен диаметром до 20 см, вероятно, от печки – основания печи. В противоположном, юго-западном углу двора находилась срубная, вероятно жилая, постройка 560×490 см (сооружение 71), имевшая пол из бревенчатого наката.

Двор 4 (площадью около 156 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 13×12 м. Двор расположен «внутри» квартала, с севера от него располагаются дворы 2 и 7, с юга – дворы 5 и 10, с запада – двор 9, с восточной стороны – двор

3. Вход на территорию двора располагался в юго-восточном углу двора, из тупика. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 110, 140, 139). На территории двора в центральной части располагалась трехкамерная постройка из срубов размерами 415×360 см (сооружение 131), 540×350 см (сооружение 67), 410×390 см (сооружение 68). Объект мог иметь хозяйственное назначение. Зафиксированы конструкции ворот либо калитки (сооружение 146). Вдоль восточной границы участка была устроена мощенная колотыми досками дорожка (сооружение 145).

Двор 5 (площадью около 45 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части около 11×9 м. С севера он ограничен тупиком и двором 4, запада – двором 10. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 149). Большая часть двора продолжается за территорию раскопа. На

исследованной части располагалась срубная постройка жилого назначения 450×485 см (сооружение 72). Постройка состояла из двух камер: «северной» 370×190 см, «южной» 370×160 см. В «северной» камере фиксировалось пятно подпрямоугольной формы 140×140 см, состоящее из скопления суглинка, угля, прокала, являющееся, вероятно, остатками очага.

Двор 6 (площадью около 78 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 6×13 м, ограничен с севера улицей, с востока – дворами 1 и 2, с юга – двором 4, с запада – двором 7. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 203). В глубине двора, у южной границы, расположена постройка из сруба 450×450 см с крыльцом (сооружение 75), вероятно жилого (?) характера.

Двор 7 (площадью около 180 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 16,5×15,5 м. Двор с севера ограничен улицей, с востока – дворами 6 и 2, с юга – дворами 4 и 9, с запада – двором 8. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных столбиков (сооружение 185). На территории расположены две постройки. В юго-западном углу находится жилое строение из сруба 480×485 см (сооружение 174), в северном углу сооружения фиксировалось скопление 280×200 см подпрямоугольной формы из кирпичной крошки и прокала, вероятно от очага. В северо-западном углу двора, стенкой к улице примыкает отапливаемая хозяйственная срубная постройка 320×340 см (сооружение 183), в северном углу сооружения располагалось скопление 110×110 см подквадратной формы, состоявшее из суглинка с включением известнякового камня, вероятно от очага.

Двор 8 (площадью около 80 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части 10,5×15,5 м. С севера участок двора граничит с улицей, с востока – с двором 7, с юга – с двором 9. Ограда двора сохранилась в виде прожилков древесного тлена по периметру. Западная граница двора продолжается за территорию раскопа. В северо-восточном углу двора располагалась отапливаемая хозяйственная срубная постройка 330×375 см (сооружение 187). Очаг располагался в восточном углу сооружения и фиксировался в виде скопления 100×100 см подквадратной формы, состоящего из суглинка с включением известнякового камня.

Двор 9 (площадью около 70 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части 10,5×13,5 м. С севера оно ограничено дворами 7 и 8, с востока – двором 4, с юга – двором 10. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 139).

Западная часть двора имела продолжение за территорию раскопа. Дворовые строения представлены остатками подкладок от срубной постройки размерами около 480×400 см, размещенной вдоль южной границы двора.

Двор 10 (площадью около 130 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части 15×10,5 м. С севера граничит с дворами 4 и 9, с востока – с двором 5, с юга – с двором 11. Западная граница двора продолжается за территорию раскопа. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 140). Застройка двора располагалась у восточной границы двора, на всю его ширину. Она представлена срубной постройкой хозяйственного характера 465×430 см с прирубом-пристроением 540×380 см, стенка, обращенная во двор, была устроена «в заплот», другие устроены из плотно подогнанных колотых досок (сооружение 55 и 80).

Двор 11 (площадью около 9 кв. м, вскрыт частично). Размеры в раскрытой части 3×6 м. С севера объект граничит с двором 10. Западная, восточная и южная границы двора продолжают за территорию раскопа. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 155). Застройка представлена северо-западным углом сруба 350×240 см (сооружение 97), вскрытого частично. Наиболее вероятно хозяйственное назначение постройки.

Квартал II. Двор 12 площадью около 9 кв. м (вскрыт частично) занимает северо-западный угол квартала. Размеры выявленной части двора около 16,5×6 м. С запада он ограничен переулком, с севера – улицей, с юга – двором 13. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 189). На территории участка, по западной границе двора, в ряд расположены три постройки. Сруб 420×430 см, вероятно, использовался для жилья (сооружение 11 2008 г.), остатки очага представлены в виде скопления битого кирпича, прокала, угля, золы толщиной 10–12 см. С юга к этому срубам примыкала сильно поврежденная срубная постройка 270×360 см, чулан или сени между двумя срубами. Наиболее крупной дворовой постройкой является срубная конструкция 440×450 см с крыльцом (сооружение 181). Вероятно, она имела хозяйственное назначение. Во дворе были устроены бревенчатый накат и вымостка из досок.

Двор 13 (площадью около 26 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части около 12,5×3,5 м. Участок ограничен с севера двором 12, с запада – переулком. С востока двор продолжается за пределы раскопа и примыкает к береговой линии. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок.

Вдоль западной границы двора была вскрыта жилая постройка из сруба 390×260 см (сооружение 77), очаг сохранился в виде скопления линзы суглинка толщиной до 10 см.

Строительный период III (вторая половина XVII в.) представлен остатками 7–8 дворов, в которых размещалось 24 сооружения: 4 жилых и 20 хозяйственных построек (Ситдигов, Старков, 2022, с. 82). Основным отличием в планиграфии второй половины XVII в. от предшествующих периодов стало общее увеличение территории квартала I от его размеров в предшествующий период в северном направлении за счет «захвата» пространства улицы на ширину до 3 м по всей «красной линии» квартала. Изменились границы дворов: двор 1 первой половины XVII в. увеличился за счет включения уличного пространства. Произошло увеличение двора 6 за счет присоединения части двора 2 первой половины XVII в. (соответственно, площадь двора 2 первой половины XVII в. уменьшилась). Увеличился двор 4 за счет домовладения 9 первой половины XVII в. Общей тенденцией является увеличение плотности застройки в домовладениях. Все эти изменения свидетельствуют об активной хозяйственной жизни в посаде (Ситдигов, Старков, 2022, с. 119–123) (рис. 5).

Застройка второй половины XVII в. в раскопе сохранилась на участке кварталов I и II, на участке III квартала деревянные объекты не сохранились. Кварталы I и II отделены от квартала III улицей шириной около 550 см. Кварталы I и II отделены друг от друга переулком шириной около 260 см. Из переулка вглубь квартала I, к двору 4, вел узкий проход протяженностью около 16 м и шириной около 120 см, оканчивающийся тупиком. Уличные и междворовые ограды представляют собой сочетание двух конструкций: заборов из вертикально установленных, плотно подогнанных колотых досок, заостренных косым отрубом снизу, и оград из уложенных бревен, соединенных с вертикальными столбами «в заплот». Как и в предшествующий период, следы мощения улиц присутствуют в виде остатков поперечных лаг и фрагментов настилов из уложенных досок, не зафиксировано использование коры лиственных деревьев.

Застройка второй половины XVII в. в раскопе представлена 13 дворами. Квартал I (раскрытая площадь 42,5×41 м) состоял из 11 дворов, из которых шесть были выявлены почти полностью. Квартал II – на его площади были расположены два двора (раскрытая площадь 30×7 м). Все дворы представляли собой участки подпрямоугольной формы различной площади.

Подворовая характеристика квартальной застройки выглядит следующим образом.

Квартал I. Двор 1 (площадью около 150 кв. м, вскрыт полностью) занимает северо-восточный угол квартала. Размеры домовладения около 15×10 м. Ограничен с севера улицей, с востока переулком. С юга расположен двор 2, с запада двор 6. Двор 1 вытянут с востока на запад. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 178). На его территории располагалось четыре постройки. Вдоль северной границы двора, по центру, размещена жилая постройка из сруба 430×480 см (сооружение 169), в юго-западном углу фиксировалось скопление прокала 140×90 см, вероятно от развала печи. В юго-западном углу двора располагалась хозяйственная постройка из сруба 460×460 см (сооружение 6 2011 г. (45 – 2012 г.)), северная стенка сруба имела следы ремонта после пожара (заделка выгоревшего участка венца). К нему с севера примыкала дощатая конструкция 380×280 см (сооружение 4 2011 г.), вероятно хозяйственного назначения. В юго-восточном углу двора, вдоль улицы, располагалась срубная постройка 380×430 см (сооружение 50) с полом из бревенчатого наката.

Двор 2 (площадью около 147 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 15,5×9,5 м. Ограничен с востока переулком, с севера от него располагается двор 1, с запада – двор 6, с юга – дворы 3 и 4. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 141). На территории двора 2 располагались: в юго-восточном углу двора, выходя фасадом на улицу, жилая постройка из сруба 490×505 см (сооружение 48), в северо-западной части фиксировалась линза из скопления кирпичного щебня толщиной до 30 см, вероятно от очага. Вдоль западной границы двора, по центру, постройка из сруба 395×335 см (сооружение 51). У южной границы была устроена срубная хозяйственная постройка 290×310 см (сооружение 52).

Двор 3 (площадью около 150 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 12×12,5 м. Ограничен с востока переулком, с южной стороны его граница проходит по тупику, с запада граничит с двором 4, с севера с двором 2. Ограда двора представлена редкими фрагментами вертикально установленных колотых досок. На территории двора располагались четыре постройки. В северо-западном углу двора была устроена, вероятно, жилая (?) срубная постройка 600×550 см (сооружение 43). В северо-восточном углу – хозяйственная постройка из сруба 400×200 см (сооружение 21, ярус 2). В противоположном, юго-западном углу была устроена срубная, вероятно хозяйственная, постройка 430×430 см с прирубом (сени?) 430×135 см (сооружение 70). С востока к ней при-

Рис. 5. План раскопа на уровне второй половины XVII в.

мыкала постройка хозяйственного назначения из сруба 390×355 см (сооружение 49).

Двор 4 (площадью около 160 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 15,5×10,5 м. С севера от него располагаются дворы 2, 6, 7, с востока – двор 3, с юга – дворы 5, 10. В двор из переулка вел тупик шириной до 2 м. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 139). На границе с двором 10 ограда была устроена из горизонтально уложенных бревен, скрепленных между собой столбами через устроенные пазы «в заплот». На территории двора в северо-восточном углу располагалась, вероятно, хозяйственная срубная постройка 340×340 см (сооружение 56). В юго-западном углу двора находилась хозяйственная срубная постройка 390×460 см (сооружения 32, 40).

Двор 5 (площадью около 32 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части около 12×10 м. С севера ограничен тупиком и

двором 4, запада – двором 10. Конструкции ограды двора не сохранились. Большая часть двора 5 продолжается за территорией раскопа. На исследуемой части застройка представлена частично вскрытой срубной постройкой жилого назначения 440×280 см (сооружение 41), в северной части фиксировалась линза из скопления прокала, кирпичного щебня толщиной до 20 см, вероятно от печи.

Двор 6 (площадью около 120 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 6×20,5 м. С севера она ограничен улицей, с востока – дворами 1 и 2, с юга двором – 4, с запада двором – 7. На границе с двором 2 ограда была устроена из горизонтально уложенных бревен, скрепленных между собой столбами через устроенные пазы «в заплот» (сооружение 109). На территории двора расположены две хозяйственные постройки. Первая деревянная конструкция была сложена из досок, горбылей, бревен и брусков 390×350 см (со-

оружие 2 2011 г. (186 – 2014 г.)). С севера к ней примыкал настил из досок (сооружение 3 – 2011). В центральной части располагалась, вероятно, хозяйственная срубная постройка 315×410 см (сооружение 182).

Двор 7 (площадь около 195 кв. м, вскрыт полностью). Размеры домовладения около 9,5×20,5 м. С севера он ограничен улицей, с востока – двором 6, с юга – дворами 4 и 9, с запада – двором 8. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 139). На территории двора расположены две постройки. В глубине двора у южной границы располагался сруб 580×560 см (сооружение 39), вероятно жилого назначения, в юго-западной части сооружения фиксировалось скопление 155×110 см подовальной формы из суглинка и прокала, вероятно от печи. В центральной части размещалась, вероятно, отапливаемая хозяйственная срубная постройка 410×420 см (сооружение 177), в юго-восточном углу сооружения прослежено скопление 170×100 см подовальной формы из известняково-го камня.

Двор 8 (площадь около 120 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части 20×12 м. С севера граничит с улицей, с востока – с двором 7, с юга – с двором 9. Западная граница двора продолжается за территорию раскопа. Конструкции ограды двора не сохранились. На территории двора располагались два строения. В юго-восточном углу находилась хозяйственная срубная постройка 400×360 см (сооружение 175). В центральной части вдоль восточной границы двора была размещена, вероятно, хозяйственная дощатая постройка 290×160 см (сооружение 176).

Двор 9 (площадь около 70 кв. м, вскрыт частично). Конструкции ограды двора не сохранились. В глубине двора, по восточной границе, перекрывая всю его ширину, располагалась срубная постройка хозяйственного назначения 465×470 см (сруб) с прирубом-пристроением 450×300 см (сени, основание навеса?) (сооружение 47).

Двор 10 (площадь около 115 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в раскрытой части 14×10,5 м. С севера граничит с дворами 4 и 9, с востока – с двором 5, с юга – с двором 11. Западная граница двора продолжается за территорию раскопа. На границе с двором 4, ограда была устроена из горизонтально уложенных бревен, скрепленных между собой столбами через устроенные пазы «в заплот» (сооружение 63). Застройка представлена двумя постройками. У восточной границы двора исследован сруб хозяйственного назначения 420×420 см (сруб) с прирубом-пристроением 580×335 см, устроенным «в заплот» (сооружение 37А). По центру северной границы

участка находилась хозяйственное строение срубной конструкции 380×170 см (сооружение 66).

Двор 11 (площадь около 15 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в изученной части 6×5 м. С севера граничит с двором 10. Западная, восточная и южная границы двора продолжают за территорию раскопа. Конструкции ограды двора не сохранились. Застройка двора представлена северо-восточным углом сруба 260×140 см (сооружение 46), выполненного «в лапу». Использование такого способа крепления углового сопряжения, по материалам раскопа, представляет собой единственный случай. Определить характер постройки не удалось. Вдоль северного фасада выявленной постройки и территории двора 10 была прослежена мощеная колотой доской дорожка шириной до 100 см.

Квартал II. Двор 12 (площадь около 120 кв. м, вскрыт частично) занимает северо-западный угол квартала II. Размеры домовладения в раскрытой части около 17,5×7 м. С запада ограничен переулком, с севера – улицей, с юга – двором 13, с востока территория разрушена береговой линией. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 178). На территории двора, вдоль западной границы двора, были зафиксированы три постройки, размещенные в ряд. По центру расположена выявленная не полностью срубная конструкция, вероятно жилого характера, размером 425×435 см (сооружение 8 – 2008 г. (170 – 2014)), в северной части сруба зафиксирован «под» печи в виде кирпичной кладки прямоугольной формы с фиксируемым размером 118×60 см, сложенный из белоглиняных кирпичей (размеры кирпича: 5×12–13×14–16 см) в высоту в один ряд, скрепленных глиняным раствором с большим включением песка. В северо-западном углу двора располагался сруб жилого назначения 360×390 см (сооружение 7 2008 г.). С юга к этому объекту примыкала деревянная постройка 260×215 см (сооружение 10 2008 г.), возможно чулан или тамбур – переход между двумя постройками.

Двор 13 (площадь около 16 кв. м, вскрыт частично). Размеры домовладения в исследованной части 12×3,5 м. С севера он ограничен двором 12, с востока – краем раскопа и береговой линией, с запада – переулком. Ограда двора сохранилась в виде вертикально установленных колотых досок (сооружение 178). На территории двора вдоль западной границы расположена срубная конструкция 490×230 см (сооружение 53), выявленная не полностью, вероятно, имевшая хозяйственное назначение.

Строительный период IV (конец XVII – XVIII вв.) представлен остатками 8–9 дворов, в

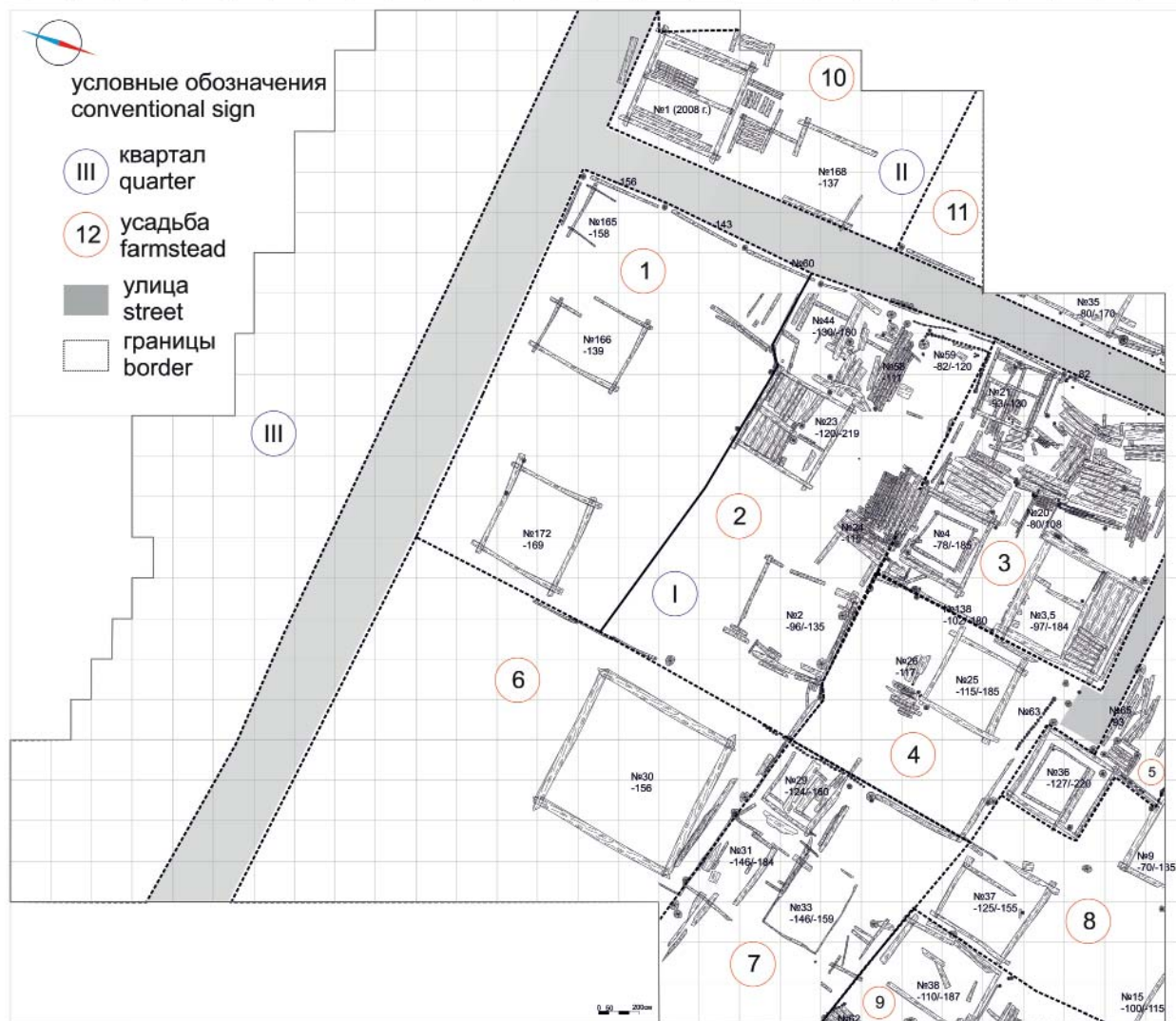

Рис. 6. План раскопа на уровне конца XVII – первой половины XVIII в.

которых размещалось 25 сооружений: 6 жилых и 19 хозяйственных построек (Ситдигов, Старков, 2022, с. 82). На рубеже XVII–XVIII вв. Свияжск остается крупным торгово-ремесленным центром региона. Об этом свидетельствует богатая материальная культура, фиксируемая в археологических пластах: разнообразие и качество предметов быта (изделий из цветного металла, кожи, шерсти, глины, дерева и т. д.), значительное число мелкой разменной монеты, иностранные торговые пломбы, что свидетельствует о высоком уровне жизни горожан. Сохраняется плотность и динамика деревянной застройки, городское благоустройство проявляется в виде деревянного мощения улиц. Можно отметить, что за увеличением площади дворов за счет присоединения уличного пространства происходит постепенное укрупнение построек на территории дворов, «заятых» историческими границами кварталов. В свою очередь городскую территорию «сковали» природно-гео-

графические условия разветвленной сетью рек и озер, что затрудняло рост города вширь, охватывая новые территории под застройку. Соседство с Казанью, вероятно, так же сыграло роль в исторической перспективе развития города (Ситдигов, Старков, 2022, с. 143–147) (рис. 6).

Сохранившаяся в раскопе планиграфическая структура застройки конца XVII – начала XVIII вв. представляла собой остатки квартальной деревянной застройки, разделенной улицей и межквартальным переулком.

Изменением в планиграфии конца XVII – начала XVIII вв. по сравнению предшествующими периодами стало общее увеличение квартала I за счет захвата уличного пространства. Кварталы I и II были отделены от квартала III улицей шириной около 400 см (протяженность улицы в раскопе 49 м), мощение улицы было устроено досками, уложенными поперек улицы. Произошло спрямления оси улицы, дворы, выходящие границами к

улице, увеличились на ширину до 2 м от размеров предшествующего периода. Изменились границы большинства дворов, константой для всех описанных выше периодов оставался только двор 3 в квартале I в виде сохранения устойчивости его границ (от периода заселения участка во второй половине XVI в. до начала XVIII в.). Отчасти определенная преемственность просматривается и в дворе 12 (10), расположенном в северо-западном углу квартала II, из-за специфики его расположения в раскопе у береговой линии и разрушения пластов, когда затруднительно говорить о границах домовладения, но присутствует устойчивая на протяжении всех периодов застройка двора в виде размещения многокамерной деревянной конструкции в северо-западном углу двора.

В конце XVII в. – начале XVIII в. дворы 1 и 2 второй половины XVII в. увеличиваются за счет присоединения территории усадьбы 6. Сокращается двор 4 (который устойчиво сохранял свои границы на протяжении второй половины XVI – второй половины XVII в., менялся лишь вход в домовладение). Произошли изменения границ дворов 5 и 10 второй половины XVII в. и выделение «нового» домовладения за счет их территорий (двор 8 конца XVII – начала XVIII в.). На примере сооружения 36 видна та активность хозяйственной жизни, которая разворачивалась в посаде. Сооружение представляло собой сруб с погребом, вход в который первоначально вел из двора 8, впоследствии этот вход был заложен, а новый вход устроен из двора 5, при этом ограды дворов не переносились. В связи с этим двор 5 имел сложную в плане многоугольную конфигурацию.

В период конца XVII – начала XVIII вв. для обустройства уличных и междворовых оград использовалась срубная конструкция «в заплот», когда горизонтально уложенные бревна скрепляются вертикальным столбом через паз, в это время прослеживается переход от «тыновых» – вертикальных – оград к новой конструкции. Меняется и способ устройства вертикальных оград: если на предшествующих этапах вертикальные ограды устроены из колотой доски, то в конце XVII в. начинается использование бревнышек и жердей.

Конструкция ограды «в заплот» сохранилась в прослеженном в раскопе переулке. Протяженность переулка в раскопе составляла 30 м при ширине 260 см. Границы переулка образовывались стенами построек и примыкающими к ним оградами. Сохранившаяся деревянная конструкция ограды в виде срубной конструкции «в заплот» по «западному» краю переулка достигала 13,8 м, ограда состояла из четырех сегментов: 3,5 м, 3,65 м, 3,5 и 4 м – из горизонтально уложенных

бревен диаметром до 25 см. Бревна были скреплены между собой четырьмя деревянными столбами диаметром от 15 до 40 см (сооружение 60). Сохранился фрагмент мощения переулка, выполненного корой дуба.

Из переулка вглубь квартала I, к двору 4, вел узкий проход протяженностью около 16 м и шириной около 120 см, оканчивающийся тупиком. Ограда прохода также была сложена из стен «в заплот», а мощение выполнено древесной щепой и досками.

Застройка, фиксировавшаяся в кварталах I и II, делилась на 11 дворов. Квартал I (раскрытая площадь 45×41 м) состоял из девяти дворов, четыре из которых были выявлены почти полностью. На площади квартала II были расположены два двора (раскрытая площадь 30×7 м).

Поддворовая характеристика квартальной застройки выглядит следующим образом.

Квартал I. Двор 1 площадью около 225 кв. м занимает северный край квартала. Размеры домовладения около 19,5×11,5 м. Двор ограничен с севера улицей, с востока переулком. С юга расположен двор 2, с запада – двор 6. Ограда двора была сложена из стен «в заплот». Двор вытянут с востока на запад. На его территории располагались три постройки: у западной границы двора располагался жилой дом из сруба 480×430 см (сооружение 172 – 2014 г.), в юго-восточном углу постройки фиксировался развал прокала 210×210 см, вероятно от очага. Вдоль северной границы, по центру, располагалась хозяйственная постройка из сруба 380×405 см (сооружение 166). В северо-восточном углу двора, вдоль улицы, располагалась хозяйственная дощатая постройка 420×260 см (сооружение 165).

Двор 2 площадью около 195 кв. м восточной границей выходит в переулочек. С севера граничит с двором 1, с юга с дворами 3 и 4, с запада – с двором 6. Размеры домовладения около 10×19,5 м. Ограда двора была сложена из стен «в заплот». Двор вытянут с востока на запад. На территории двора располагались три постройки: в юго-западном углу была устроена постройка, вероятно жилого характера, из сруба 480×520 см (сооружение 2), очаг фиксировался в виде развала кирпичей толщиной до 35 см. Вдоль северной границы, по центру, находилась постройка, вероятно жилого характера, из сруба 465×480 см (сооружение 23), в юго-западном углу фиксировались деревянные конструкции от опечка. В юго-восточном углу фиксировалась конструкция хозяйственного значения из тыновых бревен 340×220 см (сооружение 59). На территории двора фиксируются фрагменты дворовых настилов из досок, бревенчатого наката (сооружения 24, 58).

Двор 3 (площадью около 162 кв. м., вскрыт практически полностью) ограничен с востока переулком, с южной стороны ограничен тупиком, с запада граничит с двором 4, с севера – с двором 2. Размеры домовладения около 13×12,5 м. Ограда двора была сложена из стен «в заплот» (сооружение 138). На территории двора располагались три постройки: в юго-западном углу был устроен сруб 580×570 см жилого характера (сооружение 3, 5). В противоположном, северо-восточном углу хозяйственная постройка из сруба 380×340 см (сооружение 21, ярус 1). В северо-западном углу двора устроена постройка из сруба 400×450 см (сооружение 4) хозяйственного назначения, внутри которой был устроен погреб 270×250 см из крупных плах, скрепленных «в лапу». Большая часть двора была замощена деревянными досками.

Двор 4 площадью около 77 кв. м располагался в глубине квартала. В него из переулка вел проход шириной около 150 см. Ограждения тупика были сделаны из бревен, скрепленных «в заплот», сегментами длиной между столбами до 4 м. Размеры домовладения около 7×11 м. Двор ограничен с севера двором 2, с востока граничит с двором 3, с юга – с двором 5 и 8, с запада – двором 7. Ограда двора сочетала в себе как стены «в заплот», так и участки тыновых оград (сооружение 63). На территории двора расположена 1 постройка, вероятно хозяйственного характера, из сруба 430×460 см (сооружение 25). Часть двора была замощена деревянными досками (сооружение 26).

Двор 5 площадью около 32 кв. м ограничен с севера двором 4 и тупиком, с запада – двором 8. Ограда двора была сложена из стен «в заплот» (сооружение 65). Большая часть двора продолжается за территорию раскопа. Застройка представлена постройкой хозяйственного назначения из сруба 400×440 см (сооружение 36) с устроенным внутри погребом 290×270 см из крупных плах, скрепленных «в лапу», и конструкцией крыльца в северо-восточном углу двора. Конструктивной особенностью постройки являлся перенос дверного проема с южного фасада на восточный для обеспечения доступа из двора 5, постройка, вероятно, изначально принадлежала двору 8. По площади двора прослеживалась вымостка из досок.

Двор 6 площадью около 440 кв. м (вскрыт частично) с севера граничит с улицей, с востока – с дворами 1 и 2, с юга – с двором 7. Ограда двора сочетала в себе как стены «в заплот», так и участки тыновых оград. Западная граница двора продолжается за территорию раскопа. В юго-восточном углу двора находилась постройкой жилого характера из сруба 570×580 см (сооружение 30), внутри фиксировался развал кирпичной конструкции, вероятно от печи.

Двор 7 (площадью около 160 кв. м вскрыт частично) ограничен с севера двором 6, с востока – двором 4, с юга – дворами 8 и 9. Западная часть двора продолжается за территорию раскопа. Ограда двора сочетала в себе как стены «в заплот», так и участки тыновых оград. На территории двора располагалось не менее 3 построек: в северо-восточном углу устроен сруб 340×300 см жилого назначения (сооружение 29), внутри фиксировалось основание опечка. К постройке примыкали хозяйственная срубная постройка 425×280 см (сооружение 31) и срубная постройка 430×320 см (сооружение 33).

Двор 8 площадью около 145 кв. м (вскрыт частично) ограничен с севера двором 4 и 7, востока – с двором 5, с запада – с двором 9. Южная часть двора продолжается за территорию раскопа. Ограда двора была сложена из стен «в заплот». На территории двора располагалось не менее двух построек: у восточной границы располагалась выявленная не полностью постройка, вероятно жилого назначения, из сруба 480×260 см (сооружение 9). В северо-западном углу поставлен сруб 460×480 см (сооружение 37) хозяйственного назначения.

Двор 9 площадью около 82 кв. м (вскрыт частично) с севера граничит с двором 7, с востока – с двором 8. Западная граница двора продолжается за территорию раскопа. Ограда двора сочетала в себе как стены «в заплот», так и участки тыновых оград. Застройка двора представлена постройкой жилого характера в северо-восточном углу двора из сруба 540×520 см (сооружение 38), внутри фиксировалась прослойкой суглинка, прокала, кирпича толщиной до 20 см, вероятно от развала печи. По площади двора прослеживалась вымостка из досок.

Квартал II. Двор 10 площадью около 128 кв. м (вскрыт частично) занимает северо-западную часть квартала. Размеры домовладения в раскрытой части около 16×8 м. Двор ограничен севера улицей, с запада – переулком, с юга – двором 11, с востока участок разрушен береговой линией. Ограда двора была сложена из стен «в заплот». На территории двора в северо-западном углу располагался сруб 520×530 см (сооружение 1А 2008 г.) жилого характера, в заполнении сооружения фиксировался развал желтой супеси с включением кирпича толщиной до 20 см. Вдоль западной границы двора, по центру, расположена выявленная не полностью срубная конструкция 360×205 см (сооружение 168), вероятно хозяйственного характера. Между постройками располагалось дворовое мощение.

Двор 11 площадью около 36 кв. м (вскрыт частично) занимает западный край квартала II.

Размеры домовладения в раскрытой части около 14,5×4 м. Ограничен с севера двором 10, с востока – краем раскопа, с запада – переулком. Ограда двора была сложена из стен «в заплот». На территории двора, вдоль западной границы, расположена выявленная не полностью, вероятно жилого характера, срубная конструкция 540×250 см (сооружение 35), внутри постройки фиксировалось скопление суглинка, песка, прокала мощностью до 50 см, представляющее собой развал печи.

Исторический актовый материал, синхронный описываемому строительному периоду, дополняет и раскрывает подробности дворового уклада Свяжска конца XVII в.

В свияжских купчих 1690 г. описание дворов намного «живее», чем строгие археологические факты: «А на том моем дворе хором две горни-

цы на жилых подклетах, меж ими сени дощаные, анбар на леднике да подле ево конюшня, а подле конюшни тое баня. Двор в городьбе и с вороты и с угородом и с садом» (Ситдилов, Старков, 2022, с. 472). «А на том моем проданом дворе хоромного строения две горницы, одна горница на жилом подклете, другая на омшенике, меж ими сени дощаные, а в тех сенях два чулана дощаные ж да на том же моем проданом дворе у ворот анбар сосновой бревенной об одном житье с чуланом дощаным, под тем анбаром ледник да подле того анбара сенница, а под тою сенницею конюшня, а подле той сенницы баня новая соновая бревенная с передбанником дощаным. Двор в городьбе и с вороты и с угородом. А на том моем огороде сад яблонной» (Ситдилов, Старков, 2022, с. 473).

ГЛАВА 4

СТРОИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СВЯЖСКА В XVI–XVIII ВВ.

Анализ деревянных конструкций опирается на выявление употребляемых в Свяжске строительных материалов и технологий, отдельных деталей сооружений, и их реконструкция в материале позволяет показать суть и особенности технологических процессов, нашедших применение в строительном деле Свяжска (Концепция, 2016).

Особенности строительных конструкций жилых и хозяйственных сооружений Свяжского посада второй половины XVI–XVIII вв., основные технологии, зафиксированные при археологических раскопках и изучении материала, дадут возможность провести сопоставительный анализ отдельных строительных приемов, технологических процессов, применявшихся в Свяжске и на синхронных ему памятниках из других регионов.

Строительная история Свяжского посада, охватывающая период от основания Свяжска до XVIII в., раскрывающаяся в археологических постройках, свидетельствует, что конструкции жилых и хозяйственных сооружений Свяжского посада XVI–XVIII вв. сохранили в себе основные технологии деревянного строительства, деревообработки и строительной культуры эпохи Средневековья. На исследуемой территории было обнаружено 79 деревянных построек.

К жилым домам отнесено 18 строений, постройки обычно квадратные в плане, достигали размера до 36 кв. м и обычно состояли из двух помещений, сеней и комнаты. Печь представляла собой кирпичную, вероятно сводчатую, конструкцию размером около 1 м на глиняном растворе. Печи устраивались на деревянном основании – «опечке» из бревен. Хозяйственно-бытовые постройки представлены бревенчатыми и дощатыми конструкциями. Форма хозяйственных сооружений могла быть квадратная (4×4 м) и прямоугольная (3×4,5 м). В двух хозяйственных постройках были устроены погреба, сложенные из плах-горбылей, рубленных «в лапу». Рубка «в лапу» или «без остатка» характерна тем, что торцы соединяемых в углах бревен не выходят за наружную плоскость стены (Ситдииков, Старков, 2022, с. 155).

Две хозяйственных постройки были остатками крытых надворных трехстенных сооружений.

Всего было исследовано около 40 построек, отнесенных к хозяйственным.

В исследованном районе было установлено, что застройка была организована порядовой разбивкой дворов, с продольно-поперечной сеткой улиц и переулков. Уличная сеть здесь была приспособлена к рельефу местности, что предопределило неправильную форму кварталов, отводимых под дворы. Застройка была достаточно плотной, скученной. Неминуемый бич деревянных городов – пожары, естественные процессы разрушения деревянных конструкций постепенно уничтожали старые посадские усадьбы. Последующая застройка перекрывала остатки более ранних объектов. Таким образом, происходил процесс естественной археологизации строений и накопления культурного слоя (Ситдииков, Старков, 2022, с. 150).

Археологические исследования последних лет позволили не просто выявить особенности хозяйственной жизни жителей посада Свяжска и уточнить планировочную структуру города, но помогли также реконструировать строительную историю Свяжского посада, берущую свое начало в XVI в. Во второй половине XVI в. посад располагался «на подоле» Свяжского холма. Основное его население составляли стрельцы, многие из которых владели ремёслами и вели торговлю.

Первый строительный ярус представлен единичными объектами. В разделе «археологический раскоп» древнейшие постройки представлены застройкой наиболее сохранившейся усадьбы XVI в. размерами около 12×12 м. На территории усадьбы располагались три постройки: в глубине участка в северо-западном углу, крупная постройка из сруба 480×500 см, возможно летний жилой дом или мастерская. Фундаментом под половые лаги послужил дубовый пень диаметром более 100 см. В северо-восточном углу усадьбы вдоль улицы была установлена срубная отапливаемая постройка 380×380 см, внутри которой располагалась печь-каменка. В юго-западном углу двора располагалась полужемлянка 400×310 см, обложенная с трех сторон колотыми досками. Территория двора была ограничена забором из вбитых в землю заостренных дубовых кольев, которые в сечении представляли собой треугольник. Про-

Рис. 1. Раскоп «Татарская слободка». Городская усадьба середины XVI в. Постройки № 94, № 95, ограда двора (№№ 139, 147, 150). 2013 г.

веденные дендрохронологические и радиоуглеродные исследования деревянных конструкций усадьбы и пня установили следующие интервалы относительных дат объектов: пень дубовый – 1533 г.; доски ограды усадьбы – 1554 г.; хозяйственная постройка – 1547–1556 г. (Ситдииков, Старков, 2022, с. 469) (рис. 1).

Среди археологических предметов, найденных при расчистке этой усадьбы, было обнаружено большое количество бытовых предметов: фрагментов посуды из белоглиняной керамики, керамики «в болгарских традициях», популярной в XVI в.; множество фрагментов изделий из кожи: рукавицы, обувь, детали сумки; 13 медных монет XVI в., предметы личного благочестия – нательные кресты; предметы личной гигиены: копоушки, щипчики; различные украшения: металлические браслеты, перстень; множество бытовых инструментов: иглы и шила, ножи, замочные ключи, точильные камни, рыболовные крючки и грузила и многое другое – все то, что окружало свиязцев в быту XVI в. По наблюдениям архитектора-реставратора А.В. Попова, способ рубки и технологические приемы этих построек архаичны и отличаются от построек последующих строительных горизонтов, исследованных в раскопе (Ситдииков, Старков, 2022, с. 151).

Во втором строительном ярусе открыто множество жилых и хозяйственных строений начала XVII – первой половины XVII вв. Наиболее часто встречающейся формой жилого сооружения Свяжского посада следует признать однокамерную позёмную срубную почти квадратную в плане избу. Однокамерные постройки внутри разделялись внутренней перегородкой, снаружи пристраивались сени, крыльцо. Большая часть строений выполнены как «пошвенные», стоящие прямо на «пошве» – почве. Двухкамерные и многокамерные деревянные избы в прослеженных строительных периодах обнаружены в единичных случаях. Двор, окружённый сплошной оградой, содержал, кроме жилища, одну-две надворные хозяйственные постройки (Ситдииков, Старков, 2022, с. 151).

Угловое сопряжение у большинства срубных построек – замок с двусторонним остатком, который в древности получил название «в обло» (облый, круглый), с чашей и пазом в нижнем бревне (чаша – полукруглая выемка для замкового соединения по профилю диаметра бревна глубиной в полдерева; паз – широкий желоб во всю длину бревна). Подобная технология углового сопряжения деревянных конструкций является общерусской традицией. Утепление срубов осуществлялось при помощи прокладки между венцами мха,

а возможно, льняных, конопляных очёсов в качестве утепляющего материала, при исследовании венцов обнаружены замятия древесины по длине бревен, которые неизбежно возникают при конопатке сруба.

Технология рубки тёплого деревянного сруба отличается от рубки сооружения, в котором не предполагается отопление, т. н. «холодного» сруба. Рубка последнего отличается большей сложностью, так как предполагают очень точное совмещение элементов конструкции, тогда как при «тёплой» рубке в конструкциях существуют зазоры, предназначенные для прокладки утепляющего материала и дальнейшей конопатки стен, угловых соединений. Кроме технологии рубки угла «в обло», по материалам раскопа «Татарская слободка», можно наблюдать рубку «в охряпку», «в заплот». Среди, вероятно, жилых построек встречаются срубы, разделенные внутренней перегородкой на два помещения, венцы перегородки соединены со стенами через прямоугольный паз.

Среди деревянных сооружений встречены постройки, три стены которых выполнены из цельных брёвен, соединённых в углах «в обло», а одна выполнена из коротких брёвен и «в обло», и «в заплот». Т. е. одни концы коротких брёвен в углах соединялись со срубом «в обло», другие заводились в паз мощного вкопанного в землю столба, установленного посередине стены – «в заплот».

Наблюдение показало, что концы брёвен нижних окладных венцов посадских сооружений не обрубались, что увеличивало площадь опоры постройки и способствовало ее устойчивости. Зачастую конец лежащего на земле бревна из конструкции окладного венца имел такую конфигурацию, которую он приобрел при валке дерева в лесу. Выступ остальных венцов срубовой конструкции составляет от 15 до 30 см. Торцы бревен в готовом срубе (за исключением окладных венцов) обрубались лезвием топора ровно, точно по отвесу. По наблюдениям специалистов, при этом закрывались капилляры древесного ствола, что способствовало более продолжительной службе дерева в постройке.

Известно, что в классическом домостроении при выполнении рубки стен брёвна для большей устойчивости в составе сруба укрепляются специально изготовленными и установленными в выбранные гнезда круглыми стержнями – «нагелями», прямоугольными «шкантами». Как правило, их установка была технически необходима в тех случаях, когда брёвна венца перерубались для организации оконного или дверного проема. Поскольку сохранность строений такова, что до окон, которые имели место в строениях, как пра-

вило, было еще слишком далеко, в том материале, который исследован, подобные конструкции не зафиксированы. Вместе с тем в составе археологических находок есть длинные круглые деревянные стержни диаметром до 4 см, которые определяются как нагели. Кроме того, этот традиционный скрепляющий элемент обнаружен в отдельных деталях из конструкции судов, лодей, нашедших вторичное использование в домостроении (Ситдииков, Старков, 2022, с. 152).

Ряд строений посада имеет разметку на бревнах венцов – горизонтальные ряды вертикальных широких зарубок, засечек – свидетельство того, что они были срублены в ином месте, «распятнаны», т. е. размечены, перевезены на предназначенную для них территорию и собраны. Кстати, подобную разметку имеет и единственное сохранившееся от ранней строительной истории строение Свяжска – Троицкая церковь, что позволяет реконструировать с большой точностью первоначальную высоту храма (храм потерял не менее семи венцов) (Попов и др., 2018, с. 24).

Во дворах посадских жителей, по письменным свидетельствам, кроме жилого тёплого строения имелись неотопливаемые клетки, конюшни, хлевы, денники, сеновалы-синницы или повети, амбары, бани, погребницы, ледники, омшаники. Среди выявленных деревянных построек имелись двойные сооружения, состоящие из рубленого «в обло» сруба и внутренней постройки из плах или пластин, срубленной «в лапу».

В сваяжских сооружениях обнаружены полы из круглого леса – накатника, колотых и тесаных плах, тесин, в более поздних строениях – из пиленых досок. Тщательно обработанный материал укладывался «в причерт» в состав пола, который мог быть организован на лагах, опирающихся на подкладни, на балках-переводах, врубленных в нижние венцы стен срубовых конструкций. Отдельные строения имеют по две пары сдвоенных перекрещивающихся балок, что при небольшой площади сооружений придавало конструкции пола избыточную прочность.

Нельзя с уверенностью говорить о чердачных перекрытиях, характере крыш, подкровельных конструкциях и кровельных материалах, поскольку содержащиеся в раскопах их остатки к этому не располагают. Но общерусский материал, к примеру, позволяет воссоздать чердачные перекрытия по принципу надподвальных с установкой в цельном черепном венце балок для организации потолочного перекрытия. В составе коллекции археологического дерева имеются также конструкции, определяющиеся как слуги – «курицы» – элементы безгвоздевой крыши (Ситдииков, Старков, 2022, с. 153).

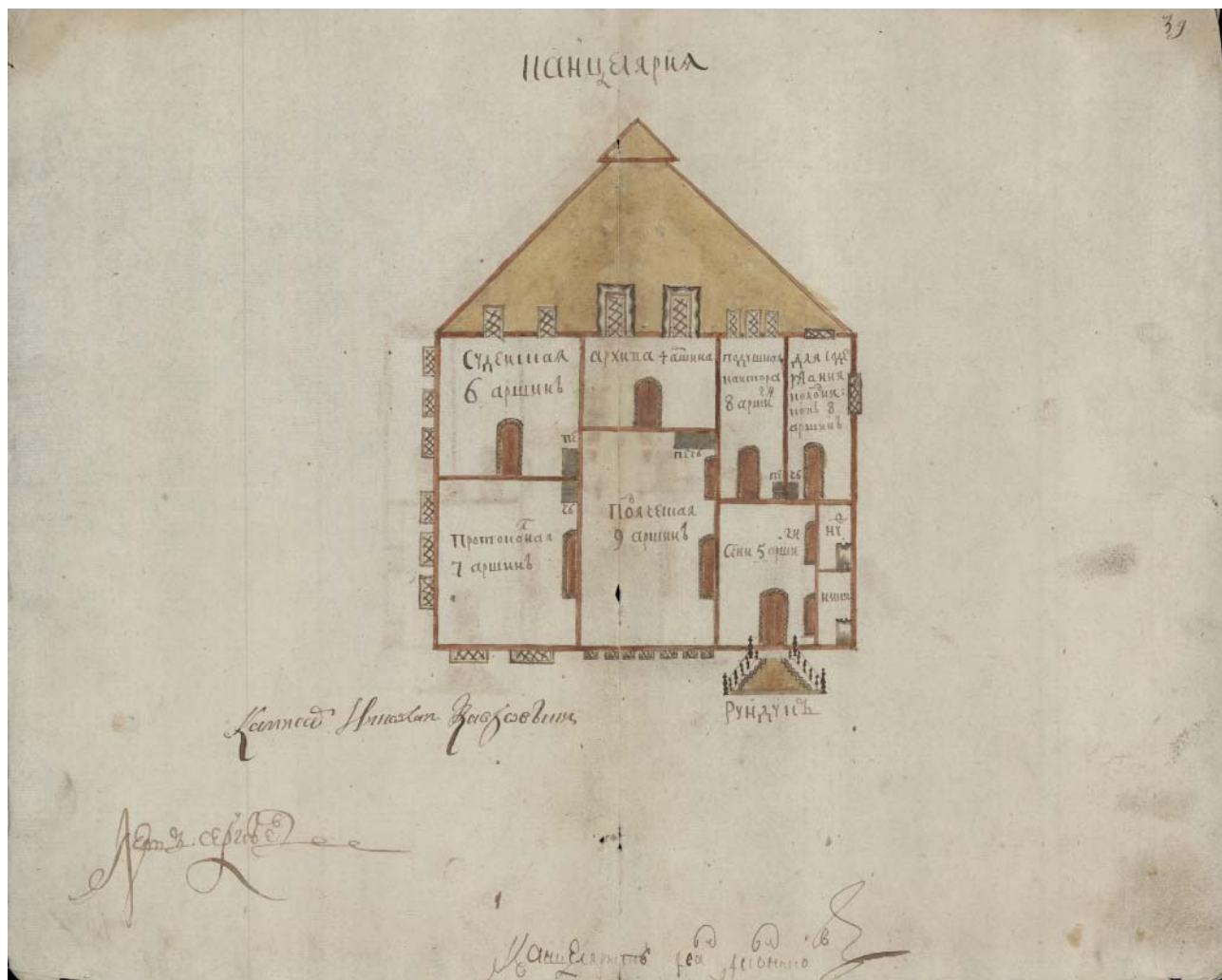

Рис. 2. Двор воеводский. 1736 г. (РГАДА Ф.441. ОП.1. Д.314. л.38 об-39)

Как жилые, так и хозяйственные сооружения имели различного вида окна: волоковые, «косячатые» (Энциклопедический, 1897, т. XXI-А, с. 824). Конструкция волоковых и «косячатых» окон, имевших место у свияжских строений XVII в., хорошо нам известна благодаря сохранившемуся деревянному Троицкому храму. И в те, и в другие окна для пропуска дневного света вставлялись слюдяные оконницы. Широкое применение слюдяных оконниц подтверждает наличие остатков слюды в раскопах. Причём фрагменты имеют различную конфигурацию: ромбы, квадраты, прямоугольники, треугольники, что позволяет судить о разнообразии рисунков слюдяниц. Кроме того, имеется документ XVIII в. с изображением свияжского воеводского дома, у которого изображены окна со слюдяными оконницами (рис. 2).

В отдельных строениях Свияжского посада определяется местоположение входных проёмов. Кроме того, в археологическом материале Свияжска имеется доска из состава небольшой дверцы или ставня, которая происходит из постройки XVII в. Судя по ней, дверное полотно собиралось

из тесаных досок с чередованием «комель-вершина» (один край доски уже второго), соединение их было выполнено «в четверть» и укреплено двумя неширокими сквозными шпонками, вставлявшимися в пазы. Древние дверные полотна нередко имели с одного края высокие выступы – пяты, с помощью которых они вставлялись и подвижно закреплялись в дверных колодах. В XVII в. двери жилых и хозяйственных строений имели богатый «дверной наряд» из кованого металла, состоящий из петель-пробоев, запорных крючков, замков, широко представленных в археологическом материале (Ситдииков, Старков, 2022, с. 153).

Дворы в посаде были огорожены тынами-заборами из заостренных досок, кольев, а также заборами, выполненными «в заплот», остатки которых транслируют границы усадеб. В отдельных дворах намечается архитектура внутреннего обустройства.

Древесные материалы, использовавшиеся при строительстве Свияжска в XVII в. Как известно, крепость заняла свое место в центральной части Круглой горы. На расстоянии 25–30 сажень от

городских стен и башен сформировался посад в окружении острога. В 1551 г. для того, чтобы начать строительство требовались значительные усилия по вырубке вековых деревьев, о чём нам известно из летописи (ПСРЛ. Т. XIX, с. 302–303). Естественно, дуб, липа, широко произраставшие здесь, нашли применение в возводившихся сооружениях.

Что касается строевого хвойного лесоматериала, то в XVII в., как и в момент основания крепости, он был привозным. Удобства водной коммуникации позволяли без больших затрат получать весь необходимый для возведения жилищ, хозяйственных построек хвойный материал. Строители Свяжского посада великолепно владели всеми известными приемами рубки углов, технологией выполнения различных врубок, технологией производства колотого теса.

Срубные конструкции жилых построек на примере археологических сооружений № 48, 54, 36. Сооружение 48 было раскрыто в 2012–2013 гг. Оно может быть датировано второй половиной XVII в. (радиоуглеродная дата 1633–1656 гг.). Опись зафиксировала три сохранившихся венца (Ситдилов, Старков, 2022, с. 153).

Сооружение 54 представляет собой постройку клетского типа, от которой сохранились только три окладных бревна и две половые балки, рубленные в стеновые бревна. Для постройки использована ель. Чаши рублены «насквозь», т. е. плотник стоял с внутренней стороны бревна. Паз сохранился только в одном из бревен (Ситдилов, Старков, 2022, с. 154).

Сооружение 36 представляет собой два сруба, вставленных один в другой. От внутреннего сруба присутствует один венец, срубленный из бревен, расколотых пополам. Внутренняя сторона плах протесана, наружная сторона оставлена горбылем. В плаху С–Д, забиты две шпонки, каждая из которых расколота на две половинки. Гнездо для шпонки глубокое, пронизывает плаху почти насквозь. Очень похоже, что в плахах был выбран паз под утеплитель, но следы столь неопределенные, что с полной уверенностью утверждать, что внутренний сруб был теплым, нельзя. Сооружение стен сруба в полбревна, вероятно, вызвано необходимостью сэкономить строительный материал.

Наружный сруб образуют почти два венца еловых бревен с пазом. Это первый среди всех ранее рассмотренных сруб, где паз выбран не вверху, а внизу бревна. Бревна с нижним пазом лучше сохраняются в срубке, т. к. при таком положении паза в него практически не попадает влага. Можно предположить, что местные плотники к этому времени усвоили более совершенные приемы строительства, давно применяемые в централь-

ной и северной Руси. Угловые чаши рублены с двух сторон. В бревне А–С есть выруб под порог. О том, что в этом месте был вход, свидетельствует и сохранившийся на четырех бревнах гребень, который вставлялся в паз дверного косяка. Сохранились врубки для доски, прикрывавшей торцы бревен сруба (Ситдилов, Старков, 2022, с. 155).

Постройки срубовой конструкции. Узлы и соединения. Основной плотничьей конструкцией XVI–XVIII вв. являлся сруб. Все изученные жилые сооружения и основные хозяйственно-бытовые постройки были срубными. Писцовая книга Свяжска 1565–1567 гг. упоминает не менее девяти дворов плотничьих (Список, 1909).

Сруб – деревянное сооружение, стены которого собраны из рубленых бревен или брусьев. Чаще всего срубы возводились из круглых бревен диаметром от 22 до 30 см. В остатках строений XVI–XVIII вв. Свяжского посада зафиксировано несколько способов соединения бревен в срубке. В зависимости от назначения строившегося сооружения, несущих и несомых конструкций, характера наружных и внутренних стен применялся один из способов рубки углов сооружения (Ситдилов, Старков, 2022, с. 156–158).

В зависимости от назначения сруба (отапливаемое или неотапливаемое помещение) применяли «холодную» или «теплую» рубку. «Холодная» рубка применялась при строительстве хозяйственных сооружений, временных летних жилищ. «Теплая» рубка применялась прежде всего при строительстве жилых сооружений.

Свяжский посад был огражден деревянным острогом. Внутри него располагались улицы из застройки, размещавшейся внутри отдельных небольших дворов, огороженные по периметру тыном из вбитых в землю заостренных досок, кольев или высоких заборов, выполненных «в заплот». Конфигурация отдельных дворов, их площадь хорошо определяется остаткам этих ограждений. В археологическом раскопе в нескольких обособленных дворах имеются остатки деревянной вымостки части дворовой территории. Технологически они выполнялись так же, как деревянные мостовые средневекового города Белоозера, где бревна наката с помощью вырубленных в них чаш прирублены к лагам из круглых брёвен. Причем в накате строго соблюдалось чередование «комель-вершина». Наличие неглубоких чаш придавало бревнам большую устойчивость. Такой накат традиционно дополнительно укреплялся кольями, вбитыми в землю.

Полом в хозяйственных строениях служил уплотнённый грунт. В жилых и отдельных хозяйственных сооружениях имелись деревянные полы. Конструкции деревянных полов в жилых соору-

жениях не отличались большим разнообразием. Это мог быть пол по лагам из накатника или тесаных плах, пол из плах по врубленным в нижние венцы строений балкам. Большим совершенством отличались полы из настланных тесниц (тесин), выполненных вручную, с помощью топора.

В жилом сооружении 48, выполненном из толстых еловых бревен диаметром 27–30 см, имеются элементы конструкции пола по лагам, уложенным на дубовые подкладки, сохранившие следы обжатия. В постройке клетского типа 54, выполненной из ели, сохранились три окладных бревна и две половые балки, врубленные в них. Пазы под половые балки имеют правильную форму, а торцы балок затесаны с двух сторон. Балка, находящаяся ближе к стене, дубовая, вторая – еловая. В зависимости от толщины балки выполнялся узел соединения её с окладным венцом. В одном случае конец балки для укладки в чашу подрубалась снизу, в другом – сверху. На балки укладывалась половой настил из теса. Тесины настила соединялись встык. В одной из тесин сохранился кованый гвоздь с большой шляпкой. Представленные в археологическом раскопе конструкции полов параллельно существовали в течение длительного времени. Так, примитивнейший пол из приколотого клином наката мог появиться в охотничьем зимовье в совсем недавние времена. Т. е. все те конструктивные схемы, что были выработаны русскими мастерами к XVI в., доведены ими до совершенства, продолжали оставаться в багаже его изобретений и раз от разу воспроизводились с большим или меньшим искусством.

Жилые сооружения Свияжского посада отличаются от прочих строений не только выполнением рубки стен под утепление мхом, льняными, конопляными очёсами, но и утеплением нижней части сруба. Так, в сохранившейся части строения 48 прослеживается наличие конструкции завалинки, которая была выполнена по его периметру. Выпуски бревен нижнего венца клетки, срубленной «в обло», значительно длиннее вышележащих. Бревна в верхней части аккуратно срублены под тупым углом на две стороны. Предположительно, здесь крепилась тесаная плаха или толстая тесина – один из элементов, формировавших завалинку. Между плахой и нижней частью сруба выполнялась засыпка из грунта. Организация завалинки из грунта, укрепленного установленными на выпуске плахами или тесинами, – прием, сохранившийся в жилой архитектуре до начала XX в.

Вдоль нижнего бревна стены постройки имеется дубовая тесина, которая прикрывала прозор – пустое пространство между землей и нижним бревном сруба, т. е. своеобразная «заглушина». Можно предположить наличие такой же

заглушины и вдоль окладного венца с противоположной стены основания сруба. Таким образом, в рассматриваемом жилом строении можно видеть все необходимые конструкции и элементы для организации завалинки. В отдельных срубах жилы строений можно видеть в прозорах под двумя параллельными бревнами первого окладного венца врубленные бревна, которые называются «подкаты» (Ситдииков, Старков, 2022, с. 161).

Строительные материалы из дерева. Обработка древесины. В округе Свияжска произрастали обширные смешанные широколиственные и хвойные леса, которые давали материалы для домостроительства, деревообрабатывающего производства и использовались для отопления. Часть строевого хвойного лесоматериала в XVII в. была привозной. Удобства водной коммуникации позволяли доставлять и получать весь необходимый для возведения жилищ и хозяйственных построек хвойный материал.

Заготовка строевого леса традиционно производилась зимой. В XVI–XVIII вв. специальные ремесленные артели занимались заготовкой и сборкой лесоматериалов (Русское, 1965, с. 7).

Основным материалом, из которого были построены деревянные конструкции Свияжского посада в XVI–XVIII вв., являются сосновые бревна. При сравнительном анализе обнаруженных построек сосна как основа для срубной конструкции была использована в 45%, дуб – 26% сооружений. «Смешанные» деревянные постройки из сосны и дуба составляют 15%. Лиственные породы деревьев использованы как строительный материал для 14% обнаруженных деревянных конструкций.

Плотницкий инструмент. Плотничный инструментарий в рассматриваемый период насчитывал десятки разновидностей различных по назначению и применению инструментов. Процесс эволюции инструментов, начавшийся ещё в каменном веке, к XVI–XVIII вв. дал целый спектр совершенных образцов, во многом сохранивших свои лучшие качества буквально до нашего времени. Таким образом, те строения, остатки которых мы можем наблюдать в археологическом раскопе, были выполнены с применением достаточно производительных инструментов. Технологические циклы отличались выверенностью, ремесленные навыки строителей были на высоком уровне. Коллекция плотничьего инструментария составляет 20 единиц, представлена единичными экземплярами семи видов инструментов, обнаруженными в ходе работ на раскопе «Татарская слободка» (Ситдииков, Старков, 2022, с. 168).

Топоры. Плотничный топор, который бытовал в XVI–XVIII вв., продолжал существовать вплоть до середины XIX в. Он существенно отличается

Рис. 3. Плотницкий инструментарий.

1–2 – бурав; 3 – напильник; 4–5 – долото; 6 – скобель; 7–8 – пила; 9–11 – топор; 12 – конопатка

от современного инструмента. Собственно топор (металлическая часть) короткий, каплевидный в сечении, с нешироким полукруглым лезвием (9–15 см). В целом он напоминает современный топор-колун для колки дров. Топоры ковали из металла разного качества, с различными свойствами. Так внешняя часть топора с проушиной для насадки не должна быть хрупкой, её выполняли из пластичного металла, а лезвие должно было хорошо затачиваться, долго сохранять свои свойства. Для этого с помощью кузнечной сварки вваривали пластину более качественного металла, из которой и формировали лезвие. Всего в раскопе было обнаружено пять плотницких топоров, три топора, датируемых XVI–XVII вв. (рис. 3: 9–11).

Пилы. Пила – инструмент для разрезания на части твердого вещества в виде железной пластины с заостренными зубцами по краям. В пластах XVI–XVII вв. было обнаружено два фрагмента пил (рис. 3: 7–8).

Скобели. Скобель – древний инструмент, он имеет множество разновидностей: наряду с плотничными скобелями существовали бондарные скобели, колесные скобели и многие другие. В горизонтах XVI–XVII вв. было обнаружено три фрагмента скобелей (рис. 3: 6).

Долото – плотничий инструмент, предназначенный для выдалбливания отверстий, гнезд, пазов. К числу схожих по функции инструментов можно отнести просеки и стамески. Они разли-

чаются способами насадки на рукоять, углами заточки рабочей части. Четыре долота обнаружены в пластах XVI–XVII вв. (рис. 3: 4–5).

Для просверливания отверстий служили различные *бурава*: ложечный, винтовой. Бурав винтовой плотники называли «напарья». Им просверливали гнезда под нагели в бревнах сруба. В пластах XVI–XVII вв. было обнаружено три фрагмента сверл различного диаметра (рис. 3: 1–2).

Молотки – киянка, молоты – «барсики», колотушки – «чекмары». Для легких ударов по дереву плотники использовали деревянную киянку. Для мощных ударов, например, для осадки бревен в срубе, насаживания бревен на нагели, пользовались большим ударным молотком – «барсиком». Он представляет собой длинную, около метра, рукоять, на которую насажена полуметровая пудовая чурка. За исключением колотушек-чекмарей, в результате раскопок было обнаружено семь чекмарей XVI–XVII вв.

Конопатки, их разновидности. Для осуществ-

вления конопатки сруба применялся специальный инструмент – деревянная, реже металлическая, лопатка с рукоятью. Деревянные конопатки изготавливались из твердых пород дерева, например, березы и дуба. Рабочая часть инструмента представляет собой лопатку, заостренную с двух противоположных сторон к центру. Три конопатки обнаружены в горизонтах XVI–XVII вв. (рис. 3: 12).

Крепежные изделия. В позднесредневековом строительстве активно применялись крепёжные изделия из металла. Были обнаружены многочисленные фрагменты кованых металлических скоб и гвоздей XVI–XVIII вв. В сохранившихся связанных документах XVIII в. при выполнении ремонтных работ заказчик строителям предписывал «...с хором старую крышу снять и гвозди старые переправить...» (Книга, 1738, л. 11 об – 12).

Всего коллекция железных гвоздей и скоб из раскопа состоит из 258 экземпляров. Следует отметить, что и нижние горизонты культурного слоя насыщены находками гвоздей и скоб.

ГЛАВА 5

ЗАНЯТИЯ, БЫТ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ СВЯЖСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI–XVIII ВВ.

Свияжск в XVI–XVIII вв. был крупным административным центром, в котором концентрировались региональное ремесло и торговля. По информации письменного источника, в 1569 г. в Свияжске находилось менее 3000 «людей» (Посольская, 2016, с. 166). Постепенно город утрачивает свои ведущие позиции в регионе. Бурные исторические процессы второй половины XVI в. по складываю Российского государства, «бунташного» XVII в., взаимовлияние тенденций местных и общероссийских нашли свое отражение в богатой материальной культуре, выявленной в результате раскопок на территории посадской части Свияжска.

Облик средневекового Свияжска с его крепостными укреплениями, монастырями и приходскими церквями, кривыми улицами и переулками, шумными торговыми рядами, «коренастыми» деревянными домами горожан всегда будет оставаться загадкой; в своих исторических, археологических исследованиях ученые будут стремиться раскрыть и дополнить наши знания об истории Свияжска новыми историческими фактами.

Обустройство дома и усадьбы. Писцовая книга Свияжска середины XVI в. перечисляет более 1100 городских дворов, из них в посадской части расположилось около 300 дворов «Свияжских всяких посадских жильцов торговых и мастеровых людей». На посадском дворе в XVI–XVII вв. располагались жилые дома, амбары, погреба, мастерские, различные хозяйственные строения. Средняя площадь таких участков в Свияжском посаде составляла около 250 кв. м. «Домострой» упоминает следующие типы жилых и хозяйственных построек: «изба (горница, светлица, деловая), ледник, житница, погреб, онбар, клеть, сенницы, конюшня, сушило, поварня, хлебня» (Домострой, 2014). Дополнить этот список можно из Писцовой книги Свияжска XVI в., где еще упоминаются такие постройки, как «баня, шалаш, лавка, полка, мшенник, келья, чулан, сарай» (Список, 1909).

В результате археологических исследований 2011–2014 гг. была изучена застройка нескольких городских усадеб и прослежена их историческая трансформация на протяжении XVI–XVIII вв. При всем разнообразии и индивидуальных харак-

теристиках отдельных построек можно допускать определенные обобщения.

Жилые постройки представляли собой срубные конструкции площадью в среднем до 16 кв. м. Самый крупный обнаруженный посадский дом достигал площади 30 кв. м и датировался второй половиной XVII в.; дендродата нижних дубовых венцов – 1658–1659 гг. (Тишин, 2021, с. 201–204). Всего в раскопе 18 построек определены как жилые. Срубные жилые постройки представлены четырехстенками, в единичном случае – двух (трех?) камерной срубной конструкцией. В большинстве случаев сруб-четырёхстенок внутри был разделен врубленной бревенчатой перегородкой, делившей внутреннее пространство сруба пополам. Полы в домах устроены из широких тесаных досок, которые стелились по лагам. К срубам пристраивались сени – холодное помещение и крыльцо. Вероятно, высота построек была небольшой, близкой к человеческому росту, перекрытых потолком и тесаной кровлей. Дверь, ведущая в избу, имела небольшие размеры, как отмечают путешественники, «двери жилищ низки, так что всякий входящий должен согнуться и поклониться» (Герберштейн, 1988, с. 121).

Фасады домов украшались вырезанными наличниками, розетками, балясинами (рис. 1: 9, 11). Двери домов вешались на металлические петли-пробой либо крепились на пятах в дверных колодах и запирались на навесные и врезные замки (рис. 2: 3–5). Жилые и хозяйственные сооружения имели слюдяные, волоковые окна. Куски слюды, использованные в просвете окна, имели различную форму: ромб, квадрат, прямоугольник – размерами от 2×3 см до 7×7 см. (рис. 3: 1–3).

Внутреннее убранство дома было простым, в углу располагалась небольшая печь, которая представляла собой кирпичную, вероятно сводчатую, конструкцию размерами около 110×120 см, обмазанную глиной. Печи устраивались на деревянном основании – опечке из бревнышек, пространство между срубом и печью заполнялось суглинком. Главы «Домостроя» предписывали домочадцам: «А печи всегда посматривают внутри, и на печи, и по сторонам, и щели замазывают глиною, а под новым кирпичом поплатит, где выломалось; а на

Рис. 1. Изделия из дерева.
1–4 – гребни, 5 – крепление зеркала; 6–7 – пеналы; 8, 10 – декорированный предмет;
9 – бирка «нос»; 11 – крюк подвесной

Рис. 2. Изделия из металла
1–2 – ключи; 3–4 – замки навесные; 5 – замок врезной; 6 – кресало; 7–9 – светцы; 10 – гвоздь декоративный;
11 – сковорода; 12 – котел

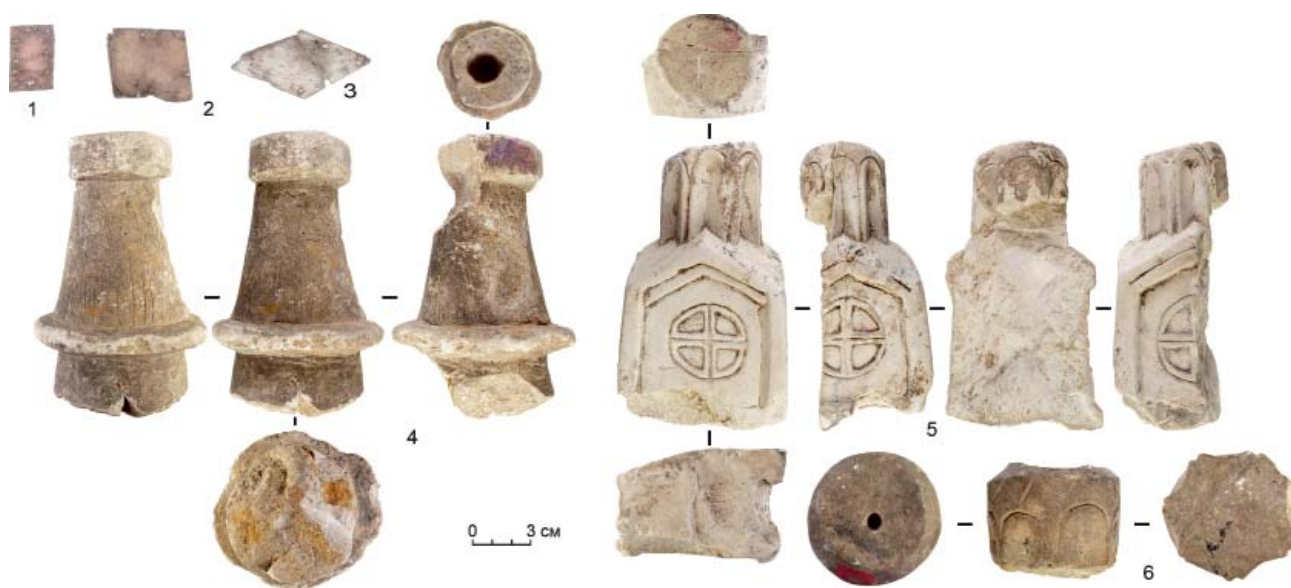

Рис. 3. Изделия из камня. 1–3 – слюда оконная; 4–5 – модели церквей

печи всегда бы было сметено... и спать на ней хорошо или чего посушить; и у всякой бы печи над челом был искреник глинян или железен, и хоти и низок потолок, ино не страх огня» (Домострой, 2014. с. 129–130). Печи облицовывались поливными и неполивными изразцами (рис. 4).

Вдоль стен размещались широкие лавки, полки. В материалах раскопа несколько крупных фрагментов резных деталей, вероятно от мебели. Освещались комнаты лучинами, вставленными в светцы (рис. 2: 7–9).

Хозяйственные постройки представлены «холодными» срубными и дощаными сооружениями для содержания домашнего скота и птицы; определено 40 таких сооружений. В двух постройках конца XVII в. обнаружены неглубокие погреба, одна постройка первой половины XVII в. имела подклет 280×300 см высотой в пять венцов. Два сооружения были заглублены в землю, они пред-

ставляли собой обложенные колотой доской котлованы прямоугольной формы. В двух сооружениях найдены развалы печей-каменок.

Жилые дома и хозяйственные постройки размещались по границам домовладений, образуя незастроенное дворовое пространство. Дворы мостились деревянными досками, посыпались деревянной щепой для дренирования воды. Такой способ благоустройства усадьбы отмечен на многих памятниках (Черная, 2002 с. 37). Между дворами горожан обязательно устанавливался забор: он мог быть устроен из тына, колотых досок или бревен, уложенных «в заплот». Изученные раскопками деревянные хозяйственно-бытовые постройки были поставлены на грунт.

Кухонные и столовые принадлежности. В XVI–XVIII вв. для приготовления, употребления и хранения пищи изготовлялась посуда из глины, дерева, черного и цветного металлов,

Рис. 4. Изделия из глины: 1–7 изразцы

Рис. 5. Изделия из глины.
1 – чернильница; 2 – водолей; 3 – кувшин в лыковой обертке; 4 – горшок в лыковой обертке; 5–6 – горшки

Рис. 6. Изделия из бересты.
1, 2 – полавки; 3, 4 – вкладыши в задник сапог; 5 – заготовка ленты; 6–8 – туеса

Рис. 7. Изделия из дерева. 1–2 – ложки, 3–5 – черпаки

стекла. По археологическим данным, керамическая посуда в свияжском быту представлена кувшинами, горшками, кубышками, мисками, чернильницами и т. д. (рис. 5: 1). Посуду из красной и белой глины изготавливали на гончарном круге. Самая массовая посуда – горшки – имела раздутое тулово с прямым венчиком (рис. 5: 5, 6). Кувшины имели высокие прямые горловины и широкие плоские ручки. Сливные носики некоторых кувшинов были оформлены под петушиные гребни. Небольшие кувшины имели раздутое тулово, узкое горлышко и плоскую ручку. Миски с прямыми стенками имели форму усеченного конуса, обращенного широкой частью вверх.

Деревянную посуду и кухонную утварь вытачивали на токарном станке, вырезали или выдалбливали из цельных деревянных заготовок. Точеная посуда представлена различными изделиями: корчагами, блюдами, тарелками, мисками, чаша-

ми. Из дерева изготавливались также ложки, половники, черпаки, ковши, совки, лопатки, формы для выпечки пряников, хлебные лопаты, разделочные доски, деревянные песты, толкушки, корыта (рис. 7, 8, 12: 3–6). Из бересты сшивались туеса, коробы и берестяные коробочки, которые иногда украшались тиснением (рис. 6: 6).

Из металла изготавливались чугунные котлы, сковороды (рис. 2: 11, 12). Свидетельством использования горожанами XVI–XVIII вв. посуды из цветных металлов является оловянная чарка (рис. 9: 10) и клепки от медных котлов. Обнаружена обширная коллекция универсальных железных ножей (80 ед.) и ножен из кожи. Ножи имели длину лезвия от 5 до 25 см; ручки ножей выполнены из дерева, кости.

Из камня делали ручные жернова для помола зерна. Жернова служили для размола зерен в муку и представляли собой каменные круги диаметром

Рис. 8. Изделия из дерева. 1 – пряничная форма, слепок; 2 – чаша с надписью «СЕМЯ»; 3–4 – миски; 5 – ковш

Рис. 9. Предметы из цветного металла.
1–8 – европейские текстильные пломбы; 9 – крышка; 10 – чарка

Рис. 10. Изделия из камня.
1–2 – пряслица; 3–4 – подкладные яйца; 4 – пробирный камень; 5 – точильный камень;
7–9 – литейные формы; 10 – терочник

Рис. 11. Изделия из дерева.
1-2 – спицы, 3-6 – чесало; 7-8 – дубинки; 9-10 чекмарь; 11 – прялка; 12-13 – вальки

Рис. 12. Изделия из дерева и металла.
1 – стремя; 2 – седло; 3-6 – лопаты; 7 – кол с металлическим наконечником

Рис. 13. Изделия из кости.
1–2 – фишки; 3–4 – битки; 5–6 – гребни; 7 – лопатка; 8–10 – ручки;
11 – наконечник стрелы; 12–13 – кочедык; 14–15 – брунчалки

около 40 см и высотой до 10–15 см. Терочные камни прямоугольной и округлой формы имели размеры от 4–7 см и применялись для измельчения растительных продуктов (рис. 10: 10).

Универсальные предметы домашнего обихода, бытовой инструментарий. Среди вещей, окружавших горожан в быту, были найдены предметы, связанные с ежедневными домашними занятиями: стиркой белья и одежды, уборкой домов и дворов, заготовкой дров.

Для стирки широко применяли деревянные вальки – деревянные бруски для выколачивания белья при стирке (рис. 11: 12–13). Пользовались ими и при глажке. При уборке в доме использовали веники-метелки из связок прутьев для подметания пола. Универсальные деревянные колотушки – чекмари/дубинки были необходимы для расколки дров (рис. 11: 9–10). Среди деревянных инструментов найдены хозяйственные лопаты (рис. 12: 3–6), большие и малые корытца.

Предметы личной гигиены. Средневековому человеку нормами морали предписывалось содержать в чистоте не только свой дом, двор, одежду, но и поддерживать «телесную чистоту», а перед началом работы «самои руки умыть чисто» горячей водой, как, например, говорится в главах «Домостроя» (Домострой, 2014. с. 102). Изделия XVI–XVIII вв., связанные с личной гигиеной тела по уходу за кожей, волосами и ногтями, представлены 60 предметами.

Для ежедневного умывания использовались специальные керамические сосуды – «водолеи». Это широкогорлые низкие сосуды с ушками для

подвешивания. Слив такого сосуда стилизован под голову барана. В XVI–XVII вв. широкой популярностью пользовались чернолощенные «водолеи», которые своим блеском должны были напоминать дорогую металлическую посуду (рис. 5: 2).

Для ухода за волосами использовали гребни и расчески, бритвы, ножницы. Подавляющее большинство (более 30 единиц) гребешков-расчесок, вырезанных из дерева, имеет плоскую прямоугольную форму с рядами зубьев с двух сторон (рис. 1: 4). Костяные и металлические гребни (4 экз.) представляли собой односторонние расчески, украшенные головками коней и циркульным (глазковым) орнаментом (рис. 13: 5, 6).

Из бронзы делали щипчики-пинцеты, копоушки. Изделия также были украшены геометрическими орнаментами. Всего найден 21 предмет.

Из дерева вырезали основания цилиндрической формы с углублением под вставку зеркальца.

Средневековую косметику: белила, румяна, сурьму для бровей и ресниц – хранили в деревянных шкатулках прямоугольной формы, украшенных ажурными металлическими накладками с растительным орнаментом или изображениями мифологических животных (рис. 14: 16–17).

Для хранения мелких предметов использовали деревянные пеналы-коробочки. Боковые стенки пеналов украшали резьбой с геометрическим орнаментом (рис. 3: 7–8).

Игры и игровой инвентарь. Заметную роль в «жизненном пространстве» взрослых и детей занимали развлечения. Коллекция игрушек свияжцев обнаружена в результате раскопок и демон-

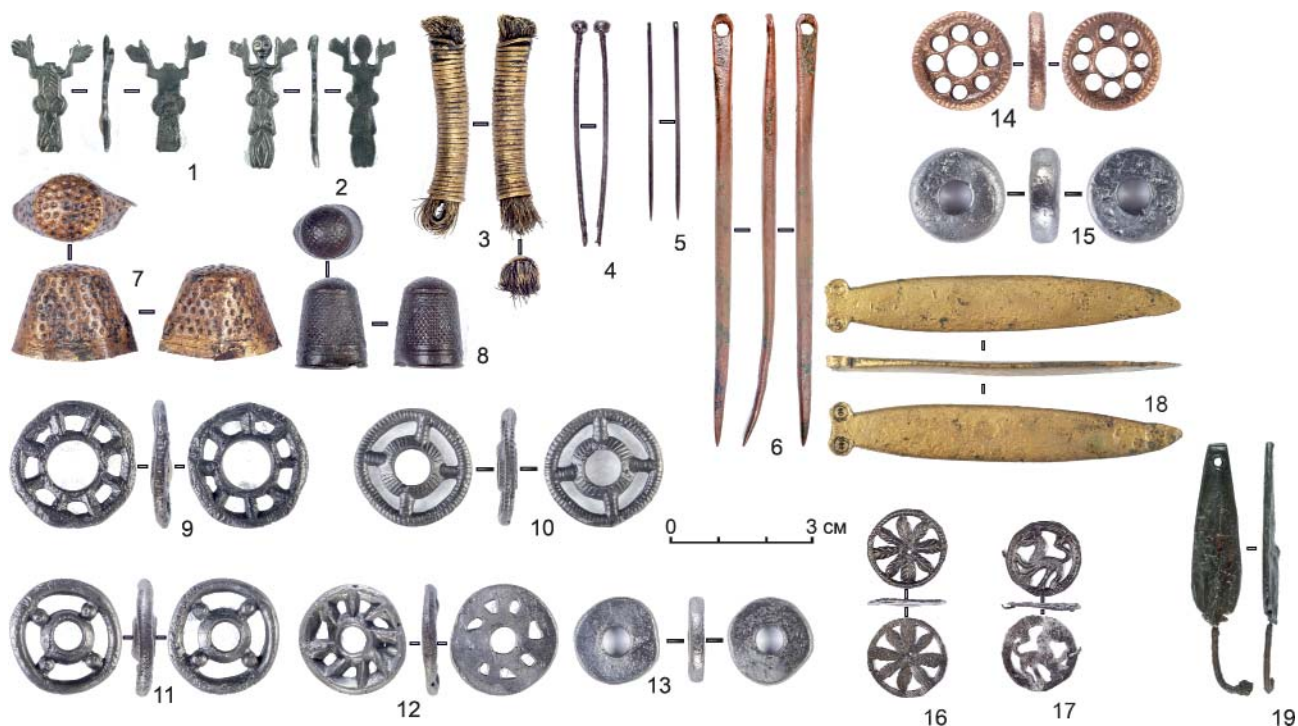

Рис. 14. Предметы из цветного металла.
1–2 – фигурки «Макош»; 3 – канитель; 4 – булавка; 5–6 – иглы; 7–8 – наперстки;
9–15 – пряслица; 16–17 – декоративные накладки; 18–19 – блесна

стрирует мир детства и развлечений, которые мог позволить себе в XVI–XVIII вв. рядовой свяжский горожанин.

Игры и игровой инвентарь представлены тремя группами предметов, являвшихся принадлежностями настольных игр, детскими игрушками и игровыми снарядами для состязательных (подвижных) – универсальных игр. В этом же разделе представлены музыкальные инструменты.

К первой группе – настольных игр – относятся «шахматные» деревянные фигуры и костяные шашки. Такие игры, как шахматы, прообразы игры в шашки (травле), азартные игры костями (зернь), законодательно «осуждались»; так, «Стоглав» указывал: «...Святого вселенского шестого собора правило 50 и 51 запрещает всякое играние. Толк. Пятьдесятное убо правило собора сего возбраняет играти всем: и причетникам, и мирским человекам зернью и шахматы, и тавлеями, и влириями, рекше костями, и прочими таковыми играми. 51 правило всякое играние возбраняет и отметаает и причетникам, и простым людям» – это грозило отлучением от церкви (Домострой, 2014, с. 279–280) (рис. 15: 2–3).

К группе детских игрушек относятся: звуковые – погремушки шаровидной формы, покрытые цветной поливой (рис. 16: 1–3); свистульки в форме птиц, раскрашенные краской (рис. 16: 4–7), изобразительные (антропоморфные и зооморфные статуэтки) – фигурки коней из кожи, глины,

деревянные куклы, глиняные утки, покрытые поливой, медведи в намордниках из глины (рис. 16: 9). Популярность плясовых медведей отмечают средневековые путешественники (Герберштейн, 1988, с. 130).

Имитация оружия – деревянные мечи, луки (рис. 15: 7–8). Большая коллекция представлена игрушками, имитирующими водный транспорт: игрушки-лодочки, вырезанные из целого куска коры черного тополя (балберы). Форма напоминает лодки-долбенки и лодки с кормой. Деревянные волчки-кубари имеют круговое тело различных форм (биконическая, коническая, овальная, веретенообразная) с обрезным верхом (рис. 15: 1).

Игровые снаряды для подвижных игр (универсальные игрушки) представлены деревянными битками для игры в лапту (рис. 15: 6), деревянными и кожаными мячами (рис. 15: 4; 30: 2), костяными битками для игры в «бабки», которые делались из таранных костей (рис. 13: 3–4).

Персональные музыкальные инструменты – дудочка-свирель из полой деревянной трубки с тремя сквозными отверстиями, оформленная геометрическим орнаментом в верхней части (рис. 15: 5). Два фрагмента свирелей из глины. Обнаружена и барабанная палочка продолговатой цилиндрической формы с шарообразным утолщением на конце. Брунчалки – из трубчатой кости животных или птиц с просверленным отверстием,

Рис. 15. Изделия из дерева.
1 – волчок; 2–3 – игральные фигуры; 4 – мяч; 5 – свирель; 6 – бита; 7 – лук; 8 – меч

Рис. 16. Изделия из глины. 1–3 – погремушки; 4–7 – свистульки; 8 – свирель; 9 – медведь

Рис. 17. Изделия из цветного металла. 1–21 – пуговицы; 22 – фибула; 23 – пряжка

при вращении их на веревке или нитке они издавали протяжный гул (рис. 13: 14–15).

Иностранцы, путешествующие по России в XVI–XVII вв., в своих заметках оставляют любопытные свидетельства, как развлекают себя взрослые и дети: «Мы услышали первую русскую музыку, а именно в полдень 23 того же месяца, когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Феодоровича; заметив, что нам это понравилось, они сюда прибавили еще увеселение танцами, показывая разные способы танцев, упо-

требительные как у женщин, так и у мужчин. Ведь русские в танцах не ведут друг друга за руку, как это принято у немцев, но каждый танцует за себя и отдельно» (Олеарий, 2003, с. 36). В главе «О природе русских, их душевных качествах и нравах» Адам Олеарий описывает комедиантов, устраивающих кукольные представления на улицах (Олеарий, 2003, с. 36).

Большинство обнаруженных в культурном слое Свяжска глиняных игрушек являются чрезвычайно распространенными и встречаются довольно часто в материалах других синхронных памятников археологии: Москвы, Владимира, Суздаля,

Рис. 18. Изделия из цветного металла. 1 – хвостовик ремня; 2–12 – пряжки

Новгорода, Казани, Переславля Рязанского и т. д., отчасти являясь свидетельством торговли и торговых связей (Валева, Садриев, Старков, 2021, с. 40–47).

Одежда и личные предметы. В результате раскопок было обнаружено большое количество личных вещей горожан: это предметы личного благочестия, украшения, детали одежды и обуви. Внешний вид человека – одежда, прическа, украшения – точно указывают на его место в социальной структуре общества и культурную принадлежность (Шамин, 2005, с. 23).

Одежду – «платье» – горожан в XVI–XVIII вв. изготавливали из льняной и шерстяной ткани,

она состояла из трех слоев – исподнего, комнатного и уличного «платья». Разница в одежде между простым и зажиточным горожанином заключалась в качестве материалов и отделке его одежды. Письменные источники упоминают как грубые или полугрубые суконные ткани – «сермягу», производимую местными ремесленниками, так и привозной западноевропейский «отлас» и «бархат». Зимняя одежда могла быть подбита как недорогими овчинными или заячьими шкурками, так и очень дорогим соболиным мехом. Пуговицы делали из металла, стекла, кожи. Наиболее массовыми являются пуговицы-гирьки с ушком от 0,3–15 мм. Они отливались из свинца в каменных фор-

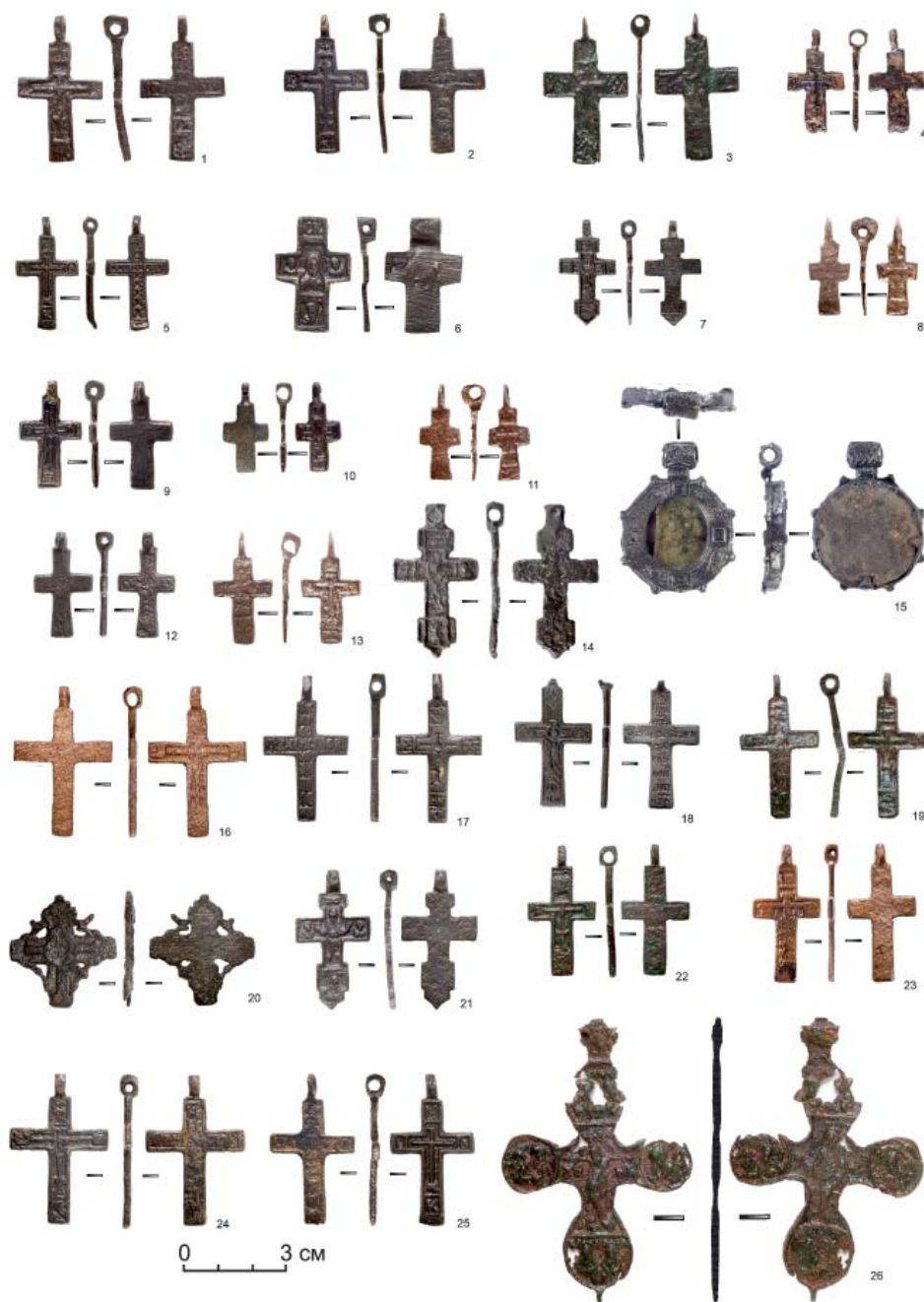

Рис. 19. Изделия из цветного металла.
1–4 – нательные кресты; 15 – образец-мощевик; 16–26 – нательные кресты

мах. В коллекции застежек также есть полые орнаментированные пуговицы 15–30 мм с чеканными растительными узорами (рис. 17: 1–21). Одежду подпоясывали поясами, ремнями из лыка или кожи. Ремень представлял собой полоску кожи шириной 2–4 см, которая украшалась расшивками, ременными накладками, имела пряжку и хвостовик. Зачастую хвостовик от ремня был орнаментирован растительным узором (рис. 18: 1). К ремням пристегивали различные предметы: кресала, сумки, кошель, ножны, различные чехлы и футляры для инструментов (Ситдииков, Старков, 2022, с. 269).

Обувь свяжцев XVI–XVIII вв. представлена фрагментами кожаных сапог, туфель и поршней, а также берестяных и лыковых лаптей. Внутри обуви использовались войлочные вставки.

Самой популярной обувью свяжцев были сапоги и поршни. Сырьем для их изготовления служили шкуры крупного и мелкого рогатого скота (овчины, козлины) (рис. 23: 1–4).

Сапоги «жесткой конструкции» имели острый носок, короткое голенище, не доходившее до колена; каблук подбивался железной подковкой. Несколько головок от кожаной обуви имеют расшивку в виде растительного орнамента, а пятка

Рис. 20. Изделия из металла.

1–14 – кольца, перстни, печатки; 15–18 – браслеты; 19–22 – серьги

сапог украшена ромбовидной набойкой из мелких гвоздиков. Поршни делались из одного куска кожи и крепились к ноге кожаными завязками, продетыми сквозь ряд прорезей по верхнему краю.

К предметам личного благочестия XVI–XVIII вв. относится большое количество крестильных крестов, крестов-тельников и наперстных крестов, энколпионов, иконок-складней, медальонов (120 предметов) (рис. 19). Все они отлиты из медных и оловянных сплавов.

Предметы украшений XVI–XVIII вв. свиязцев представлены серьгами, бусами, кольцами и перстнями, браслетами – всего около 200 различных изделий.

Серьги относятся к двум очень популярным видам: «голубцы (орлики)» и «одинцы». Серьги «голубцы (орлики)» – массивные серьги, напоминающие по силуэту стилизованные фигурки одной или двух птиц, обращённых друг к другу спинами. Серьги «одинцы, двойчатки, тройчатки» – висючие серьги с одним, двумя или тремя стержнями с сердоликовыми, костяными, перламутровыми шариками, бусинами, речным жемчугом (рис. 20: 19–22).

Шейные украшения – бусы, пронизки – сделаны из разнообразных материалов: цветного стекла, кости, металла и поделочных камней (сердоли-

ка, доломита, оникса, янтаря, аметиста). Найдено около 40 бусин (рис. 21).

Браслеты на запястье руки относятся к типу пластинчатых браслетов и имеют в сечении форму вытянутого прямоугольника шириной до 1 см с тупоконечными завершениями. На такой полоске металла в XVI–XVII вв. чеканились геометрические и растительные орнаменты (рис. 20: 15–18).

Кольца, перстни-печатки представляют собой наиболее распространённую категорию украшений. Найдено около 90 предметов. На щитки таких перстней нанесены самые разнообразные чеканные изображения людей, животных, растительный или геометрический орнамент; сделаны вставки из стекла и камней. Выполнены кольца и перстни из медных и оловянных сплавов (рис. 20: 1–14).

Ремесло и ремесленная продукция. Совершенствование крестьянского и городского ремесла, увеличение числа ремесленных профессий, районная специализация и рост мелкотоварного производства стали характерными чертами экономического развития России в XVI–XVIII вв. Развитие это было связано с внутривосточным процессом образования и укрепления русского централизованного государства.

Рис. 21. Бусы. 1–10, 18, 22, 26 – стекло; 11–17, 20, 21, 23–25 – камень; 19 – глина

Во второй половине XVI–XVII вв. на «подоле» Свяжска раскинулся торгово-ремесленный посад площадью около 20 га. Переписчики середины XVI в. не зафиксировали в посаде слобод, однако род занятий городского населения можно почерпнуть из записи о роде занятий хозяина двора, «прозвища»: стрелец, пушкарь, дрябь (польский солдат – *авт.*), рыбовлов, рыбный прасол, квасник, хлебник, пирожник, калачник, крупеник, орешник, солодьянник, масленик, мясник, сыромятник, кисельник, кузнец, серебряник, меденик, ножевник, портной мастер, руковишник, шапошник, холщевник, сермяжник, ветошник, кожевен-

ник, сапожный мастер, скорняк, плотник, станочник, бочарник, лучник, свечник, кирпичник, гусельник, толмач, часовник, иконник, пастух, ямщик, извозчик, судовщик – всего 43 «профессии» (Ситдииков, Старков, 2022, с. 318).

Предметы кузнечного ремесла. Средневековый быт невозможно представить без инструментов, изделий из железа, так необходимых для строительства, различных работ и в быту. Кузнецы обслуживали повседневные потребности населения (ни одно из самых скромных хозяйств не может обойтись без топора, лемеха, ножа, серпа и т. п.) (Никитин, 1971, с. 7). «А всякому рукоделью и у

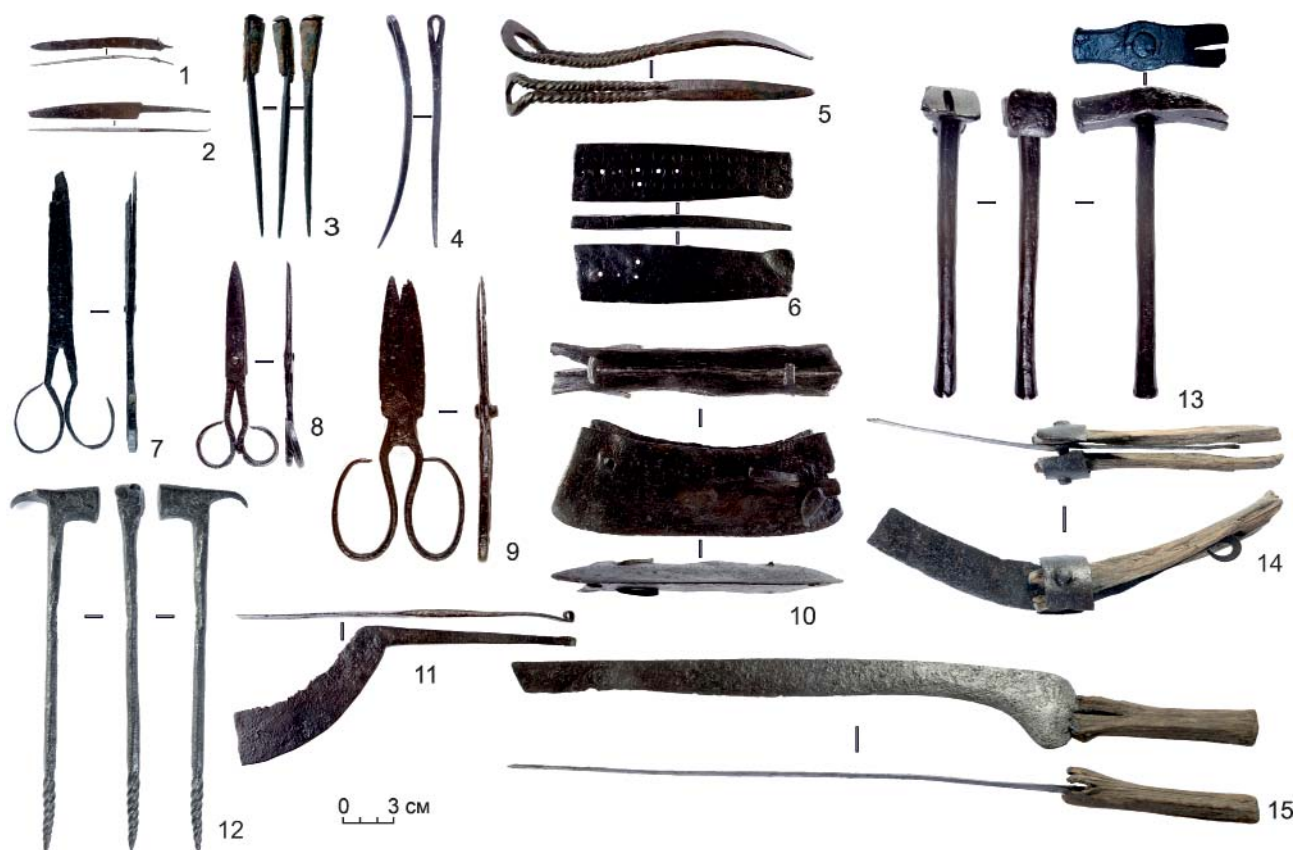

Рис. 22. Изделия из металла, дерева.

1–2, 15 – нож; 3 – шило; 4 – игла; 5 – кочедык; 6 – волочильная доска;
7–9 – ножницы; 10 – оковка лопаты; 11 – серп; 12–13 – молотки; 14 – коса

мужа и у жены всякая бы порядня и снасть была в подвории: и плотницкая, и портного мастера, и железная, и сапожная, и у жены бы всякому ей рукоделью и домовитому обиходу» (Домострой, 2014, с. 80). В Писцовой книге Свяжска XVI в. упоминаются семь кузнецов, проживавших как в городе, так и на посаде: «Да от болота едучи к

татарскому двору *Кузнецкою улицею* по правой стороне, двор Белейка стрельца, двор Истомка квасник жилец молодчий, двор Богданка Меленьтыва стрельца, двор Иванка квасника стрельца, двор Иванка *серебреника* стрельца, двор Родя *кузнец* – жилец молодчий, двор Гриша стрельца, двор Пятого стрельца, двор Болахна Иванов жилец,

Рис. 23. Изделия из кожи, дерева:

1–3 – поршни; 4 – лист кожи со следами раскроя; 5 – кузнечные меха

двор Потапка Дмитриев жилец, двор Паня Ларин жилец, двор Широпан *кузнец* жилец – все 4 человека «молотчие» (Список..., 1909, с. 39). Каменная кузница располагалась в Богородице-Успенском монастыре, она была изучена археологически, обнаруженные горны, вероятно, использовались для ремонта и небольших объемов кузнечных работ (Старков, 2016). В торговых рядах посадского торгового располагались «серебряных мастеров лавки».

Среди кузнечных изделий в раскопе обнаружено большое количество гвоздей и скоб, различных железных инструментов для использования в сельском хозяйстве (насадка (оковка) на деревянную лопату, железный кол для посадки рассады (рис. 12: 7), серп и коса (рис. 22: 11, 14)) и строительстве (топоры, долота, скобели, буравы и т. д.), множество бытовых вещей (замков, ключей, светцов, ножниц, ножей, пряжек, игл, цепи, обувных подковок), оружия (пули, наконечники стрел и копий, кинжал), детали различного снаряжения и прочего ассортимента кузнечной продукции.

Среди «индивидуальных» предметов, характеризующих род занятий хозяев усадьбы, обнаруженных в раскопе: волоочильные доски для протягивания проволоки из горизонтов второй половины XVI в. (рис. 22: 6), каменные литейные формы для отливок пуговиц-гирек (рис. 10: 9), пуль (рис. 10: 7–8), тигель и кожаные кузнечные меха. Меха размером 55×40 см были обнаружены в горизонте первой половины XVII в., представляли собой небольшие ручные раздувательные меха для подачи воздуха в горн (рис. 23: 5).

Изделия гончарного ремесла. Массовым археологическим материалом из раскопок являются фрагменты гончарной керамики XIV–XVI вв. Гончарная неполивная посуда, изготовленная в болгарских традициях, является одним из характерных элементов материальной культуры населения региона средневековой эпохи. В материалах раскопа, исследованного на месте музея, зафиксировано более 100 тыс. фрагментов керамики. Эти фрагменты представляют собой развалы сосудов столового и кухонного назначения. Ее особенности: красный, красно-коричневый, желтый цвет, окислительный обжиг, заметное количество песка, на изделиях встречается узкое лощение и ангоб. По формам сосудов она мало отличается от общеполгарской посуды предшествующих периодов. Такая посуда бытует у населения Среднего Поволжья в XIV–XVI вв. (Хлебникова, 1988).

Следует отметить, что в материалах Свяжска практически отсутствует группа поволжско-финской керамики. Всего 7 фрагментов, относящихся к данному типу, были обнаружены при производстве наблюдений в 2010 г. на территории Успенского монастыря (рис. 24). Наличие в нижних на-

пластованиях керамики в болгарских традициях (рис. 25) позволяет говорить о дорусском освоении либо о том, что среди поселенцев присутствовало татарское население.

Материалы исследований подтверждают начало интенсивного освоения территории острова с середины XVI в., после взятия Казанского ханства. Так, в нижних горизонтах культурного слоя Свяжска наряду с керамикой группы в болгарских традициях выделяются серая чернлощенная русская керамика и русская белоглиняная керамика второй половины XVI–XVII вв.) (рис. 26; 27), буро-серая песочно-дресвяная керамика датируемая серединой XVI в. (рис. 28: 18–20), керамика по образцу белоглиняной (красноглиняное тесто), датируемая XVI–XVII вв. (рис. 28: 10–13).

В малом количестве в слое выделяется фрагменты татарско-русской серой лощеной и нелощеной керамики (XVIII–XIX вв.) (рис. 28: 1–4), керамики в развитие белоглиняной, фрагменты красной, коричневой, бурой (XVII–XVIII вв.) (рис. 28: 5–9), керамики по образцу или в развитии белоглиняной (рис. 28: 14–17).

Наиболее представительная коллекция атрибутивной керамики состоит из фрагментов русской белоглиняной керамики около 36%; татарско-русской серой керамики около 24%; татарско-русской серой чернлощенной керамики около 13%; фрагменты татарско-русской в развитии белоглиняной керамики – около 9%; фрагменты татарско-русской по образцу белоглиняной керамики около 6 %; керамики в болгарских традициях – около 4,5 %; менее 1% занимает фрагменты татарско-русской красной, коричневой, бурой лощеной и нелощеной керамики и буро-серой песочно-дресвяной керамики. Около 1,5% составляют фрагменты глазурованной и поливной керамики, фрагменты сосудов из фаянса и фарфора.

Таким образом, в составе керамического комплекса преобладают неполивные сосуды XVI–XVII вв., они представлены белоглиняными горшками и чернлощенными сосудами. Зачастую керамические сосуды имеют обертку из лыка. В слоях середины XVI в. красноглиняная «общеполгарская» посуда XIV–XVI вв. представлена более 20%. Среди уникальных предметов гончарного ремесла – деревянный круг, использовавшийся для формовки глиняной посуды (рис. 29: 4). Конструкция ручного круга довольно проста: небольшой по размеру диск вращается на колу, или на оси, которая вставлена в круглое отверстие в лавке или подставке (Векслер и др., 2016, с. 53). Можно утверждать, что небольшое производство глиняной посуды располагалось в Свяжске. В Писцовой книге Свяжска XVI в., упоминаются 3 «кирпичника», а также «печи», расположенные в

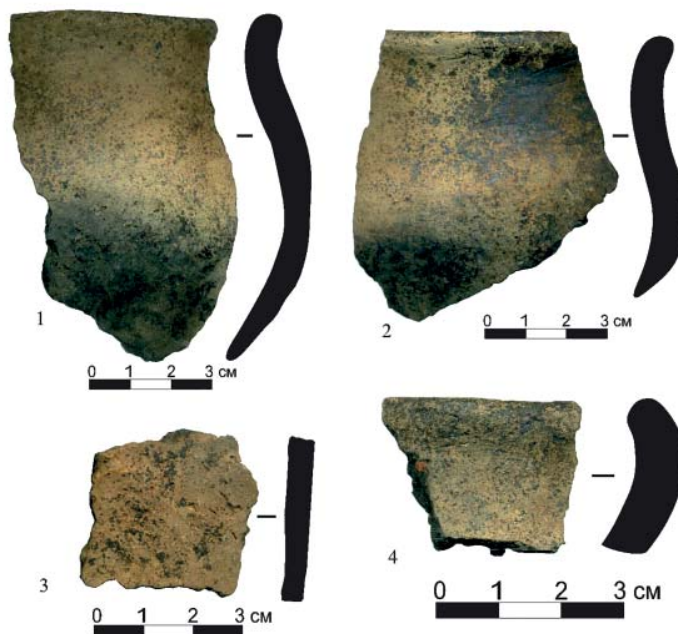

Рис. 24. Фрагменты лепных сосудов из раскопок Свяжска

Рис. 25. Фрагменты сосудов группы «в болгарских традициях»

Рис. 26. Фрагменты русской керамики XVI–XVII вв.

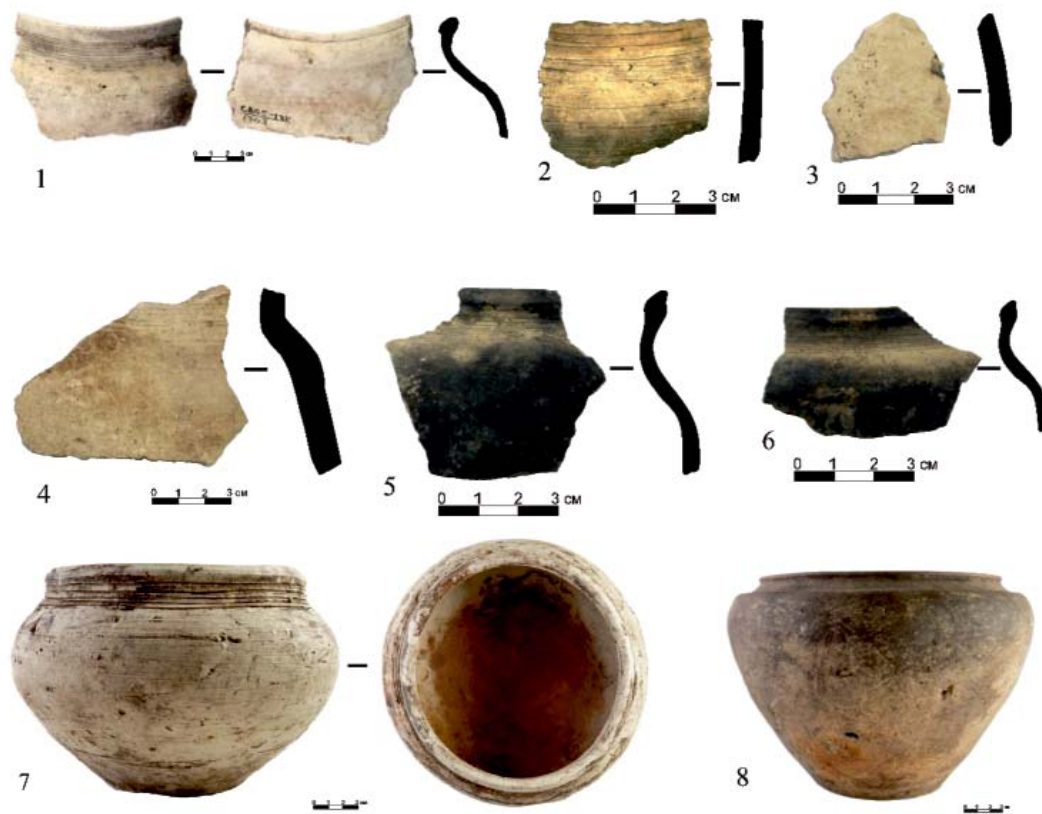

Рис. 27. Фрагменты русской белоглиняной керамики

Рис. 28. Фрагмент татарско-русской керамики

двух частях города в пределах острожной стены, у озера Щучьего (северо-западная окраина Свяжска) и небольшого затона р. Свяги (южная окраина Свяжска) (Ситдигов, Старков, 2022, с. 323).

Кожевенное ремесло. На протяжении XVI–XVII вв. в кожевенном ремесле происходит разделение на собственно кожевенное и сапожное ремесла (Осипов, 2011, с. 63–76). Этот процесс нашел отражение в Писцовой книге Свяжска середины XVI в. Так, в ней упоминается один мастер-«кожевенник», один мастер-«рукавишник», один

мастер-«мошенник» (делающий сумки) и 15 «сапожников». В торговых рядах «Большого ряда» Свяжска, согласно Писцовой книге Свяжска XVI в., располагались пять сапожных лавок.

Свидетельством производства кожевенной продукции в Свяжске являются кожаные листы – заготовки и большое количество обнаруженных кожаных обрезков. По материалам раскопа «Татарская слободка», было выявлено более 20000 фрагментов и кожаных изделий, около 14% всех находок в раскопе.

Рис. 29. Изделия из дерева. 1–3 – колодки обувные; 4 – гончарный круг

Инструменты ремесленников представлены: шильями, иглами, проколами и пробоями, ножами для раскройки, металлическими сапожными молоточками (рис. 22: 12–13). Среди деревянных предметов: сапожные колодки (рис. 29: 1–3), проставки в каблуки, берестяные задники (рис. 6: 3–4).

Ассортимент кожаных изделий представлен прежде всего различной обувью: сапогами (рис. 31), «поршнями» (обувь из цельного куска кожи на ремненной утяжке) (рис. 32: 1–3), лаптями, плетеными из кожаных полос (рис. 33: 10). Часто обувь подбивалась мелкими гвоздиками и сапожными подковками. Из кожи изготавливались рукавицы (рис. 30: 7, 9), ремни, сумки (рис. 30: 4), ножи для ножей (рис. 30: 5, 6), игрушки – мячики (рис. 30: 2), лошадки (рис. 30: 3). Кожаные изделия декорированы цветной нитью, кожаным шнуром, имеют ажурный прорезной орнамент, носят следы тиснения штампом, аппликации (рис. 30: 8). Обувь имеет следы починки в виде сквозных регулярных отверстий от заплат, замены составных частей, вероятно пришедших в негодность. Исследователи ремесленных изделий из кожи, обнаруженных в раскопе, отмечают наличие как «профессионально» изготовленных изделий, так и «домашнего» изготовления (Богатова, Визгалова, Старков, 2016, с. 256). Главы «Домостроя» насыщены советами, как ухаживать за одеждой, вещами: «остатки и об-

резки ко всему пригожаются в домовитом деле: поплатить (заплат наставить) ветчаного того ж портища, или к новому прибавить, или какое ни буди починить» (Домострой, 2014, с. 79).

Бондарные изделия. Бондарное, или бочарное, производство заключалось в изготовлении различных деревянных бочек, кадок, вёдер, жбанов, ушатов, шаек, лоханей, стаканов, чашей, маслоек, подойников и другой деревянной тары (Археология, 1997, с. 43–46). Бондарные изделия служили для хранения и перевозки жидких, сыпучих веществ и твердых предметов. Бондарные изделия состоят из: стенок-«клепок», донцев-крышек, обручей, которыми скрепляли клепки. Размеры днищ 16–66 см, высота клепок от 15–70 см (рис. 33). В Писцовой книге Свяжска середины XVI в. упоминается 13 мастеров-«бочарников».

К изделиям бондарного ремесла относится около 70 предметов, обнаруженных в ходе раскопок. Бондарные изделия очень универсальны, их использовали в домашнем хозяйстве, ремесленном производстве, в торговле.

Изделия из лыка и бересты. Ремесленное плетение было распространенным явлением и связано с так называемым «мочальным», или «рогожно-кулеткацким», промыслом. «Мочальный промысел состоит в заготовлении необходимых в русском быту рогож разного рода, кулей, луба, мочал, лаптей и сторожковых снастей» (Визгало-

Рис. 30. Изделия из кожи.
1 – амулетница; 2 – мяч; 3 – лошадка; 5, 6 – ножны; 7, 9 – рукавицы; 8 – изделие орнаментированное

ва, Старков, 2016, с. 266–267). Плетеные изделия использовались не менее широко, чем деревянные, и нередко заменяли их. Материал для них был дешевле и доступнее, чем дерево, а техника изготовления – проще. Поэтому они находили широкое применение в быту, хозяйстве, торговле. Для плетения использовали чаще всего прутья, липовое лыко или березовую кору.

В археологическом материале ремесленное плетение из лыка и бересты представлено заго-

товками сырья в виде клубков берестяной ленты, лыка и фрагментами изделий XVI–XVII вв. Можно говорить о широком ассортименте изготавливаемых изделий. Из лыка делали универсальные предметы: посуду, коробочки, корзины и разнообразные по размеру коврики-циновки, покрывала, кули, рогожи (рис. 32: 5–9). Циновки изготавливались из тонких лыковых полос шириной от 0,4 см до 0,8 см. Сплетали гашники – пояс, шнурок, поддерживающий или подпоясывающий верх-

Рис. 31. Изделия из кожи, бересты, металла: детали сапог

Рис. 32. Изделия из лыка, кожи.
1–3 веревки; 4 – пояс-гашник; 5–9 циновки; 10 – лапоть (кожа, лыко)

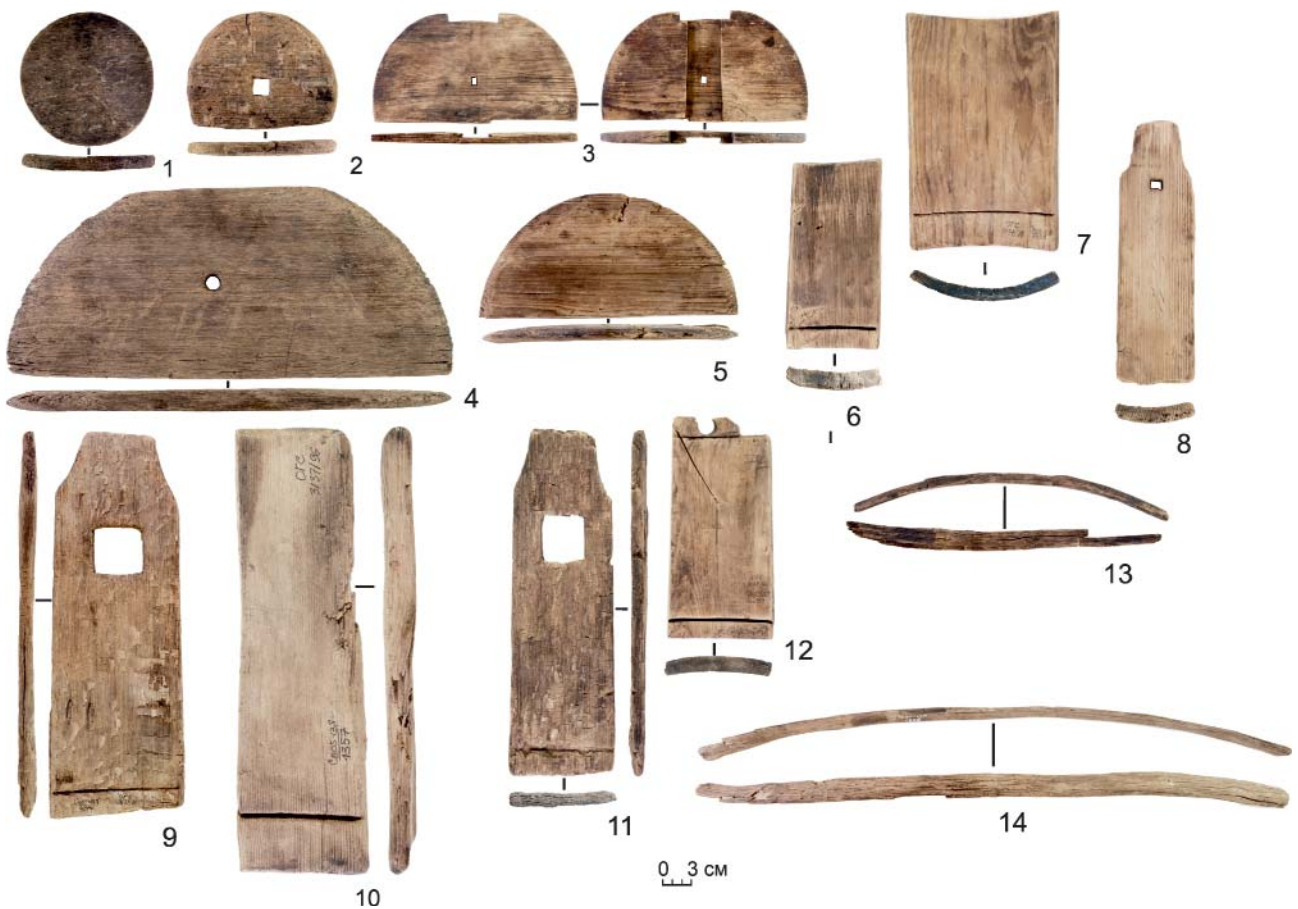

Рис. 33. Изделия из дерева
1 – донце туса; 2 – крышка туса; 3–5 – крышки, донца; 6–12 бондарные клепки; 13–14 – обручи

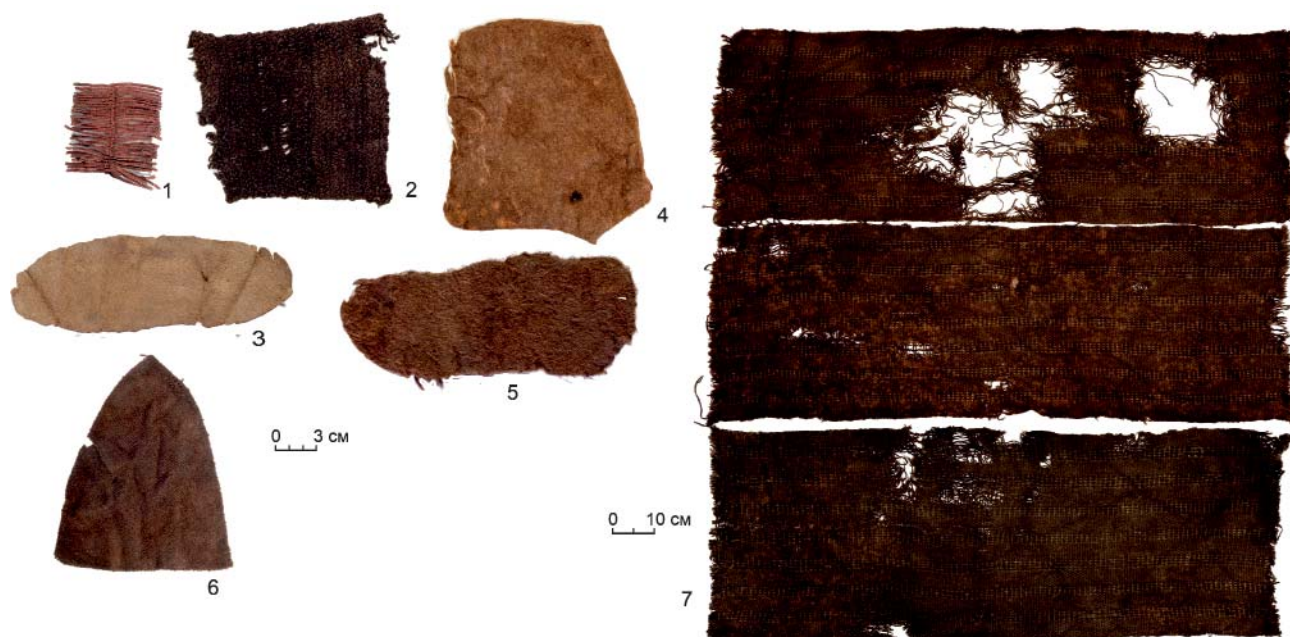

Рис. 34. Изделия из шерсти.
 1 – нашивка под пуговицы; 2 – поручень; 3, 5 стелька;
 4 – изделие из войлока; 6 – деталь головного убора; 7 – занавеска

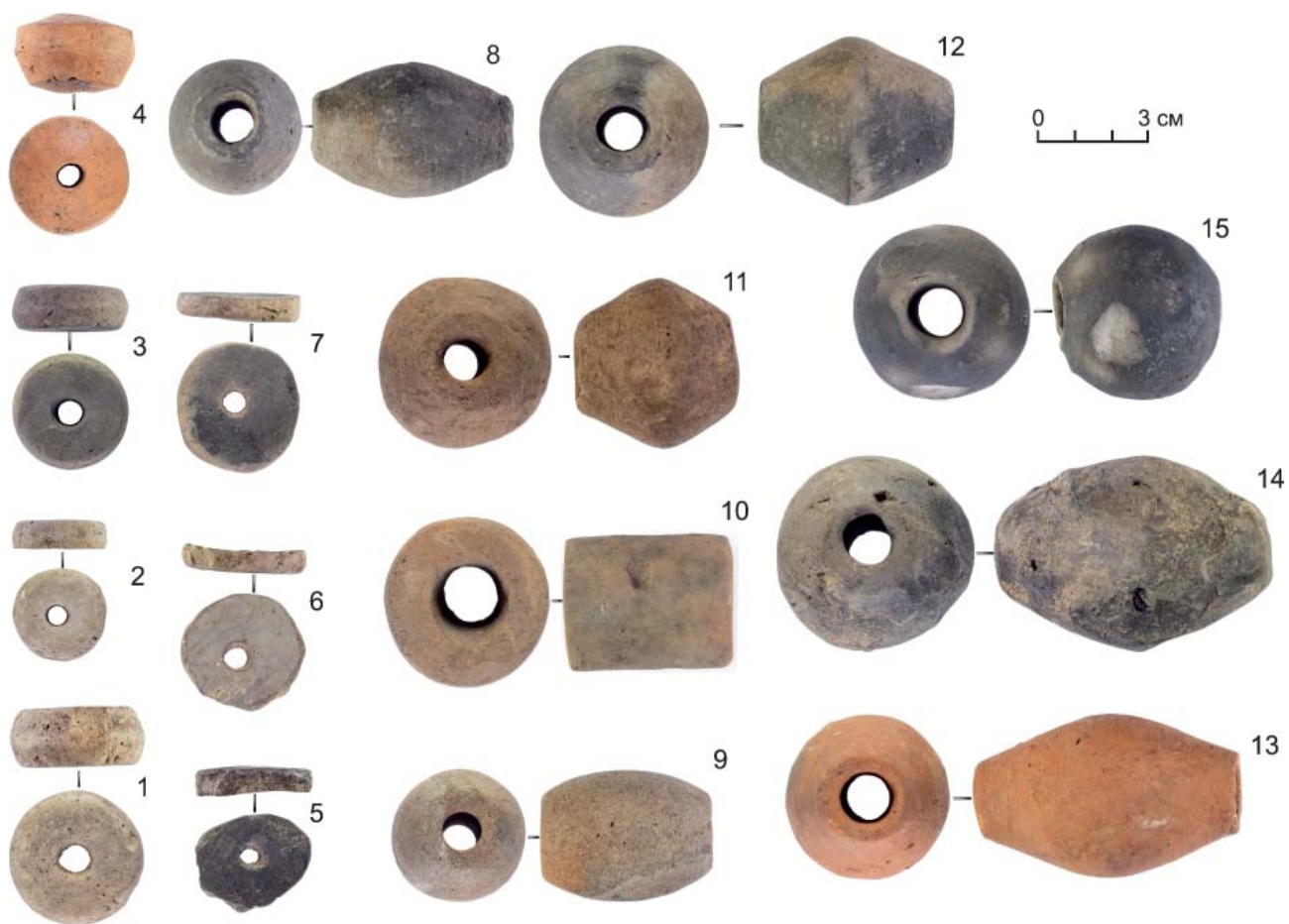

Рис. 35. Изделия из глины.
 1–7 – пряслица; 8–15 – рыболовные грузила

ною одежду (рис. 32: 4). Изготавливали обувь: лапти, оборы. Оборы крепили обувь (поршень, лапоть) к ноге, подвязывали онучи или портянки на лодыжке. Оборы могли быть изготовлены из пеньки, лыка или кожи (Визгалова и др., 2014, с. 258). Разнообразен размерный ряд веревок и канатов из полос лыка от 1,2 см до 5,5 см в диаметре (рис. 32: 1–3).

Из березовой коры делали туеса, коробки для хранения (рис. 6: 7–8). Плотная эластичная береста, обладающая антисептическими свойствами, была надежным хранилищем для различных продуктов (муки, соли, зерна и др.), одежды и других тканых изделий (Археология, 1997, с. 47). Обнаруженные туеса имели высоту 21–48 см и диаметр дна от 12,5 до 24,5 см. Несколько глиняных сосудов было обернуто берестяной лентой (рис. 5: 3–4). Береста использовалась также для изготовления поплавков рыболовных сетей (рис. 6: 1–2).

Инструменты для изготовления изделий из лыка и бересты были несложными, чаще всего подручными: кочедык и шило. Кочедык представлял собой узкую костяную или железную пластину, слегка загнутую крючком с рабочего края (рис. 13: 12–13).

Ткачество и шитье. Ткачество становится одним из преобладающих отраслей ремесленной деятельности. Ткани изготавливалась различными техниками: ткачество, вязание, прядение и валяние. В Писцовой книге Свяжска середины XVI в. упоминаются следующие «профессии», связанные с ткачеством: портной мастер, шапошник, холщевник, сермяжник, ветошник. Разнообразие тканей, используемых в быту, можно встретить в главах «Домостроя»: «...коли лучится какое платья кроити себе, или жене, или детем, или людем: камчато, или тафтяно, или изуфрено, или кушачно, или зенденинное, или сукняное, или армячное, или сермяжное, или кожи как не кроити, или сагайдак, или на седло, или ометюк, или сумы, или сапоги, или шуба, или кафтан, или терлик, или однорядка, или кортель, или летник и каптур, или шапка, или нагавицы...» (Домострой, 2014, с. 79).

Тканое полотно изготавляли на ткацком станке. Это подтверждается находками деталей станков: подшипников, юрков, применяемых для натягивания нити, туриков – для ее наматывания. Среди обнаруженных фрагментов тканых изделий выделяется шерстяная занавеска 130×126 см, сшитая из трех полос ткани шириной 42–44 см (рис. 34: 7). Всего было обнаружено около 200 фрагментов ткани и изделий из шерсти.

Среди металлических изделий, связанных с ткачеством и шитьем, обнаружены: отвесы для

нитей – пряслица (рис. 37: 1–7), иглы (рис. 22: 4), булавки, проколы и шилья (рис. 22: 3), ножницы (рис. 22: 7–9). Среди предметов выделяются две свинцовые фигурки славянской богини ткачества «Макошь» в виде женской фигурки с поднятыми вверх руками (рис. 14: 1–2).

В усадьбе второй половины XVI в. среди многочисленных бытовых находок, обрезков кожи обнаружен моток канители золотистого цвета (рис. 14: 3), иглы, шерстяная занавеска (описанная выше). Среди находок выделяется кожаный лист (48×40 см) со следами раскроя (рис. 32: 4). При составлении топографического описания расположения усадеб в посаде по Писцовой книге и раскрытой археологическим раскопом топографии домовладений выявлено, что данная усадьба расположена в узком переулке от широкой улицы, второе домовладение; такая топографическая ситуация и характер занятий домохозяйств близки к описанию в Писцовой книге лишь в двух случаях (учитывая в том числе и метод исключения в этой гипотезе), когда в переулке с «большой улицы» проживали мастера, связанные с ткачеством и шитьем кож: «Да от пирояшаго переулка направо в другой переулк дворы по обе стороны, двор Трепка Микитин сапожной мастер жилец, Истома Вараксин жилец, двор Лучка сапожник жилец – все 3 человека молодчие...» – в данном случае в начале переулка проживают два сапожных мастера (Список, 1909, с. 40). Второе описание из Писцовой книги, близкое к искомой ситуации, встречается при описании Татарской улицы: «...Да в переулке налево, двор Юшко холщевник жилец, двор Богданко Васильев жилец, двор Гаврилка босурман – все 3 человека молодчие...» (Список, 1909, с. 45).

Среди ремесленных изделий найдены фрагменты шерстяных и льняных тканей, рогожи. Войлочные изделия представлены стельками для обуви, различными ковриками-покрывалами (рис. 34: 3–5).

Сельскохозяйственные занятия. В XVI–XVIII вв. городская усадьба – двор представляла собой место проживания семьи, занятия ремеслом и торговлей. При этом в хозяйственном укладе продолжали сохраняться элементы натурального хозяйства. Городское население Свяжска в XVI–XVII вв. и его сельскохозяйственная округа были тесно связаны, в пойменной части р. Свяги и правого берега р. Волги «в Свяжских лугех» горожанам были отмерены участки для покоса, животинных выпусков, пашенные земли. Горожане верхней части города имели свои огороды, отмеченные в Писцовой книге, в отличие от посадской части Свяжска, где не зафиксировано наличие огородов как в исторических источниках, так и горизонтах культурного слоя XVI–XVII вв.

Рис. 36. Изделия из металла.

1–7 – наконечники стрел; 7 – курок от пищали; 8 – топор; 9 – ножи; 10–11 – наконечники копий

Найдены в культурном слое городского поселения сельскохозяйственные орудия для вспашки земли – железный лемех плуга, рало; для посева, уборки урожая и заготовки кормов – коса, серп, кол для посадки рассады, деревянные лопаты, железная оковка на лопату (рис. 22: 10); для переработки урожая и размола зерна – толкушки, жернова.

На основе археозоологических исследований костных остатков, проведенных к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой, можно утверждать, что домашнее животноводство Свияжска было представлено крупным и мелким рогатым скотом, лошадьми, свиньями. Домашнее птицеводство – курами, гусями, утками. Из диких видов диагностированы лось и заяц.

Среди домашних видов животных преобладает крупный рогатый скот – 83,0%. Кости мелкого рогатого скота, свиньи и лошади не превышают 10% от общего количества. Возрастной состав забойного крупного и мелкого рогатого скота – наиболее распространенный от 2 до 3 лет. Возрастной состав свиньи – наиболее распространенный 2–3 года. Возрастной состав лошади – наиболее распространенный старше 3 и 6–10 лет.

Анализ морфологического облика сельскохозяйственных животных, забитых на мясо, показал довольно мелких животных: в холке крупный рогатый скот достигал от 89 см до 1 м (экземпляры 110–120 см в холке являются редкостью). Так, были диагностированы две особи волов довольно низкие по росту – 91–97 см. Мелкий рогатый скот достигал 57–61 см в холке. Лошади также мелкие, низкорослые, в холке достигали 122–124 см и 135 см (Ситдииков, Старков, 2022, с. 443–448).

Анализ археозоологических материалов с территории усадеб показывает, что практически все кости являются «кухонными остатками». На них отмечены следы порубов, порезов, в некоторых случаях – следы воздействия огня. В мясном рационе жителей в XVI–XVII вв. превалировала говядина, вторым по значению был мелкий рогатый скот, на третьем месте располагалась свинина. Соотношение мяса и рыбы в рационе свияжцев пока остается задачей будущих исследований, как и значение в пищевом рационе лещины (лесного ореха) – массового материала в культурном слое.

Предметы, связанные с домашним животноводством, представлены элементами конской упряжи для запряжки, седлания и управления лошадьми: деревянными клещами от хомута, седлами, стремями (рис. 12: 1), металлическими удилами, пряжками от ремней. Каменные обманные яйца разных форм и размеров использовались для подкладывания курам-несушкам (рис. 10: 3–4).

Промыслы и средства передвижения. Письменных источников, свидетельствующих о проведении боевых действий с участием Свияжского гарнизона и крепости, неизвестно, однако, поскольку первое население Свияжска было служилым, среди свияжских находок обнаружено большое количество предметов, связанных с оружием.

«...В клетях, и в подклетях, и в амбарах устроить по государеву наказу ключнику всякая порядня:... и попоны, и войлоки, и седла, и саадаки, и луки и с стрелами, и сабли, и топорки, и рогатины, и пищали, и узды,... – в коробьях положить или в бочках, иное по грядкам, иное по спицам (полкам – авт.), иное в коробех, где что пригоже...» (Домострой, 2014, с. 120).

В эпоху Средневековья основными типами оружия были: холодное оружие ближнего боя, метательное оружие, а также огнестрельное и осадное оружие. Из холодного оружия более всего были распространены мечи, кинжалы и копья. Из метательного оружия также были распространены луки, арбалеты. К огнестрельному оружию, распространенному в этот период, можно отнести самопалы, ручницы, пищали. Осадное оружие было представлено большими стрелометами, пушками, фальконетами и таранами.

В XVI–XVIII вв. в Русском государстве продолжает формироваться профессиональная армия. Специфику военного дела определяет появление во многих городах стрелецких слобод. В Писцовой книге Свяжска середины XVI в. упоминается около 460 стрелецких дворов, 25 пушкарских, 21 дрябей (польских солдат – *авт.*), на городских стенах указано размещение 15 «фальконетов» (небольших артиллерийских орудий), 10 пушек, «ручниц» и «пищалей». На содержание размещенных в Свяжске стрельцов «да у стрелецкие головы, да у сотников у стрелецких у 7 человек, да у дети боярских старых свияжских жильцов, да у стрельцов у 700 человек у дву человек житничных ключников, да у рядовых детей боярских у 23-х человек, да у пушкарей у 30 человек, да дрябей у 40 человек, да у толмача у жалованного, да у воротников у 16 человек, да у сторожей у казенных и у житнячных у 7 человек сотских голов» в «Свияжских же лугех» были выделены участки под покосы (Список, 1909, с. 63–64).

В начале XVIII в. в Свяжске продолжал сохраняться «серьезный» арсенал из пяти медных пушек общим весом более 150 пудов и двух железных пушек весом более 66 пудов, в погребках хранилось «пушечного и ручного земля 123 пуда», «свинцу 42 пуда», различных ядер 6685 ед. (Опись, 1701–1704 гг., л. 165–168 об.). Опись 1736 г. фиксирует в Свяжске 1 медную и 1 железную пушки, «зелеинный двор» «огорожен острогом, в нем анбар и погреб, а в погребе лопаток железных две, свинцу 10 фунтов, цепь дверная 1, ружей негодных 85, фурм пуличных железных 8, кантарей железных 5, пятен железных 2, котел чюгунной ломаной один. Сум салдацких 35, негодных. Лядунок драгунских 3, негодных. Знамен тафтяных разных негодных 2. Знамя старинное красное, негодное 1. Знамя старое, шитое ис трех полотен белого бурметю, синей китайки и белого холста, негодное, одно» (Росписной, 1736, л. 21 об. – 22 об.). В 1734 г. в Свяжск отправлены «свияжским розсылщиком» «годнаг ружья для содержания караулов и розсылок 72 фузеи со штыками, сумм патронных толикое ж число» (Росписной, 1736, л. 21 об.).

Оружие всегда высоко ценилось, поэтому его находка в культурном слое городов редкость. Обнаруженные при раскопках предметы средневекового оружия относятся практически ко всем видам вооружений.

Холодное оружие, т. е. оружие, предназначенное для поражения при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, представлено тремя наконечниками копий, популярных типов форм XVI–XVII вв. (Двуреченский, 2013) (рис. 36: 10–11), обломками кинжала, боевым топором (рис. 36: 8), парадными металлическими ножами длиной 28 см с чеканным растительным орнаментом (рис. 36: 9).

Метательное оружие, т. е. оружие, которое поражает противника на расстоянии, представлено обнаруженными в ходе раскопок комплексом вооружений лучника: деревянного лука, саадака из кожи, железных наконечников стрел, которых найдено 12 единиц (рис. 36: 1–6).

Деревянные луки, обнаруженные в раскопе, относятся к простым коротким гнутым лукам, длиной до 103 см (см. ниже, рис. 40: 1). Саадак (чехол для лука) изготовлен из кожи крупного рогатого скота, оформлен тиснением с геометрическим орнаментом, длиной 80 см. Верхняя часть сделана раструбом шириной 30 см, нижняя чулком шириной 17 см. Все железные наконечники стрел имеют черешок для насаживания на стрелу и относятся к очень популярным бронебойным и плоским типам (Карпов, Старков, 2019).

Огнестрельное оружие, т. е. оружие, в котором для выбрасывания снаряда используется энергия пороха, представлено деталями разнообразных ружейных механизмов – «замков» – устройств, которые отвечали за воспламенение заряда при выстреле из ружья. Огнестрельного оружия при раскопках Свяжска не найдено, но о его распространении свидетельствуют находки, связанные с его использованием. В раскопе найдено более 300 свинцовых пуль самых различных калибров. В одной из построек обнаружена каменная литейная форма, в которой, вероятно, изготавливали свинцовые пули. Фитильный замок «пищали» представлен железным курком (рис. 36: 7). Детали колесцового механизма – ружейными кремнями.

Одним из самых популярных промыслов с древнейших времен является охота. Она велась не столько с помощью метательного и огнестрельного оружия, сколько установкой ловушек и подобной охотничьей снасти. К специальным охотничьим принадлежностям относятся костяные наконечники стрел (рис. 13: 11). На основе остеологических исследований костных останков, обнаруженных в ходе ведения археологических ра-

бот, можно утверждать, что свияжцы охотились на лося, косулю, кабана, зайца.

Следы интенсивного рыболовства прослеживаются в виде мощных прослоек, состоящих из рыбьей чешуи. Так, при исследованиях на территории Успенского Богородицкого монастыря, в культурном слое XVI–XVIII вв., зафиксированы значительные прослойки с остатками потребления рыбы (Старков, 2016). На содержание монастырям были приписаны рыболовные угодья. Ихтиологические исследования костных остатков установили наличие не менее 26 наименований рыб, вылавливаемых в XVI–XVII вв.: осетр, стерлядь, севрюга, белуга, карась, лещ, жерех, сом, щука и др. По количеству костных останков выявлено, что в вылавливаемой рыбе преобладали стерлядь из семейства осетровых и лещ из семейства карповых (Ситдииков, Старков, 2022, с. 453–455). Анализ ихтиологических остатков рыб в контексте размерности рыбы, «подаваемой к столу» посадского населения, показал, что на стол к горожанам попадали средне-мелкоразмерные виды рыб, что дает косвенное представление о социальном положении и статусе (Галимова, Аськеев, Аськеев, 2014).

Во время раскопок было обнаружено большое количество предметов XVI–XVIII вв., связанных с рыболовным промыслом. Эти находки позволяют говорить о том, что в Свияжске применялись все основные приемы рыбной ловли, как индивидуальные, так и коллективные.

Рыболовные снасти для индивидуальной рыбной ловли представлены железными рыболовными крючками и блеснами. Блесны-«дорожки» сделаны из сплавов цветных металлов и свинца, с небольшими железными крючками. Размеры блесен от 3 до 7,5 см (рис. 14: 18–19). На территории усадьбы конца XVII в. были обнаружены сразу четыре блесны из медного сплава (Ахметгаллин, 2020). Рыболовные железные крючки имели овальный или круглый в сечении стержень и острое жало с оттянутой бородкой. Поплавки для удочки вырезались из коры деревьев. Всего найдено 18 предметов, связанных с индивидуальным способом ловли.

Коллективный рыбный промысел велся сетями, неводами, бреднями, об использовании которых известно по письменным источникам. Рыболовная снасть для коллективной рыбной ловли представлена обнаруженными в ходе исследований фрагментами лыковых сетей, грузил, поплавок (рис. 39: 2–4).

Поплавки из коры деревьев («балбера») имели разнообразную форму: трапециевидную, прямоугольную, овальную, конусообразную, дискообразную, бочковидную. Размеры поплавок в длину

достигали 34 см. Берестяные поправки представляли собой неширокие, туго скатанные полоски бересты высотой от 3,5 до 9 см. Зачастую поправки помечали частновладельческими метками. В постройке № 13 (вторая половина XVI в.) 2008 г. был обнаружен «клад деревянных поплавок различных размеров и форм» (Шакиров, 2011).

Для утяжеления снасти использовались каменные и глиняные грузила. Грузила из обожженной глины также имели разнообразную форму: шарообразную, эллипсоидную, биконическую, цилиндрическую, дискообразную. Сделаны грузила из красной и белой глины (рис. 35: 8–15).

Каменные грузила имели форму дисков, овалов, шарообразную, изготавливались из известняка. Повсеместное обнаружение поплавок и грузил свидетельствует о значительных масштабах рыболовного промысла. Всего обнаружено около 200 единиц подобных предметов.

Средства передвижения и перевозки. Разветвленные речные системы являлись важнейшим водными путями сообщения, для развития средневекового русского государства. Учитывая расстояния, залесенность, обширность территории, необходима доставка грузов, товаров и т. д. Писцовая книга Свияжска середины XVI в. перечисляет четырех «судовщиков», вероятно владельцев речных судов (Даль, 1998. Т. 4, с. 619). Судовладельцем выступали и свияжские монастыри. Так, по царской жалованной грамоте Свияжскому Богородицкому монастырю дозволено иметь на Волге водоходное судно: «...велети и на монастырьской обиход держать в свияжском суденко и ездить бы на нем в Астрахань по соль и по рыбу...» (История, 1937, с. 158). Среди актового материала XVII в. упоминаются такие типы судов, как струг и насад. Письменные свидетельства о существовании «плавной» военной службы в Свияжске датируются началом XVII в. (Астраханская, 1614а). Так, в 1614 г. Свияжские струги были переписаны «на государя» для «плавные рати» (Астраханская, 1614б). Кроме военного использования, струги, конечно, применялись для перевозки товаров, сырья. Струг – речное гребное и парусное судно, термин, часто употребляемый в значении судна. Насады – речные плоскодонные беспалубные суда – также широко использовались в Свияжске. Так, в 1624 г. насад перевозил соль Свияжского Богородицкого монастыря (Астраханская, 1624а). В 1628 г. из донесения астраханскому воеводе князю И.Ф. Хованскому с товарищами известно об отпуске свияжанину, торговому человеку Григорью Ефимьеву с Кобыльи соляного озера соли 6875 пудов и о взятии с него пошлин (Астраханская, 1624б).

В культурном слое были найдены многочис-

Рис. 37. Изделия из дерева.
1 – уключина; 2–4 – поплавки; 6–8 – весла; 9 – шпангоут

ленные фрагменты вторичного использования деревянных деталей судов и лодок: шпангоуты – поперечные ребра жесткости/каркасы лодок, указывающие на размеры судов шириной от 130 см (рис. 37: 9). Найдены доски от обшивки с многочисленными отверстиями от нагелей, которыми они пришивались к каркасу. Самый длинный эле-

мент обшивки достигает 307 см. Нагели – деревянные гвозди для крепления обшивки – имеют размер до 14 см. Среди деталей речных лодок найдены уключины – бортовые упоры, необходимые для крепления весел (рис. 37: 1). Весла вырезаны из целых кусков древесины с лопастью вытянутой овальной формы (рис. 37: 6–8).

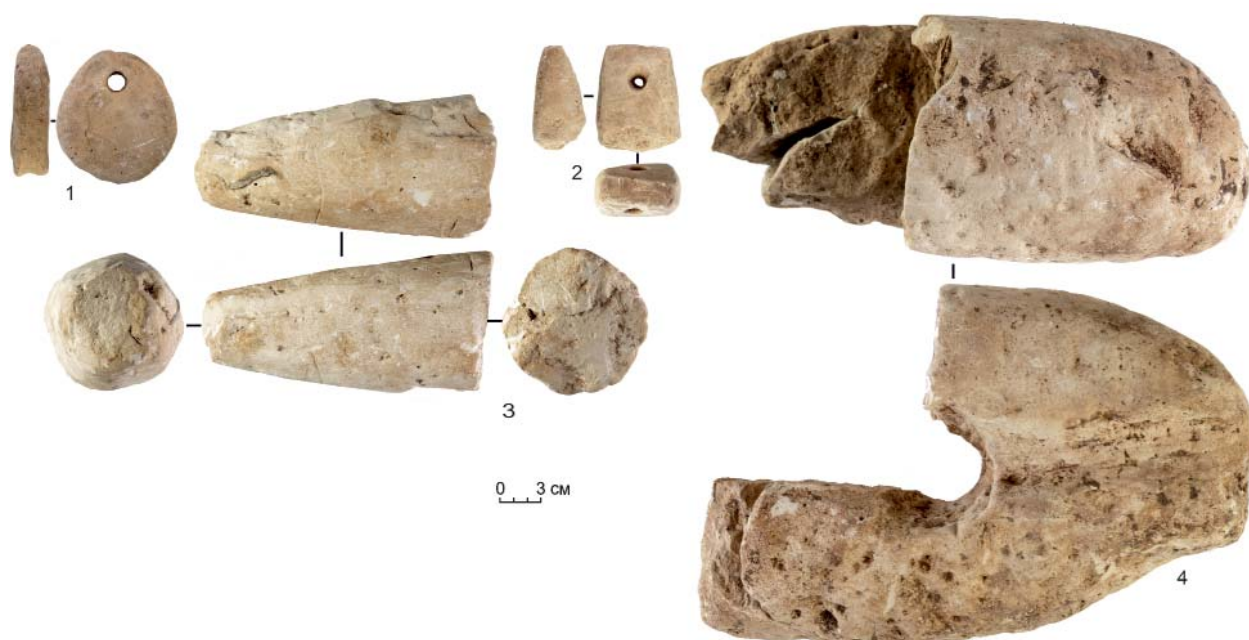

Рис. 38. Изделия из камня: 1–2 – грузила; 3–4 – якоря

Из камня сделаны лодочные якоря. Они имели биконическую усеченную и эллипсоидную форму с просверленными отверстиями для привязывания веревок. Размеры таких каменных якорей достигают 40 см (рис. 38: 3–4).

Наименование сухопутных средств транспорта в «Домострое» разнообразно: сани, воз, дровни, телега, каптана (зимняя повозка с дверцами – *авт.*), колымага, одры страдные (рабочие повозки – *авт.*). «А лучшие сани, воз, каптана, колымага укрыть на подкладках, все бы было брежно в сухе с замком...», – советовал «Домострой» (Домострой, 2014, с. 121). Книжные миниатюры XVI в. дают общий облик как летних повозок, так и зимних саней и лыж (Лицевой, 2014).

Обнаружено 24 фрагмента деревянных предметов, связанных со средствами передвижений в зимнее время; свияжцы активно пользовались санями и лыжами. Свидетельством разнообразия размеров саней стали обнаруженные полозья.

Полоз – длинный брус с загнутым передком и высокой головкой. Размеры полозьев колебались от 46 до 140 см (рис. 39: 8–10). На верхней грани полоза располагаются отверстия от копыт, к которым крепились верхняя платформа саней, санок. Копыла от санок-салазок, от крупных грузовых саней имели разнообразную высоту от 18 до 34 см (рис. 39: 1–6). Для перевозки кроме саней использовали волокуши, традиционно их применяли для транспортировки бревен, тесин (Археология, 1997, с. 127). Волокуши являлись простейшим средством перевозки груза волоком, учитывая ширину средневековых свияжских переулков. Оглоб-

ли волокуш сделаны из дерева с комлем (корень дерева) в нижней части, использовавшейся как полоз, загнутый кверху.

С передвижением на лыжах связаны находки восьми деталей лыж и фрагментов лыжных палок (опорный элемент «лапка») (Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 65). Типологизация лыж принята рядом ученых (Васильев, 2001, с. 91–93). Обнаруженные лыжи в Свияжске имеют свои особенности, их можно разделить на три типа по оформлению ступательной площадки и креплению (рис. 40: 2–5). Нижняя поверхность всех лыж гладкая. Тип I имеет плавное утолщение лыжи на месте ступательной площадки с «остроконечным» завершением вверху площадки, края площадки подрезаны, вероятно, этот прием является декоративным приемом мастера к оформлению лыж, размер овального отверстия в торце лыжи. У типа II ступательная площадка имеет плавный подъем и завершение, края площадки подрезаны, данный тип лыж близок к тем, что были обнаружены на других памятниках (Археология, 1997, с. 129). Лыжи имеют по одному сквозному овальному отверстию для продевания креплений шириной 26×8 мм и 20×8 мм соответственно в торце. Передний конец лыж загнут кверху и имеет небольшое шаровидное завершение. Небольшая ширина лыж I и II типа (7–9 см) указывает на их «беговое» предназначение.

Тип III представлен одним экземпляром, высота лыжи 174 см, верхняя часть утрачена, максимальная ширина у ступательной площадки лыжи 13 см. Ступательная площадка имеет плавный

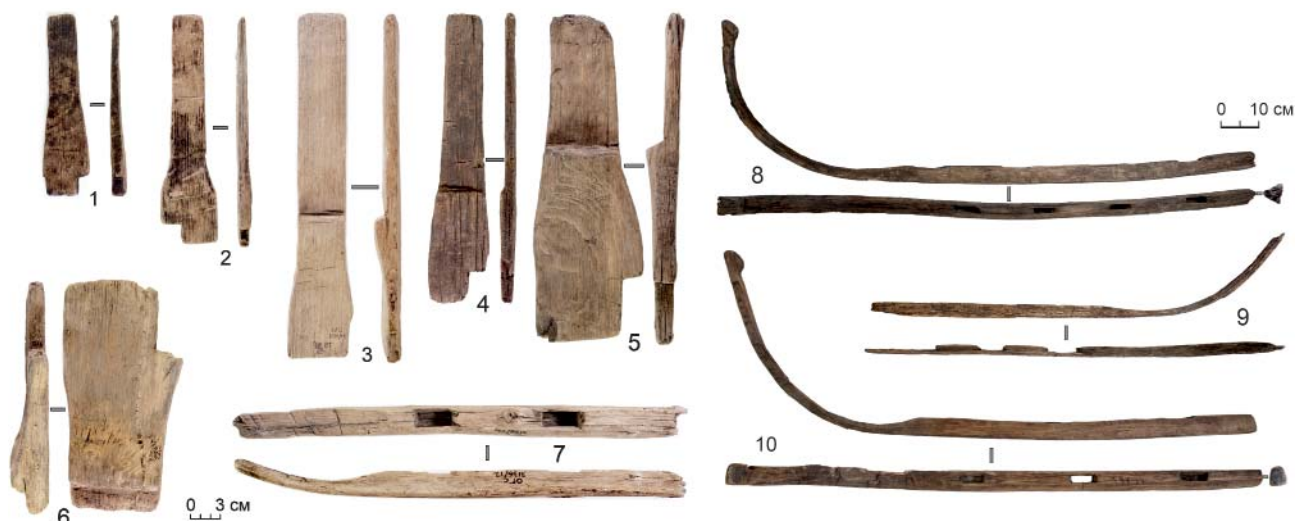

Рис. 39. Изделия из дерева. 1–6 – копыла; 7–10 – полозья

подъем и завершение, края ступательной площадки подрезаны (т. е. площадка уже, чем ширина лыжи), по центру площадки сделано прямоугольное углубление, в нижней части площадки по краям сделаны вертикальные подквадратные отверстия, которые выходят к торцу ступательной площадки, вероятно для продевания креплений. В торце сделано овальное сквозное отверстие шириной 50×8 мм для продевания креплений. О смещении ступательной площадки от центра лыжи к носку можно говорить только на примере лыж третьего типа в связи с их сохранностью.

Предметы и инструменты торговли. С момента своего возникновения во второй половине XVI в. Свяжск становится крупным торговым центром региона. Эпоха XVI–XVII вв., являвшаяся временем складывания централизованного российского государства и возникновения общероссийского рынка, нашла отображение в материалах раскопок. Товары в Свяжск доставлялись из разных частей русского государства, а также из-за границы, о чем свидетельствуют обнаруженные в ходе раскопок привозные товары из Европы, Прибалтики, Скандинавии, Крыма и Ближнего Востока.

В Писцовой книге Свяжска XVI в. в городе упоминается около 300 «предприятий торговли» (лавок, скамей, полок), образующих торговые ряды «Большого ряда», состоящие из хлебных, мясных, рыбных, дегтярных рядов, ветошного, кисельного и других: «сидят на них с крупами и горохом и с коноплями и с иными овощами», «хлебники, да калачники с хлебы и с калачи» (Список, 1909, с. 59). На территории крепости размещался еще один рынок, известный как «Ленивый торжок».

В посадских торговых рядах, согласно Писцовой книге, стояли лавки: подошвенника, портно-

ва мастера, ветошника, холщевника, сапожника, шубника, масленника, блинника, квасника, хлебника, кисельника, пирожника, калачника, мясника, олоденника, рыбного ловца и «Гришка Анисимов торгует солью».

Значительная часть лавок принадлежала торговцам, вероятно не имевшим дворов в Свяжске, приезжим из ближней и дальней округи. Так в Писцовой книге указаны «володимерци приезжие люди», «костромичей», слобожане Троицкого монастыря, слобожане Богородицкого монастыря, Бусурманской слободы, Архимандричьей слободы, «хмельнивова жильца» (Ситдииков, Старков, 2022, с. 416).

Привозные товары. Свидетельством завоза на свяжский рынок европейских тканей являются текстильные пломбы, изготовленные из свинца (рис. 9: 1–8). Ввозимые на территорию страны ткани, как правило, опечатывались свинцовыми пломбами, которые гарантировали целостность (длину и ширину) и качество товара, сорт ткани, некоторые пломбы позволяли идентифицировать производителя. Пломбы предназначались для одноразового использования. Археологические материалы показывают, что большинство из них утилизировалось во фрагментированном виде или с явными следами вскрытия (Гайдуков, Олейников, 2019). На территории раскопа обнаружено 12 свинцовых пломб. Атрибутированные пломбы происходят из г. Гёрлиц (Саксония, Германия), вторая половина XVI в., г. Левенберг, современный Львувек-Слёнски (Силезия, Германия), вторая половина XVII в., пломба с розой Тюдоров (Англия), вторая половина XVII в., г. Зальцведер (Саксония, Германия), конец XVII в. Важно, отметить то, что находки пломб указывают на конечное использование текстиля, места, где ткань была вскрыта.

Рис. 40. Изделия из дерева. 1 – лук, 2–5 – ложки

Среди привозных товаров выделяются несколько хозяйственно-бытовых ножей. В горизонтах второй половины XVII в. обнаружен нож, на лезвие которого нанесено клеймо сложной конфигурации, включающее в себя линии и окружности, отдаленно напоминающие стилизованное изображение человека. Клейма на ножах не такая частая находка. Подобные изделия встречаются в позднесредневековых слоях русских городов (Екимов, 2018; Серезникова, 2020). Клейменные ножи принято считать продукцией западноевропейских мастерских. Дело в том, что практики клеймения кузнечных изделий на территории России в позд-

несредневековое время не было (Садриев, Старков, 2021a). С территории усадеб второй половины XVI в. происходят три ножа, рукоятки которых были сделаны из палисандра черноедресного (*Dalbergia Melanoxylon*), более известного как африканское чёрное дерево (Шатый, 2021).

Так же привозной была нарядная и дорогая столовая посуда, украшенная поливой и декором. Коллекция привозной посуды с территории раскопа «Татарская слободка» небольшая, вероятно, это связано с общими тенденциями, характерными для эпохи XVI–XVII вв., когда произошло заметное снижение объема импорта восточной кера-

Рис. 41. Монеты и предметы торгового счета: монеты Московского государства.
 1 – денга, 50–60 гг. XV в. – середина 30-х гг. XVI вв.; 2 – денга 1505 – 1533 гг.; 3–17 – денга 1533–1547 –х гг.;
 18–20 пуло второй половины XV – первой половины XVI в.
 Иностранные монеты.
 21 – дирхем. Золотая Орда. XIV в.; 22 – 1 солид, г. Рига, XVI в.; 23 – денга, Крымское ханство, Гази II Гирей
 (1588–1608); 24 – 1 эре. Густава II Адольф (г.пр. 1611–1632);
 25–27 – жетон счетный. г. Нюрнберг, Германия, XVI в.

мики по сравнению с предшествующими эпохами (Коваль, 2010, с. 198).

Фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых бирюзовой глазурью и черно-голубой росписью, близки к сосудам из Ирана и Средней Азии XVI–XVII вв. Фрагменты декорированных геометрическими элементами красноглиняных кувшинов с зеленой поливой привезены из Крыма и датируются XVI–XVIII вв. Белые фаянсовые чаши с росписью голубыми тюльпанами, вероятно, были привезены из Османской Турции, Сирии, Ирана и относятся к XVI–XVII вв. Поливные сосуды с коричневой поливой орнаментированы и декорированы штампом, вероятно, имеют европейское происхождение и датируются XVII в. (Поливная, 2017; Коваль, 2017).

Посуда из стекла в Свияжске не получила своего распространения. По материалам раскопок, обнаружено всего несколько фрагментов расписного бутылочного стекла, характерных для памятников XVII в. Большинство их найдено в слоях второй половины XVII в., что связано, вероятно, с тем что, стекольные заводы в России начинают развиваться во второй четверти XVII в. (Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 48–50).

Инструменты торговли. Отдельная глава «Домостроя» посвящена «торговым и лавочным людям»: «кто бережен, и памятен, и радит о своем деле, и все в счете живет у него, и хитрости в нем нет никоторые, и прибыток от него есть, в торговле кто ленив, и сонлив, и крадлив, и упьянчив, и наказание и побои неймут – и того от дела отставити и по нем работати (всё за ним переделатъ – *авт.*) (Домострой, 2014, с. 128).

Очевидно, что учет при торговых расчетах фиксировался, одним из способов записи являлись деревянные счетные бирки «нос» (рис. 1: 10). Выделяют несколько основных видов бирок: 1 – счетные бирки, 2 – долговые бирки, 3 – бирки-этикетки (Ковалев, 2002, с. 40). Главным признаком бирки является наличие зарубок, представляющих собой способ записи чисел в рамках единичной системы счислений. Коллекция деревянных изделий, которые были идентифицированы как бирки, насчитывает пять экземпляров, датируемых второй половиной XVI – второй половиной XVII вв. (Садриев, Старков, 2021б).

Среди предметов, связанных с торговлей, найдены мерные деревянные совки и чаши. На чаше объемом около 0,8 л по венчику полуустановом написано «с(ять)м(юс малый)» – «семья», вероятно, это мерный сосуд для отмеривания зерен (рис. 2: 2). По объему чаша близка к «хлебной мере», равной «пол-пол-малый четверик» (Шостын, 1975, с. 18).

Наличие инструментов для взвешивания подтверждают находки свинцовых гирек. Хранение и продажа товара осуществлялись в бочках, плетеных рогожных кулях и мешках. Для проверки подлинности драгоценных металлов использовались пробирные камни.

Нумизматика и предметы торгового счета. В период XVI–XVII вв. возникла единая монетная система Русского государства. До конца XVII в. в денежном обращении находились мелкие серебряные монеты трех номиналов (копейка, денга, полушка), которые лишь в начале XVIII в. были заменены монетами европейского образца машинной чеканки из золота, серебра и меди (Гайдуков, 2009). В XVI–XVII вв. «полноценным» платежным средством была только серебряная монета, монеты из меди, «пуло», использовались для совсем незначительных покупок.

Монеты Московского государства представлены «деньгой» Василия III Ивановича, чеканена в Москве в период с 1505 по 1533 гг., и «деньгой» 50–60-х гг. XV в. – середины 30-х гг. XVI вв.; «копейками», «денгами», «полушками» Ивана IV Васильевича, отчеканенными в Твери и Москве с 1533 по 1547 гг.; медными «пулами», отчеканенными в Твери в царствование Василия III Ивановича (с 1505 г.) и продолжавшими хождение в царствование Ивана IV Васильевича (1533–1584). Большое количество медных пулов свидетельствует о развитости мелкой торговли в Свияжске во второй половине XVI – XVII вв.

По Писцовой книге XVI в., со Свияжского торгового (около 300 лавок) собиралось налогов 47 р. 8 алт. 3 деньга (Список, 1909, с. 60). Годовое жалование протопопа 11 руб. 11 алтын; попа от 3 до 5 рублей; дьякона 3 руб.; «...пономарю, да проскурнице, да сторожу церковному трем им по 1 рублю денег человеку...» (Список, 1909, с. 14).

Значительная часть серебряного и медного нумизматического материала представлена средневековыми иностранными монетами и банковскими жетонами, отчеканенными от Балтики до Черного моря. Они являлись свидетельством сохранения значения Волги как важнейшей торговой артерии в XIV–XVII вв. Большинство монет изготовлены в Московском государстве в первой половине XVI в. (Орешников, 1896) (рис. 41: 1–20). Единственной монетой XIV в., найденной в раскопе, является серебряный дирхем, отчеканенный в Золотой Орде (рис. 41: 21). Место и имя правителя из-за плохой сохранности установить не удалось.

Находки иностранных монет представлены: шиллингом «вольного города Рига» (чеканились в 1560–1580 гг.) (рис. 41: 22), эре шведского короля Густава II Адольфа (отчеканенный в первой поло-

вине XVII в.) (рис. 41: 24), крымской деньгой хана Гази II Гирея (правил в 1588–1608 гг.) (рис. 41: 23). Обнаружено три нюрнбергских счетных жетона (г. Нюрнберг, Германия), в Западной Европе их использовали как инструмент наглядного счета, с конца XVI – начала XVII вв. жетоны начали в значительных объемах ввозить на территорию

Российского государства, где они имели большой спрос, жетоны могли использоваться в качестве нашивок и подвесок для украшения костюма. Два жетона мастера Krauwinkel Hans, 1586–1635 гг., один жетон Lauffer Wolf II, 1612–1651 гг. (Пушкарев, 2020). Все они обнаружены в пластах не позднее второй половины XVII в. (рис. 41: 25–27).

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

АРХЕОЛОГИЯ ДРУГИХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Глава 1

Нижнее Поволжье в XV – XVIII вв.

§ 1

Дельта Волги (конец XV – середина XVI вв.)

§ 2

Астрахань и ее округа в XV – XVIII вв.

Глава 2

Археология Касимова

Глава 3

Курмыш

Глава 4

Чебоксары в XV–XVIII вв.

Глава 5

Козьмодемьянск

Глава 6

Царевококшайск

§ 1

Этапы становления города. Кремль

§ 2

Посад и пригороды

Глава 7

Города Вятского края

ГЛАВА 1

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XV – XVIII ВВ.

Дельта Волги (конец XV – середина XVI вв.)

В конце XV в. в силу различных причин одно из крупнейших евразийских государств – Улус Джучи (Золотая Орда) распадается на ряд самостоятельных ханств, связанных между собой единой историей, традициями и некогда единым народонаселением. В начале XVI в. на руинах центрального (ханского) Улуса Сарай, расположенного на берегах Волги, возникают Астраханское и Казанское ханства. Казанское ханство занимает территорию Волжской Болгарии, а Астраханское – низовья Волги, где ранее находился столичный центр всего Улуса Джучи – область Сарай (Большая Орда) (рис. 1).

На территории Большой Орды существовало несколько крупных городов, таких как Укек, Бельджамен, Гюлистан, Хаджи-Тархан и, собственно, два столичных города Сарай (Аксарай, Сарай ал-Махруса) и Сарай ал-Джедид, а также сотни небольших городков и сельских поселений.

В XV в., после поражения Тохтамыша в войне с Тамерланом, рушится единая государственная структура, на политическую арену выходят представители различных аристократических семей. На протяжении всего XV в. происходила борьба за общеордынский престол, которая закончилась разгромом Большой Орды объединенными усилиями Менгли-Гирея и Ивана III и образованием к 1502 г. нового государства – Астраханского ханства.

Процессы, протекавшие на Нижней Волге в XV в., привели к серьезному экономическому кризису, повлиявшему в первую очередь на городскую культуру. Прекратили свое существование Укек, Бельджамен и Гюлистан. Возможно, на их руинах продолжали существовать небольшие поселения, не игравшие какой-либо значимой роли ни в политической, ни в экономической жизни территории.

Во второй половине – конце XV в. важнейшими городскими центрами в Нижнем Поволжье являлись два города – Сарай (Сарай ал-Джедид) и Хаджи-Тархан. Причем в этот период фиксируется политическое и экономическое возвышение Хаджи-Тархана. Все это привело к образованию двух противоборствующих центров, разделенных естественной границей – рекой Волга.

К сфере влияния Сарая относились, видимо,

территории к северу по Ахтубе и к востоку до Урала. В этот политический центр входили города Сарай и Сарай ал-Джедид, а также ханские ставки Орда Муаззам и Иль Уй Муаззам, производившие чеканку монеты до середины XV в.

Несмотря на упадок Сарая, произошедший во второй половине XV в., он еще долгое время продолжал занимать важное место в экономической и политической жизни Нижнего Поволжья. Он продолжает упоминаться русскими летописцами при описании событий второй половины XV в.: одно из его разрушений, связанных с походом крымского хана Менгли-Гирея, относится к 1502 г.; в 1520 г. крымским ханом была предпринята очередная попытка взять Сарай; в 1554 г. он упоминается в описаниях похода московских войск на Астрахань; о нем говорится в записках Эвлия Челеби, совершившего путешествие в 1640–1641 гг. (Пачкалов, 2008, с. 63–64, Пигарев, 2009, с. 206).

В 2004 г. на Селитренном городище были раскопаны остатки конструкции, относящиеся к селитроваренному производству, образованному на руинах золотоордынской столицы в 1705–1714 гг. (рис. 2). Анализ строительного материала, методов сооружения конструкции и изучение ревизских списков дали возможность предположить, что в деятельности Селитряного завода в качестве строителей и рабочих принимали участие представители населения бывшей столицы Улуса Джучи, превратившейся из некогда огромного города Сарай в небольшой населенный пункт (Пигарев, 2009, с. 207).

Сфера влияния Хаджи-Тархана распространялась, вероятно, на правобережье и дельтовые районы Волги. Возросшее значение города подтверждает интенсивная монетная чеканка в XV в.

Если месторасположение Сарая на Селитренном городище ни у кого не вызывает сомнений, то о местонахождении Хаджи-Тархана в XV в. мнения расходятся. Устоявшейся точкой зрения считается, что город располагался на городище Шарёный бугор вплоть до 1556 г., т. е. до переноса его русскими на Заячий бугор на левый берег Волги. Однако еще В.В. Бартольд полагал, что разрушенный эмиром Тимуром город возродился не на старом месте, а на месте современной

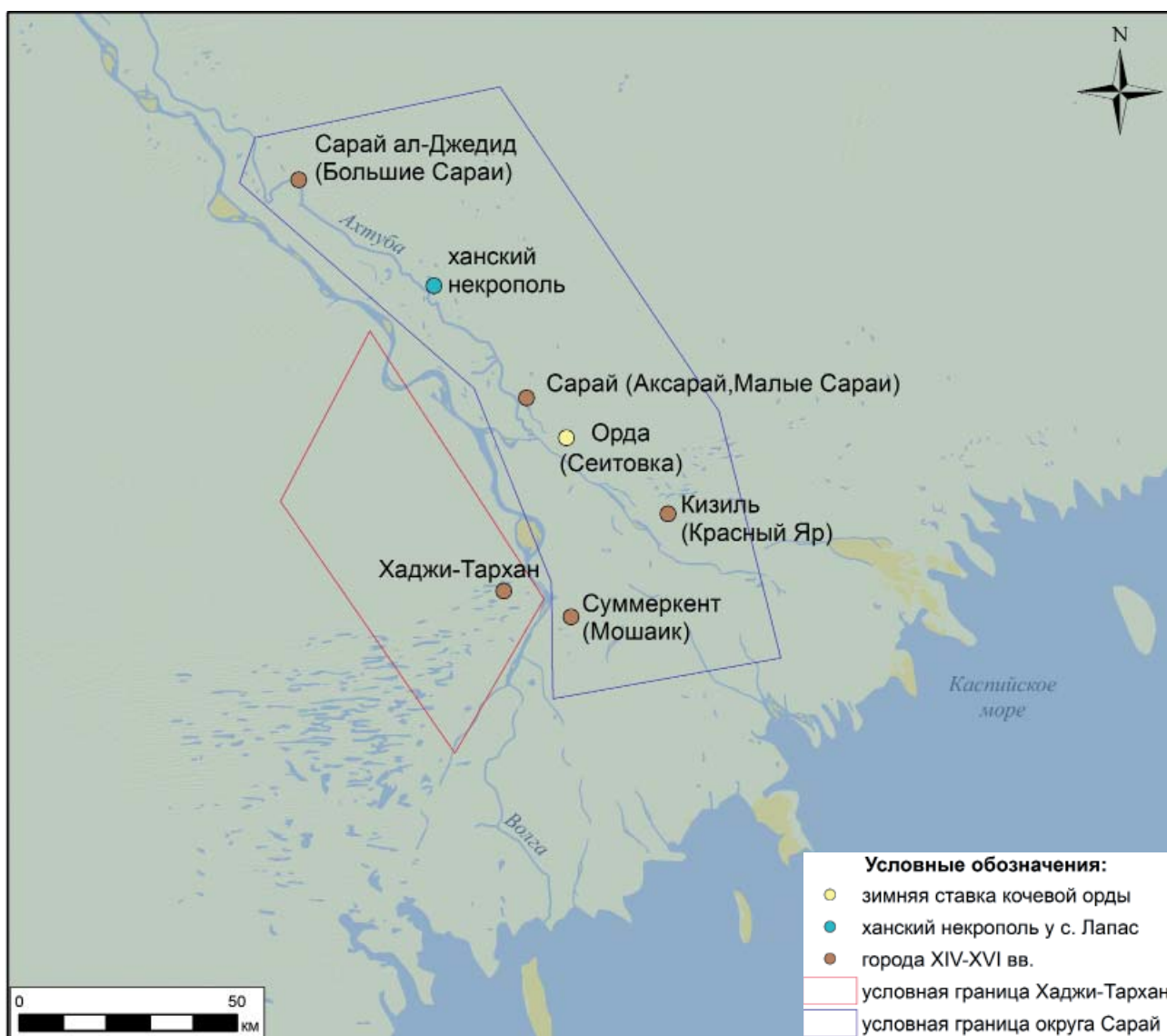

Рис. 1. Низовья Волги в XIV–XVI вв.

Астрахани (Пачкалов, 2008, с. 62–63). Достаточно небольшие по объему археологические исследования, проведенные различными экспедициями на Шареном бугре, показали материал, характерный для всех золотоордынских поселений XIV в. на Нижней Волге. Каких-либо находок или объектов, относящихся к XV в. (кроме единичных монет), обнаружено не было, и возможность обнаружить подобное практически сведена к нулю в связи с масштабной и многолетней деформацией правого берега Волги (Пигарев, 2017, с. 47; 2018, с. 134–136) (рис. 3; 4).

Возможный перенос города Хаджи-Тархан на новое место на левый берег Волги мог преследовать две цели. Во-первых, политическая группировка, сделавшая его своим центром, должна была сохранить контроль над важнейшей волжской торговой магистралью. Перенос Хаджи-Тархана на левый берег сохранил за ним способность быть крупным узлом транзитной международной

торговли на караванном пути Восток – Запад. Во-вторых, нахождение города на правом берегу делало его беззащитным от частых нападений со стороны Крымского ханства. Перенос его на левый берег под речную защиту решал вопрос безопасности. С запада Хаджи-Тархан был защищен Волгой, с севера и востока – волжскими рукавами реками Болдой и Бузан.

Перенос Хаджи-Тархана на левобережье Волги происходил не спонтанно, город не выстраивался на «пустом» месте. Здесь еще до образования Золотой Орды существовал город, основанный на рубеже XI–XII вв., являвшийся крупным городским центром области Саксин, известный сейчас как городище Мошаик (Ситдииков, 2013, с. 158). В золотоордынский период этот населенный пункт сохраняет функции административного территориального центра (Пигарев, 2017а, с. 284–297). Д.В. Васильев локализует на городище Мошаик город Суммеркент (Васильев, 2016, с. 153). Ком-

Рис. 2. Селитренное городище. Раскоп XXXVI 2004 г., остатки селитроварни

плекс монет, собранных в окрестностях Мошаика, укладывается в хронологические границы от начала XIV в. до 20-х годов XV в. (Гречкина и др., 2013, с. 98). Хаджи-Тархан, перенесенный на новое место, закрепил за этой территорией и свое название.

Большой проблемой является археологическое подтверждение вышеприведенных теоретических обоснований. В фондах Астраханского краеведческого музея хранится небольшая коллекция предметов, относящихся к эпохе Золотой Орды, которые были обнаружены на территории города в XIX–XX вв. Археологические исследования на территории современного города Астрахань проводились крайне редко. Однако даже эти небольшие проведенные работы дали материал, характерный для позднего золотоордынского периода.

Так, в 2006 г. в ходе археологических исследований на территории Астраханского кремля в двух шурфах были обнаружены объекты, относящиеся к XV–XVI вв. (Пигарев, 2009, с. 202–207).

В шурфе № 1 было обнаружено сооружение, которое представляло собой часть землянки с суфой, канами, топкой и зольной ямой (рис. 5). Большая часть конструкции уходит за пределы шурфа. Землянка была заглублена в материк, одна из стенок землянки была укреплена доской, положенной на ребро. В южной части шурфа землянка имела выкладку поверхности суфы из половинок обожженного кирпича и топку, оформленную такими же кирпичами. Дно и стенки кана и топки были прокалены и покрыты сажей, что свидетель-

ствует о длительной эксплуатации отопительной системы.

В шурфе № 2 было обнаружено сооружение, являвшееся полуземлянкой, стены которой были облицованы деревянными досками (рис. 6). Доски, облицовывающие стены сооружения, несут на себе следы горения (пожара). Керамический комплекс, полученный в ходе исследований, представлен красноглиняной золотоордынской керамикой и обломками черно- и сероглиняных горшков. Этот материал имеет схожесть с керамикой из раскопок Казанского кремля (Ситдииков, 2006, с. 88–89).

В 2012 г. в ходе раскопок на территории Братского садика и в сквере по ул. Эспланадной рядом с Домом детского творчества также были обнаружены единичные фрагменты керамики, изразцы и монета золотоордынского времени (Васильев, 2012, с. 234).

Эти редкие археологические находки тем не менее свидетельствуют о том, что территория современного города Астрахань была заселена еще до 1556–1558 гг., т. е. до освоения её русскими переселенцами.

Письменные источники сообщают нам еще об одном населенном пункте, существовавшем в XVI–XVII вв., – крепости Кызыл (Кизиль), расположенной в 30 км от Астрахани на правом берегу реки Бузан (Ключаревская летопись, 1887, с. 13, 18–19). Этот городок располагался на месте Красноярского городища эпохи Золотой Орды. Городище располагается в стратегически важном

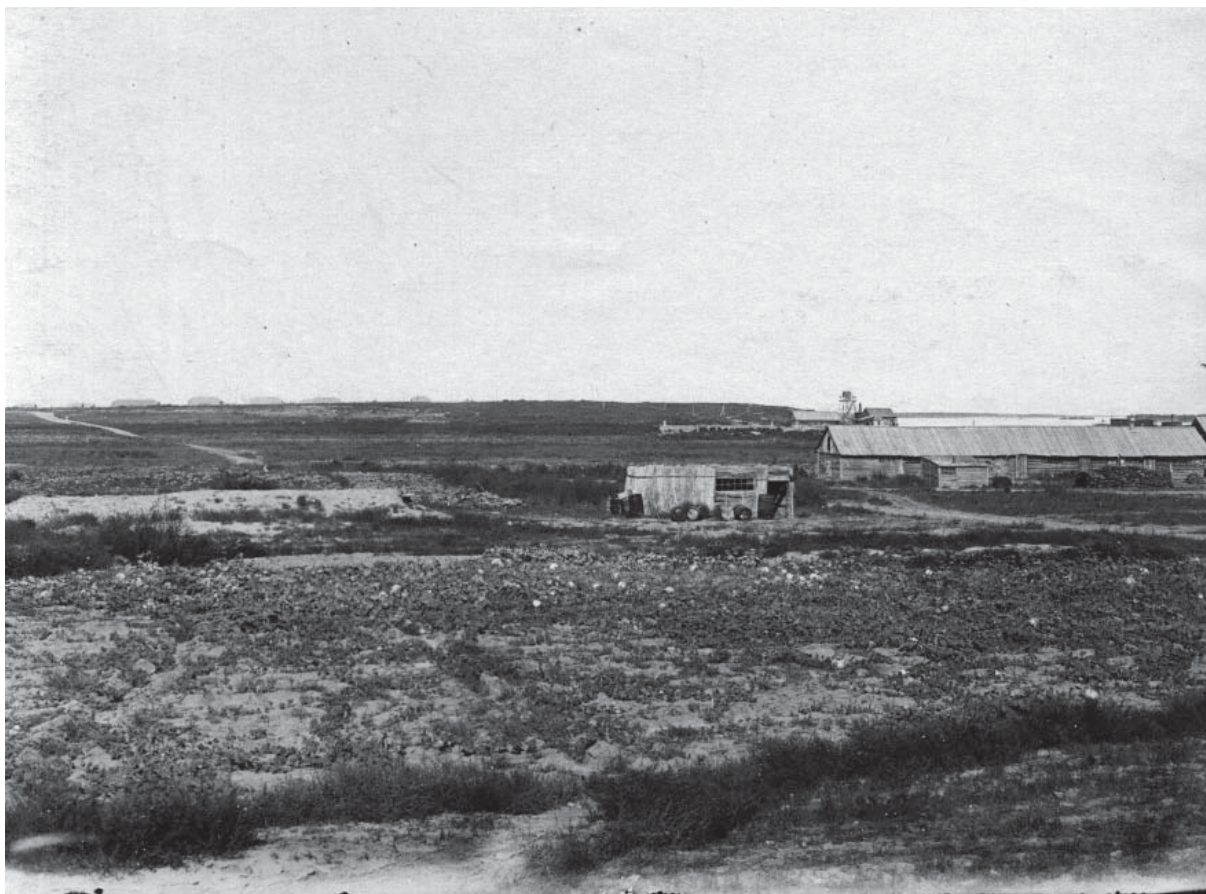

Рис. 3. Окрестности Шареного бугра. 1936 г. АКМ НВ, 3650

Рис. 4. Волга в районе Шареного бугра. 1935 г. АМЗ НВ, 3649

Рис. 5. Астраханский кремль, 2006 г., шурф № 1. Остатки суфы и канов

Рис. 6. Астраханский кремль, 2006 г., шурф № 2. Остатки сгоревшей землянки

месте – в точке разделения главных протоков Волги (рек Ахтубы и Бузан), там, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединяющей Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем.

Кроме того, именно здесь полупустыня и степь с востока подходят к вершине дельты, где была возможна переправа через Волго-Ахтубинскую пойму, что позволяло контролировать и сухопутную торговую магистраль, представляющую собой северную ветку Великого шелкового пути.

Археологические исследования, проведенные здесь в начале 1990-х гг., зафиксировали наличие производства поливной керамики. Находки, связанные с сельским хозяйством (жернова, фрагменты дигирных сосудов, серпы, зерна проса, дынь, арбузов, винограда), говорят о развитом ирригационном земледелии. О важном месте рыболовства в хозяйстве жителей свидетельствуют многочисленные костные останки рыб осетровых и частиковых пород, находки железных рыболовных крючков и сетевых грузил. Находки импортных изделий подтверждают участие городского рынка в международной торговле.

Благодаря месторасположению Кызыл (Кизиль) не потерял своего значения и после распада Золотой Орды, сохранив свой экономический и политический потенциал в период Астраханского ханства. К сожалению, масштабные археологические исследования на этой территории, занятой в

настоящее время застройкой современного районного центра пос. Красный Яр, более не проводились, вследствие чего археологически подтвердить непрерывность городской жизни здесь пока не представляется возможным.

Таким образом, можно говорить о том, что после бурных политических событий второй половины XV в. на территории, ранее являвшейся ханским доменом и столичным округом Улуса Джучи, в начале XVI в. было образовано новое государственное образование – Астраханское ханство, позднее вошедшее в состав Русского государства как Царство Астраханское. В процессе образования Астраханского ханства функции его столичного центра перешли от города Сарай к городу Хаджи-Тархан (Астрахань). На протяжении XVI–XVII вв. на территории Астраханского ханства продолжают существовать три города: собственно, Хаджи-Тархан (Астрахань) как столица ханства; Сарай, политическая и экономическая роль которого с каждым годом уменьшалась, пока в начале XVIII в. не исчезла полностью; и Кызыл (Красный Яр) – городок, находившийся на месте речной переправы и поэтому не потерявший своего экономического потенциала в составе ханства. Кроме того, свое «тихое» существование продолжали десятки небольших сельских поселений, образованных в эпоху Золотой Орды (некоторые из них, располагающиеся в волжской дельте, появились еще во времена Саксина).

Астрахань и ее округа в XV – XVIII вв.

Экономическая и политическая ситуация, которая сложилась в степях Северного Прикаспия в XV–XVII вв., значительно изменилась по сравнению с золотоордынским периодом. Политическое влияние в регионе поделили Ногайская Орда и Астраханское ханство.

После походов Тимура и разрушения городов караванная торговля, которая являлась залогом стабильности экономики Улуса Джучи, ослабла. Значительная часть населения была пленена и уведена в Среднюю Азию, часть откочевала в Литву, Турцию или в Россию (Сафаргалиев, 1960, с. 172). Ибн Арабшах писал после посещения им Золотой Орды: «Дела племен дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подвергались разъединению и розни... По этим причинам живущие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения, до разорения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения» (Тизенгаузен, 1884, с. 470). Именно в эту эпоху происходит смещение торговых маршрутов к югу от Каспийского моря (Сафаргалиев, 1960, с. 173). Иосифато Барбаро писал: «До разрушения Цитрахани (Астрахани) Тамерланом пряные корни и шелк, отправляемый ныне через Сирию, доставлялись в Цитрахань, и потом уже на шести или семи венецианских галерах перевозились в Италию, ибо в то время ни венецианцы, ни другие приморские жители не производили еще в Сирии никакой торговли» (Семенов, 1836, с. 56). Тем не менее продолжал действовать Волжский торговый путь.

Города Северного Прикаспия (рис. 1), особенно центральные города Золотой Орды, располагавшиеся на левом берегу Ахтубы, после 1396 г. находились в жалком состоянии. Город Сарай, хотя и был частично восстановлен, но потерял свое значение как важнейший экономический и политический центр. Так, например, в XV в. исчезают сведения о епархии в Сарае, которая, возможно, уже не возродилась после походов Тимура (Мальшев, 2000, с. 214). Число монет, чеканившихся в Сарае после 1396 г., гораздо меньше того, что чеканилось, например, в Хаджи-Тархане. Это значит, что восстановленный после разрушения Хаджи-Тархан играл несравненно большую роль, чем столица государства. Если раньше ханы боролись за Сарай, то теперь борьба переместилась к окраинам. Это объясняется тем, что Сарай и его окрестности подверглись большому разорению,

чем окраины государства (Сафаргалиев, 1960, с. 173).

Монетная чеканка XV в. дает нам возможность определить, какие города сохраняли своё значение. Монеты выпускались в Сарае, в Хаджи-Тархане, а также в «Орду ал-Муаззам» и «Иль Уй Муаззам» (Пачкалов, 2008, с. 59). Главным образом чеканились серебряные монеты, медных выпускалось меньше. Во второй половине XV в. медные монеты уже в Нижнем Поволжье не чеканятся, что само по себе говорит о регрессе в экономике и разрушении внутреннего рынка.

К 1438 г. относятся сведения ширазского купца Шамс ад-Дина Мухаммада, который посетил Сарай с торговым караваном из Хорезма и продал товары со средней прибылью 50%, приобретя многочисленные русские, европейские и китайские товары (Заходер, 1967, с. 166–172). Это является свидетельством существования города и торговли в нем в первой половине XV в.

К 1471 году относится упоминание о взятии Сарая «вятчанами», захвате большого полона и «товара» (Татищев, 2003, с. 12). Следующие сообщения о Сарае относятся к 1480 г. (захват города русским отрядом) (Пачкалов, 2008, с. 62), к 1502 г. (в связи с походом хана Менгли-Гирея) (Le khanat, 1978, с. 323) и к 1520 г., когда по просьбе крымского хана был организован поход на Ахтубу «низовых людей» великого князя московского. «Низовые люди» «...пришедши до Ахтубы, много воевав, Сарая не взяша и возвратились с многим полоном» (Татищев, 2003, с. 84). По археологическим данным, в XVI в. город еще частично функционировал – на Селитренном городище обнаружены турецкие изразцы типа «дамаск», которые датируются XVI в. (Воскресенский, 1967, с. 89).

В настоящее время большое число исследователей склонны локализовать город Сарай XIV–XV вв. на Селитренном городище в Астраханской области (рис. 1). Это подтверждается как археологией, так и нумизматикой Селитренного, где имеются материалы XV в. Тем не менее сама площадь города сильно сокращается, городище покрывается некрополями (Пачкалов, 2008, с. 62). Г.А. Федоров-Давыдов полагал, что в начале XV в. населенным оставался только участок в районе Кучугур (Федоров-Давыдов, 1994, с. 26).

Экономическая и политическая деградация Сарая приходится на вторую половину XV в., что связано с возвышением Хаджи-Тархана. Как сви-

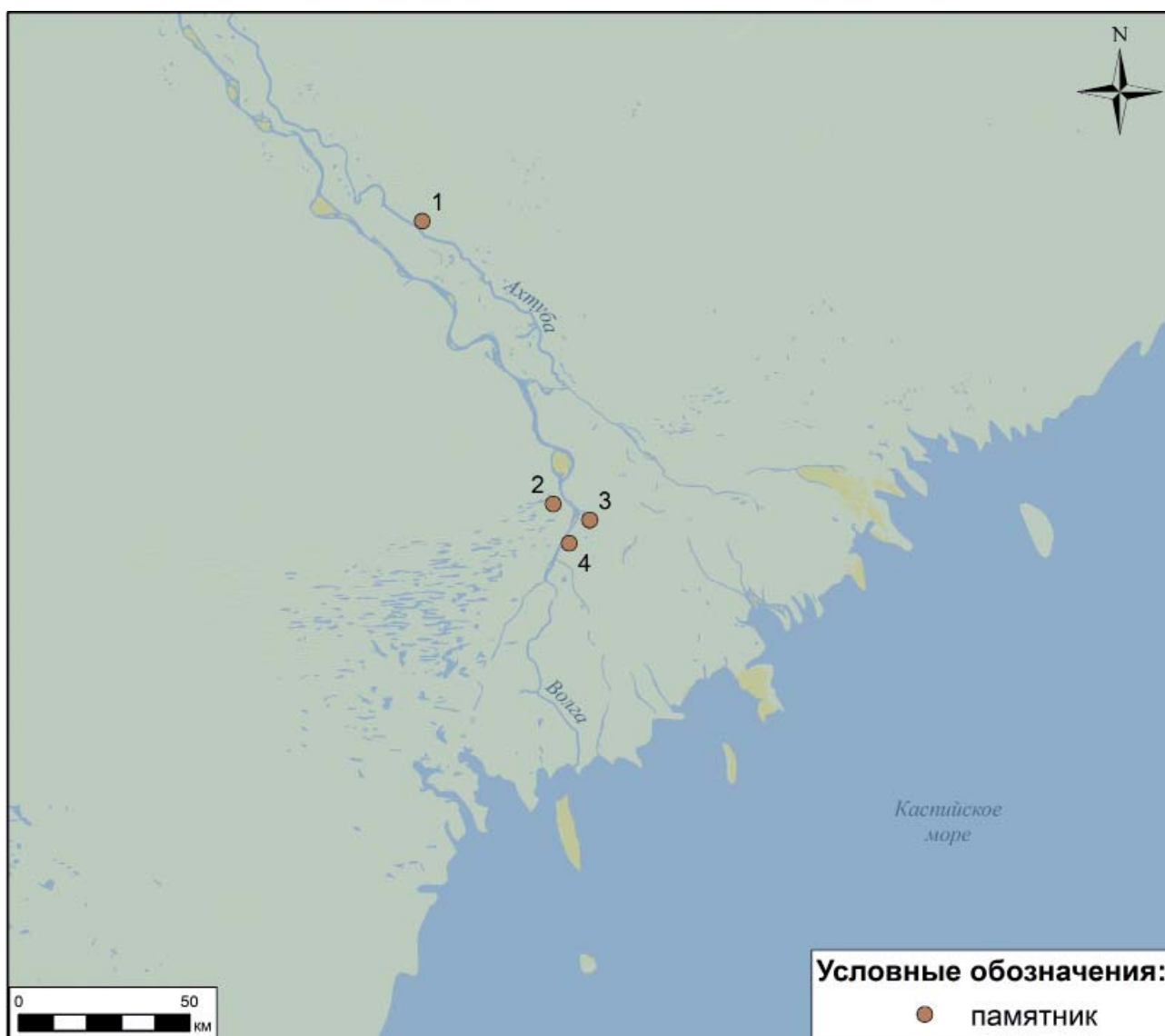

Рис. 1. Карта Астраханского Поволжья XV–XVI вв. с нанесением упоминаемых в тексте поселений и археологических памятников. 1 – город Сарай (Селитренное городище), 2 – город Хаджи-Тархан (городище Шареный бугор), 3 – город Кунгуль (городище Мошаик), 4 – русская Астрахань

детельствует русская летопись, «и почали те цари ординские жить в Асторахани, а Большая орда опустела, а место ея области близ города Асторахани, два днища по Волге вверх, именуется Сарай Большие» (Татищев, 2003, с. 175).

Возможно, что жизнь из Сарая перемещается на городище Каменный Бугор (на 5 км к ЮВ от Селитренного). Здесь обнаружено большое количество монет XV в. (Лебедев, Клоков, 2001, с. 22–52). По мнению В.П. Лебедева и В.П. Клокова здесь локализуется пункт чеканки монет Иль Уй Муаззам («Дом страны высочайшей») – монетный двор Джучидов XV в. (Лебедев, Клоков, 2001, с. 43–44). Чекан монетного двора Иль Уй Муаззам был выделен А.Г. Мухамадиевым, который соотносил его со ставкой хана Давлет-Бирди (Мухамадиев, 1966; 1983, с. 132). Однако существует также точка зрения, что «Иль Уй Муаззам» –

это ошибочное прочтение названия двора «Орду Муаззам» (Петров, 2005, с. 6). В настоящее время А.Г. Мухамадиев и ряд астраханских археологов полагают, что Орда ал-Муаззам – это город, который располагался возле пос. Комсомольский в Астраханской области (городище Ахтубинское или городище у пос. Комсомольский) (Мухамадиев, 1995, с. 167; Гречкина, Шнайдштейн, 2000, с. 1; Павленко, 2001, с. 75; Пигарев, 1998, с. 45–46). Городище и его монетное обращение изучены недостаточно. Монеты в Орде ал-Муаззам чеканились как в конце XIV, так и в начале XV в.

Нельзя исключать и существование в XV в. такого города, как Ак-Сарай. Известно, например, что он упоминается в списке францисканских монастырей, находившихся на территории Золотой Орды (Аквилонский викариат), среди местностей кустодии – епископства Сарая, где в 1400 г.

находились члены ордена (Пачкалов, 2007, с. 139).

Что же касается города Хаджи-Тархана золотоордынского периода (рис. 1), то здесь наблюдается период восстановления и некоторого подъёма. На протяжении большей части XV в. тут чеканятся медные и серебряные монеты. Известны также немногочисленные серебряные монеты, выпущенные в Хаджи-Тархане ал-Джедид (Пачкалов, 2008, с. 64). Что это за пункт чеканки, как он соотносится к Хаджи-Тарханом – до сих пор не вполне ясно. Вероятно, именно здесь кроется причина спора о местоположении и количестве «татарских Астраханей» в XV – первой половине XVI вв. Основной точкой зрения считается расположение города на городище Шареный Бугор вплоть до 1556 г., то есть до переноса его на левый берег русскими (Малиновский, 1892, с. 8; Васильев, 2012, с. 230). Основная часть городской территории Хаджи-Тархана до наших дней не дошла – она была частично смыта изменившей русло рекой, а частично застроена в 1950–1960-х годах поселками АЦКК и Стрелецкое в ходе возведения целлюлозно-картонного комбината.

В золотоордынскую эпоху (XIII–XIV вв.) и в период Астраханского ханства (XV–XVI вв.) город носил название «Хаджи-Тархан». Однако можно встретить разнообразные варианты написания и прочтения названия – «Ас-Тархан», «Цытрахань», «Цитархан», «Дастархан», «Аштархан», «Гаджи-Тархань», «Гинтрахань», «Аджи Дархан», «Адяш Тархан», «Асторохань» и др. Арабский путешественник Ибн Баттута, который побывал в Золотой Орде в 1333 г., писал: «Тархан значит у них (у татар) место, изъятое от податей... Город этот получил название свое от тюркского хаджи (паломника), одного из благочестивцев, появившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспопынно, и оно стало деревней; потом оно увеличилось и сделалось городом». Эту версию происхождения названия города пересказывали и В.Н. Татищев, и С.Г. Гмелин, услышав ее от астраханских татар. Встречается эта версия и позднее – в исторических записках XIX в., будучи записанной со слов местных религиозных авторитетов (Крепость, 2009, с. 23).

В современной науке именно данная версия считается единственной обоснованной, поскольку существует материальное свидетельство – большое количество золотоордынских монет, обнаруженных как на территории городища Шареный бугор, так и на других золотоордынских городищах, на которых чётко читается место чеканки – «город Хаджи-Тархан». Этот золотоордынский город разные путешественники и послы именовали по-разному потому, что были они разных национальностей, говорили на разных языках, поэтому

и искажали по-своему то, что слышали от местных жителей. По этой причине многочисленные созвучные названия – это всё названия одного и того же города. Главную роль в искажении названия Хаджи-Тархана и превращении его в Астрахань сыграли законы перехода звуков в тюркских языках («Хаджи» – «Аджи» – «Ази» – «Аз» – «Ас») и транслитерации тюркского звучания названия города при написании его латинскими буквами на средневековых картах-портоланах и при повторном прочтении (Крепость, 2009, с. 23).

Среди астраханских краеведов бытует мнение, что Ас-Тархан и Хаджи-Тархан – наименования двух разных городов, то есть старого и нового города (но, как мы уже писали выше, скорее всего, Ас-Тархан и Хаджи-тархан – это разные огласовки названия одного и того же города) (Васильев, 2012, с. 232). Якобы Ас-Тархан располагался на правом берегу, на Шареном бугре, а второй город – Хаджи-Тархан – возник на левом берегу после нашествия Тимура. Согласно этой версии, войска Ивана Грозного брали именно этот, второй город. Сторонники данной версии, Р. Джуманов и С. Низаметдинова писали, что после 1395 г. город возродился на левом берегу, а именно на Шабантубе и в его окрестностях, то есть там, где сейчас стоит Астраханский кремль (Крепость, 2009, с. 20). Именно на месте старого татарского города и была якобы потом основана русская Астрахань.

В число предтеч нынешней Астрахани включается и самое древнее поселение левобережья у поселка Мошаик (рис. 1). П. Небольсин, а ранее Самуил-Георг Гмелин упоминали о существовании городка Чунгур недалеко от селения Мошаик, в семи верстах от Астрахани, за Казачьим Бугром (Небольсин, 1952, с. 59).

Астраханский краевед М. Кононенко пытался расположить «третью» Астрахань где-то на левом берегу Волги, севернее Астрахани, за протокой Кривая Болда (Васильев, 2012, с. 233). Ю.А. Макаренко также писал, что город Хаджи-Тархан отличается от Ас-Тархана местоположением. Он был перенесен татарами на левый берег в XIV веке, и оба города какое-то время сосуществовали (Крепость, 2009, с. 20).

Эти «версии» родились довольно давно. Еще В.В. Бартольд полагал, что пострадавший в результате похода Тимура город возродился не на старом месте (Шареный Бугор), а на месте современного г. Астрахани (на левом берегу Волги) (Бартольд, 1963, с. 740). Такого же мнения придерживался и М.Г. Сафаргалиев (Сафаргалиев, 1952, с. 29, 32). Основателем Новой Астрахани он считал хана Тимур-Кутлуга. В XIX в. сторонником версии о запустении места Шареного Бугра со времени похода Тимура являлись А. Архипов и

С. Лэн-Пуль (Архипов, 1866, с. 2; Lane-Pool, 1881). Одним из оснований для такого предположения явились серебряные монеты хана Шадибека, выпущенные в 805 г. х. (1402–1403 гг.) в Хаджи-Тархане ал-Джедид (Марков, 1896, с. 594).

Наиболее глубокий анализ ситуации и обстоятельств строительства нового города содержится в книгах И.В. Зайцева и Е.В. Гусаровой. Они предполагают, что к этому времени могло существовать два татарских города, приводя цитату из Разрядной книги: «А как государевы воеводы (имеются в виду *стрелецкий голова Иван Черемисинов и казачий Михайла Колупаев*) ... на Астрахань приходили, и было в Астрахани два города плетёны камышу и насыпаны землёю» (Разрядная книга, 1975, с. 36). При этом они сходятся на мысли, что Астрахань могла в этот период представлять собою не постоянный, а ежегодно возобновляемый город, кочевую ставку, окруженную такой вот примитивной стеной, сделанной из камышовых плетней с внутренней засыпкой землей (Зайцев, 2006, с. 167). Естественно, что подобного рода укрепления были непрочными и недолговечными. Однако об этом также нет прямых исторических свидетельств. Археологические исследования, проведённые на городище «Шареный бугор» в 1966 г., не выявили там слоёв XV века (Гузейров, 2004, с. 44–89). Видимо, город стал опасным для постоянного поселения, да и экономический уклад Астраханского ханства деградировал с золотоордынских времён. У П. Небольсина имеются сведения о городке на правом берегу Волги, «на седьмой версте выше селения Солянки»; городок этот звался «Куюк-Кала», Горелый Городок (Небольсин, 1852, с. 58). Это могла быть резиденция Ямгурчя. (Однако народное наименование одного из районов современного города – Ямгурчев, возможно, содержит свидетельство о местоположении ставки хана Ямгурчя на левом, низовом берегу).

По поводу названия «Куюк-Кала» или «Горелый город» (от которого произошел русский топоним «Жареный бугор») интересное мнение высказал астраханский краевед А.И. Богатырев (Крепость, 2009, с. 20). Он считает, что это остатки сожженного татарского города на Шареном бугре или сожженного татарами казачьего укрепления. Членами Петровского общества исследователей Астраханского края неоднократно отмечались обнажавшиеся в обрыве Шареного бугра слои мощного пожара. Связать достоверно этот пожар либо со временем русского завоевания, либо со временем нашествия Тамерлана, когда город точно был подожжен, не представляется возможным.

П. Небольсин передает астраханские легенды тюркского происхождения, согласно которым на

территории Астраханского кремля в свое время находилась «ногайская крепость», а также «мазарки», то есть могилы. «Мазарки» располагались и в исторической части Белого города – астраханского посада, На Рождественной площади ветер развеивал немощёную землю, обнажая древние захоронения (Небольсин, 1852, с. 60).

Из вышеприведенных версий мы вычленим следующее – все они указывают на наличие в окрестностях татарского Хаджи-Тархана каких-то дополнительных населенных пунктов в период до русского завоевания. Возможно, поселения в левобережной части существовали, поскольку город на правом берегу был открыт для нападений с запада, со стороны Крымского ханства. Левобережье было безопаснее, оно было защищено рекой. Наверняка существовало поселение на Кутуме в окрестностях нынешнего городского района Ямгурчев (к сожалению, археологические исследования здесь не проводились). Достоверно известно, что поселение Мошаик возникло еще в предмонгольское время и существовало в эпоху Золотой Орды – об этом свидетельствуют материалы раскопок разных лет на данном памятнике (Шнайштейн, 1978; 1992, с. 3; Рябичкин, 1999; Пантелеев, 2010, с. 92–106; Васильев, 2001, с. 48).

Но имелось ли действительно татарское поселение на бугре, который был избран в качестве местоположения русской Астрахани в 1556 г.? Археологические исследования на территории Астраханского кремля и Белого города проливают свет на этот вопрос. Первые серьезные раскопки были предприняты в Астраханском кремле в 1959–1974 гг. в ходе подготовки и проведения фундаментальной его реставрации. Следующие масштабные раскопки на территории Кремля были проведены в 2006–2013 гг. в ходе подготовки к реконструкции кремлевской территории в связи с 450-летием Астрахани. Результаты данных исследований еще в полной мере не опубликованы, однако уже сейчас можно констатировать, что значительной глубины (некоторые свыше 5 м) шурфы и раскопы на территории Кремля не выявили сколько-нибудь серьезных культурных отложений дорусского времени на кремлевском бугре. Конечно, в ходе раскопок были выявлены предметы явно золотоордынского или ханского периодов – отдельные фрагменты керамики, ряд костяных изделий, монеты. Большое количество золотоордынского кирпича и изразцов в культурных отложениях Кремля свидетельствует о том, что при его строительстве действительно использовался кирпич из развалин городов эпохи Золотой Орды. В одном из шурфов зафиксированы остатки конструкции, напоминающей по своей планировке отопительную систему золотоордынского дома, состоящую из печи-тан-

дыра и канов – дымоходных каналов. Конструкция предположительно датирована исследователями периодом Астраханского ханства (Васильев, 2012, с. 233, 234). Выявлено небольшое число целых и разрушенных мусульманских захоронений, которые могут относиться как к эпохе Золотой Орды, так и к ханскому периоду.

Кроме того, в ходе раскопок в историческом центре Астрахани вне кремлёвской территории также были обнаружены единичные фрагменты керамики, изразцы и монета золотоордынского времени. Таким образом, можно сказать однозначно – Долгий (Заячий, Шабан) бугор был частично заселен еще до 1556–1558 гг., то есть до установления русской власти в Нижнем Поволжье и переноса Астрахани на левый берег.

Однако если сравнить качество и количество археологического материала, обнаруженного здесь и, скажем, на городище Шареный бугор, то мы убедимся, что для утверждения о существовании татарского города на Шабан-бугре после 1395 г. нет никаких оснований. Культурного слоя, характерного для города, здесь не зафиксировано.

Основной трудностью в вопросе определения количества и местоположения поселений – предшественников нынешней Астрахани является малоизученность городища Шареный Бугор (ныне территория застроена г. Астраханью). В 1893 году А.А. Спицын обследовал на Шареном бугре следы золотоордынского города, тянувшегося по берегу Волги «полосою до 70 сажен ширины», и нашел характерные для Золотой Орды вещи и монеты (Отчет о поездке, 1895, с. 76–97).

В 1966 г., накануне строительства Астраханского целлюлозно-картонного комбината, были проведены первые серьезные и масштабные археологические раскопки под руководством А.М. Мандельштама. Был обнаружен целый квартал жилищ – землянок, производственных сооружений – гончарных горнов и кладбище, которые находились на окраине золотоордынского города (Гузейров, 2004, с. 14). В 1984 г. в 3 км к востоку от центральной части городища астраханским археологом В.В. Плаховым был раскопан комплекс усадьбы, состоящей из центрального многоквартирного дома и четырех землянок, существовавший в XIV–XV вв. Археологические разведки, проводившиеся с охранными целями в 1990-х годах, выявили большое количество поселений-спутников Хаджи-Тархана, загородных усадеб и сельских поселений, входивших в его ближнюю округу (Гузейров, 2004, с. 14, 15). Несмотря на относительную обследованность окрестностей Хаджи-Тархана и его территории, археологическая информация о поздних слоях города имеет минимальную.

Судя по свидетельствам современников, город XV–XVI вв. частично лежал в руинах. Вот, например, что писал А. Контарини, который побывал в Астрахани в 1476 г.: «Город невелик, расположен на берегу Волги; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем были еще хорошие здания» (Барбаро и Контарини, 1971, с. 220). Венецианец Иосафат Барбаро специально отмечает, что значение Астрахани ослабло после похода Тимура (Барбаро и Контарини, 1971, с. 157). Однако город продолжал оставаться важным центром на пути из Хорезма в Тану и Крым. Барбаро отмечает общий упадок, спад торговли, но все же сообщает, что «ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» (Барбаро и Контарини, 1971, с. 157). Зачастую даже ханская власть стремилась извлечь выгоду уже не из обеспечения безопасности торговли, а из грабежа караванов торговцев, захвата рабов. В XV в. Астрахань по-прежнему оставалась значительным центром работорговли. Например, известен афонский монах Герасим, пойманный татарами и проданный в Астрахани в конце XV в. (Акты исторические, 1841, с. 146). Чуть было не попал в рабство в Хаджи-Тархане венецианец Амброджо Контарини в конце XV в. (Пачкалов, 2008, с. 65). В 1466 г. караван судов, с которым плыл в Персию тверской купец Афанасий Никитин, был специально заманен в засаду и ограблен людьми астраханского правителя (Хождение, 1948, с. 53).

Необходимо отметить, что в XV в. возрастает, в связи с упадком Сарая, религиозное значение Хаджи-Тархана. В книге «Сведений, привлеченных для истории Казани и Булгара» Ш. Марджани содержатся сведения о выдающихся мусульманских богословах и ученых, проживавших в городе Хаджи-Тархан в XV в. (Пачкалов, 2008, с. 65). Вероятно, именно здесь базировалась католическая францисканская миссия, центр Сарматской епархии (Мальшев, 2000, с. 214).

Падение экономического значения города Астрахани выразилось в превращении его в сезонное поселение. По данным Амброджо Контарини, три брата, правители города, проводили в Астрахани только несколько зимних месяцев, а в остальное время поступали «так же, как и остальные татары» (Барбаро и Контарини, 1971, с. 220). Вместе с тем известно, что в городе Контарини купил в дорогу сухарей из хорошей пшеничной муки (Барбаро и Контарини, 1971, с. 241), что дало возможность А.В. Пачкалову предположить, что в окрестностях Астрахани какая-то часть населения могла заниматься и земледелием (Пачкалов, 2008, с. 66).

Нам известен еще ряд населенных пунктов

Нижнего Поволжья XV–XVI веков, которые упоминаются в исторических источниках, но не локализованы до сих пор. Так, например, Афанасий Никитин упоминает «Услань», «Сарай», «Берекезаны» (Хождение, 1948, с. 8–9). Если «Сарай» – это остатки золотоордынской столицы на месте Селитренного городища, то по поводу остальных пунктов имеются большие сомнения даже насчет того, являлись ли они городами (Пачкалов, 2008, с. 67). Настолько же неточны сведения карты Фра-Мауро относительно населённых пунктов Нижнего Поволжья в XV веке, поскольку карта, составленная в 1459 г., отражает сведения более раннего времени. Фра-Мауро сообщает в одной из легенд на карте: «Заметьте, что Кумания когда-то была очень большой провинцией и на большое расстояние простиралась внутри своих границ. Но сейчас эти земли пустынные и не представляют большого интереса. Населения здесь не больше, чем в Венгрии» (Фоменко, 2007, с. 143).

Тем не менее помимо Хаджи-Тархана в Низовьях Волги существовало некоторое количество небольших населённых пунктов, поскольку население ханства занималось не только кочевым скотоводством. Значительная его часть была занята земледелием и рыбной ловлей. Об этом можно судить исходя из того факта, что астраханские воеводы после присоединения ханства к России «раздавали острова и пашни по старине и приказали ясак платить по старине, как прежним царям платили, а князи от себя прислали, чтобы их государь в Крым и в ногаи не выдал и в холопстве у себя учинил» (Татищев, 2003, с. 204). Обращает на себя внимание слово «пашни» – свидетельство бытования земледелия до прихода русских поселенцев. Это указание на существование оседлости у астраханских татар, традиция которой тянулась в волжской дельте ещё с хазарских времен (Шнайдштейн, 1989, с. 17–22).

После переноса русскими воеводами города на левый берег, который случился вследствие его незащищённости от возможного нападения со стороны Крыма, в его окрестностях продолжали существовать татарские поселения, часть из которых, возможно, сохранялась с ханских времен (в настоящее время, до проведения археологических исследований, судить об этом сложно). Так, на плане города Астрахани, который приписывается Адаму Олеарию (рис. 2), к юго-востоку от города обозначен татарский город – обнесённая глинобитной стеной крепостица с квадратными башнями, застроенная внутри округлыми переносными жилищами. На этом месте располагается в настоящее время исторический район Астрахани «Татар-базар». Астраханский краевед Г.Э. Гибшман предположил, что этот план создан в Москве по

заданию властей голландским инженером и был выдан в царствование Федора Иоанновича астраханским воеводам (Гибшман, 2011, с. 467–470). Запрет селиться татарам в русском городе к 1636 г. уже утратил актуальность, поскольку татары, одна из основных составляющих населения края, к этому времени уже сами начали нуждаться в защите от калмыков, появившихся в низовьях Волги за несколько лет до этого. Кроме того, сам же Олеарий пишет о татарах, свободно торгующих в Астрахани своей огородной продукцией (Гибшман, 2011, с. 469).

Тем не менее следует признать реальность существования татарского поселения около Астрахани. Дело в том, что так называемый «план Олеария» – не единственное о нем свидетельство. Вот как описывает ближнюю округу Астрахани купец Федот Котов, который проездом был здесь по пути в Персию в 1623 г.: «...А по нижнюю сторону города и около города тотарские юрты, живут все тотарове, вкопався в землю, да кругом плетнем оплетено и глиною обмазаны. А по степям кругом города кочуют нагаи, а послушны Государю. А в городе торгуют после обеда, а до обеда торгуют за городом в надолбах с тотары, с ногаем, а жилецких и стрелецких дворов за городом нет, толко с верхнего конца монастырь на взгорочке. А под ним вниз к Кутумовке пошли сады» (Хождение, 1958, с. 31). Здесь мы видим то же описание татарского городка немного ниже по течению от Астрахани, на месте нынешнего Татар-базара. Причем тут как раз и отмечается раздельность торговли – до обеда в городе, а после обеда – торговля за стенами города, с татарами и ногайцами. При этом практически все русское население, кроме насельников монастырей, также изолировано – оно сконцентрировано внутри городских стен. Далее Ф. Котов сообщает: «...А в садах овощи, яблока, дыни, арбузы, тыквы, огурцы, изюм, дикой перец, капуста. ...А затем пошли юрты да сады. От Астрахани вниз три версты на луговой стороне, на которой Астрахань стоит, Царева протока – пошла из Волги и пала своим устьем в море. А по обе стороны тое протоки тотарские юрты, чтобы наши русские деревни. От Царевы Протоки на той же стороне рыбная ловля астраханьского монастыря какараузик, по русскому тоня, а в Астрахани зовут илым четыре версты от Протоки» (Хождение, 1958, с. 31). Для нас в этом свидетельстве интересно упоминание татарских деревень – «юртов» по реке Цареву, а также указания на занятия пригородных астраханских татар – овощеводство, рыбную ловлю, на тюркскую этимологию некоторых рыболовецких терминов Нижнего Поволжья.

К сожалению, археологические остатки негородских поселений XV–XVIII вв. в низовьях Вол-

Рис. 2. План Астраханского кремля и Белого города в 1636 г. из книги Адама Олеария (по: Калашников С.Б., Филиппченко В.А. Астраханский кремль. М.: «Советская Россия», 1976. С. 34)

ги не исследованы и даже не идентифицированы. Так же слабо обследована и территория самого города Астрахани. Дальнейшее развитие археологических исследований в этих направлениях может дать интересные результаты по части материальной культуры населения как Астраханского ханства, так и населения дельты Волги раннего русского периода.

В 1554 г. Хаджи-Тархан был взят войсками Ивана Грозного, были установлены отношения вассалитета Астраханского ханства по отношению к Московскому царству. После измены хана Дервиша-Али в 1556 г. был организован второй поход русских войск на Астрахань и состоялось присоединение ханства к Русскому государству.

Первоначально русские войска воеводы Ивана Черемисинова пытались укрепить татарский город, но уже в 1557 г. перешли на левый берег в уже упоминавшееся «урочище Кунгуль» и подыскали удобное место для строительства крепости. В августе 1558 г. состоялся перенос города на левый берег вследствие опасности нападения со стороны Крыма. Воеводой в это время стал знаменитый градоделец Иван Выродков. Закладка города по намеченному состоялась по русской традиции 1 августа, в праздник Происхождения честных Древ Животворящего Креста Господня. Первый кремль был выстроен из дерева, спущенного по реке из Казани. Согласно реконструкциям, выполненным по результатам архитектурно-археологических исследований (рис. 3), деревянный кремль пред-

ставлял собой треугольник на западной оконечности Долгого или Заячьего бугра (на котором размещается современный кремль). В линию стен было встроено шесть башен, одна из которых – восточная – была проездной. С востока – с напольной стороны – хребет бугра был перекопан рвом вдоль крепостной стены (Гусарова, 2009, с. 31–33).

Эта крепость успешно отразила крымско-турецкую осаду осенью 1569 года. Стала окончательно ясна правота первых астраханских воевод, перенесших город под защиту реки на левый берег. Удачное расположение нового города было подтверждено не раз историческими событиями, этот же факт был зафиксирован ещё в Ключаревской летописи: «...бугор сей огражден самой природою: со стороны к востоку окружен непроходимыми болотами, тинами, солончаками и частью лесом, с севера Волгою, тремя реками и большими ильменями, с полудня глубочайшим соляным озером до самого бугра и тремя протоками к полудню, с запада Волгою, так что за 10 верст подойти к нему было невозможно, кроме лодок, коих в то время татары не имели» (Крепость, 2009, с. 29). Однако со всей остротой встал вопрос о строительстве каменной крепости по всем правилам современно фортификации.

В фондах Астраханского музея-заповедника хранятся планы поэтапного формирования застройки на территории Кремлевского бугра, реконструированные на основании многочисленных архитектурных шурфовок и раскопок сотрудниками

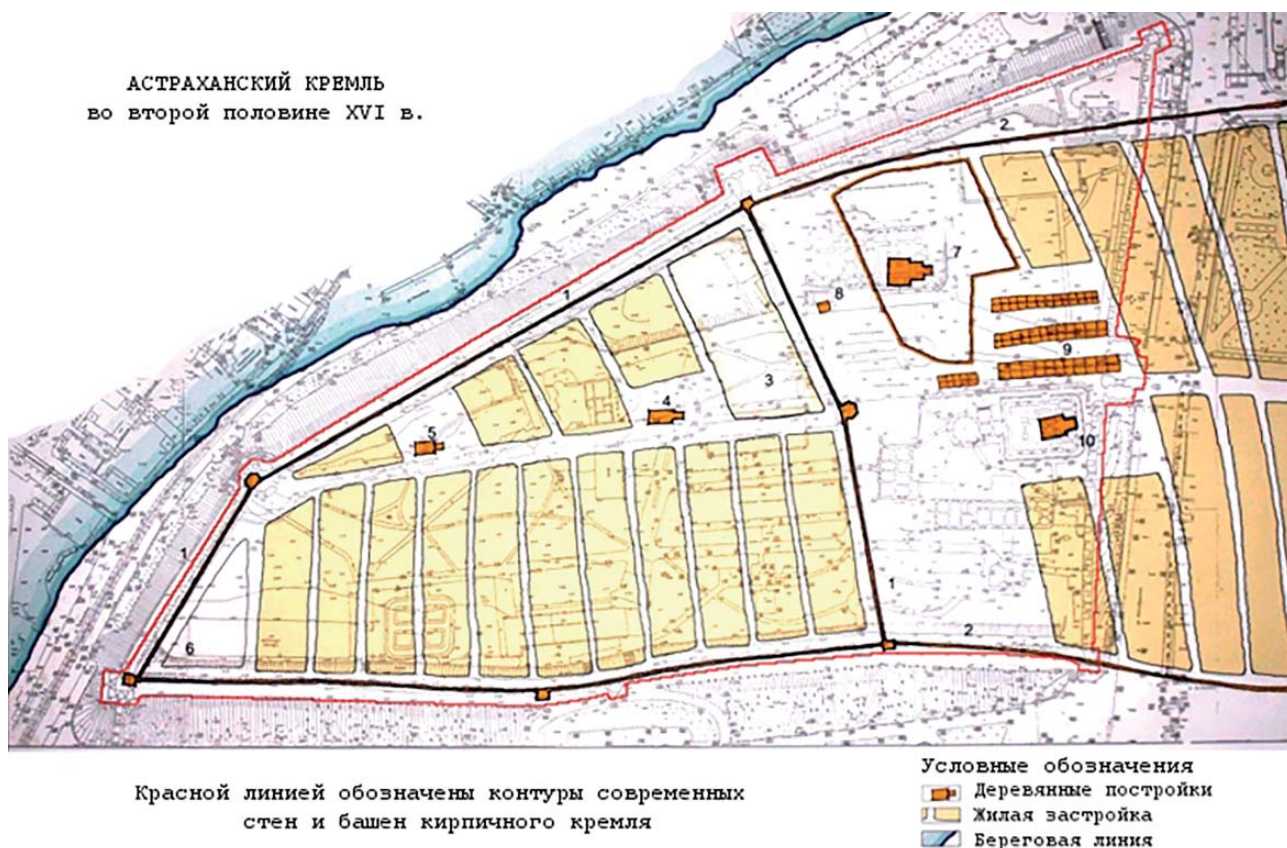

Рис. 3. Схема деревянного Астраханского кремля (по Л.А. Потапову): 1 – деревянный город; 2 – острог (2-я пол. 1560-х гг.); 3 – воеводский двор; 4 – церковь Иоанна Богослова; 5 – церковь Воскресения Христова; 6 – Зелёный и Житный двory; 7 – Троицкий монастырь с 1560 г.; 8 – Кирилловская часовня; 9 – торговая площадь; 10 – Сретенская церковь. Из Фондов Астраханского музея-заповедника

Центральных научно-реставрационных проектных мастерских под руководством А.В. Воробьева и Л.А. Потапова. В ходе реконструкции застройки и определения местоположения различных башен и объектов на территории Астраханского кремля реставраторы сопоставляли результаты раскопок с имеющимися историческим планами, а также с зарисовками и гравюрами многочисленных путешественников, наблюдавших кремль на разных этапах его истории.

Для реконструкции деревянного кремля наибольший интерес представляет схема «Астраханский кремль во второй половине XVI в.» (рис. 3). Она составлена целиком и полностью на основании археологических шурфовок и наблюдений за культурным слоем после сноса ветхих строений в кремле, предшествовавших масштабной реставрации кремля в 1950–1960-х годах, поскольку изображения деревянной астраханской крепости нам не известно. Возможно, схема эта во многом умозрительна и не полна. Однако некоторые результаты археологических раскопок позволяют относиться к ней как к достоверной реконструкции. На схеме изображены первоначальный кремль с деревянными стенами и башнями и примыкающий к нему с востока деревянный же острог. Изобра-

жение наложено на чертёж современной территории кремля и Белого города. Деревянный кремль имеет треугольную форму. В линию стен встроено шесть башен. Глухие башни показаны на схеме квадратными. Одна из них, северо-восточная угловая, находится на месте башни с Никольской надвратной церковью, западная угловая – на месте современной Крымской башни, юго-восточная угловая – на линии южной стены кремля, напротив современного здания Консistorии. Посередине южной деревянной стены, метрах в 30–40 западнее современной Житной башни располагается глухая квадратная деревянная башня. Проездные башни показаны на схеме многогранными. Одна из них, выходящая к Волге, расположена на месте нынешней башни Красные ворота, однако она выглядит значительно меньшей по размеру. Еще одна проездная башня расположена на линии восточной деревянной стены кремля, примерно в 20–30 м к востоку от северо-восточного угла нынешнего существующего здания офицерских светлиц. Местоположение башни приходится на перекрёсток главной улицы кремля от Пречистенских ворот до башни Красные ворота с основным поперечным проездом, ведущим от Никольских ворот вдоль здания Консistorии на юг. Таким образом,

первоначальная территория, занятая деревянным кремлём, рисуется примерно на одну треть часть меньшей, чем занимает современный кремль. О том, что восточная стена деревянного кремля располагалась значительно западнее своего нынешнего положения, пишет и Е.Л. Хворостова, проводившая раскопки вокруг Успенского собора и установившая, что этот участок территории Кремля начал осваиваться лишь в конце XVI – начале XVII в. (Хворостова, 2001).

Территория внутри деревянного кремля разделена на две неравные части – северную и южную – главной продольной улицей, проходящей от восточной проездной башни к башне Красные ворота. К северу от улицы примерно на юго-восточном углу нынешней церемониальной площадки около Гауптвахты показано местоположение деревянной церкви Иоанна Богослова. У северного края современной аллеи между Гауптвахтой и башней Красные ворота, примерно посередине ее длины, на схеме расположена церковь Воскресения Христова. Северо-западный угол кремля занимает воеводский двор, западный угол, примыкающий к Крымской башне – Зелёный двор. Остальная территория разделена узкими улицами, ориентированными с севера на юг на кварталы жилой застройки.

Наиболее дискуссионным вопросом в современной астраханской исторической науке при рассмотрении изначальной планировки астраханского кремля является вопрос о местоположении астраханского Раската.

Раскат – традиционное для русского фортификационного зодчества сооружение, часто упоминается в документах XVII в. как специально предназначенное для размещения артиллерии и стрелков. По сути это крепостная башня с плоской площадкой наверху. Иногда оно представляло собой либо невысокую земляную насыпь с бруствером вблизи городских стен, либо деревянную надстройку над башнями (Крепость, 2009, с. 53). Высокое расположение пушек позволяло вести с раската огонь на дальние расстояния и подавлять батареи противника. Попасть же из пушки с поверхности земли по пушкам на раскате было практически невозможно, заставить их прекратить огонь можно было лишь обрушив саму башню.

Раскаты существовали во многих крепостях. Например, башня Похвальский раскат упоминается в 1581 г. в Пскове, когда она служила весьма эффективным пунктом обороны города против войск Стефана Батория (Аракчеев, 2004, с. 123–127).

Астраханский Раскат, как свидетельствует Ключаревская летопись, «...был на самом высоком месте и имел два только заключения: первое –

прощать или истреблять, второе – на таком высоком месте, на самом верш, четыре время года по ночам зажигать свет, по которому выходили русские из орд. На раскат вводили уже избитых, колесованных, без жил и без пяток, западными дверьми войты, а на определённом месте ударяли в вечевой колокол, по которому собирался народ: тут войты по мукам означали имена преступников, и первые кричали с раскату: «Пех!», народ отвечал: «Не пех!», опять кричат войты: «Не пех!», народ вторично кричал: «Не пех!». И таким образом освобождались мучимые. Но другие мучимые не сем же месте получали и конец. Войты кричали с раскату: «Пех!», народ также отвечал: «Пех!»; войты опять кричали: «Пех!» или «Перепех!», и когда народ весь закричит: «Пех!», «Перепех!», «Пех!», тогда осуждённый, стоявший на самом возвышении раската, сталкивался с раската» (Васильев, 1887, с. 26–27).

Наиболее раннее упоминание Раската находится в описании путешествия купца Федота Котова в Персию в 1623 г.: «А двор архиепископов блиско к собору. А роскат у ворот архиепископова двора деревянной, велик и высок о многих стенах» (Хождение, 1958, с. 30), из чего явствует, что башня была многогранной («о многих стенах»). Единственное графическое изображение Раската мы можем найти на гравюре «Взятие Астрахани разинцами» в книге Я. Стрейса (Крепость, 2009, с. 104). Гравюра сама по себе полна фантастическими подробностями – на горизонте за городом возвышаются горы. Кремль имеет многогранную форму, внутри кремля растут пальмы. Однако рядом с кремлевским собором в центре композиции изображена четырехъярусная башня с зубчатой вершиной – два яруса кубических и два яруса круглых, – у основания которой заседает казачий круг. С вершины башни казаки бросают вниз казнимых представителей городской верхушки.

Виднейший астраханский краевед А.С. Марков провел подробное исследование местоположения башни Раскат и пришел к выводу, что наиболее вероятным его остатком является Лобное место (Марков, 1980, с. 103). Он связывал возведение раската с появлением в кремле первого каменного Успенского собора в конце XVI в. По его версии, Раскат одновременно исполнял роль колокольни при соборе и боевой артиллерийской многоярусной башни (Марков, 1980, с. 99). А.С. Марков говорит, что примерно того же мнения придерживался и А.В. Воробьев. Он рассказывает, что во время реставрации Лобного места был обнаружен «фундамент старой колокольни». На этом основании А.В. Воробьев предположил, что строитель комплекса Успенского собора Дорофей Мякишев использовал нижние ярусы колокольни под Лоб-

ное место. Внутренняя кладка напоминала приёмы мастеров XVII в. Кроме того, Лобное место с Раскатом сближает расположение под Раскатом, как и под Лобным местом, подвального или полуподвального помещения, которое использовалось для содержания казнимых или наказуемых. Та же мысль о тождестве основания Раската и Лобного места повторена в книге «Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу» (Крепость, 2009, с. 53).

Но есть и иная точка зрения на эту проблему. Именно к наивысшей точке Кремля, к вершине бугра, привязывал в своё время, по словам А.С. Маркова, местоположение Раската астраханский краевед Б.П. Богданов (Марков, 1980, с. 101). Он полагал, что раскат находился в 30–35 м от западной стены Успенского собора и что это именно восьмая башня кремля. Ведь в царствование Фёдора Иоанновича велено было строить кремль с восемью башнями. А позже их оказалось только семь. Богданов попытался локализовать Раскат относительно известных кремлёвских строений на основании сведений о том, как производились казни на Раскате и куда бросали казнимых. Так воевода Прозоровский был сброшен «на зимний восток» (т. е. на юго-восток), голова астраханских стрельцов Матвей Лопатин «на зимний запад» (т. е. на юго-запад), сын Прозоровского Борис «на полночь» (т. е. на север), против Троицкого собора», митрополит Иосиф «упал перед раскатными дверями к Успенскому собору...» (Васильев, 1887, с. 27) Основываясь на этих данных, Богданов составил схему расположения казачьего круга в кремле и квадратом выделил предполагаемое место Раската. Ныне здесь находятся газоны и асфальтовая дорожка, ведущая к зданию Консistorии (бывшему художественному училищу). В заключение краевед заявил, что фундамент Раската или его остатки должны существовать и обнаружить их помогут лишь раскопки. Возразим, однако, что в ходе перепланировки территории Кремля и строительства Плац-парадной площади в конце XVIII века производилась выемка грунта на 1,5–2 м, поэтому основание башни могло и не сохраниться. Однако местоположение его можно определить как центральное между современными Никольскими воротами и Житной башней, практически в центре кремлёвской территории, на западном краю первоначального рва, засыпанного при строительстве каменного кремля.

Астраханский кремль и Белый город (обнесённый кирпичными стенами городской посад) представляют собой комплекс кирпичной крепости, построенной в конце XVI – первой половине XVII вв. Из этого комплекса сохранился до настоящего времени лишь Кремль, объект культур-

ного наследия федерального значения, который занимает западную часть Кремлевского бугра. Исторически за ним сохранились такие названия как «Заячий», «Долгий» или, по-татарски, «Шабан-тюбе». Очень интересное мнение высказала Е.В. Гусарова о том, что название бугра «Заячий» является всего лишь русской огласовкой его татарского названия «Саинчи» (Гусарова, 2009, с. 31). В основе этого слова лежит корень «саин», означающий «благородный», «справедливый», «превосходный». Именно таков был посмертный титул внука Чингизхана, Бату, которого письменные источники называют «Саин-хан». По мнению Дж. Бойла, этот титул означает применительно к Бату не вышеозначенные определения в превосходной степени, а просто «покойный» (Бойл, 2002, с. 28–31). Подобный уважительный топоним предполагает некоторую предысторию данного места. Возможно, на Саинчи-тюбе («бугре покойных») располагалось кладбище золотоордынского и ханского времени, которое почиталось местным населением. Некоторые результаты археологических исследований на территории Кремля позволяют с осторожностью принять эту версию.

Восточная часть бугра была занята территорией Белого города – городского посада, возникшего одновременно с Кремлем (рис. 2). Стены его на настоящий момент не сохранились, однако на территории Белого города сохранилась историческая планировка, в общих чертах сформировавшаяся в XVI веке.

В 1582 г. было начато строительство кирпичного кремля. Руководили работами специально присланные из Москвы градодельцы Михаил Вельяминов, Григорий Овцын и особый дьяк Дей Губастый. Строили город не как Бог на душу положит, а по утверждённым в Москве чертежу и смете. Как сообщает «Ключаревская летопись», по царскому указу был «выдан чертёж на построение кремля каменного, в окружности не более, как стоял старый палисад», предписывалось поставить в кремле восемь башен: в опасных местах – большие, а в прочих – малые, чтобы все были «о трех бойницах». С восточной стороны требовали построить большую башню для «удобства подъезда».

Из-за отсутствия топлива для обжига оказалось невозможным организовать производство строительного материала на месте, поэтому мастера использовали квадратный обожжённый кирпич, привозимый из разрушенных золотоордынских городов. Этот стройматериал, по свидетельству Адама Олеария, доставлялся для строительства Астраханской крепости с развалин, имевших название «Царевское городище», расположенных недалеко от Царицына, которые считались остат-

ками столицы Золотой Орды. Помимо кирпича русские мастера употребляли в дело строительства крепостных стен и башен и «старое связующее»: затвердевший раствор вновь пережигали и использовали «в кладку пополам с новой известью». Сведения о постройке кремлёвских стен из золотоордынского камня подтверждаются другими источниками. Так, глава нидерландской Ост-Индской компании Николас Витсен приводит рассказ русского воеводы (имени которого не называет), руководившего вывозом из развалин золотоордынского города Сарая («разрушенного города Охтубы») камня для постройки и ремонта стен астраханской крепости. По его свидетельству, «там можно было найти камни для 10 городов» (Крепость, 2009, с. 43–45).

Отмечается не только изобилие этого экзотического для тех мест материала, но его многообразие и художественная отделка: «мрамор чёрный, белый и зелёный... красивые пилястры, великолепные полы из камня, блестящие, как железо, очень крепкие, еще и другие камни, теперь неизвестного сорта...». В документах Астраханской приказной палаты XVII в. многократно упоминаются «кирпичные татары», жившие у реки Ахтубы и промышленявшие поставками в Астрахань кирпича и других материалов из развалин древнего города, а также посылавшиеся «за государевым кирпичом на Ахтубу» стрельцы и каменщики (Крепость, 2009, с. 43–44).

Имелся ли план, по которому строился Астраханский кремль? На это вопрос дает ответ в своем исследовании известный астраханский краевед Г.Э. Гибшман (2011, с. 465–469).

Он проанализировал с источниковедческой точки зрения широко известный план города Астрахани, авторство которого приписывается Адаму Олеарию, и заметил некоторое несоответствие с историческими реалиями (рис. 2). Он сразу заметил удивительное сходство стили изображения города со средневековыми планами русских городов, которые изготавливались в Москве голландскими и других стран мастерами. Поражает идеальная, похожая на современную планировка города с прямоугольными кварталами, широкими и прямыми улицами.

Кроме того, Г.Э. Гибшман обнаружил на плане отсутствие Долбиловского монастыря, находившегося чуть южнее Крымской башни кремля, который был построен в 1623 г. и который Олеарий непременно должен был видеть. Кроме того, в кремле не обозначен каменный Успенский собор, который был выстроен в 1602 г. и который также должен был видеть и отметить на столь подробном плане Олеарий. Отсутствуют также многие другие уже существовавшие объекты – Зелёный

двор, приказная изба и Духовная консистория. Однако на плане присутствуют объекты, которые Олеарий не мог видеть – в северо-западном углу территории Белого города показана церковь Николая Гостинного, которая построена в 1721 г. Кроме того, на плане не на своём месте, а на другой стороне Большой Продольной улицы Белого города отмечена Входо-Иерусалимская церковь, которая также выстроена позже – в 1699 г. Еще одна церковь, Знаменская, попала в квартал, размещенный восточнее, то есть тоже не на свое место. Основана она также была значительно позже – в 1751 г. Не на своем месте показан Спасо-Преображенский монастырь. На Большой продольной улице восточной её части расположены две церкви, хотя хорошо известно, что там находилась всего одна церковь во имя Рождества Богородицы. Между тем на плане Николаса Витсена, составленном в 1693 г., отображающем реалии 1664 г., мы наблюдаем более реалистичную картину. Здесь правильно отображены три части города: Кремль, Белый город, Земляной город. В кремле показаны Успенский собор и Раскат, за Крымской башней обозначен Долбиловский монастырь и т. д. Сопоставляя все эти факты, Гибшман делает вывод, что это не план существующего города, а, если можно так сказать, проект будущего города, то есть чертеж, как должен быть устроен город, и, несомненно, этот чертёж был изготовлен иностранным специалистом, возможно голландцем, в городе Москве по заданию московских властей. Адам Олеарий в Астрахани получил возможность ознакомиться с генеральным планом застройки города и скопировал его, благодаря чему он и дошел до нас. Кроме того, Олеарий объединил в одном плане уже построенный кремль и еще только строившийся Белый город, который на момент пребывания путешественника в Астрахани ещё не вполне был отстроен.

Астраханский кремль нельзя назвать достаточно полно исследованным в археологическом отношении, поскольку здесь всегда строительные работы опережали археологические исследования, которые в целом носили спорадический характер и проводились главным образом архитекторами-реставраторами или по их заданию.

В 1950 г. архитектором А.В. Воробьевым были сделаны шурфы по периметру кремлевских стен. Им же в 1959–1974 гг. в ходе подготовки к фундаментальной реставрации был подготовлен реставрационный проект, а также архитектурные схемы развития и застройки кремлевской территории.

На планах и чертежах шурфов, выполненных реставраторами кремля в 1950–1960-х годах, отражены и фундаменты кремлевских стен, выложенные из мощных валунов, перекрытых кладкой

из ордынского кирпича на известковом растворе, а также следы деревянных надолбов – основы крепостных сооружений первого кремля, расположение которых совпадало отчасти с расположением кирпичных стен, ведь по приказу царя строить новые стены было нужно по контуру старого «палисада».

Архитектурные исследования показывают, что стены кремля не являются сплошь кирпичными. Они строились на фундаменте из бутового камня в технике панцирной кладки – возводились внешний и внутренний панцири стен из целых кирпичей, внутренние полости стен заполнялись обломками и глиной, после чего плотно утрамбовывались. В качестве подтверждения можно привести имеющиеся фотографии разрушенных стен кремля до реставрации середины XX века (Крепость, 2009, с. 173–174).

В 1973 г. археолог Е.А. Толмачев провел раскопки внутри Успенского собора, выявив остатки кладки первоначального здания собора, построенного в 1602 г. из золотоордынского кирпича (Гречкина, Кутуков, 2012, с. 465–469), а также некрополь, состоящий из захоронений церковных иерархов: в подклете собора был исследован ряд захоронений, в том числе могилы грузинских царей Вахтанга VI и Теймураза II. Оба этих царя были представителями династии Багратиони, союзниками России. Похоронены они были в Астрахани, поскольку находились в России в вынужденном изгнании с родины. Останки обоих царей настоящее время покоятся у южной стены в подклете Успенского собора Астраханского кремля (Токарев, 2014). В 1955 г. проводились предварительные раскопки в ходе реставрационных работ в кремле, без вскрытия могил. В феврале 1973 г. под руководством археолога Е.А. Толмачева могилы были вскрыты при участии грузинских историков (Васильев, Гречкина, Шандер, 2017, с. 20).

В апреле-мае 1979 г. в ходе реставрации силами студентов исторического факультета Астраханского пединститута под руководством Е.В. Шнайдштейн архитектурно-археологические раскопки были начаты у Троицкого монастыря в северной части кремля. В результате проведенных работ были обнаружены и исследованы фундаменты утраченной галереи-гульбища с северной стороны Троицкого собора. Следов первоначального деревянного храма, построенного, согласно источникам, в 1568–1576 гг. на месте современного собора, не сохранилось. Обнаруженные во время раскопок фундаменты исследовательница датировала 1597–1603 гг. На валунных камнях и золотоордынских кирпичах были отмечены следы пожара 1623 г., когда храм сгорел вместе со всеми монастырскими постройками, но вскоре он был

восстановлен на первоначальном фундаменте. Следы восстановительных работ XVII в. также были обнаружены в юго-восточной части раскопа. В северо-восточной части раскопа были обнаружены следы реставрационных работ XIX в. Кроме того, в ходе работ по археологическому изучению территории, прилегающей к собору с севера, было обнаружено и исследовано два подпольных помещения, которые служили кладовыми. Также между стенами кладовой и валунами фундамента северной стены галереи был обнаружен и исследован склеп, по предположению ученых-археологов датируемый временем до постройки фундамента собора (Шнайдштейн, 1979).

В 1983 г. у апсид Троицкого собора археологом П.М. Алешковским было исследовано четыре шурфа. Культурного слоя в шурфах им обнаружено не было. Автор связал это обстоятельство с близостью Троицкого собора – первого здания на территории Астраханского кремля. Археологические исследования, проводившиеся в 2016 г. С.Ю. Акимовским рядом с Троицким собором, сопровождались сбором архивного материала о строительстве и реконструкциях, проведенных в 80–90 гг. XX в. (Акимовский, 2016). На фото-снимках, запечатлевших отдельные моменты реконструкции, отчетливо видно, что с северной стороны от собора на расстоянии около двух метров от стен снят мощный слой грунта. Вероятно, это было сделано для того, чтобы провести работы по укреплению фундаментов сооружения. Возможно также, что в ходе этих реставрационных и реконструкционных работ весь археологический культурный слой вокруг Троицкого собора был уничтожен. Этот культурный слой, скорее всего, был весьма значительным по мощности, поскольку Троицкий собор одно из первых зданий, построенных на территории Астраханского кремля, и, следовательно, времени на образование культурного слоя вокруг него было очень много.

В ходе этих же работ 2016 г. на восток от алтарной части комплекса Троицкого собора в шурфе были обнаружены погребения в дощатых гробах. Скорее всего, погост образовался вблизи первой деревянной церкви, строительство которой предшествовало строительству каменного Троицкого монастыря.

В 1989 г. археологами НИПМ В/о «Союзреставрация» Ю.Ю. Васильевым и Е.Л. Хворостовой были выкопаны четыре шурфа у здания бывшей Консистории, а в 1990 г. им же были выполнены шурфы около здания бывшего Архиерейского дома. В результате раскопок удалось найти остатки галереи, проходившей вдоль южного фасада Архиерейского дома, и обследовать

его фундамент. Было установлено, что мощность культурного слоя у западной части южного фасада варьирует от 0,9 м до 1,6 м (в ямах), в целом же слой, сложенный в основном супесями с включениями строительного мусора, не превышает по мощности 1–1,2 м.

Более значительные по объему исследования в том же районе проводились в 2001–2002 гг. под руководством Е.Л. Хворостовой (Хворостова, 2001; 2002). В результате этих работ было установлено, что культурный слой, образовавшийся на территории, прилегающей к Успенскому собору и Архиерейскому дому, содержит археологический материал, относящийся как к золотоордынскому времени, так и к XVII–XVIII вв. – времени интенсивного обживания Архиерейского двора. Слой состоял практически из строительного мусора, образовавшегося при ремонтных работах, которые, по предположению исследователей, могли происходить в 30-х годах прошлого века, когда в кремле расположился военный гарнизон. Обнаружение в слоях артефактов золотоордынского времени исследователи связывают с хорошо известным фактом вторичного использования золотоордынского строительного материала для сооружения кремля, когда вместе с квадратным кирпичом в строящуюся Астрахань могли попасть ордынские мозаичные и майоликовые плитки, керамика и монеты.

Новые данные об исторической планиграфии кремля позволили получить раскопки 2007 г., проведенные в юго-восточной части кремля сотрудниками ГНПУ «Наследие» Т.Ю. Гречкиной и Д.В. Кутуковым (Гречкина, Кутуков, 2007). У северного фасада Архиерейского дома в слое желто-коричневого суглинка с углем, фрагментами красноглиняной и сероглиняной гончарной керамики, костями животных и большим количеством обломков слюды были обнаружены остатки сгоревшего деревянного сооружения. Сохранился только нижний слой бревен диаметром до 30 см, судя по расположению которых сооружение состояло из двух частей – восточной и западной, размерами соответственно 435×280 см и 280×250 см. Во внутренней части восточного и западного помещений сохранились остатки пола из обуглившихся деревянных досок. Сооружение может быть датировано второй половиной XVI – началом XVII в.

К югу от восточной части Архиерейского дома было обнаружено более 50 погребений, из которых исследовано только 30. Захоронения были совершены в деревянных гробах, без инвентаря. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад. Руки скрещены на груди. Судя по всему, захоронения совершены согласно христианским канонам. Один медный нательный крест

был обнаружен в верхних слоях раскопа. Отсутствие крестов в захоронениях объясняется следующим обстоятельством. Исследовательница русской средневековой погребальной обрядности Т.Д. Панова отмечает, что историки и археологи, изучающие культуру и быт средневековой Руси, до сих пор не задавались вопросом, насколько широко была распространена такая деталь обряда, как захоронение с символом христианской религии – нательным крестом (Панова, 2004, с. 158–159). В городских захоронениях XI–XV вв. их зафиксировано крайне мало. В письменных источниках нет прямых указаний на то, что крест был обязательной деталью обряда погребения. Выясняется, что в домонгольской Руси хоронили покойных с нательным крестом крайне редко, в основном в двух регионах, являвшихся центрами христианизации (Киев и Новгород). Значительную часть таких погребений следует относить к монашеским, где помещение крестов было обязательным и соблюдалось строго. В захоронениях светских лиц крестов мало. Очень редки находки захоронений с крестами в период XIV–XV вв. Только начиная со второй половины XVI в. применение крестов как детали обряда становится более частым. В этот период уже до трети захоронений сопровождаются крестами; в отличие от раннего периода этим явлением уже была охвачена значительная территория. В итоге выясняется крайне позднее (XVI–XVII вв.) появление традиции захоронения с нательным крестом в городских средневековых некрополях русских городов, окончательное закрепление которой нужно относить только к XVIII в.

Это православное кладбище, по всей видимости, существовало до постройки Архиерейских палат и может быть датировано второй половиной XVI – началом XVII в. Оно возникло на территории, которая имела подобное назначение и в предшествующее время, о чем свидетельствуют два погребения с мусульманским обрядом захоронения, располагающиеся между православных могил. Еще одно мусульманское захоронение было исследовано у северо-восточного угла Консistorии.

В центральной части восточного фасада Консistorии были расчищены остатки фундаментов и вымостки каменного крыльца, примыкавшего к зданию в XVIII–XIX вв., а также кирпичная наружная лестница, состоящая из восьми ступеней. В настоящее время каменное крыльцо с лестницами, ведущими в полуподвальное помещение и на верхние этажи здания, восстановлено.

К югу от здания Консistorии в 2007 г. был заложен раскоп Д.В. Васильевым (Васильев, 2007в). Здесь были исследованы культурные слои, относящиеся к самому малоизвестному периоду суще-

ствования кремля – к 20–30-м годам XX в. Был исследован попавший в раскоп погреб, являвшийся частью гарнизонного хозяйства. Данный участок был перекрыт мощным слоем разрушения, содержащим многочисленные фрагменты архитектурного декора, который явно возник в ходе последней масштабной реставрации кремля в середине – второй половине XX в. Необходимо отметить, что в раскопе был прокопан стратиграфический шурф на глубину свыше 4 м до уровня материка с целью изучения характера культурных напластований. Шурф показал наличие культурного слоя однородной консистенции, состоящего из мелкого лёсса, смешанного с известью и угольками. Следы строительного мусора и архитектурные сооружения были выявлены только до глубины 1–1,5 м от поверхности раскопа. Такая ситуация могла сложиться лишь в случае одновременно заполнения малонасыщенным культурными остатками слоем какого-то грандиозного углубления, может быть оврага. Однако естественные овраги на бэровских буграх, каковым является Кремлевский бугор, – явление крайне редкое в силу отсутствия больших масс текучих или талых вод на поверхности бугров из-за сухого климата Нижнего Поволжья. Если же сопоставить местоположение раскопа (около южной стены Консistorии) с упоминавшейся выше архитектурной схемой «Астраханский кремль во второй половине XVI века», которая хранится в фондах Астраханского музея-заповедника, то происхождение «оврага» становится понятным. Это был городской ров, располагавшийся в 1558–1582 гг. вдоль восточной стены деревянного кремля, который в процессе строительства кремля из кирпича в 1582–1589 гг. был одновременно засыпан землей, но частично просел и превратился в ложбину-овраг. Следы этой ложбины можно еще и сейчас наблюдать на противоположной стороне кремля – она образует спуск к Никольским воротам.

Масштабные охранно-спасательные археологические работы на территории кремля в 2012 г. под руководством Т.Ю. Гречкиной были направлены на выявление и сохранение новых объектов культурного наследия, а также получение новой исторической информации о времени становления города Астрахани и Астраханского кремля (Гречкина, 2012). Эти исследования были продолжены в 2013 году С.Ю. Акимовским (Акимовский, 2013). Раскопки в юго-восточной части кремля на ЮВ от Архиерейского дома показали, что эта территория неоднократно подвергалась активному воздействию строительных и хозяйственных работ, связанных с реставрацией и перепланировкой территории кремля, в результате чего культурные слои второй половины XVI–XVII вв. сохранились

эпизодически, а мощность из редко достигает 0,5 м. В западной части заложенного на этой площади раскопа в его нижней части выявлена восточная часть погоста, исследования которого были начаты в 2007 г.

В восточной части раскопа была вскрыта северная часть кирпичного здания XIX в. – нижней части стены и фундамента. По заключению архитектора-реставратора А.В. Рубцова, «незначительная глубина залегания подошвы фундаментов указывает на то, что здание было одноэтажным. По характеристикам кладки, кладочного материала и историческим исследованиям планов кремля обозначен период постройки и ее назначение: здание «служб» было возведено во второй половине XIX в. Вероятно, строительство велось достаточно спешно, поскольку даже при такой толщине несущих стен они отклонились от вертикали. Позже пришлось возводить два кирпичных контрфорса со стороны западного фасада, не перевязанных с кладкой несущих стен». Верхняя часть здания была снесена при ремонтно-реставрационных работах в кремле, проводившихся в середине прошлого века под руководством А.В. Воробьева, поскольку здание было признано ветхим.

Ниже, с севера, под подошвой фундамента этого строения на глубине около 1,3 м от дневной поверхности был обнаружен фрагмент более раннего сооружения, возведенного из кирпича. Наличие сохранившихся деревянных труб, округлых гнезд для достаточно больших емкостей, отдельных капель меди, остатков шлаков дает основание предположить, что это была небольшая медеплавильная мастерская.

На север от мастерской, на глубине около 2,3–2,5 м от дневной поверхности, зафиксированы остатки полов и печей от разновременных (в пределах нескольких десятков лет), по всей видимости, жилых сооружений. Монета первой трети XVII века и другие находки позволяют датировать выявленные объекты началом XVII – началом XVIII вв.

В юго-восточном углу раскопа была расчищена часть деревянной стены, сложенная из вертикально и горизонтально расположенных бревен. По характеру и местоположению конструкции можно предположить, что это могла быть стена-тараса деревянного кремля (1558–1588 гг.) или же более поздний шурф.

Интересной находкой стало и расположенное в 4 м на юго-восток от православного погоста захоронение женщины 25–30 лет, проведенное по мусульманскому обряду в грунтовой могиле с сырцовым закладом типа «домино». Череп имел следы монголоидной примеси (по определению антрополога Е.В. Перервы) и непреднамеренной

Рис. 4. Частично раскопанное двухкамерное заглублённое жилище в Астраханском кремле. Конец XVI в. (раскопки Т.Ю. Гречкиной, 2012 г.)

искусственной деформации по типу «бешика». Погребение было выявлено на глубине около 2,5 м от современной дневной поверхности. Датируется оно золотоордынским или ханским временем. Мусульманское захоронение с сырцово-кирпичной надмогильной конструкцией, захоронение женщины и детей с крымской монетой и захоронение в нижней части христианского погоста подтверждают предположение Е.В. Гусаровой о существовании на бугре Саинчи-тюбе до строительства кремля мусульманского кладбища (Васильев, Гречкина, Шандер, 2017, с. 23).

Археологические исследования, проведенные в западной части кремля, подтвердили данные письменных источников о том, что здесь находился стрелецкий городок или зона сплошной застройки

ки, которая состояла в основном из полуземлянок. Они были выявлены под слоями активной техногенной и хозяйственной деятельности на глубине от 1,5 до 1,9 м от современной дневной поверхности в слоях XVII – первой половины XVIII века. Более поздние слои XVIII и XIX вв. были уничтожены, скорее всего, в середине XX века при проведении реставрации и реконструкции кремля.

Жилые сооружения – полуземлянки (рис. 5) либо землянки сохранились на высоту до 0,8–1,0 м, поэтому более точно определить характер выявленных сооружений не представляется возможным. Застройка западной части кремля была очень густой. Жилища располагались на небольшом расстоянии в 2–4 м друг от друга. Иногда их стены буквально соприкасались. Согласно пись-

Рис. 5. Частично раскопанная полуземлянка середины – второй половины XVI в. из Астраханского кремля (раскопки Т.Ю. Гречкиной, 2012 г.)

Рис. 6. Двухкамерное заглублённое жилище середины XVII в. из Астраханского кремля (раскопки Т.Ю. Гречкиной, 2012 г.)

менным источникам, эти постройки просуществовали до 20-х годов XVII в. Во время подготовки города к посещению его императором Петром I губернатор А.П. Волынский приказывает освободить территорию кремля от жилых, культовых, надворных и прочих деревянных строений.

В процессе исследования многочисленных землянок и полуземлянок был выявлен основной алгоритм их сооружения: вначале копался котлован, который был больше самого жилища на 0,2–0,7 м. Затем в подготовленном котловане выкладывались из деревянных досок или брусьев стены. Пространство, образовавшееся между неровными стенами котлована и деревянными стенами жилища, засыпалось материковым грунтом, иногда чистым, а иногда с примесью культурного слоя. Отапливались жилища печами, которые складывались как из обожженного кирпича, так и из сырцового. В одном из жилищ зафиксированы обломки слюды в большом количестве. Возможно, это была полуземлянка, верхняя часть которой имела окна (Васильев, Гречкина, Шандер, 2017, с. 25–26).

При расчистке одного из жилищ, сгоревшего в результате пожара, возможно 1623 г., в верхней его части было зафиксировано большое количество фрагментов сгоревших деревянных досок различной длины, которые располагались как под слоем горелой массы, так и внутри ее и над ней. Это факт позволяет предполагать, что сооружение если и было вкопано в материк, то на небольшую глубину, а стены и крыша сооружения были деревянными (рис. 6). На площади сооружения при расчистке в слое горелой массы было обнаружено три практически целых сосуда, а между двумя горелыми досками обнаружены останки домашних животных, сгоревших при пожаре.

Но наибольшую научную значимость среди выявленных объектов представляет жилое сооружение, состоящее из двух помещений со встроенными в полуземлянку деревянными конструкциями, попавшими в раскоп только своей южной частью шириной до 112 см (рис. 4). Данный комплекс является уникальным и единственным в своём роде источником по истории домашнего быта населения русской Астрахани XVII в. (Васильев, Гречкина, Шандер, 2017, с. 27).

Сооружение погибло, скорее всего, во время пожара 1623 г., его перекрытия завалились вовнутрь и законсервировали таким образом все внутренне убранство дома. Сооружение состояло из двух помещений – западного и восточного. Судя по набору вещей в помещениях западное помещение было жилым, восточное служило кладовой. Перегородкой между помещениями служила стена из досок и печь, которая отапливала оба помещения.

Полностью конструкцию печи понять не удалось. Ясно только, что печь представляла собой сложное теплотехническое сооружение с дымоходом и топкой, которая располагалась под духовкой. Кирпичи пода духовки лежали очень непрочной, они шатаются и при простукивании издают гул, как будто под ними находится пустота. Таким образом, ниже духовки должна располагаться топочная камера. При расчистке духовки на вымостке пода из обожженного кирпича были обнаружены два керамических археологически целых горшка с остатками пищи на стенках. К западу от печи удалось проследить остатки деревянной конструкции, которая, скорее всего, являлась столом.

В восточном помещении были обнаружены две ручные мельницы в сборе, состоящие обе из двух каменных жерновов. Одна из мельниц была расположена около западной стены помещения. Она была установлена на штабель из целых обожженных кирпичей и мешок с запасом гончарной глины. Вторая ручная мельница располагалась к юго-востоку от первой поверх сгоревших деревянных конструкций лавки и рогожного мешка с зерном.

Вдоль южной стены помещения сохранились остатки деревянной лавки. Ножки лавки также были вкопаны в пол помещения. Сохранилась лишь западная часть лавки, на которой стояла вторая ручная мельница. К востоку от мельницы, вплотную к ней, на лавке стоял кувшин, заполненный зернами овса. Под лавкой стоял рогожный мешок, сплетенный из стеблей чакана (рогоза), в которых хранили еще целые зерна овса. Вдоль восточной стенки помещения были прослежены остатки ларя. От него сохранилась параллельная стенке котлована деревянная перегородка. Пространство между перегородкой ларя и стенкой помещения было заполнено обугленными зернами овса, периодически встречались фрагменты рогожи. В ларе лежал перевернутый керамический горшок, в котором также было обнаружено обугленное зерно и фрагмент кожаного изделия. После окончательной расчистки ларя были обнаружены отпечатки досок, служивших дном конструкции. Стенки и дно ларя, скорее всего, были выстелены рогожей из чакана. К западу от первого ларя были прослежены остатки еще одной подобной конструкции в виде отпечатков досок на дне помещения. Возможно, это один и тот же ларь, только разделённый на два отделения продольной перегородкой.

Помимо сооружений на площади раскопов было выявлено несколько сотен ям различного назначения: столбовых, выгребных, мусорных – и собран очень большой археологический материал, представленный серийными керамическими формами, костяными, каменными, глиняными

Рис. 7. Частично раскрытые остатки Настоятельского корпуса Спасо-Преображенского монастыря в Белом городе (раскопки Д.В. Васильева, 2007 г.)

изделиями, монетами. Помимо этого, были обнаружены фрагменты золотоордынской мозаики, привезенной на территорию кремля, по всей видимости, вместе с золотоордынским обожжённым кирпичом, использовавшимся для строительства каменных стен (Васильев, Гречкина, Шандер, 2017, с. 26–28).

В середине XVIII в. территория центральной части кремля подверглась нивелировке, была срезана верхушка бугра и устроена Плац-парадная площадь. Продолжали возводиться строения, принадлежавшие военному ведомству, что сильно разрушило культурный слой ранних веков существования русского города. Лишь к 400-летию русской Астрахани была проведена полная реконструкция кремлёвской территории, восстановлены стены и башни, снесены все ветхие постройки. Таким образом, вся верхняя часть культурного слоя в Кремле до глубины 1–1,5 м представляет собой сплошной слой утрамбованного строительного мусора, отложившегося в период реставраций и перестроек.

В отличие от Кремля, территория Белого города изучена археологически значительно хуже. Планомерные раскопки проводились здесь всего дважды, в 2007 г. – в сквере на улице Эспланадной, на месте фонтана рядом с Домом детского творчества, а также в Братском садике, перед сооружением цветочного магазина на его северо-западном углу. Раскопки в обоих случаях проводились под руководством Д.В. Васильева.

В сквере на улице Эспланадной (рис. 7) были обнаружены остатки Настоятельского корпуса Спасо-Преображенского монастыря (Васильев, 2007б). Сквер по ул. Эспланадной располагается вдоль северной границы охранной зоны культурного слоя Белого города. В своё время именно по южной части ул. Эспланадной проходила городская стена, выстроенная из обожжённого кирпича. Именно обнаружение остатков крепостной стены Белого города было одной из вероятных

целей раскопок на данном месте. Название своё улица Эспланадная получила от городской эспланады – свободной от построек и растительности широкой полосе вдоль городских стен, организованной в целях обороны. Застраиваться эспланада стала лишь в конце XVIII – начале XIX вв. В первой половине XIX в. стены и башни Белого города были разобраны, поскольку уже не играли оборонительной роли, сильно обветшали и грозили опасностью обрушения, а ремонт и содержание их были чрезвычайно затратны для городской казны. Городской въезд, располагавшийся рядом с северо-восточной угловой башней Спасо-Преображенского монастыря, примыкавшего к городской стене, был сохранён и частично вписан в монастырский архитектурный ансамбль.

Архитектурный ансамбль Спасо-Преображенского монастыря был обширным и формировался в течение всего периода его существования. На его территории помимо башен и стен находились церкви, кельи, здания епархиальной библиотеки и Настоятельский корпус. Именно Настоятельский корпус, соединённый с угловой башней стеной с устроенными в ней воротами, выходил своим главным северным фасадом на улицу Эспланадную.

Спасо-Преображенский – второй (после Троицкого в Кремле) построенный в Астрахани мужской монастырь. Основан он был во второй половине XVI в. в северной части Белого города (тогда еще острога) и первоначально назывался «Спасский, что в остроге». Настоятельский корпус, частично изученный в раскопе, был выстроен в 1827–1830 гг. Просуществовало это здание до 1980-х годов, когда окончательно обветшало и было снесено. В настоящий момент от всего комплекса Спасо-Преображенского монастыря сохранилась лишь северо-восточная башня, построенная в 1607 г. и перестроенная в 30-х годах XVIII в. при архимандрите Мефодии. Она имеет восьмигранную в плане форму и украшена поясами и встав-

ками из полихромных изразцов. Такие восьмигранные башни стали возводить на Руси в XVI в. взамен предшествовавших им круглым. Завершает башню крутой каменный шатер. Верх шатра венчает каменная голубая главка с флюгером в форме льва, которая установлена на глухом изящном барабанчике и покрыта тонким слоем сусального золота. Декоративные элементы, украшающие башню, характерны для архитектуры конца XVI – начала XVII вв. Барочная стилистика Спасской башни позволяет судить о характере монастырских построек начала XVIII в.

Памятник интересен не только как оригинальный образец монастырского крепостного сооружения конца эпохи «нарышкинского» барокко. Возможно, его фундамент и нижние части стен являются элементами единственного уцелевшего памятника не дошедшей до нас второй астраханской крепости. Башня стоит на месте одного из северных городских въездов. В начале XVIII в. крепостные стены и башни были уже не так важны, как в середине XVII в. И вполне вероятно, что при строительстве монастырской башни были использованы конструкции полуразвалившегося старого проезда. В другом случае было бы необъяснимо существование двух башен – монастырской и городской – в непосредственной близости друг от друга. В раскопе помимо предметов, характеризующих городскую быт XVIII–XIX вв., были обнаружены некоторые находки, относящиеся к предшествующему периоду – несколько изразцов золотоордынского времени, которые могли попасть в культурные отложения в виде архитектурного декора вторичного использования (Васильев, Гречкина, Шандер, 2017, с. 28–30).

К сожалению, в ходе раскопок на ул. Эспланадной не были обнаружены не только основания или фундаменты, но даже следы стен Белого города. Из этого можно сделать вывод, что стены были разобраны полностью и от них не сохранилось ни фундаментов, ни фундаментных траншей. Как такое стало возможным? Ведь фундаменты опускались на большую глубину, значит, от них в любом случае остались бы либо траншеи, либо большое количество строительного мусора. Однако отсутствие следов стен может объясняться тем обстоятельством, что стены Белого города могли быть бесфундаментными. Пример тому в нашем городе есть – стены сохранившегося до наших дней Благовещенского монастыря на улице Советской. Как показало архитектурное обследование, стены толщиной около полутора метров были возведены не на бутовом основании, а на выровненной поверхности материка, то есть фактически на глине. Книзу они слегка расширяются, образуя подпятник, который шире стены на 1–2 кирпича. С этим

связано то плачевное состояние монастырских стен, в котором они находились ещё не так давно – в 1990-х годах, до того как была проведена полная их реставрация. Башни, которые фланкируют стены, невысокие, они явно носят декоративный, а не оборонительный характер. Они вполне сопоставимы по высоте с единственной сохранившейся башней Белого города на углу улиц Эспланадной и Коммунистической. Вполне вероятно, что стены Белого города также были не столь массивными и высокими, как стены кремля, они также могли быть выстроены без фундамента, что объясняет их полное обветшание к началу XIX в., после чего они были разобраны. К сожалению, описаний и изображений стен Белого города, кроме известного «плана Адама Олеария», о котором шла речь выше, не сохранилось.

Во время раскопок на северо-западном углу Братского садика зимой 2007–2008 гг. были выявлены часть цокольной стены и внутренних перегородок подвальных помещений Русского гостиного двора (рис. 8), являвшегося одним из самых значительных сооружений на территории Белого города (Васильев, 2007а). Ныне существующий Братский садик был разбит в 30-х годах XX в. как расширение Губернаторского сада, существовавшего восточнее. Братский садик был заложен на месте снесенного Русского гостиного двора четко по его периметру.

Русский гостиный двор был самым крупным и самым важным из всех гостиных дворов, существовавших в Астрахани, поскольку обеспечивал торговлю на самом важном – московском – направлении. Вместительные подвалы Русского гостиного двора служили одним из самых важных стратегических складов в городе, наряду с амбарами Житного двора и Архиерейскими погребями.

Из архивных данных известно, что первоначальное кирпичное здание Гостиного двора, стоявшее на данном месте в XVII–XVIII вв., было одноэтажным. Сохранились лишь частично его обмерные чертежи и рисунки, выполненные Александром Дигби перед сносом этого здания в конце XVIII в.

Второе здание, выстроенное в 1824 г. по проекту архитектора Карло Дедри, было трех-четырёхэтажным и носило в южной части (ближе к главному въезду в Кремль) наименование Вечернего Базара. Судя по чертежам, сохранившимся в архивах, комплекс зданий Гостиного двора подвергался частым перестройкам, но в целом ансамбль имел форму неправильного каре, занимая всю западную часть нынешнего Братского садика. В 1918 г. в ходе казачьего восстания против Советской власти в результате уличных боев в Астрахани здание было сильно повреждено и

Рис. 8. Стена Русского Гостиного двора XVI–XIX вв. в Белом городе (раскопки Д.В. Васильева, 2007 г.)

выгорело изнутри. В конце 20-х годов здание Гостиного двора, стоявшее напротив фасадной кремлевской стены по нынешней улице Третьяковской, было снесено и на его месте, а также на месте Губернаторского сада был разбит Братский садик. Кирпичные здания были разобраны до цоколей, строительным мусором были заполнены подвалы, основания стен, а также подвалы были покрыты сверху дерном и засажены деревьями. В результате этого западная часть Братского садика имеет превышение уровня над восточной примерно на 1 метр.

В ходе раскопок на территории Белого города были обнаружены единичные фрагменты керамики, изразцы и монета золотоордынского времени. Таким образом, можно сказать – Долгий (Заячий, Шабан) бугор был заселён ещё до 1556–1558 г., то есть до установления русской власти в Нижнем Поволжье и переноса Астрахани на левый берег. Однако если сравнить качество и количество археологического материала, обнаруженного здесь и, скажем, на городище Шареный бугор, то мы убедимся, что говорить о существовании татарского города на Шабан-бугре после 1395 г. нельзя. Одина два фрагмента керамики не являются свидетель-

ством постоянного и даже эпизодического поселения, тем более городского типа. Все, кто описывал развалины Хаджи-Тархана, свидетельствуют о тысячах керамических черепков, о целых сосудах, о сотнях костей человека и животных, множестве монет, изразцов, бесчисленных кирпичных обломках, повсюду в обилии встречающихся на поверхности земли и в культурных отложениях. Здесь же, на Долгом бугре, раскопками не зафиксировано даже наличие золотоордынского культурного слоя. Возможно, слой переработан, срыт в более позднее время. Но в таком случае должны сохраниться впущенные, как говорят археологи, в материк самые глубокие хозяйственные ямы и колодцы. Ничего этого пока не обнаружено. Наличие золотоордынских захоронений на Кремлёвском бугре позволяет вспомнить интересные данные, собранные астраханскими этнографами по поводу так называемых «аулия» – святых мест мусульман Астраханского края. Народная память связывает местоположение в прошлом ряда аулий с нынешними местами расположения православных храмов. Неизвестно, насколько достоверны эти сведения, возможно, это память о реально почитавшихся местах поклонения, но возможно также,

что здесь следует видеть и стремление мусульманского населения края таким образом обозначить права своей религии на первородство в духовной сфере жизни региона. Одно из таких мест, якобы почитавшихся ещё до прихода русских, – ауля «Кара-Дауд», святая могила, располагавшаяся на месте или рядом с Троицким собором Кремля. Существуют смутные сведения о том, что Кара-Даудом татары называли первого игумена Троицкого монастыря, местночтимого православного святого Кирилла по прозвищу Строитель. Не потому ли появилось это имя, не совпадающее с собственным именем игумена, что местом своего обитания

он избрал традиционно почитавшееся местными мусульманами святое место? Если это так, то в таком случае легко объясняется наличие отдельных мусульманских захоронений на территории Кремлевского бугра. Однако и эта версия нуждается в тщательной проверке. Накопленный на настоящий момент объем археологических данных об Астраханском кремле явно недостаточен для того, чтобы делать серьезные и аргументированные заключения. Только дальнейшие раскопки и кропотливое сопоставление их результатов с архивными данными позволят приоткрыть завесу тайны, которую скрывают недра Кремлевского бугра.

ГЛАВА 2 АРХЕОЛОГИЯ КАСИМОВА

Прошлое Касимовского ханства является объектом целенаправленных научных исследований многих поколений известных отечественных историков и археологов. Предметом их изучения выступали проблемы истории возникновения и развития государства, особенности социально-экономического развития. Во все периоды всегда присутствовала тема о главном, столичном городе ханства – Касимове, центре политической, социальной и культурной жизни.

Вопрос возникновения и развития города Касимова в историографии имеет обширную научную и краеведческую литературу. Традиционно считается, что поселение берет свое начало от Городца Мещерского, заложенного в 1152 г. как пограничная крепость владими́ро-суздальским князем Юрием Долгоруким на месте впадения р. Бабенки в р. Оку (Археологическая..., 1993, с. 79–82). В XIII в. город становится владением князей Мещерских, выходцев из Золотой Орды рода Ширинов (Бархатная, 1787, ч. I, гл. 38, с. 275). Во второй половине XV в. город передается хану Касиму Великим князем Василием II в благодарность за службу. Новым правителем город был заново отстроен выше по течению р. Оки. С этого времени он становится центром ханства и за ним закрепляется название Касимов.

Современный город Касимов, административный центр Рязанской области, географически расположен на левом крутом берегу р. Оки, имеющем многочисленные овраги и ложбины. В исторической топографии Касимова по письменным источникам и данным археологических исследований выделяется городской центр. Данная территория охватывает район от Никольского оврага и доходит на юге вниз по течению р. Оки до района Старого посада, расположенного на левом берегу р. Бабенки у поселения Уланова гора. Оврагами и р. Бабенкой исторический центр разделен на четыре части: район кремля, Татарская слобода, Городец и Старый посад с примыкающим к нему Старотатарским кладбищем.

В историческом центре между Успенским оврагом и р. Бабенкой располагаются Татарская слобода с ханским двором и кремль XVII в., объединяемые некоторыми исследователями в один

район под названием «Новый Низовый Город» (Вельяминов-Зернов, 1866). Эта территория площадью около 100 га ограничена в ландшафте глубокими оврагами и разделена на две части. Время возникновения расположенных здесь поселений датируется разным временем. Большую часть территории составляет так называемая Татарская слобода площадью более 65 га. Культурный слой здесь формировался с середины XVI в. В этом районе находится урочище Татарская гора, где располагался Ханский двор и сохранившиеся архитектурные памятники эпохи Касимовского ханства. Здесь фиксируются топографические названия татарского происхождения: «улица Татарская», «Мусина гора»¹.

К настоящему времени из архитектурных памятников эпохи Касимовского ханства сохранилось два объекта: это минарет ханской мечети, возведенной, по сведениям, ханом Касимом (сыном Улуг Мухамеда) в середине XV в. (рис. 1), мавзолей (текие) хана Шахали середины XVI в. (рис. 2). На гравюре А. Олеария XVII в. с видом Касимова видны два каменных или кирпичных здания: Ханская мечеть с минаретом и недостроенное (или разрушенное) здание с башней перед мечетью (рис. 3) (Адам Олеарий, 1906 с. 141). В конце XVIII в. в описаниях города фиксировались остатки ханского дворца (Паллас, 1773, с. 43). Мечеть эпохи Касимовского ханства, к сожалению, также не сохранилась. В XVIII в. она была построена заново (Мансуров, 1974, с. 285; Филиппов, 2016, с. 256–257).

Между Никольским и Успенским оврагами на северной оконечности исторического центра локализуется кремль Касимова XVII в. площадью около 16 га (Мансуров, 1974, с. 287–289). Он хорошо известен по письменным источникам. В Писцовых книгах 1627–1628 гг. касимовский кремль представлен следующим образом: «Город Касимов деревянный, рублен в одну стену, крыт тесом. В городе двое ворот – проезжие и водяные на реку, а промеж этих воротных башен шесть других глухих – все деревянные. По мере около города

¹ Предполагаемая резиденция баскака (Мансуров, Бадер, 1974, с. 288).

Рис. 1. Ханская мечеть в г. Касимове. XVI–XVIII в.

Рис. 2. Мавзолей Шахали. XVI в.

Рис. 3. Вид города Касимова в начале XVII в. Гравюра А. Олеария

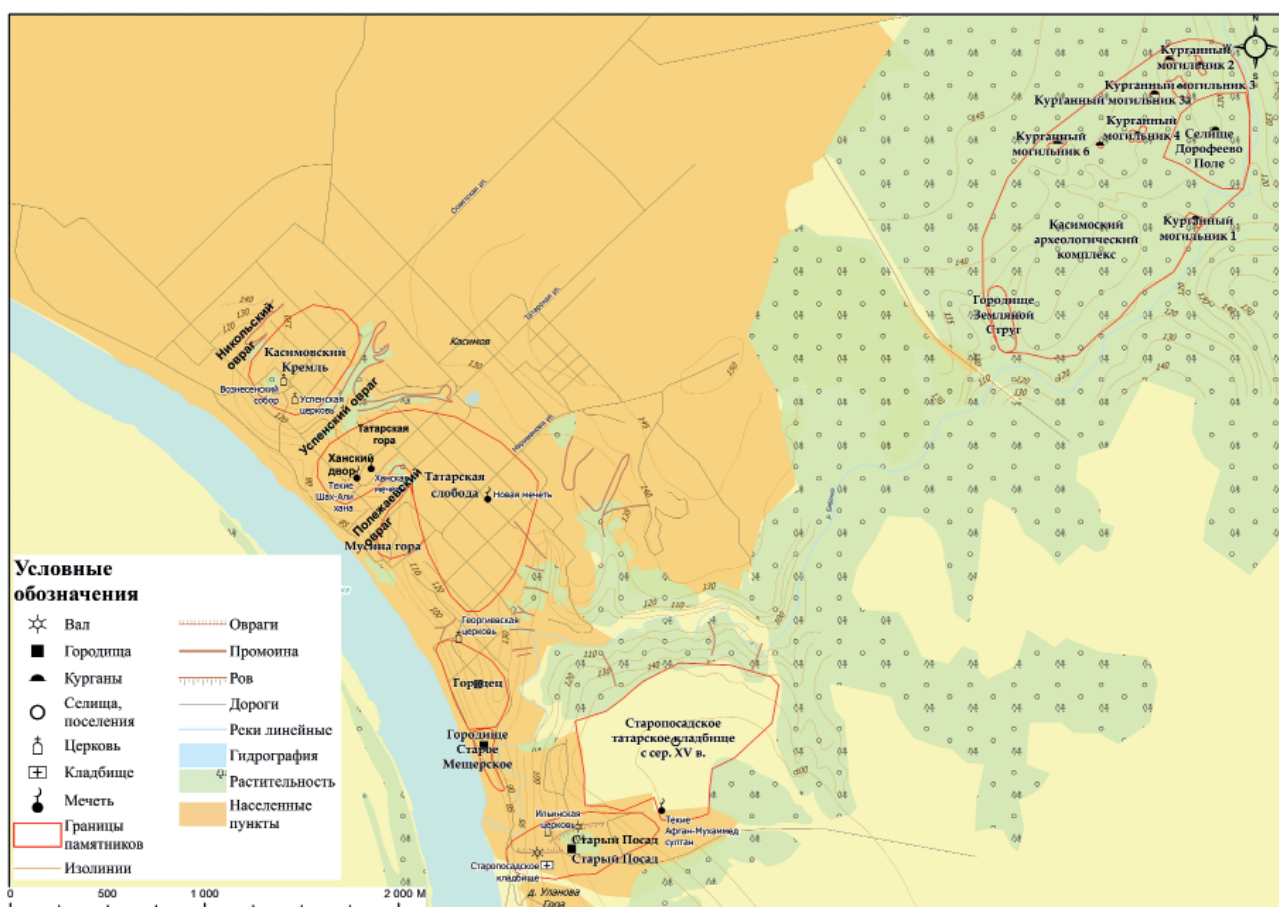

Рис. 4. Общий план Касимова с указанием исторических районов, исследованных археологически

525 сажен (1120 м)» (Переписная, 1862, с. 6).

Южнее Татарский слободы на берегу р. Оки располагается мыс, известный в топографии Касимова как Городец. Его площадь около 11 га. Ряд исследователей локализовали в этом районе и Городец Мещерский XI–XV вв. (Мансуров, Бадер, 1974, с. 281–285, 288, 287, 290).

Мыс делится на две части. Нижняя – это пологий мыс (0,6 га), расположенный на месте слияния рек Бабенки и Оки. И.С. Гагин предполагал, что мыс является частью раннего Городца Мещерского XI–XV вв. (рис. 4). По мнению А.А. Мансурова и О.Н. Бадера, здесь находилось Старое Мещерское городище раннежелезного века (Мансуров, 1974, с. 290). Расположенная выше площадка (10 га) на третьей надпойменной террасе, по мнению И.С. Гагина, а также А.А. Мансурова и О.Н. Бадера, представляла собой укрепления Городца Мещерского XI–XV вв. На карте 1836 г. И.С. Гагина отметил местонахождение укреплений Городца Мещерского за Георгиевской церковью по линии улиц Городец Мещерский и Городецкая (современные улицы Октябрьская и Садовая) (Мансуров, 1974, с. 290).

С южной стороны исторического центра на левом берегу р. Бабенки локализуются еще два объекта археологии, территориально примыкающие друг к другу, но отличающиеся по времени и функциональному назначению. Один из них – обширная зона Старопосадского татарского кладбища, на котором расположен мавзолей (текие) Мухаммадшаха Афгана XVII в. (рис. 6) На территории кладбища описаны татарские надгробия XVI–XIX вв. (Вельяминов-Зернов, 1866, с. 175–178).

Здесь же находится примыкающий к татарскому кладбищу с юга и запада исторический район г. Касимова – Старый посад (Ситдииков, 2019, с. 18, 19) (рис. 4). Этот район расположен на гористом берегу Оки, в 3,5 км к юго-востоку от современного административного центра г. Касимова. С севера и востока Старый посад ограничен долиной реки Бабенки, на юге глубоким оврагом отделен от деревни Уланова Гора. На левом берегу р. Бабенки на западной окраине района выделяется два мыса, первый – длинный пологий площадью около 2 га, второй – высокий обрывистый площадью 0,6 га, на котором стоит Ильинская церковь. На карте 1836 г. в районе Старого Посада отмечена Старотатарская слобода. Данные объекты в предшествующие годы археологически не обследовались.

Кроме объектов археологии в самом Касимове, в 3–5 км от современного центра располагается Касимовский археологический комплекс, включающий в себя городище Земляной Струг (1,5 га), селище Дорофеево Поле (13 га), и восемь

отдельных курганных групп на расстоянии от 100 до 500 м из почти 200 курганов (рис. 4). Курганы представляют собой оплывшие и задернованные возвышения со следами давних ограждений (Агеев, 2015, с. 85–89). Сейчас большую территорию комплекса занимает лес. Район изрезан оврагами, а с северо-востока ограничен болотом (Ситдииков, 2019 с. 46).

Городище Земляной Струг, датируемое началом X–XIII вв., упомянуто еще начале XIX в. И.С. Гагиным (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 36; Мансуров, 1974, с. 283). Археологически исследовалось в первой половине XX в.² Селище Дорофеево Поле имеет два горизонта культурного слоя, представленные находками второй половины I тыс. н. э. и X–XIII вв. Расположенная между городищем и селищем курганная группа также состоит из двух хронологических горизонтов, датируемых IX–XII вв. и эпохой бронзы (Агеев, 2015, с. 85–89).

Все вышеописанные археологические объекты и архитектурные сооружения отражают процесс формирования исторической топографии Касимова. Комплексное рассмотрение данных археологических и письменных источников дает возможность внести уточнения в хронологию и развитие отдельных районов города в разные периоды.

Круг письменных источников по историографической топографии Касимова очень ограничен. Большинство из них неопубликованные. К числу доступных относятся отдельные гравюры XVII в. и карты Касимова конца XVIII – XIX вв., а также сведения русского летописания, записки путешественников и тексты переписных книг (Переписная, 1892; Адам Олеарий, 1906 с. 141; Паллас, 1773, с.43; рис. 1; рис. 8, В, С и др.).

Попытка первой систематизации разнородных сведений об истории Касимова и прилегающей к нему территории была предпринята в XIX в. архитектором И.С. Гагиным, к сожалению, эти исследования сохранились только в рукописном виде³.

В 1860 г. Х. Фаизханов для В.В. Вельяминова-Зернова сделал перевод эпитафий с надгробий в мавзолее Шахгали и на Старопосадском кладбище, им же было сделано описание этих мавзолеев (Вельяминов-Зернов, 1838, с. 486–558). В 1877 г. Ф.Д. Нефедов предпринял археологические рас-

² Материалы раскопок 1925 г. Б.А. Куфтина и исследований и И.А. Китайцева остались неопубликованными. Часть предметов керамики и бронзовые изделия опубликовали А.А. Мансуров и О.Н. Бадер (Мансуров, Бадер, 1974, с. 283–287, рис.14). Материалы археологических исследований И.А. Китайцева хранятся в Касимовском краеведческом музее.

³ Материалы первого исследователя Касимова И.С. Гагина хранятся в рукописном виде в фондах Касимовского краеведческого музея.

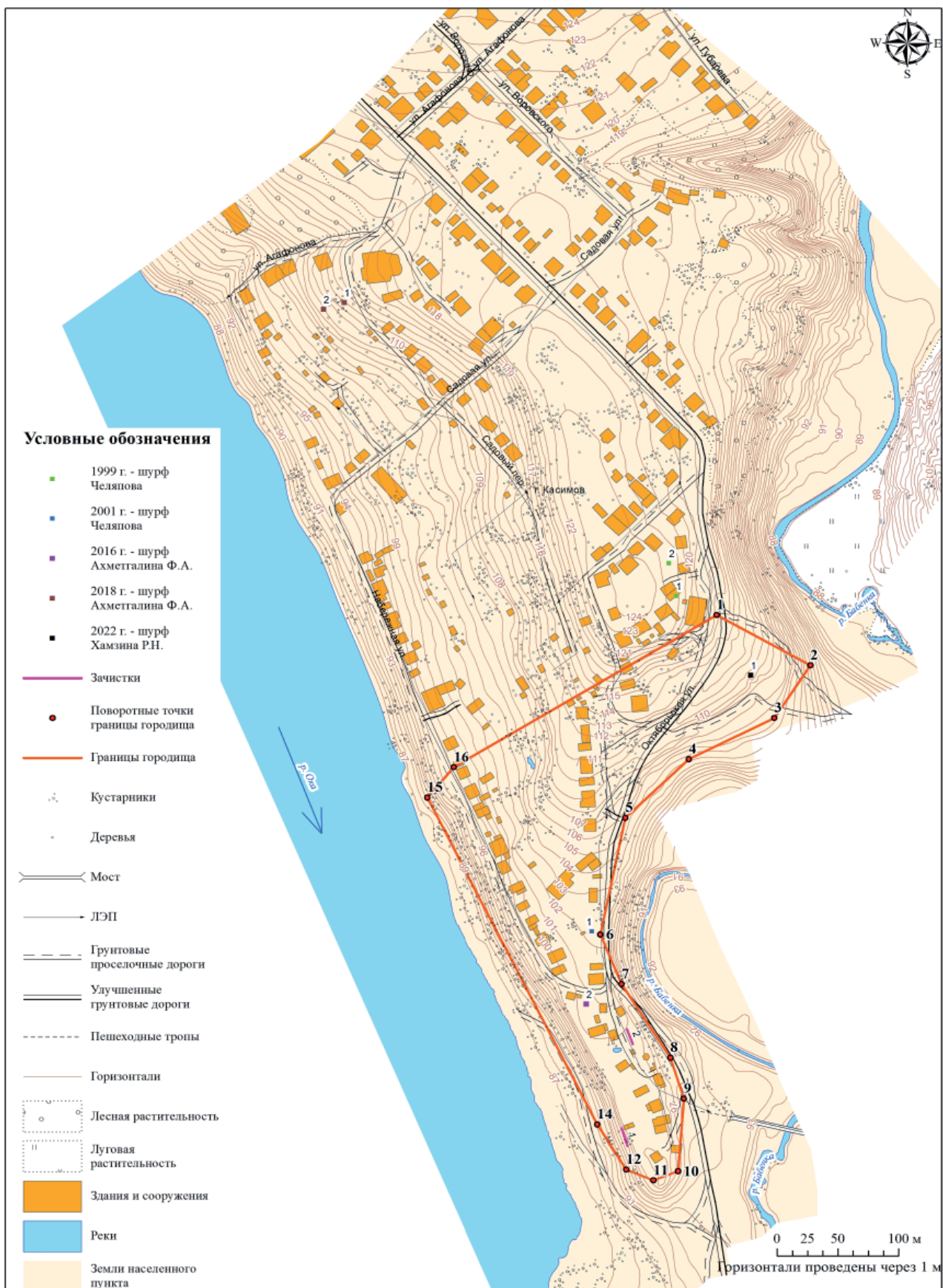

Рис. 5. Археологические исследования в районе Старого Мещерского городища

Рис. 6. Мавзолей Мухаммадшаха Афгана на Старопосадском татарском кладбище. XVII в.

копки на Старотатарском кладбище. Более серьезные исследования были проведены в 1886–1887 гг. А.В. Селивановым, который проводил раскопки в мавзолеях Шах-Али и Мухаммада Афгана (Мансуров, Бадер, 1974, с. 285).

После длительного перерыва, в 1920-х годах, археологические исследования в Касимове начал А.А. Мансуров (1974, с. 254–255). Им совместно с О.Н. Бадером была составлена археологическая карта города и его округа. Ими же были организованы и исследования на некоторых памятниках археологии в окрестностях Касимова (Мансуров, 1974, с. 290; Бадер, 1974, с. 324–330). В 1926–1932 гг. в нижней части Городецкого мыса, в его восточной части, обращенной к Старому посаду, А.А. Мансуровым был выявлен вал и ров и собрана керамика с «текстильным отпечатком» (Мансуров, 1932, с. 8, 9; 1974, с. 282). Им были предприняты усилия по изучению культурного слоя на месте предполагаемого Городца Мещерского (рис. 5). В 1932 г. О.Н. Бадером был осмотрен мыс при впадении р. Бабенки в р. Оку, где были выявлены углубления древних построек (Мансуров, Бадер, 1974, с. 290). В конце 30-х гг. XX в. А.А. Мансуров и О.Н. Бадер ставили вопрос о дальнейших археологических исследованиях Касимова и территории Касимовского ханства с целью выявления древних татарских селищ и

могильников. Но эти исследования прервала Великая Отечественная война, с которой А.А. Мансуров не вернулся (Бадер, Вагнер, Кригер, 1974, с. 324–330). После его гибели и до начала XXI в. археологические исследования территорий Касимова и Касимовского ханства не проводились.

Работы возобновились лишь в 1999 г. рязанским археологом В.П. Челяповым. Исследования проводились в рамках научно-реставрационных работ по подготовке к 850-летию основания г. Касимова (Челяпов, 2009, с. 65). Было заложено два шурфа на месте предполагаемого Городца Мещерского, сделаны зачистки на длинном мысу, на месте впадения речки Бабенки в Оку (рис. 5). Удалось выявить слои второй половины XVI–XVII вв. Исследования затронули и район Ханской мечети (рис. 8), где было заложено три шурфа, два шурфа за оградой мечети возле ретрансляционной вышки (на этом месте сейчас сквер Сююмбикэ), один шурф заложен внутри ограды, в юго-восточном углу, на месте, где сейчас расположена бойлерная. В результате были выявлены слои второй половины XVI–XVII вв. (Челяпов, 1999, с. 9–17).

В.П. Челяповым был осмотрен Городецкий мыс и выявлена небольшая канава в восточной части городища, которая, по его мнению, является углублением рва. В восточной части мыса был заложен шурф, в котором был зафиксирован

Условные обозначения:

- 2001 г. - шурф Челябинова
- отметка высоты
- дорога
- горизонтали
- здание
- 2001 г. - наблюдения Буланкина В.М.
- 2015 г. - наблюдения Стрикалова И.Ю.
- предполагаемые границы касимовского Кремля
- река
- спортивная площадка
- парк
- площадь
- луговая растительность

Рис. 7. Карта-схема археологических исследований района Соборной площади и Касимовского кремля

культурный слой мощностью 63 см, и обнаружены фрагменты керамики раннего железного века. Среди находок, собранных на поверхности, преобладала керамика чернолощенная, серая лощеная XVI–XVIII вв. и лепная раннежелезного века (Челяпов, 2000, с. 157).

В.П. Челябиновым были проведены исследования также в юго-западной части г. Касимова на территории Татарской Горы. В культурном слое мощностью 81 см им было выделено три страти-

графических слоя. Нижний слой до 50 см состоял из белесой супеси и был датирован XVII в. по фрагментам керамики, монете Дмитрия Ивановича 1605 г. Были расчищены остатки двух глинобитных печей XVII в. В них обнаружены монета Михаила Федоровича 1617 г. и монета Алексея Михайловича без даты (Челяпов, 2000, с. 157).

В 2000 г. В.П. Челябиновым был осмотрен мыс на левом берегу р. Бабенки при впадении ее в р. Оку, где находился Городец Мещерский (рис. 5).

Явных следов укрепления, кроме небольшой канавы в восточной части городища и остатков рва, выявлено не было. На этом мысу им был заложен шурф, в котором оказались фрагменты лепной керамики раннего железного века, а с прилегающей к нему территории собрана гончарная керамика чернолощенная и серая лощеная XVI–XVIII вв. (Челяпов, 2000, с. 157). В этом же году был заложен небольшой раскоп во дворе Ханской мечети, где выявлены слои XVII–XIX вв. и глинобитные печи XVII в. (Челяпов, 2001, с. 29–35).

В 2001 г. его исследования продолжились в другой части города, за Успенским оврагом, где в настоящее время располагается административный центр города. В этот район, по мнению, сложившемуся в историографии, был перенесен город в середине XV в., здесь же, по предположению А.А. Мансурова, располагался кремль средневекового Касимова (Мансуров, Бадер, 1974, с. 287–288). В.П. Челябиным были продолжены археологические исследования на Советской площади, за Успенским собором, где им были заложены два шурфа. В результате проведенных исследований в шурфе № 1 выявились слои, сформировавшиеся не ранее XVII в., в шурфе № 2 – не ранее XVIII в. (Челяпов, 2001, с. 55). В этом же году В.М. Буланкиным проводились наблюдения при реконструкции ул. Набережной. Археологические исследования, проведенные в этом районе, не выявили слои ранее конца XVI – начала XVII вв. (Буланкин, 2003, с. 30) (рис. 7).

В 2008–2014 гг. исследования реализовались казанскими археологами в рамках проекта по историко-археологическому изучению средневековых памятников лесостепной зоны Волго-Окского региона (Ахметгалин, Ситдилов, Хузин, 2007, с. 30–31). Они дали новые материалы для изучения г. Касимова. В этот период исследования были в основном сосредоточены в Татарской слободе (Татарская гора с Ханским двором и мечетью, у Новой мечети), в урочище Городец (включающем в себя Городец Мещерский и городище Старое Мещерское) и на Старом посаде (Ахметгалин, Хамзин, 2016, с. 183–201).

С 2014 г. исследования реализуются в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа» (2014–2022 гг.). В первые годы исследования осуществлялись в Татарской слободе на территории Татарской горы. У расположенной здесь Ханской мечети в 2008–2014 гг. было заложено девять шурфов (рис. 8).

В 2008 г. В.П. Челябиным и Р.Н. Хамзиным четырьмя шурфами были вскрыты участки на свободной площади за ханской мечетью. Нижние слои культурных напластований были датированы

исследователями концом XVI – началом XVII в., мощность культурных напластований в шурфах составила 60–100 см.

В 2009 г. было заложено четыре шурфа возле Ханской мечети. Первый шурф размером 1×4 м был заложен в 50 м к востоку от здания Ханской мечети. В шурфе было выявлено три слоя, нижний слой по находкам был датирован второй половиной XVI – началом XVII вв. Второй шурф размером 1×4 м был разбит в парке перед мечетью в 50–55 м к северо-востоку от здания ханской мечети. В шурфе выявлено два слоя, нижний слой был датирован по стратиграфии и керамике XVII в. В четвертом шурфе, также заложеном в парке перед мечетью, было выявлено два слоя, нижний слой серой плотной супеси с включением песка и материкового коричневого суглинка толщиной до 10 см по находкам и стратиграфии датирован началом XVII в. (Ахметгалин, 2016, с. 187).

В 2014 г. 0,5 м к западу от минарета Ханской мечети был заложен шурф (1×4 м), где выявилось три слоя. Нижний слой датировался второй половиной XVI–XVII вв. Мощность слоя с четырьмя горизонтами составляла от 30 до 100 см. Нижний горизонт был датирован второй половиной XVI – началом XVII в. (Ахметгалин, 2011, с. 9–10; 2016, с. 187).

В 2015 г. И.Ю. Стрикаловым были проведены наблюдения в этом же районе при строительстве жилого дома на ул. Советской. Были выделены слои XVII–XVIII вв. (Стрикалов, 2015, с. 25–27) (рис. 8).

В 2016 г. был заложен шурф между южной стеной минарета и западной стеной мечети. Основание минарета покоилось на горизонте, сформировавшемся в первой половине XVI в. Стратиграфические наблюдения и находки позволяют предполагать, что минарет построен не ранее середины XVI в. одновременно с мавзолеем хана Шах-Али.

При осмотре района Ханского двора в 2018 г. удалось зафиксировать скопление бутовых камней, и севернее во дворе дома Площадь Победы, 13, нами был заложен шурф. Сопоставительный анализ картографического материала и данных полевых исследований позволили предположить, что, возможно, выявленное скопление бутовых камней относится к усадьбе Симоновых, располагавшейся рядом с двором. Проведенный нами сопоставительный анализ картографического материала и данные полевых исследований позволяют предположить, что остатки Ханского дворца, вероятно, были расположены на ул. Воровского, в районе дома № 30 (Филлипов, 2016, с. 260; Ситдилов, 2019, с. 18). Дальнейшие исследования позволят более точно локализовать это здание.

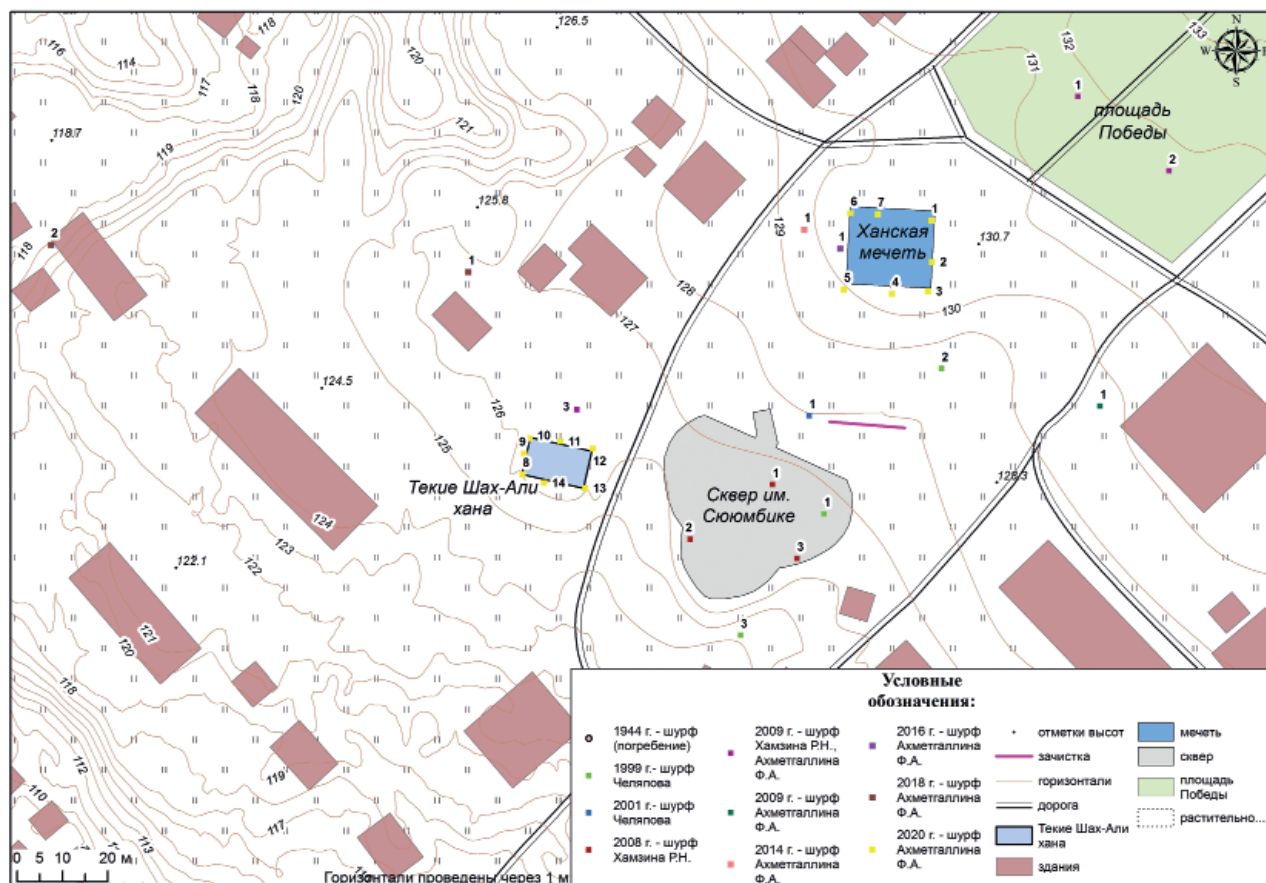

Рис. 8. Исследования в районе Татарской горы – Ханского двора

В 2020 г. в рамках программы реставрации Ханской мечети было заложено семь шурфов возле нее (рис. 8). Археологическими исследованиями было выявлено три строительных горизонта: 1-й горизонт связывается нами со строительством здания мечети в середине XVI в., 2-й – горизонт частичного разрушения и восстановления в 60-х и 70-х годах XVIII в., 3-й горизонт связан со строительством второго этажа мечети в середине XIX в. Фундамент мечети выложен из грубо отесанных бутовых камней на известковом растворе, над фундаментом кладка выложена из белокаменных прямоугольных блоков. Первый этаж здания Ханской мечети был построен из этих блоков, второй этаж из кирпича. Исследования позволили выявить, что в 60-х годах XVIII в. была частично разобрана западная стена здания мечети и полностью снесена крыша, покрытая серолощенной и чернолощенной черепицей. Само здание мечети не было снесено полностью, три стены и минарет остались нетронутыми (Ахметгаллин, 2021, с. 40–46).

Часть задач изучения территории Татарской горы была связана с локализуемым здесь Ханским двором и определением местонахождения дворцовых сооружений, располагаемых традиционно в районе ул. Воровского (Мансуров, 1974, с. 303,

Филиппов, 2016, с. 261).

В 2020 г. в рамках программы реставрации были проведены исследования мавзолея Шах-Али. По углам и у стен мавзолея было заложено восемь шурфов. В результате исследований выявилась глубина залегания фундамента и основания подземного склепа – крипты, выявлены два стратиграфических горизонта, связанных со строительством и реставрацией здания, в шурфах были выявлены остатки сооружений и столбовых ям от лесов, которые были возведены в ходе строительства здания мавзолея. Проведенные исследования не выявили в этом районе слоев, сформировавшихся ранее середины XVI в. (Ахметгаллин, 2021, с. 47–48).

Таким образом, в районе Татарской горы у Ханской мечети и мавзолея Шах-Али в период с 2008–2020 гг. было заложено всего 25 шурфов. Стратиграфически здесь выделилось четыре горизонта, нижний из которых был датирован серединой XVI – началом XVII вв.

В Татарской слободе были проведены также археологические исследования за пределами Татарской горы с целью определения распространения культурного слоя посада. В 2009–2014 гг. в шурфе рядом с Новой мечетью, в огороде дома по ул. Илюшкина, 47, при исследованиях в нижних

слоях были найдены фрагменты керамики, характерные для второй половины XVI–XVII вв. Полученный материал подтверждает синхронность освоения всей территории Татарской слободы во второй половине XVI в. (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 135).

В 2016–2018 гг. были проведены археологические исследования на Городецком мысу, образованном долиной р. Бабенки и р. Окой, на левом ее берегу (рис. 5). В нижней части мыса в 30-х годах XX в. проводил исследования А.А. Мансуров, в 1999–2000 гг. – В.П. Челябинов. В 2016 г нами был заложен шурф у дома по ул. Набережная, 50, где выявлен слой в 25 см, состоящий из темно-серой супеси с включениями известнякового щебня. Были найдены фрагменты керамической посуды XVI–XVII вв., а также обломки лепной керамики раннежелезного века. Иная картина была получена в шурфе 2018 г. в верхней части мыса возле Георгиевской церкви. В культурных слоях фиксировались находки эпохи Средневековья, синхронные верхним горизонтам культурного слоя нижней площадки. В шурфе, заложенном на уступе склона у верхней площадки, был выявлен культурный слой до 60 см. В нижнем горизонте мощностью до 20 см обнаружены фрагменты керамики, датированной концом XVI–XVII вв. (Ахметгалин, 2018, с. 34, 39). Археологические исследования Городецкого мыса, на котором ранее локализовали Городец Мещерский XII–XIV вв., выявили слои раннежелезного века середины – конца I тыс. до н. э. и слои конца XVI–XVII вв. В верхней части мыса возле Георгиевской церкви керамические находки датировали нижние горизонты культурного слоя концом XVI–XVII вв. (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 135–136).

Объектом изучения в 2009–2018 гг. стал ранее неисследованный район Старого Посада, хорошо известный в исторической топонимии Касимова (рис. 4; 9). Он расположен на высоком левом берегу устья р. Бабенки в 2,6 км к юго-западу от центра города у пологого мыса. Мыс прорезается с востока на запад углублением шириной 8 м. В продолжении ложбины между мысами фиксируется еще одно углубление шириной 5 м и длиной 100 м, вытянутое по краю ул. Малоокской. На территории Старого Посада было заложено шесть шурфов. Мощность культурного слоя на его территории достигала 50 см.

В 2009 г. была произведена зачистка обнажений в осыпи склона холма возле Ильинской церкви. В обрыве выявлены слои конца XV–XIX вв. Мощность культурного слоя составила 40 см. В разрезе обнаружено сооружение, датированное концом XV в. В его заполнении выявлены фрагменты керамики XV–XVI вв., обломки двух зам-

ков XV в. (Колчин, 1959, с. 126; Ахметгалин, 2016, с. 186, рис. 4).

В 2014 г. нами был заложен шурф у дома № 1 по ул. Старопосадской. Под дерном выявлен слой темно-серой супеси мощностью до 40 см, датированный нами второй половиной XV–XVI вв. (рис. 9). В шурфе была выявлена яма, датируемая тем же периодом (Ахметгалин, 2016, с. 195).

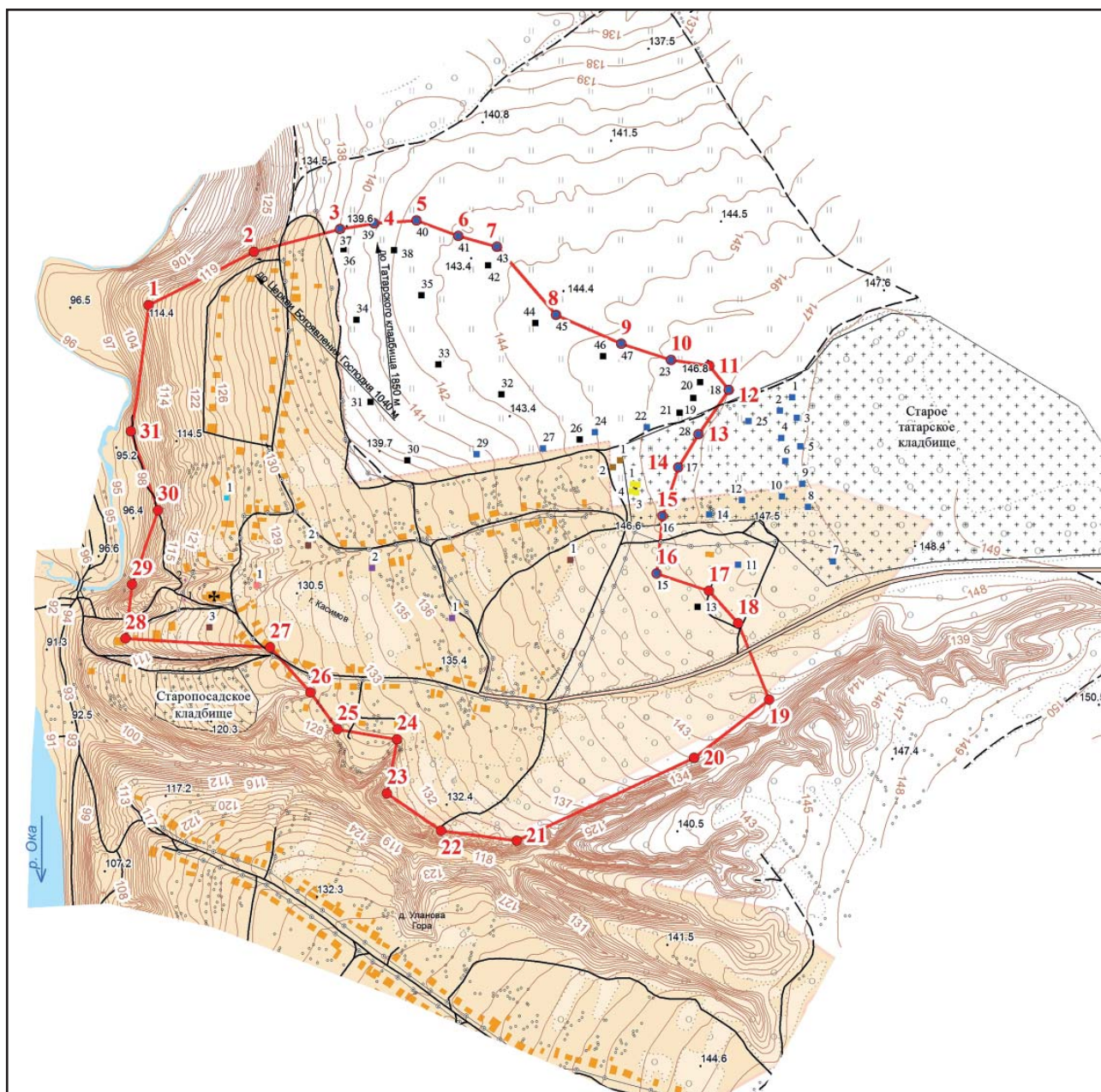
В 2016 г. в шурфе, заложенном у дома Старопосадская, 12, под дерном выявлен слой мощностью в 40 см, состоящий из темно-серой гумусированной супеси. В нем найдена керамика XIII–XVI вв. В шурфе были выявлены две ямы. В одной из них найдены фрагменты керамики, датируемые второй половиной XV в. (Ахметгалин, 2018, с. 31).

Еще один шурф был заложен в 2016 г. в заброшенном саду по ул. Малоокской. В слое мощностью 40 см стратиграфически удалось выделить два горизонта. Верхний – темно-серая супесь с включением извести мощностью до 15 см. Он датируется XIV–XVIII вв. Нижний – темно-серая гумусированная супесь мощностью до 25 см, сформировался в XIII–XIV вв. С ранним слоем связано два сооружения. Одно из них – хозяйственная яма конца XIV в. Второе сооружение представляла собой подклет дома, по находкам датируется XIII–XIV вв. (Ахметгалин, 2018, с. 17–26).

Исследования в 2018 г. ограничились тремя шурфами. Первый из них находился недалеко от Старопосадского татарского кладбища (рис. 4; 9). В нем под слоем дерна выявлен слой темно-серой гумусированной супеси мощностью до 35 см. Слой по находкам сформировался во второй половине XV – XVIII вв., в шурфе выявлено одно сооружение, которое по находкам датируется концом XV – нач. XVI в. Второй шурф располагался за канавой у дома № 2 по ул. Окской. Под дерном был выявлен слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 30 см. По находкам слой датирован XVII–XXI вв. Третий шурф заложен на склоне пологого мыса у дома № 10 по ул. Старопосадской. В нем выявлен культурный слой темно-серой гумусированной супеси мощностью до 50 см. По выявленным материалам слой начал формироваться во второй половине XV в. В шурфе было зафиксировано сооружение конца XV в., три столбовые ямы, стратиграфически связанные со слоем XV в. (Ситдииков, 2019, с. 26–37).

Археологические исследования 2014–2020 гг. на Старом Посаде выявили два средневековых слоя: первый слой конца XIII–XIV вв., второй слой середины XV – первой половины XVI в. (Ахметгалин, 2019, с. 29–30, рис. 3; 4).

Рядом со Старым Посадом находится обширное Старопосадское татарское кладбище, на котором сохранился мавзолей (текие) Мухаммада

Условные обозначения

● 1944 г. - шурф	■ Кладбище	□ Границы археологического памятника
■ 2014 г. - шурф Ахметгаллина Ф.А.	■ Мавзолей Текие Мухаммад Авага Султана	● Деревья
■ 2016 г. шурф Ахметгаллина Ф.А.	□ Пашня	● Отметки высот
■ 2018 г. - шурф Ахметгаллина Ф.А.	□ Лесная растительность	— Зачистки 2009 г.
■ 2020 г. - шурф Ахметгаллина Ф.А.	■ Земли населенного пункта	— Мост
■ 2022 г., шурф Хамзина Р.Н. не содержит археологические артефакты	□ Луговая растительность	— ЛЭП-линия
■ 2022 г., шурф Хамзина Р.Н. содержит археологические артефакты		— Шоссе
■ 2022 г. - раскоп Хамзина Р.Н.		— Дороги грунтовые проселочные
● Поворотные точки археологического памятника		— Дороги полевые и лесные
		— Горизонтали
		■ Пляж
		■ Река
		■ Здания и сооружения

Рис. 9. Исследования на Старом посаде

Афган султана 40-х годов XVII в. С территории кладбища известны татарские мусульманские надгробия XVI–XVII вв., опубликованные в XIX в. Х. Фаизхановым и В.В. Вельяминовым-Зерновым (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 500–502; 1887, с. 175–178). По сведениям этнографов, захоронения там совершались до XIX в. (Исхаков, 2002, с. 102). Нами были произведены исследования текие Мухаммада Афгана в связи с программой реставрации, были заложены четыре шурфа по углам, в одном из которых найдено детское захоронение XIX в. (Ахметгалин, 2021, с. 120).

В 2020–2021 гг. проводились геофизические исследования на площадке перед текие Афган Мухаммад Афган султана, в результате которых были выявлены остатки нескольких объектов, которые мы можем связать с остатками несохранившихся мавзолеев; некоторые из них больше сохранившегося текие размерами 9 x 5,5 м (Ахметгалин, 2022, с. 309, рис. 3).

О «палатках» касимовских царей – мавзолеех касимовских ханов на Старопосадском татарском кладбище есть сведения у В.В. Вельяминова-Зернова (Вельяминов-Зернов, 1887, с. 187, 191), их остатки наблюдал касимовский архитектор и краевед И.С. Гагин (Гагин, 1902, с. 277–278). Таким образом, Старопосадское кладбище является священным местом захоронения чингизидов и знати, куруком, где были захоронены ханы, правившие городом, и, вероятно, там же находится и мавзоль хана Касима (Ахметгалин, 2021, с. 20).

За пределами исторического центра исследования приводились и в ближайшей округе, в верховьях речки Бабенки, на территории Касимовского археологического комплекса. В этом районе был выявлен домонгольский комплекс, состоящий из известного еще в XIX в. городища Земляной струг, которое датируется второй половиной I тысячелетия – IX–XIII вв. (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 36; Мансуров, Бадер, 1974, с. 288–289), недавно выявленного селища Дорофеево поле и около 200 курганов между ними (Агеев, 2015, с. 88) (рис. 4). В 2002 г. В.П. Челябинским на городище Земляной струг было заложено два раскопа общей площадью 100 кв. м, в ходе раскопок были найдены предметы IX–XIII вв., среди находок есть фрагменты дирхемов IX–X вв. (Челяпов, 2002, с. 11). С территории селища Дорофеево поле также происходят находки дирхемов IX–X вв. и свинцовые слитки. Полученные с территории памятника материалы указывают на его торгово-ремесленный характер. На территории селища нами было заложено два шурфа и собран подъемный материал, по находкам оно датируется IX–XIII вв. Хотя городище и селище разделяют чуть более 1 км, вместе со средневековыми курганами они,

вероятно, образуют единый комплекс (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 138).

Всего за 21 год исследований г. Касимова и его окрестностей на территории города было заложено 27 шурфов и один раскоп общей площадью 60 кв. м; на Старом Посаде, на поселении и Старотатарском кладбище было заложено 10 шурфов общей площадью 22 кв. м; на Касимовском археологическом комплексе на городище Земляной струг – два раскопа и три шурфа, общая площадь исследований составила 112 кв. м.

Таким образом, используя итоги многолетних археологических исследований г. Касимова, с учетом анализа материалов предшествующих лет изучения и данных письменных источников мы можем остановиться на анализе некоторых вопросов истории развития средневекового города.

По результатам археологических исследований наиболее ранней освоенной территорией на территории города Касимова является длинный пологий мыс между р. Окой и р. Бабенкой, известный в литературе как Городец Мещерский или Городище Старое Мещерское, где располагается городище раннего железного века I тыс. до н. э. (Ахметгалин, 2019, с. 37–38).

Выделяется Касимовский археологический комплекс, расположенный в верховьях р. Бабенки, включающий в себя городище Земляной Струг второй половины I тыс. н. э., селище Дорофеево Поле IX–XIII вв., а также расположенные здесь же средневековые курганные захоронения (рис. 10).

Можно предположить, что он является племенным центром мещеры – одного из племен Среднего Поочья. Вероятно, с IX в. это поселение, существовавшее на месте, включается в систему международной торговли, вероятно через него проходит отрезок Волго-Окского торгового пути (Дубов, 1999, с. 256–270). Подтверждением этому могут служить материалы раскопок. Среди находок имеются обломки арабских дирхемов X в. (Челяпов 2001, с. 57). С этим же временем связан целый дирхем X в. из фондов Касимовского краеведческого музея, найденный в курганном могильнике между Дорофеевым Полем и Земляным Стругом. На основании анализа исторических материалов и результатов археологических исследований на этом месте можно локализовать Городец Мещерский домонгольского периода X–XIII вв. (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 140–141).

Территория Старого Посада начала осваиваться в основном с XIII в. но, вероятно первые попытки освоения этой территории были раньше (Мансуров, Бадер, 1974, с. 295). На этом месте располагался в XIII–XIV вв. Городец Мещерский, в XV – середине XVI вв. – Царевичев городок (Касимов). Судя по находкам и страти-

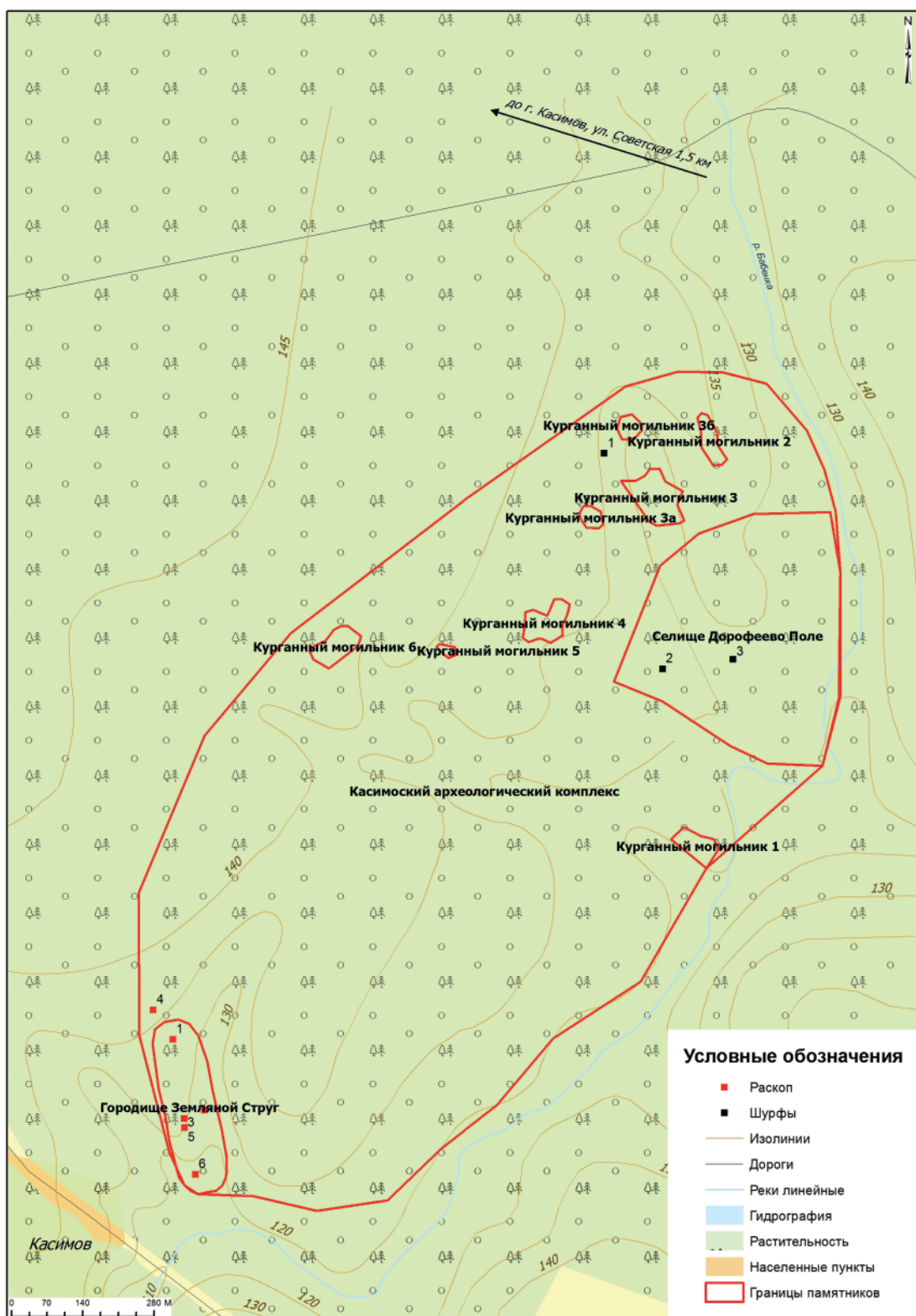
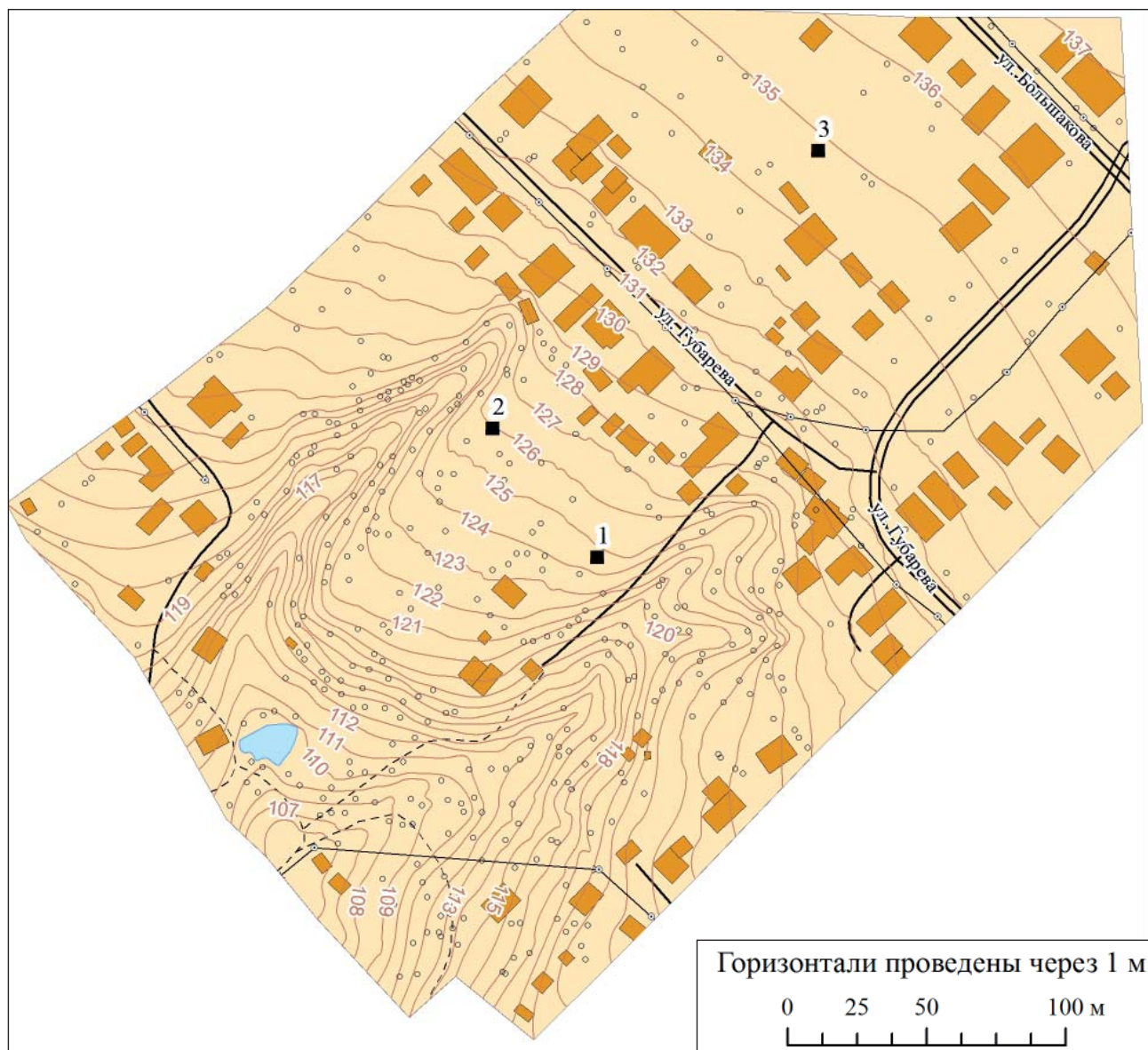

Рис. 10. Касимовский археологический комплекс

графии, памятник многослойный, выделяются несколько горизонтов культурного слоя: первый относится к XIII – началу XV вв. и связан с Городцом Мещерским. Он локализуется ближе к центру поселения. Второй горизонт связан с г. Касимовым (Царевичевым Городком). Его пло-

щадь составляет около 50 га. Вероятно, в этот же период и возникает Старотатарское кладбище. Кладбище и средневековое поселение образуют один комплекс. Интенсивность формирования культурного слоя и хозяйственной деятельности с середины XV в. связана с превращением горо-

Условные обозначения

■	Шурфы, содержащие археологические артефакты	==	Асфальтовое покрытие
○	Деревья	—	Грунтовые дороги
→	ЛЭП	- - -	Пешеходная тропа
—	Горизонталы	■	Здания
		■	Водоем

Рис. 11. Исследования в районе Мусиной Горы

да в столицу Касимовского ханства. Культурный слой поселения и некрополь, расположенные за р. Бабенкой, содержат свидетельства, связанные с историей столицы ханства до середины XVI в. Кладбище является местом захоронения чингизидов – куруком (Ахметгалин, Ситдилов, 2020, с. 138). В результате геофизических исследований нам удалось выявить аномалии, которые могут быть связаны с остатками несохранившихся мавзолеев. Таким образом, этот район отождествляется нами с Городцом Мещерским XIII–XIV вв. и с Царевичевым городком – Касимовым середины XV – первой половины XVI вв. Третий слой сформировался с середины XVI в. по XXI в. и связан с существованием Старого Посада как района г. Касимова.

Территория Татарской горы и Татарской слободы начинает осваиваться с середины XVI в., когда здесь строятся мавзолей-текие хана Шах-Али и каменная Ханская мечеть, которая становится соборной мечетью Касимова. С ее постройкой центр города переносится на новое место. Ядром города в этот период является расположенный в Татарской слободе район Ханского двора, имевший свои укрепления, они хорошо видны на известной гравюре А. Олеария (рис. 3). Вся территория Татарской горы и Татарской слободы заселяется в период с середины XVI по начало XVII вв. Площадь города в этот период составляла около 100 га и была достаточно равномерно заселенной.

Чуть выше по течению р. Оки от Татарской слободы между Успенским и Никольским оврагами в начале XVII в. был построен Касимовский кремль с воеводским двором.

Актуальной темой, требующей своего отдельного изучения, остается вопрос о резиденции баскака Мусина. В результате изучения картографических материалов конца XVIII в. нами был выделен топоним под названием Мусина Гора, с которым связано, вероятно, местоположение этой резиденции (рис. 11). Будущие археологические исследования позволят определить время и особенности ее заселения (Ахметгалин, Ситдилов, 2020, с. 141).

Таким образом, в результате археологических исследований были получены новые сведения по исторической топографии г. Касимова, локализованы отдельные районы средневекового города и уточнены этапы заселения. Отдельной темой дальнейших исследований, бесспорно, должно стать обследование округа города, что позволит изучить связь близлежащих поселений эпохи Касимовского ханства с городом и исследовать своеобразие материальной культуры этой эпохи.

Археологические исследования предыдущих лет показали отсутствие культурных напластований

середины или второй половины XV в. в центральной части Касимова и возле Ханской мечети. Практически вся центральная часть города, расположенная между Успенским и Никольским оврагами, была освоена в период между серединой XVI и XVII вв. В этот же период осваивается вся юго-восточная часть города вплоть до устья р. Бабенки. По результатам проведенных исследований пока не подтверждается мнение историков о переносе города на новое место в середине XV в., а возведение минарета и Ханской мечети можно датировать не ранее середины XVI в., что совпадает по времени с постройкой мавзолея Шах Али.

Вероятно, Городец Мещерский – Царевичев городок, получивший впоследствии название Касимов с середины XV в. располагался на Старом Посаде. Перенос его на новое место состоялся не ранее середины второй половины XVI в. В это же время была возведена и каменная Ханская мечеть.

Требует своего уточнения и предположение В.П. Челяпова и других рязанских археологов о возможной локализации Городца Мещерского на месте городища Земляной Струг, расположенного в двух км от современного города и четырех км выше по течению р. Бабенки. Городище существовало с начала I тысячелетия по XIII в. (Археологическая карта России: Рязанская область, 1993, с. 82). Указанное время функционирования вышеописанного поселения по археологическому датированию противоречит известной летописной дате основания Городца Мещерского в 1152 г. Юрием Долгоруким. Важно отметить, что нижегородские историки считают доказанным, что летописные сведения об основании Городца относятся к Городцу Радилову на Волге и не имеют отношения к Городцу Мещерскому (Пудалов, 2003, с. 13–16). Данные обстоятельства требуют в дальнейшем дополнительного комплексного источниковедческого рассмотрения проблемы освоения территорий и формирования поселений Поочья в начале II тысячелетия н. э.

По результатам исследований можно предположить, что Земляной Струг был в X в. племенным центром мещеры – одного из племен Среднего Поочья. В окрестностях городища выявлены и описаны селище X–XIII вв., грунтовый могильник X в., в том числе курганы (Агеев, 2015, с. 86–90). Вероятно, с X в. поселение, существовавшие на месте, известном как Земляной Струг, включается в систему международной торговли (Дубов, 1999, с. 256–270). Подтверждением этому могут служить материалы раскопок. Среди находок имеются обломки арабских дирхемов X в. (Челяпов 2001, с. 57). С этим же временем связан целый дирхем X в. из фондов Касимовского краеведческого музея, найденный в грунтовом могильнике

Дорофеево Поле у Земляного Струга.

Проведенные исследования позволяют предположить, что в XIII в. поселенческий центр перемещается на новое место, расположенное на мысу, образованном долиной р. Бабенки и безымянным оврагом, в районе впадения ее в р. Оку. Возможно, новое поселение и поселение на месте Земляного Струга продолжали сосуществовать. В материалах сооружения из шурфа № 3 со Старого Посада есть отдельные находки (глиняные льячка и лепное напрясло), характерные и для Земляного Струга.

Остался открытым вопрос о локализации Городца Мещерского XIV в. на мысу левого берега р. Оки (правый берег р. Бабенки). Результаты последних исследований ставят под сомнение устойчивое в историографии определение места его расположения. Важно отметить, что материалы шурфа В.П. Челябинова в 2000 г. не дали находок XIV–XV вв. Среди них преобладает керамика раннего железного века. При сборе подъемного материала были найдены фрагменты керамики раннего железного века и XVII в. Предположительно Городец Мещерский размещался на месте Старого Посада (Уланова гора) на левом высоком берегу р. Бабенки напротив ее устья. Рядом находится Старопосадское татарское кладбище, где, вероятно, захоронено большинство ханов, правивших Касимовским ханством. Данный вопрос требует продолжения исследований.

Полученные в ходе археологических исследований материалы 2000-х годов указывают на то, что город Касимов имел насыщенную историю со сменой названий, перемещениями городского центра. С этого времени Касимов развивается в хорошо известном сейчас историческом центре города, куда он был перенесен в середине – второй половине XVI в.

Керамика Старого посада г. Касимова. В ходе археологических исследований 1999–2021 гг. в г. Касимове удалось локализовать ряд районов, связанных с разновременным освоением городской территории. Наиболее интересным для изучения исторического развития структуры городской планировки оказался Старый посад, который представляет собой один из городских районов с усадебной деревянной застройкой.

Собранная на Старом Посаде в 1999–2018 гг. керамическая коллекция невелика по объему (1005 фр.)⁴. Поэтому сделанные на основании ее изучения хронологические определения не могут быть ограничены узкими рамками, а выводы исторического порядка следует рассматривать

лишь как предварительные, требующие подтверждения результатами более масштабных исследований.

Наиболее архаичная группа керамики Старого Посада представлена несколькими маловыразительными обломками стенок лепных плохо обожженных сосудов с примесью шамота и выгоревшей органики или крошки известняка. Вся остальная керамика – гончарная. Основная масса местной круговой посуды может быть разделена на четыре хронологические группы.

Первую группу образуют фрагменты древнерусской керамики домонгольского облика (рис. 12: 1–5). Они выделяются по характерным формам венчиков и орнаменту. Венчики типичны для горшков «общерусского типа»: краевой участок горловин почти под прямым углом отогнут наружу и завершается внутренним утолщением с округлым (рис. 12: 3–5) либо подтреугольным (рис. 12: 2) сечением. Горшки с такими венчиками доминировали во второй половине XII – начале XIII вв. во многих районах Руси (Стрикалов, 1996, с. 151, 153, тип 5А). Орнамент, как правило, линейный. Образующие его параллельные линии прочерчены часто (с зазором до 1–1,5 мм) и покрывали большую часть тулова сосуда – от верха плечика до придонной части (рис. 12: 1, 5).

Вторая группа представлена совокупностью фрагментов русских средневековых горшков эпохи Золотой Орды. Собранный на памятнике комплекс этого времени по разновидностям венчиков, скорее всего, мог сложиться в промежутке второй половины XIII – начала XV вв. Среди морфологически выраженных фрагментов преобладают образцы сосудов с короткими цилиндрическими горловинами, увенчанными краевыми утолщениями, сформованными загибом края черновой ленты на внутреннюю поверхность стенки и последующим отгибом образованного утолщения наружу под прямым углом (рис. 12: 6–10). Горшки с такими венчиками по материалам Переяславля Рязанского, Москвы характерны для второй половины XIII–XIV вв. (Стрикалов, 1996, с. 153, тип 6). В Нижнем Новгороде они, как правило, встречаются в сооружениях середины XIV – начала XV вв. (Грибов, 2006, с. 90, рис. 8, группа 11). Еще один встреченный на Старом Посаде характерный тип горшков – самый массовый в комплексах г. Нижнего Новгорода XIII – начала XV вв. – объединяет сосуды со слегка отогнутыми наружу венчиками с овалообразным внутренним краевым утолщением (рис. 12: 14, 16) (Грибов, 2006, с. 89–91, группа 22). Другие формы наиболее характерны для комплексов второй половины XIII – середины XIV вв. (Грибов, 2006, с. 91, рис. 9, группа 15). Это горшки с короткими цилиндрическими горловинами

⁴ Около 85% всего керамического материала происходит из шурфов № 3 2014 г. (522 фрагмента) и № 3 2016 г. (334 фрагмента).

Рис. 12. Древнерусская керамика второй половины XII–XV вв. из шурфов Старого посада г. Касимов

Рис. 13. Гончарная керамика XV–XVI вв. из шурфов Старого посада

Рис. 14. Фрагменты гончарной керамики в болгарских традициях второй половины XV–XVI вв.

и краевыми окончаниями, оформленными в виде неширокой наружной «манжеты с валиком» или «козырька» (рис. 12: 11, 12, 15). Отдельные сосуды второй группы были украшены разреженным линейно-волнистым (рис. 12: 13) или линейным (рис. 12: 14) орнаментом, характерным для посуды Северо-Восточной Руси второй половины XIII – середины XIV вв.

Третья группа керамической посуды Старого Посада характерна для памятников и комплексов начала Московской Руси. Хронологические пределы ее бытования могут быть ограничены второй половиной XV – серединой XVI вв. По стилистическим и технологическим особенностям керамика этого времени разделяется на три гончарные традиции.

Первую традицию представляют обломки серийных белоглиняных широкогорлых горшков с широким туловом и средневыпуклыми плечиками, увенчанными короткой цилиндрической горловиной с разреженными (преимущественно) полосками линейного орнамента – иногда заходящими на тулово (рис. 13: 1–6). Завершения венчиков выполнены путем легкого нажима или подрезки края черновой ленты и не имеют сколько-нибудь значимых утолщений. Тесто сосудов, как правило, хорошо отмучено, не содержит искусственных примесей; у ряда образцов отмечено присутствие редкого песка и похожих на шамот комков плохо растертой сухой глины. В облике этих сосудов просматривается стандарт массовой ремесленной продукции, лежащий в основе выделения «керамики коломенского типа» (Коваль, 2005, с. 252).

Вторую традицию определяют редкие фрагменты белоангобированных сосудов из красножгущейся глины. К ним относятся пять образцов, вероятно недекорированных изделий, облицованных снаружи белоглиняным покрытием. Единичные находки происходят от сосудов, покрытых белым ангобом с красной кистевой росписью (рис. 13: 7). Наиболее интересной находкой является реконструированный красноглиняный сосуд, украшенный кистевой росписью белым ангобом (рис. 13: 8). Это столовый кумган, по особенностям профилировки близкий кумганам, известным по фрагментам из раскопок Москвы, Алексина, Сергиева Посада, Нижнего Новгорода (Розенфельдт, 1968, с. 23, 24; табл. 7, 1–13; Новоселова, 2014; Грибов, 2018, с. 177, 178). Сосуд оснащен ложным коническим поддоном, цилиндрической, плавно расширяющейся вблизи самого края горловиной и трубчатым изогнутым носиком-сливом, прикрепленным пластиной, декорированной сквозными отверстиями; верхнее окончание уплощенной петлеобразной ручки прикреплено ниже краевого среза горловины. Обломки кумганов такой формы – отличные по изогнутому сливу и другим деталям от известных восточных ритуальных сосудов, предназначенных для омовений – часто находят при раскопках г. Москвы и соотносят с малосерийной продукцией московских гончарных мастерских (Коваль, 2015, с. 420, 421). Существенным отличием от них кумгана из Старого Посада является способ декорирования: его роспись выполнена белой глиной непосредственно по терракотовой поверхности сосуда, предварительно не

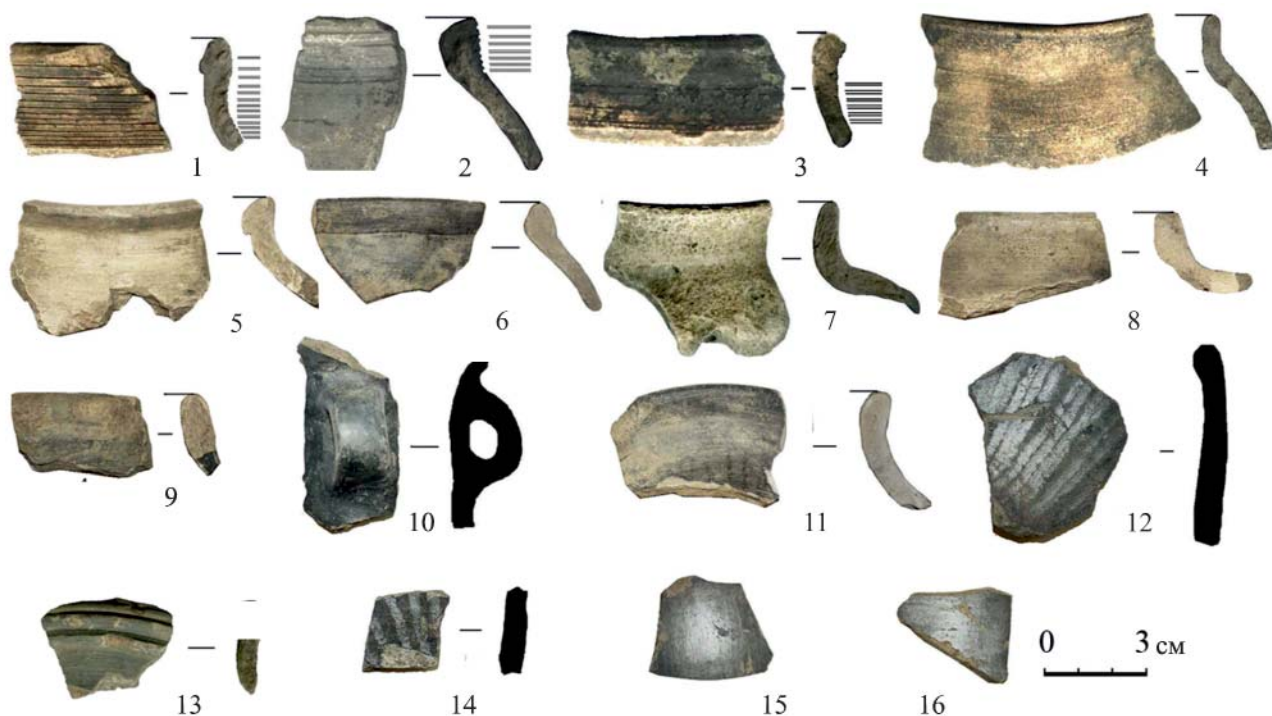

Рис. 15. Фрагменты русской гончарной керамики второй половины XV–XVI вв. из раскопов Старого посада г. Касимова

облицованной ангобом. Отдельная находка донца в виде ложного поддона от ещё одного красноглиняного сосуда со следами росписи ангобом может указывать на существование местного производства кумганов с таким способом декорировки (Ахметгалин, Хамзин, Беляев, Ситдииков, 2016, с. 192, рис. 9, 1).

В Москве белоангобированная посуда наиболее типична для комплексов первой половины – середины XVI в. В предместье Нижнего Новгорода фрагменты расписных ангобированных кумганов встречаются в комплексах с монетами Ивана III (Грибов, 2018, с. 178).

Третья традиция объединяет осколки посуды хорошего обжига из ожелезненной глины насыщенного коричневатого-красного цвета. Очень часто она украшена лощением. Преобладают фрагменты кувшинов. Один из них имел цилиндрическую горловину со сливом, шарообразное тулово и петельчатую уплощенную в сечении ручку, прикрепленную верхним окончанием ниже края горловины. Основание горловины и тулово кувшина украшены тонкими разреженными полосками вертикального лощения. Один из частично реконструированных сосудов – кувшин-кружка, профилированная по образцу усечено-конических металлических кумганов (рис. 14: 1) (Коваль, 2014, с. 415).

Количество краснолощеной керамики в коллекции Старого Посада сравнительно невелико (59 фр.). Именно среди посуды этой традиции –

генетически восходящей к гончарству ремесленных мастерских Волжской Болгарии – наверное, следует прежде всего искать продукцию гончаров, которых могли перевезти сюда, в Царевичев Городок – Касимов, со Средней Волги (рис. 14: 1–5).

Четвертая группа керамики, выделенная в сборах со Старого Посада, хронологически более всего соответствует промежутку второй половины XVI–XVII вв. Прежде всего, это белоглиняная посуда из запесоченного теста, стилистически «развивающаяся» традицию горшков коломенского типа (рис. 15: 1–3) (группа МБК-3, см.: Коваль, 2001, с. 108) или близкая к ним по совокупности деталей профилировки – короткому, вертикально поставленному венчику и шарообразной форме тулова (рис. 15: 4–9). Линейный орнамент, состоящий из 7–14 линий, как правило, собран в узкую зону, покрывающую только венчик изделия. Краевое окончание венчиков очень часто имеет заметное утолщение подтреугольной или овальной формы. В Москве подобные сосуды появляются в XVII в. (Коваль, 2001, с. 108). У предполагаемых реплик коломенских горшков отсутствует орнамент, окончания венчиков иногда не отличаются утолщением, а слегка приострены или скруглены (рис. 15: 4, 7). Горшки такой профилировки известны преимущественно по комплексам конца XVI–XVII вв. (Кардаш, 2009, с. 234, рис. 3: 39, 26).

К четвертой группе относятся и немногочисленные (57 фр.) образцы посуды с преднамеренным восстановительным обжигом – черноло-

щенной и мореной. Как правило, это фрагменты кувшинов с орнаментальным лощением (рис. 15: 10, 11). Поверхность наиболее ранних сосудов (XVI в.) покрыта сплошным лощением (рис. 15: 15, 16).

Намеченная периодизация керамики Старого Посада свидетельствует о перспективности предположения о связи данного поселения с ранней историей г. Касимова. Средневековое освоение его территории началось еще в предмонгольское

время и было продолжено в эпоху Золотой Орды. Комплекс посудной керамики второй половины XV – середины XVI вв. фиксирует этап хозяйственного освоения данного городского района вскоре после передачи Городца Мещерского в держание хану Касиму. Малочисленность чернолощеной посуды позволяет предположить, что активность освоения территории Старого Посада снизилась в XVII–XVIII вв.

ГЛАВА 3 КУРМЫШ

Крепость Курмыш впервые упоминается в летописи под 1372 г. Она была основана городецким кн. Борисом Константиновичем (Рогожский летописец. Тверской сборник, т. XV, 2000, стб. 100). В 1405–1407 г. Курмыш упомянут также в завещании Великого князя Московского Василия Дмитриевича своему сыну, а также под 1445 г. в связи с пленением и возвращением за выкуп Великого князя Московского Василия Темного, плененного бывшим ордыским ханом Улу-Мухамадом (Московский летописный свод, т. XXV, 2004, с. 263; Зимин, 1991, с. 45). К середине XVI в. Курмыш превращается в региональный военно-административный центр.

Наиболее раннее описание крепости Курмыш известно по Писцовой книге 1623–1626 гг. Укрепления состояли из земляного вала с 93 срубами-городами и семью башнями, в том числе с шестью прямоугольными и одной («Красной») шестиугольной в плане формы. Две башни были проездными, имелись также «четверо ворот потайных» в стенах. С внешней стороны вала проходил ров с остроконечным частоколом на дне, ширина и глубина с напольной стороны составляли 5,5 м. Береговые склоны были усилены тыном, а по тыну рубленными тарасами. Сообщается также о второй линии укреплений – остроге дубовом «круг посаду», который в 1618 г. «недоделав покинут»

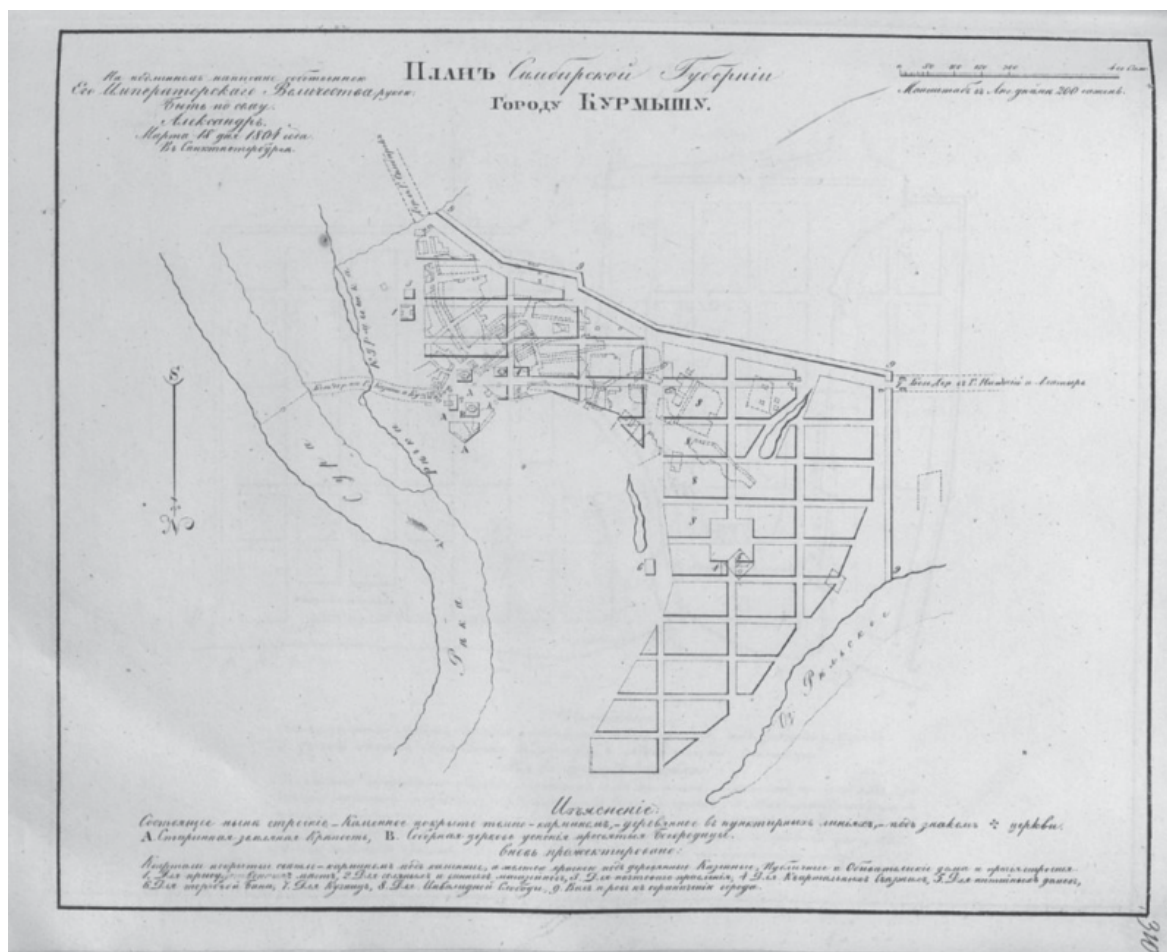

Рис. 1. План Симбирской губернии г. Курмышу. Генеральный план, утвержденный императором Александром I, 18 марта 1804 г.

Рис. 2. Курмыш на рубеже XVIII–XIX вв. Фрагмент карты генерального межевания

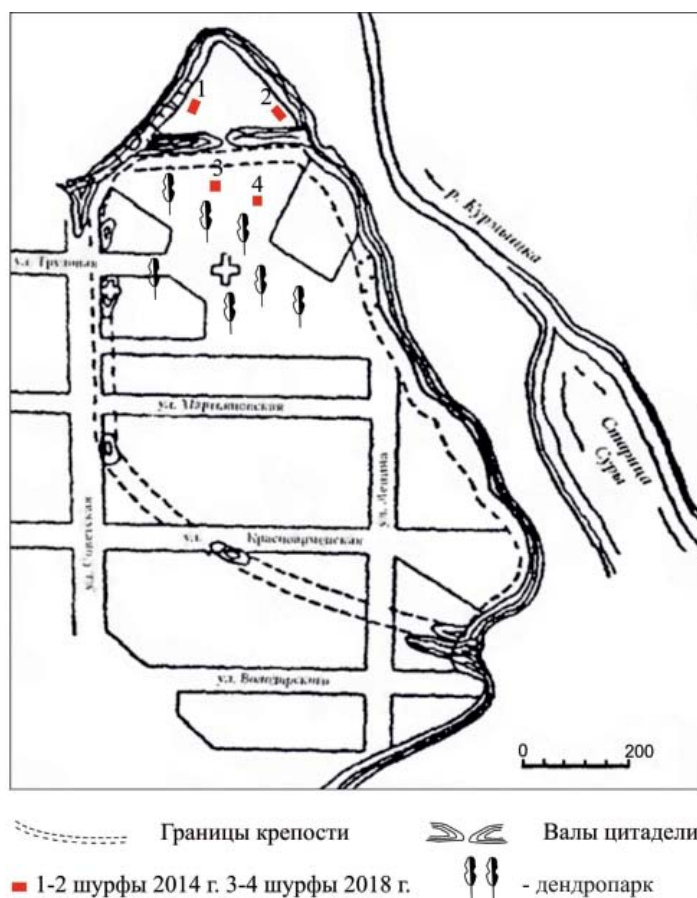

Рис. 3. Исторический культурный план г. Курмыш. План крепости (реконструкция И.А. Кирьянова) с обозначением мест исследований

Рис. 4. Вид на крепость Курмыш с запада

Рис. 5. Вид на крепость Курмыш с севера

Рис. 6. Городище Курмыш, шурф № 1, после прокопки и зачистки на уровне 2 штыка. Вид с юга

Рис. 7. Городище Курмыш. Шурф № 2 после прокопки сооружений, и зачистки на уровне материковых ям. Вид с юго-запада

Рис. 8. Керамика из археологических исследований крепости Курмыш

1 – венчик сосуда татарско-русского по образцу белоглиняной буро-серого Кур.г.-14/100); 2 – венчик сосуда в болгарских традициях красного хорошего обжига (Кур.г.-14/221); 3 – стенка сосуда лепного с примесью толченой раковины и растительности (Кур.г.-14/53); 4 – венчик сосуда татарско-русского по образцу белоглиняного буро-серого (Кур.г.-14/57); 5 – венчик сосуда русского белоглиняного плохого обжига с примесью песка Кур.г.-14\341; 6 – венчик сосуда татарско-русского по образцу белоглиняной буро-серого (Кур.г.-14/251); 7 – венчик сосуда русского белоглиняного хорошего обжига Кур.г.-14\145); 8 – венчик сосуда русского белоглиняного плохого качества (Кур.г.-14/17); 9 – венчик сосуда русского песочно-дресвяного (Кур.г.-14\356); 10 – венчик сосуда татарско-русского серого хорошего обжига (Кур.г.-14/225); 11 – венчик сосуда татарско-русского по образцу белоглиняной буро-серого с ангобом снаружи (Кур.г.-14\163); 12 – стенка сосуда в болгарских традициях коричневого плохого обжига (Кур.г.-14/261); 13 – венчик сосуда татарско-русского по образцу белоглиняной красного плохого обжига (Кур.г.-14\189); 14 – венчик сосуда русского белоглиняного плохого обжига (Кур.г.-14/27)

(рис. 3). Внутри крепости находились воеводский двор, склад боеприпасов, тюрьма, 17 амбаров и житниц, 28 дворов, собор Успенья Богородицы невдалеке (в 2,7 км) от княжеской резиденции (по своим размерам вполне соответствующей габаритам древнерусских укрепленных усадеб – около 5000 кв. м (рис. 1)) (Очеретин, 1994, с. 200).

Как военная крепость Курмыш упоминается в 1670 г. Сообщается, что жители города открыли ворота крепости отряду разинцев во главе с Максимом Осиповым. В 1745 г. крепость частично сгорает и позднее не восстанавливается (Акаемов, 1825, с. 14–15).

Городище Курмыш располагается в Пильненском районе Нижегородской области в северо-восточной части современного села, на мысу левого берега р. Курмышки, притока р. Суры, образованном поворотом русла (рис. 2). Культурный слой городища датируется концом XV–XX вв. (Археологическая, 2004, с. 297–98). Единовременно с крепостью в 3–4 км севернее г. Курмыш, существовало крупное неукрепленное поселение – Курмыш-4 – площадью 16,5 га, датируемое второй половиной XIV вв. – началом XV вв. (Грибов, Ахметгалин, 2013, с. 79–83).

Археологические обследования территории крепости велись И.А. Кирьяновым в 1948, 1950 гг., И.А. Очеретиным в 1991 г. Остатки вала в виде повышений рельефа зафиксированы на ул. Советской и Красноармейской (рис. 4). Ров сохранился близ выходов к коренному берегу реки на ул. Советской и Володарского, а также в северной части, где он отсекает стрелку мыса (его длина здесь около 70 м, ширина в основании около 7 м, глубина около 1,5 м). Высота террасы 30 м над поймой (рис. 5). Площадка городища нарушена постройками, распашкой под огороды. Культурный слой состоит из двух прослоек: верхней – коричневого пестроцвета мощностью 40 см, и нижней – темно-серой супеси толщиной около 10 см. На стрелке мыса зафиксирован слой светло-серой супеси мощностью 85 см, без находок, возможно остатки вала (рис. 1) (Очеретин, 1994, с. 201).

Исследования последних лет также подтвердили ранее полученные результаты. Суммарная мощность слоя вне ям и сооружений составляет до 100 см. Было выявлено пять хозяйственных построек XV–XVI в. (Ахметгалин, 2014, с. 36, 40, Ситдииков, 2018, с. 56–59) (рис. 6; 7).

Первый, верхний слой – темно гумусированная серая рыхлая супесь мощностью до 50 см. Находки из слоя представлены фрагментами фаянса, фрагментами стеклянных бутылок, керамики глазурованной, керамики неопределенной мелкопесочной, по образцу белоглиняной поздней, керамики окислительного обжига поздней (без морения), керамики чернолощеной серой лощеной, керамики серой nelloщеной (мореной красноглиняной). Вероятно, слой сформировался при подсыпке края террасы, по находкам и стратиграфии его можно датировать рубежом XX–XXI вв. (Ахметгалин, 2014, с. 36, 40).

Второй слой – коричневатый суглинок мощностью до 20 см, является выбросом из близлежащего колодца. Находки из слоя представлены фрагментами керамики серой nelloщеной (мореной красноглиняной), керамики окислительного обжига поздней (без морения), керамики чернолощеной, серой лощеной по образцу белоглиняной поздней, керамики неопределенной мелкопесочной, керамики глазурованной, фрагментом сосуда поливного: тесто красное, полива желтая изнутри, голубая снаружи. Его можно датировать второй половиной XX в. (Ахметгалин, 2014, с. 36, 40).

Третий слой – темно-серая гумусированная супесь мощностью до 60 см. Находки из слоя представлены фрагментами керамики чернолощеной и серой лощеной, керамики неопределенной мелкопесочной, керамики белоглиняной nelloщеной, керамики буро-серой песочно-дресвяной, керамики в болгарских традициях, керамики круговой с примесью толченой раковины, керамики по образцу белоглиняной ранней, фрагментом керамического грузила (рис. 8). Слой сформировался на протяжении XV–XVIII вв., вероятно, верхняя часть слоя была срезана (Ахметгалин, 2014, с. 36, 40).

В результате проведенных исследований были получены дополнительные сведения о характере отложений культурного слоя в данном районе. Культурный слой неравномерно распространен и насыщен материальными остатками. Последующее хозяйственное освоение значительно разрушило более ранние напластования эпохи Средневековья. Освоение территории крепости Курмыш, вероятно, началось не позднее конца XIV в., и на начальном этапе заселение было незначительным. Период максимального функционирования крепости падает на период XVI–XVII вв.

ГЛАВА 4 ЧЕБОКСАРЫ В XV–XVIII ВВ.

Город расположен на правом берегу р. Волги по долинам речек Чебоксарки и Кайбулки. С двух сторон он зажат холмами коренного берега, именуемыми восточным и западным косогорами. Во время весенних паводков низинная часть подтапливалась.

В русских летописях город впервые упоминается под 1469 г. в связи с походом на г. Казань русских войск под руководством воеводы Ивана Руно. Интенсивная застройка происходит после присоединения Казанского ханства к русскому государству и постройки русской крепости в 1555 г.

В 1625 г. в Чебоксарах насчитывалось 458 военнослуживых, что связано с военной функцией города. По данным ревизии 1723 г., податное население составляло 1924 души мужского пола. В 1879 г. проживало 4498 чел. (2190 мужчин, 2308 женщин), в т. ч. 2450 мещан, 277 купцов, 146 дворян, 200 ремесленников. Традиционно вокруг города образовывалась густая сеть деревень, которые с начала XX в. постепенно включались в городскую черту (селения Будайка, Геронтьевская Слобода, Кнутиха, Лакреева, Набережная, Свечкино, Селиваново, Усадки, Якимово). Преобладающим населением были русские.

Город с 1555 по 1704 г. имел деревянную крепость. Реконструированная площадь крепости составляет около 6 га (рис. 1). Преобладала деревянная нерегулярная застройка. На 1880 г. из 783 домов только 33 были каменные. Крупные пожары 1704, 1720, 1755, 1758 и 1773 гг. уничтожали большую часть строений.

Город выполнял административные, военные, торговые и ремесленные функции. С конца XVII в. военное значение Чебоксар ослабло, но возобладала торговая функция. Ремесленное производство в городе представляли кожевники, колокольники, кирпичники, скорняки, сапожники, гончары и бондари. В Чебоксарах начали создаваться небольшие промышленные салотопенные, солодовенные, мыловаренные предприятия. Открылась соляная контора с большим запасом соли, которую вывозили в глубинные районы Сибири.

В 1781 г. Чебоксары получили статус уездного города Казанской губернии. В начале XX в. в Чебоксарах, где проживало 5 тысяч человек, на-

считывалось 90 лавок и магазинов, 3 училища, 2 больницы, банк и небольшая общедоступная библиотека. Город славился храмами. К XX в. сохранились 25 церквей и 4 монастыря, большинство из которых были построены в XVI – первой половине XVII в. (Димитриев, 2003). (рис. 2).

На данный момент большая часть исторического центра у устья р. Чебоксарки затоплена водами залива и акваторией речного порта. Культурный слой и историческая застройка сохраняется на восточном и западном косогорах. В XX в. площадь города многократно увеличивается за счет создания ряда промышленных зон и притока рабочих. От центра город расширился в трех направлениях, образовав северо-западный, ново-южный и юго-западный районы, поглотившие окрестные селения (рис. 3).

Планировка городов складывается под воздействием социальных, экономических, этнических, природно-географических факторов. Последний фактор сильнее всего сказался на планировке Чебоксар. В XVI–XVIII вв. структура Чебоксар складывалась из города-крепости, посада, окруженного стенами простой конструкции – острогом (до 1690 г.), и слобод. Ниже кремля расположен Свято-Троицкий монастырь (1566 г.). Слободы, как и в других поволжских городах, формировались на основе сословной или этнической принадлежности жителей. В документах упоминаются Татарская слобода и слобода без названия в 36 дворов. На ранних этапах существования Чебоксар в составе его населения отмечалось небольшое количество представителей местных поволжских народов (чувашей, татар и др.), проживавших главным образом в Татарской слободе, а также служивых иноземцев (литовцев, немцев и др.).

Сложные условия орографии, взаимодействие различных планировочных традиций, непрекращающиеся миграции населения приводили к сложению беспорядочной планировки, которая формировалась из участков дисперсно-кучевой и рядовой застройки.

По мере расширения Чебоксар и увеличения численности жителей возрастала плотность застройки, формировались новые подъездные пути. Все большее значение приобретало рядовое распо-

Рис. 1. Чебоксарский кремль. С гравюры голландского путешественника Н.К. Витзена. 1692 г.

Рис. 2. Город Чебоксары в 1907 г. Низинная часть города и западный косогор

Рис. 3. Карта г. Чебоксары с указанием границ старого города

ложение построек вдоль дорог, но до XVIII в. планировка была стихийной. Жилые и хозяйственные строения приспособлялись к особенностям рельефа (овраги, речки, логи) и размещению гидрографических объектов (мосты, мельницы, запруды), что способствовало образованию запутанной сети извилистых улиц и переулков, ширина которых менялась от места к месту. На отдельных улицах направление застройки определялось расположением церкви или монастыря. Конфигурация застройки одно- и двусторонняя, чередующаяся с участками, не имеющими строений. Примерами односторонок, связанных с социально-экономическими факторами, могут служить односторонки Хлебной и Покровской площадей.

В середине XVIII в. правительством предпринимаются попытки перепланирования старых городов. План 1773 г., составленный после большого пожара 30 апреля 1773 г. (чертил Дм. Вершинин), регламентировал не только общий вид планировочной сетки, но и характер застройки. Устанавливались определенные требования к материалу строительства и расположению построек. В 1829 г. для Чебоксар был разработан очередной регулярный план, который предусматривал упорядочение и геометризацию застройки, введение квартала в качестве первичной планировочной единицы. Впрочем, ни один из них полностью не реализован.

В XIX в. преобладающей становится двусторонняя застройка улиц с линейным расположением домов. Улицы, направленные к центру, имели почти сплошную застройку, что приводило к блокированной периметральной застройке кварталов центральных районов.

В целом городской план прошел два основных этапа в своем развитии. На первом этапе (XVI – конец XVIII вв.) доминировало стихийное сложение планировки, а на втором (вторая четверть XIX – начало XX вв.) преобладало целенаправленное формирование городского плана по единой градостроительной схеме. Инновациями XIX в. являлись слияние всех структурных частей города в единое целое, геометризация плановой сети, пространственное расширение окраин.

История изучения. Историография работ, посвященных археологическому изучению города, ограничена небольшим перечнем статей и монографий. Основные результаты археологических раскопок и шурфовок изложены в монографии Ю.А. Краснова и В.Ф. Каховского «Средневековые Чебоксары» (1978). В ней представлены результаты работы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг., где львиную долю занимает материалом полностью завершеного раскопа I, расположенного во дворе школы № 15 на углу ул. Чернышевского и Бондарева (Краснов, Каховский, 1978). Последующие раскопки описаны в статьях В.Ф. и Б.В. Каховских (Каховский, 1982).

В 2012 г. вышел сборник статей «Старые Чебоксары», составителем и научным редактором которого является Е.П. Михайлов. В нем изложена история археологического изучения города и окрестностей, дан богатый иллюстративный материал и научное описание.

Анализ исторических источников, описание застройки и социально-экономического облика города представлены в отдельных статьях и монографии В.Д. Димитриева (2003). Несомненный интерес представляют работы А.И. Терентьева и

Н.И. Муратова о сохранившихся и исчезнувших памятниках архитектуры, исторической планировке города (Терентьев, 1992; Муратов, 2011–2012).

Коллекция вещевых материалов г. Чебоксары сосредоточена в фондах Чувашского национального музея, Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и Чувашского государственного института гуманитарных наук.

До середины XX столетия серьезных археологических раскопок по изучению городских напластований не проводилось. Сведения по древним этапам городской истории пополнялись за счет случайных находок и описания отдельных объектов (подземные ходы, фундаменты, развалины). (Археологическая карта, 2015, с. 109, 124–135).

Археологическое изучение г. Чебоксары начинается в 1966 г. Чувашским отрядом Поволжской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Каховского. Раскоп 1966 г. у кинотеатра «Родина» выявил наличие мощного культурного слоя. Также изучено 11 погребений XVIII в., совершенных по христианскому обряду.

Шурфы 1968 г. в посадской части города подтвердили наличие мощных культурных напластований и дали различные находки городской культуры. Уже на стадии шурфовочных работ выяснилась особенность залегания культурного слоя: на глубине 1,6–1,8 м напластования были густо насыщены влагой, что обеспечивало хорошую сохранность органических материалов.

Масштабное и целенаправленное изучение начинается в связи разработкой проекта и строительства Чебоксарской ГЭС. В 1969–1970 гг. первым Чувашским отрядом Чебоксарской новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР (начальник экспедиции Ю.А. Краснов) заложен раскоп I площадью 300 кв. м. Основные работы осуществлялись преподавателями Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова В.Ф. Каховским (начальник отряда), преподавателем И.С. Вайнером и студентами историко-филологического факультета.

Из раскопа I впервые получен огромный вещевой материал с точной стратиграфической привязкой. Следовало расширить площадь археологических раскопок, особенно на территории первой очереди обустройства береговых сооружений. Наиболее крупные раскопы заложены от левого берега р. Чебоксарки до Троицкого монастыря (раскопы II–VI). В 1972 г. на территории бывшего острога заложены шурфы I–X размерами 2×2 м. Всего изучено свыше 800 кв. м, что несравнимо меньше площади строительства. Большая глубина раскопов не позволяла

быстро завершать раскопки. Осложняли работу и грунтовые воды.

В 1979–1980 гг. раскопки проводились под руководством В.Ф. и Б.В. Каховских в зоне обустройства Чебоксарского залива (раскоп VII–VIII). Вскрыто 240 кв. м посадской части города (Каховский, 1982). Далее в силу ряда причин исследования носили нерегулярный характер. Известно только об охранных раскопках 1993 г. у здания кардиодиспансера. С 2003 г. возобновляются раскопки на кремлевской территории и в целом по западному косогору. В основном они проходили в зоне строительства различных объектов, начиная с резиденции и домовая церкви митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы у Введенского собора.

Раскопами 2003–2006, 2009–2010 гг. под руководством Е.П. Михайлова, Ю.А. Зеленева и Б.В. Каховского изучались район Введенского собора, Соляной конторы, сквера им. К.В. Иванова. Выявлен могильник XVI–XVII вв. с христианским обрядом захоронения.

В последнее десятилетие в связи с активной застройкой и работами по благоустройству территории исторической части проводится много историко-культурных экспертиз земельных участков, отводимых под строительство. Ежегодно пополняется массив сведений о застройке города XVI–XX вв. (рис. 4).

Чебоксарский кремль. Постройка Чебоксарского кремля являлась военной необходимостью. Чебоксары наряду с городами Алатырь, Ядрин, Цивильск, Козьмодемьянск и Васильсурск закрепляли за Русским государством «Горную сторону». В июле 1555 г. архиепископ Казанский и Свияжский Гурий по указу Ивана IV на территории будущего кремля установил полотняную церковь. Для строительства укреплений был избран западный косогор – широкий мысовидный выступ коренного берега р. Волги. С напольной стороны был вырыт ров длиной 426 м. Согласно первому описанию от 1613 г., крепость имела пять башен, две из которых были проезжими (Введенские и Никольские ворота). Крепостные стены рублены в две стены с перегородками, заполненные землёй и камнями. Высота стен достигала пяти метров, ширина – четырех метров.

Кремль неоднократно перестраивался из-за пожаров и ветхости. В 1698 г. он был полностью обновлен, при этом увеличилось количество башен. После пожара 1704 г. он не восстанавливался, и последнее описание его развалин сохранилось под 1729 г. в «Описи бывших крепостных укреплений города Чебоксары». Согласно описи, насчитывалось четыре угловых и три проезжих башни, периметр крепостных стен составил 982 м.

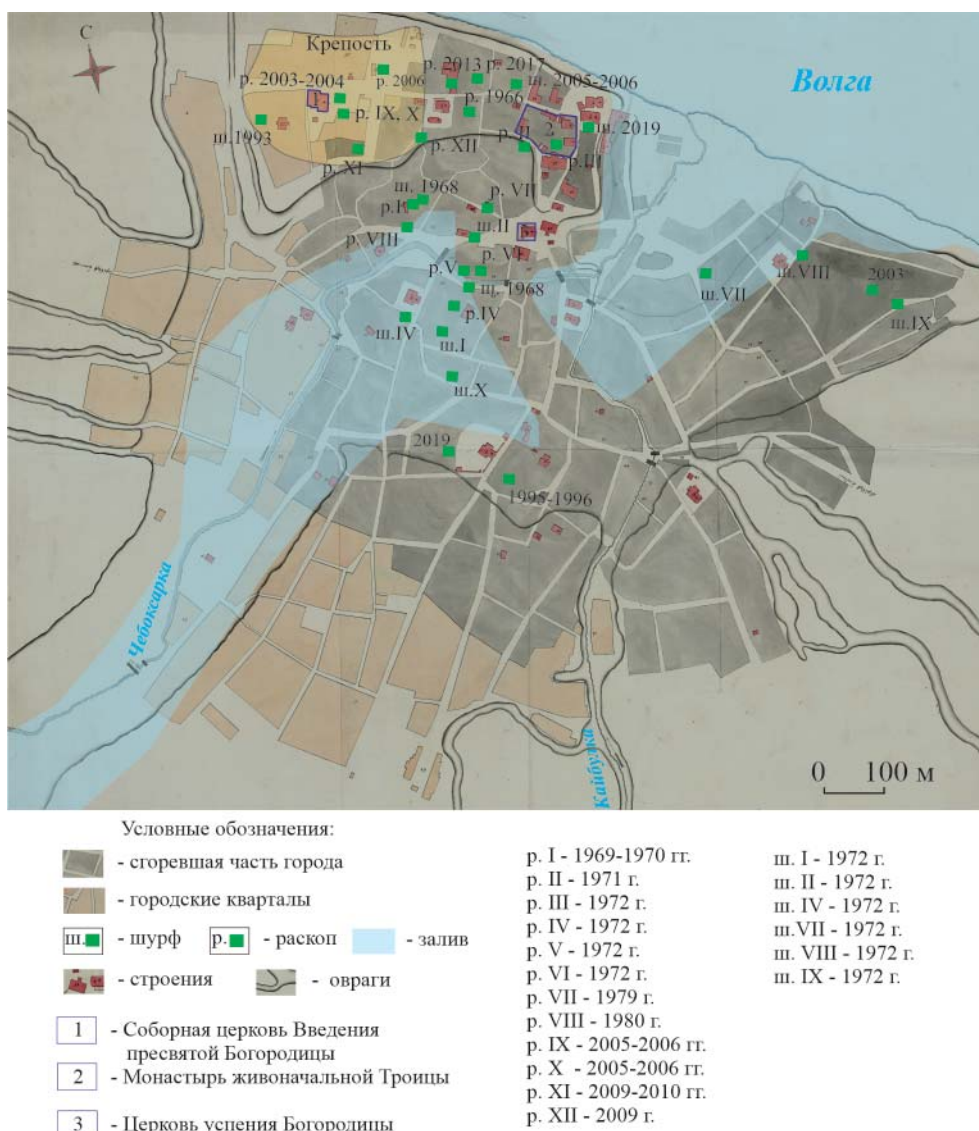

Рис. 4. Карта-схема расположения шурфов и раскопов. Наложение на карту, составленную после большого пожара 30 апреля 1773 г. (по Е.П. Михайлову и М.И. Федулову)

Сильно сnivelированные остатки рва просматриваются в рельефе у стен следственного изолятора (тюрьма постройки середины XVI столетия) и вдоль ул. Свердлова. Однако достоверных археологических объектов, связанных с дерево-земляными укреплениями, археологами так и не было обнаружено.

Характеристика основных раскопов. Мощность культурных напластований в раскопе I достигала 4,7 м, в раскопе II – 5,7–6 м (рис. 5; 6).

Наиболее полное хронологическое членение культурных напластований прослеживается в раскопе I, в нем насчитывается 13 строительных периодов, девять из которых относятся к XIV–XVII вв., т. е. к периоду нерегулярной (плановой) застройки (см. табл. 1). Культурные напластования и строительные периоды часто отделялись прослойками золы и угля – следами пожарниц (Краснов, 1978, с. 16).

В раскопах полностью и частично изучено более 75 деревянных строений. Наличие глубинных и влажных слоев позволило древесным останкам сохранять свой первоначальный вид. Все строения подразделяются на жилые, хозяйственные и производственные (рис. 7).

В посадской части выявлены небольшие дворы и жилые постройки (25–35 кв. м), что указывает на небогатую ремесленную прослойку населения. Все постройки являются наземными, выполненными в срубной и столбовой технике (мастерские, сени, хозяйственные постройки). Фундамент в большинстве случаев, за исключением подкладок из толстых досок, камня или ступей, отсутствует. Землянки и заглубленные в грунты первые этажи домов встречаются редко. Нижние венцы строений содержат элементы завалинок. Во многих местах изучены остатки пола из досок и плах, опирающихся на переводины. Преобладает городской

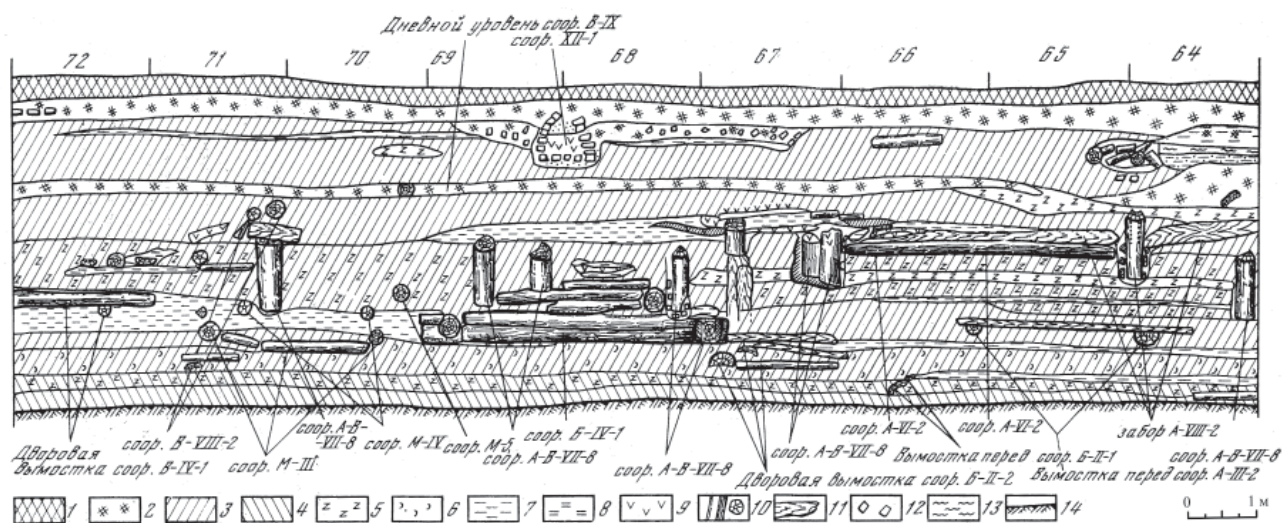

Рис. 2. Профиль северной стенки раскопа во дворе школы № 15

1 — современный насыпной слой;	6 — навоз;	11 — доска;
2 — строительный мусор;	7 — глина;	12 — кирпич;
3 — черный культурный слой;	8 — обожженная глина;	13 — древесный тлен;
4 — темно-серый суглинистый слой;	9 — уголь;	14 — материк
5 — щепа;	10 — бревно;	

Рис. 5. Стратиграфия северной стенки раскопа во дворе школы № 15. 1969–1970 гг.

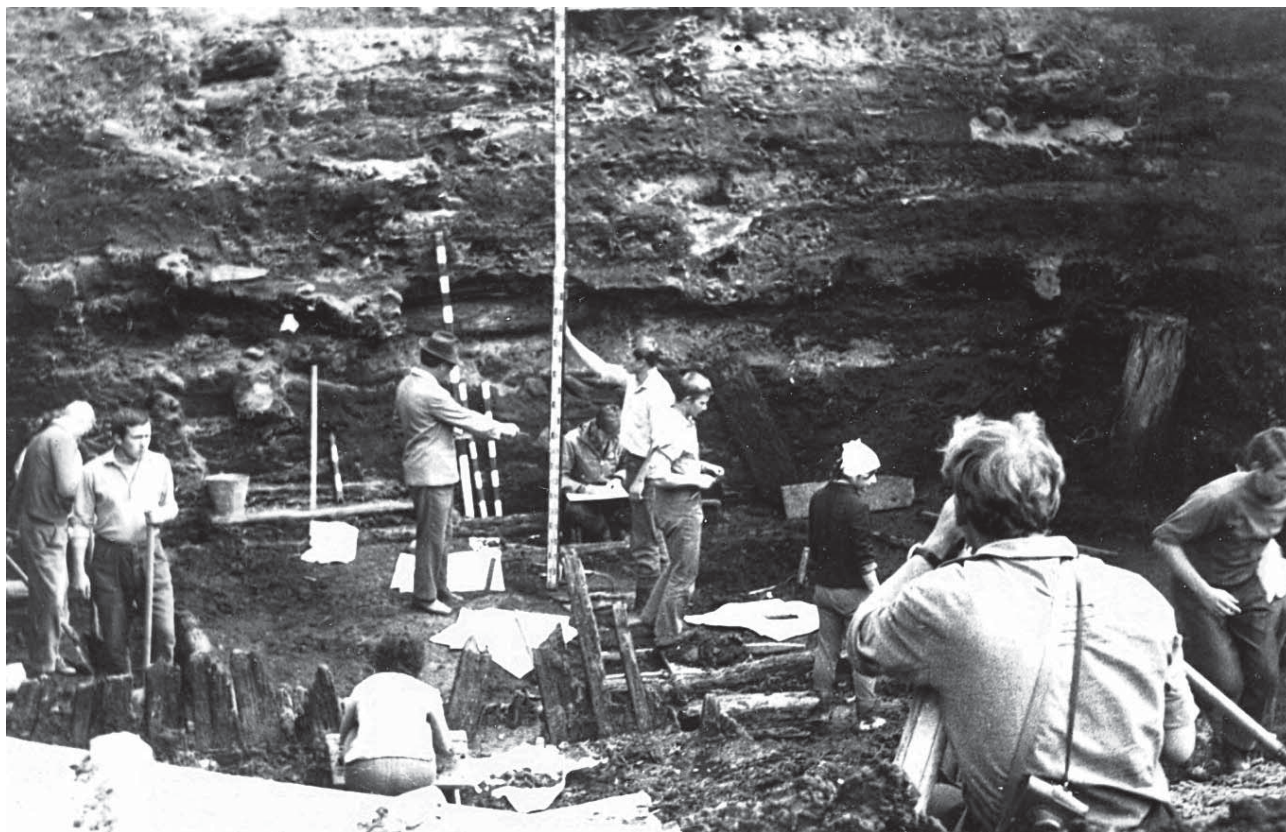

Рис. 6. Профиль стенки раскопа 1971–1972 гг. Процесс работы

ГЛАВА 4. ЧЕБОКСАРЫ В XV–XVIII ВВ.

Таблица 1

Хронологическое членение раскопа I во дворе школы 15 (по Ю.А. Краснову и В.Ф. Каховскому)

Глубина (см от 0)	Пласты	Строительные периоды	Датирующие находки	Дата
0	1	XII–XIII	каминные изразцы; монета 1-й половины XIX в. и 2-й половины XVIII в.; штофное стекло	XIX–XX вв. Слой перемешан
	2			
	3			
	4	X–XI	Монета начала XVIII в.; полихромные рельефные и каминные изразцы; штофное стекло; глиняные курительные трубки	XVIII в.
	5			
100	6	VII–IX	Монеты середины XVII в.; изразцы красные неполивные, зеленые поливные, полихромные с выпуклым рельефом; зеленые поливные кровельные плитки; сосуды с зеленой поливой	XVII в.
	7			
	8			
200	9	V–VI	Береста с надписью 1-й четверти XVI в.; серебряная монета конца XVI в.; замки с шаровидным туловом; овальные и В-образные кресала; сосуды с пепельно-серым и серебристым лощением; желтая керамика с лощением; желто-зеленая полива плохого качества (рис. 12)	XVI в.
	10			
	11			
	12			
300	13	III–IV	Замки цилиндрические XII–XV вв.; наконечник стрелы XIV–XV вв.; узкие овальные кресала; деревянные гребни с вогнутыми боковыми сторонами; керамика с синей росписью под бесцветной поливой на сером черепке; чернолощенные и поливные кумганы; желто-зеленая полива плохого качества; желтая и красная лощеная посуда	XV в.
	14			
	15			
	16			
400	17	I–II	Поливная кашинная посуда; изразцы с голубой и синей поливой золотоордынского времени; бронзовое зеркало того же времени; замки XII – начала XV в.; ключи от сложных замков XII–XIV вв.; наконечник стрелы XIV–XV вв.; бронзовый прорезной гребень с изображениями конских головок и кружковым орнаментом	Кон. XIII–XIV вв.
	18			
	19			
	20			
	21			
	22			
	23			

Таблица 2

Таблица строительных периодов раскопа II (по В.Ф. Каховскому)

Строительный период	Сооружения/нивелировочный уровень	Датировка
1	Следы частоколов (в пластах 23–24) на уровне -453–460	Рубеж XV–XVI вв.
2	Соор. 10, 10б, 10в (пласты 21–22), уровень -404–420	Сер. XVI в.
3	Соор. 9 (пласт 19) уровень -397	Нач. XVII в.
4	на уровне -270–290	Сер. и втор. пол. XVII в.
5	Соор. 8, 8б (пласт 14–16) Соор. 6, 7, 7а на уровне -260–270	Втор. пол. и конец XVII в.
6	Соор. 2, 2, 2б, 3, 3а, 4, 5 (Пласт 10–11), на уровне -220–240	Сер. XVIII в.

закрытый двор. Усадьбы были обнесены забором или частоколом из бревен, вкопанных вертикально в грунт (рис. 7).

Хорошая сохранность бревен из строений позволила Е.П. Михайлову провести дендрохронологические исследования. Коллекция, собранная в полевой сезон 1979 г., состоит из 96 дендрохронологических образцов, спиленных из почти всех сооружений. В ней 78 образцов хвойных пород, 18 образцов дуба, еще четыре образца лиственных пород в коллекцию не включены. Были получены отрывочные относительные шкалы по сосне и дубу, составлены отдельные относительные шкалы для сопряженных графиков роста и выявлены основные закономерности роста годовых колец (Михайлов, 1982, с. 82).

Дома отапливались небольшими кирпичными печами на опечке, размеры которых редко превы-

шают 1,5×1,5 м. О внешнем виде ранних образцов печей говорить затруднительно, т. к. не оставалось целых кирпичей. Вероятно, часть из них топилась по-черному. С XVII в. распространены печные изразцы, в домах зажиточных жителей найдены развалы поливных полихромных изразцов с растительным орнаментом и сюжетными картинками (личины, животные и птицы, всадники) (рис. 8).

Дома ремесленников были одновременно и их мастерскими. Дом разделялся на жилую и рабочую части. В домах обработчиков кожи найдены зольники для выделки кожи, в других домах – инструменты для обработки металлов, дерева и керамических изделий.

Особенностью городского благоустройства являются деревянные мостовые из бревен и плах, укрепленных поперек дороги на поперечинах и стёсанных сверху топором. Найден хорошо сохра-

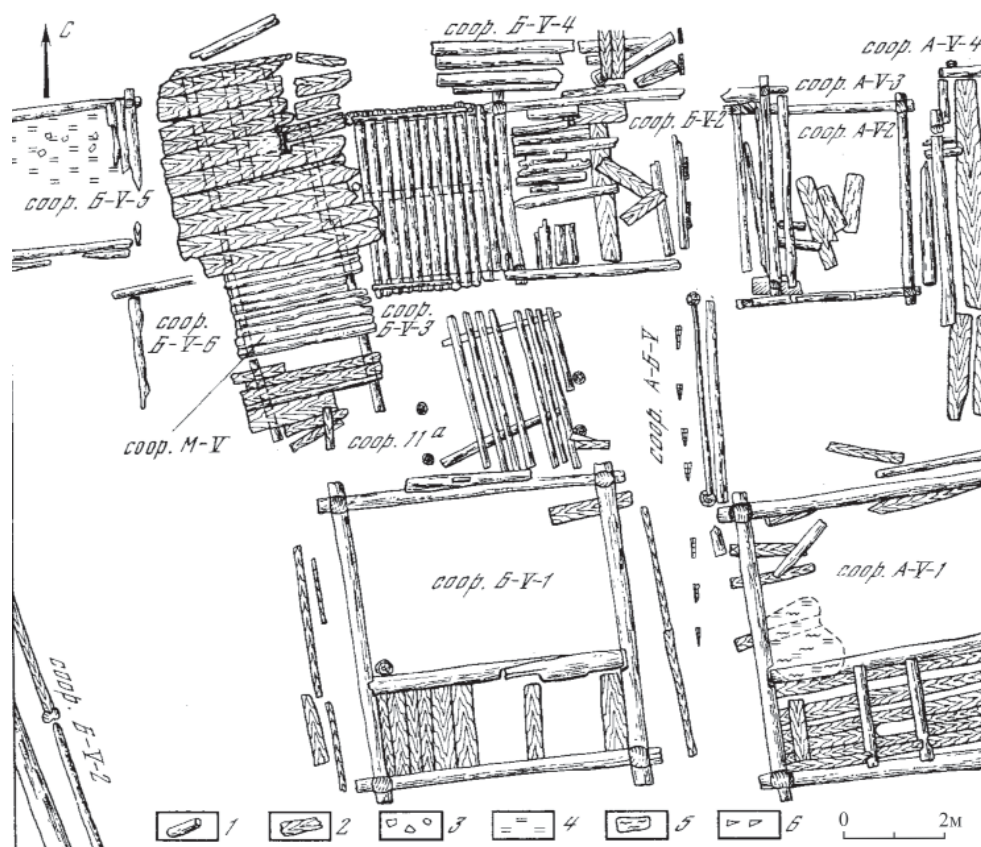

Рис. 7. Раскоп I. План застройки в 5 строительном периоде.
Условные обозначения: 1 – бревна; 2 – доски; 3 – обломки кирпича; 4 – обожженная глина; 5 – зола; 6 – врытые в землю плахи

нившийся настил XV – первой половины XVI в. В отдельных сооружениях имелись вымостки и въезды во дворы из деревянных настилов.

В слоях XIV–XVII вв. сохранилось большое количество изделий из дерева и коры. Среди исключительных находок следует выделить находку берестяного сосуда с написанным словом «берозовой» (рис. 9).

Бондарное производство представлено отдельными клепками, обручами, ведрами и ушатами. Среди бытовых предметов найдены деревянные горшки, тарелки, ковши, солонки и другие предметы.

Богатый комплекс предметов представлен железными, костяными и кожаными изделиями. Имеются следы ювелирного производства (украшения из бронзы и серебра). Интересной находкой является бронзовое зеркало диаметром 7,8 см. Обратная сторона имеет небольшой бортик и украшена небольшими полусферами, сконцентрированными в центре. Авторы раскопок отнесли его к золотоордынскому времени (Краснов, Каховский, 1978, с. 141).

Характеристика керамики раскопа I. Комплекс чебоксарской керамики достаточно своеобразен и отличается от керамики одновременных русских городов. На основе классификации кера-

мики из раскопа I в дальнейшем выстраивалась датировка и типология чебоксарской керамики. Н.А. Кокориной проведен анализ небольшой выборки керамики, выполненной в болгарских традициях, из раскопов 1979 и 2003–2005 гг., уточнена хронология доордынских и золотоордынских образцов (Кокорина, 2009).

Большинство керамического материала изготавливалось на гончарном круге и являлось продукцией местных гончаров. Данный вывод делается на основе обнаруженных при раскопках остатков гончарных мастерских и горнов для обжига керамики (Краснов, Каховский, 1978, с. 81–104).

Керамический комплекс г. Чебоксары представлен сосудами XIV – начала XX в. При классификации керамики Ю.А. Краснов и В.Ф. Каховский основывались на цвете черепка, а не на форме сосудов в связи с их сильной фрагментацией. Это основание требует критического подхода при выстраивании хронологии посуды, полученной в ходе современных раскопок (рис. 11; 12).

Гончарная керамика по признакам, относящимся к цвету черепка, характеру глиняного теста, степени обжига, характеру обработки поверхности, может быть разделена на следующие керамические типы.

Рис. 8. Раскоп I 1969–1970 гг. Остатки деревянных строений и мостовой. (Из фондов археолого-этнографического музея им. П.В. Денисова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова)

Красная и желтая керамика с лощением и несколькими видами орнаментов (линейным, однорядной или многорядной волной, арочным орнаментом и орнаментом из округлых неглубоких ямок, оттисков гребенчатого штампа). Она бытовала с XIV и до первой половины XVI в. Подобные образцы были найдены и при раскопках на территории западного косогора.

Серая керамика характеризуется ровным серым цветом черепка поверхности и на изломе. Преобладает орнаментация в виде многорядной волны, обычно помещённой между группами горизонтальных линий. Обнаружена она в слоях XIV – первой половины XVI в. (1–2,3% в пласте).

Грубая желтая керамика характеризуется жёлтым цветом черепка на изломе, плохим и средним обжигом, наличием среди примесей значи-

тельного количества шамота или крупнозернистого песка. Преобладала горшковидная форма. Встречается в слоях XIV–XV в. и составляет примерно 2–3%, в конце XV в. резко возрастает и достигает 20%. Позднее она довольно быстро исчезает.

Грубая серая керамика характеризуется серым цветом поверхности черепка и в изломе, средним обжигом, значительными примесями песка, реже шамота в тесте, недостаточной его промешанностью, шероховатой поверхностью. Орнаментация отсутствует. Грубая серая керамика в Чебоксарах была широко распространена в слоях XIV – начала XV в. (11–32%), в слоях XV–XVI вв. значительно меньше (0,5–7%), позднее не встречается.

Грубая красная керамика характеризуется красным цветом черепка с наружной и внутрен-

Рис. 9. Печные изразцы из фондов Чувашского национального музея

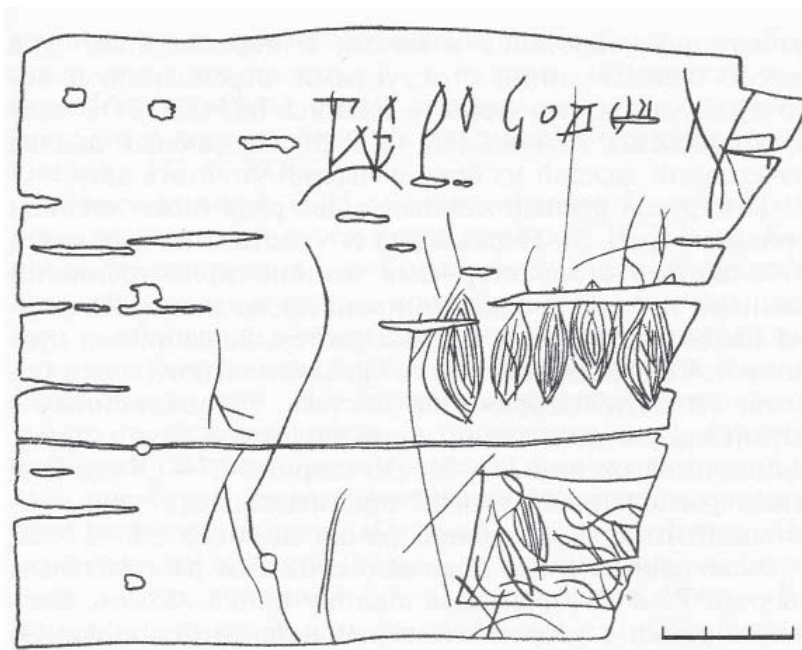

Рис. 10. Фрагмент берестяного сосуда с надписью «БЕРОЗОВОЙ» и рисунком

ней поверхности и излома, плохим или средним обжигом, значительными примесями песка или реже шамота в тесте, недостаточной его промешанностью. Лощение отсутствует. Керамика данного типа в единичных фрагментах появляется в слоях XV в. Процент ее увеличивается в XVI в. (до 13–14% концу столетия). В слое XVII в. она занимает третье место после бурой и черной лощеной, составляя в среднем около 20% всей массы. В слоях XVIII–XIX вв. она преобладает. Грубая красная керамика находит ближайшие аналоги в русской керамике, часто встречающейся в средневековых слоях городов и сельских поселений.

Черная или чернолощенная керамика крайне многочисленна в процентном соотношении. Основными признаками черной керамики являются: ровный черный цвет черепка снаружи и внутри, но различной интенсивности на различных сосудах. Начиная с рубежа XV–XVI вв. всегда присутствует лощение. Нелощеная черная керамика встречается только в слоях конца XIII–XV в., где ее около 10–12% черной посуды. Черная керамика встречается во всех слоях, что позволяет соотносить ее с концом XIII – XIX в. В пластах количество черной посуды меняется. В слоях XIV–XV вв. – 15–20%, в слоях XVII–XVIII вв. – 20–25%. В самых верхних слоях раскопа, датированных концом XVIII–XIX вв., она сокращается до 10–15%.

Особый интерес вызывает орнамент чернолощенной керамики. По способу нанесения его можно разделить на прочерченный, штампованный или пролощенный. Первый и второй наносились на керамику до лощения, почему иногда кажется сглаженным. Прочерченный орнамент включает в

себя линейный, многорядную и однорядную волну, ямочный и гребенчатый орнаменты.

Бурая керамика является преобладающей. Для бурой керамики характерно плохо промешанное тесто с примесями крупнозернистого песка, изредка шамота. Поверхность заглаженная, чаще шероховатая. Бедно орнаментированная, лощение отсутствует. В большинстве случаев такая керамика сформована на круге медленного вращения (ручным). Бурые горшки имеют приземистую форму и выпуклые стенки. Диаметр дна всегда меньше диаметра горла. Бурая керамика встречается во всех горизонтах чебоксарского раскопа, что позволяет говорить о ее бытовании здесь с конца XIII–XIV вплоть до XIX в. По всем признакам эта керамика напоминает хорошо известную русскую кухонную посуду.

Раскоп II. В 1970–1971 гг. экспедиция продолжила раскопки в древней части города. Раскоп II (100 кв. м) был заложен на площади, примыкающей к стене мужского Троицкого монастыря. Общая мощность культурного слоя в раскопе достигала 6 м. К примеру, остатки слоя со стороны набережной, выявленные в 2019 г., составляли всего один метр, но там они потревожены строительными работами (рис. 13).

Полученный при раскопках вещевой материал послужил ориентиром для датировки культурных слоев (табл. 2). Нижние слои раскопа, включавшие пласты 24–27, В.Ф. Каховский датировал по болгарской керамике и золотоордынским вещам концом XIII–XV вв. О XIII в. говорят находки в пластах 25–26 болгарской желтой и красной керамики с лощением, хорошего горнового обжига.

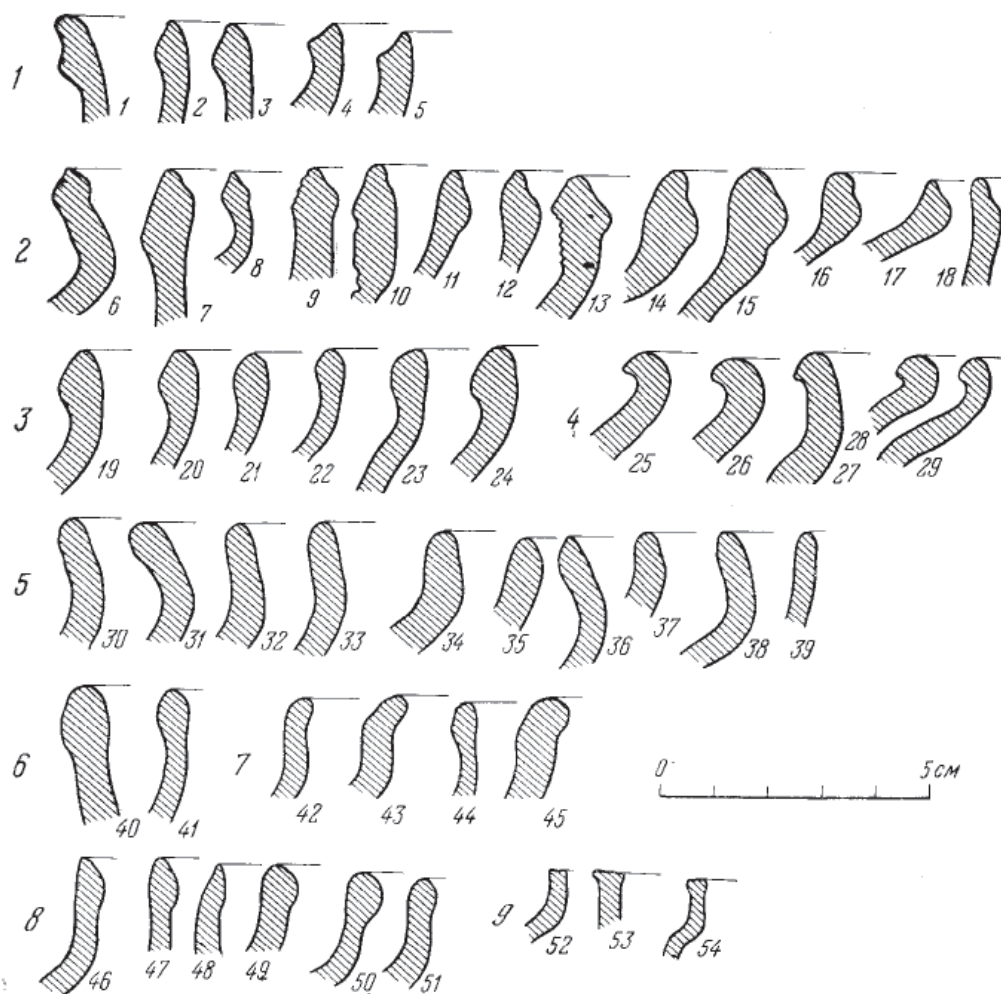

Рис. 11. Основные типы венчиков чебоксарской керамики

Следует отметить, что к болгарской керамике относились черепки как домонгольского, так и золотоордынского периодов.

Пласты 19–23 В.Ф. Каховский датировал XVI в. по керамике, аналогичной керамике раскопа I: светло-желтой керамике с лощением эпохи Казанского ханства, чернолощеному сосудам (кувшины, миски, кубышки) и грубой серой керамике XV–XVI вв.

Пласты 14–18 отнесены к XVII в. В них найдены фрагменты монохромных красных изразцов без поливы, с орнаментом из растительных узоров. В 17 пласте были найдены обломки сосудов с зеленой поливой, характерной для XVII в.

В.Ф. Каховский считал, что рубеж слоев XVII–XVIII вв. условно можно проводить в 13 пласте, где впервые было найдено штофное стекло. В 7–13 пластах представлены полихромные рельефные изразцы, штофное стекло, широко распространенное в русских городах XVIII в. В 11 пласте найдена монета 1715 г.

Верхние слои раскопа (пласты 1–6) археолог отнес к XIX–XX вв. В них были найдены монеты

1811–1813 гг., фарфор XIX – начала XX вв. и другой современный материал.

В раскопе II В.Ф. Каховским было открыто 10 сооружений (жилые дома, хозяйственные постройки, колодцы). Сооружение 10 на глубине 4,11 м представлено нижними венцами небольшого хлева и фрагментом частокола.

Сооружение 9, открывшееся на глубине 3,47–3,58 м, содержало развал печи и остатки деревянного пола. По находкам обрезков кожи, ножам сооружение определено помещением для ремесленника.

Комплекс сооружений 8, 8а и 8б представлял собой строения двух соседних усадеб. Найден бревенчатый дом, колодец, деревянный забор из сосновых бревен с проходом-калиткой.

Сооружение 6 и 7 на глубине 2,7–2,5 м являлись нижними венцами сруба, с остатками пола, развалом печи и пристроем к нему. На этой же глубине были обнаружены остатки нижних венцов и участок пола жилого дома.

Сооружение 5 на глубине 2,4–2,49 м являлось остатками шести верхних венцов колодца, сру-

Рис. 12. Фрагменты стенок и целые сосуды из раскопок средневековых Чебоксар XVI–XVIII вв.

бленного в лапу из коротких сосновых бревен. Сохранившаяся глубина колодца составляла 1,3 м.

Сооружения 4 и 3 являлись остатками жилых домов, построенных после сооружения 5.

Данная застройка внутри одной усадьбы начиная с середины XVII в. (сооружения 8, 6, 4, 3) неоднократно перестраивалась. Вышележащие сооружения отнесены к XVIII–XIX вв.

Найденный при раскопках в 1971 г. керамический материал (более 25 тыс. фр.) аналогичен посуде в раскопах 1969–1970 гг. (бурая, черная, грубая желтая, грубая красная, серая, белая, болгарская круговая и лепная).

Остатки кожевенного и сапожного ремесла составляют 13% находок (кожаные голенища, подошвы, головки от сапог, задники, каблучки, поршни, рукавицы, футляры для ножей, части ремешков и одна книжная обложка, украшенная тиснением). Большое количество кожаных фрагментов также было найдено в нижних слоях шурфа VII в Речном переулке.

Ремесленно-торговый центр города явно характеризуется кожевенным и сапожным производством. В XIX в. проблема сточных отбросов от кожевенного производства вынудила вывести их за пределы города.

Более 300 штук металлических изделий представлены в основном ремесленными инструментами, орудиями плотника и бытовыми предметами: найдены зубило и железная стамеска, инструменты сапожника и подковы, светцы для лучинок, гвозди и т. п. (рис. 14). Кроме того, обнаружено много изделий из железа (рис. 15: 1, 2, 5), бронзы (рис. 15: 4, 9, 10), глины (рис. 15: 6–8).

Обработка дерева занимала важное место в ремесленном производстве в городе. Найдены сосуды, выточенные на токарном станке, берестяные

туески, кадушка и деревянное ведро, деревянные ложки.

В 1972 г. в низовьях р. Чебоксарки В.Ф. Каховским было заложено четыре раскопа и десять разведочных шурфов общей площадью в 392 кв. м. Широкий фронт работ позволил археологу выяснить существование ремесленного района в правобережье р. Кайбулки.

Раскопки города возобновились в 1979 г. Экспедицией было исследовано большое количество различных сооружений, основная их часть датирована XIV–XVII вв. (гончарные мастерские XIV и XVI вв., мастерская кожевенника XVII в.). Обнаружено 490 штук изразцов, как целых, так и в обломках. Сооружение 5, по-видимому, являлось изразцовой мастерской. Среди представленных образцов выделяются растительные и зооморфные сюжеты, а ангобированный изразец из серой глины изображал животное с четырьмя лапами, задранном хвостом и крыльями. В верхней части имелась надпись «зверь лютый» (Каховский, 1982, с. 20–21). Появление изразцового производства в городе связывается с XVII столетием (см. рис. 8).

В раскопе 1980 г. сооружение № 1 представляло собой каменную вымостку прямоугольной формы. Булыжники были плотно уложены вдоль периметра и в средней части свободно разбросаны. Вымостка служила фундаментом кирпичного здания XIX века (Каховский, 1982, с. 26–27).

Период 1969–1972 гг. оказался самым эффективным за всю историю изучения археологии города. Всего изучено более 1200 кв. м исторического центра, позволивших весьма подробно охарактеризовать хронологию, планировку и хозяйственно-ремесленную деятельность города.

Могильники на территории города. Обнаруженные на территории города могильники мож-

Рис. 13. Остатки культурного слоя с перекрывающим его слоем строительного песка у мужского монастыря. Работы по благоустройству набережной. 2019 г. Фото М.И. Федулова

но разделить на две категории. К первой следует отнести православные некрополи, связываемые с русским населением города и новокрещеными. Народы Среднего Поволжья, в том числе и чувашши, с 1740 г. подвергались насильственной христианизации. Ко второй категории относятся могильники с традиционным обрядом захоронения, характерным для чувашского населения.

Отдельные находки погребений фиксировались во время строительных работ с дореволюционных времён, особенно на прицерковных территориях. В 1926 г. у стен мужского монастыря найдено пять (по другим сведениям, семь) костяков.

В 1967 г. около Воскресенской церкви найден склеп с захоронением священнослужителя, при котором были найдены предметы христианского культа. В 1966 г. 11 погребений XVIII в., потревоженных земляными работами, раскопал В.Ф. Каховский (Археологическая карта, 2015, с. 125).

Учитывая присутствие в составе населения города русских, с 1555 г. основывается несколько крупных кладбищ. Увеличившийся в размерах город поглотил территории старых кладбищ. Одно из кладбищ, на карте начала XX в. обозначенное как «старое чебоксарское кладбище» при Спасо-Никольской церкви, в 1970-х гг. попало под застройку корпусами Педагогического института. Надмогильные камни конца XIX в. с одного из

старых кладбищ были найдены в ходе сноса здания по ул. МОПРа в 2016 г. Они использовались в фундаменте здания.

Склеп у Детского дома творчества на заливе обнаружен при строительстве в 2004 г. Склеп из красного кирпича был предназначен для двух погребенных в деревянных гробах. Оба костяка были женскими. При них сохранились остатки кожаной обуви, медный нательный крест, остатки шитья с золотыми нитями. По клейму из букв «фита» и «буки» в овальном обрамлении из кружков, сохранившемуся на одном из кирпичей, удалось установить дату создания – не позднее начала XIX в.

К числу христианских относится могильник, раскопанный в 2006 г. по ул. К. Иванова. Погребения XVI–XVII вв. совершены в глубоких ямах, вытянуто на спине с руками, сложенными на животе. Все 63 костяка ориентированы на запад. Вероятно, его следует связывать с населением Чебоксарского кремля. По монете, найденной в одном из погребений, могильник датирован XVI–XVII вв.

В 2013 г. проводились поиски и раскопки погребения Марии Шестовой, бабушки первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича. В 1913 г. склеп в Никольском соборе, где, по преданию, она была захоронена, был вскрыт комиссией под руководством казанского губернатора М.В. Стрижевского (по завершении раскопок они были торжественно захоронены там же). Раскоп-

Рис. 14. Индивидуальные находки из культурного слоя средневековых Чебоксар (из фондов археолого-этнографического музея им. П.В. Денисова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова).
1, 4 – ножи, 2, 3 – топоры, 5 – подкова обувная, 6 – серп (все из железа)

Рис. 15. Индивидуальные находки из культурного слоя средневековых Чебоксар (из фондов археолого-этнографического музея им. П.В. Денисова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова).
1 – скребница для чистки лошадей (ЧАЭ-70), 2 – неизвестный железный предмет, 3 – оселок, 4 – бронзовое украшение (цепь), 5 – железная цепь, 6, 7 – грузило глиняное (ЧАЭ-79), 8 – курительная трубка (ЧАЭ-79), 9 – бронзовая сьюльгама, 10 – бронзовый браслет

Рис. 16. Печь для обжига кирпича XVII–XVIII вв. (Фото Д.В. Спрыжкова, 2016 г.)

ками сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук в 2013 г. выявлены остатки кирпичной вымостки пола и стены Никольского собора, снесенного в 1940 г. Раскопано четыре могилы, костяк в одной из них, вероятно, принадлежал Марии Шестовой. В сентябре 2017 г. экспедицией ЧГИГН под руководством Н.С. Березиной в сквере К. Иванова изучены останки настоятельниц Никольского Девичьего монастыря. Часть погребений располагались в деревянных гробах.

В 2019 г. во время реконструкции Красной площади обнаружено кладбище, вероятно при Благовещенской церкви. Вскрыто более 120 погребений. Исследователи отмечали сильно скученное и многоярусное расположение погребений. Поскольку кладбище расположено в жилой части города, также были изучены остатки строений, ям для гашения извести, частокол и выгребная яма, найдены предметы городского быта и многочисленная керамика.

Кладбища с традиционным погребальным обрядом. Кладбища с традиционным (дохристианским, языческим) обрядом захоронения связываются с чувашским населением, проживавшим в непосредственной близости от города. Постепенно окрестные селения включались в черту города, а вместе с ними и старые кладбища. Чувашское

кладбище упоминалось у д. Сирмакасы, Чандрово, Вторые Усадки (Археологическая карта, 2015, с. 109, 125).

Единственным могильником, подвергнутым раскопкам, является могильник у д. Вачалкасы (вошла в состав города в 1979 г.). В 1930 г. П.Н. Третьяков раскопал четыре погребения XVII в. Были найдены предметы убранства, остатки головного убора и другие вещи. Могильник принадлежал чувашскому населению (Археологическая карта, 2015, с. 109). На могильнике до 1907 г. имелся каменный памятник с неразборчивой, вероятно арабской, надписью. Место использовалось местным населением в качестве поклонения языческим богам (киремель). Подобный камень с надписью указывался у д. Набережная (Археологическая карта, 2015, с. 124).

Случайные находки археологических объектов и артефакты. К числу наиболее интересных находок хозяйственной направленности следует отнести печь для обжига кирпича или изделий из керамики. Печь раскопана в 2016 г. экспедицией под руководством Д.В. Спрыжкова. Она имела прямоугольную форму со сторонами 4,2×3,8 м. Печь имеет три топки, которые соединялись через горизонтальные каналы с общей топочной камерой, над которой укладывались посушенные, но еще необожженные кирпичи. Кирпичные стенки

Рис. 17. Форма для отливки створки складня

и перекрытие камеры для обжига кирпичей не сохранились. Пространство между западной стенкой печи и фасадной стенкой топочных камер было забутовано глиной, прокалившейся во время обжигательного процесса (ширина забутовки – 1 м) (рис. 16).

Внутри печи в перпендикулярном топке направлении расположено шесть стенок-перемычек, имеющих в средней части проем, перекрытый аркой. Кладка выведена на глиняном растворе.

Конструкция сложена из сырцового кирпича размером, близким к размерам так называемого «государего кирпича» Бориса Годунова (31,2×13,2×8,9 см), производимого в XVI–XVII вв. Клейма на кирпичях отсутствуют. Предварительная датировка конструкции – вторая половина XVII в. Находок при проведении исследований и другого датирующего материала обнаружено не было (Спрыжков, 2016, лл. 7–8, рис. 3).

О колокольном литье в Чебоксарах известно больше, но о литье мелкой пластики известно мало. В 1968 г. на месте снесенного дома у

р. Кайбулки найдена форма для отливки складней размером 12×12 см. (рис. 17). Она предназначена для отливки третьей створки четырехстворчатого складня с изображением сюжетов «Воскресение Христово», «Вознесение Господне», «Успение Богородицы», «Сошествие Святого Духа на апостолов» (Спрыжков, 2013).

В результате раскопок и разведок удалось установить, что Чебоксары в археологическом плане представляют собой интересный объект. Он характеризуется мощным культурным слоем, с высоким содержанием влаги, что способствовало сохранению органических останков. Непрерывность существования способствовала накоплению многочисленных артефактов. Развитие городской инфраструктуры и площади города происходит с момента основания кремля в 1555 г. Появление русской администрации, военного контингента и православной церкви коренным образом меняет развитие Чебоксар. По настоящее время он является центром развития Чувашского края.

С первых дней своего существования город был одним из центров ремесленного производства. Здесь развивались гончарные, замочные, ювелирные, кожевенные и другие ремесла. В.Ф. Каховский считал его не рядовым сельским поселением, а более или менее крупным центром с элементами городской культуры (наличие специализированного ремесла, торговли, малое количество предметов, связанных с сельским хозяйством, деревянные мостовые и отдельные предметы городского обихода), а в ранний период своей истории Чебоксары были чувашским городом.

Новые материалы археологических раскопок позволили на более объективной основе поставить вопрос о времени возникновения города. Наиболее вероятной датой основания Чебоксар представляется конец XIII – начало XIV в. В письменных источниках город впервые упоминается под 1469 г. (ПСРЛ. 2004. Т. XXV, с. 282).

ГЛАВА 5 КОЗЬМОДЕМЬЯНСК

Основание и ранняя история города Козьмодемьянска. Козьмодемьянск – второй русский город в Марийском Поволжье. Он был основан в 1583 г. на высоком правом берегу реки Волги. В топографическом отношении место города идеально (рис. 1).

Важнейшим историческим документом о дате основания города является Разрядная книга 1475–1598 гг. (Айплатов, Иванов, 1992, с. 51–52), где говорится, что 14 апреля 1583 года царь послал шесть воевод на Волгу и они в Козьмодемьянске поставили острог. Поэтому можно считать доказанным фактом дату основания города. По мнению К.Н. Санукова (1986, с. 41), другие даты основания Козьмодемьянска (1578; 1577–1578 гг.; 4 апреля 1583 г.) являются ошибочными.

Подробных указаний о местоположении и планировке древнейшей крепости в Козьмодемьянске в исторических документах нет. Лишь по косвенным данным К.Н. Сануков (1986, с. 46) предположительно выделяет характер и местоположение ранних построек города: «Первоначально крепость была расположена на горе и на части надпойменной террасы. Как и другие крепости того времени, она была окружена земляным валом и деревянной бревенчатой стеной. Козьмодемьянский острог представлял собой неправильную

четырёхугольную фигуру, у которой стена, расположенная на горе, была более протяженной, чем обращенная к реке...». Исследователь (Сануков, 1986, с. 47–48) также отмечает, что Троицкая и Богоявленская церкви находились внутри первоначального острога, а Базарная площадь (современная площадь К. Маркса и городской садик-сквер) вместе с церковью Знамения (Успенской) относились к Подгорной слободе; уже в конце XVI в. появились за пределами укрепленной части города Загородная слобода, Ямская слобода.

Даже в XVII в. население Козьмодемьянска оставалось малочисленным. В.И. Волков (1986, с. 53) отмечает, что в 1646 г. в городе было 73 двора; подавляющее большинство жилых домов принадлежало военно-служилым людям – стрельцам, пушкарям... В конце XVII в. в остроге находились Воеводская изба, где размещались органы управления, суд, соборная Рождественская и Богоявленская церкви, жилые дома приказной администрации и священников.

Первое изображение города Козьмодемьянска дается в книге немецкого ученого Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» 1636 г. На рисунке город изображен на высоком берегу реки в виде небольшого укрепленного поселения, окружен-

Рис. 1. Общий вид Козьмодемьянска. Старая часть города

Рис. 2. Рисунок Адама Олеария с видом Козьмодемьянска. 1636 г.

ного деревянной стеной и широким рвом (рис. 2). Значительная часть территории внутри крепости не была застроена, имеющиеся же постройки расположены хаотично. За крепостью, вдоль берега реки, также хаотично располагался посад. Краткие сообщения о местоположении Козьмодемьянска содержатся в известиях Адама Олеария (1643–1645 гг.) (Айплатов, Иванов, 1992, с. 111).

По результатам исследований истории Козьмодемьянска в XVIII в. А.Г. Ивановым (1986, с. 61–63), можно представить новый, более поздний облик города: «...меняется внешний облик города. Уже в начале XVIII в. исчезли городские стены. В мае 1703 г. голландский путешественник Корнелий де Бруин, проплывавший вниз по Волге, отметил, что Козьмодемьянск довольно обширен и расположен вдоль речного берега, на правой стороне, частью на горе, но стен у него нет... В конце XVII в. пожар уничтожил стены, башни и бойницы крепостных сооружений Козьмодемьянска, которые в дальнейшем не восстанавливались, так как необходимость в этом уже отпала...» Пространство между Земляным городом и Ямской слободой в XVII–XVIII вв. усиленно застраивалось. К концу XVIII в. здесь имелись улицы: Воеводская, Кузнечная, Ямская, Чулкова, Вознесения, Глиняная, Юркина с 42 переулками. Общая протяженность города составляла около трех километров... В XVIII в. Подгорная слобода стала центром экономической жизни города. Со време-

нем сюда же переместились и административные органы.

Краткое описание города Козьмодемьянска оставил И.К. Кириллов (1877, с. 215). Он пишет, что город на высоком месте на реке Волге прежде был деревянный, рубленный, но сгорел. В том городе есть каменная соборная церковь, а всего каменных и деревянных церквей 11, 2 монастыря. На территории посада за пределами острога каменных и деревянных строений 113 дворов. Купечества в том городе и ремесленных 765, служителей и работников 11.

В 1781 г. был утвержден герб города Козьмодемьянска. В красном поле золотой лук и на нем три стрелы: «в знак того, что жители сих мест оное оружие с отменным искусством в ловле звериной и поныне употребляют» (Айплатов, Иванов, 1992, с. 312).

О численности населения города Козьмодемьянска в 1786 г. говорится: ямщиков – 321 двор, мастеров-кузнецов – 145 дворов, портных – 6, рыболовов – 12, серебряных дел и красильников – 2, 13 содержат постоянные дворы для проезжающих людей» (Айплатов, Иванов, 1992, с. 314–315).

В 1796 г. прослеживается та же беспорядочная застройка города с кривыми и запутанными улицами, кроме улиц, ведущих к Волге; Козьмодемьянск сохранял вид старой крепости с остатками земляного вала и рва (Зорин, 1986). Город делился

на город-крепость и предместье, которое распалось на три слободы: Ямскую, Подгородную и Загородную.

Согласно «Геометрической карте Казанской губернии», Козьмодемьянск находился на пересечении важных дорог, по которым осуществлялась ямская гоньба к Москве через Васильсурск до Нижнего (120 верст), к Алатырю через Ядрин до Курмышы (80 верст), до Казани через Свияжск (140 верст) и до Царева-Санчурска (160 верст) (Зорин, 1986, с. 90). В городе располагались административные, хозяйственные, культовые здания, обывательские дома и хозяйственные постройки, были построены три каменные и одна деревянная церковь, две каменные часовни. В старом городе-крепости располагалась каменная кладовая для хранения казны, дом для присутственных мест, духовное управление, соляные амбары, торговые лавки, питейные дома, винный магазин. В этой части города имелись и деревянные дома обывателей. Вдоль берега реки располагались архив, погреб для хранения денежной казны, городской магистрат, ямская контора, острог, городничинское правление и базар. В городе имелись таможня, кабацкая и крепостная конторы. Основную часть застройки города составляли жилые дома и частные производственные и торговые заведения (Зорин, 1986, с. 92). Постепенно происходил как рост города в целом, так и центральной его части, где сосредотачивались здания городского управления. Причем город в это время разрастался только вдоль узкой прибрежной полосы, так как строительство на наклонной поверхности берега выше в гору создавало трудности строительного характера и в водоснабжении.

В 1847–1848 гг. проводилась геодезическая съемка города, в результате которой был составлен его детальный план (Зорин, 1986): как показала съемка, наиболее соответствовала регулярному плану застройки города восточная часть, западная же по-прежнему сохраняла беспорядочную планировку. Эта часть сложилась из «старого города» и Загородной слободы. Дворовые участки, огороды и улицы здесь размещались в соответствии с особенностями рельефа. Поэтому традиционные черты застройки сохранялись в этой части города и в дальнейшем.

С развитием капиталистических отношений город Козьмодемьянск заметно растет. Как отмечал А.С. Казимов (1986, с. 79–80), Козьмодемьянск стал крупнейшим городом в Марийском крае; с 1796 г. до 1861 г. население города увеличилось с 3223 до 5041 человек.

Система укреплений города Козьмодемьянска. Исторически достоверным можно считать рисунок, изданный в 1643 г. А. Олеарием

(рис. 2). На рисунке представлены топографические особенности верхней нагорной и нижней береговой частей острога, не совсем точно отражающие особенности участка современного города. В границы изображенного участка приблизительно входит территория от ул. Октябрьской на востоке, западная часть ул. Чернышевского (бывшая Соборная улица по названию Свято-Троицкой соборной церкви) на юге, до конца ул. Пугачева Гора (бывшая Приходская улица с Богоявленским заулком в восточной части по названию церкви Богоявления на месте современного обелиска павшим в годы Второй мировой войны), западные части улиц Советской (бывшая улица Глиняная) и Ленина (набережной р. Волги).

На рисунке Олеария вид на город открывается со стороны реки Волги, при сопоставлении с современным планом города – с северо-востока. Следует заметить, что при таком ракурсе восточная часть крепостной стены отражена неточно: стена должна была восприниматься так только с востоко-северо-востока, а южная часть стены – с северо-северо-востока. Крепостная стена древнего Козьмодемьянска на рисунке Олеария представлена полностью. На переднем плане в центральной части четко обозначена башня квадратной на плане формы с двумя рядами бойниц и сужающейся кверху крышей с четырьмя плоскостями, над которыми возвышается реповидная маковка. Башня несколько выдвинута от линии стен: создается впечатление, что крепостная стена примыкает только к внутренней стене башни. От этой башни крепостная стена идет вверх на гору к угловой юго-восточной башне такой же формы, только с одной бойницей. Четко прослеживается вал, на котором стоит стена. Судя по вертикальным штрихам для обозначения бревен, стена представляет частокол. Но это не согласуется с изображенными бойницами, т. к. в частоколе невозможно устраивать бойницы. Возможно, бойницы располагались на открытых внутрь острога верхних ярусах галерей стены-частоккола, а нижними ярусами служили сомкнутые срубы, что соответствует аналогам древнерусских оборонительных сооружений XII–XVIII веков. В этом случае объясняются бойницы на завершении стен на рисунке Олеария. Ров впереди стены выделен довольно четко. Его крутые склоны начинаются в некотором отдалении от крепостных стен. Корягообразное дно рва переходит также круто в противоположный склон. Местоположение рва соответствует его изображению на плане города 1847–1848 гг., хранящемся в архиве Козьмодемьянского историко-художественного музея им. А.В. Григорьева. От угловой юго-восточной башни крепостная стена под прямым углом идет на запад (или на западо-северо-запад).

Рис. 3. Козьмодемьянск. Остатки рва и вала в огороде домов 42-44 по ул. Чернышевского

В непосредственной близости от угловой башни выделяется верхняя часть другой башни такой же формы с одним рядом бойниц. На рисунке четко видно, что данная башня находится за крепостной стеной, так как линия крепостной стены не прерывается. С внутренней стороны стены также выделены бойницы, что логически не имеет смысла. Судя по визуальным наблюдениям остатков рва и вала в огородах домов 36–52 по улице Чернышев-

ского, эта стена должна была быть вытянута с востоко-юго-востока на западо-северо-запад, а на рисунке Олеария она направлена с востока на запад. Стена в этой части крепости довольно прямая и на западе завершается угловой башней такой же формы с двумя рядами бойниц. Башня уже примыкает не к внешней, как остальные, а к внутренней стороне стены и дополнительно окружена второй стеной в виде частокола со стороны крепости.

Рис. 4. Проект реконструкции части крепостной стены и башни Козьмодемьянского острога

Рис. 5. Полихромный изразец с растительными узорами из сборов Н.Е. Андрианова. Фото Е.В. Емелина

Примерно в середине между двумя угловыми башнями внутри крепости находится церковь, известная в исторической литературе как Троицкая или Свято-Троицкая. От юго-западной угловой башни крепостная стена под тупым углом направляется в сторону реки Волги. Данная стена почти на четверть короче северо-восточной стены. За стеной также выделяется ров, а западнее рва изображен овраг. Это хорошо согласуется с топографическими особенностями данного участка современного города. Стена внизу по склону завершается угловой башней, находящейся на значительном расстоянии от берега Волги. Форма данной башни несколько отличается от других башен. Башня воспринимается как более узкая, купол ее пирамидальной формы и маковка на его вершине вытянуто-конусовидной формы. К востоку от башни идет короткий отрезок частокола, а затем отрезок частокола между двумя столбами под углом к короткому отрезку. Возможно, здесь передана попытка изобразить ворота. От этого участка также под некоторым углом стена идет к центральной башне на переднем плане. Северная (прибрежная) стена крепости идет примерно параллельно берегу реки. Непосредственно на берегу реки изображены дома и церковь. Значит, во времена Олеария уже появляется слобода с церковью за пределами крепости.

Рисунок Олеария позволяет представить приблизительное местоположение и характер системы укреплений древнего Козьмодемьянска. Однако следует иметь в виду явные неточности и противоречия. Кроме указанных выше противоречий, следует отметить также явные неточности в изображениях церквей: вместо глав изображены какие-то восточного облика колонны типа минаретов. Поэтому принимать предлагаемые варианты характера укреплений можно лишь при сопоставлении с археологическими данными. Создается

впечатление, что Адам Олеарий первые наброски рисунка сделал, проплывая мимо города, а затем по памяти дорисовал общий облик города, добавляя от себя свои представления. Подобные неточности у него имеются и на других рисунках, например, изображении марийца в одежде с явно тюркскими элементами.

После детального изучения всех имеющихся исторических источников о характере системы укреплений древнего Козьмодемьянска автором-архитектором Ю.А. Пенкиным проводились исследования современного состояния остатков системы укреплений. Они вполне согласуются с предложенным вариантом расположения систем древних укреплений.

В современном городе Козьмодемьянске до сегодняшнего дня в огородах домов № 42–52 по ул. Чернышевского видны остатки рва первоначальных оборонительных сооружений, идущих с северо-востока на юго-запад (рис. 3). Ров острога также хорошо виден по улице Октябрьской, начиная от ул. Советской почти до дома № 36 по ул. Чернышевского общей протяженностью 85 м, глубиной до 5 м от края вала на СЗ стороне ул. Октябрьской и общей шириной от начала вала до противоположной стороны рва 13 м. Таким образом, сохранившиеся остатки рва и слабые следы вала позволяют сопоставить имеющиеся исторические сведения о местоположении рва и вала.

Ю.А. Пенкиным и В.С. Патрушевым был подготовлен архитектурный проект реконструкции фрагмента стены и двух башен системы укреплений древнего Козьмодемьянска (рис. 4).

Сборы археологических находок в исторической зоне г. Козьмодемьянска. В фондах и экспозициях Козьмодемьянского историко-художественного музейного комплекса хранятся археологические материалы из сборов разных лет из культурного слоя города. В основном они собра-

Рис. 6. Сероглиняные сосуды из экспозиций Козьмодемьянского этнографического музея

Рис. 7. Железный наконечник копья из сборов на территории бывшего стадиона в 1993 г.

Рис. 8. Железные кочедык, ключ и шило из случайных находок жителей Козьмодемьянска в исторической зоне города

ны научным сотрудником музея В.Л. Шерстневым или же переданы жителями города в дар музею. Наиболее значительную группу находок из сборов составляет средневековая керамика. В фондах и экспозициях музея представлены также железные орудия труда, бытовые предметы, изделия из цветного металла и оригинальные фрагменты изразцов. Особую ценность представляют находки из мест земляных работ 1986, 1990, 1992, 1994, 1995, 2002 гг. (Патрушев, 2005б, рис. 65–92).

Оригинальной находкой является полихромный изразец с растительными узорами из сборов Н.Е. Андрианова в 1992 г. (рис. 5).

Представляют интерес фрагменты сероглиняных сосудов с узорами из лощеных горизонтальных или реже наклонных, вертикальных полос ниже края, собранные во время земляных работ на ул. Пугачева Гора (Патрушев, 2005б, рис. 6б: 3; 17: 5; рис. 18: 7, и др.), Сероглиняные сосуды с заглаженными (лощеными) полосками в средневековых городах Поволжья появляются в XVII в. и бытуют до начала XX в. Реконструкция внешнего

облика этих сосудов по фрагментам показывает весьма близкое сходство с сосудами из Этнографического музея под открытым небом в Козьмодемьянске (рис. 6).

В сборах из исторической зоны Козьмодемьянска представлены также фрагменты от красноглиняных сосудов, в том числе более поздние с лаковым покрытием (Патрушев, 2005б, рис. 16: 3, 6; 18: 4, и др.). Несколько фрагментов происходят от белоглиняных сосудов с белым ангобом и нагаром с внутренней стороны (Патрушев, 2005б, рис. 68, б, и др.).

Среди сборов В.Л. Шерстнева в исторической зоне Козьмодемьянска представлены железный наконечник копья с несомкнутой втулкой (рис. 7), железные кочедык, ключ от замка и шило с ручкой в виде круглого шарика (рис. 8), ручка от щеколды калитки (рис. 9), фрагменты кожаной обуви (рис. 10) и др.

К востоку от исторического центра Козьмодемьянска, на территории бывшей деревни Юркино (ныне Юркинский микрорайон города) на Вшивой

Рис. 9. Железная ручка от щеколды запора двери

Рис. 10. Фрагмент обуви

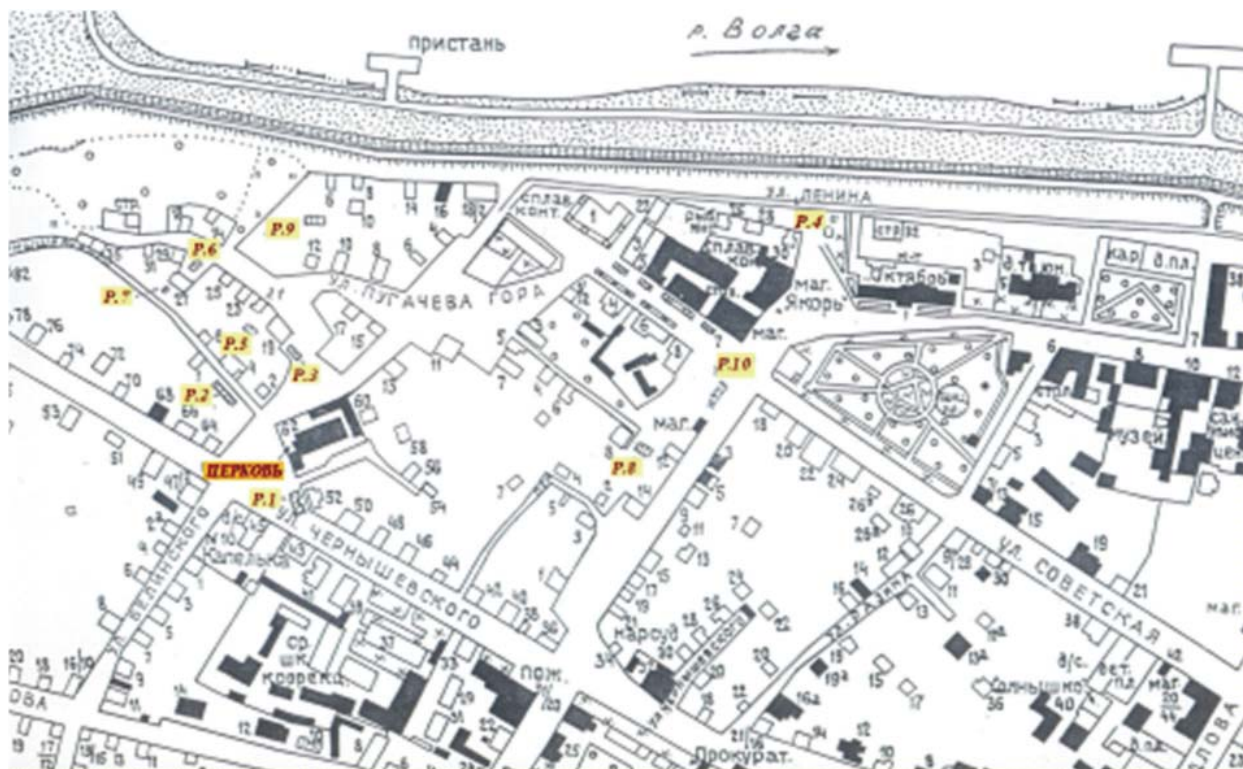

Рис. 11. План исторической зоны Козьмодемьянска с указанием номеров раскопов

Горе, В.Л. Шерстневым выделен куст находок, названный им Козьмодемьянским селищем, где были сделаны интересные находки, в основном фрагментов сероглиняных сосудов (Патрушев, 2005б, рис. 72–74).

В Музее купеческого быта в г. Козьмодемьянске в экспозициях представлены археологические находки, собранные в разные годы в местах земляных работ или сданные жителями города. Особую группу составляют изразцы, в основном полихромные с растительными узорами (Патрушев, 2005б, рис. 84–86). На одном из них содержится изображение петуха темно-коричневого цвета, стоящего на светлых двойных крыльях-листьях на фоне светло-зеленого поля с растительными узорами (Патрушев, 2005б, рис. 85: 2). В этом же музее представлен набор металлических изделий, найденных во дворе средней коррекционной школы-интерната из разрушенной могилы купца Зубкова: 1) лампадка в виде чаши с узким горлом и выступающим шипом в нижней части, с остатками золоченой проволоочки; 2) подсвечник из меди со следами золочения в виде небольшой чаши, переходящей в ажурную подставку со штырем для крепления к стене; 3) миниатюрный медный самоварчик горшковидной формы с квадратной подставкой на ножках и ажурным поддувалом и др. (Патрушев, 2005б, рис. 89: 2, 5, 6, 9). Эти находки достаточно полно характеризуют материальную и духовную культуру раннего русского населения Марийского края.

Археологическое изучение г. Козьмодемьянска. Первые археологические работы разведочного характера в городе Козьмодемьянске, далеко за пределами древнего острога, на территории посада, проводились Центром археолого-этнографических исследований в 1995 и 1998 гг. (Гордеев, 1998; 2000; Румянцев, 1995).

В 2002 г. Российско-финской археологической экспедицией Марийского госуниверситета под руководством В.С. Патрушева при участии финских исследователей Университета Хельсинки во главе с проф. Мика Лавенто изучены топографические особенности остатков укреплений и уточнен план города с учетом новых построек.

В 2003 г. впервые на территории древнего острога были заложены раскопы № 1–5 и получен значительный археологический материал по ранней истории города (рис. 11).

Первый раскоп был заложен в исторической зоне близ Свято-Троицкой соборной церкви (впоследствии соборной церковью стала Смоленская) по ул. Чернышевского (рис. 11). Последующие – по переулку Чернышевского, на соединении улиц Чернышевского и Пугачева Гора (рис. 11). К северо-востоку от Стрелецкой часовни на ул. Ленина по просьбе Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры был заложен шурф, обозначенный как раскоп 4 (рис. 11).

В раскопах 2003 г. обнаружены многочисленные находки. Среди керамики преобладают фрагменты сероглиняных сосудов с хорошо за-

Рис. 12. Железный висячий замок из раскопа 1

глаженными поверхностями, нередко с лощеными полосками. В раскопе 1 найден железный висячий замок (рис. 12). Наиболее богатым на находки оказался раскоп 3. Здесь найдены два железных топора, расширяющиеся к лезвию, и крупный нож (рис. 13). Особый интерес представляют фрагменты изразцов. Среди них в раскопе 3 на полихромном изразце оригинально передана голова коня (рис. 14). В раскопе 5 обнаружены изразцы с оригинальными изображениями всадников (рис. 15).

Сбор подъемного материала в 2003 г. показал широкую распространенность в Козьмодемьянске выходов на поверхность древних вещей. Нанесенные на карту, эти данные довольно четко показывают границы исторического ядра города.

Рис. 13. Железные топоры и нож из раскопа 3

Наибольший интерес представляют находки, сделанные на местах земляных работ (ул. Ленина, 36; ул. Чернышевского, 53), поскольку они могут содержать наиболее древний материал. При рытье ямы под колодец во дворе дома № 36 по ул. Ленина были обнаружены остатки фундамента постройки, деревянных свай и культурный слой города. Постройка отнесена к середине XIX в. Ко времени ее существования отнесены фрагменты плетеной кожаной обуви, осколки бутылочного стекла, глиняная курительная трубка и др.

В котловане на месте дома № 53 по ул. Чернышевского была найдена керамика, в том числе и фрагменты посуды XVI–XVII вв., несколько же-

Рис. 14. Козьмодемьянск. Полихромный изразец из раскопа 3 с изображением головы коня

Рис. 15. Красные (1–2) и сероглиняный (3) изразцы из раскопа 3 с изображениями всадников и других объектов (4)

Рис. 16. Красные изразцы из раскопа 9 с изображениями чудовища (слева) и крепостной стены

лезных предметов, в том числе ключ, а также фрагмент рельефного красноглиняного поливного изразца с растительным узором. Изразец относится к типу рельефных красных поясовых изразцов, из которых составлялся длинный ряд с бесконечным однотипным орнаментом (пальметтами). Изразцы имели прямоугольную форму. Как известно, красные изразцы приходят на смену сероглиняным в середине XVII в.

В 2004 г. были заложены два раскопа общей площадью 30 кв. м (Патрушев, 2005а). Раскоп 6 площадью 22 кв. м был в 112 м от юго-западного угла Свято-Троицкой церкви (рис. 11). На плане 1847–1848 гг. место раскопа 6 приходится на северо-западную часть древнего острога. Культурный слой раскопа 6 в верхних горизонтах представлял серую гумированную супесь с коричневатым оттенком мощностью до 68 см. Под вторым слоем располагался слой коричневатой гумированной глины, иногда с включениями серой гумированной супеси, мощностью до 116 см. В этом слое выявлены прослойки древесного тлена волокнами горизонтально, вертикально или наклонно. Данный слой выявил наибольшее число находок. Наиболее многочисленны фрагменты глиняной посуды (1047 экз.), подразделяющиеся на четыре группы: белоглиняные (6 экз.), сероглиняные (222 экз.), красноглиняные (78 экз.), красноглиняные с глазурованной поверхностью с внешней или внутренней стороны (747 экз.). Кроме того, обнаружено 76 фрагментов стеклянной посуды, 108 фрагментов фарфора, в том числе с узорами, 61 фрагмент фаянса, нередко с растительными или геометрическими узорами, 4 фрагмента хрустальной посуды, 3 монеты, пуговица с перламутровым покрытием, фрагменты кожаной обуви, 11 фрагментов плиток с глазурованной поверхностью и

железные изделия: 6 ножей, 4 скобы, 33 кованных шпилья, багор и др.

Раскоп 7 располагался в 6,2 м к ЮЮЗ от юго-западного угла дома № 27 по ул. Пугачева Гора на ровной задернованной площадке между домом и переулком Чернышевского (рис. 11). Культурный слой незначительной мощности содержал единичные находки.

Новые археологические исследования 2005 г. на территории древнего острога Козьмодемьянска проводились в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005)» по проекту «Выявление, сохранение и использование культурного наследия русского населения XVI–XVIII вв. Козьмодемьянска» (Патрушев, 2005б). Раскоп 8 площадью 32 кв. м был заложен в 6,2 м к ВЮВ от дома № 8 по ул. Октябрьская, в 188 м от юго-восточного угла Свято-Троицкой церкви (рис. 11).

Всего в раскопе обнаружено 60 находок. Это фрагменты фарфоровой, стеклянной, красноглиняной и лакированной посуды, а также фрагменты посуды из красной глины с ангобом из белой глины на внешних поверхностях. Среди металлических предметов больше всего кованных шпилей различной длины с овальными или круглыми шляпками. Обнаружены железные долото подпрямоугольной в плане формы, овальное в сечении в верхней части, с клиновидным сужением к рабочей части (Патрушев, 2005б, рис. 11: 3), часть весов из цветного металла и др.

Раскоп 9 площадью 36 кв. м располагался на второй надпойменной террасе правого берега реки Волги, в 27 м к ЮЮЗ от юго-западного угла дома № 6 по улице Ленина, в южной части садового участка владельца этого дома. В 60 м к северо-

Рис. 17. Лакированный сосуд из раскопа 10 с белой горизонтальной полосой с вертикальными зелеными косыми полосками ниже горла

ру от раскопа находится современный берег Волги (рис. 11).

В наиболее глубокой части раскопа толщина культурного слоя доходила до 294 см. Обнаружено 923 находки (Патрушев, 2005б, раскоп 9). Больше всего фрагментов сероглиняной (331) и красноглиняной, часто лакированной (99), стеклянной (169), фарфоровой или фаянсовой посуды. Среди 162 других находок железные гвозди и шпильки, фрагменты печных вьюшек и чугунков, медные оклад иконы, трубка курительная и др. Много также костей домашних животных (36 экз.).

Сероглиняная посуда по форме почти не отличается от других групп керамики: с прикрытым горлом, утолщением по краю венчиков, иногда с сильным нагаром (Патрушев, 2005б, рис. 21: 7, 9). Лакированная посуда обычно красноглиняная, покрыта лаком красноватого или вишневого цвета, с прикрытым горлом и в редких случаях в виде высокой открытой чаши (рис. 15: 10), с довольно коротким горлом, прямым или валикообразным краем венчика, во всех прослеженных случаях с плоским дном (Патрушев, 2004, рис. 9; 4; 2005б, рис. 20: 3, 7). Уникальны находки изразцов с изображениями чудовища и крепостной стены (рис. 16).

Археологические исследования под руководством автора в 2006 году в исторической зоне Козьмодемьянска проводились по договору с администрацией муниципального образования «Город Козьмодемьянск» (Патрушев, 2006).

Основной задачей исследований 2006 г. было проведение раскопок на месте предполагаемого сооружения макета северо-восточной башни древнего острога близ дома 8 по ул. Октябрьская в районе северо-восточного угла древнего остро-

га. На первой террасе правого берега р. Волги был заложен раскоп 10 общей площадью 98 кв. м (рис. 11). Благодаря тщательной фиксации всех объектов раскопа удалось выявить остатки построек и многочисленные находки.

Всего из раскопа происходит 2764 находки, из них 1327 фрагментов керамики, 234 фарфоровой и 471 фаянсовой посуды, 243 железных предмета, 62 монеты и остатки обуви, 5 бутылок из стекла и много обломков стеклянной посуды, чернильница.

В раскопе 10 представлены все формы глиняной посуды, в основном красноглиняные и сероглиняные. Найден также большой фрагмент белоглиняной чашки с округлым туловом и вогнутым венчиком, а также небольшой фрагмент белоглиняного венчика с сероватым нагаром в нижней части (Патрушев, 2006, рис. 39: 3, 7). Среди красноглиняной посуды лакированные сосуды составляют около 40%. Они обычно одноцветные, красного или вишневого цвета, покрыты лаком с обеих сторон. Один фрагмент крупного сосуда с раздутым туловом с внешней стороны покрыт полосой желтого лака с зелеными узорами, а с внутренней – желтым (рис. 17). Среди глазурованных фрагментов интересен фрагмент сосуда коричневого цвета с вертикальным рисунком в виде овальных углублений вдоль сосуда, с прикрытым у венчика горлом и горизонтальными валиками по внешнему краю венчика (Патрушев, 2006, рис. 35: 7).

Одно красноглиняное днище покрыто глазурью с внутренней и наружной сторон и содержит орнамент из концентрических кругов (Патрушев, 2006, рис. 20: 11; 35: 6).

В раскопе 2006 г. из 234 фрагментов фарфоровой посуды довольно много обломков чашек. Одни из них украшены голубой каймой, другие украшены зелеными растительными узорами. Среди тарелок также имеются украшения. Фарфоровые чашки чаще всего белые баночной формы (Патрушев, 2006, рис. 34: 5). Одна чашка украшена широкой розовой полосой в верхней части, с каймами золотистого цвета по верхнему и нижнему краю (Патрушев, 2006, рис. 34: 8). Найдены также фрагменты фарфоровой вазочки, украшенной по низу оранжевой широкой полосой (Патрушев, 2006, рис. 34: 11). Красиво смотрятся фрагменты расписного фарфорового блюдечка с растительным орнаментом сине-зеленого цвета (Патрушев, 2006, рис. 34: 10) и расписной чашки с белой тонкой изящной ручкой с наклепным орнаментом и позолоченной линией (Патрушев, 2006, рис. 45: 6).

Среди фрагментов фаянсовой посуды особый интерес представляют крупные фрагменты тарелок с сероватой или синеватой росписью с узорами в западноевропейском стиле (рис. 18:

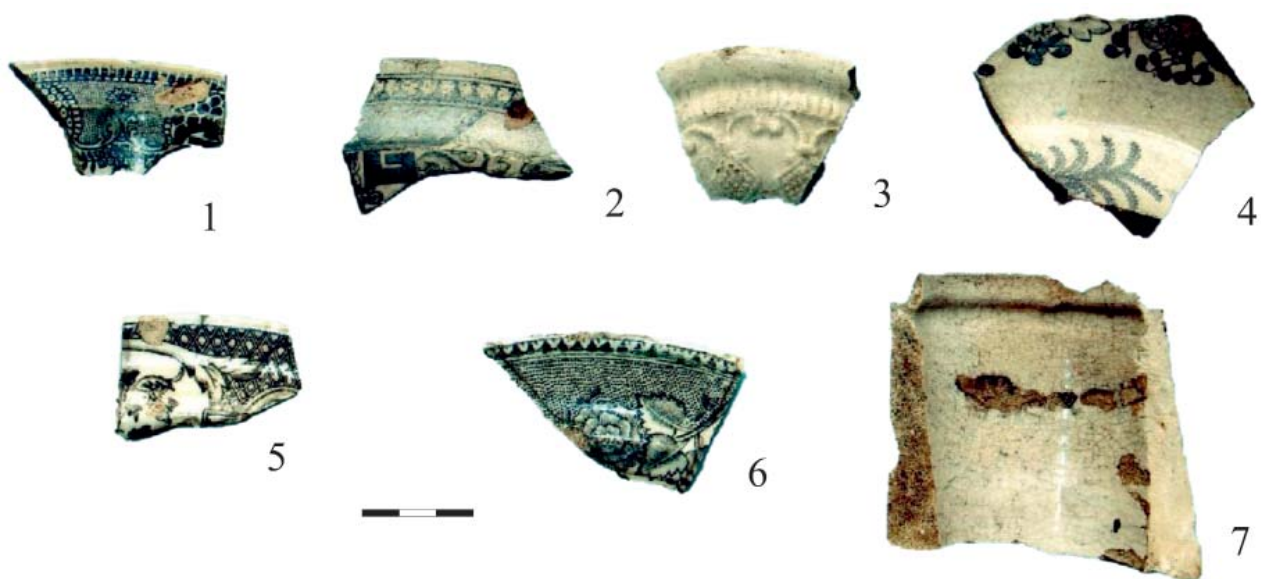

Рис. 18. Фрагменты фаянсовых тарелок (1–6) и стакана из раскопа 10

1–6). Многие из них с растительным орнаментом. Один фрагмент стенки содержит растительные узоры коричневого цвета. А один фрагмент украшен барельефными узорами (рис. 18: 3). Развал тарелки из четырех фрагментов с сиреневой каймой по краю и клеймом на дне «М.С. Кузнецова Т.Ф.» (Патрушев, 2006, рис. 54). Один фрагмент днища с растительными узорами по кругу и надписью «Foreign made» с внешней стороны

(Патрушев, 2006, рис. 45: 9).

Таким образом, раскоп 10 дает представление о характере культурного слоя в неисследованной части второй террасы р. Волги на территории древнего острога. Материалы раскопа 2006 г. содержат материальные остатки русского населения города широкого хронологического диапазона от XVI до начала XIX в.

ГЛАВА 6

ЦАРЕВОКОКШАЙСК

Этапы становления города. Кремль

Царевококшайск – старое название города Йошкар-Ола, столицы Республики Марий Эл. Город был основан в 1584 г. Это третий русский город в Марийском крае. Он был основан для борьбы с выступлениями луговых марийцев против русского самодержавия. История города довольно слабо и односторонне представлена в письменных документах. Поэтому основной материал о постройках в городе, быте, материальной и духовной культуре древних жителей города дают археологические исследования, начатые автором данной работы около пятидесяти лет назад.

На месте города до его основания длительное время жили древние финно-угры, далекие предки марийцев (Патрушев, 1987а, с. 12–20). В Средние века, до вхождения Марийского края в Русское государство, территория будущего города входила во владения Мамич-Бердея (Сануков, 1987), а город был основан в центре мятежной Тутаевской волости (Бахтин, 2012, с. 567).

Ряд документов указывает на дату и историю основания Царева города на Кокшаге. В Уставной грамоте 1574 г. есть указание царя: «И города и остроги по моему цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и моих детей царевича Ивана и царевича Федора указу ставити...» (Димитриев, 1986, с. 71–75).

По этому указу в 1574 г. на левом берегу Волги близ устья р. Большой Кокшаги был заложен первый русский город Кокшайск – в настоящее время село Звениговской муниципальной администрации.

В 1584 г. было решено строить крепость в глубине марийских земель. Это был Царев город на Кокшаге. О постройке города говорится в «Разрядной книге»: «Лета 7093-го (1584 г. по новому стилю) ноября в 1 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал послати в новый Царев город с нарядом и с запасы воевод на три полки:

В большом полку воевода князь Иван Андреевич Ноготков да голова князь Григорей Вельской. В передовом полку воевода князь Иван Васильевич Гагин-Великого. В сторожевом полку князь

Петр Шеховской.

И как воеводы запасы и наряд в город провезут, и быти в Цареве городе воеводам Ивану Ноготкову да Михаилу Александровичу, сыну Нагово, в городничих быти Звяге Воейкову; а князю Ивану Гагину идти в Казань; а князь Петра Шеховского да князя Григорья Вельского велено отпустить. Первоначально на месте города был заложен острог во время похода воевод Д. Елецкого и головы Н. Чепчюгова; непосредственно строительством острога занимался Н. Чепчюгов, а воевода охранял острог и близлежащие территории» (Айплатов, Иванов, 1992, с. 52).

После Ивана Ноготкова воеводой был назначен бывший второй воевода Михаил Нагой, в 1586 г. переведенный вместе с Г. Онучиным воеводой в город Уфу. Третьим воеводой в течении 10 лет был Василий Петрович Головин, а с 1597 г. воеводой стал переведенный из Уфы в Алатырь, затем в Козьмодемьянск Григорий Онучин (Айплатов, Иванов, 1992, с. 53). Назначение чисто административного служащего Григория Онучина воеводой говорит, очевидно, о спокойной обстановке в крае и об изменении функций самого города. Город превращается из военной крепости в административный центр. Любопытно отметить, что в доме воеводы в развале изразцовой печи на полу в ходе раскопок 1996 г. найдена глиняная курительная трубка с оттиснутыми инициалами «О.Г.» (Патрушев, 1996, с. 191).

Как сообщается в безымянных «Очерках города Царевококшайска» от 1849 г., воеводское управление в Царев город было переведено из крепости Кокшайск; отсюда же переведено и первое население Царева города, состоящее из стрельцов; а близ собора была крепость с деревянными стенами и бойницами (Сануков, 1984, с. 31). Значит, 1 ноября 1584 г. русские войска были направлены с продовольствием и боеприпасами в уже построенный новый город на земле луговых марийцев, где еще не было ни воеводы, ни городничего. Однако город, очевидно, строился летом, а назначение в город первых воевод и городничего можно считать официальным признанием города. Это сообщение марийскими учеными рассматривается как документальное подтверждение начала истории горо-

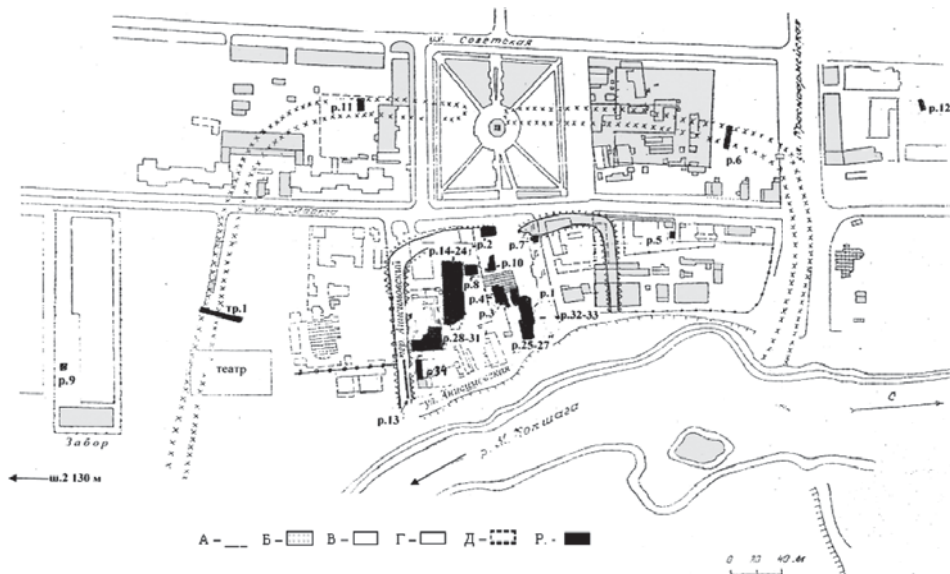

Рис. 1. Сводный план раскопок Царевококшайска

да (Айплатов, 1970; Андреянов, 1991; Сануков, 1984; Тарасова, Иванов, Шомина, Лаптева, 1994).

Официально он назывался Царев город, а жители города назывались царегородцами. Для уточнения местоположения его также называли Царев город на Кокшаге или Царев город Кокшайский, а иногда просто Царев. Отсюда происходит и марийское название города «Царла» или «Чарла» (от Цар-Ола: «ола» – город). Только во втором десятилетии XVII в. в исторических документах появляется название Царевококшайск, образованное от переходной формы Царев Кокшайский (Айплатов, 1970; Бахтин, 2012).

Несмотря на название Царев город, воеводы в новый город были посланы не царем, а боярами: пришедший к власти после смерти Ивана Грозного царь Федор Иванович был слабоумным и фактически не вникал в государственные дела, и страной управлял опекунский совет в составе И. Мстиславского, И. Шуйского, Н. Юрьева.

Царев город был построен полностью из дерева. Его окружали деревянные крепостные стены с башнями, построенные на земляном валу. В описании городов Казанской губернии И.К. Кирилова (1977, с. 217–220) говорится: «Город Царево-кокшайск прежде был деревянный, рубленный, но в прошлых годах згорел, стоит на ровном месте при реке Кокшаге».

На ландшафте местности еще в начале 2007 г. можно было заметить остатки валов и рвов. Например, на берегу Кокшаги по переулку Анисимова была заметна небольшая ложбина от рва, а дома на северной стороне переулката располагались на некотором возвышении – на остатках древнейшего вала. При наложении планов XVIII в. и города начала 2000-х годов (рис. 1) четко про-

слеживаются остатки рва от самых древних укреплений, который на юге начинался от берега Кокшаги и просматривался до недавнего времени вдоль Анисимовского переулката, а затем, немного не доходя до улицы К. Маркса (современное название – Вознесенская), поворачивает на север до древнего озера, местоположение которого вместе с питающим его раньше родником обнаружено в раскопе 2 1984 г (Патрушев, 1987а, с. 65); прервавшись здесь, продолжается вдоль улицы К. Маркса на 160 м, затем идет на восток к реке Малой Кокшаге через современный дом бизнесмена И.В. Тетерина (рис. 1). Следует оговориться, что современный вид исторической зоны совершенно отличается от вида во время исследований острога. Также существуют планы Царевококшайска в различные исторические периоды (рис. 2).

В «Казанских губернских ведомостях» от 30 мая 1855 года опубликован любопытный документ, составленный городничим Петром Кафтаниковым в 1728 году с описанием облика древнейших укреплений. Здесь говорится, что городская стена вокруг кремля от Спасской башни общей протяженностью 226 саженей имела 8 башен, из них 3 проезжих и 5 глухих. Город-кремль «рублен был в две стены, в ширину кои 3 сажени..., в длину по берегу 35 сажен, в ширину от городской стены к реке – 10 сажен, в глубину – 5 сажен... Город же острог рублен был в тарасы» (Айплатов, Иванов, 1992). Есть подробные описания тарасов из других городов России, и они обозначают соединенные между собой срубы. С наружной стороны вал с крепостными сооружениями с трех сторон был окружен рвами, наполненными водой. В «Очерках города Царевококшайска» 1849 г. безымянный автор уточняет, что «ров примыкал к реке и соеди-

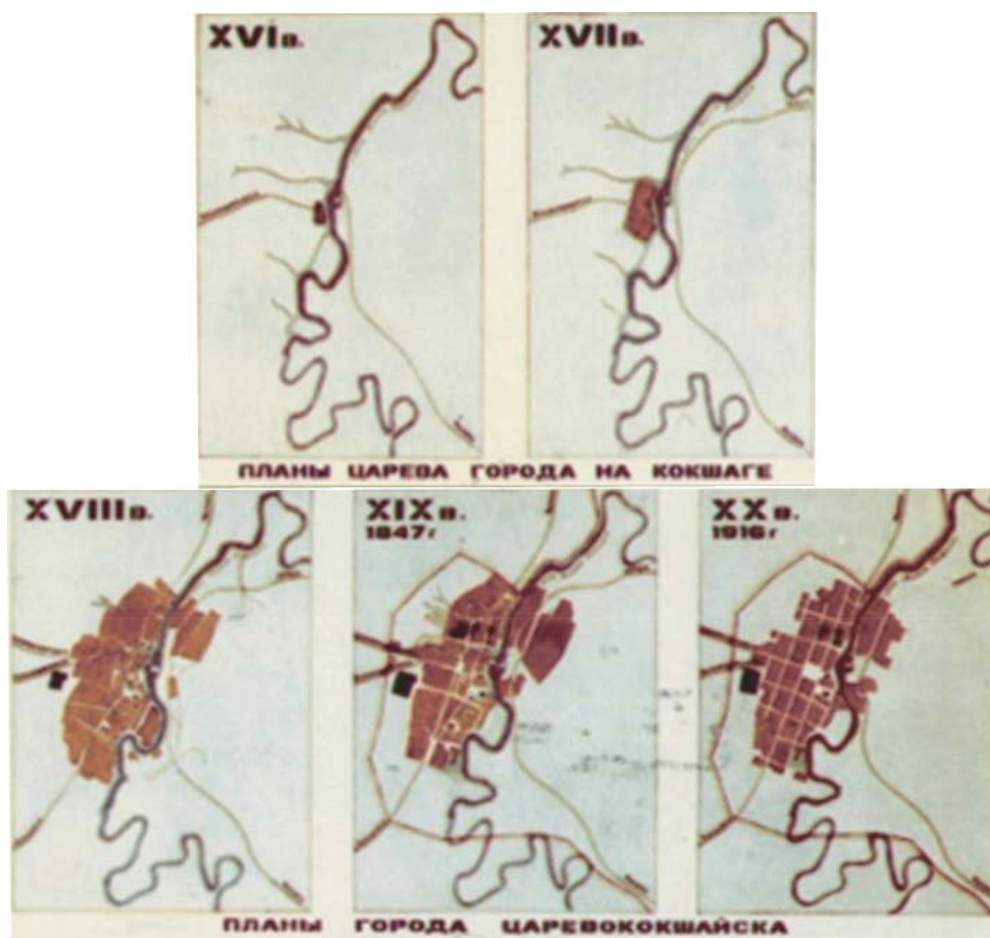

Рис. 2. Планы Царевококшайска XVI, XVII, XVIII, XIX и XX вв.

нял одним концом 2 небольшие озера, из них одно до сих пор существует, а другое наполняется водой только весной...» (Сануков, 1984, с. 32).

Длина древнейшей крепости вместе со рвами составляла 180 м, ширина в северной части 80 м, а в южной части, где река делала поворот на юго-восток, доходила до 190 м (Патрушев, 1987а, с. 69). Общая площадь города-крепости составляла приблизительно 24300 кв. м.

Центральное место в городе-крепости занимала Воскресенская церковь, а к юго-востоку от нее находился дом воеводы. Поблизости располагались дома других представителей власти. Вокруг них размещались постройки стрельцов и других служилых людей. Вокруг города постепенно появляется ремесленно-крестьянский посад. В документах посад Царевококшайска впервые упоминается уже в 1627–1629 гг. Из центральных районов России из-за тяжелого положения в марийский край переселяются новые группы русского населения. С ростом численности населения вскоре и вокруг посада были построены новые крепостные стены. В переписной книге города 1646 года говорится о жителях «в остроге», «за острогом» и «в Новокрещенской слободе» (Айплатов, Иванов,

1992, с. 52–53).

Вторая линия укреплений охватывала более обширную площадь – 100970 кв. м. Судя по наложенному на современный план города плану XVIII в. с обозначениями старых линий укреплений, длина его с юга на север достигала 439 м, а ширина с востока на запад в зависимости от изгибов реки колебалась от 160 до 300 м (рис. 1); общая длина стен составляла приблизительно 900 м (Патрушев, 1987а, с. 74). Возможно, постройка второй линии укреплений связана с событиями крестьянской войны начала XVII в. В двух исторических документах, датированных 12 и 26 января 1609 г., говорится о продвижении восставших под Царев город (Сануков, 1984, с. 32).

В XVII в. значительную часть населения города составляли служилые люди (Айплатов, 1970; Иванов, 1987). В 1625 г. их в городе насчитывалось 214 человек. А в 1629–1633 гг. служилых стало 250 человек. Основная часть служилых были стрельцы. В их состав входили также воротники, сторожа, кузнецы, плотники и другие, участвовавшие в поддержании городского хозяйства. Среди служилых людей были и новокрещены из числа марийцев и татар. Их насчитывалось до 50 чело-

век. Служилые люди из Царевококшайска принимали участие в военно-охранных мероприятиях правительства. По данным 1678–1679 гг. в Царевококшайске проживало 187 служилых людей и в 60 посадских дворах насчитывалось 213 человек. В XVII в. город в основном оставался аграрным. В жизни городского населения значительное место занимали домашнее скотоводство, огородничество, земледелие.

В 1696 г. Царевококшайск полностью сгорел (Иванов, 1987, с. 20). Сгорели также все деревянные укрепления. После пожара они так и не были восстановлены.

В 1699 году в Царевококшайске была учреждена земская изба. В административном отношении город был центром Царевококшайского уезда Казанской губернии во главе воеводы (Бахтин, 2012). Воеводская деревянная изба размещалась также близ соборной Воскресенской церкви.

В XVIII в. население города мало-помалу росло и к концу века выросло до 1163 человек (Иванов, 1987, с. 21–23). В городе уже выделялись пять больших проезжих улиц – Большая, Кирпичная, Набережная, Ораева, Огнивцева. А к ним примыкали 37 небольших переулков. Двор городского жителя обычно включал огороженные забором деревянную избу в 1–2 сруба, сени, погреб, амбар, клетки, нередко хлев, конюшню, сарай. Основой экономики оставалось сельское хозяйство, но оно не могло существовать без предметов ремесленного производства. В Царевококшайске и его окрестностях русские занимались кузнечным, гончарным ремеслом, обработкой кожи и изготовлением кожаных изделий, прядением шерсти и изготовлением льняных и шерстяных изделий. В документах Царевококшайского магистрата 1764 г. указываются мастерские люди города: портных – 2, сапожников – 5, кузнецов – 1, рукавишников – 6, бронников – 15, крашенинников – 2 (Хлебников, 1984, с. 6). Таким образом, только кормящихся ремесленным производством было 31 человек. Кроме того, в окрестных деревнях также было много мастеровых людей. А во многих хозяйствах все необходимое крестьяне изготавливали сами.

Значительная роль в жизни города принадлежала торговым людям. В ведомости Царевококшайского магистрата от 3 августа 1764 г. указывается 136 представителей купечества, из них 1-й гильдии – 23, 2-й гильдии – 19, 3-й гильдии – 94 (Хлебников, 1984, с. 7).

18 октября 1781 г. был утвержден первый герб Царевококшайска: «Серебряный лось в голубом поле, в знак того, что таковых зверей в окрестностях весьма изобильно, в ловле которых обыватели сих мест упражняются» (Айплатов, Иванов,

1992, с. 311).

В 1782 г. называется общее число ревизских душ (то есть платящих налог) Царевококшайского уезда – 16 133 человека в 222 жительствох. А в городе Царевококшайске таковых было 318 душ (Айплатов, Иванов, 1992, с. 312–313). В том же году указом генерал-губернатора П.С. Мещерского Царевококшайск был разделен на два квартала: 1 – улицы от Соборной церкви (имеется в виду Воскресенская) вниз по реке Кокшаге; 2 – улицы от Соборной церкви вверх по Кокшаге (Айплатов, Иванов, 1992, с. 318). Изменяется и общий облик города. К 1787 г. в городе было пять каменных церквей и три каменных обывательских дома (Айплатов, Иванов, 1992, с. 320). Но город преимущественно оставался деревянным. Деревянных домов было 198. В городе больше всех было мещан и цеховых – 152, пахотных солдат – 61, священно- и церковнослужителей – 27, дворовых людей – 21, семей купцов – 9, в которых мужчин было 32. В «Экономических примечаниях Царевококшайского уезда» 1795 г. выделены также дворяне мужского пола (23) и женского пола (21) (Хлебников, 1984, с. 338–339).

Отмеченные в исторических документах события и сведения не отражают особенности материальной и духовной культуры населения города Царевококшайска. С началом археологических исследований стали раскрываться многие стороны жизни средневекового города.

Сбор материалов о характере культурного слоя в разных частях исторической зоны Йошкар-Олы показал перспективность стационарных исследований на широкой территории от вантового моста до Вознесенской церкви. При этом интерес представляют как материалы по истории и культуре русского населения города, так и памятники более раннего времени – предков марийцев. Сбор материалов и археологические исследования стали проводиться В.С. Патрушевым (1987а, с. 12–13) с 1974 г. – почти 50 лет назад.

Перспективными оказались исследования в исторической зоне Йошкар-Олы.

В 1979 г. в траншее для линии коммуникаций вблизи строящегося тогда Русского драматического театра были обнаружены остатки деревянного дома первой половины XVIII в. Под порогом дома была обнаружена положенная по традиционному обычаю монета с изображением двуглавого орла и обозначением года чеканки – 1725 (Патрушев, 1987а, с. 63). Судя по фрагментам хрустальных бутылочек и золоченой пуговице, дом принадлежал богатым жителям города. Несколько ниже этого уровня были найдены фрагменты посуды русского населения, а также фрагменты марийской керамики ручной работы с примесью шамота.

Во время первых раскопок 1984 г. был обнаружен фундамент Воскресенской церкви, углубленный от современного уровня земли на 140–160 см (Патрушев, 1987а, с. 64). Мощная каменная кладка была выполнена из красного кирпича, изготовленного вручную. Кирпичная кладка переходит в крыльцо со ступеньками, ведущими в другое здание.

К юго-востоку от этой церкви на глубине 140–170 см выявились древнейшие сооружения города. Были открыты полусгоревшие остатки от деревянного дома из бревен, названные автором раскопок домом воеводы (Патрушев, 1987а, с. 64–65). На уровне построек найдено огромное количество обломков русской глиняной посуды серого цвета без орнамента или с орнаментом в виде частых горизонтальных рельефных линий или лощеными полосками на поверхности (Патрушев, 1987а, рис. на с. 67, 1–21). Среди находок есть предметы из железа. Интерес представляет массивный топор с длинным лезвием и узкой слегка загнутой обушковой частью, подпрямоугольным проухом для топорщица, характерный для второй половины XVI – первой половины XVII веков (Патрушев, 1987а, с. 64; рис. на с. 71, 12). В этом же слое находились железные скоба с приостренными концами, обломки двух ножей, массивные шпильки (гвозди) и большой медный гвоздь с широкой шляпкой (Патрушев, 1987а, рис. на с. 71, 3–8, 11). Ценность для датировки слоев представляет найденная в верхних горизонтах сплошного серого слоя серебряная копейка с изображением Георгия Победоносца на коне с копьем в руке времен царствования Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) (Патрушев, 1987а, с. 64). Значит, сами постройки, располагавшиеся значительно ниже, должны датироваться более ранним временем. Открытая постройка занимала одно из центральных мест в древнейшем городе – на возвышении вблизи от церкви и недалеко от берега Кокшаги. В культурном слое на месте дома найдены золоченая пуговица, фрагменты хрустальной посуды (Патрушев, 1985). В те времена они могли принадлежать только избранным.

При раскопках 1984 г. обнаружены упоминающиеся в исторических документах озера (Патрушев, 1985). Одно из озер изображено и на плане XVIII в. Наложение на план плана современного города помогло определить расположение этих озер (Патрушев, 1987а, рис. на с. 65).

В 1984 г. в разных частях раскопа открыты 13 погребений, из них 11 – в раскопе 1. По крестикам и другим находкам захоронения датированы концом XVI – XVII вв. (Патрушев, 1985; 1987а, рис. на с. 70, 5–7). В одной из могил четко прослеживались остатки деревянного гроба. Боль-

шинство костяков сопровождалось крестиками, и погребальный обряд чисто христианский. В одной могиле в области груди, кроме крестика, обнаружены две приплюснутые свинцовые пули – причина гибели погребенного, а также медная пуговица у пояса и рядом две шаровидные подвески из матовой пасты. Погребенные были, очевидно, жителями города, русскими. Возможно, исключение составляет мужской костяк с шаровидными подвесками из матовой пасты, которые обычно носили марийцы (Патрушев, 1987а, рис. на с. 70, 1–2; с. 72–73).

Интерес представляет детское захоронение в раскопе 1 севернее остатков дома воеводы вблизи крыльца Воскресенской церкви на расстоянии 110 см к югу от ее фундамента (Патрушев, 1987а, с. 64). Судя по тлену дерева, захоронение было совершено в гробовище. На черепе ребенка находилась налобная повязка, состоящая из полоски ткани шириной 2,2 см с прикрепленной в виде волны полоски кожи шириной 1,1 см с часто намотанной тонкой золотой проволокой (Патрушев, 1987а, рис. на с. 70, 10).

В 1984 г. значительные находки собраны восточнее берега реки Малой Кокшаги в Центральном микрорайоне в намывах грунта из реки в районе Вознесенской церкви (Патрушев, 1985). Среди них есть фрагменты русской керамики, бронзовые гвозди различных размеров, железный серп, две бронзовые булавки с шаровидной головкой и рельефной линией вокруг нее, овальный бронзовый медальон с изображением человека на одной стороне и креста на другой (Патрушев, 1987а, рис. на с. 70, 3, 9), медные монеты 1730 и 1833 гг. и серебряная копейка времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). Во время работ по углублению дна и расширению берегов реки Малой Кокшаги к югу от острога Царевokokшайска в 1985–1986 гг. были собраны различные металлические изделия: медные и бронзовые пуговицы, булавки в виде стержней, крестики, украшения с узорами, железные черешковые наконечники стрел (Патрушев, 1987а, рис. на с. 75).

Небольшие исследования по осмотру и учету за земляными работами в котлованах фундамента были проведены Центром АЭИ МарГУ в 1992 г, описанные как раскопы, хотя они представляли собой лишь котлованы, вырытые строителями, и только стенки котлована были зачищены: исследовались участки при строительстве двух зданий в непосредственной близости от берега реки (Зеленеев, 1992; Зеленева, Сидоров, 1994, с. 46).

В раскопе 1996 г. были продолжены исследования деревянной постройки, открытой в 1984 г. (Патрушев, 1996). В юго-восточном углу дома воеводы исследован развал изразцовой печи.

Рис. 3. Система водоснабжения Воскресенской церкви XVIII в в раскопе 1997 г.

Во время проведения раскопок в остроге Царевококшайска в 1996 г. были обнаружены три подземных хода, которые отходят от подвального помещения бывшей Воскресенской церкви на север, восток и юг (Патрушев, 1996). Первый из них идет в сторону Вознесенской церкви, второй – в сторону реки, и третий – в сторону бывшей Троицкой церкви, где во время раскопок был расположен гараж автошколы. Ходы завалены землей и мусором.

В раскопе 1997 г. продолжено изучение западной части дома воеводы и остатков развала изразцовой печи (Патрушев, 1997). В западной части раскопа обнаружена часть системы водоснабжения в виде обложенной кирпичами ручной работы коридора, плавно опускающегося в подвалы Воскресенской церкви (рис. 3).

Раскопки также проводились близ внутренней линии укреплений древнего города (во дворе здания современного Музея истории Йошкар-Олы) и близ внешней линии укреплений, сооруженной уже в XVII в. (недалеко от современного памятника жертвам сталинских репрессий, к юго-западу от Вознесенской церкви). В обоих раскопах обнаружено большое количество русской керамики XVII–XVIII вв., фрагментов стеклянной посуды и

металлических предметов того же времени.

Помимо осмотра всех известных мест находок в 1997 г. во дворе дома, где размещается Марийское отделение Всесоюзного общества по охране памятников истории и культуры, по ул. Советской заднее колесо грузовой машины провалилось в яму. Яма оказалась древним колодцем. Удалось зафиксировать семь полуразрушенных венцов из лиственного дерева (Патрушев, 1997). В разрушенных частях четко прослеживался культурный слой в виде темной супеси с находками керамики серого цвета, плотной структуры, в одном случае с узором в виде волнистой линии, нанесенной острой палочкой. Такая керамика характерна для XVIII в.

Значительный культурный слой был нарушен во время земляных работ при строительстве нового здания резиденции президента Республики Марий Эл. В котловане для фундамента здания собраны несколько десятков фрагментов русской керамики XVII–XVIII вв., куски кожаной обуви, остатки от древнего сооружения из бревен диаметром 17–24 см (Патрушев, 1997).

Раскопки 1998 г. выявили интересную деталь по истории Царева города. В северо-западной части древнейшей остроги-крепости обнаружены

Рис. 4. Оклад иконы из раскопа 2002 г.

остатки временного земляного вала и рва восточнее первой крепостной стены (Патрушев, Павлова, 1998). Значит, до строительства деревянных крепостных сооружений первые строители соорудили временные земляные укрепления для защиты от местного населения.

В XIX в. окончательно формируется историческая часть города Йошкар-Олы (рис. 2). Большинство зданий сохранилось именно с этого времени. Город оставался небольшим. Как отмечает А.С. Казимов (1987, с. 43–44), к началу XIX в. в городе проживало 1183 жителя, а в 1887 г. – 1658 человек.

Результаты археологических исследований до 1998 г были обобщены В.С. Патрушевым и Т.С. Патрушевой (2000). Кроме того, В.И. Гордеев (2000, с. 99 и сл.) обобщил материалы раскопок В.С. Патрушева по его публикациям с добавлением материалов осмотра двух шурфов самого автора.

В 2002 г. в исторической зоне города по ул. Карла Маркса между улицей Красноармейской и переулком Анисимовским, к западу от раскопов 1996–1997 гг. по ул. Карла Маркса, 47, исследован слой в виде темной гумированной супеси, просле-

женной до глубины 226 см, насыщенный находками. По аналогии с находками из датированных слоев в предыдущих раскопах в Йошкар-Оле формы сосудов и особенности обработки поверхности характерны для посуды XVI–XIX вв. (Патрушев, 2002, с. 9–17). Среди находок в культурном слое исторической зоны города интерес представляют остатки оклада иконы с библейскими сюжетами, выполненными техникой перегородчатой эмали (рис. 4), накладка с пуансонными узорами, нательные крестики (один из них с барельефным изображением Христа на кресте – см. рис. 5), медальон, пуговицы, различные украшения, в том числе налобное золотое украшение из детской могилы. Любопытно отметить, что скелет в детском погребении лежал на спине в сопровождении крестика, судя по тлену от дерева, в гробике. А рядом лежал детский костяк таких же размеров на животе, без крестика и без следов гроба.

В 2003 и 2004 гг. археологические исследования в исторической зоне Царевококшайска проводились по теме НИР «Историко-археологические исследования первых русских городов Марийского края (Кокшайск, Царевококшайск)» по муниципальной программе администрации г. Йошкар-Олы «Сохранение и развитие культуры и искусства (2002–2004 гг.)» для осуществления археологического надзора в местах земляных работ (Патрушев, 2003; Патрушев, 2004). В ходе исследований установлен характер культурных наслоений в раскопе 9 по ул. Карла Маркса, 75, шурфе 1 на пересечении улиц Карла Маркса и Чехова (по новой нумерации Чехова, 6) и шурфе 2 (Карла Маркса, 77а) в восточной, южной и северной частях исторической зоны Йошкар-Олы. В раскопе 10 по ул. Карла Маркса, 47, выявлены часть фундамента Воскресенской церкви и объекты XVI–XVIII вв.

В 2005 г. в ходе исследований в местах земляных работ установлен характер культурных наслоений в раскопе 11 по адресу: пл. Революции, 3,

Рис. 5. Крестик из раскопа 2002 г.

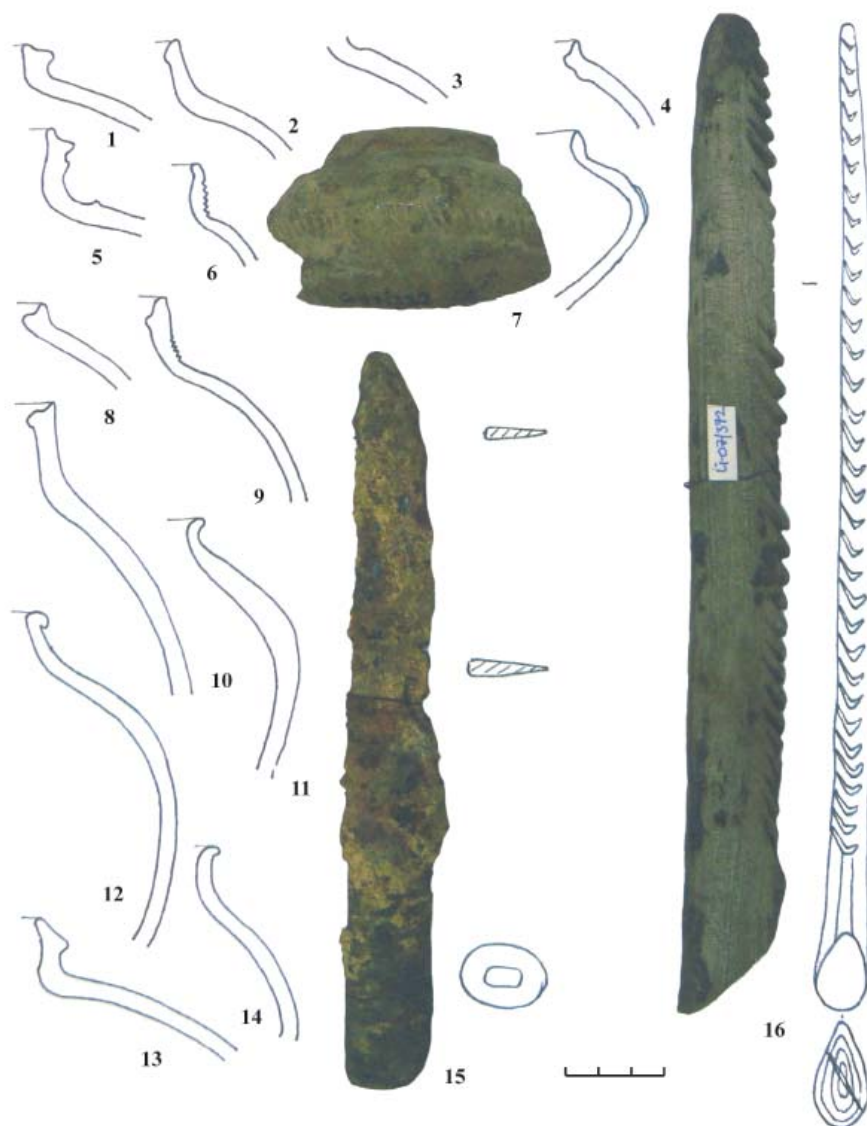

Рис. 6. Йошкар-Ола. 2007. Находки из штыка 4 раскопа 14.
1–14 – фрагменты глиняных сосудов, 15 – железный нож с деревянной рукояткой, обмотанной кожей,
16 – деревянное орудие для обработки льна и конопли

в юго-западной части исторической зоны Йошкар-Олы (рис. 1). Раскоп площадью 27 кв. м дал находки фрагментов сероглиняной и поливной посуды, фаянса и фарфора, 64 индивидуальные находки (Патрушев, 2005а; 2005б; 2005в; 2005г).

В 2006 г. в исторической части города Йошкар-Олы, к северо-западу от второй линии укреплений древнего Царевококшайска, велись работы в раскопе 12 площадью 32 кв. м (ул. Советская, 95) (Патрушев, 2006а). Основными результатами раскопок стало установление характера культурных наслоений в северо-западной части исторической зоны и отсутствие следов предполагаемой слободы начала XVII в. В том же году исследована траншея, заложенная при проведении газопровода в Анисимовском переулке (раскоп 13; Патрушев, 2006 б). Раскоп проходил по дну рва и дал инте-

ресные материалы, особенно по производству кожаных изделий (несколько сот деталей сапожного кроя, кусочков кожи, фрагментов обуви и заготовок) (Патрушев, 2006 б; Патрушев, Фазульянова, 2010).

Обширные археологические исследования территории острога Царевококшайска были проведены в 2007 г. в зоне хозяйственного освоения.

В ходе исследований в раскопах 14–34 общей площадью 1773 кв. м установлен характер культурных наслоений (рис. 1; Патрушев, 2007а; 2007б; 2008а; 2008б; 2008в; 2009а; 2009б; 2009в; 2009г; 2009д), выявлены несколько домов конца XVII–XVIII вв. (Патрушев, 2009е). Культурный слой мощностью до 315 см содержал многочисленные предметы XVI–XIX вв.

В раскопе 14 интерес представляют находки

Рис. 7. Находки из штыка 5 раскопа 15 2007 г.: красноглиняный сосуд с нагаром, фрагменты кожаных подошв и обуви

Рис. 8. Раскоп 17 2007 г. 1, 4 – фарфор; 2 – фаянс; 3, 7, 8 – глина; 5 – камень; 6 – резина

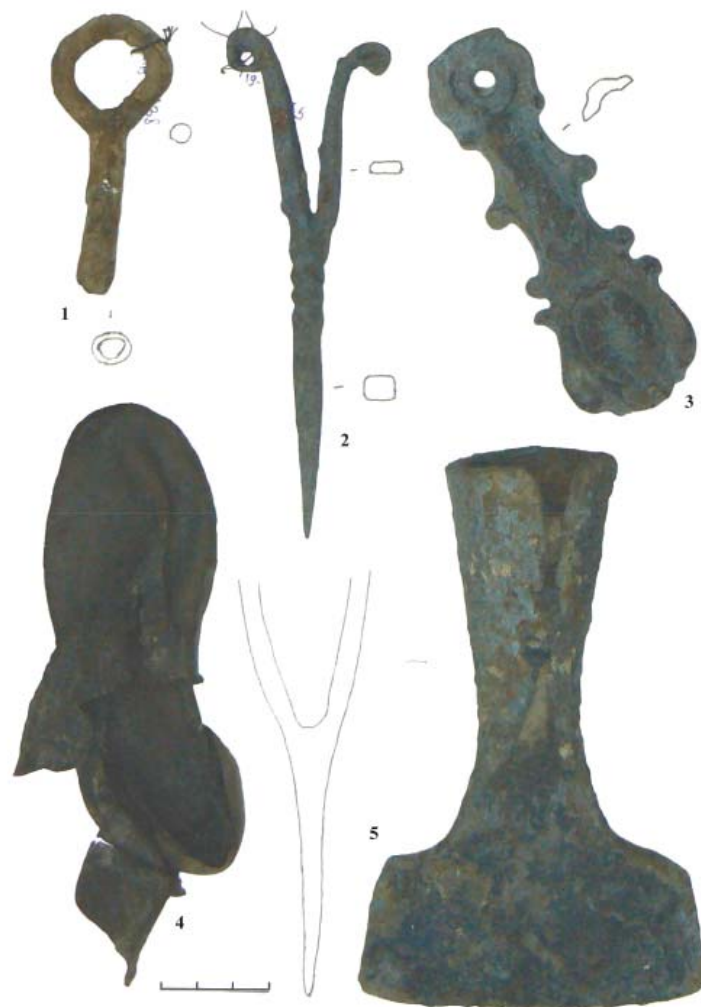

Рис. 9. Йошкар-Ола. 2007. Раскоп 19. Находки из штыков 1 (1, 3, 5) и 4 (2, 4). 1–3, 5–железо; 4 – кожа

фрагментов сероглиняной посуды из штыка 4. В основном это короткошейные сосуды с прикрытым горлом и выпуклым туловом с хорошо заглаженной поверхностью без орнамента (рис. 6: 1–14). Лишь один сосуд имеет прямое горло, резко переходящее в сильно раздутое тулово (рис. 6: 5). Под горлом по периметру тулова ниже заглаженной полосы проходит узкий валик. Два фрагмента по коротким прикрытым горлам украшены параллельными резными линиями (рис. 6: 6, 9). Один небольшой сосуд с коротким горлом в верхней части сильно раздутого тулова украшен косыми короткими оттисками зубчатого штампа (рис. 6: 7). Края венчиков ряда сосудов приплюснуты (рис. 6: 1, 4, 5, 8, 10, 13).

На уровне штыка 4 в раскопе 14 найдены также железный нож с прямой спинкой, вокруг короткой деревянной рукояти обмотанной кожей (рис. 6: 15), и чесалка – деревянное орудие для обработки конопли и льна (рис. 6: 16). В раскопе 15 помимо многочисленных фрагментов глиняной посуды на уровне штыка 5 в углистом пятне размерами 165×90 см, обозначенном как объект 1, найдены

целый красноглиняный сосуд с нагаром на внутренней и внешней поверхности без орнамента (рис. 7, вверху) и фрагменты обуви (рис. 7, внизу).

В раскопе 17 из штыка 1 происходят фрагменты фарфоровых чашек (рис. 8: 1, 4) и фаянсовая крышка от небольшого сосуда (рис. 8: 2), небольшой фрагмент и верхние части глиняных сосудов (рис. 8: 3, 7–8), фрагмент точильного камня из сливного известняка (рис. 8: 5) и резиновая часть печати (рис. 8: 6).

На уровне разных штыков раскопа 19 обнаружены железные фрагмент ключа (рис. 9: 1), светец (рис. 9: 2), накладка от запора мебели (рис. 9: 3), ледоруб (рис. 9: 5) и остатки кожаного ботинка (рис. 9: 4; Патрушев, 2007б, с. 89–90; рис. 16). На этом же раскопе также на уровне разных штыков найдены мундштук от свистульки, глиняные пряслице, фрагменты венчика с горизонтальным рядом ломаных линий и цифр, крышки с большим кольцом, орнаментированных лощеными полосками стенок и кремневый скребок подквадратной формы с темной патиной (Патрушев, 2007б, с. 84).

В разных частях на площади раскопов 2007 г.

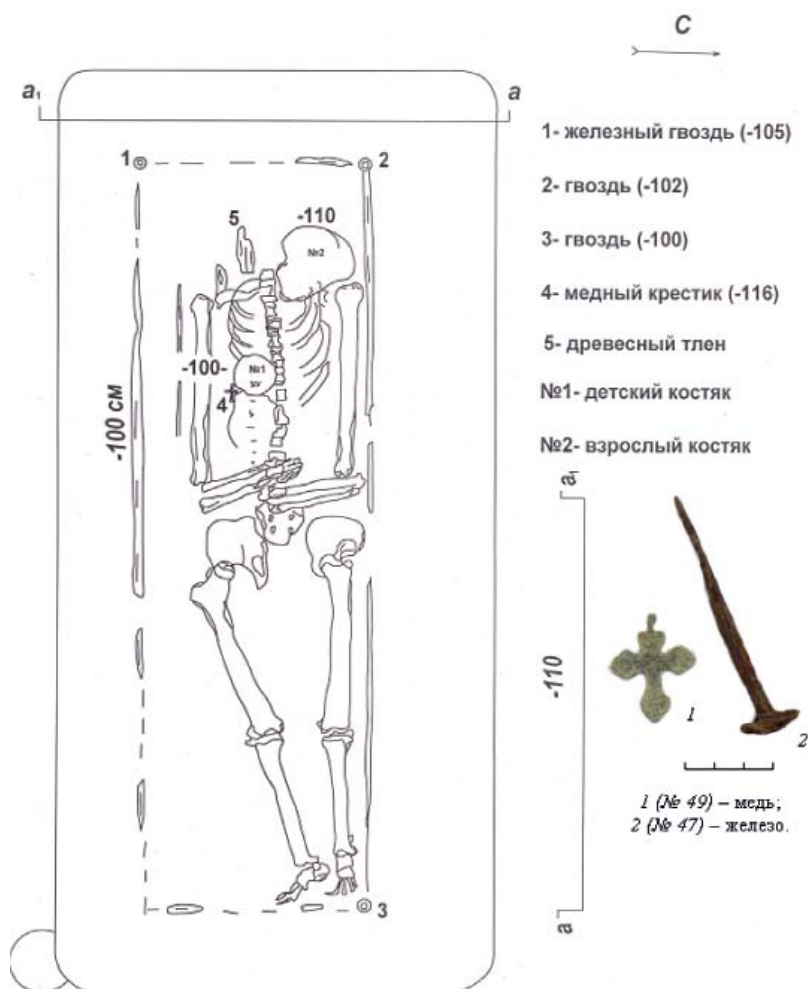

Рис. 10. Йошкар-Ола. 2007. Раскоп 25. План погребения 17 с костяком младенца на костяке взрослого захоронения и сопровождающие предметы - медный крестик и железный гвоздь

собраны фрагменты красноглиняной и поливной посуды с оригинальными узорами (Патрушев, 2007 б, с. 17 и сл.; 2008а, б; 2009а, б).

Интерес представляют находки фрагментов полихромных и поливных изразцов из раскопов 2007 г. с оригинальными растительными узорами, изображением фантастического животного и головки петуха рядом с символами мирового дерева (Патрушев, 2007а, б; 2008а, б, в; 2009а, б).

Среди находок 2007 г. интерес представляют деревянная антропоморфная фигурка с вытянутой головой, переходящей в узкую шею и аморфную фигуру со слабо выделенными плечами, костяная проколка с приспособлением для подвешивания, а также глиняные курительные трубки с несохранившимися деревянными мундштуками, полая голова человека с отломленным носом, полая игрушка и пряслице.

В 2007 г. продолжено исследование древнего кладбища XVI–XVII вв., где общее количество захоронений достигло 78. Обычно костяки лежат вытянуто на спине с согнутыми в локтях руками

в сопровождении крестика (Патрушев, 2008в) и кованых железных гвоздей с широкими шляпками (шпили). В раскопе 25 в погребении 17 взрослый костяк, судя по тлену дерева по периметру ямы и железным гвоздям-шпилям, лежал в гробу прямоугольной формы в яме подпрямоугольной формы с округлыми углами (рис. 10; Патрушев, 2008б, в; 2009а, б). В области груди и живота взрослого костяка лежал костяк младенца. Лишь три костяка сопровождалась характерными для марийского населения украшениями – сьюльгамами и пастовыми бусами. В частности, в погребении 70 в раскопе 32 в частично разрушенной яме находилось вторичное захоронение: череп и кости ног и рук в одной куче и сьюльгама (рис. 11).

В 2008 г. был исследован участок площадью 32 кв. м в посаде Царевококшайска к западу от второй линии укреплений в местах земляных работ в связи с предстоящим строительством кирпичного кремля по ул. Советской. В ходе исследований выявлен культурный слой с фрагментами керамики, фарфоровой и фаянсовой посуды, стеклянных из-

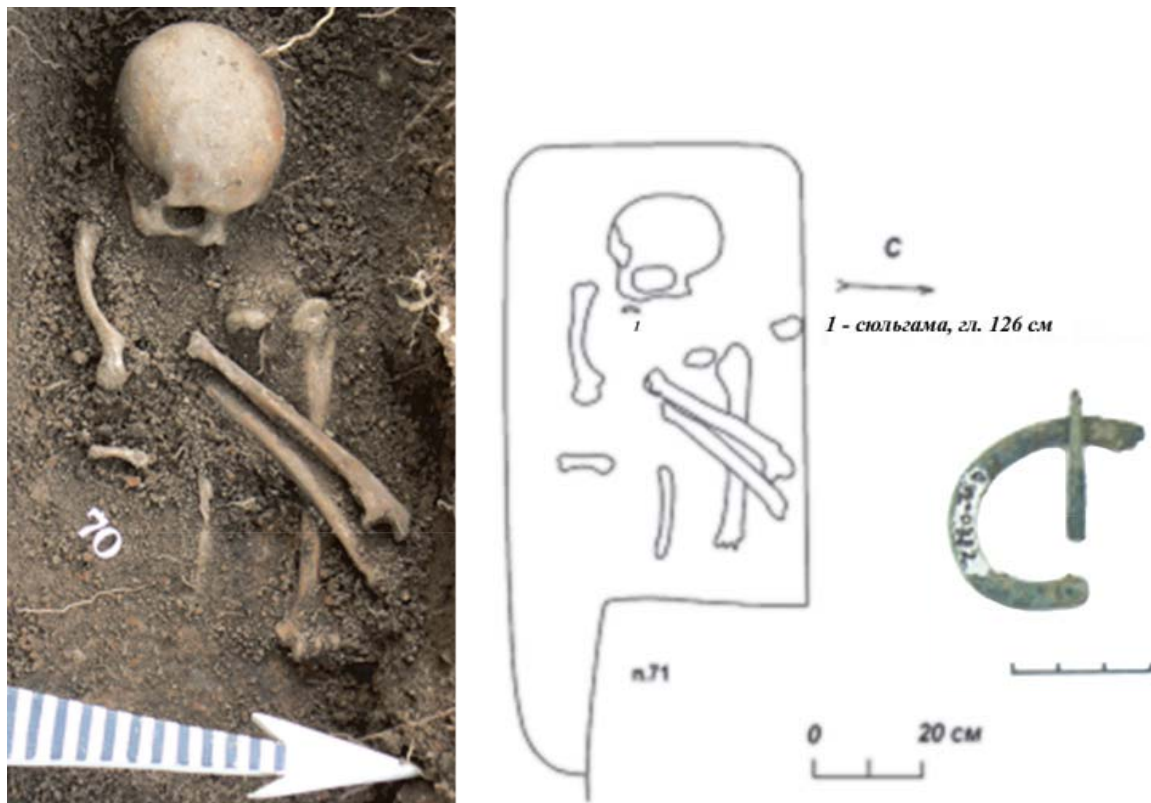

Рис. 11. Йошкар-Ола. Раскоп 32. Погребение 70. Вторичное захоронение с сольгамой

делий и железных предметов XVIII–XX вв.

Важнейшими объектами в археологии средневекового Царевококшайска являются остатки дома воеводы с изразцовой печью. На их характеристике следует остановиться более подробно.

Исследования дома воеводы и изразцовой печи. Основные объекты дома воеводы располагались в центральной части острога Царева города к югу и юго-востоку от самой древней в городе Воскресенской церкви (ко времени исследований от нее под землей остались лишь погребя. Церковь разрушена в 1960 г.).

Восточная часть комплекса построек, состоящего из двух домов, соединенных крытым двором и вытянутого с северо-востока на юго-запад, была исследована в раскопе 1984 г. Дальнейшими раскопками 1996 г. удалось открыть остатки западного комплекса, самого дома воеводы. Все признаки говорят о том, что дом сгорел еще в древности. Расположение дома воеводы к юго-востоку от Воскресенского собора соответствует упоминанию в исторических документах. Среди находок в культурном слое наиболее массовый материал – это керамика. Русская посуда весьма высокого качества, хотя и невзрачная на вид, серого цвета, горшковидной формы, иногда украшенная узорами из рельефных горизонтальных или лощеных полос, волнистых линий. Довольно много металлических орудий труда различных эпох.

Найден железный топор, здесь же обнаружены железная скоба с приостренными концами, обломки ножей, медный и железные кованые гвозди с широкими шляпками (шпили), зуб борона и др.

По материалам раскопок может быть представлена реконструкция дома воеводы. Судя по стратиграфическим наблюдениям, дом был почти квадратной формы. Собственно дом воеводы размерами 560×620 см в центральной части раскопов 1996–1997 гг., с углубленным в землю котлованом глубиной до 40 см, по внешнему виду представлял приземистый дом из крупных бревен. Венцы деревянного дома возвышались над уровнем поверхности земли за пределами дома не более чем на 140 см. Стены дома прослежены с глубины 80 см в виде золисто-углистой массы с востока, шириной до 120 см с севера, южная сохранилась только шириной до 35 см (южнее она разрушена ямой для линии коммуникаций).

Выход из дома шириной примерно 90 см (северная часть выхода разрушена поздней могилой) находился к северо-востоку от печи, то есть в восточной стене дома, в сторону реки.

Часть развала южной стены разрушена поздней ямой для кирпичной стены линии коммуникаций. Западная стена почти полностью разрушена системой водоснабжения Воскресенского собора начала XIX в. Лишь самый угол дома с развалом изразцовой печи по счастливой случайности

остался почти нетронутым. Значит, печь в доме стояла недалеко от стены дома.

Особенности верхних конструкций самого дома по имеющимся материалам восстанавливаются трудно. Однако в разных частях раскопов 1996–1997 гг. выявлены остатки углей или древесные остатки волокнами с востока на запад, что предполагает наличие потолка (в случае отсутствия потолка остатки крыши располагались бы волокнами с юга на север согласно домостроительным традициям русского населения эпохи Средневековья).

Напротив выхода из дома находился крытый двор наземного типа без котлована размерами 420×620 см. Культурный слой здесь прослежен до 95 см. При этом с южной стороны эта территория была ограждена капитальной стеной, углубленной в землю до 120 см. Стена с северной стороны прослежена до глубины 110 см, на 15 см ниже культурного слоя двора. Ширина крытого двора на этом уровне 585 см. Недалеко от восточной стены у северной половины дома находилась яма размерами 140×115 см, судя по углисто-золистому заполнению, очаг с прослеженной глубиной 20 см. В 120–380 см от восточной стены южной половины дома выявлены пять столбовых ям диаметрами от 20 до 47 см, ограничивающие площадь 240×115 см. Их назначение определить трудно. Возможно, здесь мог быть стол на столбах, или они поддерживали крышу крытого двора, или и то и другое вместе. При этом необходимо иметь в виду, что крыша могла находиться только над южной половиной двора, т. к. эти столбы находятся не по центру двора, а только на южной половине.

В 150 см к востоку от открытого очага выявлена яма (83×63 см), полностью заполненная кусками чистой глины на глубину 30 см (она прослежена с глубины 95 см).

Восточнее от этого крытого двора в раскопе 1984 г. открыта часть другого дома, также богатого, судя по находкам золоченой пуговицы и фрагментов хрустальной посуды. Можно предположить, что данный крытый двор соединял два этих дома. По подробному описанию автора архитектором Ю. Пенкиным представлены варианты примерной компьютерной реконструкции дома воеводы с прилегающим открытым двором и вторым домом. Оговоримся, что вид дома воеводы в какой-то мере осовременен благодаря оцилиндрованным тонким бревнам. На самом деле дом воеводы был построен из толстых бревен. Например, отпечаток бревна нижнего венца дома воеводы близ входа говорит о толщине бревна не менее 60 см.

Датировка дома воеводы проводилась с использованием аналогий глиняной посуде, израз-

цам. Есть возможность использовать стратиграфические особенности. В частности, в верхних горизонтах сплошного серого слоя гумированной супеси над развалом дома обнаружена серебряная копейка овальной формы с изображением Георгия Победоносца на коне с копьем в руке времен царствования Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Значит, сами постройки, располагавшиеся ниже, должны датироваться более ранним временем, чем 1645 г.

Важнейшим объектом внутри дома воеводы является изразцовая печь. Изразцовая печь – уникальнейшее явление в истории исследований русских городов Поволжья. Она находилась в юго-восточном углу дома. Остатки развала изразцовой печи в виде углистого пятна с включениями оранжево-коричневой порошкообразной массы от пережженных кирпичей стали прослеживаться с глубины 130 см на площади наибольшей длиной 440 и шириной до 340 см. Печь была сложена из небольших ярко красных кирпичей. К кирпичной стене с помощью глинистого раствора плотно друг к другу крепились изразцы – румпы в виде полых подквадратных в сечении труб из глины высотой до 10 см, завершающиеся с внешней стороны печи квадратными плитками.

На глубине 140–190 см найдено несколько фрагментов от чугунной дверцы печи. Размеры у основания печи составляли всего 150×120 см. С учетом высоты румп (10 см) с одной стороны печи внешние границы длиной 160 см. Вторая сторона печи не имела изразцов. Фундамент печи располагается ниже уровня пола дома, то есть он находился не на полу, а в подполье, что характерно для русского домостроительства. В непосредственной близости от печи начинался погреб размерами 370×260 см, более углубленный в западной половине и прослеженный до глубины 222 см.

Общее количество учтенных образцов в раскопах 1996–1997 гг. составляет 689 фрагментов. Из них 457 – части трубчатых румп (оснований изразцов в виде квадратной трубы) высотой 8,8–10,1 см с плоскими поверхностями и округлыми переходами от одной плоскости к другой. Румпа изразца переходит в уплощенную плоскость, на которой имеются ограниченные по краям выпуклыми полосками изображения. Выпуклые полоски шириной 0,7–1,1 см по периметру защищали изображения при перевозках. Внешняя поверхность изразцов квадратной формы размерами от 10,6×10,6 до 12×12 см (площадь одного изразца колеблется от 112 до 144 кв. см).

Края печи украшали полустержни с витыми узорами длиной 10–12 см каждая. Полустержни составляют примерную суммарную длину 410 см. Длина подобных «поясовых» полустержней как

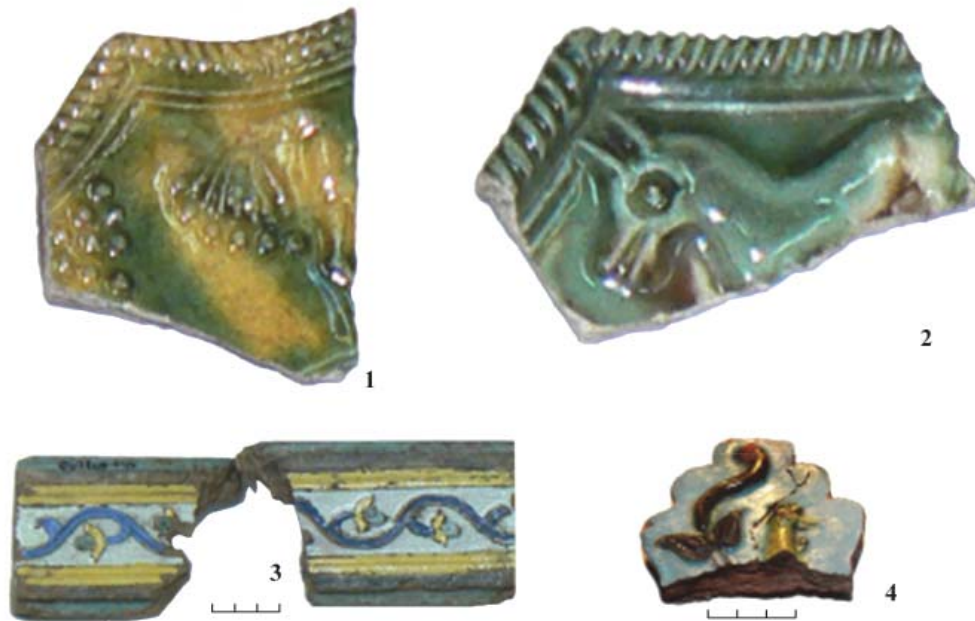

Рис. 12. Йошкар-Ола. Раскоп 1996 г. Изразцы из развала печи в доме воеводы с изображением кентавра (1), грифона (2) и растительными узорами (3, 4)

раз соответствует ширине (120 см) и высоте двух сторон печи (160 + 160 см = 320 см), т. е. 440 см (за исключением всего недостающих 30 см).

В раскопах 1996–1997 гг. всего обнаружено 210 фрагментов изразцов с барельефными изображениями на внешней поверхности. Отметим характерные сюжеты изображений.

Изображения грифонов прослежены на 13 фрагментах. Это одинаковые изображения задней части тела хищного животного с когтями птицы и птицы с длинным прямым клювом (рис. 12: 2). Прием передачи тела выпуклыми треугольниками известен среди изразцов из Москвы XVI в., в частности на теле двуглавой птицы (изразец «красный») (Русские изразцы, 1968, с. 61).

На восьми фрагментах изображены фантастические животные с крыльями, с птичьими трехпальными лапами. Их тела покрыты барельефными треугольниками. Подобные изображения с растительными узорами более раннего времени Б.А. Рыбаков (1968, р. 34–39) трактует как изображения крылатого пса Смаргла (или позднее Переплута) – хранителя посевов и урожая (Рыбаков, 1981, с. 62). К.В. Тревер (1933, с. 324–325) культ Смаргла сопоставляет с иранским Сэнмурвом, связанным с аграрным культом, который как бы был олицетворением вооруженного защитника посевов, поскольку наделен когтями, зубами и крыльями. Изображения крылатого зверя с когтями птиц известны среди изразцов из Москвы XVI в. (так называемый «красный» изразец) (Рыбаков, 1968, с. 60).

В трех случаях видны изображения всадниц.

Подобные изображения в славянском и русском искусстве связаны с культом плодородия и широко известны на русских вышивках (Рыбаков, 1981, с. 498 и сл.). На одной из вышивок с изображением всадниц с сохами можно видеть некоторую близость изображениям йошкар-олинских всадниц в передаче положения рук и обуви на ногах с каблучками (Рыбаков, 1981, с. 511).

В раскопе 1997 г. обнаружен фрагмент фигуры человека в стоячем положении. Ноги его переданы в профиль, а туловище – в фас.

На трех крупных фрагментах имеются изображения кентавров (рис. 12: 1). Удлиненное тело коня в состоянии быстрого бега плавно переходит в вертикальный торс человека с луком в руках. На тело коня нанесены выпуклые дуги и линзовидные косые линии. Дуговидные выпуклые линии, острые углы или выпуклый овал на бедрах коня подчеркивают его силу. Человеческая часть фигуры по отношению к части коня повернута в фас на 90 градусов. По животу и груди человека нанесены крестообразные узоры из выпуклых валиков. Непропорционально тонкие руки натягивают лук в сторону крупы животного. Вытянутая правая рука держит небольшой дважды изогнутый лук скифского типа, а согнутая в локте левая рука натягивает тетиву лука. Стрела завершается роскошным распустившимся цветком с пестиком в середине, направленным на ветку растения с явными элементами мирового дерева, передающего идею плодородия. Об этом же говорят символы неба в виде двух выпуклых треугольников. На голове человека видна своеобразная корона в виде симво-

лов мирового дерева – между двойными листьями вырастает плод.

Изображения кентавров, но с палицей в руке, известны на изразцах первой половины XVII в. (Русские изразцы, 1968, с. 65). Крестовидный узор на йошкар-олинском изразце также находит аналогии среди московских изразцов (Русские изразцы, 1968, с. 63). Близки форма луков, символы мирового дерева и передача гривы лошади в виде выпуклых дуг на всадниках с изображениями начала XVIII в. (Русские изразцы, 1968, с. 63). Вместе с тем на московских более поздних изразцах появляются новые элементы.

На одном фрагменте изразца можно видеть вытянутую морду кабана с узкими глазами, а на трех – переданы фигурки летящих птиц (Патрушев, 1996, рис. 24, 3; 26, 4).

Таким образом, 31 изображение передает зооморфные и антропоморфные сюжеты.

Значительная группа находок фрагментов изразцов содержит растительные узоры (77 экз.; рис. 12: 3). Из них на 24 фрагментах можно видеть рассмотренные выше символы мирового дерева (в виде трилистников с плодами и др.). На 20 фрагментах есть изображения стеблей с отходящими от них листьями, и еще на трех также с плодами. Стебли с отходящими листьями и цветком изображены на семи фрагментах. На восьми фрагментах видны только листья, на двух – только стебли. А на шести фрагментах переданы сложные переплетения стеблей, листьев, плодов, цветков и символов мирового дерева.

Интерес представляют отмеченные выше овальные выпуклины по кругу, обрамленные выпуклыми линиями в виде полураскрывшегося семени. Вокруг них рельефно передан круг с примыкающими к нему основаниями треугольниками. Солярный символ последнего несомненен, как и передача идеи плодородия на данном сюжете.

В трех случаях на фрагментах переданы отдельные цветки в виде розеток, в том числе с символами мирового дерева. Есть также образец растительного узора в виде цветка из треугольников, расположенных по кругу, а также узор в виде двулистника. Аналогии элементам растительных узоров можно видеть на русских изразцах XVI – начала XVII вв. (Русские изразцы, 1968, с. 60, 62).

На фрагментах изразцов сравнительно немного геометрических узоров (9 экз.). Это чаще всего треугольники (5 экз.) или же треугольники в сочетании с растительными узорами (1 экз.), частями животных (2 экз.) или теми и другими (1 экз.).

Узоры в виде треугольников встречены на русских изразцах XVI – начала или первой половины XVII вв. (Русские изразцы, 1968, с. 61, 65). Наряду с аналогиями в элементах растительных узоров и в сюжетах изображений изразцы из раскопа 4 в г. Йошкар-Оле можно датировать XVI – первой половиной XVII вв. Учитывая дату возникновения города (1584 г.), а также датировку находок из нижнего слоя (Патрушев, 1996, с. 192 и сл.) и стратиграфические наблюдения, дату изразцовой печи можно отнести ко времени возникновения Царева города. Тем самым подтверждается предположение, основанное на исторических документах и датировке находок, о местоположении дома воеводы к юго-востоку от первой церкви (Воскресенской) на месте раскопов 3 и 4 (Патрушев, 1987а, с. 64–65). Наиболее близкими изразцами являются московские. Следует полагать, что изразцы в Царев город специально для воеводы были доставлены на санях из Москвы. У основания печи обнаружены крупные фрагменты развала крупного глиняного сосуда. Из глины также изготовлена курительная трубка. На одной стороне в прямоугольном углублении четко отпечатаны инициалы «О.Г.». Очевидно, буквы обозначают инициалы владельца трубки, возможно, воеводы Григория Онучина. У курительной трубки сохранилась лишь глиняная часть в виде половинки цилиндра, куда насыпали табак, от нее внутри отходит узкий канал к боковому цилиндру. В него, очевидно, вставляли мундштук из дерева, который не сохранился. По нижней поверхности и у вертикального и бокового цилиндров нанесены тисненые узоры из зубчатого штампа.

Дом воеводы с развалом изразцовой печи – редчайший случай в средневековой археологии Поволжья. Реконструкция изразцовой печи – важная задача ближайшего будущего.

Таким образом, в течение 30 лет под руководством В.С. Патрушева исследовано более 2300 кв. м исторической зоны Йошкар-Олы. Дальнейшие исследования в исторической зоне Йошкар-Олы, начиная с 2008 по настоящее время, проводились под руководством Ю.А. Зеленева.

Посад и пригороды

История изучения. В настоящее время исторический центр Йошкар-Олы археологически исследован на площади около 10000 кв. м. Археологическое изучение Йошкар-Олы можно разделить на два этапа. Первый (1984–2008 гг.) характеризуется преимущественно научным характером раскопок, что, с одной стороны, выражалось в небольших площадях исследований, а с другой стороны – в возможности выбора наиболее перспективных участков исследований в историческом центре города. Для второго этапа (2008 – настоящее время) свойственно преобладание спасательных археологических исследований в местах хозяйственного освоения на достаточно больших площадях (рис. 1).

Археологические раскопки на территории строительства Царевококшайского кремля проводились в 2008 г. Л.П. Коноваловой и в 2009 г. Ю.А. Зеленевым. Наиболее ранним выявленным сооружением являются остатки второй линии укреплений городского посада – ров с деревянными укреплениями, остатки снивелированного вала и основание крепостной стены-тына.

Большая часть обнаруженных в процессе археологических исследований сооружений, конструкций и ям относятся к XVIII в., периоду, когда эта территория была занята усадебной застройкой, и к XIX в., когда здесь располагалась базарная площадь Царевококшайска. Это подклеты срубов, которые можно связать с торговыми лавками и ремесленными мастерскими, ранее находившимися на этом месте.

В 2010 г. П.С. Даниловым проводились спасательные археологические исследования на территории восстановительного строительства Входоиерусалимской церкви и Богородице-Сергиевого монастыря. В результате был выявлен исторический некрополь конца XVI – середины XVIII в., исследованы 554 погребения, в том числе с инвентарем, характерным для материальной культуры марийцев конца XVI–XVII вв., идентифицированных как новокрещенские. Помимо этого, была обнаружена часть фундамента Входоиерусалимской церкви, что позволило полностью ее локализовать.

В 2012 г. Ю.А. Зеленевым были проведены охранные археологические исследования Тихвинского некрополя. В общей сложности на территории некрополя было исследовано более 1100 кв. м и 782 погребения. Погребальный обряд подавляющего количества погребений соответствует право-

славным традициям. Это западная ориентировка, отсутствие какого-либо инвентаря, кроме нательных крестов и погребальной посуды, захоронение в гробах.

В 2013 г. Е.Е. Филипповой проводились археологические исследования с целью выявления границ объектов историко-культурного наследия, ранее выявленных при охранных археологических раскопках. В результате шурфовки южная граница Тихвинского некрополя была ограничена центральной аллеей, а западная – городком аттракционов Центрального парка. Было обнаружено продолжение второй линии укреплений посада (рва) южнее территории комплекса «Царевококшайский кремль», во дворе дома 121 по ул. Советской.

В 2014 г. Е.Е. Филипповой были продолжены исследования Входоиерусалимского некрополя. Исследован участок некрополя, располагающийся вдоль ул. Вознесенской, в результате было выявлено и исследовано 198 погребений начала XVII – середины XVIII в.

В 2015 г. Ж.С. Калыгиной проводились археологические изыскания на территории ранее неизвестного некрополя Троицкой церкви Царевококшайска, в результате которых были исследованы 164 погребения XVII–XVIII вв. В том же году Ж.С. Калыгиной были проведены охранные раскопки на перекрестке улиц Красноармейская и Вознесенская, где была выявлена зона усадебной застройки XVII–XVIII вв.

В 2019 г. Б.С. Соловьев проводил археологические раскопки на участке строительства «ЖК «Кремлевский», прилегающем с юга к участкам, исследованным в 2008–2009 гг. на территории строительства «Царевококшайского кремля». В ходе данных работ были прослежены основание тына и оборонительный ров острога Царевококшайска, которые были ранее выявлены в 2008–2009 гг., и также исследован участок усадебной застройки, связанной с «домом сапожника».

В 2021 г. Ю.А. Зеленева проводил спасательные археологические раскопки на месте строительства воскресной школы на прихрамовой территории восстановленного Воскресенского собора. В ходе раскопок была исследована площадь 126 кв. м, были открыты остатки фундамента стен исторического Воскресенского собора Царевококшайска постройки 1759 г. Сохранилась часть апсиды храма, относящейся к южному приделу во имя Священномученика Феодора.

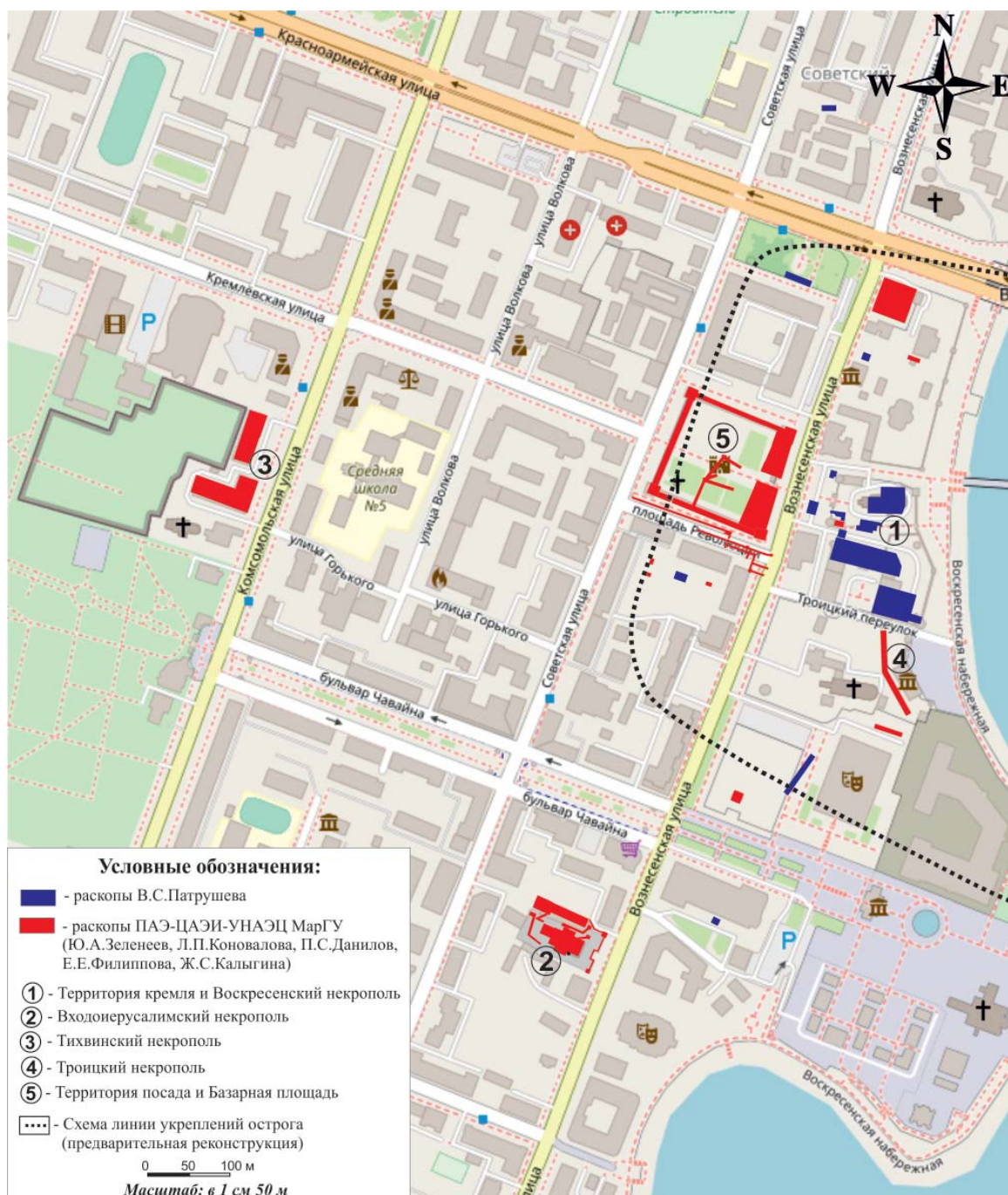

Рис. 1. Карта исторического центра Йошкар-Олы с указанием раскопов и основных археологических объектов на территории города

Распределение культурного слоя. Культурные напластования начального периода существования Царевококшайска фиксируются фрагментарно в виде серой либо светло-серой супеси, расположенной над материком. В большинстве случаев культурный слой конца XVI–XVII вв. был разрушен более поздними напластованиями. Помимо массового керамического материала слой маркируется неполивными красноглиняными изразцами, керамическими ядрами, наконечниками стрел, серебряными копейками конца XVI–XVII вв. Подавляющая часть городской застройки Царевокок-

шайска содержит культурный слой XVIII–XIX вв. В этот период на территории города хозяйственная деятельность стала достаточно интенсивной. Слой этого периода отличается темно-серым либо темно-коричневым цветом, сильной гумированностью, высоким содержанием щепы, навоза, кирпичной крошки и высокой плотностью массового керамического материала. Основные археологические артефакты данного периода, помимо массового керамического материала, – печные рельефные полихромные изразцы, белоглиняная керамика (помадные банки, свистульки, игрушки),

керамические курительные трубки, предметы кузнечного ремесла, штофное стекло, остатки сапожного производства. Наиболее насыщенный культурный слой на территории царевokokшайского посада залегает на территории базарной площади, где на отдельных участках его мощность доходит до 150–200 см.

Топография и планировка Царевokokшайска.

Царевokokшайск расположен на правом берегу р. Малой Кокшаги. Ландшафтно-топографические особенности местности, на которой был основан Царевokokшайск, по всей вероятности, стали одной из причин закладки города-крепости именно в этом месте. Единственными естественными преградами, которые во многом определили первоначальный облик города, были овраги, один из которых в дальнейшем был вписан в ров острога Царевokokшайска. Эта особенность топографии города, в частности, отмечается в описании Царевokokшайска 1767 г.: «...по обе стороны реки Малой Кокшаги, трех потоков лощин безымян, происходящих в сем городе устьями к означенной реке...» (Айплатов, Дорожкова, Иванов, 1994, с. 112). На территории кремля было также озеро, которое соединялось со рвом линии укреплений. Оно было обнаружено при раскопках 1984 г. (Патрушев, 1987, с. 68).

Царевokokшайск был основан в 1584 г. как форпост Русского государства на присоединенных марийских землях. Ядром, вокруг которого формировалась городская застройка, был деревянный кремль, представляющий собой крепостную стену с башнями, окруженную земляным рвом. На территории кремля располагалась воеводская изба и деревянная церковь. В первые десятилетия после основания города вокруг кремля стал формироваться посад. После событий Смутного времени, когда город оказался в руках повстанцев, для защиты посада была сооружена вторая линия укреплений – острог. Оборонительные укрепления Царевokokшайска к концу XVII в. окончательно потеряли свое военное значение и пришли в упадок. Планировочная структура города перестала существовать в пространстве, ограниченном крепостными стенами кремля и острога, и вышла за их пределы.

После 1696 г., когда в результате пожара Царев город на Кокшаге выгорел «без остатка», деревянные оборонительные сооружения больше не восстанавливаются, земляные рвы линии укреплений нивелируются. Территория, на которой были расположены оборонительные сооружения, первоначально стала местом усадебной застройки. XVIII век стал временем расцвета царевokokшайской церковной архитектуры, в течение которого были построены пять каменных храмов,

один из которых – за границей посада. Царевokokшайск становится не только административным, но и экономическим центром окрестных земель, в котором происходит торговый обмен городского русского и сельского марийского населения.

В XIX в. формируется современная система городской застройки. Рубежным стал 1835 год, когда был составлен план регулярной застройки Царевokokшайска, который был подписан императором Николаем I. Он не был до конца реализован, однако облик города и городских улиц был значительно упорядочен, что прослеживается на плане города 1916–1917 гг. (Попов, 2014, с. 90). В этот период происходит перестройка городских храмов и сооружение комплекса зданий Богородице-Сергиевского женского монастыря, возникшего к югу от бывшей линии укреплений посада. В этот период формируется базарная площадь с торговыми лавками и ремесленными мастерскими.

Оборонительные сооружения. Наиболее древними археологическими объектами, исследованными на территории Царевokokшайска/Йошкар-Олы, являются оборонительные сооружения кремля и посада.

В 1998 г. В.С. Патрушевым была исследована территория кремля к северо-западу от Воскресенского собора. При раскопках следы деревянных укреплений обнаружены не были, однако были выявлены «остатки временного земляного вала и рва восточнее и южнее от северо-западного угла первой крепостной стены» (Патрушев, 2009, с. 40).

Оборонительные сооружения посада – острог – были исследованы значительно полнее. Первое упоминание об остроге относится к 1628 г., когда при передаче города новому воеводе ему были отданы «городовые и острожные ключи» (Димитриев, 1992, с. 62). Из описания Царевokokшайска, составленного П. Кафтанниковым, следует, что вокруг кремля шла стена длиной в 226 сажень, состоящая из трех проезжих и пяти глухих башен.

Впервые оборонительные сооружения второй линии укреплений были выявлены В.С. Патрушевым в 1979 г. при наблюдении за прокладкой коммуникаций при строительстве Русского театра драмы, к северу от бульвара Чавайна.

В результате археологических исследований, проведенных в 2008 г. Л.П. Коноваловой и в 2009 г. Ю.А. Зеленевым, оборонительные сооружения посада были обнаружены и разрезаны узкими, ориентированными по линии запад – восток раскопами шириной 3 м на двух участках, отстоящих друг от друга в 100 м. Раскопы пересекли часть линии укреплений, ориентированной по направлению С–Ю вдоль нынешней улицы Советской. Л.П. Коновалова причисляет к объек-

Рис. 2. Участок оборонительного рва острога Царевококшайска с деревянной конструкцией

там, относящимся к выявленной в 2008 г. системе укреплений посада, ров с деревянными конструкциями-креплениями и остатки снивелированного вала с тыном (рис. 2).

Во время археологических исследований 2009 г. было подтверждено местоположение оборонительной линии Царевококшайска. В западной части раскопа 11 было обнаружено продолжение линии укреплений, представляющих собой остатки рва с деревянными конструкциями на дне и основание тына (Зеленева, 2010).

В 2013 г. в результате шурфовки с целью определения границ археологических объектов на территории Йошкар-Олы был также выявлен небольшой участок рва второй линии укреплений посада Царевококшайска. Данные исследования позволяют окончательно решить вопрос о локализации западной границы второй линии укреплений Царевококшайского острога. Она проходила вдоль современной улицы Советской с небольшим отклонением к юго-востоку от нее (рис. 1).

Система укреплений, остатки которой были обнаружены в ходе археологических раскопок 2008–2009 и 2013 гг., относится ко второй оборонительной линии, которая окружила территорию посада. Укрепленный разросшийся посад свидетельствует о том, что функция города как военной крепости сменяется функцией торгово-ремесленного центра окрестных земель. Во второй половине XVII в. линия укреплений пришла в

упадок и после пожара 1696 г. была окончательно ликвидирована за ненадобностью. В описании города П. Кафтанникова 1728 г. указывается, что место, где проходила городская стена, «занято строением».

Сооружения кремля и посада. Большинство исследованных на территории Царевококшайска жилых сооружений представляют собой деревянные срубные конструкции, сохранившиеся, как правило, ниже уровня материка.

Одним из таких объектов является сооружение, расположенное на территории кремля, которое атрибутируется В.С. Патрушевым как дом воеводы. Первоначально эта конструкция была исследована во время археологических раскопок 1984 г., затем доисследована в 1996–1997 гг. (раскоп 4). Это сооружение было ориентировано на ВСВ – ЗЮЗ и состояло из трех частей (Патрушев, 2009, с. 38). Сооружение датировано серебряной копеей Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Главным основанием для отождествления данного сооружения с домом воеводы В.С. Патрушев считает найденный в его юго-западной части развал изразцовой печи. В общей сложности в развале удалось обнаружить 689 фрагментов неповрежденных красноглиняных изразцов, которые были определены как принадлежащие примерно 170 единицам изразцов. Изразцовая печь датируется В.С. Патрушевым по аналогии с «найденными при археологических исследованиях Москвы сероглиняными изразцами» концом XVI – началом

Рис. 3. Остатки деревянных конструкций Базарной площади Царевококшайска

XVII вв. (см. главу 7).

Большинство исследованных сооружений Царевококшайска расположено на территории посада. По мнению А.А. Андреянова, оформление посада Царевококшайска следует отнести к началу XVII в. (Андреянов, 1991, с. 34).

На территории базарной площади были исследованы несколько деревянных конструкций, относящихся к середине – второй половине XIX в. (рис. 3). Все они представляют собой основания деревянных домов-срубов и углубленную в материк конструкцию (подклет), сохранившиеся на 2–4 венца. Размеры конструкций колеблются от 3×4 м до 7,80×4,80 м. Фундамент отсутствует, первые венцы срубов лежат на материке. В некоторых сооружениях прослежены основания печей. Как правило, такого рода сооружения имели смешанное назначение – жилое и производственное либо торговое. Таковы такие объекты как «дом сапожника», отличавшийся насыщенностью остатками сапожного производства, и «винная лавка», в заполнении которой было обнаружено большое количество стеклянной посуды.

Помимо деревянных срубных конструкций с периодом функционирования базарной площади связаны деревянные мостовые. На этой террито-

рии также прослежена развитая система гидротехнических сооружений. Учитывая высокий уровень грунтовых вод, были созданы такие элементы дренажной системы, как отстойники, водоотводные траншеи, водосборники (Калыгина, 2015).

Как и в любом русском городе, в Царевококшайске основными элементами городской планировки были православные храмы. Вокруг них формировалась городская застройка, они становились центром притяжения горожан и по их названиям именовались улицы. Три из пяти православных храмов Царевококшайска были разрушены в советский период. Это Воскресенский собор, Троицкая и Входиерусалимская церкви.

Археологически удалось проследить фундамент Воскресенской соборной церкви во время археологических раскопок В.С. Патрушева 1984 г. (Патрушев, 2009, с. 37). В 2021 г. при раскопках на прихрамовой территории восстановленного Воскресенского собора на месте реконструкции часовни Ю.А. Зеленевым был выявлен участок фундамента Воскресенского собора с частью отопительной системы храма, представляющей собой вентиляционный канал, сложенный из кирпича в виде сводчатой трубы с плоским дном. Фундамент выполнен путем глинобитной забивки с известью и обломками кирпича. Строительство

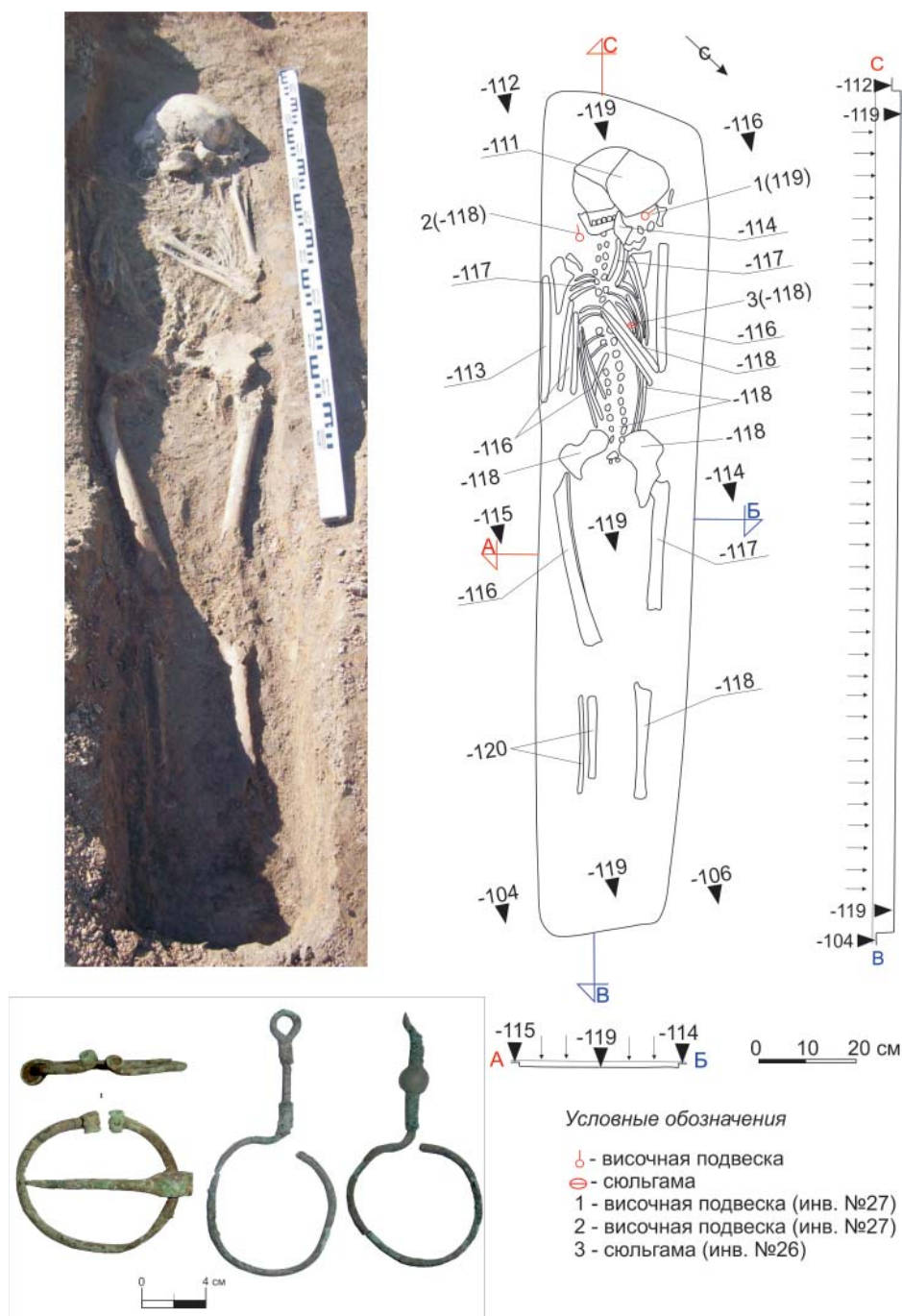

Рис. 4. Комплекс новокрещенского погребения Входоиерусалимского некрополя

фундамента производилось с помощью деревянной опалубки, следы которой сохранились на внутренней поверхности фундамента. В квадратах 7, 11, 15, 19 на заливке фундамента сохранились нижние участки кирпичной кладки. Кирпич размером 28/30×14/15×7/8 см уложен на известковый раствор, толщина которого варьируется от 2 до 5 см. В квадрате 7 кирпичи уложены плашмя; в квадратах 11, 15, 19 кирпичи уложены на ребро. Фундамент расширяется книзу. Ширина фундамента 190–180 см.

В 2010 г. П.С. Данилов обнаружил остатки фундамента Входоиерусалимской церкви. Сохра-

нилась часть основания северной стены и часть апсиды храма, относящейся к северному приделу храма – приделу Петра и Павла. Фундамент храма ленточный, сформирован из кирпича на густом известковом растворе. Кирпич использован формата 30–31×14–15×7–8 см, в основном первичного использования. Кирпич уложен в верстовой системе («тычок-ложок»), швы довольно толстые, 2–3 см, необработанные, поскольку сохранившаяся часть кладки находилась ниже цоколя. Кладка сохранилась на глубину от 5 до 7 рядов кирпича. Кирпич положен на слой известковой проливки. Ров под фундамент пререзает ранние культурные

напластования, однако практически не врезан в материк. Расчищенный фрагмент был длиной около 14 м и шириной 1,4–1,5 м. В точке поворота к апсиде кладка сильно пострадала при прокладке коммуникаций XX в.

Материальная культура. Материальная культура Царевококшайска по большей части несет в себе черты, характерные для русского населения Марийского края. Это связано с тем фактом, что город возник в отрыве от коренного населения края и немалая доля предметов материальной культуры характерны более для городов Центральной России, чем для марийских поселений, непосредственно граничащих с Царевококшайском. Это могли быть как и привозные вещи (к примеру, изразцы), так и вещи местного производства: массовая керамическая посуда, изделия из дерева и кожаная обувь.

Основная масса керамического материала, относящегося к городскому слою, была получена в ходе археологических раскопок 2008–2009 гг., проведенных на территории строительства Царевококшайского кремля. В итоге было получено более 80 тысяч фрагментов керамических сосудов. Анализ данного материала был проведен С.А. Курочкиной. В основу классификации керамического материала ей была положена схема, предложенная В.И. Гордеевым и Ю.А. Павленко для керамики малых городов Верхнего и Среднего Поволжья (Гордеев, Павленко, 2004, с. 171–173) (рис. 4).

Керамика Царевококшайска делится по следующим технологическим группам:

Группа 1. Красноглиняная бурая трехслойная керамика. Тесто плотное, без видимых примесей, внешняя поверхность изделий шероховатая. Цвет черепка красно-бурый, в изломе с серой прослойкой, обжиг неравномерный, черепок глухой, толстостенный. На ряде фрагментов на внутренней поверхности или у основания шейки сосуда сохранились следы соединения частей. Программы конструирования начина – донно-емкостная и донная. Внешняя и внутренняя поверхности изделий заглажены деревянным ножом или оструганы. На доньях сохранились следы среза, подсыпки или подставки. Основу ассортимента данной группы керамики составляют горшки, миски, крышки. В данной группе присутствуют все типы венчиков. Данный тип керамики составляет в общей сложности от 55% до 57% от общего количества керамического материала.

Группа 2. Красноглиняная двухслойная керамика. Тесто плотное, с примесью песка, внешняя поверхность изделий шероховатая. Черепок двухслойный, цвет колеблется от кирпично-красного до красно-бурого, в изломе – серая прослойка, об-

жиг неравномерный.

Внешняя и внутренняя поверхности изделий заглажены деревянным ножом или оструганы. На доньях сохранились следы среза, подсыпки или подставки. Керамика не орнаментирована. Основу ассортимента данной группы керамики составляют горшки. Данный тип керамики составляет в общей сложности от 1% до 4% от общего количества керамического материала.

Группа 3. Красноглиняная гладкая керамика. Изделия, изготовленные из тонкой красноглиняной керамики, по тесту отличаются от керамики первой и второй групп. Тесто хорошо отмучено, с примесью песка. Обжиг равномерный, черепок звонкий, цвет – кирпично-красный. Ее видовой ассортимент представлен горшками. Вероятно, изделия данной группы для Царевококшайска являются привозными. Данный тип керамики составляет в общей сложности от 0,01% до 0,13% от общего количества керамического материала.

Группа 4. Мореная керамика. Красноглиняная бурая керамика, подвергнутая восстановительному обжигу, благодаря чему она приобрела серо-черный цвет. Технология изготовления, ассортимент изделий идентичен первой группе. У мореной местной керамики тесто плотное, без видимых примесей, внешняя поверхность изделий шероховатая. Цвет черепка серо-черный, в изломе с серой прослойкой, обжиг неравномерный, черепок глухой. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены деревянным ножом или оструганы. На доньях сохранились следы среза, подсыпки или подставки. Мореная керамика практически не орнаментирована, встречены единичные фрагменты с волнистыми врезными линиями. Основу ассортимента данной группы керамики составляют горшки, миски, крышки. В русских городах мореная керамика получает массовое распространение в XVIII в. Данный тип керамики составляет в общей сложности от 29% до 37% от общего количества керамического материала.

Группа 5. Чернолощенная керамика. Тесто тонкое, с примесью мелкого песка. Черепок в изломе серого ровного цвета. Некоторые из стенок украшены врезными линиями, волнами, которые сочетаются с лощением или покрыты лощением: полосчатым, сеткой или небрежными лощеными полосами. Ассортимент данной группы представлен корчагами, мисками. В русских городах появление данной группы керамики датируется XVI–XVII вв. Массовая лощеная керамика датируется XVIII – первой половиной XIX вв. Данный тип керамики составляет в общей сложности от 0,5% до 2% от общего количества керамического материала.

Группа 6. Поздняя поливная керамика. Изде-

лия из красной глины покрыты поливой коричневого и зеленого цветов. Изделия из белой глины покрыты зеленой, желтой поливой. Появляется она в большом количестве довольно поздно – в XVIII вв., и наибольшее распространение получает в XIX в., используя вплоть до первой половины XX в. Данный тип керамики составляет в общей сложности от 0,2% до 1,5% от общего количества керамического материала.

В целом керамический комплекс Царевококшайска относится к русской гончарной традиции. Для Царевококшайска керамический материал местного производства не имеет четких хронологических привязок и датируется достаточно широко. По всей вероятности, гончарная традиция местных ремесленников была весьма статична и не менялась на протяжении долгого времени.

Материальная культура Царевококшайска, по большей части представлена в тех находках, которые были обнаружены при исследованиях на территории базарной площади. Именно базарная площадь наиболее полно представила все разнообразие материальной культуры всех слоев населения – от русских и марийских крестьян окрестных деревень уезда до мещан и дворян, живших в Царевококшайске.

Подавляющая часть нумизматической коллекции, полученной при археологических исследованиях Царевококшайска, сформировалась в результате исследований двух археологических объектов на территории города – базарной площади и Вздоиерусалимского некрополя. Если коллекция монет с базарной площади хронологически достаточно разнообразна и включает в себя материал с конца XVII до начала XX вв., то коллекция монет Вздоиерусалимского некрополя ограничена четкими рамками – с конца XVI в. (серебряная копейка Ивана IV) до середины XVIII в. (медные денги и полушки 1740–1750-х гг.).

Одной из наиболее многочисленных категорий индивидуальных находок на территории Царевококшайска являются печные изразцы. Большая часть их была обнаружена при раскопках, ведущихся на территории строительства Царевококшайского кремля. Коллекция царевококшайских изразцов достаточно многообразна, однако подавляющее их количество представлено двумя типами – красноглиняные неполивные и поливные рельефные полихромные изразцы.

Помимо изразцов керамические изделия представлены такими характерными для городской культуры данного периода изделиями мелкой пластики, как красноглиняные курительные трубки «турецкого типа», белоглиняные керамические игрушки (свистульки, погремушки, фигурки животных и т. д.) и косметические банки. Достаточно

многочисленны также керамические рыболовные грузила.

Одна из весьма часто встречающихся категорий керамических изделий – шары округлой формы из обожженной глины со следами ручной лепки диаметром 7–10 см, первоначально атрибутированные как пушечные ядра.

Стеклянная посуда представлена по большей части аптечными и парфюмерными флаконами и бутылками. Стеклянные украшения представлены многочисленными найденными бусинами. Часть представляют собой уже фабричное производство, которое характеризуется хорошим качеством стекла: оно прозрачно, равномерно окрашено, часто дополнительно обработано и огранено. Однако достаточно многочисленны были и более ранние бусы, сделанные из стеклянной пасты. Некоторые экземпляры имеют сходство с бусинами, использовавшимися в составных женских марийских украшениях.

Изделия из цветных металлов в основном представлены предметами культовой металлопластики, к которым относятся нательные кресты и иконки, которые характерны для христианских некрополей. Кресты датируются достаточно широким периодом – XVII–XIX вв. (Воробьева, Иванова, 2013). Для новокрещенских погребений Вздоиерусалимского некрополя характерен погребальный инвентарь, включающий в себя марийские украшения – юпинэ, сьюлгамы, пластинчатые браслеты, прорезные перстни. Остальные изделия из цветных металлов в основном относятся к культурному слою базарной площади. Это украшения рук (кольца, перстни), поясные пряжки, пуговицы, копоушки.

Одной из наиболее многочисленных категорий находок, относящихся к изделиям кузнечного ремесла, являются ножи. Большая часть ножей, обнаруженных при раскопках 2008–2015 гг., имеет бытовое назначение. Помимо прочих, были обнаружены ножи-косари с втульчатым креплением, которые могли использоваться как в хозяйственных, так и в боевых целях. Наконечники стрел, обнаруженные во время раскопок 2008–2014 гг., железные кованые, черешковые. Острие у всех найденных стрел двухлопастное, удлиненной ромбической формы, линзовидное у острия, четырехгранное у основания черешка.

Орудия труда кузнечного производства представлены топорами, заступами, сверлами, шильями, пробоями, клиньями. К прочим изделиям из черных металлов можно отнести светцы, подковы для лошадей. Обувные подковки в меньшей части относятся к ранним врезным с шипами, большинство снабжены отверстиями под крепление гвоздями, характерными для XVIII–XIX вв.

На территории базарной площади найдено несколько железных кресал как В-образной формы, характерной для марийской материальной культуры, так и прямоугольных, распространенных как у русского, так и у марийского населения.

Деревянные изделия на территории Царевококшайска были найдены в основном на территории базарной площади, особенно в восточной ее части. Относительно хорошая сохранность таких изделий связана с насыщенностью этой территории грунтовыми водами. В числе деревянных изделий можно выделить туеса, лопатки, плетеные короба, чекмари, черпаки, вальки.

Изделия из кости представлены двусторонними гребнями, кочедыками, пуговицами, костяными зубными щетками, набалдашниками плетей.

Изделия из кожи представлены большим количеством фрагментов кожаной обуви, а также одной цельнокроеной рукавицей и немногочисленными целыми экземплярами. Особенно много фрагментов сапожного кроя было обнаружено в «доме сапожника» на территории базарной площади (Огородников, 2016).

Изделия из камня представлены по большей части кресальными кремнями, которые часто встречаются в городском культурном слое XVII–XIX вв., а также точильными камнями – оселками. Остальные каменные изделия являются единичными находками, такими как, например, литейная форма и такими нетипичными для городского культурного слоя предметами, как обломки каменного шлифованного топора балановской культуры эпохи бронзы, возможно вторичного использования.

Хозяйственная деятельность. Основными занятиями населения Царевококшайска, которые можно археологически зафиксировать, являются ремесло и торговля. Признаки ремесленных мастерских выявлены, в частности, на базарной площади. Это прежде всего многочисленные остатки сапожного производства, которые были сосредоточены в юго-восточной части базарной площади и выявлены при археологических раскопках 2008–2009 и 2021 гг. К ним относятся тысячи обрезков кожи, остатки испорченной обуви, сапожные колодки. На отдельных изученных участках посада в культурном слое и в ямах выявлены скопления щепы, что косвенно говорит о производстве срубов на данной территории. Многочисленные деревянные изделия свидетельствуют о столярном производстве на территории города. Следы керамического производства на исследованной территории до сих пор не выявлены. Возможно, это связано с тем, что оно располагалось в пригородных слободах.

Трансформация Царевококшайска в торгово-

ремесленный центр уезда выразилась в выделении центральной части посада, непосредственно прилегающей к историческому ядру города, в базарную площадь. В письменных источниках не фиксируется, когда именно это место стали использовать для торговли. По всей вероятности, этот процесс начался уже в первые десятилетия после возникновения укрепленного посада. Окончательное оформление базарной площади связано с ликвидацией линии укреплений посада. Это произошло, по всей вероятности, после пожара 1696 г. Тогда остатки крепостной стены были срыты, а рвы и связанные с ними овраги и водоемы засыпаны, и возникла ровная площадка. По всей вероятности, уже в течение XIX в. эта площадка была застроена торговыми лавками и навесами для приезжих торговцев. Ранее, согласно плану города 1795 г., торговые лавки и питейный дом был на площадке перед территорией церкви Живоначальной Троицы, в южной части посада. Вероятно, перенос торгового пространства к западу от Воскресенской церкви произошел в ходе приведения городской планировки в соответствие с планом регулярной застройки 1835 года.

Помимо торгового пространства на территории Царевококшайска, по свидетельству А.А. Келлера, были 22 лавки, состоящие при жилых домах. По всей вероятности, некоторые из них были исследованы в результате археологических раскопок базарной площади в 2008–2009 гг.

Могильники. На территории Царевококшайска археологически были прослежены четыре могильника, представлявшие собой погосты, принадлежавшие четырем церквям Царевококшайска – Соборной Воскресенской, Входиерусалимской, Троицкой – и кладбищенской Тихвинской церкви.

В 1984 г. В.С. Патрушевым исследован участок некрополя Воскресенской церкви. Было вскрыто 13 погребений, которые автор раскопок датирует концом XVI–XVII вв. (Патрушев, 2009, с. 37).

Из ранних кладбищ Царевококшайска наиболее хорошо исследованным является Входиерусалимский некрополь, который исследовался в 2010 г. П.С. Даниловым и в 2014 г. Е.Е. Филипповой (рис. 1). Наиболее древние погребения датируются начальным периодом существования Царева города на Кокшаге – концом XVI – началом XVII вв. Самые поздние погребения у Входиерусалимской церкви относятся к середине XVIII в. Это подтверждается как нумизматическим материалом, так и выделением на этом кладбище категории погребений марийцев-новокрещенов (рис. 5). На территории некрополя хоронились прихожане Входиерусалимской церкви, которые жили в марийских деревнях, находившихся в черте городской округи Царевококшайска. По-

Рис. 5. Изразцовый штамп с изображением единорога

гребальный инвентарь некоторых погребений находится в том же пласте материальной культуры, что и инвентарь языческих марийских погребений XVI–XVII вв. (Данилов, Макарова, Блинова, 2016). Это фрагменты украшений, перстни с прорезным орнаментом, наконечники стрел и ножи. Погребения с инвентарем принадлежат так называемым «новокрещенам», то есть марийцам, которые были добровольно обращены в православие после присоединения Марийского края к Русскому государству. В общей сложности на территории некрополя было исследовано 554 погребения.

Ориентировка погребений Входоиерусалимского некрополя северо-западная с небольшими вариациями, что соотносится как с русской православной традицией, так и с культовыми представлениями позднесредневековых марийцев, согласно которым страна умерших помещается на севере или северо-западе (Никитина, 1992, с. 39). Надмогильных сооружений на территории некрополя не прослежено, что, впрочем, может объясняться высокой степенью разрушения верхних слоев могильника. Труположение на спине, вытянутое, руки вытянуты вдоль костяка либо сложены на груди.

Тихвинский некрополь был исследован в 2012 г. Ю.А. Зеленевым (рис. 1). Кладбище, функционировавшее на этой территории со второй половины XVIII в. до первой четверти XX в., было известно по архивным данным, однако его точные границы были неизвестны. На территории Тихвинского некрополя было исследовано 782 погребения. Погребальный обряд традиционен для русских православных погребений. Ориентировка подавляющего большинства могил – западная,

лишь временами встречаются небольшие отклонения к северо-западу (Калыгина, 2015). Одной из особенностей погребений Тихвинского некрополя являются наличие сосудов, по всей вероятности, использовавшихся для елдя, которые ставились в гроб погребенному. В качестве них использовалась самая разнообразная посуда – чайные чашки, рюмки, граненые стаканы, аптечные пузырьки, укусные бутылочки и т. д. (Воробьева, Калыгина, 2013, с. 291–298). Одной из особенностей Тихвинского некрополя является наличие надмогильных сооружений – склепов. В общей сложности их было выявлено пять. Они сложены из кирпича, как правило вторичного использования, на известковом растворе. Помимо православных могил на территории Тихвинского некрополя была выявлена серия погребений с восточной ориентировкой, в которых были обнаружены католические кресты и медальоны. Данные захоронения идентифицированы как принадлежащие полякам, которые были сосланы в Царевококшайск после польского восстания 1863 г. Одной из наиболее ярких находок в погребениях с восточной ориентировкой был католический медальон с изображением Богоматери Остробрамской.

Троицкий некрополь исследовался в 2015 г. Ж.С. Калыгиной (рис. 1). Могильник датируется XVII–XVIII вв. и представляет собой место захоронения жителей русских деревень, расположенных в округе Царевококшайска. Главной особенностью данного кладбища является выделение участков, насыщенных погребениями, совершенными, по всей вероятности, близкими родственниками. Это прослеживается в размещении нескольких разновременных погребений как в одной могильной яме, так и в непосредственной близости от нее. В этом случае погребения располагаются в нескольких уровнях (от 2 до 4) на очень ограниченной территории. Погребальный инвентарь представлен лишь нательными крестами и деталями одежды (пуговицами). Дополнительный погребальный инвентарь, характерный для Входоиерусалимского и Тихвинского некрополей, на кладбище Троицкой церкви отсутствует. По всей вероятности, в Троицком некрополе были захоронены прихожане Троицкой церкви, которые проживали на территории посада, а также в русских пригородных деревнях Жуково, Березово, Гомзово, Мышино, Вяткино, Пахомово, Кожино и др. (Иванов, 2011, с. 117).

Хронология. Согласно письменным источникам, Царевококшайск основан в 1584 г. Первым сооружением на территории города является деревянный кремль, который был возведен, по всей вероятности, летом 1584 г. Археологически линию укреплений кремля, а именно остатки оборони-

тельного рва удалось проследить В.С. Патрушеву в 1998 г. По всей вероятности, в период после постройки кремля в его стенах была сооружена деревянная церковь и жилые постройки, в частности воеводская изба, исследованная В.С. Патрушевым в 1984, 1996–1997 гг. В первой четверти XVII в. вокруг кремля возник посад. В 1609 г. город был взят штурмом отрядом повстанцев, не признавших власть царя Василия Шуйского. Это послужило поводом для возведения оборонительных укреплений посада – острога, представлявшего собой ров с тыновой деревянной стеной. Первое упоминание об остроге относится к 1628 г. Оборонительные сооружения просуществовали до конца XVII века, когда после пожара 1696 года они сгорели и больше не были восстановлены.

Самым ранним могильником Царевококшайска является Входоиерусалимский некрополь. По нумизматическому материалу он датируется периодом с конца XVI до первой половины XVIII в.

По всей вероятности, хронологически синхронен с ним некрополь Троицкой церкви. Тихвинский некрополь, на котором стали хоронить городских жителей со второй половины XVIII в., сменил приходские Входоиерусалимское и Троицкое кладбища, которые перестают функционировать с того же времени.

В XVIII в. основные изменения археологического ландшафта Царевококшайска связаны с храмовым строительством, когда в течение второй трети столетия были построены пять каменных храмов. Археологически удалось точно локализовать Входоиерусалимский храм (1754) и Воскресенскую соборную церковь (1759).

Основными изученными археологическими объектами, относящимися к XIX в. и функционировавшими до окончания первой четверти XX в., являются базарная площадь Царевококшайска и Тихвинский некрополь, который в этот период становится главным городским кладбищем.

ГЛАВА 7

ГОРОДА ВЯТСКОГО КРАЯ XVI–XVIII ВВ.

Территория Вятского края была присоединена к Московскому княжеству еще в 1489 г., поэтому в начале XVI в. здесь происходило становление системы управления в рамках единого Русского государства, перестраивались многие аспекты экономической и культурной жизни региона. Вятская земля была разделена на четыре самостоятельных наместничества с центрами в Хлынове, Слободском, Орлове и Котельниче.

В период XVI–XVIII вв. на территории Вятского края наблюдается существенный рост населения, повлекший за собой и экономическое развитие края в целом: развивается сельское хозяйство, промыслы и ремесленное производство, растут сельские поселения и города. Серьезное развитие получило городское хозяйство. Сами города продолжают развиваться не только как военные форпосты-крепости на вновь осваиваемых землях, но уже и как местные центры ремесла, торговли и культуры. Более того, рост экономики и населения сказался как на развитии ранее существовавших городов, так и на появлении новых в пределах Вятского края. Из ранее существовавших городов особенное развитие отмечается у г. Хлынова, ставшего центральным городом Вятского края. Продолжают свое развитие старинные города Орлов и Котельнич. В северных волостях Вятского края в XVI в. возникают новые города. Так, в 1505 г. впервые упоминается город Слободской, выросший из ранее существовавшей слободы Верхней. В 1546 г. жителями Слободского был построен г. Шестаков, ставший центром крупного уезда. В 1558 г. купцы Строгановы основали в верховьях р. Камы укрепленный Кайгородок (Эммаусский, 1995, с. 30) (рис. 1).

С начала XVI в., по мнению Кировского историка А.В. Эммаусского, Вятка играла важную роль в системе русского государства как плацдарм для продвижения русской колонизации и торговли на восток (Эммаусский, 1951, с. 24). Вятский край, расположенный на восточной окраине Русского государства, граничил с Казанским и Сибирским ханствами, а после их ликвидации южные окраины Вятской земли стали ареной боевых действий т. н. «Черемисской войны» (1552–1557 гг.) – подавления мятежей не желавших покориться татар

и марийцев. В период этой войны Хлынов и ряд других городов Вятского края являлись опорными пунктами русских войск, подавлявших мятежи. После взятия Казани и завершения «Черемисских войн», по замечанию историка Платонова, «...в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города как опора русской власти и русского поселения. ...Громадные пространства ценных земель были замирены московской властью и освоены народным трудом» (Платонов, 1993, с. 201). Не исключением стал и Вятский край, где в конце XVI в. «колонизация бассейна Вятки пошла усиленными темпами, особенно в понизовых вятских землях» (Эммаусский, 1996, с. 46). Здесь, в Понизовье, на южной границе Вятского края были построены укрепленные городки Уржум (1584 г.), Царевосанчурск (1584 или 1585 г.), Яранск (1591 г.) и Малмыж (1591 г.). Со временем эти города превратились из передовых крепостей в значимые административные и торгово-промышленные пункты, центры крупных южных уездов Вятского края (рис. 1).

Отметим, что культурные слои XVI–XVIII вв. практически всех городов исследованы недостаточно, за исключением, возможно, г. Хлынова-Вятки. Активное хозяйственное освоение, особенно в советский и современный периоды, не способствовало сохранению культурных напластований этих (как, впрочем, и более ранних) эпох. Кроме того, интерес к слоям эпохи Нового времени (а точнее, их обязательному сохранению и изучению) у исследователей появился относительно недавно. Историков и археологов всегда больше привлекали материалы, относящиеся к более ранним страницам истории городов, проблемам их появления и первоначального развития. Поэтому исследования городских слоев и материальной культуры эпохи Нового времени в основном проходили в конце советского и современном периодах. Это объясняет отрывочность археологических данных и отсутствие сформированных взглядов на особенности материальной культуры городов Вятского края в период XVI–XVIII вв. по археологическим источникам.

Хлынов-Вятка. Центр Вятской земли – город Хлынов в XVI в. являлся одним из крупнейших

Рис. 1. Карта Кировской области с указанием городов XVI–XVIII вв.
 1 – Вятка; 2 – Слободской; 3 – Орлов; 4 – Котельнич; 5 – Кай (Кайгород); 6 – Шестаково; 7 – Яранск;
 8 – Уржум; 9 – Малмыж; 10 – Царевосанчурск

городов на северо-востоке русских земель. После включения в состав Русского государства он активно развивался, особенно после того, как в 1554 г. получил исключительное право торговли с Великой Пермью. Город в это время становится не только административным, но и крупным торговым и ремесленным центром (Тинский, 1976, с. 11–12).

Для планировки Хлынова в этот период был характерен лучевой или веерный характер расположения улиц, что обуславливалось изначальным расположением поселения на мысу. С юга развитие города ограничивал Засорный овраг, с севера – Раздерихинский, а на востоке располагался крутой берег р. Вятки. Все это определило направление дорог и улиц только в одном направлении – на запад. Сеть радиальных, направленных от центра улиц напоминала не полностью раскры-

тый веер. Центрами планировки являлись кремль и торг (Тинский, 1995, с. 38–39).

Деревянный Хлыновский кремль был выстроен еще в середине XV в. По имеющимся письменным данным, по состоянию на начало XVII в. крепость окружал вал, поверх которого шла бревенчатая стена, срубленная в два ряда и закрытая сверху тесовой крышей. Пространство между двумя рядами срубов в связи с появлением артиллерии засыпали землей или камнями. Кроме того, кремль имел восемь башен, четыре из которых были проезжими. У стен крепости, общая длина которых достигала 420 саженей (около 900 м), был выкопан ров (Эммаусский, 1995, с. 70–71). Под стенами кремля, около переброшенного через ров моста располагался торг, который долгое время был единственной площадью в городе и являлся центром городской жизни на посаде.

Выбор места для его размещения объяснялся соображениями обороны, так как на открытом месте легче было заметить врага и отразить нападение. Торг был и местом для торговли, и площадью для народных собраний и сходок, и биржей, и нотариальной конторой. Здесь стояли торговые лавки в несколько рядов, переносные лотки, полки, лари для товаров, амбары, балаганы (навесы для рабочих и товаров).

Городской посад располагался к западу от кремля. Он был укреплен острогом, представлявшим собой сплошной ряд вкопанных в землю заостренных бревен, перед которым располагался небольшой ров. За бревнами находилась неширокая площадка из бревен на столбах, на которой могли располагаться обороняющиеся. Острог несколько раз передвигался вследствие расширения территории посада, и к началу XVII в. он проходил по дуге, начинающейся у истока Раздерихинского оврага и кончающейся берегом Засорного оврага. Его западная граница проходила примерно там, где пересекаются современные улицы Свободы и Московская (Кряжевских, 2008, с. 20–21). К 1615 г. на посаде существовало 10 улиц и переулков. Улицы вели от торгового и кремля к острогу, продолжаясь за ним как дороги в города и селения Вятской земли.

В застройке города ориентация и форма усадебных мест определялись особенностями рельефа и направлением дорог и улиц. Пока не изменялась планировка, не изменялись и усадьбы жителей. Они состояли из трех частей: переднего двора, заднего двора и огорода с садом. Дома ставились в глубине усадьбы, разделяя передний и задний дворы. На участках, где размеры вынуждали экономить место, из двух дворов делали один, и он мог находиться и сзади, и сбоку от дома. Наиболее распространенной была трехчастная планировка дома (изба-сени-клеть), срубы ставили на подклетах, используя их для различных хозяйственных нужд (Тинский, 1996, с. 19). Значительное влияние на плотность застройки радиальных улиц оказывала оживленность дорог, в которые они превращались за границами города.

Планировка Хлынова была устойчивой, что определялось наличием мостовых, прослеженных археологически. Жилища и хозяйственные сооружения строились преимущественно на одном и том же месте на протяжении длительного времени. Расположение построек определенного назначения оставалось достаточно стабильным (Макаров, 2001, с. 16–17).

В 1580 г. на южном берегу Засорного оврага к югу от границ г. Хлынова был основан Вятский Успенский Трифонов монастырь. Выбор места был не случаен, так как здесь находилось старое

городское кладбище, на котором имелось необходимое на первое время помещение – две парные (летняя и зимняя) церкви (Тинский, 1996, с. 43). Немаловажным было и положение будущего монастыря по отношению к Хлынову. С одной стороны, он должен был находиться за городом, так как монашеская жизнь предполагала уединение от мирской суеты. С другой стороны, он не должен был располагаться слишком далеко от города, так как в материальном плане зависел от пожертвований его жителей. Выбранное место соответствовало всем этим требованиям. С военной точки зрения монастырь также занимал довольно выгодное положение, так как с востока он был защищен крутым берегом р. Вятки, а с севера и юга – склонами оврагов. К тому же он мог защищать Хлынов от нападения неприятеля со стороны устья Засорного оврага.

К началу XVII в., согласно Дозорной книге Федора Рязанцева, за монастырской оградой стояли соборная церковь и четыре небольших деревянных храма (Тинский, 1976, с. 14). В переписи Афанасия Толочанова 1629 г. значится, что монастырь был защищен острогом с башнями и рвом (Берова, 1989, с. 48–49).

С течением времени Трифонов монастырь, к которому при основании были приписаны земельные угодья и деревеньки, лежащие к югу от границ города, быстро укреплялся и вскоре превратился в крупнейшего землевладельца края. Кроме того, он сдерживал рост города в южном направлении.

В 1624 г. сразу за городской стеной и рвом к северу от кремля был основан женский монастырь, по первой деревянной церкви получивший название Преображенского. Он располагался в черте посада, что совсем не способствовало удалению от мирской жизни. Вероятно, это было связано с тем, что своих доходов он не имел, а содержался за счет государственной казны и «мирским подаянием» и был намного беднее Трифонова монастыря (Берова, 1995, с. 25–27).

В последней четверти XVII в. в Хлынове начинается строительство каменных зданий. До этого в качестве строительного материала использовалось лишь дерево. Первым каменным зданием в городе стал Троицкий кафедральный собор, построенный в 1676–1683 гг. в кремле. После этого было построено еще несколько каменных храмов, в том числе Успенский собор Трифонова монастыря. В XVII в. также зарождается гражданское каменное строительство. В 1700 г. был построен каменный архиерейский дом с домовою Алексеевской церковью (Тинский, 1995, с. 42–43).

В 1663–1666 гг. произошла полная перестройка оборонительных сооружений Хлынова. Это было вызвано рядом народных выступлений конца

40-х – начала 60-х гг. XVII в., после чего было принято решение об укреплении городов и усилении их оборонительных систем. В ходе перестройки кремлевских укреплений вместо деревянных стен были насыпаны земляные валы высотой около 5 м. Вал менее подвержен разрушению артиллерийским огнем, чем деревянные стены, что имело большое значение вследствие усиления мощности пушек в XVII в. Основу конструкции вала, его «скелет» составляли так называемые тарасы – две параллельные бревенчатые стенки, соединяющиеся между собой поперечными перегородками. Эти стенки образовывали изолированные ячейки, заполненные землей. С внешней стороны тарас был насыпан и одернован крутой откос. Со стороны р. Вятки вал от оплывания защищали срубы из пяти рядов толстых бревен. В линию вала встроили пять деревянных башен, а также несколько выводов, количество которых в разное время было различным. Вывод представлял собой выступающий за линию крепостной стены деревянный сруб, в котором находилась пищаль для огня вдоль крепостной стены по подступившему вплотную неприятелю. В начале 1680-х годов на вершине вала была сооружена сплошная двухметровая бревенчатая стенка с узкими бойницами и боевой площадкой, откуда велась стрельба и метались камни.

С запада и севера кремлевский вал окружал ров, который на части своего протяжения (примерно 320 м) был заполнен водой. Ров пролегал приблизительно по линии современной улицы Динамовский проезд. От проезжих башен через него были перекинuty мосты с перилами, которые, очевидно, могли быстро развести в случае опасности (Кряжевских, 2011, с. 138–139).

Оборонительные укрепления посада в 1663–1666 гг. также были полностью перестроены. На протяжении почти 3 км (1476 сажений) был насыпан земляной вал высотой до 8,6 м. Внешнюю сторону вала укреплял острог из заостренных сверху бревен, расположенный между валом и рвом. Ров глубиной 2 и шириной 4 сажени (4,3 и 8,6 м соответственно) полукольцом охватывал посад с запада. Если принять современную планировку г. Кирова, то посадский вал в западной его части шел по дуге, начинающейся у истока Раздерихинского оврага и кончающейся берегом Засорного оврага, проходя в основном по ул. Володарского, Степана Халтурина и Труда. На всем протяжении посадских укреплений было поставлено семь деревянных башен и девять выводов (Эммаусский, 1995, с. 70–71).

Перестройка укреплений хлыновского кремля в 60-е годы XVII в. была произведена по старым границам, и поэтому она не повлияла сколь-нибудь заметным образом на планировку города.

Укрепления посада возводились на новом месте и потому оказали существенное влияние на дальнейшую застройку Хлынова. Прежде всего, посадская стена ограничила расширение территории города. Отныне желающие обзавестись новым домом в черте города должны были либо искать возможность поставить его в существующих границах посада, довольно густо заселенных, либо селиться за посадским валом в одной из слобод. Вследствие этого городские улицы довольно длительное время не росли в длину, а город стал застраиваться более плотно. Кроме того, в нескольких местах посадская стена прошла по жилой застройке. Все это дополнительно ограничило площадь посада (Кряжевских, 2008, с. 112–113).

На протяжении XVII в. за границами хлыновского посада достаточно активно развивались слободы. Еще с XVI в. упоминается довольно крупная слобода Дымково на правом берегу Вятки. В конце первой четверти XVII в. зародилась Владимирская слобода, начало которой положил первый оброчный двор на продолжении Бритовской улицы между острогом и оврагом Малая Засора. Примерно в это же время на московской дороге возникла Всехсвятская слобода, своим названием обязанная поставленной здесь церкви Всех Святых. За Дымковской старицей р. Вятки появились первые строения еще одной слободы, впоследствии получившей название Вшивой. Поселившиеся за деревянной оградой Успенского Трифонова монастыря монастырские служители и служки стали основателями монастырской слободки. Она быстро разрасталась, и к сер. XVII в. ее дворы уже смыкались с дворами городских жителей у Засорного оврага (Тинский, 1976, с. 16–24). В 1678 г. упоминаются уже три монастырские слободки: монастырская слобода за оградой, монастырская же слобода «под горой Кикимерскою» и слобода «подле речку Хлыновицу» (Вятка..., 1887, с. 56–57).

В результате пожара 1700 г. укрепления кремля и посада сильно пострадали: сгорели все башни и деревянные постройки на вершине валов, а сами валы и рвы обвалились. Инспекция из Санкт-Петербурга 1708 г. признала состояние городских укреплений неудовлетворительным, после чего, несмотря на отдельные попытки их восстановить, свою оборонительную функцию кремлевские и посадские стены практически утратили. К середине XVIII в. крепостные укрепления Хлынова перестали играть какую-либо роль и в планировке города, хотя и были зафиксированы на плане 1759 г. (Тинский, 1976, с. 42–43).

В 1780 г. после образования Вятского наместничества Хлынов был переименован в Вятку. 13 августа 1784 г. указом Екатерины II был ут-

вержден «План Вятского наместничества городу Хлынову, назначенному быть губернским городом». По этому плану, город надлежало застраивать правильными прямоугольными кварталами с размещением жилых домов по красной линии улиц, сами дома при этом должны были соответствовать высочайше утвержденным проектам. Переход от радиально-лучевой к регулярной планировке был процессом длительным и растянулся на долгие десятилетия (Тинский, 1995, с. 45–47).

Первые полноценные археологические исследования на территории современного г. Кирова произвел М.П. Грязнов в 1934–1937 гг. В ходе наблюдений за работами по прокладке водопровода по ул. Дрелевского (совр. Спасская) на территории посада ему удалось зафиксировать бревенчатые мостовые, а также зарисовать и описать стратиграфию напластований. В то же время им был составлен сводный план фрагментов посадского вала. В 1934–1935 гг. во время строительства здания современной Центральной гостиницы на месте городского кладбища XVII–XVIII вв. при бывшем Воскресенском соборе М.П. Грязнов собрал большую антропологическую коллекцию и произвел половозрастное определение умерших. Результаты его изысканий впоследствии стали основой для важных выводов по демографии вятского населения XVII–XVIII вв. При наблюдениях за земляными работами также были найдены медные кресты, изразцы XVII в., монеты XVIII в., слюда и ручные каменные жернова. В 1935 г. М.П. Грязнов совместно с Б.А. Васильевым в ходе археологических наблюдений за строительством домов № 1 и 2 по ул. Коммуны (совр. ул. Московская) неоднократно фиксировали остатки различных деревянных построек (мостовых, нижних венцов срубов и др.), а также собрали довольно большую коллекцию предметов – ножей, замков, кочедыков, гвоздей и т. д. (Кряжевских, 2011, с. 139–141).

В 1956–1958 гг. Л.П. Гуссаковский заложил на территории Хлыновского кремля два раскопа и шесть шурфов общей площадью около 180 кв. м. Зафиксированная мощность культурного слоя в этом районе колебалась от 1,7 до 3,35 м, при этом наибольшая толщина прослежена в юго-восточной части кремля, наименьшая – в северной. В стратиграфии напластований четко выделяются два основных слоя: верхний, содержащий разнообразные прослойки строительного мусора, и нижний, имеющий интенсивную черную окраску и насыщенный влагой. В шурфах и раскопах Л.П. Гуссаковский выделил от трех до восьми строительных ярусов (Гуссаковский, 1999, с. 34–36). При этом верхнюю часть черного культурного слоя, не выделенную исследователем в отдельный строительный ярус, он датировал началом XVI –

началом XVII вв. Соответственно, выше располагались прослойки XVII–XX вв. (Гуссаковский, 1957, с. 1–29). В ходе работ к югу и юго-западу от бывшего Богоявленского собора Л.П. Гуссаковский также исследовал 24 христианских погребения XVI–XVIII вв., из них 5 детских. В 1956–1958 гг. тем же исследователем проведены разведочные работы на ряде участков в пределах посада г. Хлынова-Вятки, которые дали разнообразный поселенческий материал XVI–XVIII вв. (Кряжевских, 2011, с. 141–143).

В 1983 г. Л.Д. Макаровым по линии прокладки коммуникаций по ул. Большевиков (совр. Казанская) и Коммуны (совр. Московская) прослежена стратиграфия культурных напластований кремля и посада. При этом прослежен разрез мощной насыпи кремлевского вала XVII в. шириной 13 м, внутри которого зафиксированы деревянные конструкции в виде срубов, забутованных глиной. На посаде Хлынова-Вятки по ул. Большевиков выявлено несколько котлованов сооружений, прослойки XV–XVII вв., мощность которых достигает 1,5–1,7 м, перекрытые слоями XIX–XX вв. мощностью 1 м, а также фрагменты деревянных построек и мостовых. В траншее по ул. Коммуны также на территории посада под современными напластованиями выявлена мостовая из тонких бревен и жердей, под которой обнаружены разрезы наземных и углубленных в материк сооружений, остатки срубов и печей, а также находки XV–XVIII вв.

В 1990 г. вновь Л.Д. Макаровым прослежена стратиграфия напластований посада на протяжении 260 м по ул. Свободы от ул. Дрелевского до оврага Засора. В выкопанной здесь траншее выявлены разрезы ям различного назначения, дренажная канава с остатками деревянного желоба, а также прослежен профиль посадского вала шириной 5 м. Мощность культурного слоя доходила до 1–1,5 м, причем под насыпью вала обнаружена керамика XVI–XVII вв. В том же году Л.Д. Макаровым проведены раскопки на территории Хлыновского кремля. К югу от городского Дворца пионеров (некогда архиерейских палат) был заложен раскоп площадью 81 кв. м. Мощность напластований достигала здесь 4–6 м, причем доля слоя строительного мусора составляла 2,5–3 м. В ходе раскопок прослежены остатки сооружений XVI–XVII вв. и находки вплоть до XX в. (Макаров, 1999, с. 52–55).

В 1994 г. Е.А. Кошелева произвела охранные археологические исследования котлована во дворе дома № 3 по ул. Московской рядом с местом расположения бывшего Воскресенского собора. Здесь был обнаружен двухъярусный горн для обжига керамической посуды и изразцов, возведен-

Рис. 2. Хлыновский кремль. Мостовая XVI–XVII вв. Раскопки 2013 г. (рук. С.Е. Перевощиков)

ный на рубеже XVII–XVIII вв., что позволило говорить о существовании в это время на Вятке собственного кирпичного производства. Кроме того, были прослежены границы площади Воскресенской церкви и выявлен вещевой материал второй половины XVI–XVIII вв. (Кошелева, 2006, с. 81).

В 2000 г. Е.А. Кошелевой проводились раскопки по ул. Володарского, 84, в результате чего была вскрыта подошва посадского вала XVII в. и выполнен разрез рва (Кряжевских, 2011, с. 142).

В 2013 г. на территории Хлыновского кремля были проведены археологические раскопки под руководством С.Е. Перевощикова и А.Л. Кряжевских на площади 96 кв. м. В результате работ выявлена одна из древних улиц кремля, вымощенная деревом, к которой примыкали жилые и хозяйственные постройки (рис. 2). Всего удалось проследить три яруса мостовых XVI–XVII вв. (Кряжевских, Перевощиков, 2014, с. 628–630).

В 2015 г. под руководством Р.В. Матвеева приняты раскопки в юго-восточной части Хлыновского кремля на краю склона оврага Засора на площади 100 кв. м. В ходе исследований зафиксирован разрез оборонительных сооружений XVII в.

и прослежены остатки внутривальных конструкций в виде бревенчатых стенок, пространство между которыми забутовывалось глиной (Матвеев, Кряжевских, 2017, с. 298–299).

В 2019 г. в ходе археологических раскопок на территории кремля под руководством А.И. Фахретдинова исследован участок северо-восточной части фундамента Троицкого кафедрального собора XVIII в., а также восточный край фундамента и часть алтаря Богоявленского собора 1698–1710 гг. Также изучена часть церковного кладбища Богоявленского собора в виде трех целых погребений и большого количества переотложенных костяков (рис. 3) (Кряжевских, 2021, с. 4–9).

За последние 15 лет на территории современного г. Кирова в рамках проведения историко-культурной экспертизы земельных участков также были выявлены отдельные локальные участки культурного слоя XVI–XVIII вв. и проведены охранные археологические раскопки в пределах посада Хлынова-Вятки, в которых были получены достаточно интересные материалы указанного периода (Кряжевских, 2014; 2018; Егоров, 2018; Русланова, 2021). (рис. 4; 5). Привести все обнаруженные данные в рамках краткой обзорной статьи довольно проблематично.

В целом можно сказать, что культурный слой г. Хлынова-Вятки XVI–XVIII вв. изучен достаточно хорошо по сравнению с другими городами Вятского края, однако и здесь имеется достаточно много проблем, которые могут быть решены лишь путем организации целенаправленных регулярных исследований.

Слободской. Временем основания города считается 1505 г., когда Иваном III была подписана грамота о пожаловании наместнику А.И. Племянникову в кормление «Слободского городка на Вятке» (Верещагин, 1905, с. 79–80). Вполне вероятно, что некий населенный пункт (деревня, слобода), из которого и начал развиваться город, существовал и ранее начала XVI в. (Эммаусский, 2009, с. 26).

Город возник на высоком правом берегу р. Вятки в месте впадения в нее р. Спировки. Основой города стала крепость секторно-мысового типа, размещенная на высоком мысу, ограниченном с востока берегом р. Вятки, с северо-запада – оврагом, с юга – болотом. Крепость была укреплена валом с деревянной стеной по его вершине, которая была усилена дозорными башнями. С запада развивался посад с развитым торгом (Безверхова, 1996, с. 171).

Первоначально г. Слободской был основан на Сибирском торговом пути в качестве небольшого торгово-ремесленного поселения. В конце XVI в. была проложена Большая Сибирская дорога, кото-

Рис. 3. Хлыновский кремль. Погребения XVIII вв. в культурном слое XVI–XVII вв., произведенные за алтарем Богоявленского собора 1698-1710 гг. постройки

рая также оказала влияние на структуру и значение Слободского как торгового пункта. К XVII в. город стал играть роль самостоятельного узлового центра на пересечении важных сухопутных и водных путей, что создало предпосылки его активного градостроительного развития.

К началу XVII в. традиционная трехчастная структура, включавшая кремль, торг и посад, в Слободском утвердилась окончательно. Доминирующее значение после проведения Большой Сибирской (Московской) дороги получил торг, где были сконцентрированы многочисленные торговые и сопутствующие им заведения. По их количеству Слободской даже опередил Хлынов. В 1628 г. он имел 35 лавок и 5 полок, то есть 40 торговых заведений, Хлынов – около 30 (Столетие Вятской..., 1880, с. 175).

В XVII–XVIII в. активно развивается обращенный к посаду торг, на котором возникает ряд храмовых построек. Сам посад развивается в южном, юго-западном и северном направлениях. По определению Л.Б. Безверховой, г. Слободской в данный период имеет веерную систему планировки центрального типа, объединившую в единый организм главные планировочные узлы, отмеченные доминантами храмов (Безверхова, 1996, с. 180). В

первой четверти XVII в. на юго-западных подступах к городу был основан женский Спасский монастырь (в дальнейшем – Христорождественский). В последующие периоды данный монастырь вошел в исторический центр города. В конце XVII в. в Слободском наступает время каменного зодчества, строятся многочисленные церкви: Екатерининская церковь (1699 г.) в кремле, Спасо-Преображенский собор (1699 г.) на торгу и Введенская церковь (1698 г.) Богоявленского монастыря. К середине XVIII в. Слободской становится вторым после Хлынова по величине и значимости городом Вятской земли. Планировка города, совершенствуясь и усложняясь, окончательно утверждается как веерная система центрального типа, с явно выраженным перерастанием в ветвистую систему центрального типа. Сложился структурный костяк города, определились иерархические соотношения объемно-планировочных центров и архитектурно-пространственных акцентов. В соответствии с природными условиями, здравым смыслом, реальными особенностями места и расположения города сформировалась целостная иррегулярная градостроительная система. Во второй половине XVIII в. город выходил на новый качественный уровень архитектурного во-

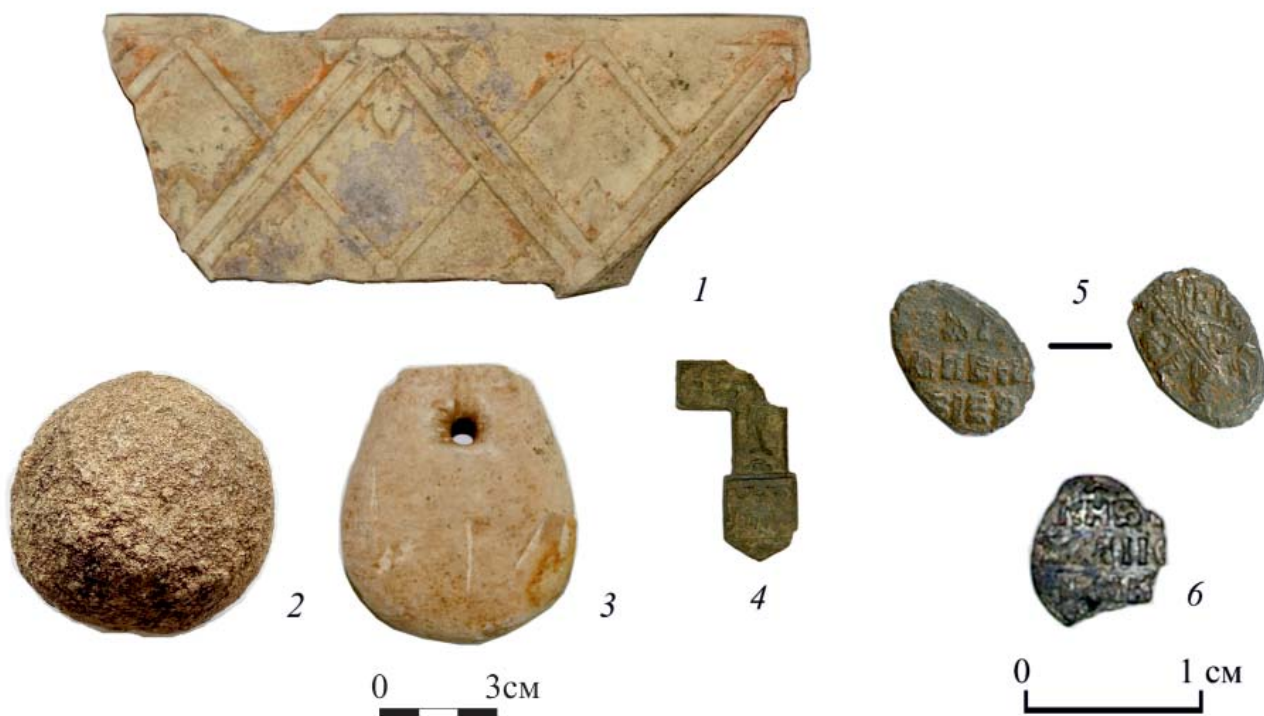

Рис. 4. Находки из культурного слоя г. Хлынова-Вятки

1 – фрагмент изразца. Раскопки Хлыновского кремля в 2013 г. (рук. С.Е. Перевощиков; 2 – каменное ядро. Археологические наблюдения на территории Хлыновского кремля в 2019 г. (рук. работ А.И. Фахретдинов; 3 – каменное рыболовное грузило. Раскопки на территории Монастырской слободы г. Хлынова-Вятки в 2018 г. (рук. А.Л. Кряжевских; 4 – фрагмент нательного креста. Раскопки Хлыновского кремля в 2015 г. (рук. Р.В. Матвеев); 5 – копейка конца XVII в. Раскопки на территории посада г. Хлынова-Вятки в 2012 г. (рук. А.Л. Кряжевских); 6 – копейка 30-40-х гг. XVI в. Раскопки Хлыновского кремля в 2013 г. (рук. С.Е. Перевощиков)

площения, опираясь на устойчивые градостроительные традиции (Безверхова, 1996, с. 180–184).

В археологическом отношении г. Слободской на фоне большинства вятских городов исследован относительно неплохо. Так, еще в документах Вятского губернского статистического комитета (далее – ВГСК), посвященных археологическим древностям, можно найти описания старинных укреплений Слободского кремля. Слободской уездный исправник в конце XIX в. сообщает, что «на самом берегу р. Вятки... имеются остатки вала, окружавшего кремль г. Слободского. В настоящее время остатки этого вала тянутся в длину до 10 сажень» (ЦГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1157, л. 23). Полноценные же археологические исследования городских культурных слоев проходили в советский и современный периоды. В 1961 г. И.И. Стефанова в ходе работ на Слободском городище (кремле) в числе ранних материалов отмечает и находки пяти позднесредневековых фрагментов поливной посуды (Стефанова, 1961, л. 4–6). В 1984 г. Л.Д. Макаров на городище предпринял разрез вала и рва, который позволил проследить восемь строительных периодов, седьмой и восьмой из которых соотносятся исследователем с серединой – второй половиной XVI–XVII вв. и свя-

заны с возведением дерево-земляных укреплений кремля г. Слободского. В ходе работ на валу были прослежены внутривальные конструкции, представляющие собой забутованные глиной клетки, найдены фрагменты керамических горшков и чаш XVI–XVII вв. (в т. ч. орнаментированные линейным и волнистым орнаментом), кованые гвозди, кости животных, шлак (Макаров, 1984, л. 20–22). В одном из двух заложённых на городище шурфов было обнаружено позднее христианское захоронение с остатками гробовища, ориентированное головой на запад – юго-запад. Эта находка позволила выделить на территории Слободского городища Слободской I могильник XVII–XVIII вв., представляющий собой кладбище при Екатерининской церкви (Макаров, 1984, л. 24–25). В 1993 г. Л.А. Сенникова и Т.А. Медведева проводили археологический надзор в зоне прокладки коммуникаций через территорию кремля г. Слободского, в ходе которого были прослежены остатки шестиугольной башни, расположенные к юго-западу от остатков вала г. Слободского и датированные концом XIV – началом XVII вв. Также в траншее выявлены остатки деревянных сооружений, интерпретированные как внутривальные конструкции оборонительных укреплений Слободского крем-

Рис. 5. Находки из культурного слоя г. Хлынова-Вятки. Керамические сосуды
1 – из раскопа на территории Монастырской слободы. 2018 г. (рук. А.Л. Кряжевских);
2 – археологические наблюдения на территории Хлыновского кремля в 2019 г. (рук. А.И. Фахретдинов)

ля. Кроме того, на участке около Екатерининской церкви обнаружены и более поздние находки: фрагменты кирпичей (в т. ч. облицовочных с поливой от внешнего декора здания церкви), фрагменты гончарной керамики, фрагменты от составного деревянного дна бочки, деревянный крючок, две деревянные пробки от бутылок и крышка от бурака (?) диаметром 22,5 см с двумя сквозными прямоугольными отверстиями для ручки. В ходе этих же наблюдений над культурным слоем города выявлены остатки деревянной мостовой в виде бревен диаметром 10–15 см (Сенникова, 2001, с. 63–68). В 1995 г. в ходе надзора за прокладкой траншеи через территорию Слободского II могильника, расположенного к северо-западу от Слободского городища, в южной части могильника были выявлены захоронения позднего периода XVII–XVIII вв. Захоронения ориентированы головой на север – северо-восток, стенки погребальных сооружений скреплены деревянными шипами, гвозди не выявлены. Погребения расположены группами (или рядами). Данную южную группу Л.А. Сенникова связывает с захоронениями приходского кладбища при бывшей Преображенской церкви 1699 г. (Сенникова, 2009, с. 149). В 2012 г. А.Л. Кряжевских была произведена зачистка и осмотр котлованов на Слободском городище, заложенных во время берегоукрепительных работ. В ходе исследований зафиксирована стратиграфия культурного слоя Слободского городища и слоя посада г. Слободского (в западной стенке котлована). В результате работ собрана коллекция фрагментов глиняной гончарной посуды XVII–XIX вв., кованые гвозди, стекло с патиной, фрагменты стеклянных бутылок (Владимиров, Егоров, 2019, с. 82). В 2015 г. археологом Р.В. Матвеевым на территории Слободского Христорождественского монастыря был выявлен культурный слой XVII–XX вв., со-

державший большое количество моренной, красноглиняной плотной и поздней поливной керамики. Кроме того, был обнаружен разрушенный участок северо-восточного края фундамента алтарной части Спасской церкви 1740 г. постройки и остатки бревенчатой и кирпичной стен, огораживающих собственно монастырскую территорию (Кряжевских, 2018, с. 181–184). В 2016 г. археологом К.Н. Глушковым на перекрестке ул. Большевиков и Дерышева был выявлен археологический памятник «Культурный слой западной части г. Слободского XVIII–XIX вв.», площадь которого составила 470 кв. м. На данном участке, впервые зафиксированном на плане г. Слободского 1794 г., были обнаружены многочисленные фрагменты гончарных сосудов, фрагмент глиняной курительной трубки «турецкого» типа, фрагмент аптекарской (помадной) банки и кости животных.

В 2017 г. на территории г. Слободского были выявлены еще три археологических памятника, относящихся к исторической городской застройке XVII–XIX вв., а в 2019 г. на двух из них проведены археологические раскопки. В ходе разведки 2017 г. А.И. Фахретдиновым на ул. П. Стучки был выявлен археологический памятник «Участок культурного слоя восточной части г. Слободского XVII–XIX вв.». В процессе работ в трех шурфах и зачистке были обнаружены фрагменты гончарных сосудов, кости животных, кованые гвозди, фрагмент глиняного рыболовного грузила и фрагмент изразца (Владимиров, Егоров, 2019, с. 83–84). В 2019 г. на данном памятнике А.В. Егоровым проведены археологические раскопки. Заложено три раскопа размером 4×2 м на разных участках распространения культурного слоя по ул. П. Стучки. Особый интерес представляет хозяйственное (жилое?) сооружение с очагом, фрагменты разрушенной мостовой XVII–XVIII вв. и многочисленные

находки отходов обувной мастерской (обрезки кожи, каблучки, берестяные задники, подошвы и проч.) (рис. 6). Последнее может маркировать наличие в данном районе в XVII–XVIII вв. усадьбы сапожника, производившего и ремонтировавшего обувь. Многочисленные находки в раскопах пряслиц (в т. ч. каменных), фрагмента светца и глиняных грузил могут указывать на занятие местного населения рыболовством и прядением. Среди прочих находок: фрагменты гончарной керамики, изразцы, кованые гвозди и ножи, навесной замок, монеты XVIII в., фрагменты деревянного бурака, бита для игры в бабки и прочие предметы, отражающие стандартный набор, находимый в слоях городов эпохи Нового времени (Егоров, 2022).

Также в 2017 г. А.И. Фахретдиновым в районе ул. Большевиков был выявлен объект археологического наследия «Участок культурного слоя Слободского Христорождественского монастыря XVII–XIX вв.». В заложенном шурфе в качестве подъемного материала обнаружено большое количество фрагментов гончарной керамики и кости животных. В 2019 г. на данном памятнике археологические раскопки провел А.В. Егоров. В раскопе размером 12×2 м было вскрыто семь сооружений, часть из которых относится к домонастырской городской застройке XVII в. Из них наибольший интерес представляет сооружение, содержащее в своих слоях следы прокала, обожженных костей животных, шлака, кусков металла и т. п. Оно было определено в качестве производственного сооружения, использовавшегося в кустарной обработке металла. Вероятно, это сооружение составляло целый производственный комплекс с находящимся рядом колодезем, который мог использоваться в качестве источника воды в кузнечном деле. Кроме того, была собрана значительная коллекция керамики, найдены изделия из металла, игральные фишки, пищальное ядро (?), монета (деньга) 1758 г., дверной крючок, дверная петля, фрагмент подковы и т. д. (Егоров, 2022).

В 2017 г. в центральной части города в ходе обследования А.И. Фахретдиновым стенок строительного котлована было обнаружено большое количество гончарной керамики, костей животных и выявлен еще один памятник – «Участок культурного слоя центральной части г. Слободского XVII–XIX вв.». Данный участок, по письменным источникам, начал застраиваться не позднее XVIII в. (Владимиров, Егоров, 2019, с. 84).

В ходе разведочных работ А.В. Усова в 2021 г. был обследован участок исторической территории усадьбы К.А. Анфилатова (ныне – здание Слободского музейно-выставочного центра), где в шести шурфах было обнаружено большое количество фрагментов глиняной посуды XVII–XX вв.,

фрагменты фаянсовой посуды, стекла и изделий из него (в т. ч. фрагмент бутылки с клеймом), фрагменты изразцов и внешнего декора, медное кольцо, кованые гвозди, пряслице, монета 2 коп. 1864 г. и кости животных. Данные работы позволили выявить не только культурные слои особняка и его исторической территории конца XVIII в., но и слои, относящиеся к более ранней, дорегулярной застройке г. Слободского (Усов, 2021, с. 58–78).

Таким образом, культурные слои археологических памятников XVI–XVIII вв. на территории г. Слободского исследованы достаточно полно и в плане материальной культуры можно сделать вывод об их следовании в русле общероссийской традиции. Аналогичные городские слои эпохи Нового времени хорошо исследованы как по материалам г. Хлынова-Вятки, так и по материалам небольших городов российской провинции. Особый интерес представляют находки отходов обувной мастерской и сооружения, предположительно связанного с металлообработкой.

Котельнич. Официальной датой основания города считается 1459 г. Котельнич оформился как городское поселение из относительно небольшой крепости на узком длинном мысу между р. Вяткой и р. Котлянской, которая по мере развития города стала его кремлем. В целом для Котельнича была характерна традиционная трехчастная структура: крепость, посад и торг.

После присоединения Вятской земли к Московскому государству в 1489 г. Котельнич стал одним из четырех городских центров, в которых разместились великокняжеские наместники (Козлов, 2000, с. 14–33).

К началу XVII в. Котельнич разместился на мысу между рр. Котлянской и Балакиревицей, где был образован торг, от которого в западном, восточном и частично в северо-западном направлениях расширялся посад открытого типа. Часть посада была огорожена острогом, а вышедшая за его пределы застройка укреплений не имела. Планировка города представляла собой начальную стадию веерной системы центрического типа, которая получила завершение к XVIII в. (Безверхова, 1996, с. 175–176). По данным переписи 1654 г., население города составляет более 940 человек, проживающих в 157 дворах, а по данным переписи 1782 г. – около 670 жителей (Эммаусский, 1956, с. 69, 71).

В 1613–1614 гг. к востоку от посада за р. Балакиревицей был основан Предтеченский монастырь, который постепенно превратился в крупного земельного собственника. В 1678 г. в границах посада на месте пяти пустых дворовых мест строится женский Введенский монастырь. Оба мона-

Рис. 6. Фрагменты обуви из культурного слоя восточной части г. Слободского (фото Н.В. Владимирова).
1 – берестяной вкладыш в задник; 2 – кожаные фрагменты подошвы; 3–6 – кожаные подошвы

стыря просуществовали до 1764 г. и были упразднены по указу Екатерины II.

В 1647 г., по другим данным – в третьей четверти XVII в., в Котельниче начала действовать Алексеевская ярмарка, которая со временем стала крупнейшей ярмаркой Вятского края и приобрела межобластной характер. Успешному расширению ее масштабов способствовало выгодное географическое расположение города, который находился на пересечении торговых путей, ведущих в Великий Устюг, Архангельск, Пермь, Казань и центральные города России.

После крупного пожара 1686 г. мысовые укрепления кремля сгорели и их, вероятно, решено было не ремонтировать, так как в 1708 г. у города констатируется отсутствие вала и рвов (Большаков, 2006, с. 22–30).

В XVIII в. городской центр был перенесен к северу от кремля на высокий берег р. Вятки, где разместился административный центр с присутственными местами. На месте прежнего торгового выросла Базарная площадь. В планировке в это время сохранялась веерная система (Безверхова, 1996, с. 184).

Археологические исследования на территории г. Котельнича проводились в очень ограниченных масштабах. В 1982 г. проведены археологические

раскопки Котельничского городища под руководством Л.Д. Макарова на площади 350 кв. м. Кроме более ранних находок, были обнаружены следы укреплений в виде срубов, забутованных глиной, и фрагмент угловой башни с отопляемым нижним помещением. Сооружение этих укреплений Л.Д. Макаров относит ко времени после захвата города московскими войсками в 1489 г. (Макаров, 2018, с. 39). Также в ходе работ изучена часть христианского могильника XVI–XVIII вв. Выявлены захоронения 110 умерших, расположенных в 2–3 ряда. Глубина могил чаще всего незначительна (20–50 см от поверхности), поэтому костяки зафиксированы в потревоженном виде. От погребальных конструкций сохранились остатки гробовищ, изредка – с железными гвоздями. В могилах погребального инвентаря почти не выявлено. Лишь в одном погребении обнаружен медный нательный крестик, а в другом – два изделия из свинцово-оловянистого сплава (вероятно, пули) (Макаров, 1982).

Получение более подробной информации о материальной и духовной культуре жителей г. Котельнича в XVI–XVIII вв. является предметом будущих археологических изысканий.

Орлов. Первое упоминание города в письменных источниках относится к 1457 г., по археоло-

гическим же данным первое русское укрепленное поселение на месте современного города могло возникнуть на рубеже XII–XIII вв. (Эммаусский, 2009, с. 23). Крепость располагалась на подтреугольном вытянутом мысу между р. Вяткой и оврагом, по дну которого протекает ручей.

В начале XVII в. развитие Орлова происходило на мысу в междуречье р. Вятки и р. Воробьихи. Здесь расположился торг, а открытый посад расширялся от торгового впадения в р. Вятку в юго-западном и северо-восточном направлениях (Безверхова, 1996, с. 176).

В период XVII–XVIII вв. город постепенно развивается и растет: в 1678 г. в нем проживало 107 человек, а в 1782 г. – уже 872 человека. С ростом населения в городе развивается кустарная промышленность, а с XVIII в. можно говорить об Орлове как об одном из центров торговли Вятской земли. Выделению его именно как купеческого города способствовало удобное географическое расположение, прокладка вблизи него во второй половине XVIII в. оживленных трактов и организация ряда крупных ярмарок (Семеновская, Алексеевская). Так, крупный Московский тракт, связывающий Вятку и Москву, проходил прямо через город (бывш. ул. Московская) (Колеватов, 1994, с. 149).

В археологическом плане единственной исследованной частью города является Орловское городище (кремль г. Орлова), расположенное в центре города, в городском саду. В ходе археологических работ Л.П. Гуссаковского в 1960 г. было установлено, что городские слои XIV–XV вв. прорезаны многочисленными ямами погребений церковного кладбища при церкви Успения Божьей Матери (позже – небольшой часовни), датированных XVI–XVIII вв. В 19 исследованных погребениях костяки ориентированы головой на запад, почти везде прослежены следы деревянных гробовищ. На некоторых костяках найдены нательные крестики XVI–XVII вв. и остатки кожаной обуви. В одном женском погребении найдена серебряная серьга со стеклянными вставками. Часть ранних погребений была разрушена как в ходе поздних захоронений, так и при разбивке городского сада в XIX в. (Гуссаковский, 1967, с. 105; Гуссаковский, 1999, с. 38–39). В 1976 г. в результате разведки Л.Д. Макарова на городище обнаружены три костяка ранее исследованного могильника (Макаров, 2018, с. 40).

В 1999 г. на площадке кремля г. Орлова Н.Е. Соколовой и И.Ю. Трушковой был заложен раскоп площадью 25 кв. м. В ходе работ были выявлены остатки дома XVII–XVIII в., сгоревшего при пожаре, а также две постройки XIV–XV вв. с находками XVII–XIX вв. Также обнаружены

многочисленные погребения, большая часть которых разрушена в XX в., датируемые по медным нательным крестикам XVI–XVIII вв. (Соколова, 2002, с. 68–73).

Более полные данные о культурном слое г. Орлова XVI–XVIII вв. могут быть получены в случае продолжения археологических работ на его территории.

Шестаков. По мнению В.В. Низова, основанному на анализе письменных источников, Шестаковский городок был построен в 1542 г. на месте неукрепленного поселения («старого» города), датируемого периодом ранее XVI в. (Низов, 1995, с. 11). Границей крепости с северной и восточной стороны была р. Вятка, которая здесь делает довольно большой изгиб. С юга и запада были возведены два параллельных ряда валов и рвов, а на вершине внутреннего вала возведена стена из рубленых городней, в линию которых встроены две глухие башни и двое ворот. За деревянными частями укреплений Шестаковского кремля следили довольно плохо, и уже в Дозорной книге 1615 г. указывалось на их ветхое состояние. К концу XVII в. укрепления были постепенно ликвидированы, а орудия, порох и ядра перевезены в Хлынов. Одной из особенностей городского устройства г. Шестакова является то, что совсем не был укреплен его посад. Другой особенностью является двухчастная структура города: кремль и посад, торг отсутствовал (Луппов, 1994, с. 163–166).

В начальный период своего существования г. Шестаков, как и аналогичные города-крепости на Южной Вятке, играл роль укрепленного форпоста на случай враждебных действий со стороны автохтонного финно-угорского населения. Однако город почти сразу утратил военное значение и в период XVI–XVIII вв. стал промежуточным торговым центром на пути из Вятского края по р. Летке на р. Лузу и далее по р. Юг на Северную Двину вплоть до Белого моря (Низов, 1995, с. 27). В конце XVI в. Шестаков был самым маленьким городом Вятской земли – его население состояло из приблизительно 300 человек, проживавших в 50 посадских дворах. К середине XVII в. город теряет свое военное и отчасти торговое значение, численность его населения уменьшается примерно до 200 человек, проживающих в 33 дворах (Эммаусский, 1956, с. 63).

В археологическом плане на территории современного с. Шестаково известен памятник археологии «Шестаковский Кремль». Описание его укреплений можно найти еще в документах ВГСК XIX в.: «вал земляной с окружавшим его рвом, в бывшем прежде г. Шестакове... В сем укреплении находится каменная церковь...» (ЦГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 7, л. 12). П.Н. Луппов по результатам об-

следования 1925 г. описывает наличие на его территории двух линий валов и рвов и следов древних зданий (Луппов, 1994, с. 163–165).

В 1961 г. в ходе разведки И.И. Стефановой на городище в обнажении берега на стрелке мыса был найден культурный слой мощностью до 20 см с включениями золы и обгоревшего дерева. В слое выявлено 14 фрагментов круговой керамики XVI–XVIII вв. хорошего обжига с примесью песка в тесте (Стефанова, 1961, л. 6–7). В 1977 г. Н.А. Ярославцевой (Лещинской) снят более детальный план Шестаковского городища (Ярославцева, 1977, л. 3), а в 1997 г. В.В. Ванчиковым на городище была проведена шурфовка и визуальный осмотр. Культурный слой в шурфе содержал 20 фрагментов круговой керамики и имел мощность 30–40 см. Данная керамика, как и керамика из сборов 1961 г., позволили В.В. Ванчикову составить характеристику керамики городища. Вся керамика гончарная, хорошего обжига, цвет – коричневый, на изломе – черный. По форме верхней части исследователь выделил горшки трех типов (один фрагмент орнаментирован «волной») и чашу, покрытую зеленовато-коричневой поливой. Кроме того, из коллекции 1961 г. был описан крест-тельник. Данные находки уместаются в хронологический период XVI–XVIII вв., что совпадает с данными письменных источников (Ванчиков, 1998, с. 15–16).

Вплоть до настоящего времени полноценные археологические раскопки на территории г. Шестакова не проводились, что, безусловно, является задачей будущих исследователей.

Кайгород. Как и Шестаков, Кайгород возник на месте более раннего неукрепленного поселения в качестве перевалочного пункта на Сибирском тракте – торговом пути из Подвинья на Урал и в Сибирь. Датой основания считается 1558 г., когда Иван IV пожаловал купцам Строгановым в вотчину территорию по верхней Каме и Чусовой и предоставил право строить крепости и содержать военные гарнизоны. Именно тогда на существовавшем неукрепленном поселении Строгановыми были возведены земляные валы и деревянные стены, превратившие его в опорный пункт строгановской администрации и торговый центр (Эммаусский, 2009, с. 27–28). Вероятно, в 1581 г. Кайгород, как и ряд других городов, был разграблен вогульским ханом Кихеком, после чего город был существенно укреплен. Его обнесли острогом с башнями у дороги, построили арсенал, в котором хранилось вооружение. Кроме сибирского пути через Кай проходила дорога на север, в Архангельск. Здесь был таможенный пункт, где производился досмотр вывозимых из России в Сибирь товаров, а также осматривался товар, который был

разрешен для ввоза в Россию. С провозимых товаров здесь же собиралась пошлина (Осколков, 1994, с. 174–176).

В целом для структуры застройки города были характерны три основные части: крепость, посад и торг. В XVI–XVII вв. Кайгород был центром обширного уезда, входившего в состав Пермской земли, и управлялся назначенным правительством воеводой (Эммаусский, 2009, с. 28). По данным переписи 1678 г., в городе проживало около 300 человек, в 1782 г. жителей проживает 750 человек (Эммаусский, 1956, с. 71).

При Петре I начались работы по прокладке прямой дороги из Москвы в Сибирь через Казань, по южным уездам Вятской земли. Поток грузов через Кай стал снижаться. С середины XVIII в. поток товаров пошел через новый тракт, старая дорога приходила в запустение, город постепенно хирел. В 1764 г. Кайский край был включен в состав Слободского уезда, а в 1797 г. при организации Вятской губернии город Кай был обращен в заштатный город (Осколков, 1994, с. 177–179).

Археологические работы на территории Кайгорода проводились достаточно ограниченные. По данным ВГСК XIX в., «... вблизи с. Кайгородского находится небольшой холм под названием «Кашина гора», обнесенный земляным валом, где по преданию будто бы находился какой-то кремль. В прежние времена находили разные вещи, но какие – не известно» (ЦГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1022, л. 58). Остатки укреплений на Кашиной горе были описаны А.А. Спицыным. По его наблюдениям, «вал смыкает два крутых обвала горы. Формою он походит на серп, дуга которого (она состоит из двух валов и рвов) 50 саж., а рукоять (из одного вала) 80 саж. длиною». Кроме того, исследователь отметил наличие рядом с Кашиною горою некоего «убогого дома», где по преданию, хоронились разбойники (Спицын, 1881, с. 65). В 1950-х годах городище было осмотрено Л.П. Гуссаковским.

В 2001 г. И.Ю. Трушковой была проведена разведка на территории крепости Кайгорода – объекта культурного наследия федерального значения «Городище «Марьин Кокошник». На момент работ большая часть городища была занята кладбищем XIX–XX вв. В ходе работ в двух шурфах обнаружены фрагменты керамических сосудов XVII–XIX вв., фрагмент пряслица, заготовка кресала, а также очертания могильных ям XX в. Также в качестве подъемного материала за пределами городища на огороде дома № 31 по ул. Революции 1905 г. с. Кай были обнаружены фрагменты керамики XVII–XX вв., металлическая пряжка XIX в., фрагменты стеклянного штофа и бутылок XVIII–XIX вв. (Трушкова, 2001). В 2014 г. на территории городища «Марьин Кокошник» была

проведена разведка под руководством А.Л. Кряжевских. В ходе работ установлено, что площадка памятника оврагом и дорогой делится на три части. При этом, вероятно, изначально городище делилось на две части, и лишь позже в ходе углубления дороги произошло дополнительное разделение. Северо-восточная часть городища имеет треугольную форму и укреплена двойной линией валов, идущих по дуге, между которыми выкопан ров. Центральная и северо-западная части городища были укреплены одинарной линией укреплений, состоящей из линейного вала и рва. Вероятно, изначально крепостью являлась современная северо-восточная часть памятника, а остальная укрепленная часть, сейчас разделенная дорогой, по-видимому, являлась посадом. Большая часть памятника в настоящее время занята кладбищем, лишь на севере северо-западной части имеется свободная от видимых погребений территория. В ходе проведения шурфовки прослежен культурный слой городища, большей частью перемещенный в результате функционирования на его территории христианского кладбища, собрана достаточно представительная коллекция фрагментов керамической посуды XVII–XIX вв., исследована часть погребения XIX в. и выявлены очертания еще двух могильных ям. В качестве подъемного материала обнаружены фрагменты керамических сосудов XVII–XIX вв. за линией укреплений северо-западной части городища и в траншее, выкопанной в пойме р. Камы у подножия памятника (Кряжевских, 2017, с. 134–140).

Царевосанчурск. «Новый Царев Санчюринский город» был заложен московскими воеводами в 1584 (1585?) г. в среднем течении р. Большой Кокшаги, правого притока р. Камы, у «Санчурина озера». По данным В.В. Низова, административно-военную власть возглавили основатели города, ставшие первыми местными воеводами: в 1585 г. – З.А. Бестужев, на другой год – М.Г. Волынский, в последующие годы краем управляли стрелецкие головы В.А. Овцын и Е.В. Воейков (Низов, 2000, с. 95). При основании города, как считает А.В. Эммаусский, были возведены мощные военные укрепления из земляных валов и деревянных стен с башнями по углам. Город был заселен русскими торговыми и посадскими людьми, государственными крестьянами, организована уездная администрация во главе с воеводой (позже – стрелецким головой) и оставлен значительный воинский гарнизон для подавления возможных мятежей автохтонного финно-угорского населения (Эммаусский, 2009, с. 32). Вероятно, вокруг города-крепости в первоначальный период его существования в окрестных лесах и по берегам р. Большой Кокшаги были построены сто-

рожевые вышки и поставлены заставы (Наумов, 1994, с. 271).

Основанный в конце XVI в. в качестве военного форпоста, г. Царевосанчурск был населен преимущественно военными и приказными людьми. Посад города, примыкавший к стенам крепости и огороженный острогом, был, по мнению исследователей, довольно тесным и вмещал ограниченное количество дворов. В посаде проживало население, обеспечивающее исключительно крепостной гарнизон, ввиду чего сам город большого экономического значения не имел (Эммаусский, 1995, с. 32). Внутри крепости размещались две деревянные церкви с колокольнями, дворы воеводы и священнослужителей, осадная изба, пороховой амбар. К югу от крепости располагался торг, посад размещался на территории, ограниченной излучиной р. Большой Кокшаги, преимущественно в западном направлении от торгового пункта. Л.Б. Безверхова характеризует тенденцию формирования планировки города как полукруглую систему веерно-центрического типа (Безверхова, 1999, с. 300–301).

К середине XVII в. на общем фоне роста торговли и промышленности население Царевосанчурска выросло до 60 дворов, в которых проживало около 340 человек. Кроме того, в городе насчитывалось 9 ремесленников, среди которых: 4 кузнеца, 1 сапожник, 1 крашенинник, 1 руковичник, 1 иконник и 1 вощенник (Эммаусский, 1956, с. 34). Сам Царевосанчурск, вероятно, мало изменился в плане застройки. Он мог состоять из деревянных одноэтажных домов с такими же хозяйственными постройками и приусадебными огородами. Вероятно, сохранились и основные укрепления города в виде валов, рвов и деревянных острогов (Эммаусский, 1996, с. 74). К XVIII в. город теряет значение важного военно-стратегического форпоста на юго-восточной границе России и становится малозначительным, сильно удаленным от основных торговых путей населенным пунктом. В этом плане показательным, что количество населения в нем в 1782 г. составило лишь около 350 человек, что на 10 человек больше, чем по данным на середину XVII в. (Эммаусский, 1956, с. 71). В 1761 г. на месте старой деревянной церкви в городе построен каменный храм в честь Тихвинской иконы Божьей Матери, в 1770 г. построен Покровский собор, и в 1777–1800 гг. – Владимирская церковь. В конце XVIII в. сильным пожаром были уничтожены все деревянные постройки, включая кремль. Вскоре Царевосанчурск вошел в Яранский уезд в статусе заштатного города Вятской губернии (Наумов, 1994, с. 273).

Археологические работы в г. Санчурске не проводились, памятники археологии на его территории не известны. Изучение культурного слоя го-

рода, в частности укреплений, кремля, посадской части и, возможно, церковного кладбища, представляется актуальным и необходимым.

Уржум. По мнению А.В. Эммаусского, г. Уржум, впервые упомянутый в сообщениях периода Черемисской войны (1554–1556 гг.), первоначально был марийским племенным городком. В 1584 г. на его месте возникла русская укрепленная крепость (Эммаусский, 2009, с. 31–32). С этой даты официально отсчитывается время существования г. Уржума. По мнению В.В. Низова, «Новый Уржумский город» был основан на свободной земле окольных В.В. Головиным в 1592–1593 гг. (строительство было завершено через 2–3 года) в качестве стратегического форпоста на Нижней Вятке после подавления восстания местного марийского населения в 1592 г. (Низов, 1991, с. 6).

Кремль города был построен на левом высоком берегу р. Уржумки и отвечал всем фортификационным требованиям того времени: имел рвы, валы, «городни» (срубы, заполненные грунтом), срубные башни острога. Помимо укреплений, в городе выстроили соборный храм Николая Чудотворца (Безверхова, 1999, с. 299). В Уржуме проживали посадские люди и стрельцы, которые занимались ремеслами, торговлей и сельским хозяйством. Пашни и сенокосы брались в оброк или аренду у воевод и земских старости, пастбища для скота располагались около города (Карпов, 1994, с. 220).

В середине XVII в., как и ряд других вятских городов, Уржум разрастается и количество его жителей, по подсчетам А.В. Эммаусского, составляет около 260 человек (Эммаусский, 1956, с. 69–70). В этот период город сохраняет за собой статус города-крепости. Так, в 1625 г. при воеводе Г. Хотунском общее количество войск в нем насчитывало более 300 человек, что превышало количество посадского населения (Карпов, 1994, с. 219). В 1647 г. оборонительные сооружения Уржума были обновлены и усилены валом и рвом. При этом крепость сохранила первоначальные очертания: правильные геометрические с северной, западной и южной сторон; повторяющие линию берега – с восточной и юго-восточной. По мнению архитектора Л.Б. Безверховой и краеведа В.А. Ветлужских, рубленые стены города, построенные на валах, прерывались семью башнями: глухими дозорными и сквозными проездными. Четыре из них ориентировались на главные подступы к городу с северной («С городовыми воротами»), западной («Старого раскату», «Спасская») и южной («Водяная») сторон. Точки обзора усиливали три дозорные башни с восточной («Нового раскату» и «Наугольная») и южной («Тайницкая») сторон. Место торгового рынка отмечено церковью Николая

Чудотворца с колокольной. В ограде располагался дом воеводы с собственным храмом. Посад с церковью во имя Воскресения Христова располагался за кремлевскими стенами в западном, северном и юго-западном направлениях (Безверхова, 1999, с. 299). Последний раз крепостные сооружения обновлялись в 1668 г. в числе прочих городов по указу вятского воеводы князя Г.А. Козловского. Позднее необходимость в них отпала, уже в XVIII в. крепость полностью обветшала и к 1784 г. «сгнила без остатка». На фиксационном плане 1784 г. сохранился абрис старого вала, по которому можно судить о границах крепости. К концу XVIII в. торг, расположенный в обветшавшей крепости, слился с посадским Торжком в единый Большой городской торг, ставший главным центром планировочной структуры города. Увеличившееся количество жителей города (по подсчетам А.В. Эммаусского, в городе в XVIII в. проживало уже около 730 горожан (Эммаусский, 1956, с. 71)) способствовало разрастанию посада в северном и юго-западном направлении от торгового рынка. Л.Б. Безверхова характеризует планировку г. Уржума того периода как линейную разновидность порядковой системы нецентрального типа (Безверхова, 1999, с. 300).

На территории г. Уржума известен памятник археологии «Поселение «Уржум», XVI–XVII вв.». Обследование территории данного памятника было проведено Н.Б. Поповой в 1965 г. (Попова, 1965). В 1989 г. во время проведения археологической разведки отрядом КВАЭ под руководством В.В. Ванчикова здесь были обнаружены фрагменты гончарной керамики XVI–XVII вв. (Макаров, 2018, с. 41). Проведенные археологические разведки на территории города носят локальный характер, и считать Уржум исследованным в археологическом плане нельзя.

Яранск. Как и многие города на юге Вятского края, он был построен после подавления «черемисских бунтов» с целью закрепления покоренных территорий и размещения на них администрации и военного гарнизона. Официальной датой основания Яранска считается 1591 г. (Эммаусский, 2009, с. 33). Крепость была заложена на высоком холме на правом берегу р. Ярань, окруженном с севера и запада водой, с юга – оврагом и с востока – лесом. Яранск был укреплен двойными дубовыми стенами с внутренней земляной засыпкой, по углам крепости располагались башни с бойницами. Внутри огороженной территории находился двор воеводы, церковь, съезжая изба и прочие служебные постройки (Кутюков, 1994, с. 202). В.В. Низов на основании письменных источников отмечает, что уже в начале XVII в. город состоял из «города» (кремля) и «острога» (посада, укрепленного частоколом). Ворота в городе были

не менее двух («верхние» и «передние»). В кремле был построен храм Успения Пресвятой Богородицы, «судная изба», тюрьма, зернохранилища («государевы житницы»), дворы воеводы, пушкарей и «житничных сторожей». Внутренняя площадь города была небольшой (Низов, 2000, с. 57). К западу от крепости, на берегу реки была построена «стрелецкая слобода», в которой жил крепостной гарнизон, состоявший из 150–200 стрельцов под началом стрелецкого головы. К югу располагался посад, где проживали ремесленники, торговцы, городская беднота. В течение XVII в. посад в процессе расширения к югу соединился со слободой Вознесенского монастыря. Согласно письменным источникам, население г. Яранска в середине XVII в. составляло около 180 человек, а в XVIII в. – 720 жителей (Эммаусский, 1956, с. 70–71). По мнению Л.Б. Безверховой, тип планировки города можно охарактеризовать как сегментную систему веерно-центрического типа (Безверхова, 1999, с. 301).

В 2014 г. на территории города археологом К.Н. Глушковым была проведена археологическая разведка, позволившая определить наличие культурного слоя в основных частях города – крепости г. Яранска (Яранское городище), западной части посада и Старотроицкого церковного кладбища (Яранский могильник). Культурный слой Яранского городища (XVI–XVIII вв.) был выявлен на территории сквера, расположенного к западу от ограды Троицкого собора. В ходе прокопки шурфа размером 2×2 м были найдены фрагменты гончарных керамических сосудов, игральная фишка из стенки гончарного сосуда, монета 2 коп. 1870 г., слюда и битый кирпич (Глушков, 2015, с. 59–64). В ходе выборки шурфа было установлено, что культурный слой г. Яранска частично разрушен Старотроицким кладбищем, возникшим, очевидно, в процессе функционирования Троицкой церкви в конце XVII в. В качестве комплексов Яранского могильника (XVII–XVIII вв.) были выделены три могильные ямы, ориентированные по линии северо-восток – юго-запад, а также найденные в переотложенном состоянии фрагменты четырех крестов-тельников и кованые гвозди от гробовищ. Одно из погребений было исследовано. В качестве погребального инвентаря выявлен один крест-тельник XVII–XIX вв. и кованые гвозди из гробовища. В ориентировке погребения наблюдается некоторое смещение положения костей к северо-востоку, что можно объяснить погрешностью в определении сторон света или особенностью погребального обряда. Само погребение, судя по нарушенному анатомическому порядку, частично разрушено поздним перекопом. Могильник представляет собой церковное кладбище (Глушков, 2015, с. 65–68). Объект археологиче-

ского наследия «Западная часть посада г. Яранска, XVII–XIX вв.» был выявлен на территории современного парка им. Л.Л. Шамшуренкова и сквера на правом берегу р. Ярани, к западу от Троицкой церкви, где в период возникновения города могли располагаться «стрелецкая слобода» и посад. На территории памятника был собран подъемный материал (фрагменты гончарной керамики, изделия из железа, фрагменты стеклянных бутылок) и заложен шурф 2×2 м. В ходе его выборки были получены фрагменты гончарных сосудов, слюда, фрагменты стеклянных бутылок и сильно корродированная монета. Кроме того, на всей площади шурфа был выявлен истлевший деревянный настил, который можно определить в качестве мостовой посада г. Яранска и датировать XVII–XVIII вв. Помимо шурфа, в строительных траншеях на территории парка также был выявлен культурный слой с находками гончарной керамики XVII–XIX вв., глиняного грузила, стекла (Глушков, 2015, с. 68–70).

Археологические исследования исторической части г. Яранска, безусловно, должны быть продолжены.

Малмыж. Как и другие города Южной Вятки, Малмыж возник в конце XVI в., предположительно на месте старинной резиденции марийских князей, вассалов Казанского ханства. Данное марийское поселение было захвачено в ходе крупномасштабной карательной экспедиции русских войск во главе с Д.Ф. Адышевым, вероятно, в январе-феврале 1554 г. (Свечников, 2003, с. 228). Марийцы были изгнаны, а на месте современного Пушкаревского кладбища г. Малмыжа возник русский укрепленный форпост, усиленный валом и рвом – так называемое Адашевское городище. Крепость была отстроена на высоком месте, поднимающемся над долиной р. Шошмы. Укрепления Адашевского городища были ориентированы по сторонам света и представляли собой неправильный четырехугольник. С северной стороны городище прикрывалось глубокой овальной ложбиной с крутыми краями, которая ранее, вероятно, была заполнена водой и сообщалась с поймой р. Шошмы. Гарнизон поста составили дети боярские, для которых внутри укреплений были построены дома, а рядом с постом начали селиться русские поселенцы. Первая слобода, которую образовали поселенцы, впоследствии стала именоваться Адашевской слободкой (Худяков, 1916, с. 17–18). Непростая военная обстановка и регулярные набеги марийцев и татар в данной местности вынудили русское руководство заняться сооружением полноценной крепости. Она была возведена в 1584 г. (по другим данным – 1580 г.) на плато, ограниченном с севера высоким берегом р. Шошмы, с востока и

запада – двумя оврагами с протекающими в них р. Мокшей и ручьем Засорой. Крепость возвышалась на земляном валу и имела четыре глухие дзорные башни, одна из которых имела воротный выход. Пятая башня (Спасская) была проездной и соединяла кремль с торгом. Внутри крепости располагался Государев двор, пороховая казна-арсенал, съезжая изба и церковь. С момента основания этого укрепленного поселения и берет свое начало русский город Малмыж, который изначально получил статус пригорода, то есть безуездного города. Торг разместился у внешней стороны южной крепостной стены и имел небольшую площадь. Посад развивался исключительно в южном направлении и был защищен острогом. Тенденцию формирования планировки города специалисты определяют как секторно-замкнутую, относящуюся к веерно-центрическому типу (Безверхова, 1999, с. 302–303).

Население г. Малмыжа, по данным переписной книги 1646 г., состояло из 342 мужчин, проживавших в 117 дворах (Худяков, 1916, с. 39). Со второй четверти XVIII в. население г. Малмыжа увеличилось до 629 душ мужского пола (Эммаусский, 1956, с. 71).

Между 1735 и 1781 гг. крепость в Малмыже окончательно упразднили, солдат из гарнизона переименовали в крестьян и переселили в одну из слобод (Кряжевских, 2008, с. 90–91).

Относительно археологических объектов в исторической части города еще М.Г. Худяков отмечал находку «в земле» в начале XX в. около границы города и поздней Ильинской слободы «дубовых бревен», которые могли быть остатками крепостной стены. Также есть упоминание «остатков башен» при устье Засоры, на берегу Шошмы на углу Казанской и Полевой и на Засоре, напротив Полевой улицы. Данные башни могли быть частью укрепленного острога, защищавшего посад, который, по одной из версий, был расположен на правом берегу Мокши (Худяков, 1916, с. 32, 36–37). По данным М.Г. Худякова, еще в начале XX в. в городе был известен подземный ход, расположенный в районе усадьбы С.М. Кучковой конца XIX – начала XX вв. На месте данной усадьбы при возникновении города мог располагаться Государев двор, в котором жили воеводы и служилые люди по указу царя. Интересно, что подземный ход упоминается и в «Книге Малмыжского города» (1662 г.): «Под тем же городом сделан тайник с воротами» (Книга Малмыжского..., 1915, с. 45).

На сегодняшний день на территории г. Малмыжа известно два памятника археологии интересующего нас периода – Адашевское городище XVI в. и Малмыжское городище XVI–XVIII вв.

(кремль г. Малмыжа). В начале XX в. М.Г. Худяков провел обмеры сохранившихся на тот момент укреплений Адашевского городища и снял топографический план памятника, размеры которого составили 27×20–28 саж. Исследователь отмечал, что «рвы, а отчасти и вал сохранились до настоящего времени», а сам памятник «занимает большую часть кладбища к востоку от Сунгуровской церкви». Кроме того, он предположил наличие на городище братской могилы русских воинов, расположенной на месте бывшей деревянной часовни (Худяков, 1916, с. 17–19).

Культурный слой Малмыжского городища впервые исследован в 1955 г. руководителем одного из разведочных отрядов Удмуртской археологической экспедиции В.П. Денисовым. Им в обнажениях берега р. Шошмы в районе Богоявленского собора был обнаружен русский культурный слой мощностью 0,5–0,7 м, который по находке поливного изразца темно-зеленого цвета датирован XVII в. Исследования слоя зачистками показали, что он почти полностью разрушен (Денисов, 1958, с. 111).

В 1956 г. Адашевское городище было осмотрено сотрудниками Марийской археологической экспедиции, культурный слой на городище при этом выявлен не был. Зафиксированные размеры городища составили 210×180 м (Архипов, Халиков, 1960, с. 123).

В 2012 г. Адашевское и Малмыжское городища обследованы разведотрядом под руководством А.Л. Кряжевских. В ходе работ было установлено, что территория памятника полностью занята погребениями городского кладбища, из оборонительных укреплений сохранился лишь ров, ограничивающий площадку памятника с северо-запада, северо-востока и юго-востока. Глубина рва с северо-западной стороны достигает 2 м. В ходе работ уточнен план памятника, находки в ходе обследования не выявлены. В ходе обследования Малмыжского городища установлено, что большая его часть застроена и занята жилыми домами и огородами. В качестве подъемного материала в районе Богоявленского собора и на огородах нескольких домов в границах памятника обнаружены фрагменты керамической посуды XVII–XIX вв., человеческая кость, а один из местных жителей передал железный черешковый наконечник стрелы, найденный на огороде. В одной из двух заложённых зачисток зафиксирован сильно перемешанный культурный слой с включениями костей человека, а также обнаружены фрагменты керамических сосудов и фрагмент изделия из железа. Во второй зачистке, произведенной на обнажении берега р. Шошмы, находки не выявлены. В ходе работ у местных жителей и сотрудни-

ков Малмыжского краеведческого музея собрана информация о находках археологических предметов и человеческих костей в границах городища во время земляных работ в разные годы. Находки человеческих костей связаны либо с функционированием кладбища при церкви (до постройки каменного Богоявленского собора в 1802 г. на его месте находилась деревянная Пречистенская церковь), либо с существованием здесь более раннего марийского или удмуртского кладбища. По словам служителей Богоявленского собора, во время земляных работ в границах церковной ограды они находили человеческие останки, захороненные не по христианскому обряду, на основании чего они связывают их с марийским или удмуртским населением. В результате обследования также был подготовлен топографический план памятника (Кряжевских, 2014, с. 203–209).

На настоящий момент археологами исследована лишь небольшая часть г. Малмыжа, археологические раскопки здесь не проводились, поэтому в будущем информация об исторических процессах

на его территории в XVI–XVIII вв., безусловно, будет дополнена.

В самом конце рассматриваемого периода, в 1796 г., была образована Вятская губерния, которая объединила в своем составе все рассмотренные города и тяготевшие к ним территории. Это стало закономерным итогом предшествующего развития Вятской земли, и административные границы региона не менялись вплоть до 1918 г.

В целом можно констатировать, что в археологическом отношении города Вятского края применительно к периоду XVI–XVIII вв. исследованы крайне неравномерно и недостаточно. Относительно неплохо изучены лишь Хлынов-Вятка и отчасти Слободской. В отношении остальных городов в настоящее время, по сути, происходит лишь становление проблематики и первоначальное накопление информации. В последние годы археологические работы в вятских городах активизировались и они, безусловно, будут продолжаться, что имеет очень важное значение для получения новой информации о прошлом Вятской земли.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ СЕРЕДИНЫ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ.

Глава 1

**Марийские могильники
XVI – первой половины XVIII вв.**

Глава 2

**Погребальные памятники мордвы
XVI – начала XIX вв.**

Глава 3

О позднесредневековых кладбищах в Заказанье

Глава 4

**Эпиграфическая и письменная культура татар
второй половины XVI–XVIII вв.**

ГЛАВА 1

МАРИЙСКИЕ МОГИЛЬНИКИ XVI–XVII ВВ.

Территория и памятники. Первые сведения о территории, занятой марийским населением к моменту присоединения Марийского края к Русскому государству, т. е. к середине XVI в., мы находим у автора «Казанской истории»: «Две бо черемисы бе в Казанской земле, а языка три ...едина убо черемиса об сю сторону Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям и словет горная, другая же черемиса об ону сторону Волги живет и та ся наречет луговая, низоты ради и ровности земли тоя и вся те люди землепашцы и трудницы» (Казанская история, 1954, с. 86). В той же луговой стороне «есть черемиса кокшаская и ветлужская, которая живет в лесах». Аналогичные сведения сообщают иностранные путешественники: Адам Олеарий (Олеарий, 1906, с. 364, 367), Ян Стрейс (Стрейс, 1935, с. 182–184). На карте Московии, составленной в 1562 г. английским дипломатом и путешественником Энтони Дженкинсоном, проехавшим в 1557–1560 гг. по Волге от Васильсгорода до Самары, горная черемиса отмечена в правобережье Волги между городами Васильсурск – Казань. На юге черемисские земли доходят до устья Самары (Рыбаков, 1974, с. 27). Чуть выше Самары горные черемисы отмечены в чертеже России царевича Федора Борисовича Годунова, опубликованном в 1613 г. картографом Гесселем Герритсом (Рыбаков, 1974, с. 59). Сигизмунд Герберштейн фиксирует марийские поселения в XVI в. у Нижнего Новгорода (Герберштейн, 1908, с. 136–137, 145). Неоднократная информация о черемисских землях и лесах в пределах бывшего Нижегородского и Курмышского уездов Нижегородской губернии содержится в актах феодального землевладения и хозяйства конца XVI в. (Акты, 1971, с. 40, 42) и в актах Московского государства XVII в. (Акты Московского государства, 1901, с. 406).

Разрозненные сообщения о проживании марийцев в Нижегородском, Макарьевском уездах в окрестностях сел Тоншаево, Ошминское, Одошнур и Васильсурска в XIX веке встречаются в кратких исторических заметках на страницах периодической печати (Самарянов, 1976, № 27, с. 182; Яблонский, 1865, № 50, с. 2).

Интересные сведения о расселении мари в современных Уржумском и Малмыжском райо-

нах Кировской области содержатся в фольклорных материалах Бердникова (Бердников, д. 332 с. 9) и трудах М.Г. Худякова (Худяков, рукопись) и А.А. Спицына (Спицын, 1883, с. 25–91; 1888, Отд. V, с. 225).

В 50-е годы большая собирательная работа по правобережью Вятки в пределах Татарской АССР была проведена археологической экспедицией Казанского филиала АН СССР (Калинин, Халиков, Генинг. Отчет за 1956 год, л. 22). Предания о старинных «черемисских» кладбищах, неоднократно зафиксированные на территории современного проживания русских и татар, являются неоспоримыми свидетельствами обитания на этих землях марийцев, которые были вытеснены русскими или татарами в XVII–XVIII вв. Множество таких кладбищ в бассейне р. Шии, Оштормы, Бурец, Шошмы, преимущественно в пределах Мамадышского и Кукморского районов Татарстана. В XVII–XVIII вв. марийцев отсюда вытеснили или частично ассимилировали татары. Русское население появилось здесь лишь в XVIII в. И даже в XVIII в. в окрестностях Вятских Полян существовала марийская сотня, в состав которой входила деревня Ошторма и несколько починков (Казанцев, 1985, с. 109).

Старинные марийские кладбища отмечены в пределах Балтасинского района у деревень с татарским населением Нурма, Карелино, Чапшар, Карадуван, Кармала, Старый Салаусь, Биктяшево, Янгулово, Нижняя Кня, Тавзар, Хасан-шаих. По преданиям, татары переселились на эти земли из-под Казани и Арска не ранее XVIII–XIX вв. В некоторых деревнях Балтасинского района (Малые и Большие Лызы) марийцы в XVII–XVIII вв. были вытеснены русским и удмуртским населением, пришедшим с р. Вятки. В нижнем течении реки Шошмы в пределах Циньского района Татарской ССР и части Малмыжского района Кировской области (дд. Смайл, Шишинерь, Ура и др.) вытеснение и частичное ассимилирование марийского населения татарским произошло несколько раньше, еще в период XVI–XVII вв., о чем свидетельствуют надгробные камни (Худяков, с. 5).

Письменные источники не дают четкого представления о народе, живущем на правом берегу

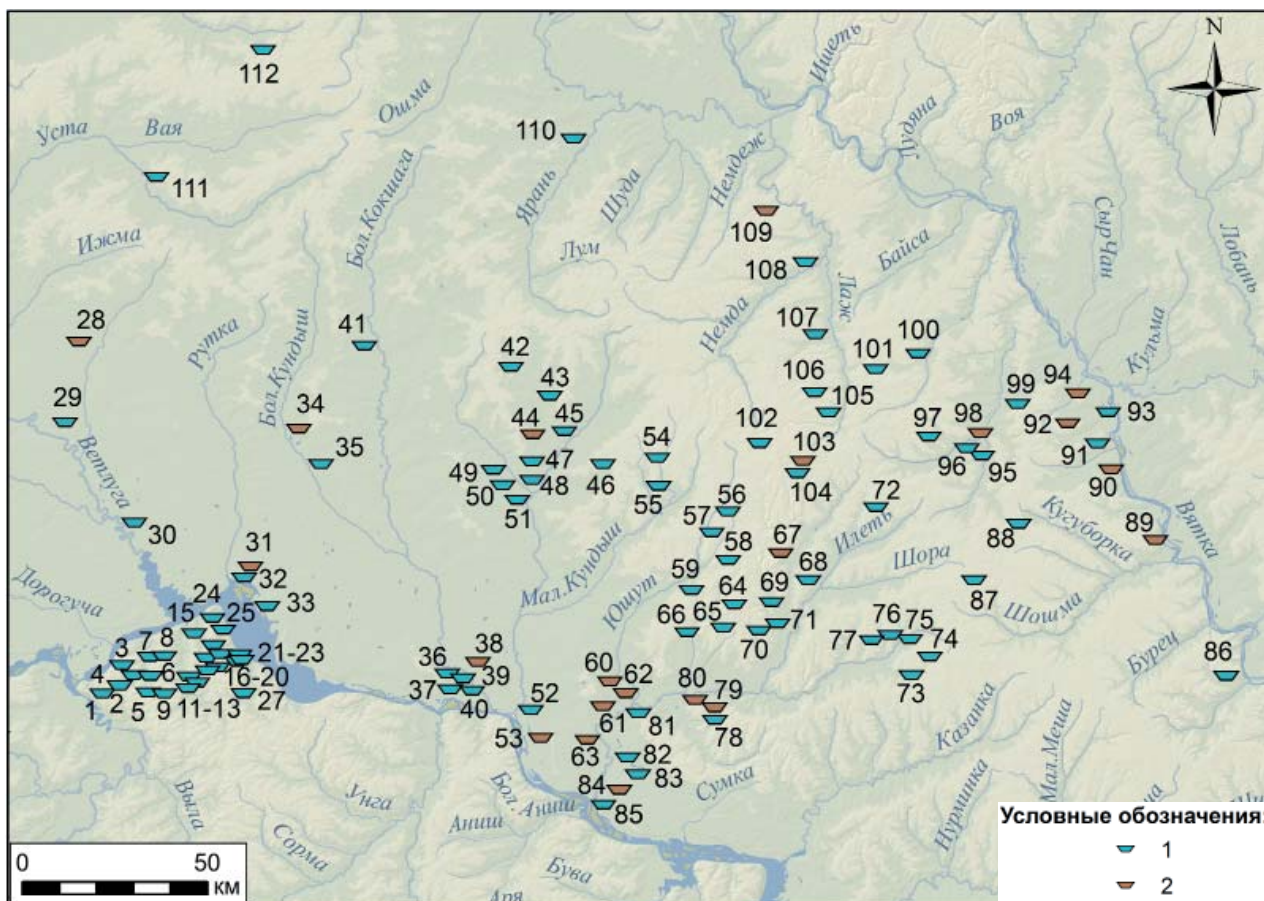

Рис. 1. Карта расселения марицев в XVI – начале XVIII вв.

1 – Шешмарский могильник, 2 – Исуткинский могильник, 3 – Микряковский могильник, 4 – Березовский могильник, 5 – Каранькинский могильник, 6 – Пайгусовский могильник, 7 – Салмандаевский I могильник, 8 – Салмандаевский II могильник, 9 – Юнга-Кушергинский могильник, 10 – Заовражно-Пертнурский могильник, 11 – Паратмарский могильник, 12 – Лузинский могильник, 13 – Юнга-Пернянгатский могильник, 14 – Сихинское жертвенное место, 15 – Пальтикинский могильник, 16 – Чермышевский могильник, 17 – Картуковский могильник, 18 – Кадышевский I могильник, 19 – Кадышевский II могильник, 20 – Замятинский могильник, 21 – Янгосовский могильник, 22 – Важнангерский могильник, 23 – Малосундырский могильник, 24 – Ивановгорский могильник, 25 – могильник Волна, 26 – Владимировский могильник, 27 – Кукшлидский могильник, 28 – мольбище Кузнец, 29 – Большепольский могильник, 30 – Выжумский I могильник, 31 – могильник Троицкие Выселки, 32 – мольбище Тарасова Гора, 33 – Отарский могильник, 34 – мольбище у деревни Ломбенур, 34 – Широкундышский могильник, 36 – Иванбеляжские находки, 37 – Сидельниковский могильник, 38 – Кокшамарское жертвенное место, 39 – Кокшамарский I могильник и Кокшамарский II могильник, 40 – могильник Сосновая Грива, 41 – Сметанинский могильник, 42 – Большеоршинский могильник, 43 – Малокугунурский могильник, 44 – Чирковское мольбище, 45 – Акашевский могильник, 47 – Аксаркинский могильник, 48 – Цибикнурский могильник, 49 – Шойбулакский могильник, 50 – Ошламучашский могильник, 51 – Шоядурский могильник, 52 – Арзеляжский могильник, 53 – Чуваш-Отарский могильник, 54 – Верхшурнский могильник, 55 – Кораколинский могильник, 56 – Немецсолинский могильник, 57 – Юштурский могильник, 58 – Весь-Шургинский могильник, 59 – Коркатовское погребение, 60 – мольбище Ага пайрем арка, 61 – мольбище Ташнурское, 62 – Ошутъяльское мольбище, 63 – Пекозинское мольбище, 64 – Аринский могильник, 65 – Маламашский могильник, 66 – Ердурский могильник, 67 – Кокремское мольбище, 68 – Кокремский могильник, 69 – Кучкопамашский могильник, 70 – Нуръял-Карамасский могильник, 71 – Марикужерский могильник, 72 – Усолинское мольбище, 73 – могильник Ташкичу, 74 – Досюмский могильник, 75 – Кунгерский могильник, 76 – Кубянский могильник, 77 – Шоппнерский могильник, 78 – Яраморский I могильник, 79 – Яраморский II могильник, 80 – Челоскинское мольбище, 81 – Алексеевский могильник, 82 – могильник Шўгар ўмбал у деревни Полевая, 83 – могильник у деревни Часовенная, 84 – Петъяльский могильник, 85 – Руссколуговской могильник, 86 – Ахпайский могильник, 87 – Сардаяльский могильник, 88 – Пижмарский могильник, 89 – Кинерское мольбище, 90 – Верхнешурминское мольбище, 91 – Ройский могильник, 92 – Батинское мольбище, 93 – Тюм-Тюмский могильник, 94 – Родыгинское мольбище, 95 – Биляморский могильник, 96 – Уржумнолинский могильник, 97 – Нижнетурекское погребение, 98 – Большенолинское мольбище, 99 – Лопьяльский могильник, 100 – Большеруяльский могильник и мольбище, 101 – Кугушенский могильник, 102 – Шараганурский могильник, 103 – Ирмарское мольбище, 104 – Нуръяльский могильник, 105 – Шинурский могильник, 106 – Кожласолинский могильник, 107 – Марисолинский могильник, 108 – Большекульшинский могильник, 109 – Чембулатское мольбище, 110 – Грековский могильник, 111 – Тоншаевский могильник, 112 – Большеошкарский могильник

Волги, называя его то горными черемисами, то чувашами. Так, например, князь А.М. Курбский, описывая поход русских войск на Казань в 1552 г., замечает: «Егдаж перепплавившаяся Суру реку, тогда ж Черемиса горная, а по их Чуваша зовомые язык особливый» (Курбский, с. 12). В XVII в. русские дьяки в одних и тех же документах продолжают именовать это население то черемисами, то чувашами. Иностранцы путешественники XVI–XVII вв. застали на правом берегу Волги «черемис». В этом отношении немалый интерес для изучения позднесредневековой истории народов Поволжья имеет статья И. Тарди, посвященная анализу данных европейской картографии XIV–XVIII вв. о народах Среднего Поволжья. Показательно, что на этих картах очень поздно (лишь в конце XVIII в.) появляется имя чувашей, территория, занимаемая ими с конца XVIII в., ранее названа землями «горных черемис» (Хакимзянов, Халиков, 198, с. 166).

Упоминания в летописях и заметках путешественников XVI–XVII вв. на правом берегу Волги горной черемисы В.Д. Дмитриев объяснил тем, что горную сторону современного Чувашского Поволжья русские с древнейших времен знали как черемисскую землю и долго по традиции продолжали называть так же (Дмитриев, 1957, с. 96–119). Но уже в летописях начала XVI в. различаются два самостоятельных народа: «чуваша» и «горная черемиса». Наиболее раннее официальное использование этнонима «чуваш» относится к 1521 г. В этот год «все князи казанские, и татарове и мордва и черемиса и чуваша» изменили великому государю Василию III и прогнали из Казани его ставленника царя Шигалея (Айплатов, 1963, с. 143). В 50–60 гг. было высказано мнение о заселении этих районов в изучаемый период марийцами (Макаров, 1959, с. 74, 75; Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции), Йошкар-Ола, 1965, с. 114–115). Но ряд исследователей полагают, что на территории всей Чувашии «в XVI в. мы застали уже чуваш» (Айплатов, 1963, с. 141; Дмитриев, 1957).

Археологи долгое время не уделяли должного внимания изучению древностей XVI–XVII вв., ограничиваясь фиксацией объектов (в большинстве случаев в виде простого упоминания в перечне обследованных памятников без расшифровки местоположения и особенностей и без картографического материала). Ограниченная информация содержалась в отчетах Комплексной антропологической экспедиции.

Целенаправленное изучение было начато в пределах Республики Марий Эл Марийской археологической экспедицией в 80-е годы (Никитина,

1992). В последующие годы отдельные марийские могильники были выявлены и раскопаны широкой площадью в смежных районах Кировской области (Шапран, 1984, с. 88–109; Шапран, 2014).

Археологические исследования подтвердили данные о заселении, отраженные в фольклорных материалах и письменных источниках; к XVI в. марийцы занимали территорию, близкую районам современного проживания, включая смежные земли Кировской и Нижегородской областей и Татарстана. Наиболее плотно были заселены правобережье Волги, бассейны рек Илети, Большой и Малой Кокшаг, правый берег среднего течения р. Вятки (рис. 1).

Известные археологические памятники представлены языческими кладбищами сельских жителей и местами молений. Поселения этого периода не известны археологам по ряду причин. Большинство из них находилось под современными марийскими деревнями, и поэтому разрушены. Керамика, основной материал при обнаружении памятника, представлена гончарными горшками с рынков и не имеет этнической выразительности.

Памятники: Березовский, Важнангерский, Владимирский, Волна, Еласовский I и II, Замятинский, Заовражно-Пертнурский, Ивановгорский, Исюткинский, Кадышевский I и II, Каранькинский, Картуковский, Кузнецовский, Кукшлидский, Лузинский, Мало-Сундырский, Микряковский, Пайгусовский, Пальтикинский, Паратмарский, Пернянгашский, Салмандаевский I и II, Чермышевский I и II, Юнга-Кушергинский, Юнга-Пернянгашский, Янгосовский на правом берегу Волги; Большепольский, Выжумский I, Одошнурский на р. Ветлуге; «Шугар умбал» у д. Полевая, Акашевский, Аксаркинский, Алексеевский, Арзебелякский, Аринский, Большеоршинский, Верхушнурский, Весь-Шургинский, Ердурский, Кокремский, Кокшамарский I и II, Корака-Солинский, Коркатовский, Кучко-Памашский, Маламашский, Малокугунурский, Марикужерский, Немец-Солинский, Нурьял-Карамасский, Отарский, Ошла-Мучашский, Петьяльский, Русско-Луговой, Сидельниковский, Троицкие Выселки, Цибикурский, Часовенная, Чувашотарский, Широкундышский, Шойбулакский, Шоядурский, Юшут-Турский, Яраморский I, Яраморский II в левобережье Волги и ее левобережных притоках, Ахпайский, Биляморский, Большекульшинский, Большеруяльский, Грековский, Досюмский, Кадочниковский, Кожласолинский, Кубянский, Кугушеньский, Кунгерский, Лопьяльский, Марисолинский, Нижнетурекский, Нурьяльский, Пижмарский, Ройский, Сардаяльский, Сметанинский, Ташкичу, Тоншаевский, Тюм-Тюмский, Уржумнолинский, Шараганурский, Шинурский, Шопнерский в бас-

сейне р. Вятки.

Погребальный обряд. В погребальном обряде языческие черты по-прежнему занимают доминирующее место. Погребения совершены в ямах прямоугольных форм. Размеры могил в длину часто превышали рост погребенного или размеры поставленного гробовища таким образом, что со стороны ног или за черепом оставалось свободное пространство для ритуальных даров умершим. Преобладает глубина могильных ям не более 100 см. В засыпи могильных ям зафиксированы угли. Встречены случаи, когда засыпь погребения полностью (Арзбелякский могильник, Сосновая Грива, Отарский) заполнена углем и золой (Никитина, 1992, с. 20, 21). Погребальные конструкции типа классического гробовища обнаружены в менее четверти захоронений. Наиболее распространена погребальная конструкция, представляющая раму из четырех досок, поставленных на ребро, не имеющая дна. Фиксировались также случаи, когда покойника обкладывали с боков только двумя досками или ставили 1 доску. Подобный обряд сохраняет преемственность с захоронениями раннего периода (Никитина, 2012, с. 74). Следуя древним традициям, погребенных укладывали на подстилки из войлока, ткани, луба, дерева, веток хвойных деревьев. Наиболее выражена эта традиция на луговой стороне, на Отарском могильнике в левобережье Волги в 37,2% захоронений фиксируются следы подстилок (Никитина, 1992, табл. 10). Костяки лежали в вытянутом положении на спине. Погребенные ориентированы головой на С, СЗ или З с промежуточными отклонениями. Северное направление (С и ССЗ) составляет 10,4%; западное (СЗЗ и З) – 35,1%, преобладает ориентировка на СЗ – 38%. Имеется группа захоронений с южным направлением (ЮЮЗ, ЮЮВ) в ориентировке. Погребенные уложены в лучших одеждах с большим количеством украшений. В могилах обнаружены также орудия труда, оружие, котлы.

В погребальном обряде уже заметны новые элементы, свидетельствующие о переменах в мировоззрении. С распространением христианской веры и укреплением связей с русскими в обряд захоронения входит западная ориентация покойников, которая с середины XVII в., особенно у горных мари, становится преобладающей. В этот период, очевидно, появляются представления мари о стране умерших на западе. В XIX вв. известный этнограф И.Н. Смирнов отмечал у мари обычай провожать покойника с поминок «в поле, на запад от деревни» (Смирнов, 1889, с. 128). Все чаще удается зафиксировать уложенные на груди, иногда скрещенные, руки. Могильные ямы становятся глубже. В отдельных могильниках на горной стороне захоронения с глубиной

ямы более 100 см составляют более 30% (Чермышевский, Салмандаевский II). В погребениях середины XVII в. горной стороны встречаются кресты.

Вышеперечисленные новые явления в погребальной обрядности чаще зафиксированы в погребениях горной стороны, у мариюского населения которой значительно раньше установились тесные контакты с русскими. Аналогичные процессы, но в более вялой форме, происходят и в среде луговых мари. До середины XVII в. луговые мари хоронили умерших в основном головой на запад или северо-запад, а головой на северо-запад – запад положено лишь 9% погребенных. В могильниках второй половины XVII–XVIII вв. количество погребений с западным положением умерших увеличивается до 22,5%.

Усилению процесса проникновения христианства в языческие верования местного населения способствовало строительство городов и монастырей (Свято-Успенский на Зилантовой горе г. Казани, Свяжский Богородице-Успенский, Свято-Троицкий в Чебоксарах мужские монастыри) и поощрительная политика русских царей по отношению к крещеным инородцам. Грамотой царя Федора Ивановича от 18 июля 1593 г. «О новокрещенных татарах...» для инородцев, в том числе и мари, принявших христианство, было установлено создание «новокрещенской» слободы в Казани с церковью и определен приход. Прихожанам предписывалось, чтобы «новокрещенные женились и детей своих женили у русских людей и меж собой на крещеных, и дочери свои давали за русских же людей и за новокрещенных, а в татарскую веру не обращались, и с татарами и с немцы не сходились, и некрещенных татар, и черемиса, и чуваша, и немецких полоняников и полонянок у себя не держали, а которые новокрещенцы прижили с некрещеными татарскими и немецкими полонянками, и они б тех своих детей крестили ж, и татар, и черемису, и чувашу, и полон немецкой и литовской, которые у них служат, крестили же бы, а которые татарове и черемиса не крестятся, и они б их поотпускали или распродали татарам и черемиса и чувашане» (Никольский, 1920, с. 38)

В этот период складывается этнографический костюм, бытующий до XX в. Шарпан-нашмак, височные украшения-лунницы и в форме несомкнутого кольца, один конец которого загнут внутрь и имеет дополнительные привески, шейные украшения-воротники, пластинчатые застежки-сюльгамы с геометрическим орнаментом из насечек, нагрудные декоративные украшения типа «ширкамы» и «почкамы», овально-щитковые перстни с нарезным орнаментом, наконники «юпинэ» найдены в массовом количестве в мариюских

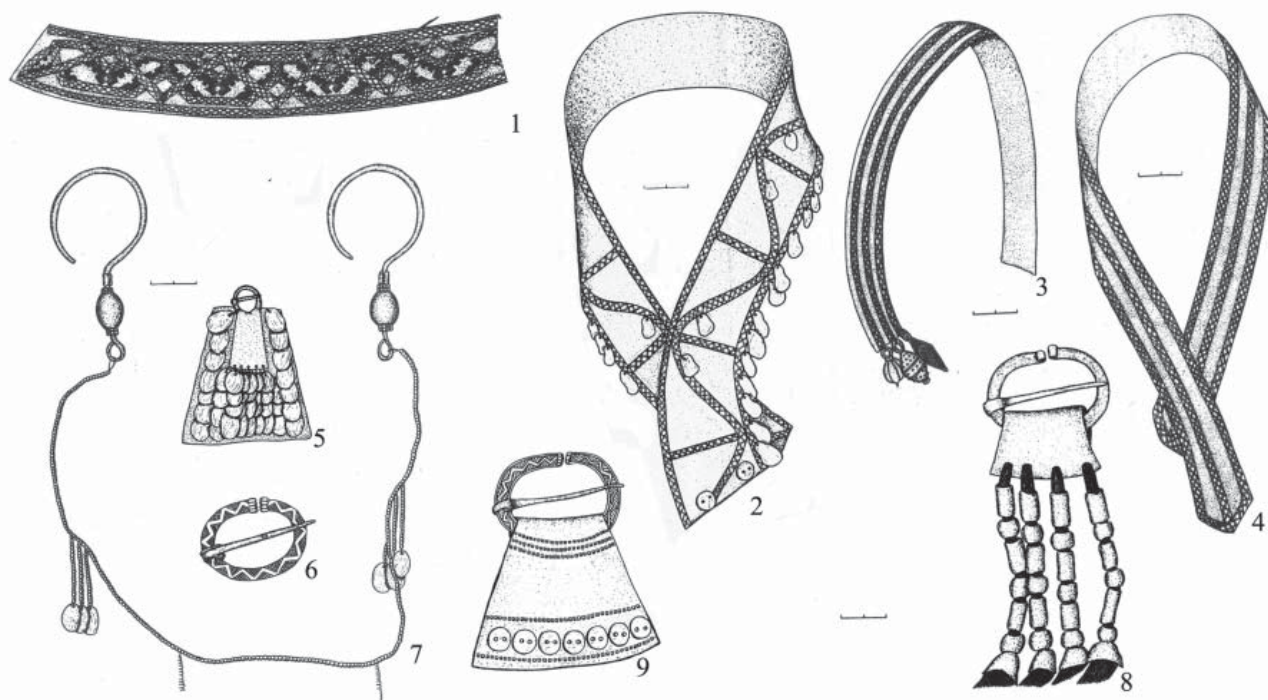

Рис. 2. Украшения из могильников XVI – начала XVIII вв.:

- 1 – «нашмак», погр. 20, Выжумский могильник; 2 – головная повязка, погр. 20, Картуковский могильник;
 3, 4 – шейные воротники или окантовка выреза рубахи Картуковский могильник (3 – погр. 19; 2 – погр. 8);
 5 – нагрудное украшение «ширкама», погр. 22 Выжумский могильник; 6 – застежка-сюльгама, погр. 1 Картуковский могильник; 7 – височные кольца и шейное украшение, погр. 14 Важнангерский могильник;
 8, 9 – нагрудное украшение «почкама» Арзобелякский могильник (8 – погр. 59; 9 – погр. 45)

могильниках и являются этноопределяющими индикаторами марийской культуры (рис. 2: 3). В костюмном комплексе существенно сокращается использование металлических украшений. Традиционные сюжеты (уточки, коньки, вода и т. д.) из металлической пластики перенесены в орнаментацию вышивки (рис. 2: 1). В составе украшений стали использоваться монеты или подражания им, бусы и позумент. Преобладают украшения, изготовленные методом холоднойковки.

По особенностям погребального обряда и материальной культуры четко фиксируются локальные группы марийских памятников, которые соответствуют известным до настоящего времени этнографическим группам марийского народа. Группа горных мари представлена памятниками на правом берегу Волги в пределах современного Горномарийского района Республики Марий Эл и двумя могильниками (Большепольский, Выжумский) на р. Ветлуге. К этому кругу памятников близки одновременные могильники на территории современного проживания чуваш-вирьял и анат-енчи (Шикаева, 1985).

Левобережье Волги, центральные районы современной Республики Марий Эл, бассейны рек Большой и Малой Кокшаги, Илети, правобережных притоков Средней Вятки в XVI–XVII вв. на-

селены луговыми марийцами. На этой обширной территории марийские памятники имеют локальные различия, потому они разделены на собственно луговые и вятские. В бассейне р. Вятки расположены по речкам Ноле, Уржумке, Буй, Пижме.

Марийское население всех групп имело общий уровень социально-экономического развития, одинаковый хозяйственный уклад, близкую материальную культуру и идеологические представления.

Наиболее ярко различия между группами отражены в женском костюме. У горных мари значительно разнообразнее набор головных уборов. *Шарпан-нашмак* и *ошпу* носили женщины только этой локальной группы. *Шапочка-такья*, кроме горных, встречается также в могилах вятских мари. Вятские женщины носили своеобразный высокий берестяной убор *шурка*. Несколько отличаются шейные украшения. Кроме ожерелий из бус, которые носили все марийские женщины, луговые иногда использовали в качестве материала для своих ожерелий бронзовые или серебряные орнаментированные бляшки, раковины-каури, а горные (как мужчины, так и женщины) носили воротники-ожерелья (или использовали обшивку горловины рубахи) из красной ткани, расшитой позументом. В редких случаях (Грековский мо-

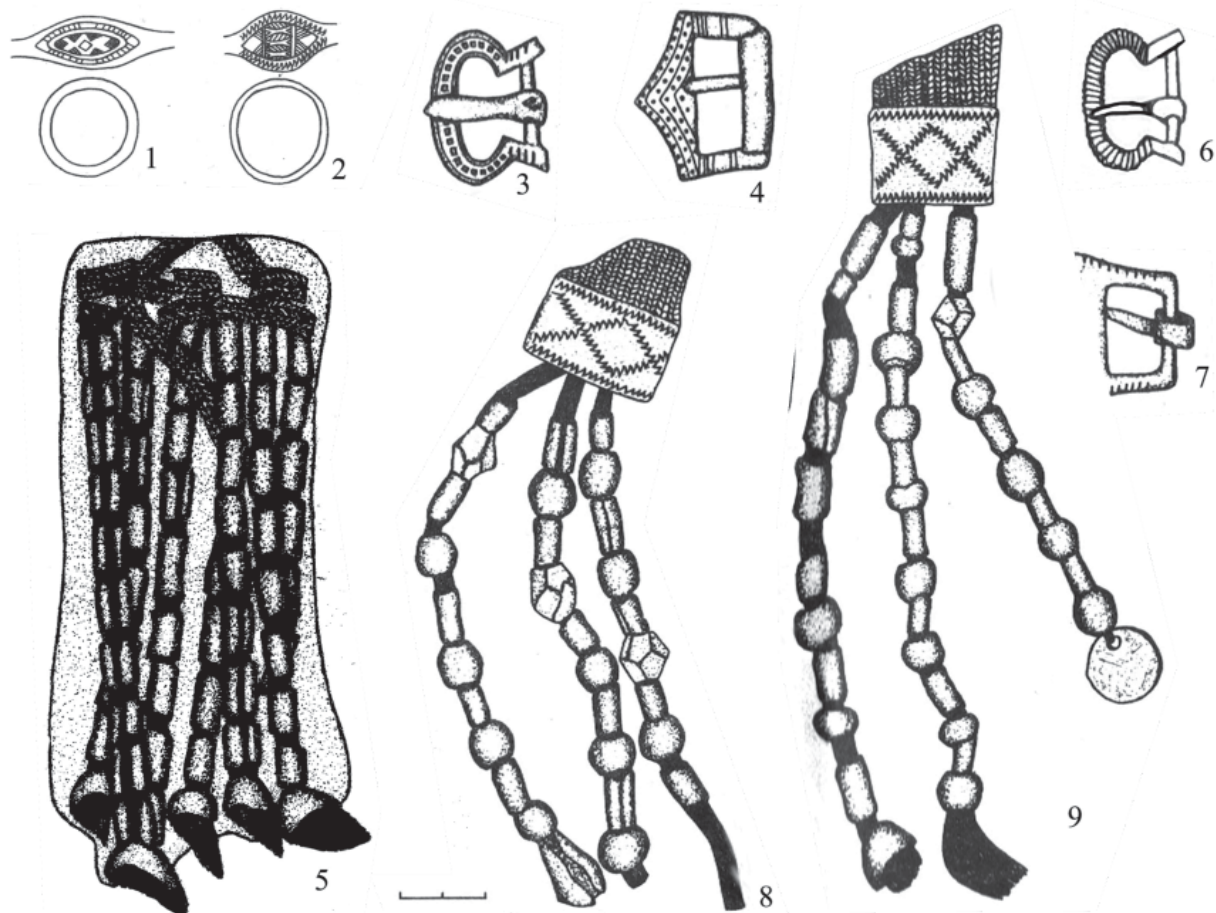

Рис. 3. Украшения из могильников XVI – начала XVIII вв.

1 – перстень, погр. 1 Паратмарский могильник; 2 – перстень, погр. 5 Арзобеляжский могильник; 3, 6, 7 – пряжки, погр. 122 Картуковский могильник; 4 – пряжка, погр. 3 Салмандаевский II могильник; 5 – поясное украшение «юпин», погр. 5 Янгосовский могильник; 8, 9 – украшение концов пояса, погр.; 10 – Мало-Кугунурский могильник

гильник) такие воротники зафиксированы у вятских мариек. В погребениях горных мари более многочисленны и типологически разнообразны простые сюльгамы, выполняющие роль застежки, а декоративные сюльгамы с кожаным щитком, получившие название «почкама», «ширкама», чаще встречаются в захоронениях луговых мари. Существуют различия в оформлении поясов. Концы поясов горных и вятских мари крепились с помощью пряжки. Луговые завязывали их узлом и концы богато украшали бронзовыми обоймами, шерстяными шнурами, бусами и монетами. Пряжки на луговой стороне встречены лишь в Отарском и Арзобеляжском могильниках, расположенных на р. Волге (поэтому контакты населения, оставившего эти могильники, с горными марицами не исключены).

Различия между этнографическими и локальными группами марицких памятников объясняются не столько особенностями формирования марицкой народности, а в большей степени этно-

культурными и торговыми связями на последующих этапах исторического развития.

Народный костюм, реконструированный по материалам марицких могильников, расположенных в центральных районах Марицкой республики, как и погребальный обряд этого населения, сохраняет больше традиционных марицких черт, несмотря на то, что эти памятники относятся к довольно позднему периоду. У горных мари проявляется больше общих моментов с западными соседями: мордвой (как эрзей, так и мокшей), русскими. В результате марицко-мордовских контактов в погребальную обрядность марицкого населения проникли такие черты, как захоронение женщин и детей с подогнутыми ногами, южная ориентировка погребенных, характерные только для мокшанских захоронений, а в костюмный комплекс были включены разнообразные типы сюльгам и пряжек, особенно из ложновитой проволоки, возможно, головное украшение «ошпу», напоминающее мордовский «венец», и т. д. Более

того, марийские могильники с юго-западной ориентировкой (Важнангерский, Замятинский, Паратмарский, Пайгусовский) довольно компактно концентрируются на определенной территории современного проживания горных мари, рядом с которой имеются деревни с типично мордовским топонимом «лей» в названии (Сарлейкино, Шапкилей). Они также имеют ряд других особенностей: вещи в засыпи, кости животных в засыпи и в могиле, значительный процент преднамеренно поврежденного колюще-режущего инвентаря и т. д., сближающих их с мордовскими мокшанскими захоронениями.

Многочисленные общие моменты в материальной культуре и верованиях мари и мордвы-эрзи возможно объяснить историей формирования обоих народов и их многовековыми соседскими контактами. Намного сложнее разобраться в марийско-мокшанских параллелях, хотя не столь многочисленных, как марийско-эрзянские, но достаточно красноречивых. Их нельзя объяснить только совместным развитием обоих народов на ранних этапах истории. Несомненно, что этнокультурные связи мари и мокши относятся ко II тысячелетию н. э. Например, обряд скорченного захоронения у мордовских женщин появился во II тысячелетии н. э. как заимствованный от кочевых племен (Алихова, 1958, 74). Естественно, что мари могли перенять этот элемент обряда только при наличии контактов в более поздний период. Уже на материалах Руткинского могильника XII–XIII вв. можно проследить проникновение обряда скорченного захоронения и юго-западной ориентировки в марийскую среду. Видимо, во II тысячелетии н. э. существовали определенные зоны контактов мари и мордвы-мокши. Вероятно, это было связано с инфильтрацией небольших групп мокшанского населения на северо-запад от основной территории их проживания. По свидетельству Т.М. Евсеева, в середине XIII в. часть мокшанского населения переселилась в приволжские районы к югу от Казани (Козлов, 1958, с. 48). Но эта территория могла быть и шире. В северной Чувашии имеется населенный пункт с названием Мокшино, свидетельствующий о прежнем проживании здесь мокши. Согласно карте В.А. Нестерова, мордовская топонимика неоднократно встречалась в правобережье Чувашского Поволжья (Нестеров, 1980, схема 5), которое могло быть зоной марийско-мокшанских контактов.

Преобладание западной ориентации, появление крестов, наличие глубоких захоронений в результате влияния русских (особенно христианства) на погребальные языческие традиции местного населения оказались более сильными на горной стороне, население которой издавна поддерживало тес-

ные контакты с русскими, чему способствовала и география проживания на р. Волге этой группы населения.

Обращает внимание сходство могильников Горномарийского района с могильниками северо-западной Чувашии. Вопрос об этнокультурной принадлежности памятников северо-западной Чувашии остается спорным до настоящего времени. Большинство из них располагалось на территории этнографических групп чуваш-вирьял и анат-енчи (Каршлыхский, Яндашевский, Юнга-Посынский, Мартыновский, Толиковский, «Кереметь-Кады», «Тубак мазар»), только два – Бахтигильдинский и Тегешевский – на территории низовых чуваш-анатри. Но на Бахтигильдинском, по мнению чувашских историков (Дмитриев 1956, с. 178) и исследователей этого памятника, хоронили верховые чуваша (Каховский В., Каховский Б, 1978, с. 94). Материалы изученных могильников обобщены и интерпретированы Б.В. Каховским, который отнес их к чувашским древностям (Каховский, 1981).

Сравнительный анализ этого материала с погребальными памятниками горных мари показал их близость и позволил автору данной работы объединить памятники Марийско-Чувашского народа в один культурный круг, связанный с марийским этносом (Никитина, 1992).

Своеобразной является группа вятских марийских могильников, занимающая промежуточное положение между горными и луговыми. Ряд элементов – шапочка-«такья», разнообразные височные кольца в форме знака вопроса, ожерелья-воротники, сьюлгамы из круглой проволоки, пряжки – сближает их с горномарийскими могильниками. Очевидно, население, оставившее горные и вятские позднесредневековые могильники, имело когда-то непосредственные связи. О том, что марийское население пришло на р. Вятку с р. Волги, свидетельствует и устное народное творчество марийцев: легенды, предания, молитвы. Однако в погребальном обряде вятские могильники ближе к луговым могильникам. Для них свойственны: северное направление в ориентации умерших, наличие подстилок из войлока, пихтовых и еловых веток под погребенными, многогранное проявление культа огня и т. д. На территории размещения вятских памятников, подобно луговой, известно много языческих мольбищ XVII–XVIII вв. Новые черты, связанные с влиянием христианства, успевшие проникнуть в горномарийские памятники, в могильниках вятских марийцев не прослеживаются. Вероятно, переход части населения с Волги произошел еще до того времени, когда верования марийцев начали испытывать новые влияния со стороны русской православной веры, т. е. до середины XVI в. Поэтому христианские верования

еще не наложили отпечатка на представления будущего вятского населения, и древнеязыческие элементы в похоронной обрядности были перенесены на новую территорию, сохранившись здесь, как и у луговых, на длительное время.

Вятские памятники обладают и некоторыми особенностями: высокие берестяные уборы «шурка», редкое использование декоративных нагрудных украшений и «юпинэ» сближают их с синхронными могильниками удмуртов. Проник-

новение их в культуру марийских могильников объясняется длительным процессом ассимиляции марийцами древнего удмуртского населения, проживающего на Вятке. Процесс этот в отдельных районах продолжался до XX в.

Со второй половины XVI в. началось переселение части марийцев в Закамские земли и формирование этнографической группы восточных мари (Сепеев, 1975).

ГЛАВА 2

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОРДВЫ XVI – НАЧАЛА XIX ВВ.

Археологическое изучение позднесредневековых могильников мордвы началось в 1869 г. с исследования курганно-грунтового могильника мокши у с. Рыбкино (ныне Кочкуровский район Республики Мордовия) (Ауновский, 1869, с. 92). Чуть позже в поле зрения любителей старины попали и грунтовые могильники. В 1880 г. по поручению Казанского Общества естествоиспытателей местный краевед Чугунов исследовал два могильника эрзи у сел Атяшево и Шугурово (ныне Атяшевский район Республики Мордовия) и мокши у с. Возжай (Смирнов И.Н., 1892, с. 179). В конце XIX в. пензенский краевед В.М. Терехин провел небольшие раскопки Рыбкинского, Старошиндровского (Привольевского) (ныне – Республика Мордовия) и Коржевского могильников в Пензенской губернии (Терехин, 1890). К сожалению, материалов исследований не сохранилось.

В 1892 г. члены Санкт-Петербургской Императорской Археологической комиссии обследовали территорию от Краснослободска вниз по течению р. Мокши. Это была первая разведка на территории Республики Мордовия, в результате которой было открыто семь могильников мордвы XVI–XVIII вв. (Смирнов И., 1895). В том же году И.Н. Смирнов начал исследование Мордовско-Паркинского могильника и совместно с А.А. Спицыным продолжил раскопки могильника у с. Рыбкино (Смирнов И., 1892; Спицын, 1892).

После создания Ученых архивных комиссий в губернских городах Тамбове, Саратове, Нижнем Новгороде, Казани и других к раскопкам подключились местные исследователи. В 1896 г. симбирский ученый В.Н. Поливанов осуществил раскопки на Атяшевском I и Сабанчеевском могильниках (ныне – Республика Мордовия) (Поливанов, 1925). Последний привлек внимание и финского ученого Г.И. Гейкеля. В 1901 г. он исследовал участок могильника и «вещи из 50–60 могил взял с собой» (Степанов, 1969). В 1913 г. любитель старины Богодуров по поручению Нижегородской УАК раскопал два кургана Коринского могильника в Нижегородской губернии (Горюнова, 1948, с. 56). В 1914 г. члены Саратовской УАК М. Радищев и Б. Федоров исследовали несколько погребений Старо-Яблонского и Старо-Печеурского

могильников в Саратовской губернии (Радищев, 1914, с. 145–147; Федоров, 1914, с. 138–144).

В конце XIX – начале XX вв. проводилась рекогносцировка отечественных древностей, ученые вскрывали по 1–3 погребения для выяснения их даты и этнической принадлежности. Полевая работа велась зачастую на примитивном, с точки зрения современных методик, уровне, подробные описания захоронений и рисунки вещей отсутствуют.

В 20-е гг. XX в. началось целенаправленное археологическое изучение древностей мордвы, территория исследования значительно расширилась, включив Пензенскую и Горьковскую, отчасти Саратовскую области. В 1925–1928 гг. большую работу по изучению мордовских могильников XVI–XVIII вв. провели сотрудники палеоэтнологического отряда при НИИ Антропологии МГУ под руководством археолога и антрополога Б.С. Жукова. Одновременно изучались соматическая и этническая антропология, народоведение, палеоантропология и палеоэтнология. А.Е. Алихова и М.В. Воеводский обследовали регион проживания мордвы, сотрудник Центрального музея народоведения Е.И. Горюнова продолжила раскопки курганно-грунтовых Коринского и Сарлейский могильников. Под руководством М.В. Воеводского и Е.И. Алиховой осуществлены также полевые работы на Кужадонском, Тоторшевском, Парапинском, Старо-Дракинском (Республика Мордовия) Большемакателемском, Кардовильском, Ревезенском (Нижегородская губ.) и Бутском (Пензенская губ.) могильниках (Жуков, 1927).

В этот период активно проводили раскопки работники местных музеев, археологи-любители и краеведы. Материалы раскопок Нижневолжского краевого музея представлены в обобщающей статье Н.К. Арзютова «Мордва 17–18 вв.» (Арзютов, 1932). Исследования проведены в Пензенской (Армиевский 2, Старо-Яксарский, Мачкасский, Усть-Узинский) и Саратовской губерниях (Сучкинский 1 и 2). Саратовские ученые А.А. Кротков и А.А. Гераклитов в 1927–1928 гг. вскрыли несколько погребений Дигилевского могильника.

В 1925 г. была создана археологическая карта Пензенской губернии, где впервые указаны позд-

ние мордовские могильники Аловский 1, Болдовский, Паевский, Вязовский, Ново-Пырменский, Коржевский и Мало-Мересевский (Спрыгина, 1925).

В 1937 г. А.Е. Алихова в центре Горького раскопала могильник мордвы с христианской символикой (Алихова, 1939). В 1939 г. Е.И. Горюнова исследовала могильники у с. Торжок в Горьковской области и с. Нароватово в Республике Мордовия.

Начинают полевые исследования и саранские археологи. В 1939 г. сотрудник МНИИЯЛИЭ С.П. Вернер вскрыл несколько погребений у с. Нароватово. С приездом в Саранск П.Д. Степанова, ставшего первым местным археологом-профессионалом, в истории археологии Республики Мордовия начался новый этап. В 1940–1941 гг. он провел рекогносцировочные раскопки на могильниках мордвы у сел Адашево, Паево и Лобаски, в 1945–1946 гг. исследовал по нескольку погребений Налитовского, Краснолуговского, Ардатовского, Анютинского и Редкодубского могильников. В 50-е гг. П.Д. Степанов осуществил раскопки пяти захоронений Беловодского могильника в Ульяновской области и Козловского 1 могильника. В итоговой работе П.Д. Степанов привел данные о 59 памятниках мордвы XVI–XVIII вв., 46 из которых были открыты им лично (Степанов, 1969).

После десятилетнего перерыва, связанного с событиями Великой Отечественной войны, полевые исследования поздних памятников мордвы продолжили московские археологи. В начале 50-х гг. антрополог М.С. Акимова исследовала могильники у сел Паево, Новая Пырма, Мордовские Парки и Адашево в Республике Мордовия. Наиболее полно исследован Ново-Пырменский могильник, где на площади 1672 кв. м вскрыто 152 погребения. Однако на большей части памятников было изучено лишь по нескольку захоронений (Акимова, 1951, л. 2).

В 1950-х гг. начались исследования на территории Республики Чувашия: Н.В. Трубникова провела небольшие раскопки на Новоядринском могильнике (АКРЧ, 2015, с. 208–209), П.Д. Степанов обследовал Калугинский 2 и Сыресинский могильники (АКРЧ, 2014, с. 13, 161–162).

С 60-х по 90-е гг. XX в. раскопки поздних могильников мордвы велись достаточно регулярно. М.Ф. Жиганов провел рекогносцировочные раскопки на Тоторшевском (Нижегородская обл.), Журавкинском 3 и Привольском (Республика Мордовия) (Жиганов, 1956; 1958). В 1963 г. краевед из Зубовой Поляны Б.Е. Смирнов открыл Кельгининский могильник (Смирнов Б., 1965). В том же году первым Мордовским отрядом Поволжской экспедиции под руководством А.С. Воскресен-

ского здесь были проведены сначала рекогносцировочные раскопки, а затем совместной экспедицией МордГУ и МНИИЯЛИЭ под руководством Р.Ф. Ворониной – полномасштабные работы (Воскресенский, 1963; Воронина, 1963). В следующем году работы на памятнике продолжила экспедиция МНИИЯЛИЭ под руководством А.Е. Алиховой (Алихова, 1964). В 1966 г. саранский археолог А.В. Циркин продолжил раскопки Кельгининского, исследовал Вертелимский и Мордовско-Паркинский могильники (Циркин, 1965; 1966).

В Пензенской области в этот период М.Р. Полесских раскопал по одному погребению Вязовского и Селиксенского 2 могильников мордвы XVII–XVIII вв. (Полесских, 1960), открыл могильники у сел Татарская Пенделка и Рахмановка («Могильный бугор») (Полесских, 1968).

В 1969, 1971, 1972 гг. отряд Чебоксарской археологической экспедиции под руководством И.С. Вайнера и Ю.А. Краснова, а затем в 2006 г. М.И. Федулова и Е.П. Михайлова продолжил раскопки Новоядринского позднесредневекового могильника в Республике Чувашия. Всего здесь «исследовано 220–230 погребений в неглубоких грунтовых ямах прямоугольной формы». Памятник содержит разновременные слои XIV–XV вв. и XVI–XVIII вв. (АКРЧ, 2015, с. 209). Та же экспедиция в 1975 г. вскрыла 95 погребений Бахтигильдинского могильника XVI–XVIII вв. По мнению В.Ф. Каховского, здесь содержались как мордовские, так и появившиеся позднее чувашские захоронения (АКРЧ, 2013, с. 106–107).

В 1970–1990-е гг. раскопки поздних могильников мордвы осуществляло уже новое поколение археологов. В начале 70-х гг. Ю.А. Зеленева раскопал шесть погребений Дубровского могильника (Зеленева, 1976), А.Ф. Богачев – 11 захоронений Тоторшевского могильника (Богачев, 1979). В 1991 г. сотрудник МордГУ Н.А. Акимов исследовал участок Мордовско-Паркинского могильника (Акимов, 1991). В.Н. Шитов в ходе разведки 1995 г. вскрыл погребение на разрушающемся Нароватовском могильнике (Шитов, 1995).

В 1970-е гг. в ходе целенаправленных разведок экспедиции МРОКМ под руководством В.Д. Артемовой открыты могильники у сел Паракино, Русское Маскино, Старое Ардатово и Старые Селищи.

В 1970 г. Г.И. Матвеева и В.А. Иванов провели первые на территории Самарской области раскопки могильника мокши у с. Шелехметь (Матвеева, 1970; Иванов, 1975). Спустя 25 лет автор данной работы начала целенаправленную полевую работу по изучению мордовских могильников позднего периода. Исследовано 10 захоронений Шелехметского 1 (Малкова, 1996; 2013) и 97 – Конова-

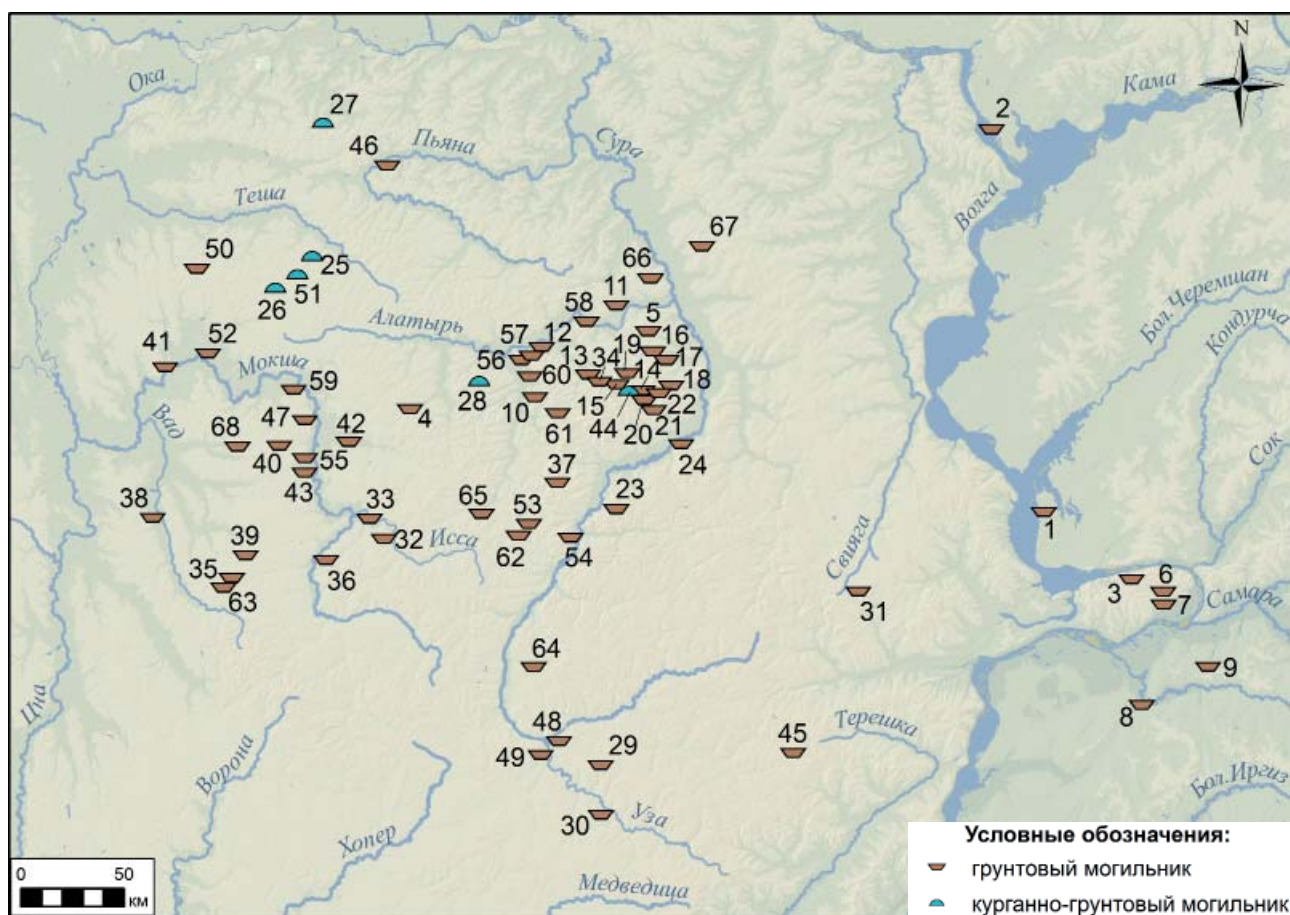

Рис. 1. Карта месторасположения могильников мордвы XVI – начала XIX вв.

- 1 – Верхне-Сусканский; 2 – Карташихинский; 3 – Бахилловский; 4 – Вертелимский; 5 – Чукалинский; 6 – Торновский; 7 – Шелехметский; 8 – Утевский; 9 – Коноваловский; 10 – Козловский; 11 – Редкодубский; 12 – Селищенский; 13 – Дады; 14 – Поводимовский; 15 – Батушевский; 16 – Дюрки; 17 – Аловский; 18 – Кабаевский; 19 – Мордовские Дубровки; 20 – Дубенки; 21 – Ардаворский; 22 – Красно-Луговской; 23 – Налитовский; 24 – Беловодский; 25 – Коринский; 26 – Больше-Макателемский; 27 – Сарлейский; 28 – Лобаски; 29 – Армиевский; 30 – Мачкасский; 31 – Кузоватовский; 32 – Адашевский; 33 – Паевский; 34 – Атяшевский; 35 – Ачадовский; 36 – Бутский; 37 – Дигилевский; 38 – Журавкинский; 39 – Кельгининский; 40 – Мордовско-Паркинский; 41 – Нароватовский; 42 – Привольевский; 43 – Рыбкинский; 44 – Сабанчеевский; 45 – Старо-Печурский; 46 – Ревезенский; 47 – Русско-Маскинский; 48 – Старо-Яксарский; 49 – Усть-Узинский; 50 – Тоторшевский; 51 – Кардовильский; 52 – Торжок; 53 – Ново-Пырменский; 54 – Сабаевский; 55 – Черемисский; 56 – Болдасевский; 57 – Папулевский; 58 – Анютинский; 59 – Стародевиченский; 60 – Вечкуссий; 61 – Отраденский; 62 – Тепловский; 63 – Пичпандинский; 64 – Селиксенский; 65 – Левжа; 66 – Сыресинский; 67 – Бахтигильдинский; 68 – Сучкинский

ловского 1 могильника (Малкова, Морозов, 1996; Малкова, 1998; 1998а; 1998б, 2000).

В 1994 г. совместной экспедицией МордГУ и МРОКМ продолжены раскопки в Кельгино. Исследования велись под руководством В.И. Вихляева в течение семи лет (Вихляев, 1998; 1999; 2000, 2001). Всего на памятнике исследовано 420 погребений, 153 (36,4%) из которых датированы эпохой позднего Средневековья. В.И. Вихляев также провел охранно-спасательные раскопки Русско-Маскинского и Ачадовского могильников (Вихляев, 1979; 1985).

В 1996 г. в Лаишевском районе Республики Татарстан проведены раскопки могильника у с. Карташиха (Газимзянов, 1996).

В 2021 г. в ходе обследования участка, отве-

денного под строительство автомобильной дороги «Обход г. Рузаевка», Ю.В. Григорьевым открыт и исследован грунтовый могильник XVII–XIX вв. с. Левжа в Рузаевском районе Республики Мордовия. На площади 3030 кв. м изучено 590 погребений, материалы находятся в стадии обработки.

Таким образом, область распространения исследованных к настоящему времени могильников мордвы XVI – начала XIX вв. охватывает Республику Мордовию и Чувашию, Нижегородскую, Пензенскую, Саратовскую, Ульяновскую и Самарскую области. Большая часть памятников расположена от междуречья Тешы и Пьяны на севере до нижнего течения Узы на юге, от верховий Мокши и правобережья Вады на западе до бассейна р. Суры на востоке. Небольшая группа могильни-

ков найдена и исследована в Самарском Поволжье (рис. 1).

Грунтовые могильники. Все погребальные памятники мордвы XVI – начала XIX вв. занимали площадку на возвышенном месте – на дюне или мысе, участке (иногда и склоне) первой надпойменной террасы, берега реки или оврага. Границами им служили естественные преграды. Плотность размещения захоронений различна. На каждое погребение Ново-Пырменского могильника приходится 11 кв. м площади памятника, Мордовско-Паркинского – 9, Шелехметского – 8, Русско-Маскинского и Черемисского – 6, Ачадовского – 3 кв. м. Плотность захоронений повышается к XVIII в. Наибольшая зафиксирована в Коноваловке – одно захоронение на каждые 1,5 кв. м, на небольших участках группируются по несколько захоронений при наличии обширных лакун на погребальном поле. Вероятно, это свидетельствует о сохранении крепких семейно-родственных отношений у мордвы.

В Ачадовском, Мордовско-Паркинском, Тоторшевском и Ново-Пырменском могильниках имеются парные погребения. В половине случаев рядом с парами совершено несколько детских захоронений. В северной части раскопа Ачадовского могильника выделяется участок площадью 32 кв. м с детскими погребениями.

На межмогильных пространствах грунтовых могильников зафиксированы свидетельства совершения ритуальных жертв – целые сосуды, фрагменты керамики, уголь, кости животных и украшения костюма. На Редкодубском могильнике жертвенные остатки располагались в кострище диаметром 0,92 м. Здесь найдены: обожженный череп коровы, коровья бабка и фрагменты керамики (Степанов, 1946, л. 489). Кости животных и огромное количество керамики обнаружены в межмогильном пространстве Ачадовского могильника (Вихляев, 1985, с. 5–6). На площадке Шелехметского могильника выявлены развалы четырех сосудов.

Вещевые жертвы или «дары» найдены в межмогильном пространстве Ачадовского и Тоторшевского могильников. В Ачадово они представляли собой семь украшений костюма, располагавшихся «по отдельности» (Вихляев, 1985). На Редкодубском могильнике местные жители находили «сундучки» с вещами и инструментами (Степанов, 1969, с. 87).

У мордвы в XVI–XVII вв. существовал обычай «умерщвления вещей» в ходе погребального либо поминального обрядов. Так, рядом с женским погр. 7 Тоторшевского могильника в области ног на глубине 20 см располагался жертвенный комплекс из сцепленных между собой сьюльгам,

бронзового бубенчика и нескольких бус. Часть предметов смяты или поломаны (Богачев, 1978, с. 164–165). Эта традиция фиксировалась еще в могильниках мокши XIII–XIV вв. (Петербургский, Аксенова, Гришаков, Первушкин, 1990, с. 72), просуществовала до конца XIX в., что отражают этнографические данные (Смирнов, 1895, с. 192).

Редко (2,9% захоронений) погребения отмечены на поверхности деревянными столбиками. Два таких погребения принадлежат эрзе (Беловодский, Коноваловский) и два – мокше (Ачадовский, Кельгининский). Интересно, что в захоронениях эрзи столбик зафиксирован справа от черепа, а мокши – слева. Скорее всего, это локальная традиция.

В 43,8% захоронений грунтовых могильников присутствует погребальная конструкция: гробовище, колода, сруб, подстилка, покрывало, саван. Чаще всего хоронили в гробовищах (35,5% погребений). Наибольший процент таких захоронений зафиксирован в Коноваловке (83,6%), Кельгинино (53,6%) и Русско-Маскино (45%). Эта традиция бытовала как у эрзян, так и у мокшан. Гробовища Беловодского могильника были изготовлены из толстых досок, концы боковых стенок выступали за поперечные. Накрывала их доска, вытесанная из дуба. Гробовища в Кельгинино чаще всего сделаны из тонких досок или коры (Беляев Я. и др., 1998, с. 10).

Более четверти (26,5%) грунтовых могильников содержали погребения в колодах. Все захороненные в Армиевском 2 могильнике в Пензенской области были уложены в колоды. В целом для позднесредневековой мордвы это достаточно редкая традиция, характерна для 3,5% погребений, среди них как эрзянские, так и мокшанские. Размеры колоды определялись антропометрическими характеристиками умершего. Колода из женского погр. 72 Коноваловского могильника выдолблена из цельного ствола дерева, предположительно сосны. Конструкция имела корытообразную форму, более узкую в верхней части (рис. 2).

4,6% захоронений грунтовых могильников содержали подстилку: лубяную (45,8%), войлочную (33,3%) или деревянную (20,8%). Традиция отмечена в Нароватово (16,7% погребений) и Кельгинино (7%).

Покрывало (тонкий слой дерева) обнаружено в расположенных рядом могильниках мокши – Нароватовском и Кельгининском. Вероятно, данная традиция является локальной.

Все захоронения мордвы XVI – начала XIX вв. в грунтовых могильниках совершены в простых прямоугольных ямах, параметры которых определены антропометрическими характеристиками

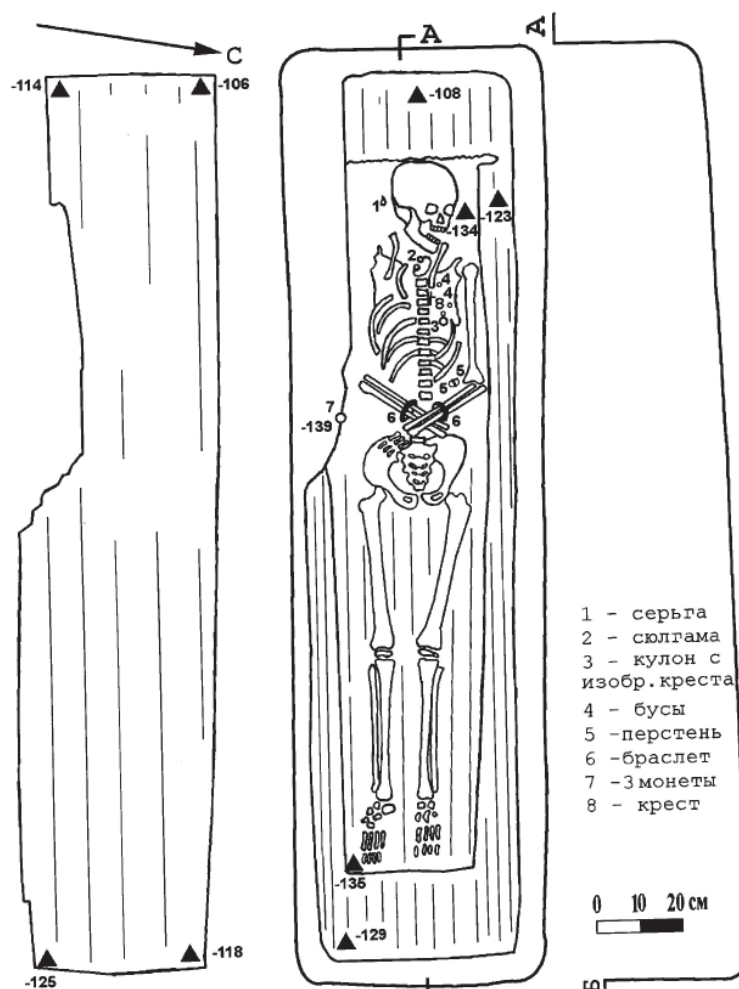

Рис. 2. Коноваловский могильник, погребение 72

погребенного (рис. 3). Стенки ям в большинстве случаев отвесные. Глубина составляла от 51 до 100 см (49,5%), 10–50 см (27,5%), 101–160 см (9,8%). В XVI–XVII вв. ямы были глубже (Вертелимский, Тоторшевский и др.), чем в более позднее время (Русско-Маскинский, Коноваловский и др.). В Кельгинино ямы имели глубину 10–30 см или 60–90 см, в Коноваловке – 41–80 см, Ачадово – 61–110 см.

О ритуалах, совершаемых мордвой в ходе погребального обряда, свидетельствуют находки костей животных, фрагментов сосудов и угольков в заполнении могильных ям. Костные остатки домашних животных (челюсти и зубы крупного и мелкого рогатого скота, кости курицы) зафиксированы в 13,7% захоронений. Их помещали рядом с умершим (10,2%) и в засыпи.

Традиция помещения с умершими куриных костей и скорлупы яиц характерна как для эрзянских, так и мокшанских грунтовых захоронений (Малкова, 1999б, с. 247–249). Располагались они чаще всего на груди или поясе. Куриные кости в Кельгинино содержали 17 погребений (11%): детские (47%) и женские (35%). Впервые этот обычай

появился у мокши в XII в., позднее заимствован эрзей и просуществовал у обеих этнических групп до конца XIX в. Скорлупа обнаружена в женских и детских захоронениях XVII–XVIII вв., в более позднем Коноваловском могильнике – и в мужских. В Бутском могильнике XVII–XVIII вв. скорлупу яиц содержали 40% погребений.

В 14 грунтовых могильниках (36,8%) в заполнении 26 погребальных ям (4,7%) найдены угольки. Из них шесть могильников относятся к эрзе, остальные – к мокше, скорее всего, данная традиция не является этноопределяющей в исследуемый период.

Фрагменты керамики содержали заполнения 29 погребений (5,3%) 10 грунтовых могильников (26,3%). Только относительно 12 погребений можно достоверно утверждать, что они не происходят из более раннего культурного слоя. Большинство оставлено мокшанским населением.

Локальная традиция помещения камня(-ей) в могильную яму (18,3% погребений) отмечена в расположенных рядом памятниках мокши XVII – первого десятилетия XVIII вв. Ачадово и Кельгинино. В большинстве случаев камень клали

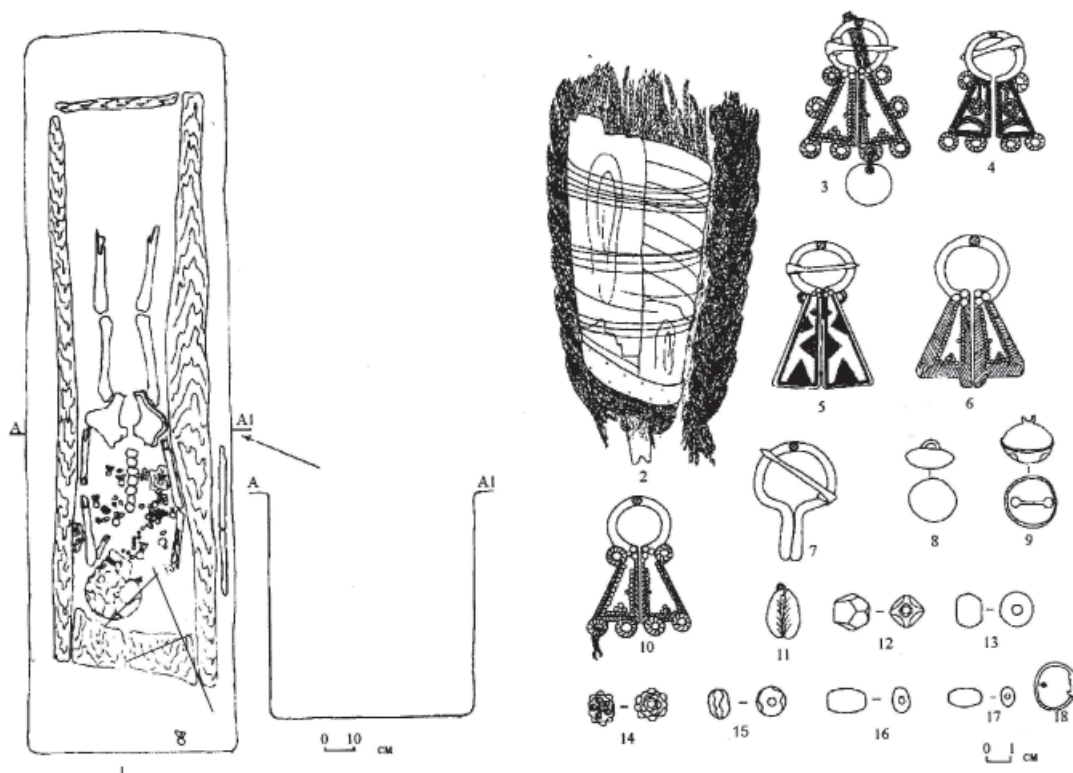

Рис. 3. Кельгинский могильник, погребений 161.

1 – план погребения, 2 – накосник, 3–7 – сюльгамы, 8, 9 – подвески, 11–17 – бусы, 18 – серьга

в ноги или у черепа.

Антропологические определения были сделаны для 73 костяков Коноваловского могильника (Малкова, 2000). Тринадцать погребенным из позднесредневекового слоя Кельгинино дана краниометрическая характеристика (Лошкарёв и др., 2015, с. 71–79).

Все погребенные в грунтовых могильниках мордвы XVI – начала XIX вв. уложены на спину с вытянутыми ногами. Исключение составляет детское захоронение 338 в Кельгинино, где погребенный располагался на правом боку. В XVI–XVII вв. преобладало вытянутое положение рук, или руки были чуть согнуты в области тазовых костей. В более позднее время в большинстве случаев руки уже располагались в области пояса или груди, что, возможно, связано с проникновением христианской религии.

Шесть погребений грунтовых могильников XVI – середины XVIII вв. не содержали костяков. В двух из них (Ачадовский, погр. 39, 40) обнаружены украшения, в одном (Русско-Маскинский, погр. 13) – сосуд, остальные были безынвентарными.

В восьми погребениях семи грунтовых могильников обнаружены парные захоронения, это редкая традиция (1,5%). В Привольевском и Мордовско-Паркинском могильниках один из погребенных захоронен на 8–10 см глубже второго (в одном случае мужчина, в другом – женщина).

Можно предположить некоторую разницу во времени их захоронения. Все пары сопровождалась инвентарем – монеты, нож, кресало (71,4% каждая категория), дары (42,9%), в одном из погребений – пряслице. Лишь детское парное захоронение в Ачадово было безынвентарным.

В Мордовско-Паркинском и Тоторшевском грунтовых могильниках XVII в. зафиксировано пять вторичных захоронений вне погребальных конструкций. Данная традиция восходит к эпохе раннего Средневековья, чаще зафиксирована в пензенской и северной группах могильников (Зеленева, 1987, с. 96).

Около половины погребений в грунтовых могильниках имеют западную с небольшими отклонениями ориентировку, преимущественно к югу. Традиция положения умерших головой на запад становится устойчивой начиная с XVII в. Ее появление можно связать с проникновением христианских канонов в погребальный обряд мордвы. Треть погребенных в грунтовых могильниках имеют южную с отклонениями ориентировку. Южная ориентировка для мордвы мокши была основной еще с первой половины I тыс. н. э. (Зеленева, 1987, с. 95), преобладала и в XII–XIV вв. (Беляев Я., 1987, с. 81). Северная с различными отклонениями ориентировка зафиксирована лишь в 6,3% захоронений. Северная и ССЗ ориентировка характерна для памятников выше верхнего течения Мокши. Захоронения с северо-восточ-

ной ориентировкой доминируют в Ардатовском и Ново-Пырменском могильниках на правом берегу среднего течения Суры. Единственное погребение с такой ориентировкой зафиксировано в Мордовско-Паркинском могильнике на правом берегу Мокши. Незначительное количество захоронений (2,5%) имеют восточную с небольшими отклонениями к северу и югу ориентировку. Три памятника с такой ориентировкой расположены на правом берегу среднего течения Суры (Беловодский), междуречье Суры и Алатыря (Козловский) и правобережье среднего течения Мокши (Мордовско-Паркинский). Для Беловодского и Мордовско-Паркинского могильников это доминирующая ориентировка.

Погребальный инвентарь грунтовых могильников мордвы XVI – начала XIX вв. отличается большим разнообразием типов. С одной стороны, до начала XVIII в. продолжили свое существование некоторые традиционные формы, известные в памятниках мордвы еще с XI–XIV вв. С другой стороны, в связи с политическими и социально-экономическими событиями и благодаря тесному общению мордвы с другими этносами некоторые формы предметов исчезли, другие – видоизменились, появились и новые. В качестве погребального инвентаря рассмотрены орудия труда, охоты и рыболовства, предметы быта, монеты, а также символы христианской веры.

Ножи обнаружены в 64 захоронениях (11,7%), большинство принадлежало мужчинам (82,8%), женщинам – 10,9% и детям – 3%, возможно мальчикам. В мужском погр. 11 Нароватовского могильника найдено сразу два ножа. Чаще всего он помещался в области таза/бедр (73,6%), возможно подвешивался к поясу. В шести погребениях зафиксированы остатки кожаных ножен.

Топоры – достаточно редкая находка для грунтовых могильников (4,2% мужских погребений), располагались в районе таза/бедр. В погр. 2 Анютинского могильника нож был обращен острием вверх. Погребения с топором датируются не позднее начала XVIII в.

Кочедыки для плетения лаптей зафиксированы в 3,4% погребений, все – мужские. Располагались кочедыки между большими берцовыми костями. В Кельгинино, погр. 341, кочедык находился под гробовищем, в ногах.

Кресала для высекания огня клали в мужские погребения (29%), чаще всего у тазовой кости/бедр. Кресало из Нароватово, погр. 6, было сломано, в погр. 1/2 Рузлатского могильника – подвешено к поясу на цепочке. В захоронении 28 Мордовско-Паркинского могильника обнаружено сразу два кресала. В 21% погребений рядом с кресалом располагался кремль. Захоронения с крем-

нями более ранние, они датируются XVI–XVII вв. Для могильников мордвы X–XV вв., например, Кельгининского, Ефаевского и др., находки кресала и кремня были обычным явлением.

В указах с середины XVII в. железные изделия называют «заповедным товаром». Нерусским народам предписывалось, чтобы они «кузнечного и серебряного дела не делали» (Димитриев, 1982, с. 15). Орудия труда покупали в городах по специальному разрешению и в строго ограниченном количестве. Исчезновение у мордвы обычая помещать в могилы орудия труда и охоты связано с их дефицитом, возникшим из-за подобных указов, а также проникновением христианских традиций в погребальную обрядность.

Пряслица найдены в 16 женских погребениях (2,9%), располагались они в ногах, у черепа, кисти руки или области таза.

Серп положен в трех женских погребениях в Тоторшево. В двух случаях он располагался в районе пояса (рис. 9: 2), в одном – у левой голени. Погребения с серпами зафиксированы на правобережье р. Теши XVI–XVII вв. в Нижегородской области.

Кечказ – инструмент для вышивания – содержали 3,1% женских погребений, преимущественно слева от черепа.

Иглу содержали женские погребения могильников Кельгинино и Сучкино 1. В двух захоронениях Кельгинино она располагалась на уровне пояса/таза. В погр. 396 девочки до 14 лет игла вместе с шилом находилась у челюсти, в кожаном игольнике с железным зажимом. Погребения датируются XVII – первой половиной XVIII вв.

Наперсток встречен в четырех женских погребениях. Два наперстка из Ачадово (погр. 32) и Кельгинино (погр. 164) имели отверстие сбоку, скорее всего были подвешены к ожерелью. Возможно, они имели и утилитарное, и декоративное назначение. В погр. 387 Кельгининского могильников на груди обнаружены два наперстка.

В единичных случаях найдены шило, костяной инструмент, предположительно для работы с кожей, тесло, оселок (точильный камень) и наконечники стрел.

Глиняные сосуды содержали 4% погребений грунтовых могильников, половина из них – детские, 22,7% – женские, 9% – мужские. Интересно, что в четырех захоронениях сосуд был помещен дном вверх (Тоторшево и Ачадово). Самый распространенный вариант расположения сосуда – у черепа (50%), а также в засыпи могилы, на погребальной конструкции, и в ногах. Возможно, лепную посуду изготавливали специально для погребения, поскольку она отличалась небрежностью изготовления и была довольно примитивна для своего времени.

Гребни встречены в девяти погребениях (1,6%), большинство из которых женские, одно мужское и одно детское. Гребни располагались в области пояса, таза/бедер или груди. Вероятно, подвешивались на груди или поясе.

Кошельки найдены в семи мужских погребениях, чаще всего у кистей рук, в области тазовых костей или бедер. Часто в кошельке была одна или 3–4 монеты, как в Коноваловском и Старо-Печурском могильниках.

К редким находкам относятся пинцет (погр. 22 Мордовские Парки), бронзовая гирька с циркульным орнаментом (погр. 260 Кельгинино) и слиток металла (там же, погр. 166).

Монеты обнаружены в 181 погребении (32,8%) 23 грунтовых могильников (63,8%). В 28,1% захоронений они являлись предметом погребального инвентаря, поскольку не имели отверстия для подвешивания. 4,9% погребений содержали монеты в качестве украшения костюма. 3,1% захоронений содержали монеты и в качестве погребального инвентаря, и в составе украшений. Наиболее характерна традиция помещения монеты для Тоторшевского (56,3% погребений), Ачадовского (43,8%), Кельгининского (37,2%), Мордовско-Паркинского (35,7%) и Шелехметского 1 (33,3%) могильников. Чаще всего их клали в области черепа (59%), а также таза (22%), груди (9%) или пояса (7,8%). В пяти погребениях могильников Коноваловского, Мордовско-Паркинского, Рузлатского и Старо-Печурского монеты были положены в кошелек или кيسет, расположенный у бедра или таза. В Коноваловке зафиксирована традиция скобления монет. Можно предположить, что она появилась не ранее конца XVIII в.

В грунтовых могильниках позднесредневековой мордвы зафиксированы случаи размещения украшений в нетипичном для их ношения месте. Например, сьюльгама и перстень под черепом женщины в Нарово, погр. 22. Или браслет и сьюльгама за черепом женщины в Тоторшево, погр. 8. Достоверно можно отнести 20 случаев (3,6%) к погребениям с дарами или жертвенными вещами. В одном захоронении помещали от одной (68,4% погребений) до 18 (погр. 1 Ардатово) жертвенных вещей. В качестве дара обнаружено восемь категорий украшений: сьюльгамы (40% погребений), бусы (35%), браслеты (25%), перстни и раковины каури (10%). Традиция положения даров прослежена и в позднесредневековых удмуртских (Шутова, 1992, с. 98) и марийских (Никитина, 1992, с. 23) погребальных памятниках.

Кресты найдены в Ревезенском (погр. 3) и Коноваловском (39 погребений) грунтовых могильниках. Чаще кресты принадлежали детям (37,5%) или мужчинам (35%), чуть реже – женщинам

(25%). В большинстве случаев они располагались на месте их постоянного ношения – от ключицы до пояса. Три погребения (двух взрослых мужчин и девочки) содержали по два креста. В женском погр. 70 Коноваловского могильника крест найден на крышке гробовища. В четырех случаях кресты были подвешены к нитке ожерелья вместе с бусами. В Коноваловке, погр. 41, у бедренной кости 16-летней девушки обнаружена икона-складень, в женском погр. 72 того же могильника – каплевидная подвеска с крестом в центре (рис. 2).

Курганно-грунтовые могильники. Всего исследовано восемь курганно-грунтовых погребальных памятников позднесредневековой мордвы. Пять из них расположены в Нижегородской области (Большемакателемский, Кардовильский, Коринский, Сарлейский, Торжок), три – на территории Республики Мордовия (Лобаски, Рыбкинский, Сабанчеевский) (рис. 1). Могильники Коринский, Кардовильский и Большемакателемский компактно расположены на правом берегу Теши, Сарлейский – чуть северней, на правом берегу р. Озерки, притоке Пьяны. Интересно, что все четыре памятника находятся в степной зоне, в 2–3 км от крупных лесных массивов. К ЮЮЗ от этой группы, на левобережье Мокши, расположен могильник Торжок. Памятник занимает степной «островок» на окраине огромной территории Мордовского государственного заповедника (в 3 км до степной полосы). Значительно оторваны от них могильники Лобаски (левобережье Алатыря) и Сабанчеевский (на левобережье р. Чеберчинки – притока Суры). Первый из указанных памятников расположен в степной зоне, второй – в смешанной лесостепной.

Внешних, искусственно сооруженных границ на памятниках, как правило, не зафиксировано. Исключение – остатки ограды на территории могильника Лобаски, которая представляла собой «правильный выступ, возвышающийся над уровнем склона с северной, восточной и южной сторон могильника» (Степанов, 1941, л. 321). На поверхности почти всех памятников авторы раскопок отмечали «могильные углубления», «небольшие вытянутые холмики» и курганные насыпи. На площадках могильников зафиксировано от одной насыпи в предполагаемом центре (Кардовильский) до 62 (Больше-Макателемский). Определить какие-либо особенности и закономерности в расположении курганов относительно друг друга или грунтовых погребений на площадках курганно-грунтовых памятников практически невозможно, поскольку масштабных раскопок на могильниках этого типа не проводилось. Курганы могильника Торжок, которых насчитывалось 61, располагались несколькими рядами, ориентированными ССЗ – ЮЮВ. 14 курганов этого

памятника образовывали два ряда, ориентированных север – юг. Внешний ряд состоял из девяти курганов, внутренний – из пяти (Степанов, 1941, л. 321). Во взаиморасположении 15 курганных насыпей Коринского могильника закономерностей не выявлено. Участки с грунтовыми захоронениями исследованы только в северной и южной частях могильника.

Диаметр исследованных курганов составлял 6–7 м, высота 0,25–1,5 м. Насыпь кургана 10 Коринского могильника состояла из песчанистой «серовато-коричневатой супеси с пестрыми пятнами, углистыми прослойками и золистыми включениями» (Горюнова, 1948). Насыпи курганов могильников Торжок и Рыбкинского также были песчаными (Горюнова, 1939, л. 159; 1948, с. 70–83; Смирнов И., 1892, л. 12).

Курганы имели округлую форму. Полы их в некоторых случаях находили друг на друга. При этом один курган состоял из трех (3 случая) или двух (5 случаев) насыпей. Подобные «слитые» насыпи «самые крупные и вместе с тем наиболее содержательные, занимают центральное положение в могильнике» (Горюнова, 1948, л. 62). Некоторые насыпи в Лобасках также находили «одна на другую, давая форму длинного кургана» (Степанов, 1941, л. 321). Курганы могильника Торжок были чуть вытянуты с запада на восток.

Е.И. Горюнова исследовала в Торжке околокурганные ровики рядом с насыпями №№ 1 и 4. В одном случае (курган 1) указан зафиксированный размер ровика – 4,1×1,1 м, и тот факт, что он располагался к югу от кургана. На схематическом плане расположения курганов и раскопов Коринского могильника между насыпями №№ 4 и 7 и №№ 4 и 2 видны овальные углубления, возможно ровики.

Коринский могильник еще в 1926 г. был местом тайных общественных молян по случаю стихийных бедствий. Здесь совершали и жертвоприношения (Горюнова, 1948, с. 57). Считалось, что исследованный курган Кардовильского могильника имел лечебную силу (Жуков, 1926, л. 139).

В Актах Московского государства зафиксирована отписка Алатырского воеводы в Москву, датированная 1629 г., о большой «мольбе» на Семик¹ в деревнях Новая и Старая Чукала, куда собралась Алатырская и Нижегородская мордва. «...Они по своей вере землю мар осыпали», то есть восстанавливали опавшие земляные насыпи (Акты Московского государства, с. 297).

А.Е. Алихова относила курганы «к той части

кочевников, которые осели среди мордвы, сохранив в то же время в чистом виде свой погребальный обряд». Ряд черт, прослеженных в курганных могильниках, указывает на их генетическую связь с южными кочевниками (в насыпи могилы большое количество угля, костей овцы; захоронение коня в одной могиле с умершим, северная ориентировка) (Алихова, 1963, с. 139, 141; 1959, с. 34). Однако отметим, что погребения с северной ориентировкой характерны для мордвы-эрзи начиная уже с V в.

На курганно-грунтовых памятниках исследованы как погребения под курганными насыпями, так и грунтовые захоронения в простых могильных ямах. Два из исследованных могильников имели на своей площадке синхронный и диахронный слой – Сарлейский (XII–XIV и XVII–XVII вв.) и Коринский (XII–XIII и XVI–XVII вв.). Примечательно, что между датировками раннего и позднего слоя исследователи не фиксируют погребений XV в. В то же время преемственность обряда прослеживается через использование огня, фрагментов домашних животных и посуды. В позднем слое имеются и отличия – появились погребальные конструкции в захоронениях; есть отклонения от северной и другие ориентировки; женщины положены уже не скорченно на правом боку, а в вытянутом положении; большое количество погребений совершено на дневной поверхности; исчезли захоронения коней.

Более половины погребений (54%) в курганно-грунтовых могильниках не содержали конструкций, в остальных исследовано семь типов погребальных конструкций: гробовище (15,6%), колода (3%), подстилка (12,5%), покрывало (9,4%), сруб (4,7%) и рама (10,9%). В четырех захоронениях под насыпью встречено одновременно два типа сооружений.

Колода и гробовище найдены в грунтовых погребениях курганно-грунтовых могильников, рамы и срубы – в подкурганных. Колоды встречены в двух грунтовых женских погребениях Сарлейского могильника. Гробовища содержали 29,4% грунтовых захоронений (Сарлейский и Коринский). Это чуть меньше, чем в погребениях грунтовых могильников. Гробовища были сделаны без гвоздей. В погр. 25 стенки и дно гробовища отсутствовали, погребенная уложена на дно ямы и укрыта досками (Горюнова, 1948, с. 82).

Рама встречена в подкурганных погребениях Коринского могильника. Конструкция представляла собой восьмиугольник, выложенный крупными дубовыми плахами (рис. 4). Сооружение было несколько меньше размером, чем диаметр кургана, – около 5–7 м. Рама во всех случаях имела следы огня. Погребения с рамами совершены

¹ Праздник весенне-летнего календарного периода; отмечается на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы.

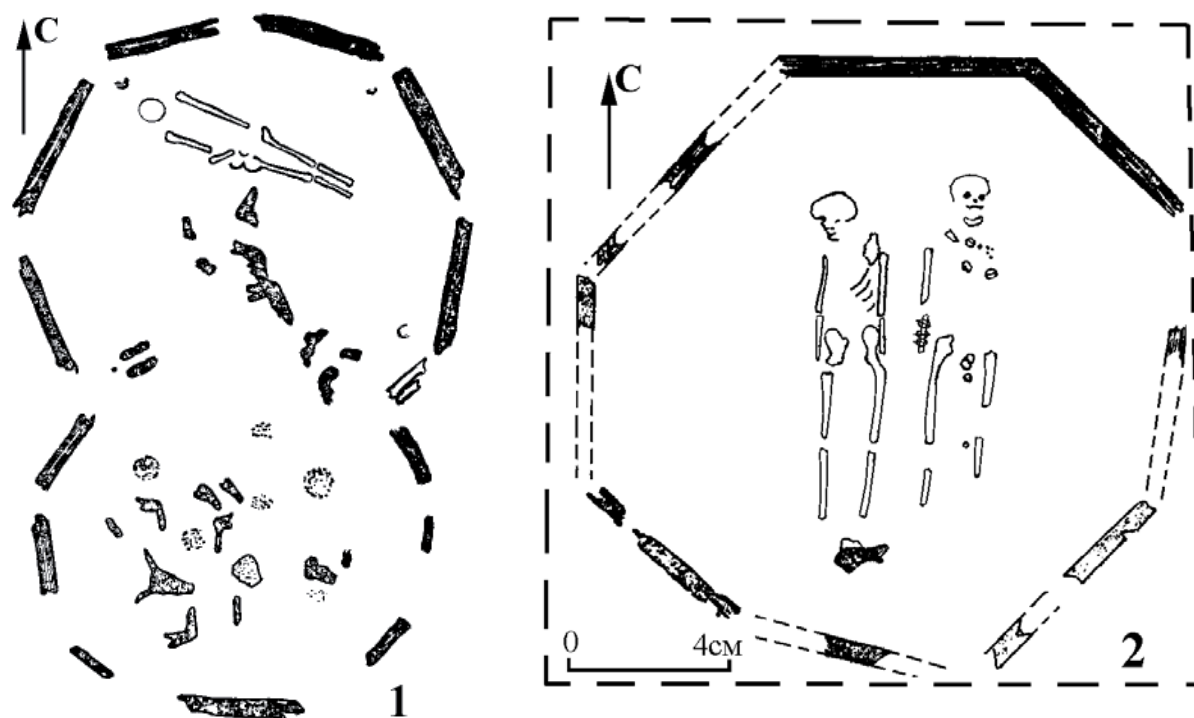

Рис. 4. Коринский могильник. 1 – схема погребения в кургане 10, 2 – план погребения в кургане 5

на дневной поверхности. В шести погребениях из семи внутри рамы была захоронена пара (мужчина и женщина). В кургане 9, Корино, погребенные уложены в срубе, включенном в восьмиугольную раму.

Подстилки и покрывала найдены как в грунтовых, так и в подкурганых погребениях Коринского и Сарлейского могильников. Подстилки были из бересты (83,3%) или веток (16,7%), покрывала – из луба или бересты.

Срубы обнаружены в Корино, Лобасках и Торжке, в них совершены исключительно парные захоронения. Сруб в Корино, курган 9, имел размеры 2,80×1,20 м. Он был сбит гвоздями из грубо обтесанных полубревен и покрыт сверху корой дерева. Кора по углам конструкции была прижата камнями. В актовом материалах XVIII в. (1743 г.) говорится о кладбищах мордвы с «деревянными на могилах срубам». Опущенные в могилу рубленные «домовины» с накатником из горбыля² можно было наблюдать в 60-е гг. XX в. в Кочкуровском районе Республики Мордовия (Горюнова, 1961, с. 137).

Характерная черта курганного обряда захоронения – использование огня. Следы горения зафиксированы более чем в половине насыпей. В курганах могильников Лобаски и Больше-Макатемского зафиксировано обожженное дерево. Девять из десяти насыпей Коринского могильника

содержали уголь, четыре – золу. Профили разрезов курганов содержат многочисленные углистые прослойки, «свидетельствующие о том, что и после возведения курганной насыпи разводились костры, после чего делалась новая подсыпка кургана» (Горюнова, 1948, с. 62–63).

Половина из исследованных насыпей содержала кости домашних животных. Рядом с умершим клали в основном головы крупного рогатого скота, чаще всего коров и телят, меньше – лошадей, изредка – мелкого рогатого скота (Горюнова, 1948, с. 63). Заслуживает внимания мужское (?) погр. 5 Сарлейского могильника, в котором на гробовище со стороны ног найден череп коровы, под ним лежали перекрещенные кости ног того же животного. Костные остатки могли располагаться и между погребениями, как, например, череп овцы между захоронениями 4 и 5 того же памятника.

В 20% насыпей зафиксированы фрагменты керамики, в 15% – вещи (только Корино).

Под курганной насыпью находилось преимущественно одно захоронение; в 15% курганов – два, и лишь в одном – три. Курганы сооружались для взрослых людей за исключением трех впускных детских погребений в курган 1, Корино, совершенных позднее. Для погребения детей в основном использовали грунтовые могилы. В 11 подкурганых погребениях четырех курганно-грунтовых могильников обнаружены парные захоронения. Слева, как правило, располагался женский костяк, справа – мужской.

Глубина могильных ям 90–100 см, длина 200–

² Крайняя доска при продольной распилке бревна, с одной стороны выпуклая.

240 см, ширина 100–135 см. Все погребенные положены на спину, ноги вытянуты. Лишь в одном захоронении скелет мужчины несколько развернут набок влево (Корино, курган 10). Руки вытянуты вдоль костяка или согнуты в области тазовых костей.

Погребенные в курганно-грунтовых могильниках, в отличие от грунтовых, ориентированы головой преимущественно на север (67,7%), отклонение в основном на запад. Это относится и к погребениям под курганной насыпью, и к грунтовым погребениям. Часть захоронений имели восточную ориентировку (Сабанчеевский и Сарлейский) и западную (Лобаски и Торжок).

Погребальный инвентарь в курганно-грунтовых могильниках. Ножи содержали все исследованные курганно-грунтовые могильники, чаще мужские погребения (82,8%). Количество женских захоронений с ножом незначительно (6,9%). Преимущественно он располагался в районе таза/бедра, в трех случаях у левой или правой руки.

Топоры найдены в 17,4% мужских захоронений, чаще подкурганых (62,5%), в ногах. В Сарлейском могильнике – слева у черепа или плеча, у таза, в погр. 2 – за пределами погребальной конструкции. В Корино (курган 2) с погребенным положено сразу два топора. Погребения с топором датируются не позднее начала XVIII в.

Тесло (Корино, курган 1) и **оселок** (Сарлей, погр. 36) найдены в единственных экземплярах. Данный вид инвентаря для мордвы в XVI–XVII вв., по-видимому, являлся исчезающим.

Пряслица клали в женские, чаще подкурганые, захоронения (70%) у бедра, в районе пояса. В двух погребениях Корино вместе с пряслицем обнаружено деревянное веретено.

Серп найден в женском захоронении XVI–XVII вв. под курганной насыпью (к. 9, погр. 1, Корино), на груди, обращен острием к подбородку. Кечказ в подкурганном погребении курганно-грунтового могильника Лобаски был положен в районе пояса.

Находки **наконечников стрел** характерны для подкурганых мужских погребений XVI–XVII вв. (Корино и Торжок). В захоронения клали от 1 до 10 наконечника, чаще в районе таза/бедер, пояса. В Корино, погр. 1 к. 2, рядом со стрелами найдена втулка копья. Пешня обнаружена у ступни мужского костяка в Корино, курган 3. Рыболовный крючок и точильный брусок содержали женское погр. 16 и мужское погр. 36 Сарлейского могильника.

Глиняные сосуды найдены в половине курганно-грунтовых могильников: в двух мужских, одном парном, двух детских захоронениях. Половозрастная принадлежность еще двух не определена.

Четыре погребения с сосудами совершены под курганной насыпью и три – грунтовых. В подкурганых захоронениях сосуд всегда располагался в ногах, в грунтовых – в засыпи могильной ямы, у черепа. В двух случаях сосуд находился в насыпи кургана (Корино, Лобаски). Сосуд в кургане 10 Коринского могильника был «на четверть наполнен мелкими дубовыми угольками» (Горюнова, 1948, с. 80). В мужском погребении кургана 2 того же памятника найден «смятый медный сосуд в виде миски», остальные были из глины. На сосуде из Сабанчеевского могильника зафиксирован толстый слой нагара на внутренней поверхности, что позволяет предположить его использование для проведения погребального ритуала.

Кресало и кремь для высекания огня обнаружены в мужских захоронениях семи курганно-грунтовых могильников. Кресала найдены в 24 погребениях (20,7%). В двух захоронениях Рыбкинского могильника кресало размещалось в кожаном футляре. Кремни зафиксированы в 12 захоронениях (10,3%). Чаще всего кресала и кремни располагались в районе таза или бедренных костей. В кургане 10 Коринского могильника они были положены у черепа в кожаный кисет. В погр. 2 Сарлейского могильника зафиксировано сразу два кремня. В 10 погребениях вместе положены и кресало, и кремь.

Гребни встречены в пяти погребениях, четыре из них подкурганые, одно – грунтовое. Два из них женские, два – мужские, одно – детское. Гребни располагались: в грунтовом погребении в области ключицы (повешен на шею?), в подкурганых – в двух случаях в бурачке (в составе дара), по одному – в области ног и между бедер (подвешен к поясу?).

Кошелек найден только в Рыбкино, с двумя монетами внутри. Монеты обнаружены в четверти погребений курганно-грунтовых могильников. В 16 захоронениях (13,8%) они служили предметом инвентаря, не имея отверстий для подвешивания. Чаще всего монеты клали у таза/бедра погребенного, а также в области груди/пояса, у ступней, у черепа. В двух захоронениях Рыбкинского могильника монеты положены в кошелек, в Сарлейском могильнике в погр. 1 – в правой руке, в погр. 2 – в правом кармане.

В курганно-грунтовых могильниках Коринский и Сарлейский зафиксировано 13 погребений с дарами (11,2%). Большинство совершены под курганной насыпью (69,2%), семь из них женские, два парных, три мужских и одно детское. Все дары (кроме грунтового погр. 1Д Корино) находились в бураке – круглой коробке из бересты. Половина погребений с бурачками были женскими, половина – парными. Обычно бурачок располагался

рядом с женским скелетом, чаще всего – слева от черепа. В трех погребениях бурачок располагался между мужским и женским черепами. Содержимое бурачка включало в себя от одной до пяти вещей. Чаще всего (58,3%) там располагался браслет. В одном из бурачков обнаружено четыре экземпляра этого типа украшения. На втором месте по частоте встречаемости – сьюльгама (41,6%). В бурачке погр. 35 Сарлейского могильника, кроме украшений, найдена куриная кость. Интересно, что в двух бурачках часть вещей была поломана (испорчена). Возможно, они сломаны, то есть «умерщвлены» ритуально в ходе погребальной церемонии.

Относительно предназначения даров в погребениях мордвы XVI – начала XIX вв. возникает две гипотезы. Первая – их «посылали» ранее умершим через только что умерших мужчин или женщин. Можно предположить, что посылка вещей в мир мертвых могла быть авансом или благодарностью за исполненную ими просьбу. Вторая гипотеза относится к женским украшениям в женских погребениях: дары являлись дополнительным набором украшений для умершей, которые она могла бы «носить» в загробном мире. В любом случае, факт положения даров подчеркивал особый социальный статус умершей(-его). Уменьшение количества предметов в составе дара и их качественного разнообразия с течением времени, а также находки даров на погребальном сооружении или в засыпи могильных ям свидетельствуют о деградации данной традиции в XVIII – начале XIX вв.

Детали костюма и украшения. *Головные уборы и украшения головы.* Головной убор – важная часть женского костюма мордвы, он присутствовал в 181 погребении (168 женских, 3 детских и 9 мужских). Из мужских уборов отметим остатки трех схожих шапок из черного сукна (Лобаски, к. 2) или войлока (Беловодье, погр. 2), «нижняя часть которых обшита тесьмой в виде елочки, сделанной из медной канители» (Степанов, 1941, л. 322). Видимо, первый вариант был демисезонным, второй – зимним.

Женские головные уборы отличались большим разнообразием. Девичьи головные уборы, как правило, были открыты, они лишь украшали волосы, не закрывая их. Зафиксировано два типа девичьих уборов – налобная повязка и накосник. Единственный экземпляр налобной повязки (Коноваловка, погр. 16) представлял собой прямоугольный фрагмент холста размерами 15×4 см из красно-коричневых шерстяных ниток. Убор украшен тремя горизонтальными рядами круглых латунных пластинок диаметром 0,5 см и бисером. В области висков к повязке прикреплены две под-

вески из медесодержащего материала. Накосник из этого же погребения состоял из сложенной вдвое цепочки длиной 13 см, к которой прикреплены две грозди бисера; бусы; бубенчики и плоская пуговица-подвеска. Головной убор (накосник?) в Кельгино, погр. 354 включал цепочку длиной 22 см. Накосник из Торжка (погр. 1) представлял собой тканую основу, на которую в несколько рядов нашиты жетоны, раковины каури и бисер. Причем украшена лишь нижняя его часть – от плеча до локтя. Накосник из Корино (к. 15) состоял из шерстяной пряжи с большим количеством медных пронизок, жетонов и бус. Предположительно, это была «кисть-подвеска к косе и вплеталась шерстяными нитками в конец ее» (Горюнова, 1948, с. 82). Накосник из погр. 1 Нароватовского могильника от головы до плеч украшен подвесками из бусин. Нижняя его часть представляла собой прямоугольный фрагмент войлока, обшитый жетонами и украшенный шерстяными кисточками. Остатки накосника девочки 4–5 лет из Кельгино, погр. 396, представляли собой три кисточки из пучков шерсти, обмотанных бронзовой проволокой, тесемкой из шерстяных веревочек с раковинами (Вихляев, 2001, с. 36).

Женский головной убор, исследованный на материалах Сарлейского и Коринского могильников, представлял собой шерстяную шапочку, полностью закрывавшую волосы, впереди она доходила до середины лба. Поверх шапочки плотными рядами вертикально нашиты раковины каури, «перемешанные с бусами и серебряными копейками» (Горюнова, 1948, с. 29). По подсчетам автора раскопок, убор из погр. 7 Сарлейского могильника был украшен 170 раковинами каури и 15 голубыми стеклянными бусами. В некоторых уборах использовались также шерстяные кисточки, зеленые и «фарфоровые» бусы, бисер, жетоны. В 3 из 14 случаев убор скреплен сзади бронзовой булавкой. Этот тип убора отождествляется с терюханским «венцом», состоящим из «тканей узорной полосы, лежавшей на темени и украшенной несколькими рядами раковин» (Горюнова, 1948, с. 32). В грунтовом погр. 1А Коринского могильника обнаружены остатки «вышитого головного убора «сороки» (Горюнова, 1948, с. 83).

Описанные ниже фрагменты головных уборов позволяют выделить лишь некоторые особенности их конструкции и элементы украшений. Убор из погр. 3 Нароватовского могильника расшит бусами и раковинами на шерстяной нитке и просверленными монетами. Он имел «хвост» из жетонов и полых пуговиц-подвесок. Убор на тканой основе из могильника Лобаски, курган 2, был украшен шерстяными кисточками. С обеих сторон к нему подвешены височные подвески с серебряными

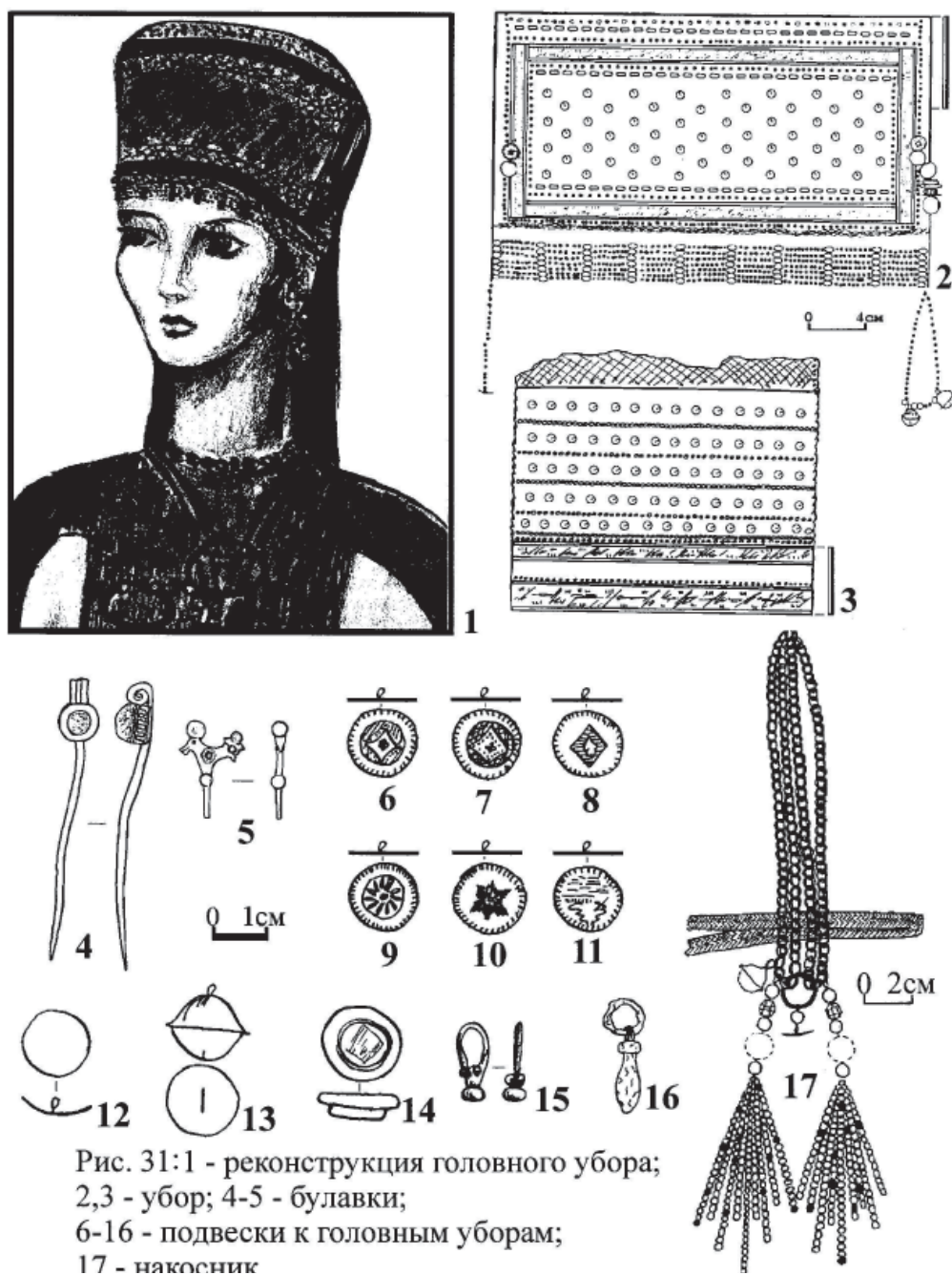

Рис. 31: 1 - реконструкция головного убора;
2,3 - убор; 4-5 - булавки;
6-16 - подвески к головным уборам;
17 - накосник

Рис. 5. Детали костюма и украшения из погребения 32 Коноваловского могильника.

1 – реконструкция головного убора, 2, 3 – части головного убора, 4, 5 – булавки, 6–16 – подвески, 17 – накосник

монетами начала XVII в., нанизанные на бронзовую проволоку. Кроме того, к одной из привесок прикреплен «гроздь» из 14 раковин каури.

Остатки головного убора из Адашево, погр. 1, представляли собой «войлокообразную массу, в которой выделялись отдельные и толстые шерстяные нитки черного и красноватого цвета». Часть ниток была заплетена в косички. На поверхности описанной войлочной массы располагалась шерстяная лента из тонких красных ниток. Поверх ленты нашита полоска из «канители, плетеной елочкой» (Степанов, 1940, л. 68).

Головные уборы мокшанских женщин из Шелехмети были из ткани, вышиты большим количеством бус и бисера и в некоторых случаях украшены кисточками из толстых коричневых шерстяных ниток.

У трех погребенных из Корино в косу вплетена черная грубая шерстяная пряжа, видимо для дополнительного объема. Головные уборы украшали раковины каури и бусы (Нароватово, погр. 5), монеты и бусы (Кельгинино, погр. 229); раковины каури, стеклянные пуговицы и жетоны (Старо-Яблонский); монеты и жетоны с отверстиями

(Ачадово, погр. 37; Сучкино 2, погр. 2).

Для мокшанского костюма характерен *накосник-пулокерь*, он исследован в 12 могильниках: Адашевском, Ачадовском, Бутском, Вертелимском, Кельгининском (рис. 3: 2), Лобаски, Мордовско-Паркинском, Паевском, Привольевском, Рыбкинском, Старо-Яблонском и Сучкинском 2. Отличительная черта его конструкции – наличие прочного деревянного футляра, плотно обмотанного тонкой бронзовой проволокой. Пулокерь имел конусовидную либо расширяющуюся к одному концу форму. Пулокерь конусовидной формы (рис. 3: 2) имел или, что чаще, не имел стержень внутри. Концы пулокеря скреплялись кожаными ремешками или «железными обручами». Пулокерь с расширяющимися концами был более распространен. Он состоял из круглого в сечении деревянного стержня, к которому прикладывались волосы или коса, иногда с добавлением овечьей шерсти или черных шерстяных ниток. К концу стержня шерстяным шнуром привязан пучок переплетенных ниток или шерсти. Все это помещалось в деревянный футляр из двух половинок. Длина его соответствовала длине стержня и составляла 18–20 см, диаметр (в среднем) по краям – 5–6 см, а в центре – 3,5–4,5 см. Средняя толщина стенок в центре 0,5 см, на концах – 1,5 см. Расширяющиеся концы футляра скреплены железной или кожаной полоской, обитой зигзагообразно железными гвоздиками. Корпус пулокеря плотно обмотан тонкой бронзовой проволокой.

Стержень представлял собой круглую в сечении палочку из дерева, редко – железа (Дигилевский, Ново-Пырменский).

Пулокерь, предположительно, был заимствован у мокши эрзей в XVIII в. Подобный вывод позволяют сделать экземпляры, исследованные в погребениях эрзи. Так, накосник без футляра обнаружен в Ардатовском могильнике, датированном монетой 1731 г. (Степанов, 1956, с. 107). Он представлял собой железный стержень с колечками на концах, обмотанный шерстяной тесьмой и шерстяными нитками. Здесь же найдены остатки толстых крученых шерстяных ниток. В пользу гипотезы о заимствовании говорит существование в эрзянском языке, как и в мокшанском, сложносоставного слова «пулокерь», означающего «головной убор эрзянки». Оно, аналогично мокшанскому, состоит из двух самостоятельных слов: *пуло*, *-т* – 1. хвост; 2. коса; 3. ручка; 4. часть мотка пряжи; *керь*, *-ть* – лубок, кора.

Пулокерь в погребениях мордвы встречен у взрослых женщин. Вероятно, он служил атрибутом определенного социального статуса и при этом выполнял защитную функцию. Можно предположить, что этот вид головного убора использо-

вался только для погребальной церемонии.

Благодаря обилию медных украшений хорошо сохранились эрзянские головные уборы в Коноваловке. Один из них представлял собой шапочку на лубяной основе цилиндрической формы (рис. 5: 1). К основе крепилось полотно, покрытое плотной ковровой вышивкой шерстяными нитками. Высота луба от 5–6 до 10–11 см. Ширина его соотносилась с размерами головного убора. К затылочной части убора прикреплен «хвост» (пуло) – фрагмент ткани прямоугольной формы 18–20×15–17 см (рис. 5: 3). Пуло также расшито красно-коричневыми, черными и зелеными нитками ковровой вышивкой, орнамент геометрический. Поверхность его украшена бисером и круглыми пластинками из латуни. К нижнему краю пришита дощечка размерами 20×5 см, обернутая холщовой тканью красного цвета, украшенной бронзовой тесьмой.

На коноваловских уборах зафиксировано несколько приемов вышивки: косые стежки, вышитые горизонтальными полосами, – с их помощью выделялись орнаментальные зоны; сплошное шитье, образованное ткаными стежками, – основной шов; зигзагообразный шов и асимметричный крест.

Орнамент на головных уборах имел не только декоративное значение, он служил оберегом, а также сообщал о социальном статусе владелицы. В основе орнамента – чередование горизонтальных линий и геометрических фигур, чаще всего ромбов, а также окружностей, треугольников и квадратов. Несмотря на довольно ограниченный набор элементов вышивки, ни один из орнаментов не повторяется. Выделяются закономерности в расположении элементов: во-первых, орнамент почти всегда расположен горизонтально, во-вторых, выделена главная орнаментальная зона прямоугольной формы, она занимает центральную часть очелья, и в-третьих, над и под центральной орнаментальной зоной размещаются один-два ряда горизонтальных полос вышивки.

Коноваловские головные уборы дополнены нашивными украшениями: бронзовая тесьма, круглые пластинки из латуни, цепочки, стеклярус и бисер черного, зеленого, белого и красного цветов. Несколько экземпляров украшены бронзовой цепочкой, пришитой горизонтальными рядами. В нижней или средней части убора в области висков нашиты подвески: шаровидные полые с петелькой; литые или плоские пуговицы-подвески на ножке; круглые плоские подвески с прозрачной стеклянной вставкой; подвески из бус различной формы и цвета (рис. 5: 6–11). Отмечается взаимозависимость в соотношении орнамента вышивки и нашивных украшений: бисер нашивался по

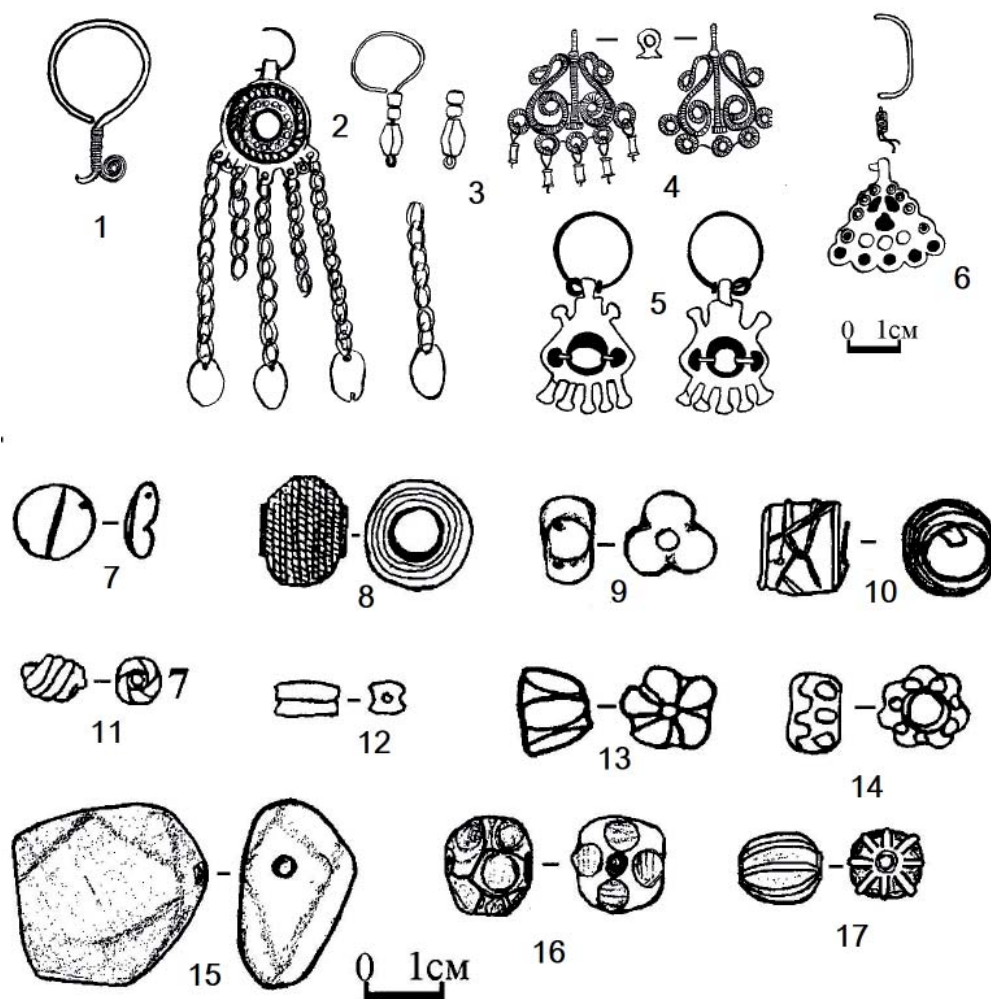

Рис. 6. Украшения костюма. 1–6 – серьги, 7–17 – бусы

горизонтальным линиям узора; пластинки, как правило, на ритмично повторяющиеся элементы орнамента (чаще всего ромбы); тесьма выделяла орнаментальные зоны (Малкова, Мишина, 1998, с. 148–150).

Очень редко встречены булавки для скалывания частей головного убора на затылке. Чаще это была бронзовая проволочка с завернутым в спираль верхним концом и приостренным – нижним. К верхнему концу припаяна круглая оправа, в которую вставлена половинка голубой бусины с золотистым блеском. Сбоку оправы припаяна тоненькая витая проволочка (рис. 5: 4).

Височные кольца в позднее Средневековье были исчезающим типом украшений у мордвы, их зафиксировано всего три экземпляра (Кельгино, Тоторшево и Торжок). Все они из серебра, имеют вид свернутой круглой в сечении проволоки. Подобный тип височного кольца существовал у мордвы начиная с могильников Лядинского круга VII–IX вв. (Алихова, 1959, с. 20).

Серьги носили 27,7% погребенных женщин, в основном взрослые. Чаще обнаружена одна

серьга (65,1% захоронений). В женском погр. 372 Кельгининского могильника найдено три серьги. Всего рассмотрено 88 экземпляров, по форме они разделены на два отдела: круглопроволочные и штампованные в виде пластинок.

Отдел I. Круглопроволочные серьги (79 экз.), по форме выделено два типа.

Тип а. Проволочка диаметром 0,2 см свернута в несомкнутое кольцо, один из концов выгнут (рис. 6: 1) Встречены бронзовые и серебряные экземпляры. Серьги этого типа наиболее распространены, он известен еще с XIII–XIV вв. (Алихова, 1948, с. 251). Выделено четыре варианта по способу оформления концов: конец свернут в три петли, свернут в одну петлю, вытянут, концы в виде двух несомкнутых петелек.

Тип б. Тоненькая проволочка свернута в виде знака вопроса, украшена одной или двумя бусинками (Коноваловка, Лобаски) (рис. 6: 3). Это наиболее поздняя форма серег, ее бытование начинается с начала – середины XVIII в.

Отдел II. Штампованные серьги в виде пластинок (17 экз.). Это более поздний тип серег, выде-

лено четыре типа.

Тип а. Имитируют украшение, свернутое из тонкой скрученной в спираль проволоки. В нижней части – пять петелек с подвешенными бусами (Коноваловка, погр. 72) (рис. 6: 4).

Тип б. Подтреугольной формы с отверстием внутри, в которое вставлена бусина на проволочке (Коноваловка, погр. 72) (рис. 6: 5). Подобные серьги найдены в синхронном удмуртском могильнике (Шутова, 1992, с. 215).

Тип в. Подтреугольной формы (Коноваловка, погр. 41 и 5) (рис. 6: 6).

Тип г. Литая округлая с отверстием в центре, поверхность украшена лжесканью. Внизу семь плоских петелек, к которым на цепочках подвешены серебряные монеты-чешуйки (Батушевский могильник) (рис. 6: 2).

Шейно-нагрудные украшения. Ожерелья обнаружены у 157 погребенных женского пола (65,9%). В состав ожерелья входили: бусы – у всех погребенных, раковины каури – у 29,3%, жетоны – 24,2%, привески – 20,4%, бубенчики – 14,6%, пуговицы-подвески – 8,3%, цепочка – 3,2%, монета – 6,4%, зубы животных – 3,2%, крест – у четырех (Коноваловка), бронзовые спиральные пронизки – у трех.

Бусы – самое распространенное украшение женского костюма. Всего рассмотрено 2434 экземпляра для создания классификации. При этом использованы принципы, разработанные В.Б. Деопик (Деопик, 1959) и Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982). Согласно предложенным ими принципам систематизации, весь массив бус разделен на отдельные блоки по материалу: стеклянные, каменные, янтарные, деревянные, металлические, глиняные, костяные и пастовые. В рамках каждого отдела по форме поперечного сечения выделены группы, по форме продольного сечения – типы.

Стеклянные бусы наиболее многочисленны (2277 экз.), выделено два отдела: одноцветные и полихромные.

Отдел I. Одноцветные (2153 экз.).

Группа 1 – круглые бусы двух типов: изготовленные вручную и промышленным способом. По форме исследованы шаровидные (рис. 3: 13), эллипсоидные (рис. 3: 16, 17), колесовидные, поперечно-вытянутые, поперечно-сжатые бочонковидные, конусовидные, цилиндрические, битрапиевидные (рис. 3: 12) и многочастные.

Группа 2. Ребристые: бочкообразные с округло-ребристой поверхностью или выступающими ребрами (рис. 6: 17); колесовидные; трехдольчатые (рис. 6: 9); многогранные (рис. 6: 16); бантовидные (рис. 6: 12); поперечно-витые (рис. 6: 11).

Группа 3. Розетковидные: пятидольные (рис. 6:

13) и одна шестидольная.

Группа 4. Плоские (рис. 6: 7) (Лобаски, Коржово), этот тип бус датируется не позднее середины XVII в.

Группа 5. «Ежевичные» укорочено-цилиндрической формы с мелкими стеклянными капельками на поверхности (рис. 3: 14).

Группа 6. Бородавчатые, найдены только в Коноваловке (рис. 3: 16).

Отдел II. Полосатые (101 экз.), изготовлены двумя способами: а) на одноцветный стеклянный стержень накладывали полосы стекла одного или нескольких цветов, затем стержень вытягивали и разбивали на куски, края обрабатывали (Деопик В.Б., 1959, с. 224); б) на поверхность бусины краской (?) наносили цветные полосы. Все бусы данного отдела округлые. Выделено три типа: шарообразные, поперечно-вытянутые и единственная поперечно-сжатая бусина с синими и красными полосками, изготовлена по методу б.

Отдел III. Мозаичные, редкий тип бус (6 экз.). Бытовал не позднее конца XVII в. По форме выделены поперечно-сжатые; имеется поперечно-вытянутая уплощенная; крупная цилиндрическая и плоская.

Отдел IV. Глазчатые также очень редки (3 экз.): круглая бусина с красными и зелеными глазками (Торжок), укороченно-цилиндрическая с бело-синими шишечками (Кельгинино) и округлая поперечно-сжатая из непрозрачного стекла темно-красного цвета с тремя глазками (Шелехметь).

Отдел V. С растительным рисунком на поверхности, нанесенным желтой краской, форма бочонковидная, цвет гранатовый или малиновый. Это поздний тип бус, появился в конце XVIII в.

Пастовые бусы (100 экз.), встречены довольно редко. Бусы из этого материала довольно разнообразны.

Отдел I. Одноцветные: круглые, ребристые, розетковидные, плоские.

Отдел II. Полихромные: плоская таблетковидная двуцветная – серый и белый перламутр; цилиндрические – белая с крупными коричневыми круглыми пятнами и черная с тремя белыми продольными полосами.

Каменные бусы. Всего найдено 5 экз. в могильниках XVI – середины XVIII вв.: шаровидные – полупрозрачная из речной гальки, из горного хрусталя, и округлые – две халцедоновые светло-серые и сердоликовая.

Янтарные бусы (39 экз.): круглые, цилиндрические, усеченно-конические и ребристые (рис. 6: 15).

Бронзовые бусы (3 экз.), две из них имеют округлую, одна – цилиндрическую форму. Поверхность последней украшена сложным ри-

сунком, напаянным в виде тонкой проволочки (рис. 6: 10). Круглая бусина из Рыбкино украшена стилизованным под технику скани рисунком, напоминающим веревочку, виток к витку намотанную поперек канала отверстия (рис. 6: 8).

Также найдены бусина из свинца (Ачадово), неопределенного металла округлой поперечно-вытянутой формы (Кельгинино), пять деревянных бусин, две глиняные, одна костяная бусина округлой формы.

Подвески – распространенное украшение женского костюма мордвы (426 экз.), по виду украшения разделены на отделы, внутри которых выделено несколько типов по форме и особенностям декора.

Отдел I. Пуговицы-подвески на ножке (высота 0,7–1,3 см). Самый распространенный тип (227 экз.) – литые с туловом грушевидной или округлой формы, бронзовые и одна железная. Подобные известны в синхронных удмуртских (Шутова, 1992, с. 216), марийских (Шикаева, 1988, с. 184) и чувашских памятниках (Каховский Б., 1980, с. 127). Имеются экземпляры, украшенные линиями (рис. 7: 17) или концентрическими кольцами (рис. 7: 7).

Исследованы еще несколько типов подвесок: полые с полушаровидным туловом (рис. 7: 13); полые с шаровидным туловом (рис. 7: 18, 19); с плоским туловом и петелькой с орнаментом или без (рис. 5: 6–11) (Коноваловка и Рыбкино). Еже один тип – литые бронзовые с вытянутым туловом. Экземпляр из Лобасков орнаментирован в виде еловой шишки (рис. 7: 9). Два экземпляра (Паево, Дуб) имеют четыре прорезы и шарик на конце (рис. 7: 10). Более сложные аналоги двум последним найдены во II Старо-Бадиковском могильнике VII–VIII вв. (Петербургский, 1987, с. 60). Известны они и в чувашских могильниках XVI–XVII вв. (Каховский Б., 1980, с. 127; Акимова, 1949, с. 6). В Ачадово найдены шаровидные деревянные подвески на ножке (рис. 7: 15). Подвески с двенадцатигранным туловом – в Рыбкино и Армиево (рис. 7: 5). Аналоги прослежены в удмуртском и чувашском синхронных могильниках (Шутова, 1992, с. 216; Каховский Б., 1980, с. 14).

Отдел II. Стекланные пуговицы-подвески (48 экз.) полушаровидной формы с железной ножкой-петелькой диаметром 1,15–1,7 см, покрыты черной краской, или синие с двумя железными петельками.

Отдел III. Бубенчики (45 экз.), выделено два типа – литые шаровидные, диаметром около 3 см, с прорезью в нижней части (рис. 7: 1); полые, с бусиной или камешком внутри для извлечения звука. В последнем виде выделено три варианта: шаровидные из двух поперечных половинок с восьмеркообразной прорезью в нижней части (рис. 7: 2);

округлый уплощенный без отверстия (рис. 7: 3) и вытянутой формы с приостренным концом.

В коллекции имеется также полый серебряный бубенчик овальной формы из Рыбкино. Места скрепления поперечных половинок, а также вершинка под петелькой украшены зернью, низ – зернью и сканью (рис. 7: 4).

Отдел IV. Подвески самой разнообразной формы из бронзы, реже – из серебра, дерева и костей кости животных – клыков мелкого хищника и кабана.

Бронзовые подвески представлены в нескольких вариантах: в виде плоских круглых пуговиц с двумя отверстиями для пришивания, в верхней части – отверстие для подвешивания (рис. 7: 14); подтреугольные колокольчики с петелькой на вершинке (рис. 7: 11); подтреугольные плоские с окружностями и отверстиями на вершинках (рис. 7: 20); витые круглопроволочные пронизки; наперстки; литые круглые с цветком в центре (рис. 7: 6); ворворка трапецевидной формы с отверстием сбоку (рис. 7: 12).

Серебряные круглые плоские подвески: «солярная» с круглым отверстием в центре; колесовидная с круглым отверстием в центре и восемью отверстиями, образованными стилизованными лучами, отходящими от центра.

Украшение типа воротника из бисера зафиксировано в мокшанских могильниках Рыбкино (погр. 4, линия С) и Кельгинино (погр. 260). Подобный длинный до пояса воротник (нагрудник?) из раковин каури и жетонов найден в погр. 1 Черемисского могильника, тот же состав украшений в Кельгинино (погр. 229) дополнен бисером белого и красного цветов.

В погр. 16, 17 и 21 Коринского могильника исследовано нагрудное украшение в виде полосок ткани с нашитыми на них в два ряда раковинами. Оно начиналось в верхней части груди и тянулось до тазовых костей. Железные пряжки на уровне груди, видимо, пристегивали украшение к костюму. В нижней части нагрудника пришиты раковины вперемешку с бусами, бисером и заканчивались бусами, медными жетонами и шерстяными кисточками. Украшение схоже с «плетней» терюханских женщин (Горюнова, 1948, с. 40).

Нагрудное украшение из луба, обшитого бисером, зафиксировано в Рыбкино (погр. 24). В захоронении 5С того же могильника исследован «деревянный полукруг, обтянутый тканью», обшитый несколькими рядами бус. Украшение из кожи и шерстяных веревочек обнаружено в области шеи и груди в погр. 1 Рузлатского могильника. Нагрудное украшение прямоугольной формы с пришитыми вперемешку в шесть рядов бусами и монетами найдено в области груди в Корино (погр. 4). Воз-

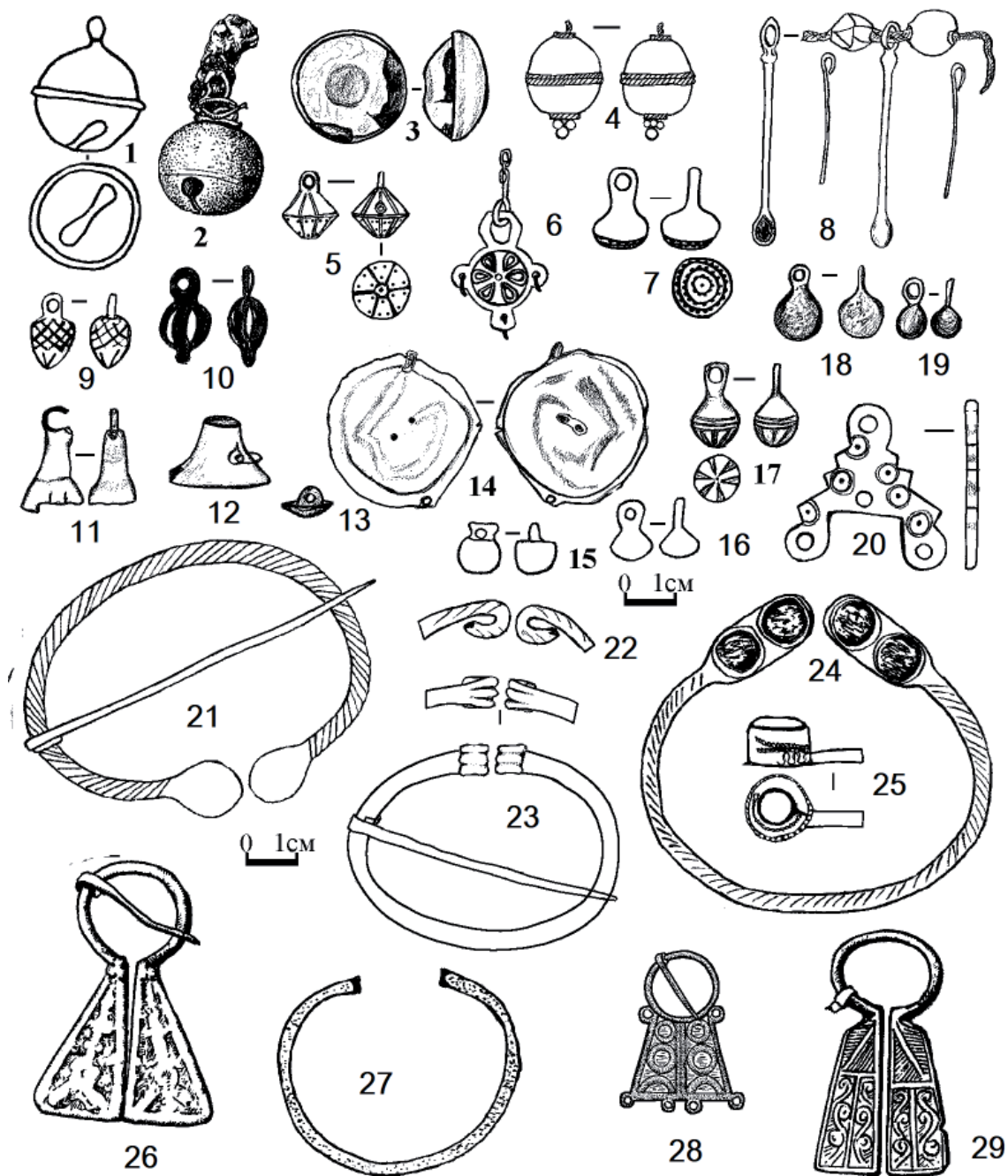

Рис. 7. Украшения костюма. 1–20 – подвески; 21–29 – сьюльгамы

можно, оно подвешивалось к бронзовой сьюльгаме, скреплявшей верх разреза на груди (Горюнова, 1948, с. 29).

Сьюльгама – распространенное украшение костюма мордвы, имела как функциональное, так и декоративное назначение. Всего рассмотрено 593 экземпляра, в рамках двух групп: кольцевые и лопастные. Каждая из групп по технологии изготовления поделена на отделы. Последние, в свою очередь, на типы, отличающиеся формой концов, и варианты, имеющие отличия в декоре.

Группа I. Кольцевые сьюльгамы (308 экз.).

Отдел 1А – гладкие без насечек, изготовле-

ны из круглой в сечении проволоки толщиной 0,4–0,6 см.

Тип а. Имеются варианты с расплюснутыми концами, с глазками или без на концах. Вариант с «глазками» мордва носила на всей территории проживания. Имеются некоторые различия в технологии дополнительного декора, отличающие сьюльгамы XVI–XVII и XVII – начала XIX вв. В более ранний период сьюльгамы изготавливали из серебра. На боковой части глазков они имели дополнительный декор в виде скани и зерни (рис. 7: 25). В поздний период сьюльгамы делали из бронзы и не украшали. Глазки в ранний пери-

од были чаще бирюзовыми, в поздний – черными. Сюльгамы с «глазками» представляли собой, видимо, более праздничный вариант украшения.

Тип б. Сюльгамы со свернутыми концами. Могли быть украшены насечками, такие экземпляры носили вплоть до начала XVIII в. Вариант без насечек достаточно распространен в продолжение всего периода, в том числе и у мокши. Известны в синхронных удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 216). Лишь до конца XVII в. бытовал вариант с оформлением концов в виде стилизованных лапок (рис. 7: 23). Видимо, в середине XVIII в. появился тип с обрубленными и чуть сплюснутыми концами (рис. 7: 27).

Отдел Ё. Гладкие с насечками па поверхности, с расплюснутыми концами (рис. 8: 1). Имеются типы с глазками на концах и без них. Вариант с «глазками» существовал в течение всего рассматриваемого периода на правом берегу рек Теши, Мокши, левобережье Суры, на Самарской Луке. Подобные сюльгамы были праздничным вариантом застежки. Наибольшее их количество найдено в курганном могильнике Торжок. Сюльгама из Коноваловки имела по два глазка на каждом из концов (рис. 7: 24). Вариант без «глазков» на концах распространен с начала – середины XVII в. до начала XIX в. на правом берегу Суры (среднее течение); левобережье Самары и в бассейне Мокши (среднее течение).

Тип сюльгам со свернутыми концами также имел варианты с насечками и без. Вариант с насечками на концах (рис. 7: 22) является локальным для могильников междуречья Мокши, Алатыря и Суры. Вариант без насечек на концах достаточно редок. Обнаружен на правом берегу Теши; междуречье рек Алатырь, Мокши и Суры.

Отдел 2 – ложновитые сюльгамы, изготовлены методом отливки в форме. Возможно, являются имитацией витых сюльгам, бытовавших ранее в бассейне Теши (Мартыянов, 1990, с. 62; 1998, с. 25). Изучено два типа – с расплюснутыми концами (с «глазками» и без на концах) и со свернутыми концами (с насечками и без них на концах). Вариант с концами в виде стилизованных лапок характерен для XVI–XVII вв., изучен на правом берегу рек Теши и Алатыря и в верхнем течении Мокши.

Группа II. Лопастные сюльгамы (282 экз.), изготовлены методом отливки в форме. Выделено два отдела – беспетельчатые и петельчатые.

В отделе 1 – беспетельчатые – выделено два типа: с выступами на лопастях и без него. Сюльгамы с выступами на лопастях имеют несколько вариантов декора: ложная зернь и имитация насечек по бортику (рис. 3: 6); растительный орнамент; зернь без насечек по бортику и растительный ор-

намент с насечками по бортику. Сюльгамы без выступа мордва носила еще с XIII–XIV вв. Выделено четыре варианта декора: ложная зернь (рис. 3: 5), растительно-геометрический орнамент (рис. 7: 29), растительный орнамент (рис. 7: 26) и геометрический орнамент.

Отдел 2 – петельчатые сюльгамы – имеют петли по бортикам для подвешивания дополнительных украшений. По количеству петель выделено четыре варианта: двух-, четырех-, шести и восьмипетельчатые. Наиболее распространены два последних варианта. Шести- и восьмипетельчатые украшали ложной сканью и имитацией насечек по бортику (рис. 3: 3, 4). С середины XVIII в. в некоторых случаях лопасти у сюльгам были полностью слиты (Шелехметь) (рис. 7: 28).

Поясные и набедренные украшения. Остатки пояса «из ткани и плетеной проволоки» зафиксированы в Вертелимском могильнике, раскоп 2, погр. 3 (Циркин, 1965, л. 10). В погр. 26 Сарлейского и погр. 18 Русско-Маскинского могильников в области пояса найдены остатки ткани и шерстяного шнура. В погр. 11 Сарлейского могильника пояс выглядел как «узкая тканая тесьма из зеленой, черной и красной шерсти» (Горюнова, 1948, с. 43).

В двух погребениях мокши женский пояс украшен шерстяными кисточками. В одном из них кисточки украшены орехами и раковинами каури (Рыбкино, погр. 11), в другом – пучок красных ниток, обмотанных бронзовыми нитями (Адашево, погр. 1). Пояс женщины в погр. 161 Кельгинино украшали 13 расположенных горизонтально в ряд пуговиц (рис. 3). В Коноваловке, погр. 19 (девочки) и 69 (женщины), в области пояса найдено украшение из бус. В погр. 46 того же могильника – остатки прямоугольного украшения размером 5×2,5 см из шерстяной коричневой веревочки. В верхней части оно украшено медными пластинками и крючком (рис. 8: 4).

Среди поясных украшений мордвы 47 пряжек и 2 поясные накладки с фрагментами кожаного ремня из Рыбкино. Последние имеют прямоугольную форму (3×2,8 см), плоские в сечении, украшены плохо читающимся растительным (?) рисунком. Пряжки рассмотрены в рамках двух отделов, выделенных по материалу.

Отдел I. Бронзовые пряжки с подвижным язычком (36 экз.). По форме рамки выделено пять типов. Пряжки с прямоугольной рамкой (1,7–2×2,3–2,5 см), с расширением в передней части (рис. 8: 10, 13) или без него; круглой (рис. 8: 7), пятиугольной или «лировидной» формы. Пятиугольные рамки с плоским сечением (рис. 8: 9) имеют аналоги в удмуртском могильнике Кайсагурт середины XVII – начала XVIII вв. (Шутова, 1992, с. 218).

Пряжки такой же формы с рельефным сечением (рис. 8: 8) – в синхронных удмуртских и марийских могильниках (Шутова, 1992, с. 218; Шикаева, 1988, с. 333).

Отдел II. Железные пряжки (11 экз.) имели круглую или прямоугольную рамку. Пряжки круглой формы напоминают традиционные кольцевые сюльгамы. Они более типичны для женского костюма, лишь одна найдена в мужском погребении Мордовско-Паркинского могильника.

Набедренные украшения. Остатки украшения типа пулогай (?) в костюме девочки (Коноваловка, погр. 29) представляли собой расположенные диагонально жетоны. От пулогай в женском захоронении Ардатовского 2 могильника сохранились 10 кистей из коричневых крученых ниток, обмотанных канителью, украшенных бусами, жетонами, раковинами каури, пуговицами-подвесками и бисером, сплетенным в виде сетки. Вероятно, пулогай был подвязан длинным поясом, украшенным раковинами, бронзовыми спиралями, жетонами и бусами. В погребении Старо-Яблонского могильника от набедренного украшения сохранились пуговицы-подвески и бусы. Соединялось украшение, видимо, с помощью двух сюльгам в верхней и нижней части правого бедра.

В Шелехмети, погр. 8, набедренное украшение имело войлочную основу с кистями из толстых крученых нитей с бусами, железными цепочками, монетами и круглыми бронзовыми бубенчиками на концах (рис. 8: 1, 2). В погр. 1 Налитовского, погр. 4 и 1 Ревезенского могильников набедренные украшения состояли из бус и раковин. Набедренное украшение в Коноваловке, погр. 21, 28, 40, сохранилось в виде фрагментов шерстяных кисточек с медными пластинками на концах (рис. 8: 5).

Украшения рук представлены браслетами, перстнями, кольцами.

Браслеты. Всего рассмотрено 155 предметов и рисунков браслетов. Все они, согласно технологии изготовления, поделены на пять отделов.

Отдел I. Пластинчатые (146 экз.) браслеты изготовлены из прута, расплющенного в плоскую ленту, свернутую в овал с несомкнутыми концами. По форме концов они разделены на три типа. *Тип а* с округлыми концами имеет аналогии среди синхронных удмуртских и марийских памятников. Однако, при кажущемся на первый взгляд сходстве, браслеты мордвы выполнены в ином стиле и имеют большее разнообразие орнаментов. Орнамент на браслеты с округлыми концами мог быть нанесен вручную или штампом. Выделены различные его виды: циркульный, геометрический, зигзагообразный, растительный, чередование циркульного и геометрического орнамента

(рис. 8: 16). Среди штампованных браслетов встречены также циркульный с точечными проколами и геометрическо-антропоморфный орнаменты.

Самый распространенный тип – браслеты с прямо срезанными концами (112 экз.). Здесь также орнамент нанесен вручную или методом штамповки. Виды орнаментов в большинстве случаев такие же, как и у браслетов со скругленными концами: растительный (рис. 8: 21), подражание технике скани (рис. 8: 17), растительно-геометрический, геометрическо-зооморфный. Более всего распространен геометрический орнамент (рис. 8: 14, 20) на всей территории проживания мордвы в течение всего рассматриваемого периода. Для создания рисунка использованы линии, треугольники и ромбы.

Незначителен по количеству тип браслетов со сплюснутыми концами. Они являются наиболее ранними среди пластинчатых браслетов, датируются XVI – серединой XVII вв. Орнамент нанесен штампом, рисунок геометрический (рис. 8: 18), растительно-геометрический и антропо-зооморфный (рис. 8: 24).

Отдел II. Круглые в сечении (2 экз.) браслеты представляли собой жгут диаметром 0,3–0,4 см, свернутый в овал с несомкнутыми концами (рис. 8: 23). Найдены в Тоторшево и Нароватово. Этот тип исследован в могильниках мордвы эпохи Средневековья, бытовал максимум до конца XVI в.

Отдел III. Жгутовые (7 экз.) из расплющенного прута, свернутого в овал с несомкнутыми концами. Известны в могильниках мордвы XIII–XIV вв. Выделено два типа: массивные с внешне выпуклой и внутренне плоской поверхностью, бытовали до середины XVII в., и с плоскими поверхностями и округлыми концами. Последний тип орнаментирован в технике ложной скани штампом (рис. 8: 19), также мог иметь геометрический орнамент.

Перстни (277 экз.) отличаются большим разнообразием форм и декора, по технологии изготовления разделены на три отдела, по форме щитка – на типы, по декору – на подтипы.

Отдел I. Пластинчатые (62 экз.). Расширение в верхней части пластины имитирует щиток. Данный вид известен еще в могильниках мордвы XII–XIV вв. (Алихова, 1959, с. 31). Исследованы перстни с ромбовидным, круглым, овальным и прямоугольным щитком. Наиболее широко представлены перстни с ромбовидным щитком, он мог быть украшен бронзовыми капельками (имитация зерни), иметь ребро в центре, растительный или геометрический орнамент (рис. 8: 30). Перстни аналогичной формы известны в чувашском Бахтикульгинском могильнике XVII–XVIII вв. (Каховский Б., 1980, с. 127).

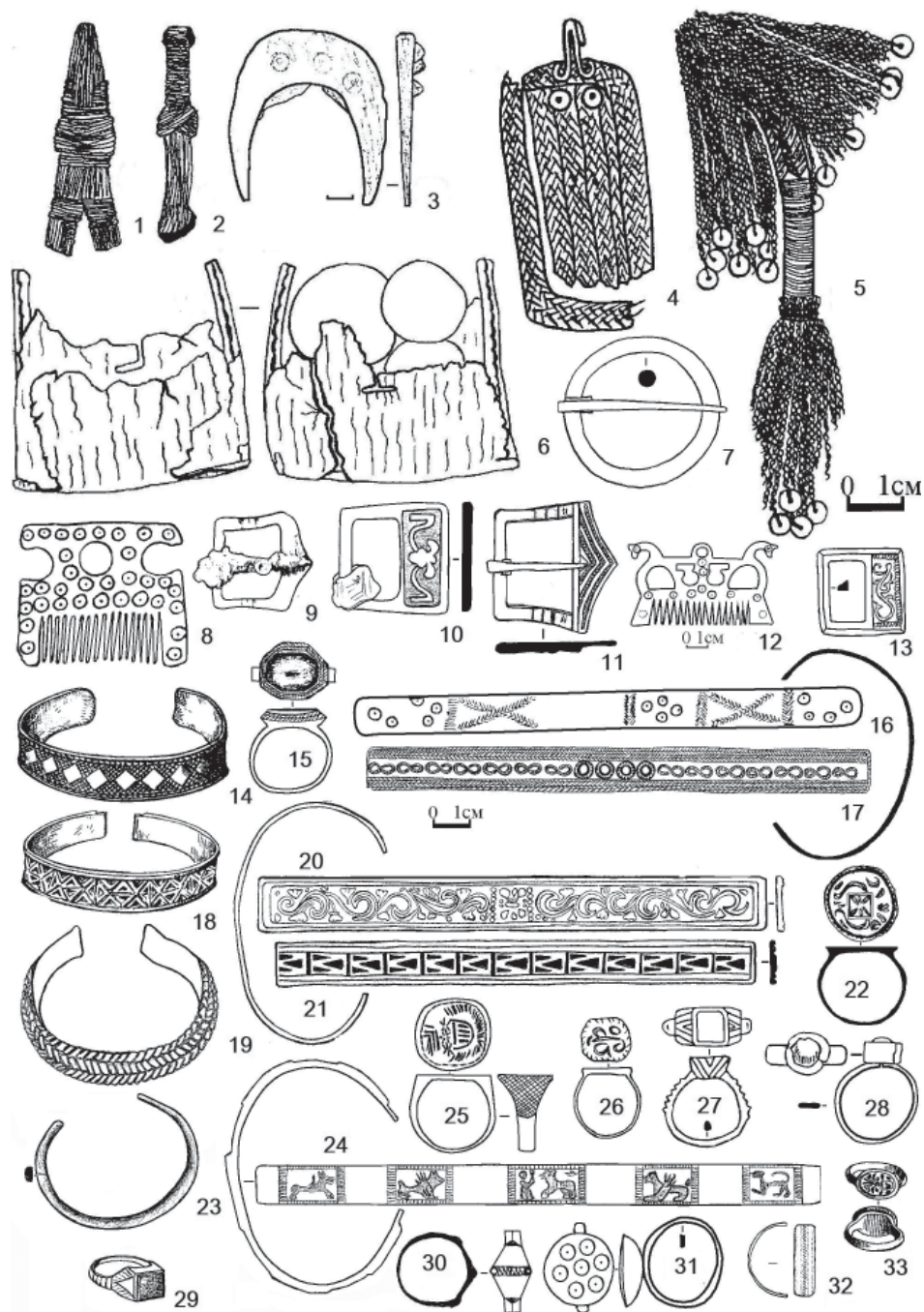

Рис. 8. Детали костюма.

1, 2, 4, 5 – фрагменты набедренного украшения, 3 – подкова, 6 – кошелек, 7, 9–11, 13 – пряжки, 8, 12 – гребни, 14, 18–21, 23, 24 – браслеты, 15, 22, 25–29, 33 – перстни, 32 – кольцо

Перстень с овальным щитком, украшенный насечками и растительным орнаментом (Сабанчеево), аналогичен находкам в чувашском Тубах-мазар и марийском Мало-Кугунурском могильниках XVII–XVIII вв. (Акимова, 1949, с. 6; Шикаева, 1984, с. 184).

Отдел II. Щитковые (130 экз.) перстни. По форме щитка выделено семь типов: с круглым, чашевидным, овальным, восьмиугольным, квадратным, розетковидным щитком и перстень-печатка. Перстни с круглым щитком преимущественно

украшены геометрическим рисунком (рис. 8: 25).

Незначительное количество перстней имело чашевидный (полушаровидный) полый щиток. Это так называемый «гремящий» или «звенящий» перстень – внутрь помешалась бусина, которая при ударе о стенки щитка издавала шумящий звук. При этом полушарие прикреплялось к кольцу плоской или округлой стороной (рис. 8: 31). Овальный щиток украшался растительным рисунком (рис. 8: 33). Перстни с восьмиугольным щитком могли иметь подпрямоугольную или квадратную

форму со срезанными углами. Перстни с квадратным щитком не орнаментированы. Дужка перстня из Ново-Пырменского могильника украшена четырьмя небольшими валиками, у щитка с обеих сторон имеется треугольное расширение, украшенное насечками (рис. 8: 29). Интересно, что точно такой же перстень найден в Кельгинино, в комплексе XI–XIII вв. (погр. 240) (Беляев и др., 1998, с. 126).

Самый поздний тип перстней – перстень-печатка. Известны серебряные перстни с восьмиугольным (рис. 8: 26) и круглым щитком, украшенным растительным рисунком. А также медные перстни с округлым щитком с растительно-геометрическим рисунком (рис. 8: 22).

Отдел III. Сложный щиток со вставкой (23 экз.). По форме оправы выделено пять типов: квадратная, шестиугольная, восьмиугольная, круглая, овальная. Квадратная оправка имела гнездо для вставки глазка. У перстня из Ачадово оправка укрепленна поверх прямоугольного щитка, украшенного угловыми насечками (рис. 8: 27).

Перстни с восьмиугольной оправой были двух подтипов: прямоугольной формы со срезанными углами (украшены ложной сканью) (рис. 8: 15) и квадратной формы со срезанными углами со стеклянной вставкой и растительным рисунком. Перстни с круглой оправой имели вставку из синего (рис. 8: 28), зеленого или прозрачного стекла.

Кольца. По форме сечения выделено два типа, по особенностям декора – варианты. Наиболее распространены плоские в сечении кольца без орнамента, с насечками по центру; с насечками по центру и краям (рис. 8: 32). Аналоги последним найдены в удмуртском могильнике Узей-Тукля XVIII – середины XIX вв. (Шутова, 1992, с. 221). Круглое в сечении кольцо диаметром 0,3 см исследовано в Коноваловке.

Два погребения в Коноваловке содержали кожаные манжеты шириной 3–5 см. Вероятнее всего, это остатки рукавов мужской зимней одежды.

Обувь представлена 26 парами мужских и женских кожаных сапог. Остатки обуви найдены в виде кожи или подковы. Железные подковы с тремя крупными шипечками от гвоздей (?) на женских сапогах обнаружены в Дигилевском, Привольевском, Рыбкинском могильниках (рис. 8: 3); с четырьмя мелкими – в Русско-Маскинском. Мужские и женские сапоги отличались высотой каблука. Кроме того, женские сапоги могли быть украшены витыми бронзовыми проволочками (Кельгинино, погр. 160, 174, 237). Обувь в мужском (Приволье 2) и женском (Корино, к. 1) погребениях украшена бубенчиками, в погр. 26 Бутского могильника – бусами.

В Кельгинино, женском погребении 164 и

детском 190, зафиксирован тлен грубоотканого материала. Скорее всего, это остатки онучей. Необычный вид обуви исследован в Рыбкино, погр. 2: мужские «кожаные башмаки-лапти с ремнями и медными подковами» (Смирнов И., 1892, л. 14 об.).

Характеристика вещевого инвентаря. Вещевой инвентарь представлен орудиями труда (пряслица, топоры, кочедыки, ножи), предметами быта (кресала, кремни, гребни, копоушки, кошельки), сосудами, символами веры, монетами и жетонами.

Пряслица изготовлены в основном из глины, встречены находки из свинца (Беловодский) и шиферное (Тоторшево). По форме выделено три отдела.

Отдел I. Битрапецивидные (рис. 9: 13, 14) имеют белый, черный, серый, светло- и темно-коричневый цвет. Пряслице из Тоторшево с обеих сторон украшено тремя концентрическими кольцами. Тесто, из которого изготовлено пряслице из Дигилево, имеет обильную примесь раковины и небольшую – дресвы. Пряслица такой формы найдены в могильниках на правобережье рек Алатырь, Суры, бассейне Мокши. Эта форма характерна и для мордовских памятников XI–XIV вв. (Петербургский, 1990, с. 99; Мартянов, 1988, с. 97).

Отдел II. Колесовидные исследованы на левобережье рек Мокши, Суры, правобережье Алатыря. Имеют диаметр 2,5–3,3 см, высоту 1,4–2 см. Аналоги известны в Старосотенском могильнике XII–XIV вв. (Алихова, 1948, с. 255) и в поздних удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 232).

Кочедыки встречены в могильниках не позднее начала XVIII в. Зафиксировано три формы: вытянутой с двумя отростками в верхней части (рис. 9: 8), тонкий изогнутый (рис. 9: 2) и с круглым навершием с двумя отверстиями в верхней части (рис. 9: 9). Две последние формы известны в синхронных удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 229).

Кечказ. Найдено 6 экземпляров двух типов в могильниках не позднее XVII в. Первый представлял собой бронзовое приспособление для вышивания из 3–4-х звеньев. (рис. 9: 1). Второй – утонченный с обеих сторон железный прут, свернутый с одной стороны в полукольцо, с другой – в кольцо (рис. 9: 3).

Топоры встречены в могильниках не позднее начала XVIII в. Рассмотрено 10 экз. Типы выделены по форме и пропорциям лезвия.

Тип 1. Узколезвийные с округлой втулкой (рис. 9: 12), использовались для долбления бортей. Эта форма топоров (но с двумя выступами на обухе) типична для мордвы XI–XIII вв. (Мартянов, 1988, с. 127; 1990, с. 62; 1998, с. 25).

Тип 2. Широколезвийные с треугольной втул-

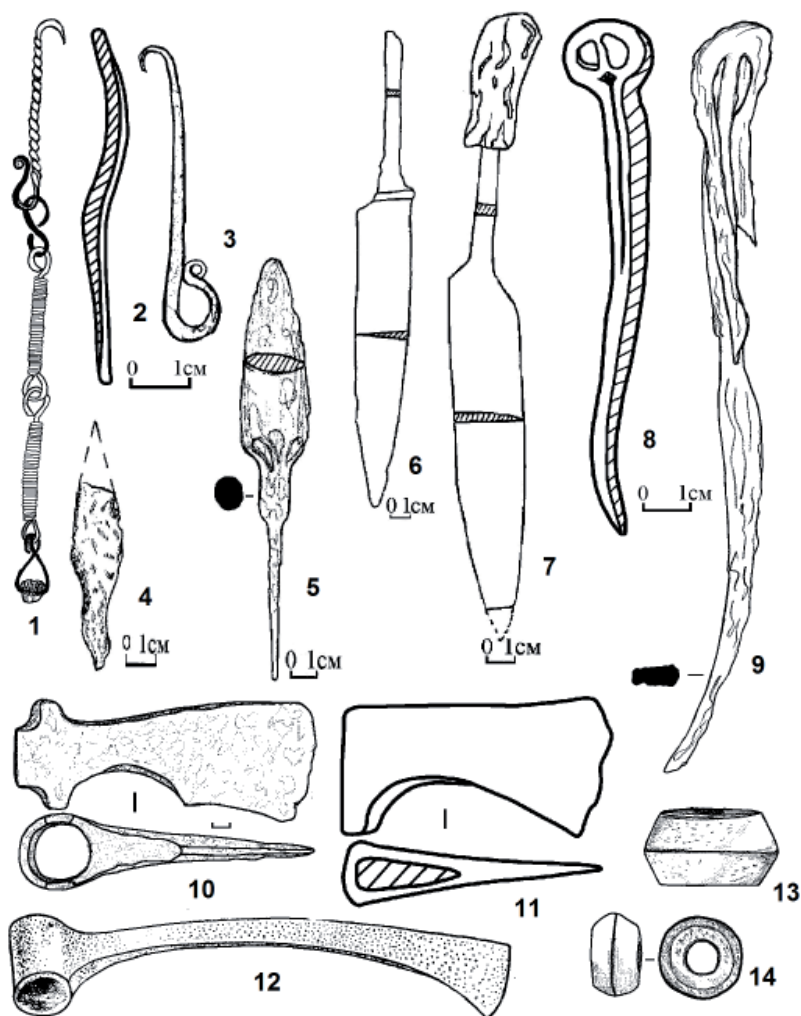

Рис. 9. Орудия труда. 1, 3 – кечказ, 2, 8, 9 – кочедыки, 10–12 – топоры, 6, 7 – ножи, 4, 5 – наконечники стрел

кой (рис. 9: 11), имеют аналоги в поздних марийских и удмуртских могильниках (Акимова, 1958, с. 2; Шутова, 1992, с. 236). Топор среднего размера и круглой втулкой из Тоторшево имеет два симметричных прямоугольных выступа (рис. 9: 10). Подобные встречены в могильниках мордвы XI–XIII вв. (Петербургский и др., 1990, с. 89; Мартянов, 1988, с. 127).

Ножи (34 экз.), обнаружены в могильниках не позднее середины XVIII в. По форме и размерам лезвия выделено три типа. Узколезвийные (рис. 9: 6) имеют короткий (в 2 раза меньше лезвия) прямоугольный в сечении черешок, прямую с небольшим уступчиком спинку. В некоторых случаях – прямоугольное или полукруглое в плане перекрестие. Широколезвийные имеют прямоугольное или полушаровидное перекрестие, небольшой уступчик со стороны спинки или округлое лезвие. Наиболее распространен тип ножей с длинным (14–15 см) и широким (2–2,7 см) лезвием (рис. 9: 7). Некоторые из них имеют резкий уступ со стороны спинки и плавный – лезвия, другие – прямоугольное или трапецевидное перекрестие.

Черенок прямоугольный, часто в два раза короче лезвия.

Наконечники стрел (2 экз.) железные, черешковые с ромбическим пером. Черешок в сечении плоский и короткий (рис. 9: 4) или округлый длинный (рис. 9: 5).

Кресала (29 экз.) встречаются в могильниках не позднее начала (?) XVIII в., изготовлены из железа, по форме выделено четыре типа.

Тип а. Калачевидные (рис. 10: 6) – архаичный тип, бытовал у мордвы еще в XII–XIII вв. Подобная форма известна и в поздних удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 231).

Тип б. Плоские кресала, прямоугольные в сечении, наиболее распространенный тип, один из поздних, имеет большое разнообразие вариантов: прямоугольные с линзовидным отверстием в центре (рис. 10: 2), прямоугольные со скругленными углами, овальным и круглым отверстием; подтреугольные с отверстием такой же формы и выделенным ушком (рис. 10: 3); подтреугольные (рис. 10: 1), изогнутые (рис. 10: 7), овальные с фигурным отверстием в центре (рис. 10: 5). Последний вари-

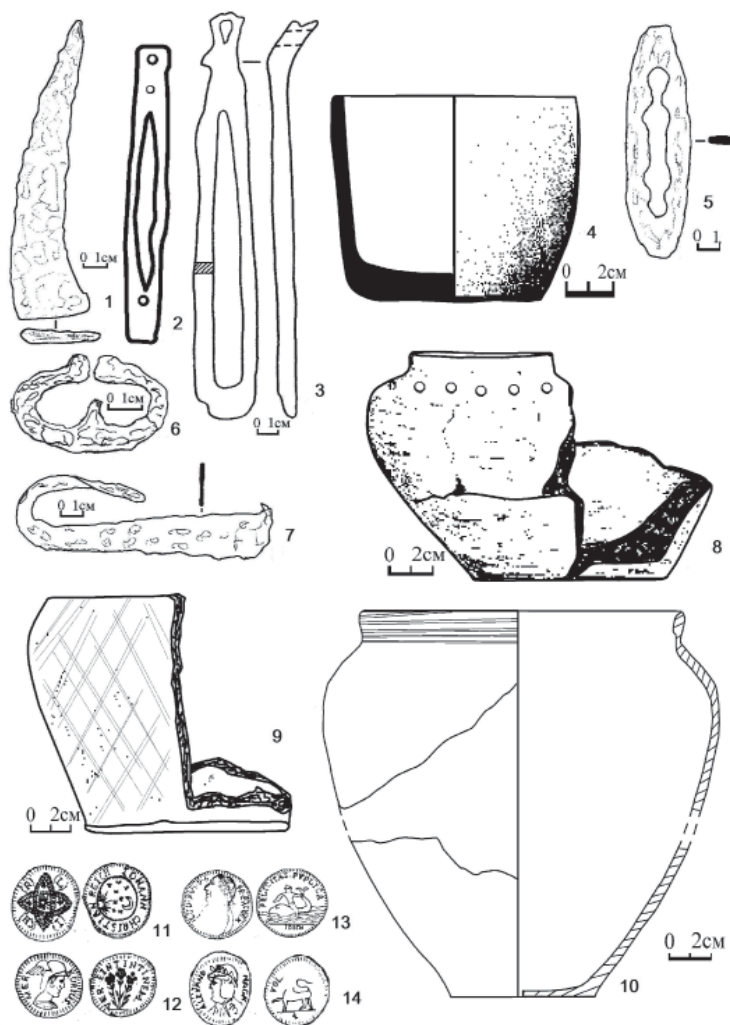

Рис. 10. Погребальный инвентарь. 1–3, 5–7 – кресала, 4, 8–10 – сосуды, 11–14 – жетоны

ант типичен для могильников мордвы XI–XIV вв. (Мартьянов, 1990, с. 62; 1998, с. 108; Беляев и др., 1998, с. 107).

Кремни со следами ретуши (5 экз.) – кремневый нож и нуклеус. Вероятно, изготовлены в период энеолита – неолита, собраны с памятников этого времени и использовались в быту как огниво.

Гребни (10 экз.) изготовлены методом штамповки из тонкой бронзовой пластины. Больши́нство имеет симметричную форму, зооморфные плечики и отверстие в центре (рис. 8: 8). Наиболее поздние экземпляры (Коноваловка) украшены коньковидными плечиками-ручками, имеют петельку для подвешивания (рис. 8: 12). Лицевая сторона покрыта циркульным орнаментом.

Копоушки (2 экз.) найдены в Коноваловке. Экземпляр из погр. 78 выполнен в виде небольшой ложечки с овальной петелькой для подвешивания (рис. 8: 27).

Кошельки (3 экз.) Кошелек из женского погр. 16 Коноваловского могильника имел трапециевидную форму, расшит разноцветным бисером. В верхней части – бронзовое кольцо диаметром 2

см для крепления к поясу. Два кожаных кошелька с монетами положены в мужские погребения. Кошелек из погр. 68 имел клапан для застегивания (рис. 8: 6).

Глиняные сосуды. Всего исследовано 22 целых сосуда, 12 из них изготовлены вручную и подправлены на гончарном круге, 10 – гончарные. Обжиг всей керамики горновой. Состав глиняного теста для сосудов с каждого памятника был индивидуален. В тесте сосудов из Ачадово визуально фиксируется примесь мелкого сортированного песка, Шелехмети – шамот, в горшках из Лобасков – шамот и навоз.

Лепные сосуды найдены в курганном могильнике Лобаски и грунтовых Редкодубском, Ачадовском, Кельгининском, Сабаевском, Шелехметском и Привольевском. Толщина стенок 0,5–0,8 см и 0,8–1,2 см. Поверхность сосудов шероховатая, черного, серого или коричневого различных оттенков цвета. Заглаживание поверхности производилось мягким предметом – куском ткани (или кожи). Штриховое заглаживание, видимо, не было традиционным, поскольку применялось

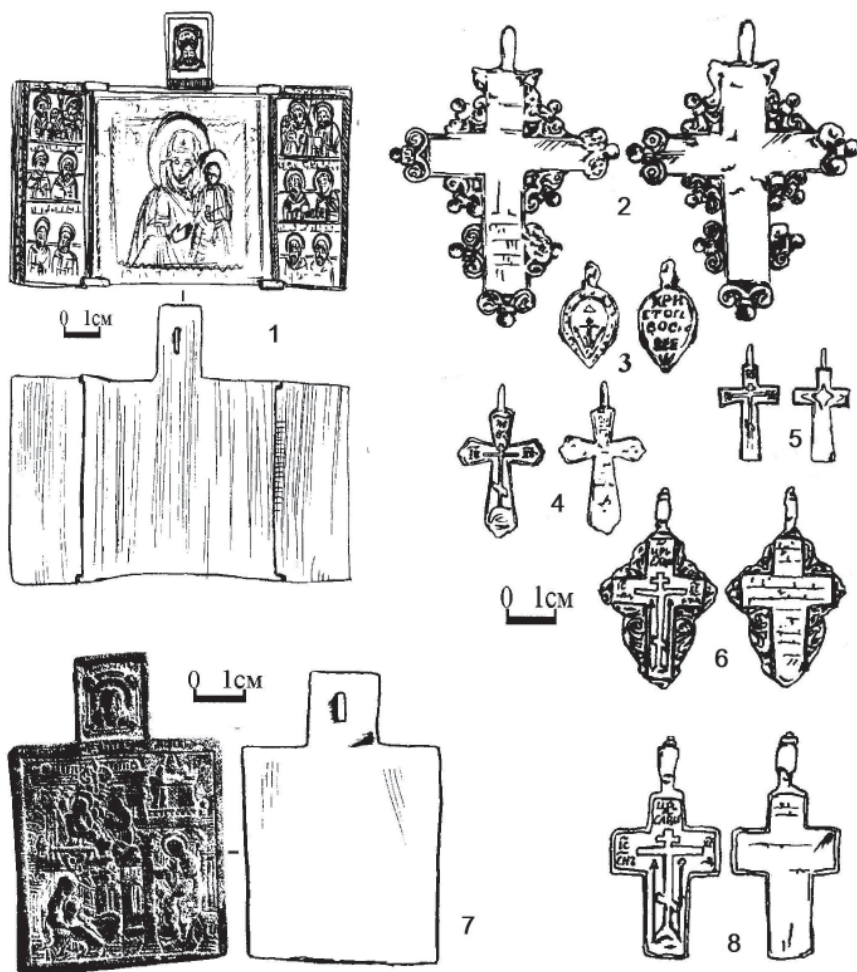

Рис. 11. Символы христианской веры. 1, 7 – иконы, 2–6, 8 – кресты

сравнительно редко. При изготовлении сосуда из Сабаево применено перекрестно-диагональное глубокое заглаживание (рис. 10 9). Девять сосудов имеют горшковидную, три – баночную форму. Горшковидные сосуды небольшого размера, их высота 5–12 см. Исключением является сосуд из Шелехмети (квадрат Г/9) высотой 22 см. Форма горшков разнообразна, они преимущественно трех- или четырехчастные, имеют округлое тулово и плоское дно. У горшков из Шелехмети и Кельгинино (погр. 177) четко выделено ребро. Три сосуда имеют симметричный прямой короткий венчик, семь – внутренне симметричный округлый, отогнутый наружу. Дно у трех горшков имеет небольшие закраины. Орнаментирован лишь один лепной сосуд из Лобасков (рис. 10: 8). Баночный сосуд из Шелехмети, погр. 5, имеет открытую форму и прямые стенки (рис. 10: 4), сосуд из Сабаево – закрытую форму и округлые стенки (рис. 10: 9).

Гончарные сосуды обнаружены в Ачадовском, Кельгининском, Мордовско-Паркинском, Русско-Маскинском, Черемисском, Сабанчевском и Ново-Пырменском могильниках. Поверхность

их гладкая, серого или черного цвета. Толщина стенок 0,4–0,6 см и 0,7–0,8 см. Все сосуды горшковидные, имеют трехчастную (кроме горшка из Черемис – пятичастная) форму и плоское дно. Поверхности четырех сосудов орнаментированы (Ачадово, Кельгинино) (рис. 10: 10), орнамент расположен в проксимальной зоне – между венчиком и плечиком.

Символы христианской веры появились в погребениях мордвы в конце XVIII в. Всего рассмотрено 65 крестов-тельников, икона-складень, нательная икона и две привески.

Кресты. Из общей коллекции один крест из Лобасков, два – из Батушево, остальные – из Коналовки. Один крест серебряный (Батушево), 49 – из желтой меди, 7 – из красной, что является свидетельством более ранней даты их изготовления, 3 – из олова. Все кресты, кроме трех, старообрядческие, имеют характерные для раскольников признаки: на аверсе – изображение восьмиконечного Голгофского креста без распятия и надпись: «ЦРЬ СЛВЫ ІС ХС СНЪ БЖІЙ». Помимо этой надписи возможны и другие: «НИКА» – победи-

тель смерти; «МЛ» – место лобное, «РБ» – распят бысть или рай бысть. На реверсе имеется легенда – псалом из книги псалмов дониконовского издания. На крестах из погр. 49, 18, 336, 78, X48 Коноваловки читается стих псалмов № 68–69. В коллекции имеются кресты тельники (от трех до двенадцатиконечных) и кресты напрестольные (?) – казачьи, восьмиконечные, реже – шестиконечные. По половозрастному признаку кресты можно разделить на четыре группы: мужские, женские, детские и так называемые казацкие кресты, их носили как мужчины, так и женщины.

Мужские кресты имеют прямоугольные средокрестие и ветви, по краю бортик в виде рамки, без орнамента (рис. 11: 8). Женские орнаментированы в виде стилизованного вьюна с листьями и завитками (рис. 11: 6). Детские кресты меньшего размера, текста на реверсе нет, встречается геометрический орнамент (рис. 11: 5), нижняя ветвь могла быть заострена (рис. 11: 4). Казацкие кресты больших размеров, богаче орнаментированы, на реверсе – текст и геометрический орнамент (рис. 11: 2) (Малкова, 1998а, с. 144–147).

Привески с православной символикой обнаружены в Коноваловке, они имеют каплевидную форму и объемную петельку для подвешивания. Одна из них из олова, другая – из меди. По краю украшены каймой «жемчужником», в центре изображен крест (рис. 11: 3). В Коноваловке также найдены две иконы. Икона-складень из желтой меди с тремя створками, с изображением Богоматери Одигитрии, ангелов Михаила и Гавриила (рис. 11: 1). Реверс иконы зачищен, что характерно для икон XVIII в. (Исаева, 1993, с. 98). Прямоугольная икона-привеска с изображением Рождества Богородицы (рис. 11: 7) изготовлена из красной меди, на обороте оглавия имеется тонкое ушко для шнура, что позволяет датировать ее XVI в.

Монеты и счетные западноевропейские жетоны. Монеты (433 экз.): определены 273 экз., в том числе 226 серебряных и 47 медных. Серебряные монеты: Ивана III (6); Ивана IV (29); Федора Ивановича (2); Бориса Федоровича (1); Василия Ивановича (3); Михаила Федоровича (123); Алексея Михайловича (26); Петра I (17); Федора Алексеевича (2); Петра Алексеевича (17).

Медные монеты: Петра I (11); Анны Иоанновны (7); Елизаветы Петровны (8); Екатерины II (4); Павла I (12); Александра I (5).

Основная масса монет приходится на середину XVI – середину XVIII вв., большее их количество выпущено во время правления Михаила Федоровича. В погребениях отсутствуют монеты 1677–1681 и 1726–1729 гг. Единичны находки монет 1584–1610 гг. Аналогичная картина наблюдается

в синхронных марийских и удмуртских памятниках (Шутова, 1992, с. 11). Это можно объяснить и малой долей раскопанных памятников, датированных позднее XVIII в. Судя по отсутствию пробитых монет, после времени правления Петра I их использовали в качестве украшения до середины XVIII в., в основном применяли серебряные.

Счетные жетоны или пфенниги – монетовидные металлические знаки – употреблялись с XIII по XVIII вв. в Западной Европе для подсчетов с помощью абака (счетной доски). Есть четкие отличия жетона от монеты. Во-первых, материал – чаще всего использовалась латунь. Во-вторых, присутствие в легенде полностью или в сокращенном виде одного из слов: RECHEN PFENNING, RAIT PFENNING, LEG PENNING, CALCULUS PROIECTILIS, GESTOIR, JETON, COUNTER, CONTADOR, SPIL MARKE. На немецком, голландском, латинском, французском, английском, испанском языках они обозначают одно и то же – счетный пфенниг, а последнее словосочетание – игральную марку. В-третьих, на них почти всегда присутствует портрет правителя, чаще всего Франции или Германии (Малкова, Морозов, 1996, с. 259–262). Любопытны в этом отношении два жетона из Коноваловки: на одном из них изображен Александр Македонский (рис. 10: 14), на другом – Меркурий (рис. 10: 12). На жетонах можно встретить изображение корабля, парка с фонтаном, восточной символики – луны, солнца и звезд, императорской державы, герба (рис. 10: 11).

Для 34 пфеннигов установлены имя правителя, при котором они выпущены: Вильгельм III Английский, Шотландский, Ирландский (1688–1702); Генрих IV; Георг I Английский, Ганноверский (1727–1760); Август III Польско-саксонский (1733–1763); французские короли – Людовик XIII (1610–1643); Людовик XIV (1643–1715); Людовик XV (1715–1774) и Людовик XVI (1774–1793) (рис. 10: 13). Пфенниги можно использовать лишь в качестве относительно датирующего материала, поскольку они могли быть выпущены как во время правления того или иного короля, так и после его смерти. Мордва использовала жетоны в качестве подвесок к украшениям в течение длительного времени.

Счетные пфенниги широко использовали в качестве украшения костюма на Украине, в Поволжье, Прикамье и в Сибири (Шикаева, 1982, с. 192–200; Шутова, 1992, с. 9–10). Частота встречаемости и способ применения говорят о их массовом завозе на эти территории, а возможно, и изготовлении (Малкова, Морозов, 1996, с. 261).

ГЛАВА 3

О ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КЛАДБИЩАХ ЗАКАЗАНЬЯ

Исследование археологических памятников на территории Арского района Республики Татарстан началось в 50-е годы XX в. экспедицией Казанского филиала Академии наук СССР. Цель изысканий состояла в выявлении и фиксации археологических памятников для составления археологической карты республики. Кроме того, сотрудниками экспедиции производился опрос местного населения, записывались с их слов многочисленные легенды и предания о старинных «черемисских» кладбищах, которые являются неоспоримыми свидетельствами обитания на этих землях «черемисов», которые смешивались с русскими или булгаро-татарами, пришедшими из Казани, Арска и Закамья, начиная с булгарских времен и до XVII–XVIII вв. (Калинин, Халиков, Генинг, 1956, л. 22).

Древнее марийское население (черемисы) появилось в рассматриваемом регионе в XV–XVI вв., о чем свидетельствуют легенды и предания, собранные путем опроса жителей Арского района в селах Нижние Аты, Урнаш-Баш, Субаш-Аты, Нижние Берези, Мендюши, Средний Пшалым, Старые Турналы, Верхний Азяк, Учили, Утар-Аты. С целью проверки легенд, определения этнокультурной принадлежности древних кладбищ и их датировки в 1980 г. была организована экспедиция МарНИИ (Дроздова, Шикаева, 1981). В результате проведенных исследований нами было установлено, что вплоть до наших дней в народе сохранились легенды о проживании «черемис» на указанной территории. Т.Б. Шикаевой (Никитиной) и Г.И. Дроздовой было проведено обследование в следующих пунктах: д. Кубяны, Досюм, Кунгер, Кошар, Ташкичу, Ашитбаш, Семитбаш. В четырех пунктах были выявлены, путем закладки шурфов, «черемисские» кладбища. Все обнаруженные захоронения имели следующий обряд погребения: глубокие могильные ямы, отсутствие вещевого инвентаря в погребениях, остатки гробовища, крестиков, а также монет периода XVIII–XIX вв. Из-за отсутствия вещевого инвентаря возникают сложности при определении этнокультурной принадлежности памятника. Ряд элементов погребального обряда: захоронение умерших головой на северо-запад, вытяну-

тое вдоль костяка положение рук, наличие костей животных, монет – имели место на Кунгерском кладбище и кладбище у д. Ташкичу. Перечисленные детали обряда напоминают языческий обряд захоронения. По обнаруженным монетам могильники можно отнести к XVIII веку. Все эти данные подтверждают достоверность фольклорного материала и вероятность проживания марийцев на указанной территории вплоть до XVIII века. Наличие крестиков, фрагментов гробовища, большая глубина захоронений, в ряде случаев западная ориентация умерших свидетельствуют о христианском влиянии. Вышеперечисленные элементы обряда не характерны для мусульманского обряда. Следовательно, эти кладбища не могли быть оставлены татарским населением.

По своим особенностям эти могильники близки марийским типа Каранкинского, Березовского, расположенным в Марийской республике.

В 1999 г. работы по изучению позднесредневековых кладбищ в правобережье Вятки были возобновлены. Нами был обследован ряд районов: Арский, Балтасинский, Кукморский. Маршрут исследования составлялся по легендам и преданиям, записанным сотрудниками экспедиции 1956 г.

В Арском районе, в бассейне реки Шошмы, были обследованы следующие пункты: д. Нуса, Пшенгер, Утез-Елга, Шушмабаш, Каратай, Ишнарлат, Апазово, Хасаншаих. В двух пунктах были выявлены позднесредневековые кладбища (Дроздова, 2000). По сведениям местного населения, в ряде перечисленных пунктов при земляных работах местные жители находили серебряные монеты XVIII века, женские украшения, орудия труда, глиняные курительные трубки.

В деревне Нуса, по словам местных жителей, 200 лет тому назад жили в лесу «черемисы». Внизу, в деревнях Каратай и Апазово, жили татары, которые следили за «черемисами», переправлявшими по реке Нусе (правый приток р. Шошмы) срубы, предназначенные для строительства домов на высокой горе, в лесу, где находилось множество родников с вкусной водой, и, вытеснив черемис, обосновались на этой местности сами. Название деревни возникло якобы от восклицания татар о родниковой воде «Ну, су!» (су – вода). На пока-

занном местными жителями кладбище нами было раскопано одно захоронение со следующим обрядом погребения: умерший располагался на глубине 80 см, вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицом к юго-западу. Правая рука вытянута вдоль корпуса умершего, кости левой конечности руки не сохранились. Вещевой инвентарь отсутствует. По данному захоронению можно предположить, что умерший был погребен по мусульманскому обряду.

В деревне Угез-Елга, в поле, был осмотрен надгробный камень с надписью, выполненной арабским шрифтом. По мнению д. филол. н. М.И. Ахметзянова, камень датируется периодом Казанского ханства. Других находок, подтверждающих существование в этом месте поселения периода Казанского ханства, пока не выявлено.

В деревне Каратай жители поведали легенду о том, что когда-то давно черемисы украли белого жеребца. Отсюда пошло название «Каратай» – черный жеребец. Местоположения древнего кладбища жители показать не смогли.

В деревне Апазово среди жителей сохранились легенды о проживании на данной местности в древности «черемис». Древнее «черемисское» кладбище было показано учителем истории Минibaевым Хамбалом. Оно располагается в 300 м к северо-западу от деревни, в поле. Поверхность кладбища задернована, следы могильных ям не прослеживаются. Нами был заложен шурф и на глубине 60 см в слое известнякового суглинка обнаружено захоронение взрослого человека плохой сохранности. Умерший располагался вытянуто на спине, головой на запад (аз. 270°), едва прослеживаемые кости рук покоились на груди, ноги вытянуты. Вещевой инвентарь отсутствует. Второе захоронение взрослого человека было выявлено на глубине 80 см от современной поверхности. Костяк располагался на спине, головой на запад (270°), лицом к югу. Конечность правой руки была вытянута вдоль умершего, левая, согнутая под прямым углом, была уложена кистью на живот. Вещевой инвентарь отсутствует.

Небольшая глубина могильных ям (60–80 см от современной поверхности) характерна для языческих «черемисских» кладбищ. Положение умерших на спине, положение кистей рук в области живота, западная ориентация – все это признаки христианской погребальной обрядности. Положение конечностей рук у второго умершего близко к мусульманской обрядности.

Для того чтобы определить этнокультурные признаки захоронений на вышеописанном кладбище, необходимо провести дальнейшее исследование памятника.

Следующее предполагаемое «черемисское» кладбище было исследовано в деревне Хасаншаих. Местонахождение кладбища было показано Гадуфом Хазиевичем (1919 г. р.). Кладбище находилось в 500 м к востоку от деревни на правом берегу реки Шошмы. Следы могильных ям не прослеживались. Нами было заложено два шурфа, но лишь в одном из них, на глубине 40 см, в слое суглинка с известняковой крошкой была обнаружена челюсть ребенка. Других костей не обнаружено. Вещевой инвентарь отсутствует.

Привлечение писцовых материалов XVI–XVII вв. дало возможность говорить о населенных пунктах Казанского ханства в этом районе. Основным критерием для отнесения перечисленных селений (Каратай, Таузар, Карадуван, Салаусь, Смаил) ко времени существования Казанского ханства является нерусское название селений в писцовых материалах XVI – начала XVII вв. Такие названия давались татарами, марийцами, мордвой и удмуртами, т. е. народностями, населявшими Казанское ханство.

В 2002 г. в Арском районе нами было исследовано еще два кладбища: I, II Нижнепшалымские, о которых было сообщено к.и.н., старшим научным сотрудником Института истории АН РТ Р.Ф. Галлямовым.

На I Нижнепшалымском кладбище было вскрыто пять погребений. Глубина могильных ям варьирует от 80 до 100 см. Все погребенные располагались вытянуто на спине, головой на запад, в трех случаях (погребения 1, 3, 5) лицом к югу. В погребении № 4 умерший располагался лицом вверх. В двух случаях кости конечностей рук погребенных были вытянуты вдоль костяков, в погребении № 4 наблюдалось необычное положение рук, согнутых в локтевых суставах и прижатых к плечам. В погребении № 3 умерший повернут на правый бок. Вещевой инвентарь отсутствует.

Из вышеприведенного материала можно сделать предварительные выводы о том, что умершие, очевидно «черемисы», были ассимилированы и мусульманизированы, но некоторые языческие элементы сохранились в погребальной обрядности: небольшая глубина могильных ям, положение рук вдоль костяков, наличие деревянной колоды в одном случае. О мусульманизации населения свидетельствуют следующие моменты: положение (в погребении № 3) костяка с поворотом на правый бок, лицом к югу.

На II Нижнепшалымском могильнике было вскрыто четыре захоронения. По словам местных жителей, это удмуртское кладбище. Глубина могильных ям варьирует от 110 до 160 см. Умершие были захоронены вытянуто на спине, во всех случаях головой на запад (в двух погребениях – лицом

к югу). Кости рук (в двух погребениях) вытянуты вдоль костяков (в двух не прослежены). В погребении № 2 обнаружена серьга из проволочного стержня, изогнутого в форме вопросительного знака, кончик которой загнут петлей. На стержень нанизана одна стеклянная бусина овальной формы темно-синего цвета. В погребении № 4 была выявлена цветная галька, расположенная по всему захоронению, назначение ее непонятно. В остальных погребениях вещевой инвентарь отсутствует. В двух погребениях прослеживались фрагменты древесного тлена от гробовища.

Нижне-Пшалымское II кладбище можно датировать XVII веком. К языческому ритуалу погребения можно отнести следующие признаки, выявленные на этом кладбище: захоронения в гробах-колодах, положение умерших вытянуто на спине с конечностями рук, вытянутыми вдоль костяков, наличие цветной гальки и серьги в одном из захоронений. Но здесь же присутствуют и признаки мусульманской обрядности: положение

умерших головой на запад, лицом к югу, большая глубина могильных ям от 110 до 160 см. Отсутствие датирующего вещевого материала в захоронениях затрудняет определение этнической характеристики памятника, но дополнительно опираясь на существующее народное предание, можно сделать вывод о принадлежности кладбища предкам удмуртов, ассимилированным татарским населением и частично мусульманизированным.

Подводя итоги исследованиям позднесредневековых «черемисских» кладбищ на территории Арского района, следует отметить, что на территории Заказанья проживали «черемисы», которые впоследствии были либо ассимилированы, либо вытеснены со своей прежней территории татарами или русскими. Материалы исследованных кладбищ подтверждают достоверность фольклорного материала о проживании черемис в XV–XVI веках на территории данного района. Дальнейшие исследования помогут поставить точку в решении данного вопроса.

ГЛАВА 4

ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI–XVIII ВВ.

В середине XVI столетия Казанское ханство вошло в состав русского централизованного государства. Присоединение Казанского края к России в то же время внесло большие изменения в сословную иерархию Казанского феодального общества. Феодальная верхушка была выселена из своих земель, частично уничтожена.

Но не все отторгнутые у местного населения земли сохранились в руках русских помещиков. К началу XVII в. многие земельные владения были возвращены нерусским феодалам, но уже на правах поместного владения. Намечается политика правительства по созданию привилегированной прослойки среди нерусского населения. Казанские феодалы, перешедшие на службу к русскому правительству, оставались некоторое время на прежнем положении во владении землей.

После падения Казанского ханства царское правительство проводило политику массового насильственного крещения нерусских народов. Особую жестокость подобная политика приняла при Казанском архиепископе Луке Канашевиче. На территории Казанской губернии только за два года (1742–1744) из 536 мечетей было уничтожено 408. Ликвидация мечетей и училищ при них, уменьшение мусульманского духовенства сильно подорвали идеологическую организаторскую роль ислама.

В середине XVIII столетия на территории Среднего Поволжья и Приуралья происходят большие социально-экономические изменения, которые привели к значительной консолидации татарского населения. С середины XVIII в. начался переход от феодализма к капитализму. Постепенно зарождается и набирает силу татарская буржуазия, которая добивается некоторых уступок со стороны царского правительства: ликвидации миссионерской конторы для новокрещенных (1746), разрешения строить мечети и мусульманские школы при них (1756), свободы вероисповедания (1773), уравнивания татарских мурз в правах с русскими помещиками (1784) и др.

Молодая татарская буржуазия устанавливает тесные связи с тюркоязычными окраинами России в башкирском Приуралье, в Средней Азии и др. В школах усиленно изучаются турецкий, арабский

языки, в то же время формируется самосознание народа, развивается общенациональный язык и национальная культура. Появившаяся в данный период татарская историческая литература («Джамигъ ат-Таварих» Кадыр Галибека и «Таварих Болгария» Хисамутдина Муслими) показывает ярко выраженную идеологическую окраску. Ностальгию по «золотому веку», времени Волжской Болгарии и Золотой Орды, когда жили по велению своих предков, когда все было по справедливости. Мулла Мурат мечтал о возрождении Болгара, строительстве мечети и обучении детей религии предков. Практически эти работы пытался осуществить в жизнь Мулла Мамай, который ремонтировал отдельные архитектурные памятники города Болгара.

Социально-экономические изменения в Среднем Поволжье после падения Казанского ханства отражались в традиции обряда установления памятников резким уменьшением памятников, изменением их размеров и ухудшением их внешнего оформления. Если не считать двух менгерских памятников, ничем не отличающихся от эпитафий Казанского ханства, эпитафические камни второй половины XVI в. не известны. В этот период татарский народ подвергся гонениям, насильственной христианизации, татарская феодальная верхушка потеряла свою руководящую роль. В результате ощущается падение роли ислама в обществе. В этих условиях народные массы не могли в полной мере соблюдать свои традиционные обряды, в том числе и ритуальные. С другой стороны, изготовление эпитафий требует и значительных материальных затрат, грамотных мастеров, хорошо владеющих навыками резьбы по камню. Стильные надгробия и в булгарском, и казанском обществе изготовляли на заказ.

Нельзя исключить, что в данный период, во второй половине XVI – первой половине XVII вв., место погребения отмечали деревянными памятниками. Такая традиция у татарского народа наблюдается по сей день. Вероятно, к этому времени относятся многочисленные необработанные камни на древнетатарских кладбищах. На отдельных кладбищах таких сохранились десятки. Из-за отсутствия текста нельзя датировать надмогильные

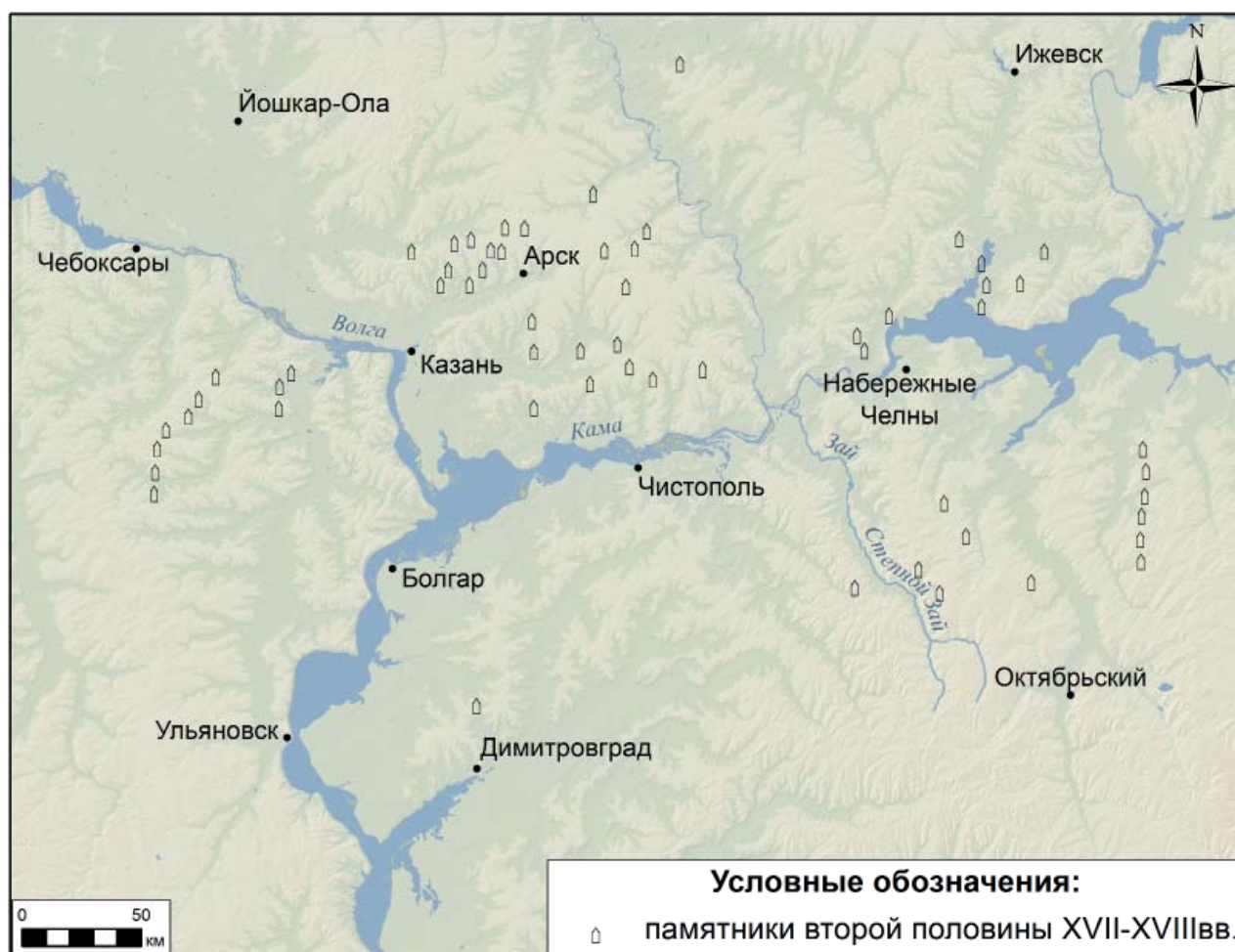

Рис. 1. Карта распространения эпитафических памятников XVII–XVIII вв.

камни, находящиеся на кладбищах Закамья, основного места сосредоточения эпитафических памятников XIII–XIV вв.

Эпитафические материалы XVII–XVIII вв. в той или иной степени привлечены в работах Г.В. Юсупова, Ф.Х. Валеева, М.А. Усманова, М.И. Ахметзянова, И. Таирова, С.М. Червонной, Р. Марданова, И. Хадиева, В.М. Усманова. Не разработана классификация памятников данного периода.

Г.В. Юсупов хронологически выделяет памятники второй половины XVII в., эпитафии XVIII в. и памятники XIX в., отмечая, что у них нет строго выдержанных самостоятельных стилей, а есть только повторение элементов типологии предшествующих веков (Юсупов, 1960, с. 41). Ф.Х. Валеев относит их к эпитафиям третьей (вторая половина XVI – середина XVIII вв.) и четвертой (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) групп (Валеев, 1950, с. 90). Он также отмечает, что «стелы третьей группы почти полностью повторяют декор камней первой половины XVI в. и к середине XVIII века в надгробиях исчезает характерный стиль второй группы – резной узор, и со второй половины XIX в. резная орнаментация на

надгробиях почти не применяется» (Валеев, 1984, с. 95). Таким образом, оба исследователя в памятниках XVII–XVIII вв. видели только повторение типов эпитафий Болгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. В монографической работе М.И. Ахметзянова (Әхмәтжанов, 2000) основное внимание уделено языку эпитафий и шаджаре отдельных татарских родов.

В последние десятилетия проводится большая работа по выявлению и изучению намогильных камней. Сплошное эпитафическое исследование в Татарстане проводилось в следующих районах: Агрызский (И.Г. Хадиев, Р.Ф. Марданов), Арский (А.М. Гайнетдинов), Атнинский (И.Г. Хадиев, Р.Ф. Марданов, А.М. Гайнетдинов), Балтасинский (И.Г. Хадиев, Р.Ф. Марданов), Дрожжановский (Д.Г. Мухаметшин), Пестречинский (В.М. Усманов), Зеленодольский (А.М. Гайнетдинов), Кайбицкий (Д.Г. Мухаметшин), Кукморский (И.Г. Хадиев, Р.Ф. Марданов), Актанышский (Васильев), Мюсюмовский (В.М. Усманов), Спасский (Д.Г. Мухаметшин), Алькевский (Д.Г. Мухаметшин), Чистопольский (Р.Г. Насыров, Д.Г. Мухаметшин), Нурлатский (Р.Г. Насыров), Новошешминский (Р.Г. Насыров), Казань (А.М. Гайнет-

динов), Каргалы (В.М. Усманов), Башкортстан (В.М. Усманов), Троицк (В.М. Усманов), Курган (Д.Г. Мухаметшин, А.А. Бурганов), Чувашия (Д.Г. Мухаметшин, В.М. Усманов), Пенза (Д.Г. Мухаметшин), Ульяновск (Д.Г. Мухаметшин). Это позволило более полно собрать информацию о памятниках XVII–XVIII вв., которые до сих пор оставались вне поля зрения исследователей (рис. 1).

Эпиграфические памятники второй половины XVII и XVIII вв. зафиксированы более чем в 70 населенных пунктах (приложение 1). Основным местом концентрации эпитафий по-прежнему являются территория Республики Татарстан, восточные районы Чувашии и западные районы Башкортостана. Камни XVIII в. известны на севере в с. Нократ Глазовского района Удмуртии, на северо-востоке у с. Бизяки, Тураево Агрызского района, на юго-востоке в Оренбурге, а также в Сибири – Тобольске и у с. Альменова Альменовского района Курганской области. Две последние эпитафии находятся в музеях, их происхождение неизвестно.

Эпиграфические памятники XVII–XVIII вв. разделяются на несколько типов. Еще некоторое время продолжает существовать *тип памятников Казанского ханства*. Они практически не отличаются от стильных эпитафий XV–XVI вв., но намечается некоторое уменьшение толщины камней. Верхняя часть эпитафий килевидная или стрельчатая, в тимпане растительный орнамент, характерный для памятников Казанского ханства. Бордюр представляет растительный орнамент типа виноградной лозы, но с крутыми изгибами стебля и значительно уменьшенный за счет включения в композицию крестообразной розетки. Заключенный в овальную рамочку, этот мотив повторяется на бордюре каждой стороны памятника от трех до шести раз. Единичные памятники этого типа продолжали свое существование в конце XVII и даже в начале XVIII в. в тех же районах распространения казанских памятников. Например, в Заказанье – Максабаш 1080 г. х. (1669/70 г.), Нижн. Ура 1099 г. х. (1687/88 г.), и в Предволжье – Нурлаты 1122 г. х. (1710/11 г.) Зеленодольского р-на РТ (рис. 2).

К *второму типу* относятся памятники килевидной и стрельчатой формы с полукруглой или стрельчатой нестройной, значительно упрощенной аркой. Под аркой сильно стилизованный растительный орнамент с двумя бутонами посередине (рис. 3). Мотив этот несколько напоминает орнамент на болгарских надгробиях из Болгара и Ст. Салман XIV в. Только в некоторых случаях этот орнамент усиливается мотивом тюльпана. Бордюр памятников представляет собой широкую

Рис. 2. Эпиграфический памятник 1710/11 гг. из с. Нурлаты Зеленодольского района РТ

рельефную полосу или две врезанные линии; подобные рельефные полосы разделяют и строки текста.

В размерах памятников обнаруживаются значительные расхождения от 22×43×95 до 25×59×196 см. Памятники этого типа получают широкое распространение на значительной территории: Нижняя Ура, Максабаш, Тохтамыш, Верхняя Ошма, Арск – Арского района; Ятмас-Дусай, Олге, Мамаширово – Кукморского района; Бурбаш – Балтасинского, Именьково – Лаишевского, Салагыш, Тоба, Агрыз, Ст. Асляково, Рысово, Нажар – Агрызского, Гулюково – Мензелинского районов Республики Татарстан; Нохрат – Глазовского района Удмуртской Республики; Чишма – Чишминского, Шигаево – Белорецкого районов Республики Башкортостан, и другие. Таким образом, они охватывают Предкамскую территорию и восточные районы Татарстана, западные районы Республики Башкортостан. Отдельные исследователи предполагают, что все памятники второго типа являются произведениями двух мастеров – отца и сына Кильмухаммада бин Ишмана и Колмухаммада сына Кильмухаммада. Хронологически они охватывают 1671–1697 гг. Все восемь памятников в пос. Чишма Чишминского р-на Башкортостана

Рис. 3. Памятник 1619 г. из с. Нижние Метески Тюлячинского района РТ

поставлены в 1695/96 г. (рис. 4). Однако наиболее ранним памятником этого типа можно считать памятник 1504 г. из с. Карино Кировской области, в тимпане которого изображен примитивный мотив с двумя бутонами.

Интересно наличие первого (1687/88 г.) и второго (1688/89) типов эпитафий в одном и том же населенном пункте – Нижняя Ура (Арский р-н РТ), что показывает, с одной стороны, преемственность памятников от Казанского ханства к татарским памятникам более позднего времени, с другой – постепенное изменение типов эпитафий.

Памятники третьего типа с остrokонечной или килевидной верхней частью, примитивно вырезанной подтреугольной аркой имеют следующие размеры: 24×52×170 см, 35×54×140 см, 25×55×142 см. Намечается значительное увеличение толщины памятников. Внутри арки расположены растительный круговой орнамент или мелкая вырезанная надпись. Своеобразен бордюрный орнамент эпитафий из сел Ст. Урмары, Тобурданово, Аттиково, Шигалей, Ковалей, состоящий из зигзагообразной линии во всю длину памятника и ромбиков, образованных двумя такими линиями,

из косых насечек (Ст. Урмары), веревочного орнамента (Чебоксарский музей). Памятники третьего типа расположены компактной группой в пограничных районах Татарстана и Чувашии.

Эпиграфические памятники правобережья Волги, в том числе памятники данного типа, были исследованы летом 1873 г. крупным татарским ученым-просветителем К. Насыри. Им были прочитаны и опубликованы эпитафии из сел Тат. Азелей, Танаево, Молвино (рис. 5), Бакрче, Васюково, Расбуга, Кугушева, расположенных сегодня в Республике Татарстан, и Шигали, Ямашево, расположенных в Урмарском районе Чувашской Республики.

Таких памятников сохранились около 20, все они обнаружены в восточных районах Чувашской республики. Самой южной точкой распространения памятников данного периода нужно считать эпитафии из Ново-Буянова Шемуршинского района, самой северной – Аттикова Козловского района Чувашии.

Памятники имеют форму плоской остrokонечной плиты. Обработке подвергнута только лицевая сторона, где располагались надпись и орнамент – ромбический, круговой, зигзаги и другие. На памятниках полностью отсутствует растительный орнамент. Некоторые надписи нанесены на необработанную поверхность камня.

Все эпитафии вырезаны неглубоким, некаллиграфическим почерком. Надпись камней разделена на два блока и начинается с даты. Дата сохранилась на большинстве камней. Наиболее ранний из них поставлен в 1106 г. х. (1694/1695 г.), позднейший – в 1160 г. х. (1747 г.).

Имена собственные на эпитафиях читаются нечетко. Большинство из них тюркского происхождения. Особенностью текста памятников этой группы являются отсутствие коранических изречений и благожелательных формул, столь характерных для мусульманской эпиграфики.

На памятниках также отсутствуют родословия погребенных и титулы, только на одном из них отмечен широко распространенный на эпитафиях титул – мирза.

На двух памятниках из Ново-Буянова и Шигалея зафиксировано имя резчика камней – Бикпулад. Эти камни более тщательной обработки, шрифт близок к каллиграфическому насху.

К. Насыри отмечал, что эпитафии из Танаева, Ямашева и Шигалея вырезаны рукою одного мастера. На камнях он прочитал чувашские и русские имена, отметив, что «и сегодня встречаются мусульмане с русскими именами». К сожалению, мелкая, некаллиграфическая надпись эпитафий этого региона трудно поддается чтению, в связи с этим только небольшая часть памятников была

опубликована.

К этим памятникам обращался Д.Ф. Мадуров в своей работе «Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей» (чтение надписей И.В. Волкова). В книге приведены часть текста и их переводы на русский язык: девять камней из двенадцати, указанных в монографии. Тексты, обозначающие дату, авторы во всех памятниках читают как «сикиз йуз» – восемьсот, то есть относят их к XV в. Исследователи удивлены тем, что обнаруживается «везде своеобразное написание числительного *восемь* с дополнительной буквой «мим» в начале. Регулярность с ее постановки почти исключает объяснение этого факта каллиграфическими особенностями» (Мадуров, 2004, с. 50). Игнорирование начальной «мим» в словах, обозначающих дату, привело к ошибочной датировке всех памятников данного типа.

Сегодня только небольшая часть памятников третьего типа сохранились на своих местах первоначального местонахождения, например, надгробия Тойсинское, Ново-Буяновское, Ковалинское и некоторые другие. Большинство эпиграфических памятников были перевезены в Чебоксары. Они сосредоточены в Национальном музее Чувашской Республики и в Чувашском государственном институте гуманитарных наук. Одна эпитафия хранится в библиотеке с. Ковали Урмарского района. Данные эпиграфические памятники Чувашии происходят из ее западной части, связанной в основном с бассейном р. Свияги, где издревле селились болгары-татары (Фахрутдинов, 1971). Отдельные памятники выявлены в северо-западной части, в бассейне р. Аниш.

Эпитафии третьего типа, как было сказано выше, сосредоточены компактной группой в пограничных районах Татарстана и Чувашии, на территории Заказанья (Пестречинский р-н РТ) можно встретить их более ранние аналоги. Геометрический и веревочный орнаменты украшают памятники XV в. из Тат. Ходяшево (Юсупов, табл. 53), Урывкино (Юсупов, табл. 55) и др. А памятник из с. Татарское Казеево 1590 г. того же Пестречинского района (Усманов, 2022, № 166) по всем параметрам (размер, орнаментация, почерк, текст) аналогичен памятникам третьего типа. Появление эпитафий данного типа через сто и более лет на новой территории, вероятно, связано с переселением населения с территории Заказанья на территорию Северного Предволжья.

Четвертый тип – памятники Касимовского ханства. Касимовские памятники (надгробия Старопосадского кладбища и мавзолея Шах-Али) были прочтены Х. Фаизхановым и изданы В.В. Вельяминовым-Зерновым. Отдельные сохранившиеся памятники Касимо-

Рис. 4. Памятник 1695/96 г. из пос. Чишма Чишминского района Республики Башкортостан

ва были опубликованы М.И. Ахметзяновым. В 2004 г. касимовские памятники исследовались Д.Г. Мухаметшиным.

В городе Касимове Рязанской области, в бывшем центре Касимовского княжества, сохранились эпиграфические памятники, по оформлению и по структуре текста близкие казанским. Все они – около 50 памятников – происходят из Старопосадского кладбища и мавзолея Шах-Али города Касимова. Памятники представляют собой тщательно обработанную плоскую плиту с килевидной, стрельчатой или остроконечной верхней частью с аркой и плечиками. В тимпане арки расположен хорошо известный по казанским памятникам пышный мотив, состоящий из сплетений растительных форм или кораническая формула. Ниже тимпана расположена вторая арка из волнистых линий, где размещена заглавная формула. Свободное от арки пространство орнаментировано растительным мотивом. Встречается орнамент более упрощенного типа, дополненный небольшими розетками.

На обороте большинства эпитафий имеется штамп-надпись лица, установившего памятник, прямоугольной формы с овальной аркой из волнистых линий, где обычно располагается упрощенный мотив орнамента лицевой стороны и надпись.

Рис. 5. Памятник 1784/85 г. из с. Молвино Зеленодольского района РТ

Почерк эпитафий простой рельефный, между строками текста имеются рельефные полосы. Тексты эпитафий занимают 8–9 строк, как правило, шесть-семь из них состоят из аятов и хадисов Корана. Таким образом, эпитафии из Касимова аналогичны казанским (пятый и шестой типы) и являются одним из локальных вариантов эпитафий XVII–XVIII вв. В других населенных пунктах бывшего Касимовского княжества надгробные памятники не обнаружены. Эпиграфические памятники Касимова появляются во время правления Шах-Али, в середине XVI в., и продолжают существовать до середины XVII в. По своему оформлению и структуре текста среди них выделяется два типа: памятники со стрельчатой верхней частью, треугольной аркой с формулой «Он живой, который не умирает, все живущее умрет» и памятники с килевидной верхней частью, стрельчатой аркой, под которой имеется орнамент с пышным растительным мотивом.

Первый тип эпитафий более ранний, в основном они относятся к 60–70-м годам XVI столетия, а второй тип продолжает свое существование вплоть до середины XVII в.; последний датированный памятник 2 типа относится к 1062 г. х. (1652 г.).

По своему оформлению касимовские памятники отличаются от казанских наличием двух арок на лицевой стороне. Верхняя стрельчатая арка заполнена орнаментом, как и у казанских памятников, нижняя волнообразная – одной из коранических формул. Штамп-надпись на обороте врезан в прямоугольнике на всю ширину памятника в несколько строк, который завершается небольшой волнистой аркой, заполненной растительным орнаментом.

В структуре текста касимовских памятников мы находим те же самые лексические части, что и в текстах надгробий Казанского округа. Причем в текстах более ранних памятников, относящихся к 60–70 гг. XVI столетия, среди коранических формул все еще встречаются формулы «Он живой, который не умирает...» и «Каждая душа вкусит смерть...». Характерно наличие в начале текста связующего слова «ким», словосочетания «из мира тленного в мир вечности переселился», а также другие особенности, присущие текстам памятников Казанского округа.

Касимовские памятники выделяются употреблением большого количества коранических формул. Кроме 26 и 27 стихов V суры, 57 стиха XXIX суры, 34 стиха XXXI суры, 60 стиха XXV суры Корана, часто встречающихся и на надгробиях Казанского округа, касимовские эпитафии с 80-х годов XVI столетия и до середины XVII в. начинаются, как правило, с формулы «Перед богом Иисус тоже что Адам; Адама он создал из праха, потом сказал ему «будь, и тот был» (стих 52, сура III). Показательно, что все суры приводятся без сокращений.

В тексте эпитафий на втором месте идет дата памятника. Чаще всего дата отмечается годом, месяцем и днем, однако этот компонент по сравнению с текстом казанских надгробий имеет большое разнообразие. На памятниках 1055 г. х. (1643/44 г.), 1060 г. х. (1649/50 г.), 1061 г. х. (1650 г.) дата приведена циклическим годом тюркского летоисчисления – год курицы, год зайца. На некоторых памятниках отмечаются дни недели – «чэршәнбе» (среда), «шимбэ» (суббота), «дүшәнбе кичэсе» (воскресенье) и другие, что зафиксировано и в текстах надгробий Казанского округа.

Третья лексическая часть эпитафии характеризуется обилием титулов, терминов родства, однако без родословных. На женских эпитафиях в обязательном порядке приводится имя мужа, на девичьих – имя отца.

Слово, выражающее понятие смерти, встречается в семи различных вариантах. Этот компонент, как правило, завершает эпитафию, только у некоторых имеется заключение в форме благочестивого изречения «Да помилует праведный Аллах».

Рис. 6. Эпитафия Биккола, сына Бигаша 1658 г. из с. Салауши (Салагыши) Агрызского района РТ (по Р. Марданову, И. Хадиеву)

На многих камнях на боковых сторонах имеются следы надписи. На одном из камней 1019 г. х. (1610/11 г.) зафиксировано известное нам с болгарских времен двустишие на татарском и арабском языках: «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое». Надпись помещена в рамку, а фразы разделены между собой розетками.

На оборотной стороне памятников имеется надпись-штамп, однако на более поздних эпитафиях надпись о сооружении памятника переходит на лицевую сторону. Такое явление мы видим и на памятниках Казанского округа.

Текст надписи-штампа несколько видоизменной формы повторяет текст казанских надгробий. Например, на памятнике Шах-Али вырезано: «эту плиту йучунь Махи-султан ханака для деда своего Шах-Али хана велела воздвигнуть». Как видим, текст надписи-штампа касимовских памятников отличается более точным употреблением глагола; не «воздвигла», а «велела воздвигнуть», с указанием лица, для которого поставлена эпитафия. В мавзолее сохранились памятники жены

Шах-Али Буляк-шад бикем и дочери Хан-султан ханяка бикем.

Эпитафические памятники Касимова по своему оформлению и структуре текста очень близки памятникам Казанского ханства. Казанские памятники являются более ранними и в силу этого служили эталоном для эпитафий Касимова. Поэтому среди памятников Казанского округа мы вправе искать более точные аналоги надгробиям Касимова, то есть с двойными арками на лицевой стороне. Сохранился фрагмент одного такого памятника из Заказанья. Его размеры 18×49×66 см, на боковых частях известное двустишие на арабском и татарском языках «Вижу мир...», на обороте штамп-надпись образца казанских эпитафий. На лицевой стороне две арки, заполненные пышным мотивом и коранической формулой; надпись не сохранилась. В какой-то мере такой памятник является связующим звеном между казанскими и касимовскими памятниками.

Пятый тип – эпитафии с остроконечным верхом без арки и орнамента. Шрифт эпитафий данного типа некаллиграфический врезанный: эпитафии из с. Чишма № 9 (1723/24 г., Башкортостан, см. рис. 4), Чувашского национального музея, с. Альменево Альменьевского р-на Курганской обл., с. Салауш 1658 г. Агрызского р-на РТ (рис. 6). Последний из них относится к типу мемориальных памятников (ядкяр ташы), который характеризуется обильной информацией биографического и исторического характера. Шрифт данных эпитафий простой, мелкий.

В надписи этих памятников есть информация, составляющая эпитафию: имя, отчество, дата смерти, благожелательная формула и посвящение лица, установившего памятник. Одновременно на памятнике размещаются обширные сведения о том, откуда покойный приехал, и наиболее важные сведения об его жизненном пути. Язык эпитафии насыщен словами арабского и персидского происхождения. Такого же характера памятники продолжают существовать и XIX в.: например, памятник, установленный в Каргалах Оренбургской области на могиле Мустафы Хаялина. Текст эпитафии сообщает о том, что его предок Саид Хаялин с разрешения государя императора основал селение Каргалы. Надо указать еще на одну эпитафию, поставленную на могилу Мухаммада Ханафи Усманова в селе Большая Цильня Буинского района Татарстана. В эпитафии перечисляется большое количество его родственников (21) и упоминается, что его предки прибыли сюда в 1609/10 году со стороны Рязани из Темникова. Появляются оригинальные эпиграфические памятники, содержащие сведения исторического немемориального характера.

В структуре текста памятников XVII–XVIII вв. имеются незначительные расхождения. Эпитафии первого типа, как было отмечено выше, по оформлению и структуре текста не отличаются от памятников Казанского ханства.

Надписи всех памятников первого типа начинаются с коранической формулы «Он живой, который не умирает», характерной для золотоордынских памятников Болгара и ранних типов эпитафий XV–XVII вв. Вторые-четвертые строки текста занимают «аяты» и «хадисы», такие же, как на памятниках Казанского ханства и первой половины XVII столетия.

В третьей части текста исчезает выражение «по прошествии» и появляется новое выражение «дирлэр иде». Иногда дата выражена очень лаконично, приводится только год. Например, «по летоисчислению в тысяча сто десятом было» (Ниж. Ура).

Представляет большой интерес возрождение третьего компонента текста болгарских эпитафий, связанных с обрядом захоронения – «билге», «билик» (Ниж. Ура), «балук» (Чишма) в значении памятник. Такая форма отсутствовала с начала XV в.

Во многих памятниках боковые надписи и надпись-штамп отсутствуют. Только в некоторых (Именьково, Чишма) надпись-штамп лица, установившего памятник, переходит на лицевую сторону. Это явление мы встречали на памятниках Касимова и в шестом типе эпитафий Казанского округа.

Надпись на обороте состоит из нескольких строк и включает больше информации историко-лингвистического характера, чем сама эпитафия. На памятнике 1687/88 г. из Ниж. Ура читаем: «этот памятник воздвиг Биктимер суфи, сын Килдияр Хафиза из аиля Оры, от людей молитву ожидая».

На некоторых эпитафиях включение этого компонента в текст лицевой стороны совершенно меняет смысл всей эпитафий. Например, в тексте эпитафии из с. Максабаш читаем: «По летоисчислению в тысяча девяносто втором Хафиз Иштиряк сын Ишая-суфи, от людей молитву ожидая, для отца и матери при своей жизни памятник воздвиг», «Биктимер мурза для своей супруги Тугаш бике этот знак (памятник) поставил» (Нижняя Ура). Еще одна особенность структуры текста памятников этого типа – завершение эпитафии двустихием «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое», который, как правило, начиная с XIII в., располагался на боковой части памятников.

Характерна структура текста памятников второго и третьего типов. К сожалению, большинство эпитафий дефектны. Мелкая врезанная надпись быстро разрушается и трудно поддается расшиф-

ровке. Здесь не встречается кораническая формула, которая открывала текст эпитафий начиная с XIII в. Текст эпитафий начинается с даты и, как правило, состоит из шести-семи строк. После даты идет третий компонент, имя и родословная погребенного. В тексте памятника из Мавлютова зафиксирован четвертый компонент в форме «зиярат» (место погребения).

По традиции на памятниках XVII–XVIII вв. сохраняется высокий титул периода Казанского ханства – «мурза», «мирза». Данный титул дважды встречается на памятниках из Ниж. Ура, Кодряково, на двух памятниках из Национального музея РТ, видимо, тоже из Заказанья. На трех из этих памятников титул «мурза» употребляется при именах отца и сына. Это говорит о том, что данный титул переходил по наследству. Титул «мурза» часто встречается на письменных источниках после казанского периода, например, в Писцовой книге Казанского уезда (Писцовая книга, 1978, с. 39, 65, 88, 125 и др.).

На эпитафиях из Верхней Тирмы и Чишмы отмечен титул «бек». Трудно представить, что в XVII в. владельцы этих высоких титулов имели реальную власть.

Традиционно сохраняется титул «ходжа» – хозяин, владелец (Ст. Узюм). В то же время появляется новый термин «бай», вероятно, в том же значении (Ташлы Ковали). Владельцев титулов «ходжа» и «бай» нужно искать среди землевладельцев и предпринимателей. На памятнике из с. Качелино выявлен термин «түрә» – чиновник, администратор.

Среди титулов большой удельный вес получают титулы религиозных деятелей. Встречаются известные по болгарским и казанским надгробиям титулы «хаджи» (Чита), «ишан» (Максабаш), а также появляются новые «хафиз» (Ниж. Ура, Максабаш), «суфи» (Максабаш, Бол. Нырсы, Ниж. Ура), «мулла» (Молвино, Кшкар) (см. рис. 4).

Среди терминов родства, кроме в обязательном порядке употребляемых терминов «сын», «дочь», нужно отметить термин «джефет» – супруга (Ниж. Ура), «йучунь» – племянница (там же), а также термины «ага» (дядя), «ата» (отец), «баба» (дед) из Тураева. Интересен термин «йаран» (сподвижник) на эпитафии из Максабаша.

Среди эпитафий этого периода отмечено несколько памятников с тахаллусами. В двух из них встречаются тахаллусы-топонимы «Бараскаи» (Верхние Везеи) (рис. 7) и «Кшкари» (Кшкар), тахаллус-этноним «Болгари» (Молвино). Носитель последнего тахаллуса имеет и другие тахаллусы – этнонимы «Тамти» и «Хытай». Этноним «Кодряк» зафиксирован на памятнике из с. Кодряково, «Ашит» – из Нократа, «Нократ» – из Нокра-

Рис. 7. Надгробный памятник 1785 г. из с. Верхние Вережи Арского района РТ. 1785 г.

та и Верхней Ошмы, «Истяк» – из Кодрякова, «Табай» – из Урмар и Ковалей, «Нуркай» – из Чишмы.

Отдельные из вышеуказанных этнонимов, например, «Истяк» (иштяк), нам известны по письменным источникам XVI в. Д.М. Исхаков, подробно рассматривающий вопросы, связанные с административно-политическим устройством татар XV–XVII вв., в «иштяках» видит часть населения татар тюрко-угорского происхождения, консолидация которого в иштякскую общность завершилась в низовьях рек Ик, Белой к XVI в., а в Пермском крае – к XVII в. (Исхаков, 1998, с. 161 и сл.). Этноним «хытай» (кытай) Д.М. Исхаков связывает с ногаями и ногайской ордой (Исхаков, 1998, с. 154).

Отдельные эпитафии данного периода установлены в пазы основания памятника (напр., памятник 1123 г. х./1711 г. с Казанского кладбища). Есть памятники с углублениями на верхней части, где собирается дождевая вода. М.И. Ахметзянов отме-

чает, что по верованиям мусульман из этой чаши пьют певчие птицы (Ахметзянов, 2000, с. 48). В этой связи нужно упомянуть изречение «Смерть есть чаша и все люди выпьют из нее», отмеченное на памятнике XIV в. из с. Старое Ильдеряково. По народным верованиям, обильный дождь и полив способствовали очищению души.

Смерть человека мусульманская идеология воспринимала как неизбежную, но не трагическую действительность. По верованиям, душа человека после отделения от тела попадает в рай. В этом плане символично оформление памятника в виде арки – райских ворот и лозы, воспринимающейся как символ вечной жизни. Реалистичный геометрический орнамент эпитафий XIII–XIV вв. в XVI в. переходит в растительный, в основном цветочный, орнамент. Неизменной остается только виноградная лоза. На памятниках XIX в. появляются и другие атрибуты рая – райские ворота и райские птицы.

Резчики по камню. На эпитафических памятниках XIII–XIV вв. имена резчиков по камню отсутствуют. Не встречаются они и на эпитафиях периода Казанского ханства. На памятниках XVII–XVIII вв. (2 тип) впервые на татарских эпитафиях появляются имена резчиков Кильмухаммада бин Ишмана и его сына Колмухаммада бин Кильмухаммада. Хронологически они охватывают 1671 (Именьково Лаишевского р-на РТ) – 1697 гг. (Верхняя Ошма Мамадышского р-на РТ), Тат. Ахтияле (Менделеевский р-н РТ) – 1696/97 г. Имя Кильмухаммада бин Ишмана фигурирует до 1687 г. Вместе с сыном они вырезали эпитафии более 25 лет. Все памятники Чишмы (9 шт., Чишминский р-н РБ) были изготовлены в один год – 1695/95 г. Таким образом, их памятники были распространены на значительной территории: на предкамской территории, в восточных районах Татарстана и западных районах Республики Башкортостан. О первоначальном местонахождении памятника из Тобольского музея нам неизвестно. Наличие более ранней эпитафии такого типа 1504 г. из с. Карино Кировской области говорит о том, что появление такого типа памятников – не изобретение одного мастера резьбы по камню, а показатель изменения мышления, эстетического восприятия мира мастерами-резчиками. Происходили эти изменения постепенно, на что указывает наличие в одном и том же населенном пункте, в одно и то же время различных типов памятников: см., например, эпитафии первого (1687/88 г.) и второго (1688/89) типов из с. Ниж. Ура Арского р-на РТ).

Известны еще имена двух изготовителей надгробных памятников середины XVII в.: Давуш хафиза из с. Бикбулова Мензелинского р-на РТ и

Рис. 8. Памятник 1719 г. из Литературного музея К.В. Иванова (Чебоксары, Чувашия)

Рис. 9. Памятник 1719 г. из Литературного музея К.В. Иванова. Боковая сторона

Дусмета сына Тиляша. Последний вырезал эпитафию 1658 г. в с. Салауш Агрызского р-на РТ.

В с. Габдрахман Альметьевского р-на РТ сохранился камень резчика Габдрахима (? – 1753), отца второго муфтия Оренбургского духовного управления Габдессаляма (Ахметзянов, 2000, с. 148). В.М. Усманов отмечает имена двух резчиков по камню XVIII в.: Ибрагима ахунда бин Мухаммедтуляка бин Бикмухаммеда ал-Оренбури (? – 1761) и Исхаки бин Абдулькарима ал-Каргалы (1732–1802) (Усманов, 2018, с. 92).

В пограничных районах Чувашии и Республики Татарстан работал мастер Бик-Булад. Его имя вырезано на двух эпитафических памятниках, изготовленных в 1694/95 и 1696/97 гг. По своему оформлению, каллиграфии и структуре текста аналогичные памятники данного региона 1694/95–1734/35 гг. можно рассмотреть как произведения данного мастера. Таким образом, на памятниках 1 типа и на касимовских памятниках (4 тип) имя резчика по камню не указано. На 2 типе мы видим имена мастеров отца и сына Кильмухаммеда бин Ишмана и Колмухаммеда бин Килмухаммеда. 3 тип эпитафий вырезан мастером Бик-Буладом.

Кроме этих мастеров, вырезавших десятки однотипных памятников, известны и другие мастера. Имя Дусмета Тиляш углы известно по

мемориальному памятнику 1658 г. Мастера, профессионально занимающиеся резьбой по камню, вырабатывают свой стиль, отличавшийся от других. Оформление, техника резьбы по камню, почерк, структура текста и другие особенности намогильного памятника повторяются от памятника к памятнику, таким образом вырабатывается присущий только данному мастеру стиль. Сравнивая эти памятники, даже если имя резчика не зафиксировано на эпитафии, можно определить «руку мастера», т. е. принадлежность памятника данному мастеру. Таким образом, в разных регионах выявляются оригинальные эпитафии анонимных мастеров. Можно указать на эпитафию из Литературного музея им. К.В. Иванова (рис. 8; 9), п. Чишмы Республики Башкортостан (1737/38 г.), Имянли-Бортас Кайбицкого р-на РТ (1773 г.), Шамаково Мамадышского р-на РТ и др.

В основном мастера использовали камни из близлежащих карьеров. Поэтому материалом служили известняковые камни: белый, серый, песчановый и др.

Традицию вырезания имен мастеров мы наблюдаем и на памятниках XIX в. Эта традиция сохраняется вплоть до 30–40 годов XX столетия. В городах Казани, Чистополе появляются мастерские резьбы по камню с привлечением под-

Рис. 10. Мавзолей Афган-Султана в г. Касимове

Рис. 11. Мавзолей имама Г. Камалова в г. Чистополе (Татарстан)

мастерьев. В конце XIX – начале XX столетия в Чистополе работал Гайса бин Гыйзатулла. Сохранилось более 50 эпитафий, изготовленных Гайса бин Гыйзатуллой на кладбищах Чистопольского, Зеленодольского, Альметьевского районов РТ.

Лица, установившие памятник. На многих памятниках XVII–XVIII вв. на обратной стороне надгробий, в надписи-штампе, на котором в период Казанского ханства фиксировалось имя заказчика, эти имена отсутствуют. Только в некоторых (Именьково, Чишма) надпись-штамп лица, установившего памятник, переходит на лицевую сторону. Это явление мы встречали на памятниках Касимова и в позднейшем типе эпитафий Казанского ханства.

Тамга. Единичные тамги известны на эпитафиях XIII–XIV вв. из Болгара. Поскольку они вырезались в той части камня, которая после его установки в вертикальном положении оставалась под землей, принадлежность тамги владельцу камня или мастеру остается неясной. На эпитафиях периода Казанского ханства тамги отсутствуют. Появляются они на эпитафиях конца XVII в. (2 тип) и в XVIII–XIX в. получают широкое распространение. На Чишминских эпитафиях указывается род (племня), кому принадлежит данная тамга: «Дуванай иленен тамгасы куш» (дуванайского рода тамга парная) (Усманов, 2022 с. 14). Такая традиция характерна для североказахстанских кулпытасов.

Камни без надписи, только с тамгами. Некоторые из них, например, тамги из Старого Абдулова Альметьевского р-на РТ, М.И. Ахметзянов датирует XIV–XV вв. (Ахметзянов, 2000, с. 56). Однако такие крупные тамги нужно датировать более поздним временем – XVIII–XIX веками и началом XX в. Их много на кладбищах крещенных татар.

Среди памятников этого района имеются эпитафии с геометрическим орнаментом и эллипсоидной верхней частью (Кулшарипово, 1781 г.). В данном случае автор публикации видит в ней лицо человека (Ахметзянов, 2000, с. 44).

Мавзолеи. Установление мавзолеев над умершими характерно для болгарского, позднее татарского населения Волго-Уралья. Болгарские мавзолеи XIII–XIV вв. сохранились в городе Болгаре, поселке Чишма в Башкортостане; мавзолеи Казанского ханства по археологическим материалам известны в Казани, на горе Балынгуз (Билляр) Алексеевского района РТ. В г. Касимове Рязанской области сохранились мавзолеи XVI–XVII вв. Шах-Али и Афган-Султана (рис. 10). Для всех этих мавзолеев характерно наличие окон и дверей. Внутри мавзолеев располагались намогильные камни. Если болгарские мавзолеи внутри имели вертикально стоящие эпитафии, то внутри

касимовских мавзолеев XVI в. мы видим памятники на специально сделанной подставке или горизонтально расположенные саркофаги, как в мавзолее Афган-Султана XVII в. Хотя старопосадские намогильные камни не отличаются от казанских вертикально стоящих надгробий. На касимовские мавзолеи большое влияние оказали мавзолеи и находящиеся на нем намогильные памятники Бахчисарая (Крым). Характерными для данного типа памятников являются закладные доски, установленные на наружных стенах мавзолея.

На мавзолеев Шах-Али и Афган-Султана они расположены над входом. Закладная доска Шах-Али размером 120×45 см имеет надпись: «Владелец и собственник этого здания Шах-Али хан, сын Аулияр Султана, по летоисчислению двадцать первого числа месяца рамазан девятьсот шестьдесят второго года». Вокруг рамки – изречение из Корана, 2 сура, 255 аят (1555 г.). Текст закладной доски Афган-Султана несколько отличается: «В тысяча пятьдесят восьмом благословенного месяца рамазан в девятый день, в год мыши, сын Араб-Мухаммад хана Авган Мухаммад Султан отошел от сего мира. Над ним соорудила этот здание его супруга Алтын-Ханым, дочь Хаджи-Султана» (1648 г.).

На мусульманском городском кладбище сохранились три мавзолея конца XVIII – начала XIX вв. По архитектуре все они открытого типа: высотой 160–190 см, без дверей с одним или двумя окнами. Мавзолеи построены из тщательно подогнанных известняковых плит. Мавзолеи № 1 и 3 с одной, № 3 – с тремя закладными досками. Согласно закладной доске, мавзолеи № 1 и 3 построены в 1793/94 и 1808 г. На мавзолее № 2 имеется три закладные доски 1768/69, 1796/97 и 1839 г. (Мухаметшин, 2004). Последний факт показывает, что строительство мавзолеев может не совпадать с датой закладных досок, т. е. мавзолеи могли быть построены в более раннее время.

Во второй половине XVII в. и в Волго-Уральском регионе возрождается традиция установления над могилами фамильных мавзолеев открытого типа. Сохранившиеся мавзолеи относятся к XVIII в., точнее ко второй его половине. Например, кирпичный мавзолей из с. Верхние Вережи (Югары Бирэзэ) с памятником 1198/1785 г. с намогильным камнем внутри, такой же мавзолей с намогильным камнем Габделгаффара Нажари (Агрызский р-н РТ). В XIX в. данная традиция широко распространяется (рис. 11). Основание такого же кирпичного мавзолея сохранилось в с. Усали Мамадышского р-на РТ (Хадиев, Марданов 2015, с. 13), основание каменных мавзолеев – Буралы Азнакаевского р-на РТ. Эти мавзолеи – открытого типа с вертикально стоящими намогильными

ГЛАВА 4. ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР

камнями, хотя на отдельных мавзолеях можно увидеть закладные доски. В с. Эстерлибаш Республики Башкортостан присутствуют две закладные доски: на западной стороне мавзолея одна закладная доска размером 118×81 см с текстом в четыре строки, вторая закладная доска расположена на северной стороне мавзолея (Усманов 2005, с. 64). На территории Республики Татарстан установление закладных досок не распространено. Кам-

ни, установленные на углу развалин мавзолеев в с. Шамак Мамадышского р-на РТ 1187/1773 г., Тумутук Азнакаевского р-на РТ, можно рассматривать как закладные доски. По своим размерам и характеру установки на каменном бугре доску высотой в полтора метра на кладбище с. Зимница Ст. Кулаткинского р-на Ульяновской обл. также можно рассматривать как закладную доску.

Приложение

Пункты распространения татарских эпиграфических памятников XVII–XVIII вв.

№ п.п.	Название нас пункта	Район	Год	Лит-ра
1	Бол. Менгеры	Атнинский, РТ	1594	Али-Рахим 2
2	Ст. Узюм	Атнинский, РТ	1611, 1610	Али-Рахим с. 15; 5 Али-Рахим 4
3	Тат. Танаево	Зеленодольский, РТ	1612-1620	Ахм.
4	Ниж. Метески	Арский, РТ	1619	Ахм. 1996, с.44
5	Нурлаты	Зеленодольский, РТ	3 камня 1621-1631	Ахм. Ахм. 25
6	Ст. Кишит	Атнинский, РТ	1627	Юсупов 2005 с.72
7	Кодряково	Высокогорский, РТ	1627/28	
8	Ст. Кишит	Атнинский, РТ	1627/28	Ахм.
9	Бикбау	Мензелинский, РТ	1656/57	Ахм. 1
10	Салагуш	Агрызский, РТ	1658	М.-Х. с.93-95
11	Агрыз	Агрызский, РТ	1664	М.-Х. Кушымта б.126
12	Митряево	Азнакаевский, РТ	1669/70	Усманов 2022
13	Максабаш	Арский, РТ	1669/70	?
14	Именьково	Лаишевский, РТ	1671/72	Ахм.
15	Гулюково	Мензелинский, РТ	1673/74	Ахм.3
16	Бурбаш	Балтасинский, РТ	1675/76	Хадиев 2021 с.49
17	Ятмас-Дусай	Кукморский, РТ	1676	Х.-М. с. 162
18	Тоба	Агрызский, РТ	1676	М.-Х. с.116
19	Дусаево	Мамадышский, РТ	1677	Хадиев, 2021 с. 44
20	Чишма	Агрызский, РТ	1677	М.-Х. с.121
21	Бол. Ширданы	Зеленодольский, РТ	1677	Ахм.
22	Бол. Нырты	Сабинский, РТ	1677/78	Ахм.
23	Посеево	Менделеевский, РТ	1677/78	Ахм.4
24	Дусаево	Мамадышский, РТ	1679	Хадиев, 2021 с. 44
25	Агрыз	Агрызский, РТ	1679	М.-Х. с.24
26	Тирса	Агрызский, РТ	1679	М.-Х. с. 106
27	Масгудово	Азнакаевский, РТ	1680	Усманов 2022
28	Катмыш	Мюсюмовский, РТ	1680	Усманов, 2022 (2), с.
29	Тураево	Менделеевский, РТ	1679/80	Ахм. 9
30	Агрыз	Агрызский, РТ	1680	Ахм. 10
31	Ст. Юраш	Елабужский, РТ	1680	
32	Катмыш	Актанышский, РТ	1680	Ахм.11
33	Катмыш	Актанышский, РТ	1681	Ахм.13
34	Катмыш	Актанышский, РТ	1681	Ахм.16
35	Олге	Кукморский, РТ	1681	Х.-М. с.103
36	Максабаш	Тюлячинский, РТ	1681	Юс. Текст 10

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

37	Ст. Сляково	Агрызский, РТ	1681	М.-Х. с.57 Ахм.14
38	Рысово	Агрызский, РТ	1681	М.-Х. с.77. Ахм.15
39	Катмыш	Актанышский, РТ	1682	Ахм.17
40	Азякуль	Актанышский, РТ	1682/83	Ахм.18
41	Гулоково	Мензелинский, РТ	1683/84	Ахм.19
42	Тат. Ходяшево	Пестречинский, РТ	1683/84	Ахм.
43	Бишово	Урмарский р-он, Чувашия	1683/84	Ахм. 1
44	Мамаширово	Кукморский, РТ	1684	Х.-М. с.72
45	Мамаширово	Кукморский, РТ	1685	Х.-М. с.72
46	Качелино	Арский, РТ	1684/85	Ахм. 1996-с.44
47	Ятмас-Дусай	Кукморский, РТ	1685	Х.-М. с.72-73
48	Туркино	Кушнаренковский (Благовар), РБ	1686/87	Ахм.1
48	Нижняя Ура	Арский, РТ	1687/88	Гайнетдинов с.271
50	Нижняя Ура	Арский, РТ	1688/89	Гайнетдинов с.272
51	Бикбау	Мензелинский, РТ	1688/89	Ахм. 22
52	Бол. Менгеры	Атнинский, РТ	1688/89	Али-Рахим 2
53	Катмыш	Актанышский, РТ	1688/89	
54	Бизяки	Менделеевский, РТ	1688/89	Ахм.23
55	Бол. Ширданы	Зеленодольский, РТ	1689	Ахм.
56	Ковали	Высокогорский, РТ	1680-90	Юс.; Ахм.
57	Туркино	Кушнаренковский (Благовар), РБ	1689/90	Ахм.2
58	Арск	Арский, РТ	1689/90	Ахм.
59	Назар	Агрызский, РТ	1689	М.-Х. с.74; Ахм.24
60	Кигазы	Аскинский, РБ	1689/90 17в.	Ахм.3; Ахм.20
61	Туктамыш	Высокогорский, РТ	1691/92	
62	Туйгужа	Менделеевский, РТ	1692	Ахм. 26
63	Ямаши	Комсомольский р-он, Чувашия	1693	Усманов 81
64	Олыяз	Мамадышский, РТ	1694	Хадиев, с.80
65	Полевые Козыльяры	Яльчикковский р-он, Чувашия	1694/95	Мух....., с.75
66	Национальный музей РТ.	Казань	1694/95	Юс. Текст 11
67	ЧГИГН	Чебоксары	1694/95	Мух.С.76
68	Ново-Челны-Сюрбеево	Комсомольский р-он Чувашия	1694/95	Мух.С.77
69	Ниж. Тирмя	Чишминский р-он РБ	1695/96	Ахм.4
70	Верх. Ошма	Мамадышский, РТ	1695	Хадиев с. 146
71	Шигали	Урмарский р-он, Чувашия	1695/96	Мух.С.76
72	Чишма	Чишминский р-он, РБ	1695/96	Усманов 2021 №№ 1-8, № 11
73	Чишма	Чишминский р-он, РБ	1695/96	Усманов 2021 №10,
74	Новое Буяново (Туруново)	Шемуршинский р-он, Чувашия	1696/97	Мух.С.77
75	Тат. Ахтияле	Менделеевский, РТ	1696/97	Ахм.; 27
76	Верх. Ошма	Мамадышский, РТ	1697	Хадиев с.145
77	Ямашева	Чебоксарский уезд	1698	Ахм. 3
78	Катмыш	Актанышский, РТ	17 в.	Ахм.8
79	Шигаево	Белорецкий р-он, РБ	17 в.	
80	Катмыш	Актанышский, РТ	5 таш	Ахм., 30-34
81	Бакырчы	Зеленодольский, РТ	17 в.	Ахм.23,24
82	Тат. Азелеево	Зеленодольский, РТ	17в.	Мух. №94, 95
83	Ст. Урмары	Урмарский р-он, Чувашия	4 камня 17в.	Ахм.4,5,6,7
84	Ковали	Урмарский р-он, Чувашия	17в.	Ахм.14.15
85	Чита	Пестречинский, РТ	17 в.	Юс. С.27

ГЛАВА 4. ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР

86	Тат Ходяшево	Пестречинский, РТ	17 в.	Юс. С.27
87	Байлангар	Кукморский, РТ	17в	Х-М.С.31
88	Мал. Агня	Атнинский, РТ	17в.	Али-Рахим 3
89	Бизяки	Менделеевский, РТ	17в.	Юс. С.27
90	Тураево	Менделеевский, РТ	17в.	Юс. С.27
91	Таканыш	Менделеевский, РТ	17в.	Юс. С.27
92	Кудашево	Агрызский, РТ	17 в	Ахм.25
93	Иж-Байки	Агрызский, РТ	17в.	М.-Х. с.33
94	Нов. Акгужа	Агрызский, РТ	17 в.	Ахм.28
95	Тобольск	Тобольский музей 1084 =1673	1698/99	Ахм.21
96	Касимов	Рязанская обл.	1600/01	Ахм.1
97	Касимов		1600/01	Ахм.2
98	Касимов		1608	Ахм.3
99	Касимов		1610	Ахм.4
100	Касимов		1610/11	Ахм.6
101	Касимов		1610/11	Ахм.5
102	Касимов		1610/11	Ахм.7
103	Касимов	Закладная доска мавзолея Афган султана	1649	Ахм.8
104	Касимов Афган солтан	Внутри мавзолея	1649	Ахм.9
105	Касимов Туя солтан	Внутри мавзолея	1649	Ахм.10
106	Касимов Ай ханум	Внутри мавзолея	1652	Ахм.11
107	Нохрат	Слободской р-он, Кировская обл.	1702	
108	Мавлютово	Кушнаренковский р-он, РБ	1706/07	Ахм.15
109	Эстирлибаш	Эстирлибашский р-он, РБ	1708/09	Усманов 2005 с. 58
110	Татарское кладбище	Казань	1123г.х. (1711)	
111	Нурлаты	Зеленодольский, РТ	1710/11	Юс. табл. 75
112	Сая	Высокогорский, РТ	1711/12	Ахм. 26
113	Атлашево	Урмарский р-он, Чувашия	1719	Усманов 143
114	Шигали	Урмарский р-он, Чувашия	1721/22	Мух.с.76
115	Ново Буяново (Туруново)	Шемушинский р-он, Чувашия	1722/23	Мух.с.77
116	Чишма	Чишминский р-он РБ	1723/24	Усманов,2021 №9
117	Новое Буяново (Туруново)	Шемуршинский р-он, Чувашия	1722/23	Мух.с.77
118	Ст. Шигали	Урмарский р-он, Чувашия	1714 1717/18	Ахм. 8; Ахм. 9
119	Ковали	Урмарский р-он, Чувашия	1733/34	Усманов 120
120	Ковали	Урмарский р-он, Чувашия	1734/35	Усманов 120
121	Масловка	Козловский р-он, Чувашия	1733/34 1744/45 +2 18 в.	Ахм. 11; Ахм. 13 Ахм. 16, 17
122	Ямашева	Чебоксарский уезд	1733/34	Ахм. 10
123	Чувашский национальный музей	Чебоксары	1736/37	Мух.с.76
124	Имянле Бургас	Зеленодольский, РТ	1738/39	Мух. 40
125	Тойси	Батыревский р-он, Чувашия	1746/47	Мух.с.77
126	Оренбург (муфтият)	Оренбург	1752	Усманов 2018. С. 87.
127	Казаклар	Высокогорский, РТ	1755/56	Ахм., 27
128	Казаклар	Высокогорский, РТ	1761/62	Ахм.28
129	Тирса	Агрызский, РТ	1761	М.Х. с.112-113
130	Смаил	Кировская обл. Малмыжский р-он	1763	Ахм. 31
131	Митряево	Азнакаевский, РТ	1763/64	Усманов 2022
132	Каргалы	Оренбург	1764/65	Усманов-2 №188

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

133	Тирса	Агрызский, РТ	1766	Х.-М. с.114-115
134	Каргалы	Оренбург	1766/67	Усманов -2 2005 №85
135	Каргалы	Оренбург	1767/68	Усманов-2 2005 №170
136	Нижняя Ура	Арский, РТ	(1770)	Гайнетдинов с.234
137	Митряево	Азнакаевский, РТ	1770/71	Усманов 2022
138	Чалпы	Азнакаевский, РТ	1772/73	Усманов 2022
139	Шамак (закладной камень?)	Мамадышский р-он РТ	1773	Хадиев С.128
140	Каргалы	Оренбург	1773	Усманов-2 2005 №132
141	Каргалы	Оренбург	1773/74	Усманов-2 2005 №171
142	Каргалы	Оренбург	1775/76	Усманов-2 2005 №86
143	Каргалы	Оренбург	1779/80	Усманов-2 2005 №168
144	Каргалы	Оренбург	1783/84	Усманов-2 2005 №216
145	Каргалы	Оренбург	1775/76	Усманов-2 2005 №86
146	Кулшарипово	Альметьевский, РТ	1781	Ахм. 2000, с.44
147	Айыш-Мамятово	Азнакаевский, РТ	1783	Усманов 2022
148	Молвино	Зеленодолский, РТ	1784/85	Юс. Табл. 76
149	Верх. Верески	Атнинский, РТ	1785	Юс. Табл. 77
150	Каргалы	Оренбург	1785	Усманов-2 2005 №87
151	Каргалы	Оренбург	1785	Усманов-2 2005 №79
152	Сапеево	Азнакаевский, РТ	1788	Усманов 2022
153	Айыш-Мамятово	Азнакаевский, РТ	1792	Усманов 2022
154	Чалпы	Азнакаевский, РТ	1796/97	Усманов 2022
155	Каргалы	Оренбург	1798	Усманов-2005 №№153, 154
156	Чалпы	Азнакаевский, РТ	1799	Усманов 2022
157	Байгылчево	Батыревский р-он, Чувашия	18в.	Ахм. 18
158	Масловка	Козловский р-он, Чувашия	18в.	Ахм. 16, 17

Сокращения в графе «Литература»:

Али Рахим – Али Рахим, 1929.

Ахм. – Әхмәтҗанов, 2011.

Ахм. 2000 – Әхмәтҗанов, 2000.

Гайнетдинов – Гайнетдинов, 2016.

Мух... – Мухаметшин, Михайлов, Иванов, 2012.

Усманов – Усманов, 2005а

Усманов 2 – Усманов, 2005б.

Усманов 2022а

Усманов 2021

Усманов 2022б

Юс. – Юсупов, 1960.

Х.-М. – Ғадиев, Мәрданов, 2014.

М.-Х. – Мәрданов, Ғадиев, 2008.

Хадиев – Хадиев, 2015.

Хадиев, 2021 – Ғадиев, Мәрданов, 2021.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ
ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ
XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ.

Глава 1

**Памятники историко-культурного наследия
пограничья России XVI–XIX вв.**

Глава 2

**Засечные линии Симбирского Поволжья
в середине – второй половине XVII вв.**

ГЛАВА 1

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ПОГРАНИЧЬЯ РОССИИ XVI–XIX ВЕКОВ

Введение. Словосочетание «засечная черта», или «засека», для большинства современных россиян связано с историей и культурой Древней Руси, с былинным прошлым нашей страны. Со школьной скамьи всем памятна масштабная картина Виктора Васнецова «Три богатыря», величественно воссоздавшая легендарные образы защитников границ Отчизны – Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Столь же грандиозной была сложившаяся за сотни лет система оборонительных сооружений нашей Родины, вобравшая в себя тысячи километров валов, рвов, засек, застав и крепостей.

Засечные черты (XVI–XVII вв.) и пограничные оборонительные линии (XVII–XIX вв.) Российского государства – это сложные системы оборонительных сооружений, опиравшиеся на природный ландшафт, искусственные земляные валы и рвы, а также систему крепостей. Но имея такую длительную, многовековую историю, это явление давно вышло за рамки только военной науки и приобрело общенаучный культурологический характер.

Пограничное взаимодействие различных культур Евразии многие века формировало многочисленные фронтиры, существование которых в значительной степени обусловлено природными факторами. На этих пространствах происходило сближение народов, обмен традициями, складывались обширные трансконтинентальные маршруты по сухопутным и речным путям взаимовыгодной торговли. Обладание населением различных природно-климатических зон непохожими стратегиями освоения природной среды обеспечивало устойчивость длительных контактов между ними. Возникавшие в силу разных обстоятельств противоречия иногда приводили к конфликтам, что способствовало появлению искусственных преград, оборонительных инженерных сооружений большой протяженности. Примеры строительства стен хорошо известны в истории Евразии: легендарная стена Александра (Великая Горганская), двойная Дербентская стена, Великая Китайская стена, линии обороны лимеса по границам Римской империи, в частности Верхнегерманско-ре-тийский лимес, уйгурские стены на Алтае, валы

в Боспорском царстве (Тиритакский, Асандров и др.), Перекопский вал и многие другие.

На российском историческом пространстве (в его широком понимании) с оборонительными линиями связано основание десятков современных российских, украинских и центральноазиатских городов и поселений. В этнокультурном отношении их становление тесно переплетено с расселением представителей служилых сословий: русских стрельцов, казаков и пахотных солдат; татар, мордвы, башкир, польской и украинской шляхты и многих народов Восточной Европы и Западной Сибири. Оборонительные линии следует рассматривать как первичные элементы сложной поселенческой полиэтничной системы, как уникальный пример целенаправленного формирования военно-социальной, инженерно-оборонительной и экономической структуры, представляющей оригинальную линейную систему расселения.

На протяжении нескольких поколений ученых изучением вопроса создания российских оборонительных линий занимались такие исследователи, как Д.И. Багaley, З. Доленга-Ходаковский (А. Черноцкий), Ф.Ф. Ласковский, А.В. Никитин, П.А. Раппопорт и многие другие. Планировочная структура и градостроительные особенности оборонительных сооружений, городов-крепостей, их материальная культура, засечные леса, заповедные островки флоры и фауны являются ценным источником современных научных работ археологов, историков, архитекторов, биологов и т. д.

Использование понятия «система расселения» применительно к периоду XV–XVII вв. – периоду становления Российского государства – совершенно правомерно, так как системой расселения признается территориально целостная и функционально взаимосвязанная совокупность населенных пунктов. Такая система формировалась на всем протяжении приграничной территории Великого княжества Московского – Российского царства. Следует отметить, что именно в этот период началось планомерное освоение и заселение приграничных территорий Российского государства.

На протяжении столетий засечные линии, расположенные на границе степи и леса, играли особую роль в коммуникации между носителями

культур с отличными хозяйственными укладами. В результате глобальных климатических изменений в различные периоды истории пограничье культур менялось. Динамика смещений ландшафтов играла роль медиатора трансформации культур, что приводило в результате длительного взаимодействия к формированию новых традиций и сближению народов.

Рассматривая засечные линии как целостные, сформированные по конкретному плану и с конкретными функциями градостроительные структуры, мы осознаем весомый вклад, который они внесли в мировую историю, как пример целенаправленного формирования уникальной структуры расселения, увязанной со сложнейшей оборонительной системой. Пространственно-планировочное размещение каждого из ее элементов имело строго заданное градообразующее и хозяйственное назначение, определявшее и дальнейшее экономическое освоение территорий.

Обращаясь к генезису оборонительных линий Российского государства, необходимо отметить, что уже при великом князе Владимире Святославиче Святом (956/958–1015) создается серия «длинных стен», отгородивших Древнюю Русь от печенегов – так называемые Посульская и Стугнинская оборонительные линии. Впоследствии эти стены в руинированном виде стали именоваться «Змиевыми валами». Вопрос охраны границ местными князьями был поднят на общегосударственный уровень, что отразилось в организации «богатырских застав», началось возведение городов-крепостей и порубежных сторожевых линий – предтечи общегосударственной системы оборонительных сооружений вдоль границ страны. Протяженность фортификационных рубежей Древней Руси к концу X столетия составляла уже несколько сот километров.

В период феодальной раздробленности каждый удельный князь на границах своих владений лично заботился о возведении острожков, станов и службе при них сменяемых стражников. В более крупных крепостях появляются постоянные гарнизоны. Возникает практика выставления наблюдательных постов, высылки конных дозоров и разъездов. Обустраивается инфраструктура жизнедеятельности и быт постоянных жителей крепостей.

В золотоордынский период южное и юго-восточное направление не требовало стационарной защиты, главная опасность для русских земель в ту эпоху исходила с западного направления. Совместными усилиями ханов и князей эта угроза была эффективно устранена. Но с наступлением «Великой замятни» в Золотой Орде именно южное и юго-восточное направление на столетия

стало определяющим в деле охраны границ расселения русского народа. В XIV в., в процессе усиления Великого княжества Московского, началось несение береговой службы вдоль реки Оки, и уже при Дмитрии Донском, в 1360 г., впервые упоминается пограничная стража.

К началу XVI столетия создается получившая в официальных документах название «Берег» линия обороны по берегу Оки – от Калуги и далее через Серпухов и Коломну до Переяславля-Рязанского. Перегораживаются броды и «перелазы» через Оку, создается сторожевая служба, реконструируются старые и сооружаются новые крепости на северо-западном направлении, граничащем с Ливонией и Швецией.

При Василии III происходит строительство кирпичных крепостей в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне, Зарайске, ставших узловыми центрами организации обороны русского государства. Они не входили непосредственно в состав засечной черты, но являлись основой этих линий. Именно при этом правителе в 1512 г. вершится «утверждение своей земли заставами», когда в пограничных зонах леса и степи осуществлялось целенаправленное строительство оборонительных сооружений. На открытых участках строятся частоколы, надолбы, земляные валы, острожки или города-крепости, в лесах – засеки и засечные черты.

На засеках деревья рубились на высоте выше человеческого роста, ствол оставался соединенным с пнем. Пройти через такую густую живую стену было практически невозможно. В зимний период на засечных полосах формировались линейно вытянутые огромные снежные сугробы, которые служили непреодолимой сезонной преградой. Глубина засек варьировалась от нескольких десятков метров там, где появление противника было маловероятным, но на самых опасных участках глубина засек доходила до внушительных размеров: несколько километров непроходимых завалов, усиленных частоколами, надолбами, волчьими ямами, капканами и т. д.

Засечная черта, созданная в XVI в., состояла из ряда засек: Козельских, Перемышльских, Белевских, Лихвинских, Одоевских, Тульских, Каширских и Рязанских (рис. 1). Но эта засечная линия, как и остальные, не была сплошной, ибо сквозь лесные массивы истари были пробиты дороги для торговли, сообщения северных и южных районов государства. Для защиты этих проходов и контроля сообщений в пределах засек устраивали «засечные ворота» с избами для караульчиков (в XVII столетии на их месте возводили острожки). Один из современников возведения засечных черт, знаменитый путешественник XVII в. Адам

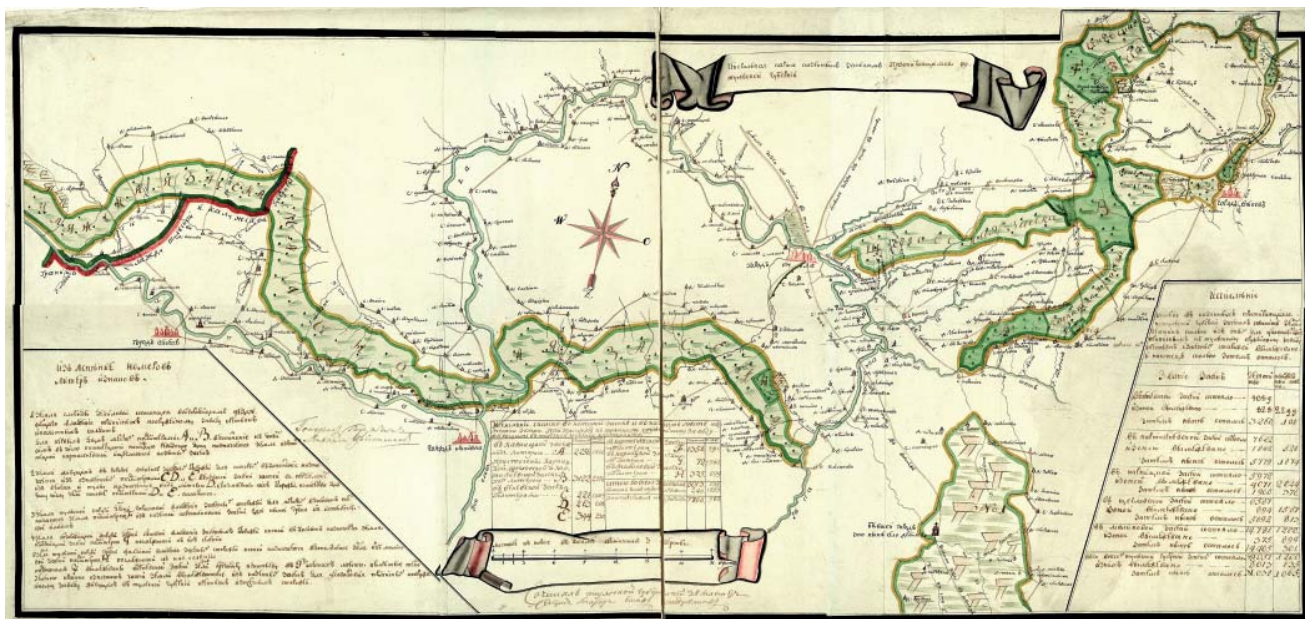

Рис. 1. Генеральная карта казенным засекам, простирающимся по Тульской губернии. 1784 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1783)

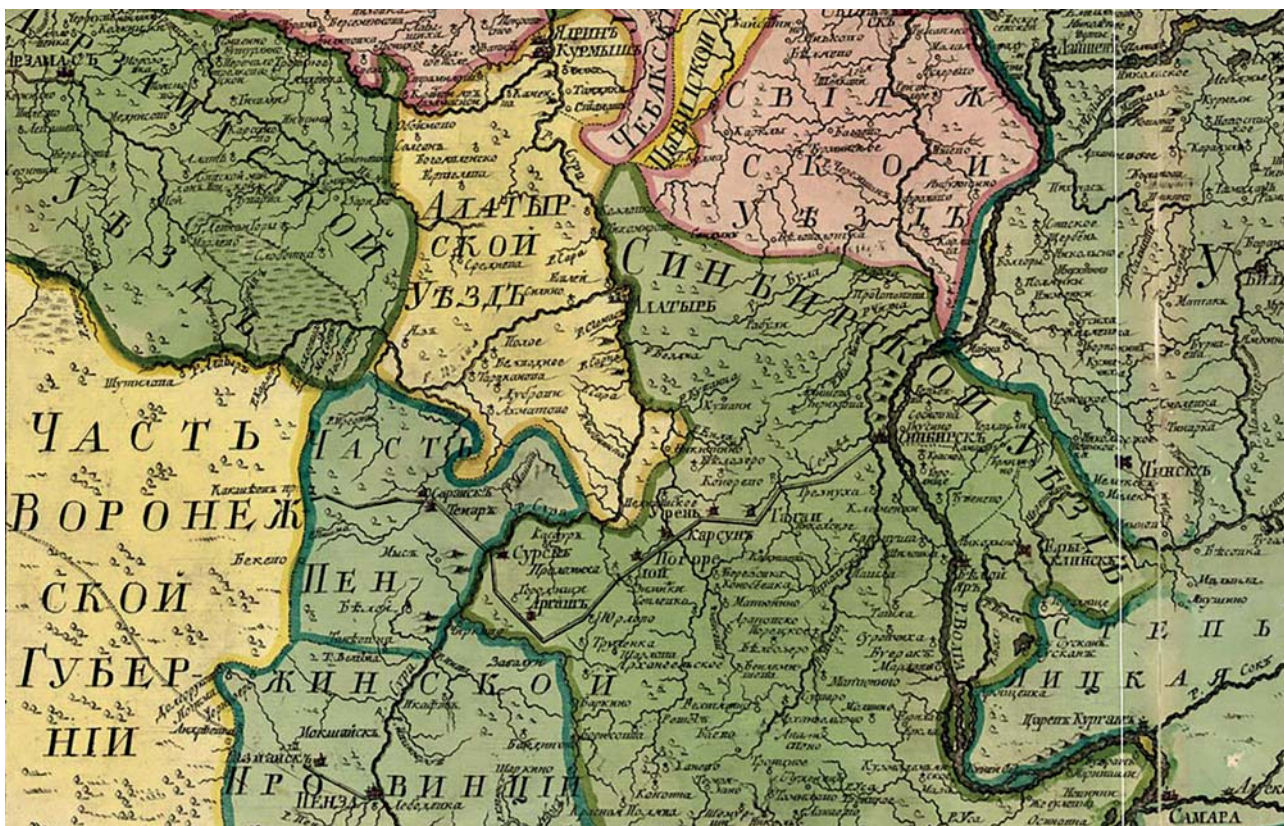

Рис. 2. Саранская (Атемарская) черта и Симбирская черта на карте Царства Казанского из «Российского атласа» 1745 г. (Атлас российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сия империи / Старанием и трудами Имп. Академии наук. СПб.: типография Академии наук, 1745. С. 18, 20 л. карт)

Олеарий отмечал, что они «имели протяжение более ста лье», то есть почти 450 км.

Для охраны и правильного функционирования Засечной черты правительство создало специальную засечную стражу. Считается, что засечной стражей руководили засечные воеводы, которым подчинялись засечные головы. Засечные головы, в свою очередь, руководили засечными приказчиками, которым подчинялись поместные засечные сторожа. Поместные сторожа руководили отрядами приписных засечных сторожей. Впервые засечный приказчик упомянут в документе 1557 г. Первые упоминания поместных сторожей относятся к началу 1560-х гг., а упоминания засечных голов и воевод – к 1570-м гг.

В 1571 г. была создана служба по охране государственных рубежей – «сторожевая и станичная служба», а на границах Российского государства несли охрану 73 сторожи, в состав которых входило от 4 до 10 человек. В 1651 г. на южных и юго-восточных границах службу несли уже 186 сторож.

Тогда же, с 1571 г., все сведения о городах, городках и других поселениях начинают концентрироваться в ведении Разрядного приказа. Города пограничья делились на «полские» («в поле», например, Рыльск, Путивль, Новгород-Северский и др.) и «от украин» (например, «от полской украины» – Тула, Венев, Деделов, Чернь, Одоев, Епифань и др.). Разделение городов на «линии» было осуществлено в XIX в. исследователями данной темы, и как чисто научная гипотеза она имеет право на существование, а на самом деле города делились по географическому принципу – рязанские, замосковные, польские, «от немецкой украины» и т. д.

В самом начале XVII в. из-за событий Смутного времени строительство оборонительных линий уходит на второй план, но после восстановления адекватного государственного управления власти приступают к реконструкции уже имеющихся укреплений и возведению новых. В 1635–1654 гг. была возведена Белгородская черта, в 1648–1654 гг. – Симбирская черта, в 1652–1656 гг. – Закамская линия, в 1679–1680 гг. – Изюмская черта (на территории современной Белгородской области и Украины) и некоторые другие (рис. 2).

Традиционный для России метод возведения засечных черт стал постепенно вытесняться европейскими фортификационными формами. Так начали формироваться пограничные укрепленные линии. Они представляли собой систему крепостей и фельдшанцев, между которыми создавались полевые укрепления, обычно в виде земляного вала (4,5 м высотой, иногда с деревянным тыном наверху) и рва (от 1,5 до 4 м глубиной и от 3,5 до

5,5 м шириной). Перед рвом устраивались засеки и ставились рогатки против конницы. Через каждые 200–600 м вал имел выступы в виде редутов и реданов, что позволяло оборонять подступы к валу продольным ружейным и артиллерийским огнем. Устраивались и сигнальные вышки, поджигавшиеся при приближении противника.

Основные пограничные укрепленные линии, возведенные в XVIII столетии, были следующие: Таганрогская линия (1700-е гг. постройки), Царицынская линия (1718–1720), Украинская линия (1731–1735), Новая Закамская линия (1731–1736), Самарская линия (1736–1742), Оренбургская линия (1736–1739), Уйская линия (1739), Сибирская линия (с 1745), Новая Украинская линия (1770), Моздокская (Терская) линия (1763), Кавказская линия (с 1770), Черноморская кордонная линия (1793), Днестровская линия (1792–1795) и некоторые другие (рис. 3).

Примечательно, что опыт возведения подобных линий сохранялся и в XIX в., прежде всего на самых беспокойных участках границ расширявшейся Российской империи: на Кавказе, Средней Азии и Дальнем Востоке.

Следует отметить, что практически все города, расположенные в системе оборонительных рубежей, имели, благодаря рокадным дорогам, стабильную военно-административную связь, что объединяло их в единую градостроительную структуру с общим функциональным предназначением. Многие из городов, острогов, слобод и других поселений, некогда представлявших такое образование в виде сторожевых линий и засечных черт, ныне сохранились лишь как археологические объекты.

Строительство оборонительных линий играло исключительно важную роль во внешней и внутренней политике России в XVI–XVIII вв. Создание этой уникальной системы оборонительных сооружений позволило обезопасить и заселить обширные юго-восточные районы и освоить степные пространства Евразии от Днепра до Амура, от лесостепи Восточной Европы до гор Кавказа и Памира. Возведение засечных черт как общенациональный проект – один из важнейших факторов консолидации российской государственности, объединивший народы России общей историей одной единой страны.

Засеки и оборона в XVI веке. К числу элементарных и относительно легко сооружаемых защитных укреплений, известных с древности на пограничье лесной и лесостепной зон, относятся такие фортификационные сооружения, как лесные засеки. Эти труднопреодолимые оборонительные линии создавались также в эпоху Средневековья и существенно затрудняли перемещение вражеской

Рис. 3. План Царицынской линии в 1724 г.

(Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть II.

Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. Лист 27)

пехоты и конницы. Первые сведения о них в русской истории встречаются еще в Новгородской и Троицкой летописях в статьях о 1137–1139 и 1216 гг. (ПСРЛ. IV, ч. 1, вып. 1, 1915, с. 148). Возведение подобных сооружений ряд исследователей отмечает и в соседней Волжско-Камской Болгарии.

Инженерно-конструктивное решение засеки в лесной полосе представляло собой вырубку деревьев выше человеческого роста. При этом ствол поваленного дерева оставался соединенным с пнем, обеспечивая жизнь в поваленных деревьях. Тонкие ветки обрубались, а толстые заострялись. Молодая поросль в нижней части поваленных деревьев переплеталась, образуя живую изгородь.

Сбережение таких лесных массивов было важным государственным делом и защищено нормативными актами. За рубку деревьев и протаптывание дорог (стежек) в таких лесах следовало жестокое наказание. К засечным лесам подходили дифференцированно. Там, где появление противника было маловероятным, глубина засек составляла всего несколько десятков метров. На естественных и сложившихся столетиями путях в местах проходов через лесные массивы или у переправ рек глубина засек доходила до нескольких километров непроходимых завалов, усиленных частоколами, надолбами, волчьими ямами и прочими ловушками (Синиченко, 2011, с. 108–115).

Появление таких оборонительных объектов было обусловлено задачами обеспечения безопасности территории государств на больших расстояниях и требовало достаточно серьезных усилий по их возведению, являлось проявлением активного организованного созидательного труда вкупе с развитыми навыками и приемами военного дела. С течением времени защитные технологии

совершенствовались и усложнялись. Позднее появились черты (линии), представлявшие уже комплекс лесных заграждений и рукотворных насыпей с цепью крепостей и сторожей.

Засечные черты формировались в несколько этапов. Первую попытку создать постоянные протяженные оборонительные рубежи Московское государство предприняло уже во второй половине XV в. по линиям берегов рек Угры и Оки. Известно о возведении пограничных укреплений в виде засек под Каширой в 1520-х гг. (Дедук, 2014, с. 456–457). Их существование позднее было зафиксировано в писцовой книге 1577/1578–1578/1579 гг. (Писцовые книги, 1877, с. 1338, 1342, 1344, 1366, 1373 и др.) в составе Засечной черты.

Во второй половине XVI столетия, в царствование Ивана IV Грозного, принимается решение о строительстве целостной системы укреплений. Как сказано в одном документе, «блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче... в Козельском уезде для бережения от приходу воинских людей учинены засеки и на засеках всякие крепости» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Владимирский стол. Д. 89. Л. 33). С процессом усиления рубежей Российского государства связано, например, и появление особых сборов на «засечное дело» в податной системе страны.

Все отдельные более ранние укрепленные районы во второй половине XVI в. объединяются в общую засечную черту, растянувшуюся от Верховий Оки до Тетюшского острога на берегу Волги. Именно так возникла первая оборонительная черта Российского государства. Строительство черты под Тулой началось не позднее 1554 г., тогда же засекались леса под Рязанью, Каширой, Веневом,

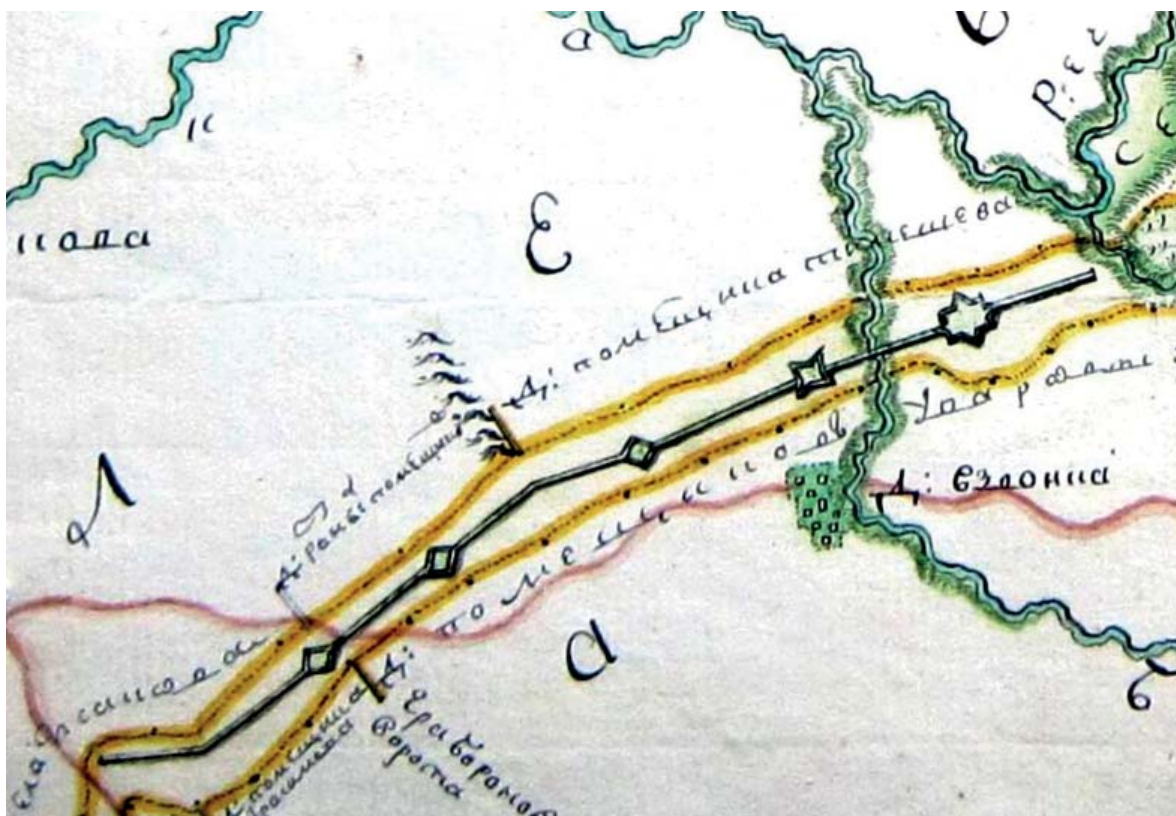

Рис. 4. Габороновский вал к северу от Венева.
Фрагмент карты А.В. Тучкова 1764 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 25825. Л. 3)

Одоевом, Белевом (Бурцев, Конорев, 2013, с. 278–279; Дедук, 2014, с. 459–463). В административном отношении черта делилась на отдельные звенья-засеки: Рязанские, Тульские, Каширские и т. д. Хотя засеки и назывались по имени близлежащих городов, сами города обычно в систему черты не входили, ибо находились на удалении от засечных лесов (за исключением, пожалуй, Тулы и Венева) (рис. 4). Крупные административные районы по охране черты распадались на более мелкие, называвшиеся именами тех селений, мимо которых они проходили.

По одному из устоявшихся мнений, обустройство черты должно было завершиться к 1558 г. – к началу Ливонской войны. В частности, эта точка зрения подтверждается существованием уже в 1557 г. особых засечных приказчиков (Акты, 2008, с. 337–338; Юшков, 1898, с. 164–165; Бурцев, Конорев, 2013, с. 278). Ее завершение наверняка должно было предшествовать началу военных действий против Ливонского ордена: южные рубежи защищены, большие массы служилых людей можно перебрасывать на запад. Но пока среди историков преобладает суждение о том, что завершение работ на черте произошло в 1566 г., когда царь Иван IV посетил Козельск, Белев, Болхов, Алексин и другие украинные крепости. Это мнение имеет и своих противников (Бурцев, Ко-

норев, 2013, с. 278–279; Дедук, 2014, с. 461). Дело в том, что Иван Грозный, посетив города на Оке (большая часть которых не имела отношения к засекам), – в сущности, окраину засечной черты, не посетил ее центр – Тулу и Каширу. Следовательно, он посетил приобретенные недавно в опричнину земли (кроме Алексина, все эти города были в опричнине).

Следующим этапом строительства черты стало возведение перемышльских и козельских засек на левом берегу Оки в 1572 г., что было вызвано походом крымского хана Девлет-Гирея I на Москву в 1571 г., завершившимся сожжением города. Уже в декабре 1571 г. царь Иван Васильевич велел князю Петру Волконскому и Елизарию Ржевскому делать засеку у Перемышля (Разрядная книга, 1982, с. 291), а в 1572 г. они же делали Козельскую засеку (Буганов, 1962, с. 36; Дедук, 2014, с. 463).

В дальнейшем, в связи с набегами в 1580–1590-е гг. на южные рубежи России крымских и ногайских татар, стараниями боярина Бориса Годунова устраивались новые засеки, возводились новые оборонительные валы и крепости (Разрядная книга, 1966, с. 524–527; Разрядная книга, 1976, с. 114, 156–158, 171; Разрядная книга, 1989, с. 75, 79, 103, 109; Разрядная книга, 1994, с. 38–40). В год восхождения Бориса Федоровича на трон, в 1598 г., Россия имела не менее 23 засек,

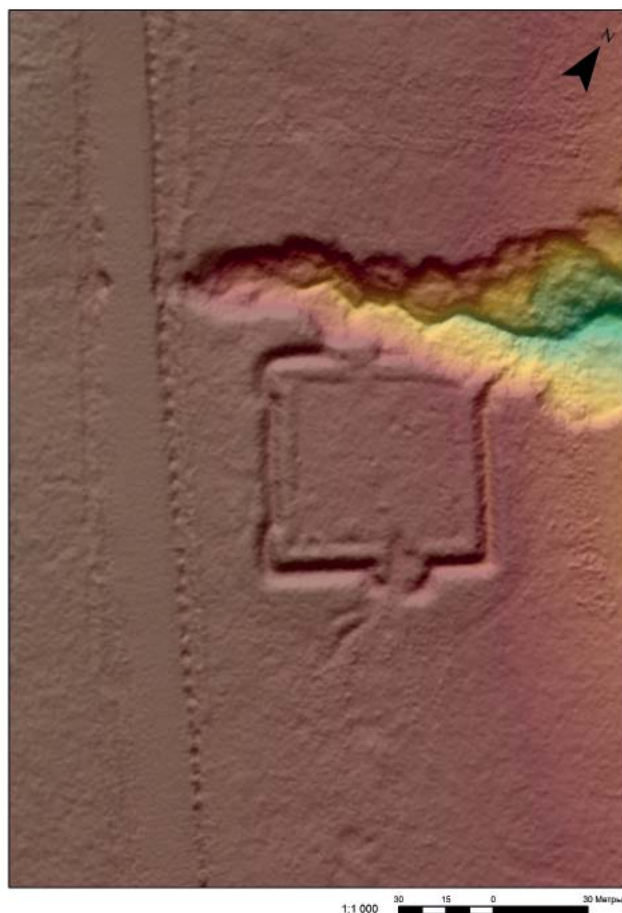

Рис. 5. Острожек у Орловых ворот в Тульской области. Лидарная съемка сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Май 2021 г.

к которым были приписаны 11 воевод, 30 голов, дворян и «детей боярских из городов лутчих», 42 приказчика, 325 иных детей боярских, 790 человек татар и мордвы, 790 человек стрельцов и казаков, 193 человека засечных сторожей, не считая других сторожей и «сборных людей» (Разрядная книга, 1966, с. 257).

В росписи 1598 г. перечислено 23 засеки: Перемышльская, Лихвинская Слободецкая, (Лихвинская) Боровенская, (Лихвинская) Толкижская, Лихвинская Уляжская, Тульская Заупская засека (на ней Орловы и Малиновые ворота, см. рис. 5), (Тульская) Щегловская засека («и на Черную (Черленую) гору»), Тульская Кортосеневская, Тульская Сежская, Тульская Веркошская, Каширская, Белевская Бобриковская, Белевская Федяшевская (Федячевская), Козельская Кценская, Козельская новая, Козельская другая новая, Козельская Столпишская, Одоевская, Рязанская Красносельская, (Рязанская) Вожская, (Рязанская) Ровноская, (Рязанская) Пустотинская и (Рязанская) Липская (Разрядная книга, 1994, с. 38–41; Разрядная книга, 1976, с. 156–157; Разрядная книга, 1974, с. 28–30). Кроме вышеперечисленных в составе черты в раз-

рядной книге 1550–1636 гг. под 1597/1598 г. упомянута также «Завитайская засека» («Завитай») (Разрядная книга, 1976, с. 156). Названия всех этих засек, исключая Одоевскую и Сежскую, хорошо известны также по документам XVII в. и сохранились вплоть до XIX в. Новые Козельские засеки в XVII в. получили названия Дубенская и Сенецкая.

Во время Смуты Засечная черта пришла в ветхость. Ее возрождение началось в 20-е гг. XVII столетия в период правления царя Михаила Федоровича Романова.

Засечные черты в XVII веке. XVII столетие – период ярких и сложных событий в истории российской государственности, подвергавшейся значительным угрозам, обусловленным внутренними и внешними факторами. Безопасность границ страны, как и ранее, обеспечивалась в том числе возведением новых оборонительных укреплений.

Из сохранившихся источников известно, что в начале XVII в. в военном деле России продолжали активно использоваться засеки. К примеру, в период Смутного времени в росписи русского войска, направленного против Лжедмитрия I в 1604 г., среди даточных людей, вошедших в состав Сторожевого полка, упоминаются 23 конных человека у 8 засек. В описаниях Восемского сражения, состоявшегося в 1607 г., имеется упоминание «Бобриковской засеки» и ее охранения (Разрядная книга, 2003, с. 103).

В 1613 и 1614 гг. в Амстердаме картограф Гессель Герритс гравировал карты России, на которых впервые отмечены засеки. Карты незначительно отличаются друг от друга: в частности, в названии карты 1614 г. указано, что эти засеки «царь Федор Иванович установил против вторжения крымских татар», исправлены очертания Ладожского и Онежского озер (Кордт, 1899, с. 12–13; Кордт, 1906, с. 19–21). Считается, что в основе карты Герритса – так называемая «карта Федора Годунова», следовательно, ее информация соответствует рубежу XVI–XVII вв. (Чечулин, 1903, с. 344). В 1630 г. эта карта была включена в атлас голландского картографа Виллема Блау.

Правительство царя Михаила Федоровича уже в 1616 г., ввиду продолжительной борьбы Российского государства с Крымским ханством (Новосельский, 1948, с. 75–80), обратило особое внимание на южную оборонительную черту. Так, в наказах воеводам полков Украинного разряда особое место уделялось реконструкции и охране засек: «а на засеках и на топких местах, и у всяких крепостей поставить голов... и велети тем головам с зборными людьми стоять на засеках, и худые места на засеках велети поделать, засечь и завалить лесом, а в иных местех и рвы велеть покопать, и

у ворот, и у башен худые места поделати ж, и рвы почистить и велети головам с сборными людьми на засеках стоять с великим береженьем...» (Книги разрядные, 1853, стб. 46, 134, 143–144, 154–155, 286, 296 и т. д.; Книги разрядные, 1855, с. 40–41, 45, 46, 141–142 и т. д.). Подобное внимание к черте сыграло свою роль – как правило, сквозь нее враги пройти не могли.

Стабилизации внутренних процессов и внешних отношений России к 30-м гг. XVII в. вновь ставят на повестку дня масштабные вопросы безопасности южных сухопутных границ страны и строительства новых засечных черт по рубежам государства. В этот период возводятся новые линии укреплений, сформировавших Белгородскую, Симбирскую и Закамскую черты.

История сооружения основных укреплений **Белгородской черты** охватывает период с 1635 по 1653 гг. (Загоровский, 1969, с. 159). Весной 1635 г. правительство начинает реализацию целого ряда масштабных мероприятий в деле обороны южных рубежей. Одновременно с сооружением Козловского вала в 1637 г. было принято решение о строительстве городов Яблонова, Корочи и Усерда. Строительство городов Яблонова и Корочи, соединенных между собой линией оборонительных укреплений, можно отнести к началу реализации правительством проекта с условным названием «Два города одного рубежа» (рис. 6). Таким образом, именно с 1637 г. мы можем говорить о формировании единого оборонительного комплекса в формате возведения рубежей.

На первом этапе строительства (1635–1645 гг.) построенный в 1635 г. город Козлов и возведенный от города до речки Челновой земляной вал в 1636 г. перекрыли Ногайский шлях. В это же время в Разрядном приказе стали готовиться к перекрытию еще трех шляхов – Муравского, Изюмского и Кальмиусского. Уже в 1637–1638 гг. были возведены крепости Яблонов и Короча, а также насыпан вал, перекрывший Изюмский шлях. В это же время была поставлена крепость Усерд. В 1640 г. были возведены крепости Хотмыжск и Вольный, в 1642–1645 гг. – крепости Усмань, Костенск и Ольшанск. Таким образом, к концу первого этапа строительства были полностью перекрыты Изюмская и Ногайская дороги, построено несколько новых городов-крепостей.

Второй этап строительства черты (1646–1654 гг.) ознаменовался активизацией политики Российского государства по возведению укрепленной линии. Началось сооружение второй оборонительной линии, которая протянулась от границы с Польшей до Волги. В ходе второго этапа был полностью перекрыт Муравский шлях: построенны города Карпов и Болховец, перенесен на новое

место Белгород, а также насыпан земляной вал от реки Ворсклы при впадении в нее реки Огибный Колодезь до реки Северский Донец. В 1647 г. на путях вторжений по Кальмиусской сакме были поставлены города Царев-Алексеев и Версосо-сенск. Одновременно в этот период возводятся крепости Коротояк, Орлов, Сокольск, Добрый, Острогожск. В 1654 г. был построен Нежегольск. Отдельные части черты постепенно связываются в единое целое.

Белгородская черта – уникальное военно-оборонительное сооружение не только в силу своих инженерных характеристик и значения, которое эта черта сыграла в деле организации обороны территории Российского государства в XVII столетии, но и в связи с тем, что для ее сооружения потребовалось провести колоссальную организационную работу (Жигалов, 2017, с. 3).

Белгородская черта представляла собой систему как специально построенных оборонительных сооружений различного вида: городов-крепостей, валов, рвов, острогов, надолбов, засек и прудов, так и естественных препятствий – рек, оврагов, лесов. Оборонительная линия протянулась почти на 800 километров: от впадения речки Ворсклицы в реку Ворсклу, где в XVII в. проходила граница России с Речью Посполитой, до реки Челновой – притока Цны по территории нескольких современных регионов: Сумской области Украины, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей Российской Федерации.

Наименование «Белгородская» черта получила по названию города, ставшего во второй половине XVII в. центральным в системе управления территории всего комплекса оборонительных сооружений. Термин «Белгородская черта» устойчиво прослеживается в документах Разрядного приказа с конца 1660-х гг. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 701; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 705; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1266). В народной памяти жителей Белгородской, Воронежской и Липецкой областей сохранившиеся участки вала Белгородской черты до сих пор носят имя «Турецкий вал». С городом Белгородом и Белгородской чертой в XVII в. связано появление и Белгородского полка как особого военного подразделения российской армии XVII столетия, и Белгородского разряда как военно-административного округа, на территории которого размещались части Белгородского полка. Территория Белгородского разряда формировалась вокруг городов Белгородской черты и на протяжении XVII в. постоянно расширялась, географически обнимая бассейны рек Дон, Донец, правого притока Оки, верхнего Сейма до Рыльска, Пслы и Ворсклы до малороссийских границ. На территории Белгородского разряда в период его

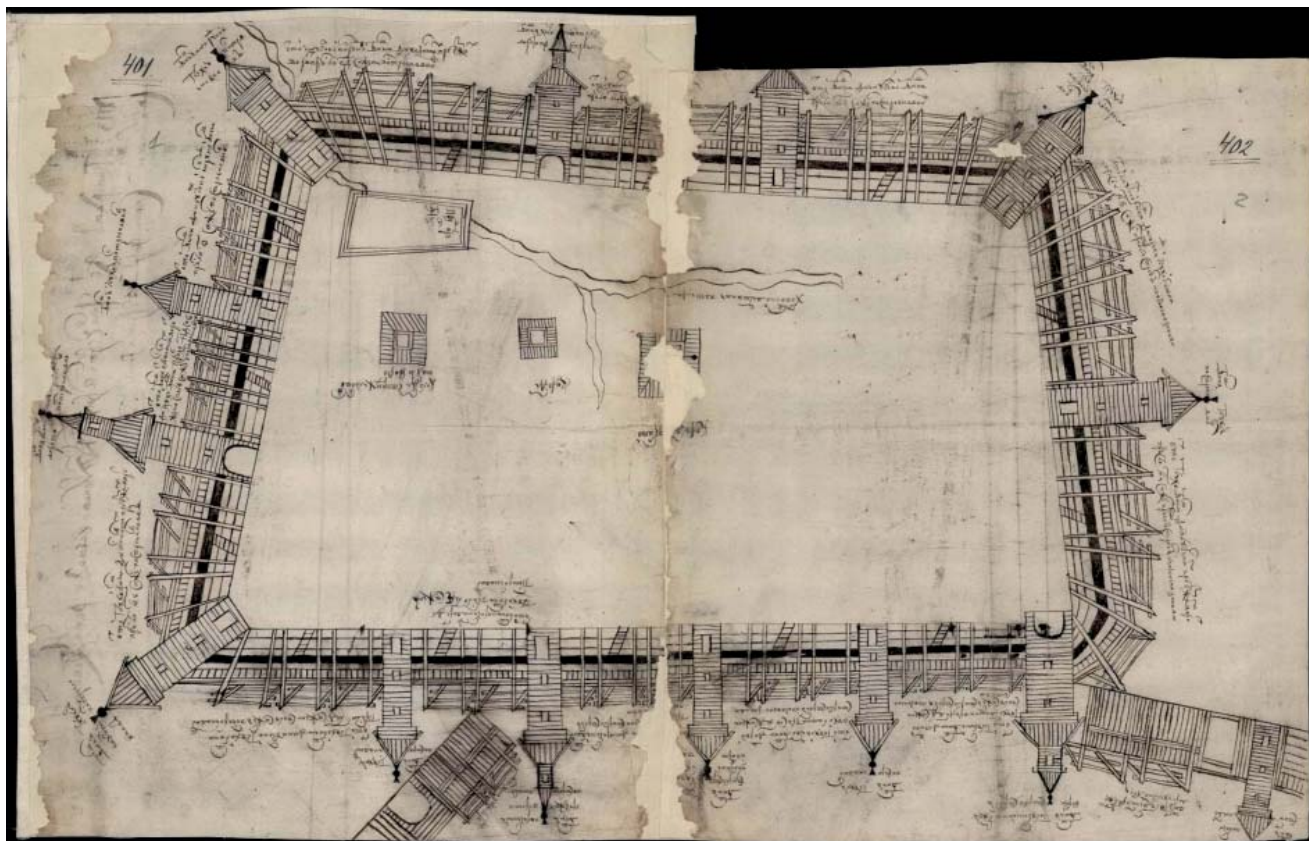

Рис. 6. Чертеж крепости Яблонов после перестройки. 1679 г. (РГАДА. Ф.210. Оп.25. Д.46.)

наибольшего расширения находилось порядка 90 населенных пунктов. По мере строительства города Белгородской черты по принятой в практике XVII в. классификации делились на города в черте, города по черте и города за чертой. Каждый город имел свой военный гарнизон и свой участок, своеобразную военную зону, обслуживаемую служилыми людьми каждого конкретного города (Жигалов, Шварев, 2019, с. 1).

Самым протяженным участком (около 90 км) являлся *Козловский*, проходивший по Мичуринскому, Никифоровскому, Сосновскому и Петровскому районам Тамбовской области. Он начинался у реки Челновой, шел вдоль реки Польной Воронеж до ее слияния с Лесным Воронежем и заканчивался в Добровских лесах. Административным центром линии был город Козлов (современный Мичуринск), построенный в 1635 г. Восточную часть участка занимал «Козловский вал», который пролегает от реки Польной Воронеж к реке Челновой на протяжении 30 км. В состав его укреплений входили два жилых городка – Бельский и Челнавский, четыре земляных и около 70 других элементов фортификации. Далее шли линии надолбов и засек, а в излучине реки Польной Воронеж недалеко от села Новое Хмелевое находился еще один вал – «Урляпов», длиной около 2 км (Загоровский, 1969, с. 233–239; Кошелев, 1958, с. 133–173). Была

попытка создания и своеобразной третьей линии обороны, представлял которую вынесенный на 40 верст в «Поле» Матырский городок, который просуществовал всего три года.

В границах Белгородской черты на территориях современных областей располагались следующие города: в Воронежской области – Ольшанск, Острогжск, Коротояк, Урыв, Борщев монастырь, Костенск, Воронеж, Орлов; в Липецкой области – Усмань, Белоколодск, Романов, Сокольск, Добрый; в Тамбовской области – Козлов, Бельский и Челновой городки. Вся линия укреплений Белгородской черты делилась на 25 участков.

Симбирская черта строилась в период с 1648 по 1654 год. С Белгородской чертой соединялась в районе современной Тамбовской (Тамбов, Козлов) области, далее проходила по территории современной Пензенской области (Нижний Ломов, Верхний Ломов, см. рис. 7), Республике Мордовия (Атемар, Саранск) и Ульяновской области (Симбирск, Корсун), таким образом, занимая пространство между реками Цной и Волгой. На картографических источниках хорошо прорисована на карте Царства Казанского из «Российского атласа» 1745 г. (Ситдииков, Абдуллин, 2016, с. 29–31).

Керенский участок черты пролегал от р. Цны до р. Вад через труднопроходимый Большой Цен-

ский лес. Земляные укрепления начинались у села Большая Лука, шли через Керенск (ныне Вадинск) к реке Каргалеи, притоку реки Вад. Деревянная крепость Керенск стояла на горе и имела восемь башен, четыре из которых были с проездными воротами. Южнее города проходил земляной вал. Остатки крепости Керенск – юго-восточная часть земляной насыпи длиной 90 м, валы и рвы у сел Большая Лука и Каменка, в лесу между районным центром Вадинск и селом Кармалейка (высота вала со стороны рва 5,4 м) – сохранились до настоящего времени.

Верхнеломовский участок черты. Укрепления черты шли на юго-восток степным правобережьем реки Вад от села Ягановка, расположенного на левом берегу реки Каргалеи; вал хорошо выражен в настоящее время около деревни Пеньки. Отсюда вал шел к лесу между селами Скуратово и Котел, где были лесные завалы. Около села Коповка находились Вадовские ворота. Черта продолжалась далее через лес по левому берегу реки Толковки. Укрепленные города находились у впадения Толковки в реку Ломов около села Старая Толковка и деревни Андреевки (остатки сохранились до настоящего времени). От реки Ломов Засечная черта шла степью на северо-восток вдоль левого берега. У Верхнего Ломова черта подступала к Стрелецкой горе, где находился Верхний Ломов: «Старинная земляная четырехугольная крепость с четырьмя деревянными башнями, окруженная рвом...». Вал прерывался болотистой ложиной, известной по документам как «Козляцкий брод». Здесь заканчивалась Верхнеломовская черта.

Вдоль левого берега реки Ломов и далее за реку Мокшу проходил *Нижнеломовский участок* черты, прикрывавший Большую Ногайскую дорогу (вал большей частью сохранился). Он доходил до крепости Нижний Ломов. Крепость в плане – правильный прямоугольник. Крепостной вал венчали стены из дубовых срубов высотой 9 м, которые имели два этажа, амбразуры для пушек и пищалей. По углам и стенам крепости стояли башни, достигавшие 22 м высотой (в настоящее время от крепостных сооружений города осталась небольшая часть вала со рвом). Далее вал пролегал на северо-восток. Заканчивалась Нижнеломовская черта засекой за рекой Мокшей.

Инсаро-Потижский участок черты шел от «ломовского рубежу и по другую сторону до саранского лесу и в саранский лес». Первоначально, видимо, были две черты, затем они слились в одну. Западный участок проходил в виде засек по реке Лухме до Инсара. Крепость Инсар была окружена рвом и защищена сторожевыми башнями и надолбами (рис. 8). Далее черта шла через заповедный лес на северо-восток к реке Потиж, где

стоял Потижский острог.

От Инсаро-Потижского участка черты на запад до реки Суры тянулись укрепления *Саранско-Атемарского участка*. Они шли линией Шечкевский острог – Саранская крепость – Инзерский острог – Атемарский острог – река Сура. Черта начиналась Шечкевской засекой. От леса до Шечкеевского острога шли полевые укрепления, здесь же стояла сторожевая башня. От Шечкеевского острога к Саранску шли полевые укрепления (сохранились вал и основание сторожевой башни). Саранская крепость имела почти квадратную форму, 4 угловые и 3 проезжие башни. От Саранска полевые укрепления шли на восток к Инзерскому острогу. Засеку сменял Атемарский вал с восемью башнями.

В 1661–1663 гг. в Саранске дворян и детей боярских было 332 человека. В 1669–1670 гг. по Атемаро-Саранской черте дворян и детей боярских насчитывалось 396 человек, из них 194 мордовских и татарских мурз, которые были на одинаковых правах с русскими дворянами и детьми боярскими.

Пензенский участок черты шел по линии озеро Долгое у реки Суры – крепость Пенза – Рамзаевский острог – крепость Мокшанск – Мокшанский лес (рис. 9). От озера Долгое черта проходила через село Терновка, где стояла проезжая Саратовская башня. От реки Пензы до реки Мойки по лесу шла «нижняя засека». Ее сменял вал, проходивший до Шипин-бора, имевший проезжую Красную башню и глухую башню у заповедного леса. Через Арбековский лес шла «верхняя засека». Ныне пензенский лесопарк «Засека» – памятник общероссийского значения.

От башни в северо-западном направлении к Рамзаевскому острогу проходил вал, четко прослеживаемый и сейчас. Острог располагался на возвышенном месте у реки Рамзайки, имел четыре башни. Основание этого укрепленного пункта сохранилось. Далее вал шел к Мокшанску (Мокшану), где на наиболее опасных участках черты стояли две сторожевые башни (основания этих башен еще заметны). Крепость Мокшанск имела шесть башен (четыре угловые и две проезжие), была окружена земляным валом и рвом. От Мокшанска вал шел в северо-западном направлении к Мокшанскому лесу и сменялся засекой (земляная насыпь со рвом прослеживается). С окончанием заповедного леса от села Казеевка снова шел вал, и он тянулся в северном направлении к реке Иссе, где соединялся с Инсарским участком Симбирской оборонительной линии. В 1681 г. Пензенская черта была продолжена далее на восток. От Налуевского городища (г. Городище) через Большой Сурский лес к реке Сура, где кончался вал Пен-

Рис. 7. Вали между Нижним и Верхним Ломовым, Ломовская черта, 1636–1654 гг. Пензенская область). Съемка с коптера сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

зенской черты, была построена засека (Хохряков, 1903, с. 1–53; Петерсон, 1993; Лебедев, 1994, с. 137–145; Лебедев, 1992, с. 95–97).

От Симбирска до Юшанска было 13 сторожевых башен, которые находились на валу на расстоянии друг от друга около 1600 сажень (около 3 км). Земляной вал начинался от Свяжской слободы, левого берега реки Свяги, шел мимо Сельденской слободы, вдоль Куралова городка (слободы), Арской слободы, Погребовской слободы и, не доходя до Тетюшской слободы, уходил влево на Юшанск и далее до Тагая и Корсуни (рис. 10).

Важной особенностью колонизации всего этого пространства явилось этническое и конфессиональное разнообразие миграционных потоков. В начальных гарнизонах Симбирской и Карсунской черт в основном преобладали русские служилые люди и представители коренного населения Казанского края. Процесс их расселения привел к складыванию располагавшихся чересполосно и относительно замкнутых сообществ, на уровне отдельных селений или их локальных групп. При освоении «Поля» разные этнические составляющие потока переселенцев оказывались в целом в равных правовых, экономических и социокультурных условиях. В сметном списке 1651 г. представители автохтонного населения указаны по

Карсунской черте. Их численность составляла 1225 человек (мурзы и татары – 1037, новокрещены – 188) или более 2/3 всех служилых людей, расселенных по линии. Из них были сформированы гарнизоны всех пригородов и острогов черты, кроме Карсуна (Дубман, 2017, с. 30–39).

К концу XVII столетия Симбирская черта потеряла свое военное предназначение в связи с расширением границ Российского государства. Поэтому начиная с 1694 г. для Азовских походов Петра I, а затем в 1708 г. большую часть «служивых людей» перевели на охрану Азова и Приазовья. Военное управление черты было ликвидировано, а оставшиеся ратные люди перешли в разряд «пахотных солдат». Часть прежней функции южной границы России перешла к Царицынской сторожевой линии, которую начали строить в 1718 г.

Закамская черта возведена в 1652–1656 гг. как продолжение Симбирской черты далее на восток. Вдоль Закамской черты были заложены городки крепости Ерыклинск, Тиинск, Билярск, Новошешминск, Заинск и Мензелинск. Заканчивалась черта на р. Ик (рис. 11; 12).

В 1651 г. в этот регион были посланы специалисты для составления плана новой укрепленной линии, проект которой был утвержден, и в 1652 г. начались инженерные работы. Черта начина-

Рис. 8. Инсарский вал, Саранская (Атемарская) черта, 1640–1641 гг. Республика Мордовия. Фотосъемка сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

лась от крепости Белый Яр, заложенной на левом берегу Волги, шла по правому берегу р. Черемшан, представляя собой засеки в лесах и валы на открытой местности. К строительным работам были привлечены жители Казанского уезда. Так, например, «служилый чувашенин» деревни Саралань Ногайской дороги Казанского уезда Иماش Меличев имел вотчину в районе будущей Закамской черты и ему пришлось принять самое активное участие в ее строительстве (Мельников, 1859, с. 44–45).

Заселялись города-крепости различными способами. В Белый Яр на «вечное житье» были отправлены 100 конных казаков и 9 ссыльных из Казанской губернии. В Ерыклинске поселили 150 пашенных крестьян из села Челны (недалеко от Елабуги), по такому случаю причисленных к казакам. В Тиинске поселили 291 семью служилых людей, Билярске – 100, Новошешминске – 247, Заинске – 181, Мензелинске – 229 семей. Только в самом незначительном, Кичуевском остроге не было постоянного военного населения.

После занятия русскими войсками Смоленска в 1654 г. местную шляхту был решено расселить «по Закамской черте дворами и землями и санными покосами и всякими угоды». По исследованиям Г. Перетятковича в Тиинске были поселены 141

смоленский шляхтич, в Новошешминске – 127, в Заинске – 81, в Мензелинске – 129 человек. Другой исследователь, В. Новиков, считал, что смоленская шляхта в основном была поселена в Мензелинске – 124 человека (из роты Черного знамени) и в Шешминске – 128 человек (из роты Красного знамени). На реке Майне было расселено 43 человека из полоцкой шляхты, еще 23 человека поселилось на реке Утке. В 1669 г. в эти поселения прислали еще 66 человек. Из Лаишева на черту перевели 100 конных служилых казаков, из Ахтачинского острога – 150 стрельцов (из них 50 конных), из Старошешминска – 100 стрельцов, 29 человек перевели из села Тетюши.

К концу XVII в. вопросы защиты границ государства продолжают оставаться одними из самых актуальных в военном и геополитическом отношении. Их решение в предстоящее столетие будет осуществляться с учетом опыта самой передовой в то время европейской фортификационной мысли.

Оборонительные линии в XVIII–XIX вв. Первые десятилетия XVIII столетия укрепленные линии Российского государства традиционно возводились на его южных рубежах, но постепенно начали смещаться на европейский юго-восток страны – в Нижнее Поволжье, Заволжье и Юж-

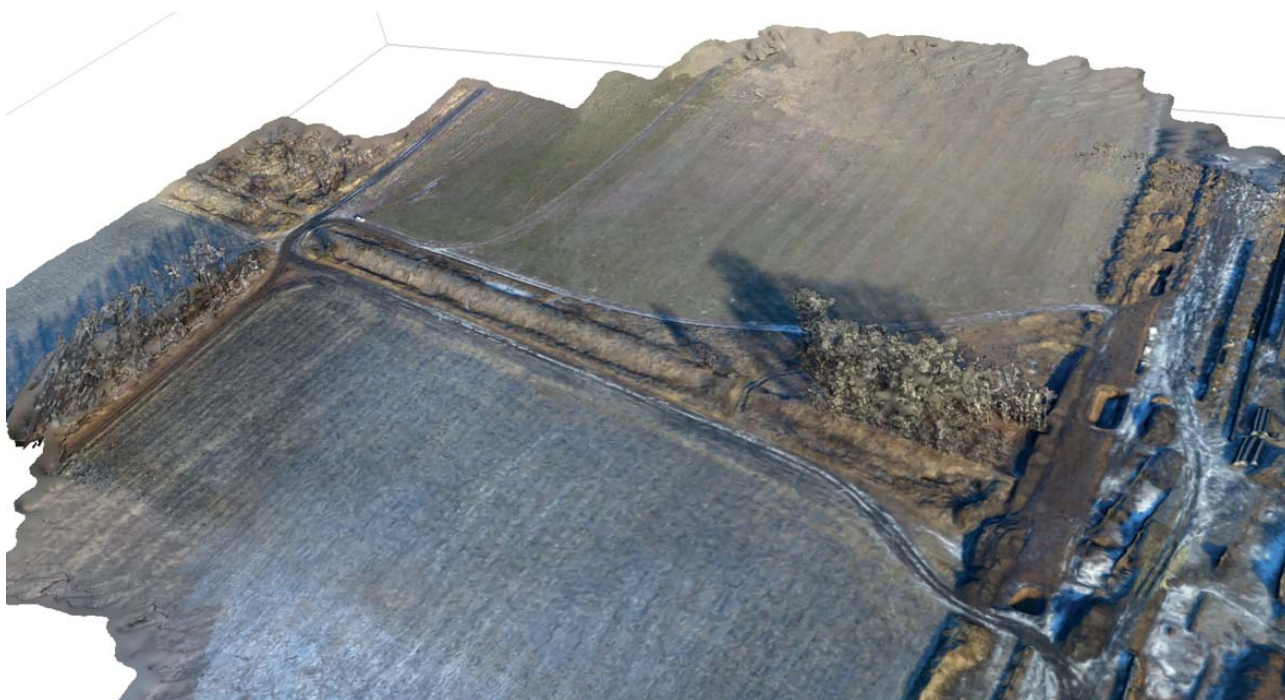

Рис. 9. 3D модель Рамзаевских валов Пензенской черты 1676–1680 гг. Пензенская область. Создана на основе съемки сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

Рис. 10. Юшанская крепость и валы. Симбирская черта, 1648 г. Ульяновская область. Съемка с коптера сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

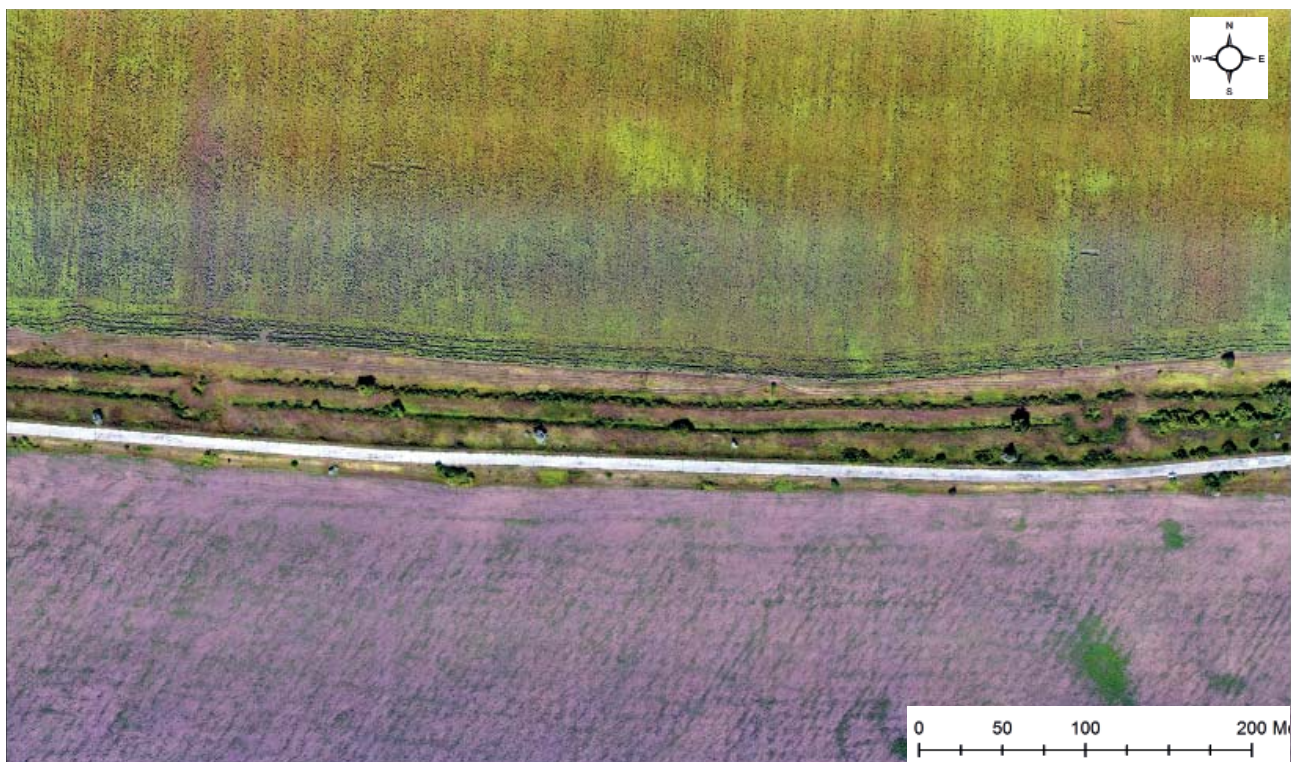

Рис. 11. Ортофотоплан валов от крепости Белый Яр. Закамская черта, 1652 г. Ульяновская область. Съемка сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Июль 2021 г.

Рис. 12. Новосешминские валы, Закамская черта, 1652–1656 гг. Республика Татарстан. Фотосъемка сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

ное Приуралье. Новые оборонительные линии уже существенно отличались от засечных черт XVI–XVII вв. и строились они по образцам европейской фортификационной науки. Сам термин «Засечные черты» в XVIII столетии перестает использоваться.

В 1718–1720 гг. на переволоке между Волгой и Доном строится Царицынская линия. Для дальнейшего укрепления границы и освоения новых территорий в 1730 г. были разработаны проекты возведения Украинской и Новой Закамской линий, а кроме того, принято решение приступить к реконструкции Царицынской. Осуществление этих проектов началось в 1731 г. Позднее полностью построенную на Левобережье Волги Новую Закамскую линию (1731–1735) практически заменили Самарской линией (1736–1742). Именно она сыграла особо важную роль в интенсивном заселении заволжских земель и продвижении России на Восток.

Возведение крепостей Оренбург (1735) и Ставрополь-на-Волге (1738), как и Самарской линии, осуществляла Оренбургская экспедиция (1734–1744), длительное время размещавшаяся в Самаре. Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. продолжает свое развитие Оренбургская пограничная линия: строятся новые крепости, форпосты, редуты и т. д. В 1811–1827 гг. в целях защиты солевозных караванов, по пути их следования из Илецкой Защиты к Волге, возводится Ново-Илецкая линия, проходившая по рекам Илеку, Курале и Бердянке. В 1835–1845 гг. была воздвигнута Новая линия от Орска до Троицка (до Березовского форпоста). Эта линия значительно выпрямила и укоротила старую линию, кроме того фактически к России была присоединена огромная территория так называемого Новолинейного района.

Царицынская сторожевая линия. При Петре I в 1718–1720 гг. строится Царицынская сторожевая линия. Территория современной Волгоградской области вплоть до конца XVIII в. оставалась пограничным пространством. Практически все располагавшиеся здесь в то время населенные пункты являлись военизированными – казачьи городки, города-крепости на Волге. Возведение Царицынской сторожевой линии (рис. 13) было частью политики Петра по усилению геополитического и военного влияния России в Прикаспии и Северном Причерноморье с целью обезопасить южные границы России в междуречье Волги и Дона, на Волго-Донской переволоке.

Сторожевая линия представляла собой земляной вал, протянувшийся на расстояние 54 км между Волгой и Доном. Крайними точками данного фортификационного сооружения были Ца-

рицынская крепость на Волге и Донская крепость на Дону. Между ними размещались три земляные крепости – Грачевская, Осокорская и Мечетная, 23 редана, укрепленных частоколом, несколько сторожевых вышек. Службу на линии первоначально несли донские казаки, а в 1734 г. эта обязанность была возложена на казаков специально созданного для этого Волжского казачьего войска.

Вплоть до конца 1770-х гг. Царицынская сторожевая линия оставалась действующим оборонительным сооружением. В 1777 г. была основана Азово-Моздокская укрепленная линия, на которую перевели служить большую часть казаков Волжского казачьего войска. С этого времени Царицынская линия утрачивает свое оборонительное значение, однако укрепления линии, располагавшиеся на ней земляные крепости продолжали существовать и позднее, отдельные участки земляного вала и реданов прослеживаются на местности даже в наши дни.

Новая Закамская оборонительная линия – система оборонительных укреплений на территории современных Самарской области и Республики Татарстан, построенная в первой половине 1730-х гг. для защиты поселений и тогдашних границ России (рис. 14).

В начале XVIII в. происходит освоение территории Заволжья, располагавшейся к югу от возведенной еще в правление царя Алексея Михайловича Закамской черты. В 1703 г. на реке Сок строятся промышленные предприятия, на которых была организована добыча серы, используемой для изготовления пороха. Для защиты этих «заводов», а также поселений переведенных к ним крестьян и работных людей возводится пригород Казани Сергиевск. В 1704–1706 гг. строится новая «земляная крепость» в Самаре. Для защиты дальних подступов к городу в 1706 г. на реке Самаре основывается Алексеевская крепость. Защитить сложившийся по левобережью Волги и ее притокам Соку, Кондурче и Самаре новый район сельского и промышленного расселения должны были полки из Казани. Их в конце 1720-х гг. ежегодно летом выдвигали на так называемые «Черемшанские форпосты». Однако этих военных сил явно не хватало.

В 1731 г. указом Сената казанскому губернатору было предписано выделить для работы три тысячи жителей, проживающих поблизости, обеспечить их инструментом и положить им «на корм» по 30 алтын в месяц. Для охраны были выделены бывшие служилые люди, из которых сформировали четыре ландмилицейских полка.

Новая линия представляла собой ров и земляной вал высотой до 4 м. Через каждые примерно 12–15 км были устроены крепости,

Рис. 13. Редут Царицынской сторожевой линии 1718–1720 гг. Волгоградская область. Съемка с коптера сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Апрель 2021 г.

фельдшанцы или редуты. Начиналась система укреплений от пригорода Алексеевск и шла, перекрывая водораздел между реками Самара и Сока, к Красноярской крепости. Далее по южному берегу Сока валы и рвы, перемежаемые редутами и Черноречским фельдшанцем, достигали Сергиевской крепости. Начиная от Сергиевска линия, перейдя на правый берег Сока, резко поворачивала на северо-восток. Преодолев Тарханский лес, где преобладали засечные укрепления, она переходила под Черемшанской крепостью через реку Большой Черемшан и направлялась к реке Кичуй.

Опорные пункты линии были следующие: Алексеевская крепость – Красный редут – Красноярская крепость – Хороший редут – Чернореченский фельдшанец – Нижний Орлянский и Верхний Орлянский редуты – Сергиевская крепость – Суружский редут – Кондурчинский фельдшанец – Тарханский редут – Черемшанская крепость – Шешминский фельдшанец – Кичуйский фельдшанец, а также другие редуты и Падовский ретраншемент (рис. 15).

Лучше других был укреплен участок от Самары до Сергиевска. Общая протяженность укреплений составляла немногим более 240 км, из них 3/4 занимали земляные вал и ров. Все укрепления были построены с учетом особенностей местности, почти все фельдшанцы находились у рек.

Через каждые 300–350 м вал дополнительно укреплялся реданами.

Руководителем Закамской экспедиции был назначен тайный советник Ф.В. Наумов, ему в помощь определили полковника И. Оболдуева, которого вскоре заменил И. Друмант. Распоряжение всеми инженерными работами, командой кондукторов, геодезистов и других сотрудников, изготовление планов и чертежей были поручены капитан-поручику И.А. Бибикову. Строительство началось в сентябре 1731 г. Согласно проекту, предполагалось, что общая протяженность линии составит более 300 км. Но уже в период проектирования руководители экспедиции и Военной коллегии посчитали необходимым отложить строительные работы за рекой Кичуй из-за опасений вызвать недовольство местного населения. При завершении возведения линии было принято окончательное решение не возводить редуты между реками Кичуй и Зай, у села Русский Акташ и на правом берегу реки Лесной Зай, а завершить все Кичуйским фельдшанцем. К этому времени уже начала работать Оренбургская экспедиция, а после основания Оренбурга и других городков Новая Закамская линия оказывалась внутри защищенной территории (рис. 16; 17; 18). В 1733–1735 гг. в состав линии практически был включен участок по реке Самаре между Самарой и Алексеевском с построенным

Рис. 14. Часть Новой Закамской оборонительной линии на карте 1755 г. (Оренбургская губерния с принадлежащими к ней местами, по «Ландкартам» Краси́льникова и «Топографии» П.И. Рычкова 1755 года [Карты]. [Репродукция]. Оренбург: Отд. рус. геогр. о-ва, 1880. 1 атл. ([28 л.]): цв., раскраска от руки: карты, текст. 5. Карта Уфимской провинции Казанской и Осинской дорог)

там Падовским ретраншементом. Их военные гарнизоны были подчинены Ф.В. Наумову и должны были нести дозорную службу на линии. Штаб Закамской экспедиции почти все время строительства располагался в Сергиевске.

В строительстве принимало участие ежегодно до 15 тысяч крестьян Казанской губернии, работавших в две смены. Первая смена работала с 1 мая по 15 июля, вторая – по 1 октября. Для охраны строительства было направлено три драгунских полка.

Службу на линии должны были нести ландмилицкие полки (местные территориальные поселенные войска, наделявшиеся землей, что способствовало освоению колонизированных территорий), в которые переводили «неположенных в оклад служилых людей» укреплений старой Закамской черты. Из них было сформировано два конных полка (Биярский и Шешминский). Два других полка (Сергиевский конный и Алексеевский пеший) были сформированы «из прежних служб служилых людей, положенных в подушный

оклад» (после окончания Северной войны многие служилые люди были переведены в крестьяне с обложением подушной податью). Так было и в пригородах старой Закамской засечной черты. Ихто и вновь исключили из подушных списков, так как вновь приняли на службу. Как сказано в документе, «государственными крестьянами их не писать и не называть, а быть им, по-прежнему, в службе».

Таким образом, ландмилицкие полки формировались не из рекрутов, а из однодворцев, оставших солдат, городских казаков и прочих жителей прежней черты. Набор в полки проходил медленно, о чем свидетельствует указ от 4 июля 1735 г. об укомплектовании полков и сыске сбежавших из них нижних чинов. На формирование и содержание этих полков из казны было отпущено около 48 тысяч рублей.

Предполагалось, что ландмилиция будет жить в военных поселениях, получив пахотные земли и угодья, с которых и должны были кормиться офицеры и солдаты. Рядовые должны были полу-

Рис. 15. Ортофотоплан Кичуйского фельдшанца Новой Закамской оборонительной линии 1734–1736 гг. Республика Татарстан. Съемка сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

чить от 22 до 55 десятин земли. Земли отводились также под дома офицеров и священников, церкви, полковые канцелярии. Поселения в целях безопасности должны были быть довольно крупными – в 100 и более дворов. Все время строительства линии ландмилицкие полки находились на старой черте и опирались на денежное и хлебное довольствие, а не на ведение хозяйства. Они получали определенное жалование, впоследствии приравненное к жалованию гарнизонных войск. А провиант полагался лишь в случае дальних походов.

По штату 1736 г. каждый из конных ландмилицких полков состоял из 10 рот, а пеший из 8 рот. В конном полку было 37 офицеров, 73 унтер-офицеров, 920 рядовых и 31 нестроевой чин; в Алексеевском пешем полку: 31 офицер, 61 унтер-офицер, 1152 рядовых, 25 нестроевых. Всего в Закамской ландмилиции было 142 офицера и 3912 нижних чинов. Кроме того, в каждом полку имелись священник и лекарь, а также по штату состояло до 50 школьников. Таким образом, численность военного состава ландмилиции составила чуть более 4000 человек.

Рис. 16. 3D модель, Красноярская крепость, Новая Закамская оборонительная линия, 1734–1735 гг. Самарская область. Создана на основе съемки сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

Рис. 17. Черемшанская крепость, Новая Закамская оборонительная линия, 1734–1735 гг. Республика Татарстан. Съемка с коптера сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

Рис. 18. Шешминский фельдшанец, Новая Закамская оборонительная линия, 1734–1735 гг. Республика Татарстан. Съемка с копитера сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Ноябрь 2020 г.

Всего в годы строительства Новой Закамской линии в ее окрестностях было поселено 4212 человек (2652 конных и 1560 пеших). Помимо них привлекалось окрестное население (1 человек с трех дворов в радиусе 15 километров от линии и один человек с пяти дворов в радиусе 20–25 км). Местное население также участвовало в ремонте укреплений.

Самарская укрепленная линия, проложенная от Самары до Оренбурга, являлась так называемой «живой линией», состоящей из отдельно стоящих крепостей. Ее укрепления начали возводиться в 1736 г. В отличие от крепостей Новой Закамской линии крепости Самарской линии не были соединены непрерывной полосой вала и рва, а также не имели такой четкой геометрической формы. Их границы были более сложными и охватывали значительную территорию. Последнее было связано с заселением крепостей ландмилицией.

На территории Самарского Поволжья размещались две крепости Самарской линии: Красносамарская и Борская. Они имели две линии укреплений: «старую» (1736 г. постройки) и «новую» (1751). Красносамарская «старая» крепость с

пятью разновеликими бастионами полукольцом огибала русло реки Самары, «новая» крепость находилась внутри старой и представляла собой прямоугольник в плане с тремя бастионами по углам и двумя редантами между ними. Со стороны реки крепость была укреплена рогатками. «Старая» и «новая» Борские крепости имели еще более сложные очертания, их земляные укрепления разрывались линиями рогаток в двух местах, где река выступала в роли естественной преграды.

Оренбургская укрепленная линия проходила от реки Тобол до Каспийского моря и была разделена на пять дистанций: от Звериноголовской крепости до Верхнеуральска, от Верхнеуральска до Орской крепости, от Орской крепости до Оренбурга, от Оренбурга до Уральска, от Уральска до Гурьева городка. Связь между крепостями поддерживали небольшие промежуточные укрепления – редуты, перед укрепленной линией на расстоянии 2–7 верст друг от друга стояли укрепления для сторожевых отрядов – форпосты. Каждая крепость имела несколько застав. Между форпостами непрерывной линией тянулись заграждения из березовых или таловых прутьев.

Рис. 19. 3D модель, Ельдякская крепость, 1735 г. Республика Башкортостан. Создана на основе съемки сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Июнь 2021 г.

Проект по строительству Оренбурга и в целом Оренбургской укрепленной линии был представлен обер-секретарем Сената И.К. Кирилловым и одобрен императрицей Анной Иоанновной 1 мая 1734 г. Первый пункт плана предусматривал строительство города-крепости на реке Орь. На ее строительство предполагалось привлечь «не работников с русских городов», а тептярей и бобылей, которые «бьют челом в сенат, чтоб их в работу нарядить». Планировалось также, что башкиры будут интегрированы в империю через несение постоянной военной службы, которая была выгодна для государства. В осуществлении своей политики И.К. Кириллов рассчитывал опереться на башкирских тарханов (Семенова, 2018, с. 219–222).

В 1735 г., следуя из Уфы в Оренбург, И.К. Кириллов заложил в Табынске земляной город. В том же году были заложены Ельдятская и Красноуфимская крепости (рис. 19). В 1736 г. на большой Московской дороге возникла Нагайбакская крепость. Оренбургская укрепленная линия заселялась служилыми людьми.

Присоединение территории Казахстана к России в 40–50-х гг. XIX столетия отодвинуло границы империи на юго-восток от современного Башкортостана, в результате чего крепости Оренбургской укрепленной линии потеряли свое военно-политическое значение (Лавринова, 2012, с. 49; Дубман, 2004; Кривошеков, 1914; Рахматуллин, 1988; Буканова, 1993; Зобов, 2000; Стариков, 1891; Машин, 1976; Мамонов, Кобзов, 1992) (рис. 20).

* * *

История создания засечных черт, сохранившиеся элементы их функционирования являются уникальным явлением в российском и всемирном историко-культурном наследии. Появление этой

системы засечных черт в XVI в. связано с образованием российского централизованного государства. Масштабное инженерное фортификационное сооружение включало в себя крепости, оборонительные сооружения, возводившиеся для защиты южных рубежей в течение трех столетий в лесостепи Восточной Европы.

Усилия по сохранению засечных линий сегодня состоят как из мер по сбережению историко-культурного наследия, так и из природоохранных мер. Обеспечение безопасности этого масштабного антропогенного и природного памятника возможно только при комплексном подходе. Важным элементом в целостном рассмотрении феномена пространства засечных линий является нематериальная культура, представленная в повседневном быте, топонимии, кулинарии и других аспектах традиций народов, что также является объектом изучения и предполагает соответствующие программы по их сохранению.

Имеющиеся материалы предшествующих исследований и региональных мероприятий создают предпосылки для подготовки целостной программы, особенно для центральных районов России (Белгородская, Воронежская, Липецкая, Рязанская, Тамбовская, Тульская области) и Поволжья (республики Татарстан, Чувашия, Пензенская, Самарская, Ульяновская области). Эти регионы также характеризуются высокой изученностью объектов засечных черт, наличием специализированных научных, образовательных и музейных центров с подготовленными специалистами.

Отдельные регионы формируют собственные программы по сохранению и популяризации данных объектов, имеются и частные инициативы по развитию туризма. В Белгородской, Волгоградской, Липецкой, Самарской, Тульской областях ведутся серьезные планомерные работы по сохра-

Рис. 20. Большое Императорское полевое укрепление, Оренбургская пограничная линия, 1835–1836 гг. Оренбургская область. Съемка с коптера сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Август 2021 г.

нению историко-культурного наследия с одновременным выявлением, изучением и постановкой на государственную охрану новых объектов засечных черт.

В Белгородской, Воронежской, Липецкой, Ростовской и Тульской областях отдельные объекты включены в территории, являющиеся частью музейных учреждений и заповедников. В них организованы работы по исследованию и сохранению объектов засечных линий, регулярно проводятся приуроченные к конкретным событиям истории засечных линий масштабные специализированные мероприятия и выставки, государственными и частными структурами реализуются туристические и образовательные программы.

К настоящему времени сохранившиеся засечные леса взяты под охрану в заповедниках «Калужские засеки» и «Тульские засеки». Начало планомерных научных исследований данных участков засечных черт (линий) берет свое начало с комплексной междисциплинарной исследовательской программы 1989–1992 гг., ставшей основой реализации долгосрочных мероприятий по сохранению и популяризации этих уникаль-

ных памятников. С 1998 г. в национальном парке «Угра» (Калужская область) действует программа восстановления широколиственных лесов бывшей Заокской засечной черты, в рамках которой проводятся посадка сеянцев дуба и уход за лесными культурами. В 2018 г. на территории Березичского лесничества национального парка открылась обновленная экспозиция музея «Козельские засеки».

Значительная часть природных и историко-культурных объектов во многих регионах России на сегодняшний день не обследована и требует своего научного изучения и определения мер по их сохранению, включения в природные и историко-культурные государственные реестры и создания организационных форм их сохранения и использования.

Научные междисциплинарные исследования всей совокупности проблем изучения засечных черт являются базисом формирования долгосрочных задач и гарантом успешности их выполнения, обеспечивающих эффективное функционирование и сохранность объектов историко-культурного и природного наследия. Всеобъемлющий охват всего комплекса архивных материалов,

объектов археологии и архитектуры, этнографического наследия, топонимии, ономастики, экологии ориентирован на выявление и обоснование исторической ценности объектов, определение их подлинности и целостности на основе широкого спектра исторических источников и данных естественных наук. Реализация системной научной работы по постановке на государственный учет объектов историко-культурного наследия должно стать составной частью создания свода объектов культурного наследия засечных линий.

Важно отметить, что музейное и туристическое пространство засечных линий тесно переплетается со многими существующими объектами культурного наследия и музеями, что в дальнейшем должно учитываться при формировании плана управления, обеспечивая гармоничное сочетание в использовании богатства имеющегося потенциала различных объектов культурного и природного наследия, а также определять перспективы включения их в число объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

В этой связи вполне логичным и закономерным явилось обращение 22 января 2020 г. представителей Липецкого исторического сообщества к Президенту Российской Федерации с просьбой о необходимости обратить внимание на сохранение и популяризацию такого уникального исторического явления, созданного трудом многих поколений народов нашей страны, как засечные черты. Президентом страны было дано поручение Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов России и при участии Российского исторического общества подготовить и представить предложения, касающиеся организации работы по выявлению объектов культурного наследия, связанных с Белгородской засечной чертой, их государственной охране, научному изучению и дальнейшему использованию в целях развития познавательного туризма, а также по организации туристического маршрута по местам расположения этих объектов.

Российским историческим обществом, Фондом «История Отечества» и Министерством культуры Российской Федерации была организована работа с региональными органами охраны объектов культурного наследия с привлечением ведущих специалистов из регионов по определению исполнения задач, поставленных в поручении президента. В числе первоочередных мероприятий, определенных специально созданной при Фонде «История

Отечества» рабочей группой, стал сбор сведений об объектах оборонительных линий. В результате в 19 регионах европейской части России была собрана информация о более чем 70 объектах засечных черт, находящихся на государственной охране, а также связанных с ними иных объектах культурного наследия.

Под эгидой Российского исторического общества для издания собраны и подготовлены материалы о современном состоянии указанных объектов. В данном издании акцент сделан на представление оборонительных линий юга европейской части России XVI–XVIII вв. Специалистами из почти двух десятков российских регионов актуализированы сведения о сохранившихся участках оборонительных линий и обращено особое внимание на необходимость выявления и постановки их на государственную охрану как объектов историко-культурного наследия. Организованные осенью 2020 – летом 2021 гг. экспедиции позволили провести актуальную фотофиксацию с подготовкой ортофотопланов и 3D-моделей оборонительных валов, сторожевых ворот, крепостей, фельдшанцев, редутов и архитектурных памятников. Впервые на некоторых залесенных фортификационных объектах проведена лидарная съемка, выполненная специалистами Казанского федерального университета и Института археологии Академии наук Республики Татарстан. Ведущими национальными архивами были предоставлены ландкарты засечных линий, планы и чертежи крепостей и оборонительных сооружений, что значительно обогатило наше издание.

Накопленный материал наглядно свидетельствует о масштабности рассматриваемой темы и острой необходимости продолжения изучения истории формирования и развития оборонительных рубежей в пределах всей страны. В будущем, несомненно, будут созданы фундаментальные исследования и труды, посвященные истории защиты российских границ в различные периоды на всем пространстве Евразии. Актуальными представляются также дальнейшие архивные и археологические изыскания и принятие незамедлительных мер по охране объектов оборонительных сооружений, сохранившихся до наших дней. Презентация имеющихся материалов широкой общественности, несомненно, будет способствовать повышению интереса к ним и созданию условий для их туристической привлекательности.

ГЛАВА 2

ЗАСЕЧНЫЕ ЛИНИИ СИМБИРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

По образному замечанию В.О. Ключевского, средневековое Московское государство было «похожим на вооруженный лагерь, с трех сторон окруженный врагами... На северо-западе борьба изредка прерывалась кратковременными перемириями; на юго-востоке в те века она не прерывалась ни на минуту» (Ключевский, 1987, с. 195–196). Для защиты центральных районов страны от нападений степных народов в XVI в. строится так называемая Большая засечная черта (Яковлев, 2016, с. 16–21). После присоединения Казанского края во второй половине столетия была создана совокупность оборонительных сооружений на Юго-Востоке, протянувшаяся от Тетюшей через Алатырь к Темникову. Она прикрыла южные рубежи оседлого земледельческого расселения в Предволжье. Несмотря на постоянные упоминания об этих укреплениях в источниках и неоднократные попытки их обследования, вплоть до настоящего времени остается неясным: какова была их конфигурация и технология строительства, сложились ли они в единую систему (имеются лишь фрагментарные сведения о Темниковской, Пузской, Алатырской, Карлинской (Тетюшской), Новотетюшской и других засечных чертах) (Перетяткович, 1982, с. 22; Поливанов, 1900, с. 40; Воронин, 1961, с. 17; Кочетков, 2012, с. 18–24; и др.). Предпринятое В.И. Лебедевым систематическое обследование позволяет лишь дать характеристику отдельным участкам вала и других оборонительных сооружений, но не более того (Лебедев, 2006).

Новый этап в формировании единой непрерывной системы засечных линий на южных и юго-восточных рубежах страны начинается после поражения в Смоленской войне. Их создание в середине 1630-х – 1650-х гг. дало возможность приступить к массовому хозяйственному освоению и заселению плодородных пространств южной лесостепи. Восточный фланг всей этой системы представляли Карсунская, Симбирская и Закамская линии, защитившие территории Предволжья между р. Сурой и Волгой и Западного Прикамья – от устья Б. Черемшана до впадения в Каму р. Ик.

Вся совокупность засечных черт от границ с Польшей до Камы строилась около двадца-

ти лет. В течение этого времени правительство смогло существенно доработать начальный проект оборонительной системы. В итоге в середине 1640-х гг. сложился единый целостный подход к ее строительству, оборонительным функциям и формированию гарнизонов (Загоровский, 1959, с. 85; Загоровский, 1982, с. 4). При том что отдельные составляющие этой системы – «засечные черты» – были относительно самостоятельными и состояли в распоряжении разных приказов и воевод, в сущности, она являлась единым целым.

Западная (Белгородская черта), центральная (Тамбовская) и продолжающие ее на восток Керенский, Верхнеломовский, Нижнеломовский, Инсарский, Потижский, Атемаро-Саранский участки этой оборонительной системы возводились постепенно (Загоровский, 1959; Мизис, 1990, с. 34–43; Лебедев, 2006, с. 18). На начальном этапе на наиболее опасных направлениях строились отдельные крепости и остроги, в лесной зоне засеки, а в степных местах рвы и валы. Затем все эти участки соединялись в единую непрерывную линию.

Возведение крайней восточной ее части (от Суры до Камы) правительство начало на втором этапе этой строительной эпопеи в начале правления Алексея Михайловича. Именно тогда оборонительная система получает свое окончательное завершение как непрерывная, единая совокупность фортификационных сооружений, протянувшаяся через весь юг и юго-восток европейской лесостепи. Один из самых известных специалистов по истории «засечной фортификации» России XVII в. В.П. Загоровский отметил, что «с 1646 г. начинается второй период в строительстве Белгородской черты, продолжавшийся до 1653 г. Русское правительство активизирует свои действия на юге. Сравнительно быстро заполняются пробелы, еще существующие между отдельными укреплениями. Уже в 1646–1647 гг. в общем определяются географические контуры будущей черты» (Загоровский, 1969, с. 73).

Очевидно, что вывод Загоровского лишь отчасти отражает сложные процессы выделяемого им периода. Правительством прежде всего было принято решение объединить в единое целое укрепле-

ния, образовавшие Белгородскую и Тамбовскую черты, и отдельные участки «засек» в пространстве Мордовии. Кроме того, оборонительную систему продлили далее к востоку до Волги, где ранее ее не строили. И наконец, на всех участках оборонительной линии была значительно усилена мощность фортификационных сооружений, усилены их гарнизоны.

Все эти действия получили отражение в составленной в 1680/81 г. «Выписке в Разряд о построении новых городов и черты»: «И со 153 (1645 – Э.Д.) году ... царь и великий князь Алексей Михайлович ... указал, для покою христианскаго, черту строить по-прежнему указу отца своего... и по черте устроить прибавочные города и населить большим многолюдством и земляной вал устроить больше прежнего, по размеру – в подошве в ширину 3 сажень, в вышину 2 сажень с четвертью и 2 сажень в своде (соответственно 6,48; 4,86; 4,32 м – Э.Д.), и подле вала с полевую сторону выкопать рвы, в глубину 2 и полторы сажени, в ширину 2 сажень (соответственно 4,32 и 3,24; 4,32 м – Э.Д.), на 2 в своде полусажени, также и надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многие крепости, где какие доведется.

И по тому указу... сделан земляной вал, а подле вала капаны рвы, а подле рек на бродах и на перелазех ставлены надолбы, а по лесам лесные засеки, а в реках, на бродах, биты частики и сваи и рогатки и всякие крепости, а в иных местех приведены крепости к крепким и к заповедным лесам и к топким лесам и во многих местех поставлены караульные башни и стоялые острожки, а в тех башнях и в острожках в летнее время для бережения от приходу воинских людей велено стоять на сторожах днем и ночью безпрестанно тех же городов всяких чинов служилым людям ...» (Голомбевский, 1892, с. 54–56). Здесь и далее мы исходим из размера сажени в 2,16 м, как было установлено Е.И. Каменцевой и принято сейчас большинством исследователей, а не из устаревшего определения ее в 2,134 м.) (Каменцева, 1975, с. 85–86).

Таким образом, пришедшее с новым царем к власти правительство Б.И. Морозова коренным образом пересмотрело подходы к строящейся оборонительной системе. Помимо имевшего стратегический характер решения создать единую неразрывную засечную линию, прикрывавшую южные и юго-восточные границы, была произведена существенная коррекция начального проекта в отношении количества городов и острогов, их гарнизонов, а также размеров и мощности самих полевых укреплений. Руководство проведением этих работ возлагалось на Разрядный приказ (Белгородская линия), приказ Большого Дворца (Там-

бовская черта) и приказ Казанского Дворца (все остальные участки к востоку).

К этому времени правительство уже имело значительный опыт фортификационных работ по сооружению засечных черт. Поэтому строительство всех сооружений в Мордовии, а также Карсунской, Симбирской и Закамской линий велось практически одновременно (последняя немного опаздывала). Приказ Казанского Дворца ведал всеми вопросами по мобилизации военных и работных людей, возведению засечных черт, формированию гарнизонов, испомещению и т. д. Делопроизводство приказа практически полностью погибло в начале XVIII в., и судить о ходе строительства укреплений и формировании гарнизонов по фрагментарно сохранившимся источникам чрезвычайно трудно (Зерцалов, 1900, с. 11, 17–18, 21, 22–25; Гуркин, 2000, с. 25).

Для организации «засечных работ» в качестве доверенного представителя Б.И. Морозова на территорию Мордовии и Симбирского края был послан стольник (с 1647 г. окольный) Б.М. Хитрово (Селезнева, 1987, с. 79; Матвеев, Горчаков, 1889). С 1646 до осени 1648 г. он был воеводой и устраивал укрепления в Темникове и Атемаре, руководил возведением оборонительных сооружений Карсуна, Симбирска и их черт. Очевидно, что Б.М. Хитрово должен был заложить на юго-восточных границах новые, разработанные правительством подходы к созданию засечных укреплений и формированию их гарнизонов. Судя по сохранившимся документам, эти требования к оборонительным рубежам он получил с запозданием, уже завершая свою деятельность на Юго-Востоке (Зерцалов, 1900, с. 17). На каждом новом месте Хитрово только организовывал производственный процесс, не задерживался более нескольких месяцев, оставляя продолжать начатые им работы своим «товарищам».

У отечественных исследователей, начиная с И.Д. Беляева и Ф.Ф. Ласковского и до сего времени, не сложилось единого мнения о том, как следует идентифицировать систему линий, строящуюся под руководством приказа Казанского Дворца. Например, К.С. Носов считает, что «... Симбирская черта проходила от Белгородской черты до Волги и включала следующие крепости: Тамбов, Верхний и Нижний Ломов, Инсар, Саранск, Атемар, Сурск, Аргаш, Карсун, Уренск, Тагай, Юшанск и Симбирск» (Носов, 2009, с. 117).

Однако сохранившиеся письменные источники середины – второй половины XVII в. свидетельствуют, что едва ли не все участки засечных линий, лежащие к востоку от Белгородской черты, рассматривались как самостоятельные, имеющие свое особое управление черты. В то же время на-

блюдается определенная двойственность в случаях с историей ряда соседних черт, в частности Симбирской и Карсунской. В первые десятилетия после своего возникновения Симбирская черта состояла в ведении воевод одноименного уезда, занимавшего пространство только между Волгой и Барышем, о чем свидетельствуют строельные книги Симбирска (Мартынов, 1897). Карсунская черта управлялась воеводами Карсуна, и, видимо, в некоторые периоды своей истории этот «город» считался центром самостоятельного (или полусамостоятельного) Карсунского уезда. С середины 1660-х гг. деление на Симбирскую и Карсунскую черты уже в составе единого Симбирского уезда встречается в большинстве сохранившихся документов. Например, в октябре 1670 г. воевода Симбирска И.Б. Милославский передал сменившему его М.Л. Плещееву «...по Синбирской черте пригороды Юшанск, Тагаев, Уренск, и город Корсун и Корсунскую черту и остроги Малой Корсунов и Сокольской да Тальской остроги, город Аргаш и Сурской острог» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 28. Л. 131, 136). О Карсунской черте как самостоятельной говорится в переписной книге Симбирского уезда 1678 г. (Опись, 1902, с. 113). Отдельным Карсунский уезд значится и в писцовой книге И.Н. Вельяминова 1685–1686 гг., по поселениям которого она и составлялась (Писцовая, 2014). Однако вместе с тем в наказе воеводе Ф. Кольцову, направленному в 1691 г. в Малый Корсунов и Сокольск, говорится только о Симбирском уезде и о его подчиненности именно симбирским воеводам. И в то же время в этом наказе Карсунская черта упоминается постоянно наряду с Симбирской (Акты, 1842, с. 358–360). Эти и другие материалы свидетельствуют: несмотря на то, что главным центром нового региона несомненно являлся Симбирск, Карсун оставался какое-то время важным административным и военным пунктом; а Карсунская черта рассматривалась местными и центральными властями как отдельная самостоятельная система укреплений.

Приступая к конкретной характеристике засечных черт Симбирского Поволжья, отметим, что, за исключением работы С.М. Мальцевой и немногих других авторов (Мальцева, 2006, с. 116–129; Дубман, 2013, с. 300–305; и др.), исследователи специально не рассматривали историю и конструктивные особенности этих оборонительных рубежей. Например, Г.И. Перетяткович посвятил описанию засечных укреплений между Волгой и Сурой не более двух страниц (Перетяткович, 1882, с. 74–75). За исключением локальных раскопок на территории Ульяновска А.В. Визгалина, засечные линии практически не изучались археологами (Вискалин, 2003, с. 5–11; 2004, с. 177–78). Исто-

рию обследования этих уникальных памятников фортификации середины XVII в. подробно рассмотрел В.А. Гуркин (2006, с. 55–61), и поэтому мы не будем специально останавливаться на данном вопросе.

Сведения источников второй половины XVII в. и проведенные нами подсчеты показывают, что протяженность оборонительных сооружений Симбирской черты составляла около 100 км, а Карсунской – до 110. Однако укрепления последней закрывали междуречье Барыша и Суры общей протяженностью не более 86 км. Дополнительную систему валов и рвов в 12–13 км пришлось строить для того, чтобы так же прикрыть беслесный участок местности, примыкающий к Аргашу (Лебедев, 2006, с. 102). Кроме того, в протяженность Карсунской черты следует добавить несколько дополнительных участков засеки, так как в настоящее время сложно определить особенности ее прохождения в обширных лесных массивах (Зерцалов, 1900, с. 22). Отметим, что провести реконструкцию залесенности местности во второй половине XVII в. позволяют наиболее близкие ко времени возведения черты карта лесов 1700 г. и материалы экспедиции полковника А.И. Свечина 1765 г. (Гуркин, 2005, с. 77–78, 92–95). Очевидно, что западная часть укреплений Карсунской линии, прежде всего ее участки, примыкающие к Суре, располагались в лесной зоне. Основой оборонительных сооружений там была «валежная засека». В 1647 г. при Б.М. Хитрово ее делали шириной в 40 сажен (86,4 м). Затем в этом же году уже новому воеводе Карсуна стольнику А. Волынскому было поручено довести глубину засеки до 100 сажен (216 м) (Зерцалов, 1900, с. 17). Сведений о чередовании участков полевых и лесных укреплений в источниках XVII в. сохранилось крайне мало. Экспедиции, проведенные А.Д. Ермолаевым, В.И. Лебедевым (Лебедев, 2006, с. 34–35), В.А. Гуркиным и нами практически не затрагивали лесные массивы. А.Д. Ермолаев, сделавший на различных участках засечных линий замеры в 1967 г., приходит к выводу, что «...ширина вала в основании колеблется от 8,5 м до 13 м, ширина вала в его верхней части – от 1,5 до 5,5 м. Высота вала колеблется от 1,8 до 4,2 м; ширина рва – от 4,5 до 12 м, а глубина его от 1 до 3,5 м. Среднее сечение земляного вала составляет 18,7 кв. м, а среднее сечение рва – 5,3 кв. м/при пяти замерах» (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48. Л. 8). Очевидно, что данные размеры отражают процесс разрушения системы земляных укреплений на протяжении более 300 лет.

На *Карсунской черте* (рис. 1) были устроены два «города» (Карсун и Аргаш) и четыре жилых острога (Сурский, Тальский, Сокольский и Малый Корсунов) (Зерцалов, 1900, с. 22). Для ха-

Рис. 1. Схема Карсунской черты (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48)

Рис. 2. Малый Корсун. Фото
(Доступно по URL: <http://simbir-history.narod.ru/html/foto.htm sluzhba> (дата обращения: 27.12.2017)

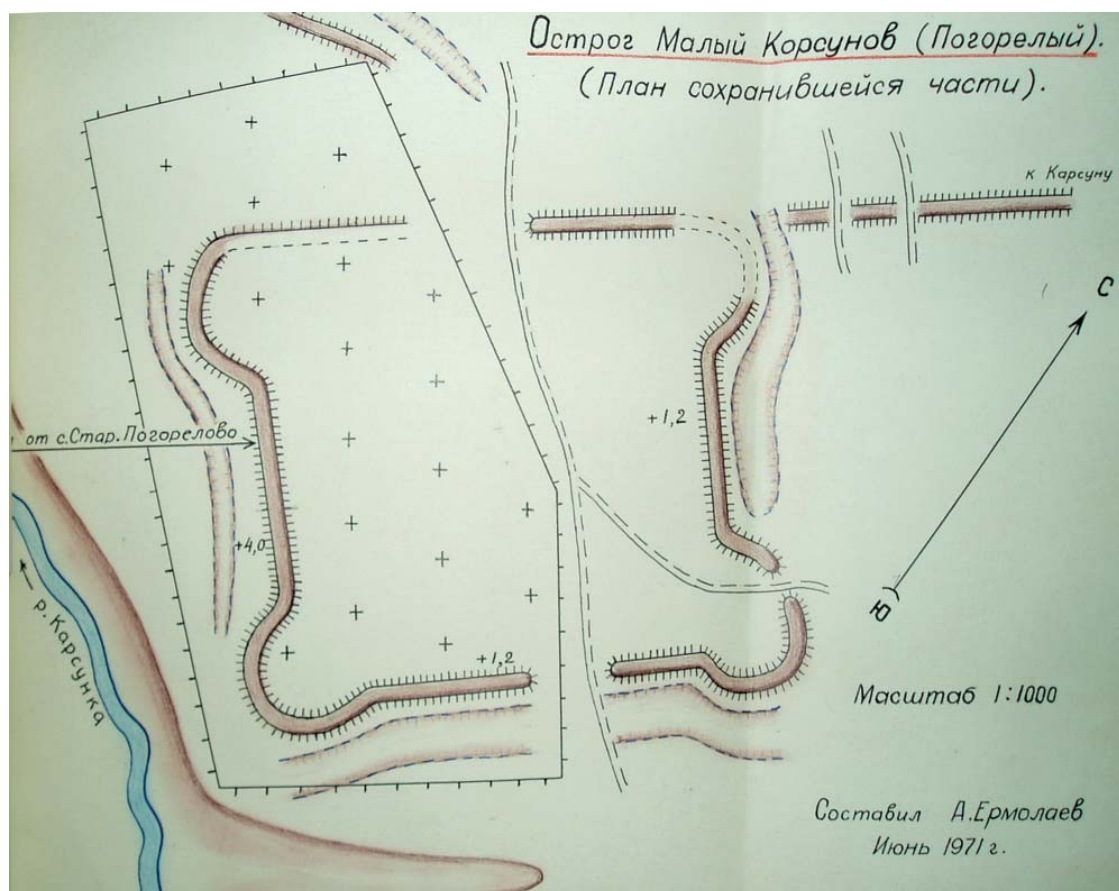

Рис. 3. План Малого Корсунова (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 74)

рактические размеры и основных сооружений «городов» и острогов всех трех рассматриваемых черт исследователи обычно используют материалы описания симбирского воеводы П.М. Бестужева-Рюмина 1703 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61–69) Судя по этому описанию, по Карсунской черте только у Карсуна и Аргаша стены были «рублены в тарас», все остальные остроги построили «стоячими». Деревянные укрепления Аргаша и, возможно, Карсуна были возведены из сосны, у прочих острогов – из дубовых бревен.

Кратко рассмотрим особенности прохождения Карсунской черты между Сурой и Барышом. Основная ее часть от Сурского острога до Малого Карсунского проходила почти сплошь по лесам. Сурский острог располагался на правом берегу Суры и имел в плане подквадратную форму (47,5 на 50 м) с четырьмя башнями. От него через Сурский лес засека шла к «городу» Аргашу с шестью башнями, который, судя по описанию 1703 г., имел «одни стены по мере 65 сажен, другие стены с приездом 48, а в дву стенах по 28 сажен» (соответственно 140, 104 и 60 м) (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 67 об.). Протяженность этого участка составляла около 26 км. Далее, на северо-восток от Аргаша, засека, перемежаемая на открытых участках валами и рвами, протяженностью около 18 км продолжалась до сравнительно небольшого (22 на 39 м с проезжими башнями) Тальского острога, поставленного на р. Тала. От него далее на восток вновь была устроена засека, завершенная участком вала и рва у Сокольского острога на р. Соколке, общей протяженностью около 21,5 км. Сведений о размерах и конфигурации этого острога не сохранилось. Здесь, в местности, где лесов было мало, основными сооружениями становился вал и ров. От Ермаковского леса они тянулись примерно на 27,5 км и доходили до р. Карсунки, на крутом правом берегу которой был поставлен «Малый Корсунский» острог с четырьмя башнями, земляным валом и острогом (рис. 2; 3).

А.Д. Ермолаев, снимавший план острога, писал: «На 3 углах сохранились земляные обводы башен. Площадь 100×105 м. Высота вала городка 1,2–4 м» (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 74. Л. 6, 37). В описании Бестужева-Рюмина о нем говорится следующим образом: «Земляного острогу, где стоял острог, кругом в вышину 4 аршина, по мере того земляного вала две стены по 48 сажен, другие стены по 41 сажени» (соответственно 8,6; 103,7 и 88,6 м) (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 66 об.). На расстоянии немногим более 13 км от «Малого Карсунского» острога замыкал линию стоявший при впадении р. Корсунки в Барыш «город» Карсун. Он являлся наиболее крупным оборонительным сооружением черты, имел шесть башен и

протяженность стен 177,1 на 77,8 м. В отчете Б.М. Хитрово о внешнем виде и сооружениях Карсуна говорилось следующее: «...а покрыт город в две тесницы, да в город (*обрыв*)... зделано казенной погр (*обрыв*), да приказная изба и воиводцкой двор, да тюрьма» (НИА СПб ИИ РАН. Ф. 110. Д. 46. Л. 1). Сведений о размерах вала и рва черты, относящихся ко времени их строительства, не сохранилось. Очевидно, судя по источникам времени строительства черты и более поздним данным «Выписки...» 1680/81 г., вал и ров на построенных до этого при Б. Хитрово участках, пришлось реконструировать и усилить (рис. 4).

Симбирская черта продолжила в восточном направлении Карсунскую и закрыла от набегов кочевников междуречье Волги и Барыша. Это была в основном безлесная местность, где система «вал – ров» прикрывала разрывы между построенными в 1648–1654 гг. городом Симбирском; Юшанским, Тагайским, Уренским острогами (в источниках второй половины XVII в. эти остроги нередко называют пригородами и даже городами) и Карсуном (рис. 5; 6).

Черта строилась в течение нескольких лет. Ее западная часть к р. Барыш возводилась в 1653 г. при воеводе П.А. Измайлове. В строельной книге этого времени сохранились весьма значимые для определения ее конструктивных особенностей сведения. Описание способов укрепления рва и вала позволяет представить систему защиты от нападений, действовавшую на основной протяженности засечной черты: «...во рву худыя и осыпныя места для крепости плетнями закреплены, а на русскую сторону ставлен столб, и поверх земляного вала острог и столбы укреплены поперечными связями; а меж острогом и валом, для крепости, кладено по бревну, а сверху и споди те бревна закладываны дерном; а острог и столбы поставлены и связи кладены дубовые и бои по острогу с вала учинены». Таким образом, узкая полоса земли, разделяющая вал и ров, защищалась столбами (по «берме», как писали о сходных системах оборонительных сооружений в XVIII в.), а на всем протяжении вала по его верху шел частокол (острог) с «боями».

В низинах копать ров и насыпать вал было затруднительно, и потому строители линии «на речках и на болотах и на ржавцах» на прежние тарасы нарубили вновь тарасами же... и на каменистых местах для крепости тарасы острогом (?) оставили...» (Мартинов, 1897, с. 92).

Наиболее подробную характеристику сохранившихся до настоящего времени укреплений Симбирской линии приводит обследовавший ее В.И. Лебедев. Между Карсуном и Уренским острогом (современное с. Базарный Урень) черта

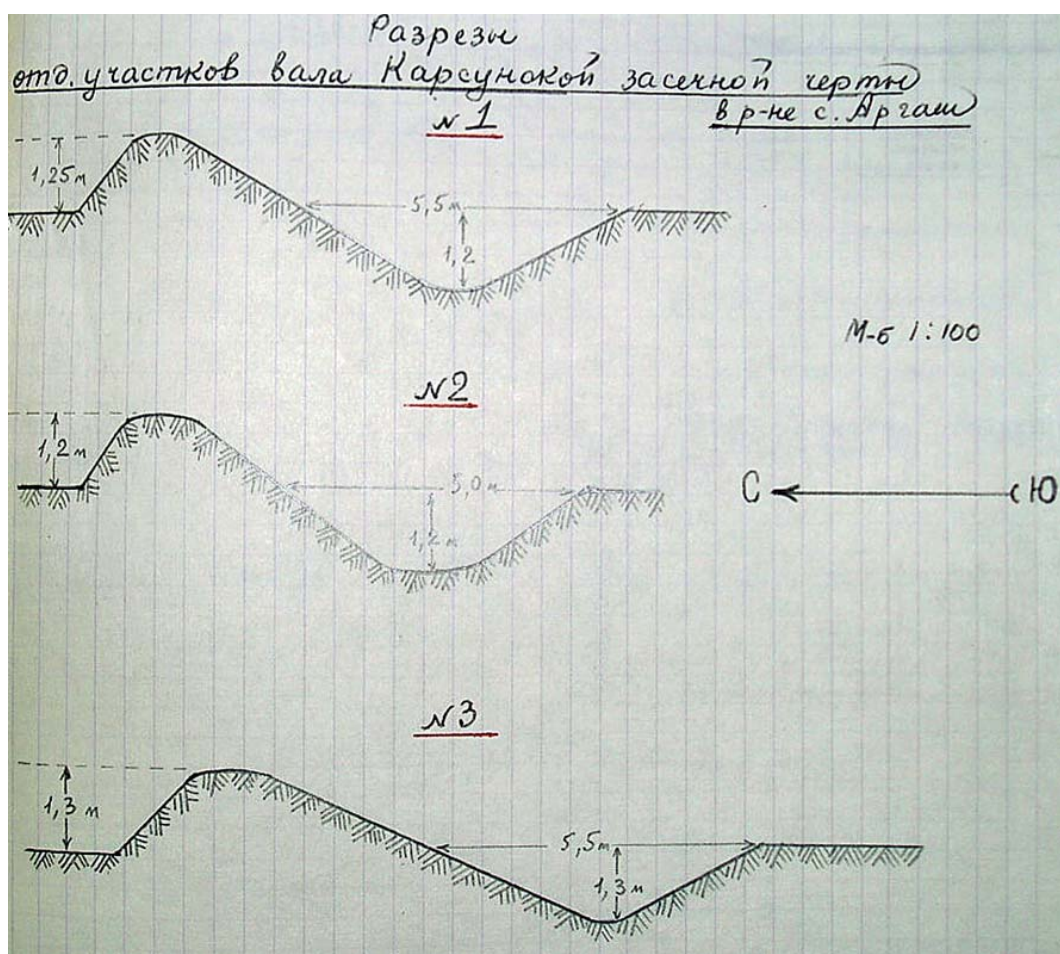

Рис. 4. Разрез вала Карсунской черты (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 74)

Рис. 5. Схема Симбирской засечной черты (Лебедев, 2006, с. 104)

шла на северо-восток. В основном на этом участке протяженностью около 22,5 км преобладали валы и рвы. Вал от левого берега р. Барыш проходил в северо-восточном направлении на расстояние 3,5 км (здесь было обнаружено 11 земляных оснований башен), затем его продолжила через обширный лесной массив засека протяженностью около 9 км. Далее вновь шел сохранившийся до настоящего времени вал – около 7,7 км (выявлено восемь земляных оснований башен). Участок вала и рва по с. Урено-Карлинское до с. Базарный Урень, составлявший примерно 2,4 км, не уцелел. В строельных книгах Симбирска Урень называют «городом» («около земляного города Уреня для крепости обе стороны обставлены острогом: около города на 267 сажен, в городе на 241 сажен, всего на 508 сажен» (соответственно 577 на 521 м, всего около 1097 м) (Мартынов, 1897, с. 92–93). Размеры, указанные в строельной книге, вызывают сомнения. Например, В.Н. Поливанов осматривавший земляные укрепления, пишет о городке, окопанном валом и рвом протяженностью 110 на 56 м (Поливанов, 1900, с. 18). В описи П.М. Бестужева-Рюмина 1703 г. о нем говорится: «Огорожен двумя остроги дубовыми, по мере двой стены по 66 сажен, другие двой стены по 36 сажен. В том остроге 6 башен, в том числе 2 башни проезжие...» (примерно 143 на 78 м) (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 65 об). О том, что это был действительно крупный оборонительный пункт, свидетельствуют данные о гарнизоне на 1661–1663 гг. численностью в 897 стрельцов и казаков (рис. 7).

Уренское и Тагайское укрепления соединяла система валов, рвов и засек протяженностью около 23 км. Первоначально вал и ров проходили на северо-восток по открытой местности на 4,3 км, затем в том же направлении Языково-Тагайским лесом они продолжались на 7,7 км (видимо, по редколесью, так как выявлено семь земляных оснований башен). Далее, уже по густому лесу, засека шла на юго-восток примерно на 7 км. Наконец, при выходе из леса, по открытой местности ее на восток завершали вал и ров протяженностью 4,2 км до «Тагайского острога» (ГАУО. Ф. 3632. Оп. 1. Д. 48). Последний по описи 1703 г. представлял собой в плане квадрат «во всех 4 стенах по валу по 46 сажен» (примерно по 100 м) (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 65). От него до Юшанского острога на протяжении 17 км вал и ров проходили в восточном направлении вдоль южного берега р. Тагайки и Сельди (выявлено 10 земляных оснований башен) (Лебедев, 2006, с. 37). В плане Юшанский острог (рис. 8) представлял собой квадрат со сторонами каждая примерно по 56 м (там же, л. 64 об). А.Д. Ермолаев пишет, что городище

имеет «...четырёхугольную форму в плане с круговыми обваловками по четырем углам его, где ранее находились башни» (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48. Л. 7). От него вал и ров шли около 20 км по южному «степному» берегу реки (рис. 9) до современного с. Баратаевка (выявлено 13 земляных оснований башен) (Лебедев, 2006, с. 37) и далее, пересекая Свягу 15 км к г. Симбирску. Этот участок был слишком протяженным и на нем явно следовало построить еще один острог. Позднее, в 1703 г., Бестужев-Рюмин так описал уездный город: «До 206-го (1697/98 г. – Э.Д.) году тот город строенье было все деревянное, по мере вокруг того города по рву стен и башен 415 сажен с аршином (более 897 м – Э.Д.), круг города ж ров в глубину 3, в ширину по верху 5 сажен (соответственно 6,48 и 10,8 м. – Э.Д.), городского места вдоль – 90 сажен, поперек – 83 сажени (соответственно более 194 и почти 180 м – Э.Д.). Большого города кругом до кремля по мере 1033 сажени (более 2231 м. – Э.Д.), в том числе большого города осталось после пожара 206-го году дубовой стены с выпускными косыми тарасы, рублен в лапу, и стоячим острогом 513 сажен (1108 м – Э.Д.), да 9 башен дубовых и сосновых» (РГАДА. Ф. 396. Фп. 3. Д. 53. Л. 61).

Не менее 80% протяженности Симбирской черты пришлось возводить на открытой местности, где трудовые затраты на сооружение земляного вала и башен были значительно выше, чем при строительстве засек. В отличие от Закамской черты на Симбирской преобладающим типом укреплений были земляные валы (и рвы), как правило, с частоколом по верху. В октябре 1670 г. при передаче своих полномочий новому воеводе, симбирский воевода И.Б. Милославский писал: «Да прежез Синбирска и Юшанска два места горелово валу и заделано плетнем и насыпано землею в связях дубовых. Да горелого ж валу меж Юшанска и Тагаева, да заставлено новым тыном» (РГАДА. Ф. 210 Д. 28. Л. 136). Очевидно, система укреплений, построенных в конце 1640-х – начале 1650-х гг., возобновлялась в том же прежнем виде.

Сохранившиеся до настоящего времени земляные укрепления Малого Карсунова, Юшанска, Уренска и ряда других оборонительных пунктов имеют угловые выступы, похожие на бастионы более позднего XVIII в. (Лебедев, 2006, с. 104, 106). Характерным в этом отношении является Тагаев, где на «угольных земляных башнях» были устроены четыре деревянные башни. В строельной книге воеводы П.А. Измайлова приведено исчерпывающее их описание, которое мы приведем полностью: «...а стен, по мере в ширину – по три сажени (6,5 м – Э.Д.), а в вышину – по три сажени с полсаженью (7,6 м – Э.Д.), облами вверх по сажени с четью (2,7 м – Э.Д.), верхи шатрами, на

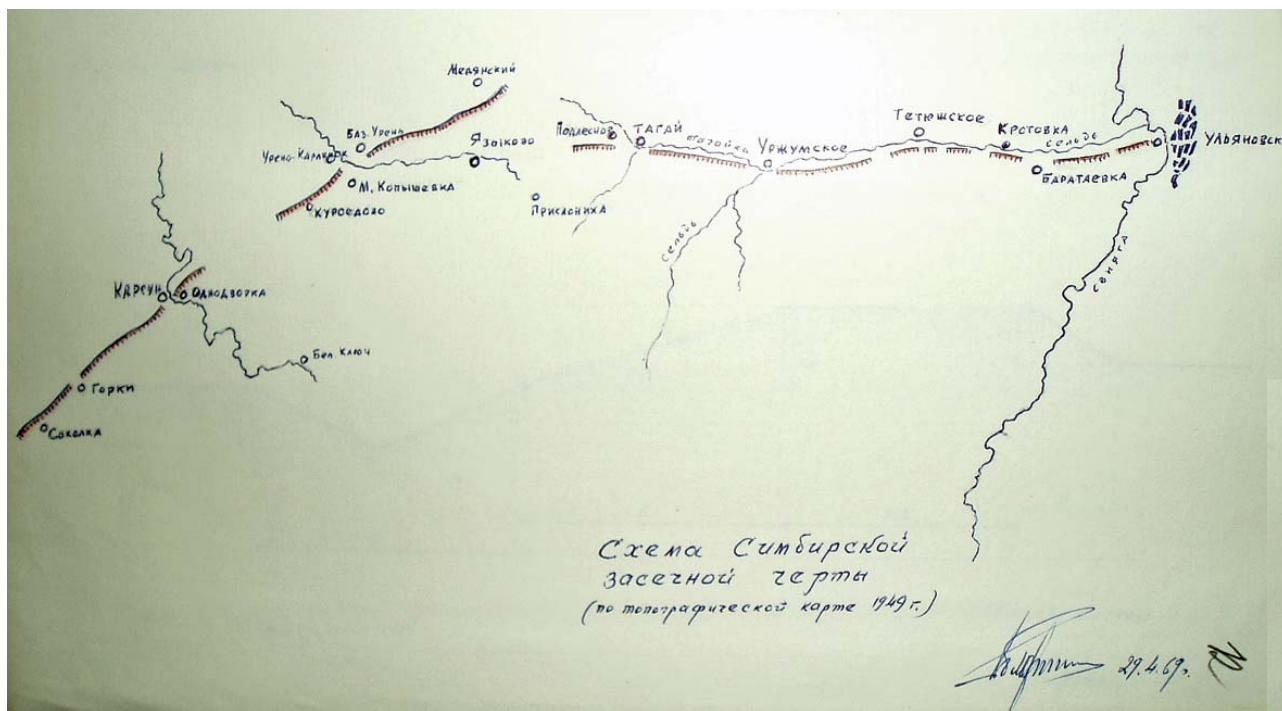

Рис. 6. Схема Симбирской черты (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 74)

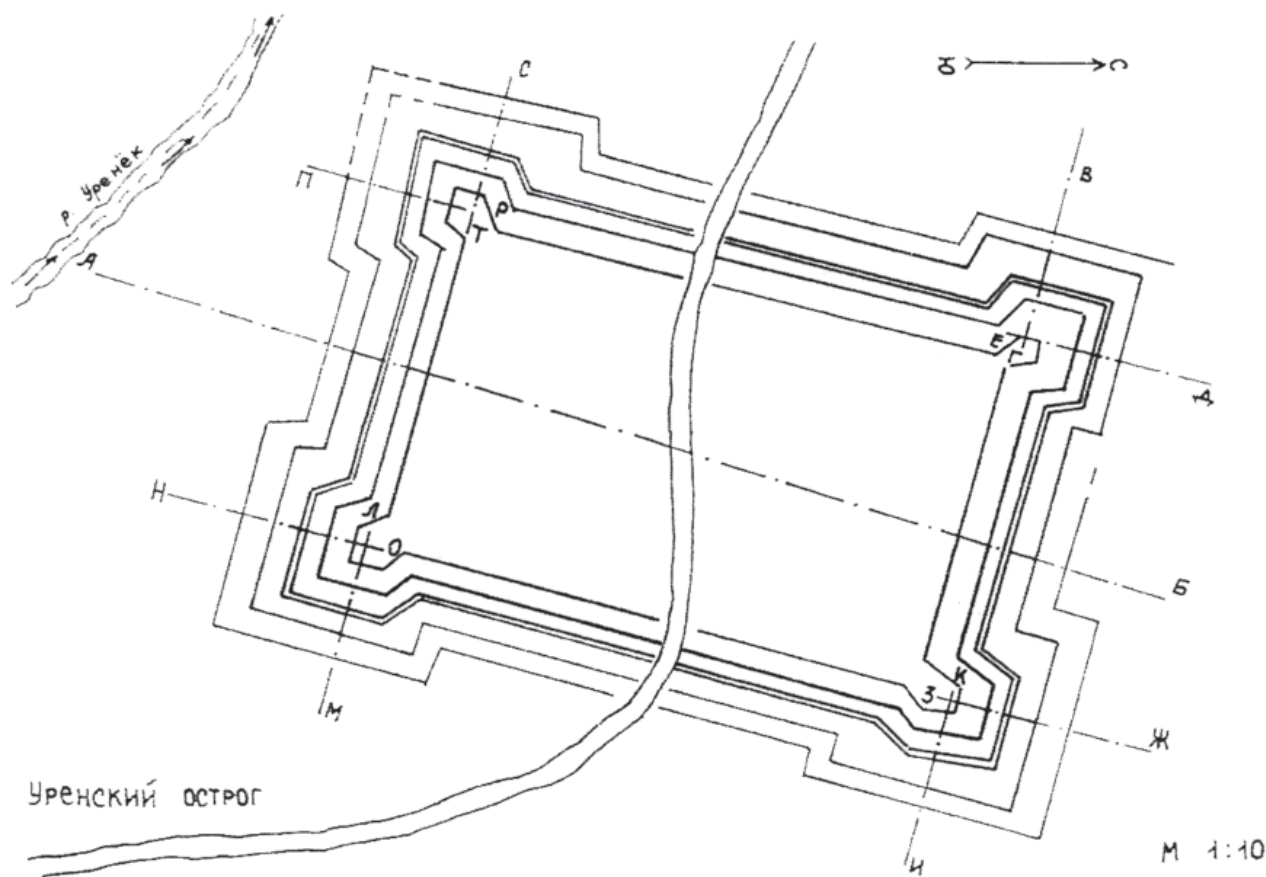

Рис. 7. План Уренской крепости (Лебедев, 2006, с. 104)

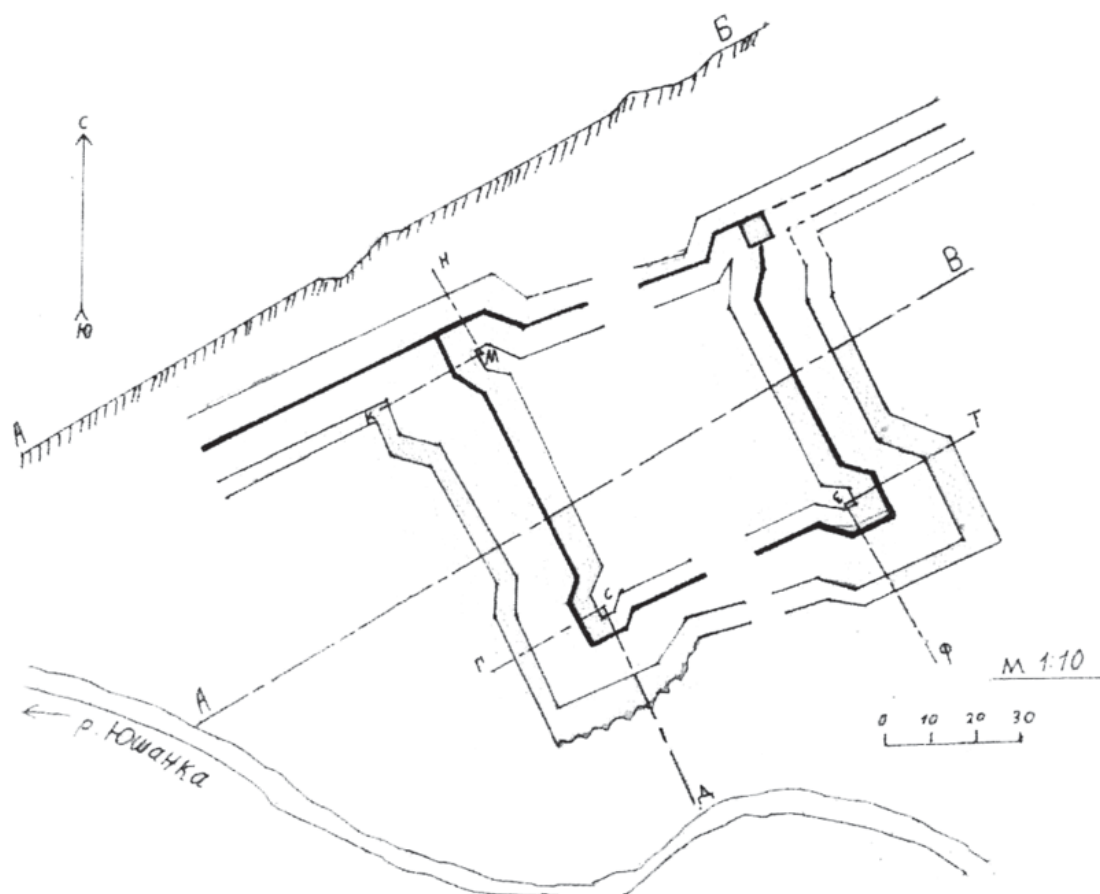

Рис. 8. План Юшанского острога (Лебедев, 2006, с. 105)

Рис. 9. Укрепления Симбирской черты. Фото

башнях сделаны чердаки караульные; и с тех башен в степь знать в дальние места. Город и башни сделаны в сосновом лесу и покрыты тесом; и по городу бои учинены» (Мартынов, 1897, с. 93).

Создается впечатление, что возведение *Закамской линии* напрямую не было связано с проектом, утвержденным правительством Б.И. Морозова. В 1651 г. казанцы С. Змеев и Г. Львов осмотрели территорию от впадения в Волгу Б. Черемшана до устья р. Ик и выбрали оптимальный маршрут новой черты. После утверждения «росписи» и «чертежа» (Акты, 1859, с. 44) казанскому воеводе боярину Н.И. Одоевскому было поручено в 1652 г.: «Устроить города и жилые и стоялые остроги, и всякие засечные, и земляные, и деревянные крепости от Волги реки и до Ику реке, и вниз и до Камы против росписи и чертежу по рассмотрению, в которых местах городом, и острогом, и засечным крепостям быть пристойно» (Буканова, 1981, с. 44). В 1552–1555 гг. от Волги к р. Ик была построена система укреплений, состоявшая из рвов и валов, засек, стоячего острога Кичуева и шести крепостей – Белого Яра, Ерыклинска, Тиинска, Новошешминска, Заинска и Мензелинска. Подробная характеристика этих оборонительных пунктов приведена у Р.Г. Букановой (Буканова, 2010, с. 170–204).

Деревянные и земляные сооружения *Закамской черты* должны были в целом соответствовать подобным укреплениям Симбирской, Карсунской и других черт (Загоровский, 1969, с. 85; Буканова, 1981, с. 41–42). Однако создается впечатление, что параметры засек, валов и рвов, утвержденные во второй половине 1640-х гг., в Заволжье при строительстве черты не применялись. Наиболее значимым фортификационным отличием *Закамской черты* являлось преобладание «тарасных», а не земляных валов. Гораздо меньшую ширину имели полосы засек и т. д. В 1660-х гг. управление этой черты было децентрализовано. В ведении Симбирска оказалась западная ее часть с Белым Яром и Ерыклинском. На этом участке линии наиболее значимую роль играл Белый Яр, располагавшийся на правом берегу р. Черемшан, примерно в 190 м от Волги. «Город», как его классифицировали строители линии, в плане имел форму почти правильного четырехугольника общей площадью немногим более 9 гектар с почти равными сторонами 306,7 м на 302,4 м и периметром в 1218 м (Буканова, 1981, с. 41; Перетяткович, 1882, с. 141–142). Его окружали ров и вал, на котором устроили «стоячий» острог. Эти размеры в целом совпадают с данными описи Белого Яра в начале XVIII в. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 68 об) Крепость защищали четыре угловые восьмиугольные башни. Кроме того, по стенам стояли еще четыре четыреху-

гольные башни, из которых три были въездными (рис. 10–11). В самой крепости находились административные и хозяйственные сооружения, храм, жилые дворы. Основное служилое население проживало в слободах, защищенных надолбами. Надолбы же перекрывали открытое пространство до волжского берега.

На северо-восток от Белого Яра (от стоячего острога) по правому берегу Б. Черемшана был устроен тарасный вал с так называемыми «городками» и «выводами». Его продолжила через «черный» лес засека шириной 85–130 м, которая далее на открытой местности вновь перешла в тарасный вал, заканчивавшийся у Ерыклинска стоячим острогом. Протяженность тарасных валов и засек между двумя крепостями составила около 42 км. Ерыклинский острог был невелик, периметр его острожной стены с шестью башнями составлял всего 408 м. Эти его размеры были весьма близки к данным описи 1703 г. (там же, л. 69). Церковь с дворами причта была выстроена вне укреплений, с севера у проезжих ворот. Местность от Ерыклинска до следующего острога Тиинска была покрыта лесами, где основным сооружением являлась засека, перемежаемая тарасным валом. Попытка реконструкции деревянных сооружений старой *Закамской линии* была предпринята И.В. Назаровой (2008, с. 39–44).

Таким образом, в течение примерно десяти лет, с 1647 по 1656 г., на территории Симбирского Правобережья и Западного Заволжья была создана система из трех засечных линий, обеспечившая условия для массовой колонизации этого региона.

К середине 1670-х гг. возникла потребность в создании систем укреплений для защиты дальнейшего продвижения ареала земледельческого расселения на юг и юго-восток. Были возведены Изюмская и Пензенская линии. В 1683 г. симбирский воевода Г.А. Козловский построил у южной оконечности Самарской Луки Сызранскую крепость (Дубман, 2012, с. 81–85). Продолжить Пензенскую черту в восточном направлении, от Суры к Волге, должна была Сызранская линия. В 1685 г. экспедиция воеводы Симбирска М.А. Головина обследовала местность между Пензой и Сызранью. В соответствии с подготовленным проектом в конце года был принят указ о строительстве новой черты: «По досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина за старою Синбирскою и Корсунскою чертою и за новопостроеными селы и деревни для обереганья от приходу воинских людей строить новую черту ему стольнику и воеводе от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семидесят верстах на трехстах на сороке на дву сажнях (около 152 км – Э.Д.). И по той новой черте

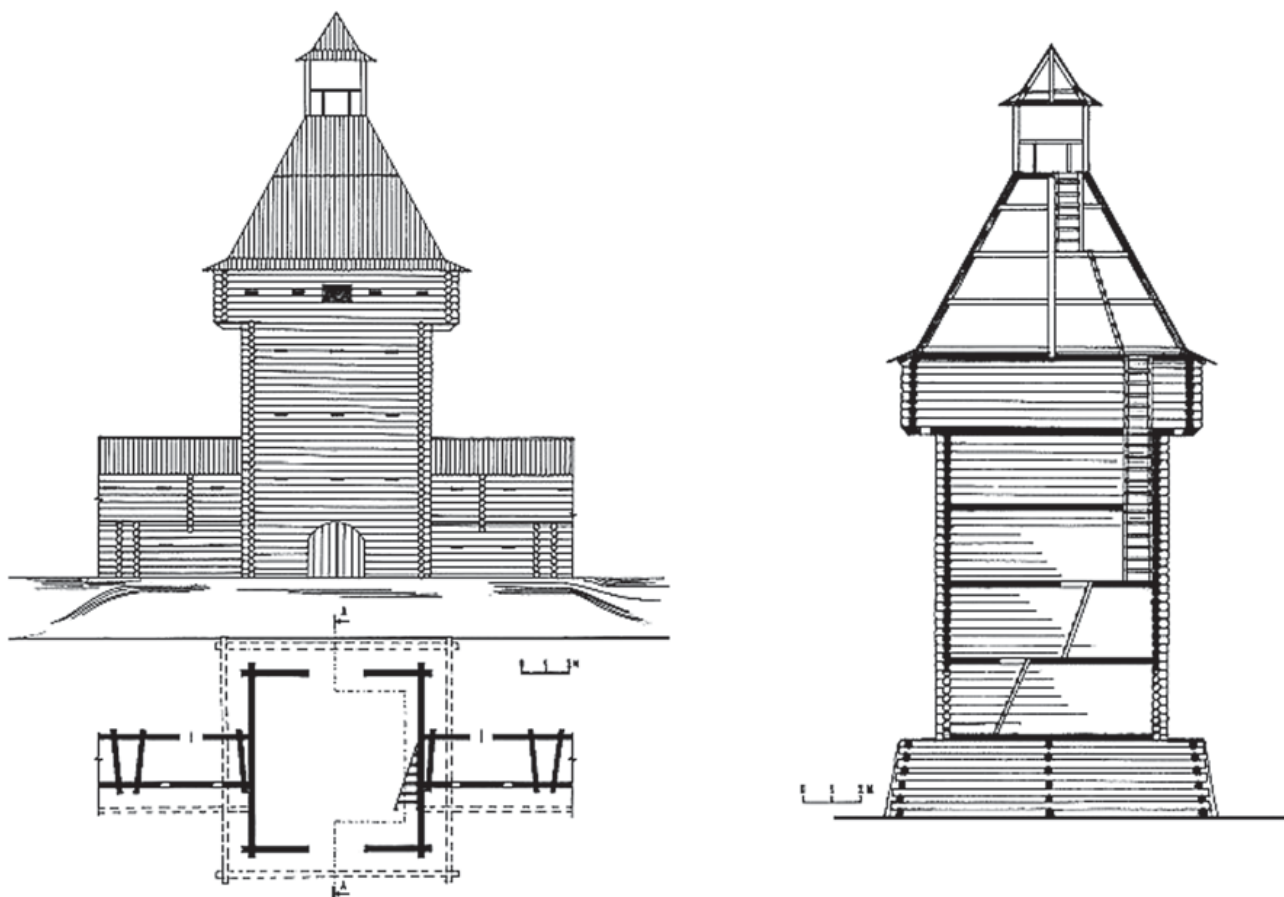

Рис 10. Белый Яр. Реконструкция проездной башни (Назарова, 2008, с. 42)

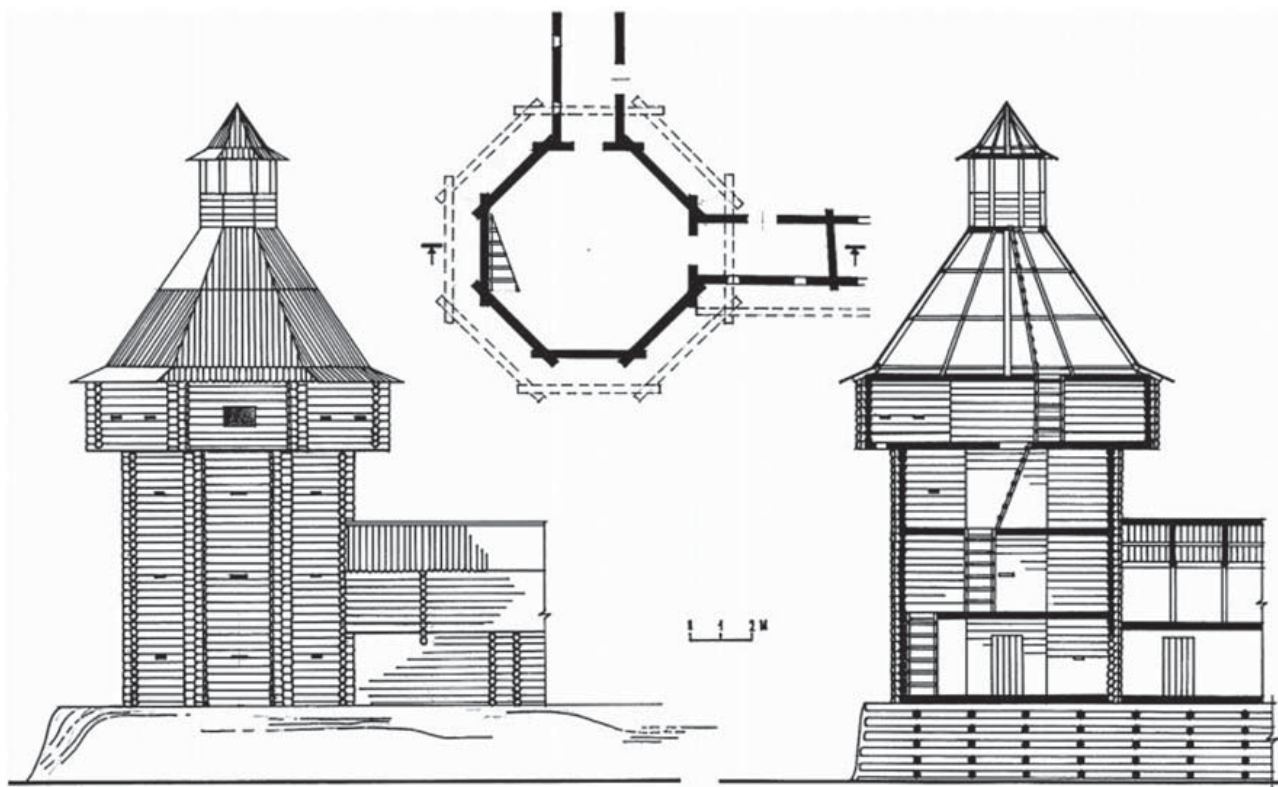

Рис. 11. Белый Яр. Реконструкция угловой башни (Назарова, 2008, с. 42)

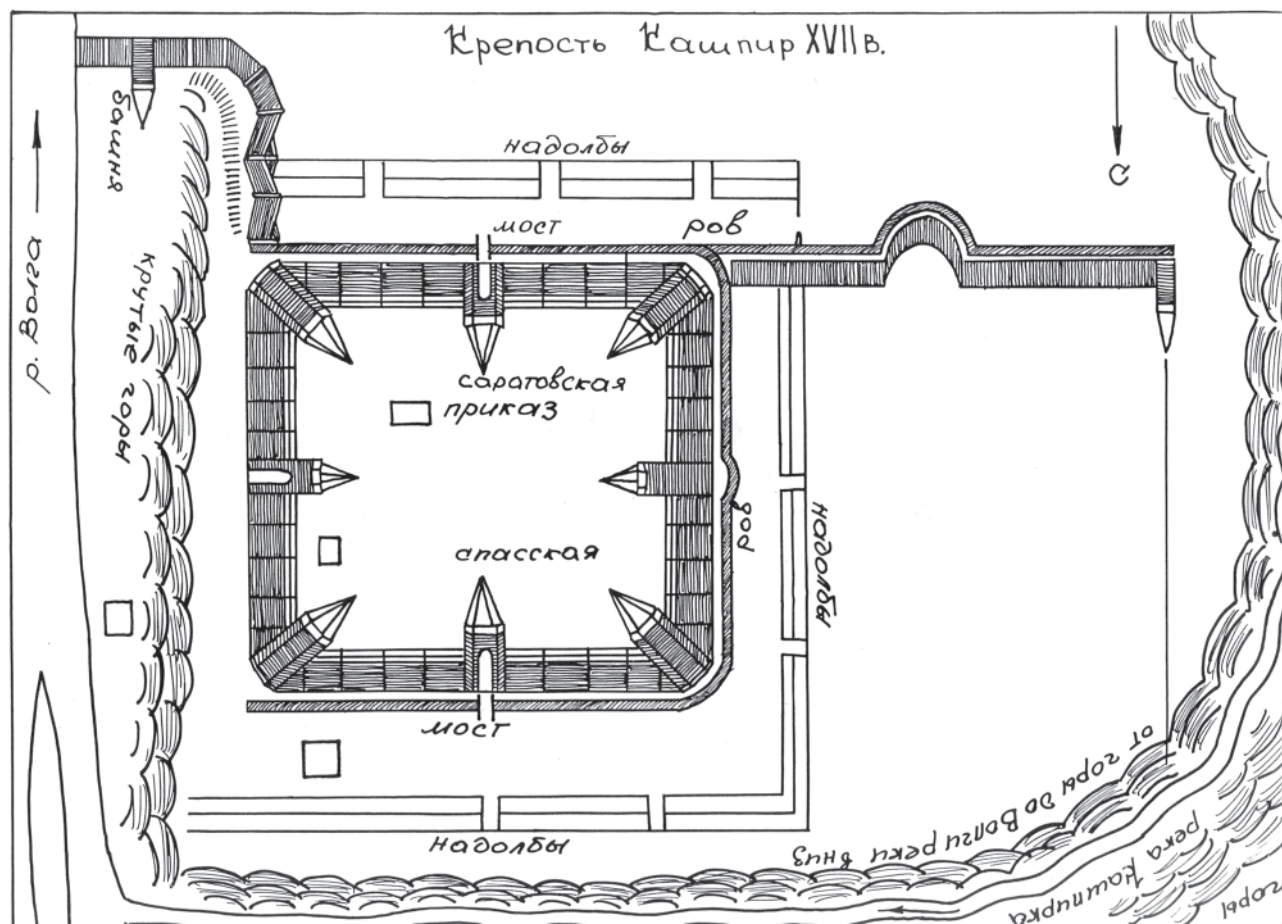

Рис. 12. План Кашпира конца XVII в. (Налетов, 1972, с. 93–95)

сделать четыре городка, чтоб старая Симбирская и Корсунская черта и тех городов пригороды и арбугинская пашня и села и деревни, которые за старою Симбирскою и Корсунскою чертою были в черте. И служилым и всяких чинов и уездным людям жить было безстрашно и на Волге всяким людям от приходов воинских людей разоренья не было» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488). К весне 1685 г. в соответствии с царским указом начали собирать воинские части для защиты района строительства, рабочих людей и материальные ресурсы для начала строительства. Однако буквально накануне начала работ возведение новой черты было отменено (Дубман, 2011, с. 326–332).

Несмотря на это, построенные в 1680-е гг. города-крепости Сызрань и Кашпир (рис. 12) вместе

с совокупностью сельских поселений, жителями которых являлись солдаты, стрельцы и казаки, смогли обеспечить безопасное формирование нового района постоянного расселения, занявшего все пространства к югу от Карсунской и Симбирской черт вплоть до верховьев восточных притоков Дона.

Исследования последних лет, в которых рассматриваются процессы колонизации Южного Средневолжья («Обретение родины», 2013, с. 356; Средняя, 2013, с. 365–368; «Обретение родины», 2014, с. 60), позволяют сделать вывод, что именно строительство и заселение военными гарнизонами отдельных крепостей и оборонительных линий положило начало во второй половине XVII в. массовому заселению всего лесостепного пространства данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

Опубликованные и неопубликованные источники

- Айплатов Г.Н., Иванов А.Г.* История Марийского края в документах и материалах. Вып. 1. Эпоха феодализма. Йошкар-Ола: МарГУ, 1992. 563 с.
- Акимов Н.А.* Археологические исследования Мордовско-Паркинского могильника в Краснослободском районе Мордовской АССР в 1991 г. // Архив Мордов. гос. ун-та им. Н.П. Огарева.
- Акимова М.С.* Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1949 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 343.
- Акимова М.С.* Отчет об археологических раскопках в Мордовской и Марийской АССР в 1951 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 635.
- Акимова М.С.* Отчет об археологических раскопках в Марийской и Удмуртской АССР в 1958 году // Архив ИА РАН, Р-1. № 635.
- Акимовский С.Ю.* Отчет об археологических исследованиях на территории Астраханского Кремля в 2016 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/Н.
- Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I. СПб., 1841. 495 с.
- Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 5. 1676–1700. СПб.: Тип. 2-го отделения; собств. Е. И. В. Канцелярии, 1842. 580 с.
- Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные С. Мельниковым. Казань: Типография губернского правления, 1859. Т. 1. 231 с.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII веков. Т. IV. М.: Археограф, 2008. 631 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 321 с.
- Алихова А.Е.* Краткий отчет об экспедициях 1937–39 гг. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 259.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. М., 1938.
- Астраханская приказная палата. (Документы о 1590–1628 гг.) 1614б. // РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30.
- Астраханская приказная палата. (Документы о 1590–1628 гг.) 1624а. // РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Ч. 1. Д. 873.
- Астраханская приказная палата. (Документы о 1590–1628 гг.) 1624б. // РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Ч. 1. Д. 834.
- Астраханская приказная палата. (Документы о 1590–1628 гг.) 1614 г. // РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4–5, 25.
- Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на о. Свяжск (Конный двор Успенско-Богородицкого монастыря) за 2010 г // Казань, 2011. Т.7. Кн.1. НФ МА РТ ИА АН РТ. 120 л.
- Ахметгалин Ф.А.* О проведении археологических работ на раскопе «Татарская слободка» с. Свяжск Зеленодольского района Республики Татарстан в 2016 году. В 18 томах. Том II. Казань, 2020 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 385. Л. 104–107.
- Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических исследованиях на острове-граде Свяжск по ул. Набережная р. Свяга (Республика Татарстан). Раскоп 1 за 2016 год. Казань, 2017 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 383. 134 л.
- Ахметгалин Ф.А.* О проведении археологических работ на раскопе «Татарская слободка» с. Свяжск Зеленодольского района Республики Татарстан в 2016 году. Казань, 2020 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 384–401.
- Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Пильненского района Нижегородской области, Кадомского, Сасовского, Касимовского районов, г. Касимова Рязанской области за 2014 г. / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.
- Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Пильненского района Нижегородской области, Кадомского, Сасовского, Касимовского районов, г. Касимова Рязанской области за 2014 г. Казань, 2015 / Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.
- Ахметгалин Ф.А.* Отчет об Археологических полевых работах на территории г. Касимова, Касимовского, Кадомского районов Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области за 2016 год / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.
- Ахметгалин Ф.А.* Отчет об Археологических полевых исследованиях в г. Касимове, Касимовском районе Рязанской области, в Пильнинском районе Нижегородской области в 2018 году / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.
- Барбаро и Кантарини* о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подготовка текста, перев. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с., ил.
- Буланкин В.М.* Отчет о проведении охранных археологических работ (наблюдений) при реконструкции набережной г. Касимова. Рязань, 2003.
- Буланкин В.М.* Отчет об археологических раскопках на городище Земляной Струг в Касимовском районе Рязанской области в 2013 г. Рязань, 2014.
- Васильев Д.В.* Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике археологии территории «Белого города» в историческом центре города

- Астрахани (на углу улиц Тредиаковского и Ахматовской) в 2007 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/Н.
- Васильев Д.В.* Отчет об археологических раскопках на территории «Белого города» в 2007 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/Н.
- Васильев Д.В.* Отчет об археологических раскопках на территории Астраханского кремля в 2007 году. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/Н.
- Вихляев В.И.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Стародевиченской оросительно-осушительной системы Ельниковского р-на Мордовской АССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7457.
- Вихляев В.И.* Отчет об археологических исследованиях зоны оросительно-осушительной системы «Заря» Zubovo-Полянского района Мордовской АССР в 1985 // Архив ИА РАН.
- Вихляев В.И.* Сводный отчет по проекту К 0014 «Наследие предков (аварийные археологические работы на Кельгининском могильнике в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия)». Этап 2001 г. // Архив Мордов. гос. ун-та им. Н.П. Огарева.
- Воронина Р.Ф.* Отчет о раскопках Кельгининского могильника летом 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3225, 3225а.
- Воскресенский А.С.* Отчет о работе I Мордовского отряда Поволжской экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2782.
- Геометрическая карта Казанской губернии. План города Свияжска. 1796 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4477.
- Геометрический специальный План Казанской губернии города Свияжска // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1326.
- Герберштейн С.* Записки о московитских делах / Введение, пер. и прим. А.И. Малеина. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. 382 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии / Перев. с нем. А.И. Малеина и А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Глушков К.Н.* Отчет об археологической разведке по территории Знаменского и Опытнопольского сельских поселений, Яранского городского поселения Яранского района Кировской области за 2014 г. / Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2015.
- Голомбиевский А.* Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты (7189 – 1681 г.) // Изв. Тамбовской УАК. Вып. XXXIII, Тамбов, 1892. С. 49-56.
- Гордеев В.И.* Отчет об археологических исследованиях по уточнению границ охранной зоны в г. Йошкар-Оле в 1997 г. // Архив НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры РМЭ.
- Гордеев В.И.* Отчет об археологических исследованиях в г. Козьмодемьянске в 1998 г. Йошкар-Ола, 1998 // Архив ЦАЭИ МарГУ.
- Гордеев В.И.* Малый город Поволжья в позднем средневековье. Дисс. ... канд. ист. наук: Йошкар-Ола. 2000. 117 с.
- Горюнова Е.И.* Краткий отчет о работе мордовской экспедиции 1939 г. // Архив МордНИИЯЛИЭ. Д. И-58.
- Гречкина Т.Ю.* Отчет об археологических исследованиях на территории Астраханского кремля в 2012 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/Н.
- Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Астраханского кремля в 2007 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. № 17399/253.
- Грибов Н.Н.* Отчет об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н. Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н.Н.* Отчет об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н.Н.* Отчет об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н. Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Грибов Н.Н.* Отчет об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Гузейров Р.А.* Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа. Дис. канд. ист. наук. Казань, 2004. 307 с.
- Гуссаковский Л.П.* Отчет об археологических исследованиях в городе Кирове Кировской области в 1957 году / НФ МАРТ. Р-1. № 1619.
- Домострой. Поучения и наставления всякому христианину. / Сост., вступит. ст. и коммент. В. В. Колесова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; Родная страна, 2014. 448 с.
- Дроздова Г.И.* Отчет об археологических исследованиях в Арском и Балтасинском районах Республики Татарстан в 1999 г. // НФ МАРТ. Казань. 2000.
- Дроздова Г.И.* Отчет об археологических исследованиях в Арском районе Республики Татарстан в 2002 г. / НФ МАРТ. Казань, 2003.
- Дроздова Г.И., Шикаева Т.Б.* Отчет о работах в Арском районе ТАССР // Отчет Марийской археологической экспедиции за 1980 г. // НРФ МарНИИ. Оп.1.Д. 576.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV веков. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Егоров А.В.* Научный отчет по итогам проведения археологических раскопок на территории выявленных ОАН "Участок культурного слоя восточной части г. Слободского XVII–XIX вв." и "Участок культурного слоя Слободского Христорождественского монастыря XVII–XIX вв." в зоне строительства распределительного газопровода в г. Слободском в 2019 г. / Архив КОГАУ "НПЦ по охране ОКН Кировской области". Киров, 2022.
- Егоров А.В.* Отчет по итогам проведения археологических раскопок на участке строительства проектируемого жилого дома в г. Кирове по ул. Водопроводная, 17 на территории выявленного объекта археологического наследия «Монастырская слобода, XVII–XIX в.» / Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Ки-

- ровской области». Киров, 2018.
- Жиганов М.Ф.*, 1956. Отчет о работе Мордовской разведочной экспедиции 1955 г. в бассейне верхнего течения р. Тешы и ее притоков Иржа и Леметь в пределах Арзамасского, Ардатовского и Мухтоловского районов Арзамасской обл. // Архив ИА РАН. № 1097.
- Жиганов М.Ф.*, 1958. Отчет о работе Мордовской разведочной экспедиции в бассейне р. Мокша в октябре 1958 г. // Архив Морд НИИЯЛИЭ. Д. И-408.
- Жуков Б.С.* Краткий отчет по раскопкам могильника в д. Тоторшево Нижегородской губернии, Арзамасского уезда, Ардатовской волости, проведенным Тоторшевским палеоэтнологическим отрядом экспедиции в 1926 г. // Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1. Д. 129.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
- Зеленев Ю.А.* Отчет об археологических исследованиях в г. Йошкар-Оле в 1992 г. Йошкар-Ола, 1992 / Архив ЦАЭИ МарГУ.
- История о Казанском царстве. (ПСРЛ. Т. XIX). М.: Языки русской культуры, 2000. IV–XI, 328 с.
- История Татарии в документах и материалах / Под ред. Н.Л. Рубенштейна. М.: Соцэкгиз, 1937. 503 с.
- История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. 263 с.
- Кавеев М.М.* Отчет о полевых исследованиях Елабужского (Чертова) городища в 1981 году. Казань, 1982. / Архив НЦАИ Института истории АНТ.
- Казанская история. Подготовка текста, вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 194 с.
- Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худ. лит.-ра., 1983. С. 300–624.
- Калинин Н.Ф.* Чертежи, разрезы траншеи водопровода у Сююмбекиной башни и другие материалы по археологии Казанского Кремля // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 282. 7 л.
- Калинин Н.Ф.* Археология Казанского кремля за 30 лет Советской власти. Доклад на краеведческой конференции ГМТР 24.10.1949 г. // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 298.
- Калинин Н.Ф.* Материалы по археологии Казанского кремля // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 296. 106 л.
- Калинин Н.Ф.* Материалы по археологии Казанского кремля: чертежи, планы, фотоснимки раскопок у Сююмбикеной башни и у Дворцовой церкви, в саду ТатНарКомПроса // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 291. 181 л.
- Калинин Н.Ф.* История Казани с древнейших времен до XVII в. Рукопись докторской диссертации // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 2, ед. хр. 203. 250 л.
- Калинин Н.Ф.* История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202. 433 л.
- Калинин Н.Ф.* Отчет о раскопках в Казанском Кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 293. 109 л.
- Калинин Н.Ф.* Археологические наблюдения в Казанском кремле 12 сентября 1948 г. // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 297. 7 л.
- Калинин Н.Ф.* Состав археологических коллекций 1948 г. // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 229.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Казань, 1954. 126 с.
- Калинин Н.Ф.* Отчет о раскопках на Камаевском городище в 1956 г. // Архив ОПИ ИА РАН. Р-1 № 1333. 78 л.
- Калинин Н.Ф.* Классификация керамики (посуды) из раскопок в Казанском Кремле (двор Наркомпроса, ТатЦИКа) // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 288. 168 л.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., Генинг В.Ф.* Отчет о работах археологической экспедиции КФАН СССР за 1956 г. // РФ МАРТ, р-1, № 1368.
- Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа. Волжская Болгария. Золотоордынские города. Казанское ханство. Коллекции XVI–XVII вв. / Сост. А.М. Ефимова. Казань, 1980. 228 с.
- Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, о архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. 89 с.
- Книга записная приходная 1736 г. // РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9837.
- Книга купчих крепостей 1737 года. // РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9838.
- Книга сделочная 1738 года. // РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9842, Л. 24–24об.
- Книга дворовая 1751 года // РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9845.
- Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. I. 1380 стб.
- Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. II. 1398 стб.
- Комплекс кафедрального Благовещенского собора. Проект реставрации. Т. 1, кн. 1. // Архив ГИАХМЗ «Казанский кремль». Оп. 1, ед. хр. 522.
- Концепция Раздела экспозиции «Строительная культура Свияжска в XVI–XVIII столетиях» / Сост. А.В. Попов, Л.О. Петрова. 2016 г. // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. 108 л.
- Корепанов К.И.* Научный отчет об археологических исследованиях Елабужского (Чертова) городища в 1991

- году. Елабуга, 1991 / Архив ЕГМЗ.
- Кузьминых С.В.* Отчет об археологических разведках в Алексеевском, Рыбно-Слободском, Мамадышском и Елабужском районах ТАССР в 1971 году // Архив НЦАИ Института истории АН РТ.
- Купчая на дворовое место в Свяжске Гостиной сотни А.П.Антипина, купленное у монаха Свяжского Богородицкого монастыря М.Ф.Дуракова. 1л. 10/VI-1690 г. // РГАДА. Ф. 1455. Оп. 2. Д. 5024.
- Купчая на дворовое место и дом в г.Свяжске подьячего Свяжской Приказной избы И.И.Бурдина, купленный у Гостиной сотни А.Н.Антипина. 1л. 5/VII-1690 г. // РГАДА. Ф. 1455. Оп. 2. Д. 5025.
- Купчая. 1736 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 615. Оп. 1. Д. 9835, Л. 5.
- Курбский А.М.* Царь Иоанн IV Васильевич Грозный // Избранные сочинения. СПб: Типография Глазунова, 1902. 286 с.
- Курбский Андрей.* История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худ. лит.-ра, 1986. С. 229–280.
- Курбский А.* История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. СПб., 2001.
- Курбский А.* История о делах великого князя московского // серия: «Литературные памятники» / Отв. ред. Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 2015. 944 с.
- Кряжевских А.Л.* Отчет об археологических разведках на территории Яранского, Пижанского, Слободского, Котельничского, Верхнекамского районов Кировской области и Ленинского района г. Кирова в 2014 г. / Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2017.
- Кряжевских А.Л.* Отчет об археологических раскопках в г. Кирове по ул. Дрелевского, 9а и на территории парка "Аполло", а также об археологических разведках по территории г. Кирова, Слободского, Кирово-Чепецкого и Малмыжского районов Кировской области за 2012 г. / Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Т. 1. Киров, 2014.
- Кряжевских А.Л.* Отчет по итогам проведения археологических раскопок на участке строительства многоквартирного жилого дома с пристроенной подземной автостоянкой по адресу: г. Киров, ул. Водопроводная, 10 на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок культурного слоя восточной части Монастырской слободы XVII–XIX вв.» / Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2018.
- Лицевой летописный свод Царя Ивана Грозного: в 23-х книгах. М.: Общество любителей древней письменности, 2014.
- Львовская летопись о борьбе народов Поволжья за независимость в 1553–1555 гг. // Из глубины столетий / Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2000. С. 269, 270.
- Курбский А.* История о Великом князе московском // Библиотека литературы древней Руси. Т. 11. СПб., 2001.
- Макаров Л.Д.* Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Котельничского района Кировской области, проведенных летом 1982 г. / Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 154.
- Макаров Л.Д.* Отчет о разведочных работах в Котельничском, Оричевском и Слободском районах Кировской области, проведенных летом 1984 г. / Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 204.
- Малкова Н.М.*, 1996. Отчет о раскопках Шелехметского 1 грунтового могильника // Архив ИА РАН.
- Малкова Н.М.*, 2000. Отчет о раскопках Коноваловского 1 грунтового могильника в Борском районе Самарской области // Архив ИА РАН.
- Малкова Н.М.*, 2000в. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Самара.
- Матвеева Г.И.*, 1970. Отчет о раскопках Шелехметского могильника // Архив ИА РАН.
- Марков В.Н.* Отчет о работах отряда Первобытной экспедиции в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. № 11637.
- Марков В.Н.* Материалы к отчету о работах отряда первобытной экспедиции в 1990 г. Казань, 1991 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14.
- Мельников С.А.* Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым, членом сотрудником Императорских обществ Географического, Археологического и Казанского экономического и членом корреспондентом Казанского губернского статистического комитета, изданные иждивением Казанского Губернского статистического комитета: Т.1. Казань: Тип. губ. правл., 1859. 231 с.
- Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
- Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани. 1565–68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР. XXVIII, 208 с. (Тр. Историко-археограф. Ин-та. Материалы по истории народов СССР. Вып. 2). 208 с.
- Московский летописный свод конца XV века. (ПСРЛ. Т. XXV). М.: Языки русской культуры, 2004. 463 с.
- Мустафина Д.А.* Свод письменных источников по истории Свяжского края. Вып. 1: Источники по истории Свяжского края второй половины XVI в. Казань: Центр инновац. технологий, 2011. 368 с.
- Набиуллин Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях на территории Казанского кремля в 2000 году. Том I. Отчет об археологических исследованиях в Казанском кремле на раскопе XIII в 2000 г. 198 л. // НФ ИА АН РТ.
- Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН).
- Нигамаев А.З.* Отчет об археологических исследованиях Елабужского городища и прилегающей к нему территории в 1996 году. Елабуга, 1997.
- Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб., 1911.
- Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.С. Суворин, 1906. 528 с.

- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с., ил.
- Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году: (Перепис. кн. Приказа Казан. дворца) / Изд. Симб. губ. УАК. под ред. чл. ее П. Мартынова. Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1902. 115, V с.
- Опись низовых городов 1701–1704 гг. // РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата), Оп. 3. Д. 53. Л. 165.
- Патрушев В.С.* Отчет о полевых исследованиях Археологической экспедиции Марийского научно-краеведческого республиканского музея. Охранные исследования в г. Йошкар-Оле в 1984 г. Йошкар-Ола. 1985 // Архив ИА РАН. Р-1. №10702.
- Патрушев В.С.* Отчет о раскопках в г. Йошкар-Оле в 1996 г. Йошкар-Ола, 1996. 155 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20756.
- Патрушев В.С.* Отчет о раскопках в г. Йошкар-Оле в 1997 г. Йошкар-Ола, 1997. 28 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21246.
- Патрушев В.С.* Отчет о выполнении долгосрочной научно-исследовательской программы правительства Республики Марий Эл «Историко-археологические исследования первых русских городов Марийского края в 2002 г.». Йошкар-Ола, 2002. 19 с. // Архив АМ МарГУ. Фонд 1.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне Козьмодемьянска в 2003 г. Йошкар-Ола, 2004 // Архив ИА РАН. Р-1. № 31318. 146 с.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне Йошкар-Олы в 2003 г. Йошкар-Ола, 2004а. 146 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 32735.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне Йошкар-Олы в 2004 г. Йошкар-Ола, 2005. 177 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 32223.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне Козьмодемьянска в 2004 г. Йошкар-Ола, 2005 // Архив ИА РАН. Р-1. № 32651. 108 с.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне Козьмодемьянска в 2005 г. Йошкар-Ола, 2005а // Архив ИА РАН. Р-1. № 32657. 173 с.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне Йошкар-Олы в 2005 г. Йошкар-Ола, 2005б. 101 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 31489.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в местах земляных работ ООО «Монолитспецстрой» в исторической зоне г. Йошкар-Олы в 2005 г. Йошкар-Ола, 2005в. 88 с. // Архив АМ МарГУ. Фонд 1. № 71.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в местах земляных работ в исторической зоне Йошкар-Олы в 2005 году. Йошкар-Ола, 2005г. 28 с. // Архив АМ МарГУ. Фонд 1. № 69.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне г. Козьмодемьянска в 2006 г. Том 1–2. Йошкар-Ола, 2006 // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 54167-54168. 560 с.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в исторической зоне г. Йошкар-Олы в 2006 г. Йошкар-Ола, 2006а. 116 с. Архив ИА РАН. Р-1. № 54062
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в зоне земляных работ г. Йошкар-Олы в 2006 г. Йошкар-Ола, 2006 б. 54 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 54064.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 г. в 9 томах. Т. 1: Раскопы 14–16. Йошкар-Ола, 2007а. 146 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43939.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 г. в 9 томах. Т. 2: Раскопы 17–20. Йошкар-Ола, 2007б. 133 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43940.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 г. в 9 томах. Т. 3: Раскоп 21–24. Йошкар-Ола, 2008а. 97 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43940.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 г. в 9 томах. Т. 4: Раскопы 25–26. Йошкар-Ола, 2008б. 149 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43941.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 году в 9 томах. Т. 5: Раскопы 27–28. Йошкар-Ола, 2009а. 122 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43942.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 году в 9 томах. Т. 6: Раскоп 29. Йошкар-Ола. 2009б. 136 с. Архив ИА РАН. Р-1. № 43943.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 году в 9 томах. Т. 7: Раскопы 30–31. Йошкар-Ола, 2009в. 66 с. Архив ИА РАН. Р-1. № 43944.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 году в 9 томах. Т. 8: Раскопы 32–33. Йошкар-Ола, 2009г. 77 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43945.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических исследованиях в остроге Царевококшайска в 2007 году в 9 томах. Т. 9: Раскоп 34. Йошкар-Ола. 2009д. 117 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43946.
- Патрушев В.С., Павлова А.Н.* Отчет о раскопках в г. Йошкар-Оле в 1998 году. Йошкар-Ола, 1998. 87 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22092.
- Патрушева Т.С.* Отчет об археологических исследованиях в посаде Царевококшайска в 2008 году. Раскоп 35. Йошкар-Ола, 2009. 107 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 44106.
- Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг. / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. 544 с.
- Писцовые книги Московского государства / под ред. Н.В. Калачова. Ч. I. Писцовые книги XVI века. Отд. II. СПб.: Изд-е Имп. РГО, 1877. 1598 с.
- План города Свияжска // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1327.

- Полесских М.Р.*, 1968. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1968 году по открытому листу № 20, форма № 1 // Архив СамГУ.
- Поливанов В.Н.*, 1925. Археологическая карта Симбирской губернии // Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1. № 101.
- Попова Н.Б.* Отчет об археологической разведке в Уржумском районе Кировской области в 1965 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 3094.
- Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепалов. Казань. Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.: ил.
- ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. VIII, 362 с.
- ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. X, 345 с.
- ПСРЛ. Т. VIII. Воскресенская летопись. СПб., 1859. VIII, 301 с.
- ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве. (Казанский летописец). СПб., 1903. VII–XVI, 526 с.
- ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга степенная царского родословия. Часть 1. СПб., 1908, 342 с.
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962. 580 с.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962. 938 с.
- ПСРЛ. Т. IX. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. 256 с.
- ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. Так называемая Царственная книга по списку Московской Синодальной библиотеки. № 149. М., 1965. 532 с.
- ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Рогожский летописец. М., 1965. VIII, 186 с.; VII, 504 с.
- ПСРЛ. Т. XI Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 254 с.
- ПСРЛ. Т. XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 266 с.).
- ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Рогожский летописец. М.: Языки русской культуры, 2000. 484 с.
- ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. VI. Вып.2. Софийская вторая летопись. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. XX Львовская летопись. М.: Языки русской культуры, 2005. 686 с.
- ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.
- ПСРЛ. Т. XXVII Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М., 2007.
- Путешествие через Московию Корнелия де Бруина / Пер. с франц. П.П. Барсова, проверенный по голландскому подлиннику О.М. Бодянским М., 1873. [2], VIII, 292, XX с.; 26.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.
- Разрядная книга 1598–1638 гг. М.: Ин-т истории СССР, 1974. 398 с.
- Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып.1. М.: Ин-т истории СССР, 1976. 241 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР, 1982. 440 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.3. Ч.3. М.: Ин-т истории СССР, 1989. 226 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М.: Ин-т истории СССР, 1994. 138 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. М.: Памятники ист. мысли, 2003. 143 с.
- Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. Бархатная книга. Ч. I. Москва, 1787. 351 с.
- Росписной список Свяжска 1736 года // РГАДА. Ф. 441. Оп. 2. Д. 365. Л. 1–22об.
- Румянцев Г.Г.* Отчет об археологических исследованиях в г. Козьмодемьянске в 1995 г. Йошкар-Ола, 1995 // Архив ЦАЭИ МарГУ.
- Русланова Р.Р.* Отчет по итогам проведения археологических полевых работ (археологических раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия "Участки культурного слоя центральной части г. Хлынова-Вятки XVII–XIX вв." в границах земельных участков с кадастровыми номерами 43:40:000307:39, 43: 40:000307:24 / Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2021.
- Рябичкин Д.В.* Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 г. // Архив АГОИ-АМЗ, № НВ 15499;
- Ситдиков А.Г.* Отчет об археологических раскопках на городище Мошаик в Приволжском районе Астраханской области в 2011–2012 г. Казань, 2013. Архив ИА РАН.
- Ситдиков А.Г.* Отчет об археологических полевых работах на территории г. Касимова, Касимовского района Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области за 2018 год. Казань, 2019 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.
- Смирнов Б.Е.*, 1965. Отчет краеведа Б.Е.Смирнова о старательной археологической разведке в 1961–65 гг. // Рукописный фонд МордНИИЯЛИЭ. И- 645.
- Смирнов Н.И.*, 1892. Отчет о раскопках Рыбкинского могильника // О древностях, найденных близ села Каракулина Сарапульского уезда Вятской губернии// Архив ИИМК. Ф. 1. № 144.
- Смирнова С.Ю.* Отчет об археологической разведке в правобережье р. Вятки от пос. Буйский Перевоз до города Вятские Поляны Кировской области, проведенной летом 1982 года. НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 703. Л.8.
- Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.) / С предисл. прот. Андрея Яблокова. Казань: Церк. ист. археол. о-во Казан. епархии, 1909. XIII, 143 с.
- Спицын А.А.*, 1892. Отчет о раскопках Рыбкинского могильника // Архив ИИМК. Ф.1. Д.94.
- Спрыгина Н.И.*, 1925, Археологическая карта Пензенской губернии // Архив ИА РАН. Н-арх. № 464.

- Старков А.С.* Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на территории Богородице-Успенского монастыря в с. Свияжск Зеленодольского района Республики Татарстан в 2014 году. Раскоп-1. В 5-ти томах. Казань, 2016 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 375-379.
- Степанов П.Д.*, 1940. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции летом 1940 г. По рекам Мокше и Иссе. Саранск // Архив МордНИИЯЛИЭ. Д. И-63.
- Степанов П.Д.*, 1941а. Дневник археологических разведок в Ардатовском районе Мордовской АССР 1941 г. Саранск // Архив МордНИИ. Д. И-136
- Степанов П.Д.*, 1946а. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции МордНИИ в пределах Козловского, Ардатовского и Больше-Игнатовского районов Мордовской АССР летом 1946 г. // Архив МордНИИЯЛИЭ. Д. И-136
- Стефанова И.И.* Отчет об археологической разведке 1961 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 2259.
- Стрикалов И.Ю.* Отчет о проведении научно-исследовательских охранно-спасательных археологических исследований (наблюдений) на объекте археологического наследия «Касимовское городище» при проведении строительства многофункционального культурного центра на участке, расположенном по адресу: Рязанская обл., г. Касимов, ул. Советская. М. 2015. / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р.1. 61 с.
- Тарасова В.М., Иванов А.Г., Шомина В.П., Лаптева Г.А.* (сост.) Йошкар-Ола. 1584–1991. Документы и материалы по истории города. Йошкар-Ола, 1994. 74 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. V–XVI, 563.
- Трубникова Н.В.* Селище у д. Таутово. Отчет Чувашской экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1259.
- Трушкова И.Ю.* Отчет о разведке в исторической части поселка Кай Верхнекамского района Кировской области в 2001 г. / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 24993.
- Усов А.В.* Отчет об археологической разведке на территории Кирово-Чепецкого, Слободского районов Кировской области и на территории г. Кирова в 2021 году по Открытому листу №1434-2021 / Архив КО-ГАУ "НПЦ по охране ОКН Кировской области". Киров, 2021.
- Халиков А.Х.* Отчет о работах 1978 г. на раскопе I в Казанском кремле // Архив ИА РАН. Р-1, № 7028.
- Халиков А.Х.* Отчет о работах 1988 г. в зоне предполагаемого строительства станции Казанского Метро «Кремлевская» // Архив ОПИ ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, ед. хр. 12548, 102 л.
- Халиков А.Х.* Отчет об исследованиях комплекса мечети на Елабужском «Чертовом» городище. Казань Елабуга, 1994 / Архив ЕГМЗ.
- Хворостова Е.А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Астраханского кремля в 2001 году. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/Н.
- Хворостова Е.А.* Архитектурно-археологические исследования на территории Астраханского Кремля в 2002 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. №№16548, 16549.
- Хлебникова Т.А.* О работе III отряда экспедиции КФАН 1958 г. в Набережно-Челнинском районе ТАССР. / Архив КНЦ РАН. Ф. 5, оп 41, ед. хр. 79.
- Хлебникова Т.А.* Полевой дневник археологической экспедиции 1958г.– Архив КНЦ РАН. Ф. 5, оп. 41, ед. хр. 133.
- Хлебникова. Т.А.* Неполивная керамика раскопов II, VI, VII 1996 г. и раскопа IV 1995–1996 гг. // Оп.1, ед. хр. 433. 207 с.
- Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Б.Д. Грекова). М.; Л., 1948.
- Хождение Федота Котова в Персию / Публикация Н.А. Кузнецовой. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 112 с.
- Худяков М.* Прошлое Малмыжского края / НРФ МарНИИ, оп. 1, д. 75.
- Хузин Ф.Ш.* Отчет об археологических исследованиях на территории Арского городища в 2006 году. Раскоп I // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп.1. Электронный каталог. 2006.
- Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.* Раскоп II в сквере между Благовещенским собором и Министерством здравоохранения // Архив ГИАХМЗ «Казанский кремль». Оп. 1, ед. хр. 431, 460.
- ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 7.
- ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1022.
- ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1157.
- Циркин А.В.* Отчет о раскопках Вертилимского могильника в 1965 г. // Архив Морд. гос. ун-та им. Н.П. Огарева.
- Циркин А.В.* Отчет о раскопках Кельгининского могильника в 1966 г. // Архив Морд. гос. ун-та им. Н.П. Огарева, И-1011.
- Челяпов В.П.* Отчет о предварительных археологических исследованиях исторической части г. Касимова в 1999 г. / НФ МА РТ ИА АН РТ Ф.4. оп.2. 76 с.
- Челяпов В.П.* Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 24330.
- Челяпов В.П.* Отчет об археологических разведках в Рязанской области в 2000 г. Рязань, 2001. / НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 24330. С. 29–113.
- Челяпов В.П.* Отчет об археологических разведках в Рязанской области в 2001 г. Рязань, 2002. / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 30000.
- Челяпов В.П.* Отчет о археологических разведках в Рязанской области в 2001 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 30000.
- Челяпов В.П.* Отчет об археологических городища Земляной Струг в 2002 г. Рязань, 2002. / Научный архив РИАМЗ. №.19. 20 с.
- Челяпов В.П.* Отчет о археологических разведках в Рязанской области в 2001 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 30000.
- Шавохин Л.С.* Отчет о работах в Казанском кремле в 1975 г. // Архив ОПИ ИА РАН. Р-1, 3 5670.
- Шакиров З.Г.* Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях в Зеленодольском районе Республики Татарстан на территории о. Свияжск за 2008 год. В 4-х томах. Казань, 2011 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 369-372.

- Шакиров З.Г.* Отчет об археологических исследованиях в Зеленодольском районе Республики Татарстан на территории о. Свяжск в 2008 г. Казань, 2009. Т.1. НФ МА РТ ИА АН РТ. 155 с.
- Шитов В.Н.*, 1995. Отчет о раскопках Нароватовского могильника // Архив МордНИИЯЛИЭ.
- Шнайдитейн Е.В.* Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 7255;
- Шнайдитейн Е.В.* Отчет о проведении археологических работ на территории Астраханского Кремля, 1979 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. № 16217.
- Шутова Н.И.* Отчет об исследованиях четвертого отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10111.
- Шутова Н.И.* Отчет об исследованиях четвертого отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10491.
- Ярославцева Н.А.* Отчет о разведке на территории Кировского горсовета и в Слободском районе Кировской области, проведенной летом 1977 г. / Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 63.

Литература

- Абдуллин Х.М., Мустафина Д.А., Ситдииков А.Г.* Формирование базы данных исторических источников второй половины XVI – первой половины XIX для геоинформационной системы Казанского уезда // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. С. 66–78.
- Абилов Ш.Ш.* Мухамедьяр – поэт эпохи Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тез. док. и материалы 1-й регион. науч.-практич. конф / Отв. Ред. А.А. Бурханов. Казань: Заман, 1995. С. 113–116.
- Абилов Ш.Ш.* Мухамедьяр – певец гуманизма и справедливости // Научный Татарстан. 1996. № 3. С. 55–61.
- Агафонов Н.* Казань и казанцы. Казань, 1907. Ч. II. 140 с.
- Агеев В.В.* К проблеме истории Касимова до середины XV в.: археологический аспект // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: сб. науч. статей / Отв. ред. В.Н. Рассадин. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Некрасова, 2015. С. 86–90.
- Агишева И.* Возникновение города Казани и развитие ее до 1552 года. (На основе свода летописей «Джагфар тарихы») // Татарстан. 1995. № 11–12. С. 54–62.
- Агишева И.* Градостроительная культура казанцев // Татарстан. 1996а. № 7. С. 44–51.
- Агишева И.* Увековечено в названии ворот // Татарстан. 1996б. № 6. С. 76–81.
- Адо В.И.* Сююмбекина башня // Старая и новая Казань. Культурно-исторические экскурсии. Казань, 1927. С. 108–132.
- Айдаров С.С.* Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности). Автореф. дис. ... док. архитектуры. М., 1990. 42 с.
- Айдаров С.С.* Памятники архитектуры Казани. Башня Сююмбеки. Буклет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1964. 8 с.
- Айдаров С.С.* К вопросу о возникновении башни Сююмбеки Казанского Кремля // Материалы XXII науч.-технич. конф. КИСИ. Вып. 2. Казань, 1970. С. 35–36.
- Айдаров С.С.* Архитектурное наследие Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 80 с.
- Айдаров С.С.* Новые данные по архитектуре Татарии эпохи Казанского ханства // Тез. док. XXXVII науч. конф. КИСИ. Казань, 1985. С.171–172.
- Айдаров С.С.* О реконструкции мавзолеев Казанского Кремля (архитектурное исследование) // Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа) / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997. С. 50–67.
- Айдаров С.С.* Опыт реконструкции мечети-крепости «Алабуга-Елабуга» // Древняя Алабуга / Под ред. Р.Р. Хайрутдинова, Ф.Ш. Хузина. Елабуга: Мастер-Лайн, 2000. С. 78–81.
- Айдаров С.С., Халиков А.Х., Юсупов Н.З.* Память поколений: научно-популярные очерки о памятниках истории и культуры Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 104 с.
- Айдарова Г.Н.* Мечети и церкви Среднего Поволжья второй половины XVI–XVII веков // Исламско-христианское пограничье. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Я.Г. Абдуллин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 167–175.
- Айдарова-Волкова Г.Н.* Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX веков. Модель развития. Структура типов. Влияние. Казань, 1997. 196 с.
- Айдарова-Волкова Г.Н.* В поиске материальных следов архитектуры ханской Казани // Гасырлар авазы. Эхо веков, 1999. № 3/4. С. 180–186.
- Айплатов Г.Н.* Расселение марийцев во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной МарНИИЯЛИ (23–25 декабря 1965 г.) / Ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 140–146.
- Айплатов Г.Н.* Город Царевококшайск и его уезд в XVII–XVIII вв. // Страницы истории Марийского края / Отв.ред. Л.И. Ибраев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. С. 9–32.
- Айплатов Г.Н.* Переписная книга города Царевококшайска и уезда 1646 года // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР / Труды МарНИИЯЛИ. Вып. XXIII. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1971. С. 260–269.
- Айплатов Г.Н., Дорожкова Г.В., Иванов А.Г.* «Географическое описание Царевококшайска и Кокшайска с их уездами 1767 года» / Марийский археографиче-

- ский вестник. 1994. № 4. С. 105–112.
- Акаемов Н.Ф.* Город Курмыш в XIV–XVIII веках: исторический очерк. Казань: Типо-литография Имп. унта, 1895. 17 с.
- Акимов М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 118 с.
- Аксанов А.В.* К вопросу об образовании Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3 / Сост. и отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ин-т истории АН РТ; Ихлас, 2011. С. 5–12.
- Аксянова Г.А., Газимзянов И.Р.* Антропологические исследования в Арском районе в 2007 году (предварительные результаты) // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 97–101.
- Аксянова Г.А., Газимзянов И.Р.* Антропологические особенности татар // Татары: Сер. «Народы и культуры» (2-е издание, доп. и перераб.) / Отв. ред.: Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. М.: Наука, 2017. С. 52–69.
- Аксянова Г.А., Чижикина Т.П.* Соматическая характеристика татар и крышен Среднего Поволжья (мужчины) // Вестник Москов. ун-та. Серия XXIII. Антропология. 2015. № 2. С. 95–113.
- Алексеев В.П.* Этническая антропология в Казани во второй половине XIX – начале XX века // Тр. ИЭ АН СССР. (Нов. сер.). Т. 85. Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II / Отв. ред. Р.С. Липец, В.К. Соколова. М.: изд-во АН СССР, 1963. С. 225–237.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
- Алексеев В.П.* Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 232–271.
- Алексеев В.П.* Этногенез. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.
- Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.
- Алексеева Т.И.* Черепа из Березовского могильника // Советская антропология. 1958. № 3. С. 85–89.
- Алексеева Т.И., Козловская М.В.* Антропологический облик населения // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 25–30.
- Али Рахим.* О двух татарских надгробных памятниках XVII-го века // МОРРП. 1929. Вып. 3. С. 14–21.
- Али Рахим.* Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае // МОРРП. 1930. Вып. 4. С. 49–57.
- Али Рахим.* Татарские эпиграфические памятники XVI века // Гали-Рэхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьентык / Төз. Р. Мәрданов, И. Һадиев. Казан: Жьен, 2008. 480 б. («Шәхесләребез» сериясе).
- Алихова А.Е.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тыс. н. э. // СА. 1958. № 2. С. 66–77.
- Алихова А.Е., Воронина Р.Ф., Циркин А.В.* Кельгининский могильник (Предварительное сообщение) // Тр. МордНИИЯЛИЭ. Вып. XXVII. Саранск, 1964. С. 185–205.
- Алишев С.Х.* Казань во второй половине XVI в. // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Льва Владимировича Черепнина. Тез. док. и сообщ. М.: Наука, 1985. С. 149–153.
- Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.
- Алишев С.Х.* Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа / Отв. ред. М.З. Закиев. Казань, 1995а. С. 186–200.
- Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. М.: Наука, 1995б. 160 с.
- Алишев С.Х.* Образование Казанского феодального государства и его население // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Междунар. конф. в 3-х томах. М.: Инсан, 1997. Т. 3. С. 32–34.
- Алишев С.Х.* Источники и историография города Казани. Казань, 2001. 76 с.
- Алишев С.Х.* Все об истории Казани. Казань: Раннур, 2005. 640 с.
- Алфорова Г.В.* Цветок шиповника – наш город // Знание – сила. 1981. № 3. С. 26–29.
- Алфорова Г.В.* Русские города XVI–XVII веков. М.: Стройиздат, 1989. 210 с.
- Аминова Г.И.* О карте Казанского ханства // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. Материалы межвуз. науч. конф. 1996 г. Казань, 1996. С. 42–44.
- Аминова Г.* Территория Казанского ханства на русских и европейских картах XV–XVII веков // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 3/4. С. 75–86.
- Аминова Г.И.* К вопросу об особенностях экономики Казанского ханства // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых и аспирантов за 1999–2000 гг. Казань, 2001. С. 7–9.
- Андреевский И.Д.* Архитектурный облик Казанского Кремля в XVI–XVII вв. // Старая и Новая Казань. Культурно-исторические экскурсии. Казань, 1927. С. 61–107.
- Андреев А.А.* Город Царевококшайск: страницы истории (конец XVI века – начало XVIII века). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1991. 96 с.
- Аракчеев В.А.* Иван Петрович Шуйский // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2004. № 21. С. 123–127.
- Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2010. 172 с.+24 с. цв. ил.
- Артемов А.И.* Нечто для истории Казани // КГВ. 1844. №№ 15, 18, 20.
- Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч 1. М.: ИА РАН, 2004. 378 с.
- Археологическая карта России: Рязанская область /

- Авт.-сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Рязанская область. Ч. 1. № 181. М., 1993. С. 79–82.
- Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2013. 304 с.
- Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2014. 312 с.
- Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 3 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2015. 367 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука. 1981. 211 с.
- Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 91 с.
- Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. 116 с.
- Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999. 144 с.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 301 с.
- Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1985. 431 с.
- Архипов А. По поводу заметки о развалинах древних городов Итиля и Баланджара, находившихся близ г. Астрахани // Астраханский справочный листок. № 131. Астрахань, 1866.
- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу происхождения народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 200 с.
- Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Йошкар-Ола, 1960. 132 с.
- Арцыбашев Н.С. О Старом городище Казани // Вестник Европы. 1822. Ч. 126. № 21. С. 12–73.
- Асылгараева Г.Ш. Морфологические особенности костей домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского кремля). Автореф. дис. ... канд. вет. наук. Казань, 2003. 23 с.
- Асылгараева Г.Ш. Исследования остеологического материала с раскопа IV в Казанском кремле // Проблемы истории, культуры и развития языков Татарстана и Волго-Уральского региона. Вып. 2. Материалы VI Регион. науч.-практич. конф. молодых ученых и специалистов. Казань, 2003а. С. 6–8.
- Асылгараева Г.Ш., Петренко А.Г. Археозоологические материалы из раскопок Казанского кремля. Казань, 2003. 250 с.
- Атлас Tartarica. Евразия на старинных картах. Мифы. Образы. Пространства. Казань; Москва: Дизайн, 2006. 480 с.
- Ауновский В. Рыбкинский могильник // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск, 1869.
- Ахмеров Г. Избранные труды. (История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар) / Сост., вступ. ст. и коммент. проф. Р.Г. Хайрутдинова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. 240 с.
- Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г. Историческая топография ханской столицы г. Касимова // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 130–145.
- Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Материальная культура населения Волго-Окского региона в эпоху средневековья: проблемы и перспективы изучения // Фаизхановские чтения. Материалы IV науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. С. 30–31.
- Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н. Археологические исследования г. Касимова // Следы веков. Материалы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы археологии Поволжья и Приуралья», посвящ. 65-летию Археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. С. 9–10.
- Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Ситдииков А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 183–201.
- Ахметзянов М.И. Тайны эпитафий // История Лаишевского края. Казань, 1997. С. 114–117.
- Ахметзянов М.И. Эпитафийные памятники касимовских татар // Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань: Магариф, 2010. С. 100–119.
- Ашмарин Н.И. Об одном мусульманском камне в загородном архиерейском доме // ИОАИЭ. 1905. Т. XXI. Вып. 1. С. 92–112.
- Бадер О.Н., Вагнер Г.К., Кригер Н.И. Роль А.А. Мансурова в изучении Рязанского края. Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 324–330.
- Баженов Н. Казанская история. Ч. I. Казанское царство. Казань, 1847. XIII. 138 с.; Ч. II. По покорении Казани. Казань, 1847. IV. 146 с.
- Балуева Т. Реконструкция черепов из мавзолеев Казанского Кремля по методу М.М. Герасимова // Мавзолеи Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997. С. 148–156.
- Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 651–772.
- Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. гос. ун-та, 2008. 252 с.
- Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI вв. Очерки по истории. Йошкар-Ола. 2012. 237 с.
- Безверхова Л.Б. Градостроительство на Вятской земле // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1996. С. 164–191.
- Безверхова Л.Б. Архитектурно-планировочное развитие городов Вятского Понизовья в XVI – начале XVII века // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / Отв. ред. В.В. Низов. Киров: КОГУП Кировская областная типография, 1999. С. 295–308.
- Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных

- связях. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000а. 200 с.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Часть II. М.: Наука, 1981. 146 с.
- Беляев Л.А.* Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. Сб. ст. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 43–49.
- Беляев Л.А.* Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991а. С. 14–19.
- Беляев Л.А.* Первые археологические исследования в Свияжске: 1978 – 1982 годы / Материалы и исследования по археологии Свияжска. Т. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, И.И. Елкина. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 161 с.
- Бережков М.* Нур-салтан, царица крымская (историко-биографический очерк) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 27 / Ред. А. Маркевич. Симферополь: Спино, 1897. С. 1–17.
- Березин И.Н.* Булгар на Волге // Ученые Записки Казанского Университета за 1852 г. Кн. III. Казань, 1853. /С. 74–160.
- Берова И.В.* Ансамбль Вятского Успенского Трифонова монастыря: История, архитектура, живопись в свете последних исследований. Киров: Газета "Кировская правда", 1989. 64 с.
- Берова И.В.* Прогулки по старой Вятке. Киров: Типография "Миньон" ВМП "Авитек", 1995. 148 с.
- Богатова Л.Ф., Визгалова М.Ю., Старков А.С.* Кожаная обувь Свияжского посада: опыт реконструкции простых поршней // Поволжская археология. 2016. № 4(18). С. 248–265.
- Богатова Л.Ф., Еналеев И.Р., Валиев Р.Р.* Находка клочка XV в. на территории Казанского кремля / Материалы Всерос. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения проф. Г.П. Дементьева «Орнитология: история, традиции, проблемы и перспективы» (Звенигородская биологическая станция МГУ, 27 сентября – 1 октября 2018 г.) / Ред. В.М. Гаврилов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. С. 49–53.
- Богдановский М.А.* Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 (1552) гг., с 5-ю листами чертежей // Инженерный журнал. № 8, 9. СПб., 1898. 64 с.
- Богдановский М.А.* К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г. По поводу критической заметки г-на Борисова (Казань, университетская типография, 1899 г.) на статью «Инженерно-исторический очерк осады Казани в 7060–7061 году». СПб., 1899. 17 с.
- Бойл Э. Дж.* Посмертный титул Батгя // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит-ра. 2002. С. 28–31.
- Бойцов И.А.* Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 33–40.
- Большаков С.Д.* История города Котельнича. Котельнич, 2006. 114 с.
- Борисов В.Л.* Критическая статья по поводу книги Богдановского «Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 (1552) гг.» // ИОАИЭ. 1898б. Т. XIV. Вып. 6. С. 700–715.
- Борисов В.Л.* Ответ г. Богдановскому по поводу его статьи «К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г.» // ИОАИЭ. Т. XV. Казань, 1899. С. 127–138.
- Борисов В.Л.* Город Казань по данным переписной книги 1646 г. // ИОАИЭ. Т. XVI. Вып. 2. Казань, 1900. С. 163–175.
- Борисов В.Л.* Древнее поселение близ деревни Старый Урмат Казанского уезда // ИОАИЭ. Т. XVII, вып. 1. Казань, 1901. С. 61–63.
- Бороздин И.Н.* Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // МОРПП. 1929. Т. III. С. 37–40.
- Бороздин И.* Из области татарской культуры. (Научно-исследовательская экспедиция в Татарскую республику летом 1928 г.) // Новый Восток. Кн. 25. 1929а. С. 185–200.
- Боруцкая С.Б.* Остеологическое исследование позднезолотоордынских погребений Казанского кремля // Казань в средние века и раннее новое время / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ, 2006. С. 75–88.
- Борынги Чаллы.* Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. 320 с.
- Брунов Н.И.* О некоторых памятниках допетровского зодчества Казани // МОРП. 1928. Вып. II. С. 32–39.
- Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 263 с.
- Бужилова А.* Анализ патологических признаков у погребенных в каменных мавзолеях Казанского Кремля // Мавзолей Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997. С. 110–121.
- Бужилова А., Медникова М.* Оценка биологического возраста у погребенных в каменных мавзолеях Казанского Кремля // Мавзолей Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997а. С. 122–127.
- Бужилова А., Медникова М.* Реконструкция физических нагрузок по индикаторам механического стресса у погребенных в мавзолеях Казанского Кремля // Мавзолей Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997б. С. 128–133.
- Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII века; сравнение ее укреплений с укреплениями Белгородской черты в Воронежском крае // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). / Ред. В.П. Загорский. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. С.

- 41–50.
- Буканова Р.Г.* Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. Уфа: Башкирский университет, 1993. 86 с.
- Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI – XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
- Булатов А.Б.* Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии / Отв. ред. Л.Т. Махмутова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. Вып. 3. С. 186–190.
- Булъгин А.* Типология монет из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского кремля // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Междунар. науч. семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2001. С. 312–316.
- Бурханов А.А.* Новые археологические исследования в Заказанье и Казани (предварительные сообщения) // *Tatarica*. 1997/98. № 1. С. 137–144.
- Бурханов А.А.* Новые данные по средневековой Казани (итоги раскопок Кабанского городища) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тез. докл. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Изд-во ГИМ, 1999а. С. 127–130.
- Бурханов А.А.* Некоторые итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства // Уч. зап. ТГГИ. 1999б. № 7. С. 121–132.
- Бурханов А.А.* Некоторые итоги изучения памятников охранной зоны Иске-Казанского историко-культурного и природного комплекса в Заказанском регионе // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. С. 354–381.
- Бурханов А.А.* Некоторые итоги исследований средневековых памятников в Казани и перспективы изучения их в заповедной территории «Старо-Татарская слобода» (по материалам исследований археологических и эпиграфических объектов XIII–XVI вв. В 1997–1999 гг.) // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. Материалы науч.-практич. конф. Казань, 28 февраля – 1 марта 2000 г. / Науч. ред. Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: Мастер-Лайн, 2001а. С. 58–61.
- Бурханов А.А.* Памятники Иске-Казанского комплекса. Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 2. Казань: Изд-во ТГГИ, 2002. 30 с.
- Бурханов А.А.* Археология Казанского ханства: История изучения, итоги исследования и перспективы. Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 1. Казань, 2002а. 20 с.
- Бурханов А.А., Белов А.В.* Исследования мусульманского захоронения в склепе на Кабанском городище (предварительные сообщения по итогам раскопок 1997 г. на бывшей Архирейской даче в г. Казани) // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Тез. науч. конф. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар, 1998. С. 45–48.
- Бурханов А.А., Измайлов И.Л.* Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Заказанья) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тез. докл. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 135–138.
- Бурцев И.Г., Конорев М.Б.* Исследования Тульской заочной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история / Под ред. И.Г. Бурцева. Тула: Куликово поле, 2013. С. 272–282.
- Валеев Ф.Х.* К истории архитектуры казанских татар XV – первой половины XVI в. // Вопросы истории, филологии и педагогики. Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Шофман. Казань: Изд-во КГУ, 1967. С. 94–103.
- Валеев Ф.Х.* Орнамент казанских татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1969. 204 с.
- Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 214 с.
- Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 166 с.
- Валеева В.А., Садриев Н.Р., Старков А.С.* Деревянные игрушки Свияжска. Классификационный обзор // Сб. тез. науч. конф. «Археологическое дерево» (Свияжск, 10–12 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е.В. Карташева. Свияжск: Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск», 2021. С. 40–47.
- Валеева Д.К.* Искусство волжских болгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань: Фикер, 2003. 239 с.
- Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Художественная культура татар в фокусе цивилизаций // Татарстан. 1997. № 5. С. 56–69.
- Валеева-Сулейманова Г.* Типология взаимодействия художественной культуры татар в системе «Восток-Запад» // *Tatarica*. 1997/98. № 1. С. 108–128.
- Валеева-Сулейманова Г.* Искусство Казанского ханства: раритеты и методика изучения // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Фэн, 2002. С. 268–279.
- Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Искусство Казанского ханства: раритеты и методика их изучения // Кул Шариф и его время / Ред. М. Ахметзянов, А. Хасанов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 192 с.
- Валиев Р.Р.* Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского кремля (по раскопкам 2003 г.) // Сборник материалов Итоговых конференций молодых ученых Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за 2003–2004 годы / Науч. ред.: М.М. Гибатдинов, Н.К. Гарипов. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 39–47.
- Валиев Р.Р.* Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. 2009а. № 1. С. 112–124.
- Валиев Р.Р.* Изготовление и обработка кожи ханской Казани // Уч. зап. Казан. ун-та. Т. 151. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 2. Ч. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009а. С. 44–50.
- Валиев Р.Р.* Кожевенно-сапожное дело ханской Казани // Проблемы археологии и истории Татарстана: сборник статей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ

- «Школа», 2009в. Вып. 1. С. 33–58.
- Валиев Р.Р.* Кожевенное дело ханской Казани // *Наследие*. М., 2010. С. 72–77.
- Валиев Р.Р.* Кожевенно-сапожное производство ханской Казани. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2010а. 23 с.
- Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г.* О застройке посадской части Свияжска. (По материалам раскопок 2008 г.) // *Поволжская археология*. 2012. № 2. С. 184–210.
- Валиулина С.И.* Раскопки Балынгусского III (Торецкого) селища // *АОТ – 2000* / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 50–53.
- Валиулина С.И.* Раскопки Балынгусского III (Торецкого) селища // *АОТ – 2001* / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 66–70.
- Валиулина С.И.* Проблемы преемственности городской культуры в округе Биляра // *Татарская археология*. 2004. № 4. С. 157–191.
- Ванчиков В.В.* Итоги и перспективы археологического изучения средневекового Шестакова // Слободской и слобожане: Материалы III науч.-практич. конф. Слободской: Слободской музейно-выставочный центр, 1998. С. 14–18.
- Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаник // *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции* / Отв. ред. Е.В. Шнайндштейн. Астрахань: Изд-во АГПУ, 2001. С. 48–54.
- Васильев Д.В.* Где находилась и как называлась татарская Астрахань? (О фальсификациях истории происхождения города) // *Гуманитарные исследования*. 2012. № 4 (44). С. 228–236.
- Васильев Д.В.* Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте) // *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды* / Материалы седьмой Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 153–155.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Шандер Е.Н.* Астраханский кремль и Белый город: история и археология // *Вопросы интеграции археологических и исторических исследований: материалы Всерос. (с междунар. участием) археолог. Конф. (г. Астрахань, 29 сентября – 1 октября 2017 г.)* Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 11–35.
- Васильев К.* Ключаревская летопись. Астрахань: Типография газеты «Астраханские епархиальные ведомости», 1887. 89 с.
- Васильев М.И.* Русские лыжи: история развития // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 2. С. 91–103.
- Васильев С.В.* Краниотригонометрия средневекового населения Казанского кремля // *Казань в средние века и ранее новое время* / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 93–98.
- Васильев Ю.Ю.* Керамический комплекс из раскопок на Старом Ваганькове в Москве // *Московская керамика: новые данные по хронологии* / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 41–42.
- Вахидов С.Г.* Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // *ВНОТ*. 1926. № 4. С. 82–91.
- Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959. 271 с.
- Векслер А.Г., Кондрашев Л.В., Беркович В.А., Гусаков М.Г., Генинг В.В.* Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2016. 496 с.: илл.
- Векслер А.Г., Осипов Д.О.* Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995) // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара* / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь, 1999. Вып. 3. С. 214–221.
- Великий Волжский путь* // *Материалы Круглого стола и Международного научного семинара*. Казань, 28–29 августа 2000 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. 354 с.
- Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. Часть первая. (с четырьмя таблицами). 1863. XIII, 558 с.
- Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. 498 с.
- Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть 3. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1866. 520 с.
- Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 4. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1887. 178 с.
- Верещагин А.С.* Отданные в кормление в XVI в. вятские города // *ТВУАК*. Вып.3. Отд. III. Вятка: Губернская типография, 1905. С. 79–81.
- Визгалова М.Ю., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Абдуллин Х.М., Федотова Ю.В., Храмченкова Р.Х.* Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свияжска и Казани) // *Поволжская археология*. 2014. № 3 (9). С. 277–293.
- Визгалова М.Ю., Старков А.С.* Плетеные изделия из растительных волокон «Татарской (Деревянной) слободки» Свияжска // *Поволжская археология*. 2016. № 4 (18). С. 266–276.
- Вискалин А.В.* Археологические исследования заповедника «Родина В.И. Ленина» в 2000–2003 гг. // *Государственный историко-мемориальный заповедник «Родина В.И. Ленина»*. Материалы Первой науч. конф., посвящ. ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2004. С. 167–179.
- Вискалин А.В.* Археологическое исследование укреплений Симбирска XVII века // *Под сенью Клио: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 355-летию Симбирска–Ульяновска и 60-летию образования Ульян. обл.* Ульяновск: УлГУ, 2003. С. 5–11.
- Верещагин П.А.* Указатель достопримечательностей города Казани. Казань, 1895. 33 с.
- Владимиров Н.В., Егоров А.В.* Изучение культурного слоя XVII–XIX вв. г. Слободского в ходе археологи-

- ческих работ 2009–2017 гг. // Вестник гуманитарного образования. Киров, 2019. № 1 (13). С. 79–88.
- Волков В.И.* Козьмодемьянск в XVII веке // Козьмодемьянск / Сост. П.И. Савельев, И.И. Тарьянов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. С. 52–60.
- Волков И.В., Новикова Г.Л.* Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Сост. Л.А. Беляев. М.: Музей Москвы, 1996. С. 134–152.
- Воробьев А.* Астраханский Кремль. Волгоград: Нижне-волжское кн. изд-во, 1968. 48 с.
- Воробьев Н.И.* Казанские татары. Казань: Татгосиздат, 1953. 383 с.
- Воробьева Е.Е., Данилов П.С., Зеленева Ал.Ю., Зеленева Ю.А. и др.* Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города). Йошкар-Ола: МарГУ. 2014. 180 с.
- Воробьева Е.Е., Иванова Ю.Н.* Нателные кресты царевококшайских некрополей (к вопросу систематизации) // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 279–290.
- Воробьева Е.Е., Калыгина Ж.С.* Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 291–298.
- Воронин И.Д.* Саранск: историко-документальные очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 268 с.
- Воронцов К.* Историко-топографический очерк Казани перед завоеванием ее русскими // Уч. зап. Казан. ун-та. Кн. 6. Казань, 1890. С. 63–102.
- Воскресенский А.С.* Полихромные майолики золотоордынского Поволжья // СА. 1967. № 2. С. 79–90.
- Высоцкий Н.* «Немецкая куртина» – древне-армянское кладбище в Казани // ИОАИЭ. 1889. Т. VII. С. 4–5.
- Высоцкий Н.Ф.* Следы древнейшего армянского кладбища в Казани // ИОАИЭ. 1900. Т. VI. Вып. 1. С. 18–19.
- Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1887. 315 с.
- Гагин И.С.* О Касимовских царях татарских и памятниках с их времени существующих // Тр. Рязанской УАК. 1901. Т. XVI. Вып. 3. Рязань, 1902. С. 266–279.
- Газимзянов И.Р.* Краниологическая характеристика материалов из мавзолеев Казанского Кремля // Мавзолеи Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997. С. 89–95.
- Газимзянов И.Р.* Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть II / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 189–216.
- Газимзянов И.Р.* Исследования Чаллынского I некрополя // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 216–237.
- Газимзянов И.Р.* Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 33 с.
- Газимзянов И.Р.* Антропологические материалы из Елабужского III некрополя // Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. С. 213–219.
- Газимзянов И.Р.* Средневековое население Казани по краниологическим данным (истоки и этапы формирования антропологического облика) // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 231–238.
- Газимзянов И.Р.* Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 112–124.
- Газимзянов И.Р.* Мавзолеи города Болгара: антропологический аспект // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдинов. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 77–88.
- Газимзянов И.Р., Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М., Валиуллина С.И., Дроздова Г.И., Набиуллин Н.Г., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш., Казаков Е.П.* Исследования на разрушающихся памятниках в Татарстане // АО 1994 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1995. С. 193–200.
- Гайдуков П.Г.* О начале русской монетной чеканки в XIV в. // Вестник истории, литературы и искусства: альманах. 2009. Т. VI. С. 291–306.
- Гайдуков П.Г., Олейников О.М.* Западноевропейские текстильные пломбы из раскопок в Великом Новгороде // Ученые записки НовГУ. 2019. № 5 (23). С. 1–8.
- Галимова Д.Н., Аськеев И.В., Аськеев О.В.* Оценка информативности археозоологических коллекций на примере костных остатков рыб из археологических памятников Среднего Поволжья // Сборник научных трудов Института проблем экологии и недропользования АН РТ / Отв. ред. Д.И. Иванов. Казань: Отечество, 2014. С. 16–23.
- Галлямов Р.Ф.* Селения Лаишевской стороны в XVI – начале XVII вв. // История Лаишевского края / Науч. ред. И.Х. Халиуллин. Казань, 1997. С. 63–82.
- Галлямов Р.Ф.* Иски Казань – Ички Казань // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 186–189.
- Галлямов Р.Ф.* После падения Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 142 с.
- Гарипова Ф.Г.* Татарская гидрономия. Казань, 1998. 571 с.
- Гариф Н.Г.* Эпиграфические памятники Казанского ханства: материалы для картографирования // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 120–138.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Т. 2. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1799. 178 с.
- Гибшман Г.Э.* Замечания к плану города Астрахани

- 1636 года, опубликованного в сочинении Адама Олеария во время его путешествия в Персию в 1636–1638 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. III / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 465–469.
- Гилязов И.А., Пискарев В.И., Хузин Ф.Ш. История Татарстана и татарского народа (с древнейших времен до конца XIX века. Учеб. пособие для 10 класса средней общеобразовательной школы. Казань: Хэтер, 2008. 271 с.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.
- Гордеев В.И. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. 176 с.: ил.
- Гордеев В.И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола: МарГУ. 2004. 272 с.
- Города-крепости Белгородской черты / Авт.-сост. В.М. Жигалов, Е.В. Шварев. Белгород: Константа, 2019. 24 с.
- Гречкина Т.Ю., Шнайдитейн Е.В. Археология Астраханского края на рубеже тысячелетий // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.В. Шнайдитейн. Астрахань: Изд-во АГПУ, 2001. С. 3–8.
- Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 264 с.
- Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В., Скисов С.Ю. Новые нумизматические материалы полевого сезона 2013 года // Астраханские краеведческие чтения. Вып. V / Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2013. С. 96–100.
- Грибов Н.Н. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 2000. С. 41–73.
- Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2006. С. 62–91.
- Грибов Н.Н. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 112–121.
- Грибов Н.Н., Латшин В.А. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. Вып. 15 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2008. С. 141–156.
- Грибов Н.Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 253–264.
- Грибов Н.Н. Русско-болгарское пограничье в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар). / Археология евразийских степей. Вып. 12 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 85–92.
- Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.
- Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 26–36.
- Грибов Н.Н. Ахметгалин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 75–96.
- Григорьев Ю.В., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Шакиров З.Г. Археологические исследования на территории г. Казани в 1996–2002 гг. // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Вып. 27 / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. С. 146–150.
- Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин, Н.П. Лигенко. Ижевск: УдМИЯЛ, 1988. С. 20–40.
- Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994. 164 с.
- Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 3–42.
- Губайдуллин А.М. Некоторые итоги исследований Чаллынского городища и его укреплений в 1995–1997 годах // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 203–215.
- Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: ИИ АН РТ, 2002. 230 с.
- Гуркин В.А. На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. М.; Ульяновск: Печатный двор, 2005. 248 с.
- Гуркин В.А. Симбирская черта: (Материалы XVII–XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья). М.; Ульяновск: Печатный двор, 2000. 180 с.
- Гусарова Е.В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. По документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. 490 с.
- Гуссаковский Л.П. Древнерусский город Орлов // Славяно-русские древности / КСИА. № 110 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 102–105.
- Гуссаковский Л.П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / Отв. ред. В.В. Низов. Киров: КОГУП Кировская областная типография, 1999. С. 32–40.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Репринтное издание 1903–1909 гг. М.: Терра, Книжный клуб, 1998. 912 + 1024 + 912 + 864 с.
- Дзуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Гос. музей-заповедник

- «Куликово поле», 2013. 536 с.: ил.
- Данилов П.С., Макарова Е.М., Блинова Д.С. «Новокрещены» Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска: историко-археологический и антропологический анализ // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 202–223.
- Данилов П.С., Калыгина Ж.С. Результаты археологических исследований города Царевококшайска – Йошкар-Олы в 2008–2013 годах // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 600–603.
- Данилов П.С., Калыгина Ж.С. Коллекция перстней из Входоиерусалимского некрополя // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2012. С. 166–172.
- Дедук А.В. Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников) // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3 / Ред. А.В. Малов. М.: Фонд «Русские Витязи», 2014. С. 454–480.
- Денисов В.П. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. 1958. № 3. С. 111–119.
- Держев И. О. Очерк 250-летнего состояния г. Царевококшайска и его уезда (1584–1874). Казань: Губ. тип., 1876. 50 с.
- Димитриев В.Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Уч. зап. ЧувНИИ. Вып. XIV / Отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. С. 173–218.
- Димитриев В.Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа / Отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 89–108.
- Димитриев В.Д. О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958.
- Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1986. 453 с.
- Димитриев В.Д. «Наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводу В.Я. Воронову об управлении городом и уездом» // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 62–71.
- Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: Нац. акад. наук и искусств Чуваш. респ., 2001. 117 с.
- Димитриев В.Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII – XVII веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 178 с.
- Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Фест, 1996. 444 с.
- Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: Проект, строительство, судьба. Самара: Офорт, 2004. 188 с.
- Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Изв. Самар. научного центра РАН. 2011. Т. 13. Вып. 3 / 2. С. 326–332.
- Дубман Э.Л. Строительство Сызрани и начальный этап военно-государственного освоения Сызранского Правобережья // Самарский край в истории России. Материалы межрегион. науч. конф. Вып. 4 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. С. 81–85.
- Дубман Э.Л. Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи России // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова / Ред. В.Л. Янин. Москва: МГУ, 2013. С. 300–305.
- Дубман Э.Л., Натаров А.И. Автохтонное служилое население Казанского края в Южном Средневолжье в середине XVII – начале XVIII в.: миграции и расселение // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 4. С. 30–39.
- Дубов И.В. Протогорода и перемещение центров Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья в IX–XIII веков. Материалы Междунар. симпозиума Казань, 8–10 сентября 1998 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 256–270.
- Дульский П.М. Несколько слов по поводу орнаментики памятников XVI–XVII вв. // МОРПИ. 1929. Вып. 3. С. 22–27.
- Егоров В.Л. О времени возникновения Казани // СА. 1975. № 4. С. 80–87.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
- Екимов Ю.Г. Металлические изделия с клеймами из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок на месте колокольни Успенского собора) // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: археология, история / Сост. И.Г. Бурцев. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2018. С. 168–181.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.
- Жигалов В.М., Бобов А.Г. Болховской рубеж. Белгород: КОНСТАНТА, 2017. 335 с.
- Загидуллин И.К. К вопросу об образовании Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. № 7 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ, 2015. С. 18–23.
- Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
- Загоровский В.П. Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской линии // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. ст. Вып. 2 / Отв. ред. А.Д. Колесников. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 3–13.
- Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города. Казань, 1895. 691 с.
- Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
- Заринский П. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Ч. 1. Старинные сказания об основании Казани. Казань: тип. Губ. правл., 1880. 79 с.
- Зеленева Ю.А. «Укрепления Царевококшайского по-

- сада» // Актуальные проблемы политической и социально-экономической истории Поволжья и Приуралья / Отв. ред. А.Г. Ошаев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. С. 43–47.
- Зеленев Ю.А., Михайлов Е.П., Гордеев В.И.* Археологические исследования в Чебоксарах в 2005 году (отчет) // Чувакская археология. Вып. 1 / Отв. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 223–292.
- Зеленев Ю.А., Сидоров О.А.* Археологические исследования в г. Йошкар-Оле // АОУП. 1994. С. 39–46.
- Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края. XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск: Губ. тип., 1900. VIII, 100, VI, VIII, IV с.
- Зиливинская Э.Д.* Исследования слоев домонгольского времени на городище Самосделка в Нижнем Поволжье // Древность и средневековые Волго-Камья. (Материалы Третьих Халиковских чтений) / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань; Болгары, 2004. С. 75–78.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 289 с.
- Зобов Ю.С.* Оренбургская пограничная линия // Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред.: В.В. Алексеев; РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т истории и археологии. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. 640 с.
- Зорин А.Н.* Планировка и застройка Козьмодемьянска (конец XVIII – начало XX вв.) // Козьмодемьянск / Сост. П.И. Савельев, И.И. Тарьянов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. С. 88–99.
- Зорин А.Н.* Основные этапы формирования планировки Чебоксар (XVI – начало XX вв.) // Вопросы истории и этнографии города / Отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чувак. НИИЯЛИЭ, 1988. С. 8–21.
- Иванов А.Г.* Козьмодемьянск в XVIII веке // Козьмодемьянск / Сост. П.И. Савельев, И.И. Тарьянов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. С. 61–78.
- Иванов А.Г.* Царевококшайск в XVIII веке // Из истории Йошкар-Олы. Йошкар-Ола. 1987. С. 13–20.
- Иванов А.Г.* Царевококшайск в конце XVI–XVIII вв. Очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011. 440 с.
- Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д.* Чуваши: этническая история и традиционная культура. М., 2000.
- Иванова М.Г.* Удмурты в начале II тысячелетия н. э. // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.) / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН, 1995. С. 49–79.
- Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Иванова М.Г.* Удмурты // Финно-угры Поволжья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН, 1999. С. 207–254.
- Измайлов И.Л.* Агония империи // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 724–728.
- Износков И.А.* Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. Казань: Тип. губ. правления, 1885. 228 с.
- Исюмова С.А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 192–222.
- Ильминский Н.И.* Татарские надписи из времен Казанского ханства в Лаишевском уезде // Изв. РАО. М., 1851. Т. III. С. 114–118.
- Инальчик Халиль.* Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб Гирея // Панорама-Форум. 1995. № 3. С. 73–94.
- Исторический атлас Республики Татарстан. Образы и пространство / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Х.М. Абдуллин. Пермь: АСТЕР, 2016. 84 с.
- История Казани. Первая книга / Отв. ред. Я.Г. Абдуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 352 с.
- История Рязанского княжества. Сочинения Д.И. Иловайского с портретом автора. М.: Изд. А.Л. Васильева, 1884. 289 с.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. 960 с.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
- История Татарской АССР. Т. 1. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 558 с.
- История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. М.К. Мухарямова. Казань: Таткнигоиздат, 1968. 719 с.
- История Татарской АССР. Издание второе, доп. / Под ред. М.К. Мухарямова. Казань: Таткнигоиздат, 1980. 256 с.
- История Татарстана. Учебное пособие для основной школы / Под ред. проф. Б.Ф. Султанбекова. Казань: ТаРИХ, 2001. 544 с.
- История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004.
- Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени: Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв. Казань: Мастер Лайн. 1998. 276 с.
- Исхаков Д.М.* Этнографические группы волго-уральских татар: опыт системного анализа. Этнографические группы в составе субэтнуса касимовских татар // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Приуралья и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа / Отв. ред. Р.К. Уразманова, Н.А. Халиков. Казань: Пик, 2002. С. 110–131.
- Исхаков Д.М.* Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 159 с.
- Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории АН

- РТ, 2005. 116 с.
- Йошкар-Ола. 1584–1991. Документы и материалы по истории города / Отв. ред. В.П. Шомина. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 352 с.
- Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 208 с., ил.
- Kazan Kremlin – Казанский Кремль. Фотоальбом / Сост. и авт. текста Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 172 с.
- Казанцев Д.Е. Формирование диалектов марийского языка. (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 159 с.
- Казимов А.С. Козьмодемьянск в первой половине XIX в. // Козьмодемьянск. Йошкар-Ола, 1986. С. 79–87.
- Казимов А.С. Город Царевококшайск в XIX веке // Из истории Йошкар-Олы. Йошкар-Ола. 1987. С. 43–44.
- Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов // Вестник Научного общества татароведения. № 6. Казань, 1927. С. 81–96.
- Калинин Н.Ф. Археологические наблюдения на улицах Казани. (Материалы к «биографии» г. Казани) // Известия Общества археологии, истории, этнографии. Т. XXXIII. Вып. 4. Казань, 1927а. С. 33–38.
- Калинин Н.Ф. Казань 18-го века (по неизданным картографическим и иконографическим материалам) // ИОАИЭ. 1929. Т. XXXIV, вып. 3–4. С. 119–130.
- Калинин Н.Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР / КСИИМК. Вып. XLIV. 1952. С. 52–66.
- Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. (Изд-е 2-е, испр. и доп. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 414 с.
- Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Труды КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 1. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1955. С. 117–138.
- Калинин Н.Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года // Изв. КФАН СССР. Серия гуманитар. наук. Вып. 2. Казань, 1957. С. 201–204.
- Калинин Н.Ф. Археологические раскопки на Чаллыском городище в 1955 году // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 40–65.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Тр. КФАН СССР (сер. ист. наук). Казань: Татар. кн. изд-во, 1954. 128 с.
- Калыгина Ж.С. Дренажные сооружения Царевококшайского посада XVIII–XIX вв. // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы I Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2011. С. 70–72.
- Калыгина Ж.С. Типы погребений Тихвинского некрополя: по материалам раскопок 2016 года // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ. 2015. С. 234–236.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. 2-е изд., М.: Высшая школа, 1975. 214 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.V–VIII. Калуга, 1994.
- Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
- Карнов В.Б. Уржум // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1994. С. 217–234.
- Карнов Э.И. Наконечники стрел Казанского кремля X–XVI вв. // Сборник материалов Итоговой конференции молодых ученых Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ за 2003–2004 годы / Ред. Р.С. Хакимов. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 157–166.
- Карнов Э.И., Старков А.С. Наконечники стрел посадской части города-крепости Свияжск по материалам раскопа «Татарская слободка» // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 155–171.
- Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // ИОАИЭ. 1906. Т. XXI, вып. 4.
- Кафтанников Н.Н. Вид башни так называемого Чортова городища, находящегося близ города Елабуги // «Заволжский Муравей». 1834. Ч. 1, № 6.
- Каховский Б.В. Дохристианский погребальный культ чувашского населения. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981. 19 с.
- Каховский Б.В. Итоги археологических работ 1979–1980 гг. в Чувашской АССР // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Сб. ст. ЧувНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1982. С. 3–51.
- Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1965. 484 с.
- Каховский В.Ф. О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980. С. 35–50.
- Каховский В.Ф., Каховский Б.В. Бахтигильдинский могильник // Исследование по археологии Чувашии. Тр. ЧувНИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978. С. 78–94.
- Келлер А.А. Статистическое описание Царевококшайского уезда Казанской губернии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 154 с.
- Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1877. 444 с.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 181 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1987. Т. 2. 448 с.
- Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
- Книга Малмыжского города // Тр. Вятского УАК. Вып. II–II. Отд. III. Вятка, 1915. С. 45–64.
- Ковалев Р.К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. 2002. № 1. С. 38–50.
- Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9 / Сост. Л.А. Беляев. М.: Музей Москвы, 1996. С. 103–133.
- Коваль В.Ю. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр, 1997. С. 207–212.

- Коваль В.Ю.* Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.
- Коваль В.Ю.* Восточная поливная керамика из раскопок Казанского Кремля // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. С. 23–48, цв. ил.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 270 с., цв. ил.
- Коваль В.Ю.* Импортная глазурованная керамика Московского Кремля (по раскопкам 2007 г.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдинов. Казань – Кишинев: Stratum Plus. 2017. С. 739–763.
- Коваль В.Ю.* Керамика из раскопок на Подоле Московского кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 414–441.
- Коваль В.Ю.* Московская чернолощенная посуда // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2019. С. 383–400.
- Козлов В.Н.* Расселение мордвы-эрзи и мокши // СЭ. 1958. № 2. С. 43–54.
- Козлов Е.И.* Котельнич. На семи ветрах: Очерки истории Котельнича. Котельнич, 2000. 103 с.
- Кокорина Н.А.* О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Археология и этнография Марийского края. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 185–213.
- Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань, 1995. С. 28–32.
- Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. – 1999. – № 1–2.
- Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология, 1999. № 1–2. С. 77–102.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 383 с.
- Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972–1988 гг.) // Татарская археология. 2002–2003. № 1–2 (10–11).
- Кокорина Н.А.* О керамике средневековых Чебоксар // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Кн. 2. С. 203–222.
- Кокорина Н.А., Кузьминых С.В.* Работы на Чаллыском городище // АО – 1983. М., 1985.
- Кокорина Н.А., Кузьминых С.В.* Исследование оборонительных сооружений Чаллынского городища в 1983 г. // Борынги Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 66–75.
- Кокорина Н.А., Останина Т.И.* Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Борынги Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 76–175.
- Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г.* Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Татарская археология, 1999. № 1–2 (4–5). С. 103–134.
- Колеватов Н.А.* Орлов // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1994. С. 147–159.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.
- Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского / Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2019. 456 с.
- Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1899. 15 с., 32 таблицы.
- Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. I. Карты всей России и северных ее областей и Сибири. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1906. 30 с., 25 таблицы.
- Корнилов П.Е.* К орнаментике болгаро-татарского резного камня // МОРПП. 1929а. Вып. 3. С. 53–55.
- Корнилов П.Е.* К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи // МОРПП. 1929б. Вып. 3. С. 1–4.
- Королева Э.В., Харлашов Б.Н.* К вопросу о дворах в средневековом Пскове (По материалам Васильевского раскопа) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2 / Отв. ред В.В. Седов. Псков: Миклош, 1994. С. 77–96.
- Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. 215 с.
- Котляров Д.А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2005. 314 с.
- Кочетков В.Д.* Город-крепость на Суре. Очерки истории города Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2012. 283 с. С. 18–24.
- Кошелев В.И.* По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. Т. XXVI. Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1958. С. 133–173.
- Кошелева Е.А.* Некоторые аспекты охранных археологических исследований в г. Кирове // Музей на рубеже веков: история, состояние, перспективы: Мат-лы Всерос. науч-практ. конф. / Отв. за вып. С.В. Ельшин. Киров: Кировский областной краеведческий музей, 2006. С. 78–84.
- Кокорина Н.А.* О керамике средневековых Чебоксар // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Матер. науч.-практ. конф. / Ред. и сост. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Кн. 2. С. 203–222.

- Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1978. 190 с.
- Краткий кожевенно-обувной технический словарь. М.: Гизлегпром, 1940. 171 с.
- Кривошеков А.И.* На Оренбургской пограничной линии: Очерки прошлого // Вестник Оренбургского учебного округа / Ред. М.А. Миропиев. № 2. Уфа: Электрическая Типо-Литография Товарищества Ф.Г. Соловьев и К°, 1914. Смешанная пагинация.
- Кряжевских А.Л.* Историческая топография г. Малмыжа в XVI–XVII вв. (к постановке проблемы) // Самобытная Вятка: история и культура. Сб. науч. тр. / Ред. А.Г. Поляков, Л.Г. Сахарова, С.А. Косолапов. Киров: Самобытная Вятка, 2008. С. 85–91.
- Кряжевских А.Л.* Историческая топография посадской части г. Хлынова в XVII в. // Мат-лы докл. I Всерос. молод. науч. конф. «Молодежь и наука на Севере» / Отв. ред. А.И. Таскаев. Сыктывкар: КНЦ Уро РАН, 2008. С. 20–21.
- Кряжевских А.Л.* Оборонительные укрепления г. Хлынова (Вятки) в XVII в. // Камский торговый путь: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.М. Калимуллин. Елабуга: ЕГПУ, 2008. С. 110–117.
- Кряжевских А.Л.* История изучения археологических памятников в черте современного г. Кирова // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. № 2 (5). Киров, 2011. С. 137–146.
- Кряжевских А.Л.* Археологические исследования на территории Слободского Христорождественского монастыря в г. Слободском Кировской области в 2015 г. // Обретение святых: сб. материалов IX Межрегион. церковно-науч. конф. / Отв. ред. А. Балыбердин. Киров: Лобань, 2018. С. 181–184.
- Кряжевских А.Л.* Археологические исследования на территории Хлыновского кремля в г. Кирове в 2019 г. // Археологические открытия Кировской области – 2019 / Отв. ред. А.О. Кайсин. Киров, 2021. С. 4–9.
- Кряжевских А.Л., Перевощиков С.Е.* Итоги археологических исследований Хлыновского кремля XIV–XVIII вв. // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 628–630.
- Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. Вып. 205 / Отв. ред. И.Т. Крутликowa. М.: Наука. 1991. С. 71–77.
- Курбатов А.В.* Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом городище в 2001–2002 гг. // Археологические вести. Вып. 11 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2004а. С. 218–225.
- Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004б. 312 с.
- Курбатов А.В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. № 3 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 210–233.
- Курбатов А.В.* Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. Вып. 18 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2012. С. 162–173.
- Курбатов А.В.* Влияние культур Среднего Поволжья (Булгария и Золотая Орда) на кожевенное дело средневековой Руси // Тр. КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь, 2017. С. 90–113.
- Кутюков М.И.* Яранск // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1994. С. 201–216.
- Лавринова Т.И.* Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 95 с.
- Лебедев В.И.* Засеки понизовых городов Русского государства 16 в. // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М.: НИИК, 1990. 137 с.
- Лебедев В.И.* Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведа. № 3 / Отв. за вып. Н.И. Мошнин. Пенза: Пенз. кн. изд-во, 1992. С. 95–97.
- Лебедев В.И.* Засечные черты Русского государства 17 в. на дореволюционных археологических картах // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 137–145.
- Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.
- Лебедев В.П., Клоков В.В.* Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. 2001. № 1–2 (8–9).
- Луппов П.Н.* Шестаков // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1994. С. 160–170.
- Магницкий В.К.* Старые, оставленные кладбища во втором стане Чебоксарского уезда // Казанские губ. ведомости, № 46. 1866.
- Магницкий В.К.* «Археологические достопримечательности во 2 стане Чебоксарского уезда» // Казанские губ. ведомости. 1874. № 12.
- Мадуров Д.Ф.* Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 287 с., ил.
- Макаров Д.М.* Из истории мари. Первобытнообщинный строй – период феодализма конец XVII века. Учебное пособие. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1959, 136 с.
- Макаров Л.Д.* Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Тр. VI Международн. конгресса славянской археологии. Т. 1. Проблемы славянской археологии / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Издательство НПО «Фонд археологии», 1997. С. 296–306.
- Макаров Л.Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. / Отв. ред.

- В.В. Низов. Киров: КОГУП Кировская областная типография, 1999. С. 48–57.
- Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 140 с.
- Макаров Л.Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья / Отв. ред. О.М. Мельникова. Ижевск, 2002. С. 188–228.
- Макаров Л.Д. Русские города Вятского края в исследованиях археологов // Русские в Прикамье: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. / Отв. ред. О.М. Мельникова. Сарапул, 2018. С. 37–49.
- Малиновский К.Н. О задачах исследования Петровского Общества исследователей Астраханского края // Сб. Тр. членов Петровского Общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892.
- Малов П. Городище Старая Казань и город Арск // Зап. Археол. общ-ва. СПб., 1853. Т. V. С. 116–123.
- Малов С.Е. Булгаро-татарские эпиграфические памятники / ЭВ. 1947. Вып. I. С. 37–45.
- Малов С.Е. Булгаро-татарская эпиграфика / ЭВ. 1948. Вып. II. С. 39–48.
- Мальшиев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды. Саратов, 2000.
- Мальцева С.М. Фортификационные особенности Симбирской засечной черты // Вестник СамГУ. 2006. № 10/1 (50). С. 116–129.
- Мамонов В.Ф., Кобзов В.С. Пограничная линия: казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинск: Чел. гос. ун-т, 1992. 116 с.
- Мансуров А.А. К восстановлению границ Касимовского кремля // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1924. С. 9–11.
- Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.
- Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Тр. IV АС в России, бывшего в Казани. Казань, 1891. Т. 1. С. 40–50.
- Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.
- Марков А.С. По следам Разина. Волгоград: Нижне-волжское кн. изд-во, 1980. 144 с.
- Мартынов П. Книга строельная города Симбирска. Симбирск: Губернская типография, 1897. 105, III с.
- Матвеев А.М., Горчаков Д.А. Строитель Симбирска, боярин Б.М. Хитрово. Симбирск: Губ. тип., 1889. 26 с.
- Матвеев Р.В., Кряжевских А.Л. Археологические исследования на территории Хлыновского кремля города Кирова // Археологические открытия 2017 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 298–299.
- Матехина Т.С. Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 23 с.
- Матехина Т.С. Кожаные чехлы для ложек из древнерусских городов // ННЗИА. Вып. 30. Великий Новгород, 2016. С. 213–225.
- Машин М.Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. 192 с.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 154 с.
- Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Учебное пособие. Тамбов: Тамб. ГПИ, 1990. 105 с.
- Михайлов Е.П. Опыт дендрохронологического изучения деревянных сооружений г. Чебоксар (По материалам археологических раскопок 1979 года) // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР / Отв. ред. В.А. Прохорова, П.П. Фокин. Чебоксары: ЧувНИИ ЯЛИЭ, 1982. С. 52–74.
- Мошков М. Город Царевококшайск. Из путевых заметок // Слово о Йошкар-Оле / Ред. и сост. К.К. Васин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. С. 30–49.
- Муратов Н.И. Объекты культурного наследия Чувашской Республики: каталог: [в 2 кн.]. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2011–2012.
- Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с., XXI табл.
- Мухамадиев А.Г., Халиков А.Х., Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО –1997 года / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 1978. С. 187–188.
- Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Ихлас, 2012. 276 с.
- Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник. // Из истории Золотой Орды. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. С.118–133.
- Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты // Археология евразийских степей. 2008. Вып. 6. 132 с. ил.
- Мухаметшин Д.Г. Два монетных клада из Казанского кремля // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 75–119.
- Мухаметшин Д.Г. Г.В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 54–177.
- Мухаметшин Д.Г., Галлямов Р.Г., Хаялиев Р.Р. Предварительные итоги историко-эпиграфической экспедиции в Кайбицкий и Зеленодольский районы РТ // Материалы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Болгар, 2015. С. 52–60.
- Мухаметшин Д.Г., Михайлов Е.П., Иванов В.Н. Эпиграфические памятники Чувашии // Волжская България (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011г.) / Сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 70–79.
- Мухаметшин Д.Г., Ситдииков А.Г. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле // Великий Волжский

- путь. Материалы Круглого стола и Междунар. науч. семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 308–311.
- Набиуллин Н.Г.* Охранно-спасательные раскопки в северо-восточной части Казанского кремля (раскоп XIII). // АОР: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 20–23.
- Набиуллин Н.Г.* Новые данные по археологии средневековой Казани (обзор материалов некоторых охранно-спасательных раскопок) // Татарская археология. 2002–2003. № 1–2 (10–11). С. 32–46.
- Набиуллин Н.Г.* Новое в археологии средневековой Казани // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 167–168.
- Набиуллин Н.Г.* Новые материалы по археологии ханской Казани // Материалы Итоговой науч.-практич. конф. ТГГИ за 2002 г. Казань, 2003а. С. 148–150.
- Набиуллин Н.Г.* Новые материалы по истории средневековой Казани // Восток – Запад: диалог культур Евразии. Вып. 3. Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань; Зеленодольск, 2003б. С. 71–74.
- Набиуллин Н.Г.* Новые данные по археологии средневековой Казани (по материалам раскопов XIII, XLVII, XLVIII) // Современные проблемы археологии России. Том II. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 233–236.
- Назарова И.В.* Опыт реконструкции архитектурно-пространственной структуры крепости Белый Яр середины XVII века // Изв. КазГАСУ. 2008. № 1(9). С. 39–44.
- Налетов А.Г.* План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследие. М.: Стройиздат, 1972. № 19. С. 93–95.
- Наумов Д.А.* Санчурск // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1994. С. 269–284.
- Небольсин П.* Очерки Волжского Низовья. СПб, 1852.
- Нестеров В.А.* Над картой Чувашии (Историко-топонимические заметки). Чебоксары: Чув. кн. изд-во. 1980. 142 с.
- Нефедова М.В.* Технические аспекты выделки кожевенного сырья: опыт применения РФА (по материалам раскопок в Хлыновском кремле) // Археология Евразийских степей. 2019. № 5, 2019. С. 164–170.
- Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Свообразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 225 с.
- Низов В.В.* О времени «поставления» Уржума // Уржумская старина. Краеведческий альманах. № 4. Уржум, 1991. С. 1–7.
- Низов В.В.* Древнейшие известия о Вятском городе Слободском // Сборник материалов науч.-практич. конф., посвящ. 490-летию первого упоминания о городе Слободском в актовом источниках. Слободской: Слободской краеведческий музей, 1995. С. 3–16.
- Низов В.В.* Город Яранск в XVI – начале XVII в. // Наш край. № 4. Яранск, 2000. С. 49–58.
- Низов В.В.* Царево-Санчурск в конце XVI – начале XVII века // Герценка: Вятские записки. Вып. 1 / Отв. ред. С.Ю. Горбачев. Киров, 2000. С. 90–98.
- Никитин А.В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. / САИ. Вып. Е1–34. М.: Наука, 1971. 84 с.
- Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 159 с.
- Никитина Т.Б.* Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УРО, 1999. С. 161–206.
- Никитина Т.Б.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. 2005–2006. № 9. С. 114–130.
- Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2006. 196 с.
- Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. 2012. Вып. 14. 408 с.
- Никольский Н.В.* История мари (Черемис). Казань: Первая государственная типография, 1920. 180 с.
- Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004.
- Новоселова Т.Н.* Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2014. С. 419–425.
- Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва АН СССР, 1948. 448 с.
- Носов К.С.* Военно-оборонительное строительство в России в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 114–124.
- «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.). Ч. 1. Очерки истории / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарский университет, 2013. 360 с.
- «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарский университет, 2014. 254 с.
- Огородников А.Д.* О кожевенном промысле Царевококшайска в XVII–XIX вв. (по результатам раскопок в Йошкар-Оле) // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тез. Междунар. науч. конф. молодых ученых (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб: Невская книжная типография, 2016. С. 284–287.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд. испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
- Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 года. Репринтное воспроизведение издания 1896 г. М.: Археогра-

- фический центр, 1996. XX, 232, [3] с., XXI с. ил.
- Осипов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. М., 2006. Том 7. 202 с.
- Осипов Д.О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском кремле) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 496–498.
- Осипов Д.О.* К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» (по материалам Троицкого раскопа Великого Новгорода) // Вестник НГУ. № 63. Великий Новгород, 2011а. С. 51–54.
- Осипов Д.О.* К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий // АВ. 2011б. № 17. С. 184–192.
- Осипов Д.О.* К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011в. № 4 (46). С. 63–76.
- Осипов Д.О., Лихтер Ю.А.* Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). М., 2004. 68 с.
- Осколков Е.Н.* Кай (Кайгород) // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1994. С. 171–185.
- Островский Д.Н.* Вотяки Казанской губернии // Тр. Общ-ва естествоиспытателей при Имп. Казан. ун-те. Т. 4. № 1. Казань, 1874. 48 с.
- Остроумов В.П.* Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 295 с.
- Очеретин И.А.* Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II / Отв. за вып. Т.Б. Купряшина. Муром: ИВФ Антал, 1994. С. 201.
- Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) // Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1965. 363 с.
- Оятева Е.И.* К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973. С. 105–111.
- Оятева Е.И.* Две публикации средневековой кожаной обуви. Критические замечания // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976. С. 125–129.
- Павленко Ю.А.* К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. / Ред. Е.В. Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001.
- Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 188 с.
- Пантелеев С.А.* Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 92–106.
- Патрушев В.С.* Археологические памятники города Йошкар-Олы // Из истории г. Йошкар-Олы / Отв. ред. К.Н. Сануков. Йошкар-Ола, Мар. кн. изд-во, 1987. С. 138–146.
- Патрушев В.С.* Из прошлого нашей столицы. Йошкар-Ола. 1987а. 79 с.
- Патрушев В.С.* Изразцовая печь в доме первых воевод Царевококшайска // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Апельсин, 2008. С. 268–272.
- Патрушев В.С.* Археология средневековых городов Марийского края // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008а. С. 498–501.
- Патрушев В.С.* Древности Йошкар-Олы: итоги и перспективы археологических исследований // Города Среднего Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 36–44.
- Патрушев В.С.* Изразцовая печь в доме воеводы Царевококшайска // Социокультурные институты и культурные практики в Республике Марий Эл. Сб. науч. ст. Вып. 5 / Ред. С.К. Свечников. Йошкар-Ола: МарГУ, 2020. С. 100–113.
- Патрушев В.С., Патрушева Т.С.* Новые раскопки в Йошкар-Оле // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье / Отв. ред. С.В. Большов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000.
- Патрушев В.С., Фазульянова Д.И.* Кожевенное производство в средневековых городах Марийского Поволжья в археологических источниках // X Игнатъевские чтения. Йошкар-Ола, 2010.
- Пачкалов А.В.* Сведения о золотоордынском населенном пункте, располагавшемся в пос. Комсомольский (Аксарайский) Астраханской области // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции 11 апреля 2007 г. / Ред. Д.В. Васильев, А.М. Липчанский, А.В. Сызранов. Астрахань: АГУ, 2007. С. 131–135.
- Пачкалов А.В.* Города Нижнего Поволжья в XV в. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 58–70.
- Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI вв. (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 338 с.
- Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и в начале XVIII в. (очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленаго, 1882. III, 399, II с.
- Петерсон Г.П.* Странички старины. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 284 с.
- Петренко А.Г., Асылгаева Г.Ш.* Пример видовых остеологических исследований новых материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Древности. Вып. 36. Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Камском регионе / Отв. ред. А.А. Бурханов. М.; Казань: Gumanitarya, 2003. С. 268–276.
- Петров П.Н.* Болгар – 2005. IV ВНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв. // Нумизматика. 2005. № 9.
- Петрова М.П.* Казанские татары – потомки болгар Волги. (Из доклада Петрова П.М. Происхождение чуваш. От 26 февраля 1925 г.) <http://suraman2.narod.ru/qazan.html>
- Пигарев Е.М.* Археолого-этнографические исследования в Астраханской области в 1994 г. // Вопросы кра-

- сведения. Материалы VI и VII краеведческих чтений. Вып. 4–5. Волгоград, 1998.
- Пигарев Е.М.* Нижнее Поволжье на постордынском пространстве (постановка проблемы) // Форум «Идель – Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7–11 декабря 2009 г. Тез. док. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 202–207.
- Пигарев Е.М.* К вопросу о существовании поселка Сартака (причины отсутствия памятников Золотой Орды на правом берегу Волги в Астраханской области // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований (Материалы Всерос. (с междунар. участием) археол. конф. (Астрахань, 29 сентября – 1 октября 2017 г.) / Сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 44–49.
- Пигарёв Е.М.* Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошаик) // Археология Евразийских степей. Казань, 2017а. № 1. С. 283–290.
- Пигарев Е.М.* Городище «Шаренный бугор» (город Хаджи-Тархан) и его округа // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 134–149.
- Пинегин М.Н.* Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. СПб., 1890. С. 604, XXXVI с.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 740 с.
- Поварнин Г.Г.* Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912. 329 с.
- Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдигов. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. 845 с.
- Полюлях А.А.* Факторы возникновения и характер развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV – первой трети XX в. // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. Вып. 1 / Отв. ред. М.В. Моисеев. М.: Музеи Москвы, 2015. С. 9–24.
- Поливанов П.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1900. 71 с.
- Пономарев П.А.* На татарских святынях в Иски Казани (из поездки летом 1904 года) // Казанский телеграф. 1904, 17 октября.
- Попов А.В., Петрова Л.Л., Иванова Г.О., Шургин И.Н.* Троицкая церковь: История. Исследование. Реставрация. / Отв. ред. А.Г. Ситдигов. Казань: ООО «Главди-зайн», 2018. 252 с.
- Попов В.А.* Церковное храмовое зодчество Марийского края XVII–XVIII вв. // Марийский архивный ежегодник. 2006. С. 180–186.
- Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Ком. по делам арх. Администрации Губернатора Нижегород. обл., 2003. 214 с.
- Пушкарев А.А.* Нюрнбергские жетоны как культурно хронологические маркеры эпохи русского освоения Западной Сибири // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. С. 919–929.
- Рабинович М.Г.* Московская керамика // МИА. № 12. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 57–106.
- Рабинович М.Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве при устье Яузы // МИА. 1949. № 12. / Под ред. А.В. Арциховского. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 5–43.
- Рабинович М.Г.* Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА. № 7 / Под ред. А.В. Арциховского. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 55–76.
- Рахимзянов Б.* Касимовское ханство (1445–1552). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 207 с.
- Рахимзянов Б.* Московская Русь и татарские ханства в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 239 с.
- Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 186 с.
- Розенфельд Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 214 с.
- Розенфельд Р.Л.* Инструменты московских ремесленников // Древности Московского кремля. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV / МИА. № 167 / Отв. ред. Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1971. 294 с.
- Россия. Полное географическое описание. Т. 6. М., 1901. 298 с.
- Руденко К.А.* Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология. 2002–2003, № 1–2 (10–11). С. 100–136.
- Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. (Исследование и каталог). Казань: Заман, 2003. 512 с.
- Рудь (Постникова) Н.М.* Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X–XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М.С. Великанова. М.: Наука, 1987. С. 83–141.
- Русские изразцы / Сост. и вступ. ст. Ю.М. Овсянникова. М., 1968. 96 с.
- Русское деревянное зодчество. Альбом / Сост.: Г.И. Мехова. М.: Советский художник, 1965. 132 с.
- Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: Наука, 1974. 117 с.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука. 1981. 497 с.
- Рыбушкин М.* Поездка в Старую Казань // Заволжский муравей. 1833. Ч. III, № 21.
- Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1779 гг. СПб., 1770. 220 с.
- Рычков Н.П.* Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, в 1770 году. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1772. 133 с.
- Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей,

- одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. 184 с. + 16 с. ил.
- Садриев Н.Р., Старков А.С.* Нож с клеймом из раскопа Татарская слободка на территории Остров-града Свияжск // Документ в социокультурном пространстве региона: теория, история, современность / Материалы IV междунар. науч.-практич. конф. (Казань, 1–2 июня, 2021) / Науч. ред.: Л.Е. Савич, А.Р. Абдулхакова; сост. Г.М. Кормишина, Г.В. Матвеева. Казань: Казан. гос. ин-т к-ры, 2021а. С. 307–310.
- Садриев Н.Р., Старков А.С.* Об одном из свидетельств торговых отношений в Свияжске XVI–XVII в.в.: деревянные счетные бирки // Сборник статей научной конференции «Археологическое дерево» (Свияжск, 10–12 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е.В. Карташева. Свияжск: Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск», 2021б. С. 163–167.
- Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Т. 3. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 528 с.
- Самарянов В.* Села и состоящие при них деревни Ветлужского уезда, жители которых несомненно потомки черемис // Казан. губ. ведомости, 1876, № 27.
- Саначин С.П.* Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2018. 287 с.
- Сануков К.Н.* Царев город на Кокшаге // Йошкар-Ола. Очерки о столице Марийской республики. Йошкар-Ола, 1984. С. 24–31.
- Сануков К.Н.* Основание города Козьмодемьянска // Козьмодемьянск. Йошкар-Ола, 1986. С. 35–51.
- Сануков К.Н.* Основание Царева города на Кокшаге // Из истории города Йошкар-Олы. Йошкар-Ола, 1987. С. 6–14.
- Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт. Сб. ст. преподавателей пединститута. Саранск, 1952.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960. 279 с.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций / Сост. И.Б. Муслимов. М.: Инсан, 1996. С. 227–526.
- Свечников С.К.* Комментарии к работе М. Г. Худякова «История покорения Малмыжского края» // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край. Йошкар-Ола: Марийс. полиграфкомбинат, 2003. С. 225–230.
- Свечников С.К.* Присоединение марийского края к Русскому государству. <http://www.piorme.narod.ru/g22.htm>
- Селезнева А.И.* Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 78–87.
- Семенов В.* Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. 1836.
- Семенова Н.Л., Талаев А.В.* Создание Оренбургской пограничной линии в 30-е гг. XVIII в. // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций: Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практич. конф., Стерлитамак, 25 октября 2018 г. / Отв. ред. Р.И. Кантимирова. Стерлитамак: Стерлитамак. филиал ФГБОУ ВО "Башкирский государственный университет", 2018. С. 219–222.
- Сенникова Л.А.* Захоронения позднего средневековья на Вятской земле // Музеи – хранители культурного наследия: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Киров: О-Краткое, 2009. С. 145–154.
- Сенникова Л.А.* Топография археологических памятников // Слободской и слобожане: материалы XIV научно-практической конференции. Слободской, 2001. С. 63–68.
- Сенеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.) Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 244 с.
- Сереженикова Д.С.* Железные бытовые предметы с клеймами из раскопок в Великом Новгороде XIII – первой половины XV века. 2020. // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 186. С. 175–182.
- Синиченко В.В., Черных В.В.* Засака – одна из разновидностей первых фортификационных сооружений на Руси // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2011. № 1 (56). С. 108–115.
- Ситдииков А.Г.* Н.Ф. Калинин – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. С. 41–62.
- Ситдииков А.Г.* Наследница Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 157–162.
- Ситдииков А.Г.* Казань – ханская столица // Кол Шәриф һәм аның заманы – Кул Шариф и его время / Ред. М. Ахметзянов, А. Хасанов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005а. С. 68–93.
- Ситдииков А.Г.* Археологическое изучение ханской Казани (по материалам исследований Казанского кремля 1994–2003 гг.) // Татарская археология 2005. № 1–2 (14–15). С. 24–62.
- Ситдииков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с.
- Ситдииков А.Г.* Волжская торговля в XV–XVI вв. // Татарская археология. 2006а. № 3–4 (18–1). С. 170–189.
- Ситдииков А.Г.* Археологические памятники Казанского ханства: локализация и своеобразие // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 152–155.
- Ситдииков А.Г.* Волго-Окский регион лесостепной полосы в эпоху Казанского ханства // Археология евразийских степей. Вып. 12. Болгарский форум I. Материалы Междунар. Болгарского форума. 19–21 июня 2010 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 163–168.
- Ситдииков А.Г.* Средневековая Казань: историко-археологическое исследование (XI – первая половина XVI вв.). Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Казань, 2013. 59 с.

- Ситдиков А.Г.* Вещественные источники // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV (Татарские государства XV–XVIII вв.) / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014. С. 49–52.
- Ситдиков А.Г.* Поселения Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV (Татарские государства XV–XVIII вв.) / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014а. С. 378–383.
- Ситдиков А.Г., Ахметгалин Ф.А.* Итоги программы «Волго-Окское междуречье в эпоху средневековья» в 2007 г. / Фаизхановские чтения. Материалы V науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2009. С. 53–55.
- Ситдиков А.Г., Старков А.С.* Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: «Мастер-Граф», 2022. 500 с.
- Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Старо-Татарской слободы // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. Материалы науч.-практич. конф. Казань, 28 февраля – 1 марта 2000 г. / Науч. ред. Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 58–61.
- Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Ханская Казань в свете новых археологических исследований // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2008. № 2. С. 46–59.
- Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Некоторые итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. 2009. № 1. С. 99–111.
- Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Сивецкий М.В.* Новые исследования мавзолея казанских ханов (предварительное сообщение о раскопках 2004–2005 гг.) // Археология евразийских степей. Вып. 11 (Урало-Поволжье в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф. V Халиковские чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. С. 222–223, цв. вкладка на 4 лл.
- Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* К ранней истории города Арска // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 5–15.
- Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г., Булыгин А.И.* Клады Казанского кремля ханского времени // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 309–316 с.
- Смирнов А.П.* Работы Поволжской экспедиции 1960 г. // Памятники раннего средневековья / КСИА. Вып. 90 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 25–32.
- Смирнов И.Н.* Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. 255 с.
- Смирнов И.Н.* Археологическая экскурсия в район Старой Казани (Иски Казань) // ИОАИЭ. 1901. Т. XVII. Вып. 4.
- Смолин В.Ф.* Археологические заметки к топографии Кремля // Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1926. № 4. С. 72–74.
- Соколова Н.Е.* Хозяйственные комплексы Орлова XIV–XVIII вв. // III Оборинские чтения: мат-лы археол. конф. / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь, 2002. С. 68–73.
- Спасский Н.А.* Очерки по родоноведению. Казанская губерния. Изд-е 2-е, испр. и доп. Казань, 1912. 376 с.
- Спицын А.А.* Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881. С. 25–90.
- Спицын А.А.* Каталог древностей Вятского края // Памятная книга Вятской губернии на 1882 год. Вятка, 1883. С. 25–91.
- Спицын А.А.* К истории Вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1888. Отд. V. С. 208–234.
- Спицын А.А.* Отчёт о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 77–94.
- Спрыжков Д.В.* О форме для производства складня, найденной в городе Чебоксары // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 223–225.
- Спрыжков Д.В.* Предварительный отчет об археологических раскопках выявленного объекта археологического наследия «Чебоксарский производственный комплекс конца XVII–XVIII веков». Чебоксары, 2016. 35 с.
- Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.): учеб. пособие / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 384 с.
- Старилов Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков, рисунками со знамен и карты. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1891. 249 с.
- Старостин П.Н., Казаков Е.П.* Булгарское поселение в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола, 1992. С. 125–142.
- Старые Чебоксары: археология, история, топонимика / Сост. и науч. ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. 191 с.
- Столетие Вятской губернии. 1780–1880: сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. 110 с.
- Стоянов А.Н.* Отчет о раскопках древних могил и курганов в Лаишевском и Спасском уездах Казанской губернии // Приложение к протоколу ПЗОЕ. Казань, 1871. № 23, 22 с.
- Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.
- Стрикалов И.Ю.* Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна / Отв. ред. И.В. Белоцерковская, В.П. Челябинов. Рязань: ГИМ, 1996. С. 146–159.
- Сулова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар

- Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 312 с.
- Сысак Н.С. Антропологическая характеристика населения так называемой буртасской культуры // КСИЭ. 1952. Вып. 4. С. 91–95.
- Сысоева М.В. Первые письменные известия об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 539 с.
- Татищев В.Н. История Российская. Ч. 4. М., 2003. 595 с.
- Терентьев А.И. Чебоксары и чебоксарцы: записки краеведа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 223 с.
- Тимофеева Е.Г., Васильев Д.В., Лебедев С.В., Сызранов А.В., Карнаухова Г.Г. Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Астрахань: Нова, 2009. 210 с.
- Тинский А.Г. Планировка и застройка г. Вятки в XVII–XIX вв. Киров: Волго-вятское кн. изд-во. Киров. отделение, 1976. 226 с.
- Тинский А.Г. Планировка, застройка и архитектура города // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1995. С. 34–69.
- Тинский А.Г. Жилище и усадьба горожан XVII–XVIII вв. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура. Киров, 1996. С. 15–21.
- Тинский А.Г. Монастырские ансамбли XVII в. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1996а. С. 43–46.
- Тишин Д.В. Дендрохронологический анализ археологической древесины острова Свяжск. // Сб. ст. науч. конф. «Археологическое дерево» (Свяжск, 10–12 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е.В. Карташева. Свяжск: Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свяжск», 2021. С. 201–204.
- Токарев А. 2014. Возвращение грузинских царей. // politcom.ru. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://politcom.ru/17027.html>
- Тревер К.В. Собака-птица: Сэнмурв и Пас кудж // Из истории докапиталистической формации. М.; Л., 1933. С. 314–325.
- Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. // Археология Юго-востока Руси. Материалы IV научной конференции / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 237–247.
- Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Тр. ИЭ АН СССР. (Нов. сер.). Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 264 с.
- Усманов В.М. Эпиграфические памятники Приуралья / Научный Татарстан. 2018. № 2. С. 86–95.
- Усманов В.М. Татарские эпиграфические памятники Республики Башкортостан: Чишма. Казань: ИЯЛИ АН РТ. 2021. 48 с.
- Усманов В.М. Татарские эпиграфические памятники. 13-я книга. Азнакаевский район. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2022.
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 317 с.
- Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды: каталог выставки / Авторы: Елихина Ю.И., Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф. СПб.: Славия, 2000. С. 26–46.
- Ухов С. Чепца и удмуртский вопрос. <http://www.glybrary.ru/cheptza-i-udmurtskiy-vopros-3/>
- Ухов С. История Вятки как часть этнической истории восточной Европы http://hronos.km.ru/statii/2006/vyatka_uhov.html
- Фатюнина О.А. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV–XVI века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 217–221.
- Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 126 с.
- Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 175–201.
- Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4. С. 113–122.
- Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.
- Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 215 с.
- Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана (древность и средневековье). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 304 с.
- Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 407 с.
- Федоров В.М., Матехина Т.С., Осипов Д.О. К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Зап. ИИМК РАН. № 6 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 199–211.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
- Федулов М.И. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. С. 104–114.
- Филиппов А.Г., Катанов Н.Ф. «О двух татарских памятниках, находящихся близ с. Старого Тябердино Цивильского уезда, и одним армянском, в с. Кирельском Тетюшского уезда». // Инородческое обозрение. 1914. Кн. 6. С. 465 / В кн.: Гариф Н.Г. Казан ханлыгы чоры ташъязмалары. Казан, ТФА. Тарих институты басмаханәсе, 2010. С. 62–67.
- Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М.: Индрик, 2007. 408 с.; ил.
- Фукс К. Краткая история Казани. Казань. 1817. 60 с.
- Хакимзянов Ф.С., Халиков А.Х. О книге: *Chuvash studies*. Budapest, 1982. // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1983. С. 162–166.
- Хакимов Р.С. Метаморфозы духа. (К вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань: ИделPress, 2005.

- 304 с.
- Халиков А.Х.* История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии // Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1983. С. 111–138.
- Халиков А.* Что, башня, в имени твоём? // Татарстан. 1992. № 11–12. 60–65 бб.
- Халиков А.Х.* Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле (по материалам раскопок 1977 года) // Мавзолей Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997. С. 22–49.
- Халиков А.Х.* Алабуга–Елабуга. История возникновения города Алабуга–Елабуга и исследования Елабужского городища в 1993 году. Елабуга, 1997а. 32 с.
- Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. 336 с.
- Халиков А.Х., Шавахин Л.С.* Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов. Казань: Изд-во «Фест», 1996. С. 298–350.
- Халит Н.* Ханская Казань глазами ее современников // Татарстан. 1996. № 8. С. 46–57.
- Халит Н.Х.* Полемика вокруг реконструкции мечети Кул-Шарифа в Казанском кремле: политические аспекты защиты татарского архитектурного наследия // Ислам в татарском мире: история и современность. (Материалы Междунар. симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г.). Казань, 1997. (“Панорама-форум”, 1997, № 12. Спец. выпуск). С. 233–250.
- Халит Н.* Загадочный собеседник. Вид Казани XVI века // «Казань». 1999. № 5–6. С. 44–45.
- Халит Н.* Архитектура ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань: Мастер-Лайн, 1999а. 232 с.
- Халит Н.* Мечети средневековой Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 183 с., ил.
- Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 335 с.
- Хамидуллин Б.Л.* «...Окаянная дочь Златой орды...»: очерки и историографические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 295 с.
- Харин Е.* История страны Вятской // Град небесный слободской. Литературно-исторический альманах. http://skygrad.narod.ru/texts/skvoz_veka3.htm
- Хафизов Д.И.* Ожидание открытий. Казань на географических картах XVI–XVII веков // «Казань». 1999в. № 5–6. С. 38–43.
- Хафизов Д.И.* Казань на географических картах XIV–XVII веков. Краткий обзор // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 151–172.
- Хлебников А.В.* Город до революции (1584–1917) // Краткий очерк истории Йошкар-Олы. Йошкар-Ола, 1984. С. 7–24.
- Хлебникова Т.А.* Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // История, археология, этнография мари / Труды МарНИИ. Вып. XXII / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 148–169.
- Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года) / Ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1967. С. 85–92.
- Хлебникова Т.А.* О третьем слое и поздней керамике городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1979. С. 223–228.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
- Хлебникова Т.А.* Неполновальная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.
- Хлебникова Т.А.* Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 244–253.
- Хлебникова Т.А.* Керамика V слоя Казанского кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 41–53.
- Хованская О.С.* Новые данные о городе Болгаре // КСИ-ИМК. Вып. XXXVIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР. С. 120–127.
- Хомяков М.М.* Где была Старая Казань? // ИОАИЭ. 1911. Т. XXVII, вып. 6. С. 625–639.
- Хохряков В.Х.* О сторожевых чертах в Пензенской губернии. XVI–XVII вв. // Тр. Пензенской УАК. Кн. 1. Пенза: Тип. губернского правления, 1903. С. 1–53.
- Худяков М.Г.* Исторический очерк города Малмыжа // Тр. ВУАК. Вып. I–II. Отд. III. Вятка, 1916. С. 6–20.
- Худяков М.Г.* К истории казанского зодчества // Казанский музейный вестник. 1920. № 5–6. С. 15–36.
- Худяков М.Г.* Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Вестник Научного общества татароведения. 1930. № 9/10.
- Худяков М.Г.* Казань в XV–XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 7–25.
- Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. (изд-е 3-е, доп.). М: ИНСАН, 1991. 320 с.
- Хузин Ф.Ш.* К вопросу о «Старой» и «Новой» Казани // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Материалы науч. конф. / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань, 1995. С. 41–43.
- Хузин Ф.Ш.* Новые открытия в Казанском кремле (предварительное сообщение о раскопках 1997 г.) // Tatarica. 1997/98. № 1. С. 133–137.
- Хузин Ф.Ш.* Еще раз об Иски Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 181–185.

- Хузин Ф.Ш. Территория // Волжская Булгария и Великая степь. Т. 2 / История татар с древнейших времен в семи томах / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2006. С. 132–136.
- Хузин Ф.Ш. К вопросу о происхождении татар-мишарей: болгарские памятники и памятники со следами присутствия булгар в Волго-Окском регионе // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 1. Казань, 2009. С. 13–32.
- Хузин Ф.Ш. Волжские булгары, славяне и Древняя Русь: культурно-экономические и этнополитические связи в раннем средневековье // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Междунар. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. (Тр. Гос. Эрмитажа. XLIX) / Ред. Б.С. Короткевич, Д.А. Мачинский, Т.Б. Сениченкова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 227–234.
- Хузин Ф.Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолиант, 2011. 468 с.
- Хузин Ф.Ш., Газимзянов И.Р. Историческая атрибуция захоронений из мавзолеев Казанского Кремля // Мавзолеи Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Панорама-Форум, 1997. С. 7–21.
- Хузин Ф.Ш., Газимзянов И.Р., Губайдуллин А.М., Гарипов Н.Г. Чаллыинское городище: проблемы сохранения, исследования и музеефикации // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. Казань, 1997. С. 81–84.
- Хузин Ф.Ш., Нигаматов А.З. Археологические исследования Чаллыинского городища // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 175–202.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Новые исследования в Казанском Кремле // АО – 1994 / отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1995. С. 241–244.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Средневековая Казань // Очерки по археологии Татарстана. Казань: Школа, 2001. С. 225–251.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Древняя Казань. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 154 с.
- Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Исследования на территории Арского городища // АО – 2006 года / Отв. ред. С.В. Кузьминых, С.З. Чернов. М.: Наука, 2009. С. 495–496.
- Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдииков А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 35 с.
- Челяпов В.П. В поисках Городца Мещерского // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 4. Рязань, 2003. С. 11–31.
- Челяпов В.П. Археологические исследования в г. Касимове. Фаизхановские чтения. Материалы Пятой ежегодной науч.-практич. конф. / Отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.; Нижний Новгород: Издат. дом «Медина», 2009. С. 65.
- Черная М.П. Томский Кремль середины XVII–XVIII в. Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. 187 с.: илл.
- Чернов С.З. К хронологии Московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 20–32.
- Чернов С.З. К хронологии Московской керамики XV–XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 50–58.
- Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства // Археология и этнография Татарии. Вып. 1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 272–292.
- Чечулин Н.Д. О так называемой карте царевича Федора Борисовича Годунова // ЖМНП. 1903. Ч. CCCXXXVI. С. 551–597.
- Чугунов С.М. О костях, найденных в Симбирске // Приложения к протоколам заседаний Общ-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те за 1877–1878 гг. Казань: Изд-во Казан. имп. ун-та, 1878. С. 1–10.
- Чугунов С.М. Материалы для антропологии востока России (Отчет о раскопках древних кладбищ в г. Симбирске и его окрестностях в 1878 г.) // Тр. Общ-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. Т. VIII, Вып. 5. Казань: Изд-во Казан. имп. ун-та, 1879. 64 с.
- Чугунов С.М. Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. I. Исследование скелета мордвы // Приложение к протоколам заседаний Общ-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те за 1881–1882 гг. Казань: Изд-во Казан. имп. ун-та, 1882. С. 1–34.
- Чураков В.С. Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всерос. науч. конф. Уфа, 2005.
- Чураков В.С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар. № 2 (2) 2007. С. 79–100.
- Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. 20 с.
- Шакиров З.Г. К вопросу о средневековых древностях на территории г. Лаишево // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2010 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. С. 231–232.
- Шакиров З.Г. Русские монеты с арабскими надписями из кладов Казанского кремля // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 82–84.
- Шакиров З.Г. Объекты дорегулярной застройки свияжского посада в XVIII в. (по материалам археологических исследований 2006–2010 гг.) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всерос. семинара / Сост. И.Г. Бурцев. Тула: Куликово Поле, 2013. С. 228–241.
- Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 184–212.
- Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Некоторые

- итоги археологических исследований на территории Арского городища в 2006–2008 гг. // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 24–30.
- Шамин С.М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. 2005. № 1 (19). С. 23–38.
- Шикаева Т.Б.* Марийцы конца XVI – начала XVIII вв. (по материалам могильников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Шостын Н.А.* Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX века. М.: Изд-во стандартов, 1975. 275 с.
- Шапран И.Г.* Предварительные итоги исследования Грековского могильника на Средней Вятке // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск, 1984. С. 88–109.
- Шапран И.Г.* Малиновский могильник XVI–XVII вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск : НИИ при СМ Удм. АССР, 1987. С. 112–122.
- Шапран И.Г., Сенникова Л.А.* Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 28. Ижевск, 2014. 248 с.
- Шатый Г.А.* Накладки на сборные рукояти ножей XVI–XVII вв. из полисандра чернодревесного (DALBERGIA MELANOXYLON): предварительное сообщение по материалам раскопа «Татарская слободка» в Свияжске // Сб. ст. науч. конф. «Археологическое дерево» (Свияжск, 10–12 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е.В. Карташева. Свияжск: Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск», 2021. С. 205–211.
- Шикаева Т.Б.* Памятники XVI–XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья: к вопросу о культурно-этническом единстве // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола, 1985.
- Шишкин И.* История города Елабуги. М., 1871. 53 с.
- Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. Касимов: типография Г.А. Фицнера, 1889. 172 с.
- Шнайдитейн Е.В.* О происхождении астраханских татар // Материалы Второй краеведческой конф. Астрахань, 1989.
- Шнайдитейн Е.В.* Средневековый Мошаик // Материалы Четвертой краеведческой конф. Часть II. Астрахань, 1992.
- Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. 585 с.
- Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН 1992. 264 с.
- Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования, Ижевск, 2001.
- Шутова Н.И.* Краткие сведения о рекогносцировочных исследованиях Арского городища (1983–1984) // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 5–23.
- Эммаусский А.В.* Очерки истории Вятской земли в XVI – начале XVII вв. Киров: Кировское областное государственное издательство, 1951. 72 с.
- Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров: Кировское книжное издательство, 1956. 243 с.
- Эммаусский А.В.* Вятская земля в XVI в. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1995. С. 27–35.
- Эммаусский А.В.* Культура Вятского края XVII вв. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История / Отв. ред. В.А. Ситников. Киров: Вятка, 1995. С. 67–74.
- Эммаусский А.В.* История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров: Кировская областная типография, 1996. 269 с.
- Эммаусский А.В.* Исследования по истории Вятской земли. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 320 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIA (42): Нэшвилль-Опацкий / Ред. К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Семеновская Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. 551 с.
- Эрдман Ф.И.* Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургской губернии // «Заволжский Муравей». 1834. Ч. 1, № 2.
- Юсунов Г.В.* Татарские эпиграфические памятники XV века. (К вопросу о происхождения казанских татар) // ЭВ. 1951. Вып. V. С. 78–94.
- Юсунов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 332 с.
- Юсунов Г.В.* Новые находки эпитафий периода Казанского ханства // ЭВ. 1963. Вып. XVI. С. 72–78.
- Юсунов Г.В.* Булгаро-татарская эпиграфика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1971. С. 217–231.
- Юсунов Г.В.* Итоги полевых эпиграфических исследований 1961–1963 гг. в Татарской АССР // ЭВ. 1972. Вып. XXI.
- Юсунов Г.В.* Эпиграфические памятники Атнинского района Республики Татарстан // Татарская археология. 2005. № 1–2 (14–15). С. 71–91.
- Юсунов Р.М.* Краниология башкир. Л.: Наука, 1989. 198 с.
- Юшков А.[И.]* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М.: Унив. тип., 1898. 415 с.
- Яблонский И.* Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов Васильевского, Нижегородского и Козьмодемьянского Казанской губернии // Современный листок. 1865, № 50.
- Яблонский Л.Т.* Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М.С. Великанова. М.: Наука, 1987. С. 142–236.

- Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. IX, 321 с.
- Bodnariuc N., Dergaciova L., Mordovin M.* Descoperiri numismatice și arheologice din nordul Bucovinei [Archaeological and numismatic discoveries in Northern Bukovina] // *Arheologia Moldovei*. 2019. XLII. P. 107–134.
- Georgi I.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. SPb., 1775. Bd. II. S.507–908.
- Lane-Pool S.* Catalogue of Oriental coins in the British Museum. Vol. VI. Coins of the Mongols. L., 1881. P. LXIV.
- Le khanat de Crimee dans les Archives des Musée du Palais de Topkapı.* P., 1978. P. 323.
- Mordovin M.* A Collection of Fifteenth- and Sixteenth-Century Cloth Seals from Szolnok // *Genius loci Laszlovszky 60* / edited by Dóra Mérai And Ágnes Drosztmér, Kyra Lyublyanovics, Judith Rasson, Zsuzsanna Papp Reed, András Vadas, Csilla Zatykó. Budapest: Archaeolingua, 2018. P. 285–288.
- Valiev R.R., Sitdikov A.G., Shakirov Z.G.* Archaeological survey of wooden remains from 16th–19th century Sviyazhsk // *Terra sebvys*. Vol. S. 2014. P. 305–329.
- Ribakov B.* The Rusalii and the God Simargl-Pereplut // *Soviet Anthropology and Archaeology*. 1968. Vol. VI. N 4. P. 34–59.
- Атласи И.* Себер тарихы. Сөембикэ. Казан ханлыгы / Төзүчө, кереш сүз, искөрмөлөр һәм белешмөлөр авторы С. Алишев. Казан, 1993.
- Атласи И.* Сайланма эсэрләр. Ике томда. 1 том. Себер тарихы. Сөембикэ. Казан ханлыгы / Фәнни мөхәррир М. Госманов. Казан: Жыен, 2009. 560 б.
- Вәлиди Әхмәт-Зәки.* Кыскача төрек-татар тарихы / Төзүчө, искөрмә-аңлатмалар, ахыр сүз авторы Равил Әмирхан. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 181 б.
- Гайнетдинов А.М.* Арча районы эпиграфик истәлекләре. Казан: РТ ФА Ш. Мәржәни исемендәге Тарих институты, 2016. 456 б.
- Гали Рәхим.* Татарларның XVI нчы йөздән калган эпиграфия ядкәрләре // *Гали-Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьентык* / Төз. Р. Мәрданов, И. һадиев. Казан: Жыен, 2008. Б. 282–283.
- Гариф Н.Г.* Казан ханлыгы. (Оешу тарихы, идарә системасы, админстратив бүленеше һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре.) Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 175 б.
- Гариф Н.Г.* Казан ханлыгы чоры ташъязмалары. Казан: ТФА Тарих институты басмаханәсе, 2010. 128 б.
- Гариф Н.Г.* Болгар-татар ташъязмалары / Булгаро-татарские надгробные камни. Казан: Иман, 2012. 208 б.
- Гобәйдуллин Газиз.* Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр / Төзүчө, текст, искөрмә һәм исемнәр күрсәткечен әзерләүчеләр С.Х. Алишев, И.А. Гыйләжев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 334 б.
- Каюм Насыири.* Археология материаллары. (Зөя өязе авыллары буенча) / Сайланма эсэрләр. Икенче том / Ред. Я.Г. Абдуллин, С.Х. Алишев, М.Х. Гайнуллин һ.б. Казан: Татар. кит. нәшр. 1975. Б. 7–44.
- Кол Шәриф.* И күнел, бу дөньядыр... Газәлләр, кыйс-са / Төзүчө, кереш сүз һәм искөрмөләр авторы Ә. Шәрипов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997.
- Мәрданов Р., һадиев И.* Кече Кайбычтагы борынгы кабер ташлары // *Гасырлар авазы. Эхо веков*. 2005. № 2 (41). Б. 98–101.
- Мәрданов Р.Ф., Ирек һадиев И.Г.* Әгерже төбәгенә ташъязма истәлекләре. Казан: “Тамга”, 2008. 148 б.
- Мәржәни Ш.* Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр) // *Тәржемә итүче һәм төзүчөсе Ә.Н. Хәйруллин*. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 415 б.
- Мөхәммәдъяр.* Төхфәи мәрдан. Нуры содур. Поэмалар / Төзүчө, кереш сүз һәм искөрмөләр авторы Ш.Ш. Абилов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1966. 150 б.
- Мөхәммәдъяр.* Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 336 б.
- Мөхәммәт Әмин.* Могжизнамә / Төзүчө, иске татар теленнән гамәлдәге язуга күчүчө, кереш мәкалә авторы М. Гайнетдин. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 295 б.
- Нәккаш-Исмәгыйл Н.* Христиан чиркәвендә мөселман ядкәрләре // “Мәдәни Жомга”, 1997. № 18. Б. 4.
- Солтанов Р.И.* Ханлык чорында Болак арты Казаны // Проблемы истории, культуры и развития языков Татарстана и Волго-Уральского региона: Материалы V Регион. науч.-практич. конф. молодых ученых и специалистов. Казань, 2002. С. 192–199.
- Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. Том 1. Урта гасырлар дәвере / Жавап. ред. Ш.Ш. Абилов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 567 б.
- Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / Төзүчө, кереш мәкалә һәм искөрмөләр авторы С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 368 б.
- Усманов В.М.* Тарихи ядкәрләр. 1 нче китап. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2005. 168 б.
- Усманов В.М.* Тарихи ядкәрләр. Икенче китап. Эстәрлетамак, 2005. 366 б.
- Усманов В.М.* Татар ташъязма ядкәрләре (унынчы китап). Мөслим районының эпиграфик һәйкәлләре. Казан, 2022. 304 б..
- Фәхретдин Р.* Алтын Урда ханнары. Ханы Золотой Орды / Р. Әмирхан эшкәртүендә. Казан, 1995а. 127 б.
- Фәхретдин Р.* Казан ханнары / Төзүчө, кереш сүз һәм искөрмөләр авторы Равил Әмирхан. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995б. 189 б.
- Фәхреддинов Ризәддин.* Болгар һәм Казан төрекләре / Тәржемәче һәм төзүчө Ә.Н. Хәйруллин. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 287 б.
- Яхин А.Г., Бакиров М.Х.* Фольклор жанрларын система буларак тикшерү тәҗрибәсе. (Мәзәкләр, бәетләр). Казан: Казан дөүләт ун-ты нәшр., 1979. 212 б.
- Әмирхан Х.* Болгар тарихы // *Мирас*. 1994, № 10. 109–112 бб.
- Әхмәтҗанов М.И.* Арча төбәгенә эпиграфик истәлекләре // Арча төбәге тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр. 1996. Б. 39–52.
- Әхмәтҗанов М.И.* Олы Жәке ташъязмасы тарих сөйлә // *Гасырлар авазы*. 1998. № 3–4, 4 нче тышлык бит (фото).
- Әхмәтҗанов М.И.* Биектау төбәгенә 13–17 гасыр-

ЛИТЕРАТУРА

- лардан калган татар эпитафиясы // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. Казань, 1999. С. 90–123.
- Әхмәтҗанов М.И. Үлгәннәрнең каберен бел: Әлмәт төбәге эпитафия истәлекләре. Казан: Мәгариф, 2000. 159 б.
- Әхмәтҗанов М.И. Татар дәрбәләре тарихына // Татарская археология № 1–2 (10–11), 2002–2003. Б. 137–167.
- Әхмәтҗанов М. Казан тарихыннан // Фән һәм Тел. 2005. № 3. Б. 8–18.
- Әхмәтҗанов М.И. Касыйм шәһәре зираты эпитафия поэзиясе // Әдәби мирас һәм текстология. Казан, 2008. Б. 82–90.
- Әхмәтҗанов М.И. XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре. Казан, 2011. 260 б.
- Җадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф. Кукмара төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан: Милли китап нәшрияты, 2014. 204 б.
- Җадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф. Мамадыш төбәгенең ташъязма истәлекләре Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 199 б.
- Җадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф. Балтач төбәгенең ташъязма истәлекләре. Яр Чаллы: “Ислам нуры” дини-эшмәкәрлек үзәге, 2021. 212 б.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГОИАМЗ – Астраханский государственный (областной) историко-архитектурный музей-заповедник.
- АМ – Археологический музей.
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.
- АО – Археологические открытия. М.
- АОТ – Археологические открытия в Татарстане. Казань.
- АП – Археология Подмосковья.
- АС – Археологический съезд.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственно-го Эрмитажа. СПб.
- АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
- ВНОТ – Вестник Научного общества татароведения. Казань.
- ГАУО – Государственный архив Ульяновской области.
- ГИАХМЗ – Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- ГИМ – Государственный исторический музей. М.
- ЕГМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного образования. СПб.
- ДонГУ – Донецкий государственный университет.
- ИА – Институт археологии АН СССР (РАН).
- ИАК – Известия Археологической комиссии.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры.
- ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
- ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР.
- КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция (ПГГПУ).
- КАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет.
- КГУ – Казанский государственный университет.
- Казанский инженерно-строительный институт.
- КНЦ – Казанский научный центр Российской академии наук.
- КОГАУ – Кировское областное государственное архивное управление.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Института археологии АН СССР. М.
- КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
- КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР.
- КФУ/К(П)ФУ – Казанский (Приволжский федеральный университет).
- МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России.
- МарНИИЯЛИЭ (МарНИИ) – Марийский научно-исследовательский институт, языка, литературы, истории и экономики. Йошкар-Ола.
- МГУ – Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МОиН РТ – Министерство образования и науки Республики Татарстан.
- МордНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт, языка, литературы, истории и экономики. Саранск.
- МОРПП – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань.
- НА РИАМЗ – Научный архив Рязанского историко-археологического музея-заповедника.
- НГУ – Новгородский государственный университет.
- НИА СПб ИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
- НМ РТ – Национальный музей РТ. Казань.
- НПЦ – Научно-производственный центр.
- НФ МАРТ – Научный фонд Музея археологии Татарстана Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.
- НЦАИ – Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова Института истории АН РТ.
- ОИАК (ОАК) – Отчеты Императорской археологической комиссии.
- ОКН – Объекты культурного наследия.
- ОПИ – Отдел полевых исследований Института археологии РАН.
- ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РА – ж. «Российская археология». М.
- РАН – Российская академия наук.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГО – Русское Географическое общество.

РИВМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

РМЭ – Республика Марий Эл.

РФ МАРТ – Рукописный фонд Музея археологии Татарстана.

СА – ж. «Советская археология». М.

САИ – Свод археологических источников. М.

СамГУ – Самарский государственный университет.

СарГУ – Саратовский государственный университет.

СЭ – ж. «Советская этнография». М.

УАК – Ученая архивная комиссия.

ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт. Казань.

УдГУ – Удмуртский государственный университет.

УдмНИИ ИИЯЛ (УдмНИИ) – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Ижевск.

УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук России.

ЦАЭИ МарГУ – Центр археолого-этнографических исследований Марийского государственного университета.

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.

ЧувНИИ ЯЛИЭ (ЧувНИИ) – Чувашский научно-исследовательский институт, языка, литературы, истории и экономики. Чебоксары.

ЭВ – Эпиграфика Востока. М.

УКАЗАТЕЛИ

Именной указатель

- Абдуллин Х.М. 6
Айдаров С.С. 52, 54, 201
Айдарова-Волкова Г.Н. 54
Акимов Н.А. 403
Акимова М.С. 403
Акимовский С.Ю. 285, 287
Алексеев В.П. 189, 190, 192
Алексеева Т.И. 189, 190
Алешковский П.М. 285
Али-Рахим 171, 173, 178, 180, 443, 446
Алихова А.Е. 402, 403, 410
Алишев С.Х. 63
Андреянов А.А. 366
Андрианов Н.Е. 342
Арзютов Н.К. 402
Артемова В.Д. 403
Архипов А. 277
Асылгараева Г.Ш. 256
Атласи Х. 51, 64
Ахметгалин Ф.А. 6, 201
Ахметзянов М.И. 171, 429, 432, 435, 439, 442
- Багалей Д.И. 448
Бадер О.Н. 298, 300
Балуева Т.С. 62, 68, 186
Барбаро И. 163, 164, 274, 278
Бартольд В.В. 268, 276
Безверхова Л.Б. 380, 387, 388, 389
Белых С.К. 97
Беляев И.Д. 472
Беляев Л.А. 201
Бердников 394
Березина Н.С. 335
Бестужев З.А. 387
Бестужев-Рюмин П.М. 475, 477
Блау В. 454
Богатырев А.И. 277
Богачев А.Ф. 403
Богданов Б.П. 283
Богодунов 402
Бойл Дж. 283
Борисов В.Л. 91, 98
Бороздин И.Н. 8, 12, 91
Бороздин Н.И. 59
Буканова Р.Г. 480
Буланкин В.М. 302
Бурганов А.А. 433
- Бурханов А.А. 92, 98
- Вайнер И.С. 324, 403
Валеев Ф.Х. 52, 174, 177, 178, 432
Валиев Р.Р. 28, 201
Валиулина С.И. 126, 201
Ванчиков В.В. 386, 388
Васильев Б.А. 378
Васильев Д.В. 269, 287, 291, 297
Васильев Ю.Ю. 286
Вельяминов И.Н. 473
Вельяминов-Зернов В.В. 64, 298, 304, 306, 435
Вернер С.П. 403
Ветлужских В.А. 388
Визгалин А.В. 473
Витзен Н.К. 322
Вихляев В.И. 404
Воеводский М.В. 402
Волков В.И. 337
Вольнский А. 473
Воробьев А.В. 281, 283, 284, 287
Воронина Р.Ф. 403
Воскресенский А.С. 403
Высоцкий Н.Ф. 42, 198
- Гагин И.С. 298, 306
Газиз Г. 180
Газимзянов И.Р. 89, 116, 117
Гайнетдинов А.М. 432
Галибек К. 431
Галлямов Р.Ф. 93, 429
Гариф Н. 172, 178, 179
Гейкель Г.И. 402
Георги И.Г. 91, 149
Гераклитов А.А. 402
Герасимов М.М. 62
Герберштейн С. 67, 152, 159, 164, 165, 178
Герритс Г. 394, 454
Гибшман Г.Э. 279, 284
Глазунова О.Н. 201
Глушков К.Н. 382, 389
Гмелин С.Г. 276
Головин М.А. 480
Гордеев В.И. 5, 354, 369
Горюнова Е.И. 402, 403, 410
Гречкина Т.Ю. 286, 287, 288, 289
Григорьев Ю.В. 404
- Грязнов М.П. 378
Губайдуллин А.М. 17, 28, 111, 112, 201
Гуркин В.А. 472
Гусарова Е.В. 277, 283, 288
Гуссаковский Л.П. 378, 385, 386
- Данилов П.С. 363, 368, 371
Даркевич В.П. 98
Денисов В.П. 390
Деопик В.Б. 417
Дженкинсон А. 54, 394
Джуманов Р. 276
Дигби А. 292
Димитриев В.Д. 396
Доленга-Ходаковский З. (Чарноцкий А.) 448
Дроздова Г.И. 428
Дубман Э.Л. 6
Дульский П.М. 177
- Евсеев Т.М. 400
Егоров А.В. 382, 383
Егоров В.Л. 31
Елкина И.И. 201
Ермолаев А.Д. 473, 474, 477
Ефимова С.Г. 188
- Жиганов М.Ф. 403
Жуков Б.С. 402
- Загоровский В.П. 471
Загоскин Н.П. 8, 91
Зайцев И.В. 277
Заринский П.Е. 91
Зеленев Ю.А. 201, 324, 362, 363, 365, 367, 372, 403
Змеев С. 480
- Ибн Арабшах 274
Ибн Баттута 276
Иванов А.Г. 338
Иванов В.А. 403
Измайлов П.А. 473, 477
Износков И.А. 98
Ильминский Н. 171
Исхаков Д.М. 439
- Казимов А.С. 339, 354

- Калинин Н.Ф. 8, 9, 11, 12, 17, 18, 28, 34, 37, 38, 39, 52, 54, 59, 60, 91, 110, 112, 113, 114, 135, 139, 144, 172, 173, 188, 198
 Калыгина Ж.С. 363, 372
 Каменцева Е.И. 472
 Карпов Э.И. 201
 Кафтанников П. 365, 366
 Каховский Б.В. 323, 324, 399
 Каховский В.Ф. 323, 324, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 336, 403
 Келлер А.А. 372
 Кириллов И.К. 338, 349, 468
 Кирьянов И.А. 316, 320
 Китайцев И.А. 298
 Клоков В.П. 275
 Ключевский В.О. 471
 Коваль В.Ю. 167
 Козинцев Б.А. 185
 Козловский Г.А. 388, 480
 Кокорина Н.А. 18, 92, 110, 111, 113, 114, 118, 119, 328
 Колчин Б.А. 160
 Кольцов Ф. 472
 Коновалова Л.П. 363, 365
 Кононенко М. 276
 Контарини А. 164, 278, 279
 Корнелий де Брюин 203
 Корнилов П.Е. 177
 Коротков П.И. 198
 Костомаров Н.И. 145, 147
 Котов Ф. 279
 Кошелева Е.А. 378, 379
 Краснов Ю.А. 323, 324, 327, 328, 403
 Кротков А.А. 402
 Кряжевских А.Л. 379, 381, 382, 387, 390
 Кузьминых С.В. 110, 111
 Курбатов А.В. 153, 155, 160
 Курбский А.М. 33, 49, 59, 96, 144, 165, 395
 Курочкина С.А. 369
 Кутуков Д.В. 286
 Куфтин Б.А. 298
- Лавенто М. 343
 Ласковский Ф.Ф. 448, 452, 472
 Лебедев В.И. 471, 477
 Лебедев В.П. 275
 Лемерсье-Кельеже Ш. 169
 Лихтер Ю.А. 148
 Луппов П.Н. 385
 Львов Г. 480
 Лэн-Пуль С. 277
- Магницкий В.К. 171
 Мадуров Д.Ф. 434
 Макаренко Ю.А. 276
 Макаров Л.Д. 378, 381, 384, 385
 Малиев Н.М. 190
 Малов П. 91
 Малов С.Е. 171
 Мальцева С.М. 473
- Мандельштам А.М. 278
 Мансуров А.А. 298, 300, 302, 304
 Марданов Р.Ф. 171, 432
 Марджани Ш. 18, 171, 278
 Марков А.С. 282, 283
 Марков В.Н. 198
 Матвеев Р.В. 379, 381, 382
 Матвеева Г.И. 403
 Матехина Т.С. 157, 158
 Махаев М.И. 203
 Медведева Т.А. 381
 Миллер Б.В. 42
 Милославский И.Б. 473, 477
 Михайлов Е.П. 323, 324, 325, 327, 403
 Морозов Б.И. 472, 480
 Мулла Мамай 431
 Мулла Мурат 431
 Муратов Н.И. 324
 Муслими Х. 431
 Мухамадиев А.Г. 14, 275
 Мухамедьяров Ш.Ф. 64
 Мухаметшин Д.Г. 57, 85, 171, 173, 178, 432, 433, 435
 Мухаммедьяр 67
- Набиуллин Н.Г. 17, 25, 60
 Назарова И.В. 480
 Наккаш Н.И. 171
 Насыри К. 171, 431
 Насыров Р.Г. 432
 Небольсин П. 276, 277
 Нестеров В.А. 400
 Нефедов Ф.Д. 298
 Нечвалода А.И. 187, 188
 Нигамасв А.З. 111, 118
 Низаметдинова С. 276
 Низов В.В. 385, 387, 388
 Никитин А.В. 428
 Никитин А.В. 448
 Никитин Афанасий 278, 279
 Никитина Т.Б. 6, 428
 Носов К.С. 472
- Одоевский Н.И. 480
 Олеарий А. 50, 51, 54, 202, 241, 279, 280, 283, 284, 292, 295, 297, 298, 309, 337, 338, 339, 340, 341, 394, 451
 Осипов Д.О. 148, 153
 Останина Т.И. 111, 113, 119
- Павленко Ю.А. 5, 369
 Панова Т.Д. 286
 Паракина О.О. 208
 Патрушев В.С. 256, 346, 343, 354, 362, 365, 366, 367, 371, 373
 Патрушева Т.С. 354
 Пачкалов А.В. 279
 Пельцам Э.Д. 188
 Пенкин Ю.А. 346
 Перевощиков С.Е. 379, 381
 Перерва Е.В. 288
 Перетяткович Г.И. 473
- Петренко А.Г. 103, 104
 Пинегин М.Н. 91
 Платонов С.Ф. 374
 Плахов В.В. 278
 Плещеев М.Л. 477
 Поварнин Г.Г. 144
 Полесских М.Р. 403
 Поливанов В.Н. 402, 476
 Пономарев П.А. 8, 91, 198
 Попов А.В. 224
 Попова Н.Б. 388
 Потапов Л.А. 281
- Радищев М. 402
 Раппопорт П.А. 448
 Рубцов А.В. 287
 Руденко К.А. 124, 130
 Рыбаков Б.А. 361
 Рыбушкин М.С. 91
 Рычков Н.П. 91
 Рязанов С.В. 130
 Рязанцев Федор 376
- Савваитов П.И. 157
 Сануков К.Н. 342
 Сафаргалиев М.Г. 64, 277
 Свечин А.И. 203, 473
 Селиванов А.В. 300
 Сенникова Л.А. 381, 382
 Ситдииков А.Г. 6, 12, 16, 40, 60, 72, 185, 201
 Смирнов А.П. 91, 124, 198
 Смирнов Б.Е. 403
 Смирнов И.Н. 91, 397, 402
 Соколова Н.Е. 385
 Соловьев Б.С. 363
 Спасский Н.А. 98
 Спицын А.А. 278, 386, 393, 402
 Спрыжков Д.В. 335
 Старков А.С. 201, 205
 Старостин П.Н. 17, 27, 127
 Степанов П.Д. 403
 Стефанова И.И. 382, 387
 Стоянов А.Н. 185, 188, 189
 Стрейс Ян 282, 394
 Стрикалов И.Ю. 302
 Струйс Я. 282
 Сысак Н.С. 188
- Таиров И. 432
 Тамбовцев А.М. 158
 Тарди И. 395
 Тагищев В.Н. 276
 Терентьев А.И. 323
 Терехин В.М. 402
 Толмачев Е.А. 285
 Толочанов Афанасий 376
 Тохтамыш 268
 Тревер К.В. 361
 Третьяков П.Н. 335
 Трофимова Т.А. 190, 194
 Трубникова Н.В. 403
 Трушкова И.Ю. 385, 386

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Усманов В.М. 432, 433, 440
Усманов М.А. 432
Усов А.В. 383
- Фаизханов Х. 298, 306
Фахретдин Р. 64
Фахретдинов А.И. 379, 381, 382, 383
Фахрутдинов Р.Г. 18, 91, 92, 93, 171
Федоров Б. 402
Федоров-Давыдов Г.А. 275
Федулов М.И. 201, 325, 333, 403
Фехнер М.В. 169
Филиппова Е.Е. 363, 371
Фра-Мауро 279
Фролов М.Ф. 201
Фукс К.Ф. 171
- Хади Атласи 51, 52, 64
Хадиев И.Г. 171, 432
Хазиев А.И. 311
Хакимов Р.С. 62
Халиков А.Х. 12, 13, 13, 14, 14, 16, 18, 31, 38, 39, 40, 41, 47, 52, 62, 70, 81, 85, 87, 89, 90, 120, 135, 139, 144,
- 167, 185, 454, 458, 459, 460, 461, 463, 465, 466, 467, 468, 469
Халитов Н.Х. 45, 51, 54
Хамзин Р.Н. 201, 302
Хамзина А.А. 208
Хворостова Е.Л. 282, 286
Хитрово Б.М. 472, 473, 475
Хлебникова Т.А. 118, 124, 125, 126, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 208
Хованская О.С. 144
Хомяков М.М. 91, 190
Худяков М.Г. 52, 54, 64, 66, 67, 69, 390, 393
Хузин Ф.Ш. 15, 17, 22, 25, 28, 55, 62, 72, 85, 87, 92, 110, 111, 114, 144, 166, 167, 185
- Циркин А.В. 403
- Челеби Э. 268
Челяпов В.П. 300, 301, 302, 304, 306, 309, 310
Червонная С.М. 428
Чернышев Е.И. 18, 162
- Чиварзин А.Д. 144
Чугунов С.М. 189, 190, 402
- Шавохин Л.С. 13, 14, 38, 47, 52, 135, 139, 167, 201
Шакиров З.Г. 201
Шамс ад-Дин Мухаммад 274
Шарифуллин Р.Ф. 22, 55
Шерстнев В.Л. 342, 343
Шигапов. М.Б. 201
Шикаева (Никитина) Т.Б. 428
Шитов В.Н. 403
Шмидт А. 59
Шнайдштейн Е.В. 285
Шпилевский С.М. 92, 98, 171
Штукенберг А.А. 198
Шутова Н.И. 97, 98
- Эммаусский А.В. 374, 387, 388
- Юсупов Г.В. 171, 173, 174, 175, 178, 180, 432
- Ярославцева (Лещинская) Н.А. 386

Указатель археологических памятников

- Ага пайрем арка мольбище 395
 Агрыз 443
 Адашевская слободка 389
 Адашевский могильник 404, 415
 Адашевское городище 389, 390
 Азметьевский могильник 191
 Азов 169, 458
 Азово-Моздокская укрепленная линия 462
 Азякуль 444
 Айбашское кладбище 181
 Айдарово кладбище 182
 Айшиязское кладбище 182
 Айыш-Мамятово 446
 Акашевский могильник 395, 396
 Акзигитовское кладбище 179, 182
 Ак-Сарай 275
 Аксаркинский могильник 395, 396
 Алабуга 5, 22, 91, 118, 119, 120, 121, 122, 123
 Алат 42, 91, 165, 180
 Алатырская черта 471
 Алатырь 325, 340, 349, 408, 471
 Алексеевская крепость 462, 463
 Алексеевский могильник 395, 396
 Алексин 312, 453
 Аловский 404
 Аловский I могильник 403
 Альдермышское кладбище 181
 Альменево 437
 Анютинский могильник 403, 404, 408
 Апазово 428, 429
 Аргаш крепость 472, 473, 475
 Ардатовский II 421
 Ардатовский могильник 403, 404, 408, 415
 Арзубелякский могильник 395, 396, 397, 398, 399
 Аринский могильник 395, 396
 Армиевский 2 могильник 402, 404, 405
 Арск 5, 68, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 103, 104, 113, 394, 428, 433, 444
 Арская даруга 96, 121, 165, 180
 Арская слобода 458
 Арский городок 144
 Арский кантон 171
 Арский комплекс 162
 Арский кремль 162
 Арское городище 94, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 134, 168, 433
 Арское поле 32, 36, 45, 46, 96, 206
 Астрахань 168, 170, 258, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 282, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293
 Атемар 456, 457, 472
 Атемаро-Саранская черта 457, 471
 Атемарский вал 457
 Атемарский острог 457
 Атлашево 445
 Аттиково 434
 Атяшевский I могильник 402
 Атяшевский могильник 404
 Ахпайский могильник 395, 396
 Ахтачинский острог 459
 Ахтубинское городище 275
 Ачадовский грунтовой могильник 404, 405, 407, 409, 415, 425, 426
 Аэродром» могильник 191
 Аэродром»«« селище 17
 Б. Менгеры 179, 180, 443
 Бабий бугор»«, могильник 191
 Байгычьево 446
 Байлангар 445
 Бакрче 434
 Бакырчи 444
 Бакырчинское кладбище 182
 Бакырчы 444
 Балынгуз урочище 172
 Балынгузское кладбище 183
 Барбашина поляна» могильник 191
 Батинское мольбище 395
 Батушевский могильник 404, 417, 426
 Бахилковский 404
 Бахтигильдинский могильник 400, 403, 404
 Бахчисарай 52, 61, 68, 69, 442
 Беклек селение 121
 Белгород 455
 Белгородская линия 451, 455, 456, 470, 471, 472
 Белгородская черта 451, 455, 456, 470, 471, 472
 Белёв 63
 Белев 66, 453
 Белевская Бобриковская засека 454
 Белевская Федяшевская (Федячевская) засека 454
 Белевские засеки 449
 Беловодский могильник 403, 404, 405, 408, 413, 423
 Белогородская черта 455
 Белоколодск 456
 Белоозеро 68, 227
 Белый Яр крепость 458, 459, 461, 480, 481
 Бельджамен 268
 Бельский городок 456
 Бердибяково кладбище 182
 Берег», линия обороны 449
 Березовский могильник 189, 191, 395, 396, 428
 Березовский форпост 462
 Берсут-Сукачинское кладбище 172, 175, 176, 182
 Бизяки 444, 445
 Бикбау 443, 444
 Биктяшево 394
 Бикчураево кладбище 182
 Биляморский могильник 395, 396
 Биляр 19, 126, 161, 165
 Биляр мавзолеей 442
 Билярск 458, 459
 Билярское III селище 126
 Билярское городище 8, 161
 Бишово 444
 Бобриковская засека 454
 Бол. Березы 175
 Бол. Кибякози 179
 Бол. Кургизы кладбище 183
 Бол. Менгеры 443, 444
 Бол. Нырты 443
 Бол. Ширданы 443, 444
 Бол. Ширданы кладбище 183
 Бол. Яки кладбище 183
 Болгар 5, 18, 19, 31, 32, 43, 44, 92, 93, 124, 128, 145, 160, 164, 165, 174, 177, 178, 179, 180, 187, 190, 191, 192, 201, 431, 433, 438, 442
 Болгар ал-Джадид 18, 32, 43, 44, 91
 Болгарское городище 22, 113, 125, 126, 130, 131, 144, 187, 191
 Болдасевский 404

- Болдовский могильник 403
 Болхов 453
 Болховец город 455
 Большая засечная черта 471
 Большеберезинское кладбище 182
 Большешушинский могильник 395, 396
 Большекургунское кладбище 182
 Большемакателемский (Больше-Макателемский) могильник 404, 409, 411
 Большенолинское мольбище 395
 Большеньринское кладбище 181
 Большеоршинский могильник 395, 396
 Большепольский могильник 395, 396, 398
 Большеруяльский могильник и мольбище 395, 396
 Большесалтанское кладбище 182
 Большесулебашское кладбище 181
 Большетиганский могильник 191
 Большешинарское кладбище 182
 Большешкинское кладбище 181
 Большие Атрясы 172
 Большие Нырсы 171, 174, 179, 438
 Большие Яки 172, 174
 Борская крепость 467
 Борщев монастырь, город 456
 Будайка, селение 321
 Бужинское селище 96, 97, 162
 Бурбаш 433, 443
 Бутский могильник 402, 404, 406, 415, 423
 Бухара 110, 169
 Верхние Кибя-Кози 175, 178, 182
 Вадовские ворота 457
 Важнангерский могильник 395, 396, 398, 400
 Васильсурск 165, 324, 339, 394
 Васюковское кладбище 179, 182, 434
 Вачалкасы, могильник у д. 336
 Введено-Слободское местонахождение 199
 Введенско-Слободская стоянка I 199
 Введенско-Слободская стоянка II 199
 Введенско-Слободское местонахождение II 199
 Введенско-Слободское поселение I 199
 Великий Новгород 207
 Венев 451, 452, 453
 Версососенск город 455
 Вертелимский могильник 403, 404, 406, 415, 420
 Верх. Верески 446
 Верх. Ошма 444
 Верхне Кибя-Козинское кладбище 182
 Верхнеатинское кладбище 182
 Верхнекорсинское кладбище 182
 Верхнеломовская черта 457, 471
 Верхнесердинское I кладбище 182
 Верхнесердинское II кладбище 182
 Верхне-Сусканский 404
 Верхнеуральск 467
 Верхнешурминское мольбище 395
 Верхние Вережи 438, 439, 442
 Верхний Ломов 456, 457, 458, 472
 Верхний Орлянский редут 463
 Верхняя Ошма 439
 Верхняя Серда 175, 179
 Верхняя Тирма 438
 Верхшурский могильник 395, 396
 Весь-Шургинский могильник 395, 396
 Вечкусский 404
 Владимир 66, 241
 Владимировский могильник 395, 396
 Возжай могильник 402
 Волна могильник 395, 396
 Вольный, крепость 455
 Воронеж, город 456
 Восточный остров 131
 Вторые Усадки, кладбище у деревни 336
 Входоиерусалимский некрополь 364, 369, 371, 372, 373, 374
 Выжумский I могильник 395, 396
 Выжумский могильник 398
 Вязовский 403
 Вятка 375, 376, 378, 386
 Вяткино 373
 Габдрахман село 440
 Гаврилковское местонахождение I 199
 Гаврилковское местонахождение II 199
 Гаврилковское местонахождение III 199
 Гаврилковское местонахождение III 199
 Гаврилковское местонахождение IV 199
 Гаврилковское поселение I 199
 Гаврилковское поселение II 199
 Геронтьевская Слобода, селение 322
 Городец Мещерский 295, 298, 300, 301, 302, 304, 306, 307, 309, 310, 314
 Городец Радилов 309
 Грачевская крепость 462
 Грековский могильник 395, 396, 398
 «Греческая палата» могильник 191
 «Грива Сарай» селище 199
 Гулюково 443, 444
 Гурьев городок 467
 Гюлистан 114, 268
 Дады 404
 Дамба селище 131
 Дедилов 451
 Дербешкинский могильник 191, 192
 Джукетау 8, 164, 165
 Дигилевский могильник 402, 404, 415, 423
 Днестровская линия 451
 Добрый 456
 Добрый, крепость 455
 Донауровское III селище 131
 Дорофеево Поле, селище 298, 306, 310
 Досюмский могильник 395, 396
 Дубенки 404
 Дубенская засека 454
 Дубровский могильник 403
 Дусаево 443
 Дюрки 404
 Елабуга 118, 122, 189, 192, 459
 Елабужский I некрополь 120
 Елабужский III могильник 191
 Елабужский III некрополь 188, 189, 192, 195
 Елабужский V некрополь 118
 Елабужское (Чертово) городище 118, 119
 Еласовский I и II могильники 396
 Ельдятская крепость 468
 Епанчинское кладбище 175, 182
 Епифань 451
 Ердурский могильник 395, 396
 Ерыклинск 458, 459, 480
 Ерыклинский острог 484
 Ефаевский могильник 408
 «Жигули I» могильник 191
 Журавкинский 3 могильник 403, 404
 «Завитайская засека» («Завитай») 454
 Заинск 458, 459, 480
 Закамская линия 451, 455, 458, 459, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 477, 471, 472, 477, 480
 Закамская черта 455, 458, 459, 461, 462, 464, 477, 480
 Замятинский могильник 395, 396, 400
 Заовражно-Пертнурский могильник 395, 396
 Заокская засечная черта 469
 Зарайск 449
 Звериноголовская крепость 467
 Земляной Струг городище 298, 306, 309, 310
 Зимница 443
 Зюри 91, 165
 Зюрийская даруга 180
 Ибрянское кладбище 181
 Иванбеляжские находки 395
 Ивангород 160, 202
 Ивангородская крепость 152
 Ивановгорский могильник 395, 396
 Иж-Байки 445
 Изминское кладбище 182
 Изюмская линия 480

- Изюмская черта 451
 Илеть 91
 Илецкая Защита 462
 Иль Уй Муаззам 268, 274, 275
 Именьково 443
 Имянле Бургас 445
 Имянли-Бургас 440
 Инзерский острог 457
 Инсар 472
 Инсар крепость 457, 472
 Инсаро-Потижский участок черты 457
 Инсарская черта 459, 471
 Инсарский вал 459
 Инсарский участок 457, 471
 Ирмарское мольбище 395
 Исаковская стоянка I 199
 Исаковская стоянка II 199
 Исаковская стоянка III 199
 Исаковская стоянка IV 199
 Исаковская стоянка V 199
 Исаковское городище 199
 Исаковское местонахождение I 199
 Исаковское местонахождение II 199
 Исаковское местонахождение III 199
 Исаковское местонахождение IV 199
 Исаковское местонахождение V 199
 Исаковское селище I 199
 Иске-Казанское кладбище 181
 Иски (Эчки) Казань 91
 Иски Казань 12, 91, 92, 93, 113, 175, 178, 179, 181
 Иски/Эчки Казань 134
 Исюткинский могильник 395, 396
 Кабаевский 404
 Кабанское городище 8, 9, 12, 17, 31, 39
 Кавказская линия 451
 Кадочниковский могильник 396
 Кадышевский I и II могильники 395, 396
 Казаклар 171, 181, 445
 Казакларово-Челны 180
 Казакларское кладбище 181
 Казанка I городище 41
 Казанский кремль «Манеж» 25, 186, 187, 191, 192, 195
 Казанский Кремль 8, 9, 11, 13, 13, 14, 14, 15, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 41, 42, 47, 51, 52, 60, 62, 72, 93, 113, 116, 118, 129, 130, 131, 131, 132, 132, 133, 134, 134, 135, 139, 144, 145, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 166, 167, 168, 185, 186, 187, 191, 192, 195, 270
 Казанское (Кремлевское) кладбище 181
 Казань 5, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 37, 37, 38, 38, 39, 40, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 49, 50, 50, 51, 51, 52, 54, 59, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 81, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 110, 113, 121, 122, 124, 126, 127, 128, 132, 134, 135, 144, 145, 148, 152, 153, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 173, 174, 178, 179, 180, 181, 184, 185, 187, 188, 192, 193, 195, 202, 206, 219, 242, 280, 321, 339, 348, 374, 384, 386, 394, 396, 397, 400, 402, 428, 432, 440, 444, 462
 Казачьий Бугор 276
 Казыли селение 121, 182
 Казылинское кладбище 182
 Кай (Кайгород) 374, 375, 386
 Кайсагурт могильник 420
 Калугинский 2 грунтовой могильник 403
 Камаево 171, 179, 181
 Камаевское городище 12, 18, 91, 92, 93, 134, 168
 Камаевское кладбище 181
 Камаевско-Урматский комплекс 93, 162
 Каменный Бугор городище 275
 Карабаян 171, 181
 Карадуван 394, 429
 Карадуганское кладбище 182
 Каранкинский могильник 428
 Каранькинский могильник 395, 396
 Каратай 428, 429
 Каргалы 445, 446
 Кардовильский могильник 402, 404, 409
 Карелино 394
 Карино 172, 177, 180, 182, 439
 Каринское кладбище 182
 Карлинская черта 471
 Кармала 394
 Карпов город 455
 Карсун 475, 477
 Карсунская линия 471, 472, 473, 474, 475, 480, 482
 Карсунская черта 458, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 480, 482
 Карташихинский могильник 404
 Картуковский могильник 395, 396, 398, 399
 Каршлыхский могильник 400
 Касимов 5, 69, 267, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 304, 306, 307, 309, 310, 314, 435, 436, 437, 438, 442, 445
 Катмыш 443, 444
 Кафа 169
 Качелино 444
 Кашира 68, 452, 453
 Каширская засека 449, 453, 454
 Кашпир 482
 Кельгининский грунтовой могильник 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 413, 415, 416, 417, 418, 420, 423, 425, 426
 «Кереметь-Кады» могильник 400
 Керенск (ныне Вадинск) 457
 Керенская черта 477
 Керенский участок черты 456, 471
 Кибя-Кози 171
 Кибячинское кладбище 182
 Кигазы 444
 Кинерское мольбище 395
 Кирмени 174
 Киров, город 378, 380
 Кичуев острог 459, 480
 Кичуйский фельдшанец 463
 Кишметьевское кладбище 181
 Кнутиха, селение 321
 Ковали 434, 435, 438, 439, 444, 445
 Кодряково 179, 182, 438, 439, 443
 Кодряковское кладбище 182
 Кожаевский могильник 191
 Кожласолинский могильник 395, 396
 Козельск 453
 Козельская другая новая засека 454
 Козельская засека 449, 453, 469
 Козельская Кценская засека 454
 Козельская новая засека 454
 Козельская Столпишская засека 454
 Козельские засеки 454
 Козлов (современный Мичуринск) 455, 456
 Козловский I могильник 403, 404
 «Козловский вал» 455, 456
 Козловский могильник 408
 Козьмодемьянск 5, 6, 267, 325, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 349
 Козьмодемьянское селище 344
 Кокремский могильник 395, 396
 Кокремское мольбище 395
 Кокшайск 348, 349, 354
 Кокшайск крепость 348
 Кокшамарский I и II могильники 395, 396
 Кокшамарское жертвенное место 395
 Коломна 459, 450
 Комсомольский, городище у пос. 275
 Комургузинское кладбище 182
 Кондурчинский фельдшанец 463
 Коноваловский I могильник 404
 Коноваловский могильник 404, 405, 406, 407, 409, 414, 425
 Корак-Солинский (Кораксолинский) могильник 395, 396
 Коржевский могильник 402, 403
 Коринский могильник 402, 404, 409, 410, 411, 412, 413, 418
 Коркатовский могильник 396
 Коркатовское погребение 395
 Коротояк город 456
 Коротояк крепость 455

- Короча 455
 Корсунская черта 473, 474, 482, 484
 Корсунь 456, 458, 473
 Костенск город 456
 Костенск крепость 455
 Котельнич, город 374, 375, 383, 384
 Краснолуговской (Красно-Луговской) могильник 404
 Красносамарская крепость 467
 Красносельская линия 454
 Красноуфимская крепость 468
 Красноярская крепость 463, 466
 Красноярское городище 270
 Красный редут 463
 Кубянский могильник 395, 396
 Кугушевское кладбище 182, 434
 Кугушенский могильник 395, 396
 Кудашево 445
 Кужадонский могильник 402
 Кузембетьево 181, 189
 Куземкинская стоянка I 199
 Кузнец мольбище 395
 Кузнецовский могильник 396
 Кузоватовский 404
 Кукшидский могильник 395, 396
 Кулшарипово 442, 446
 Кунгерский могильник 395, 396, 428
 Кунгерское кладбище 428
 Куралов городок (слобода) 458
 Куркачи 178, 179, 180, 181
 Куркачинское кладбище 181
 Курмыш крепость 5, 6, 65, 66, 267, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 339
 Курмыш-4 поселение 320
 Кучко-Памашский (Кучкопамашский) могильник 395, 396
 «Куюк-Кала» Горелый Городок 277
 Кшкар 438
 Кызыл (Кизиль) крепость 270, 273
 Лаеш 18, 113, 122, 124
 Лаишев 459
 Лаишевское селище 122, 124
 Лакреева, селение 321
 Левжа грунтовый могильник 404
 Липша 172
 Липша кладбище 183
 Лихвинская Слободецкая засека 454
 Лихвинская Уляжская засека 454 (Лихвинская) Боровенская засека 454
 (Лихвинская) Толкижская засека 454
 Лихвинские засеки 449
 Лобаски курганный могильник 403, 404, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 417, 418, 425, 426
 Лопьяльский могильник 395, 396
 Лузинский могильник 395, 396
 Мавлютово 438, 445
 Макарьевское городище 198, 199
 Макарьевское селище I 199
 Макарьевское (Свияжское) поселение 199
 Максабаш 433, 438, 443
 Мал. Агня 445
 Маламашский могильник 395, 396
 Малмыж 374, 375, 389, 390, 391
 Малмыжское городище 390
 Малоатнинское кладбище 181, 182
 Малокайбицкое кладбище 183
 Мало-Кугунурский (Малокугунурский) могильник 395, 396, 399, 422
 Мало-Мересевский могильник 403
 Малорязанский могильник 191
 Мало-Сундырский могильник 395, 396
 Мало-Шинарское кладбище 182
 Малые и Большие Лызы 394
 Малые Меретьяки 171, 178, 179, 180
 Малый Карсунов 477
 Малый Карсунский острог 475
 Малый Корсунов 473, 474
 «Малый минарет» могильник 191
 Мамаширово 433, 444
 Мамдель 176
 Мамли-Казяково-Челны кладбище 182
 Мантово 172, 183
 Мантовское кладбище 183
 Марикужерский могильник 395, 396
 Мари-Луговое, кладбище у села 187
 Марисолинский могильник 395, 396
 Мартыновский могильник 400
 «Марьян Кокошник», городище 386
 Масгудово 443
 Масловка 445, 446
 Матырский городок 456
 Мачкасский могильник 402, 404
 Медведковская стоянка I 199
 Медведковская стоянка II 199
 Медведковское местонахождение I 199
 Медведковское местонахождение II 199
 Медведковское поселение 199
 Менгерское кладбище 182
 Мендельское кладбище 181
 Мендюшское кладбище 182
 Мензелинск 458, 459, 480
 Мечетная крепость 462
 Мизиновская стоянка I 199
 Мизиновская стоянка II 199
 Мизиновское поселение I 199
 Мизиновское селище I 199
 Мизиновское селище II 199
 Мизиновское селище III 199
 Мизиновское селище IV 199
 Микряковский могильник 395, 396
 Митряево 443, 445, 446
 могильник у деревни Часовенная 395
 Моздокская (Терская) линия 451
 Мокшанск крепость 457
 Молвино 44, 179, 179, 180, 182, 434, 446
 мольбище у деревни Ломбенур 395
 Мордовские Дубровки 404
 Мордовско-Паркинский могильник 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 415, 421, 426
 Морты селение 121
 Москва 28, 52, 54, 57, 61, 66, 67, 68, 69, 70, 96, 152, 160, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 180, 206, 210, 241, 264, 278, 279, 283, 284, 310, 312, 313, 339, 361, 362, 366, 385, 386, 410, 453
 Мошаик городище 269, 270, 275
 Мошаик поселок 276, 277
 Муранский могильник 191
 Мурзалы селение 121
 Муром 64, 98
 Н. Сердинская эпитафия 175
 Н. Уры 175
 Набережная, селение 321
 Нагайбакская крепость 468
 Нажар 433, 442
 Назар 444
 Наласинское I кладбище 182
 Наласинское II кладбище 182
 Наласы 175, 178, 179, 182
 Налитовский могильник 403, 404, 421
 Налуевское городище 457
 Нароватовский могильник 403, 404, 405, 408, 413, 415, 421
 Нежегольск 455
 некрополь Троицкой церкви 363, 371, 372, 373
 Немец-Солинский могильник 395, 396
 Ниж. Берески 175, 179
 Ниж. Метески 178, 179, 334, 443
 Ниж. Серда 175, 178, 179
 Ниж. Тирмя 444
 Нижне Уринское кладбище 181
 Нижневерескинское кладбище 181
 Нижнеломовская черта 457, 471
 Нижнеметескинское кладбище 182
 Нижнепшалымский I могильник 429
 Нижнепшалымский II могильник 429
 Нижнесердинское I кладбище 182
 Нижнесердинское II кладбище 182
 Нижнетурекский могильник 396
 Нижнетурекское погребение 395
 Нижнеуринское кладбище 182
 Нижние Аты 428
 Нижний Ломов крепость 457, 458, 472
 Нижний Новгород 64, 66, 163, 169, 310, 312, 313, 394, 402, 449
 Нижний Орлянский редут 463
 Нижний Узбой 118
 Нижняя Кня 394

- Нижняя Ура 433, 434, 438, 439, 444, 446
 Нов. Акгужа 445
 Новая Закамская оборонительная линия 451, 462, 463, 464, 465, 466, 467
 Новая линия 462
 Новая Украинская линия 451
 Новгород 57, 114, 155, 158, 160, 166, 180, 242, 286
 Новгород-Северский 452
 Ново Буяново (Туруново) 434, 435, 444, 445
 Ново-Илецкая линия 462
 Ново-Пырменский могильник 403, 404, 405, 408, 415, 423, 426
 Новотешюнская черта 471
 Ново-Челны-Сюрбеево 444
 Новошешминск 458, 459, 480
 Новоядринский могильник 402, 403
 Новые Козельские засеки 454
 Новый Болгар (Болгар ал-Джадид) 18, 43, 44, 180
 Норлаты кладбище 181
 Нохрат 172, 177, 433, 445
 Нурлаты 179, 180, 433, 443, 445
 Нурма 394
 Нурьял-Карамасский могильник 395, 396
 Нурьяльский могильник 395, 396
 Нуса 428
 Нырсы 171
 Нюрнберг 208, 209, 263, 265
 Одоев 451, 453
 Одоевские засеки 449, 454
 Одошнурский могильник 396
 Олге 433, 443
 Олыяз 444
 Ольшанск город 456
 Ольшанск крепость 455
 Орда Муаззам 268
 Орду ал-Муаззам 274, 275
 Оренбург крепость 462, 463, 464, 467, 468
 Оренбургская линия 451
 Оренбургская пограничная линия 462, 469
 Оренбургская укрепленная линия 467, 468
 Орлов город 374, 375, 384, 385, 456
 Орлов крепость 455
 Орловское городище 385
 Орск 462
 Орская крепость 467
 Осокорская крепость 462
 Остров-град Свияжск 199
 Острогжск город 456
 Острогжск крепость 455
 Отарский могильник 395, 396, 397, 399
 Отраденский 404
 Ошла-Мучашский могильник 395, 396
 Ошминское село 394
 Ошутьяльское мольбище 395
 Падовский ретраншемент 463, 464
 Паевский могильник 403, 404, 415
 Пайгусовский могильник 395, 396, 400
 Пальтикинский могильник 395, 396
 «Памятный знак» могильник 191
 Пановское кладбище 182
 Папулевский 404
 Паракино могильник у села 403
 Парапинский могильник 402
 Паратмарский могильник 395, 396, 400
 Пекозинское мольбище 395
 Пенза крепость 457
 Пензенская черта 457, 460, 480
 Перемышльская засека 449, 453, 454
 Перемышльские засеки 449
 Переяславль Рязанский 152, 242, 310, 445
 Пернянгатский могильник 396
 Песчаный остров селище 131
 Петропавловская стоянка I 199
 Петропавловская стоянка II 199
 Петропавловское поселение I 199
 Петьяльский могильник 395, 396
 Пижмарский могильник 395, 396
 Пичпандинский 404
 Поводимовский 404
 Погребовская слобода 458
 Полевые Козыльяры 444
 Посеево 443
 Посульская оборонительная линия («Змиевые валы») 449
 Потижская черта 457, 473
 Потижский острог 457
 Привольевский грунтовой могильник 402, 404, 407, 415, 423, 425
 Протопоповское селище I 199
 Протопоповское селище II 199
 Псков 57, 160, 166, 207, 282
 Пузская черта 471
 Путивль 451
 Разбойничий остров селище 131
 Рамзаевский острог 457
 Расбуга 434
 «Раскоп 174» могильник 191
 «Раскоп 191» могильник 191
 Рахмановка («Могильный бугор») могильник у села 403
 Ревезенский могильник 402, 404, 408, 421
 Редкодубский грунтовой могильник 403, 404, 405, 425
 Рига 209, 263, 264
 Родыгинское мольбище 395
 Ройский могильник 395, 396
 Романов 456
 Ростов 98
 Рузлатский могильник 408, 409, 418
 Русские Алаты 181
 Русскоайшинское кладбище 181
 Русско-Луговской могильник 395, 396
 Русско-Маскинский могильник 404, 405, 406, 407, 420, 423, 426
 Русско-Урматское I кладбище 181
 Русско-Урматское II кладбище 181
 Русско-Урматское селище 12, 18, 91, 92, 93, 96, 113, 134, 162
 Руткинский могильник 400
 Рыбкинский могильник 402, 404, 408, 410, 412, 415, 423
 Рьльск 451, 455
 Рысово 433, 444
 Рязанская Красносельская засека 454
 (Рязанская) Вожская засека 454
 (Рязанская) Липская засека 454
 (Рязанская) Пустотинская засека 454
 (Рязанская) Ровноская засека 454
 Рязанские засеки 449, 453
 Рязань 57, 98, 166, 437, 452
 Сабаевский грунтовой могильник 404, 425
 Сабанчеевский могильник 402, 404, 408, 412, 422, 426
 Савинская стоянка I 199
 Савинское местонахождение I 199
 Саинское кладбище 181
 Салагуш (Салауш) 437, 440, 443
 Салмандаевский I могильник 395, 396
 Салмандаевский II могильник 395, 396, 397, 399
 Самара 170, 394, 462, 463, 467
 Самарская линия 461, 462, 467
 Самарская укрепленная линия 467
 Сапеево 446
 Сарай (Аксарай, Сарай ал-Махруса) 268
 Сарай 268, 273, 274, 275, 279
 Сарай ал-Джедид 268
 Сарали селение 121
 Саранск 456, 457
 Саранская крепость 457
 Саранско-Атемарский участок черты 450, 457, 459
 Сардаяльский могильник 395, 396
 Сарлейкино 400
 Сарлейский могильник 402, 404, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 420
 Сарытау 18, 169
 Сарышин (Царицын) 169
 Сая 445
 Свечкино селение 321
 Свияжск (Ивангород, Новоград Свияжский) 202
 Свияжск 5, 6, 158, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 219, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 231, 241, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 264, 340, 397

- Свияжская слобода 458
 Свияжская стоянка I 199
 Свияжское селище I 199
 Сеитово кладбище 183
 Селиваново, селение 326
 Селиксенский 2 могильник 403, 404
 Селитренное городище 268, 270, 274, 275, 275, 279
 Селищенский 404
 Сельденская слобода 458
 Сембер (совр. Ульяновск) 18
 Семеновское V селище 131
 Сенецкая засека 454
 Сергиев Посад 312
 Сергиевск 462, 463, 464
 Сергиевская крепость 463
 Серпухов 449
 Сибирская линия 451
 Сидельниковский могильник 395, 396
 Симбирск 188, 189, 192, 456, 458, 472, 473, 475, 477, 480
 Симбирская линия 457, 471, 472, 475
 Симбирская оборонительная линия 457
 Симбирская черта 450, 451, 455, 456, 458, 460, 471, 472, 473, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 482
 Сирмакасы, кладбище у деревни 335
 Сиухинское жертвенное место 395
 Слободское городище 381, 382
 Слободской 374, 375, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 391
 Слободской I могильник 381
 Слободской II могильник 382
 Служилая Ура 178, 188, 189, 192, 472, 473, 475, 477, 480
 Смаил 445
 Смаильское кладбище 182
 Смайл 394
 Сметанинский могильник 395, 396
 Сокольск крепость 455, 456, 473
 Сокольский острог 456, 473, 475, 495
 Сосновая Грива могильник 395, 397
 Состринская (Гаврилковская) стоянка 199
 Состринская стоянка I 199
 Среднеатинское кладбище 181, 182
 Средние Аты 172, 174
 Ст. Асляково 433
 Ст. Иябаш кладбище 182
 Ст. Кишит 179, 443
 Ст. Масра 175
 Ст. Нохрат (Карино) 177
 Ст. Салман 433
 Ст. Сляково 444
 Ст. Тябердино 175, 183
 Ст. Узюм 443
 Ст. Урмары 434, 444
 Ст. Шигали 171, 172, 175, 445
 Ст. Юраш 443
 Ставрополь-на-Волге, крепость 462
 Станция Арск кладбище 182
 Старая Ладога 207
 Старая Чукала 410
 Староашитское кладбище 181
 Старо-Бадиковский II могильник 418
 Стародевиченский 2 404
 Старо-Дракинский могильник 402
 Старое Ардатово могильник у села 403
 Старое городище 12, 14, 17, 31, 36, 39, 41
 Старое Мещерское городище 298, 299, 302, 306
 Старозюринское кладбище 182
 Старокишитское кладбище 182
 Старокиязлинский могильник 191
 Старокуйбышевский могильник 191
 Старомасринское I кладбище 182
 Старомасринское II кладбище 182
 Староменгерское кладбище 182
 Старомиченьское кладбище 181
 Старо-Печурский могильник 404
 Старопосадское кладбище 298, 300, 304, 306, 310, 435
 Старосотенский могильник 423
 Старо-Тябердинское кладбище 183
 Староузюмское I кладбище 182
 Староузюмское II кладбище 182
 Старошешминск 459
 Старошиндровский (Привольевский) могильник 402
 Старо-Яблонский могильник 402, 414, 415, 421
 Старо-Яксарский могильник 404
 Старые Менгеры 178, 179, 176
 Старые Селищи могильник у села 403
 «Старый Венец» могильник 188, 191, 192, 195
 Старый Посад 298, 304, 306, 309, 310, 312, 313, 314
 Старый Салаусь 394
 Старый Узюм 175, 178, 179, 180, 438, 443
 Стугнинская оборонительная линия («Змиевые валы») 450
 Субаш Аты 428
 Суздаль 65, 241
 Султани селение 121
 Суммеркент 269
 Сурский острог 472, 473, 475
 Суружский редут 463
 Сучкинский 1 402
 Сучкинский 2 402, 404, 405
 Сызранская крепость 480
 Сызранская линия 480
 Сызрань 480, 482
 Сыресинский могильник 403, 404
 Сэмбер 169
 Табынск 468
 Тавзар 394
 Тагай 458, 472, 473, 477
 Тагайский острог 473, 479
 Тагайское укрепление 479
 Таганрогская линия 451
 Таканыш 445
 Такталачукский могильник 191
 Тальский острог 473, 475
 Тамбов 402
 Тамбовская крепость 472
 Тамбовская черта 471, 472
 Танаево 434
 Тангачинское кладбище и могильник 185, 188, 189, 191, 192, 195
 Тарасова Гора мольбище 395
 Тарханский редут 463
 Тат Ходяшево 445
 Тат. Азелеево 444
 Тат. Азелеево кладбище 182
 Тат. Азелей 174, 182, 434, 444
 Тат. Ахтияле 444
 Тат. Маматкозинское кладбище 183
 Тат. Танаево 172, 175, 176, 179, 434, 443
 Тат. Танаевское кладбище 181, 182
 Тат. Ходяшево 179
 Тат. Ходяшево 174, 175, 178, 179, 179, 180, 182, 435, 444, 445
 Тат. Ходяшевское кладбище 182
 Татазелеевское кладбище 181
 Татайшинское кладбище 181
 «Татариха» селище 199
 Татарская Пенделка могильник у села 403
 Татарско-Бурнашевское местонахождение I 199
 Татарско-Бурнашевское местонахождение I 199
 Татарско-Бурнашевское местонахождение II 199
 Татарско-Бурнашевское селище I 199
 Татарско-Бурнашевское селище II 199
 Татарско-Бурнашевское селище III 199
 Татарское кладбище 445
 Татарское Танаево 172, 175, 176, 179, 181, 182, 434, 443
 (Татбурнашевские находки) 199
 Татходяшевское кладбище 181
 «Ташкирмень», могильник 188, 189, 191, 192, 195
 Ташкичу кладбище у д. 428
 Ташкичу могильник 395, 396, 428
 Ташлы Ковали 438
 Ташлы-Ковалинское кладбище 181
 Ташнурское мольбище 395
 Тверь 153, 160, 166, 168, 210, 264
 Тегешевский могильник 404
 Темниковская черта 471
 Тепловский 404
 Тетюш (Тәтеш) 91, 113, 459, 471

- Тетюшский острог 452
Тетюшская слобода 458
Тетюшская черта 471
Тетюшская черта 471
Тетюшский острог 452
Тиинск 480
Тиинск крепость 458, 459, 480
Тиинский острог 480
Тирса 443, 445, 446
Тихвинский некрополь 363, 372, 373
Тихий плес местонахождение I 199
Тоба 437, 443
Тобольск 445
Тобурданово 434
Тойси 445
Толиковский могильник 400
Тоншаевский могильник 395, 396
Торецкое селище 126
Торжок могильник 403, 404, 409, 410, 411, 412, 413, 416, 417, 420
Торновской 404
Тоторшевский могильник 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 416, 421, 423, 424
Тохтамыш село 179
Тохтамышовское кладбище 181
Троицк 462
Троицкие Выселки могильник 395, 396
«Тубак мазар» могильник 400
Тубах-мазар могильник 422
Туйгужа 444
Туктамыш 444
Тула 451, 452
Тульская Веркошская засека 454
Тульская Заупская засека 454
Тульская Кортосеневская засека 454
Тульская Сежская засека 454
(Тульская) Щегловская засека 454
Тульские засеки 449, 453, 475
Тумутук 443
Тураево 443, 445
Туркино 444
Тюм-Тюмский могильник 395, 396
Тямти-Метескинское I кладбище 182
Тямти-Метескинское II кладбище 182
Тямтинское кладбище 182
Угез-Елга 428, 429
Углич 202
Узей-Тукля могильник 423
Уйская линия 451
Укек 268
Украинская линия 451, 462
Умяк селение 121
Уньбинское кладбище 181
Ура 394
Уразбахтинское кладбище 182
Уразбахты 118
Уральск 471
Ургенч 169
Уренск 472, 473, 477
Уренское укрепление 477
Уржум 374, 375, 388
Уржумнолинский могильник 395, 396
Урмары 439
Урыв город 456
Урывкино 174, 181, 435
Урывкинское кладбище 181
Усадки, селение 321
Усали 442
Усерд 455
Усерд крепость 455
Усмань крепость 455, 456
Усолинское мольбище 395
Усть-Иерусалимский могильник 191
Усть-Узинский могильник 404
Утевский 404
Уфа 348, 468
Хаджи-Тархан 273
«Ханская усыпальница» могильник 191, 192
Хасан-шаих 394
Хасаншаих 428, 429
Хлынов 374, 375, 376, 377, 378, 380, 381, 385, 391
Хлынов-Вятка 374, 378, 379, 381, 382, 383, 391
Холопий городок 169
Хорезм 274, 278
Хороший редут 463
Хотмыжск крепость 455
Хохлово 175, 179, 181
Хохловское кладбище 181
Царев Кокшайский 349
Царев-Алексеев город 455
Царевичев городок – Касимов 306, 307, 309, 313
Царевококшайск 5, 6, 267, 348, 359, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 358, 359, 363, 364, 365, 366, 367, 369, 370, 371, 372, 373
Царевосанчурск 374, 375, 387
Царевское городище 283
Царицынская крепость 462
Царицынская линия 451, 455, 462
Царицынская сторожевая линия 458, 462, 463
Цибикнурский могильник 395, 396
Цивильск, город 324
Цитрахань (Астрахань) 274
Чаллы 91, 106, 110, 113, 114, 165
Чаллынский I некрополь 116, 117, 118
Чаллынский городок 106, 111, 114, 118
Чаллыньское I селище 111, 114
Чаллыньское городище 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 119, 134
Чалпы 446
Чандрово, кладбище у деревни 335
Чапшар 394
Часовенная могильник 395, 396
Чебоксары 5, 6, 22, 267, 321, 322, 323, 324, 328, 329, 332, 334, 336, 434, 444
Челнавский городок 456
Челновой городок 456
Челноскинское мольбище 395
Чембулатское мольбище 395
Чемерценское кладбище 181
Чемерцы 178, 179, 181
Чепчуги 179, 180, 181
Чепчугинское кладбище 181
Черемисский могильник 404, 405, 418, 426
Черемшанская крепость 463, 466
Чермышевский I и II могильники 396
Чермышевский могильник 395, 396
«Черная Палата» могильник 191
Черноморская кордонная линия 451
Чернореченский фельдшанец 463
Чернь 451
«Четырехугольник» могильник 191
Чирковское мольбище 395
Чирпи 174
Чиршинское кладбище 181
Чита 171, 181, 438, 444
Читинское кладбище 181
Чишма 433, 435, 437, 438, 439, 440, 442, 443, 444, 445
Чуваши 175, 178, 179, 181
Чувашлинское кладбище 181
Чуваш-Отарский (Чувашотарский) могильник 395, 396
Чукалинский 404
Чунгур городок 276
«Шүгар үмбал» могильник 396
Шамак (закладной камень?) 443, 446
Шамаково 440
Шараганурский могильник 395, 396
Шареный Бугор, городище 269, 271, 275, 276, 277, 278, 293
Шедкинское кладбище 182
Шелехметский I (Шелехметь) грунтовой могильник 403, 404, 405, 408, 414, 417, 420, 421, 425, 426
Шестаков, город 374, 375, 385, 386
Шестаковский городок 385
Шестаковское городище 386
Шечкеевская засека 457
Шечкеевский острог 457
Шешмарский могильник 395
Шешминск 459
Шешминский фельдшанец 463, 467
Шигаево 433, 444
Шигали 183, 434, 444, 445
Шигалинское кладбище 183
Шинурский могильник 395, 396
Широкундышский могильник 395, 396
Шишинерь 394
Шойбулакский могильник 395, 396
Шопнерский могильник 395, 396

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Шоядурский могильник 395, 396	Юшанск 458, 472, 473, 477	Ямбухтинское кладбище 183
Шўгар ўмбал 395	Юшанск крепость 460, 472	Янгосовский могильник 395, 396,
Шугурово могильник 402	Юшанский острог 460, 475, 477,	399
Шурняк селение 121	479	Янгулово 393
Эстерлибаш 443	Юшут-Турский могильник 395, 396	Яндашевский могильник 400
Эстирлибаш 445	Яблонов крепость 455, 456	Янсуварово кладбище 181
Юнга-Кушергинский могильник	Ядрин, город 324, 339	Яраморский I могильник 395, 396
395, 396	Якимово, селение 321	Яраморский II могильник 395, 396
Юнга-Пернянгатский	Ямашева 434, 444, 445	Яранск 374, 375, 388, 389
могильник 395, 396	Ямаши 444	Яранский могильник 389
Юнга-Посьинский могильник 400	Ямашурма 174, 175, 181	Яранское городище 389
Юнусовское кладбище 182	Ямашурминское кладбище 181	Ятмас-Дусай 433, 443, 444
Юрьев-Польский 68	Ямбухтино кладбище 182	

Информация об авторах

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории. Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия

Ахметгалин Фарит Альбертович, научный сотрудник отдела охранных исследований археологии. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник отдела охранных исследований. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья». Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Данилов Павел Степанович, заместитель начальника Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ). Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Дроздова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела охранных исследований. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Российской истории. Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева. Самара, Россия

Егоров Андрей Владимирович, научный сотрудник. КОГАУ «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области». Киров, Россия

Зеленев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Кряжевских Андрей Леонидович, заместитель директора по научной работе. КОГАУ «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области». Киров, Россия

Малкова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, зам. директора по науке. Самарская областная универсальная научная библиотека. Самара, Россия

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ; доцент кафедры истории и методики ее преподавания. Набережночелнинский государственный педагогический университет, руководитель Елабужской археологической экспедиции. Елабуга, Россия.

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, Россия

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-культурных технологий. Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ). Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Сивицкий Максим Владимирович, научный сотрудник отдела охранных исследований. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Ситдинов Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, профессор, декан. Казанский (Приволжский) федеральный университет; директор. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Старков Андрей Сергеевич, зам. директора по научным исследованиям. ООО «Поволжская археология». Казань, Россия

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, Россия

Хазиев Айназ Ильхамович, научный сотрудник. Музей археологии РТ. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Хамзин Радион Наильевич, научный сотрудник отдела охранных исследований. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, директор. ГБУК РТ «Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник». Билярск, Россия

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5		
РАЗДЕЛ I		РАЗДЕЛ II	
Археология Казани и Казанского ханства (1445–1552 гг.)	7	Археология острова-града Свияжска	197
Глава 1 Средневековая Казань: история археологического изучения (<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i>)	8	Глава 1 Археологические исследования Свияжска и его округа (<i>Ситдиков А.Г., Старков А.С.</i>)	198
Глава 2 Культурные напластования Казани ханского времени. Историческая топография города. (<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i>)	18	Глава 2 Свияжск в XVI–XVIII вв. (<i>Ситдиков А.Г., Старков А.С.</i>)	202
Глава 3 Жилища и хозяйственные постройки. Мечеть Кулшарифа в Казанском кремле (<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i>)	47	Глава 3 Стратиграфия и хронология раскопа «Татарская слободка» (<i>Ситдиков А.Г., Старков А.С.</i>)	207
Глава 4 Мавзолей казанских ханов (<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Сивицкий М.В.</i>)	62	Глава 4 Строительная культура Свияжска в XVI–XVIII вв. (<i>Ситдиков А.Г., Старков А.С.</i>)	223
Глава 5 Археология исторических поселений и городов Казанского ханства (<i>Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Нигаматов А.З.</i>)	91	Глава 5 Занятия, быт и материальная культура жителей Свияжска второй половины XVI–XVIII вв. (<i>Ситдиков А.Г., Старков А.С.</i>)	231
Глава 6 Хозяйство и материальная культура населения Казанского ханства (<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Валиев Р.Р., Хазиев А.И.</i>)	127	РАЗДЕЛ III Городские поселения Волго-Уралья середины XV – первой половины XVIII вв.	267
Глава 7 Великий Волжский путь и торговля в Казанском ханстве (<i>Ситдиков А.Г.</i>)	163	Глава 1 Нижнее Поволжье в XV – XVIII вв.	268
Глава 8 Эпиграфические памятники и письменная культура населения Казанского ханства (<i>Мухаметшин Д.Г.</i>)	171	Дельта Волги (конец XV – середина XVI вв.) (<i>Пигарев Е.М.</i>)	268
Глава 9 Население Казанского ханства: антропологическая характеристика (<i>Газимзянов И.Р.</i>)	184	Астрахань и ее округа в XV– XVIII вв. (<i>Васильев Д.В.</i>)	274
		Глава 2 Археология Касимова (<i>Ситдиков А.Г., Ахметгалин Ф.А., Беляев А.В., Хазиев А.И., Хамзин Р.Н.</i>)	295

ОГЛАВЛЕНИЕ

<p>Глава 3 Курмыш (Ситдииков А.Г., Ахметгалин Ф.А.)</p>		<p>Глава 3 О позднесредневековых кладбищах в Заказанье (Дроздова Г.И.)</p>	
<p>Глава 4 Чебоксары в XV–XVIII вв. (Федулов М.И.)</p>	315	<p>Глава 4 Эпиграфическая и письменная культура татар второй половины XVI–XVIII вв. (Мухаметшин Д.Г.)</p>	428
<p>Глава 5 Козьмодемьянск (Патрушев В.С.)</p>	321	<p>РАЗДЕЛ V Засечные черты в Волго-Уралье XVI – первой половины XVIII вв.</p>	431
<p>Глава 6 Царевококшайск Этапы становления города. Кремль (Патрушев В.С.)</p>	337	<p>Глава 1 Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XIX вв. (Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г.)</p>	447
<p>Посад и пригороды (Данилов П.С., Зеленеев Ю.А.)</p>	348	<p>Глава 2 Засечные линии Симбирского Поволжья в середине – второй половине XVII вв. (Дубман Э.Л.)</p>	471
<p>Глава 7 Города Вятского края (Егоров А.В., Кряжевских А.Л.)</p>	363	<p>Библиография</p>	483
<p>РАЗДЕЛ IV Погребальные памятники народов Волго-Уралья середины XV – первой половины XVIII вв.</p>	374	<p>Список сокращений</p>	515
<p>Глава 1 Марийские могильники XVI – первой половины XVIII вв. (Никитина Т.Б.)</p>	393	<p>Именной указатель</p>	517
<p>Глава 2 Погребальные памятники мордвы XVI – начала XIX вв. (Малкова Н.М.)</p>	394	<p>Указатель памятников</p>	520
	402	<p>Информация об авторах</p>	528

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ
ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)
ТОМ VII

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Художник
Садыков Р.Р.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Асылгараева Г.Ш.

На 1 странице обложки:
серебряная накладка с изображением барса
из раскопа LXV Казанского кремля

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2022 г.
Формат 60×84 ¹/₈
Печать офсетная. Усл. печ. л. 78,59
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии